

А. И. Вдовин

РУССКИЕ В XX ВЕКЕ

ТРАГЕДИИ И ТРИУМФЫ ВЕЛИКОГО НАРОДА

МОСКВА, ВЕЧЕ

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2)
В25

В оформлении обложки использован фрагмент картины
М.И. Хмелько «Триумф победившей Родины» (1949)

Вдовин, А. И.
В25 Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа / А.И. Вдовин. — М.: Вече,
2013. — 624 с.

ISBN 978-5-4444-0666-3

Знак информационной продукции +16

В книге раскрываются идейные основания национальной политики в СССР и Российской Федерации. Прослеживаются основные тенденции, проблемы и противоречия в развитии народа на этапах революционных преобразований, великих побед, поражений и надежд на лучшее будущее. Особое внимание уделяется русскому народу как системообразующему ядру новой исторической общности, формирующейся в СССР — России на протяжении столетия. Приводятся факты, не укладывающиеся в концепцию о торжестве ленинско-сталинской национальной политики в советское время. Выявляются наиболее значимые факторы, определявшие изменения в государственной национальной политике. С учетом исторического опыта и с точки зрения русских национальных интересов формулируются принципы реформирования российской (русской) государственности.

Книга адресуется всем интересующимся отечественной историей, политологией, всем неравнодушным к судьбе российского государства, русского и российских народов, их исторической общности. Издана в авторской редакции.

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2)

ISBN 978-5-4444-0666-3

© Вдовин А. И., 2013
© ООО «Издательство «Вече», 2013 {2}*

*Посвящается
светлой памяти родителей:
Ивана Григорьевича и
Елизаветы Яковлевны
Вдовиных {3}*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Большевистская революция в России 1917 года означала (если иметь в виду только национальный вопрос и сферу межнациональных отношений в стране и мире), что пришедшая к власти партия получила возможность направлять в соответствии со своими политическими программами процессы сближения и слияния наций в стране и мире. Курс на мировую революцию означал разрыв с идеями патриотизма, начало строительства единой мировой социалистической республики и, соответственно, новой мировой социалистической общности людей, призванной ликвидировать со временем бывшие государственные и национальные различия на планете. Представления о безнациональном будущем человечества были свойственны не только большевикам. Они издавна питались космополитическими и интернационалистскими идеями, слабо различавшимися между собой. Эти идеи были присущи значительной части российских интеллигентов, оппозиционных дореволюционному политическому режиму.

Один из первых приверженцев таких идей, молодой Ф. М. Достоевский утверждал: «Социалисты происходили от петрашевцев»¹, от кружка российских интеллигентов, существовавшего в 1844—1849 годах. Вслед за М. В. Буташевичем-Петрашевским многие из них полагали, что «социализм есть доктрина космополитическая, стоящая выше национальностей: для социалиста различие народностей исчезает, есть только люди»². Книга «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев» содержит пояснение, что-де термин «космополитизм» употребляется в смысле «интернационализма и гуманизма»³. Однако это не совсем так. Лидер петрашевцев был убежден, что в исторической перспективе в мире исчезнут не только вражда, но и различия между народами, что нации по мере своего развития утрачивают свои признаки и что, только утрачивая эти свои отличительные, природные свойства, они могут стать «на высоту человеческого, космополитического развития»⁴. {5}

Подобные представления о национализме и космополитизме развивали и ближайшие предшественники российских социал-демократов и большевиков, например, идеологи народничества П. Л. Лавров и П. Н. Ткачев. Последний, по определению Н. А. Бердяева, «более чем кто-либо должен быть признан предшественником Ленина»⁵.

Согласно Лаврову, в 40-х годах XIX века интернационалисты в лице К. Маркса и его последователей возродили космополитическую традицию энциклопедистов XVIII века, придав ей иной характер и найдя себе иную социальную базу. Подобно космополитам новые интернационалисты не видели в нациях какой-либо самостоятельной исторической ценности. Напротив, они полагали, что национальности есть лишь «остатки доисторического периода человечества или бессознательные продукты его истории». Сама по себе национальность, говорил Лавров, — «не враг социализма, как современное государство; это не более, как случайное пособие или случайная помеха деятельности социализма». Вместе с тем сторонникам социализма поневоле приходилось действовать в национальной среде, и для успеха этой деятельности социалист, по Лаврову, в сущности, был обязан выступать как «самый ревностный националист»⁶.

В наши дни в наиболее доходчивом виде феномены «национализм» и «националист» объясняются следующим образом: «Национализм — это идеология, которая провозглашает нацию, как бы эта нация ни понималась, высшей ценностью. Таким образом, националисты — это те, кто говорят, что благо моего народа, мой народ, точнее, являются высшей ценностью, и все действия должны соизмеряться с этим критерием. Более того, национализм — это не только политическая идеология; более важно, что национализм — это психическая культурная норма. Быть националистом — это значит быть нормальным человеком»⁷. Между национализмом и патриотизмом много общего, но есть и различие. «Патриотизм чаще всего требует лояльности и даже преданности существующему государству (со всем его аппаратом управления, принуждения и т.д.), национализм же будет настаивать на трансформации государства в национальных интересах. Для националиста первичен народ, нация, а патриот-государственник, ведомый этатизмом, оправдывает зачастую преступления, совершенные своим государством (наши “сталинисты” — нагляднейший пример)»⁸. Соответственно, русский национализм как политическое и идейное течение стремится к тому, чтобы Россия была национальным государством русского народа. «Национальное государство русского народа — это государство, которое признает, что оно а) создано русским народом, б) существует в интересах его процветания и развития, в) не может ставить какие-то другие интересы и ценности выше интересов и ценностей русского народа»⁹.

В понимании П. Л. Лаврова деятельность националиста прямо противоположна по своим целям. Он стремится ввести людей своей нации как можно лучше в работу социалистических

идей с тем, чтобы в конце концов национальные различия между людьми были преодолены и забылись¹⁰. {6}

«Социальный вопрос есть для нас вопрос первостепенный», — значилось в программном документе П. Л. Лаврова (1873), национальный же вопрос должен совершенно исчезнуть перед важными задачами социальной борьбы, для которой границ, языков, преданий не существует, «есть только люди и общие им всем цели». Эти принципы неизбежно требовали самой решительной борьбы против национальной раздельности: «Каждая нация должна делать свое дело, сходясь в общем стремлении к общечеловеческим целям». Считалось, что по достижении этих целей национальности «вступят равноправными членами в будущий строй федерационной Европы», внутренние границы в которой с самого начала будут иметь крайне мало значения, а по мере дальнейшего развития и само различие национальностей станет лишь «бледным преданием истории, без практического смысла»¹¹.

Еще определеннее и резче по национальному вопросу высказывался П. Н. Ткачев, выступая против тех, кто пытался сочетать приверженность к социализму с приверженностью к национальности. Наиболее значимые мысли, изложенные в этой связи Ткачевым в обширной статье-рецензии «Революция и принцип национальности» (1878), в кратком изложении сводятся к следующему. Между образованными людьми, между людьми психически развитыми нет и не может быть ни эллинов, ни иудеев, есть только люди. Интеллектуальный прогресс стремится уничтожить национальные особенности, которые именно и слагаются из бессознательных чувств, привычек, традиционных идей и унаследованных предрасположений. Все главнейшие факторы буржуазного прогресса — государство, наука, торговля, промышленность — имеют одну и ту же общую тенденцию: все они в большей или меньшей степени стремятся сгладить национальные особенности, когда-то резко разделявшие между собой людей, стремятся смешать последних в одну общую однородную и одноформенную массу и вылить их в один общенациональный, общечеловеческий тип. Восставать против этого нивелирующего и космополитизирующего влияния прогресса могут лишь «социалисты по недоразумению». Принцип национальности несовместим с принципом социальной революции, и он должен быть принесен в жертву последнему — это одно из элементарных требований настоящего социалиста. Заключая рассуждение, Ткачев вновь подчеркивал: невозможно в одно и то же время быть социалистом и оставаться националистом; между принципом социализма и принципом национальности существует непримиримый антагонизм¹².

Носители подобных взглядов искренне не замечали, что их космополитизм может быть истолкован в националистическом духе и восприниматься со стороны как великодержавный шовинизм численно и культурно доминирующего народа. Напротив, они всячески пропагандировали необходимость уважения каждой народности. Социалист, как подчеркивал Ткачев, обязан был действовать, «не оскорбляя ничьего национального чувства, напротив, пользуясь им во всех тех случаях, где это может быть полезно для дела революции, он не должен, однако же, раздувать его какими бы то ни было искусственными мерами; с одной стороны, он должен {7} содействовать всему, что благоприятствует устранению перегородок, разделяющих народы, всему, что сглаживает и ослабляет национальные особенности; с другой — он должен самым энергическим образом противодействовать всему, что усиливает и развивает эти особенности. И он не может поступать иначе»¹³. На наш взгляд, лекция П. Л. Лаврова и урок, преподанный П. Н. Ткачевым автору «Записок южнорусского социалиста», были особенно хорошо усвоены и применены позже на практике Лениным и Сталиным.

Враждебностью к национальным идеям и национализму отличалось масонство — религиозно-этическое и политическое движение, известное в Западной Европе со Средних веков. Оно было занесено в Россию со времен Петра Первого и резко политизировалось с начала XX в. Согласно Конституции Великой ложи Франции, «конечное стремление масонов — объединение на основе свободы, равенства и братства всех людей, без различия рас, племен, наций, религий и культур в один всемирный союз для достижения царства Астреи [богиня справедливости в мифологии Греции], царства всеобщей справедливости и земного Эдема»¹⁴. С точки зрения этой космополитической идеологии препятствием к раю на земле служат национальные государства, которые должны пасть перед единым сверхгосударством, в котором мерилем всех вещей станет человеческий разум¹⁵. Известно, что масонами были 23 из 27 (85 %) преданных суду декабристов¹⁶, а ко времени Февральской революции сеть масонских лож покрывала всю Россию, захватив высшие и даже придворные круги. Из 26 членов временных правительств, унаследовавших царскую власть, 22 (85 %) были масонами, включая председателей правительства князя Г. Е. Львова и А. Ф. Керенского. В Петроградском совете и председатель, и оба его заместителя являлись масонами. Поистине в

феврале 1917 года «в России свершилась масонская революция»¹⁷. Несомненно, космополитизация населения России получила бы развитие при удержании масонской власти на длительное время.

Ленин и большевики вслед за своими учителями считали себя не космополитами, а интернационалистами, которым полагалось не отрицать национальности как таковые и даже за малейшей национальностью признавать право на свободное и самостоятельное существование. Тем не менее Ленин видел задачу своей пролетарской партии в том, что она «стремится к сближению и дальнейшему слиянию наций»¹⁸, что никакого противоречия между пропагандой свободы отделения наций и пропагандой их слияния «нет и быть не может»¹⁹. В марте 1919 года он солидаризировался с Г. Л. Пятаковым в том, что мир без наций — «это великолепная вещь и это будет», и сожалел лишь о том, что будет это не скоро²⁰.

В сознании социал-демократов быть интернационалистом значило отрешиться не только от национальных пристрастий и антипатий, но и от национальности как таковой. Многие из видных большевиков открыто кичились своей анациональностью. В. И. Ленин при заполнении формуляра паспорта демонстративно написал о себе: «Без национальности»²¹. Л. Д. Троцкий, поясняя свою позицию в национальном вопросе, {8} писал в своей автобиографии «Моя жизнь» (1930): «Национальный момент, столь важный в жизни России, не играл в моей личной жизни почти никакой роли. Уже в ранней молодости национальные пристрастия или предубеждения вызывали во мне рационалистическое недоумение, переходившее в известных случаях в брезгливость, даже в нравственную тошноту. Марксистское воспитание углубило эти настроения, превратив их в активный интернационализм»²². Отвечая на вопрос, кем он себя считает — евреем или русским, Троцкий говорил: «Ни тем, ни другим. Я социал-демократ, интернационалист»²³. Л. Б. Каменев тоже не считал себя евреем²⁴. Л. М. Каганович подчеркивал, что евреем был только по рождению, но «никогда не руководствовался в своей работе национальными мотивами. Я интернационалист»²⁵. Л. З. Мехлис утверждал: «Я не еврей, я — коммунист»²⁶. По свидетельству коллег, известный историк, профессор Московского университета А. Я. Аврех гордился тем, что был «ни евреем, ни русским, а только марксистом-интернационалистом»²⁷.

В этом отношении можно обратить внимание на любопытную характеристику К. Радека, приведенную в книге современного автора, с симпатией относящегося к этому историческому персонажу. «Карл Радек, — пишет В. А. Фрадкин, — был человеком незаурядным, заметным, любопытным, одаренным, одним из самых известных и влиятельных журналистов СССР того времени. А с другой стороны, Карл Радек — типичный деятель международного авантюрного толка, приверженец космополитизма, воспринимаемого часто как интернационализм. При чтении всевозможных материалов и воспоминаний о Радеке складывается впечатление, что он не верил ни в Бога, ни в черта, ни в Маркса, ни в мировую революцию»²⁸. Как видим, «космополитизм» здесь выступает родовым понятием, а интернационализм — одним из видов последнего. «Среди большевиков нет евреев, есть лишь интернационалисты», — эту фразу и различные ее вариации твердили десятки русских большевиков, родившихся евреями. Считается, что отношение к России, к русской нации, продемонстрированное лидерами большевиков и ультраинтернационалистами в послереволюционные годы, было следствием не их этнического происхождения, а «интернационально-космополитического мировоззрения»²⁹.

Здесь уместно сделать пояснение о характере связи, существующей между понятиями «интернационализм» и «космополитизм». На наш взгляд, она обнаруживает себя в следующем. В определенном смысле различие между этими понятиями существенно и принципиально, поскольку базируется на различном классовом основании. Можно сказать, космополитизм — это интернационализм капитала, интернационализм буржуазии. Интернационализм — это космополитизм рабочего класса, «красный космополитизм». В другом отношении, особенно важном для анализируемой нами проблемы, различия между интернационализмом и космополитизмом не существует; они преследуют одну и ту же цель — слияние наций. Возможно, этим можно объяснить позицию одного из свидетелей «последнего сталинского злодеяния». Осмысливая в течение многих лет «дело {9} врачей» и предшествующую ему борьбу с космополитизмом, Я. Л. Рапопорт в своей книге «На рубеже двух эпох» отметил: «Борьба с космополитизмом не имела ничего общего с теоретической принципиальной дифференциацией двух понятий: космополитизм и интернационализм. Когда-то в трудах теоретиков марксизма они мирно уживались, научно анализировались и не были в такой острой непримиримой вражде, как в описываемый период 1940-х годов»³⁰.

Некоторые основания для такого утверждения имеются. Составители выпущенного в 1926 году «Настольного энциклопедического словаря-справочника» во главе с П. И. Стучкой полагали,

например, что «в основе идеологии фашизма лежит националистический патриотизм, резко противопоставляемый социалистическому космополитизму»³¹. Без каких-либо изменений это положение включено во второе издание³². В третьем издании (1929) «националистический патриотизм» в той же словарной статье о фашизме противопоставлен уже «социалистическому интернационализму»³³. Каких-либо объяснений необходимости такого уточнения справочник не содержит. Надо полагать, самые широкие читательские круги, которым эти издания предназначались, на весьма авторитетном «энциклопедическом» основании могли отождествлять социалистический интернационализм с социалистическим космополитизмом.

«Диаметрально противоположные позиции», на которых якобы стоят космополиты и интернационалисты, в специальной работе Е. Д. Модржинской, первом обстоятельном исследовании проблем космополитизма в советской литературе, изображаются так: «Космополитизм, отрицающий национальный суверенитет, попирающий права народов на свободу и независимость, призывает к слиянию наций насильственным путем, требуя фактически порабощения и закабаления всех народов мира империализмом»³⁴. Но здесь же читаем: «Слияние наций является целью коммунистов, но на совершенно иной основе. Перспективу слияния наций марксистско-ленинская теория рассматривает с точки зрения объективного процесса общественного развития. Слияние наций может наступить только в результате длительного исторического развития, в результате освобождения наций и расцвета национальных культур»³⁵. Однако утверждения насчет демагогии и лицемерия космополитов, которыми прикрывается негодная цель — ликвидация наций и национальных культур, и идиллия будто бы полного доверия и добровольного согласия народов, шествующих за пролетарскими интернационалистами по мирному пути слияния наций, в наши дни могут служить разве что примером того, как философы в недавние времена могли выдавать желаемое за действительное.

Космополиты и интернационалисты по общим основаниям и целям их доктрин враждебны национальной идее и нации как таковой. Например, когда представители евреев, ратовавшие за создание условий «возрождения и расцвета» своего народа, обратились в апреле 1920 года за поддержкой к Ленину (ходатаем выступал М. Горький), они встретили полное непонимание. Ленин категорически заявил, что к сионизму он {10} относится крайне отрицательно. Во-первых, сказал Ленин, национальные движения реакционны, ибо история человечества есть история классовой борьбы, в то время как нации — выдумка буржуазии; и потом, главное зло современности — государство с их армиями. Государство является орудием, с помощью которого меньшинство властвует над большинством и правит всем светом. Основная цель — уничтожение всех государств и организация на их месте союза коммун. Сионисты же мечтают, как бы прибавить еще одно национальное государство к уже существующим³⁶.

Враждебность космополитов и интернационалистов национальной идее находила свое крайнее выражение в попытках игнорирования, «отмены», нигилистическом отношении к нации. Можно назвать это ультраинтернационализмом, вульгарным интернационализмом. Общность космополитизма и интернационализма проявляется в попытках форсирования интеграционных, объединительных процессов в многонациональных сообществах, в ускорении сближения и слияния наций (это — «нормальный», «правильный» интернационализм). При угасании революционного запала и классового шовинизма интернационализм начинает трактоваться как «дружба» и «братство» народов без учета и безотносительно к их классовой структуре и характеру межнационального сближения. Такой интернационализм, по Ленину, ничего общего с настоящим, пролетарским не имеет. И называл он его не иначе как «мелкобуржуазный национализм»³⁷.

Формулируя тезисы ко II конгрессу Коминтерна (июнь 1920 г.), Ленин призывал к борьбе с «наиболее закоренелыми мелкобуржуазно-национальными предрассудками», которая «тем более выдвигается на первый план, чем злободневнее становится задача превращения диктатуры пролетариата из национальной (т.е. существующей в одной стране и неспособной определять всемирную политику) в интернациональную (т.е. диктатуру пролетариата по крайней мере нескольких передовых стран, способную иметь решающее влияние на всю мировую политику)»³⁸. Соответственно определялся и пролетарский интернационализм, требующий: 1) подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе; 2) способности и готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала³⁹. Трактовка же интернационализма в духе равноправия и дружбы народов, как тогда же отмечал Ленин, соответствовала мелкобуржуазным представлениям об этом феномене. «Мелкобуржуазный национализм, — писал он, — объявляет интернационализмом признание равноправия наций и только, сохраняя... неприкосно-

венным национальный эгоизм»⁴⁰. Подлинный же интернационалист, по Ленину, обязан считать националистическими мещанами всех, кто защищает лозунг национальной культуры⁴¹, и должен следовать императиву: «Не “национальная культура” написано на нашем знамени, а *интернациональная* (международная), сливающая все нации в высшем социалистическом единстве»⁴². {11}

С этой точки зрения известную формулу о расцвете при социализме национальной по форме и социалистической по содержанию культуры следует понимать как национальную по форме и денационализированную по содержанию. В результате этого процесса нации должны были исчезнуть. С отказом от социализма оставшиеся от советских времен «национальные формы» наполняются реальным, не социалистическим содержанием. В действительности социалистическое денационализированное содержание вытесняется воскресающим родоплеменным, феодальным и буржуазным (национальным и космополитическим) содержанием.

Таким образом, можно утверждать, что русскому человеку и всему российскому обществу на протяжении всего XX века в идейном плане постоянно предлагался выбор жизненных ориентиров — национализм (приверженность ценностям и интересам нации) и космополитизм, интернационализм в его социалистическом варианте. Главный выбор нашего времени заключается также в выборе между национализмом и космополитизмом в исконных значениях. {12}

ГЛАВА 1. РУССКИЙ НАРОД В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ И ИДЕОЛОГИИ 1917-ГО — НАЧАЛА 1930-Х ГОДОВ

ЗАПУСК МЕХАНИЗМОВ СБЛИЖЕНИЯ И СЛИЯНИЯ НАЦИЙ

Как известно, основоположники марксизма вынесли суровый приговор нациям и существующим национальным государствам. Они утверждали, что «национальная обособленность и противоположности народов все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком»⁴³; с уничтожением частной собственности национальные черты народов «неизбежно будут смешиваться и таким образом исчезнут»⁴⁴. Развивая эти положения, В. И. Ленин писал об «идиотской системе мелких государств и национальной обособленности, которая, к счастью человечества, неудержимо разрушается всем развитием капитализма»⁴⁵, и о том, что социализм «гигантски ускоряет сближение и слияние наций»⁴⁶ и должен завершить это разрушение: «Целью социализма является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их»⁴⁷.

В 1915 году Ленин вывел из «закона неравномерности экономического и политического развития капитализма» возможность победы социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране. Дальнейшие события рисовались следующим образом: «Победивший пролетариат этой страны... организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств»⁴⁸. Угнетенные нации, национализм, сепаратизм антиколониальных, национально-освободительных движений в этой борьбе оказывались естественными союзниками пролетариата, они поддерживали все элементы распада в мире, подлежащем социалистической перестройке. Ленин учил далее, что поскольку национальные различия невозможно уничтожить {13} одним разом и при социализме, то все искусство «интернациональной тактики коммунистического рабочего движения всех стран» заключается в таком применении «основных принципов коммунизма (Советская власть и диктатура пролетариата), которое бы правильно видоизменяло эти принципы в частностях, правильно приспособляло, применяло их к национальным и национально-государственным различиям»⁴⁹.

Соответственным было и отношение к отечеству. С социалистической точки зрения отечество рассматривалось «как историческая категория, отвечающая развитию общества на определенной его стадии, а затем становящаяся излишней»; пролетариат не мог «любить того, чего у него нет. У пролетариата нет отечества»⁵⁰. Однако это не значило, что родину можно было просто игнорировать. «Отечество, — писал Ленин, — т.е. данная политическая, культурная и социальная среда, является самым могущественным фактором в классовой борьбе пролетариата». Фактор этот, как и судьба страны, должен был приниматься в расчет и интересоваться пролетариат лишь постольку, поскольку это касалось классовой борьбы, «а не в силу какого-то буржуазного, совершенно неприличного в устах с[оциал] - д[емократа] “патриотизма”»⁵¹. Столь же неприличными

казались и любое, не окрашенное пролетарским цветом национальное движение и национальное государство. Не будем забывать, что, по Ленину, «национальные движения реакционны... главное зло современности — государства... Основная цель — уничтожение всех государств и организация на их месте союза коммун»⁵².

Призывы к защите отечества при таком понимании патриотизма и будущности государств с легкостью обращались в прямую противоположность. В 1914 году, в условиях войны, Ленин полагал, что «нельзя великороссам “защищать отечество” иначе, как желая поражения во всякой войне царизму»; это не только могло освободить 9 / 10 населения Великороссии от угнетения царизмом экономически и политически, но и освобождало бы «от насилия великороссов над другими народами»⁵³. Подчеркивалось, что «поражение» было бы «наименьшим злом... Ибо царизм во сто раз хуже кайзеризма»⁵⁴.

В условиях Гражданской войны в России тоже звучали призывы к защите отечества. «Мы оборонцы с 25 октября 1917 года. Мы за “защиту отечества”, — писал Ленин в 1918 году, — но та отечественная война, к которой мы идем, является войной за социалистическое отечество, за социализм, как отечество, за Советскую республику, как отряд всемирной армии социализма». Соотечественниками было предложено считать пролетариев всего мира, а лучшими из них — рабочих Германии. «Ненависть к немцу, бей немца» — таков был и остался лозунг обычного, т.е. буржуазного, патриотизма, — разъяснял Ленин. — А мы скажем... “смерть капитализму” и вместе с тем: “Учись у немца! Оставайся верен братскому союзу с немецкими рабочими. Они запоздали прийти на помощь к нам. Мы выиграем время, мы дождемся их, они придут на помощь к нам”»⁵⁵. Расчеты не оправдались, но Ленин сохранял веру в новых «соотечественников» и к концу Гражданской войны. Вскоре после победы пролетарской {14} революции хотя бы в одной из передовых стран Россия делается, полагал он, «не образцовой, а опять отсталой (в “советском” и социалистическом смысле) страной»⁵⁶. Эта мысль постоянно звучала в речах приверженцев мировой революции. Г. Е. Зиновьев, председатель Исполкома Коминтерна, верил, что уже III конгресс этого штаба мировой революции «будем проводить в Берлине, затем в Париже, Лондоне»⁵⁷. «В Москве мы находимся лишь временно, — говорил он в 1924 году. — Пожелаем, чтобы это время было как можно более коротким»⁵⁸.

Таким образом, стратегия марксистско-ленинской национальной политики определялась целью слить нации. Остальное относилось к тактике. Представления о нациях и отечестве как явлениях, становящихся излишними при социализме, переводили традиционное национальное самосознание и патриотизм в разряд предрассудков, свойственных отсталым людям, в наибольшей мере — крестьянским массам. Для интернационалистов, как отмечалось на XII съезде партии, «в известном смысле нет национального вопроса»⁵⁹. Многие из них на вопрос о своей национальной принадлежности отвечали: революционер, коммунист. В 1918 году Л. Д. Троцкий заявил на митинге в Петрограде: «Настоящий революционер не имеет национальности. Его национальность — рабочий класс». Тогда же по стране пошел слух, что национальности отменены. Позже комсомольцы заявляли: «Теперь нам, комсомольцам, национальность не нужна. Мы — советские граждане!»⁶⁰ М. И. Калинин считал: «Национальный вопрос — это чисто крестьянский вопрос... Лучший способ ликвидировать национальность — это массовое предприятие с тысячами рабочих... которое, как мельничные жернова, перемалывает все национальности и выковывает новую национальность. Эта национальность — мировой пролетариат»⁶¹. Национальная политика партии при таких убеждениях и устремлениях означала, по краткому определению Сталина, «политику уступок националам и национальным предрассудкам»⁶², которая щадила бы их национальные чувства в ходе «перемалывания». Тактика временных уступок была оборотной стороной национального нигилизма, определявшего стратегию национальной политики.

Внутренняя противоречивость ленинской национальной политики во многом обесценивала, казалось бы, трезвые оценки сложности и длительности процесса слияния наций. К примеру, Ленин в начале 1916 года писал: «К неизбежному слиянию наций человечество может прийти лишь через переходный период полного освобождения всех угнетенных наций, т.е. их свободы отделения»⁶³. Однако Сталин, видимо, полагал, что в условиях России этот период заканчивался с окончанием Гражданской войны. «Требование отделения окраин на данной стадии революции глубоко контрреволюционно», — писал он в октябре 1920 года⁶⁴. Г. Е. Зиновьев считал: «Создание Союза Советских Социалистических Республик показало, что у нас национальный вопрос решен»⁶⁵.

Захватив власть, большевики сознавали, что они меньше всего могут склонить народы России на свою сторону призывами к борьбе {15} за осуществление конечной цели в национальном вопросе. В дело сразу пошло «приспособление принципов коммунизма к национальным предрас-

судкам». Советская национальная политика с этого времени определялась главным образом идеями популизма, созвучными народным ожиданиям (подчас неосуществимым) и вере в возможность скорейшего и справедливого разрешения национальных проблем, и прагматизмом, ориентированным на скорейшее достижение практически полезных результатов. Собственно, никакой иной национальной политики на протяжении всех последующих лет советской власти и не было.

Так, «Декларация прав народов России» от 2 ноября 1917 года провозглашала немедленное и бесповоротное раскрепощение народов, уничтожение всяческого гнета и произвола, замену политики натравливания народов друг на друга политикой добровольного и честного союза народов России. Гарантировались «равенство и суверенность народов России», их право «на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства»⁶⁶. «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» (12 января 1918 г.) устанавливала, что «Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик»⁶⁷. Это означало, что уже в первые недели существования новой власти пришлось отложить до лучших времен предписание насчет того, что «пролетариат может употребить лишь форму единой и неделимой республики»⁶⁸, что «марксисты ни в коем случае не будут проповедовать ни федеративного принципа, ни децентрализации»⁶⁹, что национальный мир вполне достижим (как полагает и автор этих строк) в единой республике с широкой областной автономией для всех областей России и вполне демократическим местным самоуправлением⁷⁰.

Страна, рожденная Октябрем, первое время именовалась Советской Российской республикой. Однако уже через месяц, опасаясь распада многонационального государства при унитарной форме правления и стремясь перехватить инициативу в борьбе за массы, Ленин провозгласил: нечего бояться раздробления России. «Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем, для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранялся союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций»⁷¹. На III съезде Советов 25 января 1918 года Российская республика была объявлена федерацией советских национальных республик, хотя таковых еще не было в природе.

Сделано это, конечно, было отнюдь не потому, что мелкие государства и присущий им «местный национализм» были большевистским идеалом, а исключительно из популистских соображений — для создания «благоприятной атмосферы» в борьбе за власть в национальных регионах. Ленин всячески приветствовал образование многочисленных временных советских правительств при продвижении революционных армий на «несоветскую» территорию. «Это обстоятельство имеет ту хорошую сторону, — разъяснялось {16} в телеграмме Главкому И. И. Вацетису от 29 ноября 1918 года, составленной Сталиным и дополненной Лениным, — что отнимает возможность у шовинистов Украины, Литвы, Латвии, Эстляндии рассматривать движение наших частей как оккупацию и создает благоприятную атмосферу для дальнейшего продвижения наших войск. Без этого... население не встречало бы их, как освободителей. Ввиду этого просим дать... указание о том, чтобы наши войска всячески поддерживали временные Советские правительства Латвии, Эстляндии, Украины и Литвы, но, разумеется, только Советские правительства»⁷². «Местный национализм», таким образом, использовался для захвата власти в России и при попытках распространить эту власть повсеместно в ходе мировой революции. По словам Н. И. Бухарина, «национализм, как и сепаратизм колониального, национального движения», нужно было использовать как «элементы распада», как «разрушительные силы, которые объективно ослабляют мощь... государства»⁷³, подлежащего социалистической перестройке. По одной из оценок, «правильная политика партии в национальном вопросе... облегчала нам победу над эсерами и меньшевиками, над Деникиным и Колчаком по крайней мере на 50 %»⁷⁴.

Творцов революции не смущало, что при последовательной реализации принципов Декларации прав народов равноправных субъектов федерации будет столько же, сколько суверенных народов объявится в России. Видимо, не это считалось важным. Существенным было то, что федерация приспособлялась для ее расширения до вселенских масштабов. В первой советской Конституции, 1918 года прямо говорилось, что основной задачей РСФСР является «установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах». Конституция СССР 1924 года объявляла образование Союза ССР «новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в мировую социалистическую Советскую Республику»⁷⁵.

Адепты мировой республики без устали раздавали обещания о помощи всем «угнетенным» народам. Начиналось это задолго до революции. «Когда будем правительством, — писал Ленин в 1916 году, — мы все усилия приложим, чтобы с монголами, персами, индийцами, египтянами

сблизиться и слиться, мы считаем своим долгом и своим интересом сделать это, ибо иначе социализм в Европе будет непрочен. Мы постараемся оказать этим отсталым и угнетенным более, чем мы, народам “бескорыстную культурную помощь”, по прекрасному выражению польских социал-демократов, т.е. помочь им перейти к употреблению машин, к облегчению труда, к демократии, к социализму»⁷⁶. В 1921 году при конкретизации таких прекрасноречивых обещаний применительно к России было сформулировано одно из центральных положений всей послеоктябрьской советской национальной политики: «Суть национального вопроса в РСФСР состоит в том, чтобы уничтожить ту фактическую отсталость (хозяйственную, политическую и культурную) некоторых наций, которую они унаследовали от прошлого, чтобы дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношениях»⁷⁷. {17}

Но каким образом отставший народ может догнать ушедший вперед? Для этого, по смыслу выработанной на X съезде РКП(б) резолюции, отставшим народам надо было полностью использовать право на свободное национальное развитие. Иначе говоря, развиваться быстрее ушедших вперед за счет большего напряжения усилий и более эффективного использования всех внутренних ресурсов национального развития, опираясь при этом на опыт передовых народов. Партия обязывалась помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед Центральную Россию, помочь им: «а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке... для ускоренной подготовки туземных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления, и прежде всего в области просвещения»⁷⁸.

Однако помощью советами и организацией ударной работы «отсталых народов» партия не ограничилась. На всеобщее понимание и добровольность в таком деле (уничтожение фактического неравенства народов) рассчитывать было трудно. Приходилось не только призывать, но и приказывать. В докладе на X съезде РКП(б) об очередных задачах партии в национальном вопросе было прямо сказано, что только «одна нация, именно великорусская, оказалась более развитой... Отсюда фактическое неравенство... которое должно быть изжито путем оказания хозяйственной, политической и культурной помощи отсталым нациям и народностям»⁷⁹. Не проявлявшие готовности должным образом помогать представители более развитой нации рисковали быть обвиненными в великорусском национализме или в уклоне к нему. Представители «отсталых» окраинных народов, не желавшие перестраиваться на социалистический лад с помощью партии и центральной России, попадали в разряд местных националистов.

Приципиальные положения X и XII съездов РКП(б) об интернациональном долге русского народа — оказать всемерную помощь национальным окраинам в подъеме экономики и культуры, тезис Ленина о том, что ранее господствовавшая нация должна возместить бывшим угнетенным народам несправедливость, допущенную при царизме, — эти идеологические установки рождали в национальных республиках и автономиях ложное представление: объектом государственной политики по переустройству социально-экономической жизни должны быть в первую очередь народы национальных окраин; что касается граждан губерний, населенных, в основном, русскими, они в таком внимании государства не нуждаются⁸⁰. {18}

РУССКИЕ ОБЯЗАНЫ ВОЗМЕСТИТЬ ДРУГИМ НАРОДАМ НЕРАВЕНСТВО?

Социализм виделся Ленину обществом, которое «гигантски ускоряет сближение и слияние наций»⁸¹. Ради скорейшего достижения этой цели от русской нации требовалось возместить другим нациям «то неравенство, которое складывается в жизни фактически»⁸². Интернационалист Н. И. Бухарин говорил на XII съезде партии (1923), что русский народ необходимо искусственно поставить в положение более низкое по сравнению с другими народами и этой ценой «купить себе настоящее доверие прежде угнетенных наций»⁸³. М. И. Калинин призывал поставить малую национальность в «заметно лучшие условия» по сравнению с большой⁸⁴. Эти установки в той или иной мере проводились в жизнь до тех пор, пока существовал Союз ССР, они же, на наш взгляд, в определенной степени обусловили его распад.

В постсоветский период утверждается, что интернационализм надо понимать как «движение к другим народам, стремление жить с ними в мире и согласии, обмениваться культурными ценностями», а «историческая миссия многонационального государства состоит в том, чтобы привести свои нации в мировое содружество»⁸⁵. Это, скорее, уже некий выхолощенный, «мелкобуржуазный» интернационализм, весьма далекий от своего настоящего прародителя и предназначения, к тому же, как видим, вполне мирно объединенный со своим собратом и неприятелем космополитизмом. При характеристике современных общественных движений и общественного сознания места для интернационалистов порой уже и вовсе не находится. Например, отмечается, что русская нация ныне разделилась на два непримиримых лагеря: «В одном — великодержавники, славянофилы и евразийцы, в другом — западники, интеграллисты или космополиты»⁸⁶.

Впрочем, сегодня всякому, кто отвергает коммунизм как цель общественного развития (и, соответственно, отказывается от идеологии, обосновывающей достижение этой цели), не остается ничего другого, как предать забвению и принципы интернационализма, и само это понятие. Ближайшим понятием, способным заменить «интернационализм», оказывается «космополитизм». К примеру, преимущества «красных директоров» перед приверженцами нового курса на капитализацию России А. С. Ципко видит в том, что эти директора — «все еще советские люди, не имеют национальных пристрастий и привычки выяснять, у кого сколько “русской крови”». Они куда более интернационалисты и космополиты, чем вожди беловежской партии»⁸⁷.

Однако последовательные сторонники космополитической идеи интернационалистов не жалуют. Их логика хорошо представлена в докладе знаменитого Герберта Уэллса «Яд, именуемый историей», с которым он неоднократно выступал во второй половине 1930-х годов. Писатель исходил из того, что опасность для мировой цивилизации заключена в самом существовании наций и их искусственном культивировании в каждой отдельной стране патриотами, а главным образом — историками. Последние, {19} говорил Уэллс, своим профессиональным интересом к прошлому чрезмерно подчеркивают общественные и экономические особенности народов, навязывают молодежи мысли о национальных различиях, учат быть гражданами и патриотами. А поступать во имя всеобщего благоденствия надо, по убеждению писателя, прямо наоборот. Если мы хотим, чтобы мир был единым, то, доказывал он, «мы не должны исходить из понятий нации, государства». Культурному учителю вообще не пристало говорить «*наша* национальность, *наш* народ, *наша* раса», ибо «вся эта банальная чепуха глупа и лжива». Все факты реальной действительности вопреки историческому прошлому свидетельствуют в пользу единого мирового государства — космополиса, естественного, а в современных условиях просто необходимого Всемирного Братства людей. Его созданию и должно было бы способствовать преподавание истории. В качестве первого шага в нужном направлении предлагалось устроить всеожжение старых учебников истории и отлучить от преподавания педагогов, для которых «исходное понятие — нация... излюбленное словечко — *интернациональный*, а не космополитический»⁸⁸. Как видим, само слово «интернациональный» отвергается, потому что в соответствии со своим латинским происхождением (*inter* — между и *patio*, *nationis* — народ) означает связь между реально существующими нациями. Нациям же, согласно Уэллсу и ему подобным радетелям человечества, не должно быть места ни в действительности, ни в мыслях.

Нынешние космополиты, равняясь на своих классиков, тоже порой представляют интернационалистов заурядными националистами, только с приставкой «интер». Утверждая, что сами создатели «научного коммунизма» были космополитами и этого не скрывали, один из новейших отечественных космополитов пишет, что последователи К. Маркса лишь произвели замену национальной вражды на вражду классовую, провозгласив ее более прогрессивной, более культурной, чем национальная. «Но кто измерит, — восклицает он, — какой национализм больше нанес страданий, больше пролил крови и слез: с приставкой “интер” или без таковой! Предпочтение любого из этих измов другому тем паче сомнительно, что слить классы оказывается не более реально, чем слить нации»⁸⁹. Единственный способ преодоления национализма усматривается в космополитизме, в отказе от патриотизма, национальной гордости, в освобождении от ощущений национального в себе. Ибо, как утверждается, именно национализм — от самых небезобидных форм национального эгоизма до патологии шовинизма — реальное состояние национального самосознания «я». Всякий патриот своей нации есть уже националист — эгоист, предпочитающий свою нацию любой другой⁹⁰; всякий, кто согласен подписаться под словами Г. Р. Державина «Мила нам добра весть о нашей стороне, / Отечества и дым нам сладок и приятен!»⁹¹ — это законченный национал-эгоист; национальная гордость — не что иное, как скользкая дорожка в национальную кичливость, ура-патриотизм, ксенофобию. Предлагается навеки реабилитировать киренаиков с их

формулой «где хорошо, там и отечество». Полагая, что «нейтральное проявление национального духа почти {20} невозможно», видимо, научившийся такому искусству автор утверждает: «*Космополитизм не отрицает национального самосознания, национальной культуры*»; всякому национализму должен быть противопоставлен «национальный альтруизм, то есть *космополитизм* — со вмещающий любовь к своему отечеству с любовью ко всему миру»⁹².

И все было бы хорошо в этих благостных призывах, если бы автор сообщил, какими реальными путями можно привести народы разных стран и национально-государственных образований в райскую страну, где все поклоняются апостолу Павлу с его заветом: «Несть эллин, несть иудей». Ю. М. Нагибин, например, считал, что осуществить апостольский завет очень просто. «Подставим под эллина русского, а под иудея все остальные нации, существующие на планете», — завещал он, в свою очередь, и проблема будет решена. Правда, почему-то он был убежден, что есть только один народ, не желающий этого. «Русские, конечно, перепугаются: пропадет богатство национальных красок. Ничего не пропадет»⁹³, — говорил он с такой уверенностью, будто держал в руках результаты референдума и все остальные народы уже сказали свое «да». Действительность, однако, заставляет сильно сомневаться в такого рода заверениях. Рецепт снадобья, которое излечивало бы патриотов от любви к родине, от национальных предпочтений и превращало бы их всех разом в национальных альтруистов, ни древними, ни новейшими космополитами не изобретен. Обращающиеся же в космополитическую веру одиночки способны лишь на подвиг самый прозаический — отправиться как можно скорее в открытое еще в V веке до новой эры киренаиками место, где всегда лучше, чем на родине, и где дым былого отечества не раздражает.

Правда, и проповедники космополитизма в утверждении своих взглядов ведут себя порой не менее воинственно, чем шовинисты. В одном из выпусков публицистических выступлений писателей Москвы и Санкт-Петербурга в поддержку Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцину был адресован весьма своеобразный упрек за потакание «парламентскому большинству», на языке Ю. Нагибина — «сброду хасбулатовских прихвостней». «Вы пропустили мимо ушей, — писал он, — вещие слова Лермонтова: “Злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал”. И он приполз, этот злой чечен, на берег Москвы-реки, наводнив город своими воинственными соплеменниками, которые терроризируют рынки, убивают шоферов такси, стреляют в ресторанах и вывозят из Москвы несметные сокровища. А главный герой с жестокой настойчивостью рвется в маленькие Сталины. А может, русскому народу захотелось по-мазохистски после норманнов, татар, ляхов, французов, остзейских немцев, евреев, грузин и украинских кацапов попробовать чеченской плети? Как-то не хочется этому верить...»⁹⁴ Не хочется верить и глазам своим, читая подобное. Видимо, некоторые последователи Диогена Синопского готовы вслед за ним не только слыть гордым космополитом, но и от излишков культуры избавиться. Первый «гражданин мира», как известно, всю культуру объявлял насилием над человеческим существом и был преизрядным циником. {21}

Современные троцкисты также не видят каких-либо различий между интернационализмом и космополитизмом. Они заявляют: «В сущности, марксизм был всегда вполне *космополитическим* движением»⁹⁵. Но в отличие от «чистых» космополитов — чистых от какого бы то ни было налета классовости и классового понимания этого феномена — троцкисты понимают под космополитизмом интернационализм, который они якобы уберегли от национал-большевистских извращений.

В этой связи можно обратить внимание на оригинальную трактовку соотношения интернационализма и национализма, намеченную в 1995 году известным историком и политологом Л. А. Гордоном. Обосновывая «логику разрушения государственного социализма», он представляет СССР кануна перестройки как страну, для которой характерны «авторитарный режим, социальный патернализм, унитарное государство, национализм и противостояние Западу». Цивилизовать такую страну могут лишь «политическая и социальная демократия, федерализм, интернационализм, сближение с Западом»⁹⁶. Согласно такой логике, интернационализм является родовым признаком капиталистического Запада, а к Союзу ССР якобы не имел отношения.

ВЫБОР МОДЕЛИ ЗЕМШАРНОЙ РЕСПУБЛИКИ

При выработке плана образования Союза республик на месте бывшей царской России споры среди большевиков шли, в сущности, о начальной форме земшарной республики — будущего единства народов мира, которая могла бы стать первой из переходных форм сближения и слияния народов в мировой социалистической общности людей. Ленин требовал создания Союза ССР вместо предлагаемой Сталиным Российской республики не столько из-за опасений усиления централизма и русификаторства, сколько предвидя возможность вхождения в СССР других стран по мере успехов

революции на Востоке и Западе⁹⁷. Во взглядах на первичную форму государственного единства социалистических наций Ленин в сентябре—декабре 1922 года перешел на позицию, близкую к той, которую Сталин занимал в июне 1920 года.

Тогда перед II конгрессом Коминтерна Ленин разослал «Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам» целому ряду своих соратников, в том числе и Сталину, находившемуся в Харькове, в штабе Юго-Западного фронта, и просил сделать замечания по этому «наброску»⁹⁸. Сталин в своих замечаниях к тезисам предложил включить в них положение о конфедерации как об одной из переходных форм сближения трудящихся разных наций. Аргументируя предложение, он писал: «Для наций, входивших в состав старой России, наш (советский) тип федерации можно и нужно считать целесообразным как путь к интернациональному единству. Мотивы известны: эти национальности либо не имели в прошлом своей государственности, либо потеряли ее давно, ввиду чего советский (централизованный) тип федерации прививается к ним без особых трений»⁹⁹. Однако, полагал далее Сталин, этого нельзя {22} сказать о национальностях, которые не входили в состав старой России, долгое время существовали как самостоятельные образования, развили свою собственную государственность и которые, если они станут советскими, вынуждены будут силою вещей стать в те или иные государственные отношения к Советской России. Например, будущие Советская Германия, Польша, Венгрия, Финляндия.

И. В. Сталин сомневался, что народы этих стран, став советскими, согласятся пойти сразу на федеративную связь с Советской Россией «типа башкирской или украинской». Советский тип федерации и вообще федерация были бы еще более неприемлемы, по мнению Сталина, для отсталых национальностей зарубежного Востока. Исходя из этих соображений, в ленинские тезисы о переходных формах сближения трудящихся разных наций и было предложено «внести (наряду с федерацией) *конфедерацию*. Такая постановка придавала бы тезисам больше эластичности, обогатила бы их еще одной переходной формой сближения трудящихся разных наций и облегчила бы национальностям, не входящим ранее в состав России, государственное сближение с Советской Россией»¹⁰⁰.

Вспоминая об этом своем предложении в защиту конфедерации, Сталин говорил 25 апреля 1923 года участникам заседания секции XII съезда партии по национальному вопросу: тогдашнее предложение Ленина сводилось к тому, что «мы, Коминтерн, будем добиваться федерирования национальностей и государств. Я тогда сказал... не пройдет это. Если Вы думаете, что Германия когда-либо войдет к Вам в федерацию на правах Украины, — ошибаетесь. Если Вы думаете, что даже Польша, которая сложилась в буржуазное государство со всеми атрибутами, войдет в состав Союза на правах Украины, — ошибаетесь. Это я говорил тогда. И товарищ Ленин прислал грозное письмо — это шовинизм, национализм, нам надо центральное мировое хозяйство, управляемое из одного органа»¹⁰¹.

Что же касается конечной формы государственного и национального социалистического единства, то она в первые годы революции никаких разногласий среди большевиков не вызывала. Азбучной истиной (по «Азбуке коммунизма» Н. И. Бухарина и Е. А. Преображенского, написанной в октябре 1919 г.) считалось, что со временем, когда Всемирный федеративный союз «окажется недостаточным для создания общего мирового хозяйства и огромное большинство на опыте осознает эту недостаточность, будет создана единая мировая социалистическая республика»¹⁰². На языке поэта — «Земшарная Республика»¹⁰³.

Троцкистские представления о путях утверждения социализма на планете Земля в наибольшей степени соответствовали ультрареволюционной ментальности первых лет советской власти и всех 1920-х годов. Л. Д. Троцкий в этом вопросе несколько не противоречил В. И. Ленину, ключевая мысль теоретического наследия которого может быть выражена положением: наше дело «есть дело всемирной пролетарской революции, дело создания всемирной Советской республики»¹⁰⁴. Троцкий несколько не противоречил и Конституции СССР 1924 года, объявлявшей образованное в конце {23} 1922 года интернациональное государство открытым «всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем»¹⁰⁵.

Воззрения Л. Д. Троцкого на национальный вопрос в своей основе были близки к люксембургизму, имевшему немало сторонников в большевистской партии. В их числе были такие известные деятели, как Н. И. Бухарин, Л. Г. Пятаков и, как это ни покажется странным, едва ли не все члены коллегии Наркомнаца, исключая лишь председателя. «Открыто или полусознательно, — писал Троцкий в 1930 году, — они стояли на уже известной точке зрения Розы Люксембург: при капитализме национальное самоопределение невозможно, а при социализме оно излишне»¹⁰⁶. Будучи, по его же наблюдениям, русифицированными инородцами, они свой абстрактный интерна-

ционализм противопоставляли реальным потребностям развития угнетенных национальностей¹⁰⁷. Троцкий полагает, что тем самым они объективно возрождали старую традицию русификаторства и великодержавности, с чем трудно согласиться. Абстрактный интернационализм никак не мог соответствовать реальным потребностям также и русского народа. Можно сказать, русского — прежде всего. В Наркомнаце не случайно не видели никакой необходимости в русском комиссариате, в то время как другие народы таковые имели.

Стремление с помощью Наркомнаца решать национальные проблемы в стране без представительства и учета интересов русского народа находило свое выражение не только в отсутствии специального отдела, но и в том, что само участие русских в работе комиссариата считалось вовсе не обязательным, если не сказать — вредным. Характерен в этой связи ход мыслей С. С. Пестковского. Троцкий представлял его старым польским революционером, ближайшим помощником Сталина в первые двадцать месяцев советского режима¹⁰⁸. «Прожкзаменовав себя строго, — писал Пестковский в 1923 году о выборе им своего места в рядах борцов за социализм, — я пришел к убеждению, что после иностранных дел единственным ведомством, подходящим для меня, является комиссариат по делам национальностей. Я сам инородец, — рассуждал я, — следовательно, у меня не будет того великорусского национализма, который вреден для работы в этом комиссариате»¹⁰⁹. Решившись, он отправился к Сталину и заявил, ничтоже сумняшеся: «Я вам “сделаю” комиссариат», — с чем Сталин якобы и согласился¹¹⁰. Этот весьма выразительный исторический эпизод говорит как раз о том, что если и другие «люксембургянцы-инородцы» думали так же, то вряд ли следует грешить на них как на «объективно великорусских» националистов. Неправильно понятый интернационализм легко смыкается и с местным национализмом, и с космополитизмом, и с русофобией, если сводить его к борьбе или другим формам противостояния с «великой» государствообразующей нацией. Само по себе великодержавие не предполагает несправедливости в отношениях между государствообразующей нацией и другими, союзными с ней и дружественными «инородными» национальностями. {24}

ГЕНУЭЗСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1922 ГОДА И ИДЕЯ АВТОНОМИЗАЦИИ СССР

Большевики с дореволюционных времен были известны как сторонники централистского государства. Прогресс в государственном развитии представлялся как переход от разного типа союзных государств к единой республике, а от нее — к безгосударственному общественному самоуправлению. «Пока и поскольку разные нации составляют единое государство, — писал Ленин в 1913 году, — марксисты ни в коем случае не будут проповедовать ни федеративного принципа, ни децентрализации»¹¹¹. В 1918 году российская власть взяла курс на федерализм как новую форму государственного устройства для всей бывшей территории Российской империи, однако при этом неизменно подчеркивала стратегическую временность этой формы. «Принудительный централистский унитаризм» считалось целесообразным заменить федерализмом добровольным, для того чтобы со временем он уступил место, как и в Америке и Швейцарии, добровольному «социалистическому унитаризму»¹¹².

На начальных этапах этого пути численно преобладающему русскому народу было предназначено оказать помощь в социально-экономическом и культурном развитии отсталым и угнетенным в прошлом народам России. Такая политика усиливала факторы, способствующие их объединению в едином государстве: общность исторических судеб; сложившуюся на основе разделения труда между территориями единую хозяйственную систему и единый общероссийский рынок; общую транспортную сеть, почтово-телеграфную службу; исторически сформированную перемешанность полиэтничного населения; налаженные культурные, языковые и другие контакты; союзы между советскими республиками, оформившиеся, в основном, в последние годы и после Гражданской войны.

Были и факторы, препятствующие объединению: память о русификаторской политике старого режима; стеснение прав отдельных национальностей и боязнь повторения такой политики в новом виде; немалый вкус к независимой власти, приобретенный национальными элитами окраинных народов в период революционной смуты. Большевицкая власть акцентировала внимание на так называемом праве наций на самоопределение. Реализация этого права в условиях Гражданской войны превратила Россию в совокупность различных национально-государственных образований. Финляндия, Польша, Тува, Литва, Эстония, Латвия силой обстоятельств были отделены от России. Украина, Белоруссия стали независимыми советскими республиками. В Средней Азии существовали Хорезмская (с февраля 1920 г.) и Бухарская (с октября 1920 г.) народные советские республи-

ки. На Дальнем Востоке в 1920 году образована «буферная» ДВР, в составе которой с 1921 года находилась Бурят-Монгольская автономная область (АО). Советизированные республики Закавказья (Азербайджан, апрель 1920 г.; Армения, ноябрь 1920 г.; Грузия, февраль 1921 г.) в марте 1922 года образовали конфедеративный союз закавказских республик, преобразованный в декабре 1922 года в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику (ЗСФСР). {25}

В составе РСФСР на протяжении 1918—1922 годов возникло множество автономных образований. Первыми из них были Туркестанская АССР (апрель 1918 г.), Трудовая коммуна немцев Поволжья (октябрь 1918 г.), Башкирская АССР (март 1919 г.). В 1920 году созданы Татарская АССР, Карельская трудовая коммуна, Чувашская АО, Киргизская (с 1925 г. — Казахская) АССР, Вотская (с 1932 г. — Удмуртская) АО, Марийская и Калмыцкая АО, Дагестанская и Горская АССР; в 1921 году — Коми (Зырянская) АО, Кабардинская АО, Крымская АССР; в 1922 году — Карачаево-Черкесская АО, Монголо-Бурятская АО, Кабардино-Балкарская АО, Якутская АССР, Ойротская (с 1948 г. — Горно-Алтайская) АО, Черкесская (Адыгейская) АО, Чеченская АО. В Закавказье образованы: на территории Азербайджана — Нахичеванская Советская Республика (1920), на территории Грузии — Аджарская АССР (1921) и Юго-Осетинская АО (1922); в 1921 году создана Абхазская ССР¹¹³.

Потенциал возникновения новых национально-государственных образований на территории бывшей царской России был весьма значителен. По переписи 1926 года насчитывалось 185 наций и народностей — лишь 30 из них в той или иной форме обрели государственность к концу 1922 года. Основная масса малых национальностей была индифферентна к федеративному строительству и спокойно существовала в рамках прежнего статуса. К моменту создания СССР национальные образования далеко не покрывали всей территории страны, наравне с ними продолжали существовать административно-территориальные единицы, сохранявшие преемственную связь с дореволюционным губернским, областным, уездным и волостным делением.

Вопрос об укреплении государственного единства страны со множеством советизированных независимых и автономных образований, возникавших в годы революционной смуты, появился сразу же, едва забрезжила победа в Гражданской войне. Уже в середине 1919 года заместитель председателя Реввоенсовета республики Э. М. Склянский официально предлагал объединить все независимые советские республики в единое государство путем их включения в РСФСР¹¹⁴. Это была одна из первых формулировок «плана автономизации» после победы Октября. На X съезде РКП(б) (март 1921 г.) говорилось, что «живым воплощением» искомой формы федерации всех советских республик является РСФСР — федерация, основанная на автономизации ее субъектов¹¹⁵. План автономизации приобрел чрезвычайную актуальность в начале 1922 года в связи с подготовкой к международной конференции в Генуе, где предстояло обсуждать судьбу долгов царского и Временного правительств и иностранной собственности в Советской России.

Наркомат иностранных дел полагал неразумным участие в конференции всех республик, образованных на месте царской России. «Если мы на конференции заключим договоры как девять параллельных государств, это положение дел будет юридически надолго закреплено, и из этой путаницы возникнут многочисленные затруднения для нас в наших сношениях с Западом», — писал Г. В. Чичерин в ЦК. Избежать международных осложнений предлагалось включением «братских республик» в РСФСР¹¹⁶. {26}

Идея «поставить державы перед свершившимся фактом» уже на открытии конференции в апреле 1922 года была весьма привлекательна. Но и на этот раз она оказалась неосуществленной. И. В. Сталин в связи с предложением НКВД сожалел, что «нам нужно быть готовыми уже через месяц», а месяца недостаточно для проведения этой очень крупной меры¹¹⁷. Полное дипломатическое единство советских республик было обеспечено подписанным 22 февраля протоколом о предоставлении Российской Федерации полномочий защищать в Генуе права Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана, Бухары, Хорезма, ДВР и подписывать от их имени выработанные на конференции акты, договоры и соглашения¹¹⁸.

К «плану автономизации» вернулись в августе 1922 года, когда приступила к работе комиссия Оргбюро ЦК РКП(б) по подготовке вопроса о взаимоотношениях РСФСР и независимых республик к предстоящему пленуму ЦК партии. И. В. Сталин, возглавивший подготовку соответствующей резолюции, вряд ли долго над ней размышлял. Проект резолюции предусматривал необходимость «признать целесообразным формальное вступление независимых Советских республик: Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и Армении в состав РСФСР, оставив вопрос о Бухаре, Хорезме и ДВР открытым и ограничившись принятием договоров с ними по таможенному делу, внешней торговле, иностранным и военным делам и прочее»¹¹⁹. План, получивший громкий

резонанс после 1956 года¹²⁰ и возведенный после разоблачения культа личности в разряд едва ли не «трагедии партии и народа»¹²¹, был лишь очередным выражением высказанного на X съезде партии убеждения, что «живым воплощением» искомой формы федерации всех советских республик «является РСФСР»¹²².

Принятый комиссией документ был разослан руководству Украины, Белоруссии и Закавказья, однако не встретил единодушной поддержки. Не ставя под сомнение необходимость сохранения «диктатуры пролетариата» (иначе говоря, права на власть в государстве коммунистической партии) и подчиненность этому «права наций на самоопределение», местное партийное и государственное руководство разделилось на сторонников «жестких» и «мягких» форм федерации.

Сторонники первого варианта (Ф. Э. Дзержинский, С. М. Киров, В. В. Куйбышев, В. М. Молотов и др.) соглашались с предложениями Сталина, реализация которых позволила бы ликвидировать «отсутствие всякого порядка и полный хаос» в отношениях между центром и окраинами, дала бы возможность создать «действительное объединение советских республик в одно хозяйственное целое», обеспечивая при этом реальную автономию республик в области языка, культуры, юстиции, внутренних дел, земледелия и пр. Примиренческую позицию по отношению к этому варианту занимали Л. Б. Каменев (первый заместитель Ленина в Совнарком и СТО, председатель Моссовета) и Г. Е. Зиновьев (председатель Исполкома Коммунистического Интернационала, председатель исполкома Петроградского Совета).

Влиятельные сторонники второго варианта (на Украине Х. Г. Раковский, Н. А. Скрыпник; в Грузии — Ф. И. Махарадзе, П. Г. Мдивани; {27} в Центре — Н. И. Бухарин, Л. Д. Троцкий и др.) полагали необходимым сохранить за союзными республиками «атрибуты национальной независимости», считали, что они будут в большей мере способствовать хозяйственному возрождению республик, отвечать интересам свободного развития наций и оказывать «максимум революционного эффекта на всех окраинах, а также за границей»¹²³.

22 сентября 1922 года Сталин направил Ленину письмо, в котором обращал внимание на заявления азербайджанского и армянского партийного руководства «о желательности автономизации», а также ЦК КП Грузии «о желательности сохранения формальной независимости»¹²⁴. Познакомившись с письмом и другими материалами, Ленин 25 сентября обсудил их с наркомом Г. Я. Сокольниковым, сторонником включения в РСФСР не только независимых советских республик, но и Хивы, Бухары. 26 сентября он имел продолжительную беседу со Сталиным и в тот же день направил письмо Л. Б. Каменеву (копии — всем членам Политбюро), из которого следовало, что «Сталин немного имеет устремление торопиться» в решении «архиважного» вопроса. Ленин полагал, что вместо «вступления» независимых республик в РСФСР нужно вести речь о «формальном объединении» всех независимых республик в новый союз, в рамках которого «мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, “Союз Советских республик Европы и Азии”»¹²⁵.

Каменев тут же откликнулся запиской, рекомендуя «провести Союз так, чтобы максимально сохранить формальную независимость» и обязательно зафиксировать в договоре о Союзе пункты о праве одностороннего выхода из Союза и разграничении областей ведения Союза и республик. К записке была приложена в виде схемы «Развернутая форма Союза Советских Республик»¹²⁶. Так 26 сентября 1922 года возник в противовес сталинскому ленинско-каменевский план образования СССР.

Ленин продолжал обсуждать новый план объединения республик на личных встречах с председателем Совнаркома Грузии П. Г. Мдивани (27 сентября), Г. К. Орджоникидзе (28 сентября), членами ЦК Компартии Грузии М. С. Окуджавой, Л. Е. Думбадзе, К. М. Цинцадзе, с председателем Совнаркома Армении А. Ф. Мясниковым (29 сентября). В результате проект резолюции предстоящего пленума ЦК был исправлен. В новом проекте значилось: «Признать необходимым заключение договора между Украиной, Белоруссией, Федерацией Закавказских Республик и РСФСР об объединении их в “Союз Социалистических Советских республик” с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава Союза»¹²⁷.

Исправленная резолюция означала рождение знаменитой аббревиатуры «СССР» и окончательные похороны «плана автономизации», так как Ленин неожиданно для многих встал на сторону «независимцев» Грузии и Украины. Сталин не нашел нужным противиться «национал-либерализму», поскольку не вполне устраивавший его ленинско-каменевский проект образования СССР не исключал установления отношений подчиненности во всех главных вопросах окраин Центру. {28}

В отношении к устройству Союза Ленин и Сталин осенью 1922 года заняли позиции, прямо противоположные тем, которые каждый из них занимал в июне 1920 года, когда Ленин работал над тезисами ко II конгрессу Коминтерна по национальному и колониальному вопросам. Сталинский план, решительно отвергнутый Лениным летом 1920 года как чрезмерная уступка возможному национализму европейских народов, в сентябре 1922 года был найден вполне подходящим в качестве уступки национализму «независимцев» Грузии и Украины.

Явное раздражение Сталина либерализмом, который проявили Ленин и его соратники при выработке проекта образования СССР, вызывалось его демонстративной избирательностью и усугублением несправедливости, закладываемой в основание Союза. Декларация прав народов России на заре советской власти обещала равенство, суверенность, право на свободное самоопределение и развитие всем без исключения народам страны. Теперь же оказывалось, что к созданию Союза ССР «вместе и наравне» допускались народы лишь четырех субъектов федерации. Все остальные оказывались в явно неравноправном положении. Сталина смущало, что, отвергая план автономизации как основы устройства СССР, Ленин и другие члены высшего политического руководства не видели необходимости что-либо менять в автономизации как основе РСФСР, на которую приходились 90 % площади и 72 % населения создаваемого Союза¹²⁸.

Пытаясь отстаивать свою позицию, Сталин обращал внимание членов Политбюро на нелогичность образования единого государства как союза национальных республик по принципу «вместе и наравне», но без русской республики. 27 сентября 1922 года в письме членам Политбюро Сталин предостерегал, что «решение в смысле поправки т. Ленина должно повести к обязательному созданию *русского* ЦИКа», исключению из РСФСР восьми автономных республик и их переводу (вместе с возникающей русской республикой) в разряд независимых¹²⁹. Федеральная постройка, возводимая на фундаменте с очевидным изъяном, заведомо не могла обладать должной прочностью.

Тем не менее Сталину, вынужденному согласиться с ленинской идеей, впоследствии «по долгу службы» приходилось не раз и не очень убедительно отстаивать решение октябрьского пленума ЦК. Уже на X Всероссийском съезде Советов член коллегии Наркомнаца М. Х. Султан-Галиев отметил, что с образованием нового союза происходило разделение народов СССР «на национальности, которые имеют право вхождения в союзный ЦИК, и на национальности, которые не имеют этого права, разделение на пасынков и на настоящих сыновей. Это положение, безусловно... является ненормальным»¹³⁰.

Исправленный под диктовку «национал-независимцев» проект резолюции октябрьского (1922) пленума ЦК вдохновил их на дальнейшие притязания. Уже после отказа Центра от плана автономизации Х. Г. Раковский поставил вопрос о сохранении независимости Украины. Управляющий делами Совнаркома Украины П. Солодуб полагал, что «будущий союз республик {29} будет не чем иным, как *конфедерацией стран*, ибо субъектами союза являются не области и автономные республики, а суверенные государства»¹³¹.

СССР КАК ПРООБРАЗ ВСЕМИРНОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Обсуждение проекта и решения о создании СССР 10—16 декабря 1922 года провели съезды Советов трех объединявшихся республик: VII Всеукраинский, I Закавказский, IV Всебелорусский. 26 декабря последним (чтобы не оказывать давление на другие народы) аналогичное решение принимал X Всероссийский съезд Советов¹³². Российская Федерация к этому времени существенно выросла территориально. Дальневосточная республика была очищена от белогвардейцев и японских оккупантов и 15 ноября 1922 года прекратила свое существование, войдя в состав РСФСР.

29 декабря в Москве работала конференция полномочных делегаций четырех союзных республик. На ней были утверждены проекты Декларации и Договора об образовании союзного государства, намечен срок открытия объединительного съезда Советов.

I Всесоюзный съезд Советов состоялся 30 декабря 1922 года. Он принял Декларацию и Договор об образовании СССР, избрал Центральный исполнительный комитет Союза ССР — однопалатный орган власти в составе 371 представителя республик по пропорциональному принципу. ЦИК получил верховные полномочия на период между съездами Советов. Избранному тогда же Президиуму ЦИК было поручено разработать Положения о наркоматах СССР, о СНК и Совете труда и обороны, о ЦИК и его членах, проекты флага и герба СССР. Для руководства работой ЦИК были избраны 4 председателя — М. И. Калинин (от РСФСР), Г. И. Петровский (УССР), Н. Н. Нариманов (ЗСФСР), А. Г. Червяков (БССР) и секретарь А. С. Енукидзе. Так, в обновленном вари-

анте и со многими издержками было воссоздано тысячелетнее Российское государство, гарантирующее безопасность существования и развития всем российским народам.

Пока в Москве праздновали рождение прообраза Мирового СССР, прикованный болезнью к постели Ленин обдумывал недостатки его конструкции и «продиктовал» (в наше время ставится под сомнение) заметки, которые позднее получили широкую известность как статья «К вопросу о национальностях или об “автономизации”». В заметках приветствовалось образование СССР и подчеркивалось, что его укрепление необходимо «всемирному коммунистическому пролетариату для борьбы со всемирной буржуазией»¹³³. В то же время не исключалось, что уже на следующем съезде Советов придется вернуться назад, оставив союз «лишь в отношении военном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность отдельных наркоматов»¹³⁴. Начинались же заметки с осуждения первоначального сталинского предложения: «Видимо, вся эта затея “автономизации” в корне была неверна и несвоевременна»¹³⁵ в условиях активного возражения «независимцев» и ненадежности государственного аппарата. Большинство его сотрудников, как отмечалось, было «по неизбежности заражено буржуазными взглядами и буржуазными {30} предрассудками»¹³⁶, а по другому выражению, представляло собой «море шовинистической великорусской швали»¹³⁷. Именно поэтому предлагалось не форсировать, а подождать с автономизацией «до тех пор, пока мы могли бы сказать, что ручаемся за свой аппарат, как за свой»¹³⁸.

Особенно негативные последствия имела озлобленная позиция автора «диктовки» в отношении русской нации, названной «угнетающей» и «великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда»¹³⁹. Впоследствии на всем протяжении советской истории постоянно воспроизводились якобы ленинские слова о том, что интернационализм со стороны русской нации «должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывается в жизни фактически»¹⁴⁰. План автономизации не был осуществлен. В 2003 году увидело свет обстоятельное исследование В. А. Сахарова, ставящее под сомнение авторство Ленина в случаях со статьей «К вопросу о национальностях или об “автономизации”», «Письмом к съезду» и некоторыми другими текстами, традиционно включавшимися в состав его «Завещания» и представлявшимися едва ли не главным аргументом в осуждении сталинского плана автономизации в годы борьбы с культом Сталина¹⁴¹. В новом исследовании 2012 года приведены убедительные основания для вывода о том, что тексты «ленинского завещания» сфальсифицированы с участием Л. Д. Троцкого¹⁴². Если это так, то это существенно снижает степень русофобства, свойственного В. И. Ленину.

Дебаты по вопросам образования СССР положили начало двум течениям большевизма в отношении национальной государственности. Первое, ортодоксальное, — за «подлинный интернационализм», отождествлявшийся с социалистическим космополитизмом и мировой революцией. Второе, государственное (национально-большевистское), которое чаще всего связывалось с именами Сталина и Молотова, — за укрепление государства и ведущей роли в нем основного государствообразующего русского народа. В 1923 году борьба течений проявилась в связи с XII съездом партии, на котором национальный вопрос занял одно из центральных мест. И. В. Сталин, докладчик по этому вопросу, в основном, занимал оборонительные позиции, всячески стремился следовать ленинским установкам. 21 февраля на пленуме ЦК РКП(б) обсуждались подготовленные им тезисы «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве».

Решение обсуждавшихся проблем предлагалось вести, исходя из того, что пролетариат уже «нашел в советском строе ключ к правильному решению национального вопроса, он открыл в нем путь организации устойчивого многонационального государства на началах национального равноправия и добровольности»¹⁴³, но для полного и окончательного разрешения вопроса еще предстояло преодолеть препятствия, переданные в наследство «пройденным периодом национального гнета»¹⁴⁴. Главное препятствие усматривалось в «пережитках великодержавного шовинизма, являющегося {31} отражением былого привилегированного положения великорусов» и получающих подкрепление «в кичливо-пренебрежительном и бездушно-бюрократическом отношении русских советских чиновников к нуждам и потребностям национальных республик»¹⁴⁵. Вместе с тем отмечались пережитки «радикально-националистических традиций» среди местных коммунистов, которые порождали «уклон в сторону переоценки национальных особенностей, в сторону недооценки классовых интересов пролетариата, уклон к национализму»¹⁴⁶. В частности, обращалось внимание на грузинский шовинизм, направленный против армян, осетин, аджарцев и абхазцев; азербай-

джанский — против армян; узбекский (в Бухаре и Хорезме) в отношении туркмен и киргизов. Однако все эти «пережитки национализма» трактовались Сталиным не более как «своеобразной формой обороны против великорусского шовинизма»¹⁴⁷.

«Пережитки» и «уклоны» предлагалось осудить, сделав упор на «особую опасность уклона к великодержавному шовинизму»¹⁴⁸. Главное условие для того, чтобы «разрешить его [национальный вопрос] полностью и окончательно»¹⁴⁹, виделось, как и в резолюции X съезда РКП(б), в «уничтожении фактического национального неравенства»¹⁵⁰. Задача эта возлагалась на русский народ. Преодолеть национальное неравенство, как подчеркивалось в тезисах, «можно лишь путем действительной и длительной помощи русского пролетариата отсталым народам Союза в деле их хозяйственного и культурного преуспеяния»¹⁵¹.

В специальной записке И. В. Сталина, направленной в Политбюро в феврале 1923 года, вновь ставился вопрос, не получивший ясного ответа в ходе образования СССР: «Входят ли наши республики в состав Союза через существующие федеративные образования (РСФСР, Закфедерация) или самостоятельно, как отдельные государства (Украина, Грузия, Туркестан, Башкирия)?»¹⁵² Вопрос был явно нацелен на необходимость выравнивания статуса республик в составе СССР.

Продолжая полемику главным образом с грузинскими «независимцами» и как бы становясь на их точку зрения, Сталин отмечал резоны в их требованиях: «Вхождение отдельными республиками (а не через федеральные образования) имеет, несомненно, некоторые плюсы: а) оно отвечает национальным стремлениям наших независимых республик; б) оно уничтожает среднюю ступеньку в строении союзного государства». Вместе с тем отмечались и «существенные минусы», якобы не позволяющие принять предложения «независимцев». Разрушение Закавказской федерации требовало аналогичного отношения к РСФСР. Но это, по мнению Сталина, было неприемлемо, так как обязывало «создать новую русскую республику, что сопряжено с большой организационной перестройкой», и вынуждало выделить русское население из состава автономных республик. При этом Башкирия, Киргизия, Татарстан, Крым рисковали лишиться своих столиц. В создании русской республики, по Сталину, не было «политической необходимости». Интересы русского народа предлагалось обеспечить через представительство «русских губерний» в Союзном собрании¹⁵³.

{32}

В связи с позицией И. В. Сталина по национально-государственному устройству Союза некоторые историки высказывают предположение, что в конце жизни Ленин стремился уравновесить силы в политической связке Троцкий—Сталин, а то и вовсе устранить последнего из политики. Троцкий уже 6 марта выступил с резкой критикой сталинских тезисов «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве». Он не соглашался с констатацией, что мы уже «наладили мирное сожительство и сотрудничество наций»¹⁵⁴, считал из двух названных в резолюции уклонов «абсолютно необходимым выдвинуть на первое место» великодержавный и подчеркнуть, что «второй уклон, национальный, и исторически и политически является реакцией на первый»¹⁵⁵. В состоявшейся тогда же беседе с Каменевым Троцкий высказывался еще определеннее: «Я хочу радикального изменения национальной политики, прекращения репрессий против грузинских противников Сталина... Сталинская резолюция по национальному вопросу никуда не годится»¹⁵⁶.

И. В. Сталин был вынужден согласиться с критикой. В записке членам Политбюро он отметил, что считает поправки Л. Д. Троцкого «неоспоримыми», и предложил «еще больше подчеркнуть» в резолюции XII съезда особый вред «уклона к русской великодержавности»¹⁵⁷. Разумеется, это было сделано.

При обсуждении национальных проблем на съезде Н. И. Бухарин посчитал нужным открыто признать неравноправное положение русского народа. «Мы, — говорил он, — в качестве бывшей великодержавной нации должны... поставить себя в неравное положение в смысле еще больших уступок национальным течениям. Только... этой ценой мы сможем купить себе настоящее доверие прежде угнетенных наций»¹⁵⁸. По сути, именно эту цель преследовала резолюция съезда по национальному вопросу, закреплявшая в развернутом виде известное ленинское положение об «интернационализме большой нации».

Представители «независимцев» на съезде вновь пытались провести предложение о реорганизации СССР в пользу своих республик. Раковский прямо заявил, что «союзное строительство пошло неправильным путем... Нужно отнять от союзных комиссариатов девять десятых их прав и передать их национальным республикам»¹⁵⁹. М. В. Фрунзе предлагал «превратить ряд новых республик в независимые»¹⁶⁰. Предлагалось закрепить отход от русского великодержавничества переименованием

РКП(б) в КПСС. Н. А. Скрыпник утверждал: «Только тот, кто в душе великодержавен, только тот может цепляться за старое название»¹⁶¹. Однако предложения были отвергнуты.

Не получила поддержки съезда и атака на принципы построения СССР, предпринятая М. Х. Султан-Галиевым. Он считал, что доклад Сталина «не разрешает национального вопроса» в силу своей нелогичности и неясности исходных позиций. В частности, обращалось внимание на отсутствие определения того, какие национальности «доросли» до предоставления им автономий, а какие нет. Он удивлялся нападкам на грузинских уклонистов за их несогласие на образование Закавказской Федерации и в то же время {33} отсутствию законных оснований для объединения в федерации родственных народов Северного Кавказа, народов Поволжья, народов Средней Азии¹⁶².

Однако делегаты съезда не стали углубляться в разбирательство нелогичностей, целиком полагаясь на способность руководства партии обеспечивать должную централизацию Союза ССР. В разъяснениях Троцкого на съезде это прозвучало следующим образом: «Национальность вообще не логичное явление, ее трудно перевести на юридический язык», поэтому необходимо, чтобы над аппаратом, регулирующим национальные отношения, «стояла в качестве хорошего суфлера партия... Если будут очень острые конфликты по вопросу о финансах и т.д., то, в конце концов, в качестве суперарбитра будет выступать партия»¹⁶³.

Все это целиком соответствовало установке VIII съезда партии (март 1919 г.) на то, что существование особых советских республик «отнюдь не значит, что РКП должна, в свою очередь, сорганизоваться на основе федерации... Все решения РКП и ее руководящих учреждений безусловно обязательны для всех частей партии, независимо от национального их состава. Центральные комитеты украинских, латышских, литовских коммунистов пользуются правами областных комитетов партии и целиком подчинены ЦК РКП»¹⁶⁴. Как показали дальнейшие события, унитаризм конфедеративного СССР (по признаку свободы выхода республик из союза) определялся особой, по сути, диктаторской ролью в государстве коммунистической партии и ее лидеров.

«ГРУЗИНСКИЙ ИНЦИДЕНТ» 1922 ГОДА

Руководители Грузии на заседании расширенного пленума ЦК КПГ 19 октября 1922 года предложили ликвидировать образованную в марте того же года Закавказскую Федерацию, по их мнению, искусственную и нежизненную. 20 октября решением Заккрайкома председателя Совнаркома Грузии М. С. Окуджаву сняли с поста. 21 октября грузинский ЦК в знак протеста почти в полном составе сложил свои полномочия. Однако в Москве к коллективной отставке отнеслись прохладно.

Между тем партийные разборки в Тбилиси не прекратились и дошли до оскорблений и рукоприкладства. Последнее случилось на третьей неделе ноября в квартире Г. К. Орджоникидзе, куда для свидания с остановившимся там А. И. Рыковым пришел его товарищ по ссылке в Сибири А. К. Кабахидзе¹⁶⁵. Во время общего разговора этот сторонник Мдивани стал выражать недовольство тем, что «товарищи, стоящие наверху», в материальном отношении обеспечены гораздо лучше других членов партии. Руководителю большевиков Закавказья был брошен упрек в принятии взятки — белого коня, содержавшегося к тому же на казенный счет. Во время начавшейся ссоры Орджоникидзе, услышав, что он и сам является «сталинским ишаком», не сдержался и ударил гостя. При вмешательстве других участников сцены инцидент был прекращен. Жалоб от Кабахидзе по партийной линии не поступало, политической подоплеку в рукоприкладстве не усматривалось, однако о нем стало известно за пределами узкого круга свидетелей¹⁶⁶. {34}

Комиссия во главе с Ф. Э. Держинским, назначенная Секретариатом ЦК РКП(б) для рассмотрения грузинских событий, после четырехдневных слушаний в Тифлисе в начале декабря 1922 года пришла к заключению, что политическая линия Заккрайкома и Орджоникидзе «вполне отвечала директивам ЦК РКП и была вполне правильной», направленной против тех коммунистов, «которые, встав на путь уступок, сами поддались давлению напора мелкобуржуазного национализма». Большого значения «инциденту» комиссия не придавала¹⁶⁷.

Ленин остался недоволен таким заключением. Позднее он сказал: «Накануне моей болезни Держинский говорил мне о работе комиссии и об “инциденте”, и это на меня очень тяжело повлияло»¹⁶⁸. 13 декабря 1922 г. повторились два тяжелейших приступа болезни. 16-го, затем 23 декабря состояние здоровья Ленина еще более ухудшилось. 18 декабря на Сталина по решению пленума ЦК была возложена персональная ответственность за соблюдением Лениным режима покоя¹⁶⁹, что, как оказалось, не способствовало улучшению отношений больного и особенно его жены, Н. К. Крупской со Сталиным.

КАК СУЛТАН-ГАЛИЕВ БЫЛ ПОСОБНИКОМ РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Тем временем работа по созданию Союза на основании принятой октябрьским (1922) пленумом ЦК резолюции «О взаимоотношениях между РСФСР и независимыми республиками» продолжалась. Из партийных организаций она уже перешла в республиканские ЦИК, ее обсуждение вскоре привело к образованию СССР. Национал-уклонисты уже вскоре после завершения съезда были оттеснены от власти. Среди них оказался самый высокопоставленный руководитель-большевик среди мусульманских народов СССР сталинского периода, член коллегии Наркомнаца Мирсаид Султан-Галиев, оказавшийся невольным пособником «великорусского национализма». Обвиненный в связях с антисоветскими кругами, он в 1923 году был снят со всех постов, исключен из партии и арестован.

Опровергая обвинения, он объяснял, что никакой антисоветской работы он не вел, он только призывал своих сторонников активнее выступать с изложением позиций по проблемам национальных отношений. И лишь с тем, чтобы убедить руководство страны в целесообразности создания Туркестанской Федерации (представлялась как фактор, способствующий ускоренному развитию производительных сил региона и пробуждению революционной активности трудящихся зарубежного Востока), независимой Республики Туран (объединение тюркских территорий Киргизии, Кашгарии, Хивы, Бухары, Афганистана и Персии), организации «Колониального Интернационала». Позднее Султан-Галиев писал о возможности создания на Востоке четырех федераций, которые должны быть включены в Советский Союз «на равных совершенно с Украиной правах»: Федерации Урало-Волжских республик (Башкирии, Татарии, Чувашии), Марийской и Вотской областей; Общекавказской Федерации с включением всех нацреспублик Закавказья, Северного Кавказа, Дагестана, Калмыкии и Кубано-Черноморья {35} в целом; Казахстана как союзной единицы; Среднеазиатской, или собственно Туранской, республики в составе Узбекистана, Туркмении, Киргизии и Таджикистана.

Все это было свидетельством наивного революционаризма в смеси с татарским национализмом. Опасным, скорее всего, представлялось бесстрашие в низвержении «ленинских принципов», на основе которых до сих пор строился СССР. Сам Султан-Галиев ничего предосудительного «с точки зрения интереса международной социальной революции» в своих предложениях не видел. Напротив, подчеркивал он в письме в ЦК РКП(б) в июне 1923 года, «это страшно для русского национализма, это страшно для западноевропейского капитализма, а для революции это не страшно»¹⁷⁰. Группа руководящих работников Татарии в своем обращении к ЦК от 8 мая расценила его арест как «недоразумение» и просила об отмене репрессии¹⁷¹.

14 июня Политбюро ЦК по предложению ВЧК приняло решение освободить Султан-Галиева из-под стражи. Ходатайство о его восстановлении в партии было отклонено. Вместе с тем, стремясь не допустить даже малейших сомнений в незыблемости освященных именем Ленина принципов устройства СССР, Политбюро решило изложить дело Султан-Галиева на специальном «совещании из националов окраинных областей».

Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей состоялось 9—12 июня 1923 года. Официально оно созывалось для выработки практических мер по проведению в жизнь резолюции XII съезда партии по национальному вопросу. Докладчиком по основному вопросу совещания был Сталин. Положение дел на местах обрисовали представители 20 партийных организаций. Все были солидарны в том, что коммунистические организации на окраинах могут окрепнуть, сделаться настоящими, марксистскими, только преодолев национализм.

Большое значение имел представленный на совещании от имени Центральной контрольной комиссии доклад В. В. Куйбышева о деле Султан-Галиева. Отмечалось, что султан-галиевщина получила наиболее широкое распространение в восточных республиках, особенно в Башкирии и Татарии. Совещание расценило действия обвиняемого как самое уродливое выражение уклона к местному национализму, ставящее его «вне рядов коммунистической партии».

В резолюции отмечалось, что уклон к местному национализму «является реакцией против великорусского шовинизма». На совещании раздавались призывы «заткнуть глотку» чудищу великодержавничества (Н. А. Скрыпник)¹⁷², «вытравить его окончательно, прижечь каленым железом» (Г. Е. Зиновьев)¹⁷³, настраиваться на длительную борьбу, поскольку «великорусский шовинизм будет, пока будет крестьянство» (А. И. Микоян)¹⁷⁴.

Совещание наметило целую систему мер по вовлечению местного населения в партийное и советское строительство. Предусматривались чистка государственно-партийного аппарата от на-

ционалистических элементов (имелись в виду «в первую голову русские, а также антирусские и иные националисты»); неуклонная работа «по национализации государственных {36} и партийных учреждений в республиках и областях в смысле постепенного ввода в дело производство местных языков, с обязательством ответственных работников изучать местные языки»; вовлечение национальных элементов в профессиональное и кооперативное строительство.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ СССР

Большое место на Четвертом совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик заняли проблемы Конституции СССР. В итоге было решено учредить в составе ЦИК СССР две палаты (Союзный Совет, Совет национальностей), установив равенство их прав и соблюдение условий, при которых ни один законопроект, внесенный на рассмотрение первой или второй, не может быть превращен в закон без согласия на то обеих палат. Конфликтные вопросы предлагалось решать посредством согласительной комиссии, в крайнем случае — съезда Советов. В решениях было записано, что во второй палате автономные и независимые республики будут иметь одинаковое представительство (4 человека или более), а каждая национальная область — по одному представителю.

Установлено было также, что палаты формируют единый Президиум ЦИК. Предложение Раковского о создании двух президиумов с законодательными функциями было отклонено. Это означало бы «раздвоение верховной власти, что неминуемо создаст большие затруднения в работе». Сталин в этой связи высказывался еще определеннее: «Украинцы навязывают нам конфедерацию», «мы создаем не конфедерацию, а федерацию республик, одно союзное государство», отсутствие единого президиума ЦИК сводило бы «союзную власть к фикции».

Закрепление сталинской линии в решении национального вопроса после совещания выразилось в проведении чистки от «буржуазных националистов» всех партийных организаций Востока. Наиболее влиятельный уклонист Х. Г. Раковский был смещен с поста главы правительства Украины и направлен на дипломатическую работу (с 1923 г. полпред в Великобритании, в 1925—1927 гг. полпред во Франции¹⁷⁵). Сочувствовавший Султан-Галиеву Т. Р. Рыскулов (в 1922—1924 гг. председатель СНК Туркестанской АССР, сторонник объединения тюркских народов в «Великом Туране») был перемещен на работу в Коминтерн (в 1924—1925 гг. заместитель заведующего Восточным отделом Коминтерна, представитель Коминтерна в Монголии), затем в правительство РСФСР (заместитель председателя СНК в 1926—1937 гг.)¹⁷⁶. Таким образом, успех совещания в борьбе с национал-уклонизмом наиболее явно выразился в оттеснении от власти на местах представителей наиболее крупных нерусских этнических групп, способных реально препятствовать дальнейшему укреплению единства СССР.

Конституционное оформление СССР потребовало довольно большого времени. Оно длилось больше года — весь 1923 год и январь 1924-го. В результате были выработаны и приняты предложения о создании в ЦИК наряду с палатой классового представительства второй — национального представительства, а также об объединении принятых на I съезде Декларации {37} и Договора в один документ под названием «Конституция (Основной закон) СССР». Были отклонены конфедералистские предложения Х. Г. Раковского — создавать не Конституцию, а дорабатывать Союзный договор.

Проект первой общесоюзной Конституции рассмотрели и одобрили сессии ЦИК России, ЗСФСР, Украины и Белоруссии, а 6 июля 1923 года он был утвержден и введен в действие II сессией ЦИК СССР. (Вплоть до принятия новой Конституции СССР в 1936 г. день 6 июля праздновался как День Конституции.) 13 июля ЦИК СССР в «Обращении ко всем народам и правительствам мира» известил о создании СССР и начале деятельности первого состава Совнаркома СССР. Главой правительства был избран В. И. Ленин, к тому времени безнадежно больной. Его заместителями стали Л. Б. Каменев (одновременно председатель СТО), М. Д. Орахелашвили (председатель Совнаркома ЗСФСР), А. И. Рыков (председатель ВСНХ), А. Д. Цюрупа (нарком РКИ), В. Я. Чубарь (председатель СНК Украины). В состав Совнаркома вошли также 10 наркомов СССР — руководители 5 общесоюзных и 5 объединенных наркоматов.

На этой же сессии ЦИК было решено упразднить Наркомат по делам национальностей РСФСР. Он «закончил свою основную миссию по подготовке дела образования национальных республик и областей и объединения их в Союз республик». В дальнейшем функции комиссариата выполняли Совет национальностей ЦИК СССР и другие специальные органы по осуществлению

национальной политики — отдел национальностей при Президиуме ВЦИК, постоянные комиссии по делам национальных меньшинств в республиках, при областных и краевых исполкомах.

В январе 1924 года прошли съезды Советов союзных республик, ратифицировавшие Конституцию СССР. Окончательно утвердить ее текст должен был II Всесоюзный съезд Советов, созванный 26 января 1924 года. Он работал в траурные дни: 21 января умер В. И. Ленин. Съезд принял специальное обращение к трудящемуся человечеству и ряд постановлений об увековечивании имени вождя (сооружение мавзолея и памятников, переименование Петрограда в Ленинград, издание сочинений). Тело Ленина было помещено в мавзолей на Красной площади в Москве, ставший местом паломничества миллионов людей.

II съезд Советов завершил юридическое оформление союзного государства как Федерации суверенных союзных республик. 31 января 1924 года Конституция СССР была утверждена. Как и первая Конституция РСФСР 1918 года, она носила ярко выраженный классовый характер. Верховный орган государственной власти — съезд Советов состоял из делегатов городских Советов (1 депутат от 25 тыс. избирателей) и губернских съездов Советов (1 депутат от 125 тыс. жителей). Этим обеспечивалась «руководящая роль рабочего класса». Выборы были многоступенчатыми. Классовый характер Конституции четко просматривался и в избирательном праве, которое было всеобщим только для трудящихся. Не избирали и не могли быть избранными лица, использовавшие наемный труд или жившие на нетрудовые доходы: частные торговцы, монахи и профессиональные {38} служители религиозных культов всех исповеданий; бывшие полицейские и жандармы, лишённые избирательных прав по суду; душевнобольные.

К ведению высших органов власти были отнесены дела, связанные с внешними функциями государства (международные сношения, торговля, защита границ); хозяйственные дела (общее управление народным хозяйством, руководство его важнейшими отраслями); вопросы урегулирования межреспубликанских отношений и решения важнейших социально-культурных проблем. Наркоматы были общесоюзные (по иностранным делам, по военным и морским делам, внешней торговли, путей сообщения, почт и телеграфов) и объединенные, позднее называвшиеся союзно-республиканскими (ВСНХ, продовольствия, труда, финансов и рабоче-крестьянской инспекции), руководившие порученной им отраслью государственного управления через одноименные народные комиссариаты в каждой из союзных республик. В ведении союзных республик находились внутренние дела, земледелие, просвещение, юстиция, социальное обеспечение и здравоохранение, возглавлявшиеся республиканскими народными комиссариатами.

На основе новой Конституции СССР разрабатывались и принимались конституции союзных и автономных республик. В апреле 1925 года введена в действие Конституция ЗСФСР, в мае — РСФСР. В 1927 году принят Основной закон Белоруссии. Первые после образования СССР изменения в Конституцию Украины были внесены уже на IX съезде Советов Украины, переработанный проект утвержден в мае 1929 года. Из конституций автономных республик в 1920-е годы был разработан и вступил в силу Основной закон Молдавской АССР. Высшими исполнительными и распорядительными органами государственной власти союзных республик являлись Советы народных комиссаров, включающие соответствующие союзно-республиканские и республиканские наркоматы.

Иерархический федерализм, оформившийся в СССР с принятием Конституции 1924 года, объясняется фактическим неравенством народов. Считалось, что он представлял собой ту необходимую форму, в которой пролетариат решал национальную задачу путем действенной и длительной помощи отсталым народам в деле их хозяйственного, культурного развития, в их переходе к социализму. Автономная область и округ представлялись как форма самоуправления народов, особо нуждавшихся в поддержке центральной власти. Поэтому распределение средств между нациями в СССР осуществлялось по правилу «больше тому, кто слабее». Подобный патернализм имел и негативные следствия, порождая иждивенческие настроения среди части населения и стремление местных элит обрести более высокий этнополитический статус. Это таило реальную опасность взращивания сепаратизма «на законных основаниях». Узаконение «правил» в перераспределении средств в пользу «отсталых народов» после образования СССР породило ситуацию, когда «некоторые республики брали больше, чем отдавали в “общий котел”, то есть жили за чужой счет. Культивирование национального эгоизма, иждивенческих настроений впоследствии явилось одной из причин разрушения СССР»¹⁷⁷. {39}

Конституция СССР 1924 года принималась и в расчете на возможность расширения Союза по мере успехов революции в других странах. Она объявляла СССР интернациональным государством, открытым «всем советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в

будущем». О надежде большевиков на создание «Федерации Советских республик всего мира» свидетельствовал государственный гимн — Интернационал. И. В. Сталин, который с самого начала своего участия в борьбе за революционное преобразование России выступал против ее распада или раздела на национальные республики, в 1922—1923 годы потерпел свое «первое поражение»¹⁷⁸. При образовании и конституционном оформлении СССР восторжествовали леворадикальные утопии, которые отстаивали В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев.

Вспоминая о полной драматизма борьбе за осуществление ленинско-каменевского плана построения СССР, Троцкий «с наслаждением писал, что им удалось выкрутить Сталину руки и заставить его подготовить новую Конституцию на основе национально-территориальных единиц». На вопрос, почему леваки вынудили создать союзные республики (которые в 1991 году разрушили СССР), имеется «убедительный» ответ: «Да потому, что считали: через месяц или год в Германии победит революция. И будет неудобно, чтобы страна с такой, как у немцев, индустрией, с таким организованным рабочим классом вступила в состав отсталой сельскохозяйственной России. А вот форма союза позволит им соединиться. Как образец для этого были придуманы Украинская, Белорусская, Закавказская союзные республики. Такая же участь угрожала Польше, Чехословакии, Венгрии, где тоже должна была бы победить революция»¹⁷⁹.

РАЗВЕРТЫВАНИЕ ФЕДЕРАЦИИ БЕЗ РУССКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ

Принятие Конституции завершило первый этап создания и укрепления единого союзного государства. В дальнейшем СССР пополнялся новыми членами. В октябре 1923 года Хорезмская, а в сентябре 1924 года Бухарская народные республики провозгласили себя социалистическими. Осенью того же года на территории этих республик и Туркестанской АССР в результате национально-территориального размежевания образовались две новые союзные республики — Узбекская и Туркменская, одна автономия — Таджикская АССР в составе Узбекской), две российские автономные области — Кара-Киргизская (в 1925 г. переименована в Киргизскую АО, а в 1926 г. преобразована в Киргизскую АССР) и Кара-Калпакская АО в составе Казахской АССР. В январе 1925 года в состав Таджикистана вошла территория Памира (Горно-Бадахшанская АО), в мае III съезд Советов СССР включил в состав Союза на правах союзных республик Узбекистан и Туркменистан. В 1929 году в союзную республику была преобразована Таджикская АССР. Национальное размежевание в Средней Азии охватило территорию с населением более 17 млн человек, что позволило на долгое время обрести спокойствие и устойчивость развития всему региону. {40}

Появились новые национальные образования в составе Азербайджана (Нагорно-Карабахская АО, 1923 г.) и Украины (Молдавская АССР, 1924 г.). Созданный в 1923 году Нахичеванский автономный край в составе Азербайджанской ССР в 1924 году преобразован в Нахичеванскую АССР. Тогда же на основе союзного договора были оформлены отношения Грузии и Абхазской ССР, которая в 1931 году была включена в состав Грузии на правах АССР.

В 1924 и 1926 годах к Белоруссии были присоединены смежные территории РСФСР (части Витебской, Гомельской и Смоленской губерний) с преобладанием белорусского населения и развитой промышленностью. В результате территория БССР увеличилась в 2,5 раза, а ее население — более чем в 3 раза.

В составе РСФСР Бурят-Монгольская и Монголо-Бурятская автономные области в 1923 году образовали единую Бурят-Монгольскую АССР. В автономные республики преобразованы Карельская трудовая коммуна (1923), Автономная трудовая коммуна немцев Поволжья (1924), Чувашская автономная область (1925).

В июле 1924 года вместо упраздненной Горской АССР, изначально включавшей 7 национальных округов — Балкарский, Владикавказский, Кабардинский, Карачаевский, Назрановский (Ингушский), Чеченский и Сунженский казачий, — в результате размежевания появились Ингушская и Северо-Осетинская автономные области (1924); были созданы Карачаевская (1926) и Черкесская (1928) АО. Существовавшая с 1922 года в Краснодарском крае Адыгейская (Черкесская) АО в 1928 году была преобразована в Адыгейскую АО. При национальном размежевании на Северном Кавказе земли с преобладанием славянского населения были выведены из подчинения автономий. В Кабардино-Балкарии, Осетии, Чечне создавались казачьи автономные округа. Владикавказ и Грозный с пригородами были отдельными округами за пределами Северной Осетии и Чечни. В начале 1-й пятилетки эти округа вопреки интересам славянского населения снова при-

соединили к Чечне и Северной Осетии. Грозный стал столицей Чечни, а Владикавказ (с 1931 г. — Орджоникидзе) был до 1934 года столицей и Северной Осетии, и Ингушетии.

Во время проводившегося в 1920-е годы районирования старое административное деление (губерния, уезд, волость), не учитывавшее экономических и национальных особенностей регионов, к концу 1929 г. было заменено в РСФСР трехзвенной системой: район, округ, область (край), а в других союзных республиках — двухзвенной (район, округ). Вместо 766 старых уездов в СССР было создано 176 округов. Районирование несколько изменяло положение автономных образований. Автономные области включались в состав краев и областей. В постановлении ВЦИК РСФСР от 28 июня 1928 года подчеркивалось, что автономные республики, входя на основе добровольности в краевые объединения, полностью сохраняют конституционные права. Местные органы власти в автономиях получили возможность решать многие вопросы без согласования с Центром. {41}

При районировании национально-государственное строительство доходило до самых мелких административных единиц. В республиках выделялись округа, уезды и районы, волости и сельсоветы, компактно населенные народами, отличающимися от основного населения. При этом численная норма, необходимая для создания соответствующей национальной административной единицы, снижалась в среднем в 2,5 раза. Так, в стране появились национальные округа, уезды, районы, волости и сельсоветы. Работа по их созданию получила значительное ускорение после III съезда Советов СССР, установившего 20 мая 1925 года, что «должен быть принят... ряд дополнительных мероприятий, обеспечивающих и защищающих интересы национальных меньшинств». Постановление предусматривало, в частности, «в случаях значительной численности национальных меньшинств образование отдельных Советов с употреблением языков этих меньшинств, организацию школ и судов на родном языке». В том же году образовался Коми-Пермяцкий национальный округ в Пермской, а в 1928 году — Саранский (Мордовский) в Средне-Волжской области (в январе 1930 г. на его базе создана Мордовская АО). Помимо этого, в России были созданы 33 национальных района, 110 национальных волостей, 2930 национальных сельсоветов. Такие же миниатюрные автономии появились в других союзных республиках. Это обеспечивало наиболее полное выявление возможностей экономического, политического и культурного развития каждой национальности.

Большую роль в советизации народов Севера и Дальнего Востока, находившихся к 1920-м годам на стадии патриархально-общинных отношений, сыграл Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера), работавший при ВЦИК с июня 1924 года. Поначалу в этих районах создавались «родовые Советы» и «туземные исполкомы», которые соответствовали сельсоветам и райсоветам, развивалась промысловая кооперация.

Национальная политика СССР середины и второй половины 1920-х годов за пределами русских областей была сравнительно корректной и взвешенной. В среднеазиатских республиках сохранялись вакуфные владения (земли мусульманского духовенства), старый мусульманский суд (суд казиев) и учебные заведения (медресе). В государственный аппарат привлекались «именитые и влиятельные люди» из состоятельных слоев общества. Для вовлечения в новую жизнь патриархального крестьянства Востока создавались массовые организации бедноты и середняков — «Кошчи» и «Жарлы», не имевшие аналогов в других республиках. В отношении ислама не велось широкой антирелигиозной пропаганды. У народов Северного Кавказа действовали суды адата и шариата, производившие разбирательства спорных дел по нормам местных обычаев и религиозного права. Вместе с тем причину трудностей в проведении масштабных преобразований (национальное размежевание, земельная реформа) Центр нередко усматривал в деятельности так называемых национал-уклонистов. В 1925 году под огонь критики попал председатель Совнаркома Узбекистана Ф. Ходжаев, обвинявшийся в противодействии {42} земельно-водной реформе и покровительстве баям-землевладельцам. В конце 1928 года возобновились репрессии против султан-галиевцев. (В 1928 г. Султан-Галиев арестован, в июле 1930 г. приговорен к расстрелу, который в 1931 г. заменен десятью годами лагерей. В 1934 г. освобожден, жил в ссылке в Саратовской области. В 1937 г. снова арестован и вновь приговорен к расстрелу. Расстрелян в 1940 г. Реабилитирован посмертно¹⁸⁰.)

Углубление во второй половине 1920-х годов курса на ограничение и вытеснение капиталистических элементов, особенно переход к коллективизации, сопровождалось сужением прав национальных республик и автономных образований. Самостоятельность, свободу национального развития и «расцвет» наций центральное руководство пыталось все более ограничивать только культурно-национальной сферой. Однако и это не гарантировало от разного рода «уклонов» и на-

ционалистических проявлений. Например, на Украине серьезной проблемой стали «хвylieвизм», «волобуевщина» и «шумскизм», получившие свое название по именам видных представителей национальной элиты.

Нарком просвещения А. Шумский упрекал партийную организацию республики в том, что она недостаточно активно ведет борьбу с великодержавным шовинизмом, предлагал форсировать темпы украинизации партийного и государственного аппарата, учреждений культуры. Нарком сочувствовал писателю Н. Хвylieвому, который ориентировался в своих произведениях на буржуазный Запад и выступил с призывом «Прочь от Москвы». Экономист М. Волобуев, отрицая необходимость единого социалистического хозяйства СССР, проповедовал идею экономической самостоятельности Украины — практически ее изоляции от СССР¹⁸¹.

Издержки национальной политики на Украине пытались отнести также и на счет Сталина. Зиновьев на заседании Президиума ЦКК в июне 1927 г. назвал его политику в национальном вопросе «архибеспринципной», утверждая, что «такая» украинизация «помогает петлюровщине», а настоящему шовинизму отпора не дает. Сталин в ответ обвинял в великодержавных настроениях и извращении ленинизма оппозицию. Основания для этого имелись. Например, в теоретической работе «О национальной культуре» (1927) троцкист В. А. Ваганян писал, что «под национальной культурой следует понимать только господствующую классовую культуру буржуазии»¹⁸². Он утверждал, что «борьба за коммунизм немислима без самой решительной борьбы с национальной культурой»¹⁸³, а развивать национальные языки следует лишь для того, чтобы как можно скорее втянуть малые нации в орбиту интернациональной культуры и преодолеть национальную культуру¹⁸⁴.

Критикуя подобные воззрения (особенно выводы для практической политики), Сталин говорил в августе 1927 года, что Ленин призывал к развитию национальной культуры в национальных областях и республиках, а Зиновьев «думает теперь перевернуть все это, объявляя войну национальной культуре». А для пушей важности было добавлено: «То, что здесь наболтал Зиновьев о национальной культуре, следовало бы увековечить {43} для того, чтобы партия знала, что Зиновьев является противником развития национальной культуры народов СССР на советской основе, что он является на деле сторонником колониаторства»¹⁸⁵.

Союзный центр с момента образования СССР опасался образования полноправных органов власти в РСФСР и более всего — появления русской республики в союзном государстве. Однако вопрос о них в силу явных противоречий в национально-государственном устройстве СССР не терял актуальности на протяжении всей его истории.

В 1925 году вопрос о национальной организации русских возник в связи с преобразованием РКП(б) в ВКП(б). 15 декабря на пленуме ЦК предлагалось сохранить РКП(б) путем образования русской или российской парторганизации по образцу аналогичных организаций в других республиках. Если И. В. Сталин уходил от положительного решения этого вопроса, полагая, что это будет «политическим минусом», то Л. Д. Троцкий без обиняков заявил, что создание русской ли, российской ли парторганизации осложнило бы борьбу с «национальными предрассудками» у рабочих и крестьян и могло стать «величайшей опасностью»¹⁸⁶. Позднее он пояснял: «Федеративный строй советской республики представляет собою компромисс между централистическими потребностями планового хозяйства и децентралистическими потребностями развития наций, угнетавшихся в прошлом»¹⁸⁷. Русский народ, по Троцкому, к таковым не относился.

«ВАНЬКА ПРЕТ!»

Чаще всего противоречия в отношениях между народами СССР обнаруживали себя при составлении бюджетов (роспись денежных доходов и расходов), составляемых для государства и местных органов управления на предстоящий год (годы). Особой остроты столкновение интересов по бюджетным вопросам приобретало в сложной по устройству РСФСР. Из-за низкого уровня экономического развития, отсутствия промышленных отраслей, являющихся источниками национального дохода, национально-государственные образования РСФСР в первые годы существования СССР имели крайне скудную финансовую базу. Большую часть в их «доходах» составляли дотации. 29 декабря 1924 года ВЦИК и СНК РСФСР утвердили Положение о государственном субвенционном фонде для финансирования местных бюджетов¹⁸⁸. Фонд был создан для оказания помощи автономным республикам, областям и губерниям Российской Федерации в интересах их социально-экономического развития. В 1925—1931 годах субвенции (целевые государственные пособия) были основным источником пополнения местных бюджетов, позднее этим источником стали отчис-

ления от государственных доходов и налогов.

«Положение о бюджетных правах автономных советских социалистических республик», принятое 21 апреля 1925 года, мало устраивало руководителей автономных республик, поскольку они не могли существенно влиять на размеры субвенций. К примеру, при рассмотрении проекта государственного бюджета в октябре 1925 года на сессии ВЦИК XII созыва {44} лидеры республик отмечали, что национальная экономика и культура финансируются в недостаточной степени, потому что большей частью союзного бюджета пользуются русские губернии и области Российской Федерации¹⁸⁹.

Несогласным с распределением бюджетных средств возражал Д. Б. Рязанов, директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Он говорил: «Все республики должны знать, что РСФСР приносит громадные жертвы в пользу СССР, приносит эти громадные жертвы тогда, когда крестьянство РСФСР находится в худшем положении, чем крестьянство остальных членов Союза ССР. И не только крестьянство, это надо подчеркнуть». Рязанов осудил «увлечение местническими интересами» и призвал освободиться от «местного, иногда отдающего кулачеством, патриотизма районов, губерний, областей... Осознавая свои обязанности перед местами, — сказал он, обращаясь к членам ВЦИК, — вы должны помнить, что еще выше ваши обязанности перед СССР, перед пролетариатом всего мира и перед будущими судьбами Советской Социалистической Республики»¹⁹⁰.

Участники собрания не замедлили выступить с протестом против такого понимания интернационализма и заявления о том, что помощь автономиям приносится «на горбе русского крестьянина». «РСФСР и СССР не из филантропических соображений помогают друг другу», взаимопомощь направлена «на то, чтобы вызвать подъем производительных сил отсталых районов... чтобы мы вышли из бедного состояния. Тов. Рязанову, как известному комментатору марксизма, должно быть известно, что с уничтожением экономического неравенства уничтожится и политическое неравенство. И национальный антагонизм в том числе»¹⁹¹, — напоминал Дж. Галли, инструктор ВЦИК.

Причину недостаточных темпов преодоления экономического неравенства депутаты усматривали в нарастающей централизации в управлении страной и в усилении великодержавного шовинизма в политике Центра. Созванное 12 ноября 1926 года по инициативе заместителя председателя СНК РСФСР Т. Р. Рыскулова «частное совещание националов — членов ВЦИК и ЦИК СССР и других представителей национальных окраин» было призвано найти способы преодоления этих негативных тенденций.

В докладах на совещании выявилось немало противоречий во взаимоотношениях Центра и автономий. Рефреном повторялись заявления о том, что централизация ужесточается; постановления, принятые на сессиях ВЦИК, остаются на бумаге. У. Д. Исаев, председатель СНК Казахской АССР, заявил, что решения X, XII съездов партии не проведены в жизнь; развитие автономных республик и областей идет «значительно медленнее, чем русской части Федерации»¹⁹², что связано это с проявлениями шовинизма в деятельности отдельных работников центральных наркоматов. При обсуждении вопроса, как всему этому положить конец, родилась идея о выделении из состава Российской Федерации «Русской республики». Представлялось, что это позволит покончить с шовинистическими проявлениями со стороны бюрократии, засевавшей в центральных наркоматах. {45}

М. В. Шевле, представитель Чувашской АО при Президиуме ВЦИК, причину «ненормальных отношений» автономий с русской частью РСФСР видел в том, что «построение Российской Федерации устарело». За образец устройства предлагалось взять ЗСФСР, в которой республики самостоятельны, в то время как в РСФСР «каждая автономная республика противопоставляется ряду русских губерний». «Единственно правильным решением этого вопроса, — полагал Шевле, — была бы такая организация РСФСР, при которой русская часть Федерации представляла одну административную единицу, иначе говоря, “Русскую республику”»¹⁹³. В частности, в этом случае не было бы необходимости Наркомпросу подчинять себе наркомпросы автономных республик.

Обсуждалась и другая распространенная идея — о выходе автономий из состава РСФСР и включении их в СССР в качестве союзных республик подобно Украине и Белоруссии. Вспоминали и о проекте, составленном заведующим отделом национальностей ВЦИК С. Д. Асфендиаровым для Политбюро, о преобразовании автономных республик в союзные, автономных областей в автономные республики. Реализация этих идей, как отметил председатель Совнаркома Башкирской АССР М. Д. Халиков, логически тоже вела к созданию «Русской республики», поскольку, «если все автономии выйдут из РСФСР, возникнет “Русская республика”»¹⁹⁴.

Выступающие соглашались, что государственная национальная политика неудовлетворительна, но не спешили признать ее в корне неверной. Шовинистические проявления со стороны

центрального аппарата управления объяснялись влиянием нэпа. «Растет активность крестьянства, мелкой буржуазии, — говорил председатель Совнаркома Дагестанской АССР Н. Самурский, — и это вызывает великодержавный... и, соответственно, местный национализм». Усиление «экономической мощи великорусского крестьянства на базе частичного восстановления капиталистических отношений в деревне вызывает развитие великодержавного шовинизма, а переход бывших угнетенных народов от родового племенного быта к национальному существованию ведет к росту местного национализма»¹⁹⁵. Подлежащая решению проблема была изложена Самурским в рискованной формулировке: «Как приостановить, фигурально выражаясь, наступление “Ваньки” и контр наступление, скажем, “Османа”?» Разъясняя, почему «Ванька прет» (то есть недоволен условиями жизни, положением в обществе, на производстве, добивается перемещения на лучшие позиции в отношениях с представителями национальных меньшинств), Самурский говорил: «“Ванька” культурнее, экономически мощнее, сумел быстрее восстановить свое хозяйство, чем “Магомет” или “Осман”... Разумеется, восстановительный, созидательный процесс идет и в автономных республиках, но по сравнению с тем успехом, который достигнут в губерниях, он ничтожен. Я бы сказал, что автономные республики живут в XVII или XVIII веке, а центральные губернии — в XX... С улучшением экономического состояния русского крестьянства мелкобуржуазные влияния оказывают свое действие на советский аппарат, который, в свою очередь, {46} начинает давить на автономные республики, возникают бюрократические извращения на почве национальной политики»¹⁹⁶.

Решения этих извращений на пути создания «Русской республики» Самурский не видел. Он предложил участникам совещания: «На минуту забудем, что мы — интернационалисты... и подойдем к этому с точки зрения наших национальных интересов. Я утверждаю, что, если мы решим это, мы потеряем все завоевания, которые наша партия имеет в национальном вопросе. (Голоса: «Правильно!») Потому что единый русский кулак сильнее вас ударит... Вы не выиграете! Что произойдет?... Возьмите Татарскую республику, там 49 % населения — русские. Возьмите Крым, там большая часть населения русские. С Казахстаном, который, может быть, больше всех имеет право стать независимой республикой, случится то же самое, то есть из всех республик, в которых 30—40 % населения — русские, естественно, русские присоединятся к Русской республике... Сможете ли вы тогда защитить свои автономные права, о которых мы так много говорим?... Не сможете. Этим вы еще больше усилите национальный антагонизм и осложните положение в СССР и РСФСР. Автономии потеряют не только политически, но и экономически... Вы совершаете величайшую ошибку, поднимая вопрос о “Русской республике”»¹⁹⁷.

Перед участниками «частного совещания» была нарисована мрачная перспектива: «Чем скорее мы отойдем от Российской Федерации, тем больше русский шовинизм усилится и, следовательно, местный сепаратизм... Выход из РСФСР автономных республик и переход в разряд союзных, с выделением особой, чисто великорусской республики... должен быть решительно отвергнут... Такое решение поведет не к ослаблению национального антагонизма, а к усилению великодержавного шовинизма в “Русской республике”, лишенной национальных компонентов... Оставшиеся в национальных республиках русские, стремясь воссоединиться с выделенным ядром, будут раздирать территориально организм национальных республик... Татария, Башкирия, Крым окажутся в невозможном положении»¹⁹⁸.

Н. Самурский обращал внимание национальных руководителей на экономические выгоды нахождения автономий в составе РСФСР и союзного государства. Пока окраины догоняют более культурные и сильные в экономическом отношении центральные губернии, сказал он, до тех пор русский рабочий класс обязан оказывать соответствующую поддержку автономиям, то есть до преодоления фактического неравенства. Самурский обратился к лидерам автономий с вопросом: «Если вы отделитесь, вы будете получать поддержку? Сумеете ли вы защитить политическую независимость? Нет... потому, что вы окажетесь в ничтожном меньшинстве»¹⁹⁹. То есть самоопределение русского народа расценивалось как шовинизм, а самоопределение других народов — как необходимое условие их национального развития. Национальные интересы русских в автономных образованиях попросту игнорировались.

Критикуя идею об образовании «Русской республики» и выходе автономий из состава РСФСР, Н. Самурский отметил мудрость руководителей {47} Дагестана, который «60 лет боролся с царизмом; по географическому положению и политическому весу легко мог войти в СССР в качестве независимой республики, тем более что население состоит из кавказских народностей (русских не наберется и 5 %)», но «мы этот вопрос не ставили и не поставим потому, что это не в интересах Дагестана»; путь решения вопроса — «не в ликвидации Российской Федерации, не в выде-

лении автономных республик в независимые, а в теснейшем сплочении автономий с Великороссией». Руководители национальных республик были призваны «сильнее объединиться с РСФСР, внести дополнения и уточнения в Конституцию, укрепить свое положение в центральных наркоматах и во ВЦИК»²⁰⁰.

Мнение Н. Самурского разделял председатель Совнаркома Башкирской АССР М. Д. Халиков. Полную солидарность с ним выразил также У. Д. Исаев, председатель СНК Казахской АССР: «Постановка вопроса о выделении “Русской республики” не выдерживает никакой критики с точки зрения партийной программы. Российский пролетариат провозгласил свободу и равенство всех ранее угнетавшихся наций, российский пролетариат дал возможность выделиться в автономии для хозяйственного и культурного развития. Теперь, когда эти национальности значительно выросли в хозяйственном и культурном отношении, ставить вопрос о выделении “Русской республики” — значит отказаться от интернационализма; это узко-националистическая, шовинистическая тенденция... не говоря уже об экономической невыгодности этого вопроса для национальных республик, которые вследствие своей отсталости все-таки в финансовом отношении по большей части живут за счет поддержки русской части РСФСР. Это — буржуазно-националистический уклон в наших краях»²⁰¹.

Председатель ЦИК Казахской АССР С. М. Мендешев мрачно заметил, что от образования «Русской республики» «малочисленным национальностям лучше не будет», и выдвинул перед коллегами задачу: «Мы должны говорить об организации жизни национальностей не только в связи с тем, что надо бороться с “русским Ванькой”, а потому, что необходимо обеспечить права национальных республик и областей, их участие в планировании и регулировании хозяйства и в связи с этим усилить их влияние на ведомства»²⁰².

На совещании возобладало мнение Самурского: перспектива выхода автономных республик из Российской Федерации, обретения ими статуса союзной республики, образования чисто великорусской республики должна быть решительно отвергнута, ибо «приведет не к ослаблению национализма, а к усилению его». Наиболее действенным для разрешения противоречий между русским Ванькой и мусульманским Османом посчитали предложение Ю. А. Абдрахманова, председателя СНК Киргизской АССР: для урегулирования взаимоотношений национальных республик и областей с основной частью русского населения нужно идти не по пути организации русской единицы, а по пути расширения правовых полномочий республик и областей²⁰³. {48}

На том и порешили. На протяжении второй половины 1920-х и в 1930-е годы оказание финансовой помощи автономным республикам и областям оставалось важной составляющей государственной бюджетной политики. Реальный бюджетный федерализм не был в интересах «националов». Если бы каждое национально-государственное образование существовало на началах бюджетной автономии, то «выравнивание наций» стало бы невозможно. Поэтому Советская Россия, финансирующая молодые национальные республики с начала своего существования, продолжала делать это и в последующем. Доля собственных доходов в их бюджете составляла незначительную часть, бюджет сводился при помощи дотаций. В 1930 году дотации в бюджете Карельской АССР составляли 61 %, Чувашской АССР — 65 %, Якутской АССР — 63 %²⁰⁴. Бюджетные расходы в республиках Средней Азии и Казахстана за первую пятилетку на 50—85 % покрывались за счет средств, получаемых из центра страны, в Киргизии — на 96,3 %²⁰⁵.

В январе 1927 года по инициативе отдела национальностей при Президиуме ВЦИК РСФСР было создано Первое Всероссийское совещание по работе среди национальных меньшинств. На нем речь вновь зашла о статусе русского народа. Однако своеобразным рефреном совещания, главной озабоченностью собравшихся снова стали фраза «Ванька прет» и необходимость «бороться с русским Ванькой». Выдвижение вопроса о русской республике признали нецелесообразным на том основании, что это могло иметь худшие последствия для «мелких национальностей». О том, нужно ли это русскому народу, никто не говорил. Совещание в очередной раз показало, что «самостоятельным субъектом национальной политики русские не выступали, являясь преимущественно объектом большевистских экспериментов»²⁰⁶.

Такие настроения, сформировавшиеся в начале советского периода отечественной истории, со временем приобрели силу предрассудка. В 1990 году, когда возникла одна из первых идей будущего Основного закона государства, в Конституционной комиссии было выдвинуто предложение о создании наряду с национально-территориальными образованиями еще примерно столько же «русских» федеральных единиц и все эти единицы назвать республиками. Образцом выступали, конечно, известные федерации — соединенные штаты (Америки, Бразилии, Мексики), по-русски — соединенные государства (республики). «Я до сих пор не знаю, как мы после этого

остались живыми, — вспоминает один из участников событий тех лет. — Потому что, с одной стороны, на нас набросились представители республик, те, кого мы называем этнократией, которые не желали даже мысли допустить о том, что какие-то другие единицы могут иметь одинаковый статус с республиками. А с другой стороны, краевая, областная бюрократия тоже очень боялась за свое положение, потому что, если число краев и областей уменьшить, значит, кто-то вылетит с руководящего кресла»²⁰⁷.

История образования и последующего развития Союза ССР показывает, что русские национально-государственные интересы были, по сути {49} дела, принесены в жертву интересам призрачного Мирового СССР и национализму «угнетенных» народов бывшей царской России. Сталин должного упорства в отстаивании своего «плана автономизации» для СССР не проявил, хотя, как довольно отчетливо представляется с высоты сегодняшнего дня, его реализация создавала бы лучшие предпосылки для последующей оптимизации системы межнациональных отношений в стране²⁰⁸. Осуществить же принцип «вместе и наравне» в отношении всех народов СССР, включая русский, ленинским планом не предусматривалось с самого начала. К сожалению, ни при образовании СССР, ни позже у русских национальных интересов квалифицированных защитников не оказалось²⁰⁹.

Официальная идеология вплоть до конца 1920-х годов исходила из тотального осуждения до-революционной истории страны. Русскому народу навязывалась мысль, что до революции у него не было и не могло быть своего отечества. Россия именовалась не иначе как тюрьмой народов, русские — эксплуататорами, колонизаторами, угнетателями других народов. Патриотизм как таковой приравнивался к национализму — свойству эксплуататоров и мелкой буржуазии. Руководство страны призывало искоренить национализм в любой его ипостаси. При этом главная опасность виделась в великодержавном (великорусском) национализме, местный национализм до некоторой степени оправдывался.

«НАДО ДАТЬ НАЦИОНАЛЬНЫМ КУЛЬТУРАМ РАЗВИТЬСЯ»

С утверждением у власти Сталина как единоличного политического лидера его представления о процессах в национальной сфере жизни общества приобретали все большее значение. С его именем связывалось классическое определение нации, представления о новых, советских нациях. Общечеловеческая культура, к которой идет социализм, изображалась им как пролетарская по содержанию и национальная по форме. Переход к такой культуре мыслился происходящим в порядке одновременного развития у национальностей СССР культуры национальной (по форме) и общечеловеческой (по содержанию). Сталин внес успокоение в национальную среду дискредитацией положения о том, что в СССР уже за период социалистического строительства исчезнут нации. Особенно воодушевляющей для «националов» стала установка, согласно которой, период победы социализма в одной стране будет этапом роста и расцвета ранее угнетенных наций, их культур и языков; утверждения равноправия наций; ликвидации взаимного национального недоверия; налаживания и укрепления интернациональных связей между нациями.

В наиболее общем виде диалектика национального вопроса представлена Сталиным 27 июня 1930 года в политическом отчете ЦК XVI съезду партии: «Надо дать национальным культурам развиваться и развернуться, выявив все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком в период победы социализма во всем мире. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране {50} для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт, — в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре»²¹⁰. Таким образом, выходило, что в обозримой исторической перспективе национальным культурам не угрожало ничего, кроме «расцвета». Всю совокупность сталинских теоретических новшеств, как и национальную политику второй половины 1920-х годов, можно расценить как вынужденную уступку националам и национальным предрассудкам²¹¹.

Обретение народами бывшей Российской империи государственности и автономии вело к пробуждению чувства национальной общности, росту национальных настроений. Политика коренизации (вовлечение представителей всех национальностей в состав руководящего аппарата, интеллигенции, рабочего класса) вела не только к позитивным сдвигам в структуре коренного населения, но и к оформлению местных элит с присущей им национальной спецификой, попытками

обретения бесконтрольной самостоятельности, уклонами к местному национализму и сепаратизму.

Организуя реальную помощь отсталым в прошлом народам, государство в то же время превентивными ударами пыталось обезопаситься от национал-уклонизма и сепаратизма. Результатом стали растущие потери народов от репрессий. Однако это не означает, что национальная политика в СССР представляла собой возврат к политике великорусского национализма и восстановлению бывшей империи. С этим не согласуется отсутствие признаков господства русских над «порабощенными» народами. Эксплуатация русскими объединенных с ними народов была напроочь исключена. Русские области РСФСР, начиная с 1917 года, вынуждены были постоянно больше отдавать, чем получать от других народов, имевших свои национальные образования. Русские, как и до революции, оставались главной опорой, государствообразующей нацией и во многом обеспечивали выживание и модернизацию всех советских республик.

ПАТРИОТАМИ КАКОГО ОТЕЧЕСТВА БЫЛИ БОЛЬШЕВИКИ В 1920-Е ГОДЫ

Почти все 1920-е годы истории нашей страны прошли в ожидании мировой революции и готовности российских адептов к сражениям на ее баррикадах. Брестский мир был, как известно, заключен не от избытка миролюбия в большевистской среде. Противники этого «похабного» мира выступали против его подписания под провокационными лозунгами: «Ни мира, ни войны» (Троцкий) и «Немедленная революционная война» (левые коммунисты во главе с Бухариным). «Раз началась пролетарская революция, — говорил, например, М. Н. Покровский, оказавшийся в тот момент в стане бухаринцев, — она должна развертываться во всеевропейском масштабе, или она падет и в России»²¹². Ленин миротворцем был лишь потому, что в отличие от своих соратников сознавал невозможность собрать под знамена всемирной революции достаточное число боевиков. «Мы — оборонцы теперь, с 25 октября 1917 года, мы — за защиту отечества {51} с этого дня»²¹³, — выставил он тогда свое новое кредо, разясняя попутно, что принимать военную схватку с бесконечно более сильным неприятелем, когда не имеешь армии, значит, совершать преступление с точки зрения защиты отечества. Однако и отечество, и патриотизм в трактовке Ленина своеобразны. Это были «социалистический патриотизм» и «родина» абстрактного мирового пролетариата, патриотами которой заведомо не могли считаться не только «буржуи», но и все другие непролетарские, мелкобуржуазные массы — подавляющее большинство населения России и других стран мира. Патриотизм последних мог быть в представлениях большевиков только национализмом и шовинизмом.

Первое поколение советских людей в советской стране воспитывалось не для защиты родины, а для всемирных идеалов, способы осуществления которых в первые революционные годы никак не камуфлировались. Ленин говорил на IX партконференции (1920) о необходимости красной интервенции на Запад. В этом же духе был составлен приказ М. Н. Тухачевского о походе на Варшаву. Троцкий намечал вторжение в Индию. М. В. Фрунзе писал: «Мы — партия класса, идущего на завоевание мира»²¹⁴. Только с учетом таких умонастроений и действий можно объяснить, почему нарком просвещения А. В. Луначарский, выступая в сентябре 1918 года перед учителями с лекцией «О преподавании истории в коммунистической школе», был по-революционному безапелляционен: «Преподавание истории в направлении создания народной гордости, национального чувства и т.д. должно быть отброшено; преподавание истории, жаждущей в примерах прошлого найти хорошие образцы для подражания, должно быть отброшено»²¹⁵.

Доводов у наркома было много. Главный — в том, что только благодаря «проклятой национальной школе в Германии, где немцы искуснее всех поставили свое преподавание “патриотизма”... возможна стала мировая бойня». Воспитывать в учениках «здоровую любовь к родине» (к этому были призывы на недавнем Всероссийском учительском съезде), родному языку — неверно уже потому, что «здоровые» чувства есть не результат воспитания, а следствие обстоятельств, языковой среды, окружающей природы, одним словом, привычка. Специально воспитывать ее — «это глупость, это все равно что учить блондина быть блондином». Говорить, будто русский язык самый лучший, по Луначарскому, было равносильно утверждению, что французский и немецкий никуда не годятся. Кроме того, это значило бы не понимать «проклятие человечества, что мы не можем слиться в единую человеческую семью, потому что языки, разнородность быта создают препятствие такому братству»²¹⁶.

Социалисты, настаивал А. В. Луначарский, «должны положить в основу преподавания интернациональный принцип, принцип международной, принцип всеобщности человечества». По-

этому единственно правильным полагалось «воспитывать интернациональное, человеческое». Стирая грань между интернациональным и космополитическим, нарком призывал: «Воспитывать нужно человека, которому ничто человеческое не было бы {52} чуждо, для которого каждый человек, к какой бы нации он ни принадлежал, есть брат, который абсолютно одинаково любит каждую сажень нашего общего земного шара и который, когда у него есть пристрастие к русскому лицу, к русской речи, к русской природе, понимает, что это — иррациональное пристрастие»²¹⁷.

Естественно, интернационализм в такой трактовке не мог не вступать в противоречие с понятием государственного и национального патриотизма. «Конечно, идея патриотизма — идея насквозь лживая», — продолжал Луначарский «просвещать» учителей на Всесоюзном учительском съезде в январе 1925 года, утверждая, что в проповеди патриотизма были заинтересованы только эксплуататоры, для которых «задача патриотизма заключалась в том, чтобы внушить крестьянскому парнишке или молодому рабочему любовь к “родине”, заставить его любить своих хищников»²¹⁸. В конце концов, «что такое, в самом деле, родина при капиталистическом строе, что такое каждая отдельная страна, держава?»²¹⁹ — вопрошал он и не преминул подчеркнуть эфемерность и историческую случайность пребывания различных «родин» и «держав» на свете белом: «Очень редко вы найдете такую страну, в которой случайно граница ее совпадает с границами расселения данного народа. В огромном большинстве случаев вы имеете державы, подданные которых в демократической стране прикрыты лживым термином “граждане” — люди различных национальностей»²²⁰. Таким образом, школьные учителя призывались к необходимости воспитывать из своих питомцев граждан — не «лживых», а «настоящих». А насчет патриотизма нарком успокаивающе заверял: «Естественно, что этот патриотизм сейчас разлагается»²²¹.

Немало способствовавший такому разложению интернационалист Г. Е. Зиновьев в своем вступительном слове на V конгрессе Коминтерна (17 июня 1924 г.) с сожалением отмечал, что произошла ошибка «в оценке темпа» мировой революции, «и там, где надо было считать годами, мы иногда считали месяцами»²²². Ошибка в сроках объясняла, почему «нам предстоит еще завоевать пять шестых земной суши, чтобы во всем мире был Союз Советских Социалистических Республик». Впасть в уныние по случаю запаздывания революции, по Зиновьеву, было величайшим оппортунизмом²²³. Тем не менее через три года пришлось признать неточным и темп, «рассчитанный» Зиновьевым. В 1927 году в призывах к годовщине революции под 13-м номером значилось: «Да здравствует мировой Октябрь, который превратит весь мир в Международный Союз Советских Социалистических Республик!» А о сроках можно было узнать следующее: «Первые десять лет международной пролетарской революции подвели капиталистический мир к могиле. Второе десятилетие его похоронит»²²⁴.

Конечно, не 13-е число тому виной (хотя свою дурную славу оно на сей раз полностью подтвердило), но и новый прогноз через 10 лет оправдался с точностью до наоборот. Однако энтузиасты от мечты своей не отступались. В связи с празднованием 20-й годовщины Октября по инициативе М. Горького готовился пятитомный труд, призванный показать достижения {53} социалистического строительства. Заключительный том предполагалось назвать «Взгляд в будущее» и включить в него «научно обоснованные фантазии». В 1936 году состоялось несколько заседаний авторского коллектива, в ходе которых известнейшие ученые, деятели культуры и искусства, хозяйственники пытались описать, что ждет в ближайшем будущем Европу и мир в целом. При этом писатель В. М. Киршон затеял целую дискуссию на тему: «Весь мир через 15—20 лет будет социалистическим или только одна Европа?»²²⁵ Грядущая победа коммунизма по-прежнему мыслилась как Всемирный СССР. Об этом пели повсюду: «Два класса столкнулись в смертельном бою, / Наш лозунг — Всемирный Советский Союз. / Наш лозунг — Всемирный / Советский Союз»²²⁶. Что же касается официальных трактовок этого вопроса, то к середине 1930-х годов они стали звучать куда как сдержаннее²²⁷.

Как представляется, отношение к мировой революции, утвердившееся в сталинском штабе, довольно точно отражают фальшивые постановления ЦК ВКП(б), запущенные советскими спецслужбами в целях дезинформации потенциальных военных противников. В одном из них, якобы от 24 мая 1934 года, значилось, что «ВКП(б) должна временно отказаться от самого своего идейного существа для того, чтобы сохранить и укрепить свою политическую власть над страной»²²⁸. В частности, партия и правительство должны были «считаться с вынужденной необходимостью отсрочки мирового торжества коммунизма и своевременно провести нелегкий маневр отступления внутри страны для усиления своей сопротивляемости вероятному внешнему натиску»²²⁹. С учетом ситуации в стране и мире, как «категорически» заявлялось в другом «постановлении» (от 15 августа 1934 г.), мировая революция «может быть достигнута лишь при наличии мощного коммуни-

стического государства, цитадели большевизма и неиссякаемого резервуара коммунистического энтузиазма и кадров революции»²³⁰. На укреплении цитадели, а вовсе не на раздувании мирового пожара на горе всем буржуям и решено было тогда сосредоточиться. Тем самым изготовители «постановлений» рассчитывали внести успокоение и в среду мировой буржуазии.

История переоценки темпов мировой революции лидерами большевиков заставила забежать несколько вперед. Возвращаясь в 1920-е годы, следовало бы отметить роль влиятельных партийных функционеров в освещении теории и истории национальной культуры и национальной истории России.

САМАЯ ОПАСНАЯ ФОРМА НАЦИОНАЛИЗМА?

Ярким примером революционера, понимавшего интернационализм в ультралево выраженном, являлся Л. Д. Троцкий. Разделявшая его взгляды «горстка таких же догматиков и одновременно романтиков, революционеров-космополитов, каким оставался до самой гибели он сам»²³¹, была не такой уж и маленькой. Как течение общественной мысли и как общественное движение троцкизм живет и в наши дни. Национальная культура в троцкистской {54} трактовке — синоним культуры буржуазной, которая в переходный период к социализму должна была разделить судьбу этого класса. Возрождение наций при социализме, а тем более изобретенный Сталиным «расцвет» национальных культур воспринимался ими как самая опасная форма национализма²³².

В. А. Ваганян, широко известный в 1920-е годы автор работ по философским проблемам культуры, один из членов-учредителей Общества воинствующих материалистов и член его президиума, представлял в своей книге «О национальной культуре» (1927) развертываемую в СССР культурную революцию явлением, «обратным, противоположным национальной культуре» процессом, при котором «мы не только не создаем и не обогащаем так называемую “национальную культуру” своей настоящей культурной революцией, а наоборот, мы разрушаем, убиваем, хороним и вбиваем осиноный кол в могилу этого остатка и самого опасного пережитка буржуазной культуры»²³³.

Формирование социалистической общности людей и ее культуры (слияние наций) мыслилось при этом как процесс вытеснения элементов национальной культуры (которые якобы не могли быть никакими иными, кроме как буржуазными, крепостническими, националистическими, даже каннибальскими²³⁴) и наращивания элементов культуры интернациональной — культуры «декабристов, Белинских, Чернышевских, Плехановых, Ленина». За пределами великорусских областей задача партии усматривалась в том, что «она выявляет элементы интернациональной культуры у себя дома и создает, сажает на почву условий быта своего народа интернациональную культуру более высоко развитых народов»²³⁵. В мировом масштабе, согласно Троцкому (статья «Мысли о партии», 1923), разрешить национальный вопрос было можно, только обеспечив за всеми нациями «возможность ничем не стесненного приобщения к мировой культуре — на том языке, который данная нация считает своим родным языком»²³⁶.

Многообразие языков, естественно, выступало в качестве фактора, замедляющего приобщение к мировой культуре. «Уже теперь, — писал по этому поводу В. А. Ваганян, — существование множества национальных языков является колоссальным препятствием хозяйственного общения народов»²³⁷. Однако препятствие это казалось не таким уж труднопреодолимым. Самодовлеющей ценности в национальных языках не усматривалось. Считалось, что они представляют собой лишь «формальный признак» культуры²³⁸. К тому же ни один из национальных языков не был «чистым», каждый из них представлялся продуктом сложного взаимодействия целого ряда языков, многократных исторических наслоений, каждый не раз «скрещивался со многими языками, одних ассимилируя, от других вбирая большое число корней и понятий»²³⁹. Учитывая все это, предлагалось на первых порах всемерно развивать национальные языки «как кратчайший путь внедрения интернациональной культуры пролетариата в народные толщи»²⁴⁰ и осуществлять таким образом создание «интернациональной культуры на национальных языках»²⁴¹. {55}

Впрочем, этот путь представлялся не единственным и не главным. Законы предстоящей эпохи, по мнению Ваганяна, таковы, что не только не помогают замыканию и развитию национально-го языка, но в гораздо более ускоренном темпе продвигают дело стирания межнациональных границ, дело поглощения слабых, неразвитых, небогатых языков и наречий наиболее сильными и мощными языками²⁴². Иначе говоря, Ваганян утверждал: «При социализме совершится процесс, который диалектическим противоречивым путем приведет — и не может не привести — к постепенному уничтожению национальных языков, слиянию их в один или несколько могучих интер-

национальных языков»²⁴³. Видимо, не случайно в возглавляемой Троцким Красной Армии изучение эсперанто до 1923 года было особым знаком интернационализма²⁴⁴. Этот искусственный международный язык мыслился как язык, могущий в будущем прийти на смену национальным языкам всех народов мира. Во второй половине 1920-х годов подобную роль в масштабах СССР троцкисты стали отводить русскому языку. Ваганяну он представлялся языком «всесоюзной коммунистической культуры, которую мы вырабатываем *все вместе*. Но ко всему этому русский язык *есть межнациональный язык нашего Союза*... далее, это язык нашей единой союзной экономики»²⁴⁵.

КАК ПЫТАЛИСЬ ЗАБЫТЬ ИСТОРИЮ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В исторической науке наибольшим влиянием в 1920-е годы обладала школа академика М. Н. Покровского. Историки этой школы в полном соответствии с установками Коминтерна и общими устремлениями тех лет игнорировали даже ленинское указание о наличии двух патриотизмов в русской истории (соответствующих ленинским «двум нациям в каждой современной нации»²⁴⁶), полагали, что патриотизм не бывает ни каким иным, кроме как казенным и квасным, и не иначе как национализмом и шовинизмом.

Покровский, бесценно командовавший историческим фронтом большевиков в течение пятнадцати пореволюционных лет, еще при жизни завоевал себе известность более громкую, чем у литературного персонажа, распорядившегося «закрыть Америку». В 1922—1923 годы во многом благодаря его усилиям была закрыта для изучения в государственной общеобразовательной школе русская история²⁴⁷. Предварительно историк-революционер «обосновал» своими разоблачительными учеными трудами необходимость этой меры. Потому, дескать, что отечественная история шла не тем путем, каким ей следовало идти, что включение нерусских народов в русло единой государственности было абсолютным злом, и по другим, столь же революционным, сколько и абсурдным основаниям²⁴⁸. В школе ставились под сомнение и отрицались сами понятия «Россия», «патриотизм», «русская история».

Никакого иного понятия, кроме как «тюрьма народов», для многонациональной дореволюционной России в школе не предлагалось. Название «Россия», по Покровскому, по-настоящему надо писать в кавычках, «ибо “Российская империя” вовсе не была национальным русским государством. {56} Это было собрание нескольких десятков народов... объединенных только общей эксплуатацией со стороны помещичьей верхушки, и объединенных притом при помощи грубейшего насилия»²⁴⁹. Естественно, никаких общенациональных патриотических чувств к такому отечеству-тюрьме, по логике историка, быть не могло. Патриотизм, утверждал он, это болезнь, которой могут страдать только мелкие буржуа, мещане. Ни капиталисты, ни тем более пролетарии ей не подвержены. В статье, написанной к десятилетию Октября, Покровский утверждал, что в СССР этой болезнью «вместо миллионов, как это было в Западной Европе, вместо сотен тысяч, как это было у нас в начале 1917 года, хворают только единицы»²⁵⁰. В 1918 году при заключении Брестского мира российский пролетариат, по Покровскому, якобы продемонстрировал полное отсутствие патриотизма, никак не прореагировав на потерю якобы Россией восемнадцати якобы русских губерний. «Пролетариат, — писал он, — не стал проливать свою кровь для защиты географического отечества, на самом деле являвшегося результатом освященных древностью феодальных захватов. Он громко и внятно сказал всем, что защита его классовых интересов, защита завоеваний революции для него важнее всякой националистической географии»²⁵¹. Тем самым пролетариат якобы навсегда покончил с патриотизмом — «одним из китов мелкобуржуазного мирозерцания». Признавая, что наибольшая угроза большевикам может исходить лишь из лагеря патриотов, Покровский успокаивал власть предержащих. Вновь-де восстановить иллюзии «националистического отечества — это задача, материально не осуществимая»²⁵², мелкобуржуазные настроения такого рода могут сплотить лишь совершенно ничтожные кучки, не представляющие уже серьезной опасности для революции. С «кучками» этими, как увидим дальше, власти вели борьбу в буквальном смысле слова не на жизнь, а на смерть.

В таком же духе, несколько выправляя левизну Покровского, о патриотизме писала в начале 1930-х годов Малая советская энциклопедия, рассчитанная на самое широкое внимание советских людей. В статье о патриотизме, помещенной в шестом томе МСЭ, отвергалось понимание этого феномена феодальными и буржуазными историками как «природного чувства, присущего чуть ли не всякому животному»²⁵³ (видимо, отсюда и развитое в либеральной прессе уничижение от Б. Окуджавы: «патриотизм чувство не сложное, оно есть даже у кошки»)²⁵⁴, ибо привязанность животного к определенному месту продолжается только до тех пор, пока оно дает ему средства к су-

ществованию. В человеческом обществе патриотизм обнаруживался лишь у господствующих классов, трудящиеся этого чувства были лишены: «Пролетариат никогда не имел в буржуазном государстве своего отечества, так же как не имели его рабы и крепостные в государственных образованиях древности и Средневековья»²⁵⁵. В переходный период к социализму пролетариат обретает свое отечество, бывшие эксплуататорские классы его утрачивают. Однако территориальные границы отечества при этом якобы ничего не значат: «Пролетариат не знает территориальных границ... он знает социальные границы. Поэтому всякая {57} страна, совершающая социалистическую революцию, входит в СССР»²⁵⁶. Так продолжается до тех пор, пока отечеством трудящихся не станет весь мир.

Исторические традиции советского патриотизма при такой его трактовке велись в подавляющем большинстве случаев не ранее чем с 1917 года. Преимущество в истории народов таким образом разрывалась. Дореволюционная российская история представлялась нагромождением убийств, воровства, предательств и казней, чередой бунтов, стачек и восстаний. Цари изображались кровопийцами, дворяне — изуверами и насильниками, купцы и промышленники — мироедами и эксплуататорами трудового народа, духовные лица — мракобесами, пьяницами и развратниками. Никаких героев в отечественной истории при таком понимании патриотизма быть не могло. Считалось, что время героического понимания истории безвозвратно ушло²⁵⁷. У всех героев (начиная с былинных богатырей) и творцов культуры прошлого всегда находили одни и те же изъяны: они или представляли эксплуататорские классы, или служили им. Старая Россия со всей ее многовековой историей приговаривалась революцией к смерти и забвению. В августе 1925 года в «Правде» был помещен даже оскорбительно-издевательский стихотворный «некролог» В. Александровского по поводу ее мнимой гибели. «Русь! Сгнила? Умерла? Подохла? / Что же! Вечная память тебе. / Не жила ты, а только охала / В полутемной и тесной избе»²⁵⁸.

Позднее дело дошло до того, что конференция историков-марксистов «установила» в январе 1929 года полную неприемлемость термина «русская история» из-за того, что этот старый, унаследованный от царской России термин был будто бы насыщен великодержавным шовинизмом, прикрывал и оправдывал политику колониального угнетения и насилия над нерусскими народами. Согласно Покровскому, «термин “русская история” есть контрреволюционный термин одного издания с трехцветным флагом»²⁵⁹. Утверждалось, что русские великодержавно-шовинистические историки напрасно лили слезы по поводу так называемого татарского ига. Перевод «ига» с «националистического языка на язык материалистического понимания истории» превращал его в рядовое событие феодальной эпохи. Устанавливалось далее, что, начиная с XVI века, царская Россия «все более и более превращается в тюрьму народов»²⁶⁰, освобождение из которой свершилось в 1917 году. Термин «великорусская народность» академик Покровский в своих работах заключал в кавычки, подчеркивая тем самым, что народности как таковой давно уже не было²⁶¹. В данном случае это была, видимо, попытка перевода националистического термина на язык безнационального будущего. Утверждая, что великорусской народности не было, Покровский писал: «Москва — слово финское», она была лишь «укрепленной факторией в финской стране», «уже Московское великое княжество, не только Московское царство, было “тюрьмой народов”». Великороссия построена на костях “инородцев”, и едва ли последние много утешены тем, что в жилах великорусов, течет 80 % их крови»²⁶². М. В. Нечкина в ходе кампании по критике взрастившей ее школы, переусердствовав, в октябре 1937 года договорилась до того, что назвала «школу Покровского» белофинской²⁶³. {58}

Историки школы Покровского упраздняли определение «отечественная» из названия войны 1812 года. «Отечественная» война, писала М. В. Нечкина в начале 1930-х годов, это «русское националистическое название войны»²⁶⁴. В переводе с «националистического» в данном случае оказывалось, что никакого нашествия Наполеона на Россию не было — «войну затеяли русские помещики». Поражение французской армии объявлялось случайностью, и с сожалением отмечалось, что «грандиозность задуманного Наполеоном плана превосходила возможности того времени». Никакого подъема патриотического духа в России, естественно, не обнаруживалось, просто «вооруженные чем попало крестьяне» защищали от французов свое имущество. Победа в войне, по Нечкиной, «явилась началом жесточайшей всеевропейской реакции»²⁶⁵. К этому оставалось разве что добавить мнение «прогрессивного» буржуазного автора К. А. Военского о том, что «эта война как бы включала Россию в единый поток европейской жизни. Победа же над Наполеоном принесла лишь задержку естественного падения крепостного права, за которое боролись передовые русские круги»²⁶⁶. При таком изображении русской истории герои «грозы 12-го года» (М. И. Кутузов, П. И. Багратион, атаман М. И. Платов), как и подлинные патриоты — участники других войн (ге-

нерал М. Д. Скобелев, адмирал П. С. Нахимов), не должны были заслуживать у «настоящих советских патриотов» доброй памяти. Ну а о гордости за принадлежность вместе с ними к одной и той же нации не могло быть и речи. Из «двух наций в одной нации» эти герои принадлежали как раз к той, которая подлежала уничтожению и забвению.

Для достижения этой цели в 1920-е годы и в начале 1930-х было, к сожалению, сделано немало. В фундамент для компрессоров превращены могилы героев Куликовской битвы Александра Пересвета и Родиона Осляби. Останки организатора и героя национально-освободительной борьбы русского народа Кузьмы Минина взорваны вместе с храмом в нижегородском кремле, а на том месте сооружено здание обкома партии. Мрамор надгробия с места захоронения другого народного героя, князя Дмитрия Пожарского в Спасо-Ефимиевом монастыре в Суздале пошел на фонтан одной из дач. Сам этот монастырь, как и многие другие, был превращен вначале в тюрьму, потом в колонию для малолетних преступников. Комсомольский поэт Иван Молчанов радостно оповещал читателей: «Устои твои / Оказались шаткими, / Святая Москва / Сорока-сороков! / Ивану кремлевскому / Дали по шапке мы, / А пушку используем для тракторов!»²⁶⁷ И это были не только слова. 25 апреля 1932 года в Наркомпросе постановили передать «Металлому» памятник Н. Н. Раевскому на Бородинском поле ввиду того, что он «не имеет историко-художественного значения». В Ленинграде была перелита на металл Колонна Славы, сложенная из 140 стволов трофейных пушек, установленная в честь победы под Плевной в русско-турецкой войне. Стену монастыря, возведенного на Бородинском поле на месте гибели героя Отечественной войны 1812 года генерал-майора А. А. Тучкова, «украшала» (т.е. оскверняла) огромных размеров надпись: «Довольно хранить остатки рабского прошлого». {59}

Колоссальный ущерб памятникам архитектуры был нанесен в результате антирелигиозного призыва: «Сметем с советских площадей очаги религиозной заразы». Одним из первых разрушенных памятников культовой архитектуры была часовня Александра Невского, построенная в центре Москвы в 1883 году в память воинов, погибших в русско-турецкой войне 1877—1878 годов. К концу открытой войны пролетарского государства с Православной церковью в России из 80 тысяч православных храмов сохранились лишь 19 тысяч. Из них 13 тысяч были заняты промышленными предприятиями, служили складскими помещениями. В остальных размещались различные учреждения, в основном, клубы. Только в 3000 из них сохранилось культовое оборудование, лишь в 700 велась служба. В Московском Кремле разрушили мужской Чудов и стоявший рядом женский Вознесенский монастыри. Был взорван храм Христа Спасителя, построенный в Москве в 1837—1883 годах как храм-памятник, посвященный Отечественной войне 1812 года. Не щадились и светские постройки. Были снесены такие шедевры русской архитектуры, как Сухарева башня, «сестра Ивана Великого», Красные ворота, стены и башни Китай-города. В 1936 году была разобрана Триумфальная арка на площади Тверской заставы в Москве, сооруженная в честь победы в Отечественной войне 1812 года²⁶⁸.

Защитников шедевров нередко называли классовыми врагами. Академику А. В. Щусеву, обратившемуся к руководству Москвы с письмом о нецелесообразности сноса памятников, был дан публичный ответ: «Москва не музей старины, не город туристов, не Венеция и не Помпея. Москва не кладбище былой цивилизации, а колыбель подрастающей новой пролетарской культуры, основанной на труде и знании»²⁶⁹.

Борьба с прошлым и титанические усилия по переустройству страны и общества освящались «благой» целью — «обогнать» в историческом развитии, как писал известный журналист М. Е. Кольцов, «грязную, вонючую старуху с седыми космами, дореволюционную Россию»²⁷⁰. О России и русских в печати того периода можно было прочитать: «Россия всегда была страной классического идиотизма»²⁷¹; завоевание Средней Азии осуществлялось с «истинно русской подлостью»; Севастополь — «русское разбойничье гнездо на Черном море»²⁷²; Крымская республика — «должное возмещение за все обиды, за долгую насильническую и колонизаторскую политику царского режима»²⁷³.

Ф. М. Достоевский в романе «Братья Карамазовы» (1879) предвосхитил некоторые из отмеченных выше «достижений» историков школы Покровского и других прогрессивных, по меркам 1920-х годов, ученых и публицистов в нескольких фразах своего литературного персонажа Павла Смердякова, которые позволяют распознавать всякие, в том числе и «ученые» разновидности смердяковщины: «Я всю Россию ненавижу, Марья Кондратьевна!»²⁷⁴; «В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, отца нынешнему, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с»; «Русский народ надо пороть-с...»²⁷⁵ {60}

«ОБЛОМОВЩИНА» — РОДОВАЯ РУССКАЯ ЧЕРТА?

Страстным обличителем старой России до конца своих дней оставался Н. И. Бухарин. Символом императорской России, по его мнению, следовало бы считать не столько официального двуглавого орла, сколько кнут и нагайку. Царствовали в России в его изображении не иначе как «дикие помещики, “благородное” дворянство, идеологи крепостного права, бездарные генералы, сиятельные бюрократы, вороватые банкиры и биржевики, пронырливые заводчики и фабриканты, хитрые и ленивые купцы, “владыки” черной и белой церкви, патриархи и архиепископы черносотенного духовенства»²⁷⁶. Правила «династия Романовых с ее убогим главой, с ее великими князьями — казнокрадами, с ее придворными аферистами, хиромантами, гадалщиками, Распутиными; с ее иконами, крестиками, сенатами, синодами, земскими начальниками, городскими и палачами»²⁷⁷. Люди труда, по Бухарину, если и выступали, то «лишь как предмет издевательства у одних, предмет жалости и филантропии — у других. Почти никогда они не были активными творцами, кующими свою собственную судьбу»; «рабочий человек, пролетарий и крестьянин-труженик был забит и загнан»²⁷⁸. Народы, присоединенные к России, делились Бухариным на два разряда — на народы вроде грузинского, «со старинными культурными традициями, которые не сумел разрушить царизм», и народы вроде центральноазиатских, что «были отброшены царизмом на сотни лет назад»²⁷⁹. Бухарин утверждал, что патриотом такой России мог быть и являлся только «обскурант, защитник охранки, помещичьего кнутобойства, отсталой азиатчины, царской опричнины, жандармского режима, угнетения сотен миллионов рабов». Традицией, единственно достойной демократических кругов, могла быть лишь традиция ненависти к царскому «отечеству», «квасному патриотизму», патриотичным «искариотовым», а также идея пораженчества²⁸⁰.

Образами, с которыми у Н. И. Бухарина чаще всего ассоциировались Россия и русские люди до 1917 года, были Обломов и обломовщина. Нельзя сказать, что Бухарин был в этом оригинален. Он в любой момент мог сослаться на Ленина, который, к примеру, в своей речи на съезде металлистов 6 марта 1922 года утверждал: «Был такой тип русской жизни — Обломов... Обломов был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, и не только интеллигент, а и рабочий и коммунист. Достаточно посмотреть... как мы работаем... чтобы сказать, что *старый Обломов остался и его надо долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел*»²⁸¹. Луначарский прочитал в мае 1928 года лекцию «Воспитание нового человека». Ссылаясь на Ленина и другие авторитеты, нарком просвещения заявил, что «обломовщина является нашей национальной чертой». Слушателям и читателям внушалось: порок этот существует у нас «потому, что мы не совсем “европейцы” и очень, очень мало “американцы”, но в значительной степени — азиаты. Это, так сказать, дань нашему евроазиатству». Российскому человеку, по словам Луначарского, предстояло пройти еще порядочную полосу времени, чтобы {61} добрести до человека западного типа, умеющего работать «в пять-шесть раз скорее, ладнее, умнее». Нарком в очередной раз провозгласил тогда: «Мы не нуждаемся ни в каком патриотизме», ибо обрести достойное будущее возможно только в грядущей мировой организации, создающейся благодаря особым качествам пролетария, который «не чувствует себя гражданином определенной страны... является интернационалистом»²⁸².

В 1930-е годы Н. И. Бухарин пытался придать бичеванию обломовщины и азиатчины еще более широкое общественное звучание. Выступая на XVII съезде партии, он говорил: «Не так давно наша страна слыла страной Обломовых, страной азиатских рабских темпов труда»²⁸³. Годовщина Сталинградского тракторного завода и гимн, созданный Бухариным в честь машины, несущей смерть «идиотизму деревенской жизни», одновременно стали поводом лишней раз изобразить убожество дореволюционной российской деревни, которая «не многим отличалась от чисто азиатской», выступавшей у автора, видимо, неким эталоном отсталости. Варварской сохе, застойной экономике, хозяйственному оскудению, полукрепостническому строю, писал он, соответствовали рабские темпы труда, медленные ритмы жизни, низкая производительность, безграмотность и нищета, культурная убогость; весь «*круговорот жизни — вялый, медленный, тупой. Работа на сохе из-под палки — на одном полюсе; ленивые, безынициативные, безвольные паразиты обломовского пошиба на другом (это в лучшем случае)*»²⁸⁴. Нужны были именно большевики, писал он, чтобы «из аморфной, малосознательной массы в стране, где обломовщина была самой универсальной чертой характера, где господствовала нация Обломовых, сделать “ударную бригаду мирового пролетариата”»²⁸⁵. Подчеркивая ограниченность кругозора русской народной массы, Бухарин представлял ее как «широкозадую бабу, которая раньше дальше своей околицы ничего не зна-

ла»²⁸⁶, обзывал историческую Россию «дурацкой страной»²⁸⁷. Последователи Бухарина и позже зачастую писали о России дореволюционной и 1920-х годов с позиций некоего сверхчеловека: тогда-де «еще доживала свой век старая крестьянская Россия», которую населяли и не люди вовсе, а всего лишь «эмбрионы», и только в результате известного «великого перелома» эти эмбрионы людей постепенно становились людьми²⁸⁸.

После обозначившегося в середине 1930-х годов противостояния Союза ССР и фашистской Германии Н. И. Бухарин не сомневался, что в результате победы над фашизмом «засияет красная звезда по всей земле» и прошлое как эпоха «цивилизованного варварства» навсегда канет в черную реку времени²⁸⁹. 12 июня 1937 года эта идея была выражена им в подобию стихов: «Войне фашистской, зверски-черной / Навстречу будет двинут бой картечи. / Конец их ждет смертельный и позорный, / Венки победы лягут на рабочих плечи. / И черно-золотых богов затменье / В последнем историческом бою / Означает человечества рождение, / Объединенного в одну семью»²⁹⁰. Вплоть до этого момента Бухарин, видимо, считал за благо изображать прошлое своей собственной страны как можно непригляднее, надеясь, что таким образом можно легче увлечь массы на борьбу за построение {62} мировой общины коммунизма, в которой, как он писал, общественное богатство и изобилие покроют гигантски возросшие и изменившиеся до неузнаваемости потребности, возникнет один язык и «миллиарды человечества до конца объединятся в исполинском океане общей коллективной жизни; где возросшая личность перестанет быть номером и счетной единицей и, обогащенная всей жизнью гигантского человечества, будет в состоянии развивать заложенные в ней возможности»²⁹¹. Действительно, в свете подобным образом нарисованного и чаемого будущего и прошлое России, и патриотизм старого образца подлежали лишь охаиванию, немедленному преобразованию и забвению.

Такое видение русской истории и ее героев с предельной откровенностью воплощено Джеком Алтаузенем в его «Вступлении к поэме», опубликованном в журнале «30 дней» в 1930 году. Сетуя, что на памятник Н. А. Некрасову «бронзу не дает Оргметалл», его собрат, проводивший в жизнь лозунг «одемянивания» советской поэзии, проблему решал запросто: «Я предлагаю / Минина расплавить, / Пожарского. / Зачем им пьедестал? / Довольно нам / Двух лавочников славить — / Их за прилавками / Октябрь застал. / Случайно им / Мы не свернули шею. / Я знаю, это было бы под стать. / Подумаешь, / Они спасли Рассею! / А может, лучше было б не спасать?»²⁹²

РЕВОЛЮЦИОНАРИЗМ И РУСОФОБИЯ

Вряд ли стоит усматривать в «шедевре» Алтаузена и подобных ему особый умысел, только лишь злобную русофобию и намерение лишней раз вылить ушат помоев на отечественную историю²⁹³. Чаще всего они порождались самой атмосферой нетерпения, ожидания мировой революции и сопутствующим ультраинтернационализмом, сохранявшимся в определенных кругах советского общества еще очень и очень долго и после 1929 года. В этой связи процитированные строчки комсомольского поэта, погибшего на фронте в 1942 году, представляются нам столь же искренними, как и те, что вылились из-под пера поэта Павла Когана (погиб на войне в том же году) и которые в определенном отношении вполне можно рассматривать в качестве продолжения только что процитированных: «Но мы еще дойдем до Ганга, / Но мы еще умрем в боях, / Чтоб от Японии до Англии / Сияла Родина моя»²⁹⁴.

Очевидно, застарелым революционаризмом было продиктовано воздыхание Петра Шахова — главного героя нашумевшей довоенной киноэпопеи Ф. М. Эрмлера «Великий гражданин», вышедшей на экраны в 1938 году. Прототипом этого героя является С. М. Киров. В фильме есть эпизод совещания ударников, на котором Шахов произносит речь: «Эх, лет через двадцать, после хорошей войны, выйти да взглянуть на Советский Союз — республик этак из тридцати — сорока. Черт его знает, как хорошо!»²⁹⁵

Многие реальные и влиятельнейшие герои политического театра предвоенных лет не только сохраняли, но и открыто демонстрировали свою глубокую веру в грядущее торжество мировой революции. К примеру, Н. И. Бирюков, член Военного Совета 2-й отдельной Краснознаменной {63} армии, говорил с трибуны XVIII партийного съезда: «И пусть не удивляются империалистические хищники на Востоке и Западе, если в час решительных боев с загнивающим капитализмом наши силы, силы пролетарской революции, вооруженные силы Советского Союза на Востоке и Западе — везде будут встречены как силы освобождения человечества от капиталистического рабства и фашистского мракобесия. Тылы капиталистических армий будут гореть. Сотни тысяч и

миллионы трудящихся поднимутся против своих поработителей. Капиталистический мир беременен социалистической революцией»²⁹⁶.

Л. З. Мехлис на том же съезде разъяснял, что задачу, поставленную Сталиным на случай войны, надо понимать так: «Перенести военные действия на территорию противника, выполнить свои интернациональные обязанности и умножить число советских республик»²⁹⁷. М. И. Калинин подчеркивал, что «мы, большевики, народ скромный, не захватнический. Но все-таки мы думаем своими идеями завоевать весь мир и даже... раздвинуть вселенную»²⁹⁸. А. А. Жданов, обращаясь в делегатам Объединенного пленума Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) 20 ноября 1940 года, заявил: «Политика социалистического государства заключается в том, чтобы в любое время расширить, когда представляется это возможным, позиции социализма. Из этой политики мы исходили за истекший год, она... дала расширение социалистических территорий Советского Союза. Такова будет наша политика и впредь»²⁹⁹. В речи перед советскими кинематографистами 15 мая 1941 года член Политбюро ЦК ВКП(б) вновь напомнил, что линия большевистского руководства в международной политике состоит, в частности, в стремлении расширять фронт социализма «всегда и повсюду тогда, когда нам обстоятельства позволяют»³⁰⁰. Все это вполне согласовывалось с резолюцией XVII съезда партии, в которой утверждалось: «Выполнение второй пятилетки еще больше усилит значение СССР как оплота борьбы международного пролетариата, еще выше поднимет в глазах трудящихся эксплуатируемых масс всего мира авторитет Страны Советов как опорной базы мировой пролетарской революции»³⁰¹.

Приближение Второй мировой войны породило в СССР новый всплеск надежд на мировую революцию. Уже в 1939 году «Правда» писала о будущей войне с участием СССР как о «действительно отечественной», «самой справедливой и законной», «за освобождение человечества от фашизма»³⁰², как о войне, в которой сбудется предсказание Ленина: «Из империалистической войны, из империалистического мира вырвала *первую сотню миллионов людей* на земле *первая большевистская революция*. Следующие вырвут из таких войн и из такого мира все человечество»³⁰³.

Воссоединение с СССР в 1940 году значительных территорий бывшей России с населением около 23 млн человек воспринималось как подтверждение ленинского пророчества. Участники заседания VII сессии Верховного Совета СССР, принимавшей в состав СССР четыре новые республики, поведали читателям «Правды» о видениях, рождаемых словами гимна «и если гром великий грянет». {64}

Летчику-герою Г. Ф. Байдукову представлялись «бомбардировщики, разрушающие заводы, железнодорожные узлы, мосты, склады и позиции противника; штурмовики, атакующие ливнем огня колонны войск... десантные корабли, высаживающие свои дивизии в глубине расположения противника...»³⁰⁴. Недавняя война с Финляндией? «Каждая такая война приближает нас к тому счастливому периоду, когда уже не будет этих страшных убийств среди людей». Зато «сколько еще услышит этот Кремлевский дворец новых горячих слов больших и малых народов, жаждущих света!.. Какое счастье и радость победы будут выражать взоры тех, кто примет последнюю республику в братство народов всего мира!»³⁰⁵.

Еще один участник заседания, писательница Ванда Василевская, живописуя восторг по поводу того, как страна в ореоле славы, в величии мощи, в счастье мира и братства расширяет свои пределы, создает картину прямо-таки фантазмагорическую: «Дрожат устои света, почва ускользает из-под ног людей и народов. Пылают зарева, и грохот орудий сотрясает моря и материки. Слово пух на ветру, разлетаются державы и государства... Как это великолепно, как дивно прекрасно, что весь мир сотрясается в своих основах, когда гибнут могущества и падают величия, — она [Родина] растет, крепнет, шагает вперед, сияет всему миру зарей надежды»³⁰⁶.

1 января 1941 года «Правда» отметила наступление нового года материалами весьма красноречивого содержания. Поэт Семен Кирсанов мечтал о том, чтобы превратить «уран, растормошенный циклотроном», в доступное топливо вроде «простой соломы полевой». «А может быть, — добавлял он, — к шестнадцати гербам еще гербы прибавятся другие»³⁰⁷. Михаил Кульчицкий в своих стихах, помеченных январем этого же года, выразил не только предчувствие близкой войны и связанную с ней надежду на победу мировой революции («Уже опять к границам сизым / составы тайные идут, / и коммунизм опять так близок, / как в девятнадцатом году»), но и убежденность, что в будущем, после того как человек сшибет чугунные путы с земного шара, освободит его от цепей капитализма, «только советская нация / будет / и только советской расы люди»³⁰⁸.

Герой рассказа Леонида Соболева, командир подводной лодки, действующей в Балтийском море, в канун нового, 1941 года вдохновлял экипаж речью: «Велика наша родина, товарищи: самое земному шару нужно вращаться девять часов, чтобы вся огромная наша советская страна

вступила в новый год своих побед. Будет время, когда понадобятся для этого не девять часов, а круглые сутки, потому что каждый новый год — это ступень к коммунизму, братству народов всего земного шара... И кто знает, где придется нам встречать новый год через пять, через десять лет: по какому поясу, на каком новом советском меридиане? С какой новой советской страной, с каким новым советским народом будем мы встречать новый год, если будем так же верны делу коммунизма, партии нашей и нашему Сталину»³⁰⁹.

Как известно, следующий год пришлось встречать, уступив гитлеровцам территорию шести союзных республик, но уверенность в торжестве мирового социализма была поколеблена ненадолго. В апреле 1945 года {65} Сталин в разговоре с И. Броз Тито и М. Джиласом изложил свою изменившуюся точку зрения по сей проблеме. «Эта война, — заметил он, — не такая, как войны в прошлом; кто оккупирует территорию, тот навязывает ей собственную социальную систему... По-другому и быть не может»³¹⁰. И если в результате Второй мировой войны Европа не станет целиком социалистической, то это произойдет в третьей, ждать которую придется не так уж долго. Когда кто-то из собеседников высказал мысль, что «немцы не оправятся в течение следующих пятидесяти лет», Сталин поправил: «Нет, они восстановятся, и очень быстро. Это высокоразвитая индустриальная страна с исключительно квалифицированными и многочисленными рабочим классом и технической интеллигенцией. Дайте им двенадцать — пятнадцать лет, и они опять встанут на ноги... Через пятнадцать или двадцать лет мы восстановимся и тогда попробуем еще»³¹¹.

Основу послевоенной сталинской политики составляла все та же идея расширения и углубления социалистической революции путем вовлечения в орбиту революционного движения все большего числа государств и народов. По свидетельству В. М. Молотова, Сталин рассуждал так: «Первая мировая война вывела одну страну из капиталистического рабства. Вторая мировая война создала социалистическую систему, а третья навсегда покончит с империализмом»³¹². В сущности, это была троцкистская теория «перманентной революции», растянутая во времени и осуществляемая с помощью и при активной поддержке страны «победившего социализма»³¹³. Таковую вот трансформацию претерпела к концу Отечественной войны вера в торжество мировой революции. Заложником этой утопичной идеи стали русский народ и Союз ССР с его неисчерпаемыми, как представлялось Сталину, человеческими и материальными ресурсами.

Прикрывая политику неуклонного расширения рамок своей социальной системы миротворческими лозунгами и указаниями на необходимость последовательно проводить в жизнь идеи пролетарского интернационализма, руководители СССР во всеуслышание провозглашали «незыблемую уверенность» в победе социализма и демократии во всем мире. Г. М. Маленков, например, в докладе о годовщине Октябрьской революции заявил 6 ноября 1949 года, что «не нам, а империалистам и агрессорам надо бояться войны». Если они развяжут третью мировую войну, то «эта война явится мгилой уже не для отдельных капиталистических государств, а для всего мирового капитализма»³¹⁴. Однако об известном с 1925 года «алгоритме» Сталина насчет того, что «ежели нападут на нашу страну, мы не будем сидеть сложа руки... мы примем все меры к тому, чтобы взнуздать революционного льва во всех странах мира»³¹⁵, при этом не вспоминали. Главным инструментом мировой революции к этому времени представлялись не столько интернациональные усилия революционных масс, сколько вооруженные силы «отечества мирового пролетариата». В уставе Красной Армии имелся пункт, в котором говорилось, что «Красная Армия — армия мирового пролетариата, и ее цель — борьба за мировую революцию»³¹⁶. Устремленность к социалистическому миродержавию, сохранявшаяся и в условиях победы социализма в одной {66} стране, сформировала своеобразный эсэсэровский и отнюдь не русский, как порой утверждается³¹⁷, наступательный национализм.

Между тем, что касается собственно России, то в официозной исторической науке вплоть до начала 1930-х годов укреплялось основание для национального нигилизма и нигилистического прочтения ее дореволюционной истории. Русская историческая литература XIX века, как и русская классическая литература, подвергалась шельмованию на том основании, что была якобы насквозь великодержавна. Главным националистом изображался выдающийся русский историк В. О. Ключевский. К стоявшим на великодержавно-буржуазных националистических позициях причислялись крупнейшие дореволюционные историки — С. М. Соловьев и Б. Н. Чичерин, а из современников — В. В. Бартольд, В. И. Пичета, Ю. В. Готье, А. А. Кизеветтер, П. Г. Любомиров и другие. В зоологическом национализме обвинялись академики С. Ф. Платонов, М. К. Любавский, С. В. Бахрушин и другие историки, осужденные по так называемому делу Академии наук (1929—1931)³¹⁸.

ИСТОРИКИ — ЗООЛОГИЧЕСКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ?

«Дело Академии наук» современники называли по-разному: «дело Платонова»³¹⁹, «монархический заговор», «дело Платонова—Тарле», «дело Платонова—Богословского», «дело четырех академиков» (Платонова—Тарле—Лихачева—Любовского). Называлось оно и «делом историков», поскольку из 150 осужденных две трети составляли историки дореволюционной школы, музееведы, архивисты, краеведы, этнографы. «Дело» знаменовало собой один из наиболее острых этапов борьбы историков-марксистов с буржуазной школой историков и одновременно — укрощение большевиками строптивой Академии наук, в составе действительных членов которой вплоть до конца 1920-х годов не было ни одного коммуниста.

При подведении в 1931 году итогов этой борьбы «против явных и скрытых врагов пролетарской диктатуры и идеологии» наиболее крупные плоды (как считали сами историки-марксисты) принесла «борьба с противниками национальной политики советской власти, с представителями великодержавного и национального шовинизма (разоблачение Яворского, буржуазных великорусских историков и прочих)», а также «разоблачение антантофильских и интервенционистских историков (Тарле, Платонова и других)»³²⁰. Объединенные усилия следователей от науки и от политической полиции привели к серии приговоров, вынесенных по «делу» русских историков. Значительная часть подсудимых была осуждена на срок от 3 до 10 лет, «участники» военной секции заговора расстреляны (В. Ф. Пузинский, А. С. Путилов, заведовавший ранее Архивом АН СССР, и другие).

15 главных участников «монархического заговора», в том числе и Платонов, по постановлению коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 года получили по пять лет ссылки. В относительно мягких наказаниях, по-видимому, сказался намечавшийся поворот в ситуации с изучением отечественной истории. Тем не менее ущерб, нанесенный «заговором» исторической науке, был огромен. В ссылке скончались С. Ф. Платонов (1933), Д. Н. Егоров (1931), {67} С. В. Рождественский (1934), М. К. Любавский (1936). В 1936 году, вскоре после возвращения из ссылки умер Н. П. Лихачев. Так или иначе, большинство представителей русской исторической мысли к началу 1930-х годов были насильственно отстранены от своих занятий из-за их якобы великорусского шовинизма, а значит, и контрреволюционности. Из всех осужденных по «делу» историков к активной научной деятельности удалось вернуться немногим (А. И. Андреев, С. В. Бахрушин, Ю. В. Готье, В. И. Пичета, Б. А. Романов, Е. В. Тарле, А. И. Яковлев и другие). В Библиотеке Академии наук, Археологической комиссии крупных специалистов практически не оставалось. Из старой профессуры уцелел лишь Б. Д. Греков, которого тоже арестовывали в 1930 году³²¹.

Среди осужденных по «делу» Платонова был известный ленинградский историк и краевед Н. П. Анциферов, описавший в своих воспоминаниях «Из дум о былом» случай, расцененный в духе тех лет как преступный национализм. Профессор МГУ Бахрушин, выступая на Всероссийском краеведческом съезде в 1927 году, призывал собирать сведения и вещи о современном быте разных национальностей СССР. На его выступление живо откликнулись представители разных народов. Среди них оказался и профессор Саратовского университета С. Н. Чернов, заметивший, что при этом не следует забывать «еще одну национальность, русскую. Нужно предоставить и ей право также позаботиться о фиксировании исчезающих явлений быта, а также уходящих из употребления вещей. Почему слово “русский” почти изгнано теперь из употребления?» Это выступление вызвало резкие протесты различных националов, обвинивших Чернова в «великодержавной вылазке». Анциферов выступил в поддержку Чернова, пояснив, что «речь идет не о каком-то преимуществе для русских, а о признании прав русской национальности на любовь к своей старине, как это признано за другими нациями». Он призвал быть верными завету Владимира Соловьева: «Люби чужую национальность, как свою собственную». И этого было достаточно, чтобы усугубить вину «преступников»³²².

Действительно, само слово «русский» в определенных кругах советского общества до начала 1930-х годов зачастую ассоциировалось с понятием «великодержавный». Например, в статье, открывающей первый выпуск журнала «Советская этнография», который начал выходить в СССР с 1931 года вместо издававшегося до тех пор журнала под названием просто «Этнография», было предложено выбросить слово «русский» из названия известного ленинградского музея. Автор этой статьи — ответственный редактор журнала, известный специалист по истории народных верований и мировых религий, репрессированный в 1936 году как бывший личный секретарь Г. Е. Зиновьева, Н. М. Маторин вопрошал: «Разве один из крупнейших ленинградских музеев, в составе которого имеется богатый этнографический отдел, не носит до сих пор титул *великодержавной* эпохи — “Русского” музея, на что обращал внимание уже ряд национальных советских работни-

ков»³²³. Вплоть до середины 1930-х годов оставались непривычными словосочетания «русский хrap», «русская советская живопись» {68} и т.д. Слова «русские» избегали, заменяя его эпитетами «московские», «наши», «современные» или еще более осторожно — «художники РСФСР». Причины такой национальной «стыдливости» были порождены внушениями критиков, много лет подряд третировавших традиции русского реалистического искусства за его якобы провинциальность и реакционно-националистическую сущность³²⁴.

Положение с изучением русской истории стало изменяться к лучшему лишь с избавлением от диктата школы Покровского. Это происходило уже после его смерти, последовавшей 10 апреля 1932 года³²⁵. Однако еще 21 февраля 1933 года нарком А. С. Бубнов подписал специальное постановление коллегии Наркомпроса РСФСР, утверждающее в качестве стабильного учебника по русской истории для средней школы известную книгу М. Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке»³²⁶. Эта книга, впервые опубликованная в 1920 году, была выпущена в 1932 году уже десятым основным изданием. Всего таких изданий вышло в свет более 90. По своей распространенности она до сих пор превосходит другие книги по отечественной истории³²⁷. Выпускники средней школы и в 1933—1934 годах все еще должны были усваивать из учебника Покровского, к примеру, что всякий, осмеливающийся оспаривать мнение о варягах как первых государях Руси, делает это не иначе как «из соображений патриотических, т.е. националистических»³²⁸.

С политической точки зрения «школа Покровского... обслуживала интересы троцкистской бюрократии, пытавшейся обосновать свое пребывание у власти многократным преувеличением недостатков предшествующего царского режима. В неприятии курса Сталина на реабилитацию русской истории и культуры бюрократия поддерживала и значительная часть творческой интеллигенции, ибо по своему происхождению, характеру и складу перейти от революционного космополитизма к «обслуживанию» русской культуры просто физически не могла»³²⁹.

ПЕРВЫЕ ПРИЗНАКИ ПОВОРОТА К ТРАДИЦИОННОМУ ПОНИМАНИЮ РОДИНЫ И ПАТРИОТИЗМА

Ниспровержение школы воинствующих борцов с великорусским национализмом и противников «объективно-научной» деятельности старых историографических школ заняло значительную часть 1930-х годов. Вехами на этом пути стали целый ряд партийных и правительственных решений. Постановлением ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 года история была восстановлена в правах самостоятельного учебного предмета³³⁰. 15 мая 1934 года принято совместное постановление Совнаркома и ЦК партии «О преподавании истории в школах СССР», в котором содержались указания о подготовке к июню 1935 года новых учебников по истории, о восстановлении с сентября 1934 года исторических факультетов в ЛГУ и МГУ³³¹. (Как ни странно, Московский университет получил после смерти М. Н. Покровского его имя и носил его до тех пор, пока не обнаружилось более достойное — М. В. Ломоносова, присвоенное университету в мае 1940 года³³².) 9 июня {69} 1934 года ЦК ВКП(б) принял постановление о введении элементарного курса всеобщей истории и истории СССР в начальной и неполной средней школе³³³. Непосредственное отношение к инициированию процесса развенчания М. Н. Покровского имели замечания И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова от 8—9 августа 1934 года по поводу конспектов учебников по истории СССР и новой истории, опубликованные в 1936 году³³⁴.

Первые зримые признаки осознания руководителями социалистической России нелепости «отмены» своей дореволюционной истории проявились на рубеже 1930-х годов. В год пятидесятилетия Сталина и его окончательного утверждения наверху властной пирамиды (1929) стало известно, что он проявляет особый интерес к личности и эпохе Петра Великого, находя их весьма подходящими для проведения исторических параллелей с современностью и для дополнительных (неклассовых) обоснований необходимости собственных жестких методов и стремительных темпов преобразования страны. Сталинского интереса стало достаточно для того, чтобы уже тогда исключить Петра из длинного ряда российских императоров, которым были приданы все существующие в этом мире человеческие пороки и недостатки. М. Н. Покровский, к примеру, в своем сжатом очерке русской истории поведал о Петре и его семье кратко, но выразительно: своего сына Алексея он лично пытал, а потом велел тайно казнить, умер Петр от последствий сифилиса, заразив предварительно и свою вторую жену, скончавшуюся то ли от этой же дурной болезни, то ли от алкоголизма; сменивший ее на престоле внук Петра умер пятнадцати лет, не успев поэтому совершить ни одного преступления³³⁵. Сталин же, по-видимому, полагал, что карикатурная тенденциозность — не самый лучший стиль в освещении истории. У Петра были и положительные качества, и бесспорные заслуги в деле организации России как современного государства. Его

эпоха созвучна эпохе первых пятилеток. И вскоре все это советские люди могли узнать и почувствовать, знакомясь с серией талантливых историко-литературных произведений о Петре I, написанных Алексеем Толстым. Такой была одна из форм возврата советским людям дореволюционной и якобы «классово чуждой» пролетариату отечественной истории³³⁶.

Попытки дискредитировать роман А. Н. Толстого, предпринятые в ходе специальной дискуссии, успехом не увенчались. Историк Г. С. Фридлянд, первый декан созданного в 1934 году исторического факультета Московского университета, находил роман «Петр Первый» неприемлемым из-за гипертрофии идеи государственности, возведенной в принцип, «который мы, ведущие борьбу за отмирание государства и на путях к этому отмиранию укрепляющие государство пролетарской диктатуры, принять не можем»³³⁷. Известный троцкистский теоретик В. А. Ваганян обосновывал неприемлемость самого жанра исторического романа. «Если национальное прошлое, — рассуждал он, — для нас не является объектом идеализации, если национальное расщеплено на классовое — исторического романа, конечно, в прежнем смысле слова нет и не может быть». Национальная идея как таковая, по Ваганяну, это «агрессивная идея буржуазии». Соответственно, {70} исторический роман — «проявление стремительной агрессии национальной идеи к захвату сознания наибо́льших масс». Исторические романы решали простую задачу — они утверждали, что «моя страна есть лучшая страна в мире, мой народ — лучший народ в мире и моя история — лучшая история в мире». Поскольку идеализация национального прошлого советскому обществу не нужна, то и исторические романы не нужны. Полезными могут быть лишь «романы на исторические темы», которые, по логике Ваганяна, должны были воспитывать неприятие этого прошлого³³⁸.

В конце 1930 года ЦК партии и лично Сталин нашли нужным урезонить знаменитого пролетарского поэта Демьяна Бедного, усмотрев в его стихотворных фельетонах «Слезай с печки», «Перерва» и «Без пощады» не только «умелую и необходимую» критику недостатков жизни и быта в СССР, но и достойные осуждения ошибки. Первый из этих фельетонов был напечатан в сентябре в газете «Правда». Стремясь заклеить присущие некоторой части трудящихся черты косности и разгильдяйства, поэт явно сгущал краски, временами опускался до грубости и вульгарности. Общеизвестный порок — лень — предстал в фельетоне не иначе как «наследие всей дооктябрьской культуры». «Сладкий храп и слюнища возжею с губы. / Идеал русской лени. В нем столько похабства! / Кто сказал, будто “мы не рабы”? / Да у нас еще этого рабства!.. / Кто охотник поспать-похрапеть, как не раб? / Освященный всей рабскою жизнью былого, / *Русский храп* был в чести: не какой-либо храп — / Богатырский! Звучит похвально!» Далее поэт обобщал: «Похвальба пустозвонная / Есть черта наша русски-исконная». В фельетоне высмеивались патриоты, гордившиеся чудесами вроде Царь-пушки, которая не стреляет, и Царь-колокола, который не звонит: «Носом землю — убогие, темные! — рыли, / А весь свет перекрыли: / Царь-колокол! Она! / Первый в мире! Одначе без звона! / Пушка — первая в мире! Царь-пушка! / Одначе пустая игрушка / Для расейского глазу: / Не стреляла ни разу! / В Кремле по священным углам / Стоял исторический хлам. / Расейская старая горе-культура — / Дура, / Федура. / Страна неоглядно-великая, / Разоренная, рабски-ленивая, дикая, / В хвосте у культурных Америк, Европ. / Гроб!» Поэт предрекал, что дело социализма будет провалено, «если не переделаем нашей гнилой, / Нашей рабской, наследственно-дряблой природы». Фельетон завершался призывом: «Чтоб ушли бедняки из кулацкой уздечки... / — Слезай, деревенщина, с печки!»³³⁹ Призыв был обращен к жителям деревни и к горожанам — недавним выходцам из села, которые якобы и были заражены наследственными российскими пороками в наибольшей степени.

Вскоре в «Правде» появился новый фельетон Демьяна, явившийся откликом на столкновение двух пассажирских поездов на полустанке Перерва Московско-Курской железной дороги из-за халатности одной из бригад. Фельетон начинался со слов, что это «поэма — сверхпоэтическая / До ужаса патриотическая», но был направлен против наших якобы патриотических ценностей. Бедный объявлял причиной крушения повсеместную, возросшую исторически «на расейском болоте» родовую черту, имя которой — «недобросовестность в каждой работе». Поэту ведомо, как выпрямлять {71} эту будто бы свойственную самой природе русского человека черту. «Добросовестность — это у немцев, / У иноземцев». Именно с них и надо брать пример. «Добросовестный спец-иностронец / Немец, американец / Иль японец... / Должен быть у рабочих в немалой чести». В противном случае участь наша незавидна: «Враги, нашей гибели ждущие гады, / Прочтут о Перерве и будут так рады... / И ждать, будут ждать: за Перервою первой, / Если дальше позорно так дело пойдет, / Наш советский-де строй сам собой пропадет, / Сокрушивши себя *всесо-*

ветской Перервой!!»³⁴⁰ Опубликованные «Правдой» стихотворения Д. Бедного «прочитывались» как явно неуважительные по отношению к трудовому русскому человеку.

В начале декабря «Правда» представила своим читателям новый опус Демьяна с устрашающим названием «Без пощады». В этом фельетоне высмеивается патриотизм прошлых времен — «от Гомера и философа Платона до историка Карамзина и от историка Карамзина до вредителя Рамзина». Последнего поэт и предлагал расстрелять безо всякого снисхождения. Пролетарский поэт выражал крайнее возмущение тем, что напротив ленинского мавзолея «маячит доселе на площади Красной самый подлый, какой может быть, монумент». На постаменте, по словам Д. Бедного, «кочевряжится Минин-Пожарский». Конкретнее: «Минин стоит раскорякой / Пред дворянским кривлякой, / Голоштаным воякой, / Подряжая вояку на роль палача / И — всем видом своим — оголтело крича: / “В поход, князь! На Кремль! Перед нами добыча!”». Поэт похвалил отдельных наших предков, которые, дескать, верно судили об этих «героях». Так, пишет он, «патриот, дворянин и кулак Хомяков / Выдал правду об этом в сокрушительном вздохе: / “Вся Россия была богомерзкий сосуд! / После Смуты, когда наводились “порядки”, / Князь Пожарский был отдан под суд / За взятки!”» Минин, прибавляет поэт прозой со ссылкой на историка Ивана Забелина, тоже «брал посулы-взятки... мог красть и казну». Для Бедного «никакой тут особенной нет новизны. / Патриоты извечно по части казны / Неблагополучны: / Патриотизм с воровством неразлучны!» Он призывает не верить иным историкам, которые в оправдание своих героев могут только божиться: «Вот ей-богу же, Минин с Пожарским — не воры! / Вот ей-богу, не воры!» Сам Д. Бедный точно знает, «что на краски октябрьского чудо-парада, / Ухмыляясь, бронзовым взором глядят / Исторических два казнокрада!» По мнению поэта, во имя исторической справедливости должен бы быть возведен в степень героя и поставлен рядом с Мининым «Хозя Кокос! Крымчак. И к тому же — еврей!», якобы тоже имеющий огромную заслугу в деле освобождения России. Умный Хозя был, уверяет Д. Бедный со ссылкой на Карамзина, тем, «при помощи чьей махинации / Завербован в союзники Менгли Гирей», и Русь в итоге была освобождена от татарского ига. Вообще же, переходя от шуток на серьезный тон, Д. Бедный предложил такие памятники «взрывать динамитом», а «подлецам и лжецам... патриотам, / Что любят былую Россию оплакивать, / “Величьем России” мозги обволакивать, / Надо это былое “величье” печальное, / Рогожно-мочальное, / Его гниль, червоточины все, / Показать им во всей неприглядной красе». Д. Бедный знает {72} единственного историка, который в таком деле преуспел и которого он всячески рекомендует: «У Покровского малые школьники даже / Нынче могут об этом всю правду прочесть»³⁴¹.

История со стихотворными фельетонами, вызвав восторг у определенной части читателей и чиновников (первые два фельетона к декабрю успели издать отдельной книгой с подзаголовком «Памятка ударнику»³⁴²), имела неожиданный финал. 6 декабря 1930 года фельетоны обсудил Секретариат ЦК партии и выпустил постановление. В нем значилось: «ЦК обращает внимание редакций “Правды” и “Известий”, что за последнее время в фельетонах т. Демьяна Бедного стали появляться фальшивые нотки, выразившиеся в огульном охаивании “России” и “русского” (статьи “Слезай с печки”, “Без пощады”); в объявлении “лени” и “сидения на печке” чуть ли не национальной чертой русских (“Слезай с печки”); в непонимании того, что в прошлом существовало две России, Россия революционная и Россия антиреволюционная, причем то, что правильно для последней, не может быть правильным для первой; в непонимании того, что нынешнюю Россию представляет ее господствующий класс, рабочий класс и прежде всего русский рабочий класс, самый активный и самый революционный отряд мирового рабочего класса, причем попытка огульно применить к нему эпитеты “лентяй”, “любитель сидения на печке” не может не отдавать грубой фальшью»³⁴³.

Демьян Бедный был обескуражен. В письме И. В. Сталину он писал, что постановление побуждает его к самоубийству: «Может быть, в самом деле нельзя быть крупным русским поэтом, не оборвав свой путь катастрофически»³⁴⁴. Ответное письмо не было утешительным. Сталин еще раз разъяснил поэту суть его ошибок. Пролетарский поэт, дескать, не должен «возглашать на весь мир, что Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения, что нынешняя Россия представляет сплошную “Перерву”, что “лень” и стремление “сидеть на печке” является чуть ли не национальной чертой русских вообще, а значит, и — русских рабочих, которые, проделав Октябрьскую революцию, конечно, не перестали быть русскими». Отметив все это, Сталин заключил: «Нет, высокочтимый т. Демьян, это не большевистская критика, а клевета на наш народ, развенчание СССР, развенчание пролетариата СССР, развенчание русского пролетариата» — и посоветовал поэту по примеру В. И. Ленина переключиться на осознание «не по-холопски понятой» национальной гордости великороссов³⁴⁵. В не опубликованной до недавнего времени части этого

письма Сталин, по существу, обвинял Бедного в приверженности троцкизму. «Существует, как известно, — писал он, — “новая” (совсем “новая”!) троцкистская “теория”, которая утверждает, что в Советской России реальна лишь грязь, реальна лишь “Перерва”. Видимо, эту “теорию” пытаетесь Вы теперь применить...»³⁴⁶ От историка М. Н. Покровского и мэтров его школы подобных советов и оценок поступить, конечно, не могло. Они сами явно нуждались в рекомендациях такого рода. Возможно, направляя письмо Д. Бедному, Сталин рассчитывал, что и ученые-историки придут к сведению его замечания. {73}

Что касается литературных собратьев Демьяна Бедного, то, конечно, далеко не у всех из них и отнюдь не сразу изменилось отношение к исторической России. 1931 год дает новые образчики русофобии, в частности, переиздается книга Осипа Бескина «Кулацкая художественная литература и оппортунистическая критика», содержащая, к примеру, такие пассажи: «Она еще доживает свой век — старая, кондовая Русь с ларцами, сундуками, иконами, лампадным маслом, с ватрушками, шаньгами по “престольным” праздникам, с обязательными тараканами, с запечным медлительным, распаренным развратом, с изуверской верой, прежде всего апеллирующей к богу на предмет изничтожения большевиков, с махровым антисемитизмом, с акафистом, поминками и всем прочим антуражем. Еще живет “росеянство”, своеобразно дожившее до нашего времени славянофильство, даже этакое боевое противозападничество с верой по-прежнему, по старинке, в “особый” путь развития, в народ-“богоносец”, с погружением в “философические” глубины мистического “народного духа” и красоты “национального” фольклора. В современной поэзии наиболее сильными представителями такого “росеянства” являются: Клычков, Клюев и Орешин³⁴⁷ (Есенин — в прошлом)». Вину Сергея Клычкова литературовед увидел в том, что тот, говоря о СССР, величает нас «Советской Русью». А это — «пиетет перед патриархальной, рабовладельческой Русью», «плацдарм, с которого ведется обстрел ненавистной советской современности». Оказывается, Клычков непочтительно говорит о мировой революции (только для Главлита), для души же — о национальном. Поэт написал: «Завтра произойдет мировая революция, капиталистический мир и национальные перегородки рухнут, но... русское искусство останется, ибо не может исчезнуть то, чем мы по справедливости перед миром гордились и будем, любя революцию... гордиться!» Литературовед осуждает: «Конечно, великодержавнику Клычкову никогда не понять, не дойти до того, что Октябрьская революция — не русская революция. Ему ведь полагается забыть о ста с лишним народах, населяющих бывшую Российскую империю»³⁴⁸.

Оскорбительный выпад против исторической России и «кулацких поэтов» содержало выступление поэта А. Безыменского на VI съезде Советов СССР. «В настоящее время, — говорил он, — традицию воспевания всего того отвратительного, что создавало нищету и забитость крестьянства, продолжают кулацкие поэты типа Клюева и Клычкова». От имени пролетарских писателей он объявил жесточайшую войну кулацким идеологам «Рассеюшки-Руси», а успехи ее пообещал измерять «степенью ликвидации образа того врага, который заключает в себе понятие “Рассеюшка-Русь”». Выступление было закончено стихотворным приговором: «Рассеюшка-Русь! / Растреклятое слово / Трехполья / болот / и мертвеющих рек»³⁴⁹.

Л. Б. Каменев, к тому времени отставленный от большой политики, тоже нашел возможность напомнить о должном отношении к исторической России. 27 декабря 1931 года были сданы в печать «Замогильные записки» В. С. Печерина, одного из первых русских политических эмигрантов XIX века. В сочувственном предисловии к этой книге, составленном {74} Каменевым, приведены стихи Печерина, написанные в 1834 году: «Как сладостно — отчизну ненавидеть. / И жадно ждать ее уничтоженья! / И в разрушении отчизны видеть / Всемирного денницу возрожденья!» Извиняясь за столь сильно выраженные байронические настроения, автор полагал: «Любить? — Любить умеет всякий нищий, / А ненависть — сердец могучих пища»³⁵⁰.

Ленинградский государственный театр сатиры и комедии внес свой «вклад» в борьбу с исторической Россией. 19 декабря 1931 года здесь состоялась премьера представления «Крещение Руси», шедшего почти до апреля следующего года. В благожелательной рецензии, помещенной в журнале «Рабочий и театр», отмечается: «Спектакль имеет ряд смелых проекций в современность, что повышает политическую действенность пьесы». А именно: «Былинные богатыри выступают в роли жандармской охраны, Соловей-разбойник становится олицетворением именитого купечества, Византия переключается с фашистским Западом. Сам князь Владимир обобщен как представитель самодержавия и не случайно поэтому к концу спектакля принимает образ предпоследнего царя-держиморды. Однако основная, не преодоленная театром, ошибка автора кроется в показе всей “православной Руси” — пришибленным, с расслабленной волевой мускулатурой, появляющимся в неукоснительно пьяном виде и произносящим путаные и непонятные слова Микулой Се-

ляниновичем. Обобщая “культурный” византийский деспотизм до фашизма (связь истории с современностью вообще в спектакле носит отпечаток наивной механистичности), Н. Адуев (автор текста. — *А.В.*) не подчеркивает мракобесия деспотов, и в сопоставлении с былинной дикостью расейского князя византийцы выглядят как... светочи культуры». Рецензенты тем не менее нашли возможным пожуричь спектакль за «явно недостаточную, социальную, в частности, антирелигиозную нагрузку»³⁵¹.

Между тем на политико-идеологическом поприще утверждалась тенденция противоположного свойства.

«ТЕПЕРЬ У НАС ЕСТЬ ОТЕЧЕСТВО»

В выступлении на Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 года Сталин заложил краеугольный камень в основание нового идеологического курса. Слову «отечество», использовавшемуся ранее чаще всего как синоним дореволюционной России, было придано новое звучание. Теперь оно прочно связывалось с понятием «наша страна». «В прошлом, — говорил Сталин, — у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость». И если не хотеть, чтобы наше отечество было побито и утеряло независимость, нужно в «кратчайший срок ликвидировать его отсталость и развить настоящие большевистские темпы в деле строительства его социалистического хозяйства»³⁵². Новое представление о «социалистическом отечестве» потребовалось для того, чтобы сузить его неопределенные {75} пролетарско-мировые очертания (в представлениях первых лет революции) до реальных границ СССР. Новое понимание отечества позволяло «реабилитировать» патриотизм в его нормальном и привычном для широких масс виде, начать его культивирование как высшей доблести советских людей. Предстояло, как предлагал М. И. Калинин, «все население пропитать советским патриотизмом, чтобы каждый гражданин Советской республики, если даже он самый обыкновенный обыватель, встретившись с гражданином капиталистической страны, всегда чувствовал внутренне превосходство: я — гражданин Советской республики»³⁵³. Теперь такая установка была дана самим Сталиным.

ЗАЯВКА НА РУССКОЕ ПЕРВЕНСТВО В ПРОЛЕТАРСКОМ ДВИЖЕНИИ

Особенно большую значимость имело письмо И. В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма». Оно было опубликовано в журнале в конце октября 1931 года и получило большую известность как «Письмо 31-го года». Русские большевики представляли в письме в качестве некоего эталона для коммунистов других стран: именно они «выдвигали на первый план коренные вопросы русской революции»; именно их интернационализм «является образцом пролетарского интернационализма для рабочих всех стран»³⁵⁴. В письме утверждалось также, что русский пролетариат является авангардом международного пролетариата, последовательный и до конца революционный интернационализм большевиков является образцом пролетарского интернационализма для рабочих всех стран. Согласно этому, не западные марксисты должны давать уроки своим русским товарищам, а наоборот. В статье подчеркивалось, что у «русских большевиков» есть все основания оценивать степень марксистской революционности зарубежных социал-демократов. Несогласие с подобного рода русоцентризмом означало, по определению Сталина, «троцкистскую контрабанду»³⁵⁵. На этом основании «Письмо 31-го года» до сих пор порицается особо ревностными блюстителями специфического интернационализма за содержащийся в нем потенциал «идеологической трансформации — от интернационалистского ленинизма-троцкизма к сталинскому национал-патриотизму»³⁵⁶.

Вместе с письмом Демьяну Бедному письмо в журнал «Пролетарская революция» заставляло призадуматься многих представителей тогдашней литературной и политической элиты, иных — проявлять большую сдержанность в оценках дореволюционного и современного Отечества. В. И. Пятницкий, к примеру, вспоминает, что его мать любила громко читать четверостишие русского поэта Д. В. Вeneвитинова (1805—1827): «Грязь, вонь, клопы и тараканы, / И надо всем хозяйский кнут, / И это русские болваны / Святым отечеством зовут»³⁵⁷. Сын полагает, что в этом выражалось резко критическое отношение человека начала тридцатых годов «к окружающей советской действительности». И. А. Пятницкий, отец мемуариста, бесстрашный большевик, обвиненный позднее в троцкизме, видимо, так не считал и опасно говорил жене: «Тише, Юля, тише»³⁵⁸. {76}

Письмо Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма», начавшаяся критика лозунга «одемянивания» пролетарской поэзии³⁵⁹, под которым велось «огульное охаивание всего прошлого в русском народе»³⁶⁰, расшатывали представления о советских коммунистах как принципиальных западниках. А ведь еще совсем недавно Луначарский разъяснял в популярном журнале, что не только социал-демократы и их предшественники «всегда были западниками», но и «наш коммунизм является отпрыском Запада... наш пролетариат, совершивший такую героическую революцию, есть неотъемлемая часть всемирного пролетариата». На этом основании предлагалось с самой жестокой решительностью опровергнуть «всю эту ерунду», будто коммунизм выражает «какую-то особенную, *чисто* русскую сущность»³⁶¹.

ПОВОРОТ В ИСТОРИИ С КОРЕНИЗАЦИЕЙ: «КУБАНСКОЕ ДЕЛО»

Существенный пересмотр взглядов на проводившуюся в СССР национальную политику произошел в ходе так называемого Кубанского дела в декабре 1932 года. До 1926 года коренизация, инициированная в 1923 году XII съездом РКП(б), осуществлялась преимущественно по методу процентного замещения должностей, когда аппарат учреждения чисто механически заполнялся на определенный процент работниками из коренного населения («механическая коренизация»). С 1926 года «механическая коренизация» заменялась функциональной. Ее цель состояла в замещении решающих должностей в госаппарате работниками, владеющими языком коренного населения. Это позволяло реальнее осуществлять советскую власть в национальных регионах. Впервые такой метод был применен в Казахстане после замены секретаря крайкома К. С. Ходжанова Ф. И. Голощекиным, который тут же приступил к разработке новой политики. Квотное представительство титульных национальностей в органах управления было заменено номенклатурными списками с указанием конкретных должностей, которые считались ключевыми для перевода делопроизводства на национальный язык и обслуживания местного населения; критерием отбора на должность была объявлена языковая компетенция, а не этническая принадлежность. Реформа Голощекина (функциональная коренизация) была лично одобрена Сталиным и довольно быстро, в течение 1926—1927 годов, была распространена на другие республики³⁶².

До 1932 года в стране последовательно развертывалась система национальной государственности — появлялись новые союзные и автономные республики и области, множилось число национальных округов, районов и сельсоветов, последовательно проводилась политика коренизации государственного аппарата, уточнялись границы между национально-государственными образованиями. Национальная политика на Украине имела свои особенности. Она во многом определялась намерениями превратить советскую Украину в центр притяжения для разделенного с ней украинского населения Польши, Чехословакии и Румынии и со временем возвратить территории их проживания в СССР. {77}

Истоки же собственно «Кубанского дела» обнаруживаются в территориальном конфликте между УССР и РСФСР. В 1924 году при образовании Северокавказского края новые краевые власти заявили права на большую часть русскоязычного региона вокруг индустриального города Шахты и на большую часть региона вокруг порта Таганрог, входившие до этого в Украинскую ССР. Украинское руководство неохотно согласилось с тем, что экономические соображения и пожелания местного населения говорят в пользу передачи территории. В декабре 1924 года ВУЦИК издал решение, которым отдавал часть региона Шахты и часть Таганрогского округа. Однако в этом же документе выдвигалось требование включить в УССР гораздо больший кусок территории РСФСР в Брянской, Курской и Воронежской губерниях с населением более 2 млн человек. В октябре 1925 года последовало решение центральных властей. Северный Кавказ получил регион Шахты и три четверти округа Таганрог. Взамен Украина получила примерно половину территории, на которую заявляла права. В результате население Украины только за счет этих районов увеличилось более чем на 1 млн человек, среди них 58 % были украинцами³⁶³.

Из-за этого компромисса возник «украинский вопрос в РСФСР», где по переписи 1926 года насчитывалось 7,8 млн украинцев. При этом только 67 % из них указали, что их родным языком является украинский³⁶⁴. Озабоченное будущностью соплеменников, украинское руководство обвиняло руководителей российских областей и центральные органы в том, что они не проводят украинизации, не создают в РСФСР украинских национальных Советов, национальных школ и культурных центров. Под влиянием критики Северокавказский крайком объявил о начале украинизации в своем регионе. Ключевым регионом по украинизации оказалась Кубань. Здесь проживали 915 450 украинцев (62 % населения), из которых 580 тысяч были кубанскими казаками. В 1924—

1925 годах на Кубани было заново открыто около 150 украинских школ. Украинское правительство посылало в регион книги, газеты, командировало учителей³⁶⁵.

Местные русские чиновники и члены правительства Северного Кавказа расширение украинизации посчитали ошибкой. Их аргументы сводились к тому, что 1) кубанские «украинцы» говорят на своем особом, «кубанском» языке; 2) они уже ассимилировались; 3) украинизация подогреет неприязнь местного населения в отношении казаков; 4) лидеры казачьего движения воспримут развертывание украинизации как уступку и потребуют большей автономии³⁶⁶.

Обострение национального вопроса на Кубани наложилось на негативные последствия коллективизации. К концу заготовительной кампании 1931 года Украина и Северный Кавказ уже были на грани голода. Плохой урожай 1932 года никак не был учтен при разнарядках очередных заготовок. 21 июня И. В. Сталин и В. М. Молотов потребовали от украинского руководства, что их повышенная норма должна быть выполнена «любой ценой». В июле Л. М. Каганович и В. М. Молотов были отправлены на украинский партийный съезд, чтобы обеспечить выполнение решения. Поиски {78} причин провала хлебозаготовок привела московское руководство СССР к выводу о том, что она кроется в разложении руководства Украины националистами, «петлюровцами», служившими Пилсудскому и его планам аннексировать Украину³⁶⁷.

Сталинское благоволение к руководству Северного Кавказа и его первому секретарю Б. П. Шеболдаеву оборвалось сразу же, как только секретарь вслед за украинцами попросил о снижении норм хлебозаготовок. Работавшая на Северном Кавказе комиссия под руководством Л. М. Кагановича, усиленная 1 ноября прибывшими из Москвы А. И. Микояном, Г. Г. Ягодой, М. Ф. Шкирятовым, Я. Б. Гамарником, развернула кампанию террора, вошедшую в историю как «Кубанское дело»³⁶⁸. Его главной жертвой стали северокавказские крестьяне и в особенности кубанские казаки. 2 ноября на встрече с партийными лидерами в Ростове Каганович объяснил слушателям, что классовый враг, кулаки «не смеют больше противостоять нам открыто», но продолжают борьбу тайно — внедряются в колхозы и саботируют реквизиции зерна. В ответ должно «зверски драться и выполнить план»³⁶⁹. Наиболее зверскими репрессиями было помещение трех кубанских станиц на «черную доску». Оно означало полную блокаду голодающих станиц, арест контрреволюционеров силами ОГПУ, публичные суды, чистку партийных органов. Общая численность всех высланных кубанских казаков превысила 60 тыс. человек³⁷⁰. Поначалу главную причину провала хлебозаготовок Комиссия объясняла саботажем кулаков, поддержанным слабевольными сельскими коммунистами. Однако вскоре нашла и другое объяснение — влияние украинских националистов, в частности, тех, что прибывали на Кубань из Украины. Таки образом, и здесь украинизация оказалась причиной провала хлебозаготовок.

14 декабря 1932 года, подводя итоги процессам на Украине и Северном Кавказе, Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР выпустили постановление о хлебозаготовках в этих регионах. В нем отмечалось, что недостаток бдительности позволил «кулакам, бывшим офицерам, петлюровцам и сторонникам кубанской Рады проникнуть на руководящие посты в колхозах». Причиной этого названа украинизация: план по хлебозаготовкам провален из-за сопротивления предателей внутри советского и партийного аппарата, причем множество из этих предателей получили должности благодаря политике украинизации. Постановление от 14 декабря было первым, где прямо говорилось о том, что политика коренизации не разоружила национального движения, а, наоборот, усилила его. «Вместо правильного большевистского проведения национальной политики в ряде районов Украины украинизация проводилась механически, без учета конкретных особенностей каждого района, без тщательного подбора большевистских украинских кадров, что облегчило буржуазно-националистическим элементам, петлюровцам и проч. создание своих легальных прикрытий, своих контрреволюционных ячеек и организаций». В Северо-Кавказском крае «легкомысленная, не вытекающая из культурных интересов населения, не большевистская “украинизация” почти половины районов {79} Северного Кавказа при полном отсутствии контроля за украинизацией школы и печати со стороны краевых органов дала легальную форму врагам советской власти для организации сопротивления советской власти со стороны кулаков, офицерства, реэмигрантов-казаков, участников Кубанской рады и т. д.»³⁷¹.

Постановление одобрило проведение дополнительных мероприятий по наказанию виновных на Украине и на Кубани. Постановления Политбюро от 15 и 16 декабря потребовали навести порядок с украинизацией на территории РСФСР и коренизацией в Белоруссии³⁷². Поворот в истории коренизации, вызванный «Кубанским делом», привел к отказу от крайностей коренизации (принудительного внедрения «титального» языка и культуры в национальной республике, области, районе, сельсовете и выдвигания к власти в них исключительно представителей «титальной» нацио-

нальности), но не от коренизации как таковой. В той или иной форме она осуществлялась в союзных республиках и на последующих исторических этапах. Именно на основе коренизации, утверждает исследователь национальной политики в Азербайджане, «возникли условия, проложившие путь полной национализации Азербайджана после Второй мировой войны... Азербайджан стал социалистическим. Но он был также превращен в тюркскую республику»³⁷³.

ВЫПРАВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО УКЛОНА НА УКРАИНЕ

В 1933 году борьба с ошибками в деле коренизации была переведена на более высокий уровень. Суровой критике подвергся Наркомат просвещения Украины, обвиненный в уклоне к местному национализму. Борьбу с уклонистами возглавил член секретариата ЦК ВКП(б) П. П. Постышев, назначенный вторым секретарем ЦК КП(б) Украины и первым секретарем Харьковского обкома. Осуждая «механическое проведение украинизации», он говорил: «Ведь это же факт, товарищи, что в партию и комсомол принимаем нередко по признаку одной лишь только национальной принадлежности, только потому, что украинец. Безусловно, верно... Но эти коренные кадры нам надо воспитывать и брать в партию из среды рабочих и трудящихся крестьян. Ведь на основе достижений в области индустриализации Украины ширится база украинской культуры, национальной по форме и пролетарской по содержанию. Коренизация же государственного аппарата по Яворским и Баданам нам не нужна, ибо это чужие нам люди, враги рабочего класса и партии»³⁷⁴.

Первоначально виновными в уклоне назывались секретарь ЦК КП(б) У по идеологии, редактор органа ЦК КП(б) У газеты «Коммунист» А. П. Любченко и заведующий отделом прессы ЦК КП(б) У А. А. Хвыля. Это были бывшие боротьбисты, члены популярной на Украине мелкобуржуазной националистической партии левых эсеров, возникшей в 1918 году в результате раскола партии украинских эсеров. Они отличались от большевиков тем, что «отстаивают безусловную независимость Украины»³⁷⁵. На Всеукраинской конференции (март 1920 г.) боротьбисты приняли решение {80} о самороспуске и слиянии с КП(б) У. Их прием в компартию производился в индивидуальном порядке. По словам А. А. Хвыли, «каждый член партии, каждый гражданин должен знать одно: национальная политика в действительно ленинском понимании на Украине неминуемо ведет к полной украинизации всего рабочего класса на Украине, украинизации прессы, школы, научной работы»³⁷⁶.

Однако вскоре огонь критики за националистический уклон на Украине был перенесен на наркома просвещения Н. А. Скрыпника — именно его ведомство несло основную нагрузку при проведении украинизации³⁷⁷. Скрыпник был видным политическим деятелем. Старый большевик, член партии с 1897 года, он был участником Октябрьской революции в Петрограде, членом Петроградского ВРК, в 1921—1922 годах занимал пост наркома внутренних дел УССР, вел непримиримую борьбу против членов некоммунистических партий; в 1927—1927 — нарком юстиции и генеральный прокурор Украины, преследовал сторонников Л. Д. Троцкого и «новой оппозиции»; с 1927 года — председатель Совета Национальностей ЦИК СССР, в 1927—1933 годах — нарком просвещения СНК Украины³⁷⁸. Отношение И. В. Сталина к нему выражено словами: «вообразил себя Лениным на Украине»³⁷⁹.

23 февраля 1933 года Н. А. Скрыпник был снят с должности наркома и переведен на пост заместителя председателя СНК и председателя Госплана УССР. Однако это не избавило его от дальнейшей критики. Основными запевалами в ней оказались А. П. Любченко и А. А. Хвыля³⁸⁰.

В июне 1933 года на очередном пленуме ЦК КП(б) У Н. А. Скрыпник вынужден был признавать свои ошибки. П. П. Постышев признанием ошибок не удовлетворился. Усиливая обвинения за ошибочное проведение украинизации, он довел их до предела, до обвинений во вредительстве и шпионаже. «Вредители и шпионы..., — говорил он, — насаждали... не нашу национальную по форме и социалистическую по содержанию украинскую культуру, а культуру националистическую, шовинистическую, буржуазную культуру Донцовых, Ефремовых, Грушевских, культуру, враждебную идеологии и интересам пролетариата и трудящегося крестьянства», с целью «ослабить пролетарскую диктатуру, лихорадочно готовя новые вылазки против СССР, не покидая мечты об отрыве Украины от Советского Союза». «Участок, которым до недавнего времени руководил тов. Скрыпник... оказался наиболее засоренным вредительскими, контрреволюционными, националистическими элементами... Дело украинизации в ряде случаев оказывалось в руках разной сволочи петлюровской»³⁸¹.

Политбюро ЦК КП(б) У потребовало от Н. А. Скрыпника официального документа с признанием ошибок. Представившиеся в июне—июле объяснения Политбюро не удовлетворяли. 7

июля было решено «вывести тов. Скрыпника из Политбюро ЦК КП(б) У». Во время заседания Политбюро ЦК КП(б) У, рассматривавшего его вопрос, Скрыпник не выдержав напряжения, вышел из зала заседания, выстрелил себе в грудь и через несколько десятков минут скончался. Был похоронен «без почестей, принятых для членов ЦК»³⁸². {81}

Некролог, помещенный в «Правде», выставил историю борьбы с националистическим уклоном на Украине на всесоюзное обозрение. «7 июля 1933 года, — извещала газета, — покончил жизнь самоубийством член ЦК и Политбюро ЦК КП(б) У тов. Николай Алексеевич Скрыпник... За последние годы... запутавшись в своих связях с украинскими буржуазно-националистическими элементами, имевшими партбилет в кармане, и не имея больше сил выбраться из этой паутины, стал жертвой... пошел на самоубийство». «Баданы, Яворские, Эрстенюки — лютые враги партии и украинских рабочих и крестьян, продажные шпионы, — смогли... втереться в доверие к тов. Скрыпнику, засели в Наркомпросе, расставили своих людей в системе органов просвещения на Украине и, прикрываясь именем т. Скрыпника, вели свою предательскую работу. Под флагом борьбы за украинскую культуру буржуазно-националистические, петлюровские элементы на деньги заграничных охранок работали над тем, чтобы оторвать Украину от Советского Союза, загнать украинских рабочих и трудящихся крестьян назад, в рабство, в кабалу к помещикам и капиталистам, чтобы в угоду Детердингам, германским фашистам, польским панам уморить голодом, истребить сотни тысяч и миллионы трудящихся Украины. Утратив бдительность, т. Скрыпник допустил ряд грубых политических ошибок. Партия и советская власть разгромили вражескую организацию, пытавшуюся укрыться за спиной тов. Скрыпника. Это открыло глаза тов. Скрыпнику и на его политические ошибки. Он осознал их, но не нашел в себе мужества... преодолеть их... пал жертвой национал-шовинистических элементов... Большевики Украины всегда вели и впредь будут вести самую непримиримую борьбу на два фронта, как против великодержавного шовинизма... главной опасностью... так и против национал-шовинизма, выжигая каленым железом всякие шовинистические, петлюровские элементы, под каким бы фальшиво-национальным флагом они ни выступали»³⁸³.

Принципиальные выводы из всей этой истории были сделаны на партийных съездах в Киеве и Москве. В резолюции XII съезда КП(б) Украины (январь 1934 г.), подчеркивалось: «Под руководством ЦК ВКП(б) и т. Сталина КП(б) У разгромила националистические контрреволюционные организации, стремившиеся оторвать Украину от Советского Союза, вскрыла и разгромила новый националистический уклон, возглавляемый Скрыпником, уклон, который облегчал и помогал деятельности контрреволюционных националистов, который прямо с ними смыкался»³⁸⁴. На XVII съезде ВКП(б) (26 января — 10 февраля 1934 г.) прозвучали обвинения Н. А. Скрыпника в теоретических и тактических ошибках. В выступлении П. П. Постышева к первым отнесены «толкование национального вопроса... как самостоятельного, самодовлеющего», «подмена задачи борьбы за воспитание классового пролетарского самосознания задачей развития национального сознания», «приукрашивание роли контрреволюционной Центральной рады и украинских националистических партий», переоценка украинского вопроса в октябре 1917 года. В практической деятельности задачу борьбы на два фронта в национальном вопросе Н. А. Скрыпник {82} подменил борьбой «только лишь против великорусского шовинизма», насаждая «принудительную украинизацию школ». В конечном счете его действия мешали укреплению «братского союза трудящихся народов». «Националистический уклон во главе со Скрыпником был прямым продолжением уклона Шумского в 1927 году... И тот и другой работали на дело отрыва Украины от Советского Союза, на дело империалистического порабощения украинских рабочих и крестьян»³⁸⁵. В выступлении на съезде вице-президента АН УССР, кандидата в члены Политбюро ЦК Компартии Украины А. Г. Шлихтера главное прегрешение Н. А. Скрыпника усматривалось в его утверждении о том, что «трудящиеся должны развивать свое национальное самосознание, тем самым противопоставляя его пролетарскому интернационалистскому самосознанию. Он фальсифицировал большевизм, подменяя его национал-большевизмом»³⁸⁶. В таком же духе были поддержаны выступления на съезде и других делегатов с Украины: Г. И. Петровского³⁸⁷, С. В. Косякова³⁸⁸.

Главный вывод на XVII съезде ВКП(б) был сделан И. В. Сталиным. Он кардинальным образом поменял ориентиры в борьбе с «уклонами» в национальной политике. «Спорят о том, какой уклон представляет главную опасность, уклон к великорусскому национализму или уклон к местному национализму? При современных условиях... Главную опасность представляет тот уклон, против которого перестали бороться и которому дали, таким образом, разрастись до государственной опасности»³⁸⁹. А из всего контекста следовало, что перестали бороться с местным нацио-

нализмом. Впрочем, Сталин в том же выступлении разъяснил: «На Украине еще совсем недавно уклон к украинскому национализму не представлял главной опасности, но когда перестали с ним бороться и дали ему разрастись до того, что он сомкнулся с интервенционистами, этот уклон стал главной опасностью»³⁹⁰. Этот вывод касался не только Украины: «Многие думают, что грехопадение Скрыпника есть единичный случай, исключение из правила. Это неверно. Грехопадение Скрыпника и его группы на Украине не есть исключение. Такие же вывихи наблюдаются у отдельных товарищей и в других национальных республиках»³⁹¹. Таким образом, XVII съезд ВКП(б) положил начало новому этапу в осуществлении национальной политики в СССР, когда усилия партии переключались на борьбу с местным национализмом как главной опасностью в национальном вопросе.

УГРОЗЫ ГИТЛЕРА И ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПОВОРОТА К ПАТРИОТИЗМУ В СССР

Закреплению поворота в СССР к громадной значимости национального вопроса, к признанию великой роли отечественной истории и патриотических чувств в сплочении общества способствовали известные события в Германии. 30 января 1933 года А. Гитлер стал рейхсканцлером, а в августе следующего года, после смерти президента П. Гинденбурга, сосредоточил в своих руках всю законодательную и исполнительную власть в качестве «фюрера и рейхсканцлера». Произошло это в стране, на революционность и интернационализм пролетариата которой российские большевики {83} возлагали особые надежды, видя в классе-собрате явного лидера в грядущем социалистическом переустройстве мира. И вот эту-то страну, с ее просвещенным населением и мощным, как казалось, рабочим классом Гитлеру удалось завоевать с помощью национальных лозунгов и знамен.

Развертывая борьбу против нацизма, профессиональные интернационалисты в СССР поначалу не верили в долговременность успеха гитлеровцев, полагая, что они вот-вот «начнут терять свою кратковременную устойчивость», поскольку национализм, «последняя твердыня отживающего капиталистического мира», в их представлении, никак не могла быть прочной. Редактор советского журнала «Революция и национальность» С. М. Диманштейн говорил в этой связи: «Правительство Гитлера так прямо себя именуется: “правительство национального возрождения”, а тех, кто выступает против этого правительства, они клеймят контрреволюционерами, считая себя совершающими национальную революцию»³⁹². Гитлер, однако, явно преуспевал. Сознание исходящей из этого опасности не могло не наталкивать идеологов в СССР также и на мысль о том, что национальный фактор, пожалуй, не слабее интернационального, списывать его со счетов не следует, а подавлять и не использовать — неумно.

Развитие германских событий, без сомнения, ускорило эволюцию сталинского режима в национал-большевистском направлении, все более отклонявшемся от курса на мировую революцию. 4 декабря 1933 года прозвучал доклад М. М. Литвинова на IV сессии ЦИК СССР (на следующий день опубликован в газете «Известия»), который означал отказ советского руководства от ультрареволюционной доктрины, которой оно руководствовалось со времен Гражданской войны и, согласно которой, любое обострение международной обстановки воспринималась как надежда на его перерастание в мировую революцию. Теперь нарком иностранных дел, как представитель государства — члена международной системы, выступил с требованием ко всем странам, имеющим представительства в СССР, не вмешиваться во внутренние дела страны. Такую же политику, подчеркивал он, мы проводим и будем проводить впредь в отношении других стран.

19 декабря 1933 года Политбюро ЦК ВКП(б) заявило о готовности СССР вступить в Лигу Наций и заключить в ее рамках региональное соглашение «о взаимной защите от агрессии со стороны Германии». 18 сентября 1934 года СССР был принят в эту международную организацию. Вскоре после этого Сталин начал говорить и вовсе неожиданное. К примеру, американский журналист, спросивший Сталина, правильно ли он понимает, что СССР «в какой-либо мере оставил свои планы и намерения произвести мировую революцию», получил ответ: «Таких планов и намерений у нас никогда не было»³⁹³. Смертные приговоры в 1936 и 1938 годах недавним руководителям Коминтерна Г. Е. Зиновьеву и Н. И. Бухарину должны были, помимо всего прочего, создавать впечатление о действительности намерений руководства СССР отказаться от непосредственного курса на мировую революцию. {84}

ОСУЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛ-НИГИЛИЗМА В ПОЛИТИКЕ КОМИНТЕРНА

Дальнейшему отходу от левацкого интернационализма способствовали решения VII конгресса Коминтерна. Более чем за год до конгресса, 7 апреля 1934 года Г. Димитров в разговоре с членами Политбюро ЦК ВКП(б) поставил вопрос: почему в решительный момент миллионные массы идут не с коммунистами, а, скажем, как в Германии, с национал-социалистами? Поиски ответов на этот вопрос привели к принципиальному выводу: причина кроется в неправильном подходе к национальной психологии народных масс и национальным традициям, к которым коммунисты проявляли явное пренебрежение. Ранее в документах Коминтерна о патриотизме говорилось обычно в критическом смысле, нередко это понятие отождествлялось с шовинизмом.

По предложению Сталина Димитров был избран генеральным секретарем Исполкома Коминтерна. Новое руководство Коммунистического Интернационала вместе с Политбюро ЦК ВКП(б) начало возвращать международную организацию, как впоследствии стало говорить, «к марксистско-ленинским взглядам на отечество, патриотизм и идеям, оказавшимся забытыми или искаженными в практике революционной борьбы предшествующих лет», не допуская какого-либо нигилизма по отношению к национальной проблематике своей страны. «Мы, коммунисты, — подчеркнул Димитров на VII Всемирном конгрессе Коминтерна 2 августа 1935 года, — *непримиримые, принципиальные противники буржуазного национализма во всех его разновидностях. Но мы не сторонники национального нигилизма и никогда не должны выступать в качестве таковых*»³⁹⁴. Поворот казался столь крутым, что многим пораженным левизной коминтерновцам поначалу казалось: «Москва ликвидирует пролетарский интернационализм и начинает культивировать в рабочих массах преувеличенный патриотический национализм»³⁹⁵.

Исправление левацких ошибок в отношении к патриотизму и национальной психологии народа в самом СССР началось со снятия проклятия с «великорусского национализма». Партийное постановление 1921 года решало этот вопрос однозначно: из двух возможных уклонов в национальном вопросе главную опасность представляет великорусский национализм³⁹⁶. Презумпция была снята на XVII съезде партии, который предписал всем парторганизациям руководствоваться «положениями и задачами, выдвинутыми в докладе т. Сталина» от 26 января 1934 года. В докладе значилось, что «главную опасность представляет тот уклон, против которого перестали бороться и которому дали, таким образом, разрастись до государственной опасности»³⁹⁷. Как показали дальнейшие события, репрессии в последующем чаще всего сопрягались с обвинениями в местном национализме.

«ДЕЛО СЛАВИСТОВ»

Избавление от догматизма, признание значимости национального фактора и патриотизма Коминтерном и правящей элитой СССР не могли свершиться в одночасье, требовали целого ряда лет, если не десятилетий. Наряду {85} с начавшимся поворотом в реальной жизни страны начала 1930-х годов уживались тенденции прямо противоположной направленности. Официально признанной главной опасностью для большевистской власти оставался в то время «великорусский национализм», искоренение его возможных носителей нанесло неисчислимый ущерб русскому народу, его интеллигенции. Особая роль в нейтрализации национализма отводилась карательным органам. Так, в конце 1933 — начале 1934 года в Москве, Ленинграде и ряде других городов «славными чекистами» были арестованы «члены широко разветвленной фашистской организации», именуемой «Российской национальной партией». В общей сложности ими оказались (с учетом параллельных дел на периферии) более ста интеллигентов-гуманитариев, значительную часть которых составляли русисты и слависты-филологи — специалисты по истории древнеславянской письменности, славянскому фольклору, сравнительной грамматике и истории славянских языков³⁹⁸.

На этот раз события разворачивались следующим образом. В декабре 1933 года один из обвиняемых в участии в «эсеровской организации» дал показания против выдающегося ученого, члена-корреспондента АН СССР Н. Н. Дурново и его сына, также слависта, А. Н. Дурново, назвав их участниками «националистической организации, ведущей активную антисоветскую работу». 28 декабря они были арестованы. За ними через несколько дней последовали невеста А. Н. Дурново Варвара Трубецкая и ее отец, В. С. Трубецкой (брат Н. С. Трубецкого). Затем в январе и феврале 1934 года арестовали еще ряд славистов и русистов, связанных тем или иным образом с семьей Дурново: Г. А. Ильинского, А. М. Селищева, В. В. Виноградова, В. Ф. Ржигу, И. Г. Голанова, П. А. Расторгуева, В. Н. Сидорова, Ю. М. Соколова, А. И. Павловича, Н. И. Кравцова и других. По ходу следствия к ним подключались новые московские и ленинградские интеллигенты. Среди них были

искусствовед, директор Русского музея Н. П. Сычев и известный реставратор П. Д. Барановский, решительно протестовавший против планируемого уничтожения храма Василия Блаженного и демонстративно отказавшийся от подготовки памятника к сносу³⁹⁹. 29 марта 1934 года все они (33 человека) были осуждены как члены «контрреволюционной фашистской организации».

В московских и ленинградских следственных делах был собран обильный «компромат» на новых «руководителей и членов организации». Среди них значились крупнейшие ученые страны — академики В. И. Вернадский, М. С. Грушевский, Н. С. Державин, Н. Д. Зелинский, В. М. Истрин, Н. С. Курнаков, Б. М. Ляпунов, В. Н. Перетц, М. Н. Сперанский. Вопрос об аресте академиков решался на самом высоком уровне, и там сочли нужным ограничиться лишь двумя учеными-славистами старой школы, сохранявшими независимость взглядов, — М. Н. Сперанским и В. Н. Перетцем. Последний был объявлен националистом, и русским и украинским одновременно. Обоих арестовали в ночь на 12 апреля 1934 года. Историк М. С. Грушевский, очевидно, избежал ареста лишь в связи с кончиной (25 ноября 1934 г.), поскольку посмертно его объявили главой «контрреволюционного центра», {86} но уже не российского, а украинского. Слависты оказались в особо невыгодном положении еще из-за того, что в то время шла борьба с «панславизмом», отношения со славянскими странами «санитарного кордона» были крайне напряженными и даже общее происхождение славянских языков и народов было «опровергнуто» академиком Н. Я. Марром, «доказавшим», что русский язык «оказался по пластам некоторых стадий более близок к грузинскому, чем... к любому индоевропейскому, хотя бы славянскому»⁴⁰⁰.

Первоначально обвинения арестованным сводились к следующему. На рубеже 1920—1930-х годов в Москве под руководством академика М. Н. Сперанского группа славистов якобы начала готовить свержение советской власти и восстановление монархии. Среди арестованных были лица только со славянскими фамилиями. «Иностранцев» в связях с монархистами не подозревали. В своих действиях группа Сперанского руководствовалась-де указаниями «закордонного русского фашистского центра, объединяющего эмигрантские группы и возглавляемого князем Н. С. Трубецким». Имелись в виду, конечно же, евразийцы. Обнаруженное во время ареста у одного из обвиняемых собрание статей Н. С. Трубецкого «К проблеме русского самопознания» (Париж, 1927) расценивалось как «платформа русского фашизма». Координация действий московского и венского центров была инкриминирована члену-корреспонденту АН СССР Н. Н. Дурново, который в середине 1920-х годов находился в заграничной командировке, его сын к тому же стал родственником князей Трубецких.

Однако М. Н. Сперанский, по ходатайству младшего брата, Г. Н. Сперанского (в те годы — директор Института охраны материнства и детства и, что важнее всего, главный кремлевский педиатр, лечивший детей членов Политбюро), был вскоре вызволен из тюрьмы и содержался до суда дома. Может быть, и в этой связи с апреля 1934 года следствие приняло «уточненное» направление: славянская филология — реакционная наука, которая получила широкое распространение в фашистской Германии; читая лекции в университете, обвиняемые толкали молодежь в объятия религии; публикуя книги и статьи в буржуазных странах, они наносили большой вред нашей идеологии. Такие же обвинения содержал и «научный доклад», оглашенный в Ленинграде, в Институте языка и мышления в конце 1934 года. Славянская филология, утверждалось в нем, «была всегда наукой заведомо и насильственно пронизанной зоологическим национализмом», а в настоящее время в качестве своей теоретической базы имеет «идеализм фашистского толка». Из сказанного видно, что все, относившееся к собственно русскому и славянскому вопросам, вплоть до середины 1930-х годов, маркировалось в СССР как фашизм. Из осужденных по делу «Российской национальной партии» одиннадцать были расстреляны в местах заключения в 1937—1938 годы, в том числе Н. Н. и А. Н. Дурново, Г. А. Ильинский, В. С. и В. В. Трубецкие. Лишенные академических званий и приговоренные к ссылке академики прожили недолго. В. Н. Перетц скончался в сентябре 1934 года, М. Н. Сперанский — в апреле 1938-го. Результатом «очищения» славяноведения от «фашистов» стало прекращение исследований {87} по славистике и преподавания славяноведческих дисциплин. Подготовка славяноведов была возобновлена в Москве лишь в 1939-м на историческом и в 1943 году — на филологическом факультетах МГУ⁴⁰¹.

Война заставила изменить отношение и к славянофилам. Вплоть до начала Второй мировой войны они чаще всего изображались советскими историками как группа «националистически настроенной буржуазии»⁴⁰², требовавшая объединения славян под русским царем. На приеме правительственной делегации Чехословакии во главе с Э. Бенешем И. В. Сталин, открестившись от родства со «старыми славянофилами», тем не менее заявил: «Мы, новые славянофилы-ленинцы, славянофилы-большевики, коммунисты, стоим не за объединение, а за союз славянских народов...

Вся история жизни славян учит, что этот союз нам необходим для защиты славянства»⁴⁰³. Надо, однако, принимать во внимание время, когда стали возможны такие речи. На дворе стоял март 1945 года.

Возвращаясь от этой даты в довоенное советское прошлое, мы снова оказываемся в обстановке преследований режимом носителей национально-патриотических идей и борьбы за преодоление культурного наследия русского народа. Видимо, одно из первых судилищ над русскими патриотами, объявленных фашистами, состоялось за десять лет до «дела Российской национальной партии». 1 ноября 1924 года в Москве был арестован писатель Алексей Ганин. При аресте у него были изъяты тезисы, называвшиеся «Мир и свободный труд — народам»⁴⁰⁴. На допросах писатель уверял, что тезисы подготовлены для романа, над которым он начал работать. Поскольку в этом «документе» русские люди призывались на борьбу с интернационально-коммунистическим режимом во имя спасения национальной России, то ссылки на роман писателя не спасли. Мироззрение Ганина было квалифицировано как фашистское. Чекисты арестовали еще 12 человек — начинающих поэтов и журналистов, вчерашних крестьян, мелких служащих, группировавшихся вокруг А. Ганина и разделявших патриотические убеждения. В ЧК эта группа получила название «орден русских фашистов». Главу «ордена» с шестью товарищами расстреляли 30 марта 1925 года. Остальные семеро пошли на Соловки, откуда вернулись лишь двое⁴⁰⁵.

Свой «вклад» в борьбу с культурным наследием народов России во имя грядущей «светлой жизни» вносили в 1920—1930-е годы борцы с традициями прошлого в литературе и культуре. С вульгарно-классовой точки зрения традиции эти расценивались не иначе как феодально-помещичьи и буржуазные. Образчиком такого понимания дореволюционной культуры и ее творцов может служить выступление Вс. Вишневского на одной из армейских партконференций в июле 1921 года. «Старая культура, — внушал он красноармейцам, — была фактически насквозь пропитана буржуазным духом»⁴⁰⁶. И пояснил это на конкретных примерах. Взять Пушкина. Он был камер-юнкером его величества царя и гордился своим дворянством. Не признавал никаких революций — следовательно, был контрреволюционером. Лермонтов был аристократом в полном смысле этого слова. Некрасов — из помещиков. Лев Толстой — граф. Писать-то он писал хорошо, но народ {88} в «Войне и мире» является лишь фоном, а главное разыгрывается между немногими аристократами, для которых слово «мужик» было бранным, почти неприличным. Чехов — происхождением из мещан и, безусловно, также один из последних представителей упадочничества. Его герои бесятся от жира в провинции, скучают от безделья, ноют без конца. Кольцов считался народным поэтом, но на самом деле это типичный представитель кулачества. Горький, правда, в значительной степени близок к народу, но и у него встречается немало высказываний далеко не пролетарской идеологии. В музыке — то же самое. Глинка — помещик; достаточно сказать, что у его отца был собственный оркестр из крепостных. Римский-Корсаков — придворный капельмейстер, писал лженародные оперы, непонятные крестьянину. Музыка Чайковского — яркий образец безысходного упадочничества и пессимизма, чуждого рабочему классу. Все эти симфонии, сонаты, балеты совершенно непонятны народу. Что касается балерин, певиц в опере, оперетте, то все или почти все они фактически работали в роли привилегированных проституток и зарабатывали неплохо. Трамплином же у них, конечно, была кровать дирижера или какого-нибудь князя⁴⁰⁷.

Естественно, таким образом представленная культура и традиции не заслуживали ничего другого, как быть сломанными и отброшенными с тем, чтобы дать простор развитию социалистического содержания интернациональной культуры. Например, Н. И. Бухарин не только думал, что «“завоевать” буржуазную культуру целиком, *не разрушая ее*, так же невозможно, как “завоевать” буржуазное государство», но и требовал: «Старый театр надо сломать, и кто не понимает этого, тот ничего не понимает»⁴⁰⁸. Любителей ломать оказалось предостаточно. Не последним среди них был Вс. Мейерхольд с его девизом «К искусству всего земного шара, к отречению от России». Как отмечали театроведы, в своих спектаклях он стремился показать русскую жизнь в самом «пошлом безобразии»⁴⁰⁹.

С этой же точки зрения роман Льва Толстого «Война и мир» представлялся не более чем попыткой «реабилитировать дворянство», Чайковский объявлялся «квасным патриотом», Горький — «псаломщиком русской культуры»⁴¹⁰. А. В. Луначарский в 1924 году заявил, что если Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого и признавать великими, то только с условием, что они-де велики «вопреки этой проклятой старой России, и все, что в них есть пошлого, ложного, недоделанного, слабого, все это дала им она»⁴¹¹. О великом Репине писали, что он как «свой» (для дореволюционного режима) художник «умел скрывать объективную классовую сущность буржуазии»; Сурикова объявляли защитником «реакционно-монархического национализма, опиравшегося на кулачест-

во». Смысл подобных писаний, как отмечалось после известного отрезвления середины 1930-х годов, «сводился к тому, чтобы, прикрываясь “борьбой” против великодержавного шовинизма, под шумок объявить целиком всю русскую культуру и искусство помещичье-буржуазным, реакционно-националистическим»⁴¹².

Особенно впечатляющим был изобретенный литературоведом В. Б. Шкловским способ использования произведений классиков русской {89} культуры не во вред, а к благу советских людей. Он полагал, что «Капитанская дочка», «Герой нашего времени», «Бесы» — «все это запас неправильных фактов»⁴¹³. Опровергать их в предисловиях — занятие непосильное: «Дать написать Машбиц-Верову предисловие к Александру Блоку — это значит выписать мухе путевку на право управления паровозом». Однако задачу решать надо, ибо «каждая эпоха имеет право переделывать предыдущую», а уж советская тем более. Поэтому, предлагает Шкловский, «с Толстым, Пушкиным, Лермонтовым и Достоевским нужно бороться по линии изменения сведений, которые они сообщают». К примеру, в кино, которое обладает огромной силой внушения, мы должны «создавать вещи, параллельные произведениям классиков... вдвинуть в сознание не ложь, а новый материал. Кинокартина будет существовать рядом с литературным произведением, пользуясь его материалом и в то же время вытесняя его. Иначе и быть не может. Гражданский мир — удел кладбища»⁴¹⁴. Как здесь не вспомнить исторический отдел министерства правды, созданный воображением Джорджа Оруэлла, в полной мере реализовавшего идею В. Б. Шкловского⁴¹⁵.

В резолюции Первой Всесоюзной конференции пролетарских писателей (январь 1925 г.) «контрреволюционным» объявлялось не только все прошлое литературы. Контрреволюционерами считались и «попутчики» — непролетарские писатели, в том числе и стоявшие на платформе советской власти, но якобы застывшие перед «гранитным монументом буржуазно-дворянской литературы», «проникнутые духом национализма, великодержавности, мистицизма»⁴¹⁶. «Монумент» предстояло разрушить до основания. Как это делать? Недостатка в советах не было. «Во имя нашего Завтра, — призывал еще в 1918 году Владимир Кириллов в своем знаменитом стихотворении «Мы», — сожжем Рафаэля, / Разрушим музеи, растопчем искусства цветы»⁴¹⁷. Газета «Искусство коммуны», издававшаяся в Петрограде, утверждала: «Следует больше жалеть о сошедшем с резьбы винте, чем о разрушении храма Василия Блаженного»⁴¹⁸; «Разрушать это и значит создавать, ибо, разрушая, мы преодолеваем свое прошлое»⁴¹⁹; «Мы прекрасны в неуклонной измене своему прошлому»⁴²⁰. Владимир Маяковский в стихах с мрачным названием «Радоваться рано» (1918) и выговаривал за нерадивость, и наставлял одновременно, намечая разнообразнейшие цели для уничтожения: «Белогвардейца / найдете — и к стенке. / А Рафаэля забыли? / Забыли Растрелли Вы? / Время / пулям / по стенкам музеев тренькать». «А царь Александр / на площади Восстаний / стоит? / Туда динамиты! / Выстроили пушки по опушке... / А почему / не атакован Пушкин?»⁴²¹ У поэта были и соображения о том, как решать международные и межнациональные проблемы. Так, на Генуэзскую конференцию (1922) Маяковский советовал ехать, «осматривая хозяйскими глазами грядущую Мировую Федерацию Советов»⁴²², в исторической перспективе — «в мире без Росий, без Латвий, жить единым человеческим общежитием»⁴²³.

Маяковский, постигавший законы истории не иначе как по трудам главных «пролетариатов» планеты, не затруднялся и с ответом на вопрос о характере общности, появляющейся в СССР после 1917 года. {90} В социалистическом отечестве, полагал он, трудясь над поэмой «Хорошо» (1927), и нация соответствующая — социалистическая. И никаких других. «Разнедоуменные» вопросы на этот счет, дескать, «что это за нация такая “социалистичья” / и что это за “социалистическое отечество”?.. *Такого* отечества, *такой* дым / Разве уж *настолько* приятен?.. У вас и имя *Россия* утеряно. Что это за отечество у забывших об нации? / Какая нация у вас? Коминтерна?»⁴²⁴, — могли, по Маяковскому, возникать лишь у «национальных трутней» старой формации — у богатых, буржуев и прочих врагов социалистической республики. Таким втолковать новое понимание отечества и нации способны лишь «лубянская лапа Че-ка»⁴²⁵ да «товарищ Маузер»⁴²⁶.

ПОСРАМЛЕНИЕ УТОПИЗМА В ЯЗЫКОВОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

На свой манер утверждали интернационализм в противовес «национальной ограниченности» и «великорусскому шовинизму» революционеры от языковедения. «Новое учение о языке», сформулированное академиком Н. Я. Марром в 1923—1924 годах, было провозглашено «единственно правильным» и «марксистским». Доклад Марра, прозвучавший на знаменитой конференции историков-марксистов (декабрь 1928-го — январь 1929-го), М. Н. Покровский назвал великолепным и якобы доказывающим, «что к нашим, материалистическим выводам можно прийти не только от

изучения классовой борьбы... но и от изучения истории человеческой речи»⁴²⁷.

Вопреки обычным лингвистическим представлениям о постепенном распаде единого языка на отдельные, но генетически родственные языки «новое учение» утверждало прямо противоположное, а именно, что языки возникали независимо друг от друга. Марр полагал, что первичная звуковая речь состояла всего из четырех элементов — *сал, бер, йон, рош*. Считалось, что эти элементы («диффузные выкрики», как говорил наиболее влиятельный последователь Марра академик И. И. Мещанинов) возникли вместе с другими искусствами в эволюции трудового процесса, представлявшего собой магию, и долгое время не имели никакого словарного значения. Элементы (чаще всего в модифицированном виде) без труда обнаруживались в каждом из слов любого языка. В своем развитии языки, по Марру, претерпевали процессы скрещивания, в результате взаимодействия два языка превращались в новый третий язык, который в равной степени являлся потомком обоих языков⁴²⁸.

Теории Марра были созвучны представлениям 1920-х годов о близкой мировой революции и надеждам многих еще успеть поговорить с пролетариями всех континентов на мировом языке⁴²⁹. Подобно тому, писал Марр, «как человечество от кустарных разобщенных хозяйств и форм общест­венности идет к одному общему мировому хозяйству... так и язык от первоначального многообразия гигантскими шагами продвигается к единому мировому языку»⁴³⁰. В Советском Союзе Марр видел не только создание новых национальных языков, но и то, как в результате их скрещивания (взаимопроникновения) развивается процесс «снятия множества национальных языков единством языка и мышления»⁴³¹. {91}

С момента основания в 1921 году Яфетического института (с 1931 года Институт языка и мышления) его планы предусматривали разработку проблем языка будущего. В феврале 1926 года была намечена к учреждению группа по прикладной лингвистике, которая имела задание установить теоретические нормы будущего общечеловеческого языка⁴³². Один из основных тезисов «нового учения о языке» Марра гласил, что «будущий всемирный язык будет языком новой системы, особой, доселе не существовавшей, как будущее хозяйство... будущая внеклассовая общественность и будущая внеклассовая культура. Таким языком, естественно, не может быть ни один из самых распространенных языков мира, неизбежно буржуазно-культурный и буржуазно-классовый»⁴³³. Именно этот тезис был повторен И. В. Сталиным на XVI съезде партии. «В период победы социализма *в мировом масштабе*, когда социализм окрепнет и войдет в быт, — говорил он, — национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым»⁴³⁴.

«Революционная» лингвистическая теория академика Н. Я. Марра, важнейшее достижение которой было утверждено таким образом на съезде партии, высоко ценилась и за другие «достоинства». В докладе «Основы планирования научно-исследовательской работы», с которым Н. И. Бухарин выступал 6 апреля 1931 года на 1-й Всесоюзной конференции по планированию научно-исследовательской работы, было отмечено: «Во всяком случае, при любых оценках яфетической теории Н. Я. Марра необходимо признать, что она имеет бесспорную огромную заслугу как мятеж против великодержавных тенденций в языкознании, которые были тяжелыми гирями на ногах этой дисциплины»⁴³⁵.

Учение Н. Я. Марра, имевшее такую поддержку, долгое время навязывалось его последователями и после смерти ученого (20 декабря 1934 г.) как якобы единственно приемлемое для советской науки. Однако отрицание Марром национальных границ, особой роли русского языка в процессе перехода к мировому на территории СССР, полное отвержение старой науки, требование форсировать создание искусственного всемирного языка, дружба Марра с Покровским, сходство некоторых его идей с идеями Бухарина — все это вынудило Сталина в послевоенные годы развенчать «новое мышление». После выступления Сталина по вопросам языкознания в 1950 году Марр, равно как и Покровский, оказался вульгаризатором марксизма, вроде «пролеткультистов» или «рапповцев»⁴³⁶. В оценках современных ученых «новое мышление о языке» характеризуется как абсолютно ненаучная теория, включавшая в себя самые нелепые и фантастические идеи, соединенные с политической фразеологией, свойственной 1920-м — началу 1930-х годов, и послужившая лишь для того, чтобы осуществить полный разгром научного языкознания⁴³⁷.

Утопические представления о возможности окончательного решения национально-языковой проблемы при социализме разделял в 1920-е годы А. М. Горький. В 1926 году он был весьма раздосадован в своем далеком Сорренто, получив с Украины письмо с предложением перевести его роман {92} «Мать» на украинский язык и издать для молодежи в сокращенном варианте. Протестуя против такой затеи, он отвечал: «Меня очень удивляет тот факт, что люди, ставя перед собой

одну и ту же цель, не только утверждают различие наречий — стремятся сделать наречия “языком”, — но еще и угнетают тех великороссов, которые очутились меньшинством в области данного наречия. При старом режиме — посылно — протестовал против таких явлений. Мне кажется, при новом режиме следовало бы стремиться к устранению того, что мешает людям помогать друг другу. А то выходит курьезно: одни стремятся создать “всемирный язык”, другие же действуют как раз наоборот»⁴³⁸.

О самом простом способе решения такой задачи можно прочитать в сборнике статей А. А. Богданова «О пролетарской культуре». Еще в 1919 году этот знаменитый автор выступил за преобразование в интересах мировой революции «варварской орфографии английского языка в рациональную, — быть может, и с некоторыми грамматически упрощающими реформами», после чего объявить этот язык «международно-пролетарским» со всеми практическими мерами, из этого вытекающими⁴³⁹. Идею создания общего языка трудового человечества в том же году излагал и Илья Эренбург. «Нет сомнения, — писал он, — вскоре строительство всемирного языка станет задачей не отдельных чужаков, а всего человечества... Интернациональные рабочие организации начинают понимать назревшую необходимость. Возможно, эсперанто не устоит, будет сметено чем-либо более совершенным. Для меня ясно одно: человечество приближается к тому возрасту, когда вместо лепета предков оно создаст себе новый, единый язык»⁴⁴⁰.

Эсперантисты, однако, видели решение национально-языковых проблем именно в русле своего движения. Они полагали, что международным языком революционного пролетариата должен стать искусственный язык, созданный в 1887 году Л. Заменгофом на основе латинской графики, грамматических и лексических элементов европейских языков. Эсперанто рекламировался как язык простой, логичный, гибкий, благозвучный, нейтральный по отношению ко всем национальным языкам. И главное — легкий для изучения. Он базируется на шестнадцати, не допускающих исключений правилах грамматики⁴⁴¹. Рабочему со средними способностями, уверяли поклонники эсперанто, достаточно позаниматься три-четыре месяца по часу в день, и он будет свободно читать, писать и говорить на этом языке. В мировом движении эсперантистов объединялись сторонники разных «прогрессивных» политических партий (социал-демократы, христианские социалисты, анархисты и др.), а также беспартийные либералы, вдохновлявшиеся мечтами о мировом безнациональном содружестве людей.

Октябрьская революция вызвала к жизни «красный эсперантизм». Его идеологи, принявшись за «материалистическое» обоснование проблемы международного языка, утверждали, что начавшееся объединение общественного хозяйства в мировом масштабе с неизбежностью приведет к падению разделяющих народы классовых, государственных и языковых границ. И если еще не настало время говорить о едином мировом языке, {93} то о всеобщем вспомогательном языке, втором для каждого, говорить было уже пора. Введение такого языка должно было, по мысли «материалистов», ускорить диктуемый ходом истории процесс ассимилирования и интернационализации существующих языков, всемерно помогать стиранию национальных различий. «Установление же единообразной коллективистской мировой системы, — писал один из лидеров советских эсперантистов Э. К. Дрезен в своей книге «За всеобщим языком: Три века исканий» (1928), — будет одновременно означать уничтожение 800 сложившихся... языков и приведение их к единому виду»⁴⁴².

В 1917 году в России действовало около ста объединений и кружков эсперантистов, в последующем их число быстро росло. В 1921 году возник Союз эсперантистов советских стран, переименованный позднее в Союз эсперантистов советских республик. С этого времени и по 1937 год эсперантизм в СССР был популярным общественным движением, пользующимся поддержкой властей. Эсперанто пропагандировали как залог международной революции, как цемент для связи международного пролетариата, фундамент будущей всемирной федерации рабоче-крестьянских республик. Выдвигались предложения «немедленно объявить всему миру, что Российская Рабоче-Крестьянская республика при всех международных политических, экономических и торгово-промышленных сношениях с другими государствами будет пользоваться отныне исключительно международным вспомогательным языком Эсперанто»⁴⁴³. Заместитель редактора «Известий ВЦИК» П. М. Керженцев писал в январе 1919 года на страницах этой газеты: «Первая в мире Социалистическая Республика имеет все основания для того, чтобы поставить на очередь дня вопрос о международном языке и приступить практически к его разрешению: она не только может, но и должна во имя идеалов, исповедуемых ею и движущих ее, взять на себя инициативу в практическом разрешении вопроса о международном языке, обратившись к другим народам с призывом последовать в этом вопросе за нею»⁴⁴⁴.

Обучение искусственному международному языку организовывалось на добровольных началах, но бывали случаи, когда он преподавался и в приказном порядке. По воспоминаниям бывшего красного латышского стрелка, комиссара полка имени Степана Разина 25-й Чапаевской дивизии, во время Гражданской войны существовало глубокое убеждение о грядущей мировой революции и о необходимости интернациональной помощи в случае восстания пролетариата в европейских странах. Естественным образом возникал вопрос, на каком языке бойцы Красной Армии будут общаться с народами Западной Европы. И вот в 1921 году приказом по армии, в которую входила 25-я дивизия, было предписано всему личному составу изучать эсперанто под ответственность комиссаров частей. Комиссар получил учебник и проводил занятия в течение двух лет. По его словам, язык изучали охотно, усваивался он отлично, отстававших не было. В 1923 году комиссар был направлен на высшие командные курсы и его преподавательская деятельность прервалась. Тем не менее до глубокой старости он {94} пребывал в уверенности: «будь занятия не по два часа в неделю, а по четыре, через год весь полк бы говорил на эсперанто»⁴⁴⁵.

На «гражданке» международный язык изучали в клубах и кружках, в общеобразовательной и высшей школах. К концу 1920-х годов организации эсперантистов имелись во всех крупных городах, язык изучали десятки тысяч человек. «Лучшие из них», как писал усвоивший эсперанто школьником Л. З. Копелев в книге «И сотворил себе кумира» (1978), принимались в особый союз «*Sennacieca Asocio Tutmonda — SAT*» («Всемирный Безнациональный Союз»). Принятым выдавались членские билеты — зеленые книжечки с именем и фамилией, написанными латинскими литерами, и значки: зеленая пятиконечная звезда в красном кружке. На вопрос о национальности члены союза должны были гордо отвечать: *sennaciulo* (сеннациуло, без национальности) и *satano* (сатано, член SAT)⁴⁴⁶.

Однако в условиях 1920-х годов, когда основные массы населения СССР оставались неграмотными либо имели лишь начатки образования на родных языках, эсперантизация не могла стать всеобъемлющей. В конце 1920-х годов мировое движение эсперантистов встретилось с трудностями из-за раскола между революционной частью, стоявшей на позициях Коминтерна, и «опportunистами». В Советском Союзе эсперантисты оказались под подозрением из-за близости их руководителей к троцкистам и зиновьевцам. В результате в 1937 году эсперанто «превратился» из языка международного революционного пролетариата в «язык шпионов». Члены ЦК Союза эсперантистов советских республик во главе с генеральным секретарем Эрнестом Дрезеном были арестованы, движение разгромлено. Оно возродилось лишь в 1956 году⁴⁴⁷.

ВЦКНА В БОРЬБЕ ЗА ЛАТИНИЗАЦИЮ ПИСЬМЕННОСТИ

Научное обеспечение государственной языковой политики в СССР в 1920—1930-е годы осуществлялось все же не по рекомендациям А. А. Богданова и эсперантистов и даже не по теории Н. Я. Марра, а по разработкам ученых, группировавшихся вокруг существовавшего в 1925—1937 годах Всесоюзного центрального комитета нового алфавита. Среди этих специалистов было немало энтузиастов, выступавших за переход на латиницу, не только сохранявших еще оригинальность алфавитов грузинского, армянского и еврейского языков, но также и русской письменности.

Хотя революция сделала явью многие мечты человечества, но «вавилонское столпотворение языков далеко еще не изжито», сетовал, например, в 1929 году известный востоковед-семиолог Н. В. Юшманов. И если «работники по всемирной речи — *космоглоттисты*, — отмечал он далее с сожалением, — уже давно перешли от мечты-максимум (“единому человечеству единый язык”) к мечте-минимум (“каждому народу свой язык и один общий язык для всех”)), то работники по всемирному алфавиту (*космоглифисты*) не отрекались еще от своей мечты-максимум: «Привести все человечество к единому письму»⁴⁴⁸. Правда, реформаторам пока никак {95} не удавалось преодолеть сопротивление консерваторов: «Вопрос о латинизации русского языка столько же раз проваливался, сколько ставился»⁴⁴⁹.

В ноябре 1929 года по инициативе Наркомпроса РСФСР была создана специальная комиссия по разработке вопроса о латинизации русского алфавита, в которую были включены специалисты полиграфии, преподаватели русского языка, ученые-языковеды и другие. Возглавлял комиссию Н. Ф. Яковлев. На первом же заседании 29 ноября комиссия приняла «тезисы» председателя, в которых, в частности, отмечалось, что «русский гражданский алфавит в его истории является алфавитом самодержавного гнета, миссионерской пропаганды, великорусского национал-шовинизма», что алфавит этот и после его частичной реформы в 1917 году «продолжает оставаться алфавитом национал-буржуазной великорусской идеологии», что в настоящее время он «также служит глав-

ным препятствием делу латинизации, как других национальных по форме алфавитов (еврейский, армянский, грузинский и т. д.), так и графики, построенной на основе кириллицы (белорусская, украинская, восточно финские и др.)». Введение нового алфавита предназначено было сменить национальные разновидности латинского алфавита во всем мире и явиться одной из решающих предпосылок, которая небывало облегчила бы языковое и культурное взаимообогащение национальностей. И, пожалуй, самое главное: международный алфавит на латинской основе мыслился как «шаг на пути к международному языку»⁴⁵⁰.

14 января 1930 года комиссия провела заключительное заседание и постановила: «Признать... что переход в ближайшее время русских на единый интернациональный алфавит неизбежен». В постановление были включены соображения общественно-политического, экономического и педагогического характера в пользу реформы. В нем значилось и следующее: «Русский гражданский алфавит является пережитком классовой графики XVIII—XIX веков русских феодалов-помещиков и буржуазии... Он до сих пор связывает население, читающее по-русски, с национально-буржуазными традициями русской дореволюционной культуры», переход же на новый алфавит «окончательно освободит трудящиеся массы русского населения от всякого влияния буржуазно-национальной и религиозной по содержанию дореволюционной печатной продукции». Комиссия не сомневалась, что латинизация вызовет «бешеное сопротивление со стороны всех реакционных элементов, а также граждан, не вполне порвавших с чуждой интересам пролетариата идеологией», но уверяла, что время для латинизации пришло, что она будет поддержана всей передовой советской общественностью и в итоге, согласно Ленину, представит «незначительные трудности». Комиссия предлагала осуществить переход на латиницу в течение предстоящих четырех лет, обещая в результате определенные выгоды экономического порядка уже в последний год первой пятилетки»⁴⁵¹.

В наиболее полном виде доводы в пользу латинизации русского алфавита представлены в статье Н. Ф. Яковлева, опубликованной в шестой книге периодического издания «Культура и письменность Востока». Основной {96} аргумент противников реформы представлялся автором так: «Переход на новый алфавит, ломая 200-летнюю историческую традицию русской культуры, фактически поведет к деградации этой культуры». Отводя этот аргумент, Яковлев утверждал: «Ломая эту традицию феодально-помещичьей и буржуазной культуры, мы тем самым обеспечиваем расцвет русской национальной культуры с пролетарским содержанием»; «Современный русский алфавит не соответствует темпу развития русской социалистической по содержанию культуры, и именно для того, чтобы обеспечить ее дальнейший рост и расцвет, мы должны перейти на более совершенную форму графики». Далее утверждалось, что «латинская графика, как и физиология глаза и руки современного человека, ближе соответствует современному уровню развития техники, тогда как графические формы современного русского алфавита отвечают более низкому уровню развития производительных сил, а следовательно, и технике чтения и письма дореволюционной царской России». Снова обещались материальные выгоды от латинизации за счет сокращения расходов бумаги и пр. Самая же главная выгода усматривалась в идеологической области, поскольку «политически единый алфавит явится отражением в графике единства всех народов СССР и единства пролетарского содержания их культуры при всем разнообразии ее национальных форм», он «укрепит единение народов СССР с трудящимися массами Востока и Запада»⁴⁵².

Реформаторы не реагировали на возражение оппонентов, которые отмечали явную противоречивость в их доводах — революционным признавался алфавит, который «до сих пор во многих местах служит колонизаторской политике европейских государств», а русский давно уже перестал быть таким орудием и, главное, «является единственным алфавитом, на котором издано полное собрание сочинений Ленина»⁴⁵³. Переход на новый алфавит предлагалось осуществить в течение первой пятилетки. И хотя этого не произошло, И. Хансуваров в своей книге «Латинизация — орудие ленинской национальной политики» (1932) продолжал уверять, что интернационалист может отстаивать только латинский алфавит, так как он станет основным для всех народов при «грядущей победе мировой революции». Всякие же попытки рассматривать русский алфавит как основу письменности нерусских народов клеймились как контрреволюционные действия, которые «льют воду на мельницу буржуазии Средневековья»⁴⁵⁴.

А. В. Луначарский и в этом случае считал своим долгом поддерживать энтузиастов-революционеров. Дух сторонников реформы письменности он укреплял не только своим авторитетом, но и ссылками на В. И. Ленина. В специально написанной по этому поводу статье «Латинизация русской письменности»⁴⁵⁵ Луначарский вспоминал о своем обсуждении этого вопроса с Лениным. О реформе русской письменности последний, по словам Луначарского, высказался так:

«Если мы сейчас не введем необходимой реформы — это будет очень плохо, ибо и в этом, как и в введении, например, метрической системы и григорианского календаря, мы должны сейчас же признать отмену разных остатков старины». Удерживало Ленина {97} одно — опасность испортить дело спешкой: «Если мы наспех начнем осуществлять новый алфавит или наспех введем латинский... то мы можем наделать много ошибок и создать лишнее место, на которое будет устремляться критика, говоря о нашем варварстве и т.д. Я не сомневаюсь, что придет время для латинизации русского шрифта, но сейчас наспех действовать будет неосмотрительно»⁴⁵⁶. По свидетельству Луначарского, в течение всего времени, когда он руководил Наркомпросом РСФСР, поступало немало предложений о введении латинского алфавита. Он с одобрением отозвался о работе комиссии Н. Ф. Яковлева, которая уже сформулировала принципы составления нового алфавита, и выразил уверенность в том, что «в конце концов эта идея возобладает и в жизнь введена будет»⁴⁵⁷.

НАЧАЛО ДЕЛАТИНИЗАЦИИ

Латинизация письменности народов СССР достигла своего пика в 1931—1932 годах, когда было латинизировано нескольких кириллических алфавитов и появились предложения латинизировать кириллическую письменность восточных угрофинских народов и чувашей. В ноябре 1932 года Совет национальностей в целом одобрил эти планы⁴⁵⁸. Однако уже через два месяца от этих планов отказались. В январском номере журнала ВЦКНА за 1933 год утверждалось: «Сегодня мы можем сказать, что тяжкий труд латинизации уже завершен. Следующая задача — закрепить и развить те успехи, которых мы уже достигли». Предстояло усовершенствовать и упорядочить «терминологию, орфографию, создавать письменные языки, словари и грамматики»⁴⁵⁹.

При этом были осуждены явно проявлявшееся в такой работе ранее стремление избегать русских терминов, «использовать любые другие иностранные слова или выражения, но ни в коем случае не русские». Объяснялось это старым отношением к русскому языку как языку русификации. В условиях побеждавшего социализма такое отношение становилось анахронизмом. «Остался ли русский язык для нерусских народов тем же самым после революции, каким он был и до нее? — спрашивал Диманштейн и отвечал: — Нет, не остался. Во-первых, на этом языке нерусские добровольно приобретают многое из того, что имеет великую ценность... Подлинники трудов Ленина и Сталина и все основные документы революции появились на русском... Русский язык имеет теперь другое классовое содержание»⁴⁶⁰.

Продолжающиеся нападки на русский язык выглядели теперь как нападки на революцию и советское государство. Более того, предлагалось осудить само увлечение «бесконечным разделением наций» и созданием литературного языка для каждой этнической группы. Некоторым из них следовало бы использовать литературный язык более крупной родственной национальности и русский язык. Предлагалось учесть требования многих родителей: «Не навязывайте нам наш прежний язык. Не заставляйте наших детей становиться такими же беспомощными, как и мы»⁴⁶¹. По существу, в начале 1933 года впервые со всей определенностью прозвучали доводы в пользу этнической консолидации и ассимиляции. {98}

В том же году, в октябре месяце, комиссией под руководством М. И. Калинина было принято решение о замене латинского алфавита у малочисленных народов кириллицей⁴⁶². По настоянию Н. Я. Марра грузинский и армянский алфавиты тогда же было решено не менять. Вернувшись с заседания этой комиссии в Ленинград 15 октября, Марр заявил спешно созванным сотрудникам: «Имеем неотложное задание — “латиницу” у более сорока советских народов заменить русским алфавитом». Во время заседания ученого совета Марру вручили письмо от Л. П. Берии. «Будете в Москве, звоните товарищу Сталину, он Вас примет», — значилось в нем. Приказ сразил академика в буквальном смысле слова — он рухнул на пол. Причиной стала мелькнувшая мысль: Сталин повторит то, что Марр услышал после совещания у Калинина от одного из присутствовавших: «Вы провалили унификацию письма в СССР»⁴⁶³.

Однако первое официальное постановление Президиума ЦИК, реализующее эти решения, появилось лишь 1 июня 1935 года. В нем предписывалось перевести на кириллицу письменности народов Севера. Против ускоренной смены алфавитов выступал Всесоюзный центральный комитет нового алфавита, распущенный в 1937 году⁴⁶⁴. В 1939 году было объявлено, что с ростом культурного уровня народов СССР латинизированный алфавит перестал удовлетворять потребности развития языков, поскольку он не обеспечивал всех условий к сближению с культурой великого русского народа. Русский язык повсюду изучался в школах в качестве второго языка. Решение об

этом было принято в октябре 1937 года на пленуме ЦК партии, а 13 марта 1938 года издано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей»⁴⁶⁵. 7 июля этого года «Правда» уже сообщала, что русский язык становится международным языком социалистической культуры, «как латынь была международным языком верхов раннего средневекового общества, как французский язык был международным языком XVIII и XIX веков»⁴⁶⁶. В соответствии с постановлением СНК и Центрального комитета партии правительства союзных и автономных республик ввели с нового учебного года обязательное преподавание русского языка в нерусских школах. Латинизированная ранее письменность народов СССР с 1937 года переводилась на русский алфавит. К ноябрю 1939 года уже все народы РСФСР (около 40), пользовавшиеся латинским алфавитом, перешли на русский шрифт. Соответствующие законы принимались и в союзных республиках⁴⁶⁷. Эксперименты по революционизированию языков советских народов были прекращены.

В целом российская история 1920-х и доброй части 1930-х годов свидетельствует, что навязчивая идея мировой революции, владевшая умами властвовавшей тогда элиты, дорого обошлась стране, ее народу. На протяжении всего этого времени не прекращалось шельмование исторического прошлого России, ее традиционной культуры, глумление над патриотическими чувствами народа. «Десятки партийных ораторов и сотни услужливых перьев на все лады изощрялись в насмешливых проклятьях “русопятам”, {99} “русотяпам”, “русопетам”⁴⁶⁸; “мы расстреляли толстозадую бабу Россию”» и в тому подобных неисчислимых мерзостях⁴⁶⁹. Уродливые формы, рожденные «пафосом космополитизма и псевдоинтернационализма»⁴⁷⁰, принимало отрицание всего прошлого литературного наследия, стремление противопоставлять пролетарскую культуру всей культуре человечества, вандализм в отношении исторических памятников «проклятому прошлому». Атмосфера в стране была такова, что даже употребление в стихах слов «родина», «отечество», «Россия» считалось предосудительным, старомодным, взятым напрокат у чуждых революционному духу поэтов⁴⁷¹. Уже вторая половина 1920-х годов убедительно показала, что сулит духовной культуре доведенный до абсурда классовый подход. Врагами объявлялись все, кто не соглашался с антинациональной политикой властей⁴⁷². Псевдоинтернационалистам повсюду мерещился великодержавный шовинизм великороссов, который искоренялся с беспримерной жестокостью. Над подданным бывшей Российской империи осуществлялся эксперимент по превращению его в некоего *homo cominternicus* — гражданина Всемирного Союза ССР. Собственно СССР рассматривался в программе Коминтерна государством, в котором международный пролетариат впервые обретает отечество и вместе с другой его частью, остающейся за пределами Союза, под руководством единой мировой коммунистической партии борется за установление мировой диктатуры⁴⁷³. Своеобразное великодержавие таких устремлений находило выражение в плохо скрываемом желании раправиться с мировым капитализмом при первой же возможности. В выступлении на собрании секретарей ячеек Московской организации РКП(б) 26 ноября 1920 года В. И. Ленин уверял слушателей: «Но как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот»⁴⁷⁴. Освобождение от экспансионизма такого рода потребовало многих лет. {100}

2. РУССКИЙ НАРОД И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

ПАТРИОТИЗМ КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ ВНЕШНЕЙ УГРОЗЫ

Утвердить навсегда характерные для 1920-х годов представления об интернационализме, патриотизме, русском языке, русской истории и ее деятелях не удалось. Отмеченная еще В. И. Лениным полоса «самого резкого расхождения с патриотизмом»⁴⁷⁵ оказалась сравнительно недолгой. Социализм в России осуществлялся не по троцкистским установкам, а по сталинским — как «социализм в одной стране». Благодаря этому идея мировой революции наполнялась новым содержанием, предполагая создание царства справедливости на отвоеванной у капиталистов территории. Все большей поддержкой среди народа пользовалась идея превратить Союз ССР в могучую индустриальную державу, способную защитить революцию и оказать помощь зарубежным трудящимся братьям в их справедливой борьбе. Политическая история страны обнаруживает процесс постепенного укрепления позиций большевиков-государственников и оттеснения от руководства космополитов-коммунистов, пораженных болезнью «левизны»⁴⁷⁶.

С точки зрения Л. Д. Троцкого, такое развитие было недопустимым отступлением от принципов К. Маркса и В. И. Ленина, возможным лишь благодаря национальной ограниченности их

учеников, проповеди ереси «национального большевизма» (отождествляемого Троцким с понятиями «национальный социализм», «национальный коммунизм», «социал-патриотизм») ⁴⁷⁷. Современные троцкисты вслед за своим основоположником твердят: «Сталин... выкинул ленинскую программу мировой революции и к осени 1924 года заменил ее националистической ложью “социализма в отдельной стране”»; «Сталин и Бухарин, со своей идеологией “социализма в отдельной стране”, служа нарождавшейся бюрократии, поправили интернационалистский коммунизм Ленина и Троцкого» ⁴⁷⁸.

Однако нельзя утверждать, что такие ученики В. И. Ленина, как И. В. Сталин и его приверженцы, сразу и во всем изменили учителю. Вплоть до второй {101} половины 1930-х годов в партийной среде были весьма распространены представления о том, что Москва и другие крупные города не могут быть хранителями национальных особенностей, они перемальвают и обезличивают огромное количество национальностей, подобно Нью-Йорку. М. И. Калинин в 1931 году говорил, что у нас в СССР, «по существу, вырабатывается даже не русский человек, а вырабатывается новый тип человека — гражданин Советского Союза» ⁴⁷⁹ со свойственным только ему патриотизмом или (по М. Н. Покровскому) национализмом ⁴⁸⁰. Ранее (в ноябре 1927 г.) Калинин делал особый упор на то, что «мы — государство, и мы должны сделать советским все население, все население пропитать советским патриотизмом». Свообразным ориентиром в данном случае могли выступать ведущие буржуазные страны. К примеру, говорил Калинин, «каждый англичанин пропитан английской напыщенностью, он думает, что ничего нет лучше, чем Англия. Вы видите, как буржуазия умеет пропитывать патриотизмом свои государства» ⁴⁸¹. Таким образом, можно сказать, что к началу 1930-х годов в СССР существовали зачатки представлений о нации как советском согражданстве и о свойственном ей патриотизме (национализме).

Движение общественной мысли в этом направлении во многом питалось иллюзиями о том, что во второй пятилетке удастся окончательно ликвидировать классы и полностью уничтожить причины, порождающие классовые различия и эксплуатацию, а также преодолеть пережитки капитализма в экономике и сознании людей, превратить все трудящееся население «в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества» ⁴⁸². Но гораздо более важным фактором, вынуждавшим руководителей советского государства отыскивать дополнительные возможности для сплочения населения вокруг идей с более высоким объединяющим потенциалом, нежели пропаганда международной классовой солидарности рабочих и союза рабочих и крестьян внутри СССР, стал приход к власти Гитлера в Германии.

Уже 3 февраля 1933 года, на другой день после формирования фашистского правительства «национальной концентрации», Гитлер заявил на совещании командования рейхсвера, что его первой целью являются воссоздание мощных вооруженных сил, отвоевание новых рынков сбыта, захват нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация ⁴⁸³. Это означало, что в ранг государственной политики страны, которая занимала второе место в капиталистическом мире по индустриальной мощи, возводились цели, давно известные советской и мировой общественности по устным и печатным выступлениям руководителей нацистской партии.

ИСТОРИЯ И ПАТРИОТИЗМ — НА ОСТРИЕ ПОЛИТИКИ

Осознание неизбежности войны заставило руководство Союза ССР пересмотреть свои прежние взгляды на роль исторической дисциплины в школьном и вузовском образовании. Было признано необходимым использовать ее как мощное средство целенаправленного формирования общественного {102} исторического сознания и воспитания патриотических чувств. С марта 1933 года работала комиссия при Наркомпросе РСФСР по написанию нового учебника по истории России и СССР. Первые опыты оказались неудачными. Учебники писались в духе худших традиций национал-нигилистской школы М. Н. Покровского ⁴⁸⁴. Через год, 8 марта 1934 года, на совещании историков уже открыто говорилось о необходимости разрыва с «социологизаторством» и возвращении к преподаванию так называемой прагматической истории. «Нам нужен большевистский Иловайский» ⁴⁸⁵, — прозвучало на этом совещании. Д. И. Иловайский (1832—1920) был представителем консервативно-охранительного направления в дореволюционной историографии и публицистике и автором популярных учебников по истории для гимназий, широко издаваемых с 1860-х годов.

20 марта 1934 года вопрос об учебнике по истории стал предметом обсуждения на расширенном заседании Политбюро. Подготовленные учебники для средней школы были забракованы. «Что это такое? — спрашивал И. В. Сталин. — “Эпоха феодализма”, “эпоха промышленного капитализма”, “эпоха формаций” — все эпохи и нет фактов, нет событий, нет людей, нет конкретных

сведений, ни имен, ни названий, ни самого содержания. Это никуда не годится... Нам нужны учебники с фактами, событиями и именами. История должна быть историей. Нужны учебники Древнего мира, Средних веков, нового времени, истории СССР, истории колониальных и угнетенных народов». В ходе заседания был сформулирован важный тезис о роли русского народа в отечественной истории. А. С. Бубнов решил уточнить, какой учебник нужен: «История СССР» или «История народов России». Сталин уточнил: «История СССР. Русский народ в прошлом собирал другие народы. К такому же собирательству он приступил и сейчас»⁴⁸⁶. В этой же связи он заявил, что схема Покровского — не марксистская схема, и вся беда пошла от времен влияния Покровского⁴⁸⁷. Фактически в выступлении И. В. Сталина 20 марта 1934 года роль русского народа в строительстве государства определялась как ведущая (государствообразующая) на протяжении всей его истории, и в дореволюционное и в советское время. По итогам обсуждения были сформированы и утверждены авторские группы по написанию новых учебников по истории⁴⁸⁸.

В 1934—1937 годах прошел конкурс на составление лучшего учебника по истории СССР. В его ходе отразилось столкновение национально-русской и национал-нигилистской позиций. Член конкурсной комиссии Бухарин полагал, что учебник должен содержать описание вековой русской отсталости и «тюрьмы народов». Этапы становления Руси — принятие христианства, собирание русских земель, воссоединение Малороссии с Россией — предлагал рассматривать с нигилистических позиций. В проекте учебника, подготовленного группой И. И. Минца, все события делились на революционные и контрреволюционные. Контрреволюционерами были представлены, например, Минин и Пожарский. Воссоединение Малороссии с Россией объявлялось порабощением «украинского народа», а Богдан Хмельницкий изображался реакционером и предателем⁴⁸⁹. {103}

Не дожидаясь итогов конкурса, СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли 15 мая 1934 года известное постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР»⁴⁹⁰. В нем содержались указания о подготовке к июню 1935 года новых учебников по истории, о восстановлении с сентября 1934 года исторических факультетов в ЛГУ и МГУ. (Как ни странно, Московский университет получил имя М. Н. Покровского и носил его до тех пор, пока не обнаружилось более достойное — М. В. Ломоносова, присвоенное университету в мае 1940 года⁴⁹¹.) 9 июня 1934 года ЦК ВКП(б) принял постановление о введении элементарного курса всеобщей истории и истории СССР в начальной и неполной средней школе.

В конце мая 1934 года «Правда» опубликовала статью Г. Васильковского «Высший закон жизни»⁴⁹², которая открывала пропагандистскую кампанию по утверждению реабилитированного патриотизма в его новом значении. 9 июня в «Правде» появилась передовая статья «За родину!», возводившая понятия родины и патриотизма в ранг высших общественных ценностей. Советский патриотизм, «любовь и преданность своей родине» определялись в ней как высшая доблесть советского человека. Честь и слава, мощь и благосостояние Советского Союза провозглашались высшим законом жизни патриотов⁴⁹³.

В этом же номере газеты опубликовано принятое днем ранее «Постановление ЦИК Союза ССР “О дополнении положения о контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления статьями об измене родине”». Новые статьи гласили:

«1—1. Измена родине, то есть действия, совершаемые гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как то — шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу — караются высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах — лишением свободы на срок 10 лет с конфискацией всего имущества.

1—2. Те же преступления, совершаемые военнослужащими, караются высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества»⁴⁹⁴.

Законом об измене родине от 8 июня 1934 года предписывалось чтить всем советским людям. Иного выбора им не предоставлялось. Закон предусматривал коллективную ответственность. Уголовному наказанию подлежали не только военнослужащие, непосредственно виновные в преступлении, но и члены их семей. Члены семей, способствовавшие измене, знавшие о ней, но не доведшие это до сведения властей, — наказывались лишением свободы от 5 до 10 лет. Не ведавшие же об измене члены семьи подлежали лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на пять лет⁴⁹⁵.

Слово «родина», возвращенное к жизни в СССР в 1934 году и впервые напечатанное в «Правде» в передовой статье, привлекло к себе внимание {104} едва ли не большее, чем расстрельные статьи положения о государственных преступлениях, в которых оно также фигурирова-

ло. Слово символизировало начало нового этапа во взаимоотношениях советской власти и советского общества. Власть давала знать, что перестает считать Союз ССР отечеством исключительно мирового пролетариата и признает его прежде всего отечеством живущих здесь людей. Для народов СССР слово это стало добрым предзнаменованием, означавшим если не отказ, то хотя бы некоторое отступление властвующего режима от революционного утопизма и авантюризма. Передовица «Правды» вселяла надежду на то, что правящие круги впредь в своей внутренней и внешней политике станут руководствоваться национальными интересами русского и объединенных с ним других народов страны.

Оппоненты тогдашней ВКП(б) — изгнанные за границу меньшевики и троцкисты и их сторонники внутри СССР — появление слова «родина» в лексиконе большевиков расценили как лишнее доказательство контрреволюционного перерождения сталинского режима. Большевицкий журнал «Социалистический вестник» (издавался в Берлине с 1921 г.) в номере от 25 июня 1934 года откликнулся на событие в СССР собственной передовицей. Ее заголовок повторял название правдинской статьи, но был приведен в кавычках. Уже одно это могло выражать сложную гамму чувств авторов журнала: изумленное непонимание, сожаление, неприятие, осуждение.

Авторы отклика были, конечно, правы, утверждая, что новый призыв большевиков есть свидетельство «лихорадочной предвоенной атмосферы, в которой уже живет весь мир», и руководители СССР в этих условиях решили прибегнуть к крайнему средству — замене ставшего уже традиционным для большевиков «социалистического отечества» давно сданной в архив «родиной». Слова и лозунги социально-политического словаря, опять же во многом верно отмечал орган меньшевиков, «имеют помимо своего логического и вещного смысла — эмоционально-психологический. Этот смысл неразрывно сростается с ним в ходе их исторического развития, в процессе того применения и использования, которое выпадает на их долю, как идеологических орудий в отнюдь не идеологической борьбе групп, классов, наций, государств, и его не могут вытравить никакие, логически самые безупречные комментарии. В массовом восприятии они вопреки всем комментариям сохраняют вполне определенное эмоционально-психологическое звучание, и только на это звучание могут рассчитывать те, кто бросает их в массы»⁴⁹⁶.

Именно поэтому меньшевики считали невозможным ни при каких условиях реабилитировать слово «родина», которое, по их утверждениям, навсегда «дискредитировано в революционном и социалистическом сознании». Напоминалось, что это слово было знаменем белогвардейцев в их борьбе против революции. Большевики предостерегали своих более удачливых соперников, что возвращение «родины» в политический лексикон может означать устранение специфически революционного {105} содержания понятий «социалистическое отечество» и «советский патриотизм», что они бросают в массы призывы, «буквально повторяющие лозунги правительств неревolutionонных и контрреволюционных и так же апеллирующие не к революционно-социалистическому, а к географически-националистическому, “зоологическому” патриотизму».

Большевики пугали далее, что словом «родина» большевистская диктатура сама вызывает из толщи народной тех духов, которые несут смерть не только ей, но и революции. Большевицкий журнал утверждал, что одержать победу в войне СССР может лишь как страна революции, трудящиеся массы которой защищают не «честь и славу» той «пяди земли», на которой они сидят, не «мощь» нации, к которой они привязаны рождением, а те новые формы общежития, которые рождаются социализмом⁴⁹⁷. Иначе говоря, меньшевики пытались отговорить большевиков от намерения вести предстоящую войну как войну «национально-патриотическую», а не «народно-революционную», предлагая делать ставку исключительно на «единство мирового пролетариата»⁴⁹⁸. Если бы авторы «Социалистического вестника» решили при этом опереться на авторитет Ленина, они могли напомнить его установку. Пролетариат должен интересоваться судьбами стран «лишь постольку, поскольку это касается его классовой борьбы, а не в силу какого-то буржуазного, совершенно неприличного в устах социал-демократа “патриотизма”»⁴⁹⁹.

Л. Д. Троцкий в своем «Бюллетене оппозиции» как «большевик-ленинец» также осудил «большевиков-сталинцев» за их поворот 1934 года. Поворот этот якобы означал, что в СССР «курс на международную революцию ликвидирован вместе с изгнанием Троцкого», что сторонники Сталина просто забывают обо всем остальном мире: они действуют, думают и чувствуют только «по-русски», что в СССР завершился процесс, давно развивавшийся по нисходящей линии — «от революционного патриотизма к национал-реформизму»⁵⁰⁰. Приверженцы подобных оценок и спустя десятилетия стояли на своем: коммунизм-де по своей сути космополитичен, ему предки не

нужны, кампания против космополитов осуждалась как выступление против коммунизма, обращение к русскому патриотизму считалось недопустимым даже во время войны⁵⁰¹.

В августе 1934 года И. В. Сталин, А. А. Жданов и С. М. Киров решили содействовать скорейшему написанию новых учебников по истории. Они подготовили «Замечания» о конспектах учебников по «Истории СССР» (8 августа) и «Новой истории» (9 августа). Замечания были незамедлительно (14 августа) одобрены Политбюро ЦК⁵⁰² и доведены до сведения историков, участвовавших в создании учебников. Таким образом, на протяжении 1930—1934 годов определился курс на превращение СССР в родину советских патриотов. В качестве силы, призванной по-новому собирать другие народы, был признан русский народ. По сталинской футурологии, русские должны были стать своеобразным цементом «зональной» группы народов и превратить ее в одну из переходных форм на пути к безнациональному человечеству. {106}

РАЗВЕНЧАНИЕ ЭНГЕЛЬСА

В июле 1934 года Сталин отважился на выражение несогласия с самим Ф. Энгельсом. Он усомнился в искренности его интернационализма, усмотрев в его работах 1890—1891 годов ошибки такого же свойства, что и у Д. Бедного. А произошло это так. В. В. Адоратский, один из тогдашних «выдающихся историков-марксистов», подготовил к публикации в «Большевике» русофобскую статью Энгельса «Внешняя политика русского царизма» (1890).

Сталин воспротивился. Он написал целый трактат для членов Политбюро, доказывая нецелесообразность помещения статьи в главном партийном журнале. В этом случае ее стали бы рассматривать как «руководящую», а она не такова и представляет собой всего лишь «памфлет против русского царизма», в котором Ф. Энгельс, явно увлекаясь, грешит против истины, переносит ответственность за деяния царизма на русский народ. «Опасность мировой войны, — значилось в этой статье, — исчезнет в тот день, когда дела в России примут такой оборот, что русский народ сможет поставить крест над традиционной завоевательной политикой своих царей и вместо фантазий о мировом господстве займется своими собственными жизненными интересами внутри страны»⁵⁰³.

Далее в сталинском письме подчеркивалось, что русская история, внешняя политика правителей России «со всеми ее мерзостями и грязью вовсе не составляла монополии русских царей... Завоевательная политика также присуща — не в меньшей, если не в большей степени — королям и дипломатам всех стран Европы»⁵⁰⁴. (Это, помимо всего прочего, имеет непосредственное отношение и к известному тезису Покровского об «абсолютном зле» в истории, и к положению о России как «тюрьме народов», в сравнении с которой многие страны Запада по результатам их многолетней национальной политики заслуживают наименования «кладбища народов»⁵⁰⁵.)

Самым же неприятным для всех ультраинтернационалистов было обвинение Сталиным Энгельса в обыкновеннейшем немецком национализме, ибо в письме на имя Августа Бебеля в 1891 году он прямо утверждал, что грядущую войну буржуазной Германии с царской Россией следует рассматривать не империалистической, не грабительской, не антинародной, а освободительной. «Победа Германии, — писал Ф. Энгельс, — есть, стало быть, победа революции... Если Россия начнет войну, — вперед на русских и их союзников, кто бы они ни были!»⁵⁰⁶

Развенчание одного из классиков, без сомнения, было явным признаком отхода от некритического ультраинтернационализма, безраздельно властвовавшего над умами главных идеологов в СССР. Имя Маркса, не скрывавшего неприязни к России и славянским народам, тогда названо не было. Ценный обзор замалчивавшихся работ К. Маркса, исполненных такой неприязнью, выполнен историком русского зарубежья Н. И. Ульяновым⁵⁰⁷. Одна из таких работ К. Маркса, «Разоблачения дипломатической истории XVIII века», впервые полностью на русском языке опубликована только под занавес «перестройки»⁵⁰⁸. {107}

ПОЧЕМУ НЕ БЫЛА ПРИНЯТА БУХАРИНСКАЯ ТРАКТОВКА ОБЩНОСТИ

Реакция на реабилитацию понятий «родина» и «патриотизм» в СССР тоже была неоднозначной. Два года спустя после издания знаменитой правдинской статьи «За родину!» заведующий отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Б. М. Таль вынужден был дать жесткую установку тогдашним СМИ: «Кое-кто думает еще, что слово “патриотизм” — не наше слово, что оно не сочетается со словом “советский”. Это — глубочайшая ошибка, которую должна рассеять наша печать»⁵⁰⁹.

Одну из важнейших ролей в исправлении подобных «ошибок» и в утверждении новых, советских идеологием должен был, видимо, сыграть Н. И. Бухарин. В феврале 1934 года он получил назначение на пост ответственного редактора газеты «Известия» и контролировал ее вплоть до августа 1936 года (официально числился редактором до 16 января 1937 г.)⁵¹⁰. Будучи арестованным, писал Сталину 10 декабря 1937 года, что «в связи с предвоенным временем» ему стала вполне понятной «большая и смелая политическая идея генеральной чистки» от всех «а) виновных, в) подозрительных и с) потенциально подозрительных». Страстно желая остаться среди чистящих, Бухарин соглашался быть высланным в Америку, уверял, что проведет там «кампанию по процессам, вел бы смертельную войну против Троцкого... вел бы это дело с большим размахом и прямо с энтузиазмом»⁵¹¹. За период редакторства «Известий» Бухарин поместил на страницах газеты немало своих статей, напрямую связанных с осмыслением изменений в жизни советского государства и общества, с сущностью рожденных социализмом «новых форм общежития», с выработкой новой национально-государственной идеологии.

Уже в одной из первых публикаций нового ответственного редактора читателей «Известий», в том числе и оппонентов из «Социалистического вестника» и «Бюллетеня оппозиции» (а главное, их возможных сторонников в СССР), заверяли, что СССР остается государством, в котором пролетариат впервые обрел «свое отечество», сиречь «свою пролетарскую родину». Процесс рождения последней предлагалось рассматривать как процесс завоевания пролетарского отечества и борьбы за государственную власть, сопровождающиеся «крупнейшими перегруппировками классов и огромными идеологическими сдвигами». Само понятие родины наполнялось при этом конкретным и все более многообразным содержанием. Бухарин предлагал различать сначала «идею» пролетарской родины, потом ее «первые исторические наброски», затем «первые фазы ее реального развития» и, наконец, социалистическую родину как «огромный полнокровный организм». Вместе с тем автор успокаивал не в меру огорченных приверженцев старых догм, заверяя, что любовь к родине, равно как и советский патриотизм, «не есть зоологический расизм, шовинистическое мракобесие, глупая национальная ограниченность и тупоумие буржуазных патриотов. Это есть любовь к труду, культуре, историческому будущему человечества, любовь к самым благородным идеям века». Главное — «советский патриотизм есть доблесть всего международного пролетариата, который хочет победить и который победит наверняка»⁵¹². { 108 }

Новое соотношение сил, возникшее с появлением на международной арене гитлеровского политического режима, стало основой бухаринского прогноза развертывания последующих событий планетарного масштаба. Ответ на вопрос, каким будет мир, для Бухарина не представлялся сложным и был дан в характерном для автора трагедийно-оптимистическом духе. Он писал, что «сейчас претендентами на власть, окончательную победу являются лишь фашизм и коммунизм». Либерально-демократические силы всех видов виделись им как находящиеся в положении наименьшего исторического «благоприятствования». Победа коммунизма в предстоящей «циклопической борьбе гигантов» не вызвала у автора никакого сомнения⁵¹³. «СССР не боится войны, — заявлял Бухарин, возвращаясь к этому вопросу некоторое время спустя. — Не боится постольку и в том смысле, что считает свою победу обеспеченной. <...> Великие завоевания социалистической страны, сплоченность народных масс, единство партии, качества великолепного руководства сыграют свою решающую роль». В случае если дело дойдет до войны, то стареющий капитализм никак не сможет выиграть сражение⁵¹⁴. После же того, как «засияет красная звезда по всей земле», по уверениям Бухарина, «все процессы мировой стройки пойдут гораздо быстрее, чем шли у нас: будет взаимная помощь, не будет никакого “окружения”, могучая техника взлетит на огромные высоты»; «мировая община коммунизма осенит своим крылом все страны»; прошлое сохранится в «организованной памяти человечества» лишь как эпоха варварства, вспоминать о которой человек будущего станет с чувством благодарности к «тем смелым, что смели капитал: пролетариям — простым и благородным героям»⁵¹⁵.

Таким образом, было найдено ключевое понятие, послужившее в дальнейшем основой представлений о сущности той общности людей, которая, согласно Н. И. Бухарину, оформлялась в Советском Союзе в 1930-е годы. В передовой статье «Известий» от 27 января 1935 года о ней было сказано: «Трудящиеся массы Союза разных национальностей сплотились в героический народ нашей страны»⁵¹⁶. СССР представлялся теперь Бухариным как носитель «великой идеи целостного человечества, в котором не будет классов и в котором все народы, все нации будут объединены в едином организованном обществе коммунизма». В более конкретном плане СССР рассматривался как «уже новый мир, мир братства, составная часть будущей всечеловеческой общины», знаме-

нующая второе рождение человечества — «не как биологического вида, а как единого и целостного человеческого общества»⁵¹⁷.

В обстановке своеобразного головокружения от успехов на самых различных направлениях перестройки страны в 1934—1936 годы из уст отечественных влиятельных политиков прозвучало немало прокламаций, явно завышавших уровень реальных достижений. Г. Е. Зиновьев, представляя в апреле 1934 года читателям сборник статей и речей И. В. Сталина по национально-колониальному вопросу, утверждал, что «теперь национальный вопрос в СССР разрешен и наше разрешение этого вопроса служит {109} великим образцом для всего мира»⁵¹⁸. Секретарь ЦИК А. С. Енукидзе, обосновывая необходимость пересмотра Конституции СССР, заявил в феврале 1935 года: «К VII съезду Советов Союза ССР наша страна пришла с огромными победами. Социализм победил окончательно и бесповоротно»⁵¹⁹. Секретарь Исполкома Коминтерна Д. З. Мануильский доложил то же самое в августе 1935 года Всемирному конгрессу 3-го Интернационала: «Между VI и VII конгрессами Коммунистического Интернационала произошло крупнейшее в жизни народов событие — окончательная и бесповоротная победа социализма в СССР»⁵²⁰. Выступая в июне 1935 года с речью на сессии ЦИК Татарской АССР, член Политбюро А. А. Андреев отметил череду празднования в СССР юбилеев и «огромных успехов», достигнутых национальными областями и республиками. «Мы вправе сказать, — заявил он в этой связи, — что национальный вопрос в нашей Советской стране может считаться окончательно решенным. Мы его решили не только для себя, но дали образцы решения национального вопроса и для рабочих других стран в грядущей мировой пролетарской революции»⁵²¹.

В полном соответствии с духом времени Н. И. Бухарин находил тогда явно устаревшим и смешным гоголевское уподобление России птице-тройке, которая быстро мчится в неизвестную даль. Нет, восклицал Бухарин, «она мчится на сверхмощных паровозах! И она имеет определенный маршрут: она идет к станции, имя которой — великая мировая коммунистическая община»⁵²². Он утверждал также, что в стране складывается «настоящая и истинная человеческая культура»⁵²³ и, главное, — здесь вырастает новая историческая общность людей. В наиболее развернутом виде представления о ней изложены в специальной статье под названием «Героический советский народ», опубликованной 6 июля 1935 года.

Новая общность, утверждал Н. И. Бухарин, вырастает на основе обобществления производства и новых отношений собственности; «мы движемся к бесклассовому обществу»; «идет великое объединение творческих сил общества»: колхозное крестьянство в своем общественном бытии, а следовательно, все более и более и в своем общественном сознании приближается к рабочим. Эти классы вместе с интеллигенцией и другими социальными категориями «необычайно быстро и плотно объединяются на базе растущего единого социалистического хозяйства». На этой же базе идет объединение и по второй линии — «по линии все более и более тесного единства между трудящимися разных национальностей: единство цели, единство руководства, единство планового хозяйства, колоссальное возрастание реальных связей — хозяйственных и культурных, — все это приводит к необычайному сплочению народов, развивающих свою (ибо национальную по форме) и в то же время общую (ибо социалистическую по содержанию) культуру». Объединение творческих сил по этим двум линиям в итоге и порождает новую общность. «Так, — резюмирует Бухарин, — вырастает новая реальность: “героический советский народ”, многонациональный и объединяющий силы пролетариата, колхозного крестьянства и советской интеллигенции с “головной” своей пролетарской {110} частью, передельвающей всех по образу своему и подобию». Процесс этот, считал нужным специально отметить создатель концепции новой общности, еще не подошел к своему завершению, «ибо есть остатки старых порядков» в экономике и в сознании людей⁵²⁴.

В последующих работах, констатируя появление все новых и новых факторов и примет ускоряющегося сплочения советского общества, Н. И. Бухарин писал, что процесс формирования новой исторической реальности приобретает более законченные очертания. Подводя итоги «революционного» 1935 года, он вновь отметил, что на основе необычайно быстрого сближения колхозного крестьянства с рабочим классом, гигантского роста новой интеллигенции, высокого подъема национальных республик и областей, расширения связей между народами вкупе с «неслыханно быстрым развертыванием великой демократии» «сам собой получается вывод об образовании в новом смысле, как более или менее однородной величины — советского народа, совокупности работников социалистического общества, превращающегося в общество бесклассовое»⁵²⁵. В статье от 1 мая 1936 года Бухарин вновь пишет об «огромной исторической истине» по поводу того, что «целое» впервые создается в СССР: «Хозяйственное единство — социалистическое народное хозяйство — с точки зрения классов означает растущее единство масс, решительное сближение меж-

ду пролетариатом, крестьянством, служащими (в том числе с интеллигенцией)», и таким образом «создается у нас единый народ, взятый не как этнографическая, а как социальная категория. С другой стороны, на основе ленинско-сталинской национальной политики, материального и культурного роста национальных областей, создается новая многонациональная общность, единый советский народ, с новым содержанием, где, при росте национальных культур, вырастают теснейшие узы нерушимой дружбы наций»⁵²⁶. Наконец, в одной из своих последних статей, опубликованной 14 июня 1936 года после полуторагодичной разработки темы, Н. И. Бухарин пришел к констатации: «У нас впервые вырос целостный народ, единый и суверенный, консолидированный и по вертикали (классы), и по горизонтали (нации)»⁵²⁷.

Конкретизируя этот вывод, редакционная статья «Известий» утверждала, что основные перемены в отношениях между нациями в СССР и завершающий этап становления новой общности приходятся на последние три года. «С 1934 года не только произошло сближение между рабочими, крестьянами, интеллигенцией, но и между народами Союза. И по линии классов, и по линии наций произошло громадное сплочение всех в единый многонациональный советский народ, общая родина которого — СССР»⁵²⁸. В ходе всенародного обсуждения проекта новой Конституции газета публиковала предложения читателей узаконить представления о советской нации. «А еще лучше, — значилось в одном из писем, — если у нас будет нарождаться новая национальность — советская национальность. Это самый правильный и почетный выход из положения»⁵²⁹. В последней из своих статей Н. И. Бухарин провозглашал, что «*пролетариат* стал носителем идеи {111} *нации, интернационализм* понес знамя *национальных культур*», а в СССР «история сложила первый, громадной прочности, массив междунационального социалистического товарищества»⁵³⁰.

Однако Н. И. Бухарину не удалось стать признанным родоначальником теории новой общности, хотя все основания для этого были налицо. Дело в том, что героический советский народ в его понимании возникал, в сущности, на отрицании национальных традиций и ценностей народов, на месте якобы аморфной, малосознательной массы в стране, где обломовщина была самой универсальной чертой характера, на месте многонациональной России, способной вызывать, по Бухарину, лишь презрительное удивление: «Эта расейская растяпа! Эти почти две сотни порабощенных народов, растерзанных на куски царской политикой! Эта азиатчина! Эта восточная “лень”! Эта неразбериха, безалаберщина, отсутствие элементарного порядка!»⁵³¹

В этой связи становится особенно понятным выступление Н. И. Бухарина против поэтов Павла Дружинина и Сергея Есенина в поистине «Злых заметках», опубликованных в «Правде» в январе 1927 года. Демонстрируя крайнюю степень классового шовинизма, Бухарин не мог простить П. Дружинину простой констатации факта: «О, Русь чудесная! Жива ты, / Как живы русские блины». С возмущенным изумлением литературовед из Политбюро отнесся и к строчкам: «Своя земля как кладень древний. / Над ней кочуют свет и мрак. / И в каждой хате есть царевна, / И в каждой улице дурак. / На них цветные сарафаны / И заливчатские штаны... / На кой же черт иные страны, / Кромья советской стороны!»⁵³²

С готовностью согласившись с поэтом насчет дураков и их изобилием на Руси, «литературовед» отметил не только стилистические ошибки стиха, но и фактические. Царевны, дескать, «потеряли популярность в народе», посему «в свое время были немного перестреляны». А сквозящее в стихах настроение, что-де неплохо было бы заняться сохранением исконных ценностей России и обустроить ее по-человечески, вместо того чтобы осчастливливать другие страны, было расценено Н. И. Бухариным как покушение на святая святых — саму идею мировой революции.

Позиция поэта была квалифицирована с пролетарской прямоотой. Ему, как и всем другим «господам, неумеренным потребителям блинов», было заявлено: «Это уже не только “национальная ограниченность”, это просто-напросто шовинистическое “свинство” и “юродство”, которое входит как составная часть в «совокупную идеологию новейшего национализма “а-ля мужик русс”». В этом же ключе оценивалось и творчество Сергея Есенина. «Идейно Есенин, — по Н. И. Бухарину, — представляет самые отрицательные черты русской деревни и так называемого национального характера... обожествление самых отсталых форм общественной жизни вообще», которое опять же проявляется «под колпаком юродствующего квазинародного национализма»⁵³³. В оценке Есенина как националиста бухаринская позиция вполне совпадала с троцкистской. (Л. Д. Троцкий не мог простить поэту слов, оброненных им однажды за столиком в берлинском ресторане, что, мол, {112} «не поедет в Россию, пока там правит Троцкий-Бронштейн». Именно эти «националистические» слова и стали, как полагают современные есениноведы, причиной убийства поэта в Ленинграде 24 декабря 1925 года⁵³⁴.) Талант национального русского поэта для деятелей типа Троцкого и Бухарина был своего рода отягчающим обстоятельством. Именно из-за своего

таланта С. Есенин становился особенно вредным и нетерпимым, поскольку талантливо воспевал не «великие образцы борьбы за свободу и социализм», а совсем иное — якобы наше «рабское прошлое»⁵³⁵.

Вероятно, у Н. И. Бухарина мог также быть и сугубо личный мотив присмотреться внимательнее к поэзии Есенина⁵³⁶. Дело в том, что 16 ноября 1924 года в тифлисской газете «Заря Востока», а вскоре и в московском журнале «Прожектор» (1925. № 2) появились первые публикации есенинского стихотворения «Русь бесприютная». В 1926 году оно было включено во второй том «Собрания стихотворений» Есенина. Поэт вспоминает в нем недавнюю братоубийственную Гражданскую войну — «эту дикость подлую и злую», которая, помимо всего прочего, обездолила, превратила в беспризорников сотни тысяч детей. «*Мальчишки лет семи-восми / Снуют среди штатов без призора / Бестельными корявыми костями / Они нам знак / Тяжелого укора*». В иных условиях, говорит Есенин об этих беспризорниках, снующих между советскими республиками (штатами), «то были б тысячи / Прекраснейших поэтов», и продолжает: «В них Пушкин, / Лермонтов, / Кольцов, / И наш Некрасов в них, / В них я. / В них даже Троцкий, / Ленин и Бухарин. / Не потому ль мою грустью / Веет стих, / Глядя на их / Невымытые хари»⁵³⁷.

Нарочитая двусмысленность стиха бросала тень на трех политических олимпийцев страны, в особенности — на Н. И. Бухарина. Как известно, рифма имеет и смысловое значение. Возвращая читателя к определенной строке, она выделяет и ассоциативно связывает срифмованные слова, усиливая их смысловую роль. Этим стремлением к увеличению выразительности, смысловой насыщенности стиха и вызвана эмоционально заостренная рифма «Бухарин — хари». Не исключено, что знаток и ценитель поэзии Н. И. Бухарин, сознавая силу воздействия рифмы на читателя, не мог оставить ее без внимания. Возможно, эта деталь также сыграла свою роль в формировании отношения политика к поэту. По крайней мере, приличных слов в его адрес в «Злых заметках» Бухарин явно не выбирал. В публикациях произведений Сергея Есенина с 1926-го по 1990 год выделенные выше строки не приводились⁵³⁸ и даже положенные в таких случаях отточия в текстах не ставились⁵³⁹.

Выступая 26 января 1927 года с речью на XXIV Ленинградской губпартконференции, Н. И. Бухарин в разделе «Наша политика в национальном вопросе» вновь отметил «главную опасность»: «Я больше всего должен сказать о великорусском шовинизме. Недавно мне случилось в “Правде” выступить против Есенина, потому что значительная часть нашей литературы в настоящее время прямо вопит на “истинно русский” лад»⁵⁴⁰. Эти и подобные откровения Бухарина в наше время широко представлены в печати как со знаком «плюс», так и со знаком «минус». Вряд ли можно {113} принимать их просто как некие «призрачные хулы на покойного Николая Бухарина за (покойного же) Сергея Есенина»⁵⁴¹. Значимость их важнее.

Бухаринское клеймо на имени поэта проступало довольно долго. Поэты есенинского круга подвергались репрессиям на протяжении всех 1930-х годов. Ныне эти мрачные страницы отечественной культуры включены в книгу С. Ю. и С. С. Куняевых «Растерзанные тени»⁵⁴². Нелишне напомнить также, что в 1949 году Секретариат ЦК ВКП(б) уволил директора издательства «Советский писатель» Г. А. Ярцева, в вину которому было поставлено включение в издательский план 1949 года около трех десятков книг, названных «идейно порочными». В их числе фигурировал и сборник избранных произведений С. Есенина⁵⁴³. Тем не менее можно утверждать, что, в основном, «реабилитация» есенинской поэзии (как и многих других величайших русских национальных ценностей) произошла в годы Великой Отечественной войны. Гораздо раньше обнаружилась несостоятельность бухаринских оценок поэта и голоса родной русской земли, звучащего в его стихах. По крайней мере к 1936 году Н. И. Бухарин как большевик стал уже явно «не актуален» из-за своей «негибкости» в русском вопросе. Именно тогда он был впервые и самым грубым образом одернут за «ошибку», которая до недавнего времени никому не ставилась в вину, — за откровенную русофобию, что, впрочем, было сделано своевременно: на горизонте маячила война и такое непочтение к народу, получившему уже с высочайшего сталинского соизволения титул «первого среди равных» советских народов и «великого», становилось явным анахронизмом, ибо, как указала «Правда», «ненависть к русскому народу включает в себя, конечно, ненависть ко всему советскому»⁵⁴⁴. Отныне коммунистам не подобало трактовать историю в духе «левацкого интернационализма» (именно это словосочетание было выбрано для определения сущности бухаринской теории) и нерасчетливо «отгораживаться от положительной оценки прошлого своей страны»⁵⁴⁵. Как в этой связи не вспомнить Ф. М. Достоевского, написавшего в свое время: «Стать русским значит перестать презирать народ свой»⁵⁴⁶.

Подобные же коррективы вносились и в отношении к русскому художественному наследию. «Советским художникам, — давала новую установку «Правда» в августе 1937 года, — следует помнить, что интернационализм “интернационализму” рознь. Один из них, подлинный ленинско-сталинский интернационализм, основан на чувстве национальной гордости художника своим народом, то есть тем вкладом, который этот народ тоже вносит во всемирное дело борьбы за социализм. И есть другой “интернационализм”, левацко-нигилистический, основанный на чувстве полного равнодушия и презрения к народу своей нации. Художник, исповедующий такой, с позволения сказать, “интернационализм”, ратует за безнациональное искусство, искусство “вообще” просто потому, что ему одинаково безразлична и чужда героическая борьба как своего, так и остальных народов. Этот анархический безнационализм “Иванов, не помнящих родства”, основывается на отказе художников от демократических и социалистических элементов национальной культуры своего народа, на отказе от лучших {114} традиций русского реалистического искусства и присущ формализму»⁵⁴⁷. В частности, резкой критике была подвергнута позиция «авербаховского приспешника» А. Михайлова, утверждавшего в ходе дискуссии по вопросам искусствознания, что «ни о каком специфике национального искусства не может быть и речи», и, к примеру, в условиях начала 1930-х годов «в области русского населения нет национального искусства. Искусство там развивается не в форме национального, великорусского искусства, оно развивается в формах тех художественных выражений, которые имеются у нас вообще, — скажем, — пролетарское искусство, мелкобуржуазное искусство и т.д.»⁵⁴⁸. «Правда» призывала русских советских художников отбросить подобное «левацко-нигилистическое отношение к истории своего народа и его культуры»⁵⁴⁹.

ОФОРМЛЕНИЕ ФЕДЕРАЦИИ В КОНСТИТУЦИИ 1936 ГОДА

К середине 1930-х годов в стране произошли существенные экономические, социальные и политические изменения. Ликвидированы были многоукладность экономики, остатки господствующих классов; социально трансформировалось крестьянство, сформировались новая интеллигенция и новый правящий слой. 1 февраля 1935 года пленум ЦК ВКП(б) выступил с предложением внести «некоторые изменения» в существующую Конституцию. Но в процессе работы выяснилось, что одними уточнениями и поправками текста Основного Закона страны обойтись не удастся. В результате к маю 1936 года появился новый целостный его проект.

Прежняя Конституция СССР в юридическом плане состояла из двух частей: Декларации и Договора об образовании Союза ССР. Конституционная комиссия, созданная на VII Всесоюзном съезде Советов 6 февраля 1935 года, практически отошла от договорного характера, свойственного первой союзной Конституции, и встала на путь подготовки принципиально нового документа — единой общегосударственной Конституции, охватывающей все стороны государственной жизни.

Проект Конституции, одобренный в начале июня 1936 года пленумом ЦК партии и Президиумом ЦИК, 12 июня был опубликован для всенародного обсуждения. Оно продолжалось почти полгода. Было зарегистрировано около 170 тыс. предложений по изменению и дополнению текста. Конечно, подавляющее большинство из них не получили отражения в Конституции, но некоторые были все же учтены. В ноябре после публичного обсуждения проекта он подвергся на VIII Чрезвычайном съезде Советов дополнительному редактированию. 5 декабря 1936 года съезд утвердил проект Конституции.

Новый Основной закон провозгласил победу социализма в стране, Союз ССР — социалистическим государством рабочих и крестьян. Экономической основой государства объявлялась социалистическая собственность, существовавшая в двух формах — государственной и кооперативно-колхозной. Наряду с социалистической системой хозяйства закон допускал мелкое индивидуальное хозяйство, основанное на личном труде⁵⁵⁰. {115}

Наиболее существенное отличие новой Конституции заключалось в том, что она не содержала «Декларации об образовании СССР»⁵⁵¹ — самую идеологизированную часть прежнего Основного закона. С принятием новой Конституции прекращалось действие договора 1922 года об образовании СССР и Конституции СССР 1924 года, договорная федерация превращалась в конституционную федерацию, Союз ССР — в единое союзное государство. С этой точки зрения «новый Союзный договор», намеченный к подписанию на 20 августа 1991 года, был незаконным. Как известно, договорами регулируются отношения в договорных федерациях, полноправные субъекты такой федерации наделяют определенным объемом полномочий центральную власть, федераль-

ные (союзные) органы власти. И если выявлялась необходимость в том, чтобы часть полномочий центральных органов власти передать республикам (субъектам), то эти полномочия через изменение Конституции и иного законодательства должна была им передавать союзная власть, в условиях августа 1991 года — Съезд народных депутатов СССР⁵⁵².

Статья 2 новой Конституции декларировала: «Политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся». При этом вместо всесоюзных, республиканских и областных съездов Советов закреплялась система, включавшая районные, городские, республиканские Советы. Вершиной пирамиды государственной власти становился Верховный Совет СССР, образованный вместо прежнего ЦИК, как высший орган власти в СССР, избираемый всеобщим прямым и тайным голосованием и состоящий из двух равноправных палат⁵⁵³.

Одна из палат — Совет Союза — избиралась по округам при норме один депутат на 300 тыс. жителей. Другая — Совет национальностей — по союзным и автономным республикам, автономным областям и национальным округам по норме: 25 депутатов от каждой союзной республики, 11 депутатов от каждой автономной республики, 5 депутатов от каждой автономной области, 1 депутат от каждого национального округа⁵⁵⁴.

Впервые в Конституции законодательно определялись место и роль компартии в политической системе. ВКП(б) объявлялась «передовым отрядом трудящихся», представляющим собой «руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных»⁵⁵⁵. Статья 126, содержащая эту запись, в действительности понималась как конституционное закрепление монополии партии на политическую власть. Партийным комитетам учреждений, предприятий, МТС и колхозов, как следовало из Устава ВКП(б), принятого на ее первом съезде после вступления в силу новой Конституции, предоставлялось право контроля за деятельностью администрации.

Реальная власть в стране фактически сосредоточилась в руках узкой группы лиц, входящих в Политбюро ЦК. А всю управленческую систему государственных и общественных организаций полностью контролировал ЦК ВКП(б). В аппарате ЦК действовало Управление кадров, в котором было 45 отделов по всем отраслям государственной, хозяйственной и общественно-политической жизни. Оно не только формировало {116} руководство, назначая высших руководителей (рекомендовало избрать или утвердить в должности), но и осуществляло повседневный контроль за номенклатурными работниками.

В статье 126 Конституции фактически определялась структура политической системы общества, перечислялись все ее элементы. Помимо ВКП(б), назывались «профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества». Это значило, что только названные элементы системы рассматривались как законные. Иные организации, партии или движения, которые могли возникнуть, должны были рассматриваться как неформальные, незаконные.

В новой Конституции по сравнению с предыдущей усиливалась централизация экономической и политической жизни. Основной закон содержал перечень союзных, союзно-республиканских и республиканских наркоматов. К первым относились наркоматы обороны, иностранных дел, внешней торговли, путей сообщения, связи, водного транспорта, тяжелой промышленности, оборонной промышленности. Ко вторым — наркоматы пищевой, легкой, лесной промышленности, земледелия, зерновых и животноводческих колхозов, финансов, внутренней торговли, внутренних дел, юстиции, здравоохранения. Ряд отраслей государственного управления находился только в ведении союзных республик: просвещение, местная промышленность, коммунальное хозяйство, социальное обеспечение⁵⁵⁶.

Конституция декларировала широкий круг гражданских и личных прав, включая право на труд, отдых, образование, материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности. Объявлялось равноправие всех граждан независимо от их национальности и расы во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни, а также равноправие мужчин и женщин.

Однако принцип равноправия во многом остался лишь на бумаге. Например, он не действовал в отношении представителей наций и национальных меньшинств, народов, создавших свою национальную государственность и не имеющих таковой. Не был доведен до конца этот принцип и в ситуации с правовым равенством городского и сельского населения. Большинство сельских жителей в отличие от горожан не имели паспортов и были фактически прикреплены к колхозам; на них не распространялись пенсионное законодательство и другие социальные гарантии. Конституция впервые говорила о неприкосновенности личности, жилища и охране тайны переписки (ст.

127, 128)⁵⁵⁷. Это должно было гарантироваться тем, что аресты, обыски, выемки корреспонденции могли производиться лишь с санкции прокурора или по решению суда. Однако эти гарантии повсеместно нарушались при массовых репрессиях.

Новая Конституция отразила ужесточение позиции государства в отношении Церкви, произошедшее в начале 1929 года. Статья 124 закрепляла явное неравноправие между верующими и неверующими. За первыми уже не признавалось право вести религиозную пропаганду, им гарантировалась {117} лишь свобода отправления религиозных культов. Вторые же имели по закону право вести антирелигиозную пропаганду⁵⁵⁸.

Конституция 1936 года провозглашала отмену ограничений демократии, свойственных переходному периоду. Устанавливались всеобщие прямые (вместо многоступенчатых), равные (вместо пропорциональных), тайные (вместо открытых) выборы в Советы всех уровней. Было отменено исключение из политической жизни каких-либо категорий населения, кроме осужденных судом и умалишенных. Лишение избирательных прав резко расширилось в конце 1920-х годов. Во время избирательной кампании 1928—1929 годов в СССР в списки лишенцев были внесены 3,7 млн человек, или 4,9 % взрослого населения (4,1 % жителей сельской местности и 8,5 — горожан). В 1930 году категория лишенцев пополнилась бывшими нэпманами. Теперь в ней значились «бывшие»: землевладельцы, торговцы, кулаки, дворяне, полицейские, царские чиновники, владельцы частных предприятий, члены оппозиционных политических партий, белые офицеры, а также служители культа, монахи. В 1932 году лишенцы вместе с семьями насчитывали 7 млн человек не имеющих прав — избирательных, на жилье, медицинское обслуживание и даже продуктовые карточки⁵⁵⁹.

На основе новой Конституции СССР были разработаны и приняты Конституции союзных республик, в частности — РСФСР (21 января 1937 г.)⁵⁶⁰. Она закрепила новые системы органов власти, управления и выборов; изменившееся административно-территориальное деление, вызванное резко усилившейся централизацией управления при переходе к форсированной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства.

Первая глава союзной Конституции 1936 года гласила: «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян». XVIII съезд ВКП(б) (10—21 марта 1939 г.) объявил, что страна, в основном, построила социалистическое общество и переходит к новому периоду в своем развитии — периоду завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму⁵⁶¹. Решение этих задач было провозглашено задолго до выхода первой в мире социалистической страны на более высокий уровень развития по сравнению с передовыми капиталистическими странами того времени. Г. В. Плеханов полагал, что господство социализма в России можно обеспечить не менее чем за 100—160 лет мирных преобразований⁵⁶². Вульгаризация Сталиным и теоретиками из его окружения представлений о сущности социализма и явное забегание вперед в констатации успехов в его строительстве не могло не повести к последующим деформациям создававшегося в стране нового строя «реального социализма», в том числе и его национальной сферы.

В 1929 году трехзвенная система административно-территориального деления страны — область (край), округ, район — была признана неэффективной, поскольку центральный партийно-государственный аппарат оставался слишком далеким от управления местными органами. Переход к двухзвенной системе привел к росту во всех республиках СССР количества {118} районов (с 2443 в 1934 г. до 3463 в 1938 г.), краев и областей (в 2,5 раза на протяжении 1930-х годов).

Ликвидация не коснулась национальных округов. Напротив, их число увеличилось за счет созданного в 1929 году Ненецкого национального округа в Архангельской области и появившихся в 1930 году сразу нескольких новых национальных округов: Витимо-Олекминский (Читинская область; упразднен в 1938 г.), Корякский (Камчатская область); Остяко-Вогульский (с 1940 г. Ханты-Мансийский — в Тюменской области), Таймырский (Красноярский край); Чукотский (Магаданская область); Эвенкийский (Красноярский край), Ямало-Ненецкий (Тюменская область). В 1934 году возник Аргаяшский национальный округ в Читинской области (упразднен в ноябре того же года). В 1934—1936 годах существовал Охотский национальный округ в Нижнеамурской области. В 1937 году были образованы Агинский бурятский и Усть-Ордынский бурятский национальные округа. В том же году в Калининской (Тверской) области были созданы Карельский и Опочецкий национальные округа (упразднены в 1938-м и 1944 г.). На территории СССР в июле 1934 года насчитывалось 240 национальных районов и 5300 национальных сельсоветов. К категории национальных относились каждый 10-й район и 8—9-й сельсовет в стране.

В РСФСР к началу 1931 года насчитывалось 14 краев и областей, 11 автономных республик, 14 автономных областей, 2085 районов. К принятию новой Конституции СССР ее состав существенно изменился. В автономные республики были преобразованы Кара-Калпакская (1932), Мордовская (1934) и Удмуртская (1934) автономные области. В 1934 году образованы Чечено-Ингушская и Еврейская автономные области. 5 декабря 1936 года созданы Коми, Марийская, Северо-Осетинская, Кабардино-Балкарская и Чечено-Ингушская автономные республики. В то же время Казахская и Киргизская АССР выделились из состава России и на правах союзных республик вошли в Союз ССР. Этим же днем прекратила свое существование ЗСФСР, объединявшая с марта 1922 года Азербайджан, Армению и Грузию. Закавказские республики получили по Конституции статус самостоятельных советских республик. Так, 14 лет спустя фактически было выражено согласие с грузинскими «национал-уклонистами», выступавшими за такой статус при образовании Советского Союза.

В новой Конституции СССР и разработанных на ее основе конституциях союзных республик ничего не говорилось о национальных районах и сельсоветах, что, как вскоре оказалось, означало переход к политике, направленной на их ликвидацию⁵⁶³.

БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ВЫБОРЫ ПО НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ

При «переходе к демократии» по готовящейся с 1935 г. новой Конституции СССР не удалось утвердить идею о формировании главной государственной структуры, Верховного Совета СССР, на основе альтернативности. Такая идея широко прозвучала в беседе И. В. Сталина с председателем американского газетного объединения Роем Говардом 1 марта 1936 г. (опубликована {119} в «Правде» от 5 марта 1936 г.). «По новой Конституции, — говорил Сталин, — выборы будут всеобщими, равными, прямыми и тайными... избирательные списки на выборах будут выставлять не только коммунистическая партия, но и всевозможные общественные беспартийные организации», при голосовании избиратели «будут подходить к кандидатам, отбрасывая негодных, вычеркивая их из списков, выдвигая лучших».

Вскоре был разработан образец документа (обнаружен в архиве историком Ю. Н. Жуковым, фотокопия представлена в его книге «Иной Сталин: Политические реформы в СССР в 1933—1937 гг.» М., 2003, на 6-й полосе вкладки, между страницами 256 и 257). Образец был таким: «Избирательный бюллетень по выборам в Верховный Совет СССР 6 марта 1937 г. Днепропетровский округ по выборам в Совет национальностей от УССР. Оставьте в избирательном бюллетене одного из кандидатов, за которого вы голосуете, остальных вычеркните». Ниже значились фамилии трех кандидатов в депутаты: И. С. Петров, П. И. Сидоров, С. П. Сивков, выдвинутых, соответственно, собранием рабочих и служащих завода, общим собранием членов колхоза, райкомом ВКП(б) и райкомом комсомола. (Названные в образце округ, фамилии кандидатов и еще не установленная дата выборов — условные.)

К сожалению, выборов по бюллетеням такого образца пришлось ждать более полувека, а в то время сама идея провести такие выборы стала своеобразным спусковым крючком механизма «большого террора» в СССР. Его начало было положено приказом НКВД СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 31 июля 1937 г. Наряду с бывшими кулаками в приказе назывались репрессированные в прошлом церковники и сектанты, бывшие активные участники антисоветских вооруженных выступлений, кадры антисоветских политических партий — эсеров, грузинских меньшевиков, дашнаков, мусаватистов, иттихадистов, бывшие активные участники бандитских восстаний, белые, каратели, репатрианты и т.п.

По существу, приказ НКВД был нацелен на проведение операции по уничтожению значительной части населения СССР, которую не удалось, несмотря на провозглашение победы социализма, интегрировать в советское общество. По понятиям классовой борьбы ядром этой части были бывшие кулаки, периферией — весь контрреволюционный элемент из социально чуждой среды и все организации, связанные с иностранной разведкой и белогвардейскими центрами за границей. Оперативный состав органов НКВД воспринимал установки приказа «как прямую физическую ликвидацию всей контрреволюции, в том числе пассивной, но являющейся базой для различных контрреволюционных формирований», и действовал «с полным сознанием исторической необходимости очистить страну от этого контингента».

Действительно, миллионы пострадавших от революции и новых властей составляли отнюдь не вымышленный потенциал «пятой колонны», внушавшей страх представителям правящего ре-

жима. Приказом {120} предписывалось до декабря 1937 г. арестовать 268 950 человек, из них 75 950 человек приговорить к расстрелу, а 193 000 — к заключению в лагеря на 8—10 лет. (Цифры были результатом сводки предложений местных управлений НКВД. Наиболее крупные квоты на расстрел контрреволюционеров в своих регионах, 10,8 и 8,5 тыс. человек, запросили Р. И. Эйхе, первый секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) и Н. С. Хрущев, первый секретарь Московского обкома партии. Таким образом, уничтожались бы и изолировались в ГУЛАГе все пострадавшие от режима в недавнем прошлом, но получившие по новой Конституции право голосовать на предстоящих в декабре 1937 г. выборах.

В руководящих кругах не было сомнений в том, что голоса этой части электората на альтернативных выборах, при тайном голосовании будут поданы против представителей партийной и государственной власти, баллотирующихся в Верховный Совет СССР. Работавшие на местах члены ЦК, первые секретари обкомов, крайкомов, ЦК национальных компартий были против альтернативности. Они прекрасно сознавали, что при тайном голосовании многие из них окажутся забаллотированными. Не случайно «квоты» на репрессии, зафиксированные в июльском приказе НКВД по первоначальным наметкам республиканских, областных и краевых управлений НКВД, по настоянию местных властей, наиболее обеспокоенных исходом голосования, были увеличены в 3,5 раза. Всего в ходе «кулацкой операции» были репрессированы 767 397 человек, из них расстреляны — 386 798, осуждены к заключению — 380 599.

В развернувшейся в высших эшелонах власти борьбе за недопущение выборов в Верховный Совет СССР на альтернативной основе победу одержали сторонники безальтернативности. 11 октября 1937 г. на пленуме ЦК принято решение о том, что проводить выдвижение и избрание депутатов следует по одному на вакантное место. Состоявшиеся 12 декабря первые выборы в Верховный Совет по новой избирательной системе (как и все последующие) проходили на основе безальтернативности. Такие выборы не позволяли народам СССР, и в первую очередь самому многочисленному в стране русскому народу, в полной мере определять государственную политику и защищать свои национальные интересы.

Будущность наций и Конституция 1936 года

Сталин по сравнению со многими другими наследниками дела Ленина в России оказался в состоянии в наибольшей степени освободиться от врожденной русофобской болезни. Преодоление национальных различий в обстановке 1930-х годов он видел иначе, чем, к примеру, Н. И. Бухарин. В отличие от последнего Сталин ничего не писал о новой общности или новой нации, но поступал в соответствии со своим видением пути к «светлому будущему». 18 марта 1929 года он закончил работу над статьей «Национальный вопрос и ленинизм», в процессе создания которой пришел к выводу о том, что в будущем, прежде чем национальные различия и языки начнут отмирать, уступая место общему для всех мировому языку, сначала будет {121} происходить их объединение вокруг «зональных экономических центров для отдельных групп наций с отдельным общим языком»⁵⁶⁴.

Подобные представления получили хождение во властных структурах СССР, например, в Президиуме ЦИК. Т. О. Ожукеева, исследовавшая работу Совета национальностей ЦИК СССР 1923—1936 годов, отмечает, что среди членов ЦИК было довольно широко распространено представление о «временном» характере их деятельности в связи с формированием в недалеком будущем единой национальной общности — «советского народа»: «Поскольку мы строим коммунистическое общество, поскольку с дальнейшим нашим развитием все грани экономических противоречий между народами нашего Союза стираются и мы с каждым годом жизни нашего Союза по своим интересам и стремлениям сближаемся, постольку вопрос о суверенных правах того или иного народа в нашем Союзе все больше и больше теряет содержание»⁵⁶⁵.

Примечательно, что представители национальных республик в высшем органе государственной власти, в Центральном исполнительном комитете СССР, начали публично пропагандировать благодетельность ассимиляции. Например, А. Таджиев, секретарь Совета национальностей, в 1934 году заявил, что своих детей, родным языком которых является узбекский, он отправил в русскоязычные школы. При этом неодобрительно высказался о ситуации на местах, где «мы наблюдаем противодействие ассимиляции. Иногда такое наблюдается даже среди коммунистов. Однако нам не стоило бы противиться ассимиляции. Наша национальная политика совершенно ясна, и мы никогда не можем допустить принудительную ассимиляцию. Мы не можем этого позволить, но нам следовало бы всеми средствами приветствовать естественную ассимиляцию, нам следовало

бы приветствовать естественную ассимиляцию, которая происходит своими собственными темпами. Это положительный процесс, поскольку он ведет к созданию единой нации, единого языка»⁵⁶⁶. А. И. Хацкевич, сменивший Таджиева на посту секретаря Совета национальностей, сделал аналогичное заявление в 1936 году: «Многие неправильно понимают права национальных меньшинств в их хозяйственной и культурной деятельности. Они говорят: “Если ты нацмен, то, значит, ты должен посещать национальную школу, хочешь ты этого или нет... Ты должен вести делопроизводство своего совета на национальном языке”». Однако Хацкевич считал, что «больше внимания должно уделяться реализации права свободного выбора на использование любого языка в соответствии с выбором самого населения и каждого гражданина индивидуально... Каждый нацмен должен иметь право ликвидировать свою безграмотность на своем родном языке, однако если они хотят ликвидировать ее на русском, проживая в краях и областях РСФСР, то тогда следует предоставлять им это право и возможность»⁵⁶⁷.

Ранее подобные идеи высказывал секретарь ЦИК СССР А. С. Енукидзе. Задачу национальной политики в каждой из союзных республик он разъяснял на примере Украины. «Наша задача, — говорил он в июне 1927 года, — заключается в том, чтобы вокруг одной общей культуры объединить все {122} население Украинской республики, включая и все национальные меньшинства, но, проводя политику замыкания каждой национальности в пределах ее собственного языка и осуществляя всю переписку с национальностями на их собственных языках, мы разделяем единую единую Украинскую республику на отдельные национальности. Разве это необходимо? Нет, в этом нет никакой необходимости». На последовавший в этом месте изумленный вопрос «Так разве нашей целью является ассимиляция?» Енукидзе ответил: «Там, где мы можем ассимилировать, мы должны ассимилировать... Следует понять, что далеко не каждая группа населения является нацией. Нациями мы называем компактные массы, и для этих масс мы создаем автономные республики или области, тогда как небольшие группы населения, которые в РСФСР, например, территориально рассеяны, мы ассимилируем русской культурой... Наша задача заключается в том, чтобы возвышать национальные меньшинства, приводя их к основной культуре их республики. А вот по отношению к СССР в целом наша задача состоит в другом. Русская культура и русский язык являются тем главным стержнем, вокруг которого мы и должны возвышать все национальности, населяющие СССР»⁵⁶⁸. Подобные взгляды не получали поддержки И. В. Сталина ни в 1920-х, ни в первой половине 1930-х годов. На практике же политика ВКП(б) все более и более приближалась к принятию такой стратегии.

Сталин, однако, считал несвоевременным открыто пропагандировать такие взгляды. К примеру, он не стал публиковать и дальше обосновывать собственные суждения о возникновении при переходе к социализму и коммунизму зональных экономических объединений групп отдельных наций с отдельным языком общения — конструкций, весьма похожих на складывающуюся в 1930-е годы группу советских наций. По-видимому, причина заключалась в том, что вывод Сталина, который был впервые изложен на бумаге в марте 1929 года, по существу, мало чем отличался от положений, критиковавшихся им самим у Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева, других представителей «левацкого интернационализма», да и того же А. С. Енукидзе с их весьма своеобразным «уклоном к великодержавному шовинизму». Положения о равноправности советских народов, их братской дружбе и взаимопомощи, расцвете наций и национальных культур при социализме представлялись гораздо предпочтительней констатаций о появлении новой советской нации, которые так или иначе вносили бы в сознание народов тревогу за их будущее в качестве уникальных исторических общностей.

Новое качество в общности советских народов было отмечено в связи с выводом о завершении перехода к социализму и принятием Конституции СССР 1936 года. По Сталину, она стала результатом уничтожения эксплуататорских классов, «являющихся основными организаторами междунациональной драки»⁵⁶⁹, наличием у власти класса — носителя идей интернационализма; фактического осуществления взаимной помощи народов во всех областях хозяйственной и общественной жизни; наконец, результатом расцвета национальной культуры народов СССР. «Изменился в корне {123} облик народов СССР, исчезло в них чувство взаимного недоверия, развилось в них чувство взаимной дружбы и наладилось, таким образом, настоящее братское сотрудничество народов в системе единого союзного государства»⁵⁷⁰. Подчеркивалось далее, что в отличие от буржуазных конституций, в основе своей являющихся «националистическими, т.е. конституциями господствующих наций», новая Конституция СССР, наоборот, глубоко интернациональна. Она исходит из того, что все нации и расы равноправны и независимо от их прошлого и настоящего

положения наделены «одинаковыми правами во всех сферах хозяйственной, общественной, государственной и культурной жизни общества»⁵⁷¹.

Конституция СССР 1936 года и конституции союзных республик, принятые на ее основе, не упоминали о национальных меньшинствах, о существовавших в то время национальных районах и сельсоветах. Исключение составляла Конституция Узбекской ССР, особо выделявшая среди районов республики два национальных района: казахский — Верхне-Чирчикский и казахо-каракалпакский — Кенимехский⁵⁷². Все остальные союзные и автономные республики такого выделения не делали. Ожидалось же, что по новой Конституции союзные республики, помимо автономных республик и областей, будут иметь в своем составе десятки национальных округов и районов⁵⁷³. Ничего не говорилось и о политике «коренизации», которой придавалось большое значение на предыдущем этапе развития. Сталин объявил, что в Советский Союз входило «около 60 наций, национальных групп и народностей»⁵⁷⁴, несмотря на то что перепись населения 1926 года фиксировала в три раза больше национальностей, проживающих в стране. Все это не могло не говорить о коренном изменении политики в отношении национальных меньшинств и малых народов. Поощрявшийся ранее процесс развития национальных меньшинств, их языков и культуры направлялся в новое русло.

Раньше национальные районы рассматривалось едва ли не в первую очередь как средство для распространения идеи мировой революции через национальные диаспоры в приграничных регионах. В условиях избавления от утопии, совпавшего с ужесточением репрессивного режима, отношение к ним кардинально изменилось. На них стали смотреть не столько как на проводников революционных идей, сколько как на потенциальную «пятую колонну», готовую в случае войны выступить заодно с зарубежным ядром своего народа.

В начале 1936 года пресса отмечала большие успехи на языковом фронте строительства социалистической культуры, выразившиеся, в частности, в переходе на латинизированный алфавит 68 национальностей, или 25 млн советских граждан⁵⁷⁵. Подчеркивалось, что Сталин с самого начала работы по созданию нового алфавита давал важнейшие руководящие указания по организации этого дела. Для развития успеха президиум Совета национальностей ЦИК СССР предлагал созвать всесоюзное совещание по вопросам языка и письменности национальностей СССР и рассмотреть на нем широкий круг проблем, связанных с развертыванием {124} работы по оказанию систематической помощи национальностям в развитии литературного языка и научной разработки орфографии, терминологии и словарей, с подготовкой языковедческих кадров в центре и на местах. Однако И. В. Сталин и В. М. Молотов неожиданно выступили за отмену созыва совещания, написав на проекте соответствующего постановления (внесен секретарем Совета национальностей ЦИК СССР А. И. Хацкевичем) безапелляционное «Против»⁵⁷⁶.

Более того, в мае 1936 года отдел науки, научно-технических изобретений и открытий ЦК партии предложил осудить латинизацию как «левацкий загиб Наркомпроса и т. Луначарского», поскольку «враги» использовали ее для отрыва трудящихся национальных республик и областей от общей семьи народов СССР: «Прикрываясь разговорами о “международном характере” латинской основы, они отстаивали ориентацию на буржуазную культуру Западной Европы»⁵⁷⁷. В феврале 1937 года секретарь Совета национальностей ЦИК СССР прямо заявил, что наша задача — «это сближение алфавитов и даже родственных диалектов и языков отдельных национальностей», и прояснил в этой связи смысл оценки количества наций, прозвучавшей во время принятия новой Конституции: «Сталин указал, что в Советский Союз входят около 60 наций, национальных групп и народностей. Мы же во ВЦКНА только на латинской основе имели 71 алфавит. Видимо, в деле латинского алфавита кое-что есть по отношению к малым народностям надуманного и вредного, что не сближает малые национальности с основными народами, а разъединяет и отталкивает их»⁵⁷⁸. В результате появилось постановление Политбюро от 2 июля 1937 года, ликвидировавшее Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (основан в 1925 году для осуществления языковой политики), как учреждение, выполнившее свою задачу⁵⁷⁹.

Новая Конституция уже не рисовала перспективы превращения СССР в будущем в мировую республику. Она исходила из представлений об отечестве, суженном до реальных границ государства. Отношение к его прошлому резко менялось. Этот поворот был явно обозначен в год принятия Конституции. В начале 1936 года Н. И. Бухарин, живописуя в «Известиях» блеск большевистских достижений в перестройке страны, привычно пытался усиливать их сопоставлениями с позорной отсталостью дореволюционной России, темнотой и убогостью ее народов. «Нужны были именно большевики... чтобы из аморфной, малосознательной массы в стране, где обло-

мовщина была самой универсальной чертой характера, где господствовала *нация* Обломовых, сделать ударную бригаду мирового пролетариата!»⁵⁸⁰

Упражнениям такого рода, начатым в свое время с легкой руки Ленина⁵⁸¹, было решено положить конец. Бухарина поправили так, будто решили провести через строй перед всей страной. Приговор, предreshавший судьбу этого политического деятеля, был вынесен на страницы центральной партийной газеты. Передовая статья редактировавшейся Л. З. Мехлисом «Правды» от 30 января 1936 года гласила: «Только любители словесных {125} выкрутасов, мало смыслящие в ленинизме, могут утверждать, что в нашей стране до революции “обломовщина была самой универсальной чертой характера”, а русский народ был “*нацией* Обломовых”. Народ, который дал миру таких гениев, как Ломоносов, Лобачевский, Попов, Пушкин, Чернышевский, Менделеев, таких гигантов человечества, как Ленин и Сталин, — народ, подготовивший и свершивший под руководством большевистской партии Октябрьскую революцию, — такой народ называть “*нацией* Обломовых” может лишь человек, не отдающий себе отчета в том, что он говорит»⁵⁸². Бухаринская статья была отождествлена с фашистской писаниной «в доказательство того, что русские даже не люди», и с ненавистью, которая «в первую очередь направляется на русский народ» именно потому, что клеветники великолепно понимали реальную роль этого народа в борьбе за превращение России в «великую пролетарскую державу»⁵⁸³.

В свое оправдание Бухарин писал Сталину: «Я понимаю хорошо, что ты ведешь огромную большую политику, готовишь страну к великой победе, хочешь опереться на все достойное — в том числе и на великие национальные традиции. Поэтому особенно тебя резанула “*нация* Обломовых”. Я же, как объяснял, хотел особо подчеркнуть и *национально-освободительную* роль большевизма и рабочего класса. Нехорошо сделал»⁵⁸⁴. Однако, пытаясь исправиться, он уже не мог сойти с наезженной колеи. В новой передовой статье редактируемой им газеты звучали старые мотивы: «Еще недавно имя “русский” было равнозначим имени жандарма, попа, карателя, купца-обиралы, было нарицательным именем политики, несущей голодную смерть, болезни и вымирание, гибель национальной культуры», и только теперь оно «стало близким и братским именем передового отряда борцов за социализм»⁵⁸⁵. «Правда» снова вознегодовала: «Разве “русский” вообще (русский народ?) был для трудящихся других народов “равнозначим имени жандарма”», разве он не боролся против жандармов? Утверждалось, что «в таком тоне о русских (вообще, в целом) говорили петлюровцы, дашнаки, грузинские меньшевики и федералисты, мусаватисты, алаш-ордынцы и т.п.»⁵⁸⁶

«Правда» призвала преодолеть «“левацкий интернационализм”, непонимание того, что коммунисты отнюдь не должны отгораживаться от положительной оценки прошлого своей страны»⁵⁸⁷. Дело изображалось таким образом, будто «партия всегда боролась против каких бы то ни было проявлений антиленинской идеологии “Иванов, не помнящих родства”, пытающихся окрасить все историческое прошлое нашей страны в сплошной черный цвет»⁵⁸⁸. Однако тут же перенесся акцент на предстоящую фазу этой борьбы: «Мы разгромим все гнилые, антиленинские концепции, клеветнически извращающие наше прошлое». Концепция, которую предстояло создать и утвердить, должна была отражать «богатый, полный глубокого содержания исторический путь, вписавший столько славных страниц в историю человечества»⁵⁸⁹. Хорошо знать «замечательную», как подчеркивалось, историю страны было необходимо, чтобы «со всей сознательностью любить свою великую Родину»⁵⁹⁰. {126}

ИСТОРИЯ — ВЕЛИКОЕ ОРУЖИЕ В БОРЬБЕ ЗА ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Противостояние «Известий» и «Правды» в трактовке истории русского народа приобретало особое значение, поскольку вплеталось в контекст решения более масштабной задачи об исторической науке и историческом образовании в стране. 27 января 1936 года газеты напечатали постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о создании специальной комиссии под руководством Жданова «для просмотра, улучшения, а в необходимых случаях и для переделки уже написанных учебников по истории». Были опубликованы также «Замечания» Сталина, Жданова и Кирова по поводу конспекта учебника по истории СССР от 8 августа 1934 года. Передовица «Правды», разъяснявшая смысл этих документов, призвала историков к борьбе «с антиленинскими традициями школы Покровского и в методе и в конкретной картине русской истории», к ликвидации присущих этой школе «полуменьшевистских полуцентристских идей и троцкистской контрабанды»⁵⁹¹. СНК и ЦК указывали, что «задача преодоления этих вредных взглядов» имела «важнейшее значение для дела

нашего государства, нашей партии и для обучения подрастающего поколения»⁵⁹². «Пришло время... — писал в том же номере газеты один из членов конкурсной комиссии, — чтобы мы дали нашей молодежи учебники истории, готовящие ее к предстоящим великим боям на международной арене. История в руках большевиков должна быть конкретной наукой, объективной правдой и тем самым великим оружием в борьбе за социализм»⁵⁹³.

Обнародование в январе 1936 года одобренных еще в 1934 году замечаний Сталина, Кирова и Жданова по конспектам учебников истории открыло радикальную перестройку всего фронта исторической науки. На прежней интерпретации истории в духе скончавшегося в 1932 году «академика в буденновке» и «профессора с пикой» М. Н. Покровского требовалось поставить крест. Одновременно менялось отношение к историкам дореволюционных школ. К. Б. Радек, один из проводников новой государственной линии в отношении истории в должности заведующего информационным бюро ЦК ВКП(б) в 1932—1936 годах, в феврале 1936 года писал Сталину: «исторический фронт» возглавлявшийся Покровским «загнил», академик в последней из своих опубликованных статей⁵⁹⁴ сам признает «банкротство его школы, хотя пытается смягчить это признание. Но разработки ленинских установок, проработки их на большом материале не было, и поэтому не могло быть и ликвидации ошибок Покровского. Теперь вы дали основные указания. Нужно время, чтобы люди это переварили и применили». Однако Радек не видел среди учеников Покровского «ни одного способного это сделать самостоятельно». Он полагал также, что задачу не удастся решить наметившимся переводом ряда комакадемиков в АН СССР. «За малым исключением, наши комакадемики очень мало знают. Понятно, что они хотят въехать на белом коне. Но это не выйдет. Если они хотят действовать на стариков, сидящих в Академии наук, то им надо подучиться, подготовить конкретные доклады, а не щеголять только тем, {127} что Маркс и Ленин были умнее всех буржуазных ученых». В резолюции на письме, адресованной В. М. Молотову и А. А. Жданову, Сталин написал: «По-моему, т. Радек прав»⁵⁹⁵.

К решению новых задач, поставленных Сталиным, рекомендовалось привлечь именно «стариков», сидящих в РАН, а для начала — вернуть в повседневный обиход гуманитариев «ряд наиболее ценных по фактическому материалу немарксистских работ русских и западноевропейских историков». Отдел печати и издательств ЦК ВКП(б) наметил к выпуску в 1937—1938 годы 17 «наименее устаревших работ». В их числе: «Курс русской истории» В. О. Ключевского (в 5 т.), «История России с древнейших времен» С. М. Соловьева (в 12 кн.), «Феодализм в удельной Руси» Н. П. Павлова-Сильванского, «Очерки по истории Смуты» С. Ф. Платонова, «Всеобщая история» немецкого историка О. Иегера (в 4 т.)⁵⁹⁶.

В апреле 1937 года Б. М. Таль (заведующий Отделом печати и издательств ЦК в 1935—1937 гг.) доложил Сталину о готовности к печати первых томов курса русской истории Ключевского. На документе появилась резолюция: «Можно немедленно приступить к изданию Ключевского (русс. история) и Иегера (всеобщ. история)... И. Ст.». В августе Таль доложил о готовности к сдаче в производство курса Соловьева. Выпуск разрешен А. А. Ждановым⁵⁹⁷.

Что касается наследия М. Н. Покровского, то до 1934 года его критика носила, в основном, эпизодический характер, не затрагивая ни господствующего положения в науке и политике самого Покровского, ни основных представителей его школы. Открытая стадия критики началась с постановления о преподавании гражданской истории в школе. Школа Покровского, не вписавшись в новый идеологический поворот, критиковалась теперь и партийными, и научными кругами без права ответа на критику. Ее апогеем стал выход двух сборников: «Против исторической концепции М. Н. Покровского» (1937) и «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского» (1940). В сборниках проводилась мысль о том, что научные ошибки несли в себе потенциал для политических ошибок, в результате которых они стали базой для вредительства со стороны врагов народа, разоблаченных органами НКВД троцкистско-бухаринских наймитов фашизма, вредителей, шпионов и террористов, ловко маскировавшихся при помощи антиленинских концепций Покровского. Кампания по критике Покровского и основных представителей его школы закончилась после того, как в конце 1930-х годов основоположником советской исторической науки был признан Сталин. После этого практически до начала 1960-х годов наступил период забвения имени, основных трудов и научных постулатов Покровского⁵⁹⁸.

В ходе «переворота в исторической науке, устроенного товарищем Сталиным», были ликвидированы Коммунистическая академия⁵⁹⁹, Институт красной профессуры⁶⁰⁰, возглавлявшиеся ранее Покровским. К преодолению ошибок его школы были привлечены ранее осуждавшиеся как «великорусские националисты» историки дореволюционной школы (С. В. Бахрушин, Ю. В. Готье, Б. Д. Греков, В. И. Пичета, Е. В. Тарле, А. И. Яковлев и др.). {128} Выученики «школы Покров-

ского» (Н. Н. Ванаг, А. Г. Пригожин, С. Г. Томсинский, Г. С. Фридлянд и др.), не сумевшие правильно сориентироваться в новых условиях, были репрессированы⁶⁰¹. Основание «национальной» школы советских историков связывается с именем ученика В. О. Ключевского академика Б. Д. Грекова, возглавлявшего академический институт истории в 1937—1953 годах⁶⁰².

Новизна «подлинной» концепции была связана с трактовкой места и роли русского народа в отечественной и мировой истории. Уже первая статья-отповедь Бухарину утверждала: «Трудящиеся всех наций Советского Союза на деле знают, какую огромную помощь оказал им великий русский народ. Они идут с ним рука об руку по одному пути, к одной цели»⁶⁰³. Тема эта развивалась в последующих статьях: «Все народы — участники великой социалистической стройки — могут гордиться результатами своего труда; все они — от самых маленьких до самых больших — полноправные советские патриоты. И первым среди равных является русский народ, русские рабочие, русские трудящиеся, роль которых во всей Великой пролетарской революции, от первых побед и до нынешнего блистательного периода ее развития, исключительно велика»⁶⁰⁴. «Наш великий народ, давший такие блестящие образцы борьбы за освобождение человечества... занимает почетное место в братской семье трудящихся всех стран... На его богатейшей истории будут воспитываться многие поколения борцов за мировой коммунизм»⁶⁰⁵.

ЧЕМ БЫЛИ НЕХОРОШИ «БОГАТЫРИ» ДЕМЬЯНА БЕДНОГО

На протяжении 1936-го и последующих лет «Правде» и другим центральным изданиям приходилось не раз обращаться к русской теме и по другим поводам. В канун принятия новой Конституции СССР значимость новой исторической концепции была наглядно продемонстрирована в случае с постановкой А. Я. Таировым в Камерном театре Москвы пьесы Д. Бедного «Богатыри». Герои былинного эпоса были выведены в спектакле в карикатурном виде. В сниженных комедийных тонах изображался князь Владимир и его дружина. Шаржированно нарисованы княжеский двор и постоянно пьяные «застольные» богатыри из княжеской дружины, противопоставляемые богатырям настоящим — Илье, Добрыне. Положительными героями в комедии сделаны разбойники — Угар и его друзья из беглых крестьян. Интрига спектакля сводилась к приключениям витязя Соловья, который вместо княжны Забавы похищает княгиню Рогнеду, к сатирически изображенной женитьбе Владимира на болгарской княжне и к победе Угара с товарищами над Соловьем и богатырями из княжеской дружины. В духе антирелигиозных кампаний 1920-х годов в спектакле было представлено Крещение Руси. По тексту либретто, написанного Демьяном Бедным, князь только что крестил Русь. В отечественной истории это было несомненным шагом вперед в сравнении с язычеством. В спектакле же, согласно устоявшимся вульгарно-атеистическим канонам, событие подавалось в издевательском духе, как якобы произошедшее исключительно «по пьяному делу». {129} Князь «винища греческого вылакал, спьяну смуту в народе сделал», только и всего. Что касается самой религии, то «старая вера пьяная была, / А новая и того пуще»⁶⁰⁶.

Спектакль был поспешно представлен отдельными театральными критиками как «восхитительная вещь» и даже как некая «русификация» Камерного театра, проведенная «с большой сдержанностью и вкусом»⁶⁰⁷. В рецензии на спектакль отмечалось: подлинные богатыри (удалые разбойники во главе с Фомой) — это народ; Владимировы богатыри ничтожны и жалки, именно они олицетворяют слабую и отсталую Древнюю Русь; получилась подлинная народно-комическая опера; рабочий зритель приветствовал автора и участников спектакля от имени его первых зрителей.

Казалось, что постановку с использованием музыки великого русского композитора А. П. Бородина ожидал большой успех в сравнении со спектаклем «Крещение Руси», однако реакция на «Богатырей» оказалась совершенно иной. На премьере спектакля был председатель СНК СССР В. М. Молотов. Посмотрев один акт, он демонстративно встал и ушел. Режиссеру передали его возмущенную оценку: «Безобразие! Богатыри ведь были замечательные люди!»⁶⁰⁸

Пьеса Д. Бедного никак не соответствовала изменившемуся отношению к истории, и она была незамедлительно осуждена специальным постановлением Политбюро ЦК от 14 ноября 1936 года, которым утверждался проект постановления, принятый накануне Комитетом по делам искусств. В постановлении отмечалось, что опера-фарс «а) является попыткой возвеличения разбойников Киевской Руси, как положительный революционный элемент, что противоречит истории и насквозь фальшиво по своей политической тенденции; б) огульно чернит богатырей русского былинного эпоса, в то время как главнейшие из богатырей являются в народном представлении носителями героических черт русского народа; в) дает антиисторическое и издевательское изобра-

жение Крещения Руси, являвшегося в действительности положительным этапом в истории русского народа, так как оно способствовало сближению славянских народов с народами более высокой культуры». Было решено: «Пьесе “Богатыри” с репертуара снять как чуждую советскому искусству»⁶⁰⁹. Главе Комитета по делам искусств при СНК Союза ССР П. М. Керженцеву предложено написать статью для «Правды» в духе принятого решения⁶¹⁰. Уже на следующий день статья была опубликована. Спектакль был подвергнут в ней подлинному разгрому⁶¹¹. Официальная реакция на постановку, усиленная многочисленными собраниями творческой интеллигенции, воочию продемонстрировала серьезность намерений власти отбросить негодные традиции в изображении «замечательной» истории русского народа.

При обсуждении постановки на многочисленных собраниях деятелей театра, в СМИ звучала резкая критика искажения в пьесе Демьяна Бедного древнейших, отраженных в эпосе и летописях пластов русской истории⁶¹². И действительно, по позднейшим оценкам, спектакль был, если мыслить о нем в булгаковских образах, как бы совместной стряпней {130} Швондера и Шарикова, которая переходила все границы в оплевывании Родины⁶¹³. Поэтому вряд ли можно удивляться, что новый опус Д. Бедного был осужден как «печальная отрывка» вывихов, отмеченных Сталиным еще в декабрьском (1930) письме поэту⁶¹⁴. И автор пьесы, и Камерный театр во главе с Таировым, по словам руководителя Всесоюзного комитета по делам искусств П. М. Керженцева, своей новой постановкой «радовали» не народы Союза, а «только наших врагов», поскольку героика русского народа, богатырский эпос дороги большевикам, как дороги «все лучшие героические черты народов нашей страны»⁶¹⁵.

Наиболее резкая критика прозвучала, пожалуй, со стороны литературных собратьев незадачливого автора пьесы. Выступая на бюро секции поэтов Союза советских писателей, А. А. Сурков говорил: «Вся пьеса Демьяна Бедного проникнута вульгарным отношением к вопросам истории. Фашистская литература говорит, что в России нет народности, не имелось и государственности. В связи с такой трактовкой вся концепция Демьяна Бедного имеет политически вредное направление». В таком же духе отзывался о «Богатырях» и А. А. Фадеев. В пьесе, по его мнению, автор «вольно или невольно, но твердо проводил идеологию фашистов, пытался опорочить народных героев прошлого, дал неверное описание русской истории»⁶¹⁶. О сознательном проведении фашистской идеологии говорить, очевидно, не стоило. Однако осудить очередное русофобское искажение отечественной истории было не только справедливо, но и необходимо.

Критика русофобии в работах Н. И. Бухарина, Д. Бедного и др. явно направлялась из высших кремлевских сфер. Однако она отнюдь не говорила о переходе Сталина и всего его окружения на националистические русофильские позиции. Интернационализм — доктрина, предполагающая, в конечном счете, преодоление национальных различий, иначе говоря, доктрина национал-нигилистическая, нацифобская по своей природе. Русская нация в силу своей многочисленности и устойчивости могла вызывать у интернационалистов наибольшие опасения насчет осуществимости их замыслов. Освободиться от русофобии большевики-интернационалисты так просто не могли. Вопреки доктрине им приходилось маскировать свой генетический порок, постепенно выходить на путь уступок русским национальным чувствам, использовать русский национализм для достижения тактических целей, в частности, для того, чтобы умерять чрезмерные притязания националистов иных национальностей. Русофобия имеет не только нравственно-этические и социально-психологические измерения. В историческом плане ее можно определить как политику, с большим трудом совершающую переход от национального нигилизма к признанию благотворной роли национальной идеи, национального и национально-государственного патриотизма. В наибольшей степени национальный негативизм в истории нашей страны в XX веке сказался и сказывается на русской нации. Отсюда — русофобия как игнорирование и боязнь русского национального фактора при решении политических судеб России и решении русского национального вопроса. {131}

КАК ТРОЦКИСТЫ-БУХАРИНЦЫ БЫЛИ НАЦИОНАЛ-ШОВИНИСТАМИ

По Сталину, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин и их последователи исходили из того, что «при победе социализма нации должны слиться воедино, а их национальные языки должны превратиться в единый общий язык», что «уже пришла пора для того, чтобы ликвидировать национальные различия»⁶¹⁷. В заключительном слове по докладу на XVI съезде партии (1930) Сталин демонстративно подчеркнул: «Теория слияния всех наций, скажем, СССР в одну общую великорусскую нацию с одним общим великорусским языком есть теория национал-шовинистическая, теория анти-

ленинская», а будущий общий язык не будет великорусским⁶¹⁸.

Сопоставление положений цитируемого доклада и написанной несколько ранее его же статьи обнаруживает: отличие И. В. Сталина от «уклонистов» заключается лишь в том, что последние были готовы форсировать процессы слияния наций уже в обстановке начала 1930-х годов, а Сталин эту же задачу выносил в неопределенное, но, по-видимому, не столь уж отдаленное будущее. Форсирование по рецептам «уклонистов» могло сопровождаться и гораздо большей степенью насилия над национальностями, чем при Сталине. Причислявшийся в недавнем прошлом к гуманистам Н. И. Бухарин в своем труде «Экономика переходного периода» (1920) «теоретизировал» на сей счет отнюдь не с гуманистических позиций: «Пролетарское принуждение во всех формах, начиная от расстрела и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи»⁶¹⁹. Г. Е. Зиновьев призывал в 1918 году коммунистов Петрограда во имя торжества социализма пожертвовать каждым десятым россиянином. «Мы должны, — говорил он, — увлечь за собой 90 миллионов из ста, населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить — их надо уничтожать»⁶²⁰.

Отмежевываясь от «шовинистов», И. В. Сталин в начале 1930-х годов посчитал целесообразным выступить в роли правоверного интернационалиста и сполна получить дивиденды за осуждение политических противников и прислуживающих им «теоретиков» в известном уклоне, обнаружить каковой у каждого из них не составляло особого труда. Скажем, заявил А. И. Рыков в 1919 году, что «термин “независимость” по отношению к советским государствам распространяется главным образом на национально-культурную жизнь этих государств»⁶²¹. Разве на этом основании нельзя осудить его за выдвигание концепции ограниченного национального суверенитета и великодержавие? Можно!

Реестр прегрешений такого рода у бывших соратников И. В. Сталина в начале 1930-х годов был составлен моментально. Стоит полистать 3—4 книги выходивших тогда журналов, и обнаружишь следующее. Выступавшему на VIII съезде партии (1919) Л. Б. Сунице припомнили его заявление о том, что пролетарская революция может победить только в том случае, если игнорировать национальные моменты, и что «принцип права наций на самоопределение должен быть отвергнут самым решительным образом»⁶²². {132} М. П. Томский заблуждался, утверждая: к самоопределению и национальному движению «мы относимся как к неизбежному злу»⁶²³. Роза Люксембург, Г. Л. Пятаков, Е. Б. Бош, Н. И. Бухарин, вместе взятые, виноваты, поскольку под их левой фразой «для пролетариата не существует национального вопроса» скрывается, по сути, «самый явный великодержавный шовинизм»⁶²⁴. Бухарин в отдельности уличался еще в том, что выступал против требований Сталина о необходимости борьбы с националистами на двух фронтах. Какое значение, спрашивал он, имеет узбекский шовинизм в международном масштабе? Другое дело — русский. Оказывается, «в этой недооценке значения “мелких” народностей и заключается, по существу, великодержавный подход, несмотря на антивеликодержавную фразеологию»⁶²⁵. Троцкист В. А. Ваганян был обвинен в забвении того, что лозунг национальной культуры является буржуазным только в условиях буржуазного государства и что он становится пролетарским под эгидой Советской власти. «Забыв об этом, Ваганян скатился к махровому великодержавничеству, прикрываемому крылатыми фразами об интернациональной культуре»⁶²⁶. Г. Е. Зиновьев «солидаризировался с ваганяновским отрицанием лозунга строительства национальной по форме и пролетарской по содержанию культуры», за что лично Сталиным уличен как «сторонник колонизаторства»⁶²⁷. Он же, Зиновьев, выступал с пресловутой великорусско-шовинистической теорией борьбы двух культур, в соответствии с которой допускал, что на Украине при свободном развитии языков «через ряд лет победит тот язык, который имеет больше корней, более жизненный, более культурный»⁶²⁸ — русский, значит. Ему же, Зиновьеву, поставлена в вину констатация «чересполосицы» в государственном строительстве: «Единая централизованная партия и рядом с этим федерация государств. Тут одно должно уступить другому. Я думаю, не надо быть пророком, чтобы предсказать, что элементы федерации в государственном строительстве в будущем уступят чисто пролетарской тенденции к единству»⁶²⁹. К. Б. Радек, «один из видных руководителей люксембургизма», после решений X—XII съездов партии не просто уклонялся, а по-буржуазному извращал учение партии по национальному вопросу. Он утверждал, что территории всех национальных советских республик «не имеют условий для самостоятельной жизни. Но если мы сегодня откажемся от Туркестана, то завтра он делается английским... Поэтому окраины, которые мы имеем, мы должны удерживать в своих руках»⁶³⁰. Здесь — «ясное слияние люксембургизма с великодержавничеством»⁶³¹.

Оказалось также, что А. И. Рыков, будучи председателем Совнаркома, якобы избрал его трибуну для того, чтобы «издеваться над национальной политикой партии». При обсуждении союзного бюджета он возражал против значительно более быстрого роста бюджетов остальных национальных республик по сравнению с ростом бюджета РСФСР и заявлял, что считает «совершенно недопустимым, что туркмены, узбеки, белорусы и все остальные народы “живут за счет русского мужика”». Хотя руководитель правительств СССР и РСФСР и не осмеливался выносить этот вопрос в ЦК {133} партии, его выступление в Совнаркоме было расценено как воспитание своей группы на основе «великодержавности, составлявшей часть рыковской политической физиономии»⁶³². Действительно, А. И. Рыков выделялся среди российских политических деятелей своим стремлением различать в конкретных регионах конкретные виды шовинизма, вовсе не обязательно великорусского. Например, он заявил на объединенном пленуме ЦК и ЦКК (июль—август 1927 г.), что РСФСР является наиболее отсталой из республик по оплате культработников. Так сказать, «великодержавная» народность была в этом отношении наиболее отсталой, отметил он. Наиболее передовыми в данном случае были Украина и Закавказье. Попытка выровнять положение была расценена украинскими товарищами как великодержавный шовинизм. «Было правильно, — замечал Рыков, — когда в Тамбовской губернии получали на 40—50 рублей меньше, это было в интересах национального самоопределения, а когда получают на 2—3 рубля больше, то это великорусский шовинизм»⁶³³. Показательно также высказывание председателя Совнаркома о том, что термин «колониальная политика» может употребляться «только в том смысле, что колониальная политика, например, Великобритании заключается в развитии метрополии за счет колоний, а у нас колоний за счет метрополии»⁶³⁴.

Авторов обвинений «уклонистов» в великодержавничестве и великорусском национализме совершенно не смущало противоречие, игнорируемое при выстраивании своих инвектив. Зачастую оказывалось, что «великодержавники» (от Троцкого до Бухарина и Рыкова) были готовы к расчленению «великой державы» и раздаче ее по частям своим возможным зарубежным союзникам. С. М. Диманштейн, например, прежде чем самому попасть в число уклонистов, утверждал в своей книге «За ленинско-сталинский интернационализм», что организации вредителей — группа Л. К. Рамзина, меньшевистская группа В. Г. Громана и многие другие — имели в своем контрреволюционном идеологическом арсенале такое оружие, как великодержавный национализм, что контрреволюционная «Промышленная партия» пыталась назвать себя русской национальной партией. При этом обвинитель клеймил обвиняемых за то, что они якобы «предлагали мировым империалистам в уплату за интервенцию уступить Украину, Закавказье, Белоруссию и т.д.»⁶³⁵.

Статья И. В. Сталина «Национальный вопрос и ленинизм» (1929) тоже неубедительно представляла оппонентов его национальной политики великодержавными националистами. Однако ко времени публикации становились актуальными другие положения этого «классического произведения». Приметы «второго этапа всемирной диктатуры пролетариата», на котором только якобы должны складываться зональные экономические центры «для отдельных групп наций с отдельным общим языком для каждой группы»⁶³⁶, начинали угадываться в Союзе ССР, поскольку зональный экономический центр (иначе говоря, всероссийский рынок) существовал здесь уже более века. Обвинений в уклоне к великодержавному национализму самому Сталину в 1949 году ждать было неоткуда. {134}

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ СТАЛИНСКОЙ НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ

Национальная политика, осуществлявшаяся советским государством с 1917 года до середины 1950-х годов, часто именовалась ленинско-сталинской. Тем самым подчеркивалось, кем именно определялись основы политики. Нередко политика называлась сталинской, и в этом тоже был свой резон, поскольку после Ленина именно Сталин практически направлял ее курс. Разумеется, истоки национальной политики связывали также с именами основоположников марксизма. Однако практическое значение для рассматриваемого периода имела сталинская интерпретация наследия К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина в теории национального вопроса.

Практическую национальную политику с 1930-х годов Сталин направлял по новому руслу, утверждая свой «национальный большевизм», нацеленный на превращение населения страны в некую новую общность людей, главной ценностью которой были бы реабилитированная в 1934 году своеобразная разновидность национализма — патриотизм, высокое понятие — Родина. Однако все это — и порядком подзабытые к тому времени понятия, и сама русскость, проступавшая в отличительных чертах утверждаемой новой общности, допускались не по особой любви, а по не-

обходимости: вокруг русского народа сплотить новую общность было легче, чем на его отрицании. Выступая на заседании Политбюро 15 марта 1934 года, Сталин рассуждал здраво: раз русский народ в прошлом собирал другие народы, эту же роль он должен играть и сейчас⁶³⁷. Поэтому уже к концу 1930-х годов утверждаются представления о русском языке как языке интернациональной культуры. При этом следует, конечно, иметь в виду, что русская культура сама по себе мало чего стоила, если не становилась советской⁶³⁸.

Приверженцы «левацкого интернационализма» до сих пор недоумевают. Дескать, неожиданно и ни к чему все это было, «поскольку раньше вся официальная идеология строилась на том, что советский человек в своих эмоциях и поступках руководствуется любовью к революции и коммунизму, чувством братства и солидарности с трудящимися всех стран, а не любовью к своему отечеству и к своему национальному корню. Понятия “отечество”, “родина”, “патриотизм” относились к миру призраков дореволюционного прошлого и несли отрицательный привкус старой, царской России. И вдруг эти слова... получили высшую санкцию — от самого вождя партии и государства»⁶³⁹. В качестве признаков постсталинской эпохи приверженцы такого «интернационализма» утверждают нечто противоположное. Предельно откровенно и четко его суть выражена Г. С. Померанцем в статье «Человек без прилагательного», обратившей на себя внимание читателей не только нашей страны, но и русского зарубежья. «У сверхдержав, — писал автор, — нет прогрессивной национальной задачи. Идея их может быть только вселенской, космополитической. Интеллигенция не имеет права на патриотизм. Она может опираться только на международную солидарность ученых, писателей, всех людей доброй воли через головы национального мещанства»⁶⁴⁰. По определению сегодняшних дней, «космополитизм означает {135} бытие миром, в едином мировом гражданстве, в со-бытии, со-разумении, со-вести, со-знании. Ныне такое мировое согражданство не утопический проект, а тривиальное условие выживания». И для убедительности прибавляется: «Сама европейская культура есть живейший пример такого согражданства»⁶⁴¹.

Сталинское учение о нациях, развиваемое в 1930—1940-е годы без видимого вмешательства «главного теоретика национального вопроса» (до опубликования в 1949 г. работы 1929 г. «Национальный вопрос и ленинизм»⁶⁴² и появления в 1950 г. «классического» труда по языкознанию⁶⁴³), тем не менее уже при его жизни вплотную подошло к утверждению новых представлений о «социалистической исторической общности людей», возникающей в результате объединения отдельных групп наций вокруг зональных экономических центров и пользующихся отдельным общим языком⁶⁴⁴. Н. И. Бухарин, как показано выше, в 1935—1936 годы создал своеобразную концепцию о советском народе как новой общности людей. Однако он не стал признанным родоначальником теории новой общности. Видимо, потому, что «героический советский народ» и *homo soveticus* в его понимании возникали на отрицании национальных традиций и ценностей народов. В модифицированном виде эти идеи пытались воскресить и позже.

В 1944 году на совещании историков в ЦК ВКП(б) М. В. Нечкина предложила определить, что «советский народ — это не нация, а какая-то более высокая, принципиально новая, недавно возникшая в истории человечества прочнейшая общность людей. Она объединена единством территории, принципиально новой общей хозяйственной системой, советским строем, какой-то единой новой культурой, несмотря на множественность языков»⁶⁴⁵. Однако предложение не привлекло должного внимания и не стало предметом дискуссии, видимо, из-за его опасной близости к бухаринским рассуждениям леворадикального толка в 1930-е годы.

Сталинская позиция в этом отношении была внешне свободна от «левизны». Его интерпретация советской общности (используя выражение Сталина, можно говорить о ней как о зональной социалистической общности людей) изображала ее как результат развития лучших черт советских наций, и прежде всего русского народа, субстратом ее культуры в значительной степени также выступала русская культура. Удельный вес русской составляющей в формировании новой общности советских людей был настолько велик, что Сталин порой, по существу, отождествлял ее с русским народом. Показательным в данном случае представляется тост Сталина за русский народ, произнесенный 6 июля 1933 года во время посещения его дачи делегацией художников (И. И. Бродский, А. М. Герасимов, Е. А. Кацман). «Давайте выпьем за советский народ, за самую советскую нацию, за людей, которые раньше всех совершили революцию. За самую смелую советскую нацию. Я специалист по национальным делам. Я кое-что в эти дни прочитал. Я сказал как-то Ленину: самый лучший народ — русский народ, самая советская нация... Выпьем за советскую нацию, за прекрасный русский народ»⁶⁴⁶. Через четыре года, 8 ноября 1937 года, такая оценка из уст {136} И. В. Сталина прозвучала при всеобщем одобрении в кругу ближайших соратников на торжестве по случаю 20-летия советской власти: «Среди его [Советского Союза] равноправных наций

самая советская и самая революционная — русская»⁶⁴⁷. Так заканчивался длительный период советской власти, в течение которого какие-либо положительные оценки и проявления русскости в СССР официально осуждались как царский «великодержавный шовинизм»⁶⁴⁸.

ДЛЯ ЧЕГО ПОНАДОБИЛСЯ «СТАРШИЙ БРАТ»

В конце 1937 года была изобретена чрезвычайно удачная в пропагандистском отношении концепция, объяснявшая место русского народа в советской семье народов⁶⁴⁹. К прежним титулам русского народа — «великий», «первый среди равных» — добавлялся новый: «старший брат». В предпоследний день года в «Ленинградской правде» была помещена статья А. Садовского «Старший среди равных». В ней говорилось: «Когда русский народ поднялся во весь рост, свободолюбивый, талантливый, мужественный, справедливый, как всякий народ, несущий на своих знаменах свободу, он по-братски был признан первым другими народами СССР. Так братья, равные в дружной семье, отдают первенство старшему»⁶⁵⁰. Концепция «русского народа как старшего брата» нашла выражение в брошюре Б. М. Волина «Великий русский народ», выпущенной в свет в августе 1938 года. В ней утверждалось: «Народы СССР гордятся своим старшим собратом, первым среди равных в братской семье народов — русским народом»⁶⁵¹.

Создание и закрепление за русским народом образа «старшего брата» произошло, вероятно, не без влияния книги Анри Барбюса «Сталин», широко разошедшейся по стране в 1936 году. Знаменитый писатель обожествлял Ленина и Сталина — вождей «всех лучших людей земного шара». Он уверял, что лучшее в судьбе каждого находится в руках «человека с головой ученого, с лицом рабочего, в одежде простого солдата», который по ночам «бодрствует за всех и работает». Ему казалось также, «что тот, кто лежит в мавзолее посреди пустынной ночной площади», тоже «бодрствует надо всеми... он — отец и старший брат, действительно склонявшийся надо всеми»⁶⁵². Какой, однако, прок от усопшего старшего брата для рядового прагматика и материалиста? К здравствующему русскому народу подобное выражение подходило куда как больше, да и многие в СССР желали именно такого отношения великого народа к своим «собратьям».

Новая составляющая концепции об исторической роли русского народа («старший брат») понадобилась, скорее всего, для новой трактовки старой задачи о ликвидации фактического неравенства наций. В 1920-е годы это решение трактовалось с явно русофобской прямолинейностью. «Одно из драгоценнейших прав отсталых наций в Советском Союзе, — говорилось в книге Г. С. Гурвича «Основы Советской Конституции», — есть их право на активную помощь, и праву этому соответствует обязанность “державной нации” оказать помощь, которая есть только возвращение долга»⁶⁵³. Державная русская нация для удобства взимания с нее долга {137} из числа субъектов федерации была просто-напросто исключена, ресурсами РСФСР и русского народа бесконтрольно распоряжался наднациональный союзный Центр.

Новое титулование народа позволяло, по существу, дезавуировать заявления об окончательном разрешении национального вопроса, с которыми поспешили в очередной раз выступить «леваки» из тогдашнего партийного руководства. Однако они не предусмотрели, что заявления такого рода вели к нежелательным практическим последствиям. К примеру, председатель СНК РСФСР Д. Е. Сулимов заявлял: «Автономные республики и области (РСФСР) в своем культурном и хозяйственном развитии достигли такого уровня, когда смело можно говорить, что они в исключительно короткий срок прошли огромный путь хозяйственного и культурного возрождения и догнали основные русские районы и области. Не случайно Татария, Башкирия, Кабардино-Балкария одними из первых награждены высшей наградой нашей страны — орденом Ленина»⁶⁵⁴. Это означало, что дальнейшая помощь русского народа отсталым народам и регионам не требовалась. В интересах же соблазненных «приманкой русофобства»⁶⁵⁵ «отставших» народов было продолжение политики ликвидации «остатков» национального неравенства.

Перспектива, вырисовывавшаяся в свете заявления Сулимова, вызвала целый хор протестующих голосов. С. М. Диманштейн, к примеру, писал в своей книге «За ленинско-сталинский интернационализм»: «В области окончательного разрешения всех вопросов, связанных с ликвидацией остатков национального неравенства, предстоит еще колоссальная работа, в которую должны привлекаться широкие массы как самих бывших угнетенных национальностей, так и тех народов, которые находятся на более передовых позициях»⁶⁵⁶. В 1938 году этот же вывод обосновывался и во влиятельном теоретическом журнале: «Несмотря на колоссальные успехи национальных республик в деле изживания былой отсталости, все же нельзя еще говорить о *полной* ликвидации всяких элементов фактического экономического и культурного неравенства. Вследствие этого оста-

ются в силе и особые задачи ленинско-сталинской национальной политики, связанные с вопросом ликвидации этого неравенства на основе нового, несравненно более высокого уровня, достигнутого передовыми частями нашего Союза»⁶⁵⁷.

Это означало, что время отказываться от курса на выравнивание уровней экономического развития и от помощи передовых народов отстающим собратьям, от курса X съезда партии еще не пришло. В частности (точнее, в первую очередь), русский народ еще должен был проявить себя в решении «особых задач» национальной политики. Иначе говоря, донорскую роль, которую играл до этого русский народ, надо было пролонгировать. Но, поскольку требовать от него помощи, как в 1920-е годы, по долгу бывшей угнетающей нации в конце 1930-х годов, было уже невозможно (это опрокидывало обнародованные ранее Сталиным выводы о преодолении недоверия между народами и победе дружбы), русский народ к своим {138} званиям «великого» и «первого среди равных» получил еще и «старшего брата» в придачу. В обязанности последнего, как известно, входит и помощь младшим братьям. Именно на эту функцию и обращалось внимание в передовой статье газеты «Правда» от 14 февраля 1938 года. «В этой братской семье народов русский народ — старший среди равных», — говорилось в ней. Однако практически это предлагалось понимать так, что «свое положение ведущего в семье равных советских республик русский народ использовал прежде всего, чтобы помочь подняться, расправиться, развиться тем народам, которых наиболее угнетало царское правительство, которые всего больше отстали в экономическом и культурном развитии»⁶⁵⁸. Таким образом, обозначившаяся было коллизия в экономических отношениях между «братьями» разрешилась в пользу продолжения помощи со стороны «старшего брата».

Из этого следует, что Конституция 1936 года не стала окончательным шагом в решении национального вопроса. Порочная практика прошлого, когда национальный вопрос решался, в основном, за счет крупнейшей республики — РСФСР, преодолена не была. Титулование «старший брат» должно было психологически компенсировать исполнение обременительной обязанности. Нехитрым приемом предписанная ранее расплата по историческим долгам сравнивалась с отношениями в семье, где старшие братья трогательно заботятся о младших. Концепция «старшего брата» естественным образом дополнялась мифологемой «младшего брата», психологический комплекс которого проявляется в том, что он по праву слабого и избалованного требует от старшего удовлетворения всех своих потребностей и прихотей и в то же время постоянно упрекает его в том, что он старший⁶⁵⁹.

В описании отношений между народами СССР с середины 1930-х годов в прессе и литературе присутствовала изрядная доля демагогической риторики и ложного пафоса, неспособных отразить сложнейшие жизненные противоречия. Образчиком нового языка в этом смысле может служить, например, помещенная в «Правде» от 4 декабря 1936 года статья о дружбе народов. В ней можно обнаружить все штампы, характерные для публицистической и научной прозы 1930—1950-х годов⁶⁶⁰. Изображение отношений в духе этакой заздравности и беспроblemности (дескать, нет для дружбы преград, помимо созданных и создаваемых врагами народа и национал-уклонистами), навязчивая фиксация общественного сознания на бескорыстности помощи и взаимопомощи, на возможности, опираясь на поддержку «брата» и мудрость Сталина, легко разрешить все внутренние и мировые проблемы не могли не породить новых издержек и лицемерия в межнациональных отношениях.

Действительно, трудно поверить в успех способа национального освобождения народов Востока, который был предложен первым секретарем ЦК КП Узбекистана на XVIII съезде партии. «Узбекский народ, — говорил У. Ю. Юсупов, — опираясь на помощь великого русского народа... может показать на своем примере всем угнетенным народам Востока, что если {139} хочешь освободиться, — иди за красной Москвой, иди за великим Сталиным, иди за русским народом, и тогда будет обеспечен успех»⁶⁶¹.

Вместе с тем, по нашим наблюдениям, штамп «старший брат» по отношению к русскому народу до начала Отечественной войны использовался редко. В выступлениях Сталина он не употреблялся. Для обозначения функциональной роли, выражаемой этим понятием, ему было достаточно термина «интернационализм» и других простых и привычных слов. Так, в беседе с А. М. Коллонтай, состоявшейся в ноябре 1939 года, говоря о перевооружении армии, о роли тыла в войне, о предстоящих испытаниях, Сталин особо подчеркнул: «Все это ляжет на плечи русского народа. Ибо русский народ — великий народ. Русский народ — это добрый народ. У русского народа — ясный ум. Он как бы рожден помогать другим нациям. Русскому народу присуща великая смелость, особенно в трудные времена, в опасные времена. Он инициативен. У него — стойкий характер. Он мечтательный народ. У него есть цель. Потому ему и тяжелее, чем другим нациям. На него

можно положиться в любую беду. Русский народ — неодолим, неисчерпаем»⁶⁶². Как видим, уже в 1939 году Сталин говорил о русском народе в частной беседе точно так, как это прозвучало на всю страну в его выступлении на знаменитом приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года⁶⁶³.

Выражение «старший брат» приобрело широкое распространение в годы Отечественной войны и особенно после публикации в «Правде» письма узбекского народа к бойцам-узбекам, сражавшимся на фронте. Письмо представляло собой выдающийся образец цветистой восточной прозы⁶⁶⁴, оно впечатывало в сознание запоминающийся образ: «В дом твоего старшего брата — русского, в дом твоих братьев — белоруса и украинца — ворвался германский басмач. Он несет коричневую чуму, виселицу и кнут, голод и смерть. Но дом русского — также и твой дом, дом украинца и белоруса — также и твой дом! Ибо Советский Союз — дружная семья, где каждый живет хотя и в своем доме, но двор и хозяйство едины и неделимы. А в дружной семье раздора не бывает, как его нет и в семье советских народов. В нашей стране нет межей, которые бы разделяли наши дома. Но если разбойник отнял дом у твоего брата, — верни ему дом — это твой долг, узбекский боец! Это ваш долг, все советские бойцы!»⁶⁶⁵ Аналогичные письма публиковались и от имени других народов страны. Их популяризации служила книга «Наказ народа: Письма народов СССР к бойцам-фронтовикам» (М., 1943).

Концепция «старшего брата» оказалась довольно живучей. Она благополучно пережила и развал СССР. Ныне, как и прежде, она выражается в разного рода послаблениях «младшим братьям». К примеру, по данным на 1995 год, среди регионов-доноров, за счет которых существовали Россия в целом и подавляющее большинство субъектов-реципиентов, «не было ни одной республики... все они относились к дотационным регионам»⁶⁶⁶. Ю. М. Лужков, выступая в 1996 году в Совете Федерации на обсуждении бюджета, сожалел, что возглавляемому им субъекту Федерации не удастся {140} побыть в роли младшего брата и стать, к примеру, одним из городов Татарстана. «В этом случае, — говорил он, — город Москва, потеряв самостоятельность, приобретет могучий, небывалый экономический потенциал, потому что те налоги, которые платят Татарстан и некоторые другие республики в соответствии с какими-то особыми условиями, которые должны быть абсолютно равными в Российской Федерации, несоизмеримы с тем, что платит Москва или другой областной или краевой субъект Российской Федерации»⁶⁶⁷.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕЯ В МЛАДШИХ КЛАССАХ ШКОЛЫ

Концепция отечественной истории, отражавшая с середины 1930-х годов новое видение исторической роли русского народа, складывалась в ходе подготовки нового школьного учебника по истории и сопровождалась постоянной критикой участников конкурса в нежелании отречься от схемы Покровского. Авторы почти всех 46 конкурсных рукописей учебников, заявил А. С. Бубнов на заседании жюри конкурса 25 января 1937 года, проводят антиисторическую линию при анализе процесса «собрания Руси», образования и укрепления Московского княжества. Украина, по его словам, имела альтернативу — либо быть присоединенной к католической Польше, стать добычей Турции и крымского хана, либо войти в единое Московское царство; в сложившихся исторических условиях признание Хмельницким протектората Москвы было наименьшим злом для украинского народа. Так же следовало рассматривать и присоединение Грузии к России⁶⁶⁸. «Все это, — как полагал один из главных участников конкурса, — обязывает историков... пересмотреть свою старую точку зрения, которая изображала колониальную политику России как сплошное черное пятно в истории русского государства»⁶⁶⁹.

Написанный с новой точки зрения историками Московского государственного педагогического института во главе с А. В. Шестаковым «Краткий курс истории СССР» для 3-го и 4-го классов рассматривал советский период в преемственной связи с общим развитием российской государственности. Рукопись этого учебника в наибольшей мере соответствовала требованиям правительственной комиссии и была признана лучшей. Ее доработку осуществляла специальная группа ученых под руководством А. А. Жданова, в которую были включены опытные историки старой школы К. В. Базилович, С. В. Бахрушин, Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин, В. И. Пичета и др. Утвержденный 22 июля текст являл собой «своеобразный сплав двух главных идей — идеи возвеличивания старой государственности и идеи неизбежности и благотворности победы социализма в России». 22 августа в «Правде» было опубликовано постановление жюри комиссии. Оно гласило: «Краткий курс истории СССР» под редакцией профессора А. В. Шестакова считать одобренным Правительственной комиссией и рекомендовать в качестве учебника для третьего и четвертого

классов»⁶⁷⁰. Учебник был запущен в массовое производство. В начале октября 1937 года издание вышло в свет. Сквозь все содержание учебника красной нитью прошла тема патриотизма, любви {141} к Родине и ее истории. В период, когда надвигалась угроза фашизма, эта тема звучала особенно злободневно. Воплощенные в нем государственно-патриотическая концепция отечественной истории, идея преемственности лучших традиций предков новыми поколениями соотечественников стали ориентиром для учебников для средней и высшей школы и для системы политического просвещения⁶⁷¹. Учебник А. В. Шестакова переиздавался до 1955 года, выдержал на русском языке 25 изданий общим тиражом почти 7 млн экземпляров⁶⁷².

Для занятий в высшей школе И. В. Сталин приказал в апреле 1937 года «немедленно приступить к изданию Ключевского», переиздавались материалы из учебника по русской истории С. Ф. Платонова, другие работы историков старой школы. Решено было напечатать «Историю XIX века» французских историков Э. Лависса и А. Рамбо с частью, посвященной истории России⁶⁷³. Все это было призвано в какой-то мере заполнить пустоту, образовавшуюся на месте «школы Покровского».

Приветствуя выход давно ожидаемого «Краткого курса истории СССР», «Правда» не скрывала его главного предназначения: «Перед советской школой и ее учителями стоят задачи огромной государственной важности. 30 миллионов школьников надо воспитать в духе беспредельной любви к родине, преданности партии Ленина—Сталина»⁶⁷⁴. Своевременность перевода школы на обучение и воспитание в духе национально-государственного патриотизма было в полной мере осознано после Великой Отечественной войны. И. В. Сталину приписывают слова: «Войну выиграли сельские учителя»⁶⁷⁵. В этом случае имелись в виду поколения советских людей, получившие историческую и идеологическую подготовку в сельской школе (выигравшая войну армия была преимущественно крестьянской по составу). Нарком просвещения В. П. Потемкин сказал то же самое о всей школе: «Советская школа победила фашистскую школу; советский учитель победил немецкого учителя-фашиста»⁶⁷⁶.

ЗАЯВКА НА РУССКОЕ ПЕРВЕНСТВО В МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Новые представления о советском народе стали широко пропагандироваться с принятием новой Конституции СССР. В связи со столетием гибели А. С. Пушкина центральная партийная газета «Правда» 10 февраля 1937 года посвятила поэту передовую статью «Слава русского народа». В ней заявлено: «Единый в своем национальном многообразии советский народ торжественно чтит Пушкина как веху своей истории». Частичная реабилитация поэта состоялась еще раньше — с принятием 27 июля 1934 года постановления Политбюро ЦК о мероприятиях, связанных со 100-летием со дня смерти поэта. В статье, имеющей характерное название «В защиту Пушкина», говорилось о необходимости борьбы с «вульгаризацией социологического метода Маркса» и недопустимости превращения художественных произведений в «голый социально-экономический документ». В частности, отмечалось, что из литературоведческих работ Д. Благого «Социология творчества Пушкина» (1931), «Три века русской поэзии» (1933) невозможно понять, {142} почему Пушкин был для Ленина «лучше» Маяковского. «До самых корней своего творчества Пушкин был именно “буржуй”, — это с очевидностью вытекает из всего социологического анализа, произведенного Благим»⁶⁷⁷. В 1937 году произошло превращение поэта из «буржуя» в «интернационалиста». Теперь подчеркивалось: «Пушкин глубоко национален. Поэтому он стал интернациональным поэтом», и русский народ, оказывается, «вправе гордиться своей ролью в истории»⁶⁷⁸. А об изображении его прошлого Н. И. Бухариным и школой М. Н. Покровского «Правда» вскоре выразилась и вовсе уничтожающе: «Можно только удивляться, как эта антинародная ересь печаталась»⁶⁷⁹.

В 1938 году журнал «Большевик» давал новую установку в трактовке XIX века отечественной истории. Она содержалась в предисловии Е. В. Тарле к «Истории XIX века» французских историков Э. Лависса и А. Рамбо, помещенном не только в вышедшем из печати томе, но и на страницах партийного журнала. Роль России и русского народа в мировой истории представлялась здесь в духе, диаметрально противоположном «школе Покровского». Россия, писал Тарле, была не только жандармом Европы; от начала и до конца XIX в. она оказывала «колоссальное влияние на судьбы человечества... Этот век был временем, когда русский народ властно занял одно из центральных, первенствующих мест в мировой культуре». Россия дала миру не только «четырех титанов» — Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, одно из первых мест заняли русские и в области живописи (Суриков, Репин, Верещагин, Серов), и в музыке (Глинка, Мусоргский, Римский-Корсаков,

Даргомыжский, Рахманинов и Чайковский), и в точной науке (Лобачевский, Менделеев, Лебедев, В. Ковалевский). Этот век «был временем, когда впервые особенно ярко проявилось мировое значение русского народа, когда впервые русский народ дал понять, какие великие возможности и интеллектуальные и моральные силы таятся в нем и на какие новые пути он может перейти сам и в будущем повести за собой человечество»⁶⁸⁰.

Таким образом, в 1937—1938 годах получало зримые очертания новое отношение к отечественной истории, к ее преподаванию, к «собирательной» роли в ней русского народа. Это означало, что на роль главной преобразующей силы в стране и мире наряду с пролетариатом выдвигался русский народ. В этой связи становилось неуместным числить его исключительно среди «наций, которые являлись нациями угнетающими», как это делала Программа РКП(б), принятая на VIII съезде партии в 1919 году⁶⁸¹.

Вместе с тем пропагандисты постоянно твердили, что в СССР обеспечивается расцвет всех народов страны. Парадная книга, выпущенная редакцией «Правды» к 20-летию советской власти и воспевающая «глубину и жизненность большевистской национальной политики», провозглашала: «Народы не расстаются с богатствами национальной культуры. Им дорого их своеобразие. Но оно дорого и большевикам». Ленин и Сталин представлялись в этой книге «народными героями на легендарном фоне национальной героики, в пышном окружении старинного поэтического орнамента»⁶⁸². {143}

С середины 1930-х годов средства массовой информации начали чаще отмечать бескорыстную помощь России и русских другим республикам и народам страны. «Всей силой своего могущества, — утверждала центральная партийная газета, — РСФСР содействует бурному росту других братских советских республик. И если раньше у других народов, населяющих Россию, со словом “русский” часто ассоциировалось представление о царском гнете, то теперь все нации, освобожденные от капиталистического рабства, питают чувство глубочайшей любви и крепчайшей дружбы к русским братьям... Русская культура обогащает культуру других народов. Русский язык стал языком мировой революции. На русском языке писал Ленин, на русском языке пишет Сталин. Русская культура стала интернациональной, ибо она самая передовая, самая человеческая, самая гуманная»⁶⁸³. Вариации на эти темы позднее уже не сходят со страниц периодической печати и языка пропаганды.

ПЕРВАЯ КАМПАНИЯ ПО БОРЬБЕ С «НИЗКОПОКЛОНСТВОМ»

Составной частью работы по воспитанию советского патриотизма стала борьба с носителями «низкопоклонства» перед границей, свойственным отдельным представителям как старой интеллигенции, так и новой политической элиты, ориентированной на Запад. Первая страница истории борьбы с низкопоклонством была связана с именем выдающегося представителя старшего поколения математической профессуры академика Н. Н. Лузина (1883—1950). Лидеры российской математики долгое время после революции не проявляли должного почтения к новым властителям страны. Во время I Всесоюзного съезда математиков (Харьков, июнь 1930 г.) они прохладно встретили предложение послать приветствие проходившему тогда же XVI съезду ВКП(б). Во время процесса над «Промпартией» не оказалось подписи Лузина под обращением физиков и математиков Москвы с призывом к зарубежным ученым поднять протест против интервенционистских намерений иностранных держав по отношению к СССР. Главное же «преступление» Лузина заключалось в том, что он, якобы «примыкавший к правой, черносотенной группе профессоров в дореволюционное время, остался правым и после революции»⁶⁸⁴. В 1930 году учитель Лузина Д. Ф. Егоров, почетный академик АН СССР, директор института математики и механики МГУ, президент Московского математического общества, был арестован и в сентябре следующего года умер в ссылке. Был арестован и в 1937 году расстрелян ученик Егорова, ученый-энциклопедист и религиозный философ П. А. Флоренский⁶⁸⁵.

27 июня 1936 года Н. Н. Лузин опубликовал в «Известиях» заметку под названием «Приятное разочарование», в которой поделился впечатлениями о математической подготовке выпускников одной из московских школ. Возможно, похвалой школе Лузин хотел снискать благоволение высших сфер. Однако газетная заметка была использована для компрометации выдающегося ученого, не разделявшего вульгаризированных представлений о том, что «математика имеет в классовом обществе классовый {144} характер, ход ее развития... определяет классовая борьба», и продолжавшего будто бы считать, что «теория чисел и непрерывных функций обосновывает индивидуализм, анализ с его непрерывностью направлен против революционных идей, теория веро-

ястных подтверждает беспричинность явлений и свободу воли, а вся математика в целом находится в соответствии с... православием, самодержавием и народностью»⁶⁸⁶.

Действительным прегрешением академика против советского патриотизма можно было почитать то, что он подобно многим другим крупным ученым нередко публиковал свои работы в зарубежных издательствах. Как объяснял П. Л. Капица в письме к В. М. Молотову от 6 июля 1936 года, делалось это «главным образом по двум причинам: 1) у нас скверно печатают — бумага, печать; 2) по международному обычаю приоритет дается только (в том случае), если работы напечатаны по-французски, немецки или английски»⁶⁸⁷. Не принимая в расчет подобных соображений, было решено не считать Лузина советским патриотом. «Акад. Н. Лузин, — писал директор школы, которого не устроил отзыв академика о его воспитанниках, — считает нужным показать себя как советского “сверхпатриота”. Но его “патриотизм” неубедителен, потому что в нем нет искренности»⁶⁸⁸. «Правда» продолжала числить Лузина среди других патриотов — патриотов российского самодержавия, глубоко презиравших и свою родину и «самый русский народ, его труд, его язык, его песни, им рожденные искусство и науку»⁶⁸⁹. Достигнув своего апогея и грозившее, казалось бы, самыми суровыми карами, «дело Лузина» в начале августа 1936 года сошло на нет.

Н. Н. Лузин уцелел, отделавшись выговором со строгим предупреждением. Решающую роль в таком исходе сыграло заступничество Г. М. Кржижановского и ряда других крупнейших ученых — В. И. Вернадского, П. Л. Капицы, А. Н. Крылова, С. А. Чаплыгина, которые отвели нелепые обвинения в приверженности Лузина к «фашистски модернизированным» черносотенным взглядам и ярлыки вроде «недобитый враг», «разоблаченный враг в советской маске»⁶⁹⁰. «Позже я понял, — отмечается в книге «Жизнеописание Л. С. Понтрягина, математика, составленное им самим», — что Советскому правительству нужно было разогнать школу русского математика Н. Н. Лузина. Уничтожить его самого они не решились»⁶⁹¹. Положительным результатом «дела» было решительное осуждение известного «преклонения перед заграничным штампом»⁶⁹². «Низкопоклонническое отношение к громким именам буржуазных ученых»⁶⁹³ в открытой форме становилось невозможным. Позитивным было и то, что многие советские ученые по ходу воспитательной кампании обязались впредь печатать свои лучшие работы в Советском Союзе, а руководство Академии наук уже не могло больше мириться с «безобразно медленными темпами работы своего издательства»⁶⁹⁴.

Однако уже через несколько месяцев главное место среди «низкопоклонников» заняли неожиданно новые фигуры. Ими оказались троцкисты — новые Смердяковы. {145}

ТРОЦКИСТЫ-БУХАРИНЦЫ: ИЗ «ВЕЛИКОДЕРЖАВНИКОВ» В «НИЗКОПОКЛОННИКИ»

25 января 1937 года во время процесса по делу так называемого Параллельного антисоветского троцкистского центра в «Правде» появилась статья И. Г. Лежнева «Смердяковы», внушавшая, что именно троцкисты «раболепно преклонялись перед капитализмом», в частности, перед фашистской Германией⁶⁹⁵. Взгляды троцкистов на родину, их моральный облик, мастерство маскировки позволяли увидеть в них «новое издание Смердяковых». Развивая эту тему, Д. И. Заславский ставил троцкистов ниже даже фашистов, игра которых на чувствах буржуазного национализма не позволяла соглашаться отдавать часть своей родины иностранному врагу. «У троцкистов даже этого чувства буржуазного национализма нет в душе. Они ничем, решительно ничем никогда не были связаны с народом». Их поступки — поступки людей, у которых «не было и нет отечества»⁶⁹⁶. Алексей Толстой, раскрывая связь низкопоклонства и антипатриотизма, отмечал, что иммунитетом против троцкизма обладают только патриоты. Троцкизм такого иммунитета не имел, поскольку с самого своего зарождения «нес в себе отрицание понятия родины». Троцкого, Зиновьева и их сторонников отличало высокомерно-презрительное отношение к народным массам. Октябрьская революция была для них «только трамплином, с которого они намеревались возносить их личное честолюбие. Народы федерации советских республик рассматривались ими как пушечное мясо. Любой троцкист расхотелся бы вам в лицо, упомяни ему о такой “старомодной пошлости”, как любовь к родине». Размышления писателя заключались выводом: «Как будто бы выходит, что всякий гражданин, не любящий свою родину, — троцкист, диверсант и шпион. Да, так выходит. Такова особенная и необычная форма нашей революции...»⁶⁹⁷. С этой точки зрения после очищения нашей общественной жизни от троцкистов и троцкиствующих в стране легче стало дышать.

На XVIII съезде партии понятие «низкопоклонник» было распространено едва ли ни на всех вычищенных из общества «врагов народа». Отдавая дань классовому шовинизму, Сталин объявил:

«Троцкистско-бухаринская кучка шпионов, убийц и вредителей, пресмыкавшаяся перед границей, проникнутая рабским чувством низкопоклонства перед каждым иностранным чинушей и готовая пойти к нему в шпионское услужение» есть лишь «кучка людей, не понявшая того, что последний советский гражданин, свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства»⁶⁹⁸.

ЗАЯВКА НА НЕОБХОДИМОСТЬ БОРЬБЫ С КОСМОПОЛИТИЗМОМ

По мере изживания крайностей национального нигилизма в 1930-е и первой половине 1940-х годов заявила о себе и тема необходимости преодоления космополитизма. Отметим некоторые, связанные с этим исторические факты. Так, писатель И. И. Катаев в связи с бухаринскими инвективами {146} в адрес русского народа в 1936 году писал: «Мы знаем... что это не была “нация Обломовых”, — иначе в недрах этой нации не выросли бы люди класса, подготовившего и совершившего великую социалистическую революцию. И уж, конечно, “нация Обломовых” не могла бы создать ни русской культуры, ни драгоценного русского искусства, ни даже романа “Обломов”». Одновременно Катаев призывал: «Безнадежных “космополитов”, отщепенцев, эту вялую богему, не помнящую родства, надо поскорее вымести вон из искусства. А нам, советским русским литераторам, нужно заново и по-настоящему полюбить и русский язык, и русскую природу, и русскую песню, и все то хорошее и своеобразное, что есть в нашем народе, — а этого немало»⁶⁹⁹.

А. Н. Толстой в докладе на сессии АН СССР, посвященной 25-летию Советской власти (ноябрь 1942 г.), наметил несколько этапов развития советской литературы: от Октября до 1929-го, от начала 1930-х годов до Отечественной войны и с 1941 года. К этому времени литература, по мнению писателя, «от пафоса космополитизма, а порою и псевдоинтернационализма — пришла к Родине, как к одной из самых глубоких и поэтических своих тем». На первых этапах «момент отрицания всего прошлого литературного наследия, заклеивания его дворянским и буржуазным индивидуализмом и классово враждебной литературой, принимал... уродливые формы». Лишь с 1941 года, по мнению А. Н. Толстого, «советский писатель увидел исторически обусловленный, подлинный народный русский характер... и впервые, как колокол града Китежа, зазвучали в советской литературе слова: святая Родина»⁷⁰⁰.

А. А. Фадеев в письме Вс. Вишневскому (весна 1943 г.) отмечал, что на прошедших совещаниях литераторов, композиторов, художников «один из наиболее острых вопросов... был вопрос о сущности советского патриотизма, взятый в национальном разрезе. Есть люди, которые не очень-то хорошо понимают, почему мы так заостряем теперь вопрос о национальной гордости русского народа... Дело в том, что среди известных кругов интеллигенции еще немало людей, понимающих интернационализм в пошло-космополитическом духе и не изживших еще рабского преклонения перед всем заграничным»⁷⁰¹. Под известными кругами имелись в виду интернационалисты, полагавшие, что «подлинный патриот любит весь мир»⁷⁰². В ноябре 1943 года А. А. Фадеев предупреждал об агентах врага, «которые могут пытаться путем разжигания националистических предрассудков и пережитков среди отсталых людей вносить национальную рознь в братское содружество народов СССР или подрывать в наших народах чувство национальной чести и гордости раблепным преклонением перед всем, что носит заграничную марку, или ханжескими проповедями беспочвенного “космополитизма”, исходящего из того, что все, дескать, “люди на свете”, а нация, родина — это, мол, “отжившее понятие”»⁷⁰³.

Драматург А. П. Штейн на совещании кинодраматургов (июль 1943 г.) подчеркнул: «Наша русская литература — самая великая и первая литература мира... Никакого космополитизма здесь не может быть, он вреден {147} и гибелен для искусства»⁷⁰⁴. В плане мероприятий по улучшению пропагандистской и агитационной работы партийных организаций, подготовленном Управлением агитпропа ЦК в марте 1944 года, отмечалось, что значительная часть советских архитекторов «игнорируют значение русской национальной традиции в архитектуре, забывая о великих русских зодчих — Казакове, Захарове, Росси, Баженове. Этот вредный космополитизм в архитектуре мешает дальнейшему развитию советского, в особенности русского национального зодчества»⁷⁰⁵. Публицист Х. Г. Аджемян в полемике с Е. Н. Городецким на совещании в ЦК ВКП(б) летом 1944 года заявил, что обвинение в великодержавном шовинизме «чаще всего играет роль фигового листка, тщетно скрывающего другой порок, имя которого — космополитический интернационализм»⁷⁰⁶.

ДОСТИЖЕНИЯ В РАЗРАБОТКЕ «РУССКОЙ ТЕМЫ» К КОНЦУ 1930-Х

Как только определились контуры новой концепции отечественной истории, с ее позиций стали систематически выявляться изъяны прежнего подхода. К примеру, анализ содержания выходящей с конца 1920-х годов Малой советской энциклопедии обнаруживал, что история борьбы русского народа за независимость давалась в ней схематично и убого, то и дело встречалось стремление принизить великий народ. Ни слова ни о борьбе со шведскими феодалами в XIII в., ни о битве 1240 года, ни о Ледовом побоище. Об Александре Невском в первом издании говорится лишь, что он «оказал ценные услуги новгородскому торговому капиталу», во втором издании его имя вовсе выброшено. Первое издание внушает читателям, что ни татарского ига, ни порабощения не было, что это — «названия, данные русскими историками-националистами». Во втором издании в статье о монгольском нашествии всего четыре строки, сообщающих, что «монгольское нашествие — утвердившееся в европейской феодальной и буржуазной истории обозначение движения монголов в Европе в XIII веке». Важнейшему историческому событию — Куликовской битве — уделено всего 10 строчек. «Слово о полку Игореве» трактуется только как история неудачного похода русских. Кутузов обрисован как серый посредственный генерал, известный тем, что «потерпел поражение при Аустерлице»⁷⁰⁷.

Своеобразный итог достижений и явных пропагандистских перехлестов в новой разработке тематики русского народа в 1930-е годы представлен в статьях девятого тома Малой советской энциклопедии, выпущенного в свет незадолго до Отечественной войны, в марте 1941 года. В нем констатируется: «Ленинско-сталинская национальная политика сделала нерушимой дружбу народов Советского Союза. Она создала единый великий советский народ»⁷⁰⁸. В отличие от начала 1930-х годов, когда все еще подчеркивалось, что в дооктябрьском историческом прошлом «великороссы, будучи в меньшинстве (43 % населения России), угнетали 57 % остального населения самым варварским, самым недопустимым образом»⁷⁰⁹, теперь утверждается нечто противоположное: «Много веков творил историю своей страны великий русский народ вместе с другими {148} народами России и во главе их вел героическую освободительную войну против насилий и издевательств над его прекрасной родиной со стороны бояр и царей, царских палачей, помещиков и капиталистов»⁷¹⁰. Оказалось, что и «русификаторская националистическая политика варварского царизма и буржуазии была всегда враждебна великому русскому трудовому народу — другу и организатору революционной борьбы трудящихся всех угнетенных национальностей против шайки Романовых, Пуришкевичей, Милюковых и Керенских»⁷¹¹.

Продолжателями антинародной политики в советское время изображались «злейшие враги народа — Троцкий, Бухарин с их бандитскими шайками, буржуазные националисты», которые «силились опорочить русскую культуру». О Н. И. Бухарине говорилось: «Иуда Бухарин в своей звериной вражде к социализму писал о русском народе как о “нации Обломовых”. Это была подлая клевета на русскую нацию, на мужественный, свободолюбивый русский народ». Русский народ закреплялся на месте «первого среди равных», почитаемого и любимого всеми другими народами СССР, из-за его «высоких революционных достоинств», «благородных качеств», «прекрасного языка», «замечательной, наиболее передовой культуры»⁷¹². Слово предвосхищая основные направления послевоенной кампании по борьбе за утверждение первенства русской культуры, автор энциклопедической статьи писал: «Русская литература и русское искусство занимают первое место среди самых совершенных образцов мирового человеческого гения. Нет такой отрасли мировой науки и человеческой деятельности, где бы русский народ не был представлен своими талантливейшими сынами»⁷¹³.

Здесь же присутствует и тема борьбы с антипатриотами и «низкопоклонниками», намеченная раньше и приобретающая уже явные признаки ксенофобии. Огульно утверждалось, например, что «“самодержцы всероссийские” с их придворными кликами из русских проходимцев и иностранных прохвостов (вроде “истинно русских” немцев Биронов, Бенкендорфов, Плеве, Ренненкампов, Врангелей и др.), выступавшие палачами-русификаторами, в действительности не только никогда не были патриотами страны русского народа, но всегда являлись заядлыми врагами русской культуры, презиравшими прекрасный, богатый и яркий русский язык, позорившими русское национальное достоинство»⁷¹⁴.

«НАРОД ПРИВЕТСТВУЕТ СВОЕ ГЕРОИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ»

Новая историческая концепция, утверждавшаяся в 1936—1937 годах, отнюдь не была лишь собы-

тием науки. В условиях подготовки к войне она становилась основой массовой пропаганды, героико-патриотического воспитания, духовной мобилизации населения на защиту Родины. Традиции Гражданской войны и пролетарской солидарности для Отечественной войны мало подходили. Новый подход к прошлому позволял многократно усилить классовое и интернациональное направление в идеологии историко-патриотическим. {149}

Этим целям служили и широчайшее чествование А. С. Пушкина как национальной гордости, славы русского народа, приуроченное к столетию (10 февраля 1937 г.) со дня его гибели⁷¹⁵, и выход на экраны в том же году кинофильма «Петр Первый». Пушкину окончательно простили его дворянское происхождение и придворный чин камер-юнкера. Кинофильм положил начало историко-патриотической теме в советском кинематографе. До этого образ царя подавался скорее в отрицательном плане: тиран, западник, пьяница, кровопийца (душил простой народ поборами, на его костях построил Петербург). В фильме все это отошло на задний план. Царь предстал прежде всего в образе прогрессивного деятеля, державостроителя, укрепителя государства Российского.

Провести такую точку зрения на Петра I автору сценария А. Н. Толстому и режиссеру В. М. Петрову было непросто. После публичной читки сценария, устроенной 10 мая 1935 года, по свидетельству писателя «множество всевозможных штатных „теоретиков“ от кино обрушили на нас самые разноречивые требования. Вихляющийся, истеричный Петр, которого нам навязывали, никак не совпадал с нашими замыслами. От нас требовали показать конечную неудачу, провал всей преобразовательной деятельности царя. Эти требования сводили, по существу, на нет наше стремление показать прогрессивное значение петровской эпохи для дальнейшего развития русской истории». В. М. Петров настаивал: «Совершенно ясно, что мы должны решительно покончить с пренебрежительным отношением к этой исключительной личности своего времени и категорически отбросить вульгарно-социологические воззрения некоторых наших историков... Мы должны создать образ не болезненного выродка императорской фамилии, не дебошира и пьяницы, каким часто изображали Петра I, а образ крупнейшего государственного деятеля и реформатора своей эпохи». Актер Н. К. Симонов, вспоминая о работе над образом царя, писал: «Этот образ сложен, многогранен. Мне хотелось показать историческую прозорливость Петра, его патриотизм, преданность исконным интересам России. Хотелось, чтобы в годы осложнившейся международной обстановки перед Отечественной войной, когда снимался фильм, каждый советский человек почувствовал величие и силу своей Родины»⁷¹⁶. Тем не менее осуществить замыслы создателей фильма удалось только после их обращения за помощью к И. В. Сталину. На встрече Сталина с Толстым и Петровым их концепция фильма была одобрена. После это Кинокомитет стал всячески помогать продвижению картины. Первая серия фильма вышла на всесоюзный экран 31 августа 1937 года и вызвала невероятный ажиотаж. Только в Москве за первые 11 дней показа фильм посмотрели 1 миллион 600 тысяч человек. Вторая серия вышла на экраны в марте 1939 года и была встречена с таким же воодушевлением, как и первая. Главные создатели фильма были награждены орденами Ленина и Сталинской премией⁷¹⁷.

В 1937 году в целях патриотического воспитания была использована также годовщина Отечественной войны 1812 года. 7 сентября состоялось открытие Бородинского исторического музея, приуроченное к 125-летию {150} войны с Наполеоном и сопровождаемое многочисленными статьями в газетах, прославлявшими в нарушение революционно-пролетарских традиций фельдмаршала Кутузова и других полководцев, еще недавно изображавшихся врагами трудящихся и реакционерами⁷¹⁸. Был придан надлежащий вид памятникам на полях великих сражений: Куликово поле, Полтава, Бородинское поле. «Великое прошлое русского народа в памятниках искусства и предметах вооружения» стало основной темой выставки, открытой в Эрмитаже 7 сентября 1938 года. История страны предстала перед зрителем в ее вещественном, документальном выражении, оживала на щитах и стендах. Среди полководцев, — как подчеркивалось в «Известиях», — особенно выделяется фигура фельдмаршала А. В. Суворова⁷¹⁹.

В ноябре 1938 года на экраны Союза был выпущен фильм «Александр Невский». Это был, как писала «Правда», «патриотический фильм о величии, мощи и доблести русского народа, его любви к родине, о славе русского оружия, о беззаветной храбрости в борьбе с захватчиками русской земли»⁷²⁰. Невский стал героем поэмы К. Симонова «Ледовое побоище» (написана в 1937 г., опубликована в начале 1938-го). Поэт наделил князя не только патриотическими, но и в какой-то мере ксенофобскими качествами. Немцы в представлениях князя, нарушая русскую границу, «влезают к нам под кровлю / За каждым прячутся кустом, / Где не с мечами — там с торговлей, / Где не с торговлей — там с крестом». Правда, сам поэт ксенофобом не был. Он не сомневался, что «не

нынче-завтра грохнет бой», советскому народу придется «одним движением вперед» пойти на защиту своей родины и в этих условиях германский народ покончит с фашизмом. Настанет час, когда этому «фашизм стяхнувшему народу / Мы руку подадим свою. / В тот день под радостные клики / Мы будем славить всей страной / Освобожденный и великий / Народ Германии родной»⁷²¹.

Большой общественный резонанс имела опера «Иван Сусанин», премьера которой состоялась в апреле 1939 года. В ее дореволюционном варианте («Жизнь за царя») Сусанин жертвовал своей жизнью ради спасения царя от пленения поляками в Смутное время. В новом варианте Сусанин спасает не царя, а Москву. Финальный эпизод (яркая толпа приветствует ликующим хором «Слава, слава!» вступающих на Красную площадь победителей во главе с Мининым и Пожарским) «Правда» представляла как «момент, когда зрители и артисты сливаются воедино, и кажется — одно огромное сердце бьется в зале. Народ приветствует свое героическое прошлое, своих витязей, своих бесстрашных богатырей. Чудесное, незабываемое мгновение»⁷²².

Значительным событием культурно-политической жизни столицы стала открытая в конце февраля 1939 года в Государственной Третьяковской галерее выставка, на которой впервые за годы советской власти были представлены свезенные из разных городов страны около 400 лучших полотен русских художников XVIII—XX веков, работавших в области исторической живописи (В. Васнецов, В. Верещагин, В. Перов, И. Репин, Г. Угрюмов и др.). Выставка, как отмечали газеты того времени, знакомила трудящихся «с великими событиями прошлого, с героизмом русского {151} народа, проявленным им в борьбе за независимость и свободу родины», имела «громадное политико-воспитательное значение», вселяла «в сердце посетителя воодушевление, уверенность в силах нашего могучего народа, на протяжении своей долгой истории не раз побеждавшего врагов и сумевшего отстоять свою независимость и свободу»⁷²³. В июле 1939 года торжественно отметили 230-летие разгрома шведов под Полтавой. В октябре того же года праздновали 125-летие со дня рождения «великого поэта-патриота» М. Ю. Лермонтова⁷²⁴.

Историческое и национальное самосознание народов СССР во многом обогащалось творчеством советских писателей. Во второй половине 1930-х годов они все чаще обращались к созданию образов выдающихся государственных и военных деятелей прошлого, к раскрытию поворотных событий в истории страны и отдельных народов. Наибольшую известность тогда получили роман А. Толстого «Петр Первый» (1929—1945) и пьеса «Петр I» (1934). Героической историей русского народа были вдохновлены поэмы К. Симонова «Суворов» (1939) и «Ледовое побоище» (1940), роман С. Бородина «Дмитрий Донской» (1941). Трагические страницы русской истории получили художественное освещение в историческом романе В. Яна «Чингис-хан» (1939). Высоким духом патриотизма были пронизаны романы «Цусима» (1932—1935; 1940) А. Новикова-Прибоя, «Севастопольская страда» (1937—1939) С. Сергеева-Ценского, «Порт-Артур» (1940—1941) А. Степанова, хотя в основе их сюжетов лежало военное поражение царской России. Движения народов России за свое социальное и национальное освобождение раскрывались через образы вожаков народной борьбы в романах «Емельян Пугачев» (1938—1945) В. Шишкова, «Гулящие люди» (1934—1937) А. Чапыгина, «Наливайко» (1940) Ивана Ле, «Иван Богун» (1940) Я. Качуры. Культурно-исторические и патриотические мотивы составляли содержание романов «Десница великого мастера» (1939) К. Гамсахурдиа, «Великий Моурави» (1937—1939) А. Антоновской⁷²⁵.

Как известно, в формировании национального чувства и сознания огромную роль играет приобщенность к истории и традициям своего народа. Достигается это при помощи торжественных мероприятий и празднеств, регулярно напоминающих о судьбоносных для данного народа исторических победах, деяниях выдающихся людей, датах их рождения и смерти, посредством национального способа совершения религиозных обрядов, при помощи исторических, художественных, мемориальных музеев. Чувство принадлежности к нации формируется столь же регулярным приобщением к произведениям искусства и архитектуры, созданным на данной территории людьми, идентифицировавшими себя с данной нацией⁷²⁶. Все это в полной мере учитывалось и для сплочения единого советского народа во второй половине 1930-х годов. Историко-патриотические чувства советских людей формировались учебными пособиями, кинофильмами, спектаклями, музейными экспозициями и выставками, литературными произведениями — всеми средствами науки, литературы и искусства. В результате народ не только все больше стремился к познанию и осмыслению {152} прошлого, но и проникался готовностью к вооруженной защите Отечества. «Мы уже давно, товарищи, фронтовые солдаты... и мы должны поступать, как на войне», — передавал атмосферу того времени актер Н. Охлопков. Вспоминать в прошлое, по его словам, было необходимо, чтобы «различать шквалы народного гнева против угнетателей и бури народной любви к своей отчизне, к свободе»⁷²⁷.

В ходе кампании по пересмотру истории переоценивались взаимоотношения русского народа с народами, вошедшими в состав Советского Союза, и с народами соседних государств. Еще в 1931 году И. В. Сталин заявлял, что «старую Россию» на протяжении всей ее истории будто бы «непрерывно били» (и монгольские ханы, и турецкие бейи, и шведские феодалы, и польско-литовские паны, и англо-французские капиталисты, и японские бароны)⁷²⁸, но уже с 1934 года история все той же России становится чередой блестящих побед и самоотверженной борьбой за них. Если до 1930-х годов Российская империя официально признавалась «тюрьмой народов», а активная завоевательная политика Российского государства осуждалась как «колониальная», то в «Кратком курсе истории СССР» при освещении истории взаимоотношений России с вошедшими в ее состав нерусскими народами утверждалась мысль о цивилизаторской роли Русского государства, способствовавшего преодолению вековой отсталости многих наций и народностей, подчеркивалось, что «передовые люди» окраинных народов всегда стремились к объединению с Россией. В этом отношении Советский Союз выглядел преемником России, что позволило многим исследователям говорить о восстановлении националистических, «имперско-русских» традиций, еще недавно (в 1920-е годы) называвшихся «великорусским шовинизмом». Существенно трансформировался идеал исторического деятеля, находившегося в центре внимания и профессиональных исследований, и художественно-исторической литературы. Если в 1920-е годы ее главным героем был революционер, вождь народных масс, декабрист, рабочий на баррикадах, то в 1930—1940-е годы, когда революционная тема осталась, но несколько отодвинулась на второй план, важнейшими, «сюжетообразующими» стали образы государственных деятелей и защитников страны. Иногда эти две роли соединялись в одной личности (Петр I, Иван Грозный, Александр Невский, Дмитрий Донской), иногда оставалась одна из них — военная (А. В. Суворов, М. И. Кутузов, П. А. Багратион). В ряде художественных произведений «без главного героя» повествование было построено на изображении многих солдат и матросов, благодаря чему в сознании читателя формировался собирательный образ мужественного и самоотверженного русского воина, который и был в данном случае главным героем («Цусима», «Севастопольская страда», «Порт-Артур»)⁷²⁹.

КАК ПАТРИОТИЗМ ОТДЕЛЯЛИ ОТ «КУЗЬМА-КРЮЧКОВЩИНЫ»

Искренние приверженцы пролетарского интернационализма, вернее, его левацко-радикального понимания как *социалистического космополитизма* (по терминологии 1920-х годов⁷³⁰), воспринимали вполне обозначившуюся {153} тенденцию отхода от «принципов коммунизма» в национальном вопросе как пагубную идеологическую и политическую ошибку. Литературовед В. Блюм, влиятельный консультант драмсекции Союза советских писателей, и в начале 1939 года оставался при убеждении, что основные постулаты Покровского должны быть сохранены при оценке художественных произведений. Усмотрев в пьесе В. Соколовой «Илья Муромец» переключку с современностью, «своеобразное выражение идеи народного антифашистского фронта», он одобрительно заключил: «И пусть здесь политика откинута в прошлое — в историческом искусстве (М. Н. Покровский был не прав, когда санкционировал это как метод науки истории) это дело *законное и необходимое*»⁷³¹. Вызванный на беседу в отдел ЦК партии, Блюм пытался показать консультанту отдела порочность замысла и идеи кинокартин «Александр Невский» и «Петр Первый», оперы «Иван Сусанин», пьесы «Богдан Хмельницкий», поскольку они искаженно освещают исторические события, подделывают их под лицо современности. Пропаганда советского патриотизма в искусстве, по мнению Блюма, сплошь и рядом подменялась пропагандой расизма и национализма в ущерб интернационализму. Блюм не видел ничего прогрессивного в объединении Украины с Россией: Украина, освободившись от угнетения ее Польшей, попала под иго царской России, только и всего. Образ Хмельницкого, по мнению Блюма, нельзя было показывать с положительной стороны, поскольку действительный Хмельницкий подавлял крестьянские восстания и являлся организатором еврейских погромов. Блюм выражал недоумение — почему сейчас так много идет разговоров о силе русского оружия в прошлом, которое служило средством закабаления и угнетения других народов⁷³². Не получив поддержки в ЦК партии, В. Блюм продолжал публично утверждать, что пьесу «Богдан Хмельницкий» А. Корнейчука охотно рекомендовал бы самый реакционный министр народного просвещения Николая П. А. Шварц; что Пуришкевич, Гучков и Милюков облобызали бы авторов пьесы «Ключи Берлина», «глумливо отзывался» о Сергее Эйзенштейне. «Это переходит уже в политическое хулиганство», — писала «Литературная газета»⁷³³.

31 января 1939 года В. Блюм прочитал в «Правде» сообщение о возможном советско-германском сближении и увидел в этом проявление «мудрой и подлинно интернациональной» ста-

линской внешней политики. В письме, написанном по этому случаю самому Сталину, литературовед обращал внимание на «нездоровое течение в советско-патриотических настроениях», находящееся «в вопиющем противоречии» с теорией по национальному вопросу. Надо было, как полагал Блюм, положить конец искажениям характера социалистического патриотизма, «который иногда и кое-где начинает у нас получать все черты расового национализма»; прекратить погоню «за “нашими” героями в минувших веках»; осудить антигерманскую и антипольскую направленность фильма «Александр Невский», оперы «Жизнь за царя», пьесы «Богдан Хмельницкий»; приструнить «новоявленных “немцеедов”, “полякоедов”, “японоедов” и т.п. рыцарей уродливого якобы социалистического *расизма!*», которые «не могут понять, что бить {154} врага — фашиста мы будем отнюдь не его оружием (расизм), а оружием гораздо лучшим — интернациональным социализмом»⁷³⁴.

Огульная критика, стремление опорочить чуть ли не всякое произведение на патриотическую советскую и историческую тему, случаи издевательств над ними, как якобы олицетворением квасного патриотизма, «кузьма-крючковщины», видимо, проявлялись не столь уж редко⁷³⁵. И. Эренбурга, например, по свидетельству М. Кольцова, «приводила в ярость популяризация истории русского народа. В этом он видел проявление реакционного шовинизма: “Александра Невского уже произвели в большевики, теперь очередь за святым Сергием Радонежским и Серафимом Саровским — это производит за границей отвратительное впечатление”»⁷³⁶.

Как верно отмечалось в одной из газет, «под шумок дискуссии пытались брать реванш по следы вульгарной социологии», для которых Александр Невский был лишь «созвучный феодал»; Богдан Хмельницкий — лишь «представитель феодальной верхушки»; Петр I — царь, и только; Пушкин — царский придворный, которого следовало бы изображать не иначе как в камер-юнкерском мундире. Приходилось урезонивать ретивых приверженцев социалистического космополитизма, напоминать, что отношение большевиков к патриотизму «сейчас, когда мы обрели свою родину, далеко не таково, как во времена Кузьмы Крюčkова, когда ленинцы стояли на пораженческих позициях»⁷³⁷.

Под «кузьма-крючковщиной» имелась в виду пропагандистская кампания, прославлявшая донского казака К. Ф. Крюčkова (1890—1919) как народного героя мировой войны и обладателя первого за время войны Георгиевского креста. В августе 1939 года было выпущено специальное постановление ЦК ВКП(б), осуждающее «вредные тенденции огульного охаивания патриотических произведений... под флагом борьбы с пресловутой “кузьма-крючковщиной” либо под флагом “высоких эстетических требований”»⁷³⁸.

Итоги войны с Финляндией еще раз высветили «отрицательные моменты» в подготовке Красной Армии к современной войне. В докладе начальника Главного политуправления РККА Л. З. Мехлиса отмечалось: «Слабо изучается военная история, в особенности русская. У нас неправильное охаивание старой армии, а между тем мы имели таких замечательных генералов царской армии, как Суворов, Кутузов, Багратион, которые останутся всегда в памяти народа как великие русские полководцы и которых чтит Красная Армия, унаследовавшая лучшие боевые традиции русского солдата. Эти выдающиеся полководцы забыты, их военное искусство не показано в литературе и остается неизвестным командному составу... Все это приводит к игнорированию исторического конкретного опыта, а между тем самый лучший учитель — это история»⁷³⁹.

ПРЕВЕНТИВНЫЙ УДАР ПО ПОТЕНЦИАЛУ «ПЯТОЙ КОЛОННЫ»

Идеологическая кампания, связанная с принятием новой Конституции СССР и проведением первых выборов на ее основе, стала своеобразной ширмой, скрывавшей до предела обостренную к этому времени борьбу {155} с инакомыслием в партии и в стране в целом. Истоки ее следует искать в стремлении И. В. Сталина и его окружения исключить возникновение новых оппозиций (и объединения их со старыми) в условиях проведения в жизнь дерзостных, порой авантюристических планов перестройки страны. Конфронтация в начале коллективизации с основной массой крестьянства также заставляла обратиться к испытанному ранее оружию — «красному террору» против «классовых врагов». Оправданием решительных мер стала необходимость быть во всеоружии перед угрозой со стороны гитлеровской Германии.

Раскручивание маховика репрессий в отношении оппозиционеров началось в 1932 году, когда приобрели известность материалы «Союза марксистов-ленинцев» во главе с М. Н. Рютиным. «Партия и пролетарская диктатура Сталиным и его кликой заведены в невиданный тупик и переживают смертельно опасный кризис», — утверждалось в обращении этой организации «Ко всем

членам ВКП(б)». В октябре 1932 года члены Союза были осуждены к различным срокам заключения и ссылки. По этому делу были вновь исключены из партии и отправлены в ссылку Л. Б. Каменев и Г. Е. Зиновьев, обвиненные в том, что они были ознакомлены с платформой Союза, но не донесли об этом. Тогда же, в конце 1932 года, на основании доноса о намерении «убрать Сталина» были обвинены старые большевики Н. Б. Эйсмонт, А. П. Смирнов и В. Н. Толмачев. За контакты с этими обвиняемыми подверглись очередной проработке бывшие «уклонисты» А. И. Рыков и М. П. Томский⁷⁴⁰.

Казалось бы, XVII съезд партии свидетельствовал об окончательном утверждении Сталина на вершине властной пирамиды и о выходе из периода чрезвычайной политики. Однако на съезде были продемонстрированы явные симпатии влиятельных секретарей обкомов и ЦК республиканских компартий С. М. Кирову — члену Политбюро с 1930 года и новому секретарю ЦК партии, одновременно остававшемуся секретарем ленинградских обкома и горкома ВКП(б). Возникли подозрения о возможности объединения оппозиции Сталину вокруг этой фигуры. 1 декабря 1934 года при невыясненных обстоятельствах Киров был убит. Видимо, к этому же времени созрел план физического устранения всех действительных и вероятных противников Сталина, могущих стать организаторами и потенциалом, как стали говорить позднее, «пятой колонны», действующей в случае войны на стороне вражеской армии.

Громкое убийство было использовано для начала реализации плана. Официальным стал тезис, что «враги народа» проникли во все партийные, советские, хозяйственные органы, в руководство Красной Армии. В 1936—1938 годах прошли судебные процессы по делам «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» (август 1936 г., главные обвиняемые Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Г. Е. Евдокимов), «Параллельного антисоветского троцкистского центра» (январь 1937 г., главные обвиняемые Ю. Л. Пятаков, Г. Я. Сокольников, К. Б. Радек), «Антисоветской троцкистской военной организации в Красной Армии (июнь 1937 г., главные обвиняемые {156} М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич, И. Э. Якир), «Правотроцкистского антисоветского блока» (март 1938 г., главные обвиняемые Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, Г. Г. Ягода). В результате этих и других процессов были физически ликвидированы значительная часть старой большевистской («ленинской») гвардии и многочисленные представители партийного и государственного аппарата, заподозренные в нелояльности и непригодности решать встававшие перед страной проблемы.

Репрессии 1930-х годов выросли, по существу, из старого идейного спора, возникшего между сталинистами и оппозицией после смерти Ленина. Внешне он шел между сторонниками Троцкого, считавшими невозможной победу революции в России без победы мировой революции, и сторонниками Сталина, тоже верившими в мировую революцию, но взявшими курс на построение социализма сначала в одной стране и превращение ее в мощный фактор победы мировой революции. Сама логика идеи «социализма в одной стране» уже в 1934 году привела к сознанию того, что он невозможен без опоры на наиболее многочисленный в СССР русский народ, его патриотизм и национальные традиции. Логика требовала выдвижения во власть нового слоя людей, героев строительства социализма в одной стране. Изменения в эшелонах власти были результатом неизбежной реакции подавляющей части коренного населения страны на интернационалистические, космополитические эксперименты 1920-х и 1930-х годов, которые игнорировали национальный фактор. С другой стороны, чистки 1936—1938 годов можно рассматривать как один из последних этапов Гражданской войны⁷⁴¹.

Участие Сталина в этой войне современный историк-публицист представляет так: «Сначала он использовал троцкистов, чтобы разгромить белую эмиграцию, сломить сопротивление кулачества и провести коллективизацию. Когда эта задача была решена, Сталин использовал “правых уклонистов-бухаринцев”, чтобы разгромить троцкистов, а чуть позже против самих “правых уклонистов” бросил партийный аппарат... Наконец, руками НКВД Сталин нанес удар по троцкистским центрам в руководстве РККА и партийного аппарата. В итоге этого великого побоища к концу 1938 года весь послереволюционный космополитический класс был разгромлен... С приходом в НКВД Берии в кадры наркомата призвали молодежь... коренных для СССР национальностей. Эта молодая смена... провела финальную чистку в НКВД и партийных органах от действительно виновных в репрессиях представителей старого большевистского аппарата... Итоги “сталинских репрессий” показали, что их основным содержанием было не устрашение народа со стороны бюрократии, но напротив — борьба народа под руководством Сталина против огромной и до предела агрессивной паразитической прослойки»⁷⁴².

Согласно официальным данным, опубликованным в сборнике документов «Реабилитация: как это было», в ходе очередного «обострения классово-борьбы»⁷⁴³ за 1936 год по делам НКВД были

приговорены к расстрелу 1118 человек. В последующие два года «большого террора» число репрессированных достигло своего пика. В 1937 году — 353 074 приговоренных к расстрелу, {157} в 1938 году — 328 618⁷⁴⁴. Это означало, что на каждый день приходилось в среднем по 3, 970 и 900 смертных приговоров соответственно. Жертвами массового террора становились не только руководители партийных, советских, хозяйственных, военных структур, но и многие рядовые члены партии, деятели науки и культуры, инженеры, рабочие, колхозники. В. М. Молотов, оправдывая эти репрессии, утверждал позднее, что 1937 год был необходим. «Если учесть, что мы после революции рубили направо-налево, одержали победу, но остатки врагов разных направлений существовали и перед лицом грозящей опасности фашистской агрессии они могли объединиться. Мы обязаны 37-му году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны». Даже подследственному Н. И. Бухарину, судя по его декабрьскому (1937 г.) письму Сталину, «большая и смелая политическая идея генеральной чистки», захватывающая «виновных, подозрительных и потенциально-подозрительных», представлялась оправданной «в связи с предвоенным временем и переходом к демократии»⁷⁴⁵. Да и рубка-чистка сама по себе вряд ли смущала Бухарина. Он и сам был скор на расправу, причем на расправу глобального масштаба. В 1920 году призывал: «Надо совершить коренную ломку — до самых глубин. В течение пятидесяти лет уничтожить все непролетарские элементы. Если же рабочий класс будет не соответствовать общепролетарским задачам — расстреливать и рабочих»⁷⁴⁶.

Новый нарком внутренних дел Л. П. Берия, назначенный 25 ноября 1938 года вместо отставленного, а затем обвиненного в заговоре Н. И. Ежова, начинал свою деятельность с амнистий. В 1939 году «за контрреволюционные и государственные преступления» были приговорены к смерти 2552 человека (7 человек в день), в 1940 году — 1649 человек (4—5 человек в день), в 1941 году, включая военное полугодие, — 8001 человек (24 человека в день). Масштабы репрессий сокращались⁷⁴⁷. Видимо, есть некоторый резон и в суждениях Молотова и Бухарина. Но очевидно и другое. В результате репрессий, завершивших «революцию сверху», в стране окончательно утвердился режим личной власти Сталина, который умел подчиняться социальным и экономическим реальностям, но и в дальнейшем широко использовал страх и насилие наряду с иными методами управления обществом. Установившийся в СССР в конце 1930-х годов режим без авторитарного и дальновидного лидера сталинского типа не мог быть сколько-нибудь эффективным.

Многие из репрессированных погибли по обвинениям в национал-уклонизме, национализме, сепаратизме, намерениях раздробить Советский Союз на ряд независимых государств⁷⁴⁸. В ноябре 1937 года нарком внутренних дел Н. И. Ежов обращал внимание И. В. Сталина на показания арестованного А. И. Рыкова, согласно которым, он в 1932—1933 годах обсуждал с Н. И. Бухариным и М. П. Томским национальную политику правых на случай прихода их к власти. «Было решено: во всех национальных республиках, входящих в СССР, провести “всенародный” плебисцит по вопросу о том, желает ли та или иная республика оставаться в Советском Союзе или, напротив, выйти из него. Проведение этого плебисцита предполагалось {158} возложить на буржуазные националистические контрреволюционные организации, с которыми к этому времени был заключен блок для совместной борьбы с партией»⁷⁴⁹. Тщательно отмечались и другие моменты, которые свидетельствовали о попытках нарушить сложившиеся национально-государственное устройство и национальные отношения, упоминания о повышении роли национальных республик, о предоставлении больших прав и самостоятельности нациям в составе СССР. При обвинениях и расправах с руководителями партийных и советских органов национальных республик, автономных областей наряду с обвинениями в участии в т.н. правотроцкистских формированиях на первый план выдвигалось обвинение о создании различных националистических организаций.

В разосланном на места циркуляре ГУГБ НКВД о работе по антисоветским тюрко-татарским националистическим организациям (июнь 1937 г.) отмечалось, что «за последнее время в восточных национальных республиках и областях (Азербайджан, Крым, Татария, Узбекистан, Таджикистан, Казахстан) значительно возросла активность националистических элементов, ведущих подпольную антисоветскую деятельность. К ним относились бывшие представители партий и общественных движений: “Алашорда” в Казахстане, “Мусават” в Азербайджане, “Милли-Фирка” в Крыму, “Милли-Иттихад” в Узбекистане». Утверждалось, что «все эти националистические организации ставили своей целью вооруженное отторжение национальных республик от СССР и создание единого тюрко-татарского государства»⁷⁵⁰. В циркуляре утверждалось, что националистические организации осуществляют «захват руководящих постов в партийно-советском аппарате в целях расширения фронта борьбы с ВКП(б) и советской властью». Документ явился конкретным планом для местных управлений госбезопасности в борьбе с «националистическими элементами».

Вскоре многие бывшие и настоящие участники «националистических движений и организаций» были арестованы⁷⁵¹.

Репрессии по обвинениям в национализме, шпионаже, измене родине напрямую связывались с ощущением надвигающейся войны, со страхом перед «пятой колонной», с представлениями о враждебном окружении, под которым, кроме Германии, подразумевались в первую очередь страны, граничащие с СССР. Идеи национального и государственного патриотизма, военно-государственного противостояния, которые стали все в большей мере определять национальную политику с середины 1930-х годов, отодвинули на задний план традиционные схемы классовой борьбы и во многом обусловили жестокость репрессий против всех, кто был прямо или косвенно связан с государствами «враждебного окружения»⁷⁵². Отношение к немцам и японцам — гражданам стран вероятного противника было с вызывающей откровенностью выражено в газете «Journal de Moscou», издававшейся в Москве 35-тысячным тиражом⁷⁵³ и распространявшейся за рубежом. «Не будет ни в коем случае преувеличением, если сказать, что каждый японец, живущий за границей, является шпионом, так же как и каждый немецкий гражданин, живущий за границей, является агентом гестапо»⁷⁵⁴. {159}

20 июля 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) постановило «дать немедленно приказ по органам НКВД об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах... О ходе арестов и количестве арестуемых сообщать сводки (ежедневные) в ЦК»⁷⁵⁵. Соответствующий приказ, касающийся всех германских подданных, был издан и введен в действие по телеграфу 25 июля. 30 июля был подписан второй приказ, касавшийся уже советских граждан немецкой национальности⁷⁵⁶. В августе появились аналогичные решения и приказ относительно поляков, а затем и относительно корейцев, латышей, эстонцев, финнов, греков, китайцев, иранцев, румын⁷⁵⁷. Под нож репрессий попали 30 938 советских граждан, ранее работавших на Китайско-Восточной железной дороге и вернувшихся в СССР после ее продажи в 1935 году. Вся эта группа лиц получила нарицательное имя «харбинцы». Из приказа НКВД от 20 сентября 1937 года следовало, что харбинцы в подавляющем большинстве являются агентурой японской разведки и подлежат осуждению в трехмесячный срок⁷⁵⁸. 23 октября был издан приказ, в котором делался упор на то, что агентура иностранных разведок переходит границу под видом лиц, ищущих политического убежища, и предлагалось: «Всех перебежчиков, независимо от мотивов и обстоятельств перехода на нашу территорию, немедленно арестовывать»⁷⁵⁹. Таким образом, предавались суду и профессиональные революционеры, ответственные работники компартий, переходившие на территорию СССР в поисках лучшей жизни. По данным комиссии П. Н. Поспелова, работавшей перед XX съездом партии, в результате выполнения названных выше приказов к 10 сентября 1938 года было рассмотрено дел на 227 986 человек, в том числе осуждены к расстрелу 172 830 человек (75,8 %), к разным мерам наказания — 46 912 человек (20,6 %), передано на рассмотрение судов 3120 и возвращено к доследованию на 5124 человека⁷⁶⁰.

Репрессии по национальному признаку не обошли и Красную Армию. 10 марта 1938 года Г. М. Маленков поручил Л. З. Мехлису подготовить списки армейских коммунистов — поляков, немцев, латышей, эстонцев, финнов, литовцев, болгар, греков, корейцев и представителей других национальностей, имевших государственные образования за пределами СССР⁷⁶¹. Указание было выполнено, и 24 июня того же года была издана директива наркома обороны, согласно которой, из армии подлежали увольнению военнослужащие всех «национальностей, не входящих в состав Советского Союза». В первую очередь увольнялись все родившиеся или проживающие за границей, а также имеющие там родственников. Лица командно-начальствующего состава увольнялись из армии по приказам, имеющим особую нумерацию. После номера приказа за косой скобкой следовали буквы «оу» (например: Приказ № 115/оу), означавшие «особый учет». Уволенные с таким шифром (его называли «шифром Б. М. Фельдмана», по фамилии начальника управления по комначсоставу РККА) по прибытии на место жительства арестовывались. В числе уволенных с таким шифром были серб начдив Данило Сердич и поляк комбриг К. К. Рокоссовский⁷⁶². {160}

По неполным сведениям (без данных по Киевскому и Забайкальскому округам, по Тихоокеанскому флоту и Дальневосточной флотилии), особыми отделами было выявлено 13 тысяч подлежащих увольнению «националов», 4 тысячи из которых уволены, 2 тысячи из числа уволенных арестованы⁷⁶³. По директиве Наркомата обороны от 21 июня 1938 года из армии были уволены 863 политработника польской, немецкой, латышской, литовской, эстонской, китайской национальности⁷⁶⁴. В июне — июле 1938 года производилась чистка армии по анкетным признакам (рождение, проживание или наличие родственников за границей). Из армии были уволены

(и почти сразу в большей части арестованы) не только практически все военнослужащие и вольнонаемные «иностранных национальностей», но и немалое число представителей «национальностей Советского Союза»⁷⁶⁵. Согласно «Справке о числе уволенного начсостава РККА (без политсостава) в 1938 году по национальности», составленной в ноябре 1939 года в Управлении по командному и начальствующему составу РККА, всего за год были уволены 4138 командиров. Наибольшую часть уволенных составляли поляки (26,6 %), латыши (17,3 %), немцы (15 %) и эстонцы (7,5 %). Далее шли литовцы (3,7 %), греки (3,1 %), корейцы (2,9 %), финны (2,6 %), болгары (1,2 %). Среди уволенных были также венгры, чехи, румыны, шведы, китайцы — представители наций, «не входивших в состав народов СССР», и 710 человек (17,2 %) родившихся за пределами СССР русских, украинцев, белорусов, евреев и представителей других национальностей Союза ССР⁷⁶⁶.

Аналогичным образом начиналась чистка другой силовой структуры. Н. И. Ежов, назначенный на пост наркома внутренних дел 26 сентября 1936 года, отмечал: «Придя в органы НКВД... начал свою работу с разгрома польских шпионов, которые пролезли во все отделы органов ЧК»⁷⁶⁷. В мае 1938 года ЦК партии дал указание об удалении из органов всех сотрудников, имеющих родственников за границей и происходивших из мелкобуржуазных семей⁷⁶⁸. Массовая чистка органов госбезопасности была произведена после утверждения наркомом Л. П. Берии (25 ноября 1938 г.). В 1939 году из органов госбезопасности были уволены 7372 человека (каждый пятый оперативный работник) и взяты на оперативные должности 14,5 тысячи человек. Из руководящего состава НКВД (наркомы внутренних дел СССР и их заместители, начальники управлений и отделов центрального аппарата НКВД, наркомы внутренних дел союзных и автономных республик, начальники УНКВД краев и областей общей численностью 182 человека) исчезли поляки, латыши и немцы. Значительно сократилось число евреев (с 39,1 % на 1 октября 1936 г. и 21,3 % на 1 сентября 1938 г. до 3,5 % к концу 1939 г.⁷⁶⁹), места которых были замещены преимущественно русскими, украинцами, грузинами. Среди сотрудников центрального аппарата НКВД, насчитывавшего к началу 1940 года около 3,7 тысячи человек, русских было 3073 человека (84 %), украинцев — 221 (6 %), евреев 189 (5 %), белорусов — 46 (1,25 %), армян — 41 (1,1 %), грузин — 24 (0,7 %), а также представители татар, мордвы, чувашей, осетин и др.⁷⁷⁰{161}

Военными соображениями были продиктованы и решения об «очищении» приграничной полосы от проживавшего там населения, этнически родственного народам сопредельных стран, и других неблагонадежных граждан. В апреле 1936 года СНК СССР принял решение о переселении из Украины в Казахстан 15 тысяч хозяйств (45 тысяч человек) поляков и немцев. В 1937 году из районов Дальнего Востока были депортированы в Казахстан и Узбекистан 172 тысяч корейцев, несколько сот поляков, 11 тысяч китайцев. В этом же году из пограничной полосы Армении, Азербайджана, Туркмении, Узбекистана и Таджикистана в глубь страны переселялись 1325 граждан курдской национальности⁷⁷¹. Продолжалась очистка западного пограничья Украины и Белоруссии. В ноябре 1938 года началось переселение иранцев из приграничных районов Азербайджана. В последующие годы (особенно с включением в СССР Западной Украины и Западной Белоруссии, республик Прибалтики и Молдавской ССР, увеличившим население страны на 22 миллиона 599,8 тысячи человек и заметно изменившим национальный состав ее населения⁷⁷²) политика депортаций получила дальнейшее развитие.

Наибольшую часть нового контингента депортированных составляли «польские осадники и беженцы». Осадниками называли переселенцев из Польши, в основном, бывших военнослужащих польской армии, отличившихся в войне против Советской России в 1920 году и получивших в связи с этим землю в районах, населенных украинцами и белорусами. Кроме того, они выполняли определенные полицейские функции в отношении местного украинского и белорусского населения. Всего в 1940—1941 годах из Западной Украины и Западной Белоруссии, а также из Литвы были депортированы более 380 тысяч поляков. Наряду с поляками в ссылку были отправлены «осадники и беженцы» других национальностей. По данным на 1 апреля 1941 года, среди 177 043 депортированных осадников и беженцев, на которых имелись сведения о национальной принадлежности, были 54,6 % поляков, 33,3 % евреев, 5,3 % украинцев, 5,1 % белорусов. Незадолго до начала Великой Отечественной войны (главным образом 13 и 14 июня 1941 г.) было осуществлено выселение «антисоветских элементов» из Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Правобережной Молдавии. Большинство (85 716 человек) депортированных были расселены в Новосибирской области (22,5 %), в Алтайском крае (20,4 %), в Красноярском крае (20,5 %), в Казахской ССР (18 %), в Омской области (13,5 %), в Коми АССР (3,6 %), в Кировской области (2,4 %)⁷⁷³.

Растущей подозрительностью в отношении всех, кто был прямо или косвенно связан с враждебными Советскому Союзу государствами, была вызвана ликвидация многих культурно-образовательных и территориально-управленческих институций нацменьшинств. Г. М. Маленков, под руководством которого готовились документы по этому вопросу, 29 ноября 1937 года писал: «Сейчас полностью установлено, что в ряде случаев национальные районы были созданы по инициативе врагов народа для того, чтобы облегчить успешное развертывание своей контрреволюционной, {162} шпионско-вредительской работы»⁷⁷⁴. (По результатам специального исследования, число «национальных» районов, то есть населенных национальными меньшинствами, на 15 июля 1934 года составляло свыше 240, а национальных сельских советов — свыше 5300⁷⁷⁵. Более поздних официальных данных по этому вопросу не публиковалось⁷⁷⁶.)

1 декабря 1937 года Оргбюро ЦК рассмотрело вопрос «О ликвидации национальных районов и сельсоветов» и признало «нецелесообразным дальнейшее существование как особых национальных районов, так и сельсоветов». В обосновании этого решения указывалось, что «в ряде областей и краев искусственно созданы различные национальные районы и сельсоветы (немецкие, финские, корейские, болгарские и др.), существование которых не оправдывается национальным составом их населения. Больше того, в результате специальной проверки выяснилось, что многие из этих районов были созданы врагами народа с вредительскими целями. Буржуазные националисты и шпионы, пробравшиеся на руководящие посты в этих районах, проводили антисоветскую работу среди населения, запрещали в школах преподавание русского языка, задерживали выпуск газет на русском языке и т.п.». Постановление предписывало местным партийным комитетам к 1 января 1938 года представить в ЦК ВКП(б) предложения о ликвидации этих районов путем реорганизации в обычные районы и сельсоветы⁷⁷⁷. Весь 1938 год шел процесс реорганизации районов. 16 февраля 1939 года Оргбюро ЦК утвердило постановления местных обкомов об этой реорганизации⁷⁷⁸. Решение Оргбюро «О ликвидации и преобразовании искусственно созданных национальных районов и сельсоветов» окончательно было утверждено на заседании Политбюро 20 февраля 1939 года⁷⁷⁹. В те же годы были ликвидированы некоторые из национальных округов (Витимо-Олекминский и Аргаяшский в Читинской области, Карельский в Калининской области)⁷⁸⁰. В результате численность национальных округов, районов и сельских советов в стране существенно уменьшилась⁷⁸¹.

Раньше национальные районы рассматривалось едва ли не в первую очередь как средство для распространения идеи мировой революции через национальные диаспоры в приграничных регионах. В условиях избавления от утопии, совпавшего с ужесточением репрессивного режима, отношение к ним кардинально изменилось. На них стали смотреть не столько как на проводников революционных идей, сколько как на потенциальную «пятую колонну», готовую в случае войны выступить заодно с зарубежным ядром своего народа.

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ НА ВОЙНЕ

Вместе с национальными районами решалась и судьба национальных школ в этих районах. Решением Оргбюро ЦК ВКП(б) «О национальных школах» от 1 декабря 1937 года было признано вредным «существование особых национальных школ (финские, эстонские, латышские, немецкие, английские, греческие и др.) на территории соответствующих республик» и предложено {163} «реорганизовать указанные школы в советские школы обычного типа». Наркомпросу РСФСР предписывалось «представить в ЦК ВКП(б) предложения о ликвидации национальных педтехникумов, домов просвещения и др. культурно-просветительных учреждений»⁷⁸². В обосновании постановления Оргбюро ЦК от 24 января 1938 года «О реорганизации национальных школ», так же как и в случае с национальными районами, делалась ссылка на проверку ЦК ВКП(б), показавшую, что «враждебные элементы, орудовавшие в наркомпросах союзных и автономных республик, насаждали особые национальные школы (немецкие, финские, польские, латышские, английские, греческие, эстонские, ижорские, китайские и т. п.), превращая их в очаги буржуазно-националистического влияния на детей. Практика насаждения особых национальных школ наносила огромный вред делу правильного обучения и воспитания, отгораживала детей от советской жизни, лишала их возможности приобщения к советской культуре и науке, преграждала путь к дальнейшему получению образования в техникумах и высших учебных заведениях». Учитывая все это, ЦК предлагал: «а) Реорганизовать особые национальные школы (немецкие, финские, польские, латышские, эстонские и др.) в советские школы обычного типа, а также ликвидировать существующие при обычных советских школах особые национальные отделения; б) ... Необходимо

особые национальные школы реорганизовать путем перевода их на учебные планы и программы советских школ обычного типа, с преподаванием или на языке соответствующей республики, или на русском, обеспечив эти школы учителями, произведя с осени 1938 года прием в эти школы детей и других национальностей... г) Наркомам просвещения союзных республик лично утвердить сроки, а также порядок реорганизации каждой особой национальной школы, закончив всю работу к началу учебного года, т.е. до 1 августа 1938 года; д) ЦК ВКП(б) обязывает ЦК нацкомпартий сообщить ЦК ВКП(б) о ходе выполнения настоящего указания не позднее 15 июля 1938 года»⁷⁸³.

Такая же судьба постигла и высшие школы для нацменьшинств, в которых долгое время готовились кадры для революции и партийно-государственного аппарата. В 1936 году был расформирован Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (имел секторы: литовский, еврейский, латышский, немецкий, польский, румынский, белорусский, болгарский, итальянский, молдавский, югославский, эстонский, финский), в 1938 году закрыт Коммунистический университет трудящихся Востока. Многие преподаватели и студенты университетов были арестованы⁷⁸⁴. Стремлением отгородиться от враждебного окружения было продиктовано решение Оргбюро ЦК от 9 июня 1938 года о ликвидации существовавшего при Наркомпросе Союза эсперантистов СССР. В обоснование этого шага утверждалось, что «переписка между эсперантистами СССР и капиталистических стран проходит без надлежащего контроля, что позволяет использовать эсперанто для шпионской и контрреволюционной работы»⁷⁸⁵. Многие эсперантисты были арестованы в 1937 году по обвинению в шпионаже и «троцкистском эсперантистском заговоре»⁷⁸⁶. {164}

Перевод бывших школ национальных меньшинств народов, имевших государственность за пределами СССР, на язык советской республики, а чаще — на русский язык позволил развернуть более масштабную работу по приобщению населения национальных республик и областей к русской культуре и средству общения между народами СССР. Огромную роль в этом сыграло постановление высших партийных и государственных органов об изучении русского языка во всех школах СССР. Разработка постановления была начата по решению октябрьского (1937) пленума ЦК ВКП(б)⁷⁸⁷. Проект постановления, предусматривавшего «введение обязательного изучения русского языка наравне с родным языком во всех национальных школах» был разработан отделом школ Центрального комитета к 5 марта 1938 года⁷⁸⁸. 7 марта вопросы постановления обсуждались на совещании в ЦК ВКП(б)⁷⁸⁹. В тот же день решением Политбюро ЦК была создана специальная комиссия под председательством А. А. Жданова, которой было поручено за «три-четыре дня» выработать окончательный текст постановления⁷⁹⁰. При доработке документа звучание его заголовка было усилено. Представленный комиссией проект постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР назывался «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» и был утвержден решением Политбюро ЦК от 13 марта 1938 года⁷⁹¹. В марте—апреле 1938 года аналогичные постановления приняли во всех союзных республиках. Новые постановления не означали, что до них в национальных республиках не было обязательного преподавания русского языка. Оно существовало и раньше, но осуществлялось без единой централизованной системы, по-разному в разных республиках и областях, обычно не ранее, чем с третьего класса, уровень преподавания русского языка был низким⁷⁹². В Таджикистане, например, в 1937 году из 4132 национальных школ обучение русскому языку вели лишь 150—200 (или 4—5 %) школ⁷⁹³.

Мартовское постановление СНК и ЦК обязывало ввести с 1 сентября 1938 года обучение русскому языку во всех нерусских начальных школах со второго класса и во всех неполных средних и средних школах — с третьего года обучения⁷⁹⁴. Увеличивалось количество часов на изучение русского языка во всех национальных школах, расширялась подготовка учителей этого языка, активизировалось издание учебной и методической литературы. Вместе с тем в постановлении специально подчеркивалось, «что родной язык является основой преподавания в школах национальных республик, что исключения из этого правила, имеющие место в некоторых автономных республиках РСФСР, могут носить лишь временный характер и что тенденция к превращению русского языка из предмета изучения в язык преподавания и тем самым к ущемлению родного языка является вредной и неправильной»⁷⁹⁵.

Приобщение к русскому языку облегчалось переводом латинизированной письменности на кириллицу. В соответствии с решением Совета национальностей ЦИК СССР от 16 октября 1936 года на кириллицу была переведена письменность кабардинцев. Затем аналогичными мерами {165} унифицировали письменность других народов РСФСР, имевших автономные республики и области, национальные округа. С 16 декабря 1939 года преобразования коснулись письменности «титულных» народов ряда союзных республик — Узбекской, Азербайджанской, Таджикской,

Туркменской, Киргизской, Казахской, Молдавской⁷⁹⁶. Согласно статье в Малой советской энциклопедии, латинизированный алфавит был «уже не в состоянии обеспечить дальнейший культурный рост народов СССР», новый алфавит на основе русской графики встречался ими «как праздник социалистической культуры»⁷⁹⁷. Согласно «Правде», «обязательное преподавание русского языка в нерусских школах», введенное правительствами союзных и автономных республик с сентября 1938 года, означало, что он «становится международным языком социалистической культуры, как латынь была международным языком верхов раннего средневекового общества, как французский язык был международным языком XVIII и XIX веков»⁷⁹⁸. Таким образом, языковая политика государства проводилась прежде всего ради приобщения всех народов СССР к «социалистической культуре» и сплочения их в новой «зональной» (впоследствии названной «новой исторической») общности людей.

Постановление СНК и ЦК от 13 марта 1938 года стало не только началом новой фазы в языковой политике государства. Оно позволяло ускорить наступление нового этапа в строительстве многонациональной советской армии. В статье 132-й Конституции СССР 1936 года было записано: «Всеобщая воинская обязанность является законом», воинская служба в РККА «представляет почетную обязанность граждан СССР»⁷⁹⁹. Реализовать этот закон в полном объеме становилось возможным лишь со знанием русского (языка армейских приказов, команд, уставов и наставлений) призывниками из национальных регионов. Условия для этого создавались к концу 1930-х годов, в том числе и постановлением об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей. (В документе отмечался один из основных мотивов его принятия, состоящий в том, что «знание русского языка обеспечивает необходимые условия для успешного несения всеми гражданами СССР воинской службы в рядах РККА и ВМФ»⁸⁰⁰.)

Практически одновременно с постановлением о языке ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О национальных частях и формированиях РККА» от 7 марта 1938 года, создававшихся со времен Гражданской войны по территориальному принципу. В 1920—1930-е годы они выступали одной из основных форм привлечения к военной службе представителей национальностей, «ранее в армии вовсе не служивших (узбеки, туркмены, бурят-монголы, киргизы, часть народов Северного Кавказа и т.д.)». Сыграв свою положительную роль в годы Гражданской войны, национальные формирования, как гласило постановление от 7 марта 1938 года, «в настоящее время не могут оправдать своего назначения». Национальные формирования опирались на местные, культурные и хозяйственные условия, были прикованы к своей территории, что лишало возможности осуществлять подготовку бойцов и частей к действиям в различных условиях климата, быта и боевой обстановки. Между тем, как подчеркивалось в постановлении, «РККА и ВМФ являются вооруженными силами Советского Союза, призванными защищать государство в целом на всем протяжении его сухопутных и морских границ. Поэтому формирование вооруженных сил должно и может строиться только на общих для всех народов Союза основаниях». Возраставшая языковая подготовка позволяла призывать граждан национальных республик и областей к выполнению воинской службы на общих основаниях. Национальные военные училища, школы РККА также переформировывались «в общесоюзные с экстерриториальным комплектованием»⁸⁰¹.

В сентябре 1939 года был принят закон «О всеобщей воинской обязанности», отменявший существовавшие ограничения при призыве на действительную военную службу и значительно расширивший призыв в армию «националов» без соответствующей языковой подготовки. Масштабы ее оказались неожиданно большими. Призывы в Среднеазиатском и Закавказском военных округах показали, что многие красноармейцы — узбеки, таджики, армяне, грузины и призывники других национальностей — не владеют русским языком. В то же время, как подчеркивал начальник Главного политуправления РККА, «с точки зрения армии, боец, не владеющий русским языком, больше, чем неграмотный, ибо с ним разговаривать нельзя. А между тем у нас поторопились прокричать о ликвидации неграмотности и стали изгонять из частей преподавателей русского языка»⁸⁰². Вновь открывшуюся проблему пришлось преодолевать на основе решения Политбюро ЦК от 6 июля 1940 года «Об обучении русскому языку призывников, подлежащих призыву в Красную Армию и не знающих русского языка».

В суровых условиях марта 1942 года последовали новые указания правительства: «Непременным условием службы в Красной Армии является знание и понимание разговорного русского языка. По постановлению ГКО СССР все мужское население в возрасте от 16 до 50 лет должно быть обучено военному делу. Между тем среди лиц нерусской национальности, подлежащих обучению по программе Всеобщая, имеются слабо владеющие русским языком или совершенно не

знающие его... Если до отечественной войны отделы народного образования вели эту работу только среди призывников, не владеющих русским языком, то сейчас она должна быть развернута среди всего мужского населения в возрасте от 16 до 50 лет...»⁸⁰³.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НОВОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Национальная политика, определяемая сознанием особой значимости национального фактора в жизни страны, требовала соответствующего информационного обеспечения. Во второй половине 1930-х годов произошли существенные изменения в системе сбора информации о национальности граждан, национальном составе различных слоев и групп, позволявшие детальнее судить о процессах в национальной сфере общества. С 1935 года в аппарате ЦК вводилась новая форма учета номенклатурных кадров (так называемые справки-объективки), в которой впервые была предусмотрена {167} графа «национальность». «Пятый пункт» официальных кадровых документов (анкет, справок и т. п.) становился для их обладателей таким же важным, как ранее судьбоносный пункт о социальном происхождении. Налаживался систематический учет национальности работников государственных учреждений. С октября 1937 года сведения о национальности стали приводиться в отчетах НКВД о составе заключенных. 16 мая 1938 года НКВД СССР приказал местным органам в обязательном порядке включать в свои отчеты данные о национальном составе арестованных. 2 апреля 1938 года был установлен новый порядок указания национальности в паспортах, а также в свидетельствах о рождении и других официальных документах, выдаваемых органами ЗАГСа. Если раньше, с введения единой паспортной системы в СССР в 1932 году, в паспорте записывалась та национальность, к которой причислял себя сам гражданин, то теперь следовало исходить исключительно из национальности родителей, предъявляя при этом их паспорта и другие документы⁸⁰⁴. «В 1939 году мы, — свидетельствует один из видных руководителей НКВД П. А. Судоплатов, — получили устную директиву, обязывавшую нас... следить за тем, какой процент лиц той или иной национальности находится в руководстве наиболее ответственных, с точки зрения безопасности, ведомств. Но директива эта оказалась куда более глубокой по своему замыслу, чем я предполагал. Впервые вступила в действие система квот»⁸⁰⁵.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДИСПРОПОРЦИИ И ПОПЫТКИ ИХ ИСПРАВЛЕНИЯ

Политика явно определялась стремлением сгладить диспропорции в представленности советских национальностей в руководстве наиболее ответственных ведомств. Вопреки установке на преодоление фактического неравенства национальностей в государственном, культурном и экономическом отношениях и значительному продвижению общества по этому пути годы советской власти были также временем возникновения нового неравенства, не отвечающего тенденции укрепления единства и консолидации народов Советского Союза⁸⁰⁶. По показателям образованности, представленности в партийном и государственном аппаратах, в сферах науки и искусства в 1930-е годы с большим отрывом от других лидировала еврейская национальность⁸⁰⁷. С переменой отношения к национальным меньшинствам и «великим возможностям русского народа» (Е. В. Тарле) такое фактическое неравенство стало восприниматься как ненормальное положение. Положение усугублялось игрой гитлеровского руководства Германии на противоречиях в СССР для дискредитации якобы «еврейской большевистской власти» в глазах «угнетенных ею» народов.

Власть была вынуждена со всем этим считаться. Летом 1936 года Сталин позвонил главному редактору газеты «Правда» Л. З. Мехлису и предложил дать русские псевдонимы евреям, работавшим в редакции газеты. Совет был принят к немедленному исполнению. В ту же ночь на улице Правды в Москве произошло «крещение евреев»⁸⁰⁸. При назначении Молотова на пост наркома иностранных дел Сталин предложил: «Убери {168} из наркомата евреев». «Слава Богу, что сказал! — говорил впоследствии Молотов. — Дело в том, что евреи составляли там абсолютное большинство в руководстве и среди послов. Это, конечно, неправильно»⁸⁰⁹. Власть демонстрировала готовность устранить «неправильности». Перемещения евреев с их постов в государственном аппарате и общественных организациях в пользу других национальных кадров⁸¹⁰ не могло не восприниматься определенными кругами в СССР и за рубежом как проявление политики государственного антисемитизма.

Корректнее, на наш взгляд, считать, что «это была реакция огромной славянской страны на интернационалистические, космополитические эксперименты 1920—1930-х годов, которые игнорировали национальный фактор», и рассматривать чистки 1936—1938 годы «как один из послед-

них этапов Гражданской войны в России»⁸¹¹, заканчивавшейся разгромом проигравших в политических баталиях троцкистов, зиновьевцев, каменевцев, выдвиненцев и сторонников других лидеров оппозиции. В этой войне погибали, конечно, и евреи. Однако их потери, в относительном исчислении, не превышали потерь других народов СССР. В 1937—1938 годах, по данным Г. В. Костырченко, были арестованы 29 тыс. евреев⁸¹², что составляло 1,8 % от общего числа арестованных.

В 2004 году известный историк В. П. Данилов опубликовал данные Центрального архива ФСБ РФ о количестве арестованных и осужденных за время с 1 октября 1936-го по 1 июля 1938 года, то есть в апогей сталинского террора. Национальности представлены в следующих долях⁸¹³:

	Чело- век	В %:		Чело- век	В %:		Чело- век	В %:
Русские	657 799	46,3	Армяне	16 988	1,2	Корейцы	5 161	0,3
Украинцы	189 410	13,3	Грузины	16 488	1,2	Башкиры	3 996	0,3
Поляки	105 485	7,4	Иранцы	14 994	1,1	Карелы	3 676	0,2
Немцы	75 331	5,3	Азербай- джанцы	13 356	0,9	Киргизы	3 204	0,2
Белорусы	58 702	4,1	Эстонцы	11 002	0,8	Румыны	2 989	0,2
Евреи	30 542	2,1	Финны	10 672	0,7	Литовцы	2 818	0,2
Узбеки	21 880	1,5	Китайцы	8 538	0,6	Афганцы	2 091	0,1
Латыши	21 392	1,4	Буряты	7 845	0,5	Японцы	236	0,01
Татары	18 681	1,3	Таджики	7 628	0,5	Другие	75 384	5,3
Казахи	17 496	1,2	Греки	6 565	0,4	Всего	1 420 711	100,0

По социальному составу основную часть репрессированных составляли крестьяне — 50,3 % среди арестованных и 57,9 % среди расстрелянных в 1937—1938 годах. Что же касается предшествующего времени, то основной и абсолютно преобладавшей по численности (90 % и более жертв) сталинского террора было население деревни, едва ли не в точном соответствии с этническим составом населения страны.

В составе всех лагерных заключенных, по данным на начало 1939 года, русские составляли 63 %, украинцы 13,8 %, белорусы 3,4 %, евреи 1,5 %. В населении страны, по данным переписи 1939 года, эти национальности, соответственно, насчитывали 58,4, 16,5, 3,1 и 1,8 %⁸¹⁴. Это означает, что среди заключенных русские и белорусы были представлены в 1,1 раза больше своего удельного веса в населении страны, украинцы — меньше в 1,2 раза, {169} евреи — меньше в 1,4 раза. При политике государственного антисемитизма эти соотношения были бы, очевидно, иными.

Нет никаких оснований говорить об этом и при анализе изменений в национальном составе партийно-государственного аппарата и ближайшего окружения Сталина. Во время чисток середины 1930-х годов еврейская прослойка в ЦК партии в целом поредела. Однако стоит принять во внимание, как предлагает, например, С. Н. Семанов, что «большинство членов Политбюро и тогда имело родственные связи с евреями: у Молотова, Ворошилова, Калинина, Андреева, Шкирятова, Щербакова, Кирова жены были еврейками... Евреев было очень много в партийном аппарате, особенно в пропаганде, среди хозяйственников, среди видных интеллигентов и, отметим особенно — в карательных органах: Ягода — еврей, Ежов — женат на еврейке, Берия, как утверждают грузины, — еврей... Продолжать этот счет можно до бесконечности. Так как же мог быть Сталин антисемитом, когда евреи окружали его везде, к какой бы сфере деятельности он ни обратился? И он уживался с евреями, если они хорошо работали, выполняли его волю. Но вот если плохо работали, да еще и своевольничали, тут он мог быть безжалостным, но так же жесток он был с людьми другой национальности»⁸¹⁵.

В 2002 году израильский автор Жозеф Тартаковский опубликовал составленный им справочник «Руководство СССР (1917—1991 годы)», в котором приведены биографические справки о 2326 руководящих деятелях на уровне членов и кандидатов в члены ЦК, наркомов и министров СССР, руководителей союзных республик и обкомов партии, военных деятелей (на уровне генералов армии и равных им по воинскому званию лиц). Данные о национальном составе элиты, представленные в таблице во втором томе справочника, показывают, что евреи при В. И. Ленине (1917—1922) составляли 13 % всего состава центральных органов власти, а в первый период прав-

ления И. В. Сталина (1923—1938) — 17 %, что превышало удельный вес любой другой национальности, кроме русских⁸¹⁶. Ж. Тартаковский пишет, что «эти цифры в известной мере опровергают расхожее представление о том, что И. В. Сталин всегда был ярким антисемитом, поскольку при нем (в первый период его деятельности) евреи активно выдвигались на руководящие посты»⁸¹⁷. Нет оснований говорить о сталинском антисемитизме и применительно к его правлению в 1939—1953 годах. В этот период евреи составляли 3 % в составе центральных органов власти⁸¹⁸, что почти в два раза превышало удельный вес этой национальности в населении страны.

Легенда о некоем государственном антисемитизме в СССР получила наиболее убедительное опровержение в книгах крупнейшего русского этнолога В. И. Козлова, называющего ее ложью и клеветой⁸¹⁹. Крупнейший русский этнолог утверждает, что Сталин, также как и Ленин, всю свою жизнь очень ценил евреев за дисциплинированную исполнительность, был не антисемитом, а антисионистом, что далеко не одно и то же. Как державник, он даже в условиях известного «дела врачей» понимал, что открытые гонения на евреев при сохранявшемся обилии их в структурах исполнительной власти потрясли бы всю страну и гонения (в том числе {170} якобы предполагавшиеся депортации) не были допущены⁸²⁰. Легенда об антисемитизме в СССР на самом высоком уровне опровергалась и в последующем. М. С. Горбачев в 1985 году в интервью французскому радио заявил в ответе на вопрос журналиста: «Вы говорите о “еврейском вопросе”. Если еще в какой-то стране евреи пользуются такими же политическими и другими правами, как в нашей стране, я был бы рад это услышать. Еврейское население, составляя 0,69 процента от всего населения страны, представлено в ее политической и культурной жизни в масштабах не менее 10—20 процентов. Многие из них — известные в стране люди»⁸²¹. Таких успехов не имели даже евреи демократической Франции⁸²².

ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ СССР В КОНЦЕ 1930-х ГОДОВ

В 1937 году СССР состоял из 11 союзных республик, в Российской Федерации насчитывалось 5 краев, 19 областей, 17 автономных республик, 6 автономных областей, 10 автономных округов. Новые изменения в составе СССР произошли в конце 1930-х годов. Во многом они были связаны с внешнеполитическими интересами Советского государства и Второй мировой войной, начавшейся 1 сентября 1939 года.

К концу 1930-х годов СССР имел дипломатические отношения с большинством стран мира. С 1934 года он был представлен в Лиге Наций, международной межправительственной организации, призванной обеспечивать «развитие сотрудничества между народами и гарантию их мира и безопасности». В 1935 году наша страна заключила с Францией и Чехословакией договоры о взаимопомощи в случае агрессии. Однако сентябрьский (1938) мюнхенский сговор премьер-министров Н. Чемберлена (Великобритания) и Э. Даладьё (Франция) с А. Гитлером и Б. Муссолини и его одобрение правительством США вновь поставили СССР в положение международной изоляции, практически сводя на нет усилия по созданию действенной системы коллективной безопасности. Советское правительство осудило мюнхенскую сделку как незаконную, но это не изменило сложившейся ситуации. В условиях быстрого роста военного потенциала Германии западные страны стояли перед выбором. Они могли пойти на создание единого фронта против потенциального агрессора и в этом случае — на взаимодействие с СССР или договариваться с Германией за счет третьих стран. Западные «демократии» пошли по второму пути.

Судя по докладу И. В. Сталина на XVIII съезде партии (10 марта 1939 г.), советское правительство стремилось «соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками»⁸²³. Оно критиковало политику «нейтралитета» Англии и Франции, за которой угадывалось желание не мешать Германии «впутаться в войну с Советским Союзом»⁸²⁴. Из речи следовало, что именно Англия и Франция, а не Германия являются поджигателями войны. Таким образом, открывалась возможность сближения СССР с Германией.

Тем не менее после оккупации Чехословакии, произошедшей в дни работы съезда, советское правительство в целях предотвращения новой {171} агрессии со стороны Германии внесло 17 апреля 1939 г. предложение о заключении англо-франко-советского договора о взаимопомощи и военной конвенции. Гитлер, уже принявший решение о подготовке войны с Польшей, стремился не допустить англо-франко-советского договора и предложил западным державам заключить «пакт четырех» (Германия, Италия, Англия, Франция). Советскую линию в хитросплетениях мировой

политики был призван проводить Молотов. 3 мая 1939 г., оставаясь Председателем СНК, он заменил на посту наркома иностранных дел М. М. Литвинова.

В конце мая британское и французское правительства сделали свой выбор в пользу переговоров по политическим вопросам с СССР. Однако их истинной целью было не столько достижение конкретных договоренностей, сколько противодействие возможной нормализации отношений между Германией и СССР. Британский премьер-министр заявил, что он «скорее подаст в отставку, чем подпишет союз с Советами», который предусматривал бы немедленную помощь Англии и Франции Советскому Союзу, если последний окажется в состоянии войны с Германией. Переговоры Молотова с британским и французским дипломатическими представителями в Москве в июне—июле 1939 г. успеха не имели. Западные партнеры не хотели связывать себя обязательствами гарантировать независимость пограничным с СССР державам от Балтийского до Черного моря.

Считая целесообразным для успокоения общественного мнения какое-то время поддерживать переговоры, французское и британское правительства согласились продолжить переговоры о заключении одновременно с политическим и военного соглашения с СССР. Однако их военные миссии, прибывшие в Москву 12 августа, состояли из второстепенных лиц, не имевших полномочий на его заключение. Советская сторона на переговорах предложила план, предусматривающий совместные действия вооруженных сил трех стран во всех возможных случаях агрессии в Европе. Запрошенное в этой связи правительство Польши отказывалось принять предложение о пропуске советских войск через свою территорию в случае нападения Германии. Переговоры зашли в тупик. Сожалея об упущенных возможностях, бывший французский премьер П. Рейно в 1947 г. говорил: «С кем мы должны были заключить союз? Здравый смысл, география, история и планы Гитлера давали нам ясный ответ на этот вопрос. Когда Гитлер объявил о своем намерении “рассчитаться” с Францией, а потом расчленив Россию, он, можно сказать, собственноручно толкал наши страны к заключению союза. Но, может быть, в этом союзе, который был столь явно необходим, нам отказали? Нет, нам его предлагали, но мы сами его отвергли»⁸²⁵. Неудача англо-франко-советских переговоров в Москве в августе 1939 года способствовала развязыванию Германией Второй мировой войны.

Прекращение Москвой англо-франко-советских переговоров во многом объясняется также получением ею к этому времени конкретного предложения от Германии о «возобновлении политической линии, которая была выгодна обоим государствам в течение прошлых столетий». Оно было подтверждено Гитлером в личной телеграмме Сталину от 21 августа {172} 1939 года. Германия явно опасалась успешного завершения московских англо-франко-советских переговоров. Ранее о возможности нормализации отношений с Советским Союзом германский министр иностранных дел И. Риббентроп говорил 25 мая, а 26 июля советскому поверенному в делах Германии Г. А. Астахову было сообщено о готовности немецкой стороны «на деле доказать возможность договориться по любым вопросам, дать любые гарантии». Согласие на переговоры с Германией советское руководство дало 3—4 августа, окончательное решение в пользу заключения пакта было принято 19—21 августа.

Советскому руководству надо было решить непростую дилемму. Согласно некоторым, не подтвержденным документально свидетельствам, дилемма решалась следующими рассуждениями: «Если мы заключим договор о взаимопомощи с Францией и Англией, то Германия откажется от Польши и станет искать “модус вивенди” с западными державами. Война будет предотвращена, но в дальнейшем события могут принять опасный характер для СССР. Если мы примем предложение Германии о заключении с ней пакта о ненападении, она, конечно, нападет на Польшу, и вмешательство Франции и Англии в эту войну станет неизбежным. В этих условиях у нас будет много шансов остаться в стороне от конфликта, и мы сможем надеяться на наше выгодное вступление в войну». И. В. Сталину явно импонировал второй вариант развития событий, открывавший, помимо всего прочего, «широкое поле деятельности для развития мировой революции». Поэтому, заключал он, «в интересах СССР — Родины трудящихся, чтобы война разразилась между рейхом и капиталистическим англо-французским блоком. Нужно сделать все, чтобы эта война длилась как можно дольше в целях изнурения двух сторон. Именно по этой причине мы должны согласиться на заключение пакта, предложенного Германией»⁸²⁶. Заключение вполне согласовывалось с подписанным 19 мая 1939 года секретным французско-польским протоколом, по которому Франция обязалась в случае агрессии оказать Польше немедленную военную помощь, а также с заключенным 25 августа того же года соглашением о взаимопомощи между Англией и Польшей.

19 августа 1939 года советское правительство дало согласие на прибытие в Москву И. Риббентропа. В тот же день в германской столице подписано торгово-кредитное соглашение, преду-

смастривавшее предоставление СССР 200-миллионного кредита на 5 лет под 4,5 % годовых. Соглашение стало поворотным моментом в развитии отношений между СССР и Германией.

23 августа 1939 года после трехчасовых переговоров в Москве был подписан советско-германский договор о ненападении сроком на 10 лет, получивший позднее название «пакт Молотова — Риббентропа»⁸²⁷. Приложенный к нему секретный протокол определял разграничение сфер интересов двух стран в Европе. Особый смысл имели положения протокола о том, что «в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР... В случае территориально-политического {173} переустройства областей, входящих в состав Польского государства, границы сфер интересов Германии и СССР будут приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана... Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях»⁸²⁸. Это означало, что в случае войны немецкие войска не будут вторгаться в Латвию, Эстонию, Финляндию и Бессарабию, а на территории Польши продвигаться дальше названных рек.

Договор и протокол стали политико-юридической базой для дальнейшего развития советско-германских отношений. Они потеряли силу после нападения Германии на СССР. Делая выбор в пользу рокового августовского решения, сталинское руководство по примеру Англии и Франции также предпочло занять позицию «невмешательства», чтобы при случае не проливать кровь за чужие интересы и, более того, «подталкивать» одну капиталистическую страну против другой. Во всяком случае, договор давал возможность выиграть время для укрепления обороны СССР. Вдобавок он ослаблял единство внутри фашистского блока. Например, правительство Японии 25 августа 1939 года решило прекратить линию на усиление антикоминтерновской «оси» между Японией и Германией и «ликвидировать прежние планы». Кабинет министров во главе с К. Хиранумой, выступавший застрельщиком совместной японо-германской войны против СССР, 28 августа подал в отставку.

Как показало дальнейшее развитие событий, «пакт Молотова—Риббентропа» в значительной степени предопределил победный исход Великой Отечественной войны. Вместе с тем послевоенная публикация секретного протокола, в котором подписавшие его государственные деятели фактически решали судьбы третьих стран без их участия, вызвала справедливое осуждение этих деятелей в СССР и других странах мира.

Новые изменения в составе Советского Союза, шедшие в полном соответствии с представлениями создателей СССР о его грядущем расширении до всемирного масштаба, произошли вскоре после заключения советско-германского пакта о ненападении и разграничении сфер интересов Германии и СССР. 1 сентября Германия напала на Польшу. 3 сентября войну Германии объявили Великобритания и Франция. Польская армия не смогла оказать достаточного сопротивления германским войскам и отступала к востоку. 17 сентября части Красной Армии вошли на территорию Польши, заняли западноукраинские и западнобелорусские земли. Польша как независимое государство перестала существовать. 28 сентября был подписан советско-германский договор «О дружбе и границах», по которому западная граница СССР проходила по рекам Западный Буг и Нарев⁸²⁹. Договор сопровождался секретным дополнительным протоколом, гласившим, что подписанный 23 августа 1939 года документ изменяется «таким образом, что территория Литовского государства включается в сферу интересов СССР, так как с другой стороны Люблинское воеводство и части Варшавского воеводства включаются в сферу интересов Германии»⁸³⁰. {174}

В походе во имя освобождения «единокровных украинцев и белорусов» советскими войсками были взяты в плен 450 тыс. польских военнослужащих, в том числе 18,8 тыс. офицеров. Судьба многих из них оказалась трагичной. По решению Политбюро ЦК польские офицеры и другие арестованные поляки были расстреляны (число расстрелянных и документальное основание для расстрела окончательно не установлены). Скорее всего, сказалась неприязнь к «белополякам», беспощадно уничтожавшим пленных красноармейцев во время и после советско-польской войны 1920 года. Согласно меморандуму главы НКВД РСФСР Г. В. Чичерина польскому посольству в Москве от 9 сентября 1921 года, «в течение двух лет из 130 тысяч русских пленных в Польше умерли 60 тысяч». По уточненным данным, с февраля 1919 года по октябрь 1920-го в польский плен попали не менее 206,9 тыс. красноармейцев. Не менее 157 тыс. из них оказались в концлагерях. В 1921 году из плена вернулись 75,7 тыс. человек. Значительная часть невернувшихся погибли в плену⁸³¹. «Катынское дело» — своего рода месть за эту гибель.

Окончательная ясность в эту историю еще не внесена. По данным новейшего исследования, в СССР в течение второй половины 1940-го — первой половины 1941 г. за военные и уголовные преступления были казнены 3196 поляков (из них собственно военнопленных — 1803 человека). Большинство из 8 тысяч военнопленных поляков, оказавшихся в трех лагерях «особого назначения» НКВД под Смоленском, в июле 1941 г. были захвачены нацистами и расстреляны ими осенью 1941 г. в Катынском лесу и в других местах Смоленской области. «Часть польских военнопленных, фигурирующая в списке катынских жертв, была весной 1940 г. передана Германии, часть по различным причинам погибла в лагерях и тюрьмах НКВД в период войны, часть умерла от голода и болезней уже после своего освобождения по объявленной 12 августа 1941 г. амнистии, часть выжила, но в Польше о них предпочитают говорить как о катынских жертвах»⁸³².

После «освободительного похода» на запад Украины и Белоруссии взоры советского правительства были устремлены на Финляндию. В октябре 1939 года ее правительству СССР предложил отодвинуть на несколько десятков километров советско-финляндскую границу на Карельском перешейке и сдать Советскому Союзу в аренду территорию у входа в Финский залив для обеспечения защиты Ленинграда. После того как эти предложения были отвергнуты, советское руководство начало войну. В качестве предлога использован обстрел советской пограничной территории у деревни Майнила на Карельском перешейке, объявленный финнами провокацией Москвы. Начавшиеся 30 ноября военные действия рассматривались советской стороной как завершение борьбы с «финской белогвардейщиной». В отданном этим днем приказе по Ленинградскому военному округу говорилось: «Мы идем в Финляндию не как завоеватели, а как друзья и освободители финского народа от гнета помещиков и капиталистов»⁸³³. Однако «освобожденные» не сочли такую позицию правомерной. В декабре Советский Союз как «агрессор» был исключен из Лиги Наций. {175}

Неся большие потери, части Красной Армии в феврале 1940 года прорвали финскую систему укреплений (линию Маннергейма) и начали наступление на Хельсинки. 12 марта был заключен советско-финляндский мирный договор. Согласно договору к СССР отходила значительная территория на Карельском перешейке, передавался в аренду полуостров Ханко. 31 марта 1940 года, после всех этих событий, в составе СССР образована новая, двенадцатая по счету, Карело-Финская союзная республика. Ее правительство возглавил известный деятель Коминтерна О. В. Куусинен.

В июне 1940 года советское правительство обвинило Латвию, Литву, Эстонию в нарушении пактов о взаимопомощи, заключенных в сентябре — октябре 1939 года, и ввело на их территории свои войска. Во всех трех странах были сформированы просоветские правительства, а вскоре при поддержке местного населения провозглашены Латвийская, Литовская и Эстонская ССР, которые в августе 1940 году включены в состав СССР.

В конце июня 1940 года СССР потребовал от правительства Румынии вывести войска из оккупированной в 1918 году Бессарабии, а также из Северной Буковины, населенной преимущественно украинцами. Бессарабия присоединена к Молдавской АССР, которая была преобразована в шестнадцатую союзную советскую республику. Северная Буковина вошла в состав Украины.

Стремясь также обезопасить и свои дальневосточные рубежи, советское руководство весной 1941 года добилось подписания договора о нейтралитете с Японией. Оккупировав к тому времени Северный Индокитай, она расширяла экспансию в южном направлении и не желала быть раньше времени втянутой в войну с СССР по союзническим обязательствам с Германией. Советско-японский пакт о нейтралитете сроком на 5 лет был подписан 13 апреля после непростых переговоров с министром иностранных дел Японии И. Мацуокой.

Германия, находившаяся с сентября 1939 года в состоянии войны с Великобританией и Францией, под влиянием быстрого успеха в Польше сосредоточилась на расширении «жизненного пространства» за счет западных стран. 9 апреля 1940 года гитлеровские войска вторглись в Данию и Норвегию, 10 мая — в Бельгию, Нидерланды, Люксембург, затем в результате блицкрига одержали верх над Францией, которая капитулировала 24 июня. С 10 июня на стороне Германии в войне участвовала Италия. Потери Германии — 27 тыс. убитых в кампании против Франции, по немецким оценкам, были вполне терпимы, «учитывая грандиозность достигнутого успеха». Экономика оккупированных стран была поставлена на службу рейху.

24 августа 1940 года в «Правде» была помещена статья «Смерть международного шпиона», сообщавшая о кончине Л. Д. Троцкого. Причиной смерти стала активизация его деятельности по вовлечению СССР в мировую войну в расчете на то, что именно она приведет к «политической революции» в Советском Союзе. Политики Лондона, Парижа и Финляндии обсуждали возможности Троцкого и его сторонников для организации в СССР переворота и отстранения от власти

Сталина. В соответствии {176} с этими планами Троцкий 25 апреля 1940 года составил «Письмо советским рабочим», в котором призывал их к подготовке вооруженного восстания против «Каина Сталина и его камарильи». Отпечатанное в виде листовки воззвание предполагалось доставить на территорию СССР сразу же после намечавшегося англо-французского удара в Закавказье и по черноморским коммуникациям СССР. В мае был принят троцкистский «Манифест об империалистической войне и пролетарской революции», в котором провозглашалось: «Подготовка революционного свержения московских правителей является одной из главных задач IV Интернационала». Такое заявление было равнозначно официальному объявлению войны правительству СССР. Ответом на это и стала «Утка» — операция советских спецслужб, приведшая к гибели Л. Д. Троцкого⁸³⁴. (Троцкий был отправлен в изгнание из Алма-Аты 22 января 1929 г., посажен на пароход, направлявшийся из Одессы в Константинополь 11 февраля. В 1933 г. он переехал во Францию, в 1935 г. — в Норвегию; с января 1937 г. жил в Мексике. 21 августа 1940 г. скончался от нанесенного днем ранее удара альпинистским ледорубом агента НКВД, бывшего лейтенанта Испанской революционной армии Р. Меркадера.)

В то же время события 1939—1940 годов в целом оказались далеки от прогнозов Сталина. Самый большой его просчет состоял в том, что соседние с Германией страны оказали неожиданно слабое сопротивление агрессии. Изнурительной «драки» между капиталистическими странами по существу не случилось. Потенциал Германии не только не был ослаблен, но и значительно возрос. Однако для успешного завершения войны с Англией ресурсы Германии оказались недостаточными. Гитлер поддался соблазну сначала нарастить их за счет завоевания СССР, а потом достичь господства надо всей Европой.

В июле 1940 года в германском генштабе началась разработка конкретного плана войны против СССР, и уже 18 декабря 1940 года Гитлер утвердил директиву, согласно которой вооруженным силам предписывалось «разбить Советскую Россию в кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии (вариант «Барбаросса»)». По «оптимистическим» прогнозам, кампания могла быть успешно завершена за 1,5—2 месяца, по «более осторожным», за 4—5. Во всяком случае, войну планировалось закончить в 1941 году до наступления зимы. Ставка делалась на уничтожение СССР и радикальное сокращение его населения от военных действий, голода и насильственного выселения на восток от линии Астрахань — Волга — Архангельск. Гитлеровцы рассчитывали, что сопротивление нашествию можно ослабить путем выдвижения лозунга освобождения советских людей от «угнетательской», чуждой народу «жидо-большевистской» власти.

Дата нападения на СССР была назначена распоряжением главнокомандующего сухопутными войсками Германии от 10 июня 1941 года. Оно гласило: «22 июня, 3 часа 30 минут, начало наступления сухопутных войск и перелет авиации через границу. Если метеорологические условия задержат вылет авиации, то сухопутные войска начнут наступление {177} самостоятельно». Запоздывание с нападением на СССР на месяц от ранее намечавшегося срока объясняется непредвиденными войнами Германии против Югославии и Греции в апреле 1941 г. В Югославии война возникла в связи со свержением 27 марта профашистского правительства, присоединившегося к Тройственному пакту (соглашение о политическом и военно-экономическом союзе между участниками антикоминтерновского пакта от 27 сентября 1940 г., известное также как «ось Берлин — Рим — Токио»). Война велась с 6 по 17 апреля и закончилась поражением Югославии. 6—29 апреля Германия была занята также войной с Грецией, где она была вынуждена спасать от поражения итальянские войска, ведшие с октября 1940 года захватническую войну.

Неотвратимость войны с Германией отчетливо осознавалась высшим руководством СССР и подавляющей частью советского народа. Среди них определенно имелись люди, видевшие в надвигающейся войне возможность побед очередных «большевистских революций». Некоторым предстоящие события представлялись еще проще. Л. З. Мехлис, начальник Главного политического управления Красной Армии, говорил на XVIII съезде партии, что задачу, поставленную Сталиным на случай войны, надо понимать так: «Перенести военные действия на территорию противника, выполнить свои интернациональные обязанности и умножить число советских республик»⁸³⁵. М. И. Калинин подчеркивал, что «мы, большевики, народ скромный, не захватнический. Но все-таки мы думаем своими идеями завоевать весь мир и даже... раздвинуть вселенную»⁸³⁶. Сталин же, занявший 5 мая 1941 года пост Председателя правительства, сознавал неготовность Вооруженных сил к участию в современной войне. Надеясь, что пока Германия не разделается с Англией, она не решится напасть на СССР, он избрал тактику всемерного оттягивания начала войны, с тем чтобы

завершить техническое перевооружение и увеличить численность армии. В конкретных условиях июня 1941 года сталинская тактика привела к катастрофе.

«ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ ДОЛЖЕН ОПИРАТЬСЯ НА ЗДОРОВЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ»

В условиях начавшейся Второй мировой войны советское руководство лишь укреплялось в правоте избранного ранее курса национальной политики и воспитательной работы с населением. Война с Финляндией показала всю глубину заблуждений и тщетность надежд на пролетарскую солидарность в предстоящей большой войне. Политуправление Красной Армии настраивалось искоренять «вредный предрассудок, что якобы население стран, вступающих в войну с СССР, неизбежно и чуть ли не поголовно восстанет и будет переходить на сторону Красной Армии, что рабочие и крестьяне будут нас встречать с цветами». Осуждались шапкозакидательские настроения и «ложные установки в деле воспитания и пропаганды в Красной Армии (лозунги: непобедимость Красной Армии, армия героев, страна героев и страна патриотов, теория абсолютного технического превосходства Красной Армии, неправильное освещение интернациональных задач и т. д.)»⁸³⁷. {178}

В канун войны появились признаки явных изменений политики государства в отношении религии и церкви. По данным переписи населения 1937 года, о вере в Бога заявило более 45 % населения СССР. При этом среди пожилых — верующих оказалось почти в два раза больше, чем неверующих, среди неграмотных доля верующих составляла 74 %⁸³⁸. Это говорило о тщетности усилий по завершению атеизации населения за годы предыдущей «безбожной пятилетки»⁸³⁹. Возрождая некоторые русские традиции, власть сочла необходимым умерить антирелигиозный пыл партийных богоборцев.

В частности, в постановлении, осудившем издевательское изображение крещения Руси в опере-фарсе «Богатыри», подчеркивалось, что крещение в действительности являлось «положительным этапом в истории русского народа»⁸⁴⁰. После 1937 года резко снизился размах репрессий в отношении служителей церкви. Среди обвиняемых, привлеченных органами НКВД по следственным делам, служителей религиозного культа и церковно-сектантских контрреволюционеров насчитывалось в 1937 году 37 331 человек, в 1938 году — 13 438, в 1939 году — 987, в 1940 году — 2231, в первом полугодии 1941 года — 1618 человек⁸⁴¹. В конце 1930-х годов изменился характер работы цензурного ведомства. Хулиганские выходки и огульные оскорбления чувств верующих, обычные для раннереволюционных лет и сочинений «воинствующих атеистов», теперь пресекались цензорами⁸⁴².

В канун Отечественной войны руководство ВКП(б) осознавало необходимость изменения отношения к национализму как таковому. 27 февраля 1941 года А. А. Жданов на встрече с Димитровым, Андреевым и Маленковым говорил: «Мы сбились [допустили ошибку] на национальном вопросе. Не обращали достаточно внимания на национальные моменты». Г. Димитров записал далее: «Сочетание пролетарского интернационализма со здоровыми национальными чувствами данного народа. Подготовить надо наших “националистов”». По установке, выработанной на этой встрече, уже 28 февраля в ИККИ состоялось обсуждение мероприятий по ее проведению в жизнь. Было решено создать специальную одногодичную школу, был определен состав ее слушателей и преподавателей, сделаны наброски программы. «Программу необходимо составить с учетом большого внимания к национальным проблемам (проблемам собственно стран)», — отмечено в дневнике генерального секретаря Исполкома Коминтерна⁸⁴³.

12 мая 1941 года состоялась беседа А. А. Жданова с Г. Димитровым о судьбе Коминтерна. Обосновывая необходимость прекращения его деятельности, ни в коем случае не означающей отказа от международной пролетарской солидарности, Жданов привел разъяснение И. В. Сталина о связи между национальными и интернациональными основами патриотизма. «Нужно развивать идеи сочетания здорового, правильно понятого национализма с пролетарским интернационализмом, — говорил Сталин. — Пролетарский интернационализм должен опираться на этот национализм... Между правильно понятым национализмом и пролетарским интернационализмом нет и не может быть противоречия. Безродный космополитизм, {179} отрицающий национальные чувства, идею родины, не имеет ничего общего с пролетарским интернационализмом. Этот космополитизм подготавливает почву для вербовки разведчиков, агентов врага»⁸⁴⁴.

Отметим, что «правильно понятый национализм» несколько не противоречит современным научным представлениям об этом феномене. Однако в мае 1941 года времени для масштабной публичной разъяснительной работы и соответствующей перестройки пропаганды в СССР уже не

оставалось. Трудности создавала необходимость слишком явного разрыва с В. И. Лениным, утверждавшим в свое время: «Марксизм непримирим с национализмом, будь он самый “справедливый”, “чистенький”, тонкий и цивилизованный»⁸⁴⁵. Останавливал и страх перед возможными обвинениями Сталина со стороны партийных ортодоксов в переходе в национальном вопросе на гитлеровскую точку зрения, ставящую нацию и национальную идею в центр своей идеологии и политики.

Поражения СССР на первых этапах войны с Германией были вызваны многими причинами, в том числе и теми, что были связаны с изначально ошибочными установками национальной политики, обусловившими пороки в национально-государственном устройстве СССР, в отношении к дореволюционной отечественной истории и роли русского народа в межнациональных отношениях. Корректировка идейных основ национальной политики, начавшаяся в конце 1924 года и особенно заметная с середины 1930-х годов, не позволила до конца преодолеть все эти изъяны.

Антирусская линия, возобладавшая в СССР после смерти Ленина в сфере просвещения и культуры и имевшая таких влиятельнейших проводников, как Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Покровский, Ярославский⁸⁴⁶, нанесла огромный вред советскому обществу. Сталин прервал антирусскую линию, за что обвинен Троцким в национал-социализме. Однако процесс консолидации народов СССР в единый советский народ на, по существу, русофобской основе, оказался далеко не законченным. Не способствовали этому и репрессии. Политика утверждения общенационального советского патриотизма, призванная на смену политике раскалывания общества по классовым основаниям, к началу войны еще не стала столь действенной, как это изображалось в официальной пропаганде. Подготовка Советского Союза в этом отношении оказалась не завершенной. Все это сказалось уже в первые недели Великой Отечественной войны. Без решительного и открытого перехода правящей партии на национально-патриотические позиции защиты общенародных интересов победа в войне была бы недостижима.

ОСНОВНОЙ ВЕКТОР СТАЛИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: К ГОСУДАРСТВЕННОМУ ПАТРИОТИЗМУ

Анализ исторического материала показывает, что трансформация представлений о значимости национального фактора и роли русского народа в отечественной истории в 1920—1930-е годы складывалась во многом стихийно. В целом же она определялась отказом от попыток непосредственной реализации идеи мировой революции и переходом с 1925 года {180} к идеям «социализма в одной стране». Решения, определявшие курс партии в национальном вопросе, во многом перекликались с практикой принятия решений в другой важнейшей сфере жизни общества — экономической. История разработки экономического курса страны в 1920-е годы показывает, что метод, позволяющий отыскивать направление развития экономики, тоже складывался стихийно, и его суть состояла в том, что делались лишь такие уступки принципам экономики военного коммунизма, «без которых дальше режим удержаться у власти не может»⁸⁴⁷. Курс на строительство социализма в одной стране с «железной» необходимостью вынуждал партию к отступлению на позиции национально-государственного коммунизма (национал-большевизма) и эсэсэровского патриотизма (национализма). Однако Сталин и другие идеологи партии не решились открыто признать, что национально-государственный социализм является единственной разумной альтернативой курса на мировую социалистическую революцию. Вместе с тем они были вынуждены считаться с опасностью утраты влияния и потери власти в партии, глубоко почитавшей Ленина и его учителей — Маркса и Энгельса. Утвердившись у власти как верный ученик Ленина, поклявшийся во всем следовать его заветам, Сталин решил и впредь открыто не ставить под сомнение его учение, продолжал обряжать свои взгляды в ленинские одежды.

Отсутствие реальной альтернативы доктрине национально-государственного коммунизма создавало благоприятные условия для эксплуатации национально-патриотической идеи. Благодаря этому национальная политика стала выражаться в уступках «истинного интернационализма», обрекавшего нацию на истощение, национальному патриотизму, предполагающему ее сохранение, но и не исключающему эволюции, видоизменения. Важнейшими вехами на пути этих уступок после признания принципа федерализма вместо унитарности в государственном устройстве, осуществленного еще при Ленине, были: *1925 год* — выдвижение лозунга о расцвете национальных культур при социализме вместо его категорического отрицания в революционной теории и большевистской политике до 1917 года; *1930 год* — отнесение времени появления «зональных» исторических общностей, приходящих на смену социалистическим нациям за пределы победы социа-

лизма в одной стране; *1934 год* — возведение патриотизма, любви к Родине в ранг высшей доблести советского человека; восстановление отечественной истории в правах учебной и воспитательной дисциплины в школе вместо ее «отмены» в начале 1920-х годов; *1935 год* — осуждение национального нигилизма в предшествующей деятельности коммунистической партии; *1936 год* — возведение русского народа в ранг великой передовой нации вместо ее поношения в 1920-е годы как «бывшей угнетающей нации» и воплощения отсталости; *рубеж 1937—1938 годов* — изобретение для русского народа внешне привлекательной роли старшего брата, любовно и безвозмездно оказывающего помощь отсталым народам-братьям с тем, чтобы не делать этого в обязательно-принудительном порядке возмещения исторического долга, неудачно предписанного русскому народу на заре {181} советской власти. *1941 год, канун войны* — переход к идеологии и политике, основанных на убеждении в том, что Советская страна — ее власть, ее армия, русский народ и советский народ в целом — сумеют отразить любое нападение извне, поскольку являются наследниками традиций, благодаря которым Россия уже почти тысячелетие успешно боролась с вторжениями иноземных захватчиков.

К началу Великой Отечественной войны в СССР буквально за несколько лет интенсивной идеологической кампании было сформировано совершенно особое отношение граждан к своей стране. «Это был не просто патриотизм в нашем сегодняшнем понимании (как чувство любви к Родине), а чувства постоянной мобилизационной готовности, чувства безграничной, активной любви к своей Родине, т. е. действенность, способность к самоотвержению — именно те качества, которые и стали важнейшей составляющей победы в войне»⁸⁴⁸. Теория построения социализма в отдельно взятой стране к 1941 году окончательно сменила в СССР ранее доминировавшую идею мировой революции. Колоссальные изменения во всех сферах жизни общества сопровождалась мощной идеологической кампанией. Ее основной задачей стало утверждение новых ценностных ориентиров, прежде всего воспитание патриотизма и тех волевых качеств, без которых победа в войне оказалась бы недостижимой.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ; НАШЕСТВИЕ ОТРАЖАЛИ ВСЕ НАРОДЫ СССР

Германия напала на Советский Союз на рассвете воскресного дня 22 июня 1941 года⁸⁴⁹. На основных участках советско-германской границы немецкие войска начали боевые действия в 3 часа 15 минут. Через 15 минут в Генштаб РККА стали поступать сводки о бомбардировках советских городов Украины и Белоруссии. С первыми залпами немецкой артиллерии началось осуществление плана «Барбаросса», предусматривавшего исчезновение СССР с карты мира через считанные недели.

Планируя блицкриг, верховное командование немецких вооруженных сил намеревалось достичь линии Астрахань — Архангельск «максимум через 70 дней» после начала военных действий. Согласно документам, фигурировавшим на процессе главных немецких военных преступников в г. Нюрнберге, поверженный СССР предполагалось расчленить на 7 государств. Используя «стремление к свободе всех населяющих Россию народов», предлагалось «выкроить из огромной территории СССР государственные образования и направить их против Москвы». «Великороссию» намечалось максимально ослабить «полным упразднением еврейско-большевистского управления» и недопущением «какой-либо русской политической партии». Громадная часть коренного населения обрекалась на смерть. Гитлер требовал расстреливать «каждого, кто посмеет поглядеть на немца косо».

Планировалось также в ближайшие 30 лет выселить в Сибирь с территории Польши, Чехословакии и западных районов СССР более 50 млн человек, а на эти территории переселить 10 млн немцев, которых оставались бы обслуживать 14 млн коренных жителей. Значительную часть {182} населения Литвы, Латвии и Эстонии предполагалось переместить в центральные районы России. Новые Балтийские провинции рейха намечалось заселить народами германской расы, «очищенными от нежелательных элементов» — поволжскими немцами, датчанами, норвежцами, голландцами, англичанами.

Центральное место в планах составляли «соображения» о политике по отношению к русскому народу. «Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве, — говорилось в одном из дополнений к плану Ост, — достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается скорей всего в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их... Важно, чтобы на русской территории население в своем большинстве состояло из людей примитивного полуевропейского типа. Считалось, что их обучение ограничива-

лось бы тем, чтобы они запомнили дорожные знаки, выучили таблицу умножения до 25, и научились подписывать свою фамилию.

Все планы в отношении СССР держались в тайне. Выступая на совещании по вопросам реорганизации Восточных областей 16 июля 1941 года, Гитлер говорил: «Мы не должны опубликовывать действительные наши цели, но мы должны точно знать, чего мы хотим. Надо действовать так, как мы действовали в Норвегии, Дании, Бельгии и в Голландии. Мы объявим, что мы вынуждены оккупировать, управлять и умиротворять, что это делается для блага населения; что мы обеспечиваем порядок, сообщение, питание. Мы должны изображать себя освободителями. Никто не должен догадываться, что мы подготавливаем окончательное устройство, но это не мешает нам принимать необходимые меры — высылать, расстреливать — и эти меры мы будем принимать. Мы будем действовать так, как будто мы здесь только временно. Но мы-то хорошо будем знать, что мы никогда не покинем этой страны».

Бомбардировка советских городов началась до предъявления германской декларации об объявлении войны. В ночь на 22 июня 1941 года между двумя и тремя часами ночи посол Германии Ф. Шуленбург позвонил в секретариат наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова и просил принять его для срочного сообщения. Молотов назначил встречу в наркомате и тут же известил И. В. Сталина. Сталин посчитал нужным принять посла «только после того, как военные доложат, что агрессия началась». Аудиенция состоялась в 5 часов 30 минут. В Берлине соответствующая декларация была вручена министром И. Риббентропом советскому послу В. Г. Деканозову в 4 часа утра. В 6 часов она прозвучала по радио.

Сталин был извещен о начале боевых действий в 3 часа 15 минут, с 5 часов он начал обсуждение ситуации с Берией, Молотовым, Маленковым, Жуковым и Тимошенко. Другие члены высшего руководства СССР узнали о войне и германской декларации по прибытии (5 часов 45 минут) в кабинет Сталина в Кремле. Действия немецкой стороны представлялись в декларации превентивными мерами (слово «война» не использовалось). Впоследствии эта фашистская позиция неизменно воспроизводилась {183} политиками и историками, пытающимися обелить величайшее преступление XX в., придать нападению на СССР хотя бы какую-то видимость морального оправдания. В действительности Германия не усматривала никакой угрозы со стороны Советского Союза. Гитлер был уверен, что «русские не нападут еще сто лет».

Решение о вторжении принято не потому, что СССР угрожал Германии, а потому, что гитлеровцы верили в возможность быстрого уничтожения Советского Союза. В заявлении фюрера, зачитанном по немецкому радио министром пропаганды Й. Геббельсом в 7 часов утра, утверждалось, что опасность с Востока может быть быстро устранена. Если для разгрома Франции, армия которой считалась сильнейшей в мире, потребовалось шесть недель, то для того, чтобы покончить с Россией, усилий понадобится еще меньше. Экономическую систему России Гитлер представлял как находящуюся в состоянии хаоса, коммунистическую диктатуру — ненавидимой народами страны. Руководитель прессы Третьего рейха Г. Фриче на Нюрнбергском процессе в 1946 году говорил, что «никаких оснований к тому, чтобы обвинить Советский Союз в подготовке военного нападения на Германию, у нас не было»⁸⁵⁰.

В первые же дни в войну против СССР на стороне Германии вступили Румыния, Финляндия, Италия; в июле к ним присоединилась Венгрия. Военные действия на границе с Финляндией начались 29 июня, на границе с Румынией — 1 июля. В войне против СССР участвовали также части, укомплектованные гражданами Албании, Бельгии, Дании, Испании, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии, Польши, Сербии, Франции, Хорватии, Чехии, Швеции. Помимо того, в конце войны в вермахте насчитывалось почти 500 тыс. иностранцев, главным образом, немцев, проживавших ранее вне территории Германии⁸⁵¹.

Вооруженные силы Германии перед нападением на Советский Союз насчитывали 8,5 млн человек. В восточной группировке противника насчитывалось 5,5 млн человек. Им противостояли советские войска в западных приграничных военных округах и силы трех флотов численностью 2,9 млн человек (60,4 % личного состава армии и флота). Кроме того, в формированиях других ведомств, состоявших на довольствии в Наркомате обороны, находилось около 75 тыс. человек. Еще 842,8 тыс. военнообязанных были в войсках на «больших военных сборах». С объявлением мобилизации 22 июня они были включены в списочную численность войск. Войну восприняла на себя, в основном, молодежь 1919—1922 годов рождения, находившаяся на действительной военной службе, выпускники школ 1938—1941 годов.

Объявленная в первый день войны мобилизация резервистов 1905—1918 годов рождения, в возрасте от 23 до 36 лет, позволила уже к июлю пополнить армию на 5,3 млн человек. 10 августа

1941 года для восполнения боевых потерь, а также для создания резервов, были мобилизованы военнообязанные 1890—1904-х и призывники 1922—1923 годов рождения. Летом 1942 года в армию ушли призывники 1924 года рождения, в январе 1943 года была призвана молодежь 1925 года рождения. В том же году с 25 октября {184} по 15 ноября прошел призыв родившихся в 1926 году. С 15 по 30 ноября 1944 года в СССР развернулся последний призыв военных лет, охвативший юношей 1927 года рождения. От призыва за годы войны были освобождены 20—25 % мужчин в возрасте от 18 до 55 лет (по наличию брони, инвалидности, политическим и национальным признакам). Всего за годы войны из населения России были мобилизованы 22,2 % трудоспособных граждан, в каждой из республик Закавказья, Средней Азии и в Казахстане — более 18 %, на Украине — 12,2 %, в Белоруссии — 11,7 %⁸⁵². Наибольшее число мобилизованных пришлось на долю России — 21 млн 187,6 тыс. всех мобилизованных (66,6 %), среди призывников россияне составляли 4,729 млн человек (72 %)⁸⁵³.

11 апреля 1942 года ГКО принял постановление, согласно которому за период с 15 апреля по 15 мая 1942 года предстояло мобилизовать 35 тыс. детей переселенцев (бывших кулаков) призывного возраста, а с апреля по октябрь 1942 года в районах спецпоселений было мобилизовано еще 61 тыс. человек. С октября 1942 года члены семей переселенцев, призванных в Красную Армию, снимались с учета трудссылки и освобождались от 5 % отчислений с их зарплаты на содержание административно-управленческого аппарата трудссылки. Источником пополнения армии были также бывшие заключенные (за исключением отбывавших сроки по «политическим» статьям). Всего за годы войны в действующую армию было переведено из лагерей и колоний свыше 1 млн заключенных. Многие из них с честью выполнили свой долг перед Родиной. Помимо советских граждан в 1941—1942 годах из лагерей освобождены 43 тыс. поляков, 10 тыс. чехов и словаков, направленных в национальные части.

За все годы войны в армию и для работы в промышленности были мобилизованы с учетом уже служивших к началу войны и ушедших воевать добровольцами 34,5 млн человек, или 17,5 % от довоенной численности населения страны (для сравнения: в 1940 г. в народном хозяйстве СССР всего были заняты 23,9 млн рабочих, 10 млн. служащих и 29 млн колхозников). Более трети мобилизованных находились в армейском строю, из них 5—6,5 млн — в действующей армии. (Для сравнения: на службу в вермахт и войска СС были привлечены 16 093 тыс. немцев, около 21 % от численности населения Германии в границах 1939 г., и свыше 1800 тыс. человек из числа граждан других государств и национальностей⁸⁵⁴.) Мобилизация позволила сформировать в СССР в 1941 году 419 новых дивизий, а за всю войну — 661 дивизию, в том числе 37 дивизий народного ополчения. К началу войны в СССР имелось 314 дивизий, а к концу войны — 672 дивизии⁸⁵⁵. В отражении гитлеровского нашествия участвовали все народы Советского Союза, включая самые малочисленные. К примеру, среди нанайцев и ульчей участники войны составили 8 % от их общей численности⁸⁵⁶. Национальные и религиозные различия советских народов не стали препятствиями к единению. В рядах вооруженных защитников Отечества вместе сражались православные и мусульмане, иудеи и буддисты. В церквах, мечетях, храмах прихожане молились за свободу родной земли⁸⁵⁷. {185}

ИСТОРИКИ В БОРЬБЕ ЗА ДУХОВНУЮ МОБИЛИЗАЦИЮ НАРОДА НА ПОБЕДУ

Мощным инструментом патриотического воспитания, духовной мобилизации советского народа на Победу в Великой Отечественной войне оставались историческая наука и художественная литература. Президиум АН СССР на заседании 23 июня 1941 года призвал ученых-гуманитариев обеспечить «всеми необходимыми силами и средствами» научно-исследовательские работы по оборонной тематике⁸⁵⁸. В самые сжатые сроки была подготовлена и уже в июле 1941 года издана книга «Героическое прошлое русского народа в художественной литературе», состоящая из наиболее ярких страниц истории с древнейших времен (былинные богатыри) и кончая начавшейся войной с фашистской Германией⁸⁵⁹.

Крупнейшие ученые страны — Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, С. В. Бахрушин, Е. В. Тарле, А. М. Панкратова, М. В. Нечкина — писали и публиковали брошюры, статьи в прессе, в которых рассказывали о героическом прошлом русского народа, об освободительной борьбе против интервентов на разных этапах русской и советской истории. Множество материалов было посвящено русскому военному искусству, отечественным полководцам и флотоводцам. И центральные, и местные издания были насыщены статьями историко-патриотического содержания, авторами которых были ученые, писатели, партийные деятели⁸⁶⁰.

Необычайно оживившийся интерес к истории среди советских граждан дал сильнейший толчок к академическим исследованиям прошлого всех народов СССР. Эти работы стали предметом пристального внимания власти, оценивались и поощрялись государством. Были изданы первые тома «Истории Украины», «Истории Армении», «Истории таджиков», «Истории Грузии», «Истории Казахской ССР». При этом категорически не допускалось ни противопоставления больших и малых народов, ни проявлений национализма. Во всех трудах подчеркивалось, что отношения между народами СССР строятся на равноправии, дружбе и взаимном уважении, показывалась общность их исторических судеб и интересов. Фундаментальные исторические работы, выполненные коллективами ученых под руководством В. А. Потемкина, И. И. Минца, историками Е. В. Тарле, А. И. Яковлевым, Б. Д. Грековым, были удостоены Сталинской премии⁸⁶¹.

Для агитаторов была разработана памятка по темам «Красная армия — армия братства и дружбы народов СССР», «Дружба между народами СССР — величайшее завоевание Советского государства», «Разоблачение гитлеровской демагогии «об освобождении» народов Украины, Северного Кавказа, Кубани, Дона от большевистского национального гнета» и др. До народа все это доводилось в лекциях и беседах агитаторов, по радио. С 1942 года из Москвы велось радиовещание на украинском, белорусском, молдавском, эстонском, литовском и латышском языках. Его содержание тщательно разрабатывалось обществоведами и историками⁸⁶².

А. М. Панкратова в статье, посвященной исторической науке в СССР 1917—1942 годов⁸⁶³, писала о развернутой работе историков по разоблачению фашистской идеологии, о необходимости ее активно продолжать, {186} изучая историю германского империализма, переродившегося в фашизм, о роли Германии в развязывании военных конфликтов на протяжении всей ее истории. Эти работы вносили свой вклад в решение важной задачи — «повышения идеологической вооруженности советского народа, ведущего величайшую в мире и справедливейшую в истории Отечественную войну». Для этого советские историки продолжали освещение героического прошлого народов Советского Союза, показывали современным поколениям славные исторические традиции русского народа, традиции горячей любви к родине и жгучей ненависти к ее врагам, традиции самоотверженности и стойкости в борьбе против угнетателей и поработителей, доносили до советских людей в своих трудах «образы великих русских патриотов, героев освободительной борьбы народов СССР». Подчеркивалась необходимость изучения для укрепления многонационального советского государства истории всех, даже самых малочисленных, народов и национальностей, показа общности исторических судеб славянских народов и неизбежность их единства, чтобы доказать просчет Гитлера, полагавшего, что СССР — это «только географическое понятие». Важнейшей задачей оставалось исследование военной истории русского народа, боевого опыта и достижений русского военного искусства. Новым направлением в историографии стала разработка истории партизанского движения. Все это было необходимо и все это делалось для мобилизации всех сил советского народа во имя скорейшей победы над фашистской Германией.

Комиссия по изданию научно-популярной литературы АН СССР, организовала издание серии материалов «В помощь лектору», а также подготовила к публикации библиографический словарь «Выдающиеся деятели нашей Родины». По поручению ЦК ВКП(б) издательства выпустили серию брошюр «Великие русские полководцы» и «Великие борцы за русскую землю». Они выходили массовыми тиражами и целенаправленно распространялись. Образы вдохновляли воинов на ратные подвиги. Патриотическая литература составляла основную часть всей печатной продукции. Серия книг ЖЗЛ с 1943 года была преобразована в цикл брошюр «Великие люди русского народа» и «Великие русские люди»⁸⁶⁴. Они посвящались не только военачальникам и полководцам. Героями книг были И. П. Павлов, К. А. Тимирязев, И. Е. Репин, Н. Е. Жуковский, М. С. Щепкин, А. С. Пушкин, В. В. Маяковский, А. Н. Радищев, М. И. Глинка, С. О. Макаров, К. Д. Ушинский, Г. Я. Седов, П. С. Нахимов, Ф. Ф. Ушаков; Л. Н. Толстой, П. И. Чайковский, М. Ф. Казаков, М. Ю. Лермонтов, В. Г. Белинский, Д. К. Чернов, И. М. Сеченов, Н. В. Гоголь, И. А. Крылов, Н. И. Лобачевский, А. С. Попов, И. И. Мечников, В. И. Баженов.

Большую роль в популяризации и трансляции исторических знаний сыграли деятели культуры, писатели, тематика произведений которых выстраивалась в соответствии с заданными властью и разработанными историками направлениями. Исторический жанр в советской литературе стал в военную пору одним из важнейших. Не случайно именно авторы художественно-исторических произведений (А. С. Новиков-Прибой, А. Н. Толстой, С. Н. Сергеев-Ценский, С. П. Бородин, В. Г. Ян, А. А. Антоновская, {187} В. В. Вересаев, А. Н. Степанов, В. Я. Шишков, В. И. Костылев) в 1940-е годы были удостоены Сталинских премий. «Исторический роман, — писал В. Г. Ян, — пре-

жде всего должен быть учителем героики», «на этих книгах воспитывается народное самосознание»⁸⁶⁵. В кинематографии, театре также «лидировали» историко-патриотические произведения.

Ряд произведений, написанных накануне и во время Великой Отечественной войны, был посвящен событиям Отечественной войны 1812 года (роман С. Голубова «Багратион», 1943 г.), пьесы К. Тренева «Полководец» и А. Гладкова «Давным-давно» и др.), Крымской войны («Севастопольская страда» С. Н. Сергеева-Ценского), русско-японской войны («Цусима» А. С. Новикова-Прибоя, «Порт-Артур» А. Н. Степанова). В отличие от западного романа, восхвалявшего культ силы, личной активности и славы полководцев, советский исторический роман стоял «спиной к наполеонам и наполеончикам», различает справедливые и несправедливые войны, подчеркивает подвиг народа и проникнут духом гуманизма и миролюбия, продолжая в этом отношении традиции великой русской литературы XIX в., прежде всего, Л.Н. Толстого⁸⁶⁶.

В центре внимания ученых и писателей оказалась деятельность видных государственных деятелей российской истории, прежде всего, Ивана Грозного, Петра I и других. Очевидная идеализация этих деятелей соответствовала актуальному в годы войны образу строителя мощного русского государства, способного защитить его от внешней опасности.

Внимание к такого рода историческим героям позволяло проследить развитие русской государственности в ключевые моменты истории («Петр Первый», диалогия об Иване IV «Орел и орлица» и «Трудные годы» А. Н. Толстого, трагедия И. Сельвинского «Ливонская война», пьеса В. Соловьева «Великий государь», роман «Иван Грозный» В. И. Костылева и др.), историю культуры («Пушкин в изгнании» И. А. Новикова, «Михайловский замок» О. Д. Форш, «Абай» М. Ауэзова, «Навои» Айбека и др.), историю крестьянского движения в России («Емельян Пугачев» В. Шишкова⁸⁶⁷.

Даже, казалось бы, сугубо «мирная» пушкинская тема в условиях войны приобретала новое звучание, патриотический пафос. В выступлении на митинге в 1943 году, посвященном памяти поэта, писатель Вс. Вишневский говорил: «Мы отмечаем день рождения Пушкина, великого русского гражданина, бойца духа, великого русского поэта. (...) Пушкин входил в жизнь в эпоху первой Отечественной войны 1812 года, завидуя тем, кто уходил в поход. Будь он старше на три — четыре года, он, несомненно, был бы участником войны. Великий талант Пушкина вызревал, когда русский народ, опрокинув Наполеона, отстаивал свою независимость и определил свое непрестанное прогрессивное развитие, свой путь. Под Бородино — мы можем так сказать — было защищено будущее России, советская власть. Вместе с тем пора эта, по своей исключительной напряженности и противоречивости, — была порой трагической. Пушкин явил собой образ русского мыслителя-деятеля. Он любил, знал и Кавказ, и Бессарабию, и Восток, и Европу. Пушкин — это образ человека неустрашимого, человека, стоявшего на вершине мировой {188} культуры. Он велик — это бесконечно одаренная натура! Пушкин, воспевший Петербург и Полтаву! Пушкин — пронизанный ощущением вечного поиска, священного беспокойства! Пушкин, прикоснувшийся к войне на Кавказе — мчавшийся с казаками в атаку»⁸⁶⁸. Пушкин в его постоянной борьбе с врагами: «бенкендорфами дубельтами, геккеренами, дантесами — всей иностранной сворой реакционеров-иноземцев. Пушкин защищал честь свою, честь семьи, я главное честь России. Пушкин, уже смертельно раненный, приподнялся и выстрелил по врагу — ненавидя его. Таким мы ощущаем поэта сегодня — здесь в его городе, который не сдался врагу и упорно дерется. Пушкин — это бессмертный образ героя! Ленинградцы — и вместе с нами вся страна — благоговейно чтят его память»⁸⁶⁹.

Ученые и писатели в своих произведениях исторического жанра решали общую задачу — формировали патриотическое сознание, на исторических примерах учили героике, рассказывали о культурных традициях и достижениях народов СССР. Помимо своего литературного труда, писатели, как и ученые, принимали самое активное участие в общественно-политической жизни, вели просветительскую и воспитательную работу — выступали в прессе и по радио, проводили беседы и встречи с солдатами на фронте и тружениками тыла. В ходе этой деятельности ими неоднократно отмечалась востребованность аудиторией исторической тематики⁸⁷⁰.

Результатом проводившейся в стране огромной совместной работы по историческому просвещению и воспитанию историей стал стремительный рост интереса к событиям прошлого, расширение исторической эрудиции у советских граждан. Проявлений этого — множество. Например, во время боев за освобождение Болгарии политработники рассказывали фронтовикам о значении той далекой русско-турецкой войны для освобождения от турецкого ига Болгарии, Румынии, Сербии и Черногории. Когда войска проходили памятник русским солдатам-участникам войны 1877—1878 гг., была сделана остановка, состоялся митинг, посвященный памяти героев русской армии. Проходя памятники воинской славы, советские солдаты всегда отдавали им воинские

почести, проводились собрания и митинги, рассказывающие о славных предках, сражавшихся за независимость своего Отечества. Многочисленные отклики фронтовиков на работу историков и писателей красноречиво свидетельствуют о том, что она была необходимой составляющей формирования патриотического сознания⁸⁷¹.

ПОБЕДА — РЕЗУЛЬТАТ НАЦИОНАЛЬНОГО ЧУВСТВА В «ХИМИЧЕСКИ ЧИСТОМ» ВИДЕ

В отражении гитлеровского нашествия наиболее тяжелая роль выпала на долю русских — наиболее многочисленного народа СССР. Именно этим объясняются новые уступки русскому национальному сознанию со стороны властного режима, сделанные накануне и в годы Второй мировой войны. Делалось это в надежде на максимальное использование мощи национального фактора крупнейшего по численности народа СССР в противостоянии с агрессорами. {189}

В докладах о состоянии военной пропаганды среди населения, направленных в ЦК ВКП(б) Главным управлением политической пропаганды Красной Армии в мае 1940 года и в январе 1941 года, в ряду «ложных установок в деле воспитания и пропаганды», негативно сказавшихся в освободительных походах 1939—1940 годов и в войне с Финляндией, отмечались не только культ опыта Гражданской войны и отсутствие трезвой оценки сил армии. Вместо того чтобы воспитывать уверенность в своих силах, пропаганда скатывалась на путь бахвальства и хвастовства, создававших в армии и стране вредные настроения «ура-патриотизма» и «шапкозакидательства», зазнайство и самоуспокоенность. Осуждалось неумеренное славословие в адрес армии с использованием приторных эпитетов «великая и непобедимая», «всесокрушающая сила», «самая сознательная», «самая дисциплинированная», «армия героев» и т.п. В докладах говорилось о «неправильном освещении интернациональных задач», ставился вопрос о соотношении интернационализма и патриотизма в пропаганде и агитации.

Интернациональные задачи армии впредь предлагалось трактовать и пропагандировать следующим образом: «Красная Армия в любой войне выполняет свои интернациональные обязанности, но далеко не всегда выполнение этих обязанностей является главной задачей. В любой войне, которую поведет Советский Союз, основной задачей Красной Армии будет защита Советского Союза — отечества мирового пролетариата. Где и при каких бы условиях Красная Армия ни вела войну, она будет исходить из интересов Родины, из задачи укрепления силы и могущества Советского Союза. И только в меру решения этой основной задачи Красная Армия выполнит свои интернациональные обязанности». Что же касается основ патриотического воспитания красноармейцев, то в первом из цитируемых докладов особо подчеркивалось: *«Нашу армию необходимо воспитывать на ее героических традициях и на героическом прошлом русского народа»*. Между тем, говорилось здесь же, «закон о каре за измену Родине, изданный в 1934 году, был забыт в армии. Военно-историческая пропаганда не велась»⁸⁷².

Неудачи первого этапа войны поставили под сомнение коренные, казавшиеся ранее незыблемыми идеологические постулаты, определявшие жизнь советского общества, внутреннюю и внешнюю политику государства. Создание антигитлеровской коалиции приглушило антиимпериалистическую пропаганду. Международная классовая солидарность на поверку не обнаруживала своей действенности. Германские пролетарии вопреки ожиданиям и наивным призывам из советских окопов в массе своей вовсе не спешили повернуть оружие против своего эксплуататорского правительства и не выказывали никакого почтения к СССР как отечеству мирового (т.е. и германского тоже) пролетариата. Как и пролетарии других воюющих капиталистических государств, они никак не вдохновлялись идеей использовать мировую войну для свершения мировой коммунистической революции. Национальная солидарность оказалась и была признана силой, сплачивающей несравненно прочнее, {190} нежели классовая, не только в стане врага, но и в самом СССР. В беседе с У. Гарриманом, координатором американской программы ленд-лиза, возглавлявшим делегацию США на московском совещании представителей СССР, США и Великобритании 29 сентября — 1 октября 1941 года, Сталин сказал о своих соотечественниках: «Мы знаем, народ не хочет сражаться за мировую революцию; не будет он сражаться и за советскую власть... Может быть, будет сражаться за Россию»⁸⁷³.

С началом войны Сталин прекратил всякие попытки актуализировать популярную ранее идею о превращении войны в революцию. Руководитель «штаба мировой революции» Г. Димитров уже утром 22 июня получил указание: «Коминтерн пока не должен выступать открыто. Партии на местах развертывают движение в защиту СССР. Не ставить вопрос о социалистической революции. Советский народ ведет Отечественную войну против фашистской Германии. Вопрос идет о разгроме фашизма, поработившего ряд народов и стремящегося поработить и другие наро-

ды». На срочно собранном заседании Секретариата ИККИ Димитров повторил эти установки: «Мы не будем на этом этапе призывать ни к свержению капитализма в отдельных странах, ни к мировой революции», коммунисты должны включиться в борьбу «за национальную свободу» в качестве ее «руководящего элемента». В шифровках компартия, секциям Коминтерна, отправленным в тот же день, подчеркивалось: «Учтите, что на данном этапе вопрос идет о защите народов против фашистского порабощения, а не о социалистической революции»⁸⁷⁴.

В. М. Молотов в полдень 22 июня 1941 года в своем обращении к советскому народу в связи с нападением Германии на СССР определил начавшуюся войну не как классовую, а как отечественную: «Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную Отечественную войну за родину, за честь, за свободу... Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами»⁸⁷⁵.

Эти же мысли прозвучали и в июльской речи Сталина. В ней был сделан особый упор на то, что война с фашистской Германией не должна рассматриваться как обычная война между армиями, это — «великая война всего советского народа», «всенародная отечественная война», «война за свободу нашего отечества», которая «согласится с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы». Не забыл Сталин и национальные аспекты войны. Он говорил об опасности разрушения национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других народов Советского Союза, угрозе их онемечения, их превращения в рабов немецких князей и баронов⁸⁷⁶. {191}

В этой связи кажется совсем не случайным прекращение гонений на церковь, одним из признаков которого было обращение Сталина по радио к народу страны 3 июля 1941 года — «Братья и сестры!», характерное для православных священнослужителей⁸⁷⁷. В тяжелейшие дни начала войны Сталин, может быть «инстинктивно понял», а скорее, исходя из сугубо рационалистических и прагматических соображений пришел к заключению, «что ни его социальная система, ни власть не удержатся под ударами немецких армий, если не обратиться к исконным стремлениям и самобытности русского народа»⁸⁷⁸.

К июлю Сталин, скорее всего, уже прочитал «Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви» Патриаршего местоблюстителя, митрополита Московского и Коломенского Сергия (до пострижения в монахи в 1890 г. — И. Н. Страгородский). Оно было написано рано утром 22 июня, оглашалось в церквях с первых дней войны и, таким образом, было уже известно значительной части верующего населения страны. В своем послании высший иерарх церкви писал:

«В последние годы мы, жители России, утешали себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва не весь мир, не коснется нашей страны. Но фашизм, признающий законом только голую силу и привыкший глумиться над высокими требованиями чести и морали, оказался и на этот раз верным себе. Фашиствующие разбойники напали на нашу родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыея, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить наш народ на колени перед неправдой, голым насильем принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству.

Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божиею помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед родиной и верой, и выходили победителями.

Не посрамим же их славного имени и мы — православные, родные им и по плоти и по вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. Тут есть дело рабочим, крестьянам, ученым, женщинам и мужчинам, юношам и старикам. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда, заботы и искусства.

Вспомним святых вождей русского народа, например, Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ и родину. Да и не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский народ

увековечил в своей славной легенде о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче, разбивших наголову Соловья-разбойника. {192}

Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг.

Если кому, то именно нам нужно помнить заповедь Христову: “Больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя”. <...> Положим же души своя вместе с нашей паствой...»⁸⁷⁹

Первоиерарх церкви призвал священнослужителей не оставаться молчаливыми наблюдателями за ходом войны, а ободрять малодушных, утешать огорченных, напоминать о долге колеблющимся.

С аналогичным посланием к пастве обратился 26 июня митрополит Ленинградский Алексей (будущий патриарх Московский и всея Руси). Оба иерарха, не задумываясь о последствиях, фактически нарушили закон, который запрещал вмешательство церкви в дела государства⁸⁸⁰.

Сталин не мог не обратить внимание на то, что аргументы церковных иерархов в основном совпадали с аргументами руководителей государства, а также на то, что их слово несло огромный заряд патриотизма, указывало на глубинный исторический источник народной силы и веры в конечную победу над врагами. Важнейшее совпадение обнаруживалось и в необходимости определения начавшейся войны не как классовой, а как всенародной, Отечественной, патриотической. По некоторым сведениям, в июле 1941 года состоялась краткая встреча Сталина с митрополитом Сергием, которой оба остались довольны⁸⁸¹. Как бы то ни было, фактическая нормализация отношений между церковью и государством прослеживается с самого начала войны. В стране прекратились антирелигиозная пропаганда и выход в свет журналов «Безбожник», «Антирелигиозник» и др. Глава советской миссии в Югославии без тени сомнения утверждал: «Мы бы спасали Россию даже посредством православия, если бы это стало неизбежно!»⁸⁸²

Воскрешение вдохновляющих традиций старой русской армии выразилось, в частности, в возрождении гвардейских званий. Слово «гвардия», появившееся в России еще в петровское время, всегда означало самые отборные, боеспособные, отличающиеся особым мужеством войска. Днем рождения советской гвардии считается 18 сентября 1941 года, когда приказом наркома обороны СССР звания гвардейских были удостоены первые 4 стрелковые дивизии, отличившиеся в боях в районе Ельни⁸⁸³. Появление этого слова в приказе наркома свидетельствовало о том, что лучшие боевые традиции, основой которых была преданность Родине, перешли из русской армии в советскую. О воскрешении традиций и восстановлении связи с героическим прошлым страны свидетельствовало и сталинское напутствие войск на знаменитом параде 7 ноября 1941 года.

Вслед за предстоятелем Русской православной церкви Сталин призвал помнить имена тех, кто создал и защитил Россию, ее исторических героев, Александра Невского, Дмитрия Донского, Александра Суворова, Михаила Кутузова⁸⁸⁴. 10 декабря 1941 года был отдан приказ о снятии со всех военных газет лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», чтобы он {193} не мог «неправильно ориентировать некоторые прослойки военнослужащих»⁸⁸⁵. Спасение страны и социализма виделось в превращении войны в отечественную, национальную, а не классовую. Идеологический поворот, связанный с внедрением в коммунистическую идеологию национально-патриотических лозунгов, признание духовно-культурных ценностей дореволюционной России великим достоянием СССР с позиций коммунистического фундаментализма были временным отходом от идей революции и пролетарского интернационализма и могли быть терпимыми лишь как вынужденная уступка. Английский журналист А. Верт, автор книги «Россия в войне 1941—1945» (1964), нашел этому идеологическому повороту довольно точную аналогию: в СССР «был провозглашен националистический нэп»⁸⁸⁶. Выбор в пользу такого нэпа оказался единственно верным. Идеологический поворот, совершенный руководством страны в начале войны, во многом обусловил коренной поворот в ходе войны и в конечном итоге саму Победу. Как позднее написал видный русский писатель, мыслитель и общественный деятель И. Солоневич, «разгром Гитлера есть, конечно, результат национального чувства, взятого в его почти химически чистом виде»⁸⁸⁷.

Фашистская пропаганда и оккупационная политика не могли не обострять существовавшие в стране противоречия, в частности, в межнациональных отношениях. Одним из результатов этого стала подлинная трагедия еврейского населения на оккупированной гитлеровцами территории СССР. Например, в Литве, где до ее включения в СССР евреи составляли заметную часть компартии, ситуация кардинально менялась в 1940 и в 1941 годах. «В первые советские годы, — пишет А. Бразаускас в книге своих воспоминаний, изданной в 2002 году, — некоторые евреи стали актив-

ными сторонниками оккупационного режима и оказались вовлечены в репрессивные акции по выселению невинных людей в Сибирь. Следует отметить, что ссылке подверглась и большая часть зажиточного еврейства, владельцы предприятий, а также члены национальных партий — не только “буржуазной” сионистской, но и социалистического Бунда... Когда Литву заняли немцы, новые активисты поставили знак равенства между евреями и коммунистами, т.е. преступления отдельных людей перенесли на всю еврейскую общину. Вдохновителями и организаторами еврейского геноцида были власти гитлеровской Германии, но, к нашему стыду и боли, в экзекуции было вовлечено и немало литовцев». В одной из инструкций Фронта активистов Литвы, учрежденного еще в 1940 году, указывалось, что литовским коммунистам «только тогда будет прощение, если они на деле докажут, что ликвидировали хотя бы по одному еврею». 22 июня 1941 года в воззвании этого фронта говорилось: «Наступил решающий час окончательного расчета с евреями. Старое право убежища, предоставленное евреям во времена Витаутаса Великого, полностью и окончательно отменяется». Хотя многие литовцы, пишет далее Бразаускас, «рискуя жизнью, спасали евреев», в Литве за годы войны «почти полностью погибла одна из самых многочисленных еврейских общин Европы — более 200 тысяч человек»⁸⁸⁸. {194}

В масштабах СССР «еврейский вопрос» не мог не обостряться и из-за явного несоответствия представленности этой национальности в руководящей и культурной элите, среди эвакуированных и на фронте, на чем особенно успешно играли гитлеровцы. Согласно переписи 1939 года евреи насчитывали 1,8 % населения СССР. К началу войны их доля в населении увеличилась до 2,5 %⁸⁸⁹. По данным Совета по делам эвакуации на начало декабря 1941 года, евреи составляли 26,9 % от всех эвакуированных из районов, которым грозила оккупация гитлеровскими войсками⁸⁹⁰. Эта цифра значительно превосходила долю евреев среди мобилизованных на фронт.

Вероятно, в этой связи оформился один из стойких мифов об ожидающейся новой революции в СССР. Фронт и тыл наполнились слухами: «После войны будет антиеврейская революция. Потому что на передовой евреев нет, а в тылу 5-й Украинский фронт взял Ташкент»⁸⁹¹. Утверждалось, что «идея антиеврейской революции была инспирирована самим Сталиным (через Щербакова) в декабре 1941 года»⁸⁹². Говорили о секретных инструкциях, предписывающих «ограничить выдвижение евреев». Г. С. Померанц пишет, что такая инструкция отделам кадров появилась в 1943 году⁸⁹³. Р. А. Медведев рассказывает о созванном Сталиным осенью 1944 года расширенном совещании в ЦК ВКП(б) с участием членов Политбюро и Секретариата ЦК, первых секретарей республиканских и областных комитетов партии, руководителей оборонной промышленности, армии и госбезопасности. На этом совещании речь шла о «повышении бдительности» по отношению к еврейским кадрам, а по сути дела — о необходимости постепенного вытеснения лиц еврейской национальности с ответственных постов. «Вскоре после совещания партийные комитеты различных уровней получили подписанное Маленковым директивное письмо, которое тогда называли в партийных кругах “маленковским циркуляром”. В нем перечислялись должности, на которые назначение людей этой национальности было нежелательно. Одновременно вводились и некоторые ограничения приема евреев в высшие учебные заведения»⁸⁹⁴.

По свидетельствам выпускников Военно-дипломатической академии 1946 года, при их зачислении в число слушателей в сентябре 1944 года обнаружилось, что прием в нее для евреев был «категорически закрыт». Более того, когда выяснилось, что один из слушателей скрыл свою еврейскую национальность, он под каким-то предлогом был немедленно отчислен. Среди выпускников было по 3—5 представителей всех 16 союзных республик. Предполагалось, что они составят костяк республиканских министерств иностранных дел, учрежденных в соответствии с решениями январского (1944 г.) пленума ЦК ВКП(б). Евреев не принимали в академию на том основании, что у них не было «своей» союзной республики. Таким образом, слушатели академии одними из первых столкнулись с официальным подтверждением слухов о «революции» и «циркуляре», которые с некоторого времени «упорно циркулировали в стране»⁸⁹⁵.

Партии пришлось фактически признать изъятия в проводимой прежде национальной политике. Так, в докладной записке Управления пропаганды {195} и агитации ЦК ВКП(б) секретарям ЦК партии от 17 августа 1942 года отмечалось, что «в течение ряда лет во всех отраслях искусства извращалась национальная политика партии». Выразилось это в том, что «в управлениях Комитета по делам искусств и во главе учреждений русского искусства оказались нерусские люди (преимущественно евреи)». Такие же «извращения» были обнаружены в Большом театре Союза ССР, в Московской государственной консерватории, в музыкальной критике, в отделах литературы и искусства центральных газет.

В марте 1944 года в плане мероприятий по улучшению пропагандистской и агитационной работы партийных организаций, направленном Управлением агитпропа ЦК в адрес секретаря ЦК А. С. Щербакова, отмечалось, что «среди многих специальностей процент ученых основной национальности — русской — не соответствует ее историческому и политическому удельному весу. Несоответственно мал удельный вес русских среди ученых медицинских наук, среди экономистов и в других специальностях. Например, среди 15 наиболее крупных в стране физиков-теоретиков 5 человек русских и украинцев, и 10 человек евреев; среди аспирантов (включая и докторантов) Академии наук СССР русских 65 %, украинцев — 3,5 %, евреев — 22 %, остальных народов СССР — 8 %»⁸⁹⁶. В. Ф. Ноздрев (секретарь парткома МГУ) неоднократно обращал внимание секретаря ЦК Щербакова на опасность национальных диспропорций среди студентов МГУ⁸⁹⁷. Так, евреи по отношению к русским среди выпускников физфака составляли: в 1938 году — 46 %, в 1939-м — 50, в 1940-м — 58, в 1941-м — 74, в 1942 году — 98 %. «Физический факультет не представляет в этом отношении исключения, — писал далее Ноздрев. — Анализ национального состава студентов и аспирантов исторического, философского, филологического и других факультетов показывает также, что здесь процент еврейской молодежи достигает 50 % по отношению к русским. Сравнительно высок процент профессоров и преподавателей еврейской национальности, особенно по гуманитарным наукам». Ноздрев считал, «если в этом отношении не встать на путь регулирования, то уже не более как через год мы вынуждены будем не называть университет “русским”, ибо это будет звучать в устах народа комичным»⁸⁹⁸. В результате таких обращений усиливалось регулирование поступлений в вузы, производилось «частичное обновление» руководящих кадров не только в учреждениях культуры, но и в других учреждениях и ведомствах.

Однако, как отмечается по результатам специального исследования, в годы войны инициатива управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) «не привела к каким-то организационным выводам и значительным кадровым перемещениям. Скорее всего, она в данный момент не нашла поддержки у советского вождя и его ближайшего окружения». Никак не сказалась на ситуации в Союзе писателей Украины докладная записка руководителя НКВД Украины на имя Н. С. Хрущева от 27 марта 1943 года о том, что видные деятели украинской культуры А. П. Довженко и Ю. И. Яновский находят ненормальным, когда Союз возглавляет еврей по национальности⁸⁹⁹. {196}

В коренном переломе военной ситуации в пользу СССР обнаружила себя несопоставимость духовных потенциалов агрессора и жертвы. Человечеконенавистнической идеологии расизма и геноцида по отношению к поработаемым народам советская сторона противопоставляла такие общечеловеческие идеи, как национальная независимость, солидарность и дружба народов, справедливость, гуманизм. Несмотря на то что практическая политика по претворению этих принципов в СССР была далека от идеалов, их постоянное декларирование сохраняло надежду на их полное воплощение в жизнь после победы. Популярнейшая кинокартина «Свинарка и пастух» (вышла на экраны в ноябре 1941 г.), повествующая о любви русской девушки и парня из Дагестана, была близка своим гуманистическим пафосом умам и сердцам миллионов людей. Этот же пафос привлекал к СССР и симпатии демократической общественности за рубежом, обеспечившие расширение помощи в его борьбе с фашизмом.

В идеологической области все годы войны проводилась линия на укрепление патриотизма и межнационального единства народов СССР. В ряды Красной Армии призывались граждане всех национальностей⁹⁰⁰, на фронте они сражались за общую Родину. В самую тяжелую пору войны, когда довоенная армия была, по сути дела, уничтожена врагом, а украинские и белорусские земли оккупированы, пришлось в большей мере использовать демографический потенциал неславянских народов СССР. Создавались национальные воинские формирования, в значительной мере из-за слабого знания русского языка призывниками⁹⁰¹. Национальные республики Востока приняли эвакуированные предприятия, вовлекались в налаживание их работы, вносили посильный вклад в общую борьбу. Укрепление братского содружества народов было одной из ведущих тем пропаганды и приносило свои плоды. Хотя в годы войны имели место многие случаи измены и предательства среди представителей разных национальностей, проявлялось и недоверие к некоторым народам, дружба народов в целом выдержала тяжелое испытание.

По ходу войны объективно и во все большей мере возрастала роль русского народа. Удельный вес русских в рядах сражающихся был особенно велик в самый трудный период войны. Это заставляло руководство страны чаще обращаться, как к наиболее вдохновляющим — к исконным стремлениям и ценностям русского народа, к его историческим корням и самобытным традициям. Классовые, социалистические ценности заменялись обобщающим понятием Отечества. В пропаганде перестали делать особый упор на принцип классового интернационализма. Утвер-

ждению этих тенденций способствовала смена руководства Главного политического управления Красной Армии, произошедшая весной 1942 года. Патриота-интернационалиста Л. З. Мехлиса на ответственном посту начальника ГлавПУ РККА сменил А. С. Щербаков, имеющий стойкую репутацию патриота-государственника⁹⁰². Новации в деятельности важнейшего военно-политического ведомства выразились в начавшейся вскоре «очистке» от евреев и укреплении новыми кадрами Главпура, политуправлений {197} фронтов, редакции главного печатного органа советских Вооруженных Сил «Красной звезды». В июле 1943 года был снят с поста редактора газеты Д. И. Ортенберг⁹⁰³.

В 1942 году была начата работа по замене «Интернационала» на патриотический гимн. Роспуск Коминтерна в мае 1943 года ускорил работу над созданием гимна, в котором был бы отражен исторический путь народов страны, а не борьба международного пролетариата⁹⁰⁴. С начала 1944 года официальные торжественные мероприятия и ежедневные передачи советского радио начинались с исполнения гимна о нерушимом союзе республик, сплоченных навеки Великой Русью. В основу гимна была положена величественная музыка А. В. Александрова с ее устремленностью и призывом к подвигу, так необходимыми сражающейся стране.

Огромную вдохновляющую роль сыграло учреждение орденов в честь великих предков русского народа — Александра Невского, Суворова, Кутузова (июль 1942 г.), позднее — ордена Богдана Хмельницкого (октябрь 1943 г.; орден воодушевлял украинцев в их борьбе за изгнание оккупантов, за свою национальную будущность), орденов и медалей Ушакова и Нахимова (март 1944 г.). Советской армии возвращаются традиционная форма русской военной одежды с погонами (январь 1943 г.), офицерские звания. Учреждаются Суворовские училища типа старых кадетских корпусов⁹⁰⁵. На фронте и в тылу пропагандистская работа организуется на основе директивы о воспитании советского патриотизма на примерах героического прошлого русского народа. Практическим пособием в проведении этой работы стала книга «Героическое прошлое русского народа», изданная массовым тиражом в августе 1943 года.

В октябре 1944 года на самом высоком уровне рассматривался (был подготовлен соответствующий проект Указа Президиума Верховного Совета СССР) вопрос об официальном разрешении военнослужащим носить полученные еще в Первую мировую войну солдатские Георгиевские кресты. Были задуманы ордена, носящие имена Дениса Давыдова (для награждения партизан), Николая Пирогова (офицерам-медикам). Для гражданских лиц проектировался орден Михаила Ломоносова, а также медали, носившие имена Чернышевского, Павлова, Менделеева. Известны и проектные рисунки советского ордена «Петр Великий». Проекты остались не осуществленными, видимо, из-за отсутствия острой необходимости в дальнейшем поощрении «националистической» тенденции в наградном деле⁹⁰⁶. Вероятно, по этой же причине не получила развития в годы войны и беспрецедентная «топонимическая контрреволюция», произошедшая в Ленинграде 13 января 1944 года, за две недели до прорыва блокады города. Этим днем, П. С. Попков подписал решение исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся «О восстановлении прежних наименований некоторых улиц, проспектов, набережных и площадей города Ленинграда». В нем говорилось: «Ввиду того, что прежние наименования некоторых улиц, проспектов, набережных и площадей Ленинграда тесно связаны с историей и характерными особенностями города и прочно вошли в обиход населения, {198} в силу чего лучше обеспечивают нормальные внутригородские связи, — Исполнительный комитет Ленинградского городского совета депутатов трудящихся решает восстановить наименования следующих улиц, проспектов, набережных и площадей города». Далее следовал перечень существовавших и восстановленных наименований: Проспект 25 октября — Невский проспект; Улица 3 июля — Садовая улица; Проспект Красных Командиров — Измайловский проспект; Площадь Красных Командиров — Измайловская площадь; Площадь памяти Жертв Революции — Марсово поле; Площадь имени Воровского — Исаакиевская площадь; Площадь имени Плеханова — Казанская площадь; Проспект имени Володарского — Литейный проспект; Проспект имени Нахимсона — Владимирский проспект; Проспект Карла Либкнехта — Большой проспект; Улица имени Розы Люксембург — Введенская площадь; Набережная имени Рошала — Адмиралтейская набережная; Проспект имени Рошала — Адмиралтейский проспект; Улица имени Слуцкого — Таврическая улица; Советский проспект — Суворовский проспект; Проспект Пролетарской Победы — Большой проспект; Проспект Мусоргского — Средний проспект; Проспект Железняка — Малый проспект; Площадь Урицкого — Дворцовая площадь; Набережная 9 января — Дворцовая набережная. Дерзостная «националистическая контрреволюция», зримо и отчетливо восстанавливавшая статус Ленинграда как русского города, была должным образом

«засчитана» П. С. Попкову и другим ленинградским руководителям в известном «Ленинградском деле» 1949—1950-х годов⁹⁰⁷.

В мае 1943 года, когда события на фронте для советской стороны вновь поворачивались к худшему, а Второй фронт еще не был открыт, руководство ВКП(б) пошло на принятие одного из самых сенсационных за годы войны решений. Был распущен Коминтерн, известный всему миру как «штаб мировой революции». Такая идея впервые выдвигалась еще в апреле 1941 года. Тогда она мыслилась как разменная карта в торге с Гитлером. На этот раз важно было как можно скорее добиться укрепления союзнических отношений с западными капиталистическими странами ради расширения их помощи советскому народу в его борьбе. Между тем эти отношения в мае 1943 года совсем не удовлетворяли СССР, причем настолько, что советские послы М. М. Литвинов и И. М. Майский были отозваны из столиц США и Великобритании⁹⁰⁸.

О предстоящем роспуске Коминтерна было объявлено в прессе 15 мая, в самом начале Вашингтонской конференции Ф. Рузвельта и У. Черчилля, от которой зависело, будет ли открыт в 1943 году Второй фронт. Объявление было положительно воспринято в странах Запада, особенно в США, и привело к укреплению отношений этих стран с Советским Союзом.

При обсуждении постановления о роспуске Коминтерна на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 21 мая было отклонено предложение М. И. Калинина сохранить эту организацию и перенести центр ее деятельности в одну из западных стран, например, в Лондон. Отстаивая необходимость роспуска, Сталин говорил: «Опыт показал, что и при Марксе, и при Ленине, и теперь невозможно руководить рабочим движением всех стран мира из одного {199} международного центра. Особенно теперь, в условиях войны, когда компартии в Германии, Италии и других странах имеют задачи свергнуть свои правительства и проводить тактику пораженчества, а компартии СССР, Англии и Америки и другие, наоборот, имеют задачи всемерно поддерживать свои правительства для скорейшего разгрома врага. Есть и другой мотив для роспуска КИ, который не упоминается в постановлении. Это то, что компартии, входящие в КИ, лживо обвиняются, что они являются якобы агентами иностранного государства, и это мешает их работе среди широких масс. С роспуском КИ выбивается из рук врагов этот козырь. Предпринимаемый шаг несомненно усилит компартии как национальные рабочие партии и в то же время укрепит интернационализм народных масс, базой которого является Советский Союз»⁹⁰⁹.

Сталинское «якобы» было весомым аргументом. Принимался во внимание и довод старейшего члена ИККИ В. Коларова, который утверждал, что Коминтерн «давно перестал быть на деле руководящим органом. Перестал потому, что изменилась обстановка. Существует СССР, этот новый фактор такой огромной силы, что Коминтерн является архаизмом. Коминтерн был создан в момент революционной бури, но надежды на быструю революцию не оправдались»⁹¹⁰. Распуская Коминтерн, ни Политбюро, ни бывшее руководство КИ не собирались отказываться от контроля и руководства коммунистическим движением в мире. Они стремились лишь избежать их афиширования, доставляющего определенные неудобства и издержки. Вместо Коминтерна в ЦК ВКП(б) был создан отдел международной информации во главе с Г. Димитровым, а после войны был образован Коминформ. Работа, которую до мая 1943 года вел Коминтерн, приобрела еще больший размах.

По свидетельству В. М. Молотова, состоявшееся 10 января 1943 года заседание Политбюро согласилось с И. В. Сталиным в том, что «общая политическая и военная обстановка требует еще более резкого курса на патриотизм и русский национализм». С этого же года получило известность сталинское суждение, также во многом определившее последующую национальную политику: «Необходимо опять заняться проклятым вопросом, которым я занимался всю жизнь, но не могу сказать, что мы его всегда правильно решали... Это проклятый национальный вопрос... Некоторые товарищи еще недопонимают, что главная сила в нашей стране — великая великорусская нация... Некоторые товарищи еврейского происхождения думают, что эта война ведется за спасение еврейской нации. Эти товарищи ошибаются, Великая Отечественная война ведется за спасение, за свободу и независимость нашей Родины во главе с великим русским народом»⁹¹¹.

Сугубо прагматическими соображениями было вызвано и широко разрекламированное решение пленума ЦК ВКП(б) от 27 января 1944 года «о расширении прав союзных республик в области обороны и внешних сношений». Решение было связано с предстоящей организацией ООН и предложениями МИДа добиваться включения в состав ООН всех 16 советских республик. Попытаться сделать это можно было, придав (хотя бы {200} символически) больше прав, самостоятельности, суверенности союзным республикам, и сделать их тем самым такими же субъектами мирового сообщества, какими являлись британские доминионы (Канада, Южно-Африканский союз,

Австралия, Новая Зеландия) и колония (Индия). В расчете на это были приняты указы Верховного Совета СССР о преобразовании союзных наркоматов обороны и иностранных дел в союзно-республиканские. Проекты доклада В. М. Молотова и указов Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело 26 января, пленум — 27 января, а Верховный Совет СССР — 1 февраля.

Необходимость предложенных мер мотивировалось результатами политического, экономического и культурного роста союзных республик. Подчеркивалось: «В этом нельзя не видеть нового важного шага в практическом разрешении национального вопроса в многонациональном советском государстве, нельзя не видеть новой победы нашей ленинско-сталинской национальной политики». Конституция СССР была дополнена статьей 18: «Каждая союзная республика имеет право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями». Республики получили конституционное право иметь самостоятельные воинские формирования. Истинные цели просматривались в заявлении В. М. Молотова на пленуме ЦК: «Это очевидно будет означать увеличение рычагов советского воздействия в других государствах. Это будет также означать, что участие и удельный вес представительства Советского Союза в международных органах, конференциях, совещаниях, международных организациях усилятся»⁹¹².

ПРИЧИНЫ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Одним из факторов победы стала стойкость советских людей, попавших под оккупацию. На захваченных территориях гитлеровцы установили режим, полностью соответствующий их человеконенавистнической идеологии и преступным планам. Экономическая эксплуатация и грабеж сопровождалась массовыми репрессиями и уничтожением населения. Общее число жертв оккупационного режима превысило 14 млн человек, что составило примерно пятую часть проживавшего здесь населения. Свыше 4,8 млн человек угнали на рабский труд в Германию. Поголовному истреблению подвергались евреи (они разделяли судьбу всего еврейского народа, от имени которого война Германии была объявлена 21 августа 1939 года на XXI съезде сионистского движения устами своего главы и будущего первого президента Израиля Хаима Вейцмана⁹¹³) и цыгане. На разоблачение народов СССР было рассчитано решение военных властей от 25 июля 1941 года об освобождении из германского плена немцев Поволжья, украинцев, белорусов, латышей, литовцев, эстонцев, румын и финнов. Соответствующий приказ действовал до ноября 1941 года, освобождено 318,8 тыс. человек. В ноябре оккупанты прикрыли подобную «благодарительность» в отношении украинцев и белорусов, но сохранили ее в отношении прибалтов и немцев. В 1942—1944 годах освобождение из плена производилось лишь {201} при обязательном условии поступления на военную или полицейскую службу⁹¹⁴.

Лживой пропагандой, посулами и угрозами оккупанты пытались привлечь на свою сторону часть местного населения, недовольного большевистским режимом. Коллаборационисты направлялись в полицейские части, в различные воинские формирования. На оккупированной территории, согласно немецким данным, одних только полицеев, сельских старост и мелких чиновников органов управления фашистского режима из местного населения к началу 1942 г. насчитывалось 60 421 человек. К апрелю 1944 года их численность увеличилась до 191 166 человек⁹¹⁵. Выпускалось 130 газет (из них 60 на украинском языке, 16 — на русском) с участием местных журналистов⁹¹⁶. К примеру, А. Г. Авторханов, впоследствии известный на Западе советолог, в 1942—1944 годах редактировал орган всех антибольшевистских сил на Кавказе — газету «Газават», имевшую эпиграф: «Аллах над нами, а Гитлер с нами»⁹¹⁷.

В сентябре 1943 года, в разгар Сталинградской битвы, советская армейская разведка обнаружила, что против войск Закавказского фронта действуют вместе с немецкими войсками национальные формирования из военнопленных — выходцев с Кавказа и из среднеазиатских республик. В составе вермахта были также легионы из мусульман Поволжья и Крыма, казачьи соединения, с начала войны — западноукраинские и прибалтийские эсэсовские дивизии. К концу войны украинские коллаборационисты были объединены в Украинское освободительное войско («бандеровцы»), а русские — в Русскую освободительную армию («власовцы»). Общая численность таких формирований достигала миллиона человек. Всего на германских фашистов в годы войны работало до 1,5 млн предателей: почти миллион из них находился на службе в вермахте и СС, до 0,4 млн — в полиции и других формированиях на оккупированной территории⁹¹⁸.

Официальная фашистская пропаганда с первого дня представляла войну как освобождающую народы СССР от «еврейско-большевистского ига». Обращаясь к немецкому народу утром 22

июня 1941 года, Гитлер утверждал, что «никогда немецкий народ не испытывал враждебных чувств к народам России... Не Германия пыталась перенести свое националистическое мировоззрение в Россию, а еврейско-большевистские правители в Москве неуклонно предпринимали попытки навязать нашему и другим европейским народам свое господство». В тот же день Й. Геббельс разослал своим пропагандистам «Указание № 13», озаглавленное — «Ответ Германии на предательство еврейско-большевистского Кремля», которое предписывало им представлять войну как вынужденную самооборону: «Война ведется не против народов страны большевиков, а против еврейского большевизма и тех, кто его представляет». Одним из лозунгов, с которым немцы шли поработать СССР, был: «Заменяем три миллиона евреев тремя миллионами немцев»⁹¹⁹.

В СССР, по сути, только начинавшем выходить из состояния «обострения классовой борьбы», еще не оправившемся от потрясений, вызванных {202} коллективизацией, массовыми репрессиями, существовала определенная часть не только населения, но и партийно-государственной элиты, недовольная экономической и социальной политикой Сталина. Некоторые из этих людей допускали, что с приходом немцев «хуже не будет»: германцы, дескать, «простых людей бить не будут», они только избавят страну «от евреев и коммунистов», покарают воинствующих атеистов — «врагов самого Бога», а к нуждам верующих будут относиться с пониманием. Отражая эти настроения в крайне преувеличенном виде, А. Солженицын позднее писал: «Прогрессом 22 июня 1941 года... и все взрослое население, и притом всех основных наций Советского Союза, задыхалось в нетерпеливом ожидании: ну, пришел конец нашим паразитам! Теперь-то вот скоро освободимся»⁹²⁰. Давали о себе знать и прозападнические настроения части советской интеллигенции. Некоторым казалось, что «при нашей военно-технической отсталости нам одним сломать гитлеровскую налаженную и испытанную военную машину, пожалуй, не под силу, что на какой-то срок нами могут завладеть варяги — англичане и американцы — и навести в стране политический и экономический порядок»⁹²¹.

Однако предатели и разного рода коллаборационисты не имели шансов привлечь на свою сторону основную массу народа, противопоставить его руководству страны и оказать серьезное влияние на исход войны. Подлинное состояние страны и ее армии хорошо выразил один из попавших в немецкий плен и с достоинством державшийся генерал: «Когда дело касается судьбы России, русские будут сражаться — потеря территории ничего не означает, и указывать на недостатки режима бессмысленно». Репрессии ужесточившегося в годы войны режима не прекращались, но характер их изменился. На первое место при этом вышли мотивы измены, коллаборационизма, национал-сепаратизма. (Одними только особыми отделами НКВД, а с апреля 1943 г. созданным на их основе Главным управлением контрразведки СМЕРШ во главе с В. С. Абакумовым, за период с июля 1941 по май 1946 г. были арестованы около 700 тыс. человек, из них 70 тыс. расстреляны⁹²².)

Основная масса людей на захваченной врагом территории не теряла надежды на освобождение. Одни сопротивлялись оккупантам, саботируя их мероприятия, другие — уходя в подпольные организации и партизанские отряды. Их основу составляли заранее подготовленные партийные и советские работники, не сумевшие выйти из окружения военнослужащие, разведывательно-диверсионные группы, перебрасываемые из-за линии фронта. Уже в 1941 году на оккупированной территории действовали 18 подпольных обкомов партии, объединявших 65,5 тыс. коммунистов — партизан и подпольщиков. К осени 1943 года число подпольных обкомов увеличилось до 24. Общая численность партизан за годы войны составила 2,8 млн человек. Действуя как вспомогательные силы Красной Армии, они отвлекали на себя до 10 % вооруженных сил противника. В августе — сентябре 1943 года операциями «Рельсовая война» и «Концерт» партизаны на длительное время дезорганизовали железнодорожные перевозки в тылу {203} врага. Одновременно по тылам противника был проведен Карпатский рейд под командованием С. А. Ковпака. Борьба советских людей в тылу врага сыграла немалую роль в обеспечении коренного перелома в Отечественной войне и освобождении в 1944 года советской земли от оккупантов.

Однако на практике на протяжении войны наблюдалось не только постоянное наращивание вклада национальностей в отражение агрессии, но тенденции противоположного характера. Нападение Германии, Румынии, Венгрии, Италии, Финляндии на СССР сразу же обострило подозрения в отношении соответствующих этнических групп советского населения в том, что враг может быстрее всего найти пособников именно в этой среде. Например, уже в июле 1941 года НКВД СССР указывал на «нецелесообразность оставления в данное время на территории Карело-Финской республики трудпоселенцев-немцев», выселенных в эти края в 1932—1933 годах из приграничной полосы УССР⁹²³. Подозрения были небезосновательными и при первых реальных

фактах пособничества врагу превращались в жесткие властные распоряжения. 3 августа 1941 года Сталин получил телеграмму из Вознесенска, городка на реке Южный Буг, северо-восточнее Одессы. Командование Южного фронта докладывало: «1. Военные действия на Днестре показали, что немецкое население стреляло из окон и огородов по отходящим нашим войскам. Установлено также, что вступающие фашистско-немецкие войска в немецкой деревне 1.8.41 г. встречались хлебом, солью. На территории фронта имеется масса населенных пунктов с немецким населением. 2. Просим дать указания местным органам власти о немедленном выселении неблагонадежных элементов». На бланке шифротелеграммы появилась резолюция: «*Т-цу Берия*. Надо выселить с треском. И. Ст[алин]»⁹²⁴.

В конце августа 1941 года с приближением гитлеровских войск к районам основного расселения советских немцев были приняты решения, определившие советскую политику по отношению ко всем родственным противнику этническим группам. 27 августа нарком НКВД, ссылаясь на Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), издал приказ подготовить и провести 3—20 сентября 1941 года переселение немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей. Приказывалось перед началом операции арестовать выявленный «антисоветский элемент», далее — «совместно с партийно-советским активом провести разъяснительную работу и предупредить переселяемых, что в случае перехода на нелегальное положение отдельных членов остальные члены семей будут репрессированы в уголовном порядке», отказывающихся выезжать к месту расселения «арестовывать и перевезти на место расселения в принудительном порядке»⁹²⁵. 29 августа Молотов, Маленков, Косыгин, Жданов в донесении на имя Сталина докладывали: «Нами принято решение о немедленном переселении из пригородов Ленинграда немецкого и финского населения в количестве 96 000 человек». Они просили утвердить это решение и возложить организацию переселения на НКВД⁹²⁶. И уже 30 августа последовал приказ НКВД о том, чтобы начать 31 августа и закончить 7 сентября {204} 1941 года переселение из пригородов Ленинграда в Казахскую ССР немцев и финнов⁹²⁷. 31 августа было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР», утверждавшее еще одно предложение НКВД. В постановлении говорилось: «1) немцев, состоящих на учете как антисоветский элемент, арестовать; 2) остальную часть трудоспособного мужского населения в возрасте от 16 до 60 лет НКО мобилизовать в строительные батальоны и передать НКВД для использования в восточных областях СССР»⁹²⁸.

В 1942 году появился ряд решений, отягчавших жизнь значительной части немцев, выселенных ранее в глубокий тыл. 10 января было Государственный Комитет Обороны предписал «всех немцев — мужчин в возрасте от 17 до 50 лет, годных к физическому труду, выселенных в Новосибирскую и Омскую области, Красноярский и Алтайский края и Казахскую ССР, мобилизовать в количестве 120 000 человек в рабочие колонны на все время войны» и направить их на лесозаготовки, на строительство заводов и железных дорог⁹²⁹. В октябре было принято постановление о дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства, в соответствии с которым мобилизации подлежали немецкие мужчины в возрасте от 15—16 лет до 51—55 лет и женщины в возрасте от 16 до 45 лет включительно. 14 октября январское постановление ГКО, касавшееся немцев, было распространено на проживавших в СССР румын, венгров, итальянцев, финнов⁹³⁰. Рабочие колонны пополнялись также за счет представителей этих национальностей, призванных в первые месяцы войны в Красную Армию. По приказу командования РККА от 3 апреля 1942 года все представители «неблагонадежных» национальностей, находившиеся в действующей армии, изымались из ее рядов и переводились в рабочие колонны НКВД⁹³¹.

Подозрение и недоверие со стороны руководства страны в годы войны испытали на себе и другие народы СССР. Стойкую обиду вызывали откровенно пренебрежительные оценки вклада народов в общие усилия по отражению фашистской агрессии. Так, в беседе 3 декабря 1941 года с главой польского эмигрантского правительства В. Сикорским, в присутствии генерала В. Андерса, польского посла С. Кута и В. М. Молотова, Сталин плохо отзывался о воинской доблести евреев, сказав, что они — «паршивые солдаты». Получившее огласку высказывание, естественно, было расценено как антисемитское⁹³². Оскорбительно прозвучали, по мнению некоторых историков, слова Сталина, сказанные в конце зимы 1941—1942 годов в связи с докладом Е. А. Щаденко о сложности пополнения частей из многих национальных республик, где почти не было обученных национальных кадров, прошедших действительную военную службу: «Вы говорите, что некоторые национальные кадры плохо воюют. А что вы хотите?! Те народы, которые десятилетиями откупались от воинской повинности и у которых никогда не было своей военной интеллигенции, все равно не будут хорошо воевать, не могут хорошо воевать при том положении, которое историче-

ски сложилось»⁹³³. Отмечается недопустимость отношения к национальным кадрам начальника Главного политического управления РККА Л. З. Мехлиса {205} в бытность его представителем Ставки Верховного главнокомандования на Крымском фронте. В переговорах со Ставкой и Генеральным штабом он неоднократно отмечал низкие морально-боевые качества ряда дивизий, укомплектованных армянами и азербайджанцами, требовал «очистить войска от кавказцев», комплектовать направляемые фронту пополнения «обученными русскими» и своей властью производил изъятие русских и украинцев из соединений, формируемых в этот период в Закавказье, чтобы пополнить ими войска Крымского фронта. При призыве военнообязанных на территории Северо-Кавказского военного округа приказом НКО от 28 июля 1942 года было наложено вето на контингенты призывников «горских национальностей» из Чечено-Ингушской и Кабардино-Балкарской АССР⁹³⁴. К сожалению, обижаящие оценки и решения в ряде случаев были не так уж несправедливы. Иначе было бы трудно объяснить выпуск постановлений ГКО от 13 октября 1943 года и 25 октября 1944 года, в соответствии с которыми не производился призыв в Вооруженные силы представителей коренного населения Средней Азии, Закавказья, Северного Кавказа⁹³⁵.

Особую тревогу властей вызывала обстановка, складывавшаяся на Северном Кавказе. В 1940 году началось восстание в Чечено-Ингушетии, которое возглавлял бывший слушатель Коммунистического университета в Москве Хасан Исраилов (Герлоев). В феврале восставшие овладели частью Шатоевского района. На национальном съезде в Галанчоже было создано «Временное Народное революционное правительство Чечено-Ингушетии» во главе с Исраиловым. Окончание войны в Финляндии притупило движение, восставшие понесли несколько поражений, однако часть горной Чечни осталась во власти временного правительства. Созданной Исраиловым Объединенной партией кавказских братьев (ОПКБ), к ноябрю 1941 года присягнули на верность почти 5 тысяч человек⁹³⁶.

«Партия кавказских братьев» имела исполнительный комитет из 33 человек и Оргбюро из 9 человек. Согласно «Временной программе» этой организации, основными направлениями ее деятельности было проведение повсеместных вооруженных восстаний и столкновений с отрядами НКВД, организация дезертирства из Красной Армии⁹³⁷, работа по уничтожению колхозного строя, организация терактов над представителями Советской власти, разрушение коммуникаций, захват населенных пунктов, оказание помощи немецким десантам по выполнению ими заданий командования германской армии⁹³⁸.

В феврале 1942 года, когда немецкий фронт был в 500 км от Чечено-Ингушетии, в Шатое и Итум-Кале поднял восстание бывший прокурор республики Майрбек Шерипов, брат известного руководителя большевиков Чечни в 1917 году. Объединившись, обе восставшие группировки реорганизовали повстанческое правительство, создали объединенный военный штаб, совершали рейды на органы советской власти и на колхозы. Весной 1942 года советская авиация дважды подвергла бомбардировке повстанческие аулы. В некоторых из них убитых было больше, чем оставшихся в живых. {206}

С приближением фронта к Кавказу временное правительство Чечено-Ингушетии в июне 1942 года выпустило воззвание, в котором говорилось, что кавказские народы ожидают немцев как гостей и в случае признания независимости Кавказа окажут им гостеприимство. Нарком внутренних дел Чечено-Ингушетии С. Албогачиев в августе 1942 года доносил руководителю НКВД СССР, что в республике действует Чечено-Горская национал-социалистическая партия, которая интенсивно готовит восстание в горных районах с целью свержения Советской власти. В донесениях в МВД СССР отмечалось, что в обнаруженных списках повстанческой организации по 20 аулам Итум-Калинского, Галанчожского, Шатоевского районов числилось 6540 человек⁹³⁹. (Для сравнения: на начало октября 1942 г. во всех сельских районах республики насчитывался 2041 коммунист⁹⁴⁰.)

В августе — сентябре 1942 года фашисты забросили в республику 4 диверсионные группы (76 человек). Возглавлял десант бывший офицер царской армии, капитан абвера Осман Губе (Саиднуров), аварец, сын владельца мануфактурной лавки и кандидат на роль начальника политической полиции на Северном Кавказе в случае победы немцев. Группы имели целью устроить саботаж в тылу, взрывать мосты, дезорганизовывать снабжение, формировать банды, в конечном счете, как показывал арестованный в январе 1943 года О. Губе на допросе, захватить власть в Пригородном, Галанчожском и Галашкинском районах. Кстати, он удивлялся недовольству чеченцев и ингушей, которые, по его четырехмесячным наблюдениям, при советской власти жили «гораздо лучше, чем в дореволюционной России... что бросалось в глаза мне, вспоминавшему тяжелые условия и постоянные лишения, в которых обретала в Турции и Германии горская эмиграция»⁹⁴¹.

С 3 августа 1942 года по 20 января 1943 года действовал Карачаевский национальный комитет, созданный лидерами «сил сопротивления советам». Комитет активно вел работу по вербовке агентуры и бандформирований. Они осуществляли террористические акты, подрыв хозяйства, включались в полицейский аппарат, организовали в январе 1943 года восстание в Учкулановском районе. На территории Кабардино-Балкарии, оккупированной в августе 1942 года, в 1943 году действовали 44 террористические антисоветские группы⁹⁴².

По данным Отдела борьбы с бандитизмом НКВД СССР, в 1941—1943 годах были ликвидированы по Союзу СССР 7163 повстанческих групп общей численностью 54 130 человек, из них на Северном Кавказе — 963 группы (13,5 %), 17 563 чел. (32,5 %)⁹⁴³. Лидирование Северного Кавказа в антисоветском повстанческом движении явилось одним из доводов в пользу постановления ГКО от 31 января 1944 года о депортации чеченцев и ингушей и ликвидации Чечено-Ингушской АССР. За годы войны это был уже четвертый случай ликвидации советского национально-государственного образования (в 1941 г. были выселены немцы Поволжья, в 1943 г. карачаевцы и калмыки)⁹⁴⁴. Все это никак не противоречит исторической правде о том, что призванные в РККА многочисленные представители «репрессированных народов» героически сражались на фронте за будущее своих народов и за свою общую Родину — СССР. {207}

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ЦЕРКВИ — НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕФОРМА?

Тяготы войны, утраты и лишения оживили религиозные настроения в народе, он открыто потянулся к церкви. Власть высоко ценила ее патриотическую деятельность по сбору денежных средств и вещей для нужд фронта. Она делала все новые и новые шаги к признанию важной роли церкви.

Советскую кинохронику, посвященную победам Красной Армии в битве под Москвой в декабре 1941 года, открывали немислимые еще недавно кадры: колокольный звон московских церквей; крестный ход, возглавляемый православным духовенством в полном облачении с высоко поднятыми крестами; встречи армейских колонн в освобожденных городах местными жителями с иконами; солдаты, осеняющие себя крестным знаменем и прикладывающиеся к святым образам; освящение танковой колонны, построенной на пожертвования верующих.

10 марта 1942 года решением Политбюро ЦК ВКП(б) Наркомату внутренних дел было поручено «принять необходимые меры к обеспечению издания Московской патриархией книжки-альбома «Правда о религии в СССР»⁹⁴⁵. Основанием для принятия решения стало спецсообщение Л. П. Берии и В. Сталину о том, что открытие православных храмов на оккупированной территории способствовало привлечению населения на сторону германских властей. Издание было осуществлено типографией практически прекратившего существовать Союза воинствующих безбожников летом 1943 года. Тираж (50 тыс. экземпляров) предназначался, главным образом, для пропаганды в США, Великобритании и других зарубежных странах⁹⁴⁶.

В книге, получившей название «Правда о религии в России», говорилось о полной свободе вероисповедания в СССР, отмечался традиционный патриотизм Русской православной церкви от Александра Невского до наших дней, подчеркивалась тесная связь между русским народом и его церковью, говорилось о необходимости обращения к Богу, так как только Его помощь может обеспечить победу.

В марте 1942 года в Ульяновске был созван первый за время войны Собор епископов. На нем была рассмотрена ситуация в Русской православной церкви и осужден епископ Луцкий Поликарп (П. Д. Сикорский) за сотрудничество с фашистами и восстановление на оккупированной немцами территории неканонической Украинской автокефальной церкви.

Весной 1942 года власти официально разрешили религиозное празднование православной Пасхи. Пасха была ранней, и праздник начинался в ночь с 4 на 5 апреля. Немцы к этому времени были отброшены от Москвы на сто с лишним километров. Наши войска после наступательных боев перешли к обороне. Победа под Москвой всколыхнула страну, вселила надежду и уверенность в возможность разгрома столь могучего и свирепого врага. Однако надежд было все-таки больше, нежели уверенности и потому каждая капля военного счастья воспринималась людьми с мечтой о будущей окончательной победе. В этих условиях решение Сталина о легализации праздника было как нельзя своевременным. Помимо большого {208} общественного, политического резонанса, морально-психологического воздействия на русского человека, оно позволило высшему руководству страны и лично Сталину убедиться в потенциальных силах нации, почувствовать тот запас энергии, которым обладал русский народ после тяжелейших поражений и страданий

1941 года. Празднование неизмеримо укрепляло веру православных в торжество Спасителя, а значит и нашу неизбежную победу⁹⁴⁷.

В том же году был сделан еще один шаг к признанию роли церкви. 2 ноября 1942 года один из трех высших иерархов РПЦ, митрополит Киевский и Галицкий Николай (Б. Д. Ярушевич), управляющий Московской епархией, был включен в Чрезвычайную государственную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Большое значение имело осуждение руководством церкви представителей духовенства, сотрудничавших с оккупантами. Как «изменники веры и отечества» были осуждены митрополиты Сергей (Прибалтика) и Алексей (Украина), архиепископ Филофей (Белоруссия) и другие иерархи церкви. Это не могло не сокращать общих масштабов коллаборационизма на оккупированных территориях⁹⁴⁸.

4 сентября 1943 года состоялась встреча Сталина с митрополитами Сергием, Алексием и Николаем, во время которой был очерчен круг неотложных вопросов и решений для нормализации государственно-церковных отношений в СССР. Сразу же после встречи патриархии был передан особняк (Чистый переулок, дом 5), занимаемый ранее германским послом Ф. Шуленбургом. 8 сентября был созван Архиерейский Собор для избрания патриарха, престол которого пустовал со дня смерти Патриарха Московского и всея Руси Тихона (В. И. Беллавин) в 1925 году. 12 сентября Архиерейский Собор в составе 19 иерархов (3 митрополита, 11 архиепископов и 5 епископов) избрал митрополита Московского Сергия новым Патриархом Московским и всея Руси. Затем Сергей уже в новом качестве объявил об образовании совещательного органа при патриархе — Священного синода из трех постоянных и трех временных членов. Собор принял актуальный для военного времени документ, в котором говорилось, что «всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик — лишенным сана». Не менее значимым было обращение Собора к христианам всего мира с призывом «объединиться во имя Христа для окончательной победы над общим врагом»⁹⁴⁹.

8 октября 1943 года был образован Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР. С конца года открываются для службы храмы, растет число православных общин, возвращается из лагерей репрессированное духовенство. 28 ноября 1944 года было принято правительственное решение об открытии православного богословского института и богословско-пастырских курсов для подготовки кадров священнослужителей.

По мере освобождения советских земель от оккупантов в лоно РПЦ возвратились монастыри и храмы, в большом количестве открытые {209} по разрешению немецких оккупационных властей в целях противопоставления их советской власти. Всего за три года на занятой гитлеровцами территории было восстановлено около 9400 церквей, более 40 % от их дореволюционного количества⁹⁵⁰. В то же время фашистское нашествие привело к разрушению 1670 православных храмов, 237 костелов, 532 синагог, 69 часовен, 258 других культовых зданий⁹⁵¹.

Религиозная свобода допускалась гитлеровцами, в принципе враждебными всякой форме христианства, временно. В июне 1941 года М. Борман, руководитель партийной канцелярии Гитлера, разослал всем гаулейтерам империи письмо, в котором говорилось, что «национал-социалистическое и христианское мировоззрения несовместимы... Интересам национал-социалистического государства соответствует содействие церковному партикуляризму, чтобы обеспечить руководство народом лишь со стороны партии»⁹⁵². А в ведомстве рейхслейтера А. Розенберга был разработан «план национал-социалистической религиозной политики», целью которой было создание официальной, обязательной для всех граждан «государственной религии», которая должна вступить в силу «приблизительно через 25 лет» и привести к полному исчезновению христианских конфессий⁹⁵³. Однако первый этап религиозной политики гитлеровцев на оккупированной территории, продиктованный стремлением обострить противоречия между Русской православной церковью и советским государством, предоставив духовенству и мирянам свести счеты с богоборческой властью⁹⁵⁴, оказал существенное влияние на отношения между государством и церковью. Вместо обострения они пошли к взаимопониманию и взаимной поддержке.

Кульминацией признания роли и авторитета церкви со стороны государства и общества стало проведение 31 января — 2 февраля 1945 года Поместного собора РПЦ, созванного в связи со смертью Патриарха Сергия. В работе Собора участвовали 41 архиепископ и епископ, 126 протоиереев приходского духовенства, а также делегации семи автокефальных церквей, что позволяло проводить параллели со Вселенским собором, не созывавшимся несколько столетий. Собор принял «Положение об управлении Русской православной церкви», которым Московская патриархия руководствовалась до 1988 года, и избрал тринадцатым Патриархом Московским и всея Руси ле-

нинградского митрополита Алексия (С. В. Симанский), возглавлявшего РПЦ в течение последующих 25 лет⁹⁵⁵.

Урегулирование государственно-церковных отношений в годы войны распространилось и на другие религиозные объединения. Постановлением правительства СССР от 19 мая 1944 года был образован Совет по делам религиозных культов при СНК СССР. В его функции входило взаимодействие между Совнаркомом и руководителями неправославных конфессий. В годы войны в дополнение к Духовному управлению мусульман, которое находилось в Уфе, были созданы еще три самостоятельных управления: Средней Азии (г. Ташкент), Закавказья (г. Баку) и Северного Кавказа (г. Буйнакск). Управления занимались патриотическим воспитанием мусульман, собирали средства для семей фронтовиков и на постройку боевой техники, {210} призывали верующих на выполнение плановых заданий, формировали положительный образ страны в мире⁹⁵⁶.

К концу войны в СССР действовало 10 547 православных церквей и 75 монастырей, в то время как перед началом Второй мировой войны было только около 380 церквей и ни одного действующего монастыря. В 1945 году Русской Православной церкви возвращается Киево-Печерская Лавра, из запасников музеев передаются в действующие храмы «чудотворные мощи», изъятые в 1920—1930-х годах. Размах и интенсивность религиозного возрождения в СССР в годы войны позволяют говорить об этом времени как о «втором крещении Руси»⁹⁵⁷. Открытые церкви стали новыми центрами русского национального самосознания⁹⁵⁸. Христианские ценности становились важнейшим элементом национальной идеологии и культуры. Некоторые исследователи (например, Ж. А. Медведев) неодобрительно пишут о войне как о времени, когда была осуществлена «наиболее важная националистическая реформа — полная легализация Русской православной церкви»⁹⁵⁹. На наш взгляд, более верным и значимым является суждение доктора церковной истории митрополита Иоанна (в миру И. М. Снычев) о том, что отступление богоборческой власти в войне с церковью и сталинский тост «за русский народ» «как бы подвел окончательную черту под изменившимся самосознанием власти, сделав патриотизм наряду с коммунизмом официально признанной опорой государственной идеологии. Роль национального чувства в таком тандеме была, безусловно, второстепенной. “Догматы” коммунизма оставались незыблемыми, но все же, все же... Державная инерция русского самосознания пробила себе дорогу даже сквозь их откровенно русоненавистнические заросли. Это был первый признак того, что дни режима сочтены, сколь бы мощным и неколебимым не выглядел он со стороны»⁹⁶⁰. (Многokrратно возросшая роль РПЦ в постсоветское время характеризуется следующими данными: число епархий РПЦ к февралю 2010 года увеличилось до 160, количество монастырей — до 788, в том числе 386 мужских и 402 женских. РПЦ насчитывает 207 правящих и викарных епископов, 30 142 прихода, 28 434 священника, 3 625 диаконов⁹⁶¹.)

В послевоенные годы широко распространились рассказы о том, что в нормализации государственно-церковных отношений в СССР большую роль сыграло пророчество митрополита Гор Ливанских Илии (Антиохийский патриархат). Согласно преданию, в декабре 1941 г., в тяжелейшие дни войны, митрополит молился за Россию перед иконой Божией Матери в древней пещерной церкви монастыря, расположенном в 60 км к северу от Бейрута в высокой скале («Монастырь Божией Матери, несущей свет»). «Спустившись в каменное подземелье... не вкушал пищи, не пил, не спал, а только молился... через трое суток, в огненном столпе явилась ему Сама Мать Божия и объявила, что он как истинный молитвенник и друг России, избран для того, чтобы передать определение Божие этой стране. Если это определение не будет выполнено, Россия погибнет». Определение было таким: «Должны быть открыты по всей стране храмы, монастыри, духовные {211} академии и семинарии. Священники должны быть возвращены из тюрем. Ленинград не сдавать, но обнести город Святой иконой Казанской Божией Матери. Потом икону везти в Москву и совершить там молебен, и далее везти ее в Сталинград». Митрополит связался с главами РПЦ, написал им о повелениях Божией Матери. Полагают, что о письме доложили Сталину и советовали поступить согласно предсказанию. Сталин прислушался. Пророчества сбылись. В 1947 и 1948 годах Илия посещал Россию, ему были оказаны торжественные встречи, вручены ценные подарки⁹⁶². К нашим дням положительную реакцию Сталина на видения арабского митрополита, точно так же как и его поездку в октябре 1941 года с покаянием к святой блаженной старице Матроне Московской, ставят под сомнение и относят к разряду сказок, рожденных глубокой верой народа в чудесное избавление СССР от губительной военной напасти. «Самое же главное чудо сороковых годов, — пишет известный светский и церковный ученый А. В. Кураев, — очевидно и неоспоримо: наша Родина выстояла и победила». Соглашаясь с маршалом Д. Т. Язовым, добавляет: «Войну выиграла безбожники, но с помощью Божьей»⁹⁶³.

ГРАНИЦЫ ОТСТУПЛЕНИЯ В ДУХЕ «НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО НЭПА»

Любовь к Родине, ненависть к врагу, вера в победу, патриотизм и героизм советского народа были ведущими темами произведений литературы и искусства. Советская литература еще до начала Великой Отечественной войны, по словам А. Н. Толстого, «от пафоса космополитизма пришла к Родине». Война многократно усилила эту патриотическую тенденцию в публицистике и всей художественной культуре. Публицистика А. Н. Толстого, М. А. Шолохова и И. Г. Эренбурга, лирика К. М. Симонова, А. А. Суркова и А. Т. Твардовского, симфонии С. С. Прокофьева и Д. Д. Шостаковича, песни А. В. Александрова, Б. А. Мокроусова и В. П. Соловьева-Седого, картины С. В. Герасимова, А. А. Дейнеки поднимали моральный дух советских граждан, развивали чувство национальной гордости, укрепляли настроенность на победу.

Воспитание у советских людей чувства ненависти и мести средствами публицистики, кино, всей системой политико-воспитательной работы, особенно поощряемое на первых этапах войны, выражалось в призывах: «Смерть немецким оккупантам!», «Убей немца!». Ненависть к врагу приходилось воспитывать целенаправленно. Писатель-фронтовик Даниил Гранин в этой связи говорил: «Мы встретили войну безоружными не только в смысле оружия, мы морально были безоружны. ... Немцы были нашими, казалось бы, союзниками, Германия казалась ближе, чем Англия, Франция, тем более — Америка. И, когда началась война, мы должны были стрелять в немцев, к чему не были готовы морально, а они были готовы — потому что пришли в дикую Россию, где жили недочеловеки, низшая раса, которую можно было уничтожить. Я помню первого пленного — это был младший офицер. Мы говорили ему, что мы братья, напоминали имена Карла Либкнехта, Розы Люксембург, Эрнста Тельмана... Нам было очень трудно {212} найти в себе ненависть, но немцы очень быстро нам в этом помогли — они вешали, убивали, сжигали деревню за деревней. Но пока мы не возненавидели по-настоящему, не могла начаться настоящая война»⁹⁶⁴.

Проводя работу по воспитанию ненависти к фашизму, советские пропагандисты всеми средствами нагнетали критически-негативную характеристику германского государства и его армии. И, напротив, побуждая граждан СССР защищать его от врага, усиливали апологетику советского общества, выделяли и поддерживали достоинства его защитников, замалчивали недостатки. Однако нагнетание ненависти имело свои пределы. На заключительном этапе была дана установка на сдерживание крайностей с тем, чтобы ненависть к врагу не вылилась во всеобщую слепую ярость ко всему немецкому народу⁹⁶⁵.

Имело свои границы и отступление в духе «националистического нэпа». В период с 29 мая по 8 июля 1944 года в ЦК ВКП(б) прошло совещание историков, на котором осуждались крайности, идущие как по линии очернения прошлого русского народа, преуменьшения его роли в мировой истории (А. М. Панкратова, М. В. Нечкина, Н. Л. Рубинштейн и др.), так и по линии сползания на позиции «великодержавного шовинизма» и «квасного патриотизма» (Х. Г. Аджемян, Б. Д. Греков, А. В. Ефимов, Е. В. Тарле и др.)⁹⁶⁶. В одном из проектов постановления по итогам совещания отмечалось, что в работах «ряда историков, особенно — Яковлева и Тарле, проявляются настроения великодержавного шовинизма, обнаруживаются попытки пересмотреть марксистско-ленинское понимание русской истории, оправдать и приукрасить реакционную политику царского самодержавия, противопоставить русский народ другим народам нашей страны». А. И. Яковлев на заседании 7 января 1944 года в Наркомпросе высказал смелую мысль: «Мне представляется необходимым выдвинуть на первый план мотив русского национализма. Мы очень уважаем народности, вошедшие в наш Союз, относимся к ним любовно. Но русскую историю делал русский народ. И мне кажется, что всякий учебник о России должен быть построен на этом лейтмотиве... Этот мотив национального развития, который так блистательно проходит через курс истории Соловьева, Ключевского, должен быть передан всякому составителю учебника... Мы, русские, хотим истории русского народа, истории русских учреждений, в русских условиях». Это заявление было осуждено как «явное проявление великодержавного пренебрежительного отношения к нерусским народам»⁹⁶⁷. Были отвергнуты предложения о включении в число исторических героев А. А. Брусилова, А. М. Горчакова, А. П. Ермолова, М. И. Драгомирова, К. П. Кауфмана, М. Д. Скобелева, М. Г. Черняева и других выдающихся военных и государственных деятелей дореволюционной России.

Еще более жестким было осуждение «националистических проявлений» в других республиках. 31 января 1944 года Сталин принял личное участие в обсуждении киноповести А. П. Довженко «Украина в огне». Он осудил повесть за то, что в ней «ревизуется ленинизм», «нет ни одного слова о Ленине», не разоблачаются петлюровцы и другие предатели украинского {213} народа,

изображается, будто колхозный строй убил в людях национальную гордость, в то время как «именно советская власть и большевистская партия свято хранят исторические традиции и богатое культурное наследие украинского народа и всех народов СССР и высоко подняли их национальное самосознание». Сталин негодуяюще заметил: «Если судить о войне по киноповести Довженко, то в Отечественной войне не участвуют представители всех народов СССР, в ней участвуют только украинцы». Заключение было суровым: повесть является «ярким проявлением национализма, узкой национальной ограниченности». Берия посоветовал заслуженному деятелю искусств УССР: «А теперь... исчезай, вроде бы нет и не было тебя». 12 февраля 1944 года Политбюро КП(б) У приняло решение, в соответствии с которым А. П. Довженко сняли со всех занимаемых должностей как в государственных учреждениях, так и в общественных организациях. 21 февраля 1944 года он был исключен из Всеславянского Комитета⁹⁶⁸.

9 августа 1944 года ЦК ВКП(б) принял постановление, осуждающее республиканскую газету «Красная Татария» за принижение роли Красной Армии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и «преклонение перед военной мощью, техникой и культурой буржуазных стран». Татарскому обкому партии предлагалось устранить «серьезные недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории Татарии (приукрашивание Золотой Орды, популяризация ханско-феодального эпоса об Идее)»⁹⁶⁹. 27 января 1945 года аналогичное внушение было сделано руководству Башкирской партийной организации. Здесь тоже обнаружили серьезные идеологические просчеты: «В подготовленных к печати “Очерках по истории Башкирии”, в литературных произведениях “Идукай и Мурадым”, “Эпос о богатырях” не проводятся разграничения между подлинными национально-освободительными движениями башкирского народа и разбойничьими набегами башкирских феодалов на соседние народы, недостаточно показывается угнетение трудящихся башкир татарскими и башкирскими феодалами, идеализируется патриархально-феодальное прошлое башкир. В пьесе “Кахым-Тура” извращается история участия башкир в Отечественной войне 1812 года, противопоставляются друг другу русские и башкирские воины»⁹⁷⁰. Формулировки были ужесточены на X пленуме правления Союза советских писателей (17 мая 1945 г.). Здесь уже говорили, что в Татарии «поднимали на щит ханско-феодальный эпос об Идее и делали Золотую Орду передовым государством своего времени», нечто подобное произошло и в Башкирии с эпосом Карасахал, там тоже «извратили историю и впали в идеализацию патриархально-феодального прошлого»⁹⁷¹. Все это заставляло историков и литераторов впредь быть очень осторожными в проведении грани между «героическим прошлым» народа и «идеализацией исторического прошлого», а также не допускать безразличия к местности, где геройствовали «славные предки». Определенные перегибы в этом отношении ознаменовались разоблачениями «реакционной сущности» знаменитых эпосов монгольских народов (включая бурят) и ряда тюркских народов «Гэсэр-Хан», национальных эпосов народов {214} Кавказа и Средней Азии — «Деде Коркут», «Коркут Ата», «Алпамыш», Кероглу», «Кобланды-батыр», осетинского эпоса Нартов и др.⁹⁷²

Великая Отечественная война в целом была временем решающих уступок национальному сознанию народов СССР, особенно русскому национальному самосознанию. Гимн страны, повсеместно исполнявшийся с 15 марта 1944 года, закреплял новую ситуацию и линию партии в национальном вопросе. В соответствии с реальной ролью русского народа в отечественной истории, в укреплении единства многонационального советского общества о Советском Союзе стали петь, как о нерушимом союзе республик, сплоченных навеки Великой Русью. Попытки ультраинтернационалистов сузить масштабы уступок военного времени и возвратиться к довоенной программе, лозунгам и методам интернационально-патриотического воспитания не имели успеха. Это продемонстрировало, в частности, совещание историков в ЦК ВКП(б) (май — июль 1944 г.), инициированное ревностными историками-марксистами, возвращенными в известной школе М. Н. Покровского. Уступки русскому национальному сознанию были сохранены, а позже, в период борьбы с «низкопоклонством перед Западом» и «космополитизмом» в какой-то мере расширены. Однако утверждать, что национальная политика в послевоенные годы сталинского правления полностью определялась принципами национал-большевизма, на наш взгляд, было бы неверно. Переход на этот путь должен был существенно отразиться на архитектонике национально-государственного устройства страны, чего, как известно, при Сталине не произошло.

Помимо всего прочего, «националистический нэп» периода Великой Отечественной войны показывает, что постоянными национальными предпочтениями Сталин в политике не руководствовался. Он делал это с учетом конкретных обстоятельств. «Факты говорят о том, — пишет В. И. Козлов, — что Сталин почти до середины 1930-х годов, как верный ученик Ленина, был *юдофилом* и русофобом и что только смертельная угроза со стороны гитлеровской Германии, охва-

ченной идеями национал-социализма, заставила его обратиться к русскому историко-национальному патриотизму»⁹⁷³. Однако выразительное «не то» на предложении закрепить «руководящее положение в советском содружестве наций»⁹⁷⁴ в новой программе партии (проект 1947 г.) говорит и о его возвращении к интернационализму в марксистско-ленинском понимании, и о соглашении на проведение в 1949—1950 годах репрессий против руководителей из «ленинградской группы», стоявших на позициях укрепления роли РСФСР и русского народа в государстве и международных отношениях в СССР.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ПОБЕДЫ

Советский Союз выходил из войны с самой многочисленной армией в Европе (на 1 июля 1945 г. в армии и на флоте по списку насчитывалось 11 млн 390,6 тысяч человек⁹⁷⁵) и расширенными границами своего государства. Договоренности с союзниками закрепляли права СССР на территории Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии, Бессарабии, {215} Северной Буковины, присоединенные в начале Второй мировой войны, на часть Пруссии (Кенигсберг и прилегающие к нему районы, ставшие Калининградом и Калининградской областью РСФСР). С Литовской ССР воссоединилась Клайпеда. По соглашению о перемирии с Финляндией СССР расширился за счет района Петсамо (ныне Печенгский район Мурманской области) и стал граничить с Норвегией. По договорам о границах с Чехословакией и Польшей в СССР были включены Подкарпатская Русь (нынешняя Закарпатская область Украины) и район Владимира-Волынского, бывшего в XII—XIV вв. столицей Галицко-Волынского княжества. На востоке в границы СССР были включены Южный Сахалин и Курильские острова. В октябре 1944 года в состав РСФСР добровольно вошла на правах автономной области Тува, преобразованная позже (в 1961 г.) в автономную республику⁹⁷⁶.

Незадолго до Второй мировой войны, 17 января 1939 года, в СССР была проведена перепись населения, насчитавшая 167,6 млн человек (по уточненным позднее данным — 170,6 млн⁹⁷⁷), в том числе 58,4 % русских и 32,9 % горожан). К июню 1941 года общая численность населения СССР увеличилась на 29—30 млн человек, в том числе за счет населения территорий, присоединенных к СССР в 1939—1940 годах (22,6 млн человек)⁹⁷⁸. Удельный вес русского населения в результате включения в состав Советского Союза новых западных областей сократился. В канун войны население СССР насчитывало 196,7 млн. человек. 73 % жителей страны составляли три славянских народа: русские (51,8 %), украинцы (17,6 %) и белорусы (3,6 %). Узбеки насчитывали 2,6 %, евреи — 2,5, татары 2,2, казахи — 1,8, азербайджанцы — 1,2, армяне, грузины, литовцы, молдаване — по 1,1 %, каждый их остальных народов — менее процента⁹⁷⁹. Демографический потенциал Советского Союза был гораздо более высоким, нежели тот, которым располагал его вероятный военный противник. К началу Второй мировой войны население Германии насчитывало 69,3 миллиона человек. Аншлюс Австрии увеличил население Третьего рейха до 80 миллионов человек.

Ущерб, нанесенный войной Советскому Союзу, был огромен. Население, по оценкам демографов, за период с июня 1941 года до начала 1946 года сократилось с 196,7 до 170,5 млн человек. Общие людские потери СССР в результате войны составили 26,6 млн человек, 13,5 % от численности населения СССР на начало войны⁹⁸⁰. Довоенная численность населения России была восстановлена к 1954 году.

За годы войны, в том числе и за компанию на Дальнем Востоке в 1945 году потери Вооруженных Сил СССР составили 11,4 млн человек. Из них 5,2 млн человек погибли в боях и умерли от ран на этапах санитарной эвакуации. 1,1 млн умерли от ран в госпиталях. 0,6 млн составили разные небоевые потери — умершие от болезней, погибшие в результате происшествий, покончившие жизнь самоубийством, осужденные к расстрелу. 5 млн человек пропали без вести и попали в фашистские концлагеря. С учетом вернувшихся из плена после войны (1,8 млн человек) и почти миллиона {216} человек из числа учтенных ранее как пропавшие без вести, но выживших и вторично призванных в армию на освобожденной территории, демографические потери военнослужащих Вооруженных сил СССР списочного состава составили 8,7 млн человек (4,4 % от довоенной численности населения страны)⁹⁸¹. Официальные данные, опубликованные сразу после окончания войны, были явно занижены. В интервью относительно Фултонской речи Черчилля⁹⁸² Сталин объявил: «В результате немецкого вторжения Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами, а также благодаря немецкой оккупации и угону советских людей на немецкую каторгу — около семи миллионов человек... в несколько раз больше, чем Англия, Соединенные Штаты Америки, вместе взятые»⁹⁸³.

Каждые сутки на советско-германском фронте выбывало из строя в среднем 21 тыс. человек, из них около 8 тыс. — безвозвратно. Самые большие среднесуточные потери отмечаются в летне-осенних кампаниях 1941 года — 24 тысячи человек (17,1 тысяч — безвозвратные и 6,9 тысяч — санитарные) и 1943 года — 27,3 тысяч человек (7,6 тысяч — безвозвратные и 19,7 тысяч — санитарные)⁹⁸⁴.

Жертвами войны стали миллионы мирных граждан. Они гибли от боевого воздействия противника в прифронтовых районах, в блокадных и осажденных городах. 7 420 379 мирных жителей было преднамеренно истреблено гитлеровцами на оккупированной территории⁹⁸⁵. (Считается, что из них более 36 % — 2 733 тыс. человек, 1112 тыс. «восточников», т.е. жителей СССР в границах до 17 сентября 1939 г., и 1621 тыс. «западников», т.е. жителей Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии, Правобережной Молдавии и Северной Буковины, составляли евреи⁹⁸⁶.) 5,3 млн советских граждан были насильственно вывезены на работы в Германию. Из них 2,2 млн погибли и умерли в фашистской неволе, 451 тыс. не вернулись по разным причинам и стали эмигрантами⁹⁸⁷ (этнических русских в их составе было 7 %⁹⁸⁸). На 4,1 млн человек сократилось население на оккупированной территории в результате повышенной смертности от жестоких условий оккупационного режима (голод, инфекционные болезни, отсутствие медицинской помощи). По причине повышенной смертности умерло 1,3 млн детей из числа родившихся в годы войны⁹⁸⁹.

Развязанная гитлеровцами Вторая мировая война обернулась людской трагедией и для самой Германии и ее союзников. По данным всеобщей переписи населения, проведенной в Германии в октябре 1946 года, в стране насчитывалось 65,9 млн человек. Только на советско-германском фронте (с 22 июня 1941 по 9 мая 1945 г.) безвозвратные потери Германии составили 7181 тыс. военнослужащих, а вместе с союзниками — 8649 тыс. человек⁹⁹⁰.

В годы войны несли большие невосполнимые утраты все народы СССР. При этом потери граждан России составили 71,3 % от общих демографических потерь Вооруженных сил СССР⁹⁹¹. Национальный состав призванных в годы войны на выполнение ратного долга советских граждан⁹⁹² и безвозвратные потери по национальному составу:⁹⁹³ {217}

Национальность	Доля среди мобилизованных (в %)	Доля среди погибших военнослужащих (в %)
Русские	65,4	66,4
Украинцы	17,7	15,9
Белорусы	3,2	2,9
Татары	1,7	2,2
Евреи	1,4	1,6
Казахи	1,1	1,5
Узбеки	1,1	1,4
Другие народы СССР	8,3	8,1

В сражениях с немецко-фашистскими захватчиками погибло, умерло от ран и болезней, пропало без вести и попало в плен 1023,1 тыс. офицеров Красной Армии и Военно-Морского флота (35 % от общего числа офицеров, состоявших на военной службе в кадрах Вооруженных Сил в период войны). Среди них было 416 генералов и адмиралов, 2502 полковника⁹⁹⁴. Об изменениях в национальном составе генералитета можно судить по следующим данным. В 1940 году среди 802 генералов сухопутных войск было 670 (83,5 %) русских, 50 (6,2 %) украинцев, (40) 5 % белорусов, 14 (1,7 %) евреев, 5 (0,6 %) латышей, по 4 генерала (0,5 %) насчитывали поляки и татары, по 3 (0,4 %) — армяне и чуваша, по 2 (0,25 %) — литовцы и немцы, по одному генералу (0,12 %) — грузины, мордвина, финны, калмыки, карелы⁹⁹⁵. В период Великой Отечественной войны генералитет пополнился представителями многих других народов СССР. По данным на 15 мая 1944 года, из 2952 генералов Красной Армии (без находившихся на службе в ВМФ, НКВД, НКГБ, «Смерш», и работавших в гражданских наркоматах, где числились еще 495 генералов и адмиралов)⁹⁹⁶:

	Человек	В %:		Человек	В %:

Русские	2272	77,0	Морд- вины	4	0,14
Украинцы	286	9,7	Чуваши	4	0,14
Белорусы	157	5,3	Испан- цы	3	0,1
Евреи	102	3,5	Финны	3	0,1
Армяне	25	0,85	Калмы- ки	2	0,07
Латыши	19	0,8	Казахи	1	0,03 4
Поляки	17	0,6	Караи- мы	1	0,03 4
Грузины	12	0,4	Коми	1	0,03 4
Татары	12	0,4	Ма- рийцы	1	0,03 4
Осетины	9	0,3	Немцы	1	0,03 4
Литовцы	8	0,27	Узбеки	1	0,03 4
Азербай- джанцы	5	0,17	Черке- сы	1	0,03 4
Эстонцы	5	0,17	Всего	2952	100, 0

Помимо своей страны, советские войска освободили полностью или частично 13 стран Европы и Азии. Освободительная миссия за пределами нашей страны стоила жизни более миллиона советских солдат, покоящихся в земле Польши (более 600 тыс.), Венгрии (140 тыс.), Чехословакии (около 140 тыс.), Германии (почти 102 тыс.), Румынии (около 69 тыс.), Австрии (26 тыс.), Китая (около 9,3 тыс.), Югославии (около 8 тыс.), Норвегии (3,4 тыс.), Болгарии (977 чел.), Северной Кореи (691 чел.)⁹⁹⁷. {218}

Война оставила после себя миллионы раненых, искалеченных, потерявших здоровье на войне. По состоянию на 1 июля 1945 год на излечении в госпиталях находилось более миллиона человек. Среди 3,8 млн человек, уволенных в годы войны из армии по ранению и болезни, 2,6 млн стали инвалидами⁹⁹⁸. Специфика войны и оккупации привела к появлению особых демографических категорий населения. По материалам ставки Гитлера, к концу войны на советской территории побывали почти 11 млн. немецких военнослужащих, от которых родилось около 3 млн. детей. По данным ФРГ, в советской зоне оккупации от военнослужащих Красной Армии немецкие женщины родили около 292 тыс. детей⁹⁹⁹, к концу войны в европейских странах было порядка 30 тыс. советских женщин, вышедших замуж за иностранцев и имевших от них детей¹⁰⁰⁰.

Огромная территория на западе СССР к маю 1945 года лежала практически в руинах. Материальный ущерб, нанесенный стране войной, был равен потери почти 30 % ее национального богатства. (Для сравнения: в Великобритании — 0,9 %, в США — 0,4 %.) Враг полностью или частично разрушил 1710 городов и поселков, более 70 тыс. деревень, около 6 млн зданий; лишил крова 25 млн человек. Были уничтожены почти все находившиеся на этой территории заводы, фабрики, шахты, 65 тыс. км железнодорожных путей, разграблены музеи и библиотеки. Восстановление хозяйства к концу войны свелось здесь большей частью к разборке завалов, ремонту сохранившихся сооружений, вводу в строй предприятий, наименее пострадавших от разрушений, или крайне необходимых для военных и хозяйственных нужд. Были восстановлены железнодорожные пути. К концу войны промышленность освобожденных районов обеспечивала выпуск только 30 % объема довоенного производства¹⁰⁰¹.

К концу войны со всей остротой встала проблема репатриации на родину пяти миллионов советских граждан («перемещенных лиц», включая военнопленных, «восточных рабочих», узников концлагерей, военнослужащих в немецких формированиях и пр.), оказавшихся за пределами СССР и оставшихся в живых. Согласно соглашениям в Ялте, «перемещенные лица» должны были в обя-

зательном порядке возвращаться на родину. До 1 марта 1946 год в СССР были репатрированы 4,2 млн советских граждан (2,7 млн гражданских лиц, 1,5 млн военнопленных). В результате разлада между союзниками обязательный принцип репатриации начал нарушаться сначала в отношении «западников» (граждане из районов СССР, присоединенных после 1939 г.) а затем и «восточников». «Невозвращенцы» составили так называемую «вторую волну эмиграции из России» на Западе. В 1952 года численность этой волны эмиграции (в основном не желающих или просто побоявшихся возвратиться в СССР) составила около 620 тыс. человек. Из них 140 тыс. — это бывшие советские немцы, принявшие гражданство ФРГ, и примерно 4 тыс. бессарабцев и буковинцев, ставших гражданами Румынии¹⁰⁰².

Судьба тех, кто был возвращен в СССР, также оказалась непростой. Сталинское руководство опасалось, что длительное бесконтрольное пребывание советских людей за границей повлияло на их мировоззрение {219} и политические настроения. «Контраст между уровнем жизни в Европе и у нас, контраст, с которым столкнулись миллионы воевавших людей, — писал К. М. Симонов, — был нравственным и психологическим ударом, который не так легко было перенести нашим людям, несмотря на то, что они были победителями в этой войне»¹⁰⁰³. Этот контраст мог стать основой «низкопоклонства перед Западом», распространения которого среди советских людей очень опасались во властных структурах страны. Им же была порождена особая настороженность властей к согражданам, побывавшим в годы войны в капиталистических странах Европы.

Этапом возвращения к родным домам для всех этих лиц стали сборно-пересыльные пункты Наркомата обороны (НКО), проверочно-фильтрационные пункты НКВД (для гражданских лиц), специальные запасные части военных округов (для военнопленных — бывших военнослужащих Красной Армии). Выявленные в результате проверки «преступные элементы» (служившие у немцев), а также «внушающие подозрение» направлялись в проверочно-фильтрационные лагеря НКВД, «для дальнейшей проверки», или же напрямую в исправительно-трудовые лагеря. В итоге 2,4 млн репатриантов было направлено к месту жительства, 801 тыс. — призвано в армию, 608 тыс. — зачислено в рабочие батальоны НКО и около 273 тыс. (среди них 123 тыс. офицеров) передано в лагеря НКВД¹⁰⁰⁴.

Особая участь ждала «власовцев» и всех коллаборационистов. По законам военного времени многих стран, лицам, перешедшим на сторону противника, полагалась смертная казнь. Смягчая правило, советское руководство заменило эту меру для большинства рядовых коллаборационистов заключением или ссылкой на шестилетнее поселение. Клеймо изменника стало для них позорным и страшным. Работа по их выявлению и наказанию продолжалась долгие послевоенные годы. Среди заключенных лагерей и колоний числилось 335 тыс. «изменников родины» (на 1 января 1951 г.), среди спецпоселенцев, по данным на март 1949 года — 112 882 «власовцев» (без арестованных и бежавших). Национальный состав этих «власовцев» выглядел так:

	Человек	В %:		Человек	В %:
Русские	54 256	48,06	Немцы	2836	2,51
Украинцы	20 899	18,51	Татары	2470	2,19
Белорусы	5432	4,81	Чуваши	807	0,71
Грузины	3705	3,28	Кабардинцы	640	0,57
Армяне	3678	3,25	Молдаване	637	0,56
Узбеки	3457	3,06	Мордва	635	0,56
Азербайджанцы	2932	2,59	Осетины	595	0,52
Казахи	2903	2,57	Всего	112 882	100,0

Среди власовцев были немногочисленные группы таджиков, киргизов, башкир, туркменов, поляков, калмыков, адыгейцев, черкесов, лезгин, евреев, караимов, удмуртов, латышей, марийцев, каракалпаков, аварцев, кумыков, греков, болгар, эстонцев, румын, ногайцев, абхазов, коми, даргинцев, финнов, литовцев и др.¹⁰⁰⁵ {220}

Суровое наказанию ожидало и тех, кто запятнал себя сотрудничеством с немцами в оккупированных областях. От проверки, проводимой карательными и политическими органами, не остались в стороне партизаны и подпольщики. В освобожденных районах граждане обязаны были в 24 часа сдать оружие и военное имущество. Уклонение влекло за собой лишение свободы, а при отягчающих обстоятельствах — расстрел. Особое внимание обращалось на мужчин призывного

возраста. Выяснялось, почему они оказались на оккупированной территории, примкнули или нет к партизанам, как проявили себя в их рядах. Почести и продвижение по службе получали известные участники борьбы с оккупантами. Поэтому у некоторых появился соблазн представить себя активным партизаном или подпольщиком без должных на то оснований. Пытавшиеся «примазаться» к партизанской славе рисковали попасть в весьма неудобное положение после соответствующих проверок.

Следствием войны были вооруженные антисоветские националистические организации на территориях, вошедших в состав СССР незадолго до ее начала, главным образом в Западной Украине и Прибалтике. Сотрудничавшие ранее с гитлеровцами и сражавшиеся в одних рядах с ними против Красной Армии националисты и после их ухода продолжили вооруженную борьбу с советской властью. С марта 1944 года развернулись акции НКВД по подавлению отрядов Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА). В их ходе члены банд ОУН — УПА зачастую уничтожались вместе с семьями, сочувствующие им жители подверглись депортации. Только с февраля по октябрь 1944 года было уничтожено более 44 тыс. оуновцев, взято в плен более 37 тыс., выселено из городов и сел и отправлено в ссылку около 100 тыс. человек. В Литве, где действовало множество повстанческих отрядов под эгидой Литовского национального фронта, к 1 марта 1945 года было проведено 2257 карательных операций, и по официальным данным, ликвидировано 17 тыс. бандгрупп, захвачено более 10 тыс. бандитов, арестовано более 31 тыс. человек. Сражения с националистами велись на Украине и в Прибалтике до конца войны и продолжались многие послевоенные годы¹⁰⁰⁶. В 1940—1956 годах, в ходе подавления националистических выступлений в Прибалтике и в западных областях Украины, было потеряно 6223 советских военнослужащих убитыми и 8612 ранеными¹⁰⁰⁷.

Трагическим наследием Великой Отечественной войны стала депортация в Казахстан, Сибирь и другие восточные районы населения из ряда национальных регионов. По данным НКВД СССР на начало октября 1945 года, спецпоселенцев в стране насчитывалось 2 230 500 человек. Среди них были немцы (687,3 тыс.), чеченцы и ингуши (405,9 тыс.), крымские татары, греки, болгары, армяне (195,2 тыс.), турки, хемшины, курды (88,8 тыс.), калмыки (80,3 тыс.), карачаевцы (60,1 тыс.), балкарцы (33,1 тыс.), оуновцы (20,8 тыс.). Значительную часть спецпоселенцев (608,8 тыс. чел., или 27,3 % их общего числа) составляли бывшие кулаки¹⁰⁰⁸. Причиной депортаций военного времени было участие населения некоторых национальных регионов {221} в пособничестве оккупантам или подозрения в этом (немцы, ингерманландцы и финны, выселенные в 1941 г.; карачаевцы и калмыки — 1943 г., чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары — 1944 г.). В этих случаях депортации носили карательный или превентивный характер. Другие народы были выселены за то, что имели несчастье жить в приграничных районах, рискующих стать новым театром военных действий (курды, турки-месхетинцы в 1944 г.). Выселение мусульманских народов Кавказа и Крыма было во многом связано с напряженными отношениями между СССР и Турцией во время Второй мировой войны, а также с пантунанскими планами турецких националистов, получавших одобрение со стороны гитлеровской Германии. Главной причиной депортаций были соображения военно-стратегического характера, что, конечно, не извиняет беззакония.

В то же время ряд авторов предлагают рассматривать проблему депортированных народов с учетом региональной специфики. И. В. Пыхалов полагает, что «родившиеся и выросшие на Кавказе Сталин и Берия совершенно правильно понимали психологию горцев с ее принципами круговой поруки и коллективной ответственности всего рода за преступление, совершенное его членом»¹⁰⁰⁹. В этой связи «коллективное наказание» народов представляется «меньшим злом» в сравнении с массовым законным наказанием конкретных коллаборационистов. С. Г. Кара-Мурза считает, что такие репрессии вылились бы в этноцид. В качестве примера приводятся крымско-татарский и чеченский народы. Значительная часть военнобязанных мужчин из их числа могла подвергнуться обвинению в бандитизме и предательстве и получить наказание в виде смертной казни или длительного заключения. Поэтому депортация как «тип наказания, тяжелый для всех, была спасением от гибели для большей части мужчин, а значит для этноса»¹⁰¹⁰. Соглашаясь с таким доводом, И. В. Пыхалов утверждает, что «с точки зрения формальной законности, кара, постигшая в 1944 году чеченцев и ингушей, была гораздо мягче полагавшейся им по Уголовному кодексу за массовое дезертирство, бандитизм, укрывательство диверсантов. Депортацию народов предлагается определить как «гуманное беззаконие»¹⁰¹¹.

7 июля 1945 года Президиум Верховного Совета объявил амнистию в связи с победой над гитлеровской Германией. По этому указу к концу 1945 года были освобождены 620,8 тыс. заключенных, осужденных на сроки менее трех лет, амнистированы также 841,1 тыс. граждан, пригово-

ренных к исправительно-трудовым работам без лишения свободы. Амнистия не коснулась осужденных за контрреволюционные преступления, доля которых среди заключенных существенно выросла и поднялась до 59 %. Преимущественно по этим же статьям пополнялся ГУЛАГ, вся сфера принудительного труда и в последующем¹⁰¹².

В годы войны большие и невосполнимые утраты несли все народы СССР. При этом безвозвратные потери военнослужащих из числа граждан РСФСР составили 6 537,1 тыс. человек, или 71,3 % от числа общих потерь Вооруженных сил страны¹⁰¹³. Безвозвратные демографические потери (военнослужащих и гражданского населения) СССР (26,6 млн чел.) в 2,2 раза превышали потери Германии и ее союзников (11,9 млн чел.)¹⁰¹⁴. (Для сравнения: США потеряли во второй мировой войне 405 тыс., Великобритания — 350 тыс. человек.) Столь существенная разница объясняется геноцидом гитлеровцев в отношении гражданского населения на оккупированной территории, унесшим жизни 17,9 млн человек¹⁰¹⁵. 7,4 млн советских людей преднамеренно истреблены гитлеровцами на оккупированной территории. 4,1 млн человек погибли от жестоких условий оккупационного режима (голод, инфекционные болезни, отсутствие медицинской помощи и т.п.)¹⁰¹⁶. В огне Холокоста сгорели 2,7 млн советских евреев¹⁰¹⁷. 2 млн евреев¹⁰¹⁸, а по некоторым западным оценкам — 2,5 млн¹⁰¹⁹ были перемещены с территорий, подвергшихся оккупации, во внутренние районы СССР и спасены от этой участи.

Соотношение между безвозвратными потерями советских войск (11 444,1 тыс. человек, а вместе с потерями войск наших союзников — 11 520,2 тыс. человек) и войск Германии и ее союзников (10 344,5 тыс. человек) 1,1:1¹⁰²⁰. Во многом это связано с тем, что число военнопленных, погибших в нацистских лагерях (более 2,5 млн чел. из 4,6 млн), в пять с лишним раз превышает число военнослужащих противника, умерших в советском плену (420 тыс. чел. из 4,4 млн чел.)¹⁰²¹. Демографические потери (безвозвратные потери за вычетом вернувшихся из плена, а также вторично призванных в войска) Вооруженных сил СССР составили 8 668,4 тыс. человек, а войск Германии и ее союзников — 6771,9 тыс. человек (соотношение 1,29:1)¹⁰²².

«ЗА ЗДОРОВЬЕ РУССКОГО НАРОДА!»

Своеобразным подведением итогов войны и основой послевоенной пропагандистской кампании по воспитанию народов СССР в духе советского патриотизма стало выступление Сталина на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года.

Атмосфера торжественного приема получила отражение в парадном полотне художника М. И. Хмелько (1947; удостоено Сталинской премии). Сохранилась стенограмма выступлений на приеме. Имеются немало воспоминаний его участников. Ниже приводятся сведения об этом событии с опорой на работы историка В. А. Неvejeина, наиболее полно, на наш взгляд, проанализировавшего соответствующие исторические источники¹⁰²³.

Спустя несколько дней после дня Победы, отмеченного 9 мая 1945 года, И. В. Сталин приказал Генеральному штабу Красной Армии продумать и предложить соображения о параде победителей на Красной площади с участием представителей всех фронтов и всех родов войск и о желании отметить победу по русскому обычаю застольем — торжественном обеде в Кремле в честь командующих войсками фронтов и других военных. Оба предложения осуществлены. Парад состоялся 24 июня 1945 года, прием — ровно за месяц до парада.

Прием прошел в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца, в одном из орденовых залов, где воплощена идея памяти о многих поколениях {223} людей, служивших России и отличившихся в сражениях за нее. Это самое грандиозное помещение Большого Кремлевского дворца получило название от ордена Святого Георгия (учрежден в 1769 г.). В оформлении зала использована символика ордена: 18 витых колонн увенчаны аллегорическими статуями Победы, в нишах и на откосах столбов размещены мраморные доски с названиями 546 российских победоносных полков и с именами георгиевских кавалеров. В императорской России Георгиевский зал был главным церемониальным помещением Кремля. Церемонии возродились во второй половине 1930-х годов: здесь руководители коммунистической партии и Советского правительства принимали представителей военной элиты — участников первомайских и ноябрьских парадов на Красной площади, выпускников военных академий РККА. Число гостей на таких приемах бывало от нескольких сотен до полутора-двух тысяч человек.

Прием в честь командующих войсками Красной Армии начался в восемь часов вечера. В зале появились встреченные аплодисментами гостей руководители партии и советского правительства: И. В. Сталин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов, Н. С. Хрущев, Л. М. Каганов

вич, А. А. Андреев, А. И. Микоян, Н. М. Шверник, Л. П. Берия, Г. М. Маленков, Н. А. Булганин, Н. А. Вознесенский. Они заняли почетные места в президиуме. В роли распорядителя застолья (тамады) выступал В. М. Молотов.

Обращаясь к гостям с приветственным словом, Молотов отметил, что Советское правительство устроило этот большой прием в честь командующих войсками Красной Армии «с участием выдающихся деятелей социалистического строительства, науки и искусства». Вслед за этим он предложил видным советским военачальникам Великой Отечественной войны пройти в президиум: маршалам Советского Союза Г. К. Жукову, И. С. Коневу, С. М. Буденному, С. К. Тимошенко, К. К. Рокоссовскому, Р. Я. Малиновскому, Ф. И. Толбухину, Л. А. Говорову, адмиралу флота Н. Г. Кузнецову, главному маршалу артиллерии Н. Н. Воронову, главному маршалу авиации А. А. Новикову.

Стенографическая запись зафиксировала 31 тост (из них пять принадлежали Верховному главнокомандующему), в которых речь шла о 45 героях.

Первый тост Молотов посвятил красноармейцам, краснофлотцам, офицерам, генералам, адмиралам, маршалам Советского Союза и прежде всего — И. В. Сталину, который «руководил и руководит» всей борьбой и привел «к великой победе, невиданной в истории». Второй бокал Молотов поднял «за великую партию Ленина — Сталина» и за ее штаб — Центральный комитет. И эту здравицу он посвятил Сталину.

Затем тамада переключил внимание на присутствовавших в зале гостей из Польши, только что обретшей независимость. За четыре дня до этого, 20 мая, в Москву прибыл эшелон с углем — подарок от польских горняков. Его доставила делегация из 20 человек во главе с председателем профсоюза горняков И. Щесняком. Обратившись к залу, Молотов предложил выпить «за демократическую, дружественную Советскому Союзу Польшу», высказав пожелание, чтобы советско-польская дружба стала примером для других славянских народов. В ответ члены польской делегации {224} подошли к столу президиума и спели польскую задравную песню. В этой связи Сталин взял слово и произнес свой первый на приеме тост: «За настоящую, рабочую дружбу, которая сильнее всякой другой дружбы! За горняков наших и ваших!»

Далее Молотов вспомнил об отсутствовавшем на торжестве М. И. Калинин, «который должен теперь особенно заботиться о своем здоровье». (В конце апреля 69-летнему «всесоюзному старосте» Политбюро предоставило отпуск для лечения). Прозвучало предложение выпить за здоровье М. И. Калинина, «одного из славных представителей русского народа», старейшего члена Центрального комитета большевистской партии, Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Здесь Сталин тоже вмешался и провозгласил собственный тост: «За нашего Президента, за Михаила Ивановича Калинина!», а вслед за этим предложил выпить за В. М. Молотова — руководителя внешней политики. При этом уточнил: «Хорошая внешняя политика иногда весит больше, чем две-три армии на фронте». Тост был завершен словами: «За нашего Вячеслава!»

Затем в целой серии тостов В. М. Молотов предлагал поднять бокалы за заслуги командующих войсками Красной Армии в годы Великой Отечественной войны. Первым была названа фамилия командующего 1-м Белорусским фронтом Г. К. Жукова. Молотов напомнил о заслугах полководца при защите Москвы, во время обороны Ленинграда. Он назвал Жукова «освободителем Варшавы», а далее сказал: «Все помнят, что под руководством маршала Жукова наши войска вошли победителями в Берлин. За здоровье маршала Жукова!» В стенограмме зафиксировано: гости откликнулись на здравицу горячей овацией. Сталин после этого предложил новый (четвертый по счету) тост: «Долой гитлеровский Берлин! Да здравствует Берлин жуковский!», вызвавший смех и аплодисменты в зале. (В газетном отчете в этом месте отмечено, что после здравицы Молотова в честь Жукова раздался «взрыв аплодисментов в честь доблестной Красной Армии и ее полководцев»). Далее Молотов поднимает бокалы персонально: за маршалов Конева, Рокоссовского, Говорова, Малиновского, Толбухина, Василевского, Мерецкова; за генералов армии Баграмяна и Еременко. Не были оставлены без внимания старшие по возрасту военачальники Красной Армии — Ворошилов, Буденный и Тимошенко.

Вслед за этим Молотов попросил присутствующих «налить бокалы полнее», поскольку намеревался чествовать моряков. Он предложил здравицы за народного комиссара Военно-морского флота Н. Г. Кузнецова, адмирала флота И. С. Исакова и за командующих флотами: Балтийского — адмирала В. Ф. Трибуца, Черноморского — адмирала Ф. С. Октябрьского, Северного — адмирала А. Г. Головки, Тихоокеанского — адмирала И. С. Юмашева. Сталин дополнил эту здравицу, пожелав Юмашеву «успеха в возможной войне!» (эта реплика не вошла в официальный газетный по причине готовящихся боевых действиям против Японии, в которых активное участие должен был

принять Тихоокеанский флот. В такой ситуации публикация тоста с пожеланием Юмашеву была неуместной). {225}

Серию здравиц в честь командующих Красной Армии и Военно-морского флота Молотов завершил, последовательно поднимая бокал за маршалов специальных родов войск: главного маршала артиллерии Н. Н. Воронова, главных маршалов авиации А. А. Новикова и А. Е. Голованова, маршалов авиации Ф. Я. Фалалеева, Г. А. Ворожейкина, Ф. А. Астахова, С. Ф. Жаворонкова, С. А. Худякова; маршалов бронетанковых войск Я. Н. Федоренко и П. А. Ротмистрова; маршала артиллерии Н. Д. Яковлева; маршала инженерных войск М. П. Воробьева; маршала войск связи И. Т. Пересыпкина.)

В. М. Молотов особо выделил Генеральный штаб Красной Армии, подняв бокал за его начальника генерала армии А. И. Антонова и за начальника оперативного управления С. М. Штенко.

Прием сопровождался большим праздничным концертом, в котором принимали участие лучшие музыканты, исполнители, актеры театра и кино. Здравницы в честь прославленных воинов перемежались выступлениями на сцене Георгиевского зала солистов Государственного академического Большого театра СССР И. И. Масленниковой, А. П. Иванова, М. О. Рейзена, В. В. Барсовой, Н. Д. Шпиллер, В. А. Давыдовой, О. В. Лепешинской, Г. С. Улановой, номерами в исполнении Государственного ансамбля народного танца под руководством И. А. Моисеева и Краснознаменного ансамбля красноармейской песни и пляски А. В. Александрова.

Завершающая серия здравиц посвящалась членам Государственного комитета обороны (ГКО) и военных советов фронтов и армий, руководителей дела снабжения Красной Армии во время Великой Отечественной войны тем боевым оружием, которым разгромлены на полях сражений враг и его союзники. В. М. Молотов последовательно называл фамилии членов Государственного комитета обороны, подробно останавливаясь на характеристике той отрасли, за которую тот конкретно отвечал. В завершение он провозгласил тост за здоровье всех и прежде всего за здоровье И. В. Сталина.

С последним тостом, вернее, небольшой застольной речью на приеме далеко за полночь выступил И. В. Сталин. Когда он встал из-за стола президиума и попросил слова, присутствующие устроили ему бурную овацию. Тост, посвященный русскому народу, неоднократно прерывали долго не смолкавшие аплодисменты. Эта застольная речь заняла по времени почти половину часа.

Тост «За русский народ», отредактированный И. В. Сталиным и помещенный в газете «Правда»:

Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост.

Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и, прежде всего, русского народа. (Бурные, продолжительные аплодисменты, крики «ура».)

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза. {226}

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой.

Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

За здоровье русского народа! (Бурные, долго несмолкающие аплодисменты.)¹⁰²⁴

Различные авторы, в первую очередь историки, писавшие о здравнице Сталина «За русский народ!», брали за основу официальный отчет, но интерпретировали его содержание по-разному.

Одни восприняли тост Сталина-победителя как программный, направленный на смену в послевоенную эпоху ориентиров в этнополитической сфере. Вождь противопоставил русских другим народам страны, чтобы, опираясь на авторитет русского народа, выступая от его имени, сделать его своего рода посредником во взаимоотношениях с другими национальностями. Другие сочли, что, отметив решающую роль русских в достижении победы, Сталин продемонстрировал недоверие к другим народам, участвовавшим в войне. Получалось, что именно русский народ выступал в роли решающей силы, а «иные» народы Советского Союза были способны в тяжелый час пойти на осуждение Советского правительства. Третьи увидели в тосте Сталина стремление видеть русский народ покорным, верным и преданным ему лично¹⁰²⁵.

Следует отметить наиболее существенное. В знаменитом тосте признавалось, что победа была достигнута не только за счет преимуществ социалистического строя, «морально-политического единства советского народа», но прежде всего за счет патриотизма русского народа. В этом выступлении было провозглашено, что русский народ «является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза», что он заслужил в войне «общее признание, как руководящей силы Советского Союза». Были отмечены не только «ясный ум» народа, но и такие {227} его качества, как стойкий характер и терпение, доверие правительству в моменты отчаянного положения, готовность идти на жертвы¹⁰²⁶.

Политика и патриотическое воспитание с опорой на эти качества таили определенную опасность окрашивания их в цвета русского национализма и великодержавия. Некоторые усматривали проявление национализма уже в самом сталинском тосте, выделявшем в многонациональном советском народе только одну «выдающуюся» нацию. Это не могло не вызывать обеспокоенность за будущность национального развития у представителей других народов страны. К примеру, участник приема в Кремле И. Г. Эренбург был так раздосадован тостом, что даже расплакался¹⁰²⁷. Сталинское выступление явно расходилось с националистическими намерениями всемерно культивировать представления о евреях как народе, больше других пострадавшем от гитлеровского геноцида.

В предисловии к «Черной книге», написанном А. Эйнштейном, утверждалось, что «в процентном отношении еврейский народ потерял больше любого другого народа, испытавшего несчастья недавних лет». Охарактеризовав его как «нацию в формальнополитическом смысле», он требовал, чтобы при организации мира евреям было уделено «особое внимание», в частности, чтобы «за страдания в годы войны они были вознаграждены новыми возможностями эмиграции в Палестину»¹⁰²⁸. Позднее некоторые представители этого народа стали рассматривать трагедию военных лет как «вексель, подлежащий вечному погашению всем остальным человечеством»¹⁰²⁹ и кощунственно (в свете приведенных выше цифр) возлагать на руководство СССР и его народы ответственность за Холокост, якобы проявившийся «в отказе принять еврейских беженцев из Германии и оккупированных государств Европы в 1939—1940 годах, а также в том, что не были использованы все силы и средства для... спасения евреев — граждан СССР»¹⁰³⁰.

ПЛАН ДАЛЛЕСА И ЗАОСТРЕНИЕ РУССКОГО ВОПРОСА

Согласно информации, добытой в свое время советской разведкой, в апреле 1944 года состоялось секретное заседание американской независимой организации в сфере международных связей — Совета по международным отношениям (СМО). В наши дни эта организация известна как одна из трех основных наднациональных теневых структур наряду с Бильдербергским клубом и Трехсторонней комиссией. Совет был создан в 1921 году стараниями близких к 28-му президенту США Вудро Вильсону (1913—1921) банкиров, первоначально существовал как филиал «Фонда Карнеги за вселенский мир». Деятельность Совета направлялась на создание системы глобального управления планетой из американской метрополии. Из недр Совета выросла идея создания Мирового правительства. А. Даллес с 1927 года занимал в СМО должность одного из директоров, в 1933—1944 годах был секретарем Совета, в 1945—1950 годах — его президентом. Позднее, уже возглавляя ЦРУ (в 1953—1961 гг.), он продолжал оставаться одним из директоров Совета¹⁰³¹. {228}

Из данных о заседании СМО следовало, что, несмотря на демонстрацию дружеских чувств на Ялтинской конференции, в США разрабатываются враждебные в отношении СССР планы на послевоенный период. Выступавший на заседании секретарь Совета А. Даллес говорил:

«Окончится война, кое-как все утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем, все золото, всю материальную мощь или ресурсы на оболванивание и одурачивание людей... Посеяв в России хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценно-

сти верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность. Отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубине народных масс. Литература, театры, кино — все будут изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом, и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу — все это мы будем ловко и незаметно культивировать. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище. Найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества... Мы будем братья за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них шпионов, космополитов. Вот так мы это и сделаем»¹⁰³².

Положения, схожие по смыслу с «планом Даллеса», обнаруживаются в высказываниях отрицательных персонажей двух романов советских писателей, которые никоим образом не связывают их с «планом Даллеса» и не содержат даже намеков на существование этого деятеля. Положения, вложенные в уста литературных персонажей, нередко и выдают за якобы не существующий «план». Приводим соответствующие фрагменты текстов романов.

Американский генерал Думбрайт из романа Юрия Дольд-Михайлика «И один в поле воин» (в части под названием «У черных рыцарей») излагает планы борьбы с СССР в послевоенный период следующими словами: {229}

«Вооруженная борьба закончилась, начинаем войну психологическую... С мировым коммунизмом. Ибо после войны он вырос в мировую систему и стал угрозой для всего мира... Над Россией сияет ореол спасителя человечества от фашизма. Этот ореол мы должны развеять... Мы заплатим немецким генералам десятки, сотни, тысячи долларов, и они создадут нам мемуары по истории второй мировой войны в нужном нам аспекте. Докажут, что не на Востоке, а в Африке, в Италии и на Тихом океане ковалась победа, апофеозом которой стало открытие второго фронта... По подсчетам наших экономистов, русским надо пятьдесят лет, чтобы восстановить населенные пункты, промышленность, сельское хозяйство да и вообще всю экономику в целом... Надо, чтобы русские потратили на восстановление хозяйства в три раза больше времени!.. Помешать русским должны мы. Не только методами диверсий это малоэффективно, не только методами вредительства — вредителей быстро ловят. Нет, не этим! Среди всех народностей, входящих в Советский Союз, измученных войной и нехватками, надо посеять неверие в возможность построения коммунизма не только в ближайшее время, а вообще. Какими путями? Их много. Арсенал этого опасного для русских оружия неисчерпаем. Тут все зависит от нашей с вами изобретательности. Ревизия их веры — марксизма-ленинизма вот первое, о чем надо говорить. Надо взять на вооружение все течения новейшей философии, отфильтровать их, отобрав на первый взгляд самые невинные, и, прикрываясь щитом материалистической диалектики, которая утверждает, что все находится в движении, все меняется, в зависимости от среды и обстоятельств, стараться протащить враждебные марксизму идеи. Могучим оружием может стать и дезинформация. Величайшие человеческие мысли в области физики, биологии, техники и других наук можно преподнести под соусом идеализма и еще какого-либо «изма»! Пока разберутся, пока опомнятся, время будет идти и лить воду на нашу мельницу... Эту работу мы поручим отборным кадрам. Научным работникам, специалистам своего дела... На это вам будут выделены специальные ассигнования... Впрочем, все это высокие материи, перейду к примерам более простым. Человеческая натура такова, что в беде всегда ищет какую-нибудь отдушину: одни цепляются за религию, другие заливают горе вином, третьи ищут забытья в разгуле. Есть люди, горячо берущиеся за работу, считая ее лучшим лекарством. Русским сейчас приходится туго. Вдова, потерявшая на фронте мужа... молодая девушка, которую бросил любимый... парень, сразу не нашедший себе места в жизни... — натолкните их на мысль,

что они должны уповать на бога, завлеките их в секту, а если таковой не имеется, организуйте сами!.. Славяне любят попеть за рюмкой водки. Напомните им, как отлично они варили самогон во время гражданской войны. Пьяному море по колено, говорят русские. Создайте такое море, и пьяный побредет туда, куда нам нужно. Русские, украинцы, белорусы склонны к юмору. Поможем им! Вооружим любителей острого словца анекдотами, высмеивающими их настоящее и будущее. Меткий анекдот распространяется с молниеносной быстротой, иногда даже людьми, беззаветно преданными {230} советской власти. У русских есть неплохая поговорка: “Для красного словца не пожалею и отца”... Анекдот — это великая сила. Мимо одного проскользнет незаметно, а у другого оставит в сознании тонкий налет, который послужит своеобразным катализатором для всего антисоветского... Надежда каждой нации — ее молодежь! Мы обязаны сделать так, чтобы эта надежда обманула большевиков. Молодежь склонна увлекаться, и это надо помнить, подбирая ключи к ее умам. Отравляйте душу молодежи неверием в смысл жизни, пробуждайте интерес к сексуальным проблемам, заманивайте такими приманками свободного мира, как модные танцы, красивые тряпки, специального характера пластинки, стихи, песни... Дети всегда найдут, в чем упрекнуть родителей. Воспользуйтесь этим! Поссорьте молодых со старшим поколением... Я бы мог перечислять и перечислять способы, к которым можно прибегнуть в каждом отдельном случае, но цель моей сегодняшней беседы не в этом. Я хочу доказать одно: мы должны быть такими изобретательными в способах психологической войны с коммунизмом, чтобы коммунистическая пропаганда не поспежала за нами!»¹⁰³³

Высказывания Лахновского (штандартенфюрер СС, бывший русский жандармский офицер в Томске) из второй части романа Анатолия Иванова «Вечный зов» (1971—1977) текстуально наиболее близки приведенному в начале этого раздела тексту:

«Мы будем братья за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее!.. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов!... Окончится война — все как-то утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем, чем располагаем... все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей! Человеческий мозг, сознание людей способно к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности поверить! Как, спрашиваешь?... Мы найдем своих единомышленников... своих союзников и помощников в самой России!... И даже не то слово — найдем... Мы их воспитаем! Мы их наделаем столько, сколько надо! И вот тогда, вот потом... со всех сторон — снаружи и изнутри — мы и приступим к разложению... сейчас, конечно, монолитного, как любят повторять ваши правители, общества. Мы, как черви, разъедем этот монолит, продырявим его... Общими силами мы низведем все ваши исторические авторитеты ваших философов, ученых, писателей, художников — всех духовных и нравственных идолов, которыми когда то гордился народ, которым поклонялся, до примитива, как учил, как это умел делать Троцкий... Всю историю России, историю народа мы будем трактовать как бездуховную, как царство сплошного мракобесия и реакции. Постепенно, шаг за шагом, мы вытравим историческую память у всех людей. А с народом, лишенным такой памяти, можно делать что угодно. Народ, переставший гордиться прошлым, забывший прошлое, не будет понимать и настоящего. Он станет равнодушным ко всему, оступит и, в конце концов, превратится в стадо скотов. Что и требуется! Я, Петр Петрович, приоткрыл тебе лишь уголок {231} занавеса, и ты увидел лишь крохотный кусочек сцены, на которой эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия о гибели самого непокорного на земле народа, об окончательном, необратимом угасании его самосознания... Конечно, для этого придется много поработать»¹⁰³⁴.

Для всех, кто считает план Даллеса выдумкой, именно эти фрагменты романа и есть «мифический план Даллеса»¹⁰³⁵.

Вопрос о том, что появилось раньше — «мифы» советских писателей о плане или сам план, убедительно решает, или проясняет Сергей Макагон. «Пока эти планы [подобные даллесовскому] успешно реализовывались, каких либо критических замечаний по поводу аутентичности названного документа не возникало. Но стоило России, как главной, центральной силе прошлого советского проекта, отказаться от разрушительной неолиберальной политики, навязанной стране “чикагскими мальчиками” и выбрать путь на укрепление экономического и политического суверенитета, как тут же появились “правдолюбыв”, стремящиеся доказать, что “план” — фальшивка советской пропаганды. Их претензии, в основном, сводятся к двум моментам: Во-первых — отдельные места “плана” буквально дословно совпадают с текстами художественных произведений советских писателей 60-х годов XX века. Во-вторых — в рассекреченных материалах ЦРУ и американского

Госдепа нет материалов с аналогичным текстом или названием. Однако, данный текст вполне соответствует личности А. Даллеса и общей ориентации американской внешней политики того периода... К тому же “план” никогда не был оружием советской пропаганды — вероятно, имелись основания сохранять его засекреченность, уберегая агентурную сеть в США и скрывая от готовящегося к войне противника знание его стратегических планов. Только в 60-е годы этот план появился в литературных текстах... То, что некоторые советские писатели почти дословно цитировали “план Даллеса” устами вымышленных персонажей говорит, скорее всего, не о том, что они его выдумали, а лишь о том, что данный текст был им хорошо известен. “План” потому и приближен к русскому литературному стилю, что имел хождение только в художественной литературе, излагавшей засекреченный документ в соответствии с принятым в то время стилем перевода вражеских текстов»¹⁰³⁶.

Таким образом, принадлежность процитированных выше текстов, представляющихся как «план Даллеса», собственно А. Даллесу нередко отрицается. Однако многие исследователи считают, что в их основе лежит подлинный документ, а приведенные выше тексты если не по букве, то по духу соответствуют оригиналу¹⁰³⁷. Начальник секретариата Л. П. Берии Б. А. Людвигов свидетельствовал, что информация о выступлении А. Даллеса дошла до И. В. Сталина в кратчайшие сроки и оно вызвало резко отрицательную реакцию¹⁰³⁸. К настоящему времени имеются сведения, пусть и не самого надежного характера¹⁰³⁹, о том, что утечка информации о предложениях А. Даллеса на заседании СМО произошла благодаря жене президента Элеоноре Рузвельт и / или личного секретаря {232} Рузвельта Локлина Кари¹⁰⁴⁰. План в свое время был доведен до конгресса США. Имеются данные, что и этот факт стал достоянием советской разведки. «Одним из возможных источников информации об этом мог, например, быть Эджер Хисс, высокопоставленный сотрудник администрации президентов США Рузвельта и Трумэна»¹⁰⁴¹.

На наш взгляд, «План Даллеса» был своеобразным развитием планов войны против СССР под названиями «Рэнкин» и «Немыслимое», разрабатывавшихся в 1943—1945 годах с подачи У. Черчилля.

В. М. Фалин (доктор исторических наук, с 50-х годов он работал в МИДе, был послом в ФРГ, заведовал Международным отделом ЦК КПСС, был секретарем ЦК КПСС, после развала СССР работал в Германии в Институте проблем безопасности и разоружения, в Гамбургском университете) рассказывает: «По моему поручению Л. А. Безыменский выезжал в Лондон для раскопок в британских архивах. Он обратился в министерство обороны с просьбой показать ему документ, именуемый “Рэнкином”. В ответ Безыменскому сказали, что сей документ не рассекречен. Лев отправился в Форин офис, и оказалось, что с текста “Рэнкина” без согласования с министерством обороны был снят гриф секретности. План существовал в двух вариантах: первый принят в августе 1943 г., второй, расширенный, утвержден в ноябре того же года. Что же такое “Рэнкин”? План строился на том, что в сговоре с немцами англо-американские войска десантируются на континент, западный фронт вермахта распускается, высвободившиеся войска перебрасываются на восточный фронт, чтобы задержать продвижение Красной Армии. Под контроль “демократов” передаются французская, бельгийская, голландская территории, Балканы. Немцы оказывают поддержку высадке британских и американских десантов в ключевых пунктах Польши, Румынии, Болгарии, Чехословакии, Австрии. Для Советского Союза война должна была кончиться где-то на линии 1939 г., в “худшем” для Запада варианте на линии 1941 г. В январе 1944 г. Эйзенхауэру, назначенному главнокомандующим операцией “Оверлорд”, была дана директива: если сложатся благоприятные предпосылки для реализации “Рэнкина”, невзирая на все возможные согласования с советским генштабом по совместным действиям, все ресурсы должны быть перенаправлены на осуществление плана “Рэнкин”. Организация покушения на Гитлера, в которой американские спецслужбы играли не последнюю роль, тоже являлась частью задумки разворота второй мировой в антисоветское русло»¹⁰⁴². План не реализовали. Потому что 17 июля 1944 года, за три дня до покушения на Гитлера, был тяжело ранен генерал-фельдмаршал Э. Роммель, которому отводилась одна из важных ролей в осуществлении плана «Рэнкин». Гитлер остался жив после неудачного покушения.

В соответствии с замыслом, положенным в основу разрабатывавшегося в 1945 году плана «Немыслимое», англичане, освобождая Европу от гитлеровских войск «брали под свое покровительство немецкие части, которые сдавались без сопротивления, отправляли их в Южную Данию и Шлезвиг-Гольштейн. Всего там было размещено около 15 немецких {233} дивизий. Оружие складировали, а личный состав тренировали для будущих схваток. В начале апреля Черчилль отдает своим штабам приказ: готовить операцию “Немыслимое” — с участием США, Англии, Канады, польских корпусов и 10—12 немецких дивизий начать боевые действия против СССР. Третья ми-

ровая война должна была грянуть 1 июля 1945 года... Лондон долго отрицал существование такого плана, но несколько лет назад англичане рассекретили часть своих архивов, и среди документов оказались бумаги, касающиеся плана “Немыслимое”¹⁰⁴³. План тоже не пошел в дело. Генерал Д. Эйзенхауэр и фельдмаршал Б. Монтгомери пришли к выводу: если Советская армия после победного мая 1945 года предпримет в Европе дальнейшее наступление, его не удастся остановить из-за нехватки сил у новой коалиции. Так что поневоле приходилось искать новые пути для поражения России и русского народа. И они были предложены в «плане Даллеса».

Согласно О. М. Хлобутову, «план Даллеса» представляет собой «не что иное, как проект, в то время не утвержденный руководством США и не принятый на доктринальном уровне. Он представляет собой не более чем оперативный замысел, в свою очередь, предполагавший разработку и осуществление соответствующих действий». «В пользу того, что высшее советское руководство — И. В. Сталин и еще 2—3 его ближайших сподвижника — знали о “плане Даллеса”, свидетельствует и появление в апреле 1947 года “Плана мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма”»¹⁰⁴⁴.

По авторитетному свидетельству начальника советской нелегальной разведки, Ю. В. Андропов, приступая к работе на посту руководителя советских органов госбезопасности, ознакомился с «программой А. Даллеса, выдвинутой им еще в апреле 1944 года в его бытность сотрудником Управления стратегических служб США и его резидентом в Европе»¹⁰⁴⁵.

В 1960-е годы с «планом Даллеса» знакомились офицеры, принимавшиеся на службу в КГБ. «Я хорошо помню свое смятение, — пишет один из них, — когда ознакомился с этой инструкцией руководителя ЦРУ, датированной концом сороковых годов. Было это в 1968 году»¹⁰⁴⁶.

1 февраля 2007 года И. М. Ильинский, ректор Московского гуманитарного университета, в беседе с генералом армии Ф. Д. Бобковым, имея в виду цитированный выше текст, спрашивал: «Письмо Аллена Даллеса, бывшего шефа ЦРУ, в котором он говорит о том, как они будут морально разлагать, развращать советский народ, и прежде всего молодежь, — оно было или нет?... Говорили, что письмо сфабриковано». Ф. Д. Бобков отвечал: Письмо было. «Где-то в году 1968-м, по-моему, тогда еще Мортин¹⁰⁴⁷ был начальником внешней разведки, мы с ним впервые написали в ЦК документ на базе разведанных об идеологической борьбе, как мы ее видели и т. д. Серьезный был документ. Коллегия КГБ заседала по этому поводу»¹⁰⁴⁸.

«План А. Даллеса» был принят на вооружение администрацией США после смерти Ф. Рузвельта, воплощался в жизнь решениями нового президента Г. Трумэна твердо вести линию на «Рах Америгана»¹⁰⁴⁹, «покончить с политикой союзничества с советской Россией»¹⁰⁵⁰. «План» получил {234} развитие в официально провозглашавшихся США внешнеполитических доктринах — от концепции «сдерживания коммунизма» Г. Трумэна (1947—1953), «отбрасывания коммунизма» Д. Эйзенхауэра (1954—1963) до политики «наведения мостов» Л. Джонсона (1964—1980) и «сокращения империи зла» Р. Рейгана (1981—1988)¹⁰⁵¹, а также — в директиве Совета национальной безопасности США 20 / 1 от 18 августа 1948 года¹⁰⁵² и череде последующих директив этого консультативного органа при президенте США¹⁰⁵³, в ряде постоянно уточнявшихся планов ведения атомной войны против СССР — «Тоталити», «Пинчер», «Бойлер», «Сизл», «Флитвуд», «Троян», «Шейкдаун», «Дропшот», «Чариотир», «Оффтекл», «Бушвайнер», «Сак», «СИОП» и др.¹⁰⁵⁴

В первом из этих планов начало войны приурочивалось к обнаружению «признаков обретения врагом способности в процессе его промышленного и научного развития атаковать Соединенные Штаты или обороняться против нашего (американского) нападения»¹⁰⁵⁵. Согласно такому подходу, бомбы могли обрушиться на СССР в любой момент. Планы сопровождалась обоснованием, в духе А. Даллеса, необходимости психологической войны в мирное время. Например, авторы плана «Дропшот», разработанного к началу 1950 года, подчеркивали: «Психологическая война — чрезвычайно важное оружие для содействия диссидентству и предательству среди советского народа; она подорвет его мораль, будет сеять смятение и создавать дезорганизацию в стране... Широкая психологическая война — одна из важнейших задач Соединенных Штатов. Основная ее цель — прекращение поддержки народами СССР и его сателлитов нынешней системы правления»¹⁰⁵⁶.

Условия развертывавшейся с 1945 года холодной войны заставляли руководство СССР с особой настороженностью относиться к вынашиваемым в США планам, к безоглядным советским поборникам расширения союзнических отношений с Америкой, и к лицам, наиболее податливым к восприятию космополитических воззрений. В этой связи тост Сталина «за здоровье русского народа» и высказывания о нем как о «наиболее выдающейся нации из всех наций, входящих в состав Советского Союза»¹⁰⁵⁷, о его ясном уме, стойком характере, терпении, готовности идти на жертвы,

были не только выражением благодарности за Победу в войне. Тост имел своей целью укрепление патриотизма и стойкости народа в предстоящей борьбе против американских планов завоевания мирового господства.

Руководители советского пропагандистского аппарата старались не допустить кривотолков в понимании сталинского тоста о русском народе. В передовых статьях «Правды» и других изданиях разъяснялось, что «патриотизм советского, русского народа ничего общего не имеет с выделением своей нации, как “избранной”, “высшей”, с презрением к другим нациям»¹⁰⁵⁸. Утверждалось, что русскому народу, «старшему и могучему брату в семье советских народов, довелось взять на себя главную тяжесть борьбы с гитлеровскими разбойниками и он с честью выполнил эту свою великую историческую роль. Без помощи русского народа ни один из народов, входящих в состав Советского Союза, не смог бы отстоять свою свободу {235} и независимость, а народы Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии, временно поработанные немецкими империалистами, не могли бы освободиться от немецко-фашистской кабалы»¹⁰⁵⁹.

Вместе с тем, многие советские чиновники продолжали проявлять особую осторожность в отношении русской темы. В сентябре 1945 года журналистка А. Н. Протопопова жаловалась в письме И. В. Сталину на то, что русскому человеку, по сути дела, возбраняется говорить вслух о своей национальной гордости. Когда она написала статью для «Комсомольской правды» на эту тему, редактор газеты сказал: «Выпячивать русскую национальность было политически нецелесообразно, когда немцы были под Москвой. А сейчас, когда немцы на Украине, это политически вредно. И никто не разрешит». После сталинского тоста она вновь спрашивала редактора, считает ли он по-прежнему, что о воспитании русской национальной гордости нельзя говорить вслух? Ответом было: «Мы не рутинеры, а творческие работники. Тогда были одни указания, а на данном этапе — другие. Но и сейчас заострять этот вопрос нельзя»¹⁰⁶⁰.

Тем не менее победа в войне и возросшая оценка русского национального фактора в послевоенной внутренней и внешней политике вынуждали именно «заострять» этот вопрос. В частности, по-новому оценивать вклад русской культуры в культуру народов СССР и мировую. Вызвано это было не только тем, что советские ученые и деятели культуры внесли огромный вклад в усилия Красной Армии по разгрому Германии. По замыслу советских властей, культурные достижения России и СССР должны были стать противовесом от возможного низкопоклонства перед культурой Запада, представление о высоком уровне которой в ее повседневных проявлениях составили многие миллионы советских людей, побывавших за годы войны в Европе.

К сожалению, в проведении послевоенной подготовки СССР к дальнейшей борьбе за установление социалистического строя во всем мире была сделана ставка не столько на «ясный ум» народа, сколько на такие его качества, как стойкий характер и терпение, доверие правительству в моменты отчаянного положения, готовность идти на жертвы. Можно добавить: столь великие, что власть долгие годы даже не могла вымолвить правду об их размерах. Все это стало окрашивать послевоенную сталинскую внешнюю и внутреннюю политику и советский патриотизм в цвета русского великодержавия. Трансформированная таким причудливым образом идея мировой революции и русская вселенская отзывчивость получили подпитку самим фактом победы, несмотря на ее ужасающе большую цену.

После смерти И. В. Сталина советским властям не удалось совместить политику десталинизации страны с планомерной работой по дальнейшему укреплению патриотизма. А положения о необходимости развивать идеи сочетания здорового, правильно понятого национализма с пролетарским интернационализмом, о том, что интернационализм должен опираться на здоровый национализм¹⁰⁶¹ — вовсе не получили развития. В результате работа по укреплению патриотизма и единства народов СССР была ослаблена. {236} В конечном счете, именно ослабление патриотизма вкупе с неправильно понимаемым интернационализмом привели к тому, что у СССР оказалось мало защитников в критическом 1991 году.

ПРОЯВЛЕНИЕ ЧЕРТ НОВОЙ ОБЩНОСТИ ПРИ СТАЛИНЕ

Общим результатом всех вынужденных отступлений от принципов «истинного интернационализма» (отрицание наций и значимости национального фактора в общественной жизни) стало то, что формирующаяся в СССР новая историческая общность людей, благодаря гигантскому весу русской национальной составляющей, начиная с середины 1930-х годов все более и более окрашивалась в явно русские национальные тона (язык межнационального общения, общесоветская русскоязычная культура). В этой связи представляются не во всем верными суждения политолога Б.

П. Курашвили, полагающего, что лишь «в своих далеких прогнозах, через десяток-другой поколений, лет через пятьсот Сталин видел единый субконтинентальный суперэтнос, сложившийся преимущественно на русской основе. Для него это была грядущая объективная реальность, теоретическая неизбежность»¹⁰⁶². Российский суперэтнос (метаэтническая общность, своего рода новая нация), как свидетельствуют исторические факты, складывался издавна. Н. И. Бухарин, как уже отмечалось, в середине 1930-х годов пытался зафиксировать черты этого суперэтнуса («героического советского народа»). Суперэтнос («зональная общность») не был лишь теоретической конструкцией и для Сталина. Вопрос заключается, скорее всего, в степени оформленности этого явления и адекватности отражения его в общественном сознании и науке, в целесообразности (или нецелесообразности) ускорения его формирования. Направленность национальной политики в СССР со второй половины 1930-х годов не оставляет больших сомнений в том, что делалось все возможное для ускоренного формирования российского суперэтнуса. И вряд ли на процесс завершения становления новой общности отводилось пять веков.

Сталин по своему личному опыту и опыту соратников, гордящихся своим истинным интернационализмом, видел, что отрешиться от национальных пристрастий и антипатий можно и за гораздо меньшие сроки. Выше уже приводились суждения на этот счет Л. Д. Троцкого, Л. М. Кагановича и других. Сам Сталин сказал о себе на знаменитом приеме в Кремле 24 мая 1945 года: «Я не грузин. Я русский грузинского происхождения»¹⁰⁶³. Некоторое время спустя на приеме по случаю присуждения Сталинской премии он же мог удивлять и грузин и русских обмолвками: «Вот у вас, грузин...», а потом: «А вот у них, русских...» Спрашивается, кем же ощущал себя в конце 1940-х годов Сталин? Ю. Б. Боров пишет: «Скорее всего, богом, у которого нет и не может быть национальности»¹⁰⁶⁴. Можно предложить и другой ответ: не богом, а просто «настоящим интернационалистом», каких в России было немало во все времена и в которых большевистская партия пыталась превратить все население страны. На это, ввиду масштабности задачи, требовалось много времени. Но не надо забывать, {237} что большевики не зря славились умением заставить народы СССР за десяток лет проходить исторические пути, равные столетиям. Это позволяет с большой долей вероятности допустить, что время, потребное на окончательное решение национального вопроса и завершение формирования новой исторической общности интернационалистов, большевики могли попытаться свести к минимуму.

Переход к коммунизму (а он, по марксистской доктрине, безнационален) планировалось начать уже в 1939 году. Н. С. Хрущев намеревался построить основы коммунизма к 1980 году. Сталин, пробудь он на своем посту лишних 10—15 лет, вероятнее всего, сроки строительства стремился бы сжать. Не исключено, что о завершении формирования общности интернационалистов в СССР страна могла узнать в один из этих годов из заявления Сталина, так же как в декабре 1935 года вдруг узнала о наступлении эпохи вечной дружбы советских народов¹⁰⁶⁵. Принцип «национальность — коммунист», порожденный Марксовым тезисом «у пролетариата нет отечества» и революционным лозунгом о пролетарской классовой солидарности¹⁰⁶⁶, мог быть реализован и в политической практике. КПСС, как известно, была организацией, насчитывающей почти два десятка миллионов человек, массовыми коммунистическими организациями были комсомол и пионерия. В сознании же известных представителей партии быть настоящим коммунистом — значило быть интернационалистом, полностью лишенным какой бы то ни было привязанности к прежним историческим национальностям. Таким образом, оснований для провозглашения появления особой общности интернационалистов, на наш взгляд, было достаточно.

Намерением форсировать сближение и слияние наций можно, на наш взгляд, в какой-то мере объяснить и беспрецедентное выселение в годы войны ряда народов с Кавказа и из Крыма¹⁰⁶⁷. Депортация этих народов из мест своего исконного проживания и расселение их вперемежку с другими «братскими» народами могла рассматриваться Сталиным не только наказанием, но и своего рода «наименьшим злом», обращаясь в конце концов во благо, ибо могла способствовать приближению того самого будущего, в котором «все народы нашей страны все равно сольются в одной евразийской суперэтнической общности»¹⁰⁶⁸. Подобное соображение позднее было положено в основу объяснения историком М. Г. Вахабовым правомерности выселения отдельных народов, вытекающей из «общего интереса», «интересов судьбы системы социализма»¹⁰⁶⁹.

Во всяком случае, тенденция к ускорению складывания новой общности народов СССР и окрашивания ее в русские национальные тона в послевоенные годы получила свое развитие. И процесс этот в полной мере нашел отражение в научной литературе. Работы о национальных отношениях в СССР, изданные в послевоенный сталинский период, содержали все более и более развернутые положения о процессах консолидации наций в условиях советского строя, об усиле-

нии их взаимосвязи и взаимозависимости, перераставших в «подлинную многонациональную экономическую и культурную социалистическую общность»¹⁰⁷⁰. Уже {238} в 1951 году И. Е. Кравцевым было введено в научный оборот положение о том, что «в нашей стране сложилась невиданная в истории общность людей — советский народ»¹⁰⁷¹. Он трактовался как содружество классов и национальностей, имеющих единую систему хозяйства, единую систему государственной жизни, единые же идеологию, цель, партию, отечество. Н. И. Матюшкин писал в 1953 году, что появившаяся в СССР «новая, никогда прежде не виданная общность людей — общность межнациональная, международная», знаменует подготовку предпосылок для слияния наций в высшем интернациональном единстве¹⁰⁷².

Характерно, что и в вопросах о судьбах национальных языков позиция И. В. Сталина нередко воспринималась, скажем, левее той, которая заявлялась им в публикуемых текстах. В. М. Молотов, например, уверял на склоне лет: Сталин «считал, что когда победит мировая коммунистическая система, а он все дела к этому вел, — главным языком на земном шаре, языком межнационального общения, станет язык Пушкина и Ленина»¹⁰⁷³. Ведущий советский ученый-нациолог 1950-х годов М. Д. Каммари интерпретировал известный сталинский труд о языкознании также с «уклоном влево». Русский язык, «обогащенный достижениями великой ленинско-сталинской эпохи, — писал он в 1951 году, — будет, безусловно, одним из наиболее богатых и выдающихся зональных языков, мощных средств межнационального общения и сыграет большую роль в создании будущего единого мирового языка, в создании его основного словарного фонда и грамматического строя»¹⁰⁷⁴. Стремление всемерно расширить влияние русского языка как одного из мировых языков стало заметным сразу же после окончания Второй мировой войны. Например, были закрыты научные журналы, издававшиеся в нашей стране на иностранных языках и пропагандировавшие достижения советской науки за рубежом. В оправдание этой акции выдвигался следующий аргумент: «Печатая свои работы на русском языке, мы заставляем иностранных ученых уважать Великий русский язык — международный язык эпохи социализма»¹⁰⁷⁵. В общественное сознание настойчиво внедрялась мысль о том, что русский язык «стал в полном смысле этого слова вторым родным языком для каждого из народов Советского Союза», что он «становится вторым родным языком для освобожденных народов стран новой демократии, Китайской Народной Республики»¹⁰⁷⁶.

СОВЕТСКИЕ ЕВРЕИ В СИСТЕМЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Новый поворот на пути решения национального вопроса в СССР, явственно обозначившийся уже в середине 1930-х годов, по представлениям советского руководства, никак не мог означать снижения темпов социалистической перестройки общества (а значит и решения задач сближения и слияния наций). Он означал лишь, что был принят новый ориентир, по которому направлялись эти процессы. Были уяснены представления о «новой исторической общности», которая «строилась». Многие авторы, оценивающие этот поворот, склонны объяснять его отречением И. В. Сталина от интернационализма и переходом на позиции великорусского шовинизма, {239} в результате чего русские якобы получили преимущества за счет ущемления прав и возможностей развития других народов. В числе пострадавших при этом часто фигурируют советские евреи.

«В середине 1930-х годов прогресс советского еврейства как национальности достиг своего зенита. Но воздействие двух сил задержало его развитие», — пишет израильский автор, выходец из России. Одной из таких сил якобы были «традиционные антисемитские предрассудки», которые решил использовать Сталин для упрочения своих позиций. Главным же стало возрождение русского национального сознания, отождествляемого автором с русским национальным империализмом и великодержавным шовинизмом. Под влиянием этих двух факторов будто бы и произошла роковая переориентация. «Когда Сталин объявил о возможности построения социализма в одном Советском Союзе, новое поколение русских коммунистов, — по Эйнштейну, — снова стало считать свой народ не отсталой частью западного мира, а народом, призванным играть исключительную роль в истории человечества»¹⁰⁷⁷.

Более вероятным представляется, что исключительную роль Сталин мог примерять не столько к народу, сколько к себе лично. Лишенный каких-либо национальных чувств (подобно Троцкому и другим «истинным интернационалистам»), Сталин, скорее всего, считал народы лишь пешками в борьбе за личную тотальную власть. Великодержавие при этом, конечно, имело место самое непосредственное, но если оценивать его с национальной точки зрения, то в этом случае можно скорее согласиться с теми, кто называет его «великодержавным интернационализмом», или «интернационал-социализмом»¹⁰⁷⁸. Ну а предполагать, что «вождь народов» обязательно должен

был строить отношения власти с «подданными», постоянно напоминая им, что они-де есть некая отсталая часть западного мира, представляется более чем неразумным.

Положение же евреев в СССР со второй половины 1930-х годов действительно начинает меняться. Достаточно вспомнить о звонке И. В. Сталина главному редактору газеты «Правда» Л. З. Мехлису летом 1936 года и предложении дать евреям — сотрудникам редакции русские псевдонимы. Фамилии собственных корреспондентов, оканчивающиеся на «берг» и «ман» вскоре начали исчезать и со страниц других центральных газет. К примеру, именно тогда Д. И. Ортенберг (собкор «Правды», в 1941—1943 гг. — главный редактор «Красной звезды») стал Вадимовым. Таким образом, Сталин посчитал нужным отреагировать на издание в Берлине специальной брошюры с данными о советских гражданах еврейской национальности, работавших в прессе, сферах искусства, культуры и науки, и попытках использовать эти сведения против большевистского руководства. В этом случае дело ограничилось своеобразным крещением якобы для того, чтобы «не дразнить Гитлера»¹⁰⁷⁹. (Поводом для «крещения» могла послужить, например, переведенная на русский язык книга Г. Феста «Большевизм и еврейство: Еврейский элемент в руководстве большевиков», изданная в Риге в 1935 г.). Впрочем, для того чтобы обнаружить диспропорции национального состава {240} руководящей элиты советского общества, подсказки со стороны вряд ли требовались. Как отмечает современный автор, «стоит лишь посмотреть, кто занимал ключевые должности в ЦК, в правительстве, в армии, в НКВД, в СМИ и т.д.»¹⁰⁸⁰.

Но от исследователей не могли укрыться и другие факты, говорящие, что Сталин использовал чистки партии, чтобы сократить число евреев в верхних эшелонах управления¹⁰⁸¹. В беседе с министром иностранных дел Германии И. Риббентропом в 1939 году Сталин уже не скрывал, что «ждет лишь того момента, когда в СССР будет достаточно своей интеллигенции, чтобы полностью покончить с засильем в руководстве евреев, которые на сегодняшний день пока еще ему нужны»¹⁰⁸². Однако причины этого надо искать не в пресловутом личном антисемитизме Сталина и русского народа, а скорее всего — в «истинном интернационализме», который завещал В. И. Ленин каждому «передовому» народу как норму для строительства своих отношений с «отсталыми» национальностями. Интернационализм был предписан каждому члену коммунистической партии как определяющая черта его сознания и поведения.

На это обстоятельство обращает внимание Ж. А. Медведев, убедившийся в результате своих исследований и жизненных наблюдений в том, что «ни антисемитом, ни тем более юдофобом Сталин не был»¹⁰⁸³. Убийство С. М. Михоэлса, «дело» ЕАК, «дело» врачей-убийц — «эти процессы связаны не с юдофобией, а с политической конъюнктурой», все эти акции «были частью холодной войны против Запада, и именно так их и нужно рассматривать»¹⁰⁸⁴.

Израильский автор Р. Нудельман, напоминает, что осуществление марксистского принципа «равенства условий для всех наций» требует предварительного «выравнивания уровня развития всех народов». Соглашаясь с этим, автор допускает далее нелогичность в суждениях. «Применительно к евреям, — пишет он, — такое искусственное “выравнивание”, разумеется, означает на практике искусственное торможение и ограничение их социального развития»¹⁰⁸⁵. Увы, именно в этом и заключается «подлинный интернационализм», и последствия его одинаковы для каждого народа, который берет его (которому он навязан) в качестве нормы поведения. «Антисемитизм» появляется в результате претензий на исключение для евреев из общего правила.

Отмечая исключительную роль советских евреев в жизни СССР, А. Воронель объясняет ее с других позиций. По мнению этого автора, «советская власть нуждалась, как в свое время царская власть, «в некоем квалифицированном меньшинстве, которое по отношению к основному населению было бы несколько чужим. Царская власть использовала немцев». Якобы по такой же причине в советский период «евреи, а также армяне и другие инородцы выдвигались в ряды этого самого квалифицированного меньшинства, и европеизированная государственно-ориентированная часть партийной верхушки их приняла». С развитием национальной идеологии борьба с «засильем евреев», по логике этого автора, закономерна. Он {241} приходит к несколько даже неожиданно, но не лишнему оснований выводу: «Антисемитская кампания в Советском Союзе не имеет никакого отношения к евреям. Она не направлена против евреев», а связана лишь со сменой элит в России»¹⁰⁸⁶.

Об этом же пишет и советский автор Р. А. Медведев, отмечавший в оксфордском издании своей книги «О Сталине и сталинизме», что причины чисток 1936—1938 годов были гораздо глубже: «Под прикрытием чисток происходили глубокие социальные и (не менее важные) национальные преобразования, в результате которых к власти пришла новая прослойка людей, большей частью крестьянского происхождения, среди которых практически больше не было инородцев

(евреев, латышей, литовцев, поляков и т.д.). Это была реакция огромной славянской страны на интернациональные, космополитические эксперименты 1920-х и 1930-х годов, которые игнорировали национальный фактор. Сталин просто поднял эту новую прослойку к власти: он не создал ее»¹⁰⁸⁷. Такого же мнения держался М. С. Агурский¹⁰⁸⁸. К аналогичному выводу склоняется и Ш. Эттингер, полагая, что когда началась борьба малых национальностей за представительство в советском аппарате, за свои национальные кадры, то «легче всего было удовлетворить претензии украинцев, белорусов, молдаван и других, отдав их национальным кадрам места, занимаемые евреями. Так началась целенаправленная кампания изгнания евреев с ключевых позиций в различных отраслях жизни. «Дружба советских народов» проявилась в вытеснении евреев с их постов в государственном аппарате и общественной жизни в угоду «национальным кадрам»¹⁰⁸⁹. Следует также принять к сведению, что в кампаниях по борьбе с космополитизмом и в «деле врачей» страдали представители не только одной национальности. Израильский автор Ш. Маркиш отмечает, что жертвами космополитической кампании «были далеко не одни евреи, наоборот, в общем числе пострадавших они составляли меньшинство, и возможно, не слишком значительное». Этот же автор пишет: «Когда после 4 апреля 1953 года (официальное сообщение о невиновности «врачей-убийц») стали подсчитывать число евреев и неевреев среди арестованных, оказалось, что последних было по меньшей мере в три раза больше, чем первых»¹⁰⁹⁰.

Аргументы израильских авторов приводятся не потому, что кажутся бесспорными во всех деталях, но исключительно с целью показать, что «антисемитизм» в СССР и России при малейшей попытке его серьезного анализа оказывается отнюдь не врожденным свойством русского и других народов. Из этих суждений следует также, что объяснять «антиеврейские» кампании в СССР в послевоенные годы жизни Сталина исключительно антисемитизмом было бы по меньшей мере некорректно. Ж. А. Медведев, которого трудно заподозрить в симпатии к антисемитам, в своей статье (2003), по сути, выразил несогласие с обычными утверждениями о том, что борьба с космополитами «была замаскированной антисемитской кампанией. Правильнее было бы говорить, — пишет он, — что она эволюционировала в антисемитскую кампанию к 1952—1953 годам»¹⁰⁹¹. Если {242} это так, то места для «долгосрочной антисемитской кампании» при жизни Сталина практически не остается. Составители сборника работ А. А. Жданова и Г. М. Маленкова «Сталин и космополиты» не усматривают никакого антисемитизма и в «деле врачей». «При объективном анализе, — пишут они, — выясняется, что оно, так же как и директивное письмо Маленкова 1944 года, было реакцией советского правительства на продолжающиеся групповщину, кумовство и коррупцию еврейской общины»¹⁰⁹².

Что же касается особого места, которое евреи долгое время занимали в элитных слоях советского общества, то оно тоже имеет причины отнюдь не мистические, а вполне реальные. «Евреи, — утверждает Р. Нудельман, — приняли непропорционально высокое участие в революции, заняли соответствующие места в советском и партийном аппарате и, что самое главное, заменили ту самую старую дворянскую и разночинскую интеллигенцию, которая была изгнана из революционной России». Можно сказать, полагает этот же автор, что впоследствии «сложилась новая, «русско-еврейская» советская интеллигенция, которая вплоть до последнего времени играла ведущую роль в советской жизни»¹⁰⁹³. И подобное утверждение не единично.

В этой связи нелишне напомнить, что в конце 1919 года В. И. Ленин не согласился с предложением комиссара по еврейским национальным делам С. М. Диманштейна задержать распространение написанной М. Горьким листовки «О евреях». По мнению комиссара, она могла послужить на руку нашим врагам, для использования в антисемитских целях, поскольку представляла «неимоверный дифирамб еврейскому народу... создавалось впечатление, будто революция держится на евреях». Признав, что листовка «формулирована очень неудачно», Ленин в целом нашел ее полезной. Оказалось, он был больше озабочен тем, что будущие исследователи могут недооценить выдающуюся роль, сыгранную в революции латышами и евреями, эвакуированными в предреволюционные годы из западных прифронтовых губерний вглубь России. Диманштейн зафиксировал «оригинальную мысль» вождя, объяснявшую сверхпредставленность евреев в советском государственном аппарате. В. И. Ленин утверждал: «Большую службу революции сослужил также тот факт, что из-за войны значительное количество еврейской средней интеллигенции оказалось в русских городах. Они сорвали тот генеральный саботаж, с которым мы встретились сразу после Октябрьской революции и который был нам крайне опасен. Еврейские элементы, хотя далеко не все, саботировали этот саботаж и этим выручили революцию в трудный момент... Овладеть государственным аппаратом... нам удалось только благодаря этому резерву грамотных и более или

менее толковых, трезвых новых чиновников». Это многозначительное суждение опубликовано в введении к сборнику статей В. И. Ленина «О еврейском вопросе в России»¹⁰⁹⁴.

Н. И. Бухарин видел «определенную базу» для антисемитизма в стране и поведал о ней в своем выступлении на XXIV Ленинградской губпартконференции (1927). По его словам, во время военного коммунизма «мы русскую среднюю и мелкую буржуазию наряду с крупной обчистили... Затем была {243} допущена свободная торговля. Еврейская мелкая и средняя буржуазия заняла позиции мелкой и средней российской буржуазии... Приблизительно то же произошло с нашей российской интеллигенцией, которая фордыбачила и саботажила: ее места заняла кое-где еврейская интеллигенция, более подвижная, менее консервативная и черносотенная». Отсюда и разговорчики: «Россию жидам продали»¹⁰⁹⁵. Действительно, все ясно. В одном случае власть не была поддержана, в другом — сразу нашла сторонников. Поэтому одних «обчистили», другие не пострадали. Черносотенство здесь вроде и ни при чем.

Меткое суждение о различиях в отношениях большевистской власти, с одной стороны, евреев и русских, с другой, принадлежит А. И. Солженицыну. «В революцию и еще долго после нее, — писал он в своем «В круге первом», — слово “еврей” было благонадежнее, чем “русский”. Русского еще проверяли дальше — а кто были родители? А на какие доходы жили до семнадцатого года? Еврея не надо было проверять: евреи все поголовно были за революцию, избавившую их от погромов, от черты оседлости». Создавалось впечатление о национальности, целиком, с благословения властей, перемещавшейся на позиции революционного класса: «Были мальчики сыновьями юристов, зубных врачей, а то и мелких торговцев, — все себя остервенело-убежденно считали пролетариями»¹⁰⁹⁶. По мнению Наума Коржавина, антисемитизм в СССР во многом был обусловлен «неверной национальной политикой Ленина, когда к евреям стали относиться, как “к ранее угнетенной нации”, и старались их компенсировать за прошлые века». В результате «евреев оказалось много в руководстве (а руководство всегда непопулярно)»¹⁰⁹⁷. Именно этот факт и был в полной мере использован гитлеровской пропагандой в годы войны¹⁰⁹⁸.

Наконец, можно принять к сведению и объяснение «вполне естественных» причин антисемитизма в послеоктябрьской России М. И. Калининым — главой Советского государства и, по определению израильского автора, настроенного проеврейски больше всех остальных советских руководителей¹⁰⁹⁹. «В первые дни революции... — говорил он на съезде ОЗЕТ, — когда значительная часть русской интеллигенции отхлынула, испугалась революции, как раз в этот момент еврейская интеллигенция хлынула в канал революции, заполнила его большим процентом по сравнению со своей численностью и начала работать в революционных органах управления. Вот на этой почве и развивается антисемитизм»¹¹⁰⁰. Возвращаясь позднее к вопросу о месте и роли евреев в советском обществе, в своей речи на II съезде ОЗЕТ (1931) Калинин подчеркивал, что в условиях, когда в СССР «вырабатывается новый тип человека — гражданин Советского Союза», на еврейский революционный пролетариат падает «специфическая революционная задача» — «сделать бывших забитых трудящихся евреев самыми преданными советскими гражданами, самыми верными сынами социалистического отечества». Решение казалось простым и даже само собой разумеющимся, как можно судить по риторическому вопросу «всесоюзного старосты»: «А кто же может сделаться лучшим сыном социалистического {244} отечества, если не пролетарий из веками забитой еврейской национальности, которому Октябрь так много дал?»¹¹⁰¹ Обосновывая необходимость создания Еврейской автономной области, Калинин вновь подчеркивал, что «евреи — это очень важная и заслуживающая это своим прошлым советская национальность»¹¹⁰². Принимая в расчет особые условия, создаваемые революционной властью для советских граждан еврейской национальности, глава Советского государства выражал полную уверенность в том, что в случае нападения на СССР «еврейские трудящиеся массы будут бороться в первых рядах за Советский Союз»¹¹⁰³.

Замечание относительно того, кому, обороняя Союз, придется сражаться в первых рядах, очень важно. Рискнем предположить, что и И. В. Сталин тоже наверняка рассчитывал на советских евреев как на верных защитников Отечества, но он никак не хотел допустить, чтобы в предстоящей войне русские не только не «зафордыбачали», как в 1917 году, но и не могли, как это позволяла логика М. И. Калинина, пребывать на вторых или третьих ролях. По представлениям Сталина, самыми верными сынами социалистического отечества были русские. И это неустанно подчеркивалось им, начиная с 1930-х годов. «Самый лучший народ — русский народ, самая революционная нация»¹¹⁰⁴; среди равноправных советских наций «самая советская и самая революционная — русская»¹¹⁰⁵. Видимо, именно в таком подходе к определению «самой революционной» нации кроется истинная причина и поворота в национальной политике, и выдвижение русского народа в центр «зональной общности», и отождествления до известной степени этой общности с

русской нацией. Неумеренность славословий, которые начались в середине 1930-х годов в адрес русского народа, его истории, языка, культуры, определялись, скорее всего, не подлинными национальными чувствами Сталина и лиц из его окружения, а тактическим соображением о необходимости использовать мощный и ранее явно недооценивавшийся национальный фактор.

Однако, на наш взгляд, подобные прагматические расчеты руководителей большевиков никак не означали их перехода на великорусскую шовинистическую позицию. В данном случае представляется вполне обоснованной точка зрения В. В. Костикова, что Сталин антисемитом был не больше, чем антитатарин, антикалмыком, антигрузином, антиприбалтом или антиславянином¹¹⁰⁶. Действия же в отношении Еврейского антифашистского комитета и «космополитов» определялись иной мотивацией. Будучи «истинным» интернационалистом, Сталин, как верно заметил В. Л. Топоров, «стремился не к национальной, а к идейной однородности общества. Отсюда — и безжалостность по отношению к вернувшимся из плена воинам Красной Армии и к перемещенным лицам. Явлением того же порядка стали и сталинские репрессии против евреев»¹¹⁰⁷. В его представлении, «преступление» определенной части советских евреев состояло в том, что они — дотоле, казалось бы, интернационалисты из интернационалистов — вдруг повели себя совершенно неподобающим образом. Они не только потребовали Крым для создания национальной {245} республики, «предавая» тем самым идею интернациональной общности. Выражением неумеренного восторга по поводу образования государства Израиль и претензиями на двойную лояльность одновременно и социалистическому (СССР) и буржуазному (Израиль) государствам они просто не могли не переполнить чашу терпения «вождя всех интернационалистов» планеты¹¹⁰⁸.

Применительно к послевоенному времени представляются важными наблюдения А. Б. Чаковского, видного представителя советской литературной политики, многолетнего главного редактора «Литературной газеты». Причину общего недовольства евреев ситуацией, сложившейся в годы войны и в послевоенные годы правления Сталина он объяснял, по свидетельству С. Ю. Кунычева, следующим образом: «Когда началась война, Сталин увидел, что все интернациональные идеи, все разговоры о солидарности с германским рабочим классом и международным пролетариатом — фикция. Он решил сделать ставку на единственно реальную карту — на национальное чувство русского народа. Постепенно из армии убрали всех евреев-политруков, пропаганда всячески стала использовать имена русских полководцев, верхи стали заигрывать с церковью, а после победы Сталин произнес знаменитый тост за русский народ. Но расплатиться с русским народом за его жертвы было нечем, оставалось одно — объявить его самым великим, самым талантливым. И в угоду этому началась кампания против космополитов, дело врачей, разгон еврейского комитета. Что было! Люди бежали из больниц, натягивали на себя одеяла, когда к ним подходили врачи-евреи. А когда наступил 56-й год и пошли всяческие реабилитации, то среди этих реабилитаций не были реабилитированы евреи, пострадавшие в антисемитских кампаниях. А теперь объясните какому-нибудь рядовому Хаиму, почему этого не произошло. Он живет с обидой в душе. И на эту обиду очень легко ложится всяческая сионистская пропаганда, и Хаим подает заявление на выезд в Израиль»¹¹⁰⁹.

Можно сказать, причина недовольства «рядового Хаима» своим положением была связана с недооценкой его и всех евреев вклада в Победу. Например, не признано, как это значилось в одной из статей для журнала: «Евреи, защищая вместе с русскими, татарами, армянами свою советскую родину, играют в этой справедливой войне своих храбрых соотечественников не равноценную, а особо выдающуюся роль. Доля евреев-красноармейцев в героических деяниях Красной армии в процентном отношении значительно больше, чем процент еврейского населения к общему населению СССР... Евреи стоят в первых рядах в войне против фашистских зверств и к величайшим достижениям своим в области философии, поэзии, музыки и социологии присоединяют теперь свои великие достижения — в области военной»¹¹¹⁰. Не довольны они и тем, что некоторые из них не были реабилитированы как жертвы сталинизма в годы борьбы с космополитизмом.

Известный российский историк В. И. Козлов перевел суждения А. Б. Чаковского на уровень более широкого обобщения. Он полагает, что к 1970-м годам «большинство политически активных советских евреев, вероятно, уже {246} достаточно убедились, что в рамках Советского партийно-государственного строя евреям уже никак не удастся вернуть себе могущество, достигнутое в 1920—1930-х годах, а потому необходимо либо уехать из страны... либо разрушить этот строй... и постараться по-новому утвердиться на его обломках»¹¹¹¹.

Неожиданность такой метаморфозы заключалась в том, что «вместо хотя бы шевеления раскаяния, хотя бы душевного смущения» за прежнюю вовлеченность в большевистский эксперимент, «откол» от него евреев сопровождался «гневным поворотом в сторону русского народа:

это *русские* погубили демократию в России (то есть Февральскую), — это *русские* виноваты, что с 1918 года держалась и держалась эта власть!»¹¹¹². Приготовлены уже оправдания и на случай неудачи последней, 1991—1993 годов, российской революции. «Евреи вынуждены были в России стать диссидентами, революционерами, олигархами, а теперь вот и государственниками, — пишет Я. И. Рабинович, — потому что русские продолжают от этого воздерживаться. Им, кажется, гораздо больше нравится наблюдать за тем, как в очередной раз оплошают государственники. Иногда кажется, что на Россию пока не махнули рукой только евреи — все копошатся, все чего-то им надо, и это заставляет думать, что коренным населением России являются именно они»¹¹¹³.

Столь вызвающая позиция вряд ли найдет многих сторонников и в еврейском и в русском станах. Безусловно, еврей, хорошо работающий во имя как своего благополучия, так и на благо государства и всех народов страны, намного предпочтительнее плохо работающего и русофобствующего русского. Однако обобщения в духе уважаемого Я. И. Рабиновича явно отдают именно русофобией, точно также как и откровения его идейного вдохновителя Д. Быкова, полагающего, в пересказе Рабиновича, что еврей — это «тот, кого много, тот, кому всегда чего-то надо; среди русских, между прочим, их тоже полно, но они почему-то предпочитают реализовывать свои таланты в сфере пыточной, репрессивной или криминальной»¹¹¹⁴. К этим «достоинствам» прибавляют сферу погромную. К примеру, известный труд А. И. Солженицына «200 лет вместе» предстает не иначе как «200 лет затяжного погрома»¹¹¹⁵.

Еврейский вопрос незримо для многих советских людей присутствовал в бескомпромиссной борьбе наследников непомерной сталинской власти. Эта борьба заслуживает того, чтобы сказать о ней поподробнее.

«ДЕЛА» МАРШАЛОВ И ГЕНЕРАЛОВ

Соратники И. В. Сталина по руководству страной, занимавшие ключевые посты в партийных и государственных структурах власти, были вовсе не единой и однородной командой, как это может казаться в свете показного почитания и славословий, расточавшихся в адрес лидера. Стремясь закрепить свою власть, они, конечно, в определенном отношении выступали единой сплоченной командой, но в других — не брезговали методами подсиживания и политической интриги. Победы и поражения в невидимой {247} для населения страны борьбе за выход на ближайшие подступы к властному Олимпу позволяют различать три этапа в почти восьмилетнем послевоенном сталинском руководстве. Рубежами между ними выступают март 1949 года и июнь 1951 года.

На первом этапе Сталин вместе со всеми своими соратниками постарался обезопасить властный Олимп от возможных покушений на него со стороны генералитета, вышедшего из войны в ореоле славы спасителей Отечества. (По данным на 15 мая 1944 года в Красной Армии насчитывалось 2952 генерала, из которых 1753 получили генеральские звания в ходе войны. 495 генералов работали и состояли на службе в ВМФ, НКВД, НКГБ, «Смерш» и в гражданских наркоматах. К концу войны число генералов увеличилось в первую очередь за счет полковников, находящихся в мае 1944 года на генеральских должностях, — 276 из них были командирами дивизий, 74 — командирами бригад, 67 — начальниками военных училищ¹¹¹⁶.)

Под пристальным вниманием сразу же после войны оказался самый знаменитый полководец Советской Армии маршал Г. К. Жуков¹¹¹⁷. 27 июня 1945 года, на третий день после Парада Победы на Красной площади, он пригласил к себе на дачу под Москвой известных военачальников. Среди приглашенных были С. И. Богданов, В. В. Крюков и его жена Л. А. Русланова, А. В. Горбатов, В. И. Кузнецов, В. Д. Соколовский, К. Ф. Телегин, И. И. Федюнинский, В. И. Чуйков. Продолжая праздновать победу, они всячески превозносили вклад в нее Жукова, говорили о нем как о победителе Германии. На следующий день с записями разговоров был ознакомлен Сталин, и это стало одной из первых причин его послевоенного недовольства амбициозным маршалом.

Западная пропаганда подогревала подозрения в советских верхах в отношении военных, утверждая, что последние выступят на ближайших выборах в Верховные Советы союзных республик с альтернативными списками кандидатов в депутаты. Выдвижение на самые высшие посты в государстве прочили Г. К. Жукову, занимавшему с июня 1945 года посты главнокомандующего Группой советских войск и главноначальствующего Советской военной администрацией в Германии. Полководец оправдывал все эти ожидания и подозрения самостоятельностью и независимостью в своих действиях, проявлением явного непочтения к одному из тогдашних фаворитов Сталина министру госбезопасности В. С. Абакумову, не особенно скрываемым желанием видеть себя на посту министра обороны.

Для компрометации Жукова было использовано «трофейное дело»¹¹¹⁸ и так называемое «дело авиаторов»¹¹¹⁹. Командующий военно-воздушными силами Советской Армии главный маршал авиации А. А. Новиков и нарком авиационной промышленности А. И. Шахурин¹¹²⁰ по показаниям арестованного в начале 1946 года маршала авиации А. С. Худякова были обвинены в приеме на вооружение самолетов и моторов, имевших производственные дефекты, ведущие к большому числу катастроф. На основе сфабрикованных в ведомстве В. С. Абакумова материалов Новиков, Шахурин и пятеро их подчиненных были осуждены решением Военной коллегии Верховного суда {248} на разные сроки лишения свободы. Тень пала на Г. М. Маленкова и Л. П. Берия, отвечавших за работу авиационной промышленности. Во время следствия по делу были также получены показания о попытках Жукова «умалить руководящую роль в войне Верховного Главнокомандования».

Весной 1946 года были арестованы 74 генерала и офицера Группы советских войск в Германии по обвинениям в растрате фондов и вывозе для себя из Германии и Австрии разного имущества, мебели, картин, драгоценностей. Вскоре в обвинениях стал фигурировать антиправительственный заговор военных во главе с Жуковым.

Г. К. Жуков был отозван с руководящих постов в Германии, здесь его заменил возведенный в маршальское достоинство В. Д. Соколовский, а затем (с марта 1949 по март 1953 г.) генерал армии В. И. Чуйков. В марте 1946 года Жуков получил назначение на пост главнокомандующего сухопутными войсками Советской Армии и заместителя министра обороны СССР. 1 июня 1946 года состоялся разбор «дела Жукова» на заседании Высшего военного совета с участием маршалов Советского Союза и родов войск. Обвинения против Жукова поддержали члены Политбюро Г. М. Маленков и В. М. Молотов. Однако маршалы И. С. Конев, А. М. Василевский, К. К. Рокоссовский, хотя и отметили недостатки характера обвиняемого, ошибки в его работе, твердо стояли на том, что заговорщиком он быть не может. «Он патриот Родины, и он убедительно доказал это в сражениях Великой Отечественной войны», — утверждал маршал П. С. Рыбалко. Обсуждение закончилось выводом Сталина: «А все-таки вам, товарищ Жуков, придется на некоторое время покинуть Москву». Внешне казалось, что Сталин не желал идти из-за маршала на конфликт с членами Политбюро.

3 июня 1946 года Г. К. Жуков был освобожден от должности главнокомандующего сухопутными войсками и получил назначение на пост командующего Одесским военным округом. Однако этим дело не закончилось. Против Жукова фабриковались новые обвинения. В феврале 1947 года он был выведен из числа кандидатов в члены ЦК, в январе 1948 года назначен на командование менее значимым Уральским военным округом. Сталин, сложивший с себя обязанности министра вооруженных сил, передал их Н. А. Булганину¹¹²¹ (3 марта 1947 г.), затем А. М. Василевскому (24 марта 1949 г.). Последний исполнял их до марта 1953 года. Опала Жукова закончилась летом 1951 года, а на XIX съезде партии он был вновь избран кандидатом в члены ЦК КПСС.

Жертвами интриг после войны стали и другие представители генералитета, пользовавшиеся покровительством Жукова. Так, маршал Г. И. Кулик и командующий войсками Приволжского военного округа генерал-полковник В. Н. Гордов, которые за ошибки в годы войны понижались в званиях и должностях, после войны были изобличены как «сторонники реставрации капитализма в СССР». Кулик в январе 1947 года, в звании генерал-майора был арестован, в июле 1950 года расстрелян. Гордова арестовали в 1950 году, в декабре следующего года он умер в тюрьме. Погиб и начальник штаба Приволжского военного округа генерал-майор Ф. Т. Рыбальченко, {249} разделявший вместе с Гордовым убеждения в том, что «колхозники ненавидят Сталина», что «если сегодня снимут колхозы, завтра будет порядок, будет все», что «нам нужно иметь настоящую демократию». Репрессиям подверглись В. В. Крюков и его жена, знаменитая исполнительница русских народных песен.

В конце 1947 года были преданы суду чести адмирал флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов, возглавлявший наркомат ВМФ в 1939—1946 годах, адмиралы Л. М. Галлер, В. А. Алафузов и вице-адмирал Г. А. Степанов. Флотоводцы были обвинены в том, что они в рамках соглашений об обмене военно-технической информацией между СССР, Великобританией и США передали союзникам во время войны документацию на парашютную торпеду. Передача была объявлена незаконной. Приговором Военной коллегии Верховного суда СССР Кузнецов был понижен в звании, остальные подсудимые приговорены к различным срокам заключения.

Маршал артиллерии Н. Д. Яковлев, бывший в течение всей войны начальником Главного артиллерийского управления, а с 1948 года заместителем Военного министра, постановлением Совмина «О недостатках 57-мм автоматических зенитных пушек С-60» (от 31 декабря 1951 г.) был снят с поста, в феврале 1952 года арестован по обвинению во вредительстве. Вместе с ним были

сняты с постов и арестованы начальник ГАУ генерал-полковник артиллерии И. И. Волкотрубенко и заместитель министра вооружения И. А. Мирзаханов. На протяжении 15 с лишним месяцев следствие так и не выявило материалов, которые могли бы дать основание для осуждения арестованных. Следственное дело на них было прекращено в апреле 1953 года.

Уже к концу войны становились заметными изменения в расстановке сил в самом Политбюро ЦК партии. Явно ослабевали позиции старших по политическому возрасту соратников Сталина — К. Е. Ворошилова (выведен из ГКО в 1944 г.), Л. М. Кагановича (ему поручались все менее ответственные посты в руководстве), В. М. Молотова. Главной причиной оттеснения Молотова от власти было, видимо, намерение Сталина со временем переложить на него ответственность за неудачный союз с Германией и катастрофическое начало Отечественной войны. Недовольство решениями и поступками Молотова Сталин начал демонстрировать уже с декабря 1945 года. Были осуждены его санкция на публикацию речи Черчилля в советской печати, его обещания ослабить цензуру в СССР. И даже — умаление достоинства «государственного деятеля высшего типа» соглашением Молотова на то, чтобы быть избранным в почетные члены АН СССР в 1946 году. Особенное недовольство было вызвано тем, что Молотов не удержал собственную супругу «от ложных шагов и связей с антисоветскими еврейскими националистами».

«Дело авиаторов» несколько пошатнуло позиции Г. М. Маленкова, отвечавшего в годы войны в Политбюро за авиационную промышленность. 6 мая 1946 года было выпущено принятое по докладу Сталина постановление Политбюро, в первом пункте которого утверждалось: «Установить, что т. Маленков, как шеф над авиационной промышленностью и по приему {250} самолетов — над военно-воздушными силами, морально отвечает за те безобразия, которые вскрыты в работе этих ведомств (выпуск и приемка недоброкачественных самолетов), что он, зная об этих безобразиях, не сигнализировал о них в ЦК ВКП(б)». Второй пункт постановления гласил: «Признать необходимым вывести т. Маленкова из состава Секретариата ЦК ВКП(б)»¹¹²². Г. М. Маленков утратил влиятельный пост. Однако он остался одним из заместителей председателя Совета Министров и членом Политбюро, возведенным в этот ранг из кандидатов 18 марта того же года. 22 марта состоялось назначение Маленкова председателем комиссии по постройке стратегического бомбардировщика Ту-4. 13 мая 1946 года он возглавил вновь образованный Специальный комитет по реактивной технике и первые месяцы опалы был сосредоточен на выполнении масштабных проектов¹¹²³.

Как умаление непомерной власти Л. П. Берии следует рассматривать его перемещение с поста министра внутренних дел на пост председателя Специального комитета при ГКО по руководству «всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана». На эту должность он был назначен 20 августа 1945 года. Оставаясь в Политбюро, Берия и Маленков пользовались любой возможностью для дискредитации А. А. Жданова и его выдвиженцев из ленинградской партийной организации, укреплявших свои позиции на высших постах в партийном и государственном аппарате (председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский, секретарь ЦК А. А. Кузнецов, Председатель Совмина РСФСР М. И. Родионов) и ждали лишь удобного случая дать реванш «противнику».

«ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО» — РУССКОЕ ДЕЛО

Тем временем неблагоприятно для «ленинградцев» развивались события на международной арене. Их прогнозы не оправдывались. Противоречия между социализмом и капитализмом проявились в большей мере, чем внутри ведущих капиталистических стран. Объективно виноватыми они оказались и в том, что в подведомственном Жданову Ленинграде был проявлен либерализм в отношении поэтессы Анны Ахматовой и писателя Михаила Зощенко. Главным прегрешением Ахматовой было то, что она в ноябре 1945 года несколько раз без санкции властей встречалась с навещавшим ее Исайей Берлиным, вторым секретарем британского посольства в СССР, известным литературоведом, позднее президентом Британской академии. Они беседовали не только о поэзии, Достоевском, Джойсе и Кафке, но и о гибели Н. С. Гумилева и О. Э. Мандельштама, о расстрелах в лагерях. Недовольство Сталина было вызвано также триумфальным поэтическим вечером Ахматовой в московском Колонном зале Дома союзов (апрель 1946 г.), несмотря на негласное постановление 1925 года: «не арестовывать, но и не печатать». У Зощенко «недостатки» оказались еще существеннее. Политические недоброжелатели Жданова донесли Сталину, что сатирические произведения писателя использовались в годы войны Геббельсом для уничижительных оценок русского человека. В качестве доказательства {251} был представлен специально переведенный том выступ-

лений главного фашистского пропагандиста с подчеркиваниями соответствующих мест в тексте.

Решающим образом сказалась на судьбе А. А. Жданова и его выдвинутых их готовность в большей мере, чем допускал Сталин, разыгрывать карту русского патриотизма вплоть до организационного укрепления позиций РСФСР. Первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии П. С. Попков предлагал создать, по образцу других союзных республик, компартию России со штаб-квартирой в Ленинграде, перевести туда правительство России. Это сразу же было расценено как стремление обособить Ленинград и его парторганизацию по примеру Г. Е. Зиновьева.

Проигрыш «ленинградцев» явственно обозначился 1 июля 1948 года в связи с возвращением из опалы Г. М. Маленкова и назначением его на пост секретаря ЦК. Внезапная смерть А. А. Жданова 31 августа 1948 года ускорила разгром «ленинградцев». В январе 1949 года от обязанностей секретаря ЦК был освобожден А. А. Кузнецов, 7 марта из Политбюро вывели Н. А. Вознесенского. Падение «ленинградцев» еще больше ослабило позиции «старой гвардии» — Молотова, Микояна, Андреева, которые ориентировались на эту группу. 4 марта 1949 года Молотов утрачивает пост министра иностранных дел, а Микоян (связанный родственными отношениями с Кузнецовым) был освобожден от обязанностей министра внешней торговли. Смещение Молотова, остававшегося в сознании народных масс вторым лицом в государстве, фактически означало лишение его возможности наследовать высшую власть в стране в случае ухода от дел Сталина.

По свежим следам событий завесу секретности, скрывающую столкновения между группировками в высшем эшелоне власти в СССР, приоткрывал перешедший в 1954 году на Запад «агент советской секретной полиции», капитан МГБ Н. Е. Хохлов. В беседе в редакции журнала «Новости Америки и Мира» он утверждал, что именно претензиями на двойную лояльность («евреи часто считают себя не только гражданами страны, где они проживают, но и членами международного сионистского движения») обусловлена борьба с космополитизмом и перегруппировка сил в тогдашнем окружении Сталина. Жданов и его группа представлялись инициаторами борьбы против космополитов, а после его смерти «Берия и Абакумов немедленно организовали процесс в Ленинграде. Они говорили, что что в составе группы, обвинявшей евреев в космополитизме, не настоящие коммунисты, а “русские шовинисты”»¹¹²⁴. (Сталин, к примеру полагал: «Вознесенский — великодержавный шовинист редкой степени»¹¹²⁵.) Берия, Маленков и Абакумов вышли тогда победителями из этого противостояния.

Период с марта 1949 года по июнь 1950-го характеризуется резким усилением в руководстве позиций Маленкова и Берии (шансы последнего подкреплялись успешным испытанием атомной бомбы), приближением к властному Олимпу Н. С. Хрущева (в декабре 1949 г. стараниями Маленкова он был избран первым секретарем Московского комитета и секретарем ЦК партии). Параллельно происходило укрепление позиций заместителя {252} председателя Совмина СССР Н. А. Булганина. 18 февраля 1948 года он был переведен из кандидатов в члены Политбюро, а в феврале 1951 года утвержден председателем бюро Совмина по военно-промышленным и военным вопросам. Фактически это означало новое ущемление позиций Берии.

В 1949 году по сфабрикованному при активном участии Маленкова «ленинградскому делу» началось уголовное преследование большой группы руководителей, взращенных ленинградской партийной организацией. Первые аресты были произведены в августе. А. А. Кузнецов, М. И. Родионов, П. С. Попков обвинялись в проведении в Ленинграде с 10 по 20 января 1949 года Всероссийской оптовой ярмарки без специальной санкции правительства СССР. Н. А. Вознесенский был обвинен в умышленном занижении государственных планов, фальсификации статистической отчетности и утере секретных документов. Очевидно, что в связи с арестами «преступников», «прокравшихся» на столь высокие руководящие посты, в январе 1950 года была восстановлена смертная казнь, отмененная до этого 26 мая 1947 года.

Подоплека преследований «ленинградцев» хорошо представлена в подготовленном Маленковым и Берией проекте закрытого письма Политбюро членам и кандидатам в члены ЦК от 12 октября 1949 года: «Можно считать установленным, что в верхушке бывшего ленинградского руководства уже длительное время сложилась враждебная партии группа... С одним из руководящих членов этой группы Капустиным, как выяснилось теперь, во время пребывания его в 1936 году в Лондоне установила связь английская разведка. Сейчас стало очевидным, что Кузнецов А. и Попков имели сведения об этом, но скрыли их от ЦК... Во вражеской группе Кузнецова неоднократно обсуждался и подготавливался вопрос о необходимости создания Российской коммунистической партии большевиков... и ЦК РКП (б) и о переносе столицы РСФСР из Москвы в Ленинград. Эти мероприятия Кузнецов и др. мотивировали в своей среде клеветническими доводами, будто бы ЦК ВКП(б) и Союзное правительство проводят антирусскую политику и осуществляют протекцио-

низм в отношении других народов за счет русского народа»¹¹²⁶. Большую долю ответственности Маленков и Берия возлагали и на покойного Жданова.

На еще одну причину подозрительности Сталина в отношении «ленинградцев» указывается в книге А. И. Микояна «Так было». «Ленинградцы» были якобы «недовольны засильем кавказцев в руководстве страны и ждали естественного ухода из жизни Сталина, чтобы изменить это положение, а пока хотели перевести Правительство РСФСР в Ленинград, чтобы оторвать его от московского руководства». П. С. Попкову припоминали, что он в разговорах со «встречными и поперечными» «агитировал» за создание, по образцу других союзных республик, компартии России со штаб-квартирой в Ленинграде, за перевод туда правительства РСФСР. О Вознесенском говорили как о будущем председателе Совета министров РСФСР, о Кузнецове — как о первом секретаре ЦК КП РСФСР, о Жданове — как о генеральном секретаре. У обвиняемых были и другие прегрешения, {253} но главные, «и “кавказцы”, и желание отдалить руководство России от руководства СССР были рассчитаны на Сталина: он охотно клевал на такие вещи»¹¹²⁷. И тут он легко поддался внушению: «Если из его рук уходит российская партия и российская государственность, то он остается генералом без армии»¹¹²⁸. Так или иначе, но Сталин не дал своей санкции на рассылку письма Маленкова и Берии от октября 1949 года, однако карательную машину против «ленинградцев» не остановил.

В конце сентября 1950 года обвиняемые «ленинградцы» предстали перед закрытым судом, который состоялся в присутствии 600 человек из партийного актива Ленинграда. Средства массовой информации об этом суде ничего не сообщали, чтобы не давать повода для слухов о расколе в руководстве страны. После расстрелов главных обвиняемых (1 октября 1950 г.) последовала «чистка», закончившаяся смещением с работы и осуждением 69 руководителей, обязанных своему выдвижению ленинградской партийной организации, и 145 человек из числа близких и дальних родственников. Кроме того, два человека умерли в тюрьме до суда. Из 214 осужденных 36 человек работали в Ленинградском обкоме и горкоме партии, а также в областном и городском исполкомах, 11 человек — на руководящей работе в других обкомах партии и облисполкомах и 9 человек — в райкомах и райисполкомах Ленинградской области¹¹²⁹.

Проигрыш «ленинградцев» был обусловлен отнюдь не тем, что их противники оказались более искусными в интригах и аппаратных комбинациях. В более широком плане он означал поражение направления в руководстве страной, ориентирующегося на первоочередное решение внутренних политических, экономических и гражданских проблем — смещение приоритетов хозяйственного развития в сторону группы «Б», решение проблем политического образования и культуры, подготовка новой Конституции и новой Программы партии. Одновременно это было победой направления, связанного с руководством военно-промышленным комплексом и делавшего ставку на его всемерное развитие как главного инструмента в сражениях на фронтах «холодной войны» и, в конечном счете, — достижения мирового господства под флагами социализма и коммунизма.

МИХОЭЛС, ГОЛДА МЕИР И «ДЕЛО» ЕАК

С арестом министра государственной безопасности В. С. Абакумова (12 июня 1951 г.) начался этап подготовки более радикальных изменений в руководстве страны. Министр МГБ, бывший главным исполнителем расправы над «авиаторами», Г. К. Жуковым, «ленинградцами», видимо, не вполне устраивал Сталина как организатор расследования «преступлений» Еврейского антифашистского комитета.

Преследования комитета перешли в активную фазу со времени гибели (13 января 1948 г.) руководителя Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) С. М. Михоэlsa¹¹³⁰. Народный артист СССР, руководитель Московского государственного еврейского театра подозревался в попытках использовать дочь Сталина Светлану и ее мужа Г. И. Морозова в корыстных {254} интересах националистически настроенных евреев. Особое негодование Сталина вызвала трансляция по каналам ЕАК в США слухов о его виновности в гибели жены Надежды Сергеевны и других родственников. В этой связи в конце 1947 года были арестованы сотрудники академических институтов И. И. Гольдштейн (институт экономики) и З. Г. Гринберг (институт мировой литературы), «изобличившие» родственников Сталина по линии жены — А. С. Аллилуеву, Е. А. Аллилуеву, ее второго мужа Н. В. Молочникова и дочь от первого брака К. П. Аллилуеву как источник «клеветнических измышлений по адресу членов правительства»¹¹³¹. В записке МГБ от 28 марта 1948 года утверждалось, что руководители ЕАК являются активными националистами и проводят антисоветскую националистическую работу, особенно проявившуюся после поездки С. М. Михоэlsa и И. С. Фе-

фера в 1943 году в США, где они вошли в контакт лицами, связанными с американской разведкой¹¹³².

По слухам, ставшим известными за рубежом, Надежда была якобы убита выстрелом в затылок, рану «видела» жена С. Орджоникидзе, обмывавшая покойницу. Брат Надежды Павел, командарм, начальник бронетанкового управления РККА, якобы не умер от разрыва сердца в ноябре 1938 года, а был отравлен из-за несогласия с арестами сотрудников управления. Станислав Реденс, муж сестры Надежды Анны, начальник УНКВД Московской области в 1933—1934 годах, затем нарком внутренних дел Казахской ССР, был якобы безвинно арестован в ноябре 1938 года и расстрелян. Михоэлс же, по показаниям И. И. Гольдштейна, давнего знакомого Е. А. Аллилуевой, не только вел националистическую и шпионскую работу под прикрытием ЕАК, но вникал во все детали взаимоотношений Светланы с ее мужем для того чтобы «разработать правильный план действий» и информировать «друзей в США, поскольку они интересуются этими вопросами»¹¹³³.

С деятельностью Еврейского антифашистского комитета было решено покончить после приезда в Москву израильского посланника Голды Меерсон. В 1956 году она приняла фамилию Меир, означающую на иврите «озаряющая». В 1906 году восьмилетняя Голда эмигрировала из России вместе с родителями, а с 3 сентября 1948 года по 20 апреля 1949 года пребывала в СССР в качестве посланника государства Израиль (провозглашено 14 мая 1948 г. на основе решения Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г.)¹¹³⁴. Произошло это после ряда восторженных встреч, которые были устроены советскими евреями (скорее всего, не без участия ЕАК) посланцу буржуазного государства, установившему сразу же после возникновения самые тесные отношения с враждебными Советскому Союзу США и остававшимся в сознании многих евреев «а голдене медине» (золотой страной). Например, И. С. Фефер, секретарь ЕАК, говорил о предстоящей в 1943 года поездке в США, что «наконец-то ему уже причитается немного блаженства — побывать в Америке»¹¹³⁵.

Особую настороженность руководителей СССР вызвала готовность многих советских евреев переселиться на историческую родину или отправиться добровольцами на войну израильтян с арабами. Все это было {255} расценено как измена социалистической Родине, хотя судебных преследований в отношении конкретных лиц по соответствующей статье Уголовного кодекса не последовало. Не нравились Сталину дружеские отношения, завязавшиеся у Меерсон с женой Молотова П. С. Жемчужиной, ее заинтересованное участие в делах ЕАК¹¹³⁶.

Описывая настроения пятидесятитысячной толпы, встречавшей Меерсон и ее спутников у синагоги в сентябре 1948 года, в день празднования еврейского Нового года, Голда Меир в книге мемуаров «Моя жизнь» отметила: «Евреи Москвы выразили свое глубокое стремление, свою потребность — участвовать в чуде создания еврейского государства»¹¹³⁷. Такие же чувства выражались и в ходе последующих многолюдных встреч, в том числе и на приеме у В. М. Молотова по случаю годовщины революции. Супруга советского министра иностранных дел поразила израильскую посланницу и дружеской беседой на идиш, и особенно фразой «Их бин а идише тохтер» («Я дочь еврейского народа») ¹¹³⁸. Открытая демонстрация таких чувств и потребностей самыми передовыми (по М. И. Калинин) борцами за Советский Союз оказалась, видимо, большой неожиданностью для Сталина. Расследование показало, что в манифестациях участвовали не только московские евреи, но и приехавшие из самых отдаленных местечек СССР. Создавалось представление о существовании в стране неформальной организации с хорошей системой оповещения и возможностями в короткий срок собрать в одном месте десятки тысяч человек. Организация к тому же явно ориентировалась на западный мир. Все это, конечно, не предвещало для нее ничего хорошего. Г. Меир была вряд ли далека от истины, написав в книге своих воспоминаний: «В январе 1949 года стало ясно, что русские евреи дорого заплатят за прием, который они нам оказали»¹¹³⁹.

Советское руководство пыталось удержать Израиль в орбите своего влияния, помогая оружием (включая 25 трофейных «Мессершмиттов»¹¹⁴⁰), а также беспрецедентным предложением переселить палестинских арабов-беженцев (свыше 500 тыс.) в советскую Среднюю Азию и создать там арабскую союзную республику или автономную область. Такое предложение осенью 1948 года сделал советский представитель в Совете Безопасности ООН Д. З. Мануильский¹¹⁴¹. Однако это не вызвало ожидаемой реакции. С переизбранием 7 ноября 1948 года Г. Трумэна Президентом США на второй срок и его заявлением о поддержке устремлений Израиля (его признание Соединенными Штатами де-юре, предоставление долгосрочного кредита), руководство СССР утратило надежду на достижение своих целей в этой стране, отпала необходимость и в уже запланированной поездке в Израиль делегации ЕАК¹¹⁴². 25 января 1949 года к власти в Израиле пришло правительство, занявшее во внешней политике однозначно проамериканскую (а не просоветскую,

как ожидалось по прогнозам ЕАК) позицию. Провал советской политики в отношении Израиля стал очевиден. В этих условиях обрели значимость не раз поступавшие ранее из высоких кабинетов ЦК и МГБ предложения о ликвидации ЕАК в связи с его «националистической деятельностью»¹¹⁴³. {256}

Еврейский «национализм», как и в случае с другими наказанными народами, было решено покарать. 20 ноября 1948 года Политбюро ЦК постановило Еврейский антифашистский комитет «немедля распустить»¹¹⁴⁴. Вскоре начались аресты. В декабре арестованы ответственный секретарь ЕАК И. С. Фефер и директор Еврейского театра в Москве В. Л. Зускин. В начале 1949 года было арестовано несколько десятков членов и активистов ЕАК. Среди них — поэты Д. Р. Бергelson, Л. М. Квитко и П. Д. Маркиш; С. Л. Брегман, заместитель министра Госконтроля РСФСР; Б. А. Шимелиович, главный врач Центральной клинической больницы им. Боткина; академик Л. С. Штерн, руководительница Института физиологии Академии медицинских наук; И. С. Юзefович, младший научный сотрудник Института истории АН СССР. 26 января аресту подвергся бывший заместитель министра иностранных дел и начальник Совинформбюро С. А. Лозовский, отвечавший за работу комитета по линии государственных структур, 29 января — П. С. Жемчужина, жена Молотова, оказывавшая протекцию комитету. С «делом ЕАК» и провалом советской политики в отношении Израиля связывается смещение с высоких государственных постов в 1949 году В. М. Молотова, А. И. Микояна, Н. А. Булганина¹¹⁴⁵.

В. С. Абакумов проявил медлительность в организации расследования «дела ЕАК»¹¹⁴⁶. (Оно завершено уже без его участия летом 1952 года¹¹⁴⁶.) Появились подозрения, что делает он это намеренно. Такое предположение было высказано 2 июля 1951 года в письме следователя по особо важным делам МГБ СССР М. Д. Рюмина на имя Сталина. Письмо готовилось с помощью аппарата Маленкова. В нем утверждалось, что Абакумов сознательно тормозил расследование дела «еврейского националиста», врача Я. Г. Этингера, которое якобы позволяло получить сведения о масштабной вредительской деятельности врачей¹¹⁴⁷.

Немедленно созданная постановлением Политбюро комиссия в составе Г. М. Маленкова, Л. П. Берии, заместителя председателя Комиссии партийного контроля при ЦК партии М. Ф. Шкирятова, нового министра госбезопасности С. Д. Игнатъева должна была проверить изложенные Рюминым факты. Так зародилось «дело врачей-отравителей», якобы погубивших членов Политбюро А. С. Щербакова и А. А. Жданова, намеревавшихся известить других высших руководителей страны и привести к власти В. С. Абакумова с заговорщиками из руководимого им министерства. Правдоподобность существования заговора подкреплялась показаниями арестованного заместителя начальника следственной части по особо важным делам МГБ полковника Л. Л. Шварцмана, огорившего многих своих коллег по репрессивному ведомству и признавшегося в самых невероятных собственных преступлениях, включая ярый еврейский национализм, организацию убийства Кирова, гомосексуализм, инцест. Последние — в явном расчете на то, что его сочтут сумасшедшим. Однако судебно-психиатрическая экспертиза признала Шварцмана вменяемым. Часть его показаний была признана настолько существенной, что дело Абакумова впредь именовалось делом Абакумова—Шварцмана. «Донос» {257} Л. Ф. Тимашук, по недавним еще представлениям якобы давший толчок «делу врачей», в свете нынешних знаний о событиях 1952 — начала 1953 года, никакого существенного значения не имел. Ее письма в МГБ и ЦК, в которых она отстаивала свой диагноз смертельного заболевания А. А. Жданова, как оказалось, — правильный, были использованы для дискредитации Н. С. Власика и А. Н. Поскребышева¹¹⁴⁸.

Для Сталина версия о заговоре в МГБ стала большой находкой. Используя жупел еврейского национализма и сионизма, можно было окончательно вытеснить с вершин власти В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова, А. М. Микояна, Л. М. Кагановича, А. А. Андреева и многих других деятелей, имевших родственные связи с еврейской средой.

Кадровые перестановки, оформленные после XIX съезда партии на пленуме ЦК КПСС 16 октября 1952 года, положили начало этому процессу. Если по решению предшествующего XVIII съезда в Политбюро было девять членов и два кандидата, а в секретариате четыре члена, то новый состав Президиума ЦК КПСС (такое новое название высшему органу партийной власти дал XIX съезд) включал 25 членов и 11 кандидатов, Секретариат — 10 человек¹¹⁴⁹.

Новый ареопаг становился своего рода резервом для выдвижения на первый план новых реальных властителей взамен оттесняемых в задние ряды. На пленуме Сталин обрушился с резкой критикой на В. М. Молотова и А. И. Микояна, обвиняя их в нестойкости, трусости и капитулянтстве перед американским империализмом. Как грубая политическая ошибка было расценено предложение Молотова «передать Крым евреям», его стремление быть «адвокатом незаконных еврей-

ских претензий на наш Советский Крым». Было принародно выражено политическое недоверие К. Е. Ворошилову. В образованном на пленуме, но непредусмотренном Уставом КПСС бюро Президиума ЦК, помимо Сталина первоначально значились только Берия, Булганин, Ворошилов, Каганович, Маленков, Первухин, Сабуров и Хрущев. Представительство «старой партийной гвардии» в ближайшем окружении Сталина заметно поубавилось.

«МИНГРЕЛЬСКОЕ ДЕЛО» И «ДЕЛО ВРАЧЕЙ»

В ноябре 1951 года начало раскручиваться еще одно «дело»¹¹⁵⁰, чреватое важным политическим последствием. ЦК ВКП(б) принял постановление «О взяточничестве в Грузии и об антипартийной группе Барамия», в котором утверждалось, что в Грузии вскрыта мингрельская националистическая организация, возглавляемая секретарем ЦК КП Грузии М. И. Барамия. Новое постановление ЦК (от 27 марта 1952 г.) о положении дел в Компартии Грузии «уточняло», что «нелегальная мегрело-националистическая группа Барамии ставила своей целью отторжение Грузии от Советского Союза». По этому «делу» были арестованы как «буржуазные националисты» 7 из 11 членов бюро ЦК КП Грузии, 427 секретарей обкомов, горкомов и райкомов партии. Был арестован весь партийный актив Мингрелии. В одном из докладов Сталину по этому «делу» Рюмин и Игнатъев изложили подозрения министра {258} государственной безопасности Грузии Н. М. Рухадзе в адрес Берии, который якобы скрывал свое еврейское происхождение и тайно готовил заговор против Сталина в Грузии¹¹⁵¹.

Таким образом «мингрельское дело» в один прекрасный день могло обернуться и против самого «большого мингрела» Л. П. Берия, который это прекрасно сознавал, и будучи арестованным, писал в письме от 1 июля 1953 года о благодетельной роли Маленкова в своей судьбе, «но особенно, когда хотели меня связать с событиями в Грузии»¹¹⁵². Скорее всего, Берия не оставался безучастным к надвигавшейся опасности. Незадолго до смерти Сталина оказались арестованными его ближайшие помощники — А. Н. Поскребышев, член ЦК, с августа 1935 года бессменный заведующий канцелярией генсека; генерал-лейтенант Н. С. Власик, возглавлявший почти четверть века личную охрану Сталина и с явной неприязнью относившийся к Берии. 15 февраля 1953 года безвременно скончался полный сил комендант Кремля генерал-майор П. Е. Косынкин, назначенный Сталиным на эту должность из своей охраны. Оставаясь на своих постах, они вряд ли позволили бы проявить такую же преступную медлительность в оказании медицинской помощи сраженному инсультом Сталину, какую продемонстрировали Игнатъев, Хрущев, Берия и Маленков. По распоряжению последних врачи были вызваны к постели больного только через 16 часов после обнаружения его охраной лежащим на полу в одной из комнат подмосковной Ближней дачи в полупарализованном состоянии. Согласно исследованию И. И. Чигирина «Отец. “Тайна” смерти И. В. Сталина и неизвестные документы об известных событиях» (М., 2012), Сталин был без помощи охраны и врачей не менее 26 часов.

«Дело врачей»¹¹⁵³ приобрело зримые очертания в ноябре 1952 года, когда на Лубянке оказались начальник Лечебно-санитарного управления Кремля П. И. Егоров, известные профессора медицины В. Н. Виноградов, В. Х. Василенко, М. С. Вовси, Б. Б. Коган. Сталин был недоволен нерешительностью министра Игнатъева, приказал отстранить от дела одного из главных его авторов — Рюмина. Последний, видимо, начал опасаться участи Ягоды, Ежова, Абакумова и явно умерил свой пыл. 15 ноября вместо Рюмина был назначен новый следователь по делу врачей — заместитель министра госбезопасности С. А. Гоглидзе. Вскоре врачи «дали» все нужные показания.

Вопросы о вредительстве в лечебном деле и положении в МГБ СССР были вынесены на обсуждение Президиума ЦК КПСС. Заседание состоялось 1 декабря 1952 года. По дневниковым записям члена Президиума ЦК наркома В. А. Малышева, Сталин говорил: «Чем больше у нас успехов, тем больше враги будут стараться нам вредить. Об этом наши люди забыли под влиянием наших больших успехов, появилось благодушие, ротозейство, зазнайство. Любой еврей-националист — это агент американской разведки. Еврей-националисты считают, что их нацию спасли США (там можно стать богачом, буржуа и т.д.). Они считают себя обязанными американцам. Среди врачей много евреев-националистов. Неблагополучно в ГПУ (используется одно из старых названий органов МВД и МГБ. — А. В.). Притупилась {259} бдительность. Они сами признаются, что сидят в навозе, в провале. Надо лечить ГПУ»¹¹⁵⁴. Лечить принялись безотлагательно.

Уже 4 декабря было принято постановление ЦК партии, в котором вина за деятельность «врачей-отравителей» возлагалась на В. С. Абакумова и Н. С. Власика. Был снят с поста министра здравоохранения СССР Е. И. Смирнов, друг Власика, якобы «сросшийся» с ним на почве пьянст-

ва. Было принято также постановление «О положении в МГБ», в котором отмечалось, что партия слишком доверяла и плохо контролировала работу Министерства госбезопасности и его органов, указывалось на необходимость «решительно покончить с бесконтрольностью в деятельности органов».

9 января 1953 года бюро президиума ЦК обсудило проект сообщения ТАСС об аресте группы «врачей-вредителей». Сталин уклонился от участия в этом заседании. Он, видимо, оставлял возможность для того, чтобы переложить ответственность на присутствовавших. 13 января в газетах была опубликована «Хроника ТАСС» о раскрытии органами госбезопасности «террористической группы врачей, ставящих своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза». В числе участников террористической группы были названы девять человек. Шестеро из них были евреями по национальности, трое — русскими.

22 февраля 1953 года по всем областным управлениям МГБ был разослан приказ, предписывавший немедленно уволить из МГБ всех сотрудников еврейской национальности, вне зависимости от их чина, возраста и заслуг. Уже 23 февраля все они были уволены «по сокращению штатов» и должны были сдать свои дела в течение лишь одного дня¹¹⁵⁵. Однако до суда над «врачами-отравителями» дело не дошло. Развязки событий по сценарию, известному только его подлинным авторам, не последовало из-за скорострительной смерти Сталина.

СМЕРТЬ СТАЛИНА И ПЕРЕДЕЛ ВЛАСТИ

Здоровье И. В. Сталина серьезно пошатнулось осенью 1945 года. Дали о себе знать чрезмерные физические и нервные нагрузки военного времени. В октябре у Сталина случился инсульт. После него полностью восстановить здоровье и работоспособность не удавалось. С 1946 года он стал реже появляться в Кремле, а для решения текущих дел посетители приглашались к нему на дачу. Росла длительность отпусков с выездом на юг. В 1949 году он был в отпуске 3 месяца, в 1950 году — 4, в 1951 году — полгода. Большую часть 1952 года провел на даче. Принятие решений все больше перетекало к соратникам из ближнего окружения. 16 февраля 1950 года был оформлен документ, позволяющий Л. П. Берии, Н. А. Булганину и Г. М. Маленкову подписываться за Сталина. Сформировалась четверка лидеров, которые во многом определяли развитие событий в стране. Сталин играл роль верховного арбитра в соперничестве двух блоков: Берия—Маленков и Булганин—Хрущев. В конце 1952 года Сталин подобрал достойного, с его точки зрения, преемника на должность председателя Совета Министров СССР. Выбор пал на сравнительно молодого первого секретаря ЦК компартии {260} Белоруссии П. К. Пономаренко. Смерть Сталина помешала утверждению этого назначения на Верховном Совете СССР.

В ночь с 28 февраля на 1 марта 1953 года И. В. Сталина сразил удар. Диагноз прибывших на дачу 2 марта главного терапевта Минздрава СССР профессора П. Е. Лукомского, академиков АМН А. Л. Мясникова, Е. М. Тареева и других был быстрым: инсульт с кровоизлиянием в мозг. 3 марта врачам стало ясно, что смерть неизбежна. По радио было передано правительственное сообщение о болезни Председателя Совета Министров СССР и секретаря Центрального Комитета КПСС. 5 марта в 21 час 50 минут Сталин умер¹¹⁵⁶. Миллионы советских людей были искренне опечалены утратой, другие связывали с ней надежды на лучшую жизнь.

С этой смертью заканчивалась одна из наиболее противоречивых эпох отечественной истории. Эпоха, вобравшая в себя героизм, энтузиазм, социальное творчество масс, форсированную модернизацию страны, победу в Отечественной войне и утверждение крайне жестких командных методов их достижения, прорывы к демократии и насаждение культа личности вождя, безжалостно уничтожавшего не только политическую оппозицию, но зачастую и ростки здравого инакомыслия.

Гигантское разнообразие мнений и оценок исторической роли И. В. Сталина до сих пор не позволяют прийти к какому-то единому мнению. Очевидно, однако, что посмертный суд над Сталиным, начатый по инициативе Л. П. Берии, а затем Н. С. Хрущева, и попытки оценить его роль только как негативную и даже полностью вычеркнуть это имя из истории не удаются.

Пожалуй, наибольшей точностью и афористичностью отличается характеристика Сталина, данная противником сталинизма, биографом Л. Д. Троцкого Исааком Дойчером, который после смерти И. В. Сталина опубликовал некролог в английской леволейбористской газете «Манчестер гардиан» от 6 марта 1953 года. В нем говорилось: «Суть исторических достижений Сталина состоит в том, что он получил Россию, пашущую деревянными плугами, и оставляет ее оснащенной атомными реакторами». Это высказывание вошло в «Британскую энциклопедию» (т. 21, 1964)¹¹⁵⁷.

5 марта в 20 часов 40 минут, за один час 10 минут до смерти Сталина, в Кремле закончилось совместное заседание членов ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР, министров правительства. Л. П. Берия от имени бюро Президиума ЦК предложил избрать на пост Председателя правительства Г. М. Маленкова. Собрание единогласно поддержало предложение. Пакет новых кадровых назначений далее собранию предлагал уже новый глава Совета министров. На посты первых заместителей Предсовмина были выдвинуты Л. П. Берия, В. М. Молотов, Н. А. Булганин и Л. М. Каганович. Председателем Президиума Верховного Совета СССР было предложено избрать К. Е. Ворошилова, а освобождающегося от этого поста Н. М. Шверника — председателем ВЦСПС. Было предложено объединить ряд министерств, в том числе слить МГБ с МВД и назначить главой укрупненного МВД Берию. На пост министра иностранных дел был выдвинут Молотов, на пост {261} министра Вооруженных сил — Булганин, на пост министра внутренней и внешней торговли — Микоян. Здесь же было решено иметь в ЦК партии вместо Президиума и бюро Президиума один орган — Президиум, «как это определено Уставом партии». В состав Президиума ЦК было решено избрать 11 человек вместо 25 избранных ранее.

Членами Президиума ЦК КПСС были избраны: Сталин, Маленков, Берия, Молотов, Ворошилов, Хрущев, Булганин, Каганович, Микоян, Сабуров, Первухин. Секретарями ЦК вместо одиннадцати прежних стали четверо: Н. С. Хрущев, С. Д. Игнатьев, П. Н. Поспелов, Н. Н. Шаталин. Хрущев среди них был единственным членом Президиума ЦК КПСС¹¹⁵⁸.

Постановление совещания было объявлено 7 марта (уже без имени Сталина среди членов Президиума ЦК). Новая конфигурация власти была определена. На самый верх властной пирамиды были возвращены представители потесненной Сталиным старой гвардии. Значительная часть сталинских выдвиненцев октября 1952 года (за исключением М. З. Сабурова, М. Г. Первухина, П. Н. Поспелова, Н. Н. Шаталина) свои позиции утратила. На заседании было объявлено о поручении Маленкову, Берии и Хрущеву привести в должный порядок документы и бумаги Сталина, что было своеобразным индикатором принадлежности к подлинной власти в послесталинском СССР.

Что касается причин смерти Сталина, то многие (подчеркнем: далеко не все) современные историки склонны придавать истинный смысл словам Берии, якобы сказанным 1 мая 1953 года на трибуне Мавзолея Молотову так, чтобы слышали стоявшие рядом Хрущев и Маленков: «Я всех вас спас... Я убрал его очень вовремя»¹¹⁵⁹. К 60-м годам эта версия получила широкое хождение. К примеру, первый секретарь ЦК Албанской компартии Энвер Ходжа в своей речи от 24 мая 1964 года говорил, что советские лидеры «имеют наглость открыто рассказывать, как это делает Микоян, что они тайно подготовили заговор, чтобы убить Сталина». Хрущев на митинге 19 июля 1963 года в честь венгерской партийно-правительственной делегации свою филиппику в адрес Сталина закончил недвусмысленным заявлением: «В истории человечества было немало тиранов жестоких, но все они погибли так же от топора, как сами свою власть поддерживали топором»¹¹⁶⁰.

Наиболее существенным в новой конфигурации власти, создавшейся после смерти Сталина, является полная «реабилитация» совсем было оттесненных от власти Ворошилова, Микояна, Молотова, Кагановича. В. М. Молотов, пользовавшийся большим запасом политического опыта и популярности в стране в сравнении с каждым другим членом «коллективного руководства», объективно становился возможным кандидатом на пост председателя правительства, который он занимал ранее более десяти лет подряд. Это дало о себе знать в событиях 1957 года.

НАЧАЛО ПОСЛЕВОЕННОЙ БОРЬБЫ ПРОТИВ «НИЗКОПОКЛОНСТВА»

Годы Великой Отечественной войны породили в СССР надежды на либерализацию общественной жизни, ослабление жесткого партийно-государственного контроля в области литературы и искусства, расширение свободы творчества. Личные впечатления более 12 миллионов советских людей, побывавших в зарубежных европейских и азиатских странах¹¹⁶¹, ослабляли пропагандистские стереотипы об «ужасах капитализма». Союзнические отношения со странами Запада в военные годы позволяли надеяться на расширение культурных связей и контактов после войны.

Начавшаяся «холодная война» перечеркнула подобные надежды. Противоборство с капиталистическим миром заставило вспомнить об уже наработанных в 1930-е годы приемах и методах утверждения «классового подхода» в идеологическом воспитании масс. С первыми признаками похолодания в отношениях с Западом руководство СССР принялось «завинчивать гайки» в отношении интеллигенции, которые ослабли в военные годы. Основной целью советской идеологии в новых условиях являлась, как и прежде, апологетика советского строя, идеалов советского общества и беспощадное осуждение всего, что этому не соответствовало. Уже через несколько месяцев

после известной фултонской речи У. Черчилля (5 марта 1946 г.)¹¹⁶² идеологические службы СССР приступили к осуществлению мероприятий, нацеленных на укрепление идеологической стойкости советских людей, их готовности решительно отстаивать ценности советского образа жизни не только в идеологическом, но и в возможном открытом военном противоборстве с капиталистическим Западом.

Работа эта направлялась Управлением (с июля 1948 г. Отделом) пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). В период войны и первые послевоенные годы Управление возглавлял Г. Ф. Александров, а после его отставки — М. А. Суслов (с сентября 1947 по июль 1948 г. и снова с июля 1949 г.) и Д. Т. Шепилов (в 1947—1948 гг. первый заместитель начальника управления, в июле 1948 — июле 1949 г. заведующий отделом). Общее наблюдение и руководство Агитпропом осуществляли секретари ЦК А. А. Жданов (1945—1948 гг.) и М. А. Суслов (с 1948 г.)¹¹⁶³.

Основой долговременной пропагандистской кампании по воспитанию народов СССР в духе советского патриотизма стало выступление И. В. Сталина на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года. В тосте «за здоровье русского народа», в сущности, признавалось, что победа достигнута не только за счет преимуществ социалистического строя, но прежде всего за счет патриотизма русского народа. В выступлении провозглашалось, что этот народ «является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза», что он заслужил в войне «общее признание как руководящей силы» Союза. Отмечены были не только его «ясный ум», но и такие качества, как стойкий характер и терпение, доверие правительству в моменты отчаянного положения, готовность идти на жертвы¹¹⁶⁴. Политика и патриотическое воспитание народов СССР с опорой на эти качества таили определенную опасность окрашивания их в цвета русского национализма и великодержавия. До некоторой степени это и происходило в рассматриваемые годы. {263}

Руководители советского пропагандистского аппарата старались не допустить нежелательного понимания сталинского тоста о русском народе, утверждая, что его патриотизм не имеет ничего общего с выделением своей нации, как “избранной”, “высшей”, с презрением к другим нациям¹¹⁶⁵, что русский народ действительно вынес главную тяжесть борьбы с гитлеровскими захватчиками¹¹⁶⁶. Партийные организации обязывались «широко пропагандировать замечательные традиции великого русского народа как наиболее выдающейся нации из всех наций, входящих в состав СССР... должны разъяснять, что сталинская оценка... является классическим обобщением того исторического пути, который прошел великий русский народ»¹¹⁶⁷. Требовалось также объяснять, что «история народов России есть история преодоления... вражды и постепенного их сплочения вокруг русского народа», а его освободительная миссия и руководящая роль заключаются только в том, чтобы «помочь всем другим народам нашей страны подняться в полный рост и стать рядом со своим старшим братом»¹¹⁶⁸.

Победа в войне позволяла по-новому оценить вклад русской культуры в культуру народов СССР и мировую культуру. Вызвано это было не только тем, что советские ученые и деятели культуры внесли огромный вклад в усилия Красной Армии по разгрому Германии и тем самым отвели угрозу истребления гитлеровцами всех многовековых завоеваний человеческой культуры. Другим фактором, способствовавшим переоценке русской культуры, было стремление противопоставить культурные достижения России и СССР культуре Запада, представление о высоком уровне которой в ее повседневных проявлениях могли составить многие миллионы советских людей, которые побывали за годы войны в Европе и возвратились домой после победы.

В. М. Молотов, вероятно, хотел более, чем кто-либо, быть уверенным в правоте своих слов, когда 6 ноября 1947 года говорил: «Наемные буржуазные писаки за рубежом предсказывали во время войны, что советские люди, познакомившись в своих боевых походах с порядками и культурой на Западе и побывав во многих городах и столицах Европы, вернутся домой с желанием установить такие же порядки на Родине. А что вышло? Демобилизованные... взялись с еще большим жаром укреплять колхозы, развивать социалистическое соревнование на фабриках и заводах, встав в передовых рядах советских патриотов». Признавая, что «у нас еще не все освободились от низкопоклонства и раболепия перед Западом, перед Западной культурой», Молотов вдохновлялся сам и пытался вдохновить слушателей сталинскими «историческими словами»: «Последний советский гражданин, свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства»¹¹⁶⁹.

Исторический оптимизм советского человека власти стремились питать не только героизмом свершений советского периода истории, но и всей многовековой культурой страны. Прославление деятелей отечественной культуры, с именами которых связывались «великие вклады в мировую

{264} науку, выдающиеся научные открытия, составляющие важнейшие вехи развития современной культуры и цивилизации», начались на заключительном этапе войны и были с новой силой продолжены после ее окончания. В приветствии, которое направили 16 июня 1945 года в адрес Академии наук СССР в связи с ее 220-летием СНК СССР и ЦК ВКП(б), говорилось: «Советский народ по праву гордится основоположником русской науки Ломоносовым, гениальным химиком Менделеевым, великими математиками Лобачевским, Чебышевым и Ляпуновым, крупнейшим геологом Карпинским, всемирным географом Пржевальским, основателем военно-полевой хирургии Пироговым, великими новаторами-биологами Мечниковым, Сеченовым, Тимирязевым и Павловым, замечательным преобразователем природы Мичуриным, искусным экспериментатором-физиком Лебедевым, создателем радиосвязи Поповым, основоположниками теории современной авиации Жуковским и Чаплыгиным, выдающимися двигателями русской революционной мысли — Белинским, Добролюбовым, Чернышевским, великим пионером марксизма в нашей стране — Плехановым»¹¹⁷⁰.

2 января 1946 года П. Л. Капица направил Сталину письмо, в котором сетовал, что мы «мало представляем себе, какой большой кладезь творческого таланта всегда был в нашей инженерной мысли. В особенности сильны были наши строители». Рекомендуя к изданию книгу Л. И. Гумилевского «Русские инженеры» (издавалась в 1947 и 1953 гг.), он утверждал: «Большое число крупнейших инженерных начинаний зарождалось у нас», «мы сами почти никогда не умели их развивать (кроме как в области строительства)», причина в том, что «обычно мы недооценивали свое и переоценивали иностранное». Переоценку заграничных сил, излишнюю скромность инженеров ученых, пользовавшийся большим уважением Сталина, называл недостатком еще большим, чем излишняя самоуверенность¹¹⁷¹.

Новая кампания по преодолению низкопоклонства перед Западом была открыта в СССР почти сразу же по окончании Великой Отечественной войны. Секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов, давая первые поручения на этот счет, говорил вызванному к себе писателю Александру Поповскому: «Партия считает, что история, преподавание науки и техники в нашей стране — в совершенно неудовлетворительном состоянии. Люди заканчивают школу и вузы в убеждении, что отечественные умельцы и ученые ни на что не годны, что они могут лишь плохо копировать достижения западных коллег. Это низкопоклонство, этот комплекс неполноценности перед всем западным должен быть преодолен. Соответствующие указания вузам, редакциям и Академии наук уже даны. Вам поручается составить план литературной кампании по простой и доходчивой пропаганде подлинной, а не искаженной западными фальсификаторами и их отечественными прислужниками истории науки и техники. Составьте список тем, план выпуска соответствующих книг, наметьте авторов. Все издательства получают соответствующие указания»¹¹⁷². Как участник кампании, писатель подготовил книгу, в которой были представлены «все наиболее яркие представители русской науки, приоритет которых занимает неоспоримое место в мировой {265} науке» (Поповский А. Д. Восстановить правду. Заметки писателя о русской науке. М., 1950).

Прослеживаемая с первых послевоенных дней логика борьбы против низкопоклонства и национального нигилизма уже вскоре после открытия кампании начала обнаруживать явную неумеренность. Она получила выражение в утверждении безапелляционного положения о необходимости «твердо помнить», как было написано в журнале «Вопросы философии», что «русская культура всегда играла огромную, а теперь играет ведущую роль в развитии мировой культуры», поэтому «нелепо и политически вредно» изображать корифеев русской философской и научной мысли учениками западноевропейских мыслителей и ученых. Журнал «Большевик» утверждал: «Высший патриотический долг советского ученого — беззаветно служить своей советской Родине, своему народу, неустанно бороться за приоритет советской науки»¹¹⁷³.

В набиравшей силу антизападнической кампании пропагандировалась концепция исторического приоритета нашей страны во всех важнейших областях науки, техники, культуры. К. Е. Ворошилов (председатель Бюро по культуре при Совмине СССР в 1947—1953 гг.), предлагая издать двухтомник «Люди русской науки» (1948), писал, что многие открытия и изобретения, носящие имена иностранцев, принадлежат нашим ученым. «Закон сохранения вещества открыт Ломоносовым, а не Лавуазье, так называемая “вольтова дуга” открыта Петровым, а не Дэви, что первая паровая машина изобретена Ползуновым, а не Уаттом, изобретение радиотелеграфа принадлежит Попову, а не Маркони, открытие неевклидовой геометрии — Лобачевскому, а не Гауссу»¹¹⁷⁴. В предисловии ко второму изданию книги В. В. Данилевского «Русская техника» (Л., 1948; 1-е изд.: Л., 1947) утверждалось, что в ней «творчество русского народа и его первенство в выдающихся открытиях и изобретениях впервые предстали во всем величии». Позднее утверждалось: «В истории

открытий и исследований русские люди справедливо занимают первое место... Русская нация всегда была нацией открывателей»¹¹⁷⁵. Явные перегибы в кампании по выдвиганию претензий на первенство, стремление объявить детищем русских талантов почти любое изобретение, от велосипеда до самолета, уже вскоре стали пищей для анекдотов о «России — родине слонов»¹¹⁷⁶.

Однако и послевоенные проявления «националистического НЭПа» (выражение, получившее распространение с конца 1941 г.¹¹⁷⁷) власти стремились держать в определенных рамках. Ознакомившись в июле 1947 года с материалами А. А. Жданова к проекту новой Программы партии, Сталин против слов «Особо выдающуюся роль в семье советских народов играл и играет великий русский народ... он по праву занимает руководящее положение в советском содружестве наций» написал выразительное: «Не то»¹¹⁷⁸. В редакционной статье журнала «Вопросы истории» прозвучали жесткие требования: не допускать ошибочного понимания, игнорирования классового содержания советского патриотизма; сползания на позиции «квасного патриотизма»¹¹⁷⁹. Не менее опасными и вредными представлялись и ошибки, идущие по линии «очернения прошлого», преуменьшения роли {266} русского народа в истории. Подчеркивалось, что «всякая недооценка роли и значения русского народа в мировой истории непосредственно смыкается с преклонением перед иностранщиной. Нигилизм в оценке величайших достижений русской культуры, других народов СССР есть обратная сторона низкопоклонства перед буржуазной культурой Запада»¹¹⁸⁰. Таким образом, известный баланс в отношении уклонов в национальном вопросе власти стремились сохранить.

В этой связи критике подверглись работы академика Е. В. Тарле — за его якобы «ошибочное положение об оборонительном и справедливом характере Крымской войны», за оправдание войн Екатерины II «тем соображением, что Россия стремилась якобы к своим естественным границам», за пересмотр характера похода в Европу в 1813 году, представленного «таким же, как освободительный поход в Европу Советской Армии». Осуждались «требования пересмотреть вопрос о жандармской роли России в Европе в первой половине XIX в. и о царской России как тюрьме народов», попытки поднять на щит генералов М. Д. Скобелева, М. И. Драгомирова, А. А. Брусилова как героев русского народа. Как недопустимый объективизм в науке осуждены предложения о замене «классового анализа исторических фактов оценкой их с точки зрения прогресса вообще, с точки зрения национально-государственных интересов». Историкам напоминалось, что все эти «ревизионистские идеи» осуждаются Центральным Комитетом партии¹¹⁸¹. Приемлемый баланс оценок классового и государственно-патриотического характера представлялся в книге «Наша великая Родина» для системы политпросвещения — некий симбиоз русоцентристского контекста с цитатами из «Краткого курса истории ВКП(б)»¹¹⁸².

Ярким примером критики якобы ошибочного понимания советского патриотизма, игнорирования его классового содержания, была критика произведений А. Т. Твардовского тогдашними литературоведами и литературным начальством. Книга осуждалась также в статье работника отдела Агитпропа Б. С. Рюрикова¹¹⁸³, в статье секретаря правления СП СССР Л. М. Субоцкого¹¹⁸⁴. 20 декабря 1947 года была опубликована статья главного редактора «Литературной газеты» В. В. Еремиллова о книге Твардовского «Родина и чужбина». Раздумья знаменитого писателя о войне, о природе патриотизма, о свойствах и качествах народа, проявленных в годы бедствий, были охарактеризованы как «фальшивая проза», «попытка поэтизировать то, что чуждо жизни народа»¹¹⁸⁵.

Влиятельный критик Д. С. Данин разглядел в книге «русскую национальную ограниченность прозы Твардовского», которая «несколько не лучше, чем азербайджанская, якутская, бурят-монгольская ограниченность». Глядя в корень явления, он увидел там «некоторые накладные расходы войны, которые сейчас возможно быстрее надо ликвидировать» и начать вновь осознавать себя передовыми людьми человечества, «не думать о нашей национальности в узком, ограниченном смысле этого слова», воспринимать слово «советский» «новой, широкой национальностью»¹¹⁸⁶. В «Василии Теркине» Данин обнаружил те же пороки — любование литературного героя {267} своим маленьким мирком, отсутствие признаков интернационализма, национальную ограниченность. Вспомнив стихи Михаила Светлова, в которых герой Гражданской войны поет «Я рад, что в огне мирового пожара мой маленький домик горит»¹¹⁸⁷, Данин заключил: «Если Твардовский будет этому радоваться, мы будем радоваться вместе с ним»¹¹⁸⁸.

В. В. Овечкин тоже оказался среди поучавших Твардовского. «Мужицкий идиотизм надо ненавидеть всей душой, до дрожи во всем своем существе, — говорил он. — Этой ненависти я у Твардовского не вижу. Надо этого мужика взять за шиворот... и толкать носом в это место, где сладко, а он не понимает, что сладко, и если сегодня не сладко, через десять лет будет сладко». В «Доме у дороги» и во всем, что начал писать Твардовский после, Овечкин обнаружил «неправиль-

но понятное» постановление СНК от 21 июня 1945 года «Об улучшении жилищных условий генералов и офицеров Красной Армии», в соответствии с которым отводились земельные участки демобилизованным полковникам (до гектара) и генералам (до двух гектар). «Получайте землю, стройтесь, обзаводитесь хозяйством — куры, гуси и прочее. Слишком всерьез принял это постановление Александр Трифонович. Это постановление не для нас, не для писателей»¹¹⁸⁹.

Секретарь правления Союза писателей Л. М. Субоцкий в «Заметках о прозе 1947 года» (Новый мир. 1948. № 2) выводил обсуждаемые проблемы на уровень больших обобщений. Во многих книгах, написанных в годы войны, отмечал он, «патриотическое чувство и сознание героев войны изображались... обедненно. Иногда на первое место выступали исконно древние черты патриотизма, вытесняя те свойства, которые воспитаны в советских людях нашей эпохой, четвертьвековой практикой борьбы за социализм, воспитательной работой партии и советской власти — все то, что отличает социалистический патриотизм советского народа от патриотизма других народов и эпох». Правда жизни состояла, по его утверждениям, в том, что «простые советские люди были воодушевлены в своем подвиге преданностью советскому государству и советскому общественному строю». «Родина и чужбина» А. Т. Твардовского представилась высокопоставленному критику «произведением идейно-порочным в целом», плодом «политической ограниченности и отсталости», выражающим «тенденции, чуждые советской литературе, борющейся за утверждение нового, передового сознания, за воспитание народа в духе коммунизма». Нынешний день литературы виделся Субоцкому в романах М. Бубеннова «Белая берега», И. Эренбурга «Буря»¹¹⁹⁰.

Отношение к творчеству А. Т. Твардовского у поборников национальной ограниченности сохранялось и в последующем. В 1953 году писатель И. Л. Сельвинский в письме Г. М. Маленкову продолжал настаивать, что «творчество этого поэта, будучи само по себе очень талантливо, в поэтическом отношении консервативно, а в идейном реакционно». Пространные доказательства этого он полагал излишними. Было достаточно одного Василия Теркина, который «на протяжении 5000 строк не заметил ни революции, ни партии, ни колхозного строя, а битву с германским фашизмом {268} рассматривает, как войну с немцем»¹¹⁹¹. И в 1960 году Сельвинский остался верен себе. «“Василий Теркин”, — поучал он молодых поэтов, — вещь откровенно несовременная! Русофильская! Характер времен первой империалистической войны... Козьма Крючков!..»¹¹⁹²

История с огульной критикой А. Т. Твардовского обнаружила стремление влиятельных литераторов признавать советский патриотизм не иначе как в отождествлении с «подлинным интернационализмом», за которым подчас отчетливо просматривался обыкновенный национальный нигилизм¹¹⁹³.

В этой связи стоит вспомнить прозвучавшее в марте 1919 года на VIII съезде РКП(б) предложение «левого коммуниста» Г. Л. Пятакова провозгласить «отмену наций», солидаризацию с ним В. И. Ленина в том, что мир без наций — «это великолепная вещь и это будет, только совсем на иной стадии коммунистического развития»¹¹⁹⁴. Следует также принимать во внимание, что обретение «великолепной вещи» было одной из главных целей государственной политики в СССР. Не упускалась она из виду и в рассматриваемое в настоящей работе время. Однако на первый план в тот период властно выступила необходимость всемерного укрепления патриотизма, иначе говоря, культивирования национализма в его социалистическом варианте, приверженности ценностям, традициям и идеалам советского народа как государственно-политической общности.

Именно этой цели были призваны служить принятые в 1946—1948 годах партийные постановления по вопросам идеологии и культуры. Первым из ряда таких постановлений было «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» (14 августа 1946 г.). Оно обличало напечатанные в журналах «произведения, культивирующие несвойственный советским людям дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада», «по отношению ко всему иностранному»¹¹⁹⁵, а также и то, что в журналах «появилось много безыдейных, идеологически вредных произведений»¹¹⁹⁶, которые не помогают государству «воспитать новое поколение бодрым, верящим в свое дело... готовым преодолеть всякие препятствия»¹¹⁹⁷. Постановление подвергло беспощадной критике творчество писателя М. Зощенко, причисленного к «пошлякам и подонкам литературы»¹¹⁹⁸, изображающим советскую действительность в «злостно хулиганской», «уродливо карикатурной» форме, советских людей — «примитивными, малокультурными, глупыми, с обывательскими вкусами и нравами»¹¹⁹⁹. А. Ахматова названа «типичной представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии», застывшей на позициях «буржуазно-аристократического эстетства и декадентства», наносящей «вред делу воспитания нашей молодежи»¹²⁰⁰. С разъяснением постановления перед партактивом и писателями Ленинграда выступал 15 и 16 августа главный идеолог партии А. А. Жданов, ранее выражавшийся о стихах Ахматовой как о «блуде с молитвой во славу бо-

жую»¹²⁰¹, добавил немало грубых и оскорбительных слов в адрес писателей¹²⁰². В Киеве с подобным по сути и разносной форме докладом выступил Н. С. Хрущев. Доклады положили начало долговременной пропагандистской кампании, получившей название «ждановщина»¹²⁰³. {263}

Постановление «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» (26 августа 1946 г.) требовало запретить постановки театрами пьес буржуазных авторов, открыто проповедующих буржуазную идеологию и мораль¹²⁰⁴, «сосредоточить внимание на создании современного советского репертуара»¹²⁰⁵. Постановления «О кинофильме “Большая жизнь”» (4 сентября 1946 г.), «Об опере “Великая дружба”» (10 февраля 1948 г.) давали уничижительные оценки творчеству режиссеров Л. Лукова, В. Пудовкина, Г. Козинцева, Л. Трауберга, С. Юткевича; композиторов Н. Богословского¹²⁰⁶, В. Мурадели, Н. Мясковского, Г. Попова, С. Прокофьева, А. Хачатуряна, Д. Шостаковича, В. Шебалина¹²⁰⁷. Им вменялись в вину безыдейность творчества, искажение советской действительности, заискивание перед Западом, отсутствие патриотизма. С. Эйзенштейна обвиняли в том, что он «обнаружил невежество в изображении исторических фактов, представив прогрессивное войско опричников Ивана Грозного в виде шайки дегенератов, напоподобие американского ку-клус-клана»¹²⁰⁸, создателей «Великой дружбы» — за то, что они представили грузин и осетин врагами русских в 1918—1920 годах, в то время как «помехой для установления дружбы народов в тот период на Северном Кавказе являлись ингуши и чеченцы»¹²⁰⁹.

В 1947 году для повсеместной кампании по искоренению низкопоклонства было использовано «дело» члена-корреспондента Академии медицинских наук Н. Г. Клюевой и профессора Г. И. Роскина. Их книга «Биотерапия злокачественных опухолей» (М., 1946) вселяла уверенность в получении в скором времени действенного лекарства от рака. Авторами заинтересовался американский посол в Москве У. Смит. С разрешения министра здравоохранения СССР Г. А. Митерева он встретился с учеными, предложил издать книгу в США и продолжить работу над препаратом совместно с американскими специалистами. Командированный в США академик-секретарь АМН СССР В. В. Парин (возглавлял группу ученых-медиков) по указанию заместителя министра здравоохранения 27 ноября передал американским ученым рукопись книги и ампулы с препаратом. Однако накануне МИД СССР, настаивавший на отказе от американской поддержки, запросил мнение Сталина. Тот оказался категорическим противником передачи сведений о «важнейшем открытии советских ученых» американцам. В феврале 1947 года Митерева освободили от занимаемой должности, а возвратившегося из командировки Парина сразу же арестовали и осудили в апреле 1948 года на 25 лет тюремного заключения за измену Родине (освобожден в октябре 1953 г.)¹²¹⁰.

Все эти события и стали основой для широкомасштабной пропагандистской кампании. В марте 1947 года по инициативе Сталина было принято постановление Совмина СССР и ЦК ВКП(б) «О Судах чести» в министерствах и центральных ведомствах, призванных содействовать «делу воспитания работников государственных органов в духе советского патриотизма и преданности интересам советского государства... для борьбы с проступками, роняющими честь и достоинство советского работника»¹²¹¹. В мае Сталин апробировал основные идеи закрытого письма по этому {270} поводу в партийные организации в беседе с писателями А. Фадеевым, Б. Горбатовым, К. Симоновым. Он сетовал, что у наших интеллигентов среднего уровня «недостаточно воспитано чувство советского патриотизма. У них неоправданное преклонение перед заграничной культурой. Все чувствуют себя еще несовершеннолетними, не стопроцентными, привыкли считать себя на положении вечных учеников. Эта традиция отсталая, она идет от Петра»¹²¹².

В июне 1947 года в Министерстве здравоохранения СССР был проведен «суд чести» над Клюевой и Роскиным, со всеми атрибутами — членами суда, выступлением главного обвинителя, показаниями свидетелей, попытками обвиняемых оправдаться. И вынесен приговор: общественный выговор. Тогда же начались съемки фильма «Суд чести» по сценарию А. Штейна (вышел на экраны страны 25 января 1949 года, в канун антикосмополитической кампании¹²¹³). О серьезности подхода к делу свидетельствовали суровые наказания фигурантам «дела», ставшими прообразами героев фильма¹²¹⁴.

17 июня 1947 года парторганизациям страны направлено закрытое письмо ЦК «О деле профессоров Клюевой и Роскина»¹²¹⁵, заканчивавшееся предложением создавать «суды чести» по всем аналогичным проступкам. Всего по стране было создано 82 суда — в научных, учебных заведениях, в государственных учреждениях, министерствах, творческих союзах. В июле 1948 года срок действия судов был продлен на год, но после этого власти потеряли к ним интерес. За два года существования судов состоялось около 50 процессов¹²¹⁶.

Следствием политики изоляции, направленной на устранение потенциально возможного воздействия со стороны капиталистического мира на советских граждан, стал выпущенный 15 февраля 1947 года указ «О воспреещении регистрации браков граждан СССР с иностранцами» (отменен в октябре 1953 г.)¹²¹⁷.

Эти же цели преследовались и в ходе ряда послевоенных «научных дискуссий», проходивших зачастую под председательством секретарей ЦК. В 1947 году, в январе и июне, в два приема была проведена дискуссия по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» (1946)¹²¹⁸. Книга подвергалась критике за объективизм, терпимость к идеализму и декадентству, за отсутствие полемического задора в критике философских противников¹²¹⁹. Осуждалось «невключение» истории развития русской философии в учебник и прослеживание истории философии только до 1848 года. В этом усматривалось «умаление роли русской философии»¹²²⁰. Позднее утверждалось, что книга содержит целый ряд «серьезных космополитических ошибок», является «по своему характеру... космополитическим учебником по философии»¹²²¹. Осуждение «беззубого вегетарианства» настраивало ученых на более решительное наступление на философском фронте и на борьбу с буржуазным объективизмом. Однако дискуссия была связана не только с вопросами философии, но и с борьбой в ЦК за важный пост начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), занимаемый автором учебника. От руководства Управлением {271} Александров был освобожден. Правда, это не помешало ему стать директором Института философии АН СССР. Идеологический диктат, открыто продемонстрированный властями в ходе дискуссии и в дальнейшем сильно затруднял творческую философскую работу¹²²².

В мае 1947 года состоялась дискуссия по книге директора Института мирового хозяйства и мировой политики академика Е. С. Варги «Изменения в экономике капитализма в итоге Второй мировой войны» (1946). Особой критике подверглись главы «Возросшая роль государства в экономике капиталистических стран» и «Регулирование хозяйства и бесплановость в капиталистических странах во время войны». Как научная и политическая ошибка расценивался вывод о возможности функционирования «организованного капитализма». Если в прошлом эффективность регулирования не признавалась для мирного времени, то теперь она трактовалась как невозможная в годы войны. Критиковались места в книге, посвященные прогрессу производительных сил капитализма: в этом усматривался достойный осуждения «технично-экономический уклон». Осуждались положения, ведущие к выводу об ослаблении классовых противоречий капитализма и к заключению о том, что государство в США и Англии осуществляет политику не только буржуазии, но и трудящихся¹²²³. Основным недостатком усматривался в том, что изменения в экономике автор рассматривал в отрыве от политики, «вне связи с обострением общего кризиса капитализма в итоге второй мировой войны», не создавая «общей картины усиления паразитизма и загнивания капитализма, обострения основных противоречий капиталистической системы, усиления неравномерности развития капитализма, обострения проблемы рынков»¹²²⁴. Тональность критики в ходе дискуссии быстро повышалась — от обвинений в «недопонимании» до ярлыка «агента»¹²²⁵. Отмечалось, что в книге «нет ничего патриотического». В формировании негативного отношения к институту в целом сказались, что его директор и часть сотрудников были политэмигрантами из Венгрии — союзницы Германии в годы отгремевшей войны. Результатом стало состоявшееся в сентябре 1947 года решение о закрытии возглавляемого Е. С. Варгой с 1927 года института. Половина его сотрудников (около 60 человек) были переведены на работу в Институт экономики АН СССР, образовав в нем Отдел капиталистических стран¹²²⁶.

Философская и экономическая дискуссии 1947 года стали предвестниками ужесточения идеологического контроля и в других областях науки, а также тщетности надежд на расширение научных контактов с зарубежными коллегами, свободы дискуссий и мнений, общей послевоенной либерализации. Навязывание косных идеологических догм отрицательным образом сказывалось на развитии не только гуманитарных наук, но и естествознания. Монопольное положение в агробиологии, занятое группой академика Т. Д. Лысенко, привело к отстранению от работы многих его оппонентов — генетиков¹²²⁷, физиологов, морфологов, почвоведов, медиков¹²²⁸.

Крупнейшей ошибкой стала неверная оценка возможностей кибернетики — науки об общих законах получения, хранения, передачи {272} и переработки информации, становление которой связано с книгой американского ученого Н. Винера «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине» (1948). «Реакционная лженаука», сказано о ней в «Кратком философском словаре» (1954). Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика» был создан в СССР лишь в 1959 году. Ошибка 1940-х годов в отношении кибернетики надолго обеспечила лидерство США в

переходе к постиндустриальному информационному обществу. Поставить кибернетику на службу коммунизму оказалось делом неосуществимым¹²²⁹.

В конце 1948 года в Москве велась подготовка (создан Оргкомитет) Всесоюзного совещания заведующих кафедрами физики — для исправления упущений в науке в соответствии с духом времени: физика-де преподавалась в отрыве от диамата, учебники излишне пестрят именами иностранных ученых. После успеха Лысенко в разгроме «вейсманизма-морганизма-менделизма» на августовской (1948) сессии ВАСХНИЛ выдвигались идеи разгромить в физике «эйнштейнианство». Издан был сборник статей «Против идеализма в современной физике», в котором атаковались советские последователи А. Эйнштейна. Среди них значились выдающиеся советские ученые: Л. Д. Ландау, И. Е. Тамм, Ю. Б. Харитон, Я. Б. Зельдович, В. Л. Гинзбург, А. Ф. Иоффе и др.

Пагубность назначенного на 21 марта 1949 года совещания физиков скорее всего была осознана в комитете, ведущем работы по атомной проблеме. И атомщики не остались в стороне от защиты науки. Когда Л. П. Берия поинтересовался у И. В. Курчатова, правда ли, что теория относительности и квантовая механика — это идеализм и от них надо отказаться, он услышал в ответ: «Если от них отказаться, придется отказаться и от бомбы». Берия сразу же отреагировал: самое главное — бомба, а все остальное — ерунда. Видимо, он поделился своей тревогой со Сталиным. Совещание было отменено. Таким образом, «бомба спасла физиков». По позднейшим оценкам, если бы совещание состоялось, то наша физика была бы отброшена на 50 лет назад — к доквантовой эре¹²³⁰. Тем не менее борьба с «физическим идеализмом» и «космополитизмом» на этом не закончилась, она продолжалась до середины 1950-х годов¹²³¹.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ КОСМОПОЛИТИЗМА

Представления об опасности космополитизма начали настойчиво внедряться в общественное сознание со второй половины 1947 года. Однако впервые в послевоенных условиях на это обратил внимание известный партийный теоретик О. В. Куусинен в статье «О патриотизме» (опубликована под псевдонимом Н. Балтийский)¹²³². Статья открывала первый номер журнала «Новое время», пришедшего на смену издававшемуся с 1943 года журналу «Война и рабочий класс». Автор подчеркивал, что в отличие от возрожденного в годы войны патриотизма космополитизм (безразличное и пренебрежительное отношение к отечеству) органически противоположен трудящимся, коммунистическому движению. Он свойствен представителям {273} международных банкирских домов и международных картелей, крупнейшим биржевым спекулянтам — всем, кто орудует согласно латинской поговорке “ubi bene, ibi patria” (где хорошо, там и отечество)¹²³³. В СССР в первое послевоенное время на переднем плане идеологической работы находилась борьба за укрепление советского патриотизма на основе искоренения низкопоклонства перед Западом и умаления мировой значимости русской культуры. «У нас, — говорил В. М. Молотов в связи с 30-летием Октябрьской революции, — еще не все освободились от низкопоклонства и раболепия перед Западом, перед капиталистической культурой»¹²³⁴.

В мае 1947 года явные признаки космополитизма были вдруг обнаружены в книге профессора-литературоведа И. М. Нусинова «Пушкин и мировая литература», изданной в 1941 году. Поэт Н. Тихонов отмечал, что Пушкин и вместе с ним вся русская литература представлялись в этой книге «всего лишь придатком западной литературы», лишенным «самостоятельного значения». По Нусинову выходило, что все у Пушкина «заимствовано, все повторено, все является вариацией сюжетов западной литературы», что «русский народ ничем не обогащал мировую культуру». Такая позиция современного «беспачпортного бродяги в человечестве» объявлялась следствием «преклонения» перед Западом и забвения того, что только наша литература «имеет право на то, чтобы учить других новой общечеловеческой морали». Вскоре эта тема была вынесена на пленум правления Союза писателей СССР, где критика «очень вредной» книги была развита А. Фадеевым¹²³⁵. С этого выступления дискуссия стала перерастать в кампанию по обличению низкопоклонства, отождествленного с космополитизмом.

Одним из первых, кто поднялся на борьбу против низкопоклонства перед Западом в литературе, был, по выражению драматурга Л. Зорина, «не только ортодоксальный, но фанатически неистовый» И. Альтман. Свой вклад в развертывание борьбы внесли известные в литературном мире В. Кирпотин, Л. Плоткин, З. Паперный. Кирпотин, будучи заместителем директора Института мировой литературы, выступил в журнале «Октябрь» (1948. № 1) со статьей «О низкопоклонстве перед капиталистическим Западом, об Александре Веселовском, о его последователях и о самом

главном». З. Паперный, до тех пор известный как исследователь творчества Маяковского, в своей статье в «Литературной газете» (1948, 25 февраля) неожиданно для многих встал на защиту «самобытного русского эпоса, связанного с развитием русской жизни и государственности», выдвинув тяжкие обвинения против ряда авторов, в том числе против профессора ИМЛИ А. Г. Цейглина. В следующем номере «Литературной газеты» появилась статья И. Альтмана о книге известного театрального деятеля В. Сахновского «Мысли о режиссуре» (1947), представленной как «характерный пример рабского подражательства, экзальтированного и буквально самозабвенного преклонения перед реакционной формалистической эстетикой Запада»¹²³⁶.

Партийные установки на проведение кампании по борьбе с низкопоклонством и космополитизмом были даны в статьях Д. Т. Шепилова, {274} из содержания которых видно, что советское руководство подозревало в антипатриотизме всякого, кто не был уверен, что теперь не мы догоняем Запад в историческом развитии, а «странам буржуазных демократий, по своему политическому строю отставшим от СССР на целую историческую эпоху, придется догонять первую страну подлинного народовластия». Утверждалось, что советский строй «в сто крат выше и лучше любого буржуазного строя»; СССР «является страной развернутой социалистической демократии»; «теперь не может идти речь ни о какой цивилизации без русского языка, без науки и культуры народов Советской страны. За ними приоритет»; «капиталистический мир уже давно миновал свой зенит и судорожно катится вниз, в то время как страна социализма, полная мощи и творческих сил, круто идет по восходящей». Наличие низкопоклонства перед Западом в СССР признавалось, но изображалось свойством отдельных «интеллигентиков», которые все еще не освободились от пережитков «проклятого прошлого царской России»¹²³⁷. Руководитель агитпропа формулировал «огромные воспитательные задачи» партийных организаций: «шире развернуть работу по воспитанию трудящихся на идеях ленинизма, развивая в народе священные чувства советского патриотизма, жгучую ненависть к капитализму и ко всем проявлениям буржуазной идеологии, воспитывать наших людей в духе пролетарского интернационализма, культивировать любовь к партии Ленина — Сталина»¹²³⁸.

Наиболее громким рупором в этой кампании был секретарь ЦК А. А. Жданов. Выступая в феврале 1948 года на совещании в ЦК деятелей советской музыки, он выдвинул универсальное обоснование резкого поворота от интернационализма как некоего социалистического космополитизма к интернационализму как высшему проявлению социалистического патриотизма. Применительно к ситуации в искусстве он говорил: «Интернационализм рождается там, где расцветает национальное искусство. Забыть эту истину — означает потерять руководящую линию, потерять свое лицо, стать безродным космополитом»¹²³⁹.

Передовая статья «Литературной газеты» в апреле 1948 года бичевала космополитов — «граждан мира», которые отбрасывают понятие национальной самобытности и независимости; глубоко враждебны интернационализму, своей родине, ее традициям, обычаям, культуре и искусству. На таких «граждан» делают ставку «идеологи империализма, желающие уничтожить независимость народов всего мира путем создания блоков». Газета призывала вести непримиримую борьбу с проявлениями космополитизма у представителей интеллигенции, которые любят «щегольнуть западной “новинкой”», «формалистическим вывертом или сомнительной эрудицией космополита»¹²⁴⁰.

Однако все эти положения на протяжении 1945—1948 годов носили довольно отвлеченный, абстрактный характер. Они в равной мере обслуживали и «патриотов» и «интернационалистов». Например, в ноябре 1948 года с санкции Д. Т. Шепилова в секторе искусств отдела пропаганды и агитации состоялось совещание, в котором участвовал театральный {275} критик А. М. Борщаговский и другие будущие «космополиты». На совещании велась речь о необходимости раскритиковать А. А. Фадеева за упущения в области драматургии, сместить его с поста генерального секретаря Союза писателей и назначить на этот пост представлявшегося более управляемым и предсказуемым К. М. Симонова. Замысел этот оказался неосуществленным не по теоретическим, а по более важным идеологическим и политическим основаниям.

В 1948 году феномен космополитизма рассматривался в «Вопросах философии». В редакционной статье он определялся как «реакционная идеология, проповедующая отказ от национальных традиций, пренебрежение национальными особенностями развития отдельных народов, отказ от чувства национального достоинства и национальной гордости. Космополитизм проповедует нигилистическое отношение человека к своей национальности — к ее прошлому, ее настоящему и будущему. Громкими фразами о единстве общечеловеческих интересов, о “мировой культуре”, о взаимном влиянии и взаимопроникновении национальных культур космополитизм маскирует ли-

бо империалистический, великодержавный шовинизм в отношении к другим нациям, либо нигилизм в отношении к своей нации, предательство ее национальных интересов. Идеология космополитизма враждебна и коренным образом противоречит советскому патриотизму — основной черте, характеризующей мировоззрение советского человека. Особая политическая актуальность борьбы против идеологии космополитизма связана в настоящее время с тем обстоятельством, что реакционный американский империализм сделал космополитизм своим идеологическим знаменем»¹²⁴¹.

Внутриполитические причины активизации борьбы против идеологии космополитизма и национального нигилизма усматривались в том, что «на протяжении ряда лет в нашей печати имели место ошибки, шедшие по линии умаления достоинства и славы русской культуры, так и культуры других народов СССР. Эти ошибки находили себе место в исторической литературе, в литературе по истории философии и общественной мысли, в работах по биологии, по литературе и искусству, в работах по истории науки и техники, по политической экономии»¹²⁴².

Конкретных примеров обнаружилось много. В статье критиковался действующий учебник «История СССР. Россия в XIX в.» (М., 1940) для исторических факультетов университетов за «низкопоклонническую тенденциозность» разделов о русской культуре, в частности о Радищеве. «Литературная форма “Путешествия” была взята Радищевым у английского писателя Стерна, автора “Сентиментального путешествия по Франции и Италии”... Радищев — ученик французских рационалистов и враг мистицизма, хотя в некоторых его философских представлениях материалистические идеи Гольбаха и Гельвеция неожиданно смыкаются с идеалистическими представлениями, заимствованными у Лейбница, которого Радищев изучал в Лейпциге. Его идеи о семье, браке, воспитании восходят к Руссо и Мабли... Общие мысли о свободе, вольности, равенстве всех людей сложилось у Радищева, по его {276} собственным словам, под влиянием другого французского просветителя — Рейналя». Это давало возможность заключить: «Так великий русский революционер и оригинальный мыслитель оказался в изображении авторов учебника шитым из иностранных лоскутков. Это и есть ярко выраженный национальный нигилизм, ликвидаторство в отношении нашего великого исторического наследия, открытая форма бесстыдного преклонения перед Западом»¹²⁴³.

Еще одна попытка подвести единую теоретическую базу под антипатриотизм и космополитизм сделана Г. Ф. Александровым в статье «Космополитизм — идеология империалистической буржуазии». Антипатриоты, писал он, выступают под флагом космополитизма, потому что под ним удобнее всего пытаться разоружить рабочие массы в борьбе против капитализма, ликвидировать национальный суверенитет отдельных стран, подавить революционное движение рабочего класса. Космополитами в статье представлены известные ученые и общественные деятели дореволюционной России П. Н. Милуков, А. С. Яценко, М. И. Гершензон¹²⁴⁴, левые эсеры и левые коммунисты, «враги народа» Пятаков, Бухарин, Троцкий. Безродными космополитами изображались также «лютые враги социалистического отечества», перешедшие в годы войны в лагерь врага, завербованные гитлеровцами шпионы и диверсанты, а также все пытавшиеся сеять среди советских людей дух неуверенности, пораженческие настроения¹²⁴⁵. Подобное расширение круга приверженцев космополитизма вызвало негативную реакцию. Открыто автору ставилось в вину то, что его статья «страдает теми же болезнями объективистского характера, которые свойственны старым его работам», в частности — слишком большое место, уделенное писаниям давно умерших и забытых буржуазных профессоров, подробное воспроизведение их высказываний¹²⁴⁶. Авторы редакционной статьи в «Правде» свою негативную реакцию выразили еще жестче, написав, что в статье философа «чрезмерно много места уделяется разной дряни вроде мертворожденных писаний реакционных буржуазных профессоров»¹²⁴⁷.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ БОРЬБЫ С КОСМОПОЛИТИЗМОМ

Особая политическая актуальность борьбы против идеологии космополитизма выявлялась по мере появления на Западе различных проектов объединения народов и государств в региональном и мировом масштабах. Мессианство США давало о себе знать с возникновением этого государства. Уже первый президент США Дж. Вашингтон называл в 1783 году учреждаемую республику «поднимающейся империей»¹²⁴⁸. В 1823 году президент Дж. Монро в ежегодном послании Конгрессу США сформулировал доктрину, в которой внешнеполитические амбиции впервые распространялись за пределы американского государства. В доктрине провозглашалось, что США ни в коем случае не допустят, чтобы в дела Бразилии, Аргентины, Колумбии и всех других стран Западного

полушария вмешивался «Священный союз» европейских монархов, стремившихся после победы над наполеоновской Францией насадить во всем мире покорность {277} королям и царям. По существу же, доктрина Монро с ее ключевым положением «Америка для американцев» объявляла зоной жизненных интересов США весь американский континент. Под предлогом защиты страны Нового Света ставились в зависимое от США положение¹²⁴⁹.

Американские претензии на мировую гегемонию обозначились после Первой мировой войны. «Мы, — любил повторять президент Вудро Вильсон, — пришли спасти мир, дав ему свободу и справедливость»¹²⁵⁰. После Второй мировой войны вопрос стоял уже не о моральном наставничестве, а о прямой политической гегемонии США в мире.

Готовность к объединению народов в региональном и мировом масштабах демонстрировалась и в Европе. В годы войны У. Черчилль предлагал объединить Англию и Францию. После войны он активно пропагандировал замену ООН англо-американским союзом, поддерживал создание Соединенных Штатов Европы¹²⁵¹. Английский министр иностранных дел Э. Бевин 23 ноября 1945 года говорил «о создании мировой ассамблеи, избранной прямо народами мира в целом», о законе, обязательном для всех государств: «Это должен быть мировой закон с мировым судом, с международной полицией»¹²⁵². В СМИ западных стран утверждалось, что «мировое правительство» стало неизбежным» и его стоит добиваться, даже если для этого придется провести «третью мировую войну»; в объединенной Европе «страны полностью откажутся от своего национального суверенитета» и воспримут «сверхсуверенитет международной общности»¹²⁵³. Известный английский философ Б. Рассел считал (сентябрь 1948 г.), что «кошмар мира, разделенного на два враждующих лагеря», может кончиться только с организацией «мирового правительства». Он полагал, что оно будет создано под эгидой Америки и «только путем применения силы». Борьба за «единую всемирную федерацию» представлялась философу «наилучшим желанным выходом в условиях людского безумия»¹²⁵⁴.

В июне 1946 года советский журнал «Новое время» познакомил общественность со сборником статей крупнейших американских ученых-атомщиков, в котором обосновывалась идея превращения ООН в «мировое государство», призванное спасти мир от атомной войны и осуществлять контроль над атомной энергией¹²⁵⁵. В 1947 году во городе Монтре (Швейцария) была собрана конференция мондиалистов. В ее резолюции выражалось убеждение, что «человечество может избавиться себя навсегда от войны при условии создания мондиалистской конфедерации... Основание мирового федерального правительства является самой насущной проблемой современности... Только федерализм способен гарантировать выживание человека»¹²⁵⁶.

В сентябре 1948 года «Литературная газета» дала представление о «движении мировых федералистов» в США, возглавляемых представителем крупного бизнеса К. Мейером. Под давлением этой организации, насчитывающей 34 тысячи членов, законодательные собрания 17 штатов США приняли резолюции, предлагающие конгрессу внести решение о пересмотре устава ООН, а на случай неприятия предложения Советским {278} Союзом действовать без него. Был разработан проект «Конституции мира», известной под названием «Чикагский план». Над его созданием особый комитет «федералистов» трудился два года. В преамбуле документа провозглашалось: «Эпоха наций приходит к концу, начинается эра человечества». Будущего «всемирного президента» предлагалось наделить огромными полномочиями, он должен возглавлять все вооруженные силы в мире, стать главным судьей, председателем «всемирного суда»¹²⁵⁷.

Американское движение за создание «всемирного правительства» возникло в годы Второй мировой войны, заканчивавшейся под аккомпанимент чудовищных взрывов первых атомных бомб. Они оживили предсказанные знаменитым английским фантастом Гербертом Уэллсом в повести «Освобожденный мир» (1913)¹²⁵⁸ наступление атомной эры, войну на Земле с применением атомных бомб и ее прекращение с созданием Всемирной республики и мирового правительства¹²⁵⁹. В начале XX века Г. Уэллс вместе с выдающимся математиком и философом Б. Расселом пришли к теоретическому выводу о возможности изобретения ядерного оружия и предложили проводить ядерную политику с тем, чтобы вынудить нации отказаться от своей независимости и отдать власть мировому правительству. В 1938—1939 годах США и Англия начали осуществлять ядерную политику по рецепту Рассела-Уэллса¹²⁶⁰.

В сентябре 1945 года к движению примкнул знаменитый физик А. Эйнштейн, заявивший, что единственный способ спасения цивилизации и человечества — создание правительства, решения которого должны иметь обязательную силу для государств-членов сообщества наций. К этой теме ученый неоднократно возвращался и позже¹²⁶¹. В сентябре 1947 года в открытом письме делегациям государств-членов ООН он предлагал реорганизовать Генеральную ассамблею ООН,

превратив ее в непрерывно работающий мировой парламент, обладающий более широкими полномочиями, чем Совет Безопасности, который якобы парализован в своих действиях из-за права вето¹²⁶².

В сентябрьском номере «Бюллетеня ученых-атомщиков» (The Bulletin of the Atomic Scientists) за 1946 год Б. Рассел подчеркивал, что разрабатывать ядерное оружие необходимо «с одной-единственной целью — добиться установления власти мирового правительства». Американский экономист и политолог Л. Ларуш полагает, что последовавшая после окончания Второй мировой войны холодная война была предпринята «именно с целью реализации плана Рассела»¹²⁶³.

В ноябре 1947 года крупнейшие советские ученые (С. И. Вавилов, А. Ф. Иоффе, Н. Н. Семёнов, А. А. Фрумкин) в открытом письме высказали свое несогласие с А. Эйнштейном. Наш народ, писали они, отстоял независимость в великих битвах Отечественной войны, а теперь ему предлагается добровольно поступиться ею во имя некоего «всемирного правительства», «прикрывающего громко звучащей вывеской мировое господство монополий». Советские физики дипломатично писали, что их коллега обратился к «политическому прожектерству», которое играет на руку врагам мира, {279} вместо того чтобы прилагать усилия для налаживания экономического и политического сотрудничества между государствами различной социальной и экономической структуры¹²⁶⁴. В ответном письме Эйнштейн назвал опасения мирового господства монополий мифологией, а неприятие идеи «сверхгосударства» тенденцией к «бегству в изоляционизм», особенно опасный для Советского Союза, «где правительство имеет власть не только над вооруженными силами, но и над всеми каналами образования, информации, а также над экономическим существованием каждого гражданина»¹²⁶⁵. Иначе говоря, утверждалось, что только разумное мировое правительство может стать преградой для неразумных действий советских властей. С такими выводами в СССР, естественно, согласиться не могли. Единственный путь к предотвращению новой войны советская сторона видела в объединении всех антиимпериалистических и демократических сил, их борьбе против планов новых войн, против нарушения суверенитета народов в целях их закабаления¹²⁶⁶.

На Западе тем не менее продолжали рассчитывать на принятие Советским Союзом предложений о создании «мировой федерации» и «привитие» западного понимания культуры «русским коммунистам», поскольку коммунистическое учение выросло «из Западной философии»¹²⁶⁷. В 1948 году группа американских ученых, называющих себя «гражданами мира» и представителями «единой мировой науки», вновь обращалась к ученым всех стран с предложением поддержать создание «Соединенных Штатов Мира»¹²⁶⁸. По представлениям многих приверженцев этой космополитической идеи, образцом мирового государства являлись США, и дело оставалось лишь за тем, чтобы «все независимые народы и страны были сведены к положению штатов Техас или Юта»¹²⁶⁹. Советский философ Ф. В. Константинов призывы американцев ко всем людям земли о необходимости расширить свои понятия «от провинциальных и национальных до космополитизма» разъяснял еще доходчивее: «Идеологи американского империализма стремятся к установлению такого «мирового порядка», при котором самостоятельные, суверенные национальные государства были бы превращены в разновидности американских штатов, а народы мира низведены до рабского положения американских негров»¹²⁷⁰. В целях облегчения этой задачи «апологеты империалистической экспансии объявляют национальную независимость, государственный суверенитет и самый патриотизм “пережитком”, “анахронизмом” “устаревшей идеей” и т.п. Космополиты требуют “ликвидации границ”, “всемирного объединения народов” (конечно, под гегемонией США!), создания “всемирного правительства” (конечно же, под руководством США!)»¹²⁷¹.

Реакция И. В. Сталина на подобные предложения нашла выражение в надписи на странице проекта новой Программы партии: «Теория “космополитизма” и образования Соед[иненных] Штатов Европы с единым пр[авительст]вом. “Мировое правительство”»¹²⁷². Эта надпись, сделанная летом 1947 года, неразрывно связывает теории космополитизма и сверхгосударства, объясняет, по существу, главную причину открытия в СССР {280} кампании по борьбе с космополитами. «Идея всемирного правительства, — говорил А. А. Жданов на совещании представителей компартий в Польше в сентябре 1947 года, — используется не только как средство давления в целях идейного разоружения народов... но и как лозунг, специально противопоставляемый Советскому Союзу, который... отстаивает принцип действительного равноправия и ограждения суверенных прав всех народов, больших и малых»¹²⁷³. На протяжении 1945—1953 годов советские СМИ неоднократно обращались к теме о всемирном правительстве, разоблачая его «реакционную сущность»¹²⁷⁴.

Реагируя на выступление американского президента Г. Трумэна перед канзасскими избирателями, в котором утверждалось, что «для народов будет так же легко жить в добром согласии во всемирной республике, как для вас — жить в добром согласии в республике Соединенных Штатов», советский ученый Е. А. Коровин в своей статье «За советскую патриотическую науку права» писал: «Первая и основная ее задача — отстаивать всеми доступными ей средствами национальную независимость, национальную государственность, национальную культуру и право, давая сокрушительный отпор любой попытке посягательства на них или хотя бы на их умаление»¹²⁷⁵. Последовательность советских ученых и политиков в отстаивании суверенитета СССР, в разоблачении космополитизма, приводила американских претендентов на мировое господство «в ярость». Впрочем, это нисколько не меняло их убежденности и намерений. В 1948 году британский экономист и социальный реформатор лорд У. Беверидж говорил: «Какая альтернатива созданию во имя мира Мирового Правительства? Альтернатива этому — война. А война — это разрушение разумной человеческой жизни... Мы обязаны совершить фундаментальные изменения в правительстве мира, так чтобы по возможности иметь Мировое Правительство уже к 1955 году»¹²⁷⁶. «Хотим мы или нет, но у нас будет общее мировое правительство, — говорил 17 февраля 1950 года перед американским сенатом банкир Д. П. Варбург, чья семья стояла у истоков Федеральной резервной системы США. — Вопрос только в том, будет ли создано насильно или добровольно»¹²⁷⁷.

Кампания по борьбе с космополитизмом была направлена не только против претензий США на мировое господство под новыми лозунгами. Она противостояла также возникавшим на Западе новым проектам, нацеленным на разрушение советского патриотизма и замену его «общечеловеческими ценностями». Ценности эти оказывались вполне совместимыми с традиционным патриотизмом американцев и отношением к Америке «космополитов» в других странах, призывавших, по примеру французского литератора Ж. Бернаноса, признать Америку «своей дорогой родиной»¹²⁷⁸. К началу 1949 года в проповеди космополитизма объединялись представители самых разных сил Западного мира — «от папы римского до правых социалистов»¹²⁷⁹. В СССР в этом усматривали создание единого фронта против СССР и стран новой демократии, подготовку войны.

Отношение в СССР к лицам, подобным французскому Бернаносу, лучше всего выразилось в слове «падовцы», производном от «ПАД» — «пропаганда {281} американской демократии». Так называлась прослойка политических заключенных из числа репатриантов, возвращенных в СССР из зон действия англо-американских войск. Одно одобрительное слово в адрес англичан или американцев могло стоить им многих лет пребывания в ГУЛАГе¹²⁸⁰.

ПИК И СПАД АНТИКОСМОПОЛИТИЧЕСКОЙ КАМПАНИИ

В начавшейся после войны кампании по укреплению советского патриотизма «низкопоклонниками» и «космополитами» поначалу представлялись приверженцы определенных направлений в науке (школы академиков А. Н. Веселовского в литературоведении¹²⁸¹, М. Н. Покровского в истории¹²⁸²) без различия национальности. Однако со временем среди них стали все чаще фигурировать еврейские фамилии. Происходило это не только по субъективным, но и по объективным причинам. Евреи, как исторически сложившаяся диаспора Европы, издревле занимали прочные позиции в области интеллектуального труда. После Октябрьской революции они были представлены в советской интеллигенции во много раз большим удельным весом, чем в населении страны.

После войны евреи составляли 1,3 % населения СССР. В то же время, по данным на июль 1946 года, среди ведущих сотрудников Совинформбюро евреев насчитывалось 48 %, русских — 39,6 %. По данным на начало 1947 года, среди заведующих отделами, лабораториями и секторами Академии наук СССР по отделению экономики и права евреев было 58,4 %; по отделению химических наук — 33 %; физико-математических наук — 27,5 %; технических наук — 25 %. В начале 1949 года 26,3 % преподавателей философии, марксизма-ленинизма и политэкономии в вузах страны были евреями. В академическом Институте истории они составляли в начале 1948 года 36 % всех сотрудников, в конце 1949 года — 21 %. При создании Союза советских писателей в 1934 году в московскую организацию был принят 351 человек, из них писателей еврейской национальности — 124 (35,3 %), в 1935—1940 годах среди вновь принятых писателей этой национальности насчитывалось 34,8 %; в 1941—1946 годах — 28,4 %; в 1947—1952 годах — 20,3 %. В 1953 году из 1102 членов московской организации Союза писателей русских было 662 (60 %); евреев — 329 (29,8 %); украинцев — 23 (2,1 %); армян 21 (1,9 %); других национальностей — 67 человек (6,1 %). Близкое к этому положение существовало в ленинградской писательской организации и в Союзе писателей Украины. По данным на май 1953 года, в Союзе советских композиторов СССР из 1111 человек

русских было 420 (23,0 %), евреев — 256 (8,1), украинцев — 72 (6,5 %), грузин — 60 (5,4 %). По данным на начало 1960 года, при организации Союза композиторов РСФСР из 678 членов Союза русских насчитывалось 365 человек (53,8 %), евреев — 197 (29,4 %), армян — 34 (5,0 %), татар — 22 (3,2 %), украинцев — 11 (1,6 %) ¹²⁸³.

Активное участие интеллигентов еврейского происхождения в общественной жизни, в политической и идейной борьбе по разные стороны баррикад давало основание для жалоб, с одной стороны, на опасное «засилье» евреев в политической и культурной жизни, на национальные {282} «перекося», «кадровое неблагополучие», «засоренность кадров» в различных учреждениях и организациях ¹²⁸⁴. С другой стороны, любые нападки на евреев-участников идеологических батальон, давление на них со стороны власти представляли как ущемление еврейской национальности. В том же направлении «работали» довольно простые соображения: США стали нашим вероятным противником, а евреи там играют видную роль в экономике и политике. Израиль, едва успев родиться, заявил себя сторонником США. Советские евреи, имеющие широкие связи с американскими и израильскими сородичами и в наибольшей степени ориентированные со времен войны на развитие экономических и культурных связей с буржуазными странами Запада — «потенциальная агентура американского влияния» ¹²⁸⁵.

В декабре 1952 года, когда подозрения такого рода достигли своего высшей точки, И. В. Сталин говорил: «Любой еврей-националист — это агент американской разведки. Еврей-националисты считают, что их нацию спасли США... Они считают себя обязанными американцам» ¹²⁸⁶. В 1946 году, когда подобные настроения еще только набирали силу, обращают на себя внимание выводы созданной по личному поручению Сталина комиссии в составе А. А. Кузнецова, Н. С. Патоличева и М. А. Суслова по обследованию и изучению деятельности Совинформбюро. Они были сформулированы в записке от 10 июля и содержали констатацию о «недопустимой концентрации евреев» ¹²⁸⁷ в учреждении, неудовлетворительно ведущем нашу пропаганду за рубежом. В Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О работе Совинформбюро» от 9 октября отмечено, что оно «фактически устранилось от разоблачения антисоветских происков реакционных кругов империалистических стран» ¹²⁸⁸. Руководителя учреждения С. А. Лозовского обвиняли в слабом контроле за расходованием бюджетных средств и безответственности: «Во всем Советском Союзе нет другой такой семейственной организации, дойной коровы для всяких корреспондентов и редакторов. Это злокачественная опухоль на здоровом теле» ¹²⁸⁹. Эти констатации стали первым послевоенным предвестником грядущей кампании по борьбе с космополитизмом. Среди обеспокоенных ростом еврейского национализма оказался Л. М. Каганович. Позднее (в 1988 г.) он утверждал: «Иосиф Виссарионович согласился с моими доводами о том, что целесообразно свернуть деятельность Еврейского антифашистского комитета, слишком тесно связанного с зарубежными сионистскими центрами в США, Израиле и Европе, и нанести удар по “космополитизму”, прежде всего по космополитично настроенной советской еврейской интеллигенции» ¹²⁹⁰.

Кампания приобрела масштабные формы вскоре после арестов активистов Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). Поводом для начала массовой кампании стал доклад Г. М. Попова, первого секретаря МК и МГК ВКП(б) ¹²⁹¹. В первой половине января 1949 года, будучи на приеме у Сталина, он обратил его внимание на то, что на пленуме Союза советских писателей при попустительстве Агитпропа ЦК «космополиты» сделали попытку сместить А. Фадеева, он же из-за своей скромности не смеет {283} обратиться к товарищу Сталину за помощью ¹²⁹². (На протяжении 1948 г. Агитпроп не придавал значения рекомендациям Фадеева заняться Всероссийским театральным обществом — «гнездом формалистов, чуждых советскому искусству» ¹²⁹³.) Когда Д. Т. Шепилов, в свою очередь, принятый Сталиным, начал говорить о жалобах театральных критиков на гонения со стороны руководства ССП и в доказательство положил на стол письмо А. М. Борщоговского, Сталин, не взглянув на него, раздраженно произнес: «Типичная антипатриотическая атака на члена ЦК товарища Фадеева» ¹²⁹⁴. После этого «оказавшемуся не на высоте» Агитпропу не оставалось ничего иного, как немедленно включиться в отражение «атаки».

24 января 1949 года решением Оргбюро ЦК главному редактору «Правды» П. Н. Поспелову было поручено подготовить по этому вопросу редакционную статью. После указаний Маленкова она получила название «Об одной антипатриотической группе театральных критиков» и опубликована 28 января 1949 года ¹²⁹⁵.

В статье говорилось: «В театральной критике сложилась антипатриотическая группа последней буржуазного эстетства, которая проникает в нашу печать и наиболее развязно орудует на страницах журнала “Театр” и газеты “Советское искусство”. Эти критики утратили свою ответственность перед народом; являются носителями глубоко отвратительного для советского человека,

враждебного ему безродного космополитизма; они мешают развитию советской литературы, тормозят ее движение вперед. Им чуждо чувство национальной советской гордости». Антипатриотами представлены А. М. Борщаговский, Г. Н. Бояджиев, Я. Л. Варшавский, А. С. Гурвич, Л. А. Малугин, Е. Г. Холодов, Ю. (И. И.) Юзовский.

На следующий день в редакционной статье «Литературной газеты» с названием «До конца разоблачить антипатриотическую группу театральных критиков» к ним был добавлен И. Л. Альтман. Вслед прогремели залпы газетных статей с заголовками «Космополиты в кинокритике и их покровители»; «Против космополитизма и формализма в поэзии»; «Безродные космополиты в ГИТИСе»; «До конца разгромим космополитов-антипатриотов»; «Против космополитизма в философии»; «Разгромить буржуазный космополитизм в киноискусстве»; «Против космополитизма и формализма в музыкальном образовании»; «Против буржуазного космополитизма в литературоведении»; «До конца разоблачить буржуазных космополитов в музыкальной критике»; «Изгнать буржуазных космополитов из советской архитектурной науки»¹²⁹⁶ и т.п., в которых были подвергнуты сокрушительной критике еще десятки представителей советской интеллигенции.

Новоявленным врагам старались приписать все идеологические, политические, социальные, эстетические антиценности. Журналисты изощрялись в подборе ярлыков и сравнений: «антипатриотическое, космополитическое, гнилое отношение», «цедя сквозь зубы слова барского поощрения», «гнусно хихикает», «вредный, облеченный в заумную форму бред», «гнусный поклеп», «по-хулигански третировал», «бред фашистских {284} мракобесов», «двурушники космополиты и их подголоски», «диверсант от театральной критики, литературный подонок Борщаговский», «зловоние буржуазного ура-космополитизма, эстетства и барского снобизма»¹²⁹⁷.

Научные журналы помещали отчеты о собраниях, призванных искоренять космополитизм, в менее эмоционально окрашенных статьях с заголовками типа «О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии», «О задачах борьбы против космополитизма на идеологическом фронте»¹²⁹⁸.

Космополиты обнаруживались повсюду, но главным образом в литературно-художественных кругах, редакциях газет и радио, в научно-исследовательских институтах и вузах. В ходе кампании 8 февраля 1949 года принято решение Политбюро о роспуске объединений еврейских писателей в Москве, Киеве и Минске и закрытии альманахов «Геймланд» (Москва) и «Дер Штерн» (Киев)¹²⁹⁹. Создавались необходимые бюрократические предпосылки для закрытия Московского государственного еврейского театра¹³⁰⁰ и Биробиджанского еврейского драматического театра по причине их нерентабельности¹³⁰¹. Дело не ограничивалось критикой и перемещениями «космополитов» с престижной на менее значимую работу. Их преследование нередко заканчивалось арестами. До 1953 года были арестованы 431 человек: 217 писателей, 108 актеров, 87 художников, 19 музыкантов¹³⁰².

С 23 марта 1949 года кампания пошла на убыль. Еще в ее разгар Сталин дал указание Поспелову: «Не надо делать из космополитов явление. Не следует сильно расширять круг. Нужно воевать не с людьми, а с идеями»¹³⁰³. Видимо, было решено, что основные цели кампании достигнуты. Свообразную черту под ней подводила статья заведующего отделом печати Министерства иностранных дел, философа и историка Ю. Г. Францева (опубликована под псевдонимом Ю. Павлов)¹³⁰⁴. Публикация, акцентировавшая внимание на главной, внешнеполитической причине кампании, позднее была положена в основу статьи «Космополитизм» для Большой советской энциклопедии.

Очевидные перегибы, допущенные в ходе шумной кампании по борьбе с космополитизмом, по ее завершению власти постарались выправить. Наиболее ретивые ее участники были сняты со своих постов. Среди них оказались заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК профессор Ф. М. Головенченко, выступавший повсеместно с докладом «О борьбе с буржуазным космополитизмом в идеологии», и редактор газеты «Советское искусство» В. Г. Вдовиченко. Последний, как отмечалось в письме Шепилова Маленкову от 30 марта 1953 года, до недавнего времени всячески привлекал к работе в газете критиков-антипатриотов, а после их разоблачения поднял в газете шумиху, изображая дело так, что космополиты проникли всюду¹³⁰⁵. С влиятельных постов были также смещены Д. Т. Шепилов¹³⁰⁶ и Г. М. Попов¹³⁰⁷. Во всем этом обнаруживался почерк автора статьи «Головокружение от успехов». Молва приписывала произвол исполнителям, а Сталин будто бы его останавливал¹³⁰⁸. {285}

«ГЕРОИ» БОРЬБЫ С КОСМОПОЛИТИЗМОМ В САМИЗДАТЕ

Начавшаяся после войны кампания по укреплению советского патриотизма, преодолению низкопоклонства перед Западом, к концу 1948 года стала приобретать заметно выраженный антисемитский оттенок. Происходило это, как отмечалось выше, не только по субъективным, но и по объективным причинам. Их широкая представленность в советской интеллигенции и активное участие в политической и идейной борьбе по разные стороны баррикад давали основания для жалоб на их опасное «засилье» в политической и культурной жизни, на национальные «перекося», «кадровое неблагополучие», «засоренность кадров» в различных учреждениях и организациях. В частности, к произведениям антисемитского характера относят фельетон С. Васильева «Без кого на Руси жить хорошо», подготовленный для печати в журнале «Крокодил», но не увидевший света в 1949 году, видимо, в связи с затуханием кампании. В фельетоне, получившем широкую известность благодаря «самиздату», срифмованы фамилии всех основных фигурантов кампании по борьбе с космополитизмом.

Сергей Васильев: Без кого на Руси жить хорошо

*В каком году — рассчитывай,
в какой Земле — угадывай,
на столбовой дороженьке
советской нашей критики
сошлись и заслословили
двенадцать злобных лбов.
Двенадцать кровно связанных,
Нахальницкой губернии.
уезда Клеветничьего,
Пустобезродной волости,
из смежных деревень:
Бесстыжева, Облыжева,
Дубинкина, Корзинкина,
Недоученка тож.
Сошлись — и заспорили:
где лучше приспособиться,
чтоб легче было пакостить,
сподручней клеветать?
Куда пойти с отравой
всей дружною оравой —
в кино, в театр, в поэзию,
иль в прозу напрямик?
Кому доверить первенство,
чтоб мог он всем командовать,
кому заглавным быть? {286}*

*Один сказал: — Юзовскому!
А может, Борцаговскому? —
второй его подсек.
А может Плотке-Данину? —
сказали Хольцман с Блейманом.
Он, правда, молод, Данин-то,
но в темном деле — хват!*

*Субоцкий тут натужился
и молвил, в землю глядючи:
— Ни Данину, ни Левину,
ни Якову Варшавскому
я первенства не дам!
Хочу я сам командовать
такою шайкой-лейкою,
хочу быть главным сам!*

— Ужо, куда отважился! —
вскричал Малюгин яростно.
— Не быть тебе начальником,
ни в жизнь не допущу!
— А ты молчал бы, выродок! —
Малюгину вдруг Трауберг,
как ножик под ребро.
— Уж лучше Бояджиева
иль Оттена бывалого
заглавным посадить!
Наиелся, тоже, выскочка,
ублюдок, прости, господи,
тьфу, пакость, драмодел!

Космополит, он смолоду,
как старый бык: втемяшится
в башку какая блажь —
колом ее оттудова
не выбьешь: упираются,
всяк на своем стоит!
Такой скандал затеяли,
что думают прохожие,
советские читатели:
чай, клад космополитики
тут делят меж собой?
Идут и чертыхаются,
цитатами бодаются,
что дале, то сильней.
За спором не заметили, {287}
как село солнце красное,
как дверь гостеприимная
открылась в ВТО,
как в «Литгазете», в «Знамени»
и в «Новом мире» в сумерках
заснули сторожа.
— Давай сюда! — с оглядкою
друг другу шепчут странники.
— Скорей, скорей сюда!
Кто на чердак ударился,
по дымоходу снизился,
кто в дырочку, кто в щелочку,
кто по трубе в окно.
Кто по верху вскарабкался,
кто внутрь прорвался по низу,
кто проскользнул ужом.
— Потом, — решили странники, —
потом старшого выберем,
не время тут артачиться,
кто будет главным значиться,
доспорим опосля!

Как порешили странники,
охальники-бездомники,
так сей же час и сделали:
один проник в кино,
один на шею прозы сел,
другой прижал поэзию,

*а остальные спрятались
в хоромах ВТО.
И зачали, и почали
чинить дела по-своему,
по-своему, по-вражьему,
народа супротив.
Юродствовать, юзовствовать,
лукавить-ненавистничать,
врагам заморским на руку,
друзьям Руси на зло.
У каждого начальника
по пять лихих сподручников,
по восемь заместителей,
по десять холуев.
Один бежит за водкою,
второй мчит за селедкой,
а третий, как ужаленный, {288}
летит за чесноком.
За дегтем двое посланы,
за сажеей трое выгнаны,
а четверо с ведерками —
за серной кислотой.*

*— Зачем нам проза ясная?
— Зачем стихи понятные?
— Зачем нам пьесы новые,
спектакли злободневные
на тему о труде?*

*— Подай Луи Селина нам,
подай нам Джойса, Киплинга,
подай сюда Ахматову,
подай Пастернака!
— Поменьше смысла здорового,
а больше от лукавого,
взамен двух тонн свежатины
сто пять пудов тухлятины
и столько же гнильцы.
Один удар по Пырьеву,
другой удар по Сурову,
два раза по Недогонову,
щелчок по Кумачу.
Бомбежка по Софронову,
долбежка по Ажаеву,
по Грибачеву очередь,
по Бубеннову залп!
По Казьмину, Захарову,
по Семушкину Тихону,
пристрелка по Вирте.
Статьи строчат погромные,
проводят сходки темные,
зловредные отравные
рецензии пекут.
Жиреют, припеваючи,
друг другом не нахвалятся:
— Вот это мы! Молодчики!
Какие гонорарищи*

друг другу выдаем!
Спешат во тьме с рогатками,
с дубинками, с закладками,
с трезубцами, с трезубцами
в науку, в философию, {289}
на радио, и в живопись,
и в технику, и в спорт.
Гуревич за Сутыриным,
Бернштейн за Финкелиттейном,
Черняк за Гоффенитефером,
Б. Кедров за Селектором,
М. Гельфанд за Б. Руниним,
за Хольцманом Мунблит.
Такой бедлам устроили,
так нагло распоясались.
вольготно этак зажили,
что зарвались вконец.
Плюясь, кичась, юродствуя,
открыто издеваясь
над Пушкиным самим,
за гвалтом, за бесстыдною,
позорной, вредоносною,
мышинною возней
цуды-зубоскальники
в горячке не заметили,
как взял их крепко за ухо
своей рукой могучею
советский наш народ!
Взял за ухо, за шиворот,
за руки загребущие,
за бельма завидущие —
да гневом осветил!

В каком году — рассчитывай,
в какой земле — угадывай,
на столбовой дороженьке
советской нашей критики
вдруг сделалось светло.
Вдруг легче задыхалось,
вдруг радостней запелось,
вдруг пуще захотелось
работать, во весь дух,
работать по-хорошему,
по-русски, по-стахановски,
по-пушкински, по-репински,
по-ленински, по-сталински,
без устали, с огнем.
Писать, душою радуясь,
творить, сил не жалеючи, —
и все во имя Родины, {290}
во имя близкой, завтрашней
зари коммунистической,
во имя правды утренней,
во имя красоты¹³⁰⁹.

С 1954 года широкую известность приобрел сонет-эпиграмма Э. Г. Казакевича, созданный по случаю ресторанный драки между А. А. Суровым, автором скандально известных пьес «Зеленая

улица» (1947), «Рассвет над Москвой» (1950), и М. С. Бубенновым, автором военного романа «Белая береза» (1947—1952; критиковался позднее как пример так называемой теории бесконфликтности). Поводом для драки стало «малодушие» драматурга, позорно отступившего, по мнению собутыльника, с «правильных» позиций в национальном вопросе. Приводим этот своеобразный памятник эпохи — эпиграмму, имевшую варианты едва ли не к каждой строчке:

*Суровый Суров не любил евреев,
На них всегда и всюду нападал.
Его за это порицал Фадеев,
Хоть сам он их не очень уважал.
Когда же Суров, мрак души развеяв,
На них кидаться чуть поменьше стал,
М. Бубеннов, насилие содеяв,
Его старинной мебелью долбал.
Певец «Березы» в ж... драматурга,
Как будто в иудея Эренбурга,
Столовое вонзает серебро...
Но, следуя традициям привычным,
Лишь как конфликт хорошего с отличным
Рассматривает дело партбюро¹³¹⁰.*

На наш взгляд, объяснять кампанию по борьбе с космополитами в СССР отходом Сталина от интернационализма и его антисемитизмом¹³¹¹ было бы некорректно. Как и кампании 1930-х годов, она была связана и с политической борьбой на международной арене, и с глубинными социальными, национально-политическими процессами, со сменой элит в советском обществе. Полагаем, что процессы этого времени наиболее адекватно характеризуются сопоставлением двух наиболее громких «дел» тех лет: «Если рассматривать “дело ЕАК” как яркое проявление “сталинского антисемитизма”, то “Ленинградское дело” надо было бы считать столь же ярким проявлением сталинской русофобии. На самом же деле в обоих случаях режим стремился взять под контроль некоторые национальные импульсы, допущенные им во время войны в пропагандистских целях. Эти действия составляли лишь элементы в цепи мер, предпринятых после войны для консолидации победившего и укрепляющегося коммунистического строя»¹³¹². Более проницательный исследователь полагает, что подавление {291} русского национального импульса в 1949 году имело катастрофические последствия для послевоенных судеб народа. «В тяжелой борьбе против марксистского космополитизма русские смогли собраться в нацию накануне Великой Отечественной войны и победить в ней. Но подорванные силы столкнулись с новой манипуляцией. Русским не давали возродиться как нации, и вплоть до нашего времени национальное строительство происходит вопреки власти, оставшейся сугубо антинациональной. До сих пор гражданственность и национальность действуют порознь. Более того, гражданственность становится более безнациональной...»¹³¹³

Кампания по борьбе с космополитизмом, сопровождавшие и следовавшие за ней «дело Еврейского антифашистского комитета», «дело Абакумова», «дело врачей» и др.¹³¹⁴, существенным образом отразились на кадровой политике Советского государства. Жертвами масштабных перемещений в высших структурах власти были далеко не одни евреи. По оценкам израильских исследователей, в общем числе пострадавших они составляли не слишком значительное меньшинство. Среди арестованных по развернувшемуся вскоре «делу врачей» представителей других национальностей было в три раза больше, чем евреев¹³¹⁵.

Тем не менее, открытие советскими властями в послевоенные годы неожиданного и неприятного факта возросших прозападных симпатий среди части граждан еврейского происхождения, которые расширяли возможности их использования в интересах американской стратегии, обусловило политику, направленную на дальнейшее сокращение доли евреев в советской номенклатуре, что вполне согласовывалось с постулатами государственной национальной политики о коренизации кадров и выравнивании уровней развития национальностей в стране¹³¹⁶.

По данным статистического сборника о руководящих кадрах партийных, советских, хозяйственных и других органов, подготовленного в 1952 году по указанию Г. М. Маленкова¹³¹⁷, количество евреев-руководителей среди руководящих кадров центрального аппарата министерств и ведомств СССР и РСФСР с начала 1945 года до начала 1952 года сократилось¹³¹⁸:

	1945		1952	
	Всего человек	В том числе евреев, %	Всего человек	В том числе евреев, %
Руководители центрального аппарата министерств и ведомств СССР и РСФСР	4000	12,9	4900	3,9
Руководители предприятий истроек	4200	11,2	4200	4,6
Директора промышленных предприятий	2000	12,3	2000	4,6
Руководители НИИ, КБ и проектных организаций	430	10,8	1000	2,9
Руководители центральной печати	300	10,7	480	5,4
Руководители вузов и партшкол	730	10,9	1900	3,1
Секретари обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик	770	1,3	1000	0,1
Руководители окружных, городских, районных советских и хозяйственных учреждений	50 000	2,8	57 000	2,2

Большой разброс мнений о причинах кампании позволяет выделить некоторые из них. Обращалось внимание на то, что в послевоенной жизни и сознании «кроме нагло проявившегося антисемитизма» наличествовал {292} «скрытый, но упорный ответный еврейский национализм», обнаруживавший себя «в области подбора кадров»¹³¹⁹. Другие видели причину в том, что еврейство вышло из войны «с неслыханно раздутой репутацией мучеников, вооружавшей его на далеко идущую активность», борьба с космополитизмом явилась реакцией на «еврейские притязания — стать откровенно господствующей силой в стране»¹³²⁰. В диссидентских кругах борьбу с космополитами объясняли отходом Сталина от «основной коммунистической догмы — космополитизма, антинационализма» и переходом его на патриотические позиции. Утверждалось, что «патриотизм — огромный скачок от наднационального коммунизма. С коммунистической точки зрения, обращение к патриотизму даже во время войны — еретично». Борьба с космополитами представлялась поистину кампанией «против коммунизма, ибо коммунизм по сути своей космополитичен, коммунизму не нужны предки, ибо он сам без роду без племени»¹³²¹. Во всяком случае, в борьбе с космополитизмом не стоит видеть лишь феноменальное лицемерие и коварство «антисемита», «патологического убийцы» Сталина. Дескать, «одних он уничтожал за их приверженность национально-религиозной идее, традициям, родной культуре, языку», а «других, представлявших из себя в значительной мере ассимилированных евреев, преследовал как раз за обратное — за стремление отказать от своего национального лица, призыв к растворению “в мировом всечеловеческом единстве народов”, квалифицируя это как проповедь космополитизма»¹³²². История, как можно видеть из изложенного выше, далека от такого упрощения.

Кампания по борьбе с космополитизмом в СССР в 1949 году означала окончательные походы позитивного восприятия космополитизма в социалистическом духе. В 1920-е годы между понятиями «пролетарский интернационализм» и «социалистический космополитизм» ставился знак равенства, они отождествлялись. К примеру, «Настольный энциклопедический словарь-справочник» утверждал, что «в основе идеологии фашизма лежит националистический патриотизм, резко противопоставляемый социалистическому космополитизму»¹³²³. В 1929 году, в третьем издании этого справочника, термин «социалистический космополитизм» заменен на «социалистический интернационализм»¹³²⁴ и в дальнейшем практически не встречается научной литературе и СМИ.

Определение космополитизма в первом издании Большой советской энциклопедии (1937) связывалось с пониманием родины пролетариата. Утверждалось, что космополитизм — это «политический термин, выражающей идею родины, граничащей со всем миром». «Для рабочего класса всех стран, — говорилось далее, — родиной является та страна, в которой установлена диктатура пролетариата. Рабочий класс, являясь патриотом своей социалистической родины, вместе с тем стремится превратить в свою родину весь мир»¹³²⁵. Таким образом, социалистический патриотизм

по существу отождествлялся с космополитической идеей родины в ее социалистическом варианте. В обстановке 1930-х годов, когда все еще сохранялись надежды на сравнительно близкую победу мировой {293} революции, понятие о социалистическом космополитизме сохранялось в идеологическом арсенале СССР.

С окончанием Второй мировой войны, когда соотношение сил на мировой арене кардинально изменилось, а перспективы перехода человечества к социализму стали более проблематичными, идеологам СССР пришлось сосредоточивать усилия не столько на обосновании миродержавных претензий социализма (соответственно — проповеди социалистического космополитизма), сколько на разоблачении аналогичных претензий идеологического противника. В 1953 году в БСЭ космополитизм трактовался только как обратная сторона буржуазного национализма — реакционная идеология, требующая установления мирового государства и мирового гражданства, оправдывающая и прикрывающая захватническую политику империалистов, идейное обоснование измены родине¹³²⁶.

Стремясь не допустить объединения капиталистических стран под лозунгами буржуазного космополитизма, И. В. Сталин на XIX съезде КПСС (1952) выступил в защиту «национального принципа» применительно к этим странам. Коммунистические и демократические партии были призваны «поднять знамя национальной независимости и национального суверенитета»¹²²⁷. Фактически в этом выступлении актуализировано высказанное в мае 1941 года положение о необходимости «развивать идеи сочетания здорового, правильно понятого национализма с пролетарским интернационализмом» и опоре последнего на «этот национализм»¹³²⁸.

Примечательно, что Шарль де Голль, Мао Цзэдун, и даже Чан Кайши с И. Б. Тито и каудильо Франко впоследствии отмечали, что в своем последнем выступлении Сталин дал понять об окончательном отказе от идеологии мировой революции и от пренебрежения к национально-государственному суверенитету. По их мнению, Сталин воплощал доктрину национально-государственного социализма, а «фрагмент» такой доктрины и был озвучен на XIX съезде. Мао Цзэдун, Ким Ир Сен, Э. Ходжа и Хо Ши Мин утверждали, что внутренняя и внешняя политика, как и идеология руководимых ими партий и стран основывалась именно на «сталинской политике антикосмополитизма» конца 1940 — начала 1950-х годов¹³²⁹.

Применительно к нашей стране антикосмополитическая политика не получила развития. После смерти Сталина в СССР продолжалась осуждение проявлений космополитизма «у отдельных представителей советской интеллигенции», однако считалось, что «социальной базы, питающей идеологию космополитизма» в социалистическом обществе не могло быть по определению¹³³⁰.

Таким образом, кампания по борьбе с космополитизмом в СССР в 1949 году стала важным событием в процессе эволюции правящей в стране ВКП(б) от партии мировой революции к партии защиты государственных интересов. Процесс этот, диктуемый главным образом обстоятельствами международного характера (ими же обусловлены все наиболее значительные повороты в государственной национальной политике, начиная с 1917 года), не получил завершения в послевоенные годы, что и явилось {294} одной из главных причин разрушения СССР в 1991 году. Представления о «здоровом национализме» как основе для выстраивания национальной политики в СССР были утрачены в 1948 году, когда от имени ЦК ВКП(б) прозвучали категорические требования о недопустимости игнорирования классового содержания советского патриотизма¹³³¹. После этого говорить о здоровом русском национализме было невозможно. Национальная политика возвращалась на русофобские рельсы. После смерти И. В. Сталина «тяжкий удар по русскому патриотизму (читай: здоровому русскому национализму. — А. В.) нанес Хрущев. Его варварство в отношении народной памяти о Сталине не прошло бесследно для русского советского сознания: со Сталиным связаны его возрождение и подъем, вершиной которого стала Победа 1945 года». Ничего не изменилось и в послехрущевское время: «из партийной пропаганды исчезла русская тема». «Горбачевская “перестройка” явилась логическим завершением хрущевской антисталинской (читай — антирусской) кампании. Уже во времена Горбачева русский народ был отодвинут от ведущей роли в советском обществе — национализм набирал силу в Прибалтике, на Украине, на Кавказе. При Ельцине, с разрушением социалистического производства, русские окончательно лишились ведущей роли в жизни страны. Русский патриотизм был подвергнут остракизму и шельмованию. С развалом СССР русский народ оказался самым большим разделенным народом мира, чего не случилось за всю его многовековую историю»¹³³².

Однако, ореол либеральной идеологии и космополитизма, вдохновлявший участников российской буржуазно-демократической революции 1991—1993 годов, со временем (особенно после известных событий в Югославии и Ираке) вновь начинает тускнеть. Наблюдается заметное попра-

вание и «русификация» всего общественного сознания при оттеснении на маргинальную периферию догматического марксизма и западнического либерализма¹³³³. В соответствии с этим характерная для первых постсоветских лет антипатриотическая трактовка демократии вытесняется идеей суверенной (в отличие от прозападной, управляемой извне) демократии¹³³⁴, апеллирующей к достоинству русского народа и российской нации в целом.

РАЗВЕНЧАНИЕ АКАДЕМИКА МАРРА

В 1950 году Сталин принял личное участие в дискуссии по проблемам языкознания, связанной с именем Н. Я. Марра, отечественного кавказоведа и полиглота, филолога и историка, академика Императорской академии наук (1912), затем академика и вице-президента АН СССР, получившего громкую известность как создателя «нового учения о языке», или «яфетической теории» (по имени Иафета (Яфета), третьего сына библейского Ноя, (Сим, Хам, Иафет), от которых «населилась вся земля» после всемирного потопа). К началу 1950-х годов это учение, провозглашенное некогда «единственно правильным», обнаруживало несостоятельность своих основ. Явно утрачивали актуальность и начатые под руководством Марра работы по созданию искусственного мирового языка. Время выявило особую роль {295} русского языка в процессе перехода к будущему мировому языку в пределах СССР. Об этом, в частности, говорилось в написанной ранее, но только что опубликованной статье И. В. Сталина «Ленинизм и национальный вопрос». После ее публикации последовательная смена мировых языков изображалась Д. И. Заславским в «Правде» следующим образом. Латынь была языком античного мира и раннего средневековья. Французский язык был языком господствующего класса феодальной эпохи. Английский язык стал мировым языком эпохи капитализма. Заглядывая в будущее, «мы видим русский язык как мировой язык социализма»; его распространение обогащает национальные литературы, «не посягая на их самостоятельность»¹³³⁵.

К 1950 году выявилось также, что марризм оскорбляет национальные чувства китайцев. Был известен целый ряд случаев, когда китайские студенты и стажеры, обучавшиеся в СССР, отказывались изучать языковедение по Марру. Согласно этому учению выделялось четыре стадии развития языков. Первая (низшая), на которой пребывал китайский и ряд африканских языков; вторая, на которой находились угро-финские, турецкие и монгольские языки; третья — яфетические (кавказские) и хамитские языки; четвертая (высшая) — семитские и индоевропейские (арабский, еврейский, индийский, греческий, латинский) языки. Получалось, что китайский язык связан лишь с начальным этапом развития языков, а грузинский по развитию стоял ниже еврейского. Последнее не могло не задевать национальных чувств грузин¹³³⁶.

Немаловажным было и то, что марризм вошел в противоречие с национально-политическими устремлениями влиятельной части грузинской элиты, обнаружившей, что он содействует суверенным настроениям в Абхазии. Марр не относил абхазский язык к иберийской группе языков. В противовес этому развивалась концепция единства кавказско-иберийских языков, включая в них кабардинский, адыгейский, абазинский, абхазский. Это соответствовало стремлениям грузинской элиты со временем поглотить Абхазию и территории, подвассальные Грузии во времена ее наибольших военно-политических успехов.

С чисто академической точки зрения представления о стадийности развития языка оспаривали крупные ученые В. В. Виноградов, А. А. Реформатский и др. С позиций марризма, они продолжали «отжившие свой век традиции дореволюционной либерально-буржуазной лингвистики». Ситуация в языкознании по настоянию первого секретаря ЦК КП Грузии К. Н. Чарквиани была обрисована в письме Сталину, направленном грузинским академиком А. С. Чикобавой в марте 1950 года. Большое значение имела и поддержка ученого со стороны такого «лингвиста», как Л. П. Берия.

Личные беседы Сталина с приглашенным в Москву Чикобавой укрепили его в необходимости пересмотреть господствующую в стране языковедческую теорию. Маленков беседовал по этим вопросам с академиком В. В. Виноградовым. По предложению Сталина Чикобава подготовил статью по проблемам языкознания для «Правды». 9 мая 1950 года она была опубликована «в порядке обсуждения»¹³³⁷. В ней говорилось о необходимости {296} пересмотра общелингвистических построений Марра, без которого «невозможна разработка системы советской лингвистики». Марристов это требование поразило. Некоторые считали его выходкой сошедшего с ума языковеда. Марристы опровергали Чикобаву до 20 июня 1950 года, пока в «Правде» не появилась статья Сталина «Относительно марксизма в языкознании». 11 и 28 июля последовало ее продолжение. Позднее эти публикации издавались в брошюре «Марксизм и вопросы языкознания».

Сталин решительно отверг утверждения о том, что краеугольные положения теории Н. Я. Марра («язык есть надстройка над базисом», «классовый характер языка», «стадиальность развития языка») являются марксистскими. С этого времени Марр стал восприниматься как ученый, который хотел быть марксистом, но не сумел стать им: «Он был всего лишь упростиателем и вульгаризатором марксизма, вроде “пролеткультовцев” или “рапповцев”»¹³³⁸.

Освобождение советского языкознания от пут марризма не обошлось без курьеза. В. В. Виноградов, готовивший предварительные материалы для сталинских статей о языкознании, с ужасом прочитал в «Правде» от 11 июля, что происхождение русского языка объяснено у Сталина ошибочно. Вместо того чтобы сказать, что русский язык произошел из курско-московского диалекта, написано: из курско-орловского (по аналогии с курско-орловской дугой). Виноградов позвонил Поскребышеву, сказал об ошибке. Тот ответил: «Раз товарищ Сталин написал про курско-орловский диалект, значит, из него теперь и будет происходить русский язык»¹³³⁹.

Существенным для теории и практики была интерпретация статей сталинских статей. Русский язык представал теперь языком, который «будет безусловно одним из наиболее богатых и выдающихся зональных языков, мощных средств межнационального общения и сыграет большую роль в создании будущего единого мирового языка, в создании его основного словарного фонда и грамматического строя»¹³⁴⁰. Одновременно возводился в абсолют сталинский тезис о необходимости всемерного усиления государства в СССР. Марксистская традиция исходила из обратного — отмирания государства по мере продвижения к коммунизму.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ АССИМИЛЯЦИИ — КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ?

Внесение вклада в решение языковой проблемы при переходе от капитализма к социализму и коммунизму в начале 1950-х годов позволяло с большей определенностью наметить перспективы «окончательного» решения национального вопроса. Устоять перед соблазном форсировать интеграционные процессы в национальной сфере Сталину было, видимо, нелегко, ибо революционер он на то и революционер, чтобы форсировать все и вся. В данном же случае можно было и на высший авторитет опереться. Предупреждал же Ленин, что социализм есть «гигантское ускорение» сближения и слияния наций¹³⁴¹, а пролетариат «не только не берется отстоять национальное развитие каждой нации, а напротив, предостерегает массы от таких иллюзий»¹³⁴². Сталин, как известно, любил повторять в нужный момент: «Против Ленина — не пойдем!»¹³⁴³ {297}

По крайней мере рассмотрение в Верховном суде СССР дела группы лиц, связанных с работой Еврейского антифашистского комитета (май — июль 1952 г.), продемонстрировало, что выступать за развитие национальных культур в СССР в определенных случаях становилось уже просто небезопасно. По сути дела устанавливалось, что расцвет социалистических наций в его единственно правильной и законной интерпретации никоим образом не должен означать сопротивления ассимиляции, а тем паче борьбы против нее. Последнее расценивалось уже как преступление. Убедиться в этом позволяет диалог между генерал-лейтенантом юстиции А. А. Чепцовым (председателем Военной коллегии Верховного суда СССР) и И. С. Фефером (поэтом, бывшим секретарем ЕАК, одним из подсудимых по «делу ЕАК»):

ЧЕПЦОВ: ...Борьба против ассимиляции и составляет несуществующую еврейскую проблему, которую пытался разрешить ЕАК. Это правильно?

ФЕФЕР: Да, верно... Но в тот период я часть того, что мы делали, не считал националистической работой. Я, например, не считал, что противодействие ассимиляции является националистической деятельностью.

ЧЕПЦОВ: Вы пришли в «Эйникайт»¹³⁴⁴ (Антифашистская газета на идиш, издававшаяся комитетом вплоть до его закрытия 20 ноября 1948 года. — А. В.), чтобы бороться против ассимиляции за культурную автономию евреев?

ФЕФЕР: Нет, за рост еврейской культуры.

ЧЕПЦОВ: Но это тоже националистическая задача.

ФЕФЕР: Я тогда это не считал националистической задачей.

ЧЕПЦОВ: А борьба против ассимиляции, что это такое? Значит, вы вели с самого начала антисоветскую деятельность.

ФЕФЕР: Националистическую деятельность...

ЧЕПЦОВ: Что вы поправяете. Всякая националистическая деятельность есть антисоветская деятельность¹³⁴⁵.

Л. М. Квитко, проштудировав в тюрьме труды Ленина и Сталина по национальному вопросу (а этим, как видно из материалов «дела ЕАК», усердно занимались и подследственные и следователи) и оценив свою роль в развитии национальной и интернациональной культуры в СССР, пришел к заключению, которое не вызвало никаких поправок председательствующего, других членов суда, и, видимо, могло вполне удовлетворить самого Сталина. Это заключение, которое по своей претензии на глубину обобщения и категоричность можно назвать законом, гласит: «Еврейская культура была нужна, как нужна была и литература всех национальных меньшинств для того, чтобы к известному периоду подготовить массы на их родном языке к ассимиляции»¹³⁴⁶.

Как видно из диалогов в Верховном суде СССР, «законные» представления о расцвете национальной культуры стали весьма своеобразными, превратившись в полную противоположность изначальному смыслу слова «расцвет». Представления о национальной культуре как таковой {298} у А. А. Чепцова, скорее, соответствуют ваганяновской формуле, гласящей, что лишь «через уничтожение национальной культуры может быть достигнута подлинная общность культуры для всего общества»¹³⁴⁷. Фактически эта же мысль звучит и в выступлении сталинского соратника Л. М. Кагановича, осуждавшего на июльском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС националистическую деятельность Л. П. Берии. «В результате осуществления нашей политики по национальному вопросу, — говорил он, — на основе победы единого социалистического уклада в народном хозяйстве, мы создали новые социалистические нации. Эти социалистические нации нужно все больше и больше объединять для их расцвета, а не противопоставлять. Берия вел к разъединению наций»¹³⁴⁸.

Некоторые ученые, доказывая, что Сталин не был сторонником слияния наций и не мог проводить такой политики¹³⁴⁹, приводят в доказательство сталинскую же отсылку к ленинской работе «Детская болезнь “левизны” в коммунизме», где содержится указание на то, что национальные различия «будут держаться еще очень и очень долго после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе»¹³⁵⁰. Отсылка эта не должна бы никого вводить в заблуждение. Речь у В. И. Ленина идет о национальных различиях, а не о нациях как таковых. Между тем, очевидно, что историческое время существования тех и других не совпадает. Иначе говоря, Ленин лишь констатировал, что придет время, когда наций не будет, а национальные различия (как производное от наций) еще сохранятся. Сталин же, на наш взгляд, для успокоения приверженцев национальной идеи и расцветающих наций неправомерно отождествил эти явления. {299}

3. ПОЛИТИКА ПО УКРЕПЛЕНИЮ НОВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ В 1953—1985 ГОДАХ

ДЕСТАЛИНИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ЛАВРЕНТИЙ БЕРИЯ

В 1950-е годы наука о новой общности и ее языковых аспектах развивалась без каких-либо ссылок на первооткрывателей. При этом отчетливо обнаружилось стремление трактовать эти вопросы в национал-большевистском духе скорее бухаринского, нежели сталинского образца. Надо полагать, в этом выражалось намерение устранить сталинский «уклон» послевоенных лет к великодержавию и шовинизму и возвратиться на позиции «подлинного» интернационализма. Однако актуализация идеи о формирующейся в СССР новой исторической общности произошла лишь в начале 60-х годов. Сразу после смерти И. В. Сталина на первый план в национальной политике выступила необходимость ее десталинизации¹³⁵¹. Первые практические шаги в этом направлении были обусловлены решениями, принятыми по докладным запискам министра внутренних дел Л. П. Берии в ЦК КПСС от 1 и 2 апреля 1953 года. В них предлагалось «реабилитировать и немедленно из-под стражи освободить» лиц, привлеченных по делу о врачах-вредителях, осудить «преступную операцию по зверскому убийству Михоэлса» и высылку П. С. Жемчужиной как результатов якобы только провокационных измышлений.

Уже 3 апреля было принято, а на следующий день опубликовано постановление Президиума ЦК о фальсификации дела о врачах-вредителях и принятии предложений Министерства внутренних дел СССР. Постановление санкционировало полную реабилитацию и освобождение из-под стражи 37 врачей и членов их семей, арестованных по делу о врачах, привлечение к уголовной ответственности работников бывшего Министерства госбезопасности, «особо изощрявшихся в фабрикации этого провокационного дела и в грубейших извращениях советских законов»; проведение мер, «исключающих возможность повторения впредь подобных извращений в работе органов МВД». {300}

Содержащийся в записке Берии тезис об «измышлениях» обвинений в националистической деятельности практически являлся основой для осуждения и окончательного прекращения кампании по борьбе с космополитизмом и неоднозначной реакции общественности на это осуждение. Актуализировались слухи о еврейском происхождении Берии и его попустительстве «соплеменникам». Стремясь приглушить нежелательную антисемитскую реакцию в обществе, Хрущев в начале апреля 1953 года направил закрытое письмо парторганизациям с требованием не комментировать опубликованное в газетах сообщение МВД и не обсуждать проблему антисемитизма на партийных собраниях. Видимо, этими же соображениями было продиктовано первоначальное отклонение предложения Берии о немедленной реабилитации осужденных по делу Еврейского антифашистского комитета. ЕАКовцы были реабилитированы лишь в ноябре 1955 года. Решение о реабилитации не было обнародовано.

Другой импульс для изменений в сфере национальных отношений был дан принятыми по инициативе Берии постановлениями от 26 мая и 12 июня 1953 года, направленными на то, чтобы «решительно покончить с извращениями ленинско-сталинской национальной политики партии» на Украине, в Литве и Белоруссии. 12 июня на основании записки Хрущева аналогичное решение было принято по Латвии. Основу предложенной концепции десталинизации межнациональных отношений составляли коренизация (вторая после 20-х гг.) партийно-государственного аппарата и введение делопроизводства в союзных республиках на родном языке.

Бериевская коренизация высшего и среднего звена партийно-хозяйственного аппарата, означавшая на практике разгром русских кадров в национальных республиках, началась заменой на посту первого секретаря ЦК КП Украины русского Л. Г. Мельникова украинцем А. И. Кириченко. В Белоруссии началась работа пленума ЦК, решения которого были предопределены постановлением ЦК КПСС от 12 июня. Постановление гласило: «Освободить т. Патоличева Н. С. от обязанностей первого секретаря ЦК КП Белоруссии, отозвав его в распоряжение ЦК КПСС» и «рекомендовать первым секретарем ЦК КП Белоруссии т. Зимянина М. В., члена ЦК КПСС, бывшего второго секретаря ЦК КП Белоруссии, освободив его от работы в Министерстве иностранных дел СССР».

В докладе, подготовленном группой Зимянина для пленума ЦК КПБ, в духе записки Берии, в частности, предлагалось для исправления нарушения принципов ленинской национальной политики ввести белорусскую письменность в государственном аппарате, вести всю переписку только на белорусском языке, совещания, собрания и съезды проводить также исключительно на белорусском. В докладе признавалось, что русским, конечно, труднее будет работать в Белоруссии, поскольку не все они хорошо знают белорусский язык. Отношение к ним в выступлениях сторонников коренизации, по воспоминаниям Патоличева, было таково: «Русские товарищи во многом помогли белорусам. Земной поклон им за это. А сейчас, кому из них будет очень трудно, мы им поможем переехать в другое место». {301 }

Против доклада Зимянина первым выступил имевший со времен войны большой авторитет в республике лидер комсомола, Герой Советского Союза П. М. Машеров, затем другие участники пленума. Тем не менее доклад, подготовленный по директиве центра, был одобрен. Однако еще до окончания работы пленума Патоличеву позвонил Хрущев и сказал: «Берия арестован... Пока никому об этом не говорить... Мы получили информацию от нашего инспектора о том, что пленум ЦК тебя поддерживает... Если пленум попросит ЦК КПСС, то решение может быть отменено». В результате изменения обстановки в Москве Патоличев остался на своем посту до 1956 года. Позднее он говорил первому секретарю ЦК КП Киргизии Т. У. Усубалиеву об инициативах Берии: «Более худшего вида проявления национализма трудно было найти. Осуществление этой бредовой идеи обернулось бы страшной трагедией для миллионов граждан, проживающих в Белоруссии». Берия «вовсе не заботился о развитии национальных языков и национальных кадров. Реализация бериевского “национального” плана привела бы к перемещению миллионов людей из одних республик в другие». Эти оценки Усубалиев зафиксировал в своей книге воспоминаний¹³⁵².

Коренизация партийно-хозяйственного аппарата, осуществленная в духе предложений Берии на Украине, в Белоруссии и Прибалтике (здесь это выразилось, в частности, в том, что второй секретарь ЦК КП Латвии В. Ершов был заменен латышом В. Круминьшем), его попытки ввести в республиках собственные ордена в честь выдающихся национальных деятелей для награждения местных работников культурного фронта, другие меры по развитию национальных традиций в области культуры и языка, которые способствовали бы воспитанию чувства национальной гордости, — все это не проходило бесследно и имело двоякий результат. С одной стороны, это способствовало ликвидации вооруженного националистического подполья в этих республиках. (О его

размахе говорит следующая цифра: в ходе подавления вооруженного сопротивления в Прибалтике в Западной Украине и в Западной Белоруссии до середины 1950-х годов погибло более 25 тысяч советских солдат и офицеров.) С другой стороны, это активизировало буржуазно-националистические элементы в союзных республиках, национал-сепаратистские и русофобские настроения, способствовало возникновению в 50—60-х годах многочисленных националистических кружков и групп, участниками которых была в основном молодежь.

В. А. Голиков, многолетний помощник Л. И. Брежнева, свидетельствует, что после известных записок Берии мгновенно изменилась обстановка в Молдавии: «произошла сильная вспышка национализма». К. У. Черненко, работавший с 1948 года заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК КП Молдавии, с 1950 года — под руководством Брежнева, через некоторое время буквально умолял Голикова: «Слушай, помоги мне. Приходят молдаване и говорят, что я восемь лет сижу, место занимаю. Наглостью их бог не обидел. Помоги куда-нибудь уехать. Только в Россию. Куда угодно»¹³⁵³. Так будущий генсек ЦК стал в 1956 году заведующим одного из секторов Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС, который возглавлял Л. Ф. Ильичев. {302}

Стремясь не допустить разрастания местного национализма, Н. С. Хрущев порой резко реагировал на факты явного нарушения «интернационалистских принципов» кадровой политики. Так, он публично выговаривал азербайджанскому руководителю И. Д. Мустафаеву за то, что в Азербайджане был принят ряд решений, ущемляющих представителей некоренной национальности, в частности, русских. «Никто русских сейчас не может заподозрить, — говорил он, — что они проводят какую-то шовинистическую политику. Вы посмотрите, русские — они нередко в ущерб своей республике оказывали и оказывают помощь братским народам. И сейчас эти народы не только выровнялись, а нередко по жизненному уровню стоят выше отдельных областей Российской Федерации»¹³⁵⁴.

ЗАЧЕМ ХРУЩЕВ ПОДАРИЛ КРЫМ УКРАИНЕ?

Одна из первых инициатив Н. С. Хрущева, оказавшая в целом негативное влияние на развитие национальных отношений в стране, была связана с празднованием в начале 1954 года 300-летия воссоединения Украины с Россией. По этому поводу 12 января от имени ЦК КПСС были опубликованы «Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией». В них в очередной раз подчеркивалась огромная прогрессивная значимость решений Переяславской рады, выразившаяся, главным образом, в трех исторических фактах. «Соединившись с Россией в рамках единого Российского государства, Украина была спасена от порабощения шляхетской Польшей и поглощения султанской Турцией». «Рост силы и могущества СССР дал возможность претворить в жизнь вековые чаяния украинского народа о его национальном воссоединении» (включение в Советскую Украину Западной Украины в 1939 г., Буковины и Измаильской области в 1940 г., Закарпатской Украины в 1945 г.). «Только благодаря братской помощи великого русского народа и других народов СССР Украина была освобождена от фашистского ига»¹³⁵⁵.

Успехи Украины (17-кратный рост промышленности в советское время, опережение всех стран Европы по количеству студентов и др.), согласно «Тезисам», являлись еще одним доказательством того, что «только социализм обеспечивает свободную и счастливую жизнь, развитие и расцвет всех народов и наций, подлинную дружбу народов, их сотрудничество и взаимопомощь», что СССР «являет собою вдохновляющий пример страны, в которой впервые в истории человечества разрешен национальный вопрос»¹³⁵⁶.

В пропагандистской литературе степень единства народов Советского Союза приобретала законченное выражение. Говорилось, что следствием преобразований жизни советских народов после 1917 года «явилось полное и окончательное разрешение национального вопроса». В 1951 году со страниц партийного журнала было объявлено, что единство народов СССР приобрело принципиально новое качественное состояние. «В ходе социалистических преобразований в нашей стране сложилась невиданная в истории общность людей — советский народ — содружество двух классов, {303} рабочих и крестьян, и подлинно народной интеллигенции, содружество всех народов СССР. Советские люди всех национальностей являются тружениками единой социалистической системы хозяйства, имеют единую систему государственной жизни — советское государство, единую идеологию — марксизм-ленинизм, единую цель — построение коммунизма, единую партию, выражающую их кровные интересы и ведущую их от победы к победе, — партию Ленина — Сталина. Все народы имеют единое Отечество — Советский Союз»¹³⁵⁷.

Противоречия в национальных отношениях стали связываться только с наличием предрассудков в сознании отдельных советских людей и кознями капиталистического окружения. «Пока существует капиталистическое окружение, — говорилось в “Тезисах о 300-летию воссоединения Украины с Россией”, — империалистические государства и в дальнейшем будут забрасывать к нам шпионов и диверсантов, пытаться использовать в антисоветских целях остатки разгромленных враждебных группировок, активизировать буржуазно-националистические элементы, оживить националистические предрассудки в сознании отдельных людей и использовать их для подрыва дружбы народов СССР»¹³⁵⁸.

К долговременным негативным последствиям привела передача Крымской области из состава России в состав Украины по решению Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1954 года. В корне противоречащая интересам русского народа операция принималась под абсурдным, с точки зрения национально-государственных интересов России, предлогом. Передача якобы учитывала «общность экономики, территориальную близость и тесные хозяйственные и культурные связи между Крымской областью и Украинской ССР». Несмотря на якобы «полное единодушие» в одобрении этого, как полагал депутат П. Тычина, «великодушного дара великого брата», в Верховный Совет долго шли письма (они изучались историком А. П. Мякшевым), свидетельствующие вовсе о другом. Например, в письме, переданном в архив с трусливой резолюцией «В дело» от 9 августа 1964 года, парламентариям задавался вопрос: «Как может Россия, имея самую лучшую, самую большую ценность, составляющую ее украшение — Крым, по территории превышающую Бельгию или Швейцарию, это целое государство — отдать... Как же могли подарить эту русскую драгоценность, русское достояние без ведома русского народа?» Сами авторы письма отвечали на вопрос недвусмысленно: «Русский человек не мог подарить Крым. Это антигосударственный акт, направленный к опасной цели», и предлагали отменить ошибочное решение, в противном случае — поставить вопрос на референдум¹³⁵⁹. Такие письма оставались, конечно, без внимания.

Реальной причиной хрущевского дара Украине крымской территории с преобладающим русским населением (всего в Крыму, по данным на 1954 г., насчитывалось 1,2 миллиона жителей, из них 71,4 % составляли русские) было стремление загладить личную вину за санкционированные в 1938—1940 годах репрессии. Их жертвой стали 167 565 жителей Украины, в том числе более двух тысяч представителей руководства республики и несколько {304} сот человек, которые подозревались в организации «террористического акта» против Хрущева. С передачей Крыма Украине («завоевания на свою сторону Украины», как говорил Д. Т. Шепилов) Н. С. Хрущев не только рассчитывал на поддержку представителей республики в Президиуме ЦК КПСС, но и получал 36 гарантированных голосов членов ЦК от украинской партийной организации на пленумах ЦК, насчитывавшем всего 175 членов.

Называются и другие причины передачи. Одну из них связывают со стремлением Н. С. Хрущева уклониться от неоднократных обещаний со стороны советских властей американским сионистским организациям разрешить колонизацию Крыма евреями в обмен на помощь СССР кредитами, военными поставками, секретами изготовления атомной бомбы и др. Передав Крым Украине, правительство СССР обрело формальное право закрыть вопрос об обязательствах Советского Союза перед еврейскими организациями в США о создании в Крыму еврейской государственности¹³⁶⁰.

По версии, озвученной сыном Хрущева, передача связана со строительством Северо-Крымского канала. Вести его предполагалось не из Волги, а из Днепра. «Чтобы проще было управлять работами, возникла идея переподчинить полуостров, причем это случайно совпало с 300-летием Переяславской Рады». В 1991 году, когда в Беловежской пуще три руководителя договаривались о развале Союза, Кравчук спросил у Ельцина: «А как с Крымом будем поступать?» Тот ответил: «Да забирай». «Так что подарил полуостров не Хрущев, а Борис Николаевич», — утверждает С. Н. Хрущев¹³⁶¹.

ПЕРВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РЕАБИЛИТАЦИИ РЕПРЕССИРОВАННЫХ НАРОДОВ

Одним из основных направлений национальных движений в СССР в 1950-е годы стало движение депортированных народов за предоставление конституционных прав. Письма и жалобы от спецпоселенцев на незаконность депортаций стали поступать в центральные партийные и государственные органы практически с момента выселения. Со временем они потекли непрерывным потоком. В 1952 году в различные инстанции ежемесячно направлялось около 6 тысяч жалоб, в 1954 году —

около 11 тысяч. В 1953 году делегация калмыков-иммигрантов добилась приема в ООН и в Госдепартаменте США и просила повлиять на комиссию по защите прав человека при ООН, чтобы та добилась освобождения калмыцкого и других репрессированных народов СССР. Однако до 1954 года депортированные народы, которым по ранее принятым решениям предстояло остаться в местах высылки навечно, не доставляли властям особых волнений. Жестокими мерами удавалось предотвращать даже побегии на родину.

Новая ситуация стала складываться после 10 апреля 1953 года, когда были отменены «как неправильные» партийные и правительственные постановления 1951 года о выселении из Грузии около 11 тысяч граждан — «враждебных элементов», якобы связанных с мингрелонационалистической группой. Реабилитирующее постановление Президиума ЦК КПСС от 10 апреля 1953 года предписывало «всех незаконно выселенных граждан вернуть к прежнему месту жительства». Правительство Грузии обязывалось «вернуть {305} гражданам, возвращенным в Грузию из спецпоселений, имущество, конфискованное у них при выселении».

В 1954 году начался половинчатый и противоречивый процесс реабилитации и возвращения гражданских прав другим выселенным народам. В этом и следующем году были сняты с учета по спецпоселению без права возвращения к прежним местам жительства все немцы, крымские татары, калмыки и балкарцы. 5 июля 1954 года были сняты административные ограничения с детей карачаевцев, чеченцев и ингушей в возрасте до 16 лет. 10 марта 1955 года чеченцы, ингуши и карачаевцы, как и все спецпоселенцы, получили право иметь паспорта, а 9 мая 1955 года постановлением Президиума ЦК КПСС были ликвидированы ограничения для членов КПСС. Затем последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении» от 13 декабря 1955 года. Однако право на выезд в места прежнего обитания народы не получили. Рассматривалась возможность создания национально-административных образований этих народов в местах высылки. Репрессированные народы категорически возражали против этого и требовали, по примеру мингрельцев, возвращения на земли своих предков и восстановления ранее существовавших автономных республик и областей.

XX съезд партии (февраль 1956 г.) дал новый мощный толчок движению наказанных народов. Весной этого года были изданы Указы Президиума Верховного Совета СССР: «О снятии ограничений в правовом положении с калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселении» (от 17 марта 1956 г.); «О снятии ограничений в правовом положении с греков, болгар, армян и членов их семей, находящихся на спецпоселении» (от 27 марта 1956 г.); «О снятии ограничений по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок — граждан СССР, курдов, хемшилов и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны» (от 28 апреля 1956 г.); «О снятии ограничений по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны» (от 16 июля 1956 г.).

Осуждение сталинской политики депортации народов было воспринято как отмена несправедливых решений военных лет. Положения указов о том, «что снятие ограничений по спецпоселению с лиц... не влечет за собой возвращение имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они выселены», воспринимались как имеющие временный характер. Не дожидаясь официального разрешения, тысячи бывших спецпоселенцев стали самовольно возвращаться на прежние места жительства.

Опасаясь выпустить ситуацию из-под контроля, ЦК партии принял 24 ноября 1956 года постановление о восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов. Постановление предусматривало организованное переселение этих народов в течение 3—4 лет, начиная с весны 1957 года, с тем чтобы {306} подготовить необходимые условия для устройства населения на местах. Спецпоселенцы ждать не хотели. Начался их массовый выезд. Власти стали всячески препятствовать этому. На путях следования на железнодорожных станциях Казахстана и России были выставлены 14 оперативных заслонов. Спецпоселенцев снимали с поездов, возвращали обратно. Запрещалось продавать билеты на самолеты и железнодорожный транспорт, идущий в сторону их дома. Все это не могло не обозлить людей.

Стихийное возвращение выселенных народов обострило межнациональную обстановку на Северном Кавказе, где на их место были поселены другие люди. Наиболее спокойно проходило возвращение балкарцев на родные земли. Это объяснялось тем, что партийные органы и местное население, заселившее территории депортированных, положительно относились к их возвращению. Однако стихийное возвращение карачаевцев вызвало конфликты с русскими и грузинскими переселенцами, размещенными на их землях. Еще большее обострение породило возвращение че-

чеченцев и ингушей. Жители Грозненской области, Дагестанской АССР и Северо-Осетинской АССР категорически выступали против их стихийного возвращения.

Первые партии чеченцев и ингушей прибывали небольшими группами по 10—15 человек. Они привозили с собой в мешках останки родственников, умерших в местах ссылки, для их перезахоронения на своей земле. Возвращавшиеся встречались враждебно. Им отказывали в прописке, не брали на работу, однако это их не останавливало. Прибывшие ходили вооруженными по селам и устраивали стрельбу, провоцируя местных жителей на ответные действия и столкновения. Угрозами и силой они вселялись в свои дома, выгоняя из них проживавшие там семьи дагестанцев, русских. Некоторые из возвратившихся пополнили действовавшие в горах со времен войны «повстанческие» отряды, которые частенько занимались грабежом, угоном скота из колхозов. Их жертвами были и рядовые колхозники. Очаги межнациональной напряженности вызвали массовый выезд русского населения из республики.

Борьба народов за поправленные права дала свои первые результаты. 9 января 1957 года Президиум Верховного Совета СССР рекомендовал восстановить национальную автономию балкарского, ингушского, калмыцкого, карачаевского и чеченского народов. В соответствии с этим решением Президиум Верховного Совета РСФСР принял указы о преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР, о восстановлении Чечено-Ингушской АССР, о преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область и восстановлении Калмыцкой автономной области.

Чечено-Ингушская республика была восстановлена с расширением ее территории. Переданная в свое время в Северную Осетию часть Пригородного района (977,5 квадратных километров) была оставлена в составе этой республики. В то же время к исторической территории расселения чеченцев и ингушей были присоединены три равнинных района {307} поймы реки Терек из состава Ставропольского края. Эти районы (Наурский, Надтеречный и Шелковской, которые вместе составляли 5,2 тысячи квадратных километров или 27 % всей территории ЧИАССР, составлявшей 19,3 тысячи квадратных километров), были населены в основном русскими. Включение районов позволяло сделать экономику республики более устойчивой. С увеличением русского населения в республике власти также надеялись усилить влияние Центра на общественную жизнь автономии. В этих актах и расчетах в очередной раз дала о себе знать давнишняя традиция решать национальные проблемы в стране за счет русского народа.

Вскоре после воссоздания национальная государственность репрессированных народов удостоилась государственных наград. В ознаменование 400-летия добровольного присоединения к России ордена Ленина были удостоены Кабардино-Балкария (июль 1957 г.), Карачаево-Черкесия (сентябрь 1957 г.). В связи с 350-летием добровольного вхождения в Россию орденом Ленина была награждена Калмыкия (август 1957 г.). 29 июня 1958 года последняя была преобразована в Калмыцкую АССР. Чечено-Ингушетия была удостоена ордена Ленина в 1965 году. Награды означали стремление власти подвести черту под прошлыми невзгодами репрессированных народов. Однако это мало способствовало налаживанию добрососедства и «расцвету дружбы» национальностей в этом регионе.

Продолжавшиеся мелкие националистические эксцессы при попустительстве властей привели к настоящему межэтническому столкновению в августе 1958 года между русским населением Грозного и чеченцами и ингушами. Поводом к нему послужило убийство ингушом русского. Похороны убитого превратились в погром чеченцев и ингушей со стороны русских. В течение трех дней обыденная жизнь в городе была парализована. Митингующие требовали выселения всех чеченцев и ингушей из республики, местные власти бежали из города. Срочно стали прибывать войска. Из Москвы в Грозный прибыли Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР М. А. Яснов и секретарь ЦК КПСС Н. Г. Игнатов. Волнения удалось прекратить, однако противостояние коренного и «пришлого» (русского) населения в республике преодолеть не удалось. Тем не менее в последующие годы возвращение чеченцев и ингушей на Северный Кавказ происходило более организованно и сопровождалось меньшими эксцессами. К 1963 году возвращение было в основном завершено. Из 418 тыс. чеченцев, проживавших в Казахской и Киргизской ССР, в Чечено-Ингушетию прибыли 384 тысячи (91,7 %), из 106 тысяч ингушей — 84 тысячи (79,2 %). Еще 8 тысяч ингушей (7,5 %) направились в Дагестан и Северную Осетию.

Камнем преткновения в отношениях между ингушами и осетинами стала правобережная часть Пригородного района до 1944 года принадлежавшая ингушам и оставшаяся в составе Северо-Осетинской ССР после воссоздания Чечено-Ингушской АССР. Ингуши не переставая посыла-

ли заявления в ЦК КПСС и правительство с требованием о передаче района Чечено-Ингушетии, организовывали поездки делегаций своих представителей в Москву. {308}

Национальное движение советских немцев долгое время ограничивалось борьбой за восстановление своей автономии в Поволжье. Движение включало только легальные методы борьбы: письма, обращения, петиции, делегации, демонстрации. Декабрьский указ Президиума Верховного Совета СССР 1955 года снял с немцев ограничения в правовом положении. Реабилитационное движение имело своим результатом Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 года «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года “О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья”», снимавший клеймо предателей и изменников со всего народа. До этого времени советские немцы испытывали скрытую дискриминацию. Ущемление касалось развития культуры, языка, поступления в высшие учебные заведения, при приеме в партию и на руководящие партийные и хозяйственные посты. При призывах на службу в Советскую Армию немецкую молодежь не брали в элитные подразделения (воздушно-десантные, пограничные и другие войска). Нежелание властей восстанавливать автономию немцев в Поволжье вызвала эмигрантские настроения. Этому в немалой степени содействовала пропагандистская деятельность радиостанции «Немецкая волна», религиозных, культурных и других организаций ФРГ, а также религиозные общины, значительно укрепившие свое влияние среди немецких «спецпереселенцев» за годы ссылки. Особой активностью в этом отличалась секта меннонитов.

В сложных условиях проходила борьба крымских татар за восстановление автономии и право жить на своей земле. Отмена спецпоселенческого статуса с огульно обвиненного в годы войны в измене родине народа не могла его удовлетворить. Подозрительное отношение властей ко всем лицам крымско-татарской национальности подогревалось воспоминаниями бывших командиров партизанских отрядов в Крыму. Клеймо предателей и изменников, лежавшее на всем народе со времен войны, было снято постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года «О порядке применения статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года». Беспрестанные обращения в высшие партийные и государственные инстанции с просьбами о восстановлении в Крыму автономии крымских татар не имели положительных последствий. Нелегально переехавших в Крым татар, как правило, сразу же выдворяли.

Запрещение властей Украины, которой в 1954 году была передана Крымская область, на переезд татар в Крым стало причиной национального движения, возглавлявшегося «инициативными группами» из представителей крымско-татарской интеллигенции, бывших руководящих партийных и советских работников Крыма. Первая из таких групп была создана в Узбекистане в 1956 году. Активисты движения с самого начала избрали конституционные методы борьбы. Так, в 1958 года в адрес ЦК КПСС от крымских татар поступило два письма с просьбой о возвращении всего народа на родину с 16 и 12-ю тысячами подписей. В 1959 года аналогичное письмо подписали 10 тысяч человек, в 1961 года — 18 тысяч. Помимо {309} петиций, устраивались митинги и демонстрации, которые приурочивались к знаменательным датам — годовщине образования Крымской АССР, ко дню рождения В. И. Ленина, считавшегося основателем Крымской республики. Эти акции нередко заканчивались разгоном участников.

Чтобы вообще как-то снять эту проблему, власти предпринимали попытки представить крымских татар частью татарской нации. Желаящим уехать из Средней Азии крымским татарам разрешалось поселиться на территории Татарской АССР. Все это никак не устраивало крымских татар, которые требовали создания условий для развития своего языка и культуры. В начале 60-х годов крымско-татарское движение приняло более организованные формы. Это проявилось в попытке создания массовой организации «Союз крымских татар» со своей программой и уставом. В 1962 году в Узбекистане два главных ее участника М. Х. Омеров и С. А. Умеров (7 апреля они создали «Союз крымско-татарской молодежи» и к августу провели пять заседаний «руководящего ядра организации») были арестованы и осуждены. Репрессии в отношении активистов крымско-татарского движения вынуждало его лидеров искать иные пути и методы борьбы.

За возвращение выступали и представители других выселенных из Крыма национальных групп — греков, болгар, армян. Без внимания со стороны властей оставались настойчивые требования греков вернуть изъятые у них дома и земли. Неудовлетворенность половинчатой реабилитацией усилила среди них эмиграционные настроения. Власти препятствовали выезду. В 1959 году 58 советских греков, визировавших в Ташкенте свои паспорта для выезда в Грецию, были попросту арестованы. Попытка греческого посольства в Москве организовать репатриацию греков из СССР успеха не имела. За создание своих автономий в 50—60-х годах выступали представители

месхетинских турков (огрузиненные турки, или отуреченные грузины), курдов и хемшилов (исламизированные армяне), депортированных в свое время из республик Закавказья. Однако власти в Москве и в закавказских союзных республиках игнорировали такие требования малых народов, считая для данных случаев национальный вопрос в стране успешно и окончательно решенным.

Национально-государственное устройство СССР за послевоенные годы принципиально не изменилось. В начале 60-х годов в стране имелось 15 союзных и 19 автономных республик (из них 15 в РСФСР, две в Грузии, по одной в Азербайджане и Узбекистане). Число последних по сравнению с довоенными годами увеличилось за счет преобразования в июле 1956 года Карело-Финской союзной республики в Карельскую автономную республику, включенную в РСФСР, и преобразования в октябре 1961 года Тувинской автономной области РСФСР в автономную республику. В стране насчитывалось также 8 автономных областей. Пять из них входили в состав российских краев: Адыгейская — в Краснодарский, Карачаево-Черкесская — в Ставропольский, Горно-Алтайская — в Алтайский, Хакасская — в Красноярский; Еврейская — в Хабаровский. Три автономные области были составными частями других союзных республик: Юго-Осетинская — в Грузии, {310} Нагорно-Карабахская — в Азербайджане, Горно-Бадахшанская — в Таджикистане. Неизменным с довоенных времен оставался перечень национальных округов. Все они входили в состав областей и краев РСФСР. На ее европейской территории располагаются Ненецкий автономный округ (Архангельская область) и Коми-Пермяцкий (Пермская область); на северо-западе Сибири — Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий (Тюменская область), Эвенкийский и Таймырский (Долгано-Ненецкий) (Красноярский Край); на северо-востоке Сибири — Корякский (Камчатская область) и Чукотский (Магаданская область). Кроме того, в Сибири находятся Агинский (Бурятский) (Читинская область) и Усть-Ордынский (Бурятский) национальный округ (Иркутская область).

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИКАХ

Одной из проблем в национальных отношениях 50—60-х годов оставался «прибалтийский вопрос». Недавнее буржуазное прошлое Литвы, Латвии и Эстонии, традиции либерально-демократического управления, большое влияние в обществе служителей церкви, наличие многочисленных диаспор за рубежом, поддерживающих тесные связи с родиной; позиция США и стран Западной Европы, не признававших легитимности вхождения республик в СССР в 1940 году — все эти факторы действовали против ускоренной социалистической модернизации прибалтийских советских республик, способствовали росту национал-сепаратистских общественных настроений, поддерживали националистическое подполье в республиках. Этому же способствовали бериевская коренизация высшего и среднего звена партийно-хозяйственного аппарата и возвращавшиеся из ссылки бывшие участники вооруженного националистического подполья, которые выдвигались на ответственные посты в сфере образования и культуры.

Осуждение Сталина XX съездом партии многими руководителями в республиках Прибалтики было воспринято как карт-бланш на дальнейшую коренизацию руководящих кадров, устранение русификаторских издержек сталинской эпохи. Съезд породил большие надежды на коренное изменение всей проводимой до середины 1950-х годов политики центра в отношении прибалтийских республик.

Прибалтика живо откликнулась на события осени 1956 года в Польше и Венгрии. Особенно сильным всплеск национального движения был в Литве и Эстонии. В конце октября в Вильнюсском университете появились лозунги и листовки с заголовками: «Да здравствует революция в Венгрии, последуем ее примеру!», «Литва — литовцам, русские оккупанты, убирайтесь вон!» В начале ноября 1956 года в Каунасе и Вильнюсе состоялись многотысячные шествия католиков, требующих свободы отправления религиозных обрядов. Демонстранты пели гимн буржуазной Литвы, националистические песни, выкрикивали лозунги «Последуем примеру Венгрии!», «Русские, убирайтесь вон из Литвы!». В Каунасе участники молодежной демонстрации (до 4000 человек) с лозунгами «Долой Москву!», «Долой коммунистов!» пытались прорваться к центру города. После столкновения с милицией {311} группе в 100—150 человек удалось пробиться к зданиям комитета госбезопасности и горкома партии, однако она была рассеяна силами правопорядка. На улицах эстонской столицы тоже слышались националистические песни. В Тарту появились листовки с лозунгами: «Долой русских правителей!», «Смерть русским оккупантам!», «Вон русские из Эстонии!»

Особую тревогу коренного населения вызывал значительный наплыв русскоязычной рабочей силы на промышленные стройки в Прибалтике. По данным переписи населения 1959 года, доля коренной национальности в Литве составляла 79,3 %, в Эстонии — 74,6 %, в Латвии — 62 %. Особенно велика была доля инонационального населения в крупных городах. Лиц коренной национальности в Риге насчитывалось около 44,7 %, в Вильнюсе — 33,6 %. Возникшую острую жилищную проблему местным националистам представлялось «легко решить, если выгнать всех русских». Чтобы избежать потери Ригой своего национального облика, Рижский горком партии принял решение, согласно которому всем латышам предписывалось изучать в течение двух лет латышский язык, не усвоивших за это время язык освободить от работы с предложением покинуть республику. Решение вводило ограничение прописки латышей в городе. В апреле 1959 года ЦК КП Латвии принял аналогичное решение, распространяющееся на республику в целом. Подобные решения вынашивались в Таллинском райисполкоме. В письмах, поступающих в ЦК КПСС из республик Прибалтики, сообщалось о проявлениях неприязненного отношения со стороны коренного населения к русским в автобусах, в магазинах и других общественных местах. Решением, принятым ЦК КП Азербайджана в июне 1959 года, предписывалось, что все граждане республики — неазербайджанцы — обязаны в течение полугода выучить и сдать письменный и устный экзамен по азербайджанскому языку, не выдержавшие экзамен подлежали освобождению от работы, т.е. увольнению. Вскоре, однако, решения эти были отменены, первые секретари компартий республик Я. Э. Калнберзиньш и И. Д. Мустафаев сняты со своих постов.

Негативное отношение к русскоязычному населению в Прибалтике формировалось еще и тем, что большинство работников милиции состояло из лиц некоренной национальности. Это создавало зримый образ «оккупанта» в лице русскоязычного населения. Действенность советской пропаганды в Прибалтике была невелика. Куда как действеннее были западные радиостанции и обширная переписка с зарубежными соотечественниками из капиталистических стран. Ими питались антисоветские слухи и разговоры. Наиболее распространенным был слух о скорой войне с последующим освобождением Прибалтики американцами от «русских колонизаторов».

Союзное и республиканское партийное руководство стремилось не допустить разрастания националистических настроений усилением идеологической работы и организационными мерами. Июньский пленум ЦК КП Латвии (1959) определил проявлением национализма предложения руководящих работников Латвии увеличить капиталовложения в легкую промышленность вместо строительства в республике крупных {312} промышленных объектов, намеченных семилетним планом. В октябре 1959 года очередной партийный пленум осудил за националистическую кадровую и языковую политику ряд партийных руководителей республики. Заместитель председателя Совета министров В. Берклавс, министр сельского хозяйства А. А. Никонов, директор академического института экономики П. П. Дзерве, министр просвещения В. К. Круминьш, выступавшие с предложениями не развивать в Латвии тяжелую индустрию, требовавшую импорта рабочей силы, были сняты с занимаемых постов и переведены на другую работу. Принятые под нажимом Москвы меры устранили наиболее яркие проявления национализма, однако не смогли полностью ликвидировать их. Учитывая настроения большинства коренного населения, руководители прибалтийских республик стремились и в последующем проводить политику «мягкой» дерусификации, всячески демонстрируя при этом показной интернационализм и лояльность центральным властям.

Широкий спектр различных течений и форм имело украинское национальное движение. Замена на посту первого секретаря ЦК КПУ русского украинцем в июне 1953 года положила начало возрождению политики украинизации в республике и большему учету в работе национальной специфики областей, в первую очередь Западной Украины. Репрессивная политика советского руководства на Украине, связанная с послевоенной борьбой с вооруженным националистическим подпольем в Западной Украине и новой кампанией борьбы с «украинским буржуазным национализмом» в Восточной Украине, смягчилась и сошла на нет.

Однако часть западных украинцев продолжали сохранять неприязненное отношение не только к русским кадровым работникам, но и к восточным украинцам, зачисляемым в разряд «москалей». Националистическое мировоззрение объясняется недавностью присоединения Западной Украины к СССР, негативной реакцией на форсирование после войны социалистической перестройки края, сохранением влияния на широкие слои населения запрещенной в 1946 году, но действующей в подполье униатской церкви.

Главными целями национального движения на Украине была, в основном, легальная борьба за сохранение национальной культуры, языка. В начале 60-х годов творческая интеллигенция по-

вела движение за чистоту родного языка, против его русификации. В феврале 1963 года состоялась конференция по вопросам украинского языка в Киеве. На ней присутствовало более тысячи работников украинской культуры — писателей, учителей, языковедов. Конференция возбудила ходатайство перед ЦК КП Украины и правительством страны о том, чтобы «во всех учреждениях и предприятиях, на железной дороге и других видах транспорта, в торговле все дела вести на украинском языке». Участники конференции предлагали также открыть средние школы с преподаванием на украинском языке во всех республиках СССР, где живут украинцы. Предложения, выдвинутые на этой конференции, со временем стали требованиями диссидентов, появились на страницах самиздата. {313}

Движение украинских «шестидесятников» вовлекало в свои ряды значительную часть национальной интеллигенции. Ратующие за сохранение национальной культуры интеллигенты собирались в мастерских художников, выставочных залах, музеях, квартирах почитателей украинской старины. Большую известность приобрел киевский клуб творческой молодежи во главе с молодым режиссером Лесем Танюком. В клубе проводились литературные и поэтические вечера, организовывались выставки украинских художников. При нем образовался студенческий межвузовский фольклорно-этнографический кружок и разъездной хор «Жаворонок». Клуб положил начало Шевченковским чтениям 22 мая у памятника поэту. На ставших традиционными чтениях со временем все более откровенно зазвучали диссидентские мотивы. Это стало причиной закрытия клуба властями в 1965 году.

Одним из направлений украинского национального движения была борьба за независимость путем выхода из состава СССР. Движение имело многочисленных сторонников в Западной Украине. Здесь и после разгрома националистического вооруженного движения ОУН были случаи убийства советских работников, поджоги партийных и хозяйственных зданий, другие антисоветские акты. Действовали нелегальные группы, прежде всего студенческие, носившие ярко выраженный националистический характер. Они занимались вывешиванием национальных флагов, распространением листовок с антисоветским содержанием. Так, в марте 1957 года в ряде городов Львовской области распространялись листовки с призывом организовывать комитеты «За самостоятельную Украину». Листовки подобного содержания были обнаружены в городе Сумы. Деятельность групп большого успеха не имела, она легко пресекалась органами КГБ, однако факт их существования говорил о наличии в этих областях оппозиции к существующей власти. Относительно спокойнее обстояло дело в восточных областях Украины, хотя и здесь (например, в Харькове в 1957 г.) были случаи распространения листовок с антисоветским и националистическим содержанием.

Молодежь, вовлекавшаяся в подпольные группы экстремистского толка, вдохновлялась именем Степана Бандеры, вокруг которого создавался ореол последовательного и негибаемого борца за свободу и независимость Украины от «русско-коммунистического ига». Так, в 1962 году органы госбезопасности ликвидировали молодежную организацию в Львовской области, носившую имя Бандеры. Ее участники имели подпольные клички, принимали присягу на верность «самостоятельной Украине», обсуждали способы борьбы против советской власти, приобретения оружия, шрифта, изготовления и распространения листовок.

Иногда поводом для образования национал-сепаратистских групп служила действовавшая Конституция страны. Так, в 1959 году шестеро жителей Львовской области образовали Украинский рабоче-крестьянский союз, который ставил целью добиваться независимости Украины конституционным путем. Будучи арестованным, лидер союза адвокат Л. Г. Лукьяненко заявил следователю, что действовал в правовом поле 14-й статьи Конституции {314} УССР и 17-й статьи Конституции СССР. В ответ на это заявление прозвучало: «Конституция существует для заграницы!», что во многом было характерно для правосознания советского времени.

Однако рубеж 50—60-х годов для украинского национального движения в целом был временем перехода от подпольного этапа к мирному, открытому демократическому движению за национальные права.

В 1960-е годах отмечены случаи отдельных национал-сепаратистских выступлений в Белоруссии и в Молдавии. Однако они не носили столь массового характера, как в Прибалтике и на Украине. Лишь небольшая прослойка национальной интеллигенции и учащейся молодежи выступала в защиту национальной культуры и языка. Так, в сентябре 1963 года органами госбезопасности были арестованы участники Белорусской революционной партии. Ее члены стояли на позициях вооруженной борьбы с советской властью и пытались создать в республике разветвленную нелегальную организацию. Попытка националистической деятельности зарегистрирована в Мин-

ском госуниверситете, где в октябре 1963 года была раскрыта группа из 13 белорусских студентов, которые на своих собраниях осуждали национальную политику СССР. Характерной особенностью Молдавии была этнокультурная близость молдаван с румынами. «Национализм» в республике чаще всего проявлялся в разговорах о том, что Молдавии необходимо воссоединиться с Румынией. В соседней республике такие разговоры подогревались официальными деятелями и печатью.

Одним из «слабых мест» советской национальной политики в 1950-е годы стала Грузия. Почитание Сталина в этой республике носило поистине всенародный характер. Разоблачение его преступлений на XX съезде партии было воспринято как национальное оскорбление. Недовольство центральной властью вылилось в трагические события в Тбилиси 9—10 марта 1956 года, сопровождавшиеся многочисленными человеческими жертвами. Молодежные просталинские митинги и демонстрации с участием множества комсомольцев и коммунистов прошли во многих других городах Грузии. Местами они носили откровенно антирусскую направленность. Вместе с лозунгами «Долой Хрущева!», «Молотова — во главе КПСС!» демонстранты несли и лозунги «Русские, убирайтесь из Грузии!». Националистические настроения в массах не утихали в течение многих лет. К обиде «за Сталина» прибавилась боль за расстрелянных соотечественников в Тбилиси. В 1963 году в Грузии была пресечена деятельность подпольной группы молодых грузинских поэтов. Они занимались изготовлением и распространением антисоветских листовок, осуждающих выступления против Сталина на XXII съезде КПСС.

Борьба за сохранение чистоты грузинского языка привела к возникновению различного рода нелегальных культурных обществ. Одно из них, «Мекартвела сазогадобеа», существовало в Батуми в 1961—1962 годах. В него, кроме представителей интеллигенции, входили государственные служащие. За употребление русских слов на собраниях организации взимался штраф в пользу «общества борющихся за чистоту грузинского языка». {315}

Грузинское руководство во главе с лидером коммунистов В. П. Мжаванадзе снисходительно наблюдало за попытками части грузинской интеллигенции выступать против «русификации» и в тоже время решительно пресекало любые радикальные формы проявления национализма. Поэтому экстремизм не стал характерным признаком грузинского национального движения.

Армянское национальное движение инспирировалось главным образом идеей возвращения всех исконных армянских земель в единое армянское государство. Имелись в виду Карс, Ардаган, Саракамыш, оказавшиеся в составе Турции, а также Нахичевань и Нагорный Карабах, включенные в Азербайджан. Вокруг идеи о возвращении этих территорий с редким единодушием объединялись партийные и религиозные деятели, радикальные армянские националисты, представители творческой интеллигенции и заграничных армянских диаспор. Подавляющее большинство армян за рубежом жило мыслями о возвращении на историческую родину. Только в первой половине 1950-х годов в Армению возвратились 100 тысяч репатриантов. Они во многом способствовали усилению в республике националистических настроений и популярности заграничной националистической партии «Дашнакцутюн».

Карабахский вопрос был поставлен руководителем компартии Армении в ноябре 1945 года. Г. А. Арутинов писал И. В. Сталину, что Нагорно-Карабахская автономная область, примыкающая к территории Армении, с 1923 года входит в состав Азербайджана; население этой области в основном армянское (137 тысяч, 89,5 %), и просил рассмотреть вопрос о включении области в Армению. Запрошенный в этой связи первый секретарь ЦК КП Азербайджана М. Багиров соглашался на передачу при условии включения в Азербайджан трех примыкающих к нему районов Армении с преимущественно азербайджанским населением. Начались переговоры, но вопрос остался нерешенным. Предложение вернуть армянам территории, занятые Турцией, было сделано в ООН в выступлении Арутинова в 1948 году. Нерешенность этих вопросов значительная часть армян связывала с нежеланием советского руководства разрешить армянскую проблему. Это подогревало антисоветские и националистические настроения в массах.

В национальном движении Азербайджана доминирующими являлись мусульманский фактор и социокультурная отчужденность местного населения от советского мировоззрения. Устойчивой национальной оппозиции в Азербайджане в рассматриваемый период не было. Политическая «неразвитость» национального движения в Азербайджане сближала его с национальными движениями республик Средней Азии и Казахстана. Противостояние союзной власти здесь было слабым. Наиболее остро в республике стоял армяно-азербайджанский этнический конфликт. С молчаливого одобрения азербайджанского руководства в республике фактически проводилась политика этнической дискриминации национальных меньшинств — армян, лезгин, талышей. Политика азербайджанизации проявлялась в том, что руководящие партийные и хозяйственные посты {316} в

высшем и среднем звене были заняты преимущественно представителями коренного этноса, несмотря на то, что свыше 40 % жителей республики не были азербайджанцами.

«Незрелость» национальных движений в Средней Азии и Казахстане объясняется их сравнительно поздним (в 1920—1930-е гг.) вступлением в процесс национального строительства. Это строительство повлекло за собой четкую политическую и территориальную идентичность коренного населения. Советская политика коренизации привела к складыванию национальной интеллектуальной и политической элиты. Впечатляющим был и подъем культуры, науки, образования. Местное население в основном положительно восприняло блага индустриальной и урбанизированной культуры. В то же время форсированная модернизация традиционных среднеазиатских культур привела к заметной утрате народами собственных этнических и культурно-экологических ценностей. Навязчивая пропаганда центром идей о старшем брате в содружестве народов, о прогрессивном влиянии русской культуры, языка вызвала обратную реакцию.

Огромное влияние на поведение, характер и стереотипы народов Средней Азии оказывал ислам, являющийся не просто религией, но и образом жизни, мировоззрением, системой этических и эстетических норм. Государственная антирелигиозная политика привела к вытеснению ислама из идеологии и политики в сферу семейно-бытовых отношений. Но эта сфера оставалась практически неприступной для советско-коммунистического мировоззрения. Благодаря этому коренные этносы Средней Азии и Казахстана во многом сохранили фундаментальные традиционные жизненные ценности: многодетную семью, иерархичность и коллективизм социальной организации, культурные и профессиональные предпочтения. Этим же можно объяснить и отсутствие национального движения, выступающего за отделение от СССР. Оппозиция советской власти принимала форму социокультурного и мировоззренческого противостояния традиционного уклада русскоязычной этнической культуре и коммунистической идеологии.

С ослаблением диктата центра над республиками Средней Азии и Казахстана и расширением прав союзных республик в 1957 году (в связи с совнархозами) протест против политической опеки центра со стороны партийных лидеров коренной национальности выражался в требованиях дальнейшего расширения прав регионов, увеличения инвестиций, сокращения притока русских, в выступлениях против тенденции к языковой русификации. Москва еще достаточно жестко реагировала на эту тенденцию. В 1958—1961 годах высшие партийные руководители Туркмении, Узбекистана, Киргизии и Таджикистана (также как и в Азербайджане, Латвии и Молдавии) были обвинены в националистических проявлениях и сняты с занимаемых должностей. На соответствующих пленумах ЦК компартий осуждались имевшие место нарушения национальной политики в этих республиках. Кадровые перемещения вызвали болезненную реакцию со стороны коренной интеллигенции и номенклатуры, которая усматривала в них проявление имперской сущности центра и русскоязычного населения. {317}

Так, с перемещением Н. А. Мухитдинова с поста лидера коммунистов Узбекистана в Президиум ЦК КПСС (17 декабря 1957 г.) и с выдвижением к руководству его протеже С. К. Камалова, в республике началась вторая масштабная коренизация кадров. Местное население воспринимало ее как начало эпохи национального «предвозрождения», отличительным признаком которой стало массовое и демонстративное соблюдение мусульманских обрядов: посещение мечетей, обрезание, бракосочетание и погребение умерших по обычаям предков. Коммунисты в этом отношении вели себя так же, как и «отсталые носители феодально-байских пережитков». С согласия партийного руководства начал возрождаться предусмотренный Кораном сбор пожертвований на благотворительные цели, который в основном предназначался для финансирования религиозных мероприятий. Многие «красные чайные» превратились в центры по пропаганде основ ислама и отправления религиозных обрядов. Заведующий отделом культуры ЦК КП Узбекистана внес на рассмотрение высших партийных инстанций вопрос о замене кириллической основы узбекской письменности арабским алфавитом. Мотивировалось это необходимостью создания кадров арабистов для работы в арабских странах.

Такая «коренизация» не имела поддержки и была осуждена московским руководящим центром в лице М. А. Сулова. В республике против нее выступил председатель Президиума Верховного Совета, народный писатель Узбекистана Ш. Р. Рашидов. 14 марта 1959 года на республиканском пленуме ЦК Камалов был снят с руководящих постов «за допущенное засорение кадров политически неблагополучными элементами» и «примиренчески-покровительственное отношение к националистическим проявлениям». С поста секретаря ЦК по идеологии был также снят Х. Турсунов, как «не внушающий доверия и скрывший националистическое прошлое свое и отца — активного участника басмаческого движения». Первым секретарем ЦК КП Узбекистана был избран

Рашидов, который 24 года, вплоть до своей смерти в 1983 году стоял во главе республиканского руководства. В 1959—1961 годах в республике были заменены десятки руководителей министерств и ведомств, многие секретари обкомов, райкомов и горкомов партии.

4 февраля 1961 года на закрытом партийном активе Рашидов выступил с докладом «Об итогах двухлетней борьбы с антисоветскими элементами», в котором благодарил руководителей КПСС и органов КГБ за «фактическое спасение узбекского народа от попыток империалистов вновь его поработить». В апреле на пленуме ЦК он призывал общественность республики «принять еще более решительные меры по искоренению остатков националистических элементов». Рашидову удалось создать в республике прочную систему личной власти. Республика из года в год увеличивала сдачу хлопка — важнейшего сырья не только для легкой промышленности, но и для оборонного ведомства. Однако созданный в республике режим был очень далек от социализма. В октябре 1964 года с переменой руководства в Москве недруги Рашидова предпринимали попытку отрешить его от власти. Он обвинялся, в частности, в том, что «расставил на ключевые {318} позиции более 300 своих родственников и лично преданных ему людей». Только в аппарате ЦК Компартии Узбекистана было 14 его родственников. Однако Рашидов вполне устраивал Л. И. Брежнева, и не в последнюю очередь из-за щедрых подарков, преподносившихся новому лидеру КПСС.

К началу 60-х годов миграция русскоязычного населения в Среднюю Азию, и особенно в Казахстан, достигла своего апогея. В 1959 году доля населения коренной национальности по сравнению с 1939 годом снизилась в Казахстане с 38,2 до 30 %, в Узбекистане — с 64,4 до 62,1 %, в Таджикистане — с 59,6 до 53,1 %, в Киргизии — с 51,7 до 40,5 %, и лишь в Туркмении она выросла с 59,2 до 60,9 %. Переселенцы в большинстве своем не тяготели к полному вживанию в среднеазиатское общество. Многие из них с высоты своего уровня развития с чувством превосходства и пренебрежения относились к местным жителям. Те платили им тем же, видя в них персонифицированных носителей имперства советской власти. Бытовой национализм проходил по линии этнического размежевания и возникал между русскоязычным (русские, украинцы, евреи и др.) и коренным населением. Национальная дискриминация проявлялась в кадровой политике и приеме в вузы в пользу лиц местной национальности, в русофобских настроениях местного населения. Все это приводило к сравнительно более быстрому росту национального самосознания русского населения национальных окраин в сравнении с центральными районами России. В русском национальном движении в этих регионах были заметны не столько этнические, сколько «державные» мотивы. Для многих здесь впервые становился значимым простой факт, о котором один из читателей «Известий» счел необходимым даже написать в редакцию газеты: «В Российской республике нет ЦК, как это в других союзных республиках, где первым секретарем является представитель своей нации».

ОФОРМЛЕНИЕ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Критика «культы личности», первые реабилитации репрессированных и другие признаки потепления общественно-политической атмосферы вызвали повсеместный горячий отклик. Одними из первых на перемены откликнулись литераторы. Осенью 1953 года редактируемый А. Т. Твардовским «Новый мир» опубликовал статью В. Померанцева «Об искренности в литературе». В ней проводилась мысль о благотворности различных литературных школ и направлений и необходимости «честно писать», не думая «о выражении лиц высоких и невысоких читателей». В новом обновленном ключе был написан роман «Времена года» В. Пановой, напечатанный в этом же журнале в октябре — декабре 1953 года и опубликованные ранее статьи В. Овечкина, показывавшие действительность без прикрас и лакировки. В апреле 1954 года на страницах этого журнала появляется статья Ф. Абрамова «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» с резкой критикой схематического изображения реальности в «образцовых» романах о деревне, созданных в 1940-е годы. Той же весной в журнале «Знамя» появились 10 стихотворений из романа Б. Пастернака «Доктор Живаго»¹³⁶², {319} а в «Новом мире» — повесть «Оттепель» И. Эренбурга. Эти произведения подвели читателей к осознанию губительности атмосферы, царившей в советской стране ранее. Повесть «Оттепель» дала название для обозначения особенностей нового исторического периода в развитии страны, начавшегося после смерти И. В. Сталина.

Однако первую «оттепель» уже в мае 1954 года сменили «заморозки». Центральные газеты вдруг нашли большие недостатки в повестях Пановой, Эренбурга, статьях Померанцева, Абрамова, пьесах Л. Зорина, А. Мариенгофа, С. Городецкого, Ю. Яновского и подвергли их резкой крити-

ке за «клеветнический характер», «очернение советской действительности». А 23 июля секретариат ЦК под председательством Н. С. Хрущева принял постановление в духе 1946 года: осудил Твардовского за подготовленную к публикации поэму «Теркин на том свете». В августе 1954 года он был отстранен от руководства «Новым миром». На его место был поставлен К. М. Симонов. Поэма, ставшая причиной отставки Твардовского, была впервые опубликована по благословию Хрущева 17 августа 1963 года в газете «Известия». На II съезде советских писателей, проходившем 15—26 декабря 1954 года, первые «оттепельные» произведения были осуждены как проявление «стихийного развития» литературы.

Консервативная линия развития литературы, связанная с большими сомнениями во взятом курсе на «десталинизацию» и прекращение борьбы с космополитизмом, получила выражение в журналах «Октябрь» и «Нева». Литературным памятником консерватизма начинавшейся послесталинской эпохи является роман «Тля» И. Шевцова, герои которого, молодые московские художники, ведут борьбу «за реалистическое искусство» с критиками, которым покровительствует знаменитый художник-модернист Барселонский (пародия на И. Эренбурга). Роман был написан в 1952 году и готовился к изданию в издательстве «Молодая гвардия» и журнале «Нева». После смерти Сталина он, естественно, в свет не вышел. О нем вспомнили после разноса Хрущевым художников-модернистов 1 декабря 1962 года в Центральном выставочном зале «Манеж». В 1964 году роман был впервые опубликован.

Таким образом, уже вскоре после марта 1953 года дали о себе знать группировки реформаторов-антисталинистов и консерваторов-сталинистов, которые породили в дальнейшем все разнообразие направлений в литературно-художественной и общественной жизни страны. Часть интеллигенции, ставшая на сторону хрущевских реформаций и названная позднее, в конце 60-х годов, либеральной интеллигенцией, поначалу не имела ничего общего с либерализмом как идеологическим течением, отстаивающим свободу предпринимательства, буржуазно-парламентский строй и буржуазную демократию. Понятие «либерализм» в отношении к этой части интеллигенции применимо лишь в его первоначальном смысле, означающем некое свободомыслие, вольнодумство, терпимость, снисходительность. Сталинисты начала 1950-х годов не имели ничего общего с консерватизмом как идеологическим течением. Их приверженность {320} к «устаревшим традициям» не предполагала «буржуазного национализма» и воскрешения традиций и порядков дореволюционной России. Просто они увидели в антисталинизме угрозу основам социалистического строя. В силу партийной дисциплины они не выступали открыто против начавшейся борьбы против «культы личности», но все новые тенденции в художественной культуре, выходявшие за рамки догматических установок, встречались ими непримиримо.

Своеобразие ситуации в литературно-художественном мире после марта 1953 года во многом определялось тем, что группа писателей и художников, проявившая активность в борьбе с космополитизмом, была сравнительно небольшой и явно проигрывала в численном отношении «жертвам» антикосмополитической борьбы. После реабилитации Михоэлса и «врачей-отравителей» оказалось, что «космополиты» и «низкопоклонники» в большинстве своем не слишком пострадали социально, но они тоже стали требовать реабилитации и компенсаций за причиненный ущерб.

Возникшая в литературно-художественной среде «групповщина» стала проблемой всей последующей истории советской культуры. Складывающуюся ситуацию позднее хорошо обрисовала писательница Л. Н. Васильева в своей книге «Дети Кремля» (М., 1997). «В нашем литературном мире, разделенном на правых — славянофилов и левых — западников, — пишет она, — лакмусовой бумажкой для определения принадлежности писателя к тому или иному лагерю был еврейский вопрос. Если ты еврей, значит, западник, прогрессивный человек. Если наполовину — тоже. Если ни того, ни другого, то муж или жена еврей дают тебе право на вход в левый фланг. Если ни того, ни другого, ни третьего, должен в творчестве проявить лояльность в еврейском вопросе. Точно так же по еврейскому признаку не слишком принимали в свои ряды группы правого, славянофильского фланга»¹³⁶³.

«Групповщина» дала о себе знать сразу же после смерти Сталина. К примеру, в отчете партийному собранию группы правления ССП, состоявшемуся 14 октября 1953 года, говорилось о пристрастии К. Симонова к писателям «одной национальности», о «тенденциозной защите А. Фадеевым группы раскритикованных ранее писателей одной национальности». Тем же месяцем писатель Т. Семушкин направил в ЦК КПСС письмо, где говорилось: «Группа писателей с реваншистскими настроениями, еще с момента борьбы с космополитизмом, одно время притихшая, вновь поднимает голову, и небезуспешно.... Так, по существу в их руках оказалась «Литературная газе-

та», значительная часть аппарата Союза писателей с его секциями и постоянными творческими комиссиями и многое другое. Ядро же русских писателей, определившееся минимум в 20 %, по одиночке избивается и устраняется от руководства с виду весьма конституционными методами. Так, фактически отстранен от руководства Панферов. Софронов устраняется от руководства...» Далее отмечалось, что в результате деятельности Симонова как редактора «Литгазеты» в ней «со всех командирских должностей русские литераторы устранены»¹³⁶⁴. {321}

Наличие «групповщины» в литературной среде осуждалась на II съезде писателей в декабре 1954 года. О ней говорил Л. С. Соболев, крупнейший писатель того времени, один из лидеров русского национального течения в литературе. С апреля 1955 года по март 1956 года конфликт групповых интересов перешел в открытую фазу. Требования реабилитации бывших «космополитов» и расследования конкретной вины некоторых литературных чиновников вызвали упреки в «реваншистских настроениях» со стороны писателей, обличавших космополитизм.

«Либеральный лагерь» с середины 1950-х годов контролировал обстановку в крупнейших в стране Московской и Ленинградской писательских организациях, оказывал сильное влияние на столичные литературные журналы и газеты. Его центральными органами были журналы «Новый мир» и «Юность», а также «Литературная газета» (с 1959 г.). Из других журналов, подчиняющихся правлению Союза советских писателей, либералам сочувствовал журнал «Октябрь» (до 1961 г.).

После XX съезда КПСС идеологическое давление со стороны официальных политических и литературных начальников на деятелей литературы и искусства было ослаблено. Ответственность за «перегибы» прежних лет была возложена на Сталина и Жданова. Были восстановлены имена репрессированных деятелей литературы и искусства (В. Э. Мейерхольд, Б. А. Пильняк, И. Э. Бабель, И. И. Катаев). Появились новые издания С. А. Есенина, А. А. Ахматовой, М. М. Зощенко. В мае 1958 года было принято постановление ЦК об исправлении ошибок в оценке опер «Великая дружба», «Богдан Хмельницкий» и «От всего сердца», которое «реабилитировало» обвиненных в «формализме» Д. Д. Шостаковича, С. С. Прокофьева, А. И. Хачатуряна, Н. Я. Мясковского, В. Я. Шебалина. Однако попытки А. А. Фадеева добиться изменения стиля руководства Союзом писателей путем изъятия у министерства культуры идеологических функций привели к опале писателя, закончившего жизнь самоубийством вскоре после XX съезда партии — 13 мая 1956 года.

На развитии литературно-художественной и общественной жизни в стране во многом сказались образование бюро ЦК по РСФСР в рамках решения XX съезда партии о расширении прав союзных республик. Бюро было создано 27 февраля 1956 года. Помимо председателя (им стал по совместительству Н. С. Хрущев) в бюро вошли три секретаря ЦК КПСС, первые секретари обкомов наиболее крупных областей (Московской, Ленинградской, Горьковской), а также руководитель правительства России. В структуре нового органа из семи отделов начал функционировать отдел школ и культуры. В годы работы бюро (1956—1966) в РСФСР был создан ряд республиканских организаций, в том числе Союз писателей, Союз художников, Союз композиторов, Сибирское отделение Академии наук СССР в Новосибирске. С июля 1956 года стал издаваться печатный орган РСФСР — газета «Советская Россия», создано общество «Знание» РСФСР. Все это оказывало существенное влияние на развитие культурной жизни в РСФСР и стране в целом. {322}

Самым существенным образом на развитие литературно-общественной жизни страны повлиял Союз писателей РСФСР. Решение о его создании было принято 13 мая 1957 года. В декабре того же года прошел учредительный съезд нового союза. Председателем союза стал Леонид Соболев, многие другие писатели, сочувствующие русской национальной идее, заняли административные посты. И уже вскоре после этого центральный печатный орган Союза писателей России, газета «Литература и жизнь», стала заявлять себя как оппонент либеральных начинаний в литературе, а принадлежащий союзу альманах (с 1964 г. ежемесячный журнал) «Наш современник» превратился в один из главных журналов «консервативного» направления в литературе.

Группировка русских «консерваторов», сложившаяся в ССП СССР к середине 1950-х годов, состояла из двух основных частей. Во-первых, это были признанные писатели С. Н. Сергеев-Ценский, Л. С. Соболев, Л. М. Леонов, Н. П. Смирнов, Н. П. Кончаловская, М. А. Шолохов, М. С. Бубеннов, А. В. Софронов, С. В. Михалков, Я. В. Смеляков, В. А. Закруткин, литературные критики М. С. Шкерин, К. И. Прийма. Вторую группу составляли недавние фронтовики, большая часть которых училась во второй половине 1940-х годов в Литературном институте в Москве. Из них известность приобрели М. Н. Алексеев, Ю. В. Бондарев, В. С. Бушин, М. М. Годенко, Г. А. Исаев, И. И. Кобзев, М. П. Лобанов, А. Я. Марков, В. А. Солоухин, И. Ф. Стаднюк, Н. К. Старшинов, Ф. Г. Сухов, В. Д. Федоров, И. М. Шевцов, С. И. Шуртаков. В середине 1950-х годов эти бывшие

фронтовики начали занимать влиятельные позиции в Союзе писателей России. Фронтовики были главной силой русского общественного движения, сущность которого, на наш взгляд, точнее всего определил современный историк и писатель С. Н. Семанов. Он полагает, что «русское национальное движение, возродившееся как нормальный русский патриотизм в годы войны с фашистской Германией» является «одной из форм борьбы за права человека»¹³⁶⁵. Оформившись в годы «хрущевской оттепели», русское национальное движение оставляет свой заметный след и на последующих этапах отечественной истории.

НОВОЕ ОТКРЫТИЕ «НОВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ»

На волне критики «культы личности» в 1956 году были впервые опубликованы ленинские письма («К вопросу о национальностях или об “автономизации”» от 30—31 декабря 1922 г.; и др.), говорящие о временных разногласиях между Лениным и Сталиным по вопросам образования СССР. Смысл публикации сводился к тому, что Сталин имел свою особую, «неправильную» позицию по этим вопросам в отличие от «правильных» установок истинного создателя Союза ССР. Здравый смысл сталинской позиции и исторический опыт, накопленный к середине 1950-х годов, по существу, был проигнорирован. Между тем с позиции наших дней становятся отчетливо видными изъяны ленинского плана создания союзного государства. История образования и последующего развития СССР показывает, что русские национально-государственные интересы были, по сути дела, {323} принесены в жертву ленинско-троцкистской утопии — интересам призрачного Мирового СССР и национализму «угнетенных» народов бывшей царской России. Сталин должного упорства в отстаивании своего «плана автономизации» для СССР не проявил. Как считают многие современные историки, в том числе и автор этих строк, реализация сталинского плана создавала бы гораздо лучшие предпосылки для последующей оптимизации государственного устройства и всей системы межнациональных отношений в стране. Для осуществления знаменитого принципа об участии в строительстве и функционировании союзного государства всех народов бывшей России «вместе и наравне» ленинский план был совершенно не пригоден. Ярким свидетельством этого является иерархия народов и национально-государственных образований, без труда различаемая в архитектонике СССР.

Грозные признаки кризиса великорусской нации обнаружили в 1959 году, когда проводилась первая послевоенная перепись населения СССР. Г. Х. Попов, будучи студентом МГУ, участвовал в ее проведении. Ему принадлежит ценнейшее для историков свидетельство. В годы перестройки, уже будучи видным ученым и политическим деятелем, он писал: «Перестройку начали “верхи” бюрократии и та часть интеллигенции, которых пугали растущее отставание страны, усиливающаяся угроза утратить роль великой державы... Основной причиной отказа от государственного социализма была угроза потерять лидерство. Эту угрозу многократно усилил кризис великорусской нации. Если этот кризис не видеть, то вообще невозможно объяснить процессы последнего десятилетия.

Россия формировалась как страна, в которой хребтом, основой, базой были великороссы. Именно они присоединяли, объединяли, защищали. Выгодно было быть с ними в одной стране. Если взглянете на титул русского царя, то первая строчка в нем начинается с “Великой России”, а потом перечисляются все остальные части страны. Если взять гимн Советского Союза, там опять: “сплотила Великая Русь”. В общем-то, подспудно прекрасно сознавалось, что есть государство великороссов — когда-то государство российское, а затем советское. И ничье другое. Все остальные — соучаствуют.

Начиная с конца 1960-х годов самые базисные основы великорусского государства стали подрываться. Великороссы потеряли большинство в численности Советского Союза. Я студентом участвовал в переписи 1959 года. Мой профессор А. Я. Боярский был одним из руководителей переписи. Она показала, что русских в СССР меньше 50 процентов. Политбюро же требовало, чтобы русских было большинство. И Боярский придумал систему: по анкетным данным о родителях записывать человека русским принудительно, если отец или мать у него русские (как бы он сам себя ни записал в анкете). И вот после такого пересчета получилось больше 50 процентов русских, а Боярский получил орден Ленина. Еще более критическое соотношение сложилось среди интеллигенции. В свое время циркулировали цифры: 60, а то и 70 процентов интеллигенции, особенно ее высших слоев, составляют нерусские»¹³⁶⁶. {324}

Вместо реалистического анализа процессов в национальной сфере и внесения соответствующих корректив в национальную политику и национально-государственное устройство СССР

власть в конце 50-х годов в очередной раз увлеклась утопическим проектом «окончательного решения национального вопроса», связывая его с форсированной ломкой национальных перегородок, стиранием национальных различий, с ассимилированием наций в советском обществе, иначе говоря, с денационализацией. Оживление ленинских установок, ориентирующих национальную политику с продвижением к социалистической цели, заключающейся не только в сближении наций, но и в слиянии их, происходило в связи с вынашиваемым в конце 1950-х годов планом непосредственного построения коммунизма в СССР в предстоящие 20 лет. Н. С. Хрущев говорил в 1959 году, что по мере реализации этого плана «успешнее будет идти процесс слияния народов в единую коммунистическую семью». Уловив знакомую мелодию, чуткие обществоведы сразу же вспомнили раннего Энгельса и романтику первых российских революционных лет и принялись вновь уверять многоплеменных соотечественников в том, что «стратегическая линия рабочего класса и его партии... направлена на слияние всех наций, на преодоление национальных перегородок и различий»¹³⁶⁷, в будущем коммунистическом обществе «все население Советского Союза будет представлять единую коммунистическую нацию»¹³⁶⁸. На пути к этому «молодые и родственные нации, видимо, раньше, чем старые и неродственные... начнут сливаться в единую нацию»¹³⁶⁹. Социалистические нации и страны, в представлении Хрущева, не могли замыкаться в своих границах и опираться только на свои силы. «Если бы это было так, — говорил он, — мы бы ли бы не коммунистами-интернационалистами, а стали бы национал-социалистами»¹³⁷⁰.

Как и следовало ожидать, в проект новой программы КПСС М. А. Суслов включил положение о том, что «в СССР происходит слияние наций и их языков, образование одной нации с одним языком, с единой общей культурой»¹³⁷¹. Известный государственный и политический деятель А. А. Андреев провозгласил со страниц главного теоретического партийного журнала: в СССР «выковывается единая социалистическая нация»¹³⁷².

Коллегам Хрущева по Президиуму ЦК КПСС (прежде всех О. В. Куусинену, Н. А. Мухитдинову) удалось убедить его не ставить в партийной программе невыполнимые задачи. Частично согласившись с ними, Хрущев актуализировал высказанную ранее идею о появлении в СССР «новой исторической общности». В докладе о программе КПСС он объявил, что результаты интеграционных процессов в национальной сфере уже привели к тому, что «в СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие черты — советский народ». Однако в программный документ положение включено не было¹³⁷³. Это значило, что ему, как и аналогичным утверждениям, высказанным в литературе на предыдущих этапах развития общественной мысли (Н. И. Бухарин, М. В. Нечкина, И. Е. Кравцев, Н. И. Матюшкин, М. Д. Каммари), еще не придавалось концептуально-методологического значения. {325}

В практически-политическом отношении наибольший интерес представляет раздел Программы КПСС «Задачи партии в области национальных отношений». Их развитие в СССР к началу 60-х годов. Программа характеризует следующим образом: «В условиях социализма происходит расцвет наций, укреплявших их суверенитет. Развитие наций осуществляется не на путях усиления национальной розни, национальной ограниченности и эгоизма, как это происходит при капитализме, а на путях их сближения, братской взаимопомощи и дружбы. Возникновение новых промышленных центров, открытие и разработка природных богатств, освоение целинных земель и развитие всех видов транспорта усиливают подвижность населения, содействуют расширению взаимного общения народов Советского Союза. В советских республиках совместно живут и дружно трудятся люди многих национальностей. Границы между союзными республиками в пределах СССР все более теряют свое былое значение, поскольку все нации равноправны, их жизнь строится на единой социалистической основе и в равной мере удовлетворяются материальные и духовные запросы каждого народа, все они объединены общими жизненными интересами в одну семью и совместно идут к единой цели — коммунизму. У советских людей разных национальностей сложились общие черты духовного облика, порожденные новым типом общественных отношений и воплотившие в себе лучшие традиции народов СССР»¹³⁷⁴.

Эта характеристика весьма показательна сочетанием лакированной полуправды с противоречивым смыслом. Конкретные исследования истории национальных отношений, например В. И. Козловым в книге «История трагедии Русского Народа», показывают, что провозглашенное в партийных документах и в Конституции СССР «равноправие наций» на деле не существовало, да и не могло быть достигнуто в условиях привилегированного положения «титовых наций» соответствующих республик по сравнению с инациональными группами и при иерархическом статусе самих национально-территориальных образований. Материальные и духовные интересы каждого народа удовлетворялись отнюдь не в равной мере, в неблагоприятном положении при этом ока-

зался крупнейший в стране русский народ. Из того факта, что в Советском Союзе увеличилась подвижность населения, совсем не следовало, что границы между республиками теряли значение. Этому явно противоречит утверждение об укреплении суверенитета наций. В Программе далее отмечено, что «расширение прав союзных республик в руководстве хозяйством дало большие положительные результаты», однако ставилась задача преодолеть «проявления местничества и национального эгоизма»¹³⁷⁵. Партийный документ содержал неопределенное (допускающее различные интерпретации) положение о том, что национальные отношения в стране характеризуются «дальнейшим сближением наций и достижением их полного единства»¹³⁷⁶.

Н. С. Хрущев при этом оставался при убеждении, что наступает пора слияния советских наций в единый народ. В декабре 1962 года решался вопрос о назначении нового руководителя на пост 1-го секретаря ЦК {326} КП Казахстана. Хрущев предложил на этот пост кандидатуру И. Юсупова, 1-го секретаря Южно-Казахстанского крайкома КП Казахстана. Тот поначалу отказывался. «Никита Сергеевич, благодарю за доверие, — говорил он. — Но я боюсь, что меня казахский народ не поймет. Ведь я представитель уйгурского народа». Хрущев разозлился: «Какое это имеет значение? Мы идем к ликвидации национальностей. В Союзе в перспективе будет единый язык, границы между республиками скоро исчезнут»¹³⁷⁷. И. Юсупов возглавлял партийную организацию республики в 1961—1962 годах¹³⁷⁸.

При разработке новой советской Конституции, ведшейся комиссией под председательством Хрущева, снова рассматривались предложения о необходимости учитывать, что в СССР «идет консолидация единых национальностей в единую коммунистическую нацию», поэтому рекомендовалось снять графу о национальности из паспортов¹³⁷⁹. Однако полного ренессанса «левацкого интернационализма» в 1950—1960-е годы не произошло. Состоявшийся после отставки Хрущева XXIII съезд партии (март—апрель 1966 г.) внес успокоение в смятенные ряды интеллектуалов и творческой интеллигенции из союзных республик. В докладе ЦК партии съезду содержалась новая уточненная формулировка о советском народе. Был применен термин «многонациональный советский народ»¹³⁸⁰. Это исключало возможность отождествления «новой общности» и «полного единства наций» с новой коммунистической нацией, якобы выковывающейся из традиционных этнических групп и заменяющей их. Традиционалисты одержали победу над «леваками» в теории и в практической национальной политике.

КАК «НОВАЯ ОБЩНОСТЬ» СТАЛА ПРИЗНАКОМ «РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА»

В трудах государствоведов после принятия Программы строительства коммунизма корректировались представления о дальнейших этапах в развитии советского федерализма и наций. Предполагалось, что ближайшей перспективой является развитие автономий в единые советские республики, а в дальнейшем, уже в условиях полной победы коммунизма, должно произойти слияние республик, подготовляемое уже в 1960-е годы путем создания межреспубликанских органов. В результате слияния республик будет «постепенно завершаться процесс слияния наций, объединенных до завершения этого процесса федеративной системой на началах общественных организаций»¹³⁸¹. То есть допускалась возможность сохранения федерализма в будущем безгосударственном коммунистическом обществе. Представлялось, что негосударственный федерализм, основанный на началах общественного объединения наций, будет служить задаче завершения слияния наций и после перехода к безнациональному обществу исчерпает свою необходимость¹³⁸².

С апреля 1962 года велась разработка новой советской Конституции. Первый проект нового Основного Закона был подготовлен к июлю 1964 года. Для реализации национальных прав в новых условиях предлагалось «создать национальные комитеты по вопросам культуры и просвещения», {327} то есть обеспечивать дальнейшее развитие национальностей посредством культурно-национальной автономии¹³⁸³. Подобные же предложения поступали и в Конституционную комиссию, продолжившую работу над проектом после отставки Н. С. Хрущева. В частности, предлагалось зафиксировать в Конституции, что в Советском Союзе «живет одна нация — советская», в соответствии с этим в паспортах следовало бы в графе национальность писать: «советский», или перестать указывать в документах национальность¹³⁸⁴.

С принятием в 1961 году Программы КПСС, конечно же, связывалось начало нового этапа в развитии национальных отношений в стране. Особенности этапа виделись в дальнейшем сближении наций и достижении их «полного единства». Предполагалось, что «строительство материально-технической базы коммунизма ведет к еще более тесному объединению советских народов. Все интенсивнее становится обмен материальными и духовными богатствами между нациями, растет

вклад каждой республики в общее дело коммунистического строительства. Стирание граней между классами и развитие коммунистических общественных отношений усиливают социальную однородность наций, способствуют развитию общих коммунистических черт культуры, морали и быта, дальнейшему укреплению взаимного доверия и дружбы между ними. С победой коммунизма в СССР произойдет еще большее сближение наций, возрастет их экономическая и идейная общность, разовьются общие коммунистические черты их духовного облика. Однако стирание национальных различий, в особенности языковых различий, — значительно более длительный процесс, чем стирание классовых граней»¹³⁸⁵. Национальную политику, призванную регулировать национальные отношения на новом этапе их развития, партия обязывалась проводить «с позиций пролетарского интернационализма, на основе... ленинской национальной политики», не допуская «ни игнорирования, ни раздувания национальных особенностей»¹³⁸⁶. Важнейшей целью этой политики было «по-прежнему» обеспечение фактического равенства наций, народностей «с полным учетом их интересов, уделяя особое внимание тем районам страны, которые нуждаются в более быстром развитии»¹³⁸⁷. Растущие в процессе коммунистического строительства блага было обещано «справедливо распределять среди всех наций и народностей»¹³⁸⁸.

Однако «развернутое строительство коммунизма» в стране продолжалось недолго. В ноябре 1967 года Л. И. Брежнев объявил, что в СССР построено развитое социалистическое общество, в дальнейшем предстояло его совершенствовать, коммунистические цели отодвигались за пределы обозримого исторического горизонта. Новые власти отказались и от других методологических новаций хрущевского периода. Однако положение о новой исторической общности было сохранено и получило дальнейшее развитие. В докладе ЦК партии XXIII съезду (март — апрель 1966 г.) содержалась уточненная формулировка о советском народе. Был применен термин «многонациональный советский народ». Левацкие трактовки новой общности были раскритикованы, в частности, в работах А. М. Егиазаряна, И. М. Дзюбы¹³⁸⁹. {328}

Положение о якобы сформировавшейся в СССР новой исторической общности содержались в выступлении генерального секретаря ЦК КПСС на XXIV (1971) съезде партии¹³⁹⁰. В развитие этого положения в ИМЛ при ЦК КПСС была подготовлена и выпущена двумя изданиями книга «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях» (1972, 1974), дававшая официальную трактовку феномена. В книге разъяснялось: «Советский народ представляет собой не какую-то новую нацию, а является исторической, более широкой, чем нация нового типа, общностью людей, охватывающей все народы СССР. Понятие “советский народ” появилось как отражение коренных изменений сущности и облика советских наций, как выражение их всестороннего сближения, роста их интернациональных черт. Но и при тесном переплетении интернационального и национального в социалистических нациях последние образуют советский народ, оставаясь в то же время его национальными компонентами»¹³⁹¹. Упрочение «новой исторической общности» представлялось важнейшей целью государственной национальной политики. На протяжении 1970—1980-х годов в стране было издано несметное количество книг и статей, призванных создать видимость благополучия и успехов в осуществлении «ленинской национальной политики».

Видимость движения теоретической мысли создавалась полными изошренной схоластики трудами, трактующими соотношение расцвета, сближения и слияния наций, национальное и интернациональное, характер интернационалистических процессов в обществе. В действительности же ширился разрыв между наукой, политикой и жизнью. Оживляющееся национальное самосознание третировалось как проявление национализма. Реальные противоречия национальной жизни и межнациональных отношений игнорировались. «Нациология» в условиях «развитого социализма» заметно активизировалась по праздничным датам — в связи со съездами партии, юбилеями Октябрьской революции и образования СССР. Это не могло не накладывать отпечатка «заздранности» на значительную часть трудов, посвященных национальной проблематике.

Новая историческая общность людей в СССР была не только сотворенным мифом, но и реальностью. В нынешних средствах массовой информации признание того, что были действительно советские люди, часто отождествляется лишь со своего рода неполноценностью (отсюда презрительное — «совок»). Однако этим не отменяется тот факт, что на уровне общественной рефлексии ощущение «советсконародности» имелось. Любители футбола разных национальностей болели как за «своих» за киевское и тбилиское «Динамо», ереванский «Арагат», за «наших» советских космонавтов, независимо от их национальной принадлежности. Широкую популярность приобрела песня с романтическим интернационалистско-космополитическим рефреном: «Сердце волнуется. Почтовый пакуется груз. / Мой адрес не дом и не улица, / мой адрес Советский Союз»¹³⁹². То

есть определенно существовало некое субстанциональное пространство не с этническим, а гражданским основанием. {329}

В этой связи вряд ли следует оценивать только как «национальный нигилизм» позицию авторов писем в редакции газет в период обсуждения Конституции СССР 1977 года, в которых предлагалось фиксировать в паспортах: «национальность: советский, родной язык: армянский». Вряд ли надо ставить клеймо «шовинист» и на тех, кто считал необходимым дополнить статью 36 проекта Конституции фразой: «Требовать сообщения сведений о своей национальности в каких бы то ни было официальных документах (паспортах, удостоверениях, билетах, именных анкетах и т. п.) запрещается». Тем самым «советские люди» пытались ослабить «нациесохраняющие» параметры официальных документов ради усиления «маркировок» его принадлежности к общегражданской, политической общности советских людей. Многие из них воспринимали эту общность как советскую нацию и гордились своей принадлежностью к ней. Известны яркие стихотворные выражения этой гордости. «Мне Земля для жизни / более пригодна / после Октября / семнадцатого года! / Я в Державу верую — вечную! / Эту / Красную по смыслу. / По флагу. / По цвету. / Никогда не спрячусь / за кондовой завесой... / По национальности / Я — / Советский»¹³⁹³.

В постсоветское время сохранилось немало авторитетных обществоведов, продолжающих убеждать, как это делает, например, С. Г. Кара-Мурза, что «согласно всем современным представлениям о государстве и нации, советский народ был нормальной полиэтнической нацией, не менее реальной, чем американская, бразильская или индийская нации»¹³⁹⁴. Разумеется, степень «советскости» была различной у разных групп населения, однако единое хозяйство, единая школа и единая армия делали советский народ гораздо более сплоченным, чем названные полиэтнические нации. Убедительным аргументом в пользу существования такой общности является рост числа этнически смешанных браков, интернационализации наиболее интимной семейно-личностной сферы. Переписью населения 1959 года в стране было зафиксировано 50,3 млн семей, из них 10,3 % смешанных в национальном отношении. К 1970 году смешанные семьи составляли 13,5 %, в 1979 году — 14,9 %, а в 1989 году — 17,5 % (12,8 млн из 77,1 млн семей). За каждым из супругов обычно стояли группы родственников, которые таким образом многократно увеличивали число породненных между собой людей различных национальностей.

О формировании новой общности говорили также данные переписей о значительном числе нерусских людей, признававших русский язык межнационального общения своим «родным» языком. По переписи 1926 года было зафиксировано 6,4 млн таких людей, в 1959 году — 10,2 млн, в 1979 году — 13 млн, а в 1989 году их насчитывалось уже 18,7 млн человек. Если бы процесс перехода на русский язык не был достаточно естественным и добровольным, то подавляющее большинство этих людей не стало бы называть его «родным», ограничиваясь указанием на «свободное владение» им. Переписи населения показывали также постоянный рост числа людей, свободно использующих русский язык наряду с родным национальным языком. В 1970 году в СССР жили 241,7 млн человек (из них {330} 53,4 % были русскими). К 1989 году их число увеличилось до 286,7 млн, среди них русских по национальности насчитывалось 145,2 млн (50,6 %). В России в 1989 году русские составляли 81,5 % из 147,4 миллионов жителей. При этом русский язык считало родным и свободно им владело 81,4 % населения СССР и 88 % населения России.

ПРОТИВОРЕЧИЯ НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ И «НОВОЙ ОБЩНОСТИ»

Принятая в 1977 году Конституция СССР характеризовала построенное в СССР «развитое социалистическое общество» как общество, «в котором на основе сближения всех социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей возникла новая историческая общность людей — советский народ»¹³⁹⁵. Таким образом, «новая общность» представлялась в преамбуле новой Конституции одним из основных отличительных признаков «развитого социализма». Советский народ провозглашался главным субъектом власти и законотворчества в стране. «Вся власть в СССР принадлежит народу. Народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов... все другие государственные органы подконтрольны и подотчетны Советам», — гласила статья 2 новой Конституции¹³⁹⁶. В других статьях декларировалось равноправие граждан вне зависимости от расовой и национальной принадлежности (статья 34)¹³⁹⁷, утверждалось, что «экономика страны составляет единый народнохозяйственный комплекс» (статья 16)¹³⁹⁸, что в стране имеется «единая система народного образования» (статья 25)¹³⁹⁹. В то же время основной закон страны утверждал, что «за каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР» (статья 71)¹⁴⁰⁰, каждая союзная и автономная республика имеет

свою Конституцию, учитывающую их «особенности» (статьи 76, 82)¹⁴⁰¹, территория республик «не может быть изменена» без их согласия (статьи 78, 84)¹⁴⁰², «суверенные права союзных республик охраняются Союзом ССР» (статья 80). Таким образом «советский народ» в Конституции представлял на словах единым, но реально разрезанным на различные «суверенные» и «особенные» части. Последнее соответствовало также духу никем не отмененной Декларации прав народов России, провозгласившей еще на заре советской власти (2 ноября 1917 г.) не только «равенство и суверенность народов России», но и их право «на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства»¹⁴⁰³.

Исследователи выделяли в единой «новой исторической общности» явно различающиеся по возможностям реализации своего суверенитета нации, народности, этнические и национальные группы. Единого мнения об их соотношении в советское время так и не было выработано. М. И. Куличенко в своей работе «Нация и социальный прогресс» (1983) полагал, что из 126 национальных общностей, зафиксированных при обработке материалов переписи 1959 года, к категории наций принадлежали 35 национальностей, к народностям — 33, к национальным группам — 35, к этническим группам — 23. Из 123 общностей, выявленных переписью {331} 1979 года, к нациям были отнесены 36, к народностям — 32, национальным группам — 37, этническим группам — 18 национальностей¹⁴⁰⁴. Но это был лишь один из вариантов типологизации общностей, были и другие, существенно отличавшиеся от приведенного¹⁴⁰⁵. Разные возможности для реализации своих жизненных интересов имели народы «титulyные» и «нетитulyные», национальные большинства и меньшинства.

Территориальный принцип национально-государственного устройства СССР с течением времени обнаруживал все большее противоречие с растущей интернационализацией состава населения «национальных» образований. Наглядным примером являлась Российская Федерация. В ней в 1989 году проживало 51,5 % всего населения СССР. Общее число российских народов чаще всего обозначалось неопределенным выражением: «Более ста». Республика имела сложную иерархическую систему национально-государственного и административного устройства. В ее состав входили 31 национально-государственное и национально-территориальное образование (16 автономных республик, 5 автономных областей и 10 автономных округов). Народов-эпонимов (именем которых названы автономные образования) было 31. При этом в четырех автономных образованиях было по два «титulyных» народа (в Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии, Карачаево-Черкессии, в Ханты-Мансийском автономном округе). У бурят и ненцев было по три автономных образования, у осетин — два (одно в России, другое в Грузии). Дагестанскую АССР населяли 26 коренных народов. Другие этносы своих территориальных национальных образований не имели. Наряду с автономными национальными образованиями РФ включала «русские» края и области, не имеющие официального национального статуса. При такой ситуации среди разных народов естественным образом возникали движения за выравнивание и повышение своего «государственного» статуса или за обретение такового.

Народы, проживавшие в СССР в рассматриваемый период, существенно отличались друг от друга по темпам роста своей численности. Например, численность народов, каждый из которых насчитывал в 1989 году более миллиона человек, с 1959 года изменилась следующим образом. Количество латышей и эстонцев увеличилось на 3 и 4 %; украинцев и белорусов — на 18 и 26 %; русских и литовцев — на 27 и 30 %; киргизов, грузин, молдаван — на 50—64 %; казахов, азербайджанцев, киргизов — на 125—150 %; а узбеков и таджиков — на 176 и 200 %. Все это создавало естественную озабоченность отдельных народов демографической ситуацией, которая усугублялась нерегулируемой миграцией населения.

Парадоксальная для правового государства ситуация заключалась и в том, что 50 % территории России официально объявлялись «территориями своей государственности» для 7 % российских граждан. Другие народы, в том числе и русский, составлявший более 80 % населения, никакого политико-правового статуса не имели. Система национально-территориальных автономий не решала и проблем «титulyных» этносов. Все народы, имевшие в 1989 году свои автономные образования, вместе взятые, {332} насчитывали 17,7 млн человек (12 % населения РФ). Из них в пределах своих автономных образований проживало 10,3 млн человек, что и составляло 7 % от общей численности населения России. Лишь 6 «титulyных» этносов составляли большинство населения в своих автономиях. По существу, народы, давшие название большинству российских автономий, являлись в них «титulyными» меньшинствами. Многие этносы в значительной части проживали за пределами своих этнотерриториальных образований: 99,4 % евреев, 73 % мордвы, 73 % татар, 52 % марийцев, 51 % чувашей, 44 % осетин, 40 % башкир, 40 % карел и т.д. 30 национальных групп

общей численностью 1,3 млн человек составляли в РФ народы, основная масса которых живет за пределами СССР и имеет там свою государственность (немцы, корейцы, поляки, греки, финны, болгары, насчитывавшие сотни и десятки тысяч человек, вплоть до французов, австрийцев, англичан и американцев, исчисляемых сотнями человек). Экстерриториальную автономию (национально-персональную, национально-культурную) советская власть отвергала, полагая, что она противоречит принципу интернационализма и консервирует «утонченный национализм». Российская федерация сохраняет главное противоречие советской федерации — деление народов по негласному принципу: большим — республику, малым — культурно-национальную автономию. Законов, по которым первые отличались бы от вторых, как не существовало, так и не существует.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМУЩЕНИЯ И КОНФЛИКТЫ ПРИ «РАЗВИТОМ СОЦИАЛИЗМЕ»

Противоречия в национальной сфере довольно часто выходили из латентного состояния на поверхность общественной жизни. Так, на протяжении всего рассматриваемого периода давали о себе знать движения советских немцев и крымских татар, утративших в годы Великой Отечественной войны свои автономии, за восстановление национально-территориальных образований. Другие репрессированные ранее народы требовали разрешения возвратиться к местам прежнего жительства (турки-месхетинцы, греки и др.). Недовольство условиями жизни в СССР порождало среди ряда народов (евреи, немцы, греки) движения за право эмигрировать на «историческую родину». Протестные движения, эксцессы и другие акты недовольства национальной политикой возникали и по другим поводам. Можно отметить целый ряд из них в соответствии с хронологией событий.

Так, 24 апреля 1965 года в связи с 50-летием геноцида армян в Турции состоялось несанкционированное сотысячное траурное шествие в Ереване. Студенты и присоединившиеся к ним рабочие и служащие многих организаций шли к центру города с лозунгом «Справедливо решить армянский вопрос!». С полудня на площади Ленина начались митинги. К вечеру толпа окружила здание оперы, где проходило официозное «собрание общественности» в связи с годовщиной трагедии. В окна полетели камни. После этого демонстранты были разогнаны с использованием пожарных машин. {333}

П. Е. Шелест в книге воспоминаний «...Да не судимы будете» отмечает, что 2 сентября 1965 года на заседании Президиума ЦК при обсуждении его записки в ЦК по внешнеполитическим вопросам делались упреки, что на Украине якобы слабо ведется борьба с проявлениями буржуазного национализма, пропаганда дружбы народов и интернациональное воспитание поставлены плохо. Проявление национализма видели также и в том, что на Украине очень чтят Т. Г. Шевченко, что в республике «слишком много говорят на украинском языке»¹⁴⁰⁶. В частности, отмечалось, что «Севастополь-де — город русской славы, а в нем есть надписи на украинском языке»¹⁴⁰⁷. «И вообще дошли некоторые до того, — писал далее Шелест, — что объявили украинский язык искаженным русским языком. Во всем этом проявился самый оголтелый шовинизм и в особенности это было в выступлениях Шелепина, Суслова, Демичева, Косыгина»¹⁴⁰⁸. «Брежнев непростительно издевательски высказался об украинском языке, а это, значит, о культуре и украинском народе»¹⁴⁰⁹. В этой же книге отмечено, что 3 января 1966 года Шелесту был представлен доклад о письме И. Дзюбы на 214 страницах, которое вскоре было переправлено за границу и использовалось для разжигания антисоветизма и искажения национальной политики в СССР¹⁴¹⁰. В этой связи лидер украинских коммунистов заметил: «Надо было принимать срочные и решительные меры... Явно было видно, что кое-где поднимают голову националистические элементы»¹⁴¹¹. По заказу П. Е. Шелеста в связи с «письмом» И. Дзюбы в 1969 году подготовлена книга «Что и как отстаивает Дзюба», которая носила «острый, критический, разоблачающий характер» и вскоре была издана под псевдонимом «Богдан Стенчук»¹⁴¹². В 1973 году «письмо» Дзюбы было опубликовано отдельной книгой в Амстердаме¹⁴¹³.

8 октября 1966 года прошли митинги крымских татар в узбекских городах Андижане и Бекабаде. 18 октября они митинговали по случаю 45-летия образования Крымской АССР в Фергане, Куваесе, Ташкенте, Чирчике, Самарканде, Коканде, Янгикургане, Учкудуке. Многие митинги разогнаны. При этом только в Ангрене и Бекабаде были задержаны более 65 человек, 17 из них осуждены за участие в «массовых беспорядках». При разгонах митингов в этих двух городах милицией использовались брандспойты, дымовые шашки и дубинки.

В марте 1967 года в течение двух недель продолжались «Абхазские события», участники которых требовали узаконения абхазской топонимики по всей республике, предоставления привиле-

гий представителям абхазской национальности в трудоустройстве и поступлении в высшие учебные заведения, изучения абхазского языка во всех неабхазских школах республики и даже выделения Абхазии из состава Грузии со статусом союзной республики в составе СССР. По ночам закрашивались грузинские надписи на вывесках, дорожных знаках и указателях. В сентябре 1967 года в Москву прибыла группа деятелей культуры из Абхазии с требованием изъять из обращения изданную в Тбилиси книгу, автор которой пытался доказать, что «абхазской национальности вообще не существует; абхазы — это {334} грузины, принявшие когда-то мусульманство». В результате секретарь обкома и председатель правительства Абхазии были освобождены от должностей и на их место были рекомендованы абхазы. Грузинские названия и вывески на грузинском языке заменены абхазскими. В Тбилисском университете были открыты отделения абхазского языка и литературы.

22 мая 1967 года во время традиционного собрания и возложения цветов к памятнику Тараса Шевченко в Киеве были задержаны за участие в несанкционированном мероприятии несколько человек. Возмущенные люди обступили милицию и скандировали «Позор!». Позднее 200—300 участников собрания направились к зданию ЦК, чтобы выразить протест и добиться освобождения арестованных. Власти пытались остановить движение колонны водой из пожарных машин. Министр охраны общественного порядка республики был вынужден освободить задержанных.

2 сентября 1967 года милиция разогнала в Ташкенте многотысячную демонстрацию крымских татар, протестующих против разгона 27 августа двухтысячного собрания-встречи с представителями крымско-татарского народа, возвратившимися из Москвы после приема их 21 июня Ю. В. Андроповым, Н. А. Щелоковым, секретарем Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, генеральным прокурором Р. А. Руденко. При этом были задержаны 160 человек, 10 из них осуждены. 5 сентября 1967 года был издан указ Президиума ВС СССР, снимающий с крымских татар обвинение в предательстве. Им возвращались гражданские права. Татарская молодежь получила право учиться в вузах Москвы и Ленинграда, но татарские семьи не могли приезжать и селиться в Крыму.

«Крымские татары получили политическую реабилитацию без права возврата в Крым. Против их возвращения возражали партизаны Крыма, но главная причина состояла в том, что Крым к тому времени был “подарен” Н. С. Хрущевым Украине... Последнее обстоятельство более всего осложнило положение крымских татар. Не будь этого широкого жеста, они уже давно спокойно жили бы в Крыму», — писал в этой связи Ф. Д. Бобков в книге «КГБ и власть». По его мнению, ничто не противоречило праву крымских татар вернуться на свою историческую родину. «Подобное желание все сильней и сильней подогревалось дискриминационным решением, которое было принято в отношении крымских татар, но не коснулось других переселенцев, получивших право на восстановление автономии»¹⁴¹⁴. Этим объясняется и то, что «некоторые средства массовой информации утверждали, будто такой национальности вообще не существует. Пытались закрыть издание литературы на крымско-татарском языке и газету на этом языке, выходившую в Узбекистане, нет, мол, такого языка. И всем этим занимались серьезные люди, обязанные решить столь важный государственный вопрос. Мне помнится заседание по проблеме крымских татар у секретаря ЦК КПСС И. В. Капитонова... Участники совещания не скрывали симпатий к татарам, но не очень активно возражали представители Украины. Неожиданно мне в голову пришел аргумент в пользу признания крымских татар как этнической единицы, а подсказало мне его мое школьное {335} увлечение филателией. Я вспомнил, что до войны вышла серия почтовых марок «Народы СССР» и среди них была марка «Татары Крыма». Вопрос о закрытии газеты на крымско-татарском языке был снят»¹⁴¹⁵.

Ф. Д. Бобков пишет далее, что заниматься проблемой крымских татар ему пришлось в 1967 году, чуть ли не с первого дня работы в 5-м Управлении КГБ. В Москву тогда прибыло несколько сотен крымских татар с требованием к руководству страны и партии разрешить возвратиться в родные места. Управление предложило план постепенного возвращения татар путем организованного набора рабочей силы. Ю. В. Андропов, которому было поручено встретиться с представителями движения, решение это одобрил. Однако второй участник встречи, министр внутренних дел СССР Н. А. Щелоков, вел иную линию: ничего конкретного посланцам крымских татар не обещать. Под большим нажимом Украина все-таки согласилась принимать в год двести-триста татарских семей. Но вскоре начались звонки из Краснодарского края: через Керченский пролив на пароме татар вновь насильно вывозят из Крыма. Это делалось по решению руководства Украины. События получили свое дальнейшее развитие после того, как «лидеры экстремистского крыла...

обратились за помощью к сотрудникам американского посольства. А те немедленно использовали этот повод и развернули шумную кампанию в зарубежной печати»¹⁴¹⁶.

Длительного времени потребовало преодоление последствий столкновения между узбекской и русской молодежью, произошедшего во время и после футбольного матча между командами «Пахтакор» (Ташкент) и «Крылья Советов» (Куйбышев) 27 сентября 1969 года на ташкентском стадионе, вмещающем более 100 тысяч человек. Неприязнь местного населения к русским была вызвана отрицательными чертами (пьянство, хулиганство, воровство, проституция), якобы принесенных русскими, во множестве прибывшими в 1920-х годах преимущественно из Поволжья, особенно из Самары. Презрительное прозвище «Самарские» с тех пор укоренилось среди узбеков и было перенесено на всех русских. Конфликт возник в середине матча, когда судья не засчитал забитый «Пахтакором» гол в ворота куйбышевской (самарской) команды. В 20 местах стадиона были подняты заранее заготовленные плакаты с надписями: «Самарские, убирайтесь домой!». Попытки вырвать плакаты из рук узбеков привели к дракам. Милиция не смогла справиться с беспорядками. Матч прекратился, и толпы зрителей устремились к выходам. Предвидя это, узбекская молодежь выстроилась вдоль выходов со стадиона, пропуская «сквозь строй» и избивая людей со славянской внешностью. Столкновения продолжались на улицах города. Несколько дней после этого инцидента русские опасались ездить в городском транспорте, разбушевавшаяся молодежь выбрасывала их из автобусов и троллейбусов. В результате более тысячи человек были арестованы. Вместо придания огласке этих случаев и принятия мер, чтобы не допустить в будущем подобных эксцессов, руководители республики пытались свести к минимуму информацию о масштабах происшедшего. Понимая всю неприглядность случая, особенно на фоне помощи Ташкенту {336} РСФСР и других союзных республик после разрушительного землетрясения 1966 года, Ш. Р. Рашидов не хотел, чтобы инцидент расценивался как узбекский национализм, и сделал все, чтобы скрыть его от Москвы.

Период 1960—1980-х годов характеризуется значительным усилением сионистских настроений среди советских евреев, инспирируемых зарубежными сионистскими центрами. Следствием «пробуждения у молодежи еврейского сознания» был рост эмиграционных настроений. По переписи населения, проведенной в январе 1970 года, в СССР насчитывались 2151 тысяча евреев. Но эта цифра не включала так называемых скрытых евреев, общее число которых по некоторым оценкам составляло до 10 млн человек¹⁴¹⁷. Сионизм и сопутствующий ему как протест против этой идеологии антисемитизм стали серьезной проблемой во многих городах СССР. В целях опровержения обвинений в том, что в СССР якобы проводится политика государственного антисемитизма, издательством АПН была выпущена официальная брошюра «Советские евреи: Мифы и действительность». В ней были представлены факты, показывающие надуманность подобных суждений. В частности, указывалась, что, по данным переписи 1970 года, в СССР евреи составляли менее 1 % от общего количества населения всей страны¹⁴¹⁸. В то же время из 844 лауреатов Ленинской премии было 96 (11,4 %) евреев, 564 (66,8 %) русских, 184 (21,8 %) представителя других национальностей. Высшее почетное звание Героя Социалистического Труда получили 55 человек еврейской национальности, дважды этого звания удостоены — 4 еврея, трижды — три представителя этой национальности¹⁴¹⁹. В 1941—1942 годах из прифронтовой полосы (западные районы страны, где евреи жили сравнительно компактным населением) было отправлено в глубокий тыл около 2 млн граждан еврейской национальности¹⁴²⁰ (13,3 % от 15 млн всех эвакуированных), что при политике государственного антисемитизма было бы вряд ли возможно. Подчеркивалось также, что «советский паспорт является важным средством национальной идентификации, указание в нем национальности — дань уважения к нации его владельца»¹⁴²¹.

В 1972 году, когда в Грузии произошла смена на посту первого секретаря ЦК Компартии республики, открывалась возможность для пересмотра отношения руководства республики к национальной проблеме месхетинских турок. В. П. Мжаванадзе в бытность первым секретарем ЦК (1953—1972) считал невозможным их возвращение. «Во-первых, — говорил он, — земли месхетинцев уже заняты другими, а во-вторых, рядом граница, месхи же занимаются контрабандой, и поэтому пограничники возражают против их возвращения»¹⁴²². Попытки одного из руководителей КГБ Ф. Д. Бобкова убедить, что это неверная информация, что такого же мнения придерживается и командующий погранвойсками генерал В. А. Матросов, не возымели никакого действия. Не принималось во внимание и то, что несколько сотен месхетинцев, перебравшихся в соседний Азербайджан, преспокойно живут в пограничных районах. Э. А. Шеварднадзе, когда стал первым секретарем ЦК, «также поддерживал лживую версию, будто против переселения месхетинцев в

Грузию возражают пограничники»¹⁴²³. В результате в Грузию {337} могли вернуться лишь немногие из тех месхетинцев, кто решился изменить свою национальность и стал по паспорту грузином.

В том же 1972 году, 30 марта, в Политбюро ЦК КПСС обсуждался доклад Ю. В. Андропова «О враждебной пропаганде и ее влиянии, об обострении классовой и идеологической борьбы»¹⁴²⁴. При этом обращалось внимание на книгу члена Политбюро П. Е. Шелеста «Украина наша советская», изданную на украинском языке в Киеве в 1971 году. Л. И. Брежнев подал несколько реплик по поводу этой книги, что «мол, в этой книге воспевается казачество, пропагандируется архаизм»¹⁴²⁵. М. С. Соломенцев заметил: «На Украине много вывесок и объявлений на украинском языке. А чем он отличается от русского? Только искажением последнего. Так зачем же это делать»¹⁴²⁶. «Договорился! — возмущался в этой связи П. Е. Шелест. — Проявил великорусский шовинизм, и все сходит». Соломенцев выступил также против установления гербов городов, против экскурсий и туризма по старинным городам и памятным местам. «Какой позор, — откомментировал Шелест, — отказываться от своей вековой культуры! Чего можно ждать хорошего от такого рода “деятели”?»¹⁴²⁷

В выступлении А. Н. Косыгина прозвучало: «Создание в свое время совнархозов тоже было проявлением национализма... Непонятно, почему на Украине в школах должны изучать украинский язык?.. Севастополь испокон веков русский город. Почему и зачем там имеются вывески и витрины на украинском языке?» «Тут, надо сказать, — записал Шелест, — Косыгин совсем договорился до отъявленного великодержавного шовинизма»¹⁴²⁸.

Однако критике за национализм официально был подвергнут не кто иной, а лидер украинских коммунистов. В журнале «Коммунист Украины» (Киев, 1973. № 4) была опубликована редакционная статья «О серьезных недостатках одной книги». Было дано указание обсудить эту статью и книгу Шелеста на всех городских и областных активах. Книга была изъята из продажи. Шелест пытался переубедить Брежнева: «В части национальной политики я всегда был и остаюсь интернационалистом, но от своего народа, от своей принадлежности к нации, ее культуре, истории, никогда не откажусь: ведь я не Фома безродный»¹⁴²⁹. «Я и сейчас утверждаю, — говорил он о своей книге, — что в ней все вопросы изложены правильно, с классовых, идеологических интернациональных и исторических позиций... Зачем же ее было изымать и критиковать в журнале “Коммунист Украины”?»¹⁴³⁰. Объяснения не получилось. 27 апреля 1973 года по решению Пленума ЦК КПСС автор книги «пошел на отдых по состоянию здоровья», хотя и считал себя в составе Политбюро «здоровее всех их вместе взятых»¹⁴³¹. Что касается своей руководящей работы, Шелест остался при убеждении: «Когда я был в Киеве, там проводилась “украинизация”»¹⁴³².

В 1972 году большой резонанс вызвали похороны Ромаса Каланты, восемнадцатилетнего юноши из Каунаса, совершившего 14 мая самоубийство в знак протеста против «советской оккупации Литвы». Похороны переросли в масштабную манифестацию национального протеста. После попыток властей помешать собравшимся принять участие в похоронах {338} молодые литовцы направились к месту самоубийства, в центр города, скандируя «Свобода!», «Литва!». Произошли столкновения с милицией. На следующий день (19 мая) манифестация возобновилась. В город вошли воинские части. Собравшиеся разошлись после обращения к ним властей и родителей Каланты. Было задержано около 400 человек, 8 участников демонстрации осуждены за участие в «уличных беспорядках».

Национальные проблемы в СССР в 1970-е годы усугублялись вмешательством США. Один из знатоков этого вопроса, главный редактор издательства «Энциклопедия русской цивилизации» О. А. Платонов пишет в своей книге «Терновый венец России. История русского народа в XX веке»: «В 60—70-е годы ЦРУ усилило финансовые вливания в антирусскую деятельность “Организации украинских националистов” с центром в США. Платные агенты этой организации сумели создать в разных местах Малороссии целый ряд подпольных националистических ячеек, борющихся не столько за сохранение “украинской самобытности”, сколько против России. Из небытия вновь были извлечены “сочинения” старых врагов и предателей Русского народа вроде агента австро-германских спецслужб масона М. С. Грушевского. На деньги ЦРУ (и не без помощи его специалистов) в конце 60-х годов была опубликована книга малоросского еврея И. Дзюбы “Интернационализм, или русификация”, грубо извращавшая существо отношений великоросской и малоросской ветвей Русского народа. Выпущенная западными спецслужбами огромными тиражами, эта книга стала своего рода программой борьбы против Великой и Неделимой России. При поддержке ЦРУ и других западных спецслужб осуществлялось разжигание националистических настроений в Русской Прибалтике. На Эстонию и другие прибалтийские республики, например, работали специальные каналы финского и шведского телевидения, финансово поддерживаемые

ЦРУ, постоянно осуществлявшие антирусскую пропаганду, извращавшую российскую историю и истинный характер отношений Русского народа. В прибалтийских республиках распространению антирусских настроений способствовали местные партийные власти, которые совершенно отчетливо проводили политику на обособление групп населения по национальному признаку. В Эстонии, например, оно начиналось с детских садов, которые делились на эстонские и русские, школа строилась по такому же признаку. Даже отдельные предприятия и рабочие коллективы были либо русскоязычные, либо эстонские»¹⁴³³.

В 1973 году обострилась ситуация вокруг Пригородного района Северной Осетии. 16—19 января тысячи ингушей съехались в Грозный, требуя от властей решения проблемы этого района. В заявлении, переданном властям, перечислялись факты дискриминации ингушского населения в Осетии, главным образом при приеме на работу. Ингуши просили обеспечить им на территории спорного района равные с осетинами права. Демонстрации и митинги продолжались несколько дней. Люди несли портреты Ленина и Брежнева, лозунги с высказываниями вождей об интернационализме и дружбе народов. Демонстранты организовали {339} собственную «службу порядка» и не допускали «антисоветских высказываний». После прибытия М. С. Соломенцева было решено рассмотреть вопрос и не подвергать репрессиям участников выступления. Однако несколько сот молодых ингушей, отказавшихся отправиться домой на предоставленных митингующим автобусах, были разогнаны водой из брандспойтов и милицейскими дубинками.

В 1976 году открывалась возможность решения проблемы советских немцев, выселенных в годы войны из мест своего жительства. С тех пор история их злоключений обросла многими попытками восстановить справедливость. Вот как пишет об этом Ф. Д. Бобков. «С началом Великой Отечественной войны всех немцев переселили на Восток — в Сибирь и Казахстан. Трудно было объяснить, почему их права не были восстановлены после войны... В ФРГ появились центры, которые поддерживали эмиграционные настроения советских немцев... Мы же вели страусову политику, делая вид, будто проблемы вообще не существует. Дело доходило до абсурда. Например, в Казахстане проживало около миллиона немцев, изгнанных с обжитой земли в Поволжье, и этот факт пытались скрыть от советской и мировой общественности. В энциклопедии Казахстана немцы даже не упоминались как национальность в составе населения республики. Там же писалось, что в Акмолинске издается на немецком языке газета «Фройндшафт» («Дружба») и работает немецкий театр. Странно!... Но вот Москву собрался посетить канцлер ФРГ Аденауэр. В ЦК КПСС засуетились, понимая, что советские немцы непременно будут апеллировать к нему. И тогда было принято поистине соломоново решение: из многих тысяч желающих уехать в ФРГ разрешение на выезд получили... около трехсот семей. Точно так же поступали и потом, при посещении СССР другими высокопоставленными лицами из обоих немецких государств»¹⁴³⁴.

5-е Управление КГБ, возглавляемое Ф. Д. Бобковым, вошло в ЦК КПСС с предложением воссоздать немецкую автономию и разрешить немцам выезд на родину. «Вопрос об автономии повис в воздухе, а выезд все-таки разрешили. Немцы стали выезжать. Что здесь началось! “Как же так? Люди уезжают из страны социализма! Уезжают из районов, где есть закрытые предприятия!” (А где их у нас нет?)». Управление КГБ предложило еще одно решение: «Создать немецкую автономную область на территории Казахстана... Потому что в противном случае возникала угроза оголить целинный край, который давал хорошие урожаи. Решение Политбюро ЦК КПСС было принято в 1976 году. И тут возникли новые препятствия. В Казахстане инспирировали протест студентов Целиноградского педагогического института, их поддержали ЦК компартии и правительство Казахстана, хотя сами принимали участие в подготовке создания автономии и определили ее административные границы. Дело осложнялось, а выход никто не хотел искать. А он был: восстановить автономию в Поволжье. Руководители Саратовской области охотно шли навстречу, ибо пустовало немало земель. Несколько тысяч немцев уже возвратились в те места. Но ЦК КПСС на такой вариант не пошел. Решить дело подобным образом — значит поссориться с первым {340} секретарем компартии Казахстана Д. А. Кунаевым: ведь если немцы уедут с целины, эта область лишится рабочих рук. Так и замариновали вопрос... На этой почве у меня произошла стычка с Кунаевым. Он бросил фразу: “Сами немцы не хотят автономии, а вы им ее навязываете!” Тогда я обратил внимание на то, что даже в Целинограде студенты выступали не против немецкой автономии вообще, а против ее создания именно в Казахстане»¹⁴³⁵.

В январе 1977 года дело дошло до террора на национальной почве. Трое армян, Степанян, Багдасарян и Затикян, являвшиеся членами подпольной националистической партии, приехали в Москву с целью нелегальной борьбы против русских людей. В субботу, 8 января, во время школьных каникул ими были взорваны три бомбы — в вагоне метро, в продмаге и неподалеку от ГУМа

на улице 25 Октября. Результатом было 37 погибших и раненых. После неудавшейся попытки взорвать три заряда на Курском вокзале накануне 7 ноября 1977 года преступники были раскрыты.

Характерно, что и в этом случае, чтобы не «компрометировать армянский народ в глазах русских», по указанию первого секретаря ЦК компартии Армении К. С. Демирчяна ни одна газета, выходившая на армянском языке, не опубликовала сообщения о террористическом акте. Документальный фильм о процессе над Затикяном и его сообщниками, снятый во время заседания Верховного суда, было запрещено показывать. Когда же в «Известиях» появилось выступление академика А. Д. Сахарова, который протестовал против якобы незаконного ареста армян (он отказывался верить, что трое террористов могли приехать в Москву совершать убийства), Демирчян бурно возмутился: как смел Сахаров разглашать фамилии преступников, кто дал разрешение редакции печатать этот материал!¹⁴³⁶

На принятую новую Конституцию СССР одними из первых откликнулись футбольные болельщики в Вильнюсе. 7 октября 1977 года, после победы «Жальгириса» над витебской «Двиной», несколько сот зрителей футбольного матча двинулись по улицам города, выкрикивая: «Долой конституцию оккупантов!», «Свободу Литве!», «Русские, убирайтесь вон!» Литовская молодежь срывала плакаты к 60-летию Октября, била витрины с наглядной агитацией. Инцидент закончился с задержанием 17 участников такой своеобразной демонстрации. Через три дня аналогичные события произошли после футбольного матча между «Жальгирисом» и смоленской «Искрой». Теперь уже более десяти тысяч зрителей направились в центр Вильнюса, выкрикивая лозунги против советской оккупации. По ходу движения к ним присоединились еще около 500 человек. Демонстранты прорвали заслон милиции и внутренних войск и вышли на проспект Ленина. Второй, более мощный заслон остановил их движение. Результатом беспорядков стали выбитые стекла в здании ЦК КП Литвы, разбитые витрины с политическими плакатами, госпитализация нескольких милиционеров, задержание 44 человек, исключения студентов из вузов.

После принятия Конституции ситуация в межнациональных отношениях не менялась к лучшему и в других регионах страны. Своеобразие и острота ситуации показана в названной выше книге О. А. Платонова. {341} «Отток ресурсов Русского народа в национальные регионы СССР, — пишет он, — сильно ослабил главную нацию, резко ухудшил ее материальное положение. Вместо строительства фабрик и заводов, дорог и телефонных станций, школ, музеев, театров в Центральной России ценности, созданные руками русских, обеспечивали условия для преимущественного развития других народов (и прежде всего их правящих слоев). В результате в национальных республиках возникает значительное количество людей, живущих на нетрудовые доходы, за счет спекуляций и махинаций ресурсами Русского народа. Именно в этой среде постепенно формируются и переплетаются между собой мафиозные кланы, “опекающие” разного рода “теневики” и “цеховики”, и националистические организации (всегда связанные с западными спецслужбами). Весьма характерно, что чем больше та или иная национальная республика неоправданно потребляла за счет ресурсов Русского народа, тем сильнее были ее мафиозные и националистические организации (Грузия, Армения, Азербайджан, Таджикистан, Эстония). В Грузии мафиозные и националистические организации, тесно переплетенные между собой, стали влиятельной силой общества, а их лидеры — образцом для подражания молодежи, особенно студенческой... Не лучшее положение сложилось и в Армении. Здесь мафиозно-националистические кланы уделяли особое внимание “воспитанию” молодежи. Армянским детям и подросткам с малых лет внушали идеи об исключительности армянской нации. Многие армяне к зрелому возрасту становились убежденными националистами, причем с антирусской направленностью, которую они получали не без помощи широко разветвленной подпольной националистической организации дашнаков, руководящие центры организации находились в США и финансировались ЦРУ»¹⁴³⁷.

Противоречия в национальной сфере проявилось при принятии в 1978 года на основе Конституции СССР новых республиканских конституций. Чтобы отразить процесс «сближения» наций, из проектов конституций закавказских союзных республик по предложению центра исключили статьи о государственном языке, которые были в прежних конституциях. Эта «новация» вызвала волну открытого протеста со стороны студенчества и интеллигенции в Грузии. Статьи пришлось сохранить и в конституциях Азербайджана и Армении, невзирая на то, что в союзной конституции аналогичной записи не было, не было таких статей и в конституциях всех остальных союзных республик.

Волнения по поводу государственного языка начались в Грузии. Проект новой Конституции республики не содержал записи о грузинском языке как государственном. И как только сессия Верховного Совета Грузии приняла 14 марта 1978 года соответствующую статью Конституции в

новой редакции, в Тбилиси были немедленно организованы демонстрация и митинг с требованием сохранения записи о государственном статусе грузинского языка. Перед Домом правительства, окруженным войсками, собралось более десяти тысяч человек, в основном студентов. К митингующим вышел Э. А. Шеварднадзе и пообещал удовлетворить их требование. Под давлением {342} митинга чрезвычайная сессия Верховного Совета республики приняла решение оставить статью о языке «без изменений». В тексте опубликованной Конституции слова о русском языке были вычеркнуты, а грузинский объявлялся единственным государственным языком.

Отказ грузин признать равноправными государственными языками грузинский и русский вызвал немедленную националистическую реакцию и в Армении. Несмотря на то, что эта статья Конституции была уже принята, армяне, по примеру Грузии, дали обратный ход и признали государственным только армянский язык.

Весной 1978 года состоялись митинги абхазцев в различных населенных пунктах автономной республики с требованиями придания государственного статуса абхазскому языку, прекращения миграции в республику грузин, отделения от Грузии и вхождения в состав РСФСР. Уступкой требованиям абхазов стало включение в конституцию автономной республики положения о введении в Абхазии трех государственных языков: абхазского, русского и грузинского.

В декабре 1978 года прошла демонстрация немцев-«отказников» в Душанбе с требованием разрешить им покинуть страну. Демонстранты прошли от гостиницы «Таджикистан» до здания Верховного Совета с плакатом «Отпустите нас на родину». Перед собравшимися выступил первый секретарь горкома и пообещал увеличить число разрешений на выезд. Обещание было выполнено.

Весной 1979 года достигли пика автономистские настроения немцев в Казахстане. Руководители республики обещали решить вопрос. Была определена территория будущей автономии, названа ее столица (г. Ерментау, на востоке Целиноградской области), выбрано здание обкома, намечен его состав, оставалось лишь провозгласить образование автономной области, намеченное на 15 мая 1979 года. Однако утром этого дня в Целинограде состоялась манифестация казахского населения против решения властей в Москве и Алма-Ате о создании в Казахстане немецкой автономии. Манифестация проходила под лозунгами: «Казахстан неделим!», «Нет немецкой автономии!» Пришлось просить активистов автономистского движения «подождать» с провозглашением их национально-территориального образования. Казахских участников демонстрации первый секретарь обкома успокоил сообщением о том, что автономию никто не собирается учреждать, вопрос о ней никогда даже и не стоял. Выступления студентов негласно поддерживались республиканским руководством. И лишь спустя многие годы, в июле 1987 года, при обсуждении в ЦК КПСС вопроса «О работе Казахской республиканской партийной организации по интернациональному и патриотическому воспитанию трудящихся» было сказано: «Серьезные ошибки и просчеты в работе партийных комитетов республики привели к росту националистических проявлений, которые своевременно не пресекались, более того, замалчивались как обычное хулиганство. Даже имевшим место в 1979 году в г. Целинограде националистическим выступлениям ЦК Компартии Казахстана не дал острой политической оценки. {343} Проявлением казахского национализма были и беспорядки в декабре прошлого года в Алма-Ате»¹⁴³⁸.

Осень 1980 года стала временем молодежных беспорядков в Эстонии. 22 сентября, после отмены выступления молодежного поп-оркестра «Пропеллер», назначенного на таллинском стадионе после футбольного матча, около тысячи эстонских школьников вышли на улицы с протестом против этого решения. Концерт был отменен в связи с обнаружением в текстах песен «Пропеллера» «националистических мотивов». Демонстрация была разогнана милицией, несколько старшеклассников исключены из школ. 1 и 3 октября милиции пришлось разгонять более чем тысячную демонстрацию протеста против исключений из школ. Демонстранты размахивали флажками независимой Эстонии, выкрикивали лозунги «Свободу Эстонии!», «Русские — вон из Эстонии!». 7 и 8 октября последовали новые демонстрации протеста в Таллине (несколько сот участников), а 10 октября — молодежные демонстрации в Тарту и Пярну. Среди прочих выдвигалось требование отставки русского министра образования Эстонии. 11 октября министр внутренних дел республики предостерег от продолжения выступлений. По школам были проведены родительские собрания, родителям «бунтовщиков» грозили увольнением с работы. В результате всех этих событий из школ было исключено около 100 учащихся, несколько человек были осуждены за «хулиганство».

ВЫЗРЕВАНИЕ НОВОЙ ОППОЗИЦИИ: ДИССИДЕНТСТВО

Идейную и организационную оппозицию власти в условиях «развитого социализма» составляли

разномастные в идейном отношении диссидентские движения¹⁴³⁹. Основные диссидентские течения обнаруживали идейное родство с известными с середины XIX в. славянофилами, западниками и социалистами. С учетом реалий второй половины XX столетия это были русофильские (почвеннические) течения в их консервативном и либеральном вариантах и новые западники. Разновидностями последних течений были либерально-демократические, социально-демократические и еврокоммунистические потоки. В диссидентстве различались также националистические, религиозные, экологические и другие течения. Известное единство движению в целом придавало активное неприятие захваченных движением людей сложившихся в стране порядков, стремление к свободе и правам человека. Со временем движение приобретало все более выраженные черты антикоммунизма и антисоветизма. Именно с этой, наиболее радикализованной частью диссидентского движения в конце 1980-х годов объединилась значительная часть партийно-советской элиты.

В первые годы перестройки власти сохраняли в основном настороженное отношение к бывшим диссидентам, представляя их как бравирующих одиночек, склонных к экстремизму и риторике честолюбцев, не обладавших достаточной настойчивостью, терпением и талантом, чтобы действовать на официально признанном поприще. Отношение изменилось в период, когда власть сама встала на путь обличения своих пороков. В 1989—1993 годах {344} бывшие диссиденты зачастую представлялись уже героями и авторами новой общественной этики. И хотя далеко не все из них поддерживали новую власть, их программные лозунги, по существу, стали официальными. Объединение власти с «широкой общественностью» в едином стремлении кардинально «исправить» пороки социалистического строя стало главной причиной ликвидации строя и разрушения СССР.

В 1994 году Администрация президента РФ издала материалы научно-практической конференции, приуроченной к 73-летию со дня рождения А. Д. Сахарова. В книге «Слово о Сахарове» помещено обращение Б. Н. Ельцина. Выступивший на конференции руководитель Администрации президента С. А. Филатов целиком отождествлял существующую власть с участниками возглавляемой Сахаровым ветви диссидентства и с теми его учениками, «кто взял на себя тяжкую обязанность реализовать многое из того, о чем Андрею Дмитриевичу мечталось». «Тем большая ответственность, — говорил Филатов, — лежит на нас, на людях, кому выпало сегодня осуществить то, о чем мечтал Андрей Дмитриевич Сахаров... Да помогут нам выполнить эту нелегкую миссию опыт Сахарова, мысли Сахарова, идеи Сахарова и чувства Сахарова». Такие исполненные в культовой манере речи красноречиво характеризуют официальную оценку исторической роли одного из диссидентских течений.

В диссидентстве социал-демократического направления, смыкавшегося с либеральными течениями в неприятии национально-патриотической перспективы развития страны, наибольшую известность приобрели братья — историк и биолог Р. А. и Ж. А. Медведевы. Под их влиянием зарождалось вольномыслие А. Д. Сахарова.

Из национально-либеральных, почвеннических течений общественной мысли и диссидентства наибольшим антисоветизмом выделялись А. И. Солженицын и И. Р. Шафаревич. Менее радикальными были разрозненные национально-патриотические течения консервативно-государственнического и социально-культурного склада, лидерами которых были И. В. Огурцов, В. Н. Осипов, Л. И. Бородин и др. В «реальном социализме» они не видели почти ничего ценного, но и не поддерживали диссидентов, которые «целились в коммунизм, а стреляли в Россию».

Начиная с середины 60-х годов, в диссидентском движении выделяется несколько этапов: становление (1964—1972), кризис (1973—1974), международное признание и расширение деятельности (1974—1979), сужение движения под ударами репрессий (1980—1985).

Р. А. Медведев с 1964-го по 1970 год ежемесячно выпускал тиражом 20—40 экземпляров самиздатские материалы, изданные в 1972 году в Амстердаме под названием «Политический дневник». К 1968 году он закончил работу над книгой «К суду истории», в которой рассматривал преступления Сталина. В 1969 году за эту книгу он был исключен из КПСС. В 1971 году книга была издана за рубежом. В 1972 году там же была опубликована другая его книга «Социализм и демократия». Книги и дневник принесли автору широкую известность «независимого специалиста» по вопросам внутренней и внешней политики СССР. {345}

Либеральное западничество дало о себе знать изданием в 1965 году в Москве самиздатского журнала «Сфинксы» (редактор В. Я. Тарсис), публикацией за рубежом и распространением в СССР гротескно-сатирических повестей о социальных и психологических феноменах тоталитаризма А. Д. Синявского («Суд идет», 1959; «Любимов», 1963), и Ю. М. Даниэля («Говорит Москва», 1962; «Искупление», 1964). «Литературная газета» назвала эти произведения, опубликованные под псевдонимами А. Терц и Н. Аржак, самой настоящей антисоветчиной, вдохновленной не-

ненавистью к социалистическому строю. КГБ квалифицировал их как «особо опасные государственные преступления». В сентябре 1965 года писателей арестовали.

5 декабря 1965 года на Пушкинской площади в Москве состоялась первая за многие десятилетия несанкционированная демонстрация под правозащитными лозунгами: «Требуем гласности суда над Синявским и Даниэлем», «Уважайте Советскую Конституцию — наш основной закон!». Одним из организаторов демонстрации был математик и поэт А. С. Есенин-Вольпин (сын поэта С. А. Есенина). Этот день принято считать началом правозащитного движения в СССР.

В феврале 1966 года Тарсис, выехавший в Англию, был лишен советского гражданства; в Москве состоялся суд над Даниэлем и Синявским, обвиненными по статье 70 УК РСФСР «антисоветская агитация и пропаганда, направленная на подрыв или ослабление Советской власти». Представители творческой и научной интеллигенции направили в защиту обвиняемых 22 письма. Подписали их 80 человек, главным образом члены Союза писателей (более 60). Одними из первых на защиту выступили В. Аксенов, Г. Владимов, А. Вознесенский, В. Войнович, А. Гладилин. Подключившиеся к защите осужденных А. И. Гинзбург, редактор журнала «Синтаксис» (1959—1961), и поэт Ю. Галансков (первый составил сборник документов по делу опальных писателей, второй включил в самиздатский альманах «Феникс-66» «криминальную» статью Синявского «Что такое социалистический реализм») были, в свою очередь, арестованы. Их осуждение вызвало новую петиционную кампанию в начале 1968 года.

Наиболее известными событиями истории либерального диссидентского движения стали: суд над 21 участником Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа (ВСХСОН) — крупнейшей за историю движения подпольной организации во главе с И. В. Огурцовым (февраль — декабрь 1967 г.)¹⁴⁴⁰ и начало (апрель 1968 г.) выпусков самиздатского правозащитного бюллетеня «Хроника текущих событий».

Ядро ВСХСОНа сложилось в 1962 году. Организационно оно оформилось 2 февраля 1964 года. В этот день выпускник восточного факультета Ленинградского государственного университета И. В. Огурцов прочел своим давним друзьям лингвисту М. Ю. Садо, филологу Е. А. Вагину и студенту-юристу Б. А. Аверичкину Программу военно-политической организации «Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения народа», создаваемой для организованной борьбы с существующим строем. Через два месяца четверо учредителей распределили между собой обязанности {346} по организации. Огурцов стал ее руководителем, Вагин — идеологом, бывший десантник и чемпион Ленинграда по классической борьбе Садо отвечал за работу с личным составом и контрразведкой, Аверичкин стал хранителем архива и списков организации. Была разработана присяга, которую принимал каждый вступающий в союз. Новым членам говорилось, что они вступают в организацию, объединяющую тысячи людей по всей стране. Член организации, директор школы в Лужском районе Ленинградской области Л. И. Бородин (ныне известный писатель, с 1992 г. редактор журнала «Москва») полагал, что по делу союза в 1967 году только в Ленинграде было арестовано не меньше пятисот человек.

Структура ВСХСОНа сначала состояла из троек, которые потом стали объединяться во взводы. В каждом подразделении имелась своя библиотека, насчитывающая 30 обязательных для самообразования работ. Политической основой ВСХСОНа был симбиоз идей Бердяева о социал-христианстве и взглядов, изложенных в книге М. Джиласа «Новый класс». Программа организации совершенствовалась по мере обнаружения неизвестных ранее ВСХОНовцам произведений Бердяева. Ее окончательный вариант был подготовлен к началу 1965 года. Тогда же был написан устав организации. Программа предполагала создание православного корпоративного государства, допущение частной собственности и контроль государства над основными отраслями промышленности. В отличие от московских групп, самиздат союза представлял собой уже не самодельные листовки с призывами вроде «Люди, не верьте коммунистам», а детализированные политические документы, исторические и искусствоведческие сочинения, профессиональную поэзию. Ленинградцы имели довольно многочисленные контакты с другими подпольными и легальными группами инакомыслящих. Члены союза активно искали подходящие кандидатуры среди других подпольных групп. Большинство членов одной из них — «Союза защиты демократических свобод», вошло во ВСХСОН. Помимо этого, члены союза сумели установить контакты с редакцией журнала «Вестник РСХД» (Париж) и польскими антикоммунистами и получали от них литературу.

Деятельность союза была раскрыта в феврале 1967 года по доносу одного из его участников — Александра Гидони. К этому времени союз насчитывал 28 членов и 30 кандидатов и был самой крупной подпольной группой, раскрытой КГБ за послесталинский период. По делу организации был осужден 21 человек, по стране в этой связи было допрошено около 100 свидетелей. Приговор

суда над лидерами союза, обвиняемыми по статьям 64 (измена Родине) и 72 (создание антисоветской организации) Уголовного кодекса РСФСР, был оглашен в начале декабря 1967 года. Огурцову дали 15 лет лагеря (семь из них он должен был провести в тюрьме) и 5 лет ссылки, Садо — 13 лет, из них 3 года тюрьмы, Вагину и Аверичкину — по 8 лет. Весной следующего года были осуждены 17 рядовых членов организации.

Известный диссидент, представитель русского национально-освободительного движения В. Н. Осипов не без оснований считает, что ВСХСОН по сути был организационно оформленным «бердяевским кружком» {347} интеллигентов, занимающихся самообразованием. Союз был выражением идущих со времен войны необратимых изменений в духовной жизни и, в частности, растущего интереса к произведениям русских философов — дореволюционных и вынужденных эмигрантов — В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, И. А. Ильина, Г. П. Федотова, к трудам дореволюционных русских историков В. Н. Татищева, Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, В. О. Ключевского и других.

Самиздатский правозащитный бюллетень «Хроника текущих событий» начал издаваться в апреле 1968 года и выпускался на протяжении 15 лет. Последний 64-й номер «Хроники» вышел в 1983 году. Ее составители (московская поэтесса и переводчица Н. Горбаневская и другие) стремились фиксировать все случаи нарушения прав человека в СССР, а также выступлений в защиту этих прав. Хроника содержала информацию о движениях национальных (крымских татар, месхов, прибалтов), религиозных (православных, баптистов) и др.

За издание и распространение Хроники в декабре 1974 года был арестован и осужден на семь лет заключения в лагере строго режима и три года ссылки кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Московской рыбоводно-мелиоративной опытной станции С. А. Ковалев. Впоследствии он стал депутатом Государственной Думы Федерального собрания РФ, в 1993—1996 годах был членом Президентского совета, уполномоченным Государственной Думы по правам человека.

Большую роль в развитии диссидентства сыграли публикация в самиздате в июне 1968 года работы А. Д. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», демонстрация протеста против ввода войск в Чехословакию (25 августа 1968 г.) и суд над ее участниками (октябрь 1968 г.), исключение в ноябре 1969 года А. И. Солженицына из Союза писателей СССР за публикацию на Западе романов «В круге первом» и «Раковый корпус» и присуждение ему Нобелевской премии по литературе (1970). В книге А. Д. Сахарова, по существу, обосновывалась либерально-западническая программа движения, фактически она стала своеобразным планом первого этапа горбачевской «перестройки».

«Нобелевская лекция» Солженицына стала выражением либерального почвеннического направления в движении. В этой связи он писал: «Когда в Нобелевской лекции я сказал в самом общем виде: “Нации — это богатство человечества...” — это было воспринято всеобщееодобрительно... Но едва я сделал вывод, что это относится также и к русскому народу, что также и он имеет право на национальное самосознание, на национальное возрождение после жесточайшей и суровой болезни, — это было с яростью объявлено великодержавным национализмом... За русскими не предполагается возможность любить свой народ, не ненавидя других»¹⁴⁴¹. Свою идеологию писатель неоднократно определял не как национализм, а как национальный патриотизм.

Летом 1970 года у трапа пассажирского самолета, курсировавшего из Ленинграда в Приозерск, были арестованы 12 человек, намеревавшихся {348} захватить самолет и использовать его для вылета в Израиль. Суд над «самолетчиками», безуспешно добивавшимися разрешения на эмиграцию, закончился вынесением суровых приговоров зачинщикам этой террористической акции и арестами среди сионистской молодежи в ряде городов страны. Однако вся эта история, вместо того чтобы пресечь эмиграцию, привлекла внимание мировой общественности к проблеме свободы выезда из СССР. Властям пришлось пойти на уступки и с каждым годом увеличивать количество разрешений на выезд. С 1967 года, когда Андропов стал председателем КГБ (это ведомство было одним из главных в изучении и разрешении еврейского вопроса в стране) и до его смерти в 1982 году, из СССР эмигрировало около 100 тысяч евреев. Согласно переписям населения, численность еврейского населения в СССР сократилась с 2151 тысячи человек в 1970 году, до 1762 тысяч в 1979 году и до 1154 тысяч в 1989 году.

Громкий «самолетный процесс» не мог не привлечь внимания властей и общественности к проблеме еврейского национализма и сионизму как одной из форм его выражения. При выработке международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации в 1973 году представители некоторых государств в ООН пытались осудить антисемитизм, но возражали против пред-

ложения советской делегации отнести к расовой дискриминации как антисемитизм, так и сионизм. На XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН в резолюции от 14 декабря 1973 года впервые проводилась аналогия между южноафриканским расизмом и сионизмом. Широкая дискуссия вокруг этих проблем была развернута представителями развивающихся стран на XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Особенной резкостью отличались выступления представителей Судана и Уганды. Президент Уганды И. Амин Дада, осуждая постоянную поддержку Израиля Соединенными Штатами, объяснял ее тем, что «такая могущественная нация, как Соединенные Штаты Америки, находится во власти сионистов». СССР способствовал принятию в ООН внесенного проекта резолюции, осуждающего сионизм. 10 ноября 1975 года резолюция 3379 была принята вопреки попыткам представителей Израиля и США не допустить этого. Она определяла, что «сионизм является формой расизма и расовой дискриминации». После упразднения СССР резолюция была отменена.

Процесс над угонщиками самолета показывал, что значительная часть «правозащитников» использовала правозащитную идею для прикрытия воинствующего национализма и других далеких от прав человека идей. Позднее об этом откровенно поведала известная «правозащитница» В. И. Новодворская: «Я лично правами человека накушалась досыта. Некогда и мы, и ЦРУ, и США использовали эту идею как таран для уничтожения коммунистического режима и развала СССР. Эта идея отслужила свое, и хватит врать про права человека и про правозащитников»¹⁴⁴².

Однако именно в 1970-е годы правозащитное движение становится одним из главных составляющих диссидентского движения в СССР. В ноябре 1970 года В. Н. Чалидзе создал Комитет защиты прав человека, куда вошли академик А. Д. Сахаров и член-корреспондент АН СССР {349} И. Р. Шафаревич. Комитет действовал до 1973 года. В 1973 году возникла русская секция «Международной амнистии». Ее председателем стал доктор физико-математических наук В. Ф. Турчин, секретарем — молодой физик из академического Института информации А. Н. Твердохлебов.

В диссидентском движении большой удельный вес занимала еврейская проблематика. Актуализации проблемы во многом способствовало выступление известного кинорежиссера М. И. Ромма на конференции «Традиции и новаторство в искусстве социалистического реализма», проходившей в стенах Всероссийского театрального общества 27 ноября 1962 года. Пятикратный лауреат Сталинской премии впервые публично и недвусмысленно высказался об известной кампании против «космополитов» конца 1940-х годов, утверждая, что она была создана искусственно, носила антисемитский характер и по существу сводилась к избиванию писательских кадров. Виновниками этого «избиения» назывались здравствующие «антисемиты» Н. М. Грибачев, В. А. Кочетов, А. В. Софронов и «им подобные» (в письме Л. Ф. Ильичеву по поводу этого выступления поименованы также А. А. Суров, А. Л. Первенцев, М. С. Бубеннов), на совести которых «лежит судьба многих и многих честных и хороших писателей и критиков, не имеющих никакого отношения к космополитизму». Они же, по мнению Ромма, проводили открытую диверсию против всего нового и яркого в кинематографе. Выступление произвело сенсацию в интеллигентской среде, его текст широко разошелся в списках по Москве, став одним из первых документов самиздата. ЦК КПСС по существу уклонился от рассмотрения жалоб названных писателей, избранных в высшие партийные органы, сохранив тем самым двусмысленность своего отношения к ситуации. А. И. Солженицын полагает, что выступление Ромма имело очень большое значение для дальнейшего развития диссидентского движения. С этого момента Ромм «стал как бы духовным лидером советского еврейства. И с тех пор евреи дали значительное пополнение “демократическому движению”, “диссидентству” — и стали при том отважными членами его»¹⁴⁴³.

«Пополнение» было столь значительным, что позволяло некоторым говорить о диссидентстве в целом как о преимущественно еврейском движении. «Все евреи — диссиденты, все диссиденты — евреи» — эти слова были распространенным присловьем в интеллигентских кругах (С. Н. Семанов). Однако, наиболее существенным в этой ветви диссидентства было то, что оно в основном противоречило русскому началу. Говоря об этом, публицист Татьяна Глушкова отмечала: «Здесь никогда не было опоры на традицию, национальную традицию (и тем самым культуру), а на одни лишь «хельсинкские» и тому подобные соглашения... Мы увидим борьбу с точки зрения западных ценностей, не менее, а более чуждых, враждебных русскому духу, чем даже здешний коммунистический интернационализм или атеизм». Диссидентство, сопровождавшееся оживлением сионизма в Советском Союзе, стало дополнительной пищей для антисемитизма, также ожившегося к 70-м годам. {350}

(Окончательный переход подавляющей части бывшего советского еврейства после распада СССР с позиций глобалистов коммунистического Третьего интернационала на позиции безогово-

рочной поддержки глобалистов США в их праве мироустроить нашу планету по американскому образцу таит в себе немалую опасность. «Представим себе, — пишет один из известных современных российских философов А. С. Панарин в своей книге “Искушение глобализмом”, — что евреи в большинстве стран, еще сопротивляющихся глобальным имперским притязаниям США, обретают в глазах местного населения стойкую репутацию американской “пятой колонны”, а американская затея все же лопнет: не пахнет ли это очень большим риском для тех, кто так преждевременно и безоглядно связал свою судьбу с нею?»¹⁴⁴⁴).

Летом 1972 года были арестованы известные диссидентские деятели П. Якир (сын репрессированного в 1937 году командарма И. Э. Якира) и В. Красин (внук известного политического деятеля Л. Б. Красина). В ходе следствия арестованные согласились сотрудничать с КГБ. Результатом этого стали широкая волна новых арестов и заметное затухание диссидентского движения. Его новый подъем был во многом связан с появлением на Западе в 1973 году, а затем и в самиздате солженицынского «опыта художественного исследования» государственной репрессивной системы под названием «Архипелаг ГУЛАГ», его статьи «Жить не по лжи».

5 сентября 1973 года А. И. Солженицын написал «Письмо вождям Советского Союза», в котором предлагал выход из двух главных опасностей, угрожающих нам в период ближайших 10—30 лет, — войны с Китаем и общей с Западной цивилизацией гибели в экологической катастрофе. Предлагалось ни много, ни мало, а отказаться от марксистской идеологии, «отдать ее Китаю». «Темный вихрь» этой идеологии, по словам писателя, «налетел на нас с Запада... и если теперь сам утягивается дальше на Восток — так пусть утягивается, не мешайте!». Самим же нам предлагалось разумно, по опыту Сталина от первых дней Отечественной войны, развернуть «старое русское знамя, отчасти даже православную хоругвь» и уже не повторять ошибки конца войны, когда мы «снова вытащили Передовое Учение из нафталина». Предлагалось перенести все усилия государства «с внешних задач на внутренние», отказаться от водки как важнейшей статьи государственного дохода, отказаться от «многих видов промышленного производства с ядовитыми отходами», «освободить русскую юность от обязательной всеобщей воинской повинности», ориентироваться на строительство «рассредоточенных городов, мягких для человека», признать на обозримое будущее необходимым для России не демократический, а «авторитарный строй», отказаться «от невыполнимых и ненужных нам задач мирового господства», и многое другое. Все это писатель полагал возможным осуществить за 3—10 лет¹⁴⁴⁵.

По изучении письма «вожди» в январе 1974 года решили привлечь писателя к уголовной ответственности «за злостную антисоветскую деятельность», а затем — лишить гражданства и выдворить за пределы страны. {351} Писателя арестовали, поместили в Лефортовскую тюрьму, а 13 февраля выслали за границу. В Швейцарии он основал Русский фонд помощи заключенным, первым распорядителем которого стал освободившийся из заключения А. И. Гинзбург. Помогать было кому. За 1967—1974 годы к уголовной ответственности за антисоветскую агитацию и пропаганду было привлечено 729 диссидентов.

В 1974 году А. Д. Сахаров написал работу «Тревога и надежды», в которой стране и миру было представлено видение академиком будущего мировой цивилизации, возможное только при условии предотвращения мировой ядерной конфронтации. Лучшим способом избежать этого он полагал конвергенцию двух систем. «Я считаю, — писал он, — особенно важным преодоление распада мира на антагонистические группы государств, процесс сближения (конвергенции) социалистической и капиталистической систем, сопровождающийся демилитаризацией, укреплением международного доверия, защитой человеческих прав, закона и свободы, глубоким социальным прогрессом и демократизацией, укреплением нравственного, духовного личного начала в человеке. Я предполагаю, что экономический строй, возникший в результате этого процесса сближения, должен представлять собой экономику смешанного типа, соединяющую в себе максимум гибкости, свободы, социальных достижений и возможностей общемирового регулирования».

Последующие работы говорят о большом своеобразии представлений Сахарова о способности СССР внести какой-либо вклад в конвергенцию. Об истории своей страны академик писал, что она «полна ужасного насилия, чудовищных преступлений», «пятьдесят лет назад рядом с Европой была сталинская империя — сейчас советский тоталитаризм». Он выступал против постановки темы о страданиях и жертвах русского народа, которые выпали на его долю в истории. Сахаров полагал, что ужасы Гражданской войны и раскулачивания, голод и репрессии в равной мере коснулись и русских и нерусских народов, а такие акции, как насильственная депортации, геноцид и подавление национальной культуры — «привилегия именно нерусских». Сахаров не соглашался с утверждениями Солженицына о том, что дореволюционная Россия жила, «сохраняя веками свое

национальное здоровье». Вслед за западниками и русофобами он повторял: «Существующий в России веками рабский, холопский дух, сочетающийся с презрением к иноземцам и иноверцам, я считаю не здоровьем, а величайшей бедой». Сахаровское отношение к стране отличало выдвижение им на первый план права на эмиграцию. Свободный выезд из своей страны он считал самым главным демократическим правом ее граждан.

В телеграмме Сахарова президенту США Дж. Картеру в 1976 году выражалась уверенность, что «исполненная мужества и решимости... первая страна Запада — США — с честью понесет бремя, возложенное на ее граждан и руководителей историей». В интервью «Ассошиэйтед Пресс» в том же году было заявлено: «Западный мир несет на себе огромную ответственность в противостоянии тоталитарному миру социалистических стран». В проекте {352} «Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии» (декабрь 1989 г.) Сахаров предлагал конституционно закрепить положение о том, что создаваемый Союз «в долгосрочной перспективе» стремится «к встречному плюралистическому сближению (конвергенции) социалистической и капиталистической систем, как к единственному кардинальному решению глобальных и внутренних проблем. Политическим выражением такого сближения должно стать создание в будущем Мирового правительства». В свете приведенных выше заявлений видно, какое правительство было способно с честью нести бремя руководства миром.

Суждения «отца водородной бомбы» производили большое впечатление в стране и мире. Однако один лишь М. С. Горбачев со временем положил их в основу курса внутренней и внешней политики государства, считая возможным начать конвергенцию в одностороннем порядке.

В декабре 1975 года А. Д. Сахаров стал третьим советским диссидентом, удостоенным Нобелевской премии. Этот акт наряду с высылкой из страны нобелевского лауреата А. И. Солженицына (февраль 1974) принес диссидентскому движению в СССР широкую международную известность. Позднее лауреатом Нобелевской премии стал осужденный в Ленинграде в феврале 1964 года за «злостное тунеядство» диссидентствующий поэт И. А. Бродский. В 1972 году он эмигрировал в США. Там он продолжал писать (по-русски и по-английски) стихи, принесшие ему широкую известность и премию (1987).

Расширению известности диссидентского движения способствовала деятельность Р. А. Медведева. В 1975—1976 годах он редактировал самиздатский журнал «XX век», десять номеров которого вышли в СССР, два из них были переизданы в Лондоне.

После заключения Хельсинкских соглашений (август 1975 г.) была создана Московская группа содействия выполнению гуманитарных статей этих соглашений (май 1976 г.). В нее вошли член-корреспондент Армянской академии наук Ю. Ф. Орлов (руководитель) и еще 10 человек: Л. Алексеева, М. Бернштам, Е. Боннэр, А. Гинзбург, П. Григоренко, А. Корчак, М. Ландау, А. Марченко, В. Рубин, А. Щаранский. Вскоре подобные группы возникли на Украине, в Грузии, Литве и Армении. В январе 1977 года при Московской Хельсинкской группе была образована рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях, одним из ее основателей стал А. Подрабинек. В феврале 1977 года, оказавшись перед перспективой расширения оппозиции, власти перешли к репрессиям против участников Хельсинкских групп.

Неблагоприятные тенденции общественного развития, скептическое отношение населения к официальной пропаганде стали причиной нарастающего отчуждения масс от творцов политики. «Застой» усиливал оппозиционные и диссидентские настроения в обществе. Постоянно давало о себе знать недовольство национальной политикой. Выступления на почве межнациональных отношений происходили почти во всех регионах страны — Казахстане и Средней Азии, Прибалтике и Закавказье, в автономиях России. {353}

Официальные власти считали, что одна из главных опасностей для государства исходит от диссидентства. Стремясь приглушить усилившуюся с началом участия советских войск в гражданской войне в Афганистане напряженность общественной жизни, власти ужесточили репрессии против диссидентов. В конце 1979 — начале 1980 года были арестованы и сосланы почти все лидеры и активные участники не только правозащитных, но и оппозиционных властям национальных и религиозных организаций. А. Д. Сахаров за выступление против войны в Афганистане в январе 1980 года был лишен всех правительственных наград и выслан в г. Горький.

Через полтора года заместитель председателя Комитета государственной безопасности С. К. Цвигун объявил со страниц партийного печатного органа, что антиобщественные элементы, маскировавшиеся под поборников демократии, обезврежены, правозащитное движение перестало существовать¹⁴⁴⁶.

По данным КГБ, приведенным в книге «58-10. Надзорные производства прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953—1991», в 1957—1985 годах за антисоветскую агитацию и пропаганду и за распространение заведомо ложных сведений, порочащих советский государственный и общественный строй, были осуждены 8124 человека¹⁴⁴⁷. В книге приведены поименные данные об осужденных, представлена наиболее репрезентативная информация о диссидентах и победах над ними репрессивных государственных органов. Однако, как показали события, последовавшие за 1985 годом, победа над диссидентством оказалась эфемерной.

Горбачевская «перестройка» в полной мере выявила значимость движения. Оказалось, что открытая борьба нескольких сот инакомыслящих против пороков существовавшего режима власти вызывала сочувствие неизмеримо более широкого круга сограждан. Противостояние свидетельствовало о глубочайших противоречиях в обществе и пропасти, отделявшей власть от общества. Идеи диссидентов широко популяризировались мировыми средствами массовой информации. Один только Сахаров в 1972—1979 годах, по данным КГБ, провел 150 пресс-конференций, готовил передачи для 1200 передач иностранного радио¹⁴⁴⁸. Вместе с «Голосом Америки» и другими СМИ диссиденты составляли «систему с сильнейшим кооперативным эффектом»¹⁴⁴⁹. Диссидентам в Советском Союзе активно содействовало американское ЦРУ. Известно, например, что к 1975 году это управление разными способами участвовало в издании на русском языке более чем 1500 книг русских и советских авторов¹⁴⁵⁰. Все это на несколько порядков увеличивало силу собственно диссидентской составляющей. По оценкам Ю. В. Андропова, относящимся к концу 1975 года, в Советском Союзе насчитывались сотни тысяч людей, которые либо действуют, либо готовы (при подходящих обстоятельствах) действовать против советской власти¹⁴⁵¹.

Имелись такие и в составе партийно-государственной элиты советского общества. Среди них был сам М. С. Горбачев. В ноябре 1991 года в компании с Эрнстом Неизвестным, Юрием Карякиным и другими {354} интеллектуалами он хвастался, что является «диссидентом с 1953 года»¹⁴⁵². Другой высокопоставленный противник советской власти, А. Н. Яковлев, в отличие от генсека, диссидентом себя не считал. Отвечая на вопрос, во имя чего он служил общественной и государственной системе Советского Союза и занимал высокие посты, говорил: «А как же, надо было с ней как-то кончать. Есть разные пути, например, диссидентство. Но оно бесперспективно. Надо было действовать изнутри. У нас был единственный путь — подорвать тоталитарный режим изнутри при помощи дисциплины тоталитарной партии. Мы свое дело сделали»¹⁴⁵³.

Процесс «помилования» участников диссидентского движения в СССР начался накануне советско-американской встречи на высшем уровне в Рейкьявике, в ходе которой (11—12 октября 1986 г.), как рассказал позднее в своих мемуарах Р. Рейган, он с изумлением услышал от М. С. Горбачева о согласии антисоветской части московской элиты на развал СССР. 9 октября 1986 года была «помилована» поэтесса И. Ратушинская. 30 октября, после переговоров Горбачева и Миттерана по ходатайству французской стороны был освобожден педагог и коллекционер Г. Михайлов. В конце 1986 года Е. Лигачев, В. Чебриков и Г. Марчук направили в адрес Горбачева предложение, в котором говорилось, что «принятые превентивные меры в отношении Сахарова в определенной мере себя оправдали — он вернулся к научной деятельности», поэтому «представляется возможным в настоящее время решить вопрос о возвращении Сахарова в Москву», поскольку это «обойдется меньшими издержками, нежели продолжение его изоляции в Горьком»¹⁴⁵⁴. В 1987 году было прекращено дело А. Патацкаса, привлеченного к ответственности за выпуск в 1983 году двух нелегальных сборников под названием «Будущее Литвы». В этой связи прокуратура приняла характерное постановление. В нем значилось: дело прекращено, так как «в свете происходящих перемен в жизни советского общества», личность Патацкаса «перестала быть общественно опасной и применение в отношении его уголовно-правовых мер является нецелесообразным». Согласно утверждению члена коллегии Прокуратуры СССР В. И. Андреева, в конце 1988 года Президиумом Верховного Совета СССР были помилованы все лица, осужденные за «антисоветскую агитацию и пропаганду, распространение заведомо ложных измышлений, порочащих государственный и общественный строй», «нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви и посягательство на личность и право граждан под видом исполнения религиозных обрядов». 15 августа 1990 года был восстановлен в советском гражданстве А. И. Солженицын. Известные в прошлом диссиденты А. Д. Сахаров, Р. И. Пименов (осужденный в 1970 году за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй), М. М. Молоствов (осужденный в 1958 году Ленинградским судом по ст. 58 УК) и другие были избраны народными депутатами. В 1990 году в память жертв тоталитаризма по инициативе «Мемо-

риала» и при поддержке Моссовета был установлен Соловецкий камень в сквере на Лубянке. {355}

Спуск советского государственного флага СССР с флагштока над куполами Кремля 25 декабря 1991 года, если смотреть на это событие через призму антисоветского диссидентства, означает: на позиции движения перешли по существу главные силы бывшего партийного и государственного руководства СССР. Они стали движущей силой номенклатурной революции 1991—1993 годов, когда моментально, по историческим меркам, были подрублены устои «развитого социализма» и обрушено здание «нерушимого Союза». Феномен внутривластного либерального диссидентства, его метод хорошо обрисованы известным «архитектором перестройки» А. Н. Яковлевым в его статье «Большевизм — социальная болезнь XX века», помещенной в «Черной книге коммунизма». «После XX съезда, — писал Яковлев о себе и ему подобных, — в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды “идей” позднего Ленина. Надо было ясно, четко и внятно вычленивать феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потом без усталости говорили о гениальности позднего Ленина, о необходимости возврата к ленинскому “плану строительства социализма” через кооперацию, через государственный капитализм и т.д. Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработали (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и “нравственным социализмом” — по революционаризму вообще. Начался новый виток разоблачения “культы личности Сталина”. Но не эмоциональным выкриком, как это сделал Хрущев, а с четким подтекстом: преступник не только Сталин, но и сама система преступна»¹⁴⁵⁵.

Перешедший на сторону партдиссидентов М. С. Горбачев открыто признал этот факт развала СССР. В 1999 году, выступая на семинаре в Американском университете в Турции, он заявил: «Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма. Именно для достижения этой цели я использовал свое положение в партии и стране. Когда я лично познакомился с Западом, я понял, что не могу отступать от поставленной цели. А для ее достижения я должен был заменить все руководство КПСС и СССР, а также руководство во всех социалистических странах. Моим идеалом в то время был путь социал-демократических стран. Плановая экономика не позволяла реализовать потенциал, которым обладали народы социалистических стран. Мне удалось найти сподвижников в реализации этих целей. Среди них особое место занимают А. Яковлев и Э. Шеварднадзе»¹⁴⁵⁶.

Партдиссиденты исходили из убеждения, что «советский тоталитарный режим можно было разрушить только через гласность и тоталитарную дисциплину партии, прикрываясь при этом интересами совершенствования социализма». На последнем этапе «перестройки» они «совершенствовали социализм» уже без оглядки на Ленина. Ужесточая антисталинскую дискуссию, «истинные реформаторы» завершали идейную контрреволюцию {356} под девизом «Факты выше принципа», разоблачая, по определению Яковлева, «мегапреступность» самого Ленина.

Либеральные диссиденты отвергали «реальный социализм» сталинского и последующих образцов, полагая, что жизнь в нем оказалась устроенной совсем не так, как было некогда задумано. Это очень точно выразил Иосиф Бродский, написавший о своей стране: «Там украшают флаг, обнявшись, серп и молот, / Но в стенку гвоздь не вбит и огород не полот. / Там, грубо говоря, великий план запорот»¹⁴⁵⁷. Это означает, что «великий план» социалистического строительства в ходе его осуществления с 1917 года был на каких-то этапах искажен до полного неприятия либеральной интеллигенцией. Однако ее представители в диссидентских движениях за редким исключением не предлагали строить жизнь по истинному «великому плану», ибо он все равно оставался бы социалистическим. Их вдохновляли совсем иные планы и образцы, но говорить открыто о них они не могли. Поэтому им не оставалось ничего, кроме как не соглашаться с искажающей «великий план» властью по каждому удобному поводу и постоянно апеллировать к «прогрессивной» мировой общественности, которая заведомо не могла быть судьей в спорах об отклонениях советской власти от некоего истинного «великого плана».

НАЦИОНАЛ-ПАТРИОТЫ, НАЦИОНАЛ-КОММУНИСТЫ И «ЯЗЫЧНИКИ» В ДИССИДЕНТСТВЕ

В 1960—1980-х годах в диссидентстве выделялось течение русской либеральной национально-

патриотической мысли, дающее о себе знать главным образом в самиздатской публицистике, являвшейся своеобразным ответом на самиздат либерального космополитизированного и русофобского толка. По данным книги Н. А. Митрохина «Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953—1985 годы» (М., 2003), используемым в настоящем разделе, первым из ставших известными широкой публике текстов русских «националистов» был документ, имеющий название «Слово нации» и датированный 31 декабря 1970 года. Он был написан А. М. Ивановым (Скуратовым) и обсужден им с бывшими политзаключенными, приобщившимися к русской идее в лагере: В. Н. Осиповым, И. В. Авдеевым, В. В. Ильяковым, священником Дмитрием Дудко и активным участником молодежного движения за сохранение культурного наследия В. А. Виноградовым. «Слово нации» было ответом на анонимную «Программу Демократического движения Советского Союза», появившуюся в самиздате в 1969 году.

Несмотря на противоречия и утопичность, «Слово нации» представляет интерес и как исторический документ, и как документ, созвучный современной политической ситуации в России. Согласно «Слову», западный мир биологически вырождается. Биологическое первичнее социального, поэтому демократия и права человека бессмысленны. Противостоят процессу вырождения способно лишь сильное правительство, опирающееся на национальные традиции. Все попытки переделать Россию по западному {357} образцу провалились из-за политических предпочтений народа, желающего иметь сильную власть для защиты от внешней опасности. Нация первична, а все остальное есть производное от нее. Нация представляет собой также особую духовную общность, своеобразие которой имеет глубокий мистический смысл. Основные признаки нации: расовый тип (психологический склад), язык (способ мышления) и идеология.

Национальный вопрос в «Слове нации» представляется основным для России, поскольку русские играют в жизни страны непропорционально малую роль, а евреи претендуют на роль угнетенного русскими меньшинства, чуть ли не монополизируя тем временем науку и культуру. Должна осуществиться национальная революция под лозунгом: Единая Неделимая Россия. Русский народ должен стать господствующей нацией. В национальном государстве, которое необходимо было построить, традиционная русская религия должна занять подобающее ей почетное место. В довершение всего ООН предлагалось ликвидировать, как бессильную организацию, и заменить ее Союзом Цивилизованных Стран во главе с Россией и США.

Важным событием в русском либерально-патриотическом движении стало появление журнала «Вече»¹⁴⁵⁸, который тоже был своеобразным ответом на диссидентские либеральные и национальные издания. Инициатором издания стал бывший политзаключенный В. Н. Осипов, отсидевший 7 лет на строгом режиме за организацию «антисоветских сборищ» на площади Маяковского в Москве в 1960—1961 годах и поселившийся в 1970 году в Александрове (за пределами стокилометровой зоны вокруг Москвы). Начать издание русского патриотического журнала Осипов задумал еще в мордовском политизоляторе, где из анархо-синдикалиста, кем он считал себя до ареста, он стал православным русским монархистом. Выйдя на свободу, он возобновил старые знакомства, прежде всего среди старого актива площади Маяковского. Окончательное решение об издании журнала было принято после бесед с Дмитрием Дудко, православным священником и монархистом по убеждению, с А. М. Ивановым (Скуратовым), другом еще со времен совместной учебы на истфаке МГУ и поделником по первому делу, и с М. П. Кудрявцевым, архитектором и реставратором. Журнал задумывался как лояльный по отношению к власти. Доказательством этого были напечатанные на обложке журнала фамилия и адрес редактора.

Первый номер журнала вышел 19 января 1971 года. Радиостанция «Свобода» представила его своим слушателям в СССР как шовинистическое антисемитское издание. В этой связи редакция 1 марта выступила с заявлением, в котором говорилось: «Мы решительно отвергаем определение журнала как “крайне шовинистического”... Мы отнюдь не собираемся умалять достоинства других наций. Мы хотим одного — укрепления русской национальной культуры, патриотических традиций в духе славянофилов и Достоевского, утверждения самобытности и величия России. Что касается политических проблем, то они не входят в тематику нашего журнала».

В первом номере «Веча» были помещены статьи А. Скуратова «У истоков русского самосознания»; М. Антонова «Учение славянофилов — высший {358} взлет народного самосознания в России в доленинский период»; большая анонимная статья «Судьба русской столицы» (о разрушении Москвы архитекторами с еврейскими фамилиями, написанная М. Кудрявцевым); анонимные «Записки русского христианина»; статья В. Осипова «К вопросу о Сфинксе» (по поводу самиздатской исторической работы Л. Ренделя «О специфике истории России»), стихи И. Авдеева, М. Волошина и О. Булатова; рецензия Г. Шиманова на самиздатскую религиозную работу Ю. Белова

«Религия и современное сознание» (1967), обзор «Нового мира» за два последних года, раздел «Хроника», где сообщалось о смерти Патриарха и о смещении главного редактора журнала «Молодая гвардия».

Подбор материалов первого выпуска «Веча» характерен и для последующих девяти номеров журнала. Основными авторами журнальных публикаций были сам Осипов, А. Иванов (писавший в основном под псевдонимом Скуратов и являвшийся автором примерно трети всех опубликованных материалов), отец Дмитрий Дудко. С третьего номера к изданию журнала подключилась преподаватель физики С. А. Мельникова, знакомая Иванова и Осипова по площади Маяковского. Мельникова стала фактически соредактором издания. Она была знакома с В. Шукшиным, Л. Аннинским, В. Ерофеевым, Л. Руслановой, поэтом А. Марковым, художником К. Васильевым. Она познакомила Осипова с И. Глазуновым (художник давал деньги на журнал, а после ареста Осипова помогал его жене), А. Солженицыным, Л. Гумилевым. У Мельниковой сложились хорошие отношения с бывшим членом ВСХСОНа Л. Бородиным (он появился в Москве в начале 1973 года как сформировавшийся литератор, его статья о русской интеллигенции была напечатана в 8-м номере журнала) и Г. Шимановым. Мельникова готовила макеты номеров «Веча» у себя дома в Москве, осуществляя редактуру предоставленных материалов, она же контролировала распечатку и распространение около половины тиража номера — 20—30 экземпляров (к концу 1973 года это количество сократилось). Часть тиража распродалась состоятельным патриотам по цене 5 рублей за номер.

Второй круг «Веча» сложился в Александрове в основном из бывших политзаключенных. Они редко давали свои материалы в журнал, но были активными читателями и формировали «общественное мнение». По словам Осипова, «журнал рассылался русским патриотам, желательно православным, желательно монархистам... в основном просто русским патриотам». Число постоянных читателей журнала составляло примерно 200—300 человек. Журнал рассылался в 14 городов России, а также в Киев и Николаев. Третьим кругом «Веча» были «молодогвардейцы», члены «Русского клуба», с которыми Осипова познакомил А. Иванов. Степень их вовлеченности в издание журнала ограничивалась темой защиты памятников истории и культуры и некоторой финансовой поддержкой. Последняя стоила С. Н. Семанову должности главного редактора журнала «Человек и закон», писателю Д. А. Жукову — неприятностей за крещение дочери.

Наиболее ярким и последовательным выразителем русской идеологии применительно к новым условиям был Г. М. Шиманов, издавший в 1971 году {359} на Западе книгу «Записки из красного дома»¹⁴⁵⁹. Публицист обнажал корень мирового зла (и трагедии в России), усматривая его в катастрофическом тупике западной цивилизации, по сути дела, отказавшейся от христианства и заменившей полноту духовной жизни фальшивым блеском материального благополучия. «Я скажу, — писал Шиманов, — что теперь, после опыта тысячи лет, загнавшего человечество в невыносимый тупик, разве не ясно, что только подлинное, возрожденное христианство может быть выходом из тупика? Что необходима иная, новая, не языческая — буржуазная, но аскетическая и духовная цивилизация?» Такая цивилизация может возникнуть на русской духовной основе. Судьба России — не только ее судьба, но судьба всего человечества, которое сумеет выйти из тупика, опираясь на традиционные духовные ценности Русского народа. Русским нужно объединяться на своих духовных основах, чтобы выполнить свою миссию перед Отечеством и миром. И в этом объединении атеистическая советская власть не является препятствием, ибо она может быть преобразована изнутри в совершенно иное качество, главное же — возродить в себе коренное русское самосознание. «Нам надо вспомнить, — декларировал Шиманов, — о том, что мы русские, вспомнить, не для того чтобы через минуту снова забыть об этом, но для того, чтобы уже навсегда соединить свое сердце с сердцем народным, соединить судьбу свою с судьбою Отечества, соединить надежды свои с надеждами лучших русских людей *о религиознонациональном возрождении России*... Но мы обязаны трезвыми, мы обязаны православными глазами смотреть на вещи. Величайшее зло — не искать Божией правды и не созидать свою жизнь по этой правде. Будешь искать и будешь строить — и никакая власть тебе в этом помешать не сможет. Советская власть — это не только безбожие и величайшая в мире гроза, это также и некая тайна и орудие Божьего Промысла... Процесс возвращения русского духа в себя, процесс возвращения *русского сознания* уже начался, и остановить его ничто не сможет. Теперь нам крайне важно восстановить здоровое и подлинно православное отношение к своему Государству. Смушаться, что оно является ныне официально атеистическим, по-моему, не нужно (и Павел был до своего обращения, как известно, Савлом), а нужно верить и работать на благо Церкви и на благо русского общества и советского государства. Не подлежит никакому сомнению, что православные христиане должны быть лучшими

гражданами нашей Родины... В нынешней атмосфере внутренней *пустоты* и внутреннего *одичания* они должны явиться подлинной *силой*, подлинным *здоровьем*, подлинной *опорой* нашего Русского народа и нашего государства, и так оно несомненно и будет во славу Божию и к торжеству нашей Православной Церкви!»

Журнал просуществовал недолго. В феврале 1974 года в редакции произошел раскол, по сторонним наблюдениям — из-за «бабской склоки», возникшей после женитьбы Осипова на бывшей политзаключенной Валентине Машковой. Дело кончилось тем, что С. А. Мельникова и бывший политек, переводчик И. В. Овчинников выпустили в апреле 10-й номер «Веча» и 9 июля 1974 года закрыли журнал. В сообщении редакции журнала {360} «Вече» о его закрытии они написали: «Возбуждение уголовного дела против русского патриотического журнала... может быть только результатом усилий тайных русофобов, которые надеются уничтожить в этой стране великий народ, великую культуру». Осипов же вместе с бывшим политзаключенным В. С. Родионовым выпустил номер нового самиздатского журнала «Земля», заявив тем самым, что знамя русского возрождения по-прежнему находится в его руках.

Тем временем КГБ начало следствие по факту издания журналов. Уголовное дело против редактора «Вече» В. Н. Осипова было возбуждено по личному указанию Андропова. 28 ноября 1974 года Осипов был арестован. Пока он находился под следствием, Родионов и Машкова выпустили второй номер «Земли» (ноябрь 1974 г.). На этом история журнала закончилась. В обвинительном заключении по делу Осипова, в частности, говорилось: «Действуя с так называемых легальных позиций, прикрываясь лживыми декларациями о своей лояльности к советскому государству и якобы патриотическим характером своих устремлений, Осипов, опираясь на лиц, в прошлом судимых за особо опасные государственные преступления (имелись в виду Л. И. Бородин, О. В. Волков и священник Д. С. Дудко. — А. В.), поддержку зарубежных антисоветских организаций и органы буржуазной пропаганды, в 1970—1974 годах с целью подрыва советской власти, консолидации антисоветских элементов занимался преступной деятельностью по изданию, размножению и распространению на территории СССР и вне его пределов нелегальных машинописных журналов «Вече» и «Земля», отдельные статьи которых содержат клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, реакционные, шовинистические и славянофильские взгляды». 26 сентября 1975 года В. Н. Осипов был осужден Владимирским облсудом за издание журналов «Вече» и «Земля» по ст. 70 УК РСФСР на 8 лет строгого режима. Всего за 1961—1983 годы Осипов провел 15 лет в заключении и ссылке. Этот срок отражал степень страха интернационально-космополитического режима перед открытой пропагандой «реакционных славянофильских» взглядов.

В 1974 году бывший член ВСХСОНА Л. И. Бородин¹⁴⁶⁰ начал издание журнала «Московский сборник», посвятив его проблемам нации и религии. В своей издательской деятельности он опирался на помощь молодых христиан, группировавшихся вокруг Г. М. Шиманова и Дмитрия Дудко (прораб В. Бурдюг, поэт С. Бударов, Розанов и др.) и поддерживавших хорошие отношения с другими диссидентами либерально-патриотической ориентации — Осиповым, Якуниным, Шафаревичем, Огородниковым, Капитанчуком.

Первый номер журнала увидел свет в сентябре 1974 года. В нем были опубликованы воспоминания сына Николая Бердяева об отце, статья философа Ренаты Гальцевой, продолжение работы Иванова-Скуратова «Триумф самоубийц» о годах «большого террора» (ее начало печаталось в 9—10 номерах «Веча»), и материалы Бородина — его полемика с историком церкви А. Красновым-Левитиным, статья о национальных проблемах, часть романа {361} «Лебединая песнь». Во втором номере помимо двух статей Бородина, была напечатана работа Глебова (псевдоним философа С. Хорунжего) «Карсавин. Биографический очерк». В третьем номере помещены: неподписанная статья всхсоновца Вагина о философе Федорове, статья по психиатрии Чернышова, литературоведческая статья Бударова. В журнале также печатался Шиманов. Тираж сборника был 20—25 экземпляров.

После ареста в апреле 1975 года на квартире С. Бударова макета третьего номера Бородин был доставлен в прокуратуру и получил «Предупреждение по Указу ПВС СССР от 1972 года». Бородин сразу же отошел от издания, передав его в руки помощников, а сам вернулся в Сибирь, где работал лесником и занимался литературной деятельностью. В 1978 году в издательстве «Посев» вышла его первая книга «Повесть странного времени». Затем были написаны «Год чуда и печали», «Третья правда», «Расставание». В 1982 году Бородин был арестован, осужден и до июня 1987 года отбывал наказание за публикацию своих произведений на Западе по ст. 70 УК РСФСР.

Бурдюг, Розанов и Бударов подготовили четвертый номер «Московского сборника», но не получили благословение отца Дмитрия Дудко на его публикацию. Издание прекратилось.

В середине 1970-х годов произошла идеологическая переориентация крупного математика и диссидента, члена сахаровского Комитета прав человека И. Р. Шафаревича (член-корреспондент АН СССР с 1958 года, академик с 1991 года, президент Московского математического общества). Он написал ряд работ с критикой тоталитарной системы. Особенно широкую известность приобрели его статьи «Обособление или сближение?», «Есть ли у России будущее?», вошедшие в сборник «Из-под глыб» (составлен А. И. Солженицыным, издан в 1974 году в Париже), а также книги «Социализм, как явление мировой истории» (впервые опубликована в Париже в 1977 г.) и «Русофобия» (написана в 1980 г., распространялась в самиздате, многократно переиздавалась, начиная с 1989 г.¹⁴⁶¹). Эти работы создали автору репутацию идеолога национально-православного движения, сразу же вызвав критику в кругах демократически настроенной интеллигенции, профессиональных историков и этнографов, находящихся в них разного рода натяжки и неточности. Однако теория «малого народа», развиваемая Шафаревичем вслед за французским историком О. Кошеном, получила широкое признание в патриотических кругах. В соответствии с этой теорией, осуждается слой людей, которые противопоставляют себя всему остальному народу, с презрением относятся к его традициям и тем самым утверждают свое право распоряжаться этим народом как материалом для собственного творчества. В России ядро «малого народа» составляет еврейство. С опубликованием такой теории ее автор, естественно, обвинялся в антисемитизме.

Во второй половине 1970-х годов в самиздате появилось течение, позднее называвшееся «национал-коммунистическим». Оно претендовало на то, чтобы вместе с властями бороться против сионизма за самобытное российское государство. Существовало две группировки таких «коммунистов»: православные во главе с Г. М. Шимановым и Ф. В. Карелиным; язычники {362} во главе с А. М. Ивановым (Скуратовым), В. Емельяновым и В. Скурлатовым. Обе группировки активно отмежевывались от диссидентства в его либеральной ипостаси, критиковали деятельность МХГ, Рабочей комиссии, Христианского комитета защиты верующих, Солженицынский фонд.

Лидер первой группировки Г. М. Шиманов с 1962 года находился в пастве священника Д. Дудко и получил известность в диссидентских кругах в конце 60-х годов. В то время он был обычным активным православным неопитом, писал статьи на правовые темы, распространял работы других авторов, водил экскурсии по церквям, преследовался властями: был уволен с работы, лечился две недели в психлечебнице. О своем пребывании в этом заведении Шиманов написал повесть «Записки из Красного Дома» (1971). Публикация повести за рубежом принесла автору славу яркого публициста движения инакомыслящих. С тех пор публицист, не имеющий другой профессии, трудился на случайных низкооплачиваемых работах.

В 1972 году Г. М. Шиманов порывает отношения с кругом бывших своих знакомых демократов-западников и становится публицистом «националистического» направления. В 1973 году в этом новом качестве он обратил на себя внимание тремя письмами редактору парижского журнала «Вестник Р. С. Х. Д.» Н. А. Струве по поводу опубликования в 97 номере вестника «антирусского», по оценке Шиманова, сборника «Метанойя». Письма были включены в самиздатский сборник «Письма о России» (1973). Здесь же были помещены его специально написанная для сборника статья «Вера в чудо», работы давнего участника подпольных религиозных структур Ф. В. Карелина (псевдоним Н. Радугин) «Буди, сие, буди», статьи кандидата медицинских наук В. И. Прилуцкого (псевдоним Л. Ибрагимов), статьи Дм. Дудко и другие материалы. Тираж сборника (10 экземпляров) разошелся по знакомым. Критика «Метанойи» сделала Шиманова в глазах либералов олицетворением крайних проявлений русского шовинизма.

В 1974 году Шиманов перешел на позиции «национал-коммунизма». Он стал считать, что сочетание власти Советов с православием было бы идеальным государственным устройством для русского народа. Эту мысль он изложил в статье «Письмо Наталье Сергеевне». Основой статьи стало письмо к жене правозащитника Б. И. Цукермана, уехавшей к тому времени вместе с мужем в Израиль. Оппонировать Шиманову взялся Осипов, обратившись к Шиманову с открытым письмом. Ответом стала еще более жесткая работа «Как относиться к советской власти». Дискуссия была прервана арестом Осипова. Позднее некоторые статьи Г. М. Шиманова публиковались в «Московском сборнике» Л. Бородина.

В 1980—1982 годах было выпущено пять номеров самиздатского журнала «Многая лета». Основными авторами журнала, кроме его редактора Шиманова, были Ф. Карелин и В. Прилуцкий. Вокруг них группировался кружок из десятка единомышленников. Объем каждого номера составлял около 200 машинописных страниц, изготовлялось 10—15 экземпляров журнала, часть номеров ти-

ражировалась на появившихся к тому времени ксероксах. Основной идеей журнала было склонить советскую власть к политике {363} «здравого смысла», укрепить власть за счет коммун, объединенных по родовому и религиозному признакам. В 1982 году после угроз КГБ Шиманов прекратил выпуск этого журнала. С его закрытием организованные структуры русского диссидентского национального движения перестали существовать.

В религиозном отношении в русском национально-патриотическом движении были не только христиане. К середине 1970-х годов сформировались небольшие, но устойчивые группы «неоязычников», призывавших вернуться к дохристианским верованиям. «Неоязычники» считали пра-славян и древних славян частью племен древних ариев, имевших общую культуру и религию на пространстве от Индии до Испании. Среди «неоязычников» выделялись три лидера. Одним из них был упоминавшийся ранее публицист А. М. Иванов (Скуратов), вторым — выпускник физического факультета МГУ, кандидат философских наук, бывший комсомольский функционер В. И. Скурлатов, третьим — В. Н. Емельянов, выпускник Московского института востоковедения, кандидат экономических наук, переводчик с арабского и английского языков, преподаватель Московского института иностранных языков и ВПШ при ЦК КПСС.

А. М. Иванов (Скуратов) для выявления корней древней арийской религии обращался (он был профессиональным переводчиком), к древнеиндийским и древнеперсидским трактатам, научным работам по истории, философии, филологии, религии на европейских языках. Ему принадлежат работы по разоблачению христианства: «Тайна двух начал» (о происхождении христианства, 1971 г.) и «Христанская чума» (1979). В других сочинениях популяризировалось мировоззрение арийских народов: «Заратустра говорил не так» (критика Ницше) и «Основы арийского мировоззрения» (1981). Иванов не считал себя неоязычником. Он говорил, что у него своя религия, близкая к зороастризму. Он отвергал пропагандируемую Емельяновым и Скурлатовым «Велесову книгу», считая ее исторически недостоверной. Об этом им была написана специальная работа «История как орудие геноцида. Несколько слов в защиту венедов» (1981).

Разносторонней была деятельность В. Н. Емельянова. Первое его выступление относится к 1973 году, когда редакция журнала «Вече» получила его «Критические заметки русского человека о патриотическом журнале “Вече”». Журнал характеризовался в них как «сионистский предбанник», в то время как по-настоящему русский журнал должен был, по его убеждению, «публиковать материалы о никчемности научных работ сионистов-псевдоученых». Автор подвергал критике христианство и ислам как «дочерние компании иудаизма», придуманные для порабощения «гоев». Одно из выступлений Емельянова вызвало большой резонанс не только внутри страны, но и за ее пределами.

Это была статья В. Н. Емельянова с обзором политической ситуации в западном мире, опубликованная 14 февраля 1979 году в восьмимиллионной «Комсомольской правде» (гл. редактор В. Н. Ганичев). В статье утверждалось: «Правительство Картера представляет собой самое большое логово евреев и масонов, какого Америка еще никогда не знала». Отклики {364} на статью появились в американских газетах и зарубежных изданиях на русском языке. В. Ушкуйник (псевдоним генерал-майора Ю. М. Ларикова, артиллериста, участника Гражданской войны, служившего затем в армии Чан Кайши в качестве офицера Генерального штаба и начальника армейского Военно-технического института) в эпилоге своей известной книги «Памятка русскому человеку» (1979), повествующей о негативной роли иудеев и масонов в России, написал, что «прочитал статью проф. Емельянова с чувством глубокой радости и удовлетворения».

Емельянов входил в круг авторов, разоблачающих реакционную сущность сионизма и теоретически обосновывавших советскую антиизраильскую и проарабскую политику. В этот круг входили также Ю. С. Иванов, автор книги «Осторожно: сионизм!» (1969, 1970); В. В. Большаков, автор книги «Сионизм на службе антикоммунизма» (1972); Е. С. Евсеев, автор книг «Фашизм под голубой звездой» (1971); «Расизм под голубой звездой» (1981); В. Я. Бегун, автор книг «Вторжение без оружия» (1973, 1979), «Ползучая контрреволюция» (1974), «Рассказы о детях вдовы» (1986); В. И. Скурлатов, автор книги «Сионизм и апартеид» (1975; с 1989 года автор занимается исключительно политической деятельностью, являясь председателем исполкома правления Либерально-патриотической партии «Возрождение» и участником других организаций); Л. А. Моджорян, написавшая книги «Сионизм как форма расизма и расовой дискриминации» (1979), «Международный сионизм на службе империалистической реакции» (1984); В. А. Семенюк, автор книги «Националистическое безумие» (1976); и другие.

В 1979 году В. Н. Емельянов написал книгу «Десионизация», изготовил на ротапинтере небольшой тираж. В этой книге помимо описания истории, структуры и методики функционирова-

ния «сионо-масонского концерна», был опубликован устав Всемирного Антисионистского и Антимасонского Фронта (ВАСАМФ) как организации защиты от еврейского нацизма, освобождения народов мира и прежде всего славян от его оккупации. В начале 1980 года автор послал книгу всем членам Политбюро. Последние идеи автора не одобрили. Более того, Емельянова уволили с работы, а 26 марта того же года исключили из партии. Основная причина исключения — отказ назвать людей, помогавших в издании «антисоветской и антисемитской», по заключению экспертов, книги. 10 апреля 1980 года Емельянов был арестован и помещен на шесть лет в Ленинградскую спецпсихбольницу по обвинению в убийстве жены. (Она была убита топором и расчленена. Емельянов утверждал, что некие люди принесли ее в таком виде к нему в мешке.) После освобождения в 1986 году примкнул к патриотическому объединению «Память» Д. Д. Васильева, от которой отделился в 1987 году, создав свою организацию, с 1992 года называет себя также «Председателем Всемирного русского правительства». Емельянов вплоть до своей смерти в 1999 году пользовался уважением в кругах московских язычников, считающих себя русскими патриотами. Вероятно, что среди активистов названных и других диссидентских движений были и другие, кому не помешала бы своевременная врачебная помощь. {365}

«ПАМЯТЬ»

После известного заявления С. К. Цвигуна об «обезвреживании» страны от всех антиобщественных элементов (1981), означавшем, что диссиденты в большинстве своем были изолированы от общества в местах заключения или находились под гласным наблюдением КГБ и МВД, русское национально-патриотическое движение было представлено обществом «Память». Объединение получило название по историко-публицистическому двухтомнику В. А. Чивилихина «Память» (1978, 1981), в котором с патриотической позиции рассказывалось о русской истории и культуре, показывалось величие России, ее героев и подвижников. Оно выросло из общества книголюбов Министерства авиационной промышленности (1979, руководитель инженер Г. И. Фрыгин) и объединения «Витязи», созданного в 1978—1979 годах для подготовки к празднованию 600-летия Куликовской битвы (его возглавлял руководитель Московского городского общества ВООПИК журналист Э. Н. Дьяконов). Заметными вехами в истории движения были торжественные вечера, посвященные 600-летию Куликовской битвы (16 апреля 1980 г., Центральный лекторий Политехнического музея), 170-летию Бородинской битвы (17 июня 1982 г.). Рождение названия произошло в ноябре 1982 года после вечера-размышления по книге В. А. Чивилихина. На вечере было решено просить писателя возглавить общество. Однако в связи с болезнью и смертью писателя идея оказалась неосуществленной.

До конца 1984 года общество возглавляли Г. И. Фрыгин и Э. Н. Дьяконов. Затем вплоть до бандитского нападения в октябре 1985 года активным председателем правления историко-литературного объединения (новый статус «Памяти») была Е. С. Бехтерева. Участники объединения были не только инициаторами празднования славных дат отечественной истории. Они организовывали реставрационные субботники, встречи с отечественными писателями и историками, обсуждения творчества поэтов и художников прошлого, инициировали движения против поворота северных рек, в защиту Байкала, трезвенническое движение. В 1983 году Совет «Памяти» добился официальной регистрации объединения при Дворце культуры им. Горбунова, принадлежавшем заводу имени М. В. Хруничева. Работа «Памяти», носившая в 1982—1984 годы умеренный характер, подготовила почву для более радикальных выступлений, начавшихся в период «гласности». Новый период в истории общества был связан с лидерством в нем с октября 1985 года фотографа Д. Д. Васильева. В патриотических кругах он был известен с 1969 года, когда, будучи директором клуба парфюмерной фабрики «Новая заря», устроил вызвавшую ажиотаж выставку картин И. С. Глазунова. Когда выставка закрылась, Васильева уволили с работы. Позднее он был сотрудником художника.

«РУССКИЙ КЛУБ» И «РУССКАЯ ПАРТИЯ»

Центром русских национальных сил стало основанное в 1965 году Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), давшее начало общерусским организациям и движениям, отстаивающим {366} национальные интересы России¹⁴⁶². Первыми духовными руководителями движения были замечательные патриоты: археолог и историк, академик Б. А. Рыбаков; физико-химик, академик И. В. Петрянов-Соколов (автор изобретений, которыми пользуется

весь мир, в частности «филтра Петрянова», основы современных респираторов); художники П. Д. Корин, И. С. Глазунов, писатели Л. М. Леонов, В. А. Солоухин, В. Д. Иванов; руководитель музеев Московского Кремля В. Н. Иванов (первый фактический председатель Центрального совета общества). Архитектор-реставратор П. Д. Барановский в сотрудничестве со своими соратниками по молодежному русскому патриотическому клубу любителей памятников истории и культуры «Родина» (1964—1972) Л. И. Антроповым, Г. И. Гунькиным и В. А. Десятниковым провели всю подготовительную и организаторскую работу по созданию ВООПИК.

В 1968—1969 годах в его составе на базе секции по комплексному изучению русской истории и культуры действовал «Русский клуб» — негласное объединение национальной русской интеллигенции. В этом клубе впервые за многие годы начинали обсуждаться животрепещущие вопросы формирования русской культуры и духовности. Среди национальных ценностей все большее место и значение приобретают имена и наследие выдающихся русских деятелей и мыслителей: Н. Я. Данилевского (1822—1885), М. Н. Каткова (1818—1887), Иоанна Кронштадтского (1829—1908), К. Н. Леонтьева (1831—1891), К. П. Победоносцева (1827—1907), Сергия Радонежского (1314—1392), В. В. Розанова (1856—1919), Серафима Саровского (1753—1833) и других. Клуб возглавляли писатель, специалист по Югославии Д. А. Жуков, историк, заведующий серией «Жизнь замечательных людей» в издательстве «Молодая гвардия» С. Н. Семанов, критик и литературовед П. В. Палиевский.

Заседания клуба проводились в Москве, в Высокопетровском монастыре. «Организационно, — писал один членов клуба прозаик А. И. Байгушев, — мы приняли церковную структуру. Монастырь, Петровка, 28, был у нас чистилищем. Здесь был как бы открытый храм, и сюда свободно, в любой день, в любой час могли зайти... на любое мероприятие, любой творческий вечер, русские миряне. Здесь мы приглядывались к новым лицам, отбирали, кого какими интересами привлечь... Постоянные и проверенные... попадали под негласный статус оглашенных... Из оглашенных лучшие попадали в “верные” и уже могли посещать наши “русские вторники”, на которых шла основная духовно-строительная работа. Здесь поочередно каждым из наиболее активных членов “Русского клуба” делался доклад на предложенную им самим русскую тему... Безмолвие (исихазм) и благородный “византизм” сразу стали духовными знаменами нашего “Русского клуба”. Валентин Дмитриевич Иванов, знаменитый исторический писатель, автор “Руси изначальной” и “Руси великой”, с первых же шагов “Великорусского монастыря” стал его иереем. После многих лет преследования и травли он с особенным жаром отдавался клубу, найдя здесь самую благородную, затаив дыхание слушающую его аудиторию. И то же можно сказать об Олеге Васильевиче Волкове, несломленном многолетним ГУЛАГом публицисте, {367} дворянине самых высоких кровей, вдруг радостно увидевшем, что Россия еще жива, что идет молодая здоровая смена, в которой не убит масонским интернационализмом православный русский дух». (Редкостным по своей художественной мощи памятником негибамости русского человека и ценнейшим документом новейшей русской истории является изданный в 1987 году автобиографический роман О. В. Волкова «Погружение во тьму», отразивший многое из лично пережитого автором за 28 лет советских тюрем, лагерей и ссылок.)

Членами «Русского клуба» были ставшие со временем широко известными не только среди специалистов П. Г. Паламарчук, литературовед и историк, автор классической работы «Сорок сороков» о московских православных храмах; О. Н. Михайлов, литературовед и автор исторических романов; В. В. Кожин, литературовед, литературный критик и историк; А. П. Ланщиков, журналист и литературовед; А. М. Иванов (Скуратов), автор самиздатских статей; кинорежиссер Борис Карпов, историк рапповского движения в литературе С. И. Шешуков. Активными членами клуба были писатели А. И. Байгушев, В. А. Чивилихин; поэты И. И. Кобзев, С. Ю. Куняев, Г. В. Серебряков, В. В. Сорокин (главный редактор издательства «Современник»); критики и литературоведы В. А. Чалмаев, Ю. Л. Прокушев (директор издательства «Современник»); журналисты В. Д. Захарченко (главный редактор журнала «Техника — молодежи»), А. В. Никонов (главный редактор журнала «Молодая гвардия»), Е. И. Осетров (литературовед, главный редактор издания «Альманах библиофила»); переводчик С. Г. Котенко, художник И. С. Глазунов; архитекторы-реставраторы В. А. Виноградов, О. И. Журин; искусствовед М. П. Кудрявцев и др.

Заметной вехой в возрождении отечественного самосознания стала организованная ВООПИК в Новгороде конференция «Тысячелетние корни русской культуры». На конференции (май 1968 г.) выступили десятки видных деятелей русской культуры. В 1969 году члены «Русского клуба» приняли участие в дискуссии, развернувшейся на страницах журнала «Вопросы литературы», о месте и роли славянофилов в истории. Со статьями, реабилитирующими славянофилов, имевших до того в

советской историографии клеймо крайних реакционеров, в журнале выступили А. М. Иванов (Скуратов) и В. В. Кожин. «Главной чертой, которую ценили славянофилы в русском народе, было бы вовсе не смирение, а общинный дух, как бы выразились теперь, чувство коллективизма, противопоставляемое индивидуализму и эгоизму буржуазного Запада», — это положение статьи Иванова корректировало бытовавшие ранее негативные оценки славянофильства.

Некоторые исследователи полагают возможным характеризовать движение, складывающееся вокруг ВООПИК, «Русской партией». Организационное оформление Русской партии, по мнению Н. А. Куценко, можно отнести к 1966 году. Костяк «партии» составляли О. В. Волков, П. В. Палиевский, В. В. Кожин, А. П. Ланшиков, С. Н. Семанов, Д. А. Жуков, И. В. Петрянов-Соколов, М. Н. Любомудров. Русская партия в СССР 1960—1980 годов, возродив давнюю традицию патриотизма, была на грани того, чтобы перерасти {368} в широкое национальное движение. Однако в результате чисток общества от национально мыслящих деятелей этого не произошло.

Со второй половины 60-х годов значительно усиливается идеологический контроль за СМИ, учреждениями культуры. Основанием для этого стало выпущенное в январе 1969 года постановление ЦК КПСС «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара». Цензура нередко запрещала выпуск художественных и публицистических произведений, кинофильмов, организацию художественных выставок. Приоритет отдавался произведениям по историко-революционной, военно-патриотической и производственной тематике.

Плюрализм литературного и общественно-политического процесса находил свое отражение в тенденциях, обозначаемых деятельностью нескольких журналов. У либералов был свой журнал — «Новый мир», у сталинистов — «Октябрь» и «Огонек», у почвенников — «Молодая гвардия» и «Наш современник». Власти стремились не допускать их радикализации. В 1970 году они наносят удар как по либералам, так и по русофилам.

В феврале 1970 года на заседании секретариата Союза писателей была подвергнута резкой критике редакция журнала «Новый мир». Поводом стала публикация за рубежом поэмы А. Т. Твардовского «По праву памяти». Попытки литературной общественности защитить главного редактора журнала ни к чему не привели. Твардовский ушел с поста главного редактора, и линия XX—XXII съездов партии, проводившаяся журналом, была прервана. Однако идеологии неосталинизма и «застоя» объективно противостояли писатели-«деревенщики»: Ф. Абрамов, В. Белов, Б. Можаяев, В. Распутин, В. Тендряков, показывавшие в своих произведениях негативные последствия коллективизации для судеб российской деревни. Этой линии противостояли также журнал «Наш современник» (главный редактор в 1968—1989 гг. С. В. Викулов) и журнал русской культуры «Москва» (главный редактор в 1968—1990 гг. М. Н. Алексеев).

5 ноября 1970 года состоялось заседание секретариата ЦК партии. На него был приглашен секретарь ЦК комсомола Б. Н. Пастухов. Редактор «Молодой гвардии», бывший летчик-истребитель А. В. Никонов (1923—1983) был снят со своего поста за публикацию статей Чалмаева и Семанова. Формальным поводом для отставки послужило обращение группы видных писателей (Ч. Айтматов, В. И. Амлинский, В. Д. Цыбин и другие). Кроме того, в 1970 году журнал подвергся критике за публикацию «антисоветского» романа И. А. Ефремова «Час быка». Вместо Никонова, возглавлявшего «Молодую гвардию» с марта 1963 года и превратившего комсомольское издание в центр нарождающегося русского патриотического движения, редактором журнала был назначен инструктор ЦК Ф. Е. Овчаренко. После его смерти в 1972 году этот пост занял ученик и идейный соратник прежнего редактора А. С. Иванов, автор известного романа «Тени исчезают в полдень» (1963) и трилогии «Вечный зов» (1970—1976). {369}

Противодействие властей и либеральной критики испытывала деятельность редакции журнала «Октябрь», возглавлявшегося до 1973 года известным писателем В. А. Кочетовым. Публика оставалась долго взбудораженной впервые публиковавшимися на страницах журнала романами ее главного редактора «Угол падения» (1967), «Чего же ты хочешь» (1969) и опубликованным уже после смерти автора незавершенным романом «Молнии бьют по вершинам» (1979). Столь же неоднозначно встречались романы И. М. Шевцова «Любовь и ненависть» (1969), «Во имя отца и сына» (1970) и вышедший позднее «Набат» (1979). Романы, изображавшие либеральных советских интеллигентов как агентов империалистической инфильтрации, невзирая на их принципиально антилиберальный культурно-политический курс, считались властями неуместными как слишком откровенные. Роман «Чего же ты хочешь?» был полон неприятия разоблачений прошлого, сделанных на партийных съездах, и глубокого убеждения во вредности западного влияния на стра-

ну. Он был направлен против не только либеральной интеллигенции, но и почвенников — «националистов-славянофилов». В романах Шевцова разоблачалась деятельность западных спецслужб и сионистского подполья в нашей стране. Под прозрачными масками персонажей осведомленными читателями легко угадывались известные в стране люди — М. А. Суслов, И. Г. Эренбург, А. И. Аджубей и другие.

В печати о Шевцове говорили редко, в целом же его произведения подвергались критике как «идеологически ошибочные», искажающие политическую и культурную жизнь страны. Особенно резкому неприятию и осмеянию романы подвергались в самиздатской печати либерального толка. Функционеры Агитпропа ЦК КПСС пытались не допустить опубликования романов Шевцова, а когда это не получилось, поддерживали кампанию по их осуждению. Публикация статьи И. И. Кобзева в газете «Советская Россия» в поддержку романов Шевцова стала причиной увольнения, по указанию Суслова и Яковлева, главного редактора газеты и его заместителя, а также ответственного работника ЦК А. Н. Дмитрюка, придерживавшегося патриотической ориентации. Репрессиями закончилась и публикация романа И. Шевцова «Набат». В нем был остро поставлен еврейский вопрос, подвергнуты критике сионистское подполье и его покровители в ЦК партии. В романе значился Мирон Андреевич Серов, которого именовали «крупным государственным деятелем» (зашифровка имени М. А. Суслова). Далее в романе появлялась его супруга (с именем жены Суслова), директор медицинского заведения, которая покровительствовала «сионистам». Реальная супруга Суслова много лет возглавляла стоматологический институт. Главный редактор издательства В. Сорокин, выпустивший роман в свет, был снят с работы, против него была развязана кампания грязной клеветы. Однако, несмотря на строгую цензуру, время от времени появлялись труды, отражавшие поиски и движение русской мысли. Патриотическим духом пронизана книга Ф. Ф. Нестерова «Связь времен» (1980), ставшая, по словам митрополита Петербургского и Ладожского Иоанна, своеобразным национал-большевистским манифестом, направленным на подчеркивание {370} «национально-исторических особенностей России», борьбу с русофобией и развенчание «нигилистических концепций русской истории»¹⁴⁶³.

Вокруг И. М. Шевцова сложился своего рода союз единомышленников, объединенных патриотическими духовными устремлениями. Внешне это выразилось в том, что с 1964 года в пяти километрах от Троице-Сергиевой Лавры возле станции Семхоз в Радонежье начали селиться русские писатели-патриоты. «Радонежцами» стали известные московские поэты И. Кобзев, С. Куняев, Г. Серебряков, В. Сорокин, В. Фирсов, Ф. Чуев, прозаики И. Акулов, С. Высоцкий, А. Иванов, Н. Камбилов, И. Лазутин, Б. Орлов, критик В. Чалмаев и другие. Би-би-си в одной из радиопередач «сообщило»: «Черносотенец Шевцов создал под Загорском в поселке Семхоз анти-Переделкино».

8 ноября 1971 года Секретариат Союза писателей РСФСР на своем заседании подверг критике редколлегию журнала «Октябрь» за «ложные и путаные» общественно-политические утверждения журнальных публикаций. Резолюция отмечала, что секретариат уже многократно указывал на «неблагополучное положение» в редакции «Октября», что препятствует «созданию нормальной атмосферы в литературных кругах», и требовала кадровых изменений в руководстве журнала. С назначением в 1973 году главным редактором журнала А. А. Ананьева «Октябрь» вернулся к относительно либеральной линии.

Кураторы советских писателей из ЦК партии и литературные критики, выражавшие их настроения, в 1960—1970-е годы старались воспрепятствовать перемещению центра литературной жизни из «Нового мира» и «Октября» в журнал и издательство «Молодая гвардия», позднее в журналы «Наш современник» и «Москва», издательство «Современник». Однако этого не удалось сделать. Откровением и потрясением для многих русских людей стали «Письма из Русского музея» и «Черные доски» Владимира Солоухина, «Прощание с Матерой» Распутина, «Привычное дело» Белова, «Матренин двор» Солженицына, «Драчуны» Михаила Алексева, «Мужики и бабы» Бориса Можаева, исторические романы о великом прошлом России Дмитрия Балашова, Владимира Чивилихина, Валентина Пикуля, художественные биографии Суворова, Макарова, Достоевского, Гончарова, Аксакова, Державина, изданные в серии ЖЗЛ. Все это вызвало большой интерес в обществе и стало причиной специальных мер со стороны ЦК КПСС и КГБ.

Попытками повернуть литературный процесс вспять, остановить «русификацию» общественного сознания была продиктована статья «Против антиисторизма», помещенная в «Литературной газете» от 13 ноября 1972 года. Статья была подготовлена группой инструкторов отдела пропаганды ЦК КПСС и опубликована за подписью доктора исторических наук А. Н. Яковлева, занимавшего в то время пост заместителя заведующего отделом. Яковлев был одним из активных противников движения за сохранение русского культурного наследия и создание Всероссийского общества

охраны памятников истории и культуры. По свидетельству В. А. Десятникова, при обсуждении вопроса о создании ВООПИКа с чиновниками Бюро ЦК КПСС по РСФСР Яковлев возмущался его докладом о бедственном положении памятников в России, выкрикнув: «Что он говорит, да его гнать надо из ЦК КПСС!»¹⁴⁶⁴ {371}

В статье «Против антиисторизма» с ненавистью говорилось обо всем русском. По мнению Яковлева, русский человек (по тексту статьи: «справный мужик») выступает «против человечности и свободы». Разрушение его уклада жизни Яковлев всецело одобрил. Он писал: «И то, что его [русского человека] жизнь, его уклад порушили вместе с милыми его сердцу святынями в революционные годы, так это не от злого умысла и невежества, а вполне сознательно... «справного мужика» надо было порушить». Обрушиваясь на русских писателей и критиков: М. Лобанова, В. Петелина, В. Чалмаева, В. Кожина, отстаивавших самобытную русскую культуру, Яковлев в унисон с авторами проектов сселения «неперспективных деревень» декларировал: «Сегодняшние ревнители патриархальщины, восторгаясь созданным ими же иллюзорным миром, защищают то прошлое в жизни крестьянства, с которым без какого-либо сожаления расстался современный колхозник».

К счастью для патриотов, статья и обвинения в ней были составлены настолько топорно, что, по своей сути, бросали вызов всей русской интеллигенции. С протестом против статьи выступила большая и влиятельная группа русских писателей, поддержанная М. А. Шолоховым. Их письмо было направлено в адрес руководства ЦК КПСС. Статья не понравилась и осторожному Брежневу. Познакомившись с ней, он раздраженно заявил: «Этот м... хочет поссорить нас с русской интеллигенцией». В результате Яковлев был отправлен послом в Канаду¹⁴⁶⁵.

Тем не менее на рубеже 1970—1980-х годов была проведена масштабная чистка средств массовой информации от «русских элементов». От работы были освобождены директора и главные редакторы издательств, журналов и газет «Московский рабочий» (Н. Есилев), «Молодая гвардия» (А. Никонов), «Комсомольская правда» (В. Ганичев), «Человек и закон» (С. Семанов), «Современник» (Ю. Прокушев, В. Сорокин), «Наш современник» (Ю. Селезнев), «Волга» (Н. Палькин), «Техника-молодежи» (В. Захарченко). Цензура, агитпроп ЦК КПСС, КГБ видели тогда, как и в 1920—1930-е годы, главную опасность в проявлениях русского шовинизма и через либерально-демократические «Новый мир», «Знамя», «Октябрь» всячески клеймили эти «проявления»¹⁴⁶⁶.

Показательна в этом отношении реакция партийного руководства на письмо М. А. Шолохова, направленное в 1978 году на имя Л. И. Брежнева. Великий писатель нашел в себе мужество обратить внимание генсека на недопустимость положения, когда через кино, телевидение и печать протаскиваются антирусские идеи, порочащие нашу историю и культуру, русское противопоставляется социалистическому. «До сих пор многие темы, посвященные нашему национальному прошлому, остаются запретными, — писал Шолохов. — Чрезвычайно трудно, а часто невозможно, устроить выставку русского художника патриотического направления, работающего в традициях русской реалистической школы... Несмотря на правительственные постановления, продолжается уничтожение русских архитектурных памятников». Писатель полагал, что в свете фактов и доводов, приведенных {372} в его послании, «становится очевидной необходимость еще раз поставить вопрос о более активной защите русской национальной культуры от антипатриотических, антисоциалистических сил, правильном освещении ее истории в печати, кино и на телевидении, раскрытии ее прогрессивного характера, исторической роли в создании, укреплении и развитии русского государства»¹⁴⁶⁷.

14 марта 1978 года Л. И. Брежнев поставил на письме резолюцию: «Секретариату ЦК. Прошу рассмотреть с последующим рассмотрением на ПБ». Однако «интернационалисты» из Политбюро проигнорировали острейшую проблему, расценив ее не «уклоном», как в известные времена, а «идейно-политической ошибкой». Главное же в решении — ни в коем случае не допустить широкого обсуждения выдвинутой писателем проблемы. Постановление было секретным. В нем значилось: «Разъяснить т. Шолохову действительное положение дел с развитием культуры в стране и в Российской Федерации, необходимость более глубокого и точного подхода к поставленным им вопросам в высших интересах русского и советского народа. Никаких открытых дискуссий по поставленному им вопросу о русской культуре не открывать»¹⁴⁶⁸.

1981 год характеризуется усилением наступления властей на русские патриотические силы. 28 марта Ю. В. Андропов направляет в Политбюро записку, в которой отмечает создание среди интеллигенции движения «русистов». Русизм в этой записке представлялся «демагогией о необходимости борьбы за сохранение русской культуры, памятников старины, за “спасение русской нации”», которой «прикрывают свою подрывную деятельность откровенные враги советского

стройка». Под лозунгами защиты русских национальных традиций русисты, доносил глава КГБ, «по существу занимаются активной антисоветской деятельностью». Андропов ставил вопрос о скорейшей ликвидации этого движения, угрожавшего, по его мнению, коммунистическим устоям больше, чем так называемые диссиденты.

Озлобленность Ю. В. Андропова против русизма и любой иной формы национализма подвигла его на попытку отказа от национально-государственного устройства СССР. По свидетельству А. И. Вольского, помощника Андропова по вопросам экономики, у генсека имелась «идеяфикс — ликвидировать построение СССР по национальному принципу». «Межнациональная рознь в СССР подавлялась. Не была такой злобной, как ныне. Однако тлела всегда», — говорил А. И. Вольский незадолго до своей смерти в 2006 году и поведал об одном из поручений главы партии и государства. «Как-то генсек меня вызвал: “Давайте кончать с национальным делением страны. Представьте соображения об организации в Советском Союзе штатов на основе численности населения, производственной целесообразности, и чтобы образующая нация была погашена. Нарисуйте новую карту СССР”. Пятнадцать вариантов сделал! И ни один Андропову не понравился. Какой ни принесу — недоволен: “Отчего эту область сюда, эту — туда? Отчего предприятия так распределили?” А самое трудное было — заводы поделить. С содроганием вспоминаю то задание. В конце {373} концов я позвонил Велихову: “Женя, выручай! Подключись”. Обратился к нему как к умному человеку и другу. Дальше мы уже вдвоем чертили. Корпели день и ночь. Компьютеров-то не было. Из подручных средств только телефоны да справки. Нарисовали три варианта. Сорок один штат у нас получился. Закончили, красиво оформили, и тут Юрий Владимирович слег. Не случись этого, успей он одобрить «проект», с полной уверенностью скажу: секретари ЦК, ставшие впоследствии главами независимых государств, бурно аплодировали бы мудрому решению партии. И страна не вляпалась бы в то, во что спустя несколько лет по уши вляпалась”»¹⁴⁶⁹.

Русофобия правящего режима на последнем этапе существования советской системы точнее всего выражается приписываемой Ю. В. Андропову фразой: «Главная забота для нас — русский национализм; диссиденты потом — их мы возьмем за одну ночь»¹⁴⁷⁰. В пособиях русских националистов, по логике записки Андропова, можно было зачислить многих замечательных русских писателей, ставивших вопрос о вечных ценностях России, о духовной природе русского человека, о необходимости отдать должное православию, о великих достижениях предков. Среди писателей, творчество которых стало истинным украшением русской литературы, помимо классиков Леонова и Шолохова выделяются: «Мощный, суровый, эпичный Федор Абрамов. Возвышенно-поэтический Василий Белов. Пронзительный, шемящий Виктор Астафьев. Драматичный Валентин Распутин. Мягкий, лиричный... Евгений Носов. Сергей Залыгин — тонкий и умный. Блестящий эссеист Владимир Солоухин. Николай Рубцов, поэзию которого «надо нам свято хранить!.. он единственный. Другого нет!»¹⁴⁷¹.

В качестве конкретных мер по ликвидации русизма в 1981 году Андропов предлагал «привлечь к уголовной ответственности Иванова А. М. Что касается Семанова, то представляется необходимым рассмотреть вопрос об освобождении его от должности главного редактора журнала “Человек и закон”. Решение о его уголовной ответственности будет принято в зависимости от хода следствия по делу Иванова. Одновременно предполагается осуществить профилактические мероприятия в отношении их единомышленников, не склонных к разоружению, и лиц заблуждающихся»¹⁴⁷².

Результатом наступления на «русистов» было увольнение С. Н. Семанова в апреле с поста главного редактора «Человек и закон». Вместе с ним пострадал сотрудник журнала Г. В. Рыжиков, составивший ряд документов, в которых выдвигал требование «чистки» высшего партийного аппарата, «засоренного сионистами и им сочувствовавшими». В августе арестовали публициста А. М. Иванова, автора известных в патриотических кругах статей в журнале «Веч», работ «Логика кошмара» и «Рыцарь неясного образа», изображающих историю компартии как цепь заговоров, переворотов, грубого насилия, задуманных и осуществленных людьми, мечтавшими только о сохранении своей личной власти. В конце 1981 года была разгромлена редакция журнала «Наш современник». В одиннадцатом номере журнала за этот год были опубликованы несколько «боевых» материалов, немедленно вызвавших скандал. Обвиняемых авторов было четверо: В. В. Кожинов, {374} А. П. Ланшиков, С. Н. Семанов, В. Н. Крупин. С ними «разобрались» довольно быстро. Авторы осудили публично, редактора журнала С. В. Викулова после соответствующего внушения оставили на его посту, но обоих его заместителей уволили. Одним из них был выдающийся русский публицист Ю. И. Селезнев, вскоре после этого скончавшийся. На совещаниях в ЦК подвер-

гались критике такие выдающиеся книги русских писателей, как «Лад» В. И. Белова и «Память» В. А. Чивилихина.

В 1982 году был разгромлен прорусский саратовский журнал «Волга». Поводом послужила статья М. П. Лобанова «Освобождение». Она была написана по поводу романа М. Н. Алексеева «Драчуны», где рассказывалась правда о голоде 1933 года в Поволжье. В статье Лобанова впервые в русской публицистике в СССР осмыслились масштабы и причины народной трагедии раскрестьянивания. Как писал современник, «эффект от статьи был ошеломляющим — словно в хорошо прогретое солнцем болотце вдруг плашмя упала откуда-то с неба огромная каменная глыба»¹⁴⁷³. Публикация была осуждена специальным решением Секретариата ЦК КПСС. Главного редактора Н. Е. Палькина уволили. Журнал захирел.

Осенью 1983 года в «Литературной газете» и «Вопросах литературы» начались нападки на ученых, изучающих творчество русских философов В. С. Соловьева, Н. Ф. Федорова, П. А. Флоренского. Получили строгие взыскания издатели книги выдающегося русского философа А. Ф. Лосева. Характерно, что во время преследований «русистов» власти помиловали (апрель 1983 г.) арестованных годом ранее диссидентствующих «еврокоммунистов» (А. Фадин, П. Кудюкин, Ю. Хавкин и другие) в Институте мировой экономики и международных отношений, которым руководил либеральный академик Н. Н. Иноземцев, а в 1983—1985 годах — «архитектор перестройки» А. Н. Яковлев.

Начало 1980-х годов отмечено наступлением властей на ВООПИК. Материальные основы деятельности этого общества в течение двух-трех лет были резко ограничены. В декабре 1981 года общество было вынуждено отказаться от взносов коллективных членов, которые служили основой его реставрационных расходов. В 1983 году были ликвидированы производственные мощности общества. В 1984 году ВООПИК был лишен права вести самостоятельную работу по пропаганде знаний, она была передана обществу «Знание».

НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ НАКАНУНЕ «ПЕРЕСТРОЙКИ»

Осенью 1981 года произошли крупные беспорядки в столице Северной Осетии. Волнения начались 24 октября во время похорон в Орджоникидзе убитого двумя ингушами таксиста-осетина. Его убийцы были выпущены на свободу через три дня после преступления за выкуп в миллион рублей. Участники похоронной процессии организовали митинг и захватили здание обкома. К вечеру порядок на площади был восстановлен силами курсантов местного военного училища. На следующий день более десяти тысяч человек вновь заполнили площадь перед обкомом. Митинг с участием прибывших {375} из Москвы руководителей быстро вышел из-под контроля. В здании МВД выбили стекла. Против митингующих были брошены воинские части с бронетранспортерами и слезоточивым газом. Столкновения и рукопашные схватки продолжались до вечера, позднее они распространились по всему городу, несколько человек погибли. Несмотря на прибытие частей специального назначения, столкновения продолжались весь следующий день и лишь к вечеру сопротивление было сломлено. За три дня беспорядков были задержаны более 800 человек, 40 из них были осуждены. Первый секретарь обкома Б. Е. Кабалоев был снят со своего поста.

К концу рассматриваемого периода после нескольких довольно спокойных лет произошло крупное волнение на этнической почве в столице Таджикистана Душанбе.

В 1985 году вновь фиксируются давно забытые беспорядки в воинских эшелонах с призывниками в Советскую Армию. В одном из таких случаев призывники-мусульмане с Северного Кавказа «выясняли отношения» с немусульманами два дня. Этим событием открывалась череда эксцессов на националистической подоплеке в наступившей «эпохе перестройки». События на Северном Кавказе удостоились специального рассмотрения на заседании Секретариата ЦК КПСС. Причина неблагополучия в национальной сфере усматривалась, как и ранее, в изъянах нравственного и интернационального воспитания, в тлетворном влиянии религии. ЦК, как и ранее, призвал строить воспитание таким образом, чтобы советский человек ощущал себя в первую очередь гражданином СССР, а уж потом представителем той или иной нации.

Учебник «Обществоведение», служивший основой для формирования мировоззрения многих поколений выпускников средних школ и призывников Советской Армии (в 1983 году он был издан 21-м изданием), заканчивался на сверхоптимистической ноте: «Теперь мы не предсказываем наступления золотых времен человеческой истории, а говорим об этом со всей уверенностью, какую дают марксистско-ленинская наука и общественная практика. Уже теперь в СССР границы между республиками утратили былое значение и, когда мы путешествуем из конца в конец нашей

необъятной Родины, кому приходит в голову отмечать, сколько пересечено границ? Постепенно сотрутся и национальные различия, и разве только имена останутся напоминанием о прошлом. Объединенное в одну братскую семью человечество достигнет вершин своего могущества, осуществит дерзновенные замыслы покорения природы»¹⁴⁷⁴. Однако уже через несколько лет прошлое напомнило о себе вовсе не так, как все ожидали, а в головы руководителей СССР пришли совершенно непредсказуемые «перестроечные» мысли, приведшие великую страну к неожиданному краху.

НЕЗАВЕРШЕННОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ОБЩНОСТИ — ГЛАВНАЯ ПРИЧИНА КРАХА СССР

Становление общности на разных исторических этапах имело свои особенные противоречия, проявлявшиеся на всех уровнях общества¹⁴⁷⁵. {376} В соответствии с этим на протяжении 1930—1950-х годов взгляды на наднациональную общность людей в СССР претерпели большие изменения. Не успев оформиться в сколько-нибудь целостную систему представлений о мировой социалистической общности, в 1930-х годах они начали конкретизироваться во взглядах на советский народ как новую социальную и интернациональную общность. Одна из попыток создать развернутую систему представлений об этой общности принадлежит Н. И. Бухарину, автору концепции о «героическом советском народе», выступающему на смену традиционным нациям и народностям. Исторические корни этой общности автор не видел глубже пластов 1917 года; в этой общности не обнаруживалось каких-либо общих черт с русским народом, она рассматривалась, скорее, как антипод ему.

В таких представлениях, на наш взгляд, оживали, хотя и в превращенном виде, дореволюционные взгляды на «официальную народность». Она, как известно, тоже не отождествлялась ни с великороссами, ни с русскими в широком смысле понятия. Царская власть относилась к несанкционированному русскому национализму с таким же подозрением, как и к национализму нерусских народов. В знаменитой триаде «самодержавие, православие, народность» последняя понималась «туманно, отнюдь не в этнографическом смысле, а больше как умонастроение, — писал известный историк русского зарубежья Н. И. Ульянов в 1962 году в своей работе «Исторический опыт России». — К ней относилось все преданное престолу, независимо от национального обличья и веры». Власть же усматривала свой долг не в удовлетворении национальных претензий, а в попечении о «благоденствии» подданных. Национальности угнетались «не потому, что они были иноплеменные, а потому, что они были “общество”, которое должно было иметь только один долг — повиноваться». Выполнение такого долга требовалось в первую очередь от русского народа. Ульянов считал истинным суждение одного из лидеров кадетов В. А. Маклакова о том, что «чистое самодержавие» не понимало смысла национальной проблемы по причине равенства в его глазах всех национальностей»¹⁴⁷⁶. С еще большим основанием эти положения можно отнести к «новой исторической общности», формируемой Советской властью из многоэтнического населения России после Октябрьской революции.

Наиболее жизненной при этом является интерпретация советской общности людей не как антипода русскому и другим народам бывшей царской России, а как результата развития и объединения лучших черт советских наций и прежде всего наиболее многочисленного русского народа. Зародыши таких представлений о новой общности содержит сталинское теоретическое наследие. Во многом они были своеобразной производной от результатов национальной политики 1930—1940-х годов, приведшей к относительному выравниванию уровней социально-экономического и культурно-политического развития народов СССР и признания особой роли русского народа не только в социалистических преобразованиях, но и в дореволюционной отечественной истории. Эти факторы во многом {377} обусловили переформирование национального состава политической, научной и творческой элит советского общества (в 1940-е годы и позже происходило относительное сокращение доли граждан еврейской национальности в составе элитных слоев новой общности). Незавершенность процессов объединения советских людей в новой общности, отсутствие действенной политико-воспитательной работы по утверждению в сознании широких народных масс преимуществ общесоветского единства и общенациональных ценностей, как ценностей сопоставимых по значимости с национальными, плохо укрепляли преграду на пути нарастания центробежных тенденций и развала Союза ССР.

Отлаженная при Сталине система национальных отношений препятствовала возникновению в национальных регионах самодостаточных и самовоспроизводящихся местных элит, способных

выключить свои народы из интеграционных процессов, перевести их на путь автаркии, а тем более сепаратизма. Это достигалось посредством школьного образования, политического воспитания, подготовки, постоянной ротации руководящих кадров и, не в последнюю очередь, — репрессиями в отношении реальных и потенциальных лидеров национальных центростремительных движений. С десталинизацией национальной политики новую, более эффективную систему, обеспечивающую интеграционные процессы в многонациональном обществе, создать не удалось. Контроль за местными элитами был ослаблен, их самостоятельность и властные полномочия с переходом к новой управленческой системе через совнархозы резко расширились.

Интеграционные процессы, шедшие в 1960—1980-е годы, развивались скорее по инерции прежних лет и со временем замедлялись. При Брежневе контроль над ситуацией в республиках был почти полностью утрачен. Местные руководители и их окружение начали создавать в национальных регионах свои особые и только им известные порядки. Клятвы о единстве и дружбе в период официального существования «новой исторической общности» утрачивали реальное содержание, все больше превращались в привычный ритуал.

Признав свершившимся становление новой исторической общности — советского народа (по сути — новой полиэтнической нации) Конституция СССР 1977 года тем не менее сохранила федерализм национально-государственных образований, возводивший этничность в один из главных принципов построения государства. Возможность перехода к территориальному федерализму, реально существовавшая и упущенная в 1945—1953 годах, была окончательно утрачена. Начавшаяся сразу же после смерти Сталина новая «коренизация» управленческих кадров в республиках обеспечивала преимущества лишь представителям «статусных» наций. Процесс укрепления этнических элит (исключая русскую) при Брежневе зашел настолько далеко, что центр уже был не способен посягнуть на власть и интересы местных элит. С началом горбачевской «перестройки» это в полной мере выявили события в Алма-Ате в декабре 1986 года, когда попытка сменить на посту первого секретаря ЦК Компартии Казахстана казаха Д. А. Кунаева на русского Г. В. Колбина {378} вызвала организованные выступления казахов с использованием насилия. Центр был вынужден отступить, демонстрируя полную неспособность провести в жизнь свое «интернационалистское» решение.

На созванном в сентябре 1989 года пленуме ЦК КПСС в качестве достижений национальной политики отмечалось ускоренное развитие национальных окраин, создание многоотраслевой структуры и сближение уровней социально-экономического развития национальных регионов страны. «Если в 1926 году, — говорил М. С. Горбачев, — максимальный разрыв по производству промышленной продукции на душу населения между старыми промышленными районами и национальными окраинами достигал 38 раз, то в 1941 году он сократился до 4,1 раза, а в настоящее время составляет примерно 2,3 раза. Если еще в конце 1950-х годов рабочие по численности преобладали только в РСФСР, Казахстане, Эстонии и Латвии, то в конце 1970-х годов так обстояло дело практически во всех республиках. Если перед войной многие народы не имели подготовленных кадров, то теперь положение изменилось коренным образом: все они располагают такими кадрами, включая специалистов высшей квалификации»¹⁴⁷⁷. Однако привычное восхваление «ленинской национальной политики» по существу не затрагивало реальных противоречий в национальной сфере жизни советского общества. Абстрактные призывы сделать полнокровной советскую федерацию, утверждать в межнациональном общении взаимное уважение исторических традиций и национальной специфики народов, совершенствовать культуру межнациональных отношений были явно недостаточны для разрешения накопившихся противоречий в этой сфере. В период «перестройки» руководящие республиканские элиты уже открыто обнаружили свое единство и помощь друг другу в разжигании сепаратизма, разрушении СССР и социалистического строя как такового. В постсоветский период они открыто проявили присущий им антидемократизм и шовинизм. Это обнаружилось в судорожном стремлении новых властей сохранить господство «своих» новых государств над оказавшимся в их пределах инонациональным населением и территорией его проживания (например, в Нагорном Карабахе, Абхазии, Южной Осетии, Приднестровье). В этом кроется основная причина межнациональных конфликтов и войн постсоветской эпохи.

В нынешней России, также не избежавшей разрушительного воздействия национализма и сепаратизма (например, в Чечне), начался поиск идей и механизмов, способных уберечь государство от распада и успешно выполнять объединительные функции в жизни общества. Взоры политиков и исследователей при этом все чаще обращаются к роли, которую в этом смогут сыграть исторические традиции русского народа, русская и (или) российская национальные идеи.

ВЫРОЖДЕНИЕ ДИССИДЕНТСТВА

Выше были названы рожденный в борьбе с националистическим диссидентством проект превращения СССР в подобие Соединенных Штатов {379} по федеративному устройству (замысел Ю. В. Андропова) и проект фантастической реорганизации СССР в Союз Советских Республик Европы и Азии (конституция А. Д. Сахарова). Однако «прогрессивная мысль» на этом не останавливалась. В условиях распада СССР рождались новые оригинальные и убийственные по простоте решения по отказу от «империи-СССР» и приобщению бывших советских республик к «цивилизованному мировому сообществу».

После августовских событий 1991 года профессор-демократ В. Корепанов выступил со «смелой идеей», предлагая «колонизировать нашу страну на определенное время развитыми странами». Для Запада, полагал он, «мы представляем интерес как рынок, богатый сырьем и человеческими ресурсами... Естественно, надо обратиться к Западу с просьбой прикрепить отдельные республики и регионы к развитым странам. Допустим, Россию к США и Японии, Украину — к Англии, Белоруссию — к Франции. Понадобится создать смешанную администрацию по управлению колониями»¹⁴⁷⁸.

Политический обозреватель газеты «Куранты» поэт А. Иванов наглядно представлял механизм превращения России в процветающую колонию. Пусть, писал он в январе 1992 года, бизнесмены из передовых зарубежных стран «беспошлинно ввозят к нам все — от колготок до автомобилей. И продают за рубли». Им же надо дать право за рубли «покупать все что угодно — земли, дома, фабрики, заводы, месторождения полезных ископаемых... Колония? Да! Но мы являя собой пугало для всего мира в течение 74 лет, честно шли к этому унижительному, но закономерному финалу. Параллельно пусть развивается отечественный бизнес. Ему есть чему поучиться у “варягов”. Да и что плохого в статусе колонии... После второй мировой войны полуфеодалная, разгромленная, нищая Япония стала фактически колонией США. Через сорок лет — всего-то! — великая, могущественная Америка не знает, как спастись от экономического наступления бывшей колонии... Начинать не стыдно с чего угодно. Далее все зависит от народа. Если он действительно велик, пусть докажет свое величие в цивилизованной, хотя и беспощадной конкурентной борьбе. А главная задача государства при этом — твердо стоять на страже священного права частной собственности. Ибо это — единственный фундамент экономики»¹⁴⁷⁹.

Ю. С. Пивоваров в мае 2002 года полагал приемлемой потерю Россией Сибири и Дальнего Востока: «нужно, чтобы Россия потеряла... Сибирь и Дальний Восток», «пусть придут канадцы, норвежцы — и вместе с русскими попытаются управлять данными территориями». Не страшит его и мировое правительство. Он считает, что идея Канта о нем «сегодня на самом деле реализуется. И если кто-то является противником упомянутой структуры, то я лично ничего против нее не имею... Мне важно, чтобы люди жили по-человечески и если мировое правительство будет этому способствовать — то, пожалуйста»¹⁴⁸⁰.

Насчет «пожалуйста» интересной представляется статья А. А. Игнатова в «Независимой газете» от 7 сентября 2000 года. Автор утверждает, что Мировое правительство вовсе не плод фантазий приверженцев всевозможных {380} теорий заговоров. Оказывается, «эта надгосударственная структура вполне эффективно исполняет роль штаба “Нового мирового порядка”». Неприемлемым, с его точки зрения является лишь то, что это правительство, руководствуясь теорией «золотого миллиарда», искусственно ограничивает число людей и стран, которые имеют право на участие в глобализационных процессах на лидирующих ролях. Согласно «решениям правительства», Россия не должна входить в число таких лидеров и рассматривается исключительно как источник сырьевых ресурсов для «Нового мирового порядка». Автор сетует на неконструктивность такой позиции. Его вывод: «Важной и деликатной является задача внедрения российских представителей в многочисленные тайные организации, составляющие невидимую основу власти Мирового правительства, — масонские и парамасонские ложи, “тайные” ордена и другие подобные образования. Россия должна иметь возможность влиять на решения, принимаемые тайными международными структурами власти». Месяц спустя в «Известиях» появилась информация: «На днях распоряжением руководителя управления делами (УД) президента Владимира Кожина в структуре УД было ликвидировано государственное предприятие “Информационное аналитическое агентство”. Это произошло после публикации в одной из центральных газет статьи генерального директора этого предприятия Александра Игнатова “Стратегия «глобализационного лидерства» для России”»¹⁴⁸¹. Таким образом, обнародование аналитической записки, родившейся в недрах управления делами президента, оказалась неуместной и не осталась без внимания. Заявление академика Пивоварова такой реакции не вызвало. (Для справки. Россия не входит в число стран, включаемых

в «золотой миллиард». Однако, по данным журнала «Форбс», обнаруженным 7 марта 2012 г., из 1226 «долларовых» миллиардеров в мире, в России в этом году проживало 96 человек (2-е место после США с 425 миллиардерами), а в Москве — 78 человек (1-е место)¹⁴⁸².

Е. Г. Ясин, научный руководитель Высшей школы экономики, рассуждая о трудностях выхода России из экономического кризиса 1998 года и благодетельной роли МВФ в его преодолении, полагает, что надо соглашаться на усиление роли международных финансовых институтов и на передачу той или иной степени национального суверенитета на наднациональный уровень. «Я такую парадоксальную мысль выскажу, — поведал он в этой связи. — Один из уважаемых мною людей лорд Бертран Рассел еще в 1946 году... предлагал идею мирового правительства, он говорил, что со своими грядущими проблемами каждая страна в отдельности или даже блоки стран не смогут справиться. И вот сегодня, для меня, по крайней мере, это очень убедительно, я возвращаюсь к этим старым его идеям, и мне кажется, что нам придется над этим задуматься»¹⁴⁸³.

Задумавшись над этим после кризиса 2008 года, он высказался с еще большей убежденностью: «Мое мнение заключается в том, что глобализация — это естественный и необратимый процесс, вследствие чего мы идем к мировому правительству, которое будет когда-нибудь управлять {381} экономикой в планетарном масштабе. Сегодняшний кризис связан еще и с тем, что глобальный финансовый рынок никем не контролировался»¹⁴⁸⁴.

Известный экономист Г. Х. Попов, бывший мэр Москвы, в статье, приуроченной к апрельской (2009 г.) встрече глав двадцати главных стран мира, призвал как можно скорее извлечь урок из кризиса 2008 года и принять радикальные меры в масштабе всей планеты. Среди них: создать Мировой парламент с двумя палатами (одна избирается напрямую голосованием планеты, другую избирают от индивидуальных и коллективных членов ООН); образовать Мировое правительство (его формирует ООН по согласованию с Мировым парламентом, при нем необходимы и Мировые вооруженные силы, и Мировая полиция); изъять из национальной компетенции и передать под международный контроль ядерное оружие, ядерную энергетику и всю ракетно-космическую технику; передать под глобальный контроль всего человечества всех богатств недр нашей планеты¹⁴⁸⁵.

На форуме сайта пресс-центра М. Б. Ходорковского в 2004 году всерьез обсуждался «план спасения России», заключающийся в ее присоединении к США, «благо и общая граница на Аляске есть». При этом «остатки населения РФ переселяются в теплые области, сворачивается собственная оборонка... и все это вместе называется СШАЕА (Соединенные штаты Америки, Европы и Азии)». А. И. Вольский утверждал: «Именно такой вариант будет принят, когда Ходорковский выйдет из тюрьмы [осужден в мае 2005 г. на 9 лет лишения свободы за мошенничество и другие преступления] и мы, вместе с ним, займемся его реализацией. В этом и есть историческая миссия Ходорковского». В публикации, поведавшей миру о такой идее, упоминалось, что известен был и аналогичный «план Мида»¹⁴⁸⁶.

Американский журналист Тони Карталуччи, прослеживая роль Ходорковского в постсоветской российской политике, пишет о попытках американцев создать в России с помощью миллиардера-олигарха свой собственный «порядок из хаоса». Ходорковский организовал Фонд «Отрытая Россия», совет директоров которого возглавил небезызвестный Генри Киссинджер, а в число членов совета директоров вошел такой представитель западной корпоративной элиты, как лорд Джекоб Ротшильд. «Планировавшийся сценарий сегодня известен: это была попытка консолидировать в “надежных руках” богатства России, чтобы передать их, а также власть в России и судьбу ее народа Уолл-стрит и глобальной лондонской “корпоратократии”. Россия, однако, оказалась не совсем беззащитной. Реакция была жесткой и сокрушительной — Ходорковский оказался в сибирской тюрьме, где он находится по сей день, в то время как другие олигархи, обслуживавшие западные интересы, рассеялись, как тараканы, в Лондоне и Нью-Йорке»¹⁴⁸⁷.

В 2010 году эти все эти идеи «модернизации России» «обновил» О. Осетинский, объявив, что в самой России провести ее некому: все грамотные из страны разбежались, остались малограмотные, апатичные (бесстрастные, вялые, ленивые), пьяницы. Выход — в заключении союза США и России (получится ССР), а по существу — в обращении к США с призывом «придите и владейте нами!» Предлагается направить в Россию из США для начала два {382} миллиона добровольцев (в идеале — одного на каждый десяток русских), дать этой армии «квалифицированных непьющих оккупантов» полномочия, как при осуществлении плана Маршалла в Германии, и кардинально перестроить Россию — построить новые заводы, фабрики, производства, новую систему управления, новую полицию, новую политическую систему. Автор полагает, что другого реального способа стать цивилизованной страной у России нет, «культурная русская идентичность» при этом не

пострадает: «молодые американцы переженятся на русских, и скоро станут настоящими новыми русскими тружениками и предпринимателями, а не спекулянтами, бандитами и пьяницами»¹⁴⁸⁸.

Б. Березовский в 2012 году по случаю светлого праздника Пасхи предложил восстановить в России конституционную монархию во главе с британским принцем Гарри, у которого «русской крови больше, чем у последнего российского императора Николая II»¹⁴⁸⁹.

При оценках исторической значимости либерального диссидентства, историки, придерживающиеся соответствующей идеологической ориентации, испытывают немалые трудности. Они долгое время (и даже после 1991 года) не могли называть вещи своими именами и открыто обелять колонну, выступавшую в 1960—1980-е годы в союзе с «прогрессивным Западом» против своей страны и ее народа. Однако логика требовала последовательности. Поэтому приходится встречаться с сентенциями о том, что «реформаторы», начиная с Н. С. Хрущева, «в силу своего мировоззрения видели в либеральной интеллигенции скорее потенциального противника, нежели советчика и помощника... В интеллигентской среде были сильны консервативно-охранительные настроения. Именно на них и опиралась власть»¹⁴⁹⁰. По сути дела, власть обвиняется в том, что не возглавила или не опиралась на либеральных диссидентов в реформировании своей страны в капиталистическом духе, поскольку никакого иного «великого плана» либеральное диссидентство не могло иметь по определению.

На наш взгляд, наиболее существенным для исторических судеб России является то, что национально-патриотические течения так и не набрали силу в рассматриваемый период, не смогли существенно повлиять на власть и развитие общества. «Русофилы» в значительной своей части остались диссидентами и по отношению к свершившейся в 1991—1993 годах капиталистической революции, и к утвердившейся на ее волне у власти новой правящей элите. В последующем позиция национальных патриотов в ряде пунктов сближается с Русской Православной церковью и оппозиционной нынешним властям КПРФ. По убеждению В. Н. Ганичева, высказанному в июне 2002 года, в прошлой истории страны «лишь славянофилы создали блестящую теорию самостояния России». Теорией не воспользовались царские власти, «и это привело к их крушению», советские власти тоже не сумели извлечь из нее пользу, «не пожелали изменять ее, применять в современных условиях, и мы видим нынешний итог». Ветеран движения живет надеждой, что «когда-нибудь наши власти возьмут ее на вооружение»¹⁴⁹¹. Некоторые из влиятельнейших в прошлом диссидентских деятелей {383} (А. А. Зиновьев, А. Д. Синявский, отчасти А. И. Солженицын), увидев плоды диссидентства в постсоветских жизненных реалиях России, кардинально переоценили и свое участие в движении, и историческую роль движения в целом. Впрочем, в конкретных условиях кануна капиталистической революции и разрушения СССР, даже высокопоставленные антипочвенники и космополиты не могли не понимать, что «единственной надеждой на спасение страны и нации была почвенническая идеология, восставшая и против насильственной коллективизации, и против коммунистической денационализации»¹⁴⁹². Однако представлявшийся шанс спасения «перестройки» и сохранения СССР — большой исторической России — был упущен.

Диссидентство как общественно-политическое явление не ушло из жизни России и после революции 1991—1993 годов. В определенном отношении оно было присуще всем этапам ее истории. Однако между советскими диссидентами и современными диссидентами в новой России имеется принципиальная разница. «В СССР, — отмечает один из “новых” российских историков, — диссидентами считались антисоветски настроенные писатели и другие деятели культуры с либеральными и прозападными взглядами, большинство из которых были евреями, а сегодня диссидентами являются писатели и деятели культуры патриотических взглядов, как правило — с антизападными и консервативными ценностями (ценности семьи, естественной половой ориентации, развитие национальной культуры и т.д.), переживающих за судьбу русского народа, и поэтому критически относящихся к правлению либералов от М. Горбачева до В. Путина и Д. Медведева, многие книги которых входят в правительственный черный список запрещенных книг (около 700). И в этой современной группе диссидентов (инакомыслящих) совершенно другой национальный состав... она состоит из представителей коренных народов России»¹⁴⁹³. {384}

4. КРУШЕНИЕ СССР И ПОИСК НОВЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ИДЕЙ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

МЕСТО КРУШЕНИЯ — ВИСКУЛИ

За 25 лет до крушения Союза ССР поэт Николай Рубцов, словно предчувствуя трагедию 1991 года, создал образ поезда, который «мчался с полным напряженьем, / Мощных сил, уму непостижимых,

/ Перед самым, может быть, крушением / Посреди миров несокрушимых». Катастрофа назревала «где-то в самых дебрях мироздания», «в просторе мгlistом», «посреди явлений без названья»¹⁴⁹⁴.

Поезд с литерами «СССР» подошел к месту крушения в малоизвестном белорусском селении Вискули, запрятанном в дебрях Беловежской пуши в трех километрах от польской границы. Здесь, в Вискулях, в государственной резиденции 8 декабря 1991 года в 14 часов 17 минут и случилось непоправимое¹⁴⁹⁵. Союза Советских Социалистических Республик не стало. Исторический факт зарегистрирован в документе, под которым стоят подписи руководителей Белоруссии (С. Шушкевич), РСФСР (Б. Ельцин, Г. Бурбулис) и Украины (Л. Кравчук, В. Фокин), известивших жителей планеты Земля о том, что «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование»¹⁴⁹⁶.

В соответствии с Беловежскими решениями 12 декабря 1991 года в 13 часов 28 минут Россия вышла из состава СССР, денонсировав решением своего парламента Союзный договор 1922 года. Из двухсот пятидесяти депутатов Верховного Совета РСФСР против ратификации Беловежских соглашений проголосовали семеро: С. Н. Бабурин, В. А. Балала, В. Б. Исаков, П. А. Лысов, И. В. Константинов, Н. А. Павлов, С. А. Полозков¹⁴⁹⁷. 25 декабря 1991 года М. С. Горбачев в последнем в качестве Президента СССР телевизионном выступлении заявил, что уходит со своего поста «по принципиальным соображениям», хотя практически этого поста уже не существовало. 24 декабря работники хозяйственной службы Кремля вынесли личные вещи Горбачева из шкафов президентского кабинета и в ночь на 25 декабря {385} сняли табличку «Президент СССР М. С. Горбачев» со стены рядом с дверью этого кабинета. Сразу же после телевизионного выступления Горбачева, в 19 часов 38 минут красный Государственный флаг СССР на купольном здании Кремля был заменен российским трехцветным¹⁴⁹⁸.

Пораженные всеми этими событиями современники начали примерять для их оценки понятия, лежащие в широчайшем диапазоне от гибельного «краха» до жизнеутверждающего «возрождения». Участники беловежского решения постарались преподнести его народам бывшего СССР как единственный и спасительный выход из зашедших в тупик переговоров о новом Союзном договоре, подготавливавшемся взамен прежнего, существовавшего с 30 декабря 1922 года¹⁴⁹⁹. Достоинства Соглашения о создании Содружества Независимых Государств представлялись одному из членов российской делегации на Беловежской встрече столь бесспорными, четкими по политическим и экономическим обязательствам Сторон, что «уже за одно это надо устроить на улицах фейерверк»¹⁵⁰⁰.

Однако эти и другие прозвучавшие по свежим следам случившегося высказывания вроде того, что «у распадающейся коммунистической империи есть свои законы и один из них гласит, что государства должны прожить определенный период в форме независимых», что-де в Минске зафиксирована «независимость республик как естественное и логическое завершение определенного этапа распада империи»¹⁵⁰¹, что есть, мол, объективные процессы, происходящие помимо нашей воли, и Союза не стало просто потому, что «империи срок вышел», а участники Беловежского соглашения не разрушили ее, они «просто выписали свидетельство о смерти, которое состоялось до этого», и помогли тем самым «спокойно и мирно разойтись» бывшим союзным республикам¹⁵⁰², — все такие суждения надо воспринимать как сугубо предварительные. Они рассчитаны, прежде всего, на то, чтобы действия политиков, «способствовавших» проявлению «закономерности», можно было представить как законные и даже героические. Желание вполне понятное, но на окончательный вердикт истории в данном случае рассчитывать явно не приходится. Здесь надобны годы и десятилетия. Лишь по мере того как данное, явно неординарное событие отходит в прошлое, появляется возможность осмыслить его истинные масштабы, причины и следствия.

С международно-правовой точки зрения Беловежское соглашение 8 декабря 1991 года не означало конца существования СССР, оно лишь положило начало разделению СССР (государства-предшественника) на составные части с образованием независимых государств (государств-преемников). К настоящему времени установлено, что утверждения или гипотезы об этой и иных датах юридического оформления прекращения СССР (8 декабря, 12 декабря — постановление Верховного Совета РСФСР «О ратификации Соглашения о создании Содружества Независимых Государств», 26 декабря 1991 г. — принятие Советом Республик Верховного Совета СССР декларации о прекращении существования СССР) не имеют под собой юридических оснований. Подписание или ратификация актов в указанные даты не влекли {386} за собой правовых последствий, так как процесс их принятия был сопряжен с грубыми нарушениями союзно-республиканского конституционного законодательства и выходил за пределы полномочий принимающих эти акты должностных лиц. К примеру, в Беловежье три республики могли лишь заявить о своем выходе из

Договора 1922 года и намерении образовать новое Содружество Независимых Государств. Соглашение о создании СНГ было подписано республиками, не обладавшими в то время статусом независимых государств и не могло придать ему качества межгосударственного объединения. Обращает на себя внимание, что подписанный представителями трех республик акт о «прекращении существования геополитической реальности» крупнейшего государства мира был должным образом не подготовлен, составлен с недопустимой поспешностью на государственном языке только одной из республик, с банальными ошибками правописания, текст соглашения в экземплярах стон не является полностью идентичным в плане орфографии и синтаксиса. Подписавший соглашение С. Шушкевич не имел права подписывать такой документ. Он не являлся главой государства, был председателем Верховного Совета и должен был прежде чем подписывать договор от имени государства получить на это соответствующие полномочия от Верховного Совета. Этого не делалось и в последующих случаях подписания С. Шушкевичем соглашений в рамках СНГ. Казус впоследствии эмоционально комментировался президентом Беларуси А. Лукашенко. «...Тут юридически можно подвергнуть сомнению все. Это личная инициатива Шушкевича. Он должен был получить санкцию парламента на это... Он не имел права на это. Но он подписал. У него, как Черномырдин говорил, везде все чесалось больше, чем у кого-либо». Юридически Союз ССР как федеративное государство и субъект международного права прекратил существование 21 декабря 1991 года в результате заключения бывшими союзными республиками (кроме Грузии) Протокола к Соглашению о создании Содружества Независимых государств, подписанному 8 декабря 1991 года. В тот же день, 21 декабря всеми государствами была подписана и Алма-Атинская Декларация, в которой провозглашалось: «С образованием Содружества Независимых государств Союз Советских Социалистических республик прекращает свое существование»¹⁵⁰³.

Что касается общественного мнения первых лет после роспуска СССР, оно оставалось почти таким же, как и в день мартовского (1991) референдума, когда 71,3 % его участников проголосовали за сохранение Союза ССР как обновленной федерации. По данным опроса, проведенного Институтом социально-политических исследований РАН в марте 1992 года, за восстановление СССР высказалось свыше 70 % опрошенных. В ходе аналогичного опроса москвичей накануне 12 июня 1994 года 68 % респондентов заявили, что они отрицательно относятся к упразднению Советского Союза. В декабре 2001 года, 10 лет спустя после распада СССР 76 % русских, согласно опросу, сожалели о распаде СССР и 77 % считали, что союз можно было сохранить¹⁵⁰⁴. Согласно результатам опроса Левада-Центра в марте 2011 года, когда выяснялось отношение россиян к перестройке, начавшейся {387} за семь лет до распада СССР, порядка 42 % россиян полагали, что было бы лучше, если бы в стране осталось все так, как было до перестройки¹⁵⁰⁵. Эти мнения по-прежнему остаются доминирующими в российском обществе. По опросу 2009 года, о распаде СССР сожалели 60 % жителей России, примерно столько же сожалевших оказалось и через 20 лет после распада СССР. На вопрос «почему ностальгиков остается так много», директор Левада-Центра Л. Гудков отвечает: «Показатель остается высоким, поскольку в этом направлении действует официальная пропаганда и руководство страны постоянно поддерживает эту версию. Кроме того ощущение травмы, вызванной распадом, поддерживается, прежде всего, экономическими процессами, которые происходили в 1990-е годы... К этому добавляется ощущение, что люди оказались брошенными государством»¹⁵⁰⁶. Главная причина ностальгии — в том, что СССР, по сравнению с постсоветским временем, обеспечивал своим гражданам более высокий уровень человеческого развития. По этому индексу (он рассчитывается в ООН с учетом средней ожидаемой продолжительности жизни, уровня грамотности населения, ВВП с учетом паритета покупательной способности в различных странах), СССР накануне распада, в 1988 году, занимал 26-е место в мире, а Российская Федерация в 1993 году — 52-е, в 1996-м — 72-е (это было самое глубокое падение). В последующем положение несколько поправилось, но пока еще не сравнимо с показателем 1988 года: в 2010 году Россия «вырвалась» на 67-е место, в 2011-м оказалась 66-й в списке из 187 стран¹⁵⁰⁷.

НА РАЗВАЛИНАХ СССР

Вопреки ожиданиям, независимое существование суверенных государств, появившихся на территории бывшего СССР, пока не принесло ощутимых перемен к лучшему в жизни народов. Что же касается межнациональных отношений, то ситуация здесь была весьма напряженной. Как оказалось, национальная идея широко используется в борьбе за власть и за доступ к власти, в определении границ территорий, на которые новая государственная и местная власть распространяется, в борьбе за приватизацию, за региональные привилегии, за устранение последствий несправедливой национальной политики прошлого. В результате, начиная с 1987 года, в границах бывшего СССР

имели место, по разным оценкам, от 100 до 150 этнополитических конфликтов, в том числе свыше 20 вооруженных¹⁵⁰⁸. Всего же, по данным ученых, на территории бывшего Союза существовало до 200 потенциальных очагов конфликтов, связанных с перераспределением политической власти в новых государственных образованиях и субъектах Федерации¹⁵⁰⁹.

По данным, приводившимся российским участником международного симпозиума в декабре 1993 года, число погибших в зонах этнополитических и региональных конфликтов на территории бывшего СССР составило в 1992 году около 60 тысяч человек, потери 1993 года оценивались сопоставимой цифрой¹⁵¹⁰. По другим источникам, с конца 1991 года только по апрель 1993 года в вооруженных конфликтах погибло около 150 тысяч {388} человек. Это в 11 раз больше, чем за 10 лет афганской войны. Но реакция в нашем обществе и мире отнюдь не адекватна масштабам трагедии¹⁵¹¹. Бывший председатель КГБ СССР на процессе по делу ГКЧП показывал, что «за неполных два года на территории Советского Союза в ходе военных конфликтов, в гражданских войнах погибло более 200 тысяч человек, до 700 тысяч раненых, изувеченных»¹⁵¹².

В целом территория России оказалась пораженной этнополитическими и региональными конфликтами в меньшей степени, чем некоторые другие страны СНГ (Азербайджан, Армения, Грузия, Молдавия, Таджикистан). Однако и в России разнообразные территориально-этнические конфликты и притязания исчислялись сотнями. Около миллиона граждан, населяющих мятежную Чечню, с сентября 1991 года оказались, по сути, вне Конституции Российской Федерации¹⁵¹³. Не урегулирован конфликт между Северной Осетией и Ингушетией¹⁵¹⁴. Угроза этнической и внутриконфессиональной войны обнаружилась в Дагестане, в котором появились политические силы, выступавшие против унитарной формы государственного устройства республики. Возникли движения, ратовавшие за создание собственных государств на севере республики (ногайцы), на юге (лезгины), в центре (кумыки). Другие, более стабильные северокавказские республики также оказались под угрозой национального размежевания. Причем и здесь новые самоопределяющиеся государства зачастую обозначались на взаимоперекрывающихся территориях. Обнаружились очаги напряженности в громадном промышленном Волго-Уральском регионе с центрами повышенной конфликтности в Татарстане и Калмыкии. На юге Восточной Сибири очаг питался сепаратистскими устремлениями определенных политических сил Тувы и Бурятии. В Якутии в результате закрепления преимуществ за «титальной» нацией дали о себе знать сепаратистские настроения якутского населения. Возникла напряженность на Дальнем Востоке из-за возрастающего притока китайских и корейских переселенцев¹⁵¹⁵.

Попытка силой погасить один из очагов нестабильности и сепаратизма привела к войне с дудаевским режимом в Чечне. Первая чеченская война началась в декабре 1994 года, после того, как глава Общенационального конгресса чеченского народа Д. Дудаев провозгласил независимость северокавказской республики и перестал перечислять налоги в федеральный бюджет. Сторонникам Дудаева удалось захватить большое количество оружия, оставленного на складах российской армии. Более года российские военнослужащие не прекращали попыток овладеть столицей мятежной республики. В марте 1995 года из Грозного был выбит последний отряд боевиков во главе с Ш. Басаевым, началась очистка равнинных и горных местностей республики. Затем последовала целая серия террористических актов, организованных Ш. Басаевым и С. Радуевым. 22 апреля 1996 года российским спецслужбам удалось уничтожить Дудаева, но война не прекратилась. Боевики провели операцию «Джихад», снова захватили города Грозный, Аргун и Гудермес. После этого, 31 августа 1996 года, А. Лебедь (секретарь Совета безопасности РФ) и А. Масхадов (премьер коалиционного {389} правительства, с января 1997 года — президент Чеченской республики Ичкерии) подписали в Хасавюрте совместное заявление о прекращении военных действий в Чечне и принципах определения основ взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой. Первая чеченская война закончилась¹⁵¹⁶.

Однако в августе 1999 года Ш. Басаев со своими сторонниками вторглись в Дагестан, положив начало Второй чеченской войне. Более месяца шли бои федеральных сил с вторгшимися боевиками. В результате боевики отступили с территории Дагестана обратно в Чечню. В эти же дни, 4—16 сентября, в нескольких городах России (Москве, Волгодонске и Буйнакске) был осуществлен ряд террористических актов — взрывы жилых домов. Активная стадия Второй чеченской войны (официально она именовалась контртеррористической операцией) проводилась на территории Чечни и приграничных регионов Северного Кавказа с 30 сентября (дата ввода российских войск в Чечню) и продолжалась вплоть до 2000 года, после чего стала угасать. В ходе войны в результате операции спецслужб 8 марта 2005 года погиб А. Масхадов¹⁵¹⁷. С 16 апреля 2009 года в Чечне был снят режим контртеррористической операции, действовавший с 1999 года¹⁵¹⁸.

Боевые действия в Чечне довольно быстро прибавили к прежним жертвам конфликтов новые десятки тысяч погибших и сотни тысяч беженцев. По официальным данным, к 24 января 1995 года только федеральные войска потеряли в Чечне 553 убитыми (513 военнослужащих, 40 — из состава внутренних войск МВД) и 275 пропавшими без вести. За месяц с небольшим число беженцев из Чечни, зарегистрированных миграционной службой, возросло до 142 тысяч¹⁵¹⁹. Чеченская сторона вела свой счет жертв войны: 22 тыс. убитых (в том числе гражданское население), 22 тыс. инвалидов, 100 тыс. беженцев, нашедших временное пристанище в Дагестане и Ингушетии, 20 тыс. бежавших в другие регионы России и ближнего зарубежья¹⁵²⁰. По данным аппарата Уполномоченного по правам человека Российской Федерации, с 25 ноября 1994 года по 25 января 1995 года погибло более 24 тыс. мирных жителей Грозного, общее число беженцев из разрушенного города за два месяца составило примерно 400 тыс. человек¹⁵²¹.

За полгода в этой войне погибло 1375 российских военнослужащих, 3872 ранено, 245 пропало без вести. По данным чеченской стороны, погибли 5400 человек, участвовавших в военных действиях на стороне Джохара Дудаева (погиб 22 апреля 1996 г.), более 3000 пропало без вести. Потери мирного населения, по этим же данным, — несколько десятков тысяч человек¹⁵²². Начавшимися 25 мая 1995 года переговорами по мирному разрешению чеченского кризиса полномасштабные военные действия были прекращены. 30 июля 1995 года было подписано соглашение по военным вопросам, которым предусматривалось: развод федеральных войск и незаконных вооруженных формирований на четыре километра; вывод федеральных войск из Чечни; разоружение незаконных вооруженных формирований¹⁵²³. Однако и после соглашения потери человеческих жизней в этом конфликте не прекратились. По официальным данным Министерства {390} обороны РФ на 30 августа 1996 года, в чеченской войне погибли 2837 военнослужащих, 13270 человек были ранены, 337 военнослужащих пропали без вести, 432 оказались в плену. Примерно такую же цифру потерь, по данным МО РФ, имели и войска МВД. Потери чеченских боевиков составили около 15 тыс. человек¹⁵²⁴. В результате войны из 1306,5 тыс. человек, проживавших (данные на 1 января 1993 г.) в Чечено-Ингушской республике, пределы Чечни к началу июня 1996 года покинуло около 450 тыс. человек. Большая часть из них разместились в республике Дагестан (около 144 тыс. чел.), Ингушской Республике (около 182 тыс. чел.), в Ставропольском крае (около 40 тыс. чел.) и в других регионах России¹⁵²⁵.

В 2010 году в Москве было опубликовано статистическое исследование «Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь». В этом авторитетном издании приведены данные о числе потерь российских военнослужащих, принимавших участие в этнических и региональных конфликтах, миротворческой деятельности на территории бывшего СССР в период с 1988 по 2000 год. Согласно этим данным, в армяно-азербайджанском (Карабахском) конфликте (1988—1994) безвозвратные потери личного состава подразделений и частей Министерства обороны, внутренних войск и милиции МВД, пограничных войск, а также формирований других ведомств составили 51 человек, санитарные — 830 человек¹⁵²⁶. В грузино-осетинском конфликте (1991—1992) потери соответственно составили 46 и 142 человека¹⁵²⁷, в приднестровском (1992) — 24 и 3402 человека¹⁵²⁸, в грузино-абхазском (1992—1994) — 73 и 1972 человека¹⁵²⁹, в таджикском (1992—1996) — 302 и 1583 человека¹⁵³⁰, в осетино-ингушском (1992) — 27 человек (по санитарным потерям данные отсутствуют)¹⁵³¹, в чеченском (1994—1996) — 5552 и 51387 человек, принимавших участие в боевых действиях¹⁵³² и 30—35 тыс. мирных жителей¹⁵³³, в 1999—2000 годах в антитеррористической операции на территории Республики Дагестан погибли 279 человек¹⁵³⁴, в Чечне — 2728 человек и 7971 человек ранено. В целом же за период боевых действий в Дагестане и Чечне в ходе контртеррористической операции с 27 июля 1999 года по 1 февраля 2001 г. подразделения и части Министерства обороны, внутренних войск и милиции потеряли убитыми и умершими 3007 человек, ранеными — 8771 человек. В ходе первой чеченской войны ежемесячные потери федеральных сил составляли 190 человек убитыми, во второй — 215. Потери оказались более высокими, чем в наиболее кровопролитный период (март 1980 г. — апрель 1985 г.) Афганской войны. Всего в XX веке, с 1988 г. по 2000 г., на территории бывшего СССР в ходе региональных конфликтов и миротворческой деятельности погибло 9082, ранено 68 087 военнослужащих. К сожалению, число человеческих жертв на Северном Кавказе увеличивалось и в новом XXI веке¹⁵³⁵.

Причина многих несчастий россиян кроется в затяжном экономическом кризисе и ухудшении условий жизни в стране. За 1990-е годы российский валовой внутренний продукт (совокупная стоимость конечных товаров и услуг, произведенных на территории страны, в рыночных ценах) сократился почти в 2 раза (для сравнения: за годы Великой Отечественной {391} войны он уменьшился на 24 %). Его душевой размер к концу XX столетия был в 5 раз ниже среднего пока-

зателя стран «большой семерки». По его совокупному размеру Россия уступает ныне США в 10 раз, Китаю — в 5 раз. Строительство рыночной экономики сопровождалось значительным ростом «теневой» экономики. Доходы от нелегального предпринимательства, исчисляемые, по оценкам экспертов, 3 % от валового внутреннего продукта в 1973 году и 11 % в последний год существования СССР, в 1993 году составляли в Российской Федерации 27 % ВВП, в 1994 году — 39 %, в 1995 году — 45 %, в 1996 году — 46 %.

Российское государство отказалось от традиционных обязательств и функций в медицине, образовании, науке, социальной сфере. К унаследованным Россией от СССР 105 млрд долларов внешнего государственного долга к 1998 году прибавилось более 50 млрд новых долгов. Реальные доходы и уровень жизни в среднем по стране уже в 1993 году снизились по сравнению с 1985 годом как минимум в 2,15 раза; снижение продолжалось и в последующем. Стоимость набора из 19 основных продуктов питания за 1994 год выросла в 3,5 раза. Среднемесячная номинальная заработная плата в России в 1994 году составляла 100 долларов США, в 1997 году — 164,3 долларов.

Бывший проходчик угольной шахты из Кузбасса, депутат Верховного Совета СССР и Государственной думы Т. Г. Авалиани, характеризуя ухудшение условий жизни и работы за годы реформ, приводит следующие сравнительные данные. За 1990—2001 годы рост цен и зарплат составил (в размах):¹⁵³⁶

Рост (раз)		Рост (раз)		Рост (раз)	
Зарплата проходчика	6,7	Гречка, рис (кг)	21,4	Лук репчатый (кг)	16
Пенсия шахтера	10,2	Масло сливочное (кг)	20	Яйцо куриное (дес.)	14,4
Зарплата директора завода	125	Масло растительное (л)	21,2	Сметана (кг)	43,6
Булка серого хлеба	41	Свекла (кг)	80	Кефир (л)	46,5
Молоко (л)	35,7	Говядина на кости (кг)	25	Сапоги жен. импортные	80
Картофель (кг)	60	Свинина (кг)	25	Сапоги кирзовые	24
Капуста (кг)	83	Курица (кг)	22,6	Квартплата за 3-комн. квартиру, в т.ч. за эл. энергию	32,2
Морковь (кг)	100	Колбаса докторская (кг)	41,4	Проезд в гор. транспорте	100
Сахар-песок (кг)	9,2	Сельдь (кг)	26,7	Авиабилет Кемерово—Москва	63,3

Хронический кризис российской финансовой системы приобрел особенно острую форму к лету 1998 года. 17 августа была официально признана неспособность правительства (премьер С. В. Кириенко) обслуживать огромный внутренний и внешний долги. Для предотвращения катастрофической ситуации в финансовой сфере правительство осуществило девальвацию национальной валюты, в результате которой стоимость рубля по отношению к доллару снизилась втрое. После этого черного дня новейшей отечественной истории уровень заработной платы в России вновь снизился на две трети, составив в 1999 году 61,8 дол., в 2000 году — 79,1 доллара, существенно не дотягивая до порога в 100 долларов, по которому ООН относит страны к бедным. {392}

Снижение жизненного уровня жителей России сочеталось с резкой социальной поляризацией. О ее степени можно судить по коэффициенту, выражающему соотношение доходов 10 % наиболее обеспеченных и 10 % наименее обеспеченных граждан. Предельно допустимое значение этого показателя в нормально функционирующем обществе, по экспертным оценкам, составляет 8 к 1. По данным Госкомстата Российской Федерации, этот коэффициент в 1991 году составлял в России 4,5; в 1993 году — 11,2; в 1998 году — 13,8; в 2001 году — 13,8. Высокие значения коэффициента во многом определялись безработицей. В 1992 году безработных в стране насчитывалось 3,9 млн (5 % экономически активного населения), в 1997—8,1 млн (11,8 %). После известного финансового обвала в августе 1998 года число безработных подскочило в 1999 году до 9,3 млн че-

людей (13 %). На довольно высоком уровне безработица держалась и после «дефолта». В 2001 году в стране имелось 6,6 млн безработных (9,2 % экономически активного населения).

С началом нового тысячелетия в экономике России обнаружилась некоторая тенденция к стабилизации. В течение последних трех лет государственный бюджет сводится с профицитом, с превышением доходов над расходами. За эти годы, как отмечалось в Послании Президента России Федеральному Собранию РФ от 16 мая 2003 года, валовой внутренний продукт страны вырос на 20 %. Инвестиции в основной капитал — более чем на 30 %. Физический объем экспорта товаров увеличился на четверть, в том числе экспорта машин, оборудования, транспортных средств — более чем на 70 %. Удалось на четверть снизить государственный внешний долг России. Все это позволяет надеяться на переход страны к более устойчивому экономическому развитию и росту реальных доходов россиян, которые за последние три года выросли на 32 %. Средний размер пенсий, составлявший три года назад 70 % от прожиточного минимума пенсионера, в 2002 году сравнялся с минимумом. Однако, четверть российских граждан по-прежнему имеет доходы ниже прожиточного минимума.

Особую тревогу вызывают демографические последствия кризиса. Возрастающие тревоги за будущее, развал здравоохранения и другие факторы привели к значительному сокращению продолжительности жизни и резкому сокращению числа рождающихся россиян. Если в 1987 году число родившихся в стране составляло 2,5 млн человек, то в 1993 году — 1,4 миллиона. В начале 1991 года в России проживало 148,5 млн человек. На первом же году независимого существования естественный прирост населения сменился убылью, составившей 200 тыс. человек. В 1993 году убыль увеличилась почти в 4 раза, имея тенденцию к дальнейшему росту¹⁵³⁷. В этом году население России из-за превышения числа смертей над числом рождений сократилось на 737,7 тыс., в 1994 году — на 920,2 тыс. Это равносильно тому, что в России за год исчезало население таких городов, как Воронеж. Подобная убыль хуже демографических показателей Первой мировой и Гражданской войн, и сопоставима с периодом Великой Отечественной войны¹⁵³⁸. {393}

По данным текущего учета численности населения, находящим отражение в ежегодно публикуемых статистических сборниках («Россия в цифрах», «Демографический ежегодник России» и др.), на 1 января 2002 года в Российской Федерации насчитывалось 143 954,4 тыс. жителей (по переписи 1989 года их было 147 021,9 тыс., в начале 1992 года — 148 325,6 тыс.).

В октябре 2002 года была проведена первая в постсоветской истории Всероссийская перепись населения. Ее предварительные результаты были доложены на заседании правительства 24 апреля 2003 года. По этим данным, по состоянию на 9 октября 2002 года, в стране было учтено 145 287,4 тыс. живущих в стране россиян. Народа оказалось примерно на два миллиона больше, чем показывали данные текущей статистики.

Общее снижение численности населения в России в межпереписной период (1989—2002) составило 1840 тыс. чел. За период между переписями в стране родилось 20 540,0 тыс. чел., умерло 27 939,8 тыс. Разница между этими величинами в 7 399,8 тыс. чел. означает естественную убыль населения России. За этот же период миграционный прирост составил 5 559,8 тыс. чел. — в страну прибыли 10 975,5 тыс. чел., убыли 5 415,7 тыс. чел. Значительная часть мигрантов прибывала к нам из стран — бывших союзных республик, и далеко не все из них учитывались текущей статистикой. Естественная убыль населения оказалась значительно большей, чем прирост населения за счет миграции, отсюда и общее сокращение числа живущих в стране.

По данным переписи, численность населения сократилась в 66 субъектах Российской Федерации. Больше всего на Чукотке — в 3 раза, в Магаданской области — в два с лишним раза, в Красноярском автономном округе — на 37 %, на треть — в Таймырском и Эвенкийском автономных округах. В 23 субъектах, наоборот, населения прибавилось. В Дагестане — на 43 %, в Кабардино-Балкарии — на 20 %. Из семи федеральных округов население выросло (в основном за счет миграции) в Южном (с 20,5 до 22,9 млн чел.) и Центральном (с 37,9 до 38 млн), во всех остальных зафиксирована убыль населения: в Северо-Западном федеральном округе с 15,2 до 14 млн, в Приволжском — с 31,8 до 31,2 млн, в Уральском — с 12,5 до 12,4 млн, в Сибирском — с 21,1 до 20,1 млн, в Дальневосточном — с 8 до 6,7 млн человек¹⁵³⁹.

Новое снижение численности населения в России зафиксировала перепись, проведенная в октябре 2010 года. По этой переписи, население России составило 142 905,2 тыс человек¹⁵⁴⁰. Убыль населения частично компенсирована въездом в страну мигрантов. С учетом этого, по некоторым оценкам, за годы реформ Россия потеряла 15 млн человек, из них 14,5 млн русских¹⁵⁴¹.

Снижение жизненного уровня россиян на протяжении 1990-х годов напрямую определяло падение такого демографического показателя, как ожидаемая продолжительность жизни. В 1991

году она составляла 69 лет для населения в целом (64 г. у мужчин и 74 г. у женщин), в 1998 году снизилась до 67 лет (61,3 г. у мужчин и 72,9 у женщин), в 2000 году — до 65 лет (59,8 г. — у мужчин и 72,2 г. — у женщин). По текущим данным Госкомстата на 2002 год, средняя продолжительность жизни у мужчин — 58,5 года, {394} у женщин — 72 года. Это означает, что в наши дни среднестатистический российский мужчина не доживает даже до возраста выхода на пенсию.

Эксперты полагают, что население России в ближайшие 50 лет будет убывать примерно по миллиону человек за год. По некоторым прогнозам, при нулевом сальдо миграции к 2050 году в России в лучшем случае будет проживать 110 млн человек, а в худшем — 80 млн. Наиболее тревожен прогноз В. И. Козлова. «Не нужно быть профессиональным статистиком и математиком, чтобы подсчитать, что из зафиксированных переписью населения на 2002 год 142 млн коренных жителей России, примерно к 2040 году останется всего 70—80 млн человек, а к 2080 году — всего 35—40 млн. Из них русских — около 20 млн»¹⁵⁴². Избежать подобной участи России, как полагают, например, лидеры «Союза правых сил», практически невозможно. Объяснение этому, как всегда, находится в нашем недавнем «проклятом прошлом». Дескать, все дело в социалистической модели индустриализации, когда «женщин вытащили из семьи, из деревни на очень ранней стадии индустриального развития, послали на завод, и те начали вести себя после этого так, как ведут себя женщины в более развитых странах: стали меньше рожать». Поскольку демографические процессы имеют очень инерционный характер, предотвратить сокращение численности населения России в ближайшем историческом будущем невозможно. По сути дела, вымирание русского народа предлагается принять как должное. Выход же для страны видится в проведении новой иммиграционной политики, нацеленной на приспособление к реалиям XXI века, на привлечение в страну нужных России иммигрантов и превращение России в своеобразную Америку XXI века. Правда, в этом случае, Россия должна стать уже не страной русских, а российских граждан. «Да, с русским языком, русской культурой, но — российских», — подчеркивает Е. Т. Гайдар, призывая утвердить соответствующий подход к российской государственности. Раз уж Россия обречена стать миграционной страной, как США, то «зачем православие в школах в качестве обязательного предмета?», «почему мы запрещаем приход в Россию католических священников? Любое подчеркивание уникальной роли исключительно русского этноса в российском государстве — это просто бомба под будущее России в XXI веке». С таких позиций, всякие усилия по сбережению русского народа представляются не только излишними, но даже опасными. В открытом письме «правозащитников» к Патриарху Алексию II предъявляются претензии по поводу высказываний «ксенофобского характера» во время VII Всемирного собора русского народа в декабре 2002 г. А это были давно назревшие предложения: внести в Конституцию положения о государствообразующем статусе русского народа и господствующем положении Русской Православной церкви; создать Всемирную лигу защиты русских, создать русский национальный православный телеканал. Такие же претензии предъявлялись и митрополиту Кириллу (нынешнему Патриарху), заявившему на научно-практической конференции в Москве 20 января 2003 года; «Нет ничего оскорбительного в утверждении, что Россия является государством русских православных {395} людей, в котором живут также национальные и религиозные меньшинства... где их национальные и религиозные права защищены и обеспечены»¹⁵⁴³.

После распада Советского Союза за пределами Российской Федерации оказалось 25289,5 тыс. русских (17,4 % от их общей численности в СССР в 1989 г.) и 4096,1 тыс. лиц других коренных национальностей РФ (18,5 % от их общей численности). Обострение социально-политической ситуации в странах ближнего зарубежья, банкротство предприятий, сокращение рабочих мест, глубокое социальное расслоение, дискриминация и нарушение прав русского и русскоязычного населения¹⁵⁴⁴, расширение зон национальных конфликтов побуждает это население к возвращению в Россию. По данным Федеральной миграционной службы на 1994 год, в Россию прибыло около 2 млн вынужденных переселенцев и экономических мигрантов. Если среди первых вынужденных мигрантов в Россию были в основном армяне, азербайджанцы, турки-месхетинцы, то в дальнейшем основную их массу стали составлять русские. По данным на 1 августа 1994 года, среди всех этнополитических мигрантов доля русских превышала 60 %; осетины, армяне и татары составляли по 7—9 %, украинцы — 3 %, доля грузин и таджиков чуть превышала один процент¹⁵⁴⁵.

Сами россияне пытаются укрыться от смуты в странах дальнего зарубежья. За 1987—1993 годы из России эмигрировало около 500 тыс. человек, в основном немцы и евреи, а также русские (в 1993 г. на эти национальности приходилось 93 %). Основные эмигрантские потоки были направлены в Германию (максимум был достигнут в 1995 г. когда в эту страну эмигрировало 72,8 тыс. российских немцев) и Израиль. По сравнению с 1990 годом, когда эмиграция евреев достигла своего

пика — 61 тыс., к концу 1990-х годов она упала до 17 тыс. (В настоящее время в Израиле насчитывается более миллиона недавних иммигрантов из России и бывшего СССР, что составляет 20 % израильского населения.) К концу 1990-х годов российская эмиграция начинает охватывать и такие страны, как Австралия, Канада, Финляндия, Италия и др. При этом в ее орбиту все более вовлекаются русские, доля которых выросла с 24 % в 1993 году до 41,5 % в 2000 году. Из страны уезжают высокообразованные специалисты. Так, в 1993 году среди эмигрантов в США высшее, незаконченное высшее и среднее специальное образование имели 71 %, в Израиль — 61 %. В один только Израиль в течение первого десятилетия (1989—1998) последней «волны эмиграции» выехали 13 275 бывших советских ученых. Такие масштабы утечки умов означают потери для России 60—70 млрд долларов ежегодно (подсчеты по методике ООН).

Параллельно в Россию идет мощный приток иммигрантов. По данным Госкомстата РФ, временно находящихся на территории России, но постоянно проживающих за рубежом, зарегистрировано 250 тыс. человек. Однако основная часть мигрантов из стран Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Африки находится в России нелегально. По данным ООН, нелегальных иммигрантов в России насчитывается 13 млн. Это вызвано открытостью российских границ со странами СНГ. Основной поток мигрантов идет через южные границы, из Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, а также {396} Китая. Поток этот ничего хорошего России не приносит. В отличие от легальной миграции, которая действительно может быть одним из способов восполнения убыли населения, нелегальная приносит с собой огромные проблемы, начиная от преступности и наркоторговли и заканчивая нагрузкой на инфраструктуру и основное население. Именно нелегальная миграция является причиной того, что ЕС отказывается устанавливать с Россией безвизовый режим. Здесь опасаются, что огромный поток нелегалов из России пойдет к ним¹⁵⁴⁶.

Распад СССР не привел к ожидаемому смягчению криминогенной ситуации в России. В 2000 году была издана книга заместителя начальника Главного управления исполнения наказаний Минюста Российской Федерации профессора А. И. Зубкова «Карательная политика России на рубеже тысячелетий», содержащая анализ динамики, текущего состояния и последствий российской карательной политики на разных этапах ее истории, начиная с 1898 года. Как видно из приведенных в этой книге данных, в России наименьшее количество заключенных (автор подразумевает под ними всех лиц, хотя бы в какой-то мере лишенных свободы, включая сюда долговые тюрьмы и концентрационные лагеря), были в 1892 году — всего 83,2 тыс. человек, а наибольшее — в 1941 году (2204,4 тыс. чел.). Удельный вес таких лиц в расчете на 100 тыс. человек в указанные годы составил соответственно 66 и 1119 человек. Причем, если в дореволюционное время колебания этого показателя были незначительны (140 чел. в 1909 г., 103 чел. — в 1917 г.), то в последующие годы наблюдается довольно противоречивая картина. Если в 1920-е годы сохраняется тенденция первых десятилетий XX века (67 чел. в 1922 г. по РСФСР и 106 чел. в 1930 г. по СССР), то позднее идет резкий рост. В 1937 году удельный вес заключенных в СССР в расчете на 100 тыс. человек населения составил 469 чел., в 1939 году он почти удвоился (859 чел.), а в 1941 достиг пика. К окончанию Великой Отечественной войны этот коэффициент снизился до 970 человек. В последующие годы пошло существенное снижение данного показателя: в 1959 году — 405 чел., в 1979 году — 359 чел., а в 1989 году он был наименьшим — всего 280 чел. В Российской Федерации общесоюзная тенденция проявила себя слабее: в 1959 году коэффициент составил 585 чел., в 1975 году — 500 чел., в 1979 году — 522 чел. Начиная с 1989 года это снижение было существенное: в 1989 году — 280 чел., 1992 году — 218 чел. Но затем вновь пошел высокий рост: в 1996 году — 506 чел., в 2000 году — 728 чел. К 2000 году численность лиц, содержащихся под стражей (подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных к лишению свободы) в России, сравнялось с численностью контингента (с учетом лечебно-трудовых профилакториев) всего СССР на конец 1980-х гг. На 1 января 2000 года в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 1 060 085 человек, в том числе в исправительных колониях 756 432 чел., в следственных изоляторах — 272 589 чел., в помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов — 9116 чел., в воспитательных колониях — 21 957 человек. Криминогенная обстановка в России такова, {397} что половина ее населения (53 %, по данным социологического опроса весны 2002 г.) опасается, как бы власть в стране не попала в руки организованного преступного сообщества.

Как видим, спокойно и мирно разойтись из Союза ССР не удалось. И потребуются еще немало усилий, чтобы уяснить причину произошедшего и отыскать способы стабилизации и улучшения ситуации, урегулирования национальных и национально-государственных отношений на пространстве бывшего СССР и нынешней Российской Федерации. Между тем, российские народы

остаются пока еще очень далекими от полной уверенности в том, что распад СССР не получит продолжения в распаде России. По данным социологического исследования, проведенного весной 2002 года по заказу Международного республиканского института, каждый четвертый житель России (26 %) считает угрозу распада России вполне вероятной. В Сибирском и Дальневосточном округах такую угрозу ощущает каждый третий (35 %). Две трети опрошенных (62 %) полагают, что в России не существует сильного государства. Укрепление государственности в общественном мнении связывается с объединительной, интеграционно-централизованной формой федерализма (ей отдают предпочтение 30 % опрошенных). При этом 20 % россиян выступают за договорную форму федерализма (когда федерацию рассматривают как объединение государств, передающих на основе договора некоторые права центральным органам власти). 14 % высказываются за кооперативную форму федерализма (за федерацию на основе социально-экономического сотрудничества между федеральным Центром и регионами). В то же время 14 % опрошенных выступают за самостоятельность субъектов. Региональный сепаратизм (отделение регионов от Центра) поддерживают 22 % опрошенных (в Дальневосточном федеральном округе эта цифра поднимается до 35 %, такие же настроения сильны среди чувашей и мордвы (27 %) и у татар (42 %)). 11 % опрошенных видят идеал в централистической форме федерализма (когда вся социально-экономическая и политическая жизнь в отдельных частях государства должна осуществляться на основе решений федерального Центра). По данным этого же опроса, самые многочисленные славянские национальности России — русские и украинцы — в среднем почти в два раза больше верят в сохранение России, чем в ее распад (соответственно среди русских 50 % «оптимистов» и 26 % «пессимистов», среди украинцев — 50 % и 21 %). Однако представители ряда российских национальностей вероятность распада России признают весьма высокой. Среди них — жители регионов, имеющих границы со странами СНГ (32 %), армяне (46 %), евреи (53 %), выходцы из Средней Азии (69 %). Основные причины вероятного распада России опрошенные усматривают в деятельности иностранных государств (32 %), региональных лидеров (31 %) и олигархов (28 %).

МНОГООБРАЗИЕ ПРИЧИН РАСПАДА СОВЕТСКОГО СОЮЗА

В литературе выдвинуто немало гипотез о причинах распада СССР, изложенных в многочисленных статьях¹⁵⁴⁷ и книгах¹⁵⁴⁸. {398}

Можно встретить ссылки на случайность произошедшего. Дескать, были бы у генерального секретаря Ю. В. Андропова здоровые почки, не было бы всей цепи событий, которая привела к распаду страны. Союз можно было сохранить, если бы не было личной неприязни между Б. Н. Ельциным и М. С. Горбачевым — и в этом случае события могли бы принять другой оборот¹⁵⁴⁹. На универсальность претендует объяснение с опорой на так называемый закон энергетической неэффективности больших государств, согласно которому не только распался СССР, но идет распад России, распадутся США, Канада, Китай, Австралия¹⁵⁵⁰.

На наш взгляд, очень близки к истине исследователи, усматривающие главную причину распада СССР в изъянах плана, по которому осуществлялось его строительство. Отвергнув известный проект «автономизации», отцы-основатели СССР утвердили план, по которому союзные национальные республики «добровольно» входили (а при желании и выходили) в состав СССР, роль связующего звена государства был призван играть не государствообразующий народ, а политическая партия. При устранении партии легко разрушалось и государство, что и произошло в 1991 году.

Вместе с тем высказываются убеждения, что никаких серьезных объективных причин для развала СССР не существовало¹⁵⁵¹, он — следствие «грубых просчетов и ошибок политиков, действия разрушительных политических сил и деятелей»¹⁵⁵². Виновниками случившегося в этом случае чаще всего представляются Горбачев; гекачеписты; депутаты V Внеочередного съезда народных депутатов СССР, во многом предопределившие своими решениями разрушение Союза; государственные деятели, сделавшие Беловежскую пушу символом волюнтаризма и безответственности в политике; парламенты бывших союзных республик, одоббившие роспуск СССР; «демократы» в целом или некие политически амбициозные и своекорыстные группы лиц, расчищавшие таким путем себе путь к власти¹⁵⁵³.

Большую долю истины содержит суждение о национальных элитах как могильщиках СССР. Эти элиты, с одной стороны порожденные Москвой, а с другой всегда тайно мечтавшие о бесконтрольной власти и тяготившиеся московской уздой, почувствовали в момент кризиса союзной государственности, что узда ослабла, и «вырвались на свободу. Всем еще плохо — им уже хоро-

шо»¹⁵⁵⁴, как написал А. Е. Бовин (1998). Большая часть вины в этом случае возлагается на национальные элиты бывших союзных республик. Они с особым подозрением отнеслись к известной попытке 1989—1990-х годов уравнивать в правах союзные и автономные республики. Это было воспринято не как повышение автономий до уровня союзных республик, а наоборот, — как понижение статуса последних до уровня бывших автономий. Особенно это задевало элиты крупнейших республик — Украины и Казахстана. Одно дело их статус в составе Союза с пятнадцатью союзными республиками, другое — с пятьюдесятью или более. Вслух против уравнивания возражать было трудно — это воспринималось бы как выступление против равноправия народов, как приверженность сталинизму. Поэтому проблема решалась иначе: модернизация государства сначала просто саботировалась, {399} а затем была сорвана объявлениями суверенитета и независимости¹⁵⁵⁵. Именно в среде национальных элит с готовностью, как индульгенция, принят на вооружение сомнительный постулат: «История человечества знает одну истину: империя не перестраивается, а распадается»¹⁵⁵⁶.

Вина за распад Союза ССР нередко почти полностью перекладывается на Запад. В этом случае развал предстает результатом осуществления планов реставрации капитализма в СССР, инициированных США и осуществленных американско-английской агентурой при помощи деятелей типа Хрущева и Горбачева¹⁵⁵⁷. В. С. Павлов, последний премьер-министр СССР, весной 1991 года публично обвинял в заговоре против нашей страны международных банкиров. Такой заговор «был и есть», говорил он¹⁵⁵⁸. Частью заговора было решение о создании Международного коммерческого «Банка общественного финансирования и кредитования национальных программ», ставшее предвестником уничтожения СССР, как последней серьезной преграды на пути образования нового мирового экономического порядка¹⁵⁵⁹. В том же 1991 году, выступая на заседании Трехсторонней комиссии (организована из представителей Северной Америки, Западной Европы и Азии в июле 1973 г. для обсуждения и поиска решений мировых проблем), ее основатель Дэвид Рокфеллер говорил: «Мир сейчас готов маршировать к мировому правительству. Наднациональный суверенитет интеллектуальной элиты и международных банкиров, является, несомненно, предпочтительнее, чем национальное самоопределение, практикуемое в предыдущие века»¹⁵⁶⁰. О том, как будет выглядеть новый мировой порядок, известно со слов специалиста в области нового миропорядка, профессора К. Коха: «Система будет создана на основе единой валюты, единого, финансируемого из одного центра правительства, единой системы налогообложения, единого языка, единой политической системы, единого мирового судебного органа, единой государственной религии и во главе с единым руководителем (единственным индивидуальным лидером). Каждый человек будет иметь зарегистрированный номер, без которого ему не будет разрешено ни покупать, ни продавать. И будет одна универсальная мировая церковь. Любой, кто откажется участвовать в этой универсальной системе, не будет иметь права на существование»¹⁵⁶¹.

К нашим дням стали известны детали целого ряда проектов, разработанных в США и направленных на уничтожение СССР, расчленение его территории, уничтожение русского народа. Так, А. Даллес (директор ЦРУ в 1953—1961 гг.) еще в конце Второй мировой войны предложил план послевоенной борьбы с СССР, в ходе которой «эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа»¹⁵⁶². В основе этого и всех последующих планов ведения «холодной войны» против СССР¹⁵⁶³ лежала установка на то, чтобы взорвать Советский Союз изнутри с помощью подрывных средств и разложения и старых, как мир, приемов натравливания одних народов на другие¹⁵⁶⁴. 18 августа 1948 года Совет национальной безопасности США утвердил директиву «Цели США в отношении России», направленную {400} на свержение советской власти и декоммунизацию страны силами «любых местных властей, которые придут на смену советской власти»¹⁵⁶⁵. 9 июля 1959 года Конгресс США принял резолюцию о порабощенных нациях. В ней утверждалось, что «с 1918 года империалистическая агрессивная политика русского коммунизма привела к созданию обширной империи, которая представляет зловещую угрозу для безопасности Соединенных Штатов и всех свободных народов мира». Резолюция требовала освобождения и возвращения независимости целому ряду стран и народов (включая мифические). Среди названных значились народы Польши, Венгрии, Литвы, Украины, Чехословакии, Латвии, Эстонии, Белоруссии, Румынии, Восточной Германии, Болгарии, Континентального Китая, Армении, Азербайджана, Грузии, Северной Кореи, Албании, Идель-Урала, Тибета, Козакии, Туркестана, Северного Вьетнама. Было постановлено ежегодно отмечать в США третью неделю июля как «Неделю порабощенных наций» до тех пор, пока «не будет достигнута свобода и независимость для всех плененных наций мира»¹⁵⁶⁶. Не является тайной и «Доктрина освобождения», принятая администрацией Дж. Буша в 1989 году и преследовав-

шая цель демонтажа «советской империи». Доктрина ставила задачи поэтапного отторжения четырех кругов государств «империи»: Индокитай и стран социалистической ориентации (4-й круг), восточноевропейских стран и Кубы (3-й круг), союзных республик СССР (2-й круг), республик и регионов собственно усеченной России (1-й круг)¹⁵⁶⁷. Известен целый ряд откровенных признаний виднейших американских государственных и общественных деятелей, утверждающих, что «победа США в холодной войне была результатом целенаправленной, планомерной и многосторонней стратегии США, направленной на сокрушение Советского Союза»¹⁵⁶⁸. В частности, Дж. Вулси во время сенатских слушаний при утверждении его директором ЦРУ сказал о бывшем Союзе ССР: «Да, это мы прикончили Гигантского Дракона»¹⁵⁶⁹. Президент США Дж. Буш после развала Союза заявил, что это «наша победа, победа ЦРУ»¹⁵⁷⁰ и добавил при этом: «Соединенные Штаты израсходовали на ликвидацию Советского Союза пять триллионов долларов»¹⁵⁷¹.

Оригинальная трактовка причин распада СССР принадлежит бывшему советскому разведчику М. П. Любимову. Он построил свой мемуар-роман «Операция Голгофа»¹⁵⁷² на версии о секретном плане перестройки путем уничтожения в СССР существующего социализма и погружения страны в дикий, необузданный капитализм, где царит закон джунглей. Хаос и неразбериха в конце концов должны были, согласно этой версии, мобилизовать массы на борьбу с властью под социалистическими лозунгами, вылиться в революцию, уничтожение компрадорской буржуазии и восстановление истинного социализма. Отрывок из романа был опубликован в газете «Совершенно секретно» (1995. № 2) в рубрике «Сенсація», и многие сочли версию вполне правдоподобной. «Не верю, — пишет А. Тиле, — что в мозгу русского мог родиться такой изуверский план... А вот в ЦРУ такой план *мог быть* разработан, и теперь уже имеется довольно много данных, что такой план *был*»¹⁵⁷³. {401}

Сходная версия истории распада СССР изложена в книге известного писателя, главного редактора газеты «Завтра» Александра Проханова «Хождение в огонь» (2011). «Певец красного государства» полагает, что замысел его разрушения зародился в КГБ, захватившем после смерти Л. И. Брежнева реальную власть в стране. На закрытых совещаниях ближайших сподвижников Ю. В. Андропова был вынесен приговор Советскому Союзу как «нерентабельной империи» и принят план ее разрушения — сброса окраинных республик и превращения РСФСР в преуспевающее, конвергированное с Западом национальное государство. Начавшуюся «перестройку» СССР в этом направлении продолжил призванный Андроповым во власть М. С. Горбачев и сформированная Комитетом команда «перестроечников». Горбачев, как верный последователь Андропова продолжил работу по сознательному уничтожению социализма, а вместе с ним и СССР. На определенном этапе «перестройки» КГБ содействовал передаче полномочий Горбачева Б. Н. Ельцину. При нем замысел Андропова был полностью реализован — СССР прекратил свое существование¹⁵⁷⁴. Горбачев в последнем интервью в качестве президента СССР произнес: «Главное дело моей жизни сбылось»¹⁵⁷⁵. Создается впечатление, что разрушение СССР и стало «главным делом» его жизни.

Если не понимать заявление президента СССР столь прямолинейно, можно утверждать, что он не использовал имеющиеся шансы уберечь страну от развала. Один из них представляется вполне осуществимым видному политологу, директору Центра имени Бертольда Бейца Германского общества внешней политики А. Г. Рару: «Если бы Горбачев в свое время, не в 91-м, а раньше, еще в 90-м году провозгласил свободные, с альтернативными кандидатами выборы на пост главы государства, он бы их проиграл, уступив Ельцину — лидеру российского демократического движения. В таком случае Советский Союз под другим названием и в другой форме мог бы существовать еще несколько десятилетий»¹⁵⁷⁶. Однако этому предположению трудно было осуществиться, поскольку незадолго до Беловежского акта было подписано тайное соглашение Б. Н. Ельцина с властями США о предоставлении ему карт-бланша на смещение Горбачева в обмен на обязательство «выжечь каленым железом все советское» в своей стране. С тех пор в США время от времени проявляется недовольство тем, что «Россия не придерживается негласных соглашений, которые были подписаны ее руководителями»¹⁵⁷⁷.

По прошествии двух десятилетий после распада СССР названа одна из глубинных, на наш взгляд, причин русской трагедии 1991 года. «В СССР, в отличие от Китая, не было самого главного, что могло бы удержать старую, настоящую Россию от распада: не было национальной элиты в точном смысле этого слова, не было среди верхов (и прежде всего столичных верхов) тех, кто бы ставил национальные интересы выше своих собственных. Не обладали российским национальным сознанием ни те, кто решал судьбу страны, ни народные массы, которые слепо шли за своими поводырями — за Борисом Ельциным, Юрием Афанасьевым, Гавриилом Поповым, Анатолием Собчаком, Еленой Боннер»¹⁵⁷⁸. {402}

Широкое хождение имеет объяснение крушения СССР его проигрышем в холодной войне в результате технологического отставания и снижения уровня конкурентности, в более широком плане — поражением социализма в многовековом соперничестве с либерализмом¹⁵⁷⁹. В противовес этому выдвигаются концепции, полностью отрицающие разрушительное действие внешних сил и придающие значение только внутренним факторам упадка и распада СССР, и прежде всего — экономическому кризису, нараставшему в СССР в течение десятилетий¹⁵⁸⁰. Плодом абсолютизации одного из внутренних факторов является утверждение: «В разрушении СССР повинен русский национализм и он же является основной опасностью для России»¹⁵⁸¹. Столь же рискованной представляется и сентенция о том, что «в конечном счете, свержение коммунистического режима оказалось триумфом русского национального сознания над сознанием коммунистическим», а распад СССР следует воспринимать «как величайшее завоевание русского народа и российских демократов»¹⁵⁸².

Отдельные представители российской исторической науки (среди них — руководители исторических институтов РАН) держатся своеобразной «генеральной линии», согласно которой развал Союза отражает объективный процесс, имеющий всемирный характер. Директор академического Института всеобщей истории А. О. Чубарьян полагает, что это «результат, с одной стороны, роста национального самосознания, с другой — краха тех методов, с помощью которых создавался и жил СССР»¹⁵⁸³. А. Н. Сахаров (директор Института российской истории в 1993—2010 гг.) успокаивал сограждан: «Происходит то, что и должно происходить... Россия просто проходит со значительным запозданием те же цивилизационные ступени эволюции, что и другие развитые страны»¹⁵⁸⁴. Дескать, цивилизационное развитие и политическая жизнь 1960—1970-х годов «практически подготовили распад СССР», и тут уж ничего не поделаешь¹⁵⁸⁵. Бывший председатель Верховного Совета РФ, член-корреспондент РАН Р. И. Хасбулатов утешается тем, что в 1991 году Союзу ССР удалось избежать худшего — полномасштабной гражданской войны или ядерного апокалипсиса. Произошел не полный крах, а лишь полураспад Советского Союза. Ценой невероятных усилий Верховного Совета РФ удалось спасти хотя бы Российскую Федерацию¹⁵⁸⁶.

Р. Г. Пихоя в статье «Почему распался СССР?» полагает, что СССР разрушился несмотря на то, что в нем «отсутствовала сколько-нибудь организованная и массовая политическая оппозиция». Он считает также, что «не было и нет единственной, главной причины развала СССР»¹⁵⁸⁷. Однако, заключая статью, автор по сути дела называет эту причину. Он пишет: «Советская система оказалась принципиально нерепформируемой. Она могла жить только как система централизованная, “свинченая” номенклатурной, партийно-государственной вертикалью, использовавшая в качестве источников своего бытия государственную собственность, огромные природные ресурсы и возможности мобилизационной экономики. Угроза внешней опасности, стабильность, определенные социальные гарантии для граждан СССР, надежда на “светлое будущее” составляли внутреннюю {403} суть советской системы. Будучи нерепформируемой, эта система оказалась нежизнеспособной»¹⁵⁸⁸.

Таков же и основной тезис современной западной идеологии и пропаганды. В соответствии с ним СССР, как и советский социальный строй, рухнул будто бы в силу своей внутренней несостоятельности, будто он изжил себя сам по себе, будто советские люди сами (на своем жизненном опыте) пришли к мысли о необходимости отказа и от своего «имперского» государства, и от социализма¹⁵⁸⁹.

Не согласных с такой позицией много. Что бы ни говорили об объективности процесса, настаивают они, факты неопровержимо свидетельствуют, что преднамеренное разрушение СССР было следствием целенаправленной политики «демократов»¹⁵⁹⁰, и содеянное в Беловежской пуще «будет осуждено как самая чудовищная ошибка за всю историю Российского государства»¹⁵⁹¹. Отражением этой тенденции является принятие Государственной Думой РФ 15 марта 1996 года постановлений «Об углублении интеграции народов, объединившихся в Союз ССР» и отмене постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года «О денонсации Договора об образовании СССР» и «О юридической силе для Российской Федерации результатов референдума СССР 17 марта 1991 года по вопросу о сохранении Союза ССР». Позже нижняя палата российского парламента создала специальную комиссию по рассмотрению вопроса об отрешении Президента РФ от власти. Первым среди выдвинутых при этом обвинений значится развал СССР и участие в Беловежском соглашении, «которые привели народ и государство к катастрофе»¹⁵⁹².

Во всяком случае, трудно не воспринять как приговор Союзу ССР тайно выношенное его последним руководителем решение «признать негодность самого социально-политического строя, который уже не раз после революции обнаруживал свою историческую бесперспективность, а

значит, и антинародную, аморальную суть»¹⁵⁹³. В соответствии с таким подходом распад СССР объясняют «порочностью, авантюристичностью самой идеи социализма в ее марксистском варианте»¹⁵⁹⁴, и роспуск СССР предстает уже как счастливый случай избавления от «насквозь прогнившего имперского альянса»¹⁵⁹⁵ или как некая спасительная превентивная мера, предупредившая еще большее несчастье — «полномасштабную национально-освободительную (или имперско-восстановительную) резню»¹⁵⁹⁶. Проверку всех этих гипотез и создание всеобъемлющей конкретно-исторической картины распада СССР еще предстоит осуществить. Убедительным может быть многофакторный анализ причин распада, представление о нем как о результате роста внутренних противоречий и воздействия внешних факторов.

Семь последних героев СССР, проголосовавших 12 декабря 1991 года против ратификации Беловежских соглашений о прекращении существования Союза ССР, в ответе на вопрос «что привело к распаду СССР» отметили главное. «Не было распада страны, страну разрушили» (С. Н. Бабурин); причин трагедии «было достаточно: и внешних и внутренних» (В. А. Балала); {404} «сработала целая совокупность факторов: поражение в “холодной войне”, несовершенство внутриполитической системы, пробуксовка плановой экономики, неблагоприятная для нас внешнеэкономическая конъюнктура, связанная с падением мировых цен на нефть» (И. В. Константинов); «основная причина, конечно же, внешняя» (П. А. Лысов), американцы сами откровенно написали, «какие они деньги вкладывали, сколько они усилий предпринимали для того, чтобы СССР перестал существовать» (Н. А. Павлов); «главную роль в распаде страны сыграл субъективный фактор — лидеры государства» (П. А. Лысов); советской элите «захотелось отвечать гораздо меньше, а получать гораздо больше, так, как это происходит в США и Европе» (С. А. Полозков). В конечном счете, после разрушения СССР страна живет в мире воплощенной мечты советской номенклатуры: «они были убеждены в том, что элита должна иметь наследуемую собственность, неотчуждаемое имущество, которое в любом случае остается их потомкам при любом раскладе, при любом исходе карьеры» (И. В. Константинов)¹⁵⁹⁷.

Заслуживает внимания объяснение краха СССР, берущее начало в написанной в 1936 г. работе Л. Д. Троцкого «Что такое СССР и куда он идет» (в 1991 г. опубликована в СССР под названием «Преданная революция»). Согласно троцкистской гипотезе, в СССР в 1930-е годы, благодаря измене Сталина делу мировой революции, произошла ликвидация диктатуры пролетариата, вместо нее утвердилась диктатура бюрократии (номенклатуры), усвоившей вполне буржуазные нравы и начавшей примирение с буржуазным Западом (вступление СССР в Лигу Наций). Троцкий допускал, что, не будучи устраненным, бюрократический режим пойдет на приватизацию собственности и установит полноценный капиталистический порядок в стране¹⁵⁹⁸.

Определенная часть высокопоставленных бюрократов, несмотря на провозглашение победы социализма в СССР в середине 1930-х годов, была склонна к установлению в стране буржуазных порядков. Например, Г. Г. Ягода, в молодости анархист, а в 1934—1937 г. нарком внутренних дел и нарком связи СССР и настоящий «фанат баракла», судя по описи конфискованного при аресте в 1937 г. личного имущества, говорил своим ближайшим сподвижникам: «Совершенно ясно, что никакого социализма мы не построили, никакой советской власти в окружении капиталистических стран быть не может. Нам необходим такой строй, который приближал бы нас к западноевропейским демократиям. Довольно потрясений! Нужно, наконец, зажить спокойной обеспеченной жизнью, открыто пользоваться всеми благами, которые мы как руководители государства должны иметь».

В качестве мер по восстановлению капитализма в СССР намечалось: «а) ограничение, а затем монополия внешней торговли; б) широкое представление всякого рода концессий иностранным капиталистам (производственных и торговых); в) отмена ограничений по въезду и выезду иностранцев; г) постепенное вовлечение СССР в мировой торгово-промышленный оборот. Выход советской валюты на международный рынок; д) отмена всех привилегий для коллективных хозяйств в земледелии. Свободный выбор {405} для крестьян форм землепользования (колхоз, совхоз, артель, единоличное хозяйство, хуторское хозяйство или старое черезполосное хозяйство); е) увеличение норм личной собственности (очевидно, в дальнейшем без ограничения). И другие меры, которые Ягода упоминал как средства разрядить обособленность хозяйственного положения СССР на мировом рынке. В области политической: а) ослабление борьбы с классовым врагом. Широкая амнистия политзаключенным; б) обеспечение демократических свобод: слова, собраний, союзов, печати, неприкосновенности личности и жилища; в) обеспечение свободных выборов, сперва на основе сталинской конституции. Реформа этой конституции в дальнейшем в духе приближения к конституции буржуазной республики; г) полное фактическое равенство граждан

СССР, независимо от социального происхождения, характера труда (умственного и физического) и... далее, в духе полного отказа от прав, завоеванных народом, в пользу прав, утерянных буржуазией в результате революции»¹⁵⁹⁹.

Период революционного «приближения к западноевропейским демократиям» в СССР начался на рубеже 1980—1990-х годов, но предпосылки для этого создавались на протяжении послевоенных лет. Как полагает известный российский историк и социолог А. И. Фурсов, «после того, как с конца 1950-х годов СССР интенсифицировал продажу нефти на мировом рынке, в Советском Союзе начал формироваться слой, тесно связанный с корпоратократией (власть крупнейших транснациональных корпораций, контролирующая через финансовые институты бо́льшую часть правительств мира. — А. В.)... Торговля прежде всего нефтью сформировала у нас советский сегмент корпоратократии. В этом же направлении, создавая массовый фундамент для этого слоя, работали так называемые “косыгинские реформы”, в значительной степени разбалансировавшие советскую экономику и укрепившие хозяйственную номенклатуру. Ну а момент истины наступил в середине 1970-х годов, когда после и в результате “нефтяного шока” в страну пришли незапланированные 170—180 млрд долларов. Их-то и присвоил советский сегмент корпоратократии, а присвоив, взял курс на демонтаж советского строя, который исторически оказался демонтажом и России... Судя по мемуарам перестройщиков и обслуживавшей их “интеллектухи”, именно в середине 1970-х сформировалась та команда, которая, вступив в тесный контакт с Западом, с корпоратократией и ее структурами, начала демонтаж советской системы, ее сдачу. Процесс пошел с ускорением. Но полностью он развернулся, естественно, в “горбачевщину”»¹⁶⁰⁰.

По одной из гипотез, объясняющих причину гибели СССР и представляющейся одной из наиболее достоверных, главной причиной его распада стала идеологическая «разруха» 1980-х годов, отсутствие проекта нового социально-экономического устройства, отвечающего чаяниям народа и способного вести его вперед. Только выработка проекта нового строя и восприятие его народами России как своего позволяет стране успешно прокладывать путь в будущее¹⁶⁰¹. {406}

Анализ литературы о распаде СССР показывает, что российская цивилизация, бытовавшая с 1922 года и до недавнего прошлого в широких геополитических рамках Союза ССР, в наши дни обретает новое лицо. Трансформации, которые здесь происходят, во многом обусловлены нерешенностью национального вопроса — проблем в отношениях между многочисленными народами единого государства, по-разному проявлявшимися на различных этапах истории. Наиболее существенные из них были обусловлены разрывами уровней социально-экономического и культурного развития народов, неодинаковостью их положения в национально-государственной структуре, различием условий функционирования национальных языков и культур. Определенное противоречие порождала принадлежность каждого гражданина СССР одновременно к двум общностям — своему народу (национальности) и гражданскому сообществу — наднациональной государственной общности людей. Бесконфликтное развитие этих взаимосвязанных общностей требовало особой деликатности и большого искусства государственного управления. Очевидно, одной из причин распада СССР стало форсирование преодоления национальных различий, сопровождаемое ошибками и произволом.

Идя к власти, большевики не скрывали, что собирались править диктаторски, установив диктатуру пролетариата в России, а затем и во всем мире. Но они не хотели, чтобы создаваемое ими государство воспринималось как новая империя (империи были непопулярны, все прежние распались). Как интернационалисты они хотели, чтобы их действия не воспринимались как русский империализм. По этой причине при образовании Советского государства было отвергнуто само понятие государствообразующей нации и сделано все, чтобы принизить русское национальное самосознание¹⁶⁰². В известном же смысле русские были вынуждены играть государствообразующую роль. «Русские... так и остались государствообразующей нацией Советского Союза. Одним только русским не было предоставлено собственной территории, и только у них не было своей собственной коммунистической партии. Партия потребовала от русских примириться с их официально неравным национальным статусом — для того, чтобы содействовать сплочению многонационального государства... Русских... буквально просили нести на себе бремя империи подавляя свои национальные интересы и отождествляя себя с вненациональной империей»¹⁶⁰³. Политика, построенная на таких расчетах, оказалась действенной на протяжении десятилетий, но таких десятилетий оказалось не более семи.

ПОСТСОВЕТСКАЯ ИСТОРИЯ НАЧИНАЕТСЯ С ПРОПАГАНДЫ «РОССИЙСКОЙ НАЦИИ»

Распрощавшись с Лениным, Троцким, Бухариным, Сталиным, Брежневым и «новой исторической общностью — советским народом», казалось бы, навеки, идеологи постсоветского периода начали, как ни странно, с того, что стали приспособлять представления об этой общности к новой исторической ситуации. Оказывается, в государствах, возникших на месте бывшего {407} СССР, мы имеем дело с новыми нациями. В одних случаях уже оформленными, в других еще формирующимися. Так, руководитель Государственного комитета по делам национальностей РФ В. А. Тишков одним из первых в 1992 году заявил, что население России следует рассматривать единой российской нацией — «нацией-государством», а национальность фиксировать в паспортах записью «гражданин России»¹⁶⁰⁴. Первый президент суверенной Украины исходил из того, что «украинская нация формируется сейчас»; помимо украинцев в нее войдут русские, евреи, поляки и все прочие живущие в республике народы¹⁶⁰⁵. Позднее аналогичный подход обнаружился и у бывшего вице-президента России. «Одна из основных стратегических целей возглавляемого мной социально-патриотического движения «Держава», — объединение народов и народностей в единую нацию. Поставить раз и навсегда крест на национальном вопросе!» — заявил А. В. Рудкой на одной из пресс-конференций в сентябре 1994 года и пояснил, как видится ему эта единая нация: «Мы хотим, чтобы каждый человек, живущий в великой России, мог говорить так: я — русский, но к тому же бурят; я — русский, но к тому же башкир; я — русский, но к тому же татарин; я — русский, но к тому же еврей!»¹⁶⁰⁶ В прошлом подобные утверждения расценивались как проявление ассимиляторства или великодержавного национализма.

Предложение рассматривать российскую нацию как согражданство не дает оснований для подобного рода обвинений. Не случайно, Председатель правительства В. В. Путин, выступая на съезде партии «Единая Россия» 27 ноября 2011 года заявил: «Мы — многонациональное общество, но мы единый российский народ, единая и неделимая Россия!»¹⁶⁰⁷. Незадолго до этого Президент Д. А. Медведев, выступая перед ветеранами и пенсионерами в Кремле, призвал возвратиться к модели «историческая общность — единый советский народ» как к неоспоримой ценности, имеющей вневременной характер¹⁶⁰⁸. На встрече с молодежью в МГУ он в очередной раз напоминал: «Каждый гражданин любого государства должен, прежде всего, ощущать себя частью большой страны, и уже во вторую голову он должен ощущать себя представителем того или иного этноса. Иначе государство разваливается на части»¹⁶⁰⁹. Тем не менее уместен вопрос, не будет ли предлагаемое понимание единой российской общности и противопоставление «ощущений» вместо сглаживания национальных противоречий продуцировать их? Более надежным представляется создание условий, при которых «ощущения» не противопоставляются, когда противоречия между ними сглаживаются и в конечном счете устраняются, а гражданин в одинаковой мере гордится принадлежностью и к своему государству и к своей этнической общности. Опасность же противопоставлений, с учетом настоящего экскурса в историю, на наш взгляд, очевидна. Особенно, если вслед за выдвиганием положения о том, какое чувство должно определять поведение гражданина в многоэтническом государстве, не предлагаются ответы на естественные вопросы о том, как будут решаться сохраняющиеся национальные проблемы в едином российском государстве и в единой российской нации. {408}

ИЗ ИСТОРИИ ИДЕИ ЕДИНОЙ СОВЕТСКОЙ ОБЩНОСТИ

В отечественной обществоведческой традиции советского периода под нацией чаще всего понимали определенную ступень в развитии народа (этноса), историческую общность, результат развития капиталистических отношений, приводящих к экономическому, территориальному, культурному, языковому и социально-психологическому единству определенной совокупности людей, стремящихся обеспечить интересы своего дальнейшего независимого развития непременно с помощью обособленного национального государства¹⁶¹⁰. Этим объяснялась теоретическая и практическая значимость принципа национальности в истории XIX — XX столетий: в СССР, Югославии и Чехословакии он, по сути дела, составлял основу внутреннего национально-государственного (федеративного) устройства.

В странах Западной Европы понятие «нация» широко вошло в политический лексикон после Французской революции 1789—1799 годов. Однако утвердившаяся здесь концепция признает единственно законным определение национальной принадлежности как гражданства, все остальные способы национальной идентификации относятся к личной компетенции каждого индивида. Под нацией как согражданством (нацией-государством) здесь имеется в виду совокупность граждан, демократически управляющих своим государством и имеющих равные права, не зависящие

от цвета кожи, языка, религиозных убеждений, происхождения или обычаев бытового поведения¹⁶¹¹. Подданные (налогоплательщики), конечно, не превращаются в нацию как согражданство в зависимости от изменения понимания нации или указа главы государства. Становление таких наций совпадает со становлением гражданского общества. В ходе и результате этого процесса этнические различия между подданными единого государства становятся фактором менее значимым, чем, например, различия экономические и географические. Нация как согражданство в определенном смысле *неделима*¹⁶¹², появление такой нации придает новый статус государственным и территориальным границам. Отсутствие внутренних перегородок и устойчивость внешних границ — таков принцип нации-государства в противовес «многонациональным» государствам. С точки зрения тех, кто понимает нацию как согражданство, многонациональное государство — нонсенс, *contradictio in adjecto*, можно говорить лишь о многонациональных, мультиэтнических нациях.

Государственное устройство нации, понимаемой как согражданство, может иметь целый ряд вариантов, но, как показывает мировой опыт, оно не предполагает составных административно-территориальных частей, образуемых по этническому признаку. Уже одно это позволяет оценить положение Послания Президента России Федеральному Собранию (от 24 февраля 1994 г.) о российской нации-согражданстве как весьма значимое. Однако оно, на наш взгляд, открывает только новые возможности, но отнюдь не облегчает решение национальных проблем. В этой связи следует напомнить о судьбе предпринимавшихся ранее в России попыток утвердить новое понимание нации. Это позволит лучше уяснить {409} ценностное содержание нации как согражданства и с наибольшей эффективностью использовать исторический опыт. Ведь и в прошлом новое понимание нации выдвигалось с благой целью — с тем, чтобы как можно точнее отразить в нем истинный характер государственной общности людей и помочь разрешению проблем, порождаемых национальными различиями и противоречиями.

В создании условий, которые облегчали бы начавшийся задолго до 1917 года процесс формирования «общей российской государственной “нации”»¹⁶¹³, видела смысл своей деятельности возникшая в 1905 году Конституционно-демократическая партия. Отличительную черту процесса формирования такой нации кадетские теоретики усматривали в том, что члены новой общности чувствовали себя и работали сразу в двух национальных секторах — российском, а котором они были «творимыми россиянами», и национальном, в котором они оставались великороссами, украинцами, татарами и т.д.¹⁶¹⁴ Наиболее адекватной формой государственного устройства, отвечающей такому видению тенденций и перспектив национального развития, представлялась республика, обеспечивающая полное гражданское и политическое равноправие всех граждан, право свободного культурного самоопределения, свободу употребления различных языков и наречий в публичной жизни (при наличии единого государственного языка), свободу всякого рода собраний, союзов и учреждений, имеющих целью сохранение и развитие языка, литературы и культуры каждой народности. В исключительных случаях предусматривалась возможность автономного устройства отдельных частей государства, обеспечивающего их особенное государственное положение (Польша, Финляндия)¹⁶¹⁵.

Реализация подобных проектов ходом истории была снята с повестки дня. Однако видные кадеты в эмиграции, отстаивая правоту своего подхода к решению национальных проблем России (и неосуществимость их из-за большевистского вмешательства в развитие исторического процесса), предлагали еще более радикальные решения, идущие в том же направлении. А. С. Яценко, например, в 1923 году призывал сделать выбор в пользу «универсализма и космополитизма» и «отказаться от отечества во имя интересов человечества», избавиться от пагубного «эгоистически-национального начала»¹⁶¹⁶.

Другой профессор в российском зарубежье, А. М. Мандельштам, доказывал позднее, что понятие полного, абсолютного суверенитета государства все более выходит из терминологии специалистов международного права и из обихода народов, заменяясь понятием относительного суверенитета. Такая замена якобы совершалась под влиянием созданной в 1919 году Лиги Наций и движений, имеющих целью совместную защиту интересов отдельных группировок держав. На этом основании предполагалось, что со временем мироустройство будет включать Союз всех народов (Лига Наций), ведающий общими интересами всего человечества; в пределах этого союза — большие группировки государств, связанных общими интересами (европейская, американская, великобританская, российская {410} и др.); наконец, отдельные автономные государства в пределах каждой группы народов, в компетенцию которых входит защита чисто местных интересов¹⁶¹⁷. Российское зарубежье подготавливалось к тому, чтобы вытравить привычное представление о своем национальном государстве как высшем распорядителе его подданных и принять идею о су-

веренном сверхгосударстве, которое и должно стать единственным действительным государством мира, низводящим национальные государства на третьестепенные роли в международной иерархии. Однако факты реальной жизни и доводы в пользу мирового государства — космополиса могли увлечь лишь незначительную часть российского зарубежья и еще меньшую в СССР.

Более широкой отклик могла получить концепция о надэтническом единстве народов СССР, развиваемая евразийцами — представителями идейно-философского течения в русской эмиграции в 1920—1930-е годы. Наиболее отчетливое представление о них можно составить по статьям Н. С. Трубецкого «Об истинном и ложном национализме» (1921), «Русская проблема» (1922), «Общевразийский национализм» (1927), переизданных в антологии «Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн» (1993). По его мнению, большевистская революция привела к необратимым негативным изменениям в истории России. Даже всемирная революция, на которую уповали большевики, не способна была изменить ситуацию к лучшему: «Без этой революции Россия будет колонией буржуазных романо-германских стран, а после этой революции — колонией коммунистической Европы»¹⁶¹⁸. Всякий культурный космополитизм и интернационализм как основа нового мировоззрения, по Трубецкому, должны быть решительно отвергнуты. Основой нового мировоззрения должен стать национализм, являющийся «безусловным положительным принципом поведения народа»¹⁶¹⁹. Однако это мог быть уже национализм не русского, не какого-либо другого народа России, а национализм новой многонародной евразийской нации, которая складывалась в СССР в пореволюционное время.

До революции Россия была, по Трубецкому, страной, где официальным хозяином признавался русский народ. В обстановке всеобщей анархии периода революции России грозил распад на отдельные части. Русский народ спас государственное единство, пожертвовав ради этого своим положением хозяина государства. После революции он стал только первым среди равных российских народов. Русский национализм в изменившихся условиях мог вести лишь к русскому сепаратизму с перспективой нового распада страны. Противоядием от сепаратизма в обстановке 1920-х годов выступала классовая солидарность пролетариата. Поскольку в каждом из народов, входящих в СССР, полноправными гражданами признавались только пролетарии, сам СССР можно было рассматривать образованным не столько народами, сколько именно пролетариатом разных народов. Но со временем классовые перегородки у каждого отдельного народа стираются и это создает условия для развития своего национализма с сепаратистским уклоном. Классовый субстрат государственности способен был объединять отдельные части государства бывшей Российской империи лишь временно. Прочное {411} и постоянное объединение возможно только при наличии национального субстрата. Ни русский, ни какой бы то ни было другой народ в отдельности роли такого субстрата исполнять уже не могут. «Следовательно, — заключает Н. С. Трубецкой, — национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской Империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом. Эту нацию мы называем *евразийской*, ее территорию — *Евразией*, ее национализм — *евразийством*». В евразийское братство народы СССР связала, по Трубецкому, общность их исторических судеб, и поэтому решение национальной проблемы и будущность России могли обеспечить лишь «сознание единства и своеобразия многонародной евразийской нации и общевразийский национализм»¹⁶²⁰.

Идеологи сменовеховства — политического течения в эмиграции, вдохновлявшегося идеей о грядущем буржуазном перерождении Советского государства — под нациями подразумевали обособленные социально-государственные комплексы, противостоящие друг другу. Такие образования возникали якобы в результате воплощения (объективирования) национального духа, духовных традиций, духовной культуры народов. Внешне это выражалось в деяниях властей, в их способности проникаться национальным духом и волей народов, живущих на определенных территориях. «Именно территория, — писал Н. В. Устрялов в 1921 году, — есть наиболее существенная и ценная часть государственной души»¹⁶²¹. Государство при этом выступает как первостепенный национализующий фактор, а государство «тотальное», идеократическое — в особенности¹⁶²².

Большевики в отличие от свергнутой ими власти, по мнению сменовеховцев, оказались способными стать русской национальной силой, собрали распавшуюся было Россию. Интернационалистская риторика большевиков устряловцев не смущала. Они не видели в интернационализме угрозу для русской культуры. В соревновании «русская культура все равно свое возьмет и уже берет», — писал Устрялов в 1926 году. Интернационализм, по сменовеховским воззрениям, не противоречил русскому национальному сознанию. Напротив, утверждал сменовеховец Ю. Н. Поте-

хин, «интернационализм Советской власти является национальным по духу, отвечает «вселенскости» русской природы, еще Достоевским отмеченной, как типичнейшая черта истинно великого народа». Процесс кристаллизации государственности вокруг ядра Советской власти, отмечал далее этот автор, смог начаться также и потому, что «лозунги коммунизма и интернационализма отвечали одному из основных запросов русской души — жажде социальной и международной справедливости»¹⁶²³.

Один из самых знаменитых сменовеховцев, Н. В. Устрялов писал, что красное знамя революции со временем непременно «зацветет национальными цветами»¹⁶²⁴, Россия из интернационалистской революции «выйдет национально выросшей, страной крепчайшего национального самосознания». Процесс «национализации Октября» произойдет независимо {412} от того, в какие формы выливалось хозяйство страны, в какой степени развивался федерализм¹⁶²⁵. Со временем, считал Устрялов, в СССР и само понимание интернационализма придет в соответствие с логикой жизни и будет означать «не уничтожение наций, а только установление постоянной и положительной связи между ними»¹⁶²⁶. В пределах исторического предвидения (и то достаточно еще отдаленного и туманного) Устрялов рисовались соединенные штаты мира, а не единый человеческий народ, лишенный расовых и национальных перегородок¹⁶²⁷. Россию ближайшего будущего в 1930 году он видел страной, где «расцветет и русская идея в ряду культур других народов СССР»¹⁶²⁸. Позднее, с учетом двух новых важных обстоятельств — началом осуществления в СССР задачи полного уничтожения классовых различий (выдвинута на XVII конференции ВКП (б) в феврале 1932 г.¹⁶²⁹) и возникновением угрозы войны — значительно ускорявших социальную и моральную консолидацию советского общества, Устрялов полагал, что в Советском Союзе «на наших глазах возникает любопытное явление, которое можно было бы назвать “советской нацией”. Как ни ново и ни странно такое словосочетание, оно есть точное обозначение нарождающейся социально-исторической реальности»¹⁶³⁰. Советская нация, по Устрялову, «состоит из многоцветного, многоязычного, разноликого этнографического материала. Она включает в себя целый огромный мир народов, “континент-океан”. Но она спаяна единым государством и пронизана общей культурно-исторической устремленностью, властью ведущей идеи»¹⁶³¹.

Таким образом, сменовеховцы не придавали никакого значения большевистской риторике о праве наций на самоопределение вплоть до отделения, относя ее на счет революционного утопизма, от которого власти, эволюционирующей в сторону все более прагматической национальной политики, придется освободиться. После возвращения в СССР в 1935 году и последовавшего ареста Н. В. Устрялову пришлось признать «ошибочность» своих взглядов, однако их значимость для истории общественной мысли, в силу верно подмеченных тенденций, от этого не уменьшилась¹⁶³².

Убедительная критика права на обособление каждой национальности в самостоятельное государство, отстаиваемого в XIX веке еще А. Д. Градовским¹⁶³³, и более мягкого варианта этой же идеи — права каждого народа на свою территориально-национальную автономию, которое в свое время обосновывал М. С. Грушевский¹⁶³⁴, — проделана в работе известного русского общественного деятеля, идеолога «экономизма» С. Н. Прокоповича в работе «Об экономических основах национального вопроса» (1927). В частности, он отмечал, что последовательное проведение в жизнь идей Градовского и Грушевского потребовало бы создать вместо 68 независимых государств, существовавших в 1925 году, несколько тысяч самостоятельных политических единиц. В одной России, по переписи 1897 года, наминал Прокопович, было более 150 национальностей, а по более поздним подсчетам русских этнографов (А. Н. Максимова, например¹⁶³⁵) — 311. Это означало, что России предстояло бы распастись по крайней мере на три {413} сотни национально-территориальных областей со своими национальными языками. Сторонникам такой идеи, пишет далее автор, «не приходит в голову простое соображение, что при таком вавилонском столпотворении Россия станет непроезжей и каждая национальность должна будет в своей культурной и хозяйственной деятельности ограничиваться пределами своей национальной территории», а это резко снизит возможности экономического роста. Нельзя игнорировать также и «процесс перерождения наций под влиянием экономических и политических моментов», наблюдаемый на всем протяжении мировой истории: «из великих европейских наций ни одна не существовала тысячу лет назад», «за немногими исключениями, все государства западной и центральной Европы сложились из нескольких этнографических национальностей в одно целое за последние 5—6 веков». Подобный же путь разрешения национального вопроса — «путь национального примирения и органического слияния этнических национальностей в государственную нацию» — С. Н. Прокопович считал естественным и для России¹⁶³⁶. Не исключал его и сам К. Маркс, писавший в свое время, что

«Россия имеет тенденцию стать капиталистической нацией» и достигнет этого, превратив предварительно значительную часть своих крестьян в пролетариев¹⁶³⁷.

Отметим, что в дореволюционной России зачастую сама выработка конкретных представлений о числе народов или наций, населяющих страну, представлялась делом несущественным и даже лишним, «ибо определение национальной физиономии многих из них находилось еще в процессе развития»¹⁶³⁸. Считалось, что «из 142 национальностей, которые будто бы насчитывает Россия, наверное, не все разовьются в современные нации, большинство из них, как, например, осетины, вогулы, черемисы, калмыки, самоеды и прочие, пойдут по пути басков и бретонцев»¹⁶³⁹, то есть составят часть более крупного этнического объединения. Ассимиляционные процессы среди российских народов воспринимались интеллигенцией «как неизбежное следствие цивилизации». Согласно такому представлению, «еще полвека или век, и вся Россия будет читать Пушкина по-русски (так понимался «Памятник»), и все этнографические пережитки сделаются достоянием музеев и специальных журналов»¹⁶⁴⁰. В этом отношении большевики не столь существенно выделялись ни из общей массы «передовой» российской интеллигенции, ни из среды «прогрессивных» политических партий. Ничего не имели они и против космополитизма в особом, «красном» его варианте, называемом интернационализмом.

П. И. Новгородцев, выдающийся русский правовед и философ, теоретик неолиберализма, основатель и руководитель Русского юридического факультета в Праге в 1922—1924 годах, переоценивая в эмиграции российский политический опыт и призывая к восстановлению русских национальных святынь, с горечью отмечал в своей статье «Восстановление святынь» (1923), что в дореволюционной России «ни одна из прогрессивных партий не решалась называть себя русской национальной партией... такое наименование считалось предосудительным и постыдным»; в умонастроениях {414} «передовых» людей того времени господствовали отвлеченный космополитизм, антинационализм и сверхнационализм всяческих видов и оттенков. Партии, считавшие себя государственными и сверхклассовыми, тоже ставили себе в заслугу, что они не национальны, а сверхнациональны, стоят выше национальных особенностей и разделений. Оказавшись в эмиграции, подобные организации стыдливо скрывали свою принадлежность к русскому народу под чисто географическим обозначением «российский». Что же касается российских социалистических и интернационалистических партий, то последние однозначно полагали: «национальное есть пережиток прошлого»¹⁶⁴¹. Будучи одной из таких партий, большевики использовали национальный патриотизм, иначе говоря, национализм (приверженность человека к своей национальности, ее традициям и ценностям) лишь для достижения и удержания власти. Однако национальный патриотизм не мог быть общественным идеалом большевиков. Напротив, ради своего идеала они были готовы способствовать преодолению национальных различий, используя для этого любые приемлемые средства и формы. СССР и национально-государственные образования в его составе — из их числа.

Вопрос о судьбе наций (как этнических единиц) большевики решали, исходя из положения «Манифеста Коммунистической партии» о том, что «национальная обособленность и противоположности народов все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, с единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни»¹⁶⁴². Считалось, что с переходом к социализму и коммунизму процессы эти еще более ускорятся и нации постепенно отомрут. Ф. Энгельс писал в «Проекте Коммунистического символа веры»: «Национальные черты народов, объединяющихся на основе принципа общности, именно в результате этого объединения неизбежно будут смешиваться и таким образом исчезнут... вследствие уничтожения их основы — частной собственности»¹⁶⁴³. Более того, учителя марксизма были убеждены, что «даже естественно возникшие родовые различия, как, например, расовые... могут и должны быть устранены историческим развитием»¹⁶⁴⁴.

Ликвидация частной собственности по всему свету в результате мировой революции позволила бы коммунистам начать строительство своего рода мировой нации землян или нации как согражданства единой мировой социалистической республики. Поэтапное решение этой же задачи (при утверждении социализма в одной стране или группе стран) с необходимостью предполагало целенаправленное формирование взамен бывших «буржуазных» новых «социалистических» наций и, как выражение их сближения и слияния, — надэтнических сообществ — согражданств отдельных социалистических государств. Так что идея нации-государства хорошо «вписывалась» в большевистские представления о ходе социалистических преобразований, и в этом отношении в советской националогии обнаруживается немало общих моментов с евразийством, особенно в изображении советского народа времен Отечественной войны и послевоенного {415} периода борьбы

с так называемым низкопоклонством и космополитизмом (в это время советским людям пришлось почти совсем уж, как требовал Н. С. Трубецкой (1922), «привыкнуть к мысли, что романо-германский мир со своей культурой — наш злейший враг»¹⁶⁴⁵) да и во всех послесталинских модификациях новой исторической общности людей в СССР.

В развитии большевистской (советской) общественной мысли можно различить, по меньшей мере, четыре-пять модификаций идеи «нации как согражданства» (нации-государства), включая весьма близкую к ней идею «новой исторической общности» и «российской нации». Конкретные представления о них вызывались к жизни осмыслением реальных общественных процессов в их конкретно-историческом выражении и желанием направить эти процессы по определенному руслу к определенной цели. На наш взгляд, можно говорить, по меньшей мере, о разновидностях новых надэтнических наций-согражданств, которые должны были прийти на смену нациям-этносам в следующих вариантах: троцкистском (наиболее активное оформление представлений приходится на 1920-е годы), бухаринском (середина 1930-х годов) и сталинском (1930—1950-е годы), в представлениях о новой исторической общности, разрабатываемых во времена Н. С. Хрущева и оформленных при Л. И. Брежнев. Идея российской нации-согражданства, как уже отмечалось, пропагандируется в наше время.

Потребность в поисках новых основ национальной политики Российского государства диктуется помимо всего прочего и явной неразработанностью представлений о сущности нации, явственно обнаружившейся сразу же после того, как утратила свое влияние коммунистическая партия, утверждавшая ранее своим непререкаемым авторитетом «истинность» основ марксистско-ленинской теории нации. Непредвзятый взгляд обнаруживает, как писал митрополит Иоанн (И. М. Снычев), что никто из ученых так и не смог дать полное, корректное и практически пригодное определение понятий «нация», «народ», «культура», «цивилизация», которые сплошь и рядом используются в специальной литературе с весьма произвольным значением¹⁶⁴⁶.

Отсутствие четкости в определении понятия нации позволяло в свое время Сталину совершенно произвольно устанавливать как число наций, так и число народов, населяющих Россию и СССР. В 1921 году он отмечал, например, что лозунги Октябрьской революции собрали под знамя русского пролетариата крестьян более чем двадцать национальностей России¹⁶⁴⁷, хотя число национальностей в стране было заведомо больше двадцати. Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года выявила 146 языков и наречий, а в России кануна Первой мировой войны, по П. И. Ковалевскому, «соподчиненных наций» было более 150¹⁶⁴⁸. В конце 1922 года Сталин обнаружил, что идущие к образованию СССР независимые республики объединяют не менее 30 национальностей¹⁶⁴⁹. В 1925 году он вдруг установил, что царская Россия представляла не менее 50 наций и национальных групп¹⁶⁵⁰. И, наконец, в 1936 году им было окончательно определено: «В Советский Союз входят, как известно, около 60 наций {416}, национальных групп и народностей»¹⁶⁵¹, хотя, по материалам переписи 1926 года, известно было о существовании в стране как минимум 185 национальностей¹⁶⁵². Позднее И. В. Сталин пытался предпринять новое упрощение национальной структуры советского общества. Во фразе введения в учебнике «Краткий курс истории СССР» под редакцией А. В. Шестакова «в 11 социалистических республиках живет 102 разных народа» Сталин зачеркнул «102» и написал «до 50». В месте, где речь шла о народах Кавказа, авторы указывали их численность более чем в 30 народов, а Сталин исправил на «больше десятка»¹⁶⁵³. Однако широкого распространения новые оценки не получили. Каноническими стали цифры, произнесенные в докладе о Конституции СССР 1936 г.

В данном случае напрашивается аналогия. В КНР при Мао Цзэдуна национальные проблемы начинали решать путем такого же упрощения национальной структуры общества. По свидетельству директора Ленинградского института этнографии АН СССР Р. Ф. Итса, «в 1953 году Мао собрал Политбюро и сказал, что вот тут ученые считают, будто у нас в стране 380 или 460 народов проживают. С сегодняшнего дня давайте считать, что их 49. Никто не возразил — нельзя было возражать. Это было волевое решение в соответствии с духом Мао»¹⁶⁵⁴.

До смерти Сталина его представления о численности наций, национальных групп и народностей СССР не подвергались сомнению. Однако и после смерти Сталина определенности в этот вопрос не было внесено. Советская научная литература послесталинского периода показывает поразительный разноречивостью в представлениях о народах нашей страны, которые могли быть отнесены к категории наций. В разное время и разными учеными доказывалось (а чаще провозглашалось без особых доказательств), что наций в СССР насчитывается 18¹⁶⁵⁵, 20—25¹⁶⁵⁶, 21¹⁶⁵⁷, 30¹⁶⁵⁸, 34¹⁶⁵⁹, 36¹⁶⁶⁰, 37¹⁶⁶¹, 42¹⁶⁶², 43¹⁶⁶³, 44¹⁶⁶⁴, 45¹⁶⁶⁵, 49¹⁶⁶⁶, 52¹⁶⁶⁷, 74 и более¹⁶⁶⁸. На одном полюсе мнений нация определялась по наличию у народа своей государственности в форме союзной республики, на дру-

гом — абсолютизировался язык как признак нации, и наций получалось столько, сколько литературных языков функционировало в стране.

Известная формула о том, что в СССР проживает более ста наций и народностей, также была не более чем условностью. В опубликованных разработках данных послевоенных Всесоюзных переписей населения число выделяемых национальностей значительно разнилось. В официальных публикациях итогов переписи 1959 года были названы 126 национальностей. По итогам переписи 1970 года — 122, 1979 года — 123, 1989 года — 128 национальностей. Все эти цифры были очень далеки от показателей переписи 1926 года, в опубликованных материалах которой названы 190 национальностей и 154 национальных языка.

Специалисты, анализирувавшие эти официальные публикации, утверждали, что общее число наций и народностей в СССР не превышает 57 (А. Табалдиев, С. Нурова¹⁶⁶⁹), 68 (М. И. Куличенко¹⁶⁷⁰), 89 (И. П. Цамерян¹⁶⁷¹). По оценке Э. В. Тадевосяна, в СССР насчитывалось 119 наций, народностей, {417} национальных и этнических групп; из них наций — около 40, народностей — около 50, национальных и этнических групп — около 30¹⁶⁷². Вряд ли можно считать окончательным и утверждение, что ныне именно 176 наций и народностей России (число установлено по результатам анализа материалов микропереписи населения, проведенной в 1994 году¹⁶⁷³) имеют право на пропорциональное представительство в структурах власти.

Напомним, что, по Сталину, «нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности четырех основных признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры»¹⁶⁷⁴. Анализ формулировки обнаруживает, что нация в ней, по сути, не определена. Здесь перечислены те признаки или черты этноса, которые свойственны социально-этнической общности людей как таковой — родоплеменной общности, народности, нации, причем никаких специфических черт нации, отличающих ее от родоплеменной общности или народности, вовсе не указывается¹⁶⁷⁵. Утверждение Сталина о том, что «только наличие всех признаков, взятых вместе, дает нам нацию», что «достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией»¹⁶⁷⁶, дела не меняет. Ведь и наличие всех признаков, если следовать сталинскому определению, составляют лишь базу, на которой появляется нация, но не нацию как таковую.

Непредвзятый анализ показывает далее, что Ленин не высказывал своего одобрения сталинскому определению нации. Он никогда не воспроизводил и даже не упоминал его в своих работах, по-видимому, попросту не усматривая какой-то самостоятельной сталинской теории нации. После публикации сталинской статьи Ленин отмечал существование двух марксистских теорий в национальном вопросе: идеалистической теории нации Бауэра, в которой главным является национальный характер, и историко-экономической теории Каутского, главным для которой является язык и территория¹⁶⁷⁷. Одобрение Ленина касалось тех разделов сталинской статьи, в которых пропагандировалось, доходчиво разъяснялось содержание программы партии по национальному вопросу, помогая большевикам не сдавать, как выражался Ленин, «ни на йоту принципиальной позиции против бундовской сволочи»¹⁶⁷⁸. Практическая ценность сталинского определения нации заключалась в том, что оно вводило определенные ограничения в понятие субъекта национального самоопределения, помогая, к примеру, «вышибать евреев из числа наций»¹⁶⁷⁹ (а значит, и из числа субъектов права на государственное самоопределение). Этой же цели служило и разделение Сталиным народов на нации и народности. Отнесение народа к разряду народностей (народа, не обладавшего всеми признаками нации) в послереволюционное время использовалось для ограничения числа народов — вероятных претендентов на статус союзной республики.

Неразработанность теории не могла не сказываться на качестве политических решений, принимаемых по конкретным ситуациям {418} в национальной сфере жизни общества. Волюнтаризм и произвол при этом были как бы запрограммированы. С изрядной долей цинизма признавал это, к примеру, Л. Д. Троцкий. «Национальность, — говорил он на XII съезде партии, — вообще не логичное явление, ее трудно перевести на юридический язык». Поэтому необходимо, чтобы над аппаратом, регулирующим национальные отношения, «в качестве суперарбитра будет выступать партия»¹⁶⁸⁰.

Национальную политику в СССР во многом определили представления о советском федерализме. Федерация изначально представлялась здесь как форма перехода народов, стоявших на разных ступенях экономического и культурного развития, к полному государственному единству наций, к единой и нераздельной социалистической республике без выделения в ее составе частей по национальному признаку. В то же время федерация мыслилась как форма, обеспечивающая по-

этапное сближение и слияние наций. Форсирование процесса, начиная с образования СССР и заметно ускоренное с конца 1930-х годов, позволяет говорить о политике денационализации народов Союза. В 1920-е годы и в начале 1930-х в основе этой ультраинтернационалистической политики лежало известное ленинское положение об интернационализме большой нации¹⁶⁸¹. В середине 1930-х годов, в условиях надвигавшейся войны и провозглашения победы социализма, было объявлено о преодолении недоверия между народами и торжестве дружбы, что было явной переоценкой действительности. В годы войны и послевоенные годы режима власти Сталина противоречивость национальной политики в СССР еще более усилилась. Этот период характеризуется грубым произволом в области национальной политики. За действительные и мнимые преступления отдельные представители, а некоторые народы Поволжья, Кавказа и Крыма в полном составе были выселены из мест своего исконного проживания, их национальная государственность ликвидирована.

Десталинизация национальной политики была половинчатой. Новые власти после 1953 года не сумели исправить даже явные ошибки сталинского режима. Своевременно не были решены проблемы бывших немцев Поволжья, крымских татар, турок-месхетинцев. Динамизм в развитии национально-государственной системы, характерный для 1920—1930-х годов (постоянное образование новых национально-государственных единиц, повышение их статуса, воодушевлявшее целые народы), в послевоенные годы был утрачен. Вместе с этим пропадала возможность приближения системы к своему оптимуму. Теория национальных отношений не получила какого-либо развития, в основе своей она оставалась сталинской. Правда, официозные теоретики национального вопроса перестали пугать народы перспективой полного слияния наций, однако из арсенала политики эта цель не исключалась.

В 1960—1980-е годы отечественная историография пополнилась большим количеством работ о советском народе как новой исторической общности людей. Идея этой общности находится в тесном родстве с высказанной в 1929 году в статье И. В. Сталина «Национальный вопрос и ленинизм» мыслью об общности наций, объединявшихся на определенном {419} историческом этапе вокруг зональных экономических центров и использующих наряду с национальными языком межнационального общения¹⁶⁸². Однако развитие представлений об этом историческом феномене во многом сдерживалось традицией, в силу которой нацию полагалось относить непременно к разряду этнических общностей. Между тем мировая наука такого ограничения не знала, что позволяло ей избежать тотальной этнизации национальной проблематики. В конечном счете, принципы отечественной науки о нациях (нациологии, как предложено называть эту науку А. Г. Агаевым¹⁶⁸³) не пошли впрок ни самой этой науке, ни народам страны. Наиболее негативным образом они сказались именно на трактовке советского народа как новой общности. С точки зрения международной терминологии, «советский народ» — это не менее правомерное понятие, чем «американский народ», «французский народ» и все прочие «народы», выражающие государственную принадлежность и обусловленную ею общность соответствующих групп человечества. Не было бы ошибкой и употреблять термин «советская нация» как эквивалент эвристики термина «советский народ». В СССР этот термин не применялся из-за опасений, что это могло бы означать «отмену» наций как этнических общностей. В итоге приверженность сталинскому определению нации сыграла свою негативную роль в распаде государства. Без собственной «нации» и равноценного этому понятию «советского народа» СССР в глазах многих его недоброжелателей (как зарубежных, так и доморожденных) оставался не более чем колониальной империей, обязанной в силу исторической закономерности сойти с мировой арены¹⁶⁸⁴.

СТАРЫЕ ОШИБКИ В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ

Возвращение к «ленинским принципам национальной политики» в период Хрущева — Горбачева на практике сводилось к попыткам вернуть представления и практику 1920-х годов, когда ленинские принципы осуществлялись якобы всего последовательнее. Воскрешались имена оппонентов сталинской национальной политики, вроде бы лучше понимавших ленинские замыслы. Ни к чему хорошему такая десталинизация не привела и, на наш взгляд, привести не могла. Ибо такое возвращение к Ленину означало воскрешение иллюзий о возможности продолжить и ускорить движение к безнациональному коммунистическому обществу в конкретном государстве, существовавшем в форме союза суверенных национальных псевдогосударств при отсутствии собственной государственности у русских. Оптимизировать данную, освященную именем В. И. Ленина структуру отношений невозможно. Осознать это, так же как и необходимость выработки принци-

пиально новой схемы государственного устройства, в котором народы сохраняли бы свое естественное право вести национально-автономную жизнь и в такой же степени дорожили общегосударственным единством, лидеры СССР и всевозможных национальных гособразований оказались не в состоянии. Поэтому поиски новых путей разрешения российских национальных проблем продолжались уже без их участия. {420}

Отыскивая эти пути, ученые и политики нащупывают новые основы российского народоустройства и политики, которая способствовала бы росту само- и взаимоуважения национальностей, вместо того чтобы питать рознь и подозрения. Наряду с оживлением представлений о нации как многоэтническом согражданстве единого государства (приоритет здесь следует, по-видимому, отдать кадетам), в наше время оживляются представления о нации как особой совокупности этносов. Из таких представлений исходили, например, дореволюционные ученые, утверждавшие, что русская нация включает великороссов, малороссов, белорусов и расширяется за счет принимающих христианство и ассимилирующихся представителей других российских народов.

П. А. Сорокин, профессор кафедры социологии Петербургского университета, высланный из России в 1922 году и завоевавший в Америке славу одного из основателей современной научной социологии (в 1964 г. он стал председателем Американской социологической ассоциации, что явилось актом высочайшего признания заслуг ученого), был верен таким представлениям вплоть до конца своих дней. «Русская нация, — писал он в 1967 году, — состоит из трех основных ветвей русского народа — великороссов, украинцев и белорусов — плюс “русифицированные” или ассимилированные этнические группы, входившие в дореволюционную Российскую империю и входящие теперь в Советский Союз»¹⁶⁸⁵. Общая численность русских в таком широком смысле слова, по данным переписи 1897 года, составляла 65,5 % от всего населения России. Название «инородцы» в широком же смысле давалось в то время всем «подданным неславянского племени» (28 %), а в более точном, юридическом значении к ним причислялись «некоторые племена, преимущественно монгольские, тюркские и финские, которые и по правам состояния и по управлению поставлены в особое положение». В общей сложности они насчитывали 6,6 % населения России. В отличие от основной части подданных государственный налог для инородцев заменялся особыми сборами (ясак, подать со скота, кибиточная подать). Инородцы пользовались также «особым правом управляться и судиться по своим обычаям, своими выборными родовыми старостами и родоначальниками, а общим судам подсудны лишь за более тяжкие преступления»¹⁶⁸⁶.

В русском зарубежье из представлений о российской нации как надклассовой совокупности всех национальностей российского государства в послевоенные годы исходили меньшевики. Известный меньшевистский деятель С. М. Шварц писал (1945), что «национальная проблема в России — это не проблема растворения национальностей в едином советском народе с постепенной утратой ими культурно-этнической индивидуальности, а проблема обеспечения свободного развития национальностей в рамках единой нации»¹⁶⁸⁷. Согласно программе НТС (1948), «нация есть органическое объединение людей (одного или нескольких народов), осознающих свое единство, творящих общую культуру, спаянных воедино общностью культуры, общностью духовных стремлений, государственных {421} и экономических интересов, общим историческим прошлым и, главное, единым устремлением на будущее. Государство есть организация нации, в которой она находит свое наиболее полное выражение. Ни один народ, входящий в нацию, не теряет в ней своей творческой самобытности»¹⁶⁸⁸.

Сходные представления о российской нации, включающей все народы России, разделяла такая экзотическая часть российского зарубежья, как русские фашисты. Выйдя из студенческой среды в одном из центров дальневосточной российской эмиграции — Харбине и сменив несколько названий, эта сила пыталась предложить собственный вариант выхода из того тупика, в который, по ее мнению, завела Россию диктатура большевиков. В «Азбуке фашизма» (1934) провозглашалось: «Российские фашисты считают, что хотя основными элементами российской нации являлись великороссы, малороссы и белорусы... в российскую нацию входили также и другие народы России, принимавшие также участие в ее исторической жизни». Только в том случае, писали далее авторы «Азбуки», если все российские народы будут представлять собой «тесно спаянную семью, сознающую необходимость крепкого единения и сплоченности, можно создать мощное национальное государство», которое сможет не только противостоять всякому внешнему давлению, но и «обеспечить всей нации в целом и отдельным входящим в нее народам спокойствие и процветание»¹⁶⁸⁹.

В наше время постулат о надэтнической природе нации встречается в программных документах движений и партий разной политической направленности. Например, идеологи и теорети-

ки клуба «Постперестройка» под руководством С. Е. Кургиняна утверждают: субъектом государственного строительства, способным сохранить и укрепить российское ядро, а затем строить вокруг него Большую и Великую Россию, может быть только нация. Под нацией при этом понимается «полиэтническая культурно-историческая общность, основанная на самоотождествлении с определенной культурой, признании ценностей созданного данной культурой государства и на общей исторической судьбе». Русская нация, составляющая более 85 % населения России, по убеждению этих идеологов, при своем самоопределении вправе требовать унитарного русского национального государства с культурными автономиями для национальных меньшинств, однако, учитывая традиционную российскую политику сбережения других культур и народов, русская нация может предложить другим нациям, проживающим на данной территории, жесткую федерацию без права выделения из состава России. Теоретики «постперестройки» утверждают, что такая формула есть благо и для всех этих наций, поскольку при удалении русского населения с их территорий, при вычитании русского компонента из их истории и культуры их ждет неизбежное культурное вырождение или поглощение более сильными соседями¹⁶⁹⁰. Таким образом, «полиэтническая русская нация» мыслится здесь элементом национальной структуры населения России наряду с другими нациями (полиэтническими?) и (или) национальными меньшинствами. Неясных вопросов такие представления оставляют немало, хотя очевидно, что авторы на самом деле говорят о существовании двух {422} категорий наций, одни (в данном случае одна) из которых могут выступать субъектом государственного строительства, другие не могут в силу исключительно количественных различий между ними. На наш взгляд, такая теория не обладает достаточной убедительностью. Вспомним, что в свое время Сталин в свои рассуждения о нации как субъекте государственного строительства вводил количественный критерий: национальная республика может-де рассчитывать на независимое существование вне СССР в случае, если ее население насчитывает «не меньше, а больше хотя бы миллиона»¹⁶⁹¹. Теоретики постперестройки не делают и этого. Однако в отличие от Сталина они не могут рассчитывать на принятие их теории за истину без серьезной теоретической аргументации.

Весьма своеобразную полиэтничность обнаружили в русской нации коммунисты на третьей конференции Ленинградской областной организации КПРФ. В принятой ими резолюции заявлено «об исторической преемственности, самоценности русского государства как гаранта выживаемости всех народов России и соседних республик». Слово «русский» при этом предлагается воспринимать «как понятие, обозначающее не конкретную национальную принадлежность, а великий суперэтнос, связанный воедино общей исторической судьбой и общей суперкультурой. Тогда русский — это и великоросс, и белорус, и украинец, башкир, мордвин, еврей, бурят, татарин... То есть русские — это те, кто связан общей государственной территорией, как это было всегда, общей экономикой, общей культурой»¹⁶⁹². Аргументация довольно неожиданная, никак не согласующаяся с прежними «ленинским» и «сталинским» пониманиями сущности наций и интернациональных общностей, и говорит, скорее всего, о неудовлетворенности какой-то части коммунистов традиционным определением нации, признанием его недостаточности для анализа новой исторической ситуации. Для обозначения сообщества народов России с давних времен используется понятие «россияне», отказ от него без попытки какого бы то ни было обоснования явно неоправдан.

На представления о надэтническом характере нации опираются авторы «Манифеста возрождения России» (1994), созданного по инициативе Союза Возрождения России и Конгресса русских общин и претендующего на то, чтобы дать «русский национальный ответ» на ключевые вопросы национального и государственного строительства¹⁶⁹³. «Манифест» не является документом какой-либо отдельной политической организации; он адресован государственно-патриотическому движению в целом. Главная цель Манифеста — обоснование идеологии объединения русских людей и разработка современной национальной идеи. Подробнее к этому сюжету мы обратимся позднее. Здесь же сделаем акцент на попытке авторов устранить многозначность употребляемых ныне понятий, связанных с национальными и этническими проблемами России. Под этносом (народом) ими понимается устойчивая социальная группа людей, сложившаяся на основе племенного родства, общности языка, существующей (или существовавшей) общности территории. Это понятие авторы закрепляют за народами, {423} не достигшими высокого уровня развития. В отличие от них народы, обнаружившие способность построить высокую культуру, формируют нации, складывающиеся в процессе становления государства и укоренения высокоразвитой культуры. Далее утверждается, что «нация формируется вокруг этноса (группы родственных этносов), несущего на себе основную нагрузку государственного строительства и создания единого культурного пространства»¹⁶⁹⁴.

Нетрудно заметить, что проекция таких понятий на современную российскую действительность по сути дела в одностороннем порядке лишает нерусские народы России претензий на звание наций, что вряд ли правомерно. Такое впечатление еще более усиливается при знакомстве с понятием «русская нация» и «русский народ» в трактовке авторов Манифеста: «*Русская нация* — нация, сформировавшаяся вокруг великорусского, малорусского и белорусского этносов и включившая в себя многочисленные народы, тесно связанные с русской культурной, духовной и государственной традицией», а *русский народ* — это «представители этносов, формирующих национальные, государственные, культурные традиции России». В другом месте отмечается: «Русская нация объединяет великороссов, малороссов, белорусов, сравнительно недавно сложившиеся новорусские этносы (казаки, уральцы, сибиряки и др.), а также представителей других коренных народностей России, считающих себя русскими». Таким образом, авторы отождествляют русских и нерусских россиян, порождая вопросы, ответы на которые можно получить, приняв во внимание авторское видение перспектив развития русского и нерусских народов России. «Завершение формирования русской нации, — декларируется в Манифесте, — определит историческую судьбу этих этносов: либо навеки с русским народом, либо превращение в русскоязычные этнические группы... тяготеющие к другим (нерусским) культурным традициям и государственным образованиям за пределами России»¹⁶⁹⁵. Призывая к очищению от экстремизма и спесивой национальной исключительности, авторы Манифеста, как представляется, сами подвержены болезням такого рода. Лишая нерусские народы России звания нации и сохраняя его лишь за русскими, надо быть готовым и к бытованию утверждений прямо противоположных. В результате появляются абсурдные утверждения, что ни русской нации, ни самих русских, точно так же как и других российских наций, не существует.

Рассматривая конкретный случай такого рода, А. Е. Жарников вскрывает одну из причин заблуждения. Дело в том, что все народы на Земле существуют не только сами по себе в своих государствах и этнических границах, но всегда группировались в общности, именуемые историками «цивилизациями», а этнологами — «суперэтносами». «Скажем, — пояснял он в 1994 году, — немцы, французы, англичане, австрийцы и другие западноевропейские народы давно уже составляют единую суперэтническую целостность, развивающуюся по собственным законам. И если вы захотите доказать, что немцы, к примеру, не существуют, примените к немецкому народу признаки (критерии) западноевропейского суперэтнуса и получите {424} тот же результат, что и у нашего автора с русскими. Но если разделить такие явления, как “российский суперэтнос” и “русский народ”, являющийся его составной частью, тогда все станет на места. И все попытки доказать, что “русские — это миф, включающий все на свете”, окажутся вздором, интеллектуальной побрякушкой»¹⁶⁹⁶. На наш взгляд, авторы «Манифеста возрождения России», допуская ошибку такого же рода и несколько упрощая положение вещей, преждевременно объявляют русской нацией общность иного порядка — известную часть славянского суперэтнуса.

Оригинальное и во многом убедительное решение проблемы соотношения нации и этноса дается в статье Ю. М. Бородаев «От империи к национальному единству» (1994). Автор утверждает, что основной порок теории нации коренится в смешении понятий «этнос» и «нация» вплоть до их полного отождествления, которое стало обыкновением после выхода в свет работ Л. Н. Гумилева. В отличие от него Бородаев считает нацию и этнос понятиями, хотя и родственными, вместе с тем принципиально различными. Нация исходно, по природе своей, полиэтнична, или, точнее, надэтнична. Основой здоровой нации может быть лишь гармоничное сочетание разных этносов. Многие сотни этносов сохранились до сих пор на Земле именно потому, что они не начали развиваться в нацию. Этносы, как правило, не претендуют на государственность; государственное самоопределение — это святое право нации и только нации¹⁶⁹⁷.

Государственность, создаваемая на базе этноса и на базе нации, по Бородаеву, также принципиально отличаются друг от друга. Моноэтническая государственность может существовать только в форме апартеида, единственной задачей которого становится подавление инородцев, а то и своих по крови, но с иными нравами. Такую государственность, считает Бородаев, пытаются утверждать лидеры ряда государств нового зарубежья. Становясь на путь создания государства, этнос, как правило, прощается с претензией на какие-либо особенные права. Этническое самоотречение, самоограничение есть судьба этноса — строителя государственности надэтнического типа. Такой этнос объединяется на равной основе с другими этносами и заканчивает вместе с ними свое этническое бытие в надэтнической нации. Где сегодня, например, белокурые, голубоглазые франки, давшие имя французам? Кто такие современные англичане? Исходно — романизированные кельты, смешавшиеся с племенами англо- и саксов, завоеванные потом офранцузенными нор-

вежцами, то есть норманнами. Аналогичное можно сказать об итальянцах, немцах. От этноса — созидателя государства чаще всего остается два памятника: этноним, ставший именем нации, и лингвистическая структура общенационального языка¹⁶⁹⁸.

Согласно таким воззрениям, россияне — это грандиозная по своему замаху, но не зрелая, молодая евразийская нация, далеко еще не завершившая своей постройки. Ключ к разрешению национального кризиса, поразившего бывший Союз ССР, надо искать, по мнению Бородаев, в реинтеграции большей части СССР в форме новой России и продолжении созидательной общенациональной работы, очищенной от чужеродных {425} национальному принципу утопически-коммунистических и имперских конструкций. Автор надеется, что первыми на этот путь будут вставать хлебнувшие самостийного лиха наши братья из Казахстана, белорусы, украинцы. Они сами избавятся от местечковых политиканов и начнут давить на московский центр, требуя объединения¹⁶⁹⁹.

В отличие от тех, кто все еще верит, что созданная в нашей стране за годы советской власти новая историческая общность «продолжает существовать и рано или поздно воссоздаст адекватное своей природе государство»¹⁷⁰⁰, Бородаев видит границы будущего Российского государства не совпадающими с границами бывшего СССР. Границы Российской империи и ее наследника, Союза ССР, были, видимо, шире национальных, а сегодняшние российские границы — значительно уже. Нация и национальное государство отличаются от империи духовно-этнической совместимостью (стихийно заданной или исторически наработанной «комплиментарностью») составляющих их этносов. Поэтому Россия видится устойчивым и долговременным государством, если выдвинет в качестве главной цели своей политики принцип объединения в единой российской нации народов Белоруссии, Востока Украины, Новороссии, Крыма, русской части Казахстана. Возможно, полагает Бородаев, что для осуществления этой цели со стороны России окажется вполне достаточно одной лишь декларации, остальное смогут сделать сами наши «зарубежные» братья¹⁷⁰¹.

Серьезным препятствием для реинтеграционного процесса, обрисованного Ю. М. Бородаевым, может стать подозрительность, разбуженная в последнее время у русских и заключающаяся в опасениях, что любые формы реинтеграции на деле снова сведутся к одностороннему ограничению русских в их национальном развитии и попыткам, как и прежде, за их счет обеспечивать относительное благополучие других народов. Чтобы не повторять ошибок прошлого, К. Г. Мяло и Н. А. Нарочницкая сочли необходимым заявить (1994), что государство, к восстановлению которого надо стремиться, должно быть не СССР, не СНГ, не Евразийский союз и т.п., а именно единая и неделимая Россия, обеспечивающая безоговорочное право на воссоединение расчлененного русского народа на всех его исторических землях. Если народы, ранее входившие в СССР, сейчас не заявляют о своем желании воссоединиться, но склонны к тесному союзу с Россией, то такой союз нужно реализовать в форме Российского Содружества. Авторы полагают, что русские не жаждут вновь брать на себя всеобъемлющие обязательства в отношении тех, кто их еще недавно хулил, а теперь видит в России лишь экономический резервуар или прибежище в момент национальной катастрофы. В отличие от Ю. М. Бородаев, эти авторы призывают русских не к самоограничению, не к отречению от своеобразных этнических качеств¹⁷⁰², а к тому, чтобы сначала заняться собой — окрепнуть демографически и, главное, восстановить себя как духовно-национальную общность¹⁷⁰³.

Идеи построения «русской идентичности», в которой нет места русскому самоопределению и мироощущению, не приемлет и Д. О. Рогозин. В 1994 году он призывал отказаться от определения нации как согражданства, {426} поскольку такой подход, по его мнению, «лишает русских субъектности, а, следовательно, мостит дорогу различным антирусским политическим концепциям». Автор напоминает о неудачном, с его точки зрения, опыте реализации подобного замысла: «Мы уже пытались создать новую историческую общность — “советский народ” — и видим сегодня, что из этого получилось». Принимаясь снова растворять «русскость» теперь уже не в советском, а в столь же абстрактном «русском народе», мы рискуем окончательно потерять этнокультурную самобытность нации. Чтобы этого не произошло, русская нация, как считает Д. О. Рогозин, должна быть признана государствообразующей силой, аккумулирующей энергию других наций и народностей, добровольно тяготеющих к русской культуре. Однако полагать, что это не противоречит выдвинутому здесь же тезису о том, что «гармоническое равновесие интересов и симпатий наций и национальных групп является единственным критерием межнационального согласия»¹⁷⁰⁴, на наш взгляд, было бы некорректно.

Говорить о гармоничном равновесии интересов между *нациями* в данном случае невозможно. Ибо, по существу, нацией в пределах России признается только один русский народ, а все другие

переводятся в разряд национальных меньшинств. Рассматривая национальную структуру населения России с этих позиций Б. С. Хорев считает, что «по международным стандартам (имеется в виду, что свыше 80 % составляет титульная нация, еще выше процент лиц, признающих русский язык родным и тем более говорящих на нем) Россия вовсе не многонациональное государство». По этим стандартам, Россия есть государство титульной русской нации, «но с очень большой пестротой национальных меньшинств — языковой, конфессиональной, культурной»¹⁷⁰⁵. С этих же позиций В. И. Козлову представляется вполне целесообразным отразить историческую роль и преобладающее значение русского этноса в Конституции России, назвав ее без обиняков государством русского народа (этноса), допустившего существование в границах этого государства территориальных автономий этнических меньшинств¹⁷⁰⁶.

Анализ основных тенденций российской общественной мысли новейшего периода позволяет заключить, что, несмотря на известное неприятие понимания российского согражданства как нации¹⁷⁰⁷, круг его сторонников со временем расширялся, включая представителей различных научных школ и политических движений, в том числе и окрашенных в русские национальные цвета. Наиболее значимыми в этом отношении являются, на наш взгляд, следующие примеры.

«Можно допустить, — пишет лидер ЛДПР в «Вестнике Московского университета», — что Россия — это страна *российской нации*, становым хребтом которой является русский народ». Следует, считает он, отказаться «от узкоэтнического понимания национальной принадлежности и перейти к трактовке понятия нации как согражданства единого и неделимого Отечества. У русских нет монополии на патриотизм. Любить Россию может и татарин, и башкир, и якут. Залогом духовного единения и сплоченности всех народов России должно стать осознание общности их судьбы, идея {427} великой российской государственности, являющейся гарантией их культурной самобытности. Россия — наша общая Родина. Поэтому национальное самосознание неизбежно должно быть комплексным — великорусским, общерусским (восточнославянским), российским»¹⁷⁰⁸.

Лидер движения «Духовное наследие» А. И. Подберезкин утверждает, что центральным сегодня стал вопрос «о формировании и общественном сознании государственно-патриотической идеологии, современной общенациональной идеи, которая может стать стратегией развития Нации и Государства». При этом специально подчеркивается, что наиболее состоятельной является модель «государство — нация», понимаемая как «общенародная территория с сильно консолидированным населением, объединенным общей историей, борьбой за выживание, универсальными экзистенциальными и воспроизводственными ценностями». Конечная цель преобразований России усматривается в создании «унитарного, наднационального, межэтнического государства, где собственно национальные особенности реализуются только в сферах культуры, образования»¹⁷⁰⁹.

А. И. Солженицын, один из наиболее ярких приверженцев русской идеи, придает большое значение также и российскому патриотизму. «Страна многонациональная, — писал он в 1998 году, — в трудные моменты истории должна иметь опору в поддержке и одушевлении *всех* своих граждан. *Каждая* нация должна иметь убежденность, что единая защита общих интересов государства — жизненно нужна также и ей». Писатель с сожалением отмечает, что «*такого* государственного патриотизма в сегодняшней России нет и в помине», что «новая Россия не поставила себя как родину»¹⁷¹⁰.

Краткий экскурс в историю проблемы соотношения «нации», «народа (этноса)» и «нации (согражданства)» позволяет заключить, что политики (в науке — историки, государствоведы, политологи, этнологи) с давних пор отмечали недостаточность представлений о нациях (этносах) и соответствующих им однонациональных государствах как наиболее универсальных формах жизни людей. В не меньшей мере социально-культурная и политическая ориентация людей определяется их принадлежностью к другим общностям (социальным, культурным, конфессиональным), в первую очередь государственным (подданство, согражданство), выполняющим важнейшую роль в объединительных этнических процессах интеграции, консолидации, ассимиляции и др., в возникновении метаэтнополитических и метаэтнических (суперэтнических, наднациональных) образований. При анализе межнациональных отношений и национальной политики наших дней представляется особенно важным не допускать односторонней трактовки проблемы соотношения нации как народа и нации как согражданства, не игнорировать какую-либо из составляющих системы «этнос — суперэтнос», «нация — наднациональное согражданство».

Особенности нынешней России как многонационального государства определяются тем, что она представляет собой часть бывшего СССР — элемент былой системы, получивший возможность самостоятельного бытия, но еще хранящий все недостатки прежней системы, наследующий все ее {428} негативные свойства. Как известно, Союз ССР именовался федерацией и был во мно-

гом уникальным государственным образованием, внутреннее устройство которого не было рассчитано ни на единую нацию в традиционном смысле слова, ни на постнациональное состояние общества, то есть нацию как согражданство. Союз был объединением многообразных «государственных» и «негосударственных» народов, образующих запутанную систему государств в государстве (союзные республики, автономные образования разного ранга).

Неповторимость федеративного устройства СССР объяснима с учетом двух обстоятельств. Во-первых, с помощью национально-территориального разделения единой в прошлом царской России большевикам легче было взять власть и укрепить свои позиции. Нерусскими народами подобное разделение воспринималось как определенная уступка со стороны новой власти их национальным чаяниям. Во-вторых, федеративный союз с иерархией субъектов федерации оправдывался тем, что не только изображался, но и реально выступал в качестве средства оказания помощи малым и отсталым нациям со стороны более развитой¹⁷¹¹. «Драгоценнейшим правом» отсталых наций в Советском Союзе считалось их право на активную помощь. «И праву этому соответствует обязанность “державной нации” оказать помощь, которая есть только возвращение долга», — утверждалось в работе Г. С. Гурвича «Основы Советской Конституции», выпущенной в 1929 году седьмым изданием¹⁷¹². Иерархический федерализм, оформившийся в СССР к началу 1930-х годов, был целиком обусловлен «правом на помощь» и ее размерами. В БСЭ (1926) автономная область представлялась как «форма политического самоуправления для тех наций Советского Союза, которые вследствие неблагоприятно сложившихся исторических и иных условий... особо нуждаются в постоянной поддержке центральной власти». Далее отмечалось, что «автономная республика есть более высокий тип национальной автономии, чем автономная область. Но это означает лишь одно: автономная республика менее нуждается в поддержке и руководстве центра, чем автономная область». Правило в распределении средств между нациями в СССР — «больше тому, кто слабее»¹⁷¹³. Подобные взгляды не претерпели изменений и в последующем. Конечные цели такой благотворительной и патерналистской национальной политики не скрывались. Прокламиралось, что федеративный союз типа СССР открыл кратчайший путь к фактическому равенству и полному политическому единству наций, а тем самым и их поэтапному сближению и слиянию в единое целое¹⁷¹⁴.

Наднациональному руководству страны казалось, что этих целей легче было достигнуть при отсутствии Русской республики в Союзе, поскольку это позволяло бесконтрольно использовать ресурсы «державной нации» для помощи и нивелирования народов, входящих в содружество. Чтобы декларированный курс на расцвет всех наций при социализме, который предполагал коренизацию кадров и всякого рода благотворительность центральных властей, не приходил в противоречие с курсом на сближение и слияние наций, Центр широко использовал карательные {429} меры по отношению ко всем, кого можно было заподозрить в буржуазном национализме и национал-уклонизме. В сочетании с пропагандистской обработкой населения это по-своему способствовало формированию новой исторической общности. Без Сталина и специфически сталинских методов консолидации общества этот процесс не получил своего завершения. Напротив, стал ускоренно продуцироваться местный национализм и сепаратизм, сыгравший свою роль в разрушении Союза.

В этой связи заслуживают внимания вывод и обосновывающие его рассуждения, изложенные известным политическим деятелем А. И. Лукьяновым. «У нас в России, — утверждает он, — долгое время господствовал принцип, по которому большая нация всегда должна уступать малым народам. Достаточно хоть в чем-то возразить, как тебя обвиняли в шовинизме. Это были очень серьезные перекосы в прошлом, они объяснялись национальным составом руководящих органов многих регионов и тем, что мы осознанно в республиках завышали квоту на выборах для коренной национальности и искусственно уменьшали количество русских. Но когда же начались выборы альтернативные, в целом ряде республик не соблюдались никакие пропорции, выдвигались лишь национальные кадры. Было задушено русское начало вообще. Развал нашего Союза с этого и начинался. Он начался с того, что была возможность местному лидеру не подчиниться союзному государству, прикрываясь лозунгом суверенитета. А если Москва начинала давить, все говорили об империализме и русской великодержавности»¹⁷¹⁵. Думается, распад СССР свидетельствует о большем: помимо всего прочего он ярко высветил негативные стороны государственной идеологии большевиков и несостоятельность ее основы — так называемого «подлинного интернационализма» и его неизбежных спутников: русофобии, национального нигилизма, космополитизма.

Негативное отношение к якобы аутентичному, подлинному (по недавней официальной партийной трактовке) интернационализму высказал влиятельный лидер «новых коммунистов»: «В

основе идеологии и практики обновления России не может находиться никому не понятный пролетарский интернационализм и столь же далекий от народного миропонимания космополитизм нового политического мышления с его абсурдными установками на «врастание» в мировую цивилизацию». Аутентичный интернационализм на поверку оказывается более всего соответствующим троцкистским представлениям о нем. В этой связи вывод о том, что «архитекторы» и «прорабы» перестройки оказались «самыми отъявленными неотроцкистами»¹⁷¹⁶, представляется не таким уж далеким от истины.

Не лишено оснований и сравнение Горбачева с Троцким. Бесславный конец последнего руководителя КПСС и Союза ССР начался, как пишет Ю. П. Белов, с «революционного» космополитизма: «Революция продолжается!» Затем последовала идея «общеευропейского дома». И, наконец: «Все мы плывем в одной лодке». «Революционный» космополитизм был прикрытием либерального космополитизма. Приплыли к развалу Союза — распаду России¹⁷¹⁷. С этой точки зрения представляется совершенно правильным {430} провозглашенный Зюгановым (1993) возврат к исконным национальным ценностям, признание необходимости восстановления преемственности исторического развития страны, отказ от воинствующего атеизма и маскировавшегося под лозунгом «пролетарского интернационализма» безразличия к судьбам собственно народов России, готовности принести их вековые особенности и национальные интересы в жертву молоху «мировой революции»¹⁷¹⁸.

Трагедия нынешней «революции», на наш взгляд, во многом обусловлена именно тем, что новые революционеры повторяют в национальном вопросе ошибки большевиков. Мондиализм как «светлое будущее», мыслимое вместо коммунистического интернационала, означает опять-таки, как справедливо написала Н. А. Нарочницкая в статье «Государства слагаются веками, а границы пишутся кровью» (1994), «вульгарное, материалистическое и европоцентристское видение мира не в его многообразии культур и цивилизаций, а как идущего к единому образцу. У открытых марксистов и троцкистов это был коммунизм, а у их современных кузенов — мондиалистов — это глобальная *вестернизация*. На этом пути одни страны якобы уже преуспели, а другие, пока еще “нецивилизованные”, отстают в силу “шовинизма”, “имперских амбиций” и неприобщенности к “общечеловеческим ценностям»¹⁷¹⁹. Национальный фактор новые революционеры, как в свое время и большевики, используют пока чисто в тактических целях, для достижения и удержания власти.

Отсюда и игнорирование национального и государственного патриотизма (мощного фактора, облегчающего поиск оптимальных форм государственного устройства, призванного обеспечить достойное существование и сосуществование народов), и соревнование новых и старых властей в раздаче суверенитетов в самой России, и та легкость, с которой они пошли на расчленение единой в прошлом страны. Б. Н. Ельцин в своих «Записках президента» (1994) признает, что альтернатива разрушению СССР имела. Он мог бы, например, «попытаться легально занять место Горбачева. Встать во главе Союза, начав заново его реформу “сверху”... Возможности для этого были». Но, как пишет далее президент: «Я психологически не мог занять место Горбачева»¹⁷²⁰. Премьер-министр Республики Беларусь В. Ф. Кебич, еще один участник известной встречи в Беловежской пуще в декабре 1991 года, поведал впоследствии о царствовавшем в тот момент настроении: «Там была какая-то эйфория. Никто не представлял, к чему придем. Было одно: убрать Горбачева. Хотя уже там, в Вискулях, на бумаге все было четко расписано. Но не сработали те документы»¹⁷²¹. Вот, оказывается, из-за чего, как написала в свое время Ванда Василевская, «гибнут могущества и падают величия».

ПРОТИВОРЕЧИЕ В РОССИЙСКОМ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОМ УСТРОЙСТВЕ

Новые власти сохраняют фундаментальное противоречие в национально-государственном устройстве страны — различие статусов русской и других {431} наций в едином государстве. В прошлом это фундаментальное противоречие находило свое выражение, в частности, в растущем антагонизме между российскими и союзными министерствами. Причины и суть этого антагонизма разъясняются в книге члена последнего правительства Союза ССР М. Ф. Ненашева «Заложник времени» (1993): «Истоки его, конечно, в длительном бесправии России даже в сравнении с другими республиками и в политике центральных министерств многие вопросы Союза решать за счет России. Этот давний антагонизм, когда наступило полномочие российских министерств, перерос в откровенное недружелюбие по отношению к тем, кто работал в центральных ведомствах, и сфор-

мировал негативное отношение ко всему, что делалось в них»¹⁷²². Н. И. Рыжков видел силу позиции Б. Н. Ельцина в том, что его борьба против союзного Центра не могла не получить поддержки россиян. По очень простой и давно осознанной всеми причине. «Россия, — говорил председатель Совета министров СССР на президентском совете в октябре 1990 года, — действительно была ущемленной. Одних дорог довольно — на 60 километров от Москвы не проедешь. Народ думает: вот пришел царь, который нас спасет. 70 лет россиян угнетали, все у них отнимали, чтоб отдать другим третью часть нашего достатка, Борис положит этому грабежу конец»¹⁷²³. В выступлении 18 июня 1994 года Рыжков вновь высказал свое давнее убеждение: «Русский народ не был имперским... Начиная с 1917 года Россия постоянно отдавала больше, чем получала от других республик»¹⁷²⁴.

С «разрешением» противоречия между союзным центром и союзными республиками (распад СССР) такое же противоречие «работает» в нынешней Российской Федерации в отношениях между новым федеральным центром, с одной стороны; органами управления российских краев и областей, с другой; органами республик, национальной области и округов, с третьей.

Необольшевизм новых революционеров, на наш взгляд, отчетливо проявился не только в деятельности М. С. Горбачева и его сподвижников в годы «перестройки», но и в их последующей деятельности. В основе идеологии и практики обновления оставался все тот же интернационализм (можно уточнить: скорее бухаринского и троцкистского толка) и столь же далекое от насущных национальных интересов народов космополитическое нетерпение интегрировать страну в мировую цивилизацию на основе принятия ценностей Запада, принципов тамошней организации общества и производства. Правда, нынешние власти, в отличие от большевиков и Горбачева начала перестройки, освободились от претензий на исключительность и мессианизм, намерения осчастливить мир указанием пути к новой, «светлой» жизни всех землян. Горбачев, тем не менее, продолжает пребывать в убеждении, что, «вступая в XXI век, homo sapiens должен осознавать себя еще и homo globalis» (человеком планеты Земля), как гласит заголовок одной из его статей¹⁷²⁵. Представляется, однако, в условиях, когда результаты социологических исследований показывали, что 70 % призывающихся в Российскую армию заявляли о ненужности военной службы, свыше 35 % — о готовности покинуть Родину, а каждый второй считал {432} понятия «воинский долг», «честь», «патриотизм» лишены смысла¹⁷²⁶ первоочередную заботу стоило бы проявить о том, чтобы как можно быстрее преодолеть возникшую в перестроечные годы новую полосу расхождения с патриотизмом.

В послании Президента России Федеральному собранию (1994) справедливо указывается, что межнациональное согласие недостижимо, если мы и впредь будем разделять жителей России на представителей так называемых «коренных» и «некоренных» национальностей¹⁷²⁷. Думается, что реально достичь этой цели можно не столько недопустимостью подобного разделения (оно отражает объективные различия между национальными группами), сколько наделением их равными правами и возможностями при формировании территориальных властных органов, а также созданием органов, обеспечивающих национально-культурное развитие этих групп и отвечающих за него.

На наш взгляд, в явном противоречии с положениями о «коренных» и «некоренных» жителях находится соседствующая установка на необходимость выделения «национальных меньшинств» (а соответственно — «национальных большинств») и разработку специального законодательства о национальных меньшинствах. В данном случае не учитываются трудности, проистекающие из соотнесения этих понятий. Каждая конкретная национальная группа (кроме самой большой и самой малой) одновременно может выступать и в качестве меньшинства, и в качестве большинства. Разделение народов на коренные и некоренные, на большинства и меньшинства относятся как раз к тому самому наследию прошлого, от которого никак не удавалось избавиться в прошлом и следовало бы решительно отказаться сейчас. Причем природе прежнего федерализма они соответствовали в большей степени, отражая как раз негативные стороны этого федерализма и сохранявшуюся несправедливость национальных отношений. С идеей нации как согражданства они никак не согласуются.

РУССКИЙ ВОПРОС — ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Самую большую проблему современной России и отношений между ее национальностями представляет русский вопрос, выступающий на современном этапе как наследие русофобской, наднациональной по своей природе власти в СССР. Установки на победу социализма в мировом мас-

штабе и на использование русского народа в качестве ударной армии и резерва мировой революции, взгляд власти на него как на народ, обязанный, по В. И. Ленину, устранить исторически возникшее по его вине неравенство, обязанный, по И. В. Сталину, обеспечить «сближение и слияние» наций в СССР, способны были превратить в русофоба любого доброжелателя русских, если он попадал в высшие эшелоны и на самый верх власти в стране. Механизм подобного превращения действовал безотказно, оно было запрограммировано противоестественностью основ федерации, внутри которой были и есть государственные образования всех сколько-нибудь крупных народов, кроме русского. У русских вопреки логике самого понятия федерации нет {433} своей республики, в то время как составляющие 7,02 % всей численности населения России нерусские национальные группы (подсчитано по данным переписи 1989 г.) имеют 21 национальную республику, одну национальную область и 10 национальных округов. Такое положение — результат политики не нынешних деятелей, облеченных властью, а их предшественников, обещавших после своего прихода к власти обеспечить «расцвет» национальных культур «инородцев», якобы сдерживаемый в прошлом русским народом-угнетателем, ну а затем осчастливить народы известным слиянием. Угрозу осуществлению этого химерического, как оказалось, курса власти видели в первую очередь со стороны русского народа и его возможной внутрироссийской государственности. Русской республики явно не желали и представители некоторых нерусских национальных элит. Правда, скорее, по другим, но тоже не очень дальновидным соображениям. При существовании Русской республики обещанное В. И. Лениным «возмещение неравенства» «малым и угнетенным» нациям¹⁷²⁸, скорее всего, было бы поставлено под сомнение, во всяком случае, обрело бы совершенно иные условия, формы, сроки, объемы.

Негативное отношение власти к самоопределению русского народа в своей Русской республике прослеживается издавна — еще с кануна образования СССР. Известно, что объединить независимые советские республики в единое государство путем их включения в РСФСР предлагалось еще в середине 1919 года Реввоенсоветом Республики (Э. М. Склянский, заместитель Л. Д. Троцкого по РВС)¹⁷²⁹. В начале 1922 года с таким же предложением выступил Наркомат иностранных дел (Л. Б. Красин, Г. В. Чичерин)¹⁷³⁰. 11 августа 1922 года этот же план предложил провести в жизнь Сталин, но тоже не получил поддержки. Ленин встал тогда на сторону «независимцев» из Грузии и Украины. В известных записках о национальностях от 30 декабря 1922 года В. И. Ленин отмечал: «Видимо, вся эта затея “автономизации” в корне была неверна и несвоевременна»¹⁷³¹. Акцент на последнем слове в этом суждении наряду с известной ленинской фразой «Сталин немного имеет устремление торопиться»¹⁷³² позволяют утверждать, что на самом деле речь шла не столько о неприятии Лениным самой идеи автономизации (пальма первенства в формулировании идеи в советское время принадлежит Троцкому, а вовсе не Сталину, как усиленно внушалось с середины 1950-х годов), сколько о преждевременности ее осуществления в условиях активного возражения «независимцев» и ненадежности государственного аппарата¹⁷³³. Большинство сотрудников тогдашнего советского государственного аппарата было, как писал Ленин, «по неизбежности заражено буржуазными взглядами и буржуазными предрассудками», а по другому его выражению, представляло собой «море шовинистической великорусской швали»¹⁷³⁴. Именно поэтому В. И. Ленин завещал подождать с автономизацией «до тех пор, пока мы могли бы сказать, что ругаемся за свой аппарат, как за свой»¹⁷³⁵.

Пытаясь отстаивать план автономизации, Сталин обращал внимание членов Политбюро ЦК на нелогичность образования единого государства {434} как союза национальных республик по принципу «вместе и наравне»¹⁷³⁶, но без русской национальной республики. Он полагал, и писал об этом членам Политбюро 27 сентября 1922 года, что «решение в смысле поправки т. Ленина должно повести к обязательному созданию *русского* ЦИКа с исключением отсюда восьми автономных республик» и объявлению последних независимыми наряду с другими¹⁷³⁷. Однако доводы Сталина в расчет не были приняты. Л. Б. Каменев по просьбе Ленина предложил схему развернутой формы Союза Советских Республик, в которой Русской республики не предусматривалось¹⁷³⁸. Сталину, вынужденному согласиться с решением Ленина, позднее приходилось публично доказывать нецелесообразность разложения РСФСР на составные части и образования Русской республики. Это привело бы к тому, говорил он 26 декабря 1922 года, «что наряду с процессом, ведущим к объединению республик, мы имели бы процесс разъединения уже существующих федеральных образований, — процесс, опрокидывающий вверх дном начавшийся революционный процесс объединения республик»¹⁷³⁹.

Предложения о создании Русской республики продолжали поступать и после образования СССР. В феврале 1923 года, усиливая аргументы против создания такой республики, Сталин ука-

зывает на еще одну вескую причину, не позволяющую реализовать предложенное. Появление такой республики, писал он, «вынуждает нас выделить русское население из состава автономных республик в состав русской республики, причем такие республики, как Башкирия, Киргизия, Татарская республика, Крым рискуют лишиться своих столиц (русские города) и во всяком случае вынуждены будут серьезно переkreить свои территории, что еще более усилит организационную перестройку»¹⁷⁴⁰. В декабре 1925 года вопрос о национальной организации русского народа обсуждался в связи с преобразованием РКП(б) в ВКП(б)¹⁷⁴¹. В ноябре 1926 года на совещании ВЦИК и ЦИК СССР предлагалось образовать Русскую республику на основе «русской части РСФСР»¹⁷⁴². В январе 1927 г. этот вопрос был вновь поднят на Первом Всероссийском совещании по работе среди национальных меньшинств¹⁷⁴³. Во всех этих случаях образование русской республики призналось нецелесообразным из-за убеждений, что от этого «мелким национальностям лучше не будет»¹⁷⁴⁴. Об интересах русского народа речь не заходила.

Обсуждения вскрывали действительную причину опасности, грозящей Центру и «националам» в случае появления Русской республики: русское руководство республики могло спутать все карты анациональных интернационалистов, закрепившихся у власти в столице, и формирующихся национальных элит в союзных республиках, поскольку интересы русской власти, как говорится, не всегда могли совпадать с их интересами. Именно по этой причине создание русской республики и зародышей любой русской власти постоянно блокировалось партократическим режимом. Именно поэтому не только Ленин и Каменев в 1922 году, Сталин и Троцкий в 1923 и 1925 годах, Сталин, Берия и Маленков в 1949 году в печально знаменитом «ленинградском деле» и совсем недавно — Горбачев «железно» (если {435} использовать свидетельство его помощника А. С. Чернышева) стояли против создания компартии РСФСР, против полного статуса России в качестве союзной республики. М. С. Горбачев на Политбюро так прямо и сказал: «Тогда конец империи»¹⁷⁴⁵.

Опасение это справедливо лишь в одном отношении. Благодаря гигантскому «весу» РСФСР полноправие России в ранге союзной республики автоматически обеспечивало бы ее лидеру первое место среди руководителей национальных образований, означая фактический конец бесконтрольной власти главы Союза ССР. Конец империи, которым страшал, но которого больше всего страшился тогдашний президент, означал всего лишь его конец как «императора». Всесильный «русский патриот-интернационалист»¹⁷⁴⁶ опасался того же¹⁷⁴⁷.

К сожалению, глава нынешней России находится в положении, напоминающем сталинское и горбачевское. Он не видит возможности стать «русским президентом» без риска утратить право называться «президентом россиян». Оставаясь же в этом последнем качестве, он не заинтересован иметь рядом с собой и помимо себя официального выразителя интересов русской нации. Эта дилемма объясняет, почему нынешняя верховная власть России сохранила важнейшее отрицательное свойство бывшей власти и стесняется своей «русскости». В этом же кроется действительная причина той легкости, с которой в стране с преобладающим русским населением живет совершенно немислимая при нормальном положении вещей русофобия.

Порой она рождает ситуации прямо-таки трагифарсовые. К примеру, Эмиль Паин, будучи заместителем начальника Аналитического управления Президента РФ, принципиально не соглашался с утверждением о разделенности русской нации после распада СССР. «Это самая компактная нация в мире, — говорил он. — В государственной внешней политике идея разобщенности народа всегда используется для воссоединения земель. У России такой политики нет»¹⁷⁴⁸. Кажется, что логика в этом утверждении присутствует, однако она вынуждает отрицать очевидное. Другой пример. 13 ноября 1991 года на встрече с журналистами в Белом доме тогдашний вице-президент РСФСР заявил: «Я напроць не согласен с выступлением Г. Х. Попова на съезде “Демократической России” в том духе, что следует “распустить РСФСР” потому, что я русский в отличие от него. Я хочу видеть великую Россию свободных народов»¹⁷⁴⁹. Заявление сразу же привлекло внимание прессы. Но осуждено было не предложение пожертвовать своей собственной страной, а русская национальная точка зрения вице-президента: «На посту, который позволяет в случае чего заменить заболевшего, скажем, Ельцина, находится...» Страшно подумать кто! «Впервые администратор столь высокого ранга позволил себе такой примечательный аргумент!» «Вице-президент... высказался как органический шовинист», — заявил Л. М. Баткин, потребовав публичного извинения от вице-президента¹⁷⁵⁰. Таким образом, была проявлена готовность поступиться самим государством — Российской Федерацией, но не принципами и наследием «подлинного интернационализма». В адрес СССР Г. Х. Попов высказался {436} еще определеннее: «То, что называлось Советским Союзом, — говорил он в декабре 1991 года, — всегда было формой господствующего положения русского народа в структуре той страны, в которой он живет. Это форма режима, и она

должна быть разрушена»¹⁷⁵¹. Трудно не согласиться с резким сравнением-оценкой подобного рода суждений, прозвучавшим из уст депутата Государственной думы С. Н. Бабурина на парламентских слушаниях «О предупреждении проявлений фашистской опасности в Российской Федерации» 14 февраля 1995 года: «Цели, которые ставил себе гитлеровский режим 50 лет тому назад, для многих политиков святы»¹⁷⁵².

РУСОФОБИЯ ПОСТСОВЕТСКИХ ЛЕТ

Формы проявления этого феномена различны. Многие из них восходят к 20-м годам и более раннему времени. Классический образ отечественного интеллигента-русофоба создан еще А. С. Пушкиным: «Ты просвещением свой разум осветил, / Ты правды чистый лик увидел, / И нежно чуждые народы возлюбил, / И мудро свой возненавидел»¹⁷⁵³. Фантастические черты приобретает интеллигентская абсолютизация известного положения о том, что «обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части русского настроения»¹⁷⁵⁴. Развитие этого наблюдения породило, например, такое обобщение Г. Померанца: «Каждый человек, попадающий на русскую сцену, начинает играть русскую роль, кто бы он ни был: Фальконе, Фонвизин, Левитан, Бенкендорф, Френкель или Троцкий. Тот, кто ассимилирован русской культурой, становится вероятной жертвой, а тот, кто ассимилирован российской политикой — вероятным палачом»¹⁷⁵⁵. Любопытная «теория», предоставляющая алиби любому «обрусевшему инородцу» за всевозможные политические проделки. И до чего удобно: объявляй себя «обрусевшим», и всю вину можно списывать на русский народ.

Немалые усилия тратятся на разного рода «доказательства» того, что русской нации как таковой не существует. Либо она еще не сформировалась по какой-то причине («У нас не было Ренессанса. И именно *поэтому* мы до сих пор не можем сложиться в *нацию*»¹⁷⁵⁶). Либо она уже перестала быть нацией (русские «как реальная общность, обладающая единым специфическим национально-этническим самосознанием, уже не существуют», потому что в своем политико-психологическом прапрошлом, еще со времен легендарного племени «рось», общность эта шла «не путем выделения себя, а путем, прежде всего, определения других»¹⁷⁵⁷). Некоторые «исследователи» вопрос этот решают еще кардинальнее. Они силятся доказать, что и сами предки нынешних русских — славяне появились на свет божий не столько сами по себе, сколько «стараниями неуклюжих псевдопатриотов». Книга М. Аджиева «Полынь половецкого поля» (1994), по мнению одного восторженного рецензента, якобы показывает, как «из вепсов, черемисов, кипчаков и других коренных народов России придворные ученые и политики сделали “славян”, целые пласты чужой культуры переданы славянам»¹⁷⁵⁸. Однако не следует забывать, что тот, кто отрицает русскую нацию, каким-либо иным способом выводя русских {437} за пределы общих исторических закономерностей, тот отказывает им в праве на национальное самоопределение и строительство собственного национального государства.

Обновляются теории, «объясняющие» все прошлые и нынешние беды России ее извечной «отсталостью», «догоняющим» типом ее цивилизации. В одной из таких теорий российское общество изображается обществом промежуточного типа, «застрявшим» между двумя основными цивилизациями — традиционной и либеральной. Причина? — В недостатке творческих сил для перехода к либеральной цивилизации и постоянная готовность народа «смести всех, кто разрушает (или кажется, что разрушает) привычные формы жизни, превращает их из комфортных в дискомфортные»¹⁷⁵⁹. У российского общества якобы отсутствует «логика медиации», единственно способная обеспечивать постоянное повышение социальной эффективности цивилизации¹⁷⁶⁰. Но этот недостаток присущ, оказывается, не всем национальностям России. Л. Гозман и А. Эткинд утверждают: «Фактически все последнее столетие евреи играли в России важную роль культурного медиатора, воспринимающего навыки западной цивилизации и через сопротивление внедряющего их на отечественной почве»¹⁷⁶¹. Ф. Э. Шереги «открыл», что в нынешних условиях «русский этнос вновь вынужден прибегнуть к ядовитому осуждавшейся Чаадаевым исторической практике, когда модель государственности заимствуется у другого (еврейского) этноса, стоящего у истоков современной цивилизации»¹⁷⁶². О евреях, укрывающихся от нынешней российской смуты за границей, пишут: «Не евреи, а люди нормальной цивилизованной жизни и европейской культуры изгоняются из нашей страны». Делается устрашающее заключение: «Россия, которую покидают евреи, — это Россия, движущаяся к национал-социализму»¹⁷⁶³.

В то же время «медиаторы», оставаясь в России и активно участвуя в политических событиях последних лет, недалеко видно «не замечают» очевидных странностей, которые происходят здесь с «русским национализмом». Касаясь «еврейского вопроса» в России, известный философ В.

И. Толстых пишет: «Откровенный национализм прибалтов или среднеазиатского населения, направленный преимущественно русских, ни у кого особых эмоций и протестов не вызывает. Это как бы само по себе понятно. А ведь налицо — вопиющий национализм и беспардонный антидемократизм. Появились лишь первые ростки русского национализма, и тут же его квалифицируют как «русский фашизм». При этом не скрывают, что единственным основанием такого «переименования» является антисемитская закваска некоторых течений в этих движениях... Я хочу задать такой вопрос: почему евреи, отстаивающие идею “своего”, еврейского государства — а это основа всей сионистской идеологии, которую, между прочим, в чем только не обвиняли — и в шовинизме, и в расизме и т.д., почему они не поймут русских, испытывающих жестокий кризис своей идентичности и желающих сохранить, отстоять свою российскую государственность? Ведь наши “демократы”, целившие в тоталитаризм и коммунизм, превратившие понятие “патриотизм” в ругательное, никогда не скрывали, {438} что им “этой страны” не жалко, даже распадись она на 40—50 государств, княжеств или царств. Как тут быть русским? Для них это вопрос жизни и смерти — как нации и народа»¹⁷⁶⁴.

Подобные вопросы «медиаторов», как правило, не занимают. И напрасно. Стоило бы принять во внимание, что «медиация» не гарантирует от ошибок. К примеру, поддержка евреями большевиков в Октябрьской революции, напоминает Д. Е. Фурман, «хотя и была естественна и эмоционально вполне понятна, все же отнюдь не являлась следствием глубокого усвоения демократических ценностей и — если вообще допустимо употребление такого термина по отношению к движению широких народных масс — была ошибкой. На мой взгляд, в очень смягченной форме... ту же логику в отношении большинства евреев к политической борьбе мы видим и в 1989—1993 годы» (Свободная мысль. 1994. № 9). Думается, опасения историка насчет того, что российские евреи снова попадают «в ту же ловушку, что и в 1917 году»¹⁷⁶⁵, не лишены оснований. Известный политолог С. Г. Кара-Мурза, не склонный смягчать «ошибку медиаторов», отмечает, что сегодня она дает о себе знать «не в меньшей степени, чем в 1917-м, пусть не в виде чекиста в кожанке и с наганом, а в виде банкира, эксперта и идеолога. Радикальные либеральные политики из евреев взяли на себя функции тарана, сокрушающего «старый режим». Они беззаветные модернизаторы и западники, исполнители проекта, который большинству русских кажется гибельным»¹⁷⁶⁶. Не меньшую «ошибку» допускают «медиаторы», когда с особым рвением принимаются «объяснить» русским причину их «отсталости» и всех зол российской жизни «порочностью русской культуры и русского национального характера»¹⁷⁶⁷, особыми свойствами русской души. Оказывается, русская душа — это «великая раба», «в глубине души каждого русского бьется ментальность раба». Не замечают «медиаторы», что в откровениях подобного рода обнаруживает себя самый что ни на есть элементарный расизм — наделение отрицательными свойствами (несвобода, ментальность раба и т. п.) не личностей,¹⁷⁶⁸ а народа в целом.

В отличие от «медиаторов» и реформаторов, в очередной раз предлагающих России свои рецепты излечения от отсталости, известный русский философ А. А. Зиновьев пытается удержать Запад и западников от совершенно бесполезных, по его убеждению, усилий по переделке России по образцам западного социального строя. Именитый автор исходит из того, что «тот тип организации общества, частным случаем и вершиной которого являлся коммунизм», существовал в России изначально и был наилучшим из всех возможных, поскольку наиболее соответствует природе русского народа, его национальному характеру. Коммунизм, по Зиновьеву, имел успех в России благодаря свойственной русскому народу «слабой способности к самоорганизации, сплоченности и коллективизму, холуйской покорности перед высшей властью, способности легко поддаваться влиянию всякого рода демагогов и проходимцев, склонности смотреть на жизненные блага как на дар судьбы или свыше, а не как на результат собственных усилий, творчества, инициативы, риска»¹⁷⁶⁹. {439}

Философ утверждает далее, что «вследствие своего национального характера русский народ не смог воспользоваться плодами своей великой революции и плодами победы в войне над Германией, не смог завоевать привилегированное положение в своей стране, оказался неконкурентоспособным в борьбе за социальные позиции и блага. Русский народ не оказывал поддержку своим наиболее талантливым соплеменникам, а наоборот, всячески препятствовал их выявлению, продвижению и признанию. Он никогда всерьез не восставал против глумления над ним, исходившего от представителей других народов, позволяя им при этом безбедно жить за его счет»¹⁷⁷⁰. Несмотря на то что коммунизм как тип организации общества вроде бы наиболее подходящ для русских, он, как ни странно, «усилил отрицательные качества русского народа». За годы советской власти, пишет Зиновьев, «произошла во многих отношениях деградация в смысле обострения и

огрубления этого характера. Таковую массовую эпидемию антипатриотизма, самоуничужения, пораженчества, холуйского низкопоклонства перед Западом, зависти к западным порядкам, подражания всему западному, особенно — порокам, двурушничества и прямого предательства, какая началась после 1985 года, не допустил бы ни один европейский народ». Освобожденный от всеобъемлющей и, надо полагать, полезной системы ограничений на поведение людей (партийная и комсомольская организации, трудовой коллектив, карательные органы, школа и вузы, идеологическая обработка, культура, семья), предоставленный самому себе и развращающей пропаганде, русский народ в постсоветский период, как пишет Зиновьев, «обнаружил в полную силу свои природные качества, по преимуществу вызывающие гнев, омерзение и презрение»¹⁷⁷¹.

Право, трудно понять, на что рассчитаны такие «не расистские», как просит их воспринимать автор, суждения. То ли на то, чтобы удержать Запад и прозападных «медиаторов» от безнадежных попыток цивилизовать русских, то ли своеобразной шоковой терапией пробудить в русских чувство собственного достоинства и национализм, то ли подсказывает новым правителям, какого рода диктатуры достойна «эта страна» и «этот народ».

Между тем в самой России имеется немало авторов, готовых изображать нерусские национальности страны жертвой русского народа, великодержавной и русофильской политики Москвы уже с 1920-х годов¹⁷⁷² и ратовать за возврат к политике «подлинного интернационализма» в ее откровенно русофобском звучании первых лет советской власти. Ленин изображается при этом как сторонник создания условий фактического равенства автономных образований с союзными республиками. Сталин же якобы преднамеренно искажал и фальсифицировал ленинскую национальную политику, нарочно выпячивал и подчеркивал «историческую» роль одной нации, ее первенствующее положение среди всех наций и народов страны¹⁷⁷³.

Оригинальная трактовка этой идеи принадлежит Поэлю Карпу, который вместо интернационализма более надежным средством от всех неурядиц в национальных отношениях считает космополитизм. Именно в измене космополитизму он усматривает причину того, что в послевоенном Союзе {440} ССР «растет русофобство, то есть неприязнь к русским и всему русскому». Взглянув отыскать причину этого феномена, автор нашел ее в отказе от космополитизма, якобы с незапамятных времен присущего русской культуре в большей степени, чем любой другой европейской культуре. По Карпу, «крещение Руси означало разрыв с узкоплеменным сознанием и переход к космополитическому». Космополитизму в России будто бы «способствовала и жажда правящего класса усвоить зарубежную культуру, и многонациональность Российского государства». Революция 1917 года, начавшаяся как мировая, оказывается, «возрождала космополитический дух», подорванный на предыдущем историческом этапе проповедью «единой и неделимой России». Пока этот «космополитический дух, пусть и под иными знаменами», был жив в послереволюционном СССР, «никакого русофобства и быть не могло, и слова такого не было», уверяет автор. Перемена к худшему обнаружила себя в кампании по борьбе с космополитизмом, которая означала, по словам П. Карпа, не только гонение на евреев; «она не в меньшей мере была направлена на искоренение все еще живого тогда космополитического сознания русского народа». Оказывается также, что Сталин, провозгласив русский народ первым среди равных, внушал ему «мысль о его превосходстве над другими». В результате, по утверждению П. Карпа, русские, жившие за пределами РСФСР и называвшие себя интернационалистами, «отступили от давней русской космополитической традиции» и не желали «оказать минимальное уважение к народу, среди которого поселились. Этим их интернационализм и отличался от космополитизма, предполагающего всеобщность и взаимность влияний». Вместе с тем начавшаяся при Сталине перемена, как «установил» П. Карп, еще не вполне возобладала, и, стало быть, допускает «обратный поворот». Разумеется, к космополитизму. Тогда, дескать, и русофобство вновь исчезнет.

В практическом плане новый поворот к космополитизму в СССР П. Карп связывал с тем, что «внутри каждой республики, союзной или автономной, для ее постоянных жителей роль средства общения должен выполнять прежде всего язык самой республики»¹⁷⁷⁴. О том, сколько языков межнационального общения должно функционировать в стране, где проживает более 150 народов, автор предпочел умолчать. Однако нетрудно сообразить, что данный вариант космополитической утопии означает всеобщую полиглотизацию населения. К примеру, чтобы полностью отвечать стандарту отечественного космополита, украинец, живущий в Абхазии, должен был знать: украинский (родной язык), абхазский (язык общения автономной республики), грузинский (язык общения союзной республики), русский (язык межнационального общения СССР), плюс еще хотя бы один из иностранных языков. Пять языков, и это в том случае, если сей космополит не вздумал

переехать на жительство в Нагорный Карабах, где ему пришлось бы дополнительно усвоить армянский и азербайджанский.

Однако основная масса борцов с великодержавным национализмом надеются одолеть его, используя привычное и проверенное оружие — интернационализм. К примеру, утверждается: игнорируя прямое указание Ленина, {441} Сталин объявил официально-государственной политикой опасность так называемого местного национализма — «национализма» маленьких народов¹⁷⁷⁵, в то время как единственно приемлемым должен оставаться подлинный интернационализм в ленинском понимании — состоящий в «неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически»¹⁷⁷⁶. Поклонники такого Ленина не замечают, что в цитируемом суждении большая нация навечно и совершенно неправомерно (ибо большой в каждом случае является одна из двух неравночисленных наций) отождествлена с угнетающей. «Подлинный интернационализм» при этом понимается скорее по булгаковскому Шарикову, который после изучения переписки Энгельса и Каутского открыл универсальный способ решения всех социальных проблем: «Взять все, да и поделить!..»¹⁷⁷⁷ Не учитывается при этом, что возжеленное «возмещение» (дележка) должно было, по у, вести не к «расцвету» наций при социализме (это как раз Сталин обещал), а к их выравниванию, сближению и слиянию. И уж, конечно, не принимается в расчет, что «выровнять» нации, «поделить» национальное в процессе их сближения и слияния во многих отношениях попросту невозможно. Подлинно национальное неделимо.

Денационализаторскую сторону политики «подлинного интернационализма» такие авторы, как правило, замечать не склонны. Что же касается якобы особой любви «подлинных интернационалистов» к русскому народу, то таковой не могло быть, как говорится, «по определению». Русофобия главных интернационалистов — факт широко известный, и в этом заключается их трагедия как исторических деятелей. «Если уж говорить честно, — пишет А. С. Ципко (1990), — то беда Ленина в том, что у него не хватило русскости, не хватило внутренней сопричастности и к русской жизни и к русской истории. У него не было подсознательного, органического самоощущения принадлежности к России... Его трагедия состояла в том, что он ни во что не ставил многовековые традиции русской жизни, православия, никогда серьезно, предметно не думал о них. Солженицын ближе к истине, чем Гроссман, когда упрекает Ленина в недостатке простого человеческого патриотизма, простой боли за людей»¹⁷⁷⁸. Горький писал в свое время о другом «подлинном интернационалисте»: «Троцкий — наиболее чуждый человек русскому народу, русской истории»¹⁷⁷⁹. Продолжая эту «ответственной мысль», М. П. Капустин дополняет ее следующим утверждением еще об одном, без сомнения, «интернационалисте»: «Сталин — тоже наиболее чуждой человек русскому народу и русской истории, хотя и уловивший и нагло использовавший ее национальную специфику»¹⁷⁸⁰. Таковы, к сожалению, отцы-основатели советского государства. Известная стихотворная строчка Ф. Чуева о Сталине — «Великим русским этот был грузин»¹⁷⁸¹, представляется нам, по меньшей мере, поэтическим преувеличением. В неоправданно негативном истолковании и боязни русского национального фактора «отцами» и поколениями их примерных учеников «интернационалистов» заключается, на наш взгляд, одна из самых больших трудностей, осложняющих решение национального вопроса в России. {442}

Все это позволяет согласиться с одним из выводов, к которому пришел Г. Х. Попов в своей книге «Будет ли у России второе тысячелетие». Автор утверждает, что от административной системы «больше всего пострадали русские», которым власть «предназначила первую роль в насильственной интернационализации», в подавлении и разрушении подлинной национальной культуры всех народов страны. Система с особенным усердием пыталась подавлять русскую культуру, игнорировать прошлое русского народа для того, чтобы «ожесточить русских, освободить их от своей памяти», ибо «человек, освобожденный от своего прошлого, больше пригоден для руководства другими народами»¹⁷⁸². Однако именно последнее и не позволяет согласиться с уже цитированным утверждением этого же автора о том, Советский Союз был «формой господствующего положения русского народа»¹⁷⁸³ в его структуре. Роль руководителей во властной элите советского общества охотно играли «интернационалисты» — выходцы (в буквальном смысле этого слова) из самых разных национальностей.

Результат политики «интернационалистов» на сегодняшний день таков: 18 миллионов человек нерусской национальности России имеют здесь собственную «титуюльную» государственность, а 25 миллионов русских в новых государствах СНГ и странах Балтии не только лишены такой возможности, но и оказываются во многих из них гражданами второго сорта. Подобная ситуация складывается уже и в ряде бывших автономий в самой России. Принимая во внимание все эти факты, стоит подчеркнуть особую значимость заключения В. А. Печенева, высказанного в 1994

году: такое положение «и с моральной, и с политической точек зрения вряд ли терпимо, и, во всяком случае, опасно»¹⁷⁸⁴.

Все это, без сомнения, является следствием государственной русофобии, укоренившейся в большевистской среде после 1917 года. Следуя курсу своей национальной политики, — а в наиболее лаконичной форме ее верно определяют как «политику национального нигилизма» (“интернационализм”)¹⁷⁸⁵, — большевистская власть не могла допустить объективного и всестороннего изучения положения и проблем русского народа. «Могу заверить: издать книгу о русской нации еще недавно было просто невозможно... — со знанием дела писал Р. Г. Абдулатипов в 1994 году — “Русская” тема была запретной, хотя аналогичные материалы, касающиеся жизни других народов, публиковались регулярно. Чисто этнологические и этнокультурные работы, посвященные русским, время от времени выходили, но на фундаментальные труды по социологии и политологии русской нации было наложено табу. Любое проявление этнического самосознания русских почему-то пугало, сразу раздавались истошные вопли о русском шовинизме»¹⁷⁸⁶.

В наши дни запрета на обсуждение русской темы уже не существует. Однако публикуемые материалы зачастую «основываются не столько на глубоких научных исследованиях, сколько на расхожих шаблонах»¹⁷⁸⁷, справедливо замечает тот же автор. Следует добавить: устоявшихся за годы господства русофобской политики. Чем иным, как не упованием на возможность {443} возврата на «единственно верный» путь Ленина—Троцкого продиктованы положения отечественных троцкистов, изложенные осенью 1990 года в журнале «Бюллетень Спартаковцев»: «Перекованная, интернационалистическая Коммунистическая партия может быть создана в СССР только в ходе безжалостной борьбы против великорусского шовинизма. В первую очередь, это означает защиту евреев от поднимающегося потока антисемитского террора, очистку улиц от новых черносотенцев... прямыми действиями пролетариата. Даже те, кто прячется за самым “утонченным” русским национализмом, представляют собой смертельно опасную засаду на пути к... решению национальных антагонизмов»¹⁷⁸⁸.

В союзе с интернационал-коммунистами против русского национализма и русской национальной идеи выступают и нынешние радикал-демократы. «Основная идея национализма — автономия, независимость. Он направлен против имперской или против соседней нации», — рассуждает один из них, вполне понимая и принимая национализм прибалтов, украинцев и других народов, «вырвавшихся из объятий Большого Брата», но никак не принимая русской национальной идеи, которая якобы «не может быть включена в контекст общемировой проблемы национальных автономий, борьбы за национальное освобождение, культурное самоопределение», ибо она «не освободительная, а агрессивная, воинствующая... сливается с идеями державности, государственности, причем опять-таки в их агрессивном обличье», ибо «с ней намертво срослись идеи *империи* и *миссии*»¹⁷⁸⁹. В этих рассуждениях легко угадываются былые филиппики К. Маркса и Ф. Энгельса против России и русских, но они обесцениваются авторским «намертво», которое рационального объяснения иметь никак не может.

Не поправляют положения и рассуждения других авторов названной выше книги о том, что в самой-де идее сильного государства плохого ничего нет, если в ней, как у «демократов-американцев» например, «державность подчинена некоторым высшим ценностям... правам человека, законности, свободе, человеческой солидарности и т. д.». Но в русской национальной идее все, мол, не так: «Русская держава как конечная цель, которую нам навязывают политики правых ориентаций, — старая российская ересь, которая не раз приносила нам много бед. На ее плечах, а не сам по себе, скорее всего, может добиться успехов и “русский фашизм”. Ведь расцвел он в сталинской державе в начале 1950-х годов, несмотря на весь официальный марксистский интернационализм»¹⁷⁹⁰. Опять-таки, если оставить для специального обсуждения «русский фашизм начала 1950-х годов», то ответа на вопрос, почему русская национальная идея не может быть демократической, здесь получить невозможно.

А. Н. Яковлев, отвечая на вопрос «Как вы определяете большевизм?», заявил: «Фашизм. Обыкновенный фашизм»¹⁷⁹¹. Тем не менее этот высокопоставленный в прошлом большевик (и, выходит, фашист?) до конца своих дней хранил верность завету XII съезда РКП(б) о том, что всякий национализм вреден, но особенно вреден и опасен великорусский шовинизм¹⁷⁹². Он сожалел, что все его попытки «привлечь внимание общественности {444} к нарастающей опасности великодержавного шовинизма, местного национализма, антисемитизма» не достигли цели. Статья же, в которой эти попытки были предприняты, оказалась, по авторской самооценке, «в известной мере, пророческой»¹⁷⁹³. Депутат Государственной думы А. Е. Гербер в телепередаче “Монолог” 11 января 1995 года сообщила о своем Отечестве: «Мы жили же в общем в фашистской стране. Это

была видимость, что все вместе, все друзья и братья»¹⁷⁹⁴. Представляется однако, что истинная подоплека «борьбы с фашизмом» имеет мало общего с самой этой опасностью. Жупел фашизма («красно-коричневые» в новейшей модификации) застрельщики борьбы рекомендуют использовать прежде всего как эффективное средство в полемике с теми, кто не разделяет «демократические» взгляды. «У всего населения войной выработан колоссальный иммунитет против фашизма, — говорила Гербер на заседании клуба «Московская трибуна». — Поэтому по телевидению, во всех средствах информации надо объяснять, что наши оппоненты — фашисты»¹⁷⁹⁵. Аналогичной логикой, видимо, руководствовались и составители книги «Западники и националисты. Возможен ли диалог?» (М., 2003). Увидевший обложку должен сразу «сообразить»: всякий, кто не западник — националист.

Нам же представляется более близкой к истине позиция А. И. Солженицына. Определив патриотизм, как «цельное и настойчивое чувство любви к своей нации со служением ей не угодливый, не поддержкою несправедливых ее притязаний, а откровенным в оценке пороков, грехов и в раскаянии за них»¹⁷⁹⁶, он логично заключал, что «на *такой патриотизм* — имеет право любая нация, и русские — никак не меньше других», что «катастрофа — в сегодняшней аморфности русского национального сознания, в сером равнодушии к своей национальной принадлежности и еще большем равнодушии к соотечественникам, попавшим в беду». Особо пагубную роль в отечественной истории сыграла укорененная с помощью большевиков «традиция», согласно которой «патриотизм во всякой бывшей окраинной республике считается “прогрессивным”, а ожесточенный воинственный национализм там — никто не посмеет назвать ни “шовинизмом”, ни, упаси Бог, “фашизмом”. Однако к русскому патриотизму — еще от революционных демократов начала XX века, прилипло и сохраняется определение “реакционный”. А ныне всякое проявление русского национального сознания — резко осуждается и даже поспешно примежуется к “фашизму” (которого в России и не бывало никогда и который вообще невозможен без расовой основы, однорасового государства)»¹⁷⁹⁷.

Вот почему столь непривычно (если не сказать «дико») для русского уха звучат констатации и советы, раздающиеся порой в наше время. «Посмотрите, где зарыта собака, — говорил лидер чеченских сепаратистов Д. М. Дудаев. — Сила — беда для политиков России. Ею неизвестно кто распоряжается. Во главе парламента сидит нерусский. Выгоните оттуда всех нерусских. И из органов власти. Пока это отребье будет у власти, ничего хорошего не ждите»¹⁷⁹⁸. То, что становится «нормой» для Чечни, для новых «демократических» государств, возникших на территории бывшего {445} СССР (национально однородный состав власти и требование безусловной лояльности со стороны «инородцев»), в Москве по-прежнему и к счастью считается непростительным грехом¹⁷⁹⁹.

НАЦИОНАЛИЗМ И ИМПЕРИЯ КАК РУСОФОБСКИЕ ЖУПЕЛЫ

Отношение к национализму, видимо, надо менять. Россия остается едва ли не единственной страной в мире, в которой на официальном уровне продолжает сохраняться негативное отношение к этому этнополитическому феномену. В контексте мировой научной традиции термин «национализм» не имеет априорно негативного смысла и не отождествляется однозначно, как в отечественной традиции, с понятием «шовинизм». Характер и направленность национализма могут быть различными, в том числе и сугубо позитивными.

Именно так понимал данный феномен крупнейший мыслитель русского зарубежья И. А. Ильин. Истинный национализм, писал он, есть любовь к духу своего народа, позволяющая человеку открыть глаза и на своеобразие других народов, учащая не презирать, а чтить их духовные достижения и национальное чувство. Так осознаваемый национализм способен преодолевать в себе уклон к шовинизму, ибо любовь к своему народу не есть ненависть к другим народам, самоутверждение не есть непременно нападение, отстаивание своего не означает завоевание чужого. Безнациональность в таком случае представляется как духовная беспочвенность и бесплодность, интернационализм как духовная болезнь и источник соблазнов. Сверхнационализм, по Ильину, доступен только настоящему националисту, ибо создать нечто прекрасное для всех народов может только тот, кто утвердился в творческом акте своего народа. Подлинный мировой гений всегда и, прежде всего, национален, а «попытка стать “великим” из интернационализма давала и будет давать планетарных злодеев»¹⁸⁰⁰.

Такое понимание национализма в наше время начинает завоевывать умы и сердца людей, живущих на широтах бывшего СССР. Например, белорусский политический деятель С. С. Шушкевич отмечал: «Мы привыкли считать, что национализм — это ужасно. Такой оттенок придали

этому понятию большевики. В национализме же ничего плохого нет. Для меня существует очень простой критерий: если наш национализм направлен на утверждение белорусской нации, это хорошо; если он направлен на принижение какой-то иной нации, любой, большой или малой, — это ужасно»¹⁸⁰¹. Аналогичную позицию в этом вопросе занял грузинский лидер. Отвечая на вопрос, как он понимает слово «национализм», Э. А. Шеварднадзе подчеркнул: «В годы советской власти это слово приобрело извращенное толкование. Национализм, в сущности, понятие благородное. Но есть крайние формы национализма, я называю их местным шовинизмом. Именно он принимает черты фашизма... В здравом же смысле национализм — это нормальное чувство, нормальное состояние человека. Национализм, которого я придерживаюсь, в многонациональном государстве совершенно исключает дискриминационный подход к другим нациям и народностям»¹⁸⁰². Среди {446} авторитетных русских мыслителей можно выделить писателя Валентина Распутина, который не только не видит особых причин стыдиться национализма, но призывает воспользоваться им как оружием, спасительная мощь которого ярко проявилась в Отечественной войне. «В России, — пишет он, — 80 процентов русских, надо, не боясь национализма, обратиться к их национальному чувству. От национализма культурного, озабоченного воспитанием народа в лучших (в лучших!) национальных традициях, никому опасности быть не может»¹⁸⁰³.

Сознательное отождествление понятий «национализм» и «шовинизм» в советском идеологизированном обществоведении нужно было, на наш взгляд, для того, чтобы облегчить пропаганду благотворности сближения и слияния наций, в конечном счете, — всеобщей денационализации населения. «Имя вещи и есть субстанция вещи... вещь творится именем», — писал П. А. Флоренский¹⁸⁰⁴. Отрицание позитивного смысла слов «националист», «национализм» означало отрицание его и в словах, от которых они образованы — «нация», «национальный», — и в реалиях, которые этими словами обозначаются. Ныне, когда в результате распада СССР тенденция нивелировки национального и размывание народного в угоду космополитическому¹⁸⁰⁵ поставлены под угрозу, понятную солидарную обеспокоенность по этому поводу выражают и интернационалисты, и космополиты, включая известного Дж. Сороса. «По моему мнению, — пишет он, — русский национализм может стать большей угрозой миру, чем был коммунизм»¹⁸⁰⁶.

Нет никакой нужды и в прославлении развала СССР как героического избавления от якобы последней империи в мире с перспективой продолжающегося дробления страны, которое, дескать, будет полицентрично и непрерывно¹⁸⁰⁷. Не только потому, что благоденствующие в наши дни империи (Британия, Япония и другие) не подают никаких признаков скорой кончины. Союз ССР, без сомнения, имел массу своих собственных недостатков, но империей все-таки не был. Понятие это применимо лишь к *монархическим* государствам древнего мира и нового времени. СССР был могучим и своеобразным унитарным государством, это был своего рода наднациональный организм, имевший особые черты и уникальную в своем роде структуру. Описывая их, академик Н. Н. Моисеев отмечает, казалось бы, очевидное: «Империя обычно предполагает существование метрополии и доминирующей нации, которая осуществляет управление государством в своих интересах. У нас же никакой чисто русской метрополии никогда не было, а правление государством всегда осуществлялось интернациональными командами, сначала Ленина — Троцкого, затем Джугашвили — Берия, позднее Хрущева и Брежнева. Лишь окружение Президента Советского Союза было преимущественно русским по своему составу. И вся национальная политика этих команд вовсе не была в интересах какой-то нации. Она диктовалась стремлением системы выжить и обеспечить ее правящей элите необходимое благосостояние и стабильность существования. А основа прочности — власть. И как следствие — унитарность, централизация, единство языка...»¹⁸⁰⁸ {447}

Вероятно, поэтому многие нынешние авторы, прежде чем живописать избавление от СССР как от известной «империи зла», или просто как от «имперского СССР», вынуждены сначала конструировать его со всеми негативными имперскими пороками в своем воображении. Некоторые из них при этом настолько увлекаются, что, не принимая ни в каком виде как империю ни прежний СССР, ни будущую Россию, тут же обесценивают свои построения. Например, известный американский профессор Зб. Бжезинский, выступая с лекцией в Алма-Ате в декабре 1993 года, сделал достаточно неожиданное для слушателей признание в том, что «его страна тоже, по сути дела, является империей, но исключительно нового типа и “чертовски удачливой”»¹⁸⁰⁹.

Серьезные же отечественные исследователи проблемы, понимая под империей (в переносном смысле слова) «форму геополитической организации социального пространства, основанного на наднациональной, надгосударственной (полиациональной, полигосударственной) структуре власти и управления, либо на наднациональном, надгосударственном механизме влияния (политического, экономического, военного, технологического, культурно-идеологического), сопряженно-

го с четко обозначенной сферой жизненно важных геополитических интересов сверхдержав», приходят к лишенной какой бы то ни было идеологизации научной констатации: современные США, Россия, Китай, Япония, Европейское сообщество представляют собой формы гибких «интегрированных империй» с безусловно разнопорядковой внутренней и внешней связью и зонами своего «имперского» влияния¹⁸¹⁰. Что касается великодержавия в политике, то и здесь научный подход обнаруживает: «Великодержавна политика всякой большой нации, всякого крупного государства: великодержавна была политика России, политика Советского Союза, Англии и Франции как метрополий, великодержавна политика и Соединенных Штатов» (Национализм: теория и практика. М., 1994). С учетом этого предполагается, что единство и равновесие будущей мировой цивилизации будут удерживать 4—5 геополитических, этноконфессиональных центра — империи, к числу которых, скорее всего, будут принадлежать Китай, Россия, Япония, Германия, одна из мусульманских стран Ближнего или Среднего Востока, значительно увеличенная в размерах¹⁸¹¹.

Размышляя над империей как понятием и как реальностью, некоторые авторы приходят к выводу, что империя — это сложноорганизованная этносоциальная система самодостаточного типа и как идеальная конструкция в этом смысле «нигде конкретно не существовала», но как принцип, «как идея и воля миллионов» существует и вовсе не думает умирать. Придерживающийся этой точки зрения В. П. Булдаков полагает, что империей, по существу, является едва ли не любая нация-государство. По его утверждению, западноевропейские нации-государства в период после Первой мировой войны были на деле империями новейшего индустриально-колониального типа; государства, образованные на месте бывших «традиционных империй» после той же войны, фактически являли собой осколки {448} старых империй со всеми их генетическими болезнями. Судьбу России этот автор также связывает с неизжитостью (а возможно, неизживаемостью) идеи универсальной империи, рожденной в противовес реальному имперству. Он полагает не только желательным, но и вполне возможным возрождение на месте бывшего СССР имперства в мягкой форме — содружества наций¹⁸¹².

Мнение необычное, но, судя по отечественной научной и публицистической литературе, отнюдь не единичное. Известный писатель и публицист А. А. Проханов не мыслит для России никакого иного будущего кроме как имперского¹⁸¹³. На наш взгляд, едва ли можно считать такую позицию достаточно обоснованной. Без сомнения оно говорит лишь об одном: дело не в ярлыках, а в том, чтобы Россия вновь не стала «империей зла» ни для своих народов, ни для соседей. Что же до народов России и бывшего СССР, то почему бы и им с учетом новейшего опыта не признать правду простых слов, сказанных великим американским президентом Авраамом Линкольном в сходной исторической ситуации: «Когда мы едины — мы стоим, когда мы разделены — мы падаем»¹⁸¹⁴. Благоразумие российских народов должно привести к осознанию их кровного общегосударственного интереса: Россия и впредь, как на протяжении всей ее истории, должна оставаться многоэтническим государством, если угодно, «империей», отличаясь от прочих былых и нынешних многоэтнических государств одним — сообщая выработанной, отлаженной и на века освященной системой неэксплуататорских межэтнических отношений.

Очевидно, только отрешение от двойного стандарта при оценке своего и чужого патриотизма, национализма, своей и чужой национальной государственности, империи может помочь разрешению национальных проблем России.

ВСЕ РЕСПУБЛИКИ ХОРОШИ, КРОМЕ РУССКОЙ?

Разрешение национальных проблем России в наши дни оказалось напрямую связанным с вопросом о целесообразности создания Русской республики в составе Российской Федерации. Однако аргументы «против» приводятся при таких обсуждениях чаще всего из арсенала былых сталинско-горбачевских времен. Охотно допускаем, что не обязательно быть сторонником создания подобного образования, поскольку возможны и могут оказаться более целесообразными иные способы реализации государственных интересов русского и всех других народов России. Но ведь это вовсе не предполагает двойного стандарта в обсуждении самой правомерности постановки вопроса о Русской республике. Казалось бы, сам факт наличия подобных образований у других российских народов является достаточным основанием для положительного решения и русского вопроса. Выступление против Русской республики, в соответствии с логикой, должно означать ненужность и всех других республик. Между тем двойной стандарт в отношении русских и нерусских как наследие большевизма в этом вопросе остается фактом наших дней. {449}

Приведем характерные примеры. Читаем: «В своем большинстве русский народ осознает, что именно Россия, а не искусственно конструируемая кое-кем Русская республика и есть государственное самовыражение русской нации, выразитель ее интересов, а также интересов всех других россиян — татар, чувашей, удмуртов, осетин, ингушей и других наций»¹⁸¹⁵. Хорошо. Но ведь здесь нет объяснения, почему русским хватает для самовыражения одной России, а другим этого мало и дополнительно требуется, имеется, а в наши дни еще и предоставляется «свое» национально-государственное образование.

Читаем дальше: «Создание Русской республики привело бы к фактическому демонтажу Российской Федерации, дезинтеграции России»¹⁸¹⁶. Неужели сразу и «дезинтеграции», если, по данным 1989 года, в России 81,53 % ее населения составляют русские, считающие русский язык родным — 86,59 %, свободно говорящие на русском — 97,76 % всего населения России. В национально-языковом отношении «российская нация» консолидирована в гораздо более высокой степени, чем американская. По данным бюро переписи, в США лишь 56 % населения владеют английским языком в совершенстве, 23 % хорошо, 15,2 % в недостаточной степени, 5,8 % не владеют английским вообще. По тем же данным, 32 млн коренных американцев (14 % населения США в возрасте старше 5 лет) общаются в семейном кругу не на английском, а на 329 других языках мира. При этом наиболее распространенными из «домашних языков» являются испанский, французский, немецкий, итальянский и китайский. Испанским в семейном кругу пользуются 17 млн человек (54 % всех граждан США, которые не разговаривают между собой по-английски). Русский язык занимает в списке 15-е место (число его носителей составляет 241 798 человек). Известно также, что 33 языка коренного населения Америки утрачены¹⁸¹⁷. Сопоставление цифр говорит, что не только дезинтеграция, но и конфедерация, асимметричная федерация при таком соотношении «большинства» и «меньшинств» в Российской Федерации могут представляться опасностью лишь в глазах максимально ослабленной федеральной власти и, что самое печальное, при отсутствии государственной идеологии, способной объединять русских и сограждан других национальностей вокруг доводов в пользу мощного государства, гарантирующего справедливость национальных отношений, свободу национального развития и взаимообогащение всех его народов.

Приведем еще пример: «Твердят об отсутствии у русских своей государственности. Это уже цинизм шовинистов, которые сами же рубят сук, на котором сидят»¹⁸¹⁸. Но только ли шовинистов следует подозревать в цинизме? Есть ведь и прямо противоположное суждение: «сама жизнь, история подвела нас к вопросу о необходимости создания республики Русь на базе *всех краев, областей*»¹⁸¹⁹. Заметим к слову, что «цинизм шовинистов» — это далеко не самое «сильное» выражение в адрес русских, склонных проявлять недовольство из-за отсутствия у них «своей» национальной государственности при избытке таковых в составе Российской Федерации. При обсуждении этого вопроса встречаются и настоящие перлы. {450}

Так, в опубликованном выступлении на международной конференции, состоявшейся в Казани в сентябре 1993 года, авторами которого являются два кандидата философских наук, можно прочесть буквально следующее: «Призывы образовать Русскую республику у нас подхватывают лишь фашисты»¹⁸²⁰. Директор Центра социального прогнозирования и маркетинга поведал в «Вестнике Академии наук» об «обнаруженных» им тенденциях к тому, что «европейская часть русских может сплотиться в этноцентрическое национальное государство, которое в условиях жесткой борьбы за защиту своего национального рынка вырождается в государство фашистского типа»¹⁸²¹. Можно, конечно, предположить, что в данном случае, как и в других, уже отмечавшихся, авторам просто изменяет чувство слова или чувство меры. Ведь если подобное принимать всерьез, как тогда быть с теми россиянами, которые, не будучи ни русскими, ни фашистами, тем не менее являются искренними приверженцами «своих» национальных республик в составе России. Или опять-таки единственными претендентами на «титул» фашистов можно (не возбраняется) выдвигать только русских?

Приводятся и такие «доводы» против русской государственности. «Утверждение об ущемленности прав русских по той причине, что в Российской Федерации нет Русской республики или Республики Русь, не выдерживает критики, — пишут два уважаемых доктора наук. — Путь создания Русской республики гибелен для государства. Не может часть одной и той же нации самоопределиться в составе государства, где она является титульной! Нельзя идти от более высокой формы организации государства к менее высокой»¹⁸²². В данном случае речь идет, по-видимому, о «титулах», присвоенных русскому народу Сталиным и иже с ним в памятные 1930—1940-е годы: «старший брат», «руководящий народ». Однако ныне такими «титулами» вряд ли кого можно прельстить. Их истинная цена стала хорошо известной. Ну а «более высокая форма» государст-

венности русского народа в отличие от других народов, чьими именами названы республики в составе Российской Федерации, и вовсе походит на одежды, в которые был «облачен» известный сказочный персонаж — голый король.

И последний пример: «Попытка провести границы новой Русской республики закончится тем, что эти границы пойдут не только по регионам, но и по человеческим душам, по нашим семьям. Это абсолютно тупиковый и кровавый путь»¹⁸²³. Можно согласиться и с этой эмоционально выраженной позицией. Но это только эмоции. Другие-то республики созданы и создавались, и не все в условиях Гражданской войны. И потом, неужели 7 % населения (суммарная численность представителей «титовых наций» 32-х национально-государственных образований в составе России: татары в Татарии, башкиры в Башкирии и т.п.) так и не способны будут понять справедливости постановки вопроса о Русской республике, обладая «своими»? Ну а если поймут, то откуда крови-то взяться?

Перечень суждений такого рода длить можно долго. Но и приведенного, на наш взгляд, достаточно, чтобы убедиться: русский вопрос они с повестки дня не снимают и не снимут. Ибо доводы неубедительны. Значит, все равно {451} придется предлагать нечто более конкретное и действенное для его решения, потому как и президентское Послание Федеральному собранию (1994) признает: «Сохранение и укрепление федеративного государства напрямую зависит от национального самочувствия русских». Однако обещанное в Послании предоставление права на этнокультурную самоорганизацию «путем создания регионально-культурных ассоциаций на территориях, где русские находятся в меньшинстве», государственная поддержка программ возрождения регионального многообразия русской национальной культуры, поддержка русских переселенцев¹⁸²⁴ — все это при наличии республик у других российских народов и отсутствии республики русских представляется явно недостаточным для культивации национальной гордости и появления «здорового государственно-национального патриотизма», выражающего легитимные интересы русской нации без ущемления при этом прав других российских народов¹⁸²⁵.

Все многообразие предложений, нацеленных на реформирование федерального устройства России и создание условий для оптимальной самореализации ее многонационального народа, каждой отдельной национальности, можно свести в несколько блоков, различающихся между собой по глубинным, принципиальным основаниям. *Первый блок* связан с попытками построить новое здание федерации, не меняя, по существу, его фундамента, заложенного в начале 1920-х годов. *Второй* объединяет предложения, базирующиеся на признании необходимости отделить национальность от государства и строить государственное здание многоэтничной Российской Федерации на других, не национальных основаниях. *Третий* суммирует предложения, порождаемые общей идеей — превратить Россию в государство русского народа, и от имени этого народа, его правительства гарантировать людям всех других национальностей гражданское равноправие и свободу национального развития.

Последняя точка зрения отчетливо выражена одним из иерархов Русской православной церкви, митрополитом Иоанном, уже, к сожалению, ушедшим от нас. «Надо открыто признать, — писал он в апреле 1993 года, — что Россия есть государство русского народа. В этой простой констатации очевидного исторического факта ни для кого ничего обидного быть не может». Именно русские, по словам митрополита, «являются тем цементом, который стягивает государственное строение России: общность якута и лезгина, татарина и вепса поддерживается лишь тем, что они на равных включены в державное тело Руси». В соответствии с этим для урегулирования межнациональных отношений на современном этапе предлагается вернуться к здоровой практике, «предполагающей полную (действительную, а не показную!) свободу местного национального самоуправления в сочетании с решительным изъятием в пользу Москвы всех вопросов общегосударственного значения»¹⁸²⁶. Верно, признав Россию русским государством, органы национального самоуправления нерусских народов получали бы в лице центрального правительства полномочное и ответственное представительство русской нации, а не некий наднациональный, {452} как ныне, орган, исключаящий, по сути дела, диалог между народами на властном уровне.

Активным сторонником такой идеи являлся депутат Совета Федерации Е. А. Павлов. «Все самые развитые современные государства, — пишет он, — являются национальными государствами. Россия также должна стать национальным государством». Трудности наших дней депутат объясняет тем, что русские, в отличие от других российских народов, не имеют национального представительства, не имеют государственного органа, который защищал бы их интересы именно как нации. Вопреки Конституции, провозглашающей равенство национальностей и субъектов Федерации, республики поставлены во многих отношениях в привилегированное положение по срав-

нению с областями и краями, которые являются национально-государственными образованиями русского народа. Администрация этих территорий со времен Наркомата по делам национальностей является фактически денационализированной администрацией, а русские рассматривались как денационализированный народ. Призывая к решительной ревизии всей нашей национальной политики, Павлов предлагает учредить в составе нынешнего российского правительства Министерство по общерусским делам, способное не только придать необходимый вес и значение русскому народу, но и действительно гармонизировать национальные отношения в стране¹⁸²⁷.

Отметим, что возможность конституирования Русской республики предусматривал в начале Февральской революции Ленин. Предлагая внести изменения в программу партии, он как о самой собой разумеющемся писал о будущей республике русского народа. Отличительные особенности нового государства виделась ему в следующем: «Республика русского народа должна привлекать к себе другие народы или народности не насилем, а исключительно добровольным соглашением на создание общего государства»¹⁸²⁸. Отход Ленина от этой позиции произошел позднее. В результате и бывшая Россия не стала республикой русского народа, и Союз ССР оказался без Русской республики. Ныне возможность превращения России в русское государство вновь представляется вполне возможной не только россиянам. «Может быть, — предполагает известный английский историк, — наступит день, когда Российская Федерация станет национальным русским государством, где этот народ создаст свободную политическую жизнь для себя, никого не угнетая»¹⁸²⁹.

Очевидно, что ничего общего с реформированием (совершенствованием) российской государственности и решением русского вопроса не имеют представления, в которых переход к «светлому будущему» мыслится через тотальное разрушение России как средство освобождения от «имперского прошлого» и «великодержавного шовинизма». Кажется, в наши дни вряд ли сыщется много простаков, всерьез воспринявших недавние призывы «быть до конца последовательными» и во имя приближения всеобщего Братства «вернуть японцам Курилы и другие острова, какие просят. Немцам вернуть Восточную Пруссию... Вернуть все захваченные земли, {453} если на них претендуют другие народы»¹⁸³⁰. Однако в печати появляются откровения авторов, испытывающих нечто вроде садомазохистского экстаза в связи с крушением СССР и возможностью открыто поиздеваться над российской историей. «Тысячелетняя держава Российская потерпела фиаско, — пишет В. И. Новодворская в статье “Еврейское неверие мое”. — Не потому, что была слаба, а потому что была подла. Она историческая клякса, нонсенс, несданный зачет. Наша история — это черновик. Нужно выбросить ее и жить заново, набело». Будущее России связывается только со «снижением тотальной мощи государства, с дальнейшей дезинтеграцией территории», с образованием на месте России множества небольших государств, в которых «национал-патриотам» станет негде «разгуляться» и которые будут легче поворачиваться «к солнцу мондиализма»¹⁸³¹.

Подобные заблуждения свойственны не только нынешним ультрареволюционерам. По сути, такими же представлениями вдохновляются и политики типа Г. В. Старовойтовой, полагавшей, что народы бывшего СССР окажутся «в новой конфедерации, которая создается в Европе», после того, как все они переживут неизбежный «этап полных суверенитетов»¹⁸³². Космополитическая часть отечественных «западников» исходит из того, что в наше время буквально на глазах происходит резкое усиление местного самоуправления и одновременно формирование континентальных и мировых управленческих структур. Через какие-нибудь 15—20 лет национальные государства начнут отмирать. Поэтому, полагают они, незачем даже и пытаться сохранять какие-то союзы, сообщества, империи: повсюду дело идет к однообразной политико-экономической структуре, в которой все найдут свое место: либо сообща прорвутся к благополучию, либо погибнут¹⁸³³. Погибнут — в том случае, если не справятся с глобальными проблемами, перед которыми стоит человечество (экология, терроризм и т. п.). Видимо, в таких суждениях получает свое выражение истинная цель «перестройки», усматриваемая наиболее радикальной частью «демократов» в том, чтобы, как писал митрополит Иоанн, «заменить исчерпавшую свои силы интернационал-коммунистическую доктрину на новую, интернационал-демократическую, которая должна довершить разгром исторической России»¹⁸³⁴.

Однако если не спешить с переходом на позиции современного космополитизма и внимательнее присмотреться к достоинствам и недостаткам выделенных выше блоков представлений о путях реформирования государственного устройства России, то можно отметить следующее. Основа большинства предложений первого из них определяется мыслью о возможности усовершенствования модели государственного устройства страны, которая осталась в наследство от предыдущего 70-летия ее истории. Россия (как и СССР в целом), по сути, была при советской власти псевдофедерацией¹⁸³⁵, объединением формально независимых и равноправных наций, все основ-

ные стороны жизни которых определялись тем не менее в Москве. При этом никогда не скрывалось, что это асимметричное объединение должно было развиваться (и развивалось) в сторону все большего {454} государственного унитаризма и преодоления национальных различий между народами («сближение наций»).

Провозглашенный большевиками основной принцип внутригосударственного устройства (и жизни наций вообще) — самоопределение вплоть до отделения — проявил себя на деле в стихийном, беспорядочном этатогенезе¹⁸³⁶, вдохновляемом по большей части сверху (со стороны центральных властей), и по меньшей — снизу, со стороны населения. После развала СССР, который следует отнести и на счет этого принципа, последний дает о себе знать в событиях, связанных с Чечней и Татарией. В первом случае проявляется тенденция распада России, во втором — тенденция превращения ее в конфедерацию с ослабляющейся центральной властью.

В наше время стали уже не редкостью целые книги, предающие анафеме «империю, называемую ныне Российской Федерацией»¹⁸³⁷, и предрекающие ее неизбежный конец. Утверждается, к примеру, что «все империи мира рухнули, и история не сделает исключения остаткам Российской империи — уродливому реликту, социально-политическому мутанту нашей эпохи». При этом не предполагается никакого иного решения национальных проблем, кроме «освобождения от русского гнета, воссоздания и создания независимых государств для каждого из российских этносов. За образец выставляется «блестящий пример» чеченского народа¹⁸³⁸.

«Россия была империей по отношению к автономиям и их народам, проводя русификаторскую политику, в то время как СССР был империей по отношению к союзным республикам», — такой приговор выносится общему отечеству российских народов в книге о проблемах национального суверенитета и национального возрождения. Для России, полагает автор, — «если кто-то хочет сохранить ее федеративное устройство, оптимальными были бы конфедеративные отношения». Каждой этнической общности необходимо обеспечить «права на национальный суверенитет, долженствующий реализоваться как национально-государственный суверенитет», выражающийся, в частности, в том, что во всех республиках должна быть гарантирована как минимум пятидесятипроцентная квота депутатских мест для титульной нации с тем, чтобы защитить «интересы коренного населения при создании законов, при формировании правительства, кадрового состава министерств, руководителей учреждений, предприятий и учебных заведений». Другие национальные группы населения этих республик, по логике такого рассуждения, обязаны довольствоваться «усеченным национальным суверенитетом» с неременным условием изучать языки новых державных наций. Автор полагает, что этническим общностям должна быть «предоставлена максимальная возможность самим организовать свое возрождение, что, разумеется, не исключает помощи со стороны более могущественных крупных этнических общностей»¹⁸³⁹.

Иначе говоря, полное избавление от «империи СССР» мыслится таким образом, чтобы к 30 млн русских и русскоязычных людей, оказавшихся после развала Союза ССР на положении неполноправных подданных новых суверенных государств в «ближнем зарубежье», добавить еще 16 миллионов {455} русских и русскоязычных (62,2 % общей численности населения бывших автономий РСФСР по переписи 1989 г.), которые должны жить по законам «усеченного национального суверенитета» теперь уже во «внутреннем зарубежье», обеспечивая «возрождение» титульных национальных групп, насчитывающих здесь в общей сложности 37,8 % населения¹⁸⁴⁰. Помимо этого автор надеется — и, скорее всего не по наивности, а в расчете на известный «интернационализм» — на бескорыстную помощь неких «крупных этнических общностей», совершенно не замечая, что на место былой «империи» предлагает сотни «империек» с узаконенным неравноправием подданных.

Увы, все это, как представляется, говорит о живучести у определенной части россиян надежд на возможность нового издания в РФ политики государственной русофобии, выступавшей в прошлом в обличье «истинного интернационализма». Естественно, это не может не вызывать ответной реакции. Поэтому ныне можно все чаще слышать голоса русских национал-радикалов, требующих сменить ленинские «ущербные установки», избавиться от «проклятого права наций на самоопределение», которое «осталось нам в наследство вместе с автономиями и национальными республиками», и провозгласить свое национальное русское государство, от отсутствия которого простые русские люди «страдают в 1994 году, безжалостно эксплуатируемые на своей национальной земле мерзавцами из национальных и социальных меньшинств»¹⁸⁴¹.

Некоторые авторы предлагают преодолеть разрушительные для русской нации последствия ленинско-сталинской национальной политики с ее установкой на возмещение неравенства нерусским народам использованием этой же установки, обращенной в пользу русских. В наше время,

считает, например, В. Л. Махнач, приемлемым может быть только политик, который принимает идею национальной компенсации. «Русские, — пишет он, — должны иметь реальную возможность восстановить имущественный потенциал, восстановить в течение жизни поколения уровень рождаемости, на всей территории бывшего Советского Союза должны быть устранены последствия многолетней дискриминации русских в уровне образованности. Отрицающий, что наиболее гонимыми в советское время были православные и русские — враг Церкви и нации»¹⁸⁴², О. В. Гаман полагает, что ущербные комплексы «старшего» и «младших» российских народов-братьев в нынешних кризисных условиях обнаружили себя во всей своей неприглядности. Бывшие «братья» ведут себя в отношении России и русских по принципу «падающего подтолкни», предъявляя «под аккомпанемент пинков и плевков» все новые и новые вздорные претензии. В то же время они «вполне комфортно чувствуют себя в роли реципиентов российской помощи, которую с точки зрения нравственности трудно квалифицировать иначе, как мародерство». России и русским в этих условиях, по мнению автора, необходима «историческая пауза в своем вечном стремлении призреть ближних и дальних под крылом российского орла. Главное сейчас — прекратить немыслимое и преступное по отношению к своим собственным гражданам одновременное существование в двух ипостасях — всемирного {456} донора и всемирного побирушки. Сегодня собиранье сил заведомо предпочтительнее собиранья земель... Необходим разумный, взвешенный и — временный — изоляционизм для размышления и сосредоточения»¹⁸⁴³.

Настроения и радикализм такого рода является, на наш взгляд, результатом игнорирования фундаментального вопроса, суть которого с предельной четкостью была выражена еще до распада Союза ССР. «Главный национальный вопрос в СССР, — говорил известный израильский политолог М. С. Агурский в своем выступлении в институте философии АН СССР весной 1989 года, — русский, не армянский, не эстонский, не еврейский, а русский. Русский народ, русская культура подверглись наибольшему подавлению. Русские живут хуже других народов. Сравнительно высокий уровень жизни в Закавказье и Средней Азии осуществляется за счет России»¹⁸⁴⁴.

Особого внимания в этой связи заслуживают суждения бывшего руководителя РСФСР В. И. Воротникова. До самого конца своего пребывания на посту председателя Президиума Верховного Совета России Воротников руководствовался партийными установками в русском вопросе. Так, выступая на совещании в Политбюро по российским проблемам 18 ноября 1989 года, он призывал «разоблачать попытки “радетелей” за Россию, этих кликуш со стороны, которые сетуют на нашу отсталость, забитость и, плача в голос, травят, по сути, душу россиян. Да, Россию “раскачали” националистические силы из других республик. Да, нам нужны суверенные права, самостоятельность. Но только в рамках Союза. Только так. Мы не должны забывать о том, что РСФСР — стержень Союза. Как ни крути — “старший брат”, это же был груз на России. Наша ответственность за единство Союза наиболее велика... Кому выгодна РКП? Нам? Нет. Я против того. Это будет шаг к распаду»¹⁸⁴⁵.

Крушение СССР заставило В. И. Воротникова пересмотреть свои взгляды по «русской тематике» коренным образом. «Концепция “старшего брата”, как выяснилось, не гарантировала гармонического развития России... Ответ на вопрос об отношении к русскому как субъекту истории — это ответ на все частные острые вопросы нашего сегодняшнего бытия: отношение к демократии, к духовным и нравственным ценностям... К сожалению, я следовал принятым у нас представлениям, согласно которым проблемы России рассматривались в основном как производные от проблем всего Советского Союза. Во многом наша республика отождествлялась со всей страной, а главные тенденции всего большого государства трактовались как ведущие к неуклонному единению и сплочению всех его составных частей. Таким образом, как ни горько осознавать это, мы в руководстве партии долгое время недооценивали современного содержания “русского вопроса”». Действенное современное коммунистическое движение Воротников представляет «только как силу российскую, национальную. Вся наша история показала, что пренебрежение интересами России, подход к ним только как к части более широкого государственного целого наносит ущерб и России, и породнившимся с нею народам»¹⁸⁴⁶. На наш взгляд, это — исключительно ценные и поучительные признания. {457}

Однако нельзя сказать, что новые власти России, занявшие во всем вроде бы диаметрально противоположные позиции, чем у бывших властей, освободились от десятилетиями укоренившихся стереотипов в русском вопросе. Так, необходимо признать, что сформулированная в 1920-е годы «теория» и практика «выравнивания» сохраняется в Российской Федерации до сих пор и «предполагает искусственное создание привилегий для всех народов, кроме русского и, естественно, за счет русского». Автор процитированных строк А. Г. Кузьмин считает совершенно не-

нормальным, когда ныне, в условиях слома прежней общественной системы, 50 % российской территории пытаются «приватизировать» 7 % ее жителей, поскольку границы республик проводились «без опроса населения и везде за счет русских земель». Провозглашение суверенитетов русскими областями автор считает вынужденной мерой: «У них нет другого выхода. Только так они могут уравнивать себя в правах с “меньшими”, но “высшими”»¹⁸⁴⁷. Как бы то ни было, в нынешней Российской Федерации меньшинство населения объективно навязывает всем национально-государственное устройство, построенное по формуле «суверенное государство в составе другого суверенного государства»¹⁸⁴⁸, которое, по сути дела, давно доказало свою нежизнеспособность и должно быть отвергнуто.

РУССКАЯ РЕСПУБЛИКА В ПРОЕКТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА

Следует обратить внимание на существование проектов, авторы которых, не отрицая в целом результатов большевистского наследия в области национально-государственного переустройства бывшей царской России, предлагают устранить явные несообразности системы за счет создания Республики Русь наряду с другими российскими национально-государственными образованиями. Еще в 1989 году Поэль Карп, обсуждая проблему «метрополии» в советском государстве, утверждал, что все беды России и русских оттого, что в 1922 году, при образовании СССР, не было создано ни союзной, ни автономной Русской республики, и тем самым русским якобы было предоставлено особое «право воплощать государство в его целостности», являть собой «народ метрополии», в то время как остальным народам был навязан неравноправный статус народов «больших или меньших ступенчатых автономий». Отказ от великодержавной роли означал, по П. Карпу, необходимость для русских «создать свой дом, Русскую советскую республику, отдельную от Татарской, Якутской, Чувашской и прочих, входящих ныне в РСФСР, которым тоже пора обрести равные с Белоруссией и Киргизией права». В этом случае Русская республика, также как и русский народ, «станет, наконец, не выше других официально, и не беднее их фактически». Помеха осуществлению этой задачи усматривалась лишь в одном — в нежелании неких влиятельных русских кругов (их рупором представлен В. Г. Распутин в его известном выступлении на Съезде народных депутатов) утратить «особое положение» в Союзе ССР и расстаться с высокомерным заблуждением, что «без них остальные пропадут». «Легко доказать, что не пропадут», — утверждал П. Карп, призывая {458} отказаться от «потайной метрополии», а заодно — от «авантюрных побуждений» наставлять другие народы и отдаться, наконец, заботе о своей земле, обихаживая свою «Русскую республику, — не Российскую, не федеративную, а именно Русскую». В этом виделся залог равенства между народами страны и залог упрочения Союза ССР¹⁸⁴⁹.

В числе сторонников создания Русской республики состоит политолог Д. В. Ольшанский, «русский, — как он пишет о себе, — в самом общепринятом смысле слова. Так сказать, потомственный славянин на стыке западно-славянских и поволжско-славянских корней». Он считает, что русские как единый целостный этнос в отличие от других российских народов то ли еще «так толком и не сложился», то ли «уже почти не существует». Определенность в этом вопросе, полагает этот автор, может появиться только в случае, если будем «помогать возрождению русского национального самосознания. Отречемся от старого мира — забудем империю и начнем по камушку, по кирпичику складывать то, без чего жить нельзя», иначе говоря, республику русских. «Давайте, — призывает Ольшанский, — конституируем Русскую республику как центр будущей национальной защищенности и в перспективе межнациональной стабильности всей страны». Для начала почти уже не существующему народу рекомендуется: «Не надо гнаться за размерами территории — достаточно иметь такое государственно-территориальное образование хотя бы в качестве символа. Пусть в границах бывшего Великого княжества Московского. А уж потом люди — те же миллионы “русских” — сами решат, что и зачем им нужно». Появление республики автор оговаривает строгими условиями: эта государственность нужна не в качестве очага «патриотизма», а для того чтобы патриоты реально обустроивали русские земли, поскольку это лучше бесплодной борьбы «за идею» и тем более — бунта перемещенных лиц, апатридов, маргиналов и люмпенов, чьей энергией отчаяния, как подозревает автор, пытаются воспользоваться нехорошие вожаки «патриотов»¹⁸⁵⁰. Представляется, однако, что обсуждение вопроса о Русской республике на основе исходных постулатов, граничащих с оскорблением национальных чувств народа, малопродуктивно. Ну, хотя бы потому, что русские за пределами территории бывшего княжества Московского за русских в данном случае определенно не считаются и должны, по логике автора, оставаться объектом политики иных национальных центров.

На наш взгляд, попытки устранить недостатки, имманентные нынешней модели национально-государственного устройства России, и приспособить ее для новых целей национальной политики вряд ли увенчаются успехом. Наиболее действенной может оказаться стратегия, связанная со вторым или третьим блоками предложений по реформированию этого устройства. Выбор между ними может быть сделан после их детальной проработки, всестороннего сравнения достоинств и недостатков каждой из этих моделей.

Из ныне действующих на российской политической арене сил наиболее последовательное неприятие сложившегося национально-государственного устройства России демонстрирует Либерально-демократическая партия. Ее {459} лидер В. В. Жириновский настаивает на том, чтобы быстро, жестко, соответствующим указом закрыть автономные республики и прочие национально-территориальные образования, немедленно восстановить губернии во главе с губернатором и забыть про эту федерацию, как про кошмарный сон. Вновь создаваемые губернии предлагается называть сугубо по территориальному признаку — «скажем, Казанская губерния, а не Татарская. Потому как если в названии есть одна национальность, то другие национальности вроде как в гостях, на птичьих правах»¹⁸⁵¹. Позднее (в 1995 г.) он посчитал, что поэтапное мирное восстановление Российского государства предполагает три уровня в его государственно-территориальной структуре: 1) Этническая Россия в расширенных, по сравнению с нынешними, границах с губернским делением ее территории; 2) Российская Федерация, субъектами которой могут стать бывшие союзные республики СССР в их измененных границах; 3) Восточно-Европейская конфедерация, куда вместе с РФ могут войти Сербия, Македония, Болгария, Словакия, Румыния, Венгрия, Польша, Финляндия, Северная Корея, Монголия, Афганистан¹⁸⁵².

Необходимость преобразования нынешней Российской Федерации в унитарное государство Жириновский обосновывает и в своей диссертации в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора философских наук «Прошлое, настоящее и будущее русской нации (Русский вопрос: социально-философский анализ)» (М., 1998). Он исходит из того, что такое государство — «необходимое условие решения внутреннего аспекта русского вопроса, оно соответствует национальным интересам и историческому предназначению России», поскольку «будет способствовать преодолению порожденных асимметрией конфликтов и столкновению интересов на этнической почве, дискриминации русского да и других народов, волюнтаризма при проведении межреспубликанских границ, преступного объединения в рамках одной республики традиционно конфликтующих между собой народов, насильственных депортаций и массовых миграций населения». Переход от национально-территориального принципа административного деления к чисто территориальному потребует, по мнению диссертанта, отмены деклараций о суверенитете нынешних национальных образований (поскольку суверенитет неделим и принадлежит Российскому государству в целом), а также укрупнения территориальных административных единиц за счет объединения мелких субъектов федерации в более крупные структуры¹⁸⁵³. Оптимальным считается положение, при котором унитарная Россия «состояла бы примерно из 50 равноправных и идентичных по своему статусу областей, образованных по территориальному принципу и не имеющих никаких собственных конституций, языков и правящих народностей»¹⁸⁵⁴.

Несмотря на подчас эпатажную форму заявлений лидера ЛДПР, его точка зрения относительно устройства России не лишена здравого смысла. Она не нова и идет в русле широкого потока предложений, высказываемых с самого начала горбачевской перестройки. Целый ряд авторов, не принимая позиции В. В. Жириновского в целом, находят ошибочным закрепление этнократической модели в Конституции Российской Федерации от 12 декабря {460} 1993 года. И это не случайно. Этнократия как реформа властных основ сосуществования стремившихся к воле народов показала свою «сокрушительную несостоятельность»: ни один социальный слой в СНГ, в том числе и в России, не получил никакого материального или духовного удовлетворения от такого обновления, «лишь чиновничество и президентские рати никак не могут насладиться благами суверенитета, несмотря на мытарства своих граждан»¹⁸⁵⁵. По определению главного редактора издающейся в Москве «Еврейской газеты», принцип национально-территориального деления является настоящим «бичом нашей госструктуры»¹⁸⁵⁶.

А. Е. Кибрик, один из последовательных критиков национально-территориального подхода к решению национальных проблем России, считает большим изъяном новой Конституции то, что она включает «абсурдную этнократическую модель, на которой базируется российская геополитика». Из-за этого он еще до голосования по Конституции предлагал «заранее объявить ее временной, чтобы не пришлось через два года избавляться от нее посредством танков». Он же прогнозировал: «Любая партия, которая выступит на выборах против этнократической модели устройства

России, приобретет на выборах поддержку целого ряда социальных групп»¹⁸⁵⁷. Выборы подтвердили предсказание. Вновь обращаясь к этой теме, Кибрик доказывает: «Национально-территориальное деление вовсе не достижение демократии, не обеспечение прав меньшинства, а наследие большевизма, служащее для того, чтобы сеять вражду между этническими группами. Ликвидация национально-территориального деления не менее важный элемент политической реформы в России, чем в свое время отмена шестой статьи брежневской конституции». Это — «не что иное, как отделение этничности от государства», констатация очевиднейших фактов: «Россия — страна не только русских, как и Башкирия не может быть страной исключительно башкир». Не будучи сторонником ЛДПР, автор призывает всех демократов «использовать жириновцев» в Государственной Думе для реализации губернской идеи, поскольку «наличие этнических республик в корне противоречит принципам гражданского общества»¹⁸⁵⁸.

Советник президента по делам науки и высшей школы, член-корреспондент РАН Н. Г. Малышев выражал уверенность в том, что «наша страна до тех пор будет страной постоянных этнических и национальных конфликтных ситуаций, пока мы не перейдем на американский, вообще на цивилизованный способ управления страной», несовместимый с сохранением нынешних необоснованных границ национальных образований внутри России. «Кто на карте рисовал территорию Татарстана? Сталин? Только Сталин, — утверждал Малышев (1994). — До него царь до этого бы не додумался. Также кто нарисовал карту Казахстана? Кто очертил границы Башкортостана? Или Саха? Кто это все сделал? Коммунисты сделали? Так уберите эти границы!»¹⁸⁵⁹

Это же требование выставляет и А. И. Солженицын, считающий ошибочным раздел СССР без пересмотра границ бывших союзных республик. «Сказали, что мы признаем границы, — говорит он (1994). — Какие границы?! {461} Фальшивые ленинские границы, которые проведены со злорадной целью урезать русский народ и наказать всех, кто боролся с большевизмом? Наказать донецких казаков, уральских казаков, семиреченских, сибирских, ишимское народное восстание — отрезать от РСФСР, отдать под другую нацию! Украину большевики захватили... Взамен... 5—6 русских областей добавил Украине Владимир Ильич... А Хрущев жестом пьяного сатрапа подарил Крым»¹⁸⁶⁰. Писатель полагает, что непоправимую ошибку делают нынешние руководители Украины и Казахстана, которые «радостно приняли фальшивые ленинские границы» и поневоле вступают на «ложный имперский путь»¹⁸⁶¹.

С еще большей резкостью «глухота национального сознания» нового российского руководства и пороки «так называемого федеративного устройства» бывшего СССР и нынешней России обозначены А. И. Солженицыным в его выступлении в Государственной думе 28 октября 1994 года. Фальшивые административные границы, навязанные прежним режимом в качестве государственных; антидемократия, искусственно созданная и сохраняющаяся в десятках регионов России, объявленных автономными республиками и национальными округами при явном меньшинстве населения «титულიной» национальности, в которых, таким образом, явное меньшинство призвано управлять большинством; самостоятельные международные шаги автономий; отдельные договора центра с автономиями; включенность одних субъектов федерации (автономных округов) в другие («русские» области) без правил взаимодействия между ними и центром — все это, с точки зрения «настоящей федерации», представляется то «сумасшедшим домом», то «еще большим сумасшедшим домом»¹⁸⁶².

Что же предлагается взамен в данном случае? Н. Г. Малышев уверял: если не убрать все границы «так называемых национальных образований» и не разделить страну на 12—15 экономических регионов, которые надо назвать губерниями, для того чтобы «восстановить справедливость», то «светского нормального правления» не установить¹⁸⁶³. Г. Т. Тавадов убежден, что России придется пойти по пути федераций, основанных на территориальном принципе. Необходимыми шагами в этом направлении будет уравнивание в правах с республиками краев и областей как субъектов Федерации с возможным формированием в последующем новых интеграционных образований (губерний, земель), а также пропорциональное представительство в органах власти и управления республик, в «престижных» сферах граждан титульной и нетитульных национальностей, двухпалатное законодательное собрание или квотность представительства в однопалатном парламенте¹⁸⁶⁴. Система власти, возглавляемая Президентом и опирающаяся на исторически присущую Российскому государству систему губернского правления с выборными земскими органами местного управления, как «единственная альтернатива» существующему ныне административно-национальному устройству страны обосновывается в книге академика А. С. Сидорова «Моя звезда — Россия». Автор считает, что на смену сегодняшней федерации из 89 субъектов (из которых каждая из 21 бывших автономных республик {462} соответствует по территории в дореволюцион-

ной России, как правило, волости, автономная область и 10 автономных округов — уезду) должна прийти система из 25 крупных губернских территорий, включающих нынешние области с их составом районов. Сегодняшние республиканские субъекты Федерации также мыслятся в составе губерний на правах областей, сохраняющих свою национально-культурную автономию в вопросах образования, искусства, национального общения, отдельных правовых действий¹⁸⁶⁵. А. И. Солженицын говорил: «Я за то, чтобы все области были уравнены, чтобы все были в равных правах. Я за то, чтобы области имели большие права перед центром — большие, но строго определенные законом. Чтобы по закону было ясно — сколько идет в центр, сколько берет область. И все в равном положении, и никому преимуществ, и никому дотаций, и никто не выпрашивает. А центр надо укреплять, чтобы существовало государство»¹⁸⁶⁶.

Война в Чечне лишь укрепила писателя в своей правоте. «Ни конфедерации, ни федерации нам не нужно», — говорит он, полагая, что Россия никогда не была федерацией, поскольку не создавалась путем соединения готовых государственных образований. Все нынешние российские республики, где титульное население не составляет более двух третей населения, А. И. Солженицын расценивает как «искусственное ленинское изобретение», которое «обернулось сегодня властью меньшинства». От имени такого меньшинства предлагается, как это было на чебоксарском совещании, «совершенно утопические проекты, которые ведут прямо к распаду России». В проекте воссоздания Совета глав республик¹⁸⁶⁷ писатель увидел очередную попытку сделать республики первым разрядом, а области — вторым. Не приемлет он и Конгресса народов России, в котором голос русского народа предполагается приравнять к голосу каждого из многочисленных малых народов, в то время как в действительности русские обладают четырьмя пятими голосов всех жителей страны¹⁸⁶⁸.

Необоснованность политических уступок Центра бывшим автономиям в 1992—1993 годах при усвоенной диковатой формуле «суверенная в составе Федерации» ведет, по словам Солженицына (1998), лишь к росту «сепаратных эгоизмов». Исправлению ситуации мог бы способствовать предлагаемый писателем «Закон о равенстве наций в России», в котором, в частности, можно было бы установить: «На территории России все нации, относящиеся к ее историческому составу, равны во всех правах и во всех обязанностях... Все нации имеют право на беспрепятственное развитие своей национальной культуры, образования, языка. Их культурные нужды финансируются государством пропорционально численности народов и народностей». Федеративное устройство России должно стать «справедливым *полнейшим равенством* всех “субъектов Федерации” (что неотнормировано к “национальным округам”, разрушающим конструкцию и своих регионов)»¹⁸⁶⁹.

Осмысливая последствия событий в Чечне, экс-губернатор Сахалина В. П. Федоров также усматривает их причину в пороках государственного устройства России, которые, если их не устранить, могут еще не раз привести {463} к повторению событий вроде грозненских. «Мы избавились от наследия большевизма лишь наполовину, — писал автор (1995), — устранена диктатура партии, но введенный ею принцип национально-государственного деления (вместо существовавшего прежде территориального, губернского) остается незыблемым». А это означает, что Россия продолжает жить «на пороховой бочке», сохраняя «опасность разрыва изнутри». Двойное наименование страны — Российская Федерация и Россия — содержит в себе постоянно разъединяющее начало, препятствуя установлению равноправия между субъектами — краями и областями, с одной стороны, и республиками, с другой. Автор напоминает: в России 89 субъектов, в том числе 21 республика. По трактовке последних, именно они, а не края и области, образуют Российскую Федерацию и, следовательно, должны иметь больше прав. «Почему больше, а не меньше или не в том же объеме, что и исконно русские территории?» Этот вопрос должен быть разрешен, ибо «Россия не может быть вассалом своих республик». Не Российской Федерацией, а только Россией должна стать, по мнению Федорова, наша страна, а ее «нации должны жить в свободном национально-культурном многообразии»¹⁸⁷⁰.

Аналогичную позицию отстаивал известный русский философ А. В. Гулыга. Гражданином России, полагает он (1995), является каждый, кто связал себя с судьбой России, кто считает себя россиянином независимо от национальности, родного языка и вероисповедания, кто, достигнув совершеннолетия, назвал себя россиянином. Все нации в России равны, каждая из них «имеет право развивать свою культуру, иметь школы на родном языке, прессу, литературу, театр. Но не более того: государство должно быть единым, делиться по территориальному признаку (области или губернии)»¹⁸⁷¹. С. А. Сафронов, приверженец русской идеи, выступающий за унитарную Россию, приводит своеобразный довод: «Бывший СССР был федеративным государством лишь формально, на деле являясь именно унитарным государством, и развалился он, собственно, оттого, что по-

пытался стать истинной федерацией... Будущее устройство России может быть только унитарным, основанным на русской идее, приспособленной, естественно, к новым условиям»¹⁸⁷².

Казалось бы, трудно не согласиться с такими суждениями. Однако обращает на себя внимание то, что интересы национальностей как таковых они все же не затрагивают и не гарантируют. Реформа национально-государственного устройства может быть приемлема только в том случае, если одновременно будет предложен и механизм регулирования этнополитических отношений в Российской Федерации, призванный заменить имеющийся ныне. Сам по себе губернский передел Российской Федерации автоматически этой проблемы, к сожалению, не решает.

События последнего времени показывают, что противоречия, вызывающие глубокое расстройство этнополитических отношений в стране, начинают все более адекватно осознаваться государственными деятелями, призванными по долгу службы направлять развитие национальной сферы жизни российского общества. С. М. Шахрай, бывший министр по делам {464} национальностей и региональной политики, определяя основные противоречия, на снятие которых должны быть нацелены «подходы, стратегия и тактика решения многих региональных проблем», в качестве важнейших противоречий выделяет следующие: первое — «между этнической и территориальной моделями государства», второе — «между развитием и управлением экономикой по отраслевому принципу и переходом к управлению непосредственно через территории, через субъекты Федерации». Сущность первого противоречия усматривается в том, что семьдесят с лишним лет функционирования СССР и РСФСР были попыткой организовать устройство государства по национальному принципу. С начала 1990-х годов больше стихийно, чем сознательно, наше государство пытается перейти к территориальной модели внутреннего устройства. Противоречие разрешается, если и республики, и края, и области России становятся, по сути, «территориальными субъектами Российской Федерации, а вовсе не этническими единицами». Процесс снятия противоречия мыслится как «длительный переходный период, когда национальная и территориальная модели должны, по сути, «притираться» друг к другу, вырабатывая новые формы внутренней организации Российского государства»¹⁸⁷³.

Возвращаясь в очередной раз к этому сюжету, С. М. Шахрай вновь подчеркивал пагубность избранного в свое время большевиками курса на строительство государства по национальному признаку, результатом которого оказалось, что «из 150 народностей России 32 имеют свои образования, а 118 не имеют. Если дальше следовать этим принципам, то надо создать еще 118 коммунальных квартир. А задача сегодняшней национальной политики — оторвать этническую составляющую от территориальной. Мы обязаны перейти на концепцию национально-культурной автономии, когда проблемы этнические — культура, образование, сохранение этноса — решаются не с помощью выделения территорий (национальные районы, национальные республики), а прежде всего на уровне местного самоуправления: школа, язык, газета, мечеть. Для русских областей и краев *нужны земства*. Это единственная система, где власть и человек соединяются. Все остальное — федеральное, региональное устройство — отрывает власть от населения»¹⁸⁷⁴. Как представляется, логическую завершенность этот подход находит в утверждении на всех уровнях нынешней России (федеральном, республиканском, краевом, областном, районном) принципа равноправия всех национальных групп. В идеале это предполагает постепенную трансформацию федерации, фактически основанную на национально-территориальном принципе, в федерацию на основе национально-культурной автономии¹⁸⁷⁵.

Таким образом, стратегическое направление развития Российской Федерации определяется как «превращение России в подлинно федеративное государство с развитием местного самоуправления». Именно «соединение концепции местного самоуправления с концепцией национально-культурной автономии позволяет выработать практические формы решения очень сложных для России национальных проблем»¹⁸⁷⁶. {465} Путь к спасению государства, по Шахраю, — «это земство, и федерация как способ согласования интересов региона и Центра, и социально ориентированная экономика»¹⁸⁷⁷.

Сходные идеи развивает академик Н. Н. Моисеев, неоднократно выступавший в печати с предложением преобразовать нашу страну в Российские Соединенные Штаты. Не идеализируя США, академик не скрывает, что «всегда завидовал Америке, где вместе живут англосаксы и итальянцы, славяне и скандинавы, японцы и китайцы, негры и мексиканцы. Живут своими общинами и имеют право развивать национальную культуру, обогащая и умножая творческий потенциал своей страны». И у нас, полагает он, если действительно признавать приоритет личности, «мы должны говорить только о территориальном российском государстве, государстве всех тех людей, которые живут на земле России. Для всех для них она родная, и не может быть разделения людей

на коренное и некоренное население. Такое деление должно быть запрещено законом! Это требование современного этапа развития цивилизации. Это, и только это способно объединить вокруг общих идеалов всех людей, живущих в стране, обеспечить необходимый уровень национального согласия. Что вовсе не означает игнорирования или принижения этнических интересов». Воплощенную и воплощаемую в современном государственном устройстве России идею изолированных самостоятельных национальных республик Моисеев считает опасной утопией, сохранившейся со сталинских времен¹⁸⁷⁸.

Суть замены слова «республика» словом «штат» академик видит в том, что «конституция штата не имеет главенства над конституцией федерации», что каждая самоуправляемая часть России — республика, область, земля, губерния, штат (не важно, как назвать) должна иметь свою Конституцию, где оговорено множество правил, но обязательно не противоречащих федеративной Конституции. В соответствии с этим, например, права и возможности татарского населения в Москве и Казани ничем не должны отличаться. И там и там должны быть и мечети, и культурные центры, и татарские университеты, если татарская община этого пожелает. Только в этом случае мы и увидим настоящее равноправие, настоящую свободу в реализации общечеловеческих ценностей. Все сказанное, разумеется, касается не только татар, но и каждой национальности России. Организация любой, особенно большой и многонациональной республики, образованной на месте бывшего СССР по принципу федерации штатов, представляется академику «совершенно безальтернативной» и была бы «подлинным благом» для народов России и стран нового зарубежья¹⁸⁷⁹.

Не станем утверждать насчет всего зарубежья, но для нынешней России направление поиска, как представляется, определено совершенно верно. Практическое продвижение по этому пути будет во многом зависеть от того, насколько успешно удастся, во-первых, создать механизм выявления и согласования интересов развития национальных групп, взаимодействующих на территории каждого из нынешних 89 субъектов Российской Федерации, и во-вторых, создать механизм выявления и согласования {466} интересов развития каждой и всех национальностей в общероссийском масштабе. Утвержденная в июне 1996 года «Концепция государственной национальной политики Российской Федерации» и Закон «О национально-культурной автономии» (принят в мае 1996 г.)¹⁸⁸⁰ представляют собой лишь первые шаги в этом направлении. На повестку дня выдвигаются задачи теоретико-прикладного характера, связанные с конструированием сложного механизма регулирования этнополитических отношений, как на уровне субъектов Российской Федерации, так и на общенациональном уровне.

«НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БУДУТ РЕШАТЬСЯ НА ПОНИМАНИИ НАЦИИ КАК СОГРАЖДАНСТВА»

Президент Российской Федерации в своем Послании Федеральному собранию «Об укреплении Российского государства» от 24 февраля 1994 года выдвинул положение о том, что национальные проблемы постсоветской России «будут решаться на основе нового, заложенного в Конституции понимания нации как согражданства»¹⁸⁸¹. Это положение, при отсутствии теоретических основ национальной политики, заслуживает особого внимания, поскольку может привести к изменению фундаментальных представлений о характере национально-государственных образований в России и оправданности их существования в прежнем виде.

Поиск новых основ национальной политики, базирующихся на новом понимании процессов, которые развертываются в национальной сфере жизни общества, закономерен, он начался давно и особенно интенсивно шел в последнее время. В статьях Л. А. Радзиховского обрисован один из вариантов видения этого процесса. Изображая нынешние события в России как выход из тупика социализма на путь цивилизованного капитализма с его неограниченными возможностями самосовершенствования, он писал (1993), что надо вести речь не об умирании, а рождении нации — новой русской буржуазной нации. Процесс этот, начавшийся было в конце XIX в., не получил своего завершения: русская буржуазная нация, «только зарождавшаяся, еще такая слабенькая», надломилась и рухнула, «утонула в диком революционном потоке». В конце горбачевской перестройки уже новая система тоже в одночасье разрушилась при полном, как полагает автор, понимании со стороны народа: «Русский народ достаточно равнодушен к гибели российско-советской империи (СССР)», «это не вызвало... взрыва возмущения — ни русского народа вообще, ни молодежи, ни военных». Так же спокойно произведена и «необходимая ампутация имперской опухоли»: русский народ, излечиваясь от «навязанного ему имперского дурмана», обнаружил якобы полное безразличие к русским, брошенным на произвол судьбы в ближнем зарубежье¹⁸⁸².

Вглядываясь в зеркало российской буржуазно-демократической революции 1991—1993 годов, журналист увидел новый облик русского народа и в нем — «тип голодного мелкого буржуа как превалирующий, решающий национальный тип». Оказывается, русский народ — это самый буржуазный народ в мире, он одержим потребностью «мирно двигаться {467} на Запад» и готов «с бесконечным русским терпением» заплатить за это невиданную в буржуазном мире цену. Выразителем сущности русского национального характера представляется нынешний российский президент, «человек русский по форме, буржуазно-демократический по существу». Ему не нужны опросы общественного мнения, он и без этого знает, что народ хочет жить в «цивилизованном мире», приемлет лишь «идеологию эволюционного движения к капитализму» и согласен, за невозможностью лучшего, для начала и на «достаточно уродливый, но зато мирный номенклатурный капитализм»¹⁸⁸³.

В соответствии с таким, модным ныне цивилизационным подходом к анализу отечественной истории, Радзиховский обнаружил, как сразу же после крушения советской системы в ее разломы «Бог весть откуда полезли новые люди — русская, российская, посткоммунистическая буржуазия», так сказать, ростки и основа новой буржуазной русской и российской нации. Автор предложил смириться с неизбежными издержками данного процесса, напомнив, что, как и положено, «буржуазная нация рождается в грязи и крови. Так было везде. Так происходит в России». Это не должно-де никого смущать, поскольку грязь и кровь не навеки. Далее, со ссылкой на одного из «главных архитекторов современных реформ» Г. Э. Бурбулиса, автор обрисовал перспективу российского нациогенеза. Вполне реальным на ближайшие 20—40 лет представляется «латиноамериканский путь»: власть реализуется на мафиозно-номенклатурно-технократическом фоне; на десятилетия растягивается поляризация общества; выборы будут выигрываться теми, у кого больше денег; в отношениях с мировым сообществом — «элементарная плебейская зависимость от партнера во имя временного хозяйственного успеха». Этот вариант исторического развития, по Радзиховскому и Бурбулису, «конечно ужасен», но зато «он реален и он лучше того, что мы имели», его надо принять, научиться по этому варианту жить, приспособливаться, понимая, что это на десятилетия, а не на столетия. И все это, конечно, во имя новой буржуазной русской нации, которую, как и другие современные нации, будут отличать такие добродетели, как трудолюбие, честность, скопидомство, добропорядочность. «И вот тогда-то, — заключает автор, — само собой, без истерик появится и буржуазное самоуважение нации, буржуазный русский патриотизм»¹⁸⁸⁴.

Несмотря на предельную откровенность изложения грядущих временных трудностей, «концепция» Бурбулиса — Радзиховского не вносит ясности в вопрос о характере предстоящих российских межнациональных процессов. К тому же и «равнодушие» народа к судьбам страны авторы явно преувеличили, что стало очевидным еще до выборов в декабре 1993 года. Выборы же с особой наглядностью показали, что политики, игнорирующие самоуважение нации и патриотизм в настоящем и обещающие чтить их в будущем и лишь в новом, буржуазном, качестве, рискуют оказаться не у дел. Все это обнаружило большую нужду в более привлекательных идеологемах, позволяющих быстрее достичь общенационального согласия в расколоте России. {468}

В. Ф. Шумейко, занявшись выработкой новой идеологии для страны и опираясь на поиски, ведущиеся в этой области, в ноябре 1993 года пришел к следующим обобщениям и предположениям. «В последнее время, — писал он, — в попытках найти общероссийскую универсальную наднациональную ценность, единый подход к возрождению российской государственности уже многие ученые, деятели искусства, просто думающие люди высказывают идею... о создании *единой российской нации* (по аналогии с американской), которая вберет в себя потомков всех народов, населяющих Российскую Федерацию. Наверное, идеология этой единой нации вберет в себя все духовные и культурные ценности и национальные традиции народов России, соединив их с гуманистическими и демократическими ценностями, накопленными Западом... На это уйдет немалое время (может быть, десятилетия), а ждать нельзя уже ни минуты. Создавать новую российскую идеологию нужно сегодня... Для образования единой российской нации, на мой взгляд, имеются достаточные исторические предпосылки: новая Конституция, которую, я надеюсь, россияне примут 12 декабря 1993 года»¹⁸⁸⁵.

После принятия Конституции бывший вице-премьер российского правительства предстал на выборах председателя верхней палаты нового парламента уже вполне убежденным патриотом-государственником. Отрекомендовавшись как «крупный руководитель, человек прямой и откровенный, хохол, бывший казак»¹⁸⁸⁶, он заявил: «В историко-философском плане я испытываю боль. Ранее Россия всегда расширялась. Мирным путем, никого не завоеывая. Теперь наша задача — со-

брать Россию назад!»¹⁸⁷⁶ В качестве шага на этом пути предложено «создать из СНГ Евразийский союз, цивилизованный союз стран, направленный навстречу интересам друг друга»¹⁸⁸⁸.

Подобную же эволюцию понимания неотложных задач идеологического воспитания российского населения обнаружил бывший пресс-секретарь Президента В. В. Костиков, выступивший с идеей создания широкого движения, которое способствовало бы восстановлению лучших идеалов русской семьи и русского дома, воспитанию молодых поколений в традициях русского и российского патриотизма. «Такое движение, — пишет он, — могло бы иметь название “Чистая Россия” и работать под покровительством президента России как общенационального символа»¹⁸⁸⁹. Предпосылки успеха и значимость движения усматривались, видимо, в том, что «разрушается фальшивая монополия коммунистов и национал-социалистов на любовь к Отечеству. О патриотизме серьезно и глубоко говорят демократические писатели и публицисты. Патриотические импульсы исходят от Президента России»¹⁸⁹⁰. К началу 1995 года перемены в отношении к патриотизму в «демократических» кругах российского общества выявились в полной мере. Пришло понимание элементарного: «То, что у нас слово “демократ” фактически антоним слова “патриот”, — это дико. Это представляет опасность для страны»¹⁸⁹¹.

Наблюдая за этими идеологическими поворотами, известный политолог Б. М. Пугачев в феврале 1994 года высказал предположение: «Складывается впечатление, что Президент и его окружение стремятся {469} перехватить лозунги национально-патриотической оппозиции, более того, судя по всему, они в ближайшее время будут готовы проводить и близкий политический курс»¹⁸⁹². Последующее развитие событий этот прогноз в целом подтверждает.

Обнародовав «новое понимание нации», Президент России сделал важнейший практический шаг в направлении к новой идеологии и новой национальной политике. По словам тогдашнего представителя Администрации президента, заместителя начальника Управления по работе с территориями В. А. Печенева, одной из главных целей демократической национальной политики, адекватной условиям российской цивилизации, является не только обеспечение межнационального мира и создание оптимальных условий для этнического сохранения и свободного развития народов, но и постепенное формирование «русской нации» как сообщества всех проживающих на территории России этносов, подразумевая под этим конечно же не становление некой «единой национальной общности», а такого духовно-психологического самочувствия наших народов (русских и татар, аварцев и башкир), при котором их принадлежность к гражданам единого Российского государства будет играть все большую роль¹⁸⁹³. Обращаясь к депутатам Федерального собрания и всем согражданам 16 февраля 1995 года с ежегодным Посланием, Б. Н. Ельцин призвал россиян «проникнуться верой в успех, в созидательную силу нашего национального характера». Без такой веры «сложный и болезненный процесс консолидации многонационального российского общества» вряд ли получит ускорение. Немалое значение в успешном развитии этого процесса может сыграть высшая школа, изменения в содержании гуманитарного образования которой должны, как подчеркивает президент, «формировать новые нравственные ориентиры, воспитывать гражданственность, патриотизм, правовую культуру»¹⁸⁹⁴.

Рассмотрение федеральных и межнациональных проблем в контексте этнополитического развития нашего общества и современных идей показывает, что предложение Президента РФ решать национальные проблемы нынешней России на основе нового понимания нации как согражданства оживило поиски новых оснований национальной политики. Естественно, такая политика может быть успешной лишь при определенных условиях — при адекватном понимании процессов, происходивших в истории национальных отношений в советское время; установлении причин, вызвавших провал прежней национальной политики; выявлении тенденций развития национальной сферы жизни советского общества; формулировании жизненно важных, привлекательных целей, достижению которых будет подчинена новая национальная политика; определении средств, при помощи которых эти цели можно будет достичь. Главное — в искусстве сопряжения интересов развития государства и национальных общностей, каждой национальной группы, в определении самого характера государственности. {470}

НЕ ВСЯКИЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ УСТОЙ НАДЕЖЕН

Суть происходящего в сфере межнациональных отношений объясняется, как показано в этой работе, крахом принципов и целей предшествующей национальной политики, таких как пролетарский («подлинный») интернационализм, самоопределение вплоть до отделения, форсирование создания новой исторической общности людей, идущей на смену национальностям в СССР; слия-

ние наций во всемирной социалистической общности как конечная цель политики. Все, что делалось в России в последние три четверти века, определялось в конечном счете нереалистическими задачами, глубоко деформирующими естественные исторические процессы. Этим, в значительной степени, (поскольку не менее значимые факторы действовали и за пределами национальной сферы) определяется глубина нынешней трагедии: распад Союза ССР, кризис Российской Федерации как элемента былой системы, получившего возможность самостоятельного бытия, но все еще хранящего в себе многие противоречия прежней системы.

Противоречия эти не должны, конечно, служить основанием для зряшного отрицания изменений к лучшему в жизни народов бывшей царской России, достигнутых за советский период их истории. П. А. Сорокин, всесторонне изучавший мировой опыт многонациональных государств, справедливо отмечал в 1967 году, что «фактическое равенство разнообразных расовых и этнических групп... в основном было реализовано в ходе истории русской нации. Эта история действительно свободна от дискриминации, подавления и эксплуатации нерусских национальностей России со стороны русской нации». Советский Союз, писал он далее, отличали «сравнительно мирные взаимоотношения между отдельными людьми и группами»¹⁸⁹⁵. Эксплуатация нерусских национальностей в СССР русским народом была исключена напроочь. Более того, своеобразная «контрибуция», наложенная после 1917 года на русских, как на «бывшую угнетающую нацию», дает полное основание для квалификации нового властного режима Советской России как силы скорее антирусской, нежели русофильской. Великодержавие режима выросло впоследствии также на наднациональной основе.

Национализм как мощный фактор объединения и разъединения народов и государств был мастерски использован большевиками для захвата власти в России и при попытках распространить эту власть повсеместно в ходе мировой революции. По словам Н. И. Бухарина, национализм нужен был, чтобы «поддержать все элементы распада» в мире, подлежащем социалистической перестройке, в том числе и «сепаратизм колониального, национального движения, т. е. все те разрушительные силы, которые объективно ослабляют мощь того железного государственного обруча, того государства, которое представляет из себя наиболее могущественную и рациональную организацию буржуазии»¹⁸⁹⁶. Фактор национализма был использован и демократами в их борьбе за власть в новых государствах, образованных в 1991 году на месте «империи СССР». «Национальные движения, — по утверждению одного из министров российского правительства, — сыграли позитивную роль в разрушении тоталитарных структур и в демократических преобразованиях»¹⁸⁹⁷. {471}

Что касается внутренней политики в СССР, то изначально в нем всякий национализм и сепаратизм расценивались как нетерпимое явление. Сталин еще в 1920 году изложил свое кредо на этот счет: «Требование отделения окраин на данной стадии революции глубоко контрреволюционно»¹⁸⁹⁸. Самоопределение наций вплоть до отделения и образования независимого государства, право на выход из СССР, конституционно закрепленные с образованием Союза ССР за ограниченным кругом субъектов советской федерации, в действительности носили демонстрационный характер и призваны были служить лишь показателем искренности намерений новой власти осуществлять демократические преобразования в сфере межнациональных отношений в стране и мире. Эти конституционные нормы выступали также своеобразной гарантией того, что федеральное правительство в СССР никогда не будет и не сможет действовать преимущественно в интересах «бывшей угнетающей нации».

Вместе с тем политика «уступок националам и национальным предрассудкам», представлявшая, по Сталину, собственно «нашу политику в национальном вопросе»¹⁸⁹⁹, имела определенные пределы. За центральной властью в СССР конституционно были закреплены совершенно исключительные, всепоглощающие права по отношению к членам федерации¹⁹⁰⁰, благодаря которым федеральные власти в любой момент могли обезвредить любую сепаратистскую деятельность в каком бы то ни было субъекте Союза. Государственное единство страны обеспечивалось также особым положением Коммунистической партии в политической системе советского общества. Партия эта с самого своего зарождения строилась на строго централизованных началах, не допуская даже духа федерализма в своих рядах. В итоге под внешним обликом федеративного строя в СССР изначально скрывалась, как отмечал профессор П. П. Гронский в 1925 году, «политическая действительность всевластной диктатуры Союзного ЦИКа, находящаяся в полном распоряжении Коммунистической партии»¹⁹⁰¹.

С учетом всего этого Сталин был по своему прав, воздавая должное русским царям и рассматривая большевиков в определенном смысле их преемниками.

7 ноября 1937 года И. В. Сталин выступил перед избранным кругом соратников, собравшихся за праздничным столом у К. Е. Ворошилова по случаю 20-летия Октября, с краткой, но примечательной речью, известной благодаря дневниковой записи генерального секретаря Исполкома Коминтерна Г. Димитрова. Речь эта имеет, на наш взгляд, большое значение для понимания сущности советского государства и сталинской национальной политики. По прошествии двух десятилетий после свержения царской власти Сталин стал усматривать в деяниях царей не только одни преступления, о которых повсечастно, начиная с 1917 года, трубили официозные средства массовой информации и пропаганды, но, как вдруг оказалось, и немалые заслуги. {472}

«Хочу сказать несколько слов, может быть, не праздничных, — произнес тогда Сталин и сразу принялся за реабилитацию своих далеких предшественников на посту руководителя страны: — Русские цари сделали много плохого. Они грабили и поработали народ. Они вели войны и захватывали территории в интересах помещиков. Но они сделали одно хорошее дело: сколотили огромное государство до Камчатки. Мы получили в наследство это государство». К середине 1930-х годов наследник царей, видимо, окончательно уяснил, что при распоряжении наследством надо исходить не только из интересов мировой революции, но, прежде всего, — из национально-государственных интересов страны. Поэтому Сталин стал видеть особую заслугу большевиков в том, что «впервые мы, большевики, сплотили и укрепили это государство, как *единое, неделимое государство* не в интересах помещиков и капиталистов, а в пользу трудящихся, всех *великих народов*, составляющих это государство. Мы объединили это государство таким образом, что каждая часть, которая была бы оторвана от общего социалистического государства, не только нанесла бы ущерб последнему, но и не могла бы *существовать самостоятельно* и неизбежно попала бы в чужую кабалу». Из этих констатаций Сталин сделал заключение, с полным пониманием и одобрением встреченное собравшимися. «Поэтому, — сказал он, — каждый, кто пытается разрушить это единое социалистическое государство, кто стремится к отделению от него отдельной части и национальности, он враг, заклятый враг государства, народов СССР. И мы будем уничтожать каждого такого врага, был бы он и старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью, каждого, кто своими действиями и *мыслями* покушается на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать». Не совсем праздничный тост был завершён призывом: «За уничтожение всех врагов до конца, их самих, их рода!», вызвавшим, как зафиксировал Г. Димитров, одобрительные возгласы¹⁹⁰².

Отмеченное «хорошее дело» царей не означало, что Сталин совсем излечился от пороков классового шовинизма в оценках прошлого страны. Иначе он вряд ли допустил бы 6 ноября 1941 года в докладе по случаю 24-й годовщины Октябрьской революции весьма рискованного, с патриотической точки зрения (и особенно — с учетом положения на фронте), сравнения: «По сути дела гитлеровский режим является копией того реакционного режима, который существовал в России при царизме. Известно, что гитлеровцы так же охотно попирают права рабочих, права интеллигенции и права народов, как попирали их царский режим, что они так же охотно устраивают средневековые еврейские погромы, как устраивал их царский режим»¹⁹⁰³. Нельзя не признать, что соотечественники, поставленные в тех условиях перед свободным выбором, скорее отдали бы предпочтение царскому режиму, но не гитлеровскому.

Тем не менее стоило бы обратить внимание на выделенные нами места в приведенном многозначительном тосте. Они свидетельствуют, что федеративное, по букве Конституции СССР 1936 года, государство {473} Сталин считал единым и неделимым. Ни о какой особой роли русского народа в этом государстве речи не было. Напротив, говорилось о великих народах во множественном числе. Очевидно, имелись в виду народы Союза, имевшие «свои» национальные образования в ранге союзных республик, ибо и в «исчерпывающих» подсчетах количества больших и малых наций, народностей и национальных групп в стране Сталин никогда не выходил за пределы числа «около 60»¹⁹⁰⁴. Сталинская речь позволяет также с большой уверенностью полагать, что титулы «первого среди равных» и «старшего брата» русскому народу были «пожалованы» отнюдь не ради закрепления за ним каких бы то ни было преимуществ перед другими нациями. Скорее, все это рассчитано на пропагандистский эффект и должно было одновременно и льстить национальному самолюбию народа, и служить ему в определенном смысле утешением, означая признание действительных заслуг в исполнении определенных ему еще при Ленине особых «интернационалистских обязанностей»¹⁹⁰⁵.

Из тоста «отца народов» вытекает далее, что пресловутое право наций на самоопределение вплоть до отделения при сталинском правлении единству страны не угрожало. Ибо всякий, кто мог, по Сталину, даже помыслить о предпочтительности какому-либо народу самоопределиваться вне СССР, квалифицировался как враг народа и контрреволюционер. По отношению же к последним сталинская власть была беспощадна. Сталин мог полагать, что дополнительным фактором, придающим особую прочность Союзу ССР, были многочисленные группы русского населения и исконно русские земли, включенные в состав национально-государственных образований других народов Союза. По логике, в случае попыток отделения какой-либо части, местные русские могли стать преградой сепаратизму. Расчет, как показали события 1991 года, не оправдался. Однако винить в этом Сталина вряд ли нужно. В 1937 году он имел основания заверить соратников, что, в условиях централизованной и в то же время причудливо федерализованной стране, конституционное право на отделение в реальности единству государства не только никак не грозило, но и не могло угрожать. Угрозу оно стало представлять позже, когда переродившаяся КПСС оказалась бессильной против сепаратизма окраинных националистов. Исключение из Конституции СССР статьи шестой, гласящей: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза»¹⁹⁰⁶, — означало лишение союзного государства важнейшей своей скрепы. Уничтожив ее, прорабы перестройки не смогли предложить взамен никакого иного столь же действенного устройства, способного так же надежно обеспечивать государственное единство многонационального Союза ССР. В результате Союз рухнул. По историческим меркам — в одночасье.

Развал СССР в конечном счете продемонстрировал эфемерность государства, построенного на принципах этнического федерализма, не распространенных при этом на самый крупный этнос — русскую нацию, принужденную строить свои отношения с другими народами страны по особым {474} принципам «интернационализма большой нации». Этот механизм решения межэтнических противоречий в полиэтническом обществе без дополнительных регуляторов типа сталинских ВКП(б), НКВД, НКГБ показал полную неэффективность, приведшую к распаду страны.

ПОЧЕМУ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОСУДАРСТВОВЕДЫ НЕ ЛЮБИЛИ ФЕДЕРАЛИЗМА

В дореволюционной России к федерализму как к принципу государственного устройства относились с большой настороженностью, не без оснований усматривая в нем опасность ослабления государства. «Говорят, наше государство должно сделаться федеральным, союзным, но где будет положен предел количеству федеральных областей, что останется за центральной властью, к каким областям и народностям это относится, — нам не говорят точно и обстоятельно. Неудивительно, что тогда многие города вспомнят о своих вольностях — Новгород, Псков, а за ними потянутся Тверь, и дело дойдет, пожалуй, до Москвы», — писал директор народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей в 1906 году¹⁹⁰⁷. В такого рода высказываниях, по существу, формулировалось неприятие федерализма просвещенными слоями общества.

Ученые государствоведы с еще большей убедительностью доказывали, что наибольшей прочностью и способностью концентрировать всю мощь государства в ответственные исторические моменты (отражение агрессии, решение других задач, требующих участия всех соотечественников) обладают унитарные государства. Профессор А. А. Жилин в 1912 году писал: «Превращение России в союзное государство, по нашему глубокому убеждению, было бы гибелью этого государства»¹⁹⁰⁸. А. С. Яценко, всю свою жизнь исследовавший проблемы федерации во всем мире, утверждал (1912), что создать в России федерацию, построенную по национальному признаку, невозможно: «Никакая областная децентрализация или федерация... не может разрешить национальный вопрос»¹⁹⁰⁹. К аналогичному выводу пришел видный государствовед Ф. Ф. Кокошкин. Построение российской федерации на начале национального разделения он расценивал в 1917 году как задачу «практически неосуществимую»¹⁹¹⁰. Перекроить политическую карту России по национальному признаку означало бы, согласно П. А. Сорокину (1917), «раздробить ее на сотни государств... на мордовское, малорусское, самоедское, латышское, грузинское, литовское, и т.д. В итоге мы получили бы такую картину, нелепее и утопичнее которой нельзя было бы ничего выдумать»¹⁹¹¹.

Государственное устройство Российской республики было предметом обсуждения Особой комиссии по составлению проекта основных законов при Временном правительстве. Разработку

Конституции России как парламентской республики во главе с Президентом, избираемым Учредительным собранием¹⁹¹², возглавлял один из лучших государствоведов России Н. И. Лазаревский, автор известных университетских курсов по русскому государственному праву¹⁹¹³. Выработанный им «Предварительный {475} проект статей основных законов по вопросу об автономизации (федерации)» исходил из базовой установки: «Государство Российское едино и нераздельно». Проект предполагал, что «в государстве Российском будет областная автономия». Предусматривалось, что «законы, издаваемые областными властями, не имеют обязательной силы, если противоречат... основным законам... изданным центральной государственной властью... и не основаны на законах, определяющих устройство и предметы ведения областных учреждений». Автономной единицей в составе России рассматривалась Финляндия, которой гарантировалась самостоятельность «на основаниях и в пределах, установленных законом о взаимных отношениях России и Финляндии, принятым Учредительным собранием (тогда-то), и формой правления, утвержденной (тем-то и тогда-то)»¹⁹¹⁴. Положения законопроекта были одобрены 17 октября 1917 года, но через неделю Российская Республика стала Советской.

Ставшие у руля Советской России вожди и учителя революционного пролетариата сначала были тоже сторонниками единого централизованного государства. Вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом они считали наиболее оптимальной формой развитых капиталистических и социалистических государств неделимую демократическую республику с подчинением всех ее частей единому центру. «Пролетариат, — писал в 1891 году Энгельс, — может употребить лишь форму единой и неделимой республики. Федеративная... уже становится помехой»¹⁹¹⁵. «Мы, — подчеркивал В. И. Ленин, — в принципе против федерации — она... негодный тип одного государства»¹⁹¹⁶. На Порошинском совещании ЦК РСДРП с партийными работниками в сентябре 1913 года была принята резолюция по национальному вопросу, которая вплоть до Октябрьской революции в России рассматривалась как программная декларация партии. Согласно резолюции, все что требовалось для достижения национального мира — это широкая областная автономия для всех областей России и вполне демократическое местное самоуправление¹⁹¹⁷. Будущее человеческой цивилизации марксисты связывали с переходом от разного типа союзных государств к вполне единой, централистически-демократической республике, и от нее — к безгосударственному общественному самоуправлению¹⁹¹⁸. Представления Сталина о государственном устройстве России излагались весной 1917 года в статье с характерным названием «Против федерализма»¹⁹¹⁹.

С высоты наших дней становится все более очевидным: отношения учителей народов России к федерализму определялись не предубеждениями, а предусмотрительностью. Однако предостережения не сработали.

УНИТАРИЗМ И ЦЕНТРАЛИЗМ КОНФЕДЕРАТИВНОГО СОЮЗА ССР

Федерация на основе автономии типа РСФСР в советской историографии чаще всего представлялась единством более прочным, нежели федерация на основе союза субъектов. Зависимость между этими явлениями не столь очевидна. Известные российские государствоведы убедительно разъясняли, что «государство может быть чрезвычайно централизованным, однако {476} федеральным. Это означает, что отдельные части государства участвуют в отправлении суверенитета, однако в государстве не выделен никакой определенный круг вопросов, который бы решался самостоятельно частями, а не центром. И наоборот, государство может быть построено на чрезвычайно широкой автономии частей и в то же время быть не федеральным»¹⁹²⁰. Автономия отличается от федерации не тем, что автономному образованию предоставляется меньше прав самостоятельности, чем государству — члену федерации. Отличие в том, что «государство выделяет в пользу автономной области или союза определенный круг законодательных административных и других полномочий не в полное распоряжение этой автономной области, а лишь при условии контроля, — будь то в форме санкции или опротестования законов, утверждения того или иного высшего должностного лица: изменения состава палат автономной области и т.д.»¹⁹²¹. Федерацию отличает от автономии не количественная степень суверенности, не степень единства, а различие отношения децентрализованной части государства с центром. По своей природе автономия таит в себе не меньшую опасность ослабления и распада государственных связей, чем федерация. Чем больше развивается автономность областей, различных по своей культуре и экономике, тем труднее становится осуществлять контроль из центра. Единство государства может не увеличиваться, а уменьшаться. Федеративное государство по своей природе ближе к централизованному государству, чем области, связанные между собой посредством автономного союза. Своеобразные задачи отдельных земель

могут беспрепятственно возрастать, но этот процесс идет не за счет центра, сохраняющего установленный круг полномочий¹⁹²².

В советской обществоведческой традиции представления об автономии и федерации в их отношении к централизму как бы поменялись местами. Произошло это, скорее всего, потому, что ссылки на «уникальность» государственного устройства были удобным поводом игнорировать и теорию федерализма, и отечественный исторический опыт.

Россия с петровских времен имела губернское деление. При Петре I было 8 губерний, в конце XVIII века — 50, к началу Первой мировой войны — 78. К 1917 году в границах нынешней Российской Федерации существовали 39 губерний и 9 областей. Губернии имели трехзвенную структуру: губерния — уезд — волость. Всю полноту власти осуществляли губернаторы. Имелись губернские и уездные дворянские собрания, а также волостные сходы как выразители интересов крестьянского сословия. Области в основном формировались на окраинах империи. В них в отличие от губерний не было дворянских собраний, земств. Чаще всего они совмещались с общинами казачества. Смежные губернии и области объединялись в генерал-губернаторства. На территории современной России их было четыре (Московское, Степное, Иркутское и Приамурское)¹⁹²³.

Считается, что история российской государственности, характеризующаяся постоянным включением в свое лоно новых территорий, всегда обнаруживала в своем устройстве элементы федерализма¹⁹²⁴. На наш {477} взгляд, точнее было бы утверждение: не федерализма, а автономности. Вряд ли можно говорить, что Финляндия и Польша, с одной стороны, Бухара и Хорезм, с другой, находились между собой в федеративных отношениях. Более всего они походили на автономные части единого государства¹⁹²⁵. Главам этих «автономий», так же, как и губернаторам, было непозволительно вмешиваться в общероссийскую политику¹⁹²⁶. Много общего с автономией имело и местное самоуправление частей государства с нерусским населением. Отличие простой самоуправляющейся области (города, уезда) от автономной обнаруживается в том, что органы местного самоуправления имеют предметом своего ведения местные интересы, одинаковые на всем пространстве государства, независимо от национальных, экономических и других отличий (например, вопросы здравоохранения, благоустройства и пр.). Органы автономии как органы политического самоуправления имеют предметом своего ведения интересы личности данной области¹⁹²⁷.

Таким образом, федерация, автономизация, централизованное государство представляют собой различные, оптимальные в определенных исторических условиях формы взаимодействия частей одного государства. А также — формы выражения, согласования и реализации интересов всего государства и его частей, интересов общегосударственных и частных. Происхождение союзных государств связано, конечно, с национальным вопросом, но не обязательно обусловлено только им.

В истории СССР федерализм имел в своей основе исключительно национальный вопрос. Утверждалось даже, что в однопациональных государствах федерализм «не имеет смысла»¹⁹²⁸. Понимание федерализма целиком определялось представлением о сущности национального вопроса и конкретных непосредственных задач, связанных с его решением. В январе 1918 года, отодвинув планы непосредственного строительства единой и неделимой социалистической республики, основатели Советского государства встали на точку зрения приемлемости федерализма, который по мере разрешения национальных противоречий должен был приобретать все более централистические формы.

Всемирная пролетарская республика казалась Ленину совсем близкой. Широко известны его слова о том, что большевики пошли на захват власти в России «исключительно в расчете на мировую революцию»¹⁹²⁹. После прихода к власти он неустанно призывал «идти на самые величайшие национальные жертвы... если это полезно развитию *интернациональной* рабочей революции»¹⁹³⁰. Когда, несмотря на жертвы, революции не случилось, он очень хотел, чтобы «пролетарская Советская республика, первая в мире свергнувшая свой империализм, продержалась до революции в Европе, раздувая пожар в других странах»¹⁹³¹. До конца дней своих Ленин выражал уверенность в близости и неизбежности международной революции. 13 марта 1919 года он внушал своим слушателям в «Железном зале» Народного дома в Петрограде: «Мы еще раз говорим себе и вам с полной уверенностью, что победа обеспечена за нами в мировом масштабе... Мы скоро увидим рождение всемирной федеративной советской {478} республики»¹⁹³². В последней статье В. И. Ленина «Лучше меньше, да лучше», продиктованной 2 марта 1923 года, утверждается: «Весь мир уже переходит теперь к такому движению, которое должно породить всемирную социалистическую революцию»¹⁹³³.

Таким образом, Ленин до конца дней своих оставался верен идее мировой революции и мировой федеративной советской республики, призванной окончательно разрешить национальный вопрос в стране и мире. Однако на практике удалось реализовать лишь самые первые, начальные этапы грандиозного замысла. После смерти вождя его ожиданиям по части мировой революции было не суждено сбыться, а «принципы» построения социализма в одной стране со временем стали все меньше походить на изначальные умозрения. К примеру, сразу же выявилось, что принцип права нации на самоопределение очень трудно осуществить на практике из-за одной непредусмотренной, но важной детали. Осуществление принципа требовало ясности представлений о том, что есть нация и какие народы могут «на законных основаниях» воспользоваться правом на образование национального государства, самостоятельного или в рамках федерации. Определенности в ответах на кардинальные вопросы — какие народы и в каких формах будут участвовать в строительстве советской федерации — не было никакой. Принцип «равенства и суверенности народов», провозглашенный в «Декларации прав народов России» 15 (2) ноября 1917 года¹⁹³⁴ предполагал соответствие федерального строя национальной структуре населения страны. Этот же принцип сам по себе не предполагал никаких различий между «равными и суверенными» субъектами будущей федерации. В жизни все было иначе. Можно сказать, реальная советская федерация строилась на принципиально беспринципной основе. На долговечность такой постройки вряд ли можно было рассчитывать. Поэтому она и не насчитала даже одного века своей истории.

К. Маркс и Ф. Энгельс имели явно суженные представления о народах, имеющих право на самоопределение. В 1866 году Энгельс отнес к числу «больших и четко очерченных наций Европы» Италию, Польшу, Германию и Венгрию. Причем польский народ, как преимущественно крестьянский, оказался в этом перечне в виде исключения. Его самоопределение должно было ослабить реакционную, по представлениям классиков марксизма, Россию. В отношении сербов, хорватов, русинов, словаков, чехов и других «мелких национальностей» тогда же было заявлено, что они уже превращены в составную часть более прогрессивных наций, их требования самоопределения ни в коем случае не стоило поощрять¹⁹³⁵.

Советской науке, несмотря на выработанное научное, как утверждалось, определение нации, внести ясность в вопрос о российских народах, субъектах самоопределения, тоже не удавалось¹⁹³⁶. В постсоветский период этим, по существу, никто не занимался. Однако считается, что в наше время «происходит увеличение российских национальностей». Согласно пособию «Что нужно знать о народах России» (1999), было 146 наций и народностей, а сейчас их насчитывается 176¹⁹³⁷. Создающееся таким образом {479} представление о значительном увеличении числа народов, проживающих в России, иллюзорно. В действительности на ее территории продолжают жить народы, зафиксированные в переписях изначалью. Оценки численности наций и национальных групп 1930—1950-х годов были продиктованы установками на нивелирование, сближение и слияние наций, лежавшими в основе представлений о тенденциях в развитии наций при социализме. В оценках Сталина эти установки сказались в наибольшей степени¹⁹³⁸.

Теоретическая неясность представлений о нациях, народностях, других элементах национальной структуры российского общества затрудняла определение положения различных народов в федерации. Видимо, внесение определенности в этот вопрос представлялось не столь уж и важным: федеральный строй России создавался не только наспех, но и как строение временное, обеспечивающее переход к полному единству трудящихся и к полному слиянию наций. Слияние представлялось возможным достичь в обозримой исторической перспективе. К примеру, Х. Г. Раковский, написавший в 1923 году, что создавшиеся после Октябрьской революции условия давали возможность изжить национальные особенности после «чрезвычайно длительного процесса, который будет тянуться, может быть, не десяток, а сотню лет»¹⁹³⁹, впоследствии обвинялся в национализме как раз за то, что отводил на решение национального вопроса «не десяток, а сотни лет»¹⁹⁴⁰.

В официозной литературе 1920-х годов утверждалось, что федерализм имеет «чисто инструментальное значение», выступает как «средство для изживания национального вопроса» и необходим лишь постольку, поскольку позволял «безболезненно преодолевать федеративные предрас судки крестьянских масс». Считалось, что по мере успехов на этом пути представители советских наций «будут переходить от защиты отдельных интересов этих наций перед Союзом к защите общих интересов Союза перед нациями»¹⁹⁴¹. Можно сказать вслед за М. П. Томским, что отношение к федерализму с первых лет существования СССР оставалось таким же, как и к национальным движениям вообще. К нему относились «как к неизбежному злу»¹⁹⁴².

Постоянно подчеркивавшаяся в советское время уникальность российского федерализма позволяла, с одной стороны, полностью игнорировать «буржуазные» научные представления о феде-

рации и других формах союзов народов и государств, а с другой — маскировать централизаторскую сущность советского федерализма. Видимо, этим объясняются возникавшие порой предложения вовсе отказаться от самого понятия «федерация» для характеристики Союза ССР. Наиболее отчетливо это прозвучало в выступлении А. И. Микояна в июне 1964 года при обсуждении проекта новой Конституции. Председатель подкомиссии по вопросам национальной политики и национально-государственного устройства говорил: «Юристы нам подбрасывают такую идею, чтобы союзное государство назвать федерацией. Мы исходим из того, что в истории много разных федеративных государств. Содержание же каждой республики другое. Название “федерация”, разберешься, а сущность другая. Возьмите Соединенные Штаты, Германию, {480} Австрию — это разные вещи. Если говорить о союзной федерации, то нужно указать разницу. И не случайно, что Конституция СССР не дает названия “федерация”. Нам нужно брать такие названия, которые здесь подходят. Это создано русской революцией»¹⁹⁴³.

В действительности Советский Союз был государством унитарным, с характерной децентрализацией ряда функций управления, в нем не было полной централизации. Унитаризм конфедеративного СССР (по признаку свободы выхода республик из союза)¹⁹⁴⁴ определялся особой, по сути, диктаторской ролью КПСС в государстве. Диктатура, «ничем не ограниченная, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненная, непосредственно на насилие опирающаяся власть»¹⁹⁴⁵ применительно к национальным отношениям и федерализму (как и в других отношениях) означала, что «вся юридическая и фактическая конституция Советской республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу»¹⁹⁴⁶.

АРХИТЕКТОНИКА ПОСТСОВЕТСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Нынешняя архитектура российского федерализма почти целиком досталась нам в наследство от 1920—1930-х годов. Распад СССР по существу мало что в ней изменил. По своей структуре постсоветский российский федерализм лишь приблизился к бывшему всесоюзному. На территории России, где перед революцией насчитывалось 48 губерний и областей, возникло 89 субъектов федерации (в 2003—2008 гг. их число сократилось до 83)¹⁹⁴⁷. За «республикообразующими» нациями закреплено право на государственный суверенитет с Конституцией, парламентом и президентом. За остальными — право на усеченный национальный суверенитет с Уставом субъектов РФ и правом избирать губернаторов. Многие из субъектов федерации до 1917 года представляли собой уезды и волости. Их нынешняя «суверенность» выражается зачастую лишь в претензиях на послабления в несении общегосударственных тягот и на безвозмездную помощь (с другой точки зрения — «замаскированную дань»¹⁹⁴⁸) со стороны Центра, иначе говоря, все того же «Старшего брата».

Из-за стремления создать наиболее благоприятные экономические условия для отсталых наций границы национально-территориальных образований, вопреки принципу самоопределения, расширялись за счет включения в их пределы очагов промышленности и районов с русским населением. Несмотря на это, большинство субъектов вплоть до наших дней не может обходиться самофинансированием, дотируется из общегосударственного бюджета; полномочия оказываются для них «явно не карману»¹⁹⁴⁹. В 1993 г. общая сумма субвенций составляла 296 млрд. руб., кроме того, на покрытие расходов, превысивших доходы было истрачено 1302,6 млрд. руб.¹⁹⁵⁰ Ситуация не менялась и в последующие годы¹⁹⁵¹. В 1996 г. доля собственных доходов в расходах в расчете на душу населения составляла: в Республике Северная Осетия (Алания) — 35,7 %; в Республике Алтай — 29,4 %; в Республике Калмыкия — 27,2 %; в Усть-Ордынском Бурятском {481} автономном округе — 25,9 %; в Республике Тыва — 23,4 %; в Республике Дагестан — 17,4 %, в Агинском Бурятском автономном округе — 17 %; в Корякском автономном округе — 15,3; в Чеченской Республике — 10,5 %; в Республике Ингушетия — 6,7 %¹⁹⁵². Представители некоторых российских национально-государственных образований хотели бы сохранить подобную практику и на будущее. Сначала надо преодолеть различия в уровнях экономики, в социальной сфере субъектов РФ, «а уже потом думать об их укрупнении», — таков, например, взгляд председателя парламента Ингушетии на эту проблему¹⁹⁵³.

Глубоко укоренившаяся в практике федеральных отношений традиция давать национальным образованиям особые привилегии в сравнении с другими субъектами федерации вызывает растущее недовольство «русских» областей и краев. Несмотря на это, нерусские национальные элиты пытаются как бы увековечить свои привилегии, «и если растут права областей, то лидеры республик стремятся повысить свои права еще сильнее»¹⁹⁵⁴. В частности, они выступали против объеди-

нения российских регионов в ассоциации социально-экономического взаимодействия («Северо-Запад», «Центральная Россия», «Черноземье», «Северный Кавказ», «Большая Волга», «Большой Урал», «Сибирское соглашение», «Дальний Восток и Забайкалье») ¹⁹⁵⁵ и включения их глав в президиум правительства России. «Большинство субъектов-республик... против укрупнения, поскольку осуществление этой идеи создает де-факто новые республики, уже не на этнотерриториальной основе» ¹⁹⁵⁶. Похоже, эгоизмом национальных элит блокируется та самая брешь, через которую лежит дорога к реальному федерализму.

Ныне идеология национальной политики существенно разнится с идеологией советских времен: отброшен тезис о слиянии наций, дезавуированы концепции о «старшем брате» и «новой исторической общности», нет речи о нации, обязанной «выравнивать уровни». Поэтому правомерной становится постановка вопроса о том, что субъекты федерации должны существовать, если это отвечает интересам народов. Однако они должны функционировать в этнических границах и соразмерять свои расходы с собственными экономическими успехами. Необходимо менять основы сложившейся в годы советской власти национальной политики, которая не только позволяла национальному Центру «покупать лояльность национальных элит за счет постоянного “подкармливания” национальных регионов путем перераспределения национального дохода из русских территорий» ¹⁹⁵⁷, но и создавала реальную возможность местным националистам заполучить совокупное большинство должностей в органах государственной власти и «командовать русскими, принимать такие решения, которые бы позволяли перераспределять значительную часть общедеряльного бюджета в свою пользу» ¹⁹⁵⁸. Это значит, что совершенствование федерализма в России не может не предусматривать решение русского национального вопроса, освобождение от своеобразной русофобии, перенятой от революционных годов. {482}

ЭТНИЧЕСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ — НЕУСТОЙЧИВОЕ ГОСУДАРСТВО

Ныне, когда сняты запреты на критику большевистской теории национального вопроса, все отчетливее выявляется ее эклектичность. В сущности, в теории были объединены деструктивные и несовместимые национал-нигилистские и национал-сепаратистские положения. Национальные движения рассматривались исключительно как союзник на пути к мировой революции. Поддерживалось все, что максимально дестабилизировало буржуазные режимы с целью установления пролетарской диктатуры. Наиболее соответствующим этой цели считался лозунг о праве наций на самоопределение вплоть до отделения. Программа решения национального вопроса на основе культурно-национальной автономии, не предполагающая перекройку государственных границ многонациональных государств, была отвергнута как неревOLUTIONционная и «националистическая» ¹⁹⁵⁹.

С такими же целями с 1918 году был официально принят на вооружение федерализм как принцип государственного устройства и как способ разрешения национального вопроса в России и мировом масштабе. Принят он был сначала из сугубо тактических соображений для расшатывания буржуазных государств и вовсе не предполагал действительной федерализации. В дальнейшем временная мера превратилась в постоянную, а затем стала рассматриваться как едва ли не единственно возможная. Распад Союза ССР произошел при попытке наполнить федеративное устройство «реальным политическим и экономическим содержанием» ¹⁹⁶⁰. М. С. Горбачев утверждал в своем выступлении на I съезде народных депутатов РСФСР 23 мая 1990 года, что мы «не жили в Федерации... Мы должны еще пожить в ней, чтобы окончательно сделать выводы», призывал «возродить идею Ленина о союзе суверенных государств» ¹⁹⁶¹. Б. Н. Ельцин начинал свое восхождение к президентской власти тоже с обещаний в ленинском духе, — «дать самостоятельность всем автономиям» ¹⁹⁶², заключить «конфедеративный договор внутри всей России», закрепить за субъектами такую долю самостоятельности, которую они могли бы «переварить» ¹⁹⁶³. Отвлекаясь от физиологии, он говорил: «Автономные республики, в частности, Татария, Башкирия, должны стать суверенными и получить статус союзных республик» ¹⁹⁶⁴.

Призывы Ельцина пришлись по душе немалому числу теоретиков и практиков политического процесса, развивавших мысли о том, что «Россия может состояться... только как конфедеративный союз земель и народов», «конфедеративное устройство — это высшая цель и наиболее удачная форма федерации», и она «жизненно необходима как в целом для России, так и для всех ее субъектов» ¹⁹⁶⁵. В унисон с российскими конфедералистами выступали зарубежные «доброхоты» россиян, в частности, известный Збигнев Бжезинский. «Шансы России на будущее развитие улучшились бы, — внушал он по радио “Свободная Европа” 15 сентября 1998 года, — если бы Россия как федерация состояла из трех основных частей: Европейской России, Центральной России и Дальневосточной России. При

такой конфедеративной организации отдельные регионы могли бы гораздо лучше развивать региональные торговые связи с окружающими торговыми зонами, нежели при сопутствующей системе»¹⁹⁶⁶. {483}

Устояв против конфедеративного искуса, творцы новой России склонились все-таки к убеждению, что наиболее рациональная концепция устройства государства заключена в федерализме¹⁹⁶⁷. Основным законом страны, спешно принятым в своеобразных условиях отрезвления от не в меру употребленного суверенитета разными властными структурами после октябрьского (1993) вооруженного противостояния парламента и президента, было установлено: «Россия есть демократическое федеративное государство с республиканской формой правления»¹⁹⁶⁸. В июне 2000 года Конституционный суд России внес существенное уточнение в представления о российской государственности. Положения конституций ряда республик в составе Российской Федерации об их суверенитете были признаны не соответствующими Конституции РФ¹⁹⁶⁹.

Однако это вовсе не значит, что к настоящему времени в России утвердился федерализм, соответствующий общемировым тенденциям и вполне жизнеспособный в российских условиях. По оценкам специалистов, здесь «до конца XX в. не только не сформировались подлинно федеративные структуры, но даже не возникли их реальные проекты»¹⁹⁷⁰. В стране наблюдаются лишь отдельные проявления принципов федерализма (в основном в сфере нормотворчества), однако «отсутствует скоординированная политика, направленная на формирование основ реальной федерации»¹⁹⁷¹. Е. С. Строев (председатель Совета Федерации Федерального собрания РФ в 1996—2001 гг.) полагал, что Россия имеет «очень рыхлое государственное устройство», федеративное государство подменено договорным, в котором «одному субъекту России дается столько полномочий, сколько он проглотит, а другим — фактически ничего»¹⁹⁷². Неспособность федерации реализовать свою компетенцию чревата обособлением регионов в удельные княжества, превращением ее в конфедерацию или, как прогнозировал Г. А. Явлинский (руководитель партии «Яблоко» с 1995 г.), во фрагментированную систему авторитарных режимов и компрадорских образований¹⁹⁷³. В. В. Путин, представляя в июле 2000 года очередное ежегодное Послание Президента Федеральному Собранию, был вынужден признать, что вместо полноценной федерации «у нас еще есть, у нас создано децентрализованное государство»¹⁹⁷⁴.

Обращение к литературе, содержащей критический анализ отечественного федерализма, обнаруживает такие его характеристики: средоточие парадоксов, противоречий и предрассудков, дефективный результат псевдосуверенизации¹⁹⁷⁵ «местечковый» или «удельный» федерализм, ведущий страну в тупик¹⁹⁷⁶. Расхожими стали сравнения федерации с кентавром, созданным и по этнонациональному, и по территориально-административному принципам. Российская Федерация иерархична и асимметрична, субъекты федерации несоизмеримы по своему весу («федерация слонов и муравьев»); она напоминает матрешку, одни ее субъекты входят в другие. Соотношение частей в сложносоставных субъектах (Тюменская область, Красноярский край и равноправные с ними, но тем не менее включенные в них автономные округа) будто бы оправдывает утверждение {484} одного из литературных персонажей Ярослава Гашека о том, что внутри земного шара имеется другой шар, значительно больше наружного.

Практический опыт российского федерализма вселяет мало оптимизма. «Государство, — пишет А. Б. Зубов, — во многом потеряло управляемость и распалось на множество полунезависимых субъектов, в которых не исполняющиеся федеральные законы подменяются собственными, часто противоречащими самой сути российской Конституции»¹⁹⁷⁷. По данным Генпрокуратуры, на январь 1999 года 30 % издаваемых в регионах актов не соответствовали федеральной Конституции; из 21 республиканской конституции 19 не соответствовали федеральной¹⁹⁷⁸. Выяснилось также, что большинство субъектов (от 59 до 82 из 89) экономически не самостоятельны, «в стране отсутствуют экономические предпосылки федеративной государственности»¹⁹⁷⁹. С неподдельным изумлением взирают на нашу федерацию западные соседи. Некоторыми из них она воспринимается как самоубийственная по своей сути, «придуманная некомпетентной и трусливой интеллигенцией федерация неравноправных, непокорных автономий»¹⁹⁸⁰.

Анализ преобразования России из фактически унитарного государства в федерацию в 1990—1993 годах и ее дальнейшего развития порождает большое сомнение в истинности заключения Р. Г. Абдулатипова (1999) о том, что «унитаризм для России — это диктатура, тоталитаризм, конфедерация — это развал, а федерация — демократическое государство»¹⁹⁸¹. Федеральный фетишизм игнорирует и отечественный, и зарубежный опыт. История свидетельствует, что национальный вопрос в полиэтнических государствах успешнее всего решается в рамках унитарных государств, в которых центр делегирует национальным автономиям часть своих полномочий, а не наоборот.

Известно, что из 189 стран современного мира в 58 государствах приняты юридические структуры, основанные на федеративных принципах, однако только 15 стран избрали федеративные принципы государственного устройства¹⁹⁸². Известно также, что 27 из 44 федераций, образованных на планете за последние два века, потерпели неудачу, либо распавшись, либо став унитарными государствами¹⁹⁸³. Наиболее существенным при этом является то, что в мире нет ни одной благойствующей многонациональной федерации, субъекты которой были бы образованы по национальному признаку. Существующие в мире федерации, независимо от способа их возникновения, основаны, как правило, не на союзе государств, а на автономии их составных частей. Только в Эфиопии конституция признает суверенитет наций, национальностей и народностей. Однако и в этом случае суверенитет самих субъектов федерации, штатов не провозглашается в целях ликвидации потенциальных проблем. Характерно, что ни одна из бывших союзных республик, имевших в своем составе автономные образования, не пошла после распада СССР по пути федерализма.

Ныне даже руководители КПРФ, наследницы партии, легализовавшей федерализм в нашей стране, сознают, что «судьба федерации в России вовсе {485} не предопределена, федеративное устройство еще не прошло проверку временем», события в нашей стране после 1991 года «говорят скорее против, чем за федерацию»¹⁹⁸⁴. Оправдываются предостережения выдающегося русского философа и правоведа Ильина о губительности для России федеративной формы государственности¹⁹⁸⁵. К концу 1990-х годов ученые все убедительнее доказывают, что все произошедшее в России после октября 1917 года чуждо русскому национальному правопорядку, возвращение к нему есть нравственная необходимость и политическая цель. Россия никогда не была федерацией и впредь должна быть не федерацией, а унитарным государством, гарантирующим права всех российских народов на их свободное развитие¹⁹⁸⁶.

Однако новая Россия, несмотря на провозглашенный принцип уравнивания в правах национальных единиц (автономий) и административных регионов, по сути, продолжает функционировать на основе этнического федерализма. Об этом свидетельствуют и создание осенью 1992 года консультативного органа Совета глав республик как возможного противовеса сначала Верховному Совету Российской Федерации, а затем — Федеральному Собранию; и сохранение экономических льгот республикам РФ в обмен на политическую лояльность¹⁹⁸⁷. К сожалению, и другие изменения, произведенные при реформировании национально-государственного устройства в суверенной Российской Федерации, пока еще мало выходят из круга идей, известных по отечественной истории 1922—1985 годов. Все, что они содержат «нового», чаще всего есть возвращение к предложениям, апробированным при Сталине и тогда же показавшим свою ограниченность или несостоятельность. Это, в частности, касается предложений возродить национальные районы и национальные сельсоветы, шире использовать элементы культурно-национальной автономии в виде дополнения к существующим территориальным национально-государственным и административно-территориальным образованиям. Культурно-национальная автономия как возможная основа федерации даже не рассматривалась. В большевистской традиции она расценивалась как утонченный национализм, который, конечно же, «был выметен советской метлой вместе с его бундовско-эсеро-меньшевистскими апологетами»¹⁹⁸⁸.

Особенно показательным в этом отношении является история с нижними этажами федеративной постройки в СССР. Как известно, советский федерализм в своем наиболее развитом виде включал помимо союзных и автономных республик, автономных областей и округов еще национальные районы (250 — на январь 1933 г., 240 — на июль 1934 г., около 100 — на 1937 г.) и национальные сельсоветы (5300 в 1933—1934 гг., свыше 11 тысяч в 1937 г.). По данным на 1934 год, к категории национальных были отнесены каждый десятый район и каждый восьмой-девятый сельсовет в стране¹⁹⁸⁹. Однако в Конституции СССР 1936 года и разработанных на ее основе конституциях союзных республик эти нижние этажи советской федерации не были узаконены. С этого времени дробление государства по этническому признаку было «заморожено»¹⁹⁹⁰ и процесс территориального строительства {486} государства, по существу, пошел в новом направлении. 17 декабря 1937 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О ликвидации национальных районов и сельсоветов». В соответствии с духом времени при обосновании этой меры отмечалось, что многие из районов (немецкие, финские, корейские, болгарские и т. д.) «были созданы врагами народа во вредительских целях»¹⁹⁹¹. К началу 1940-х годов целый ряд национальных районов был расформирован, национальный статус нерасформированных уже не подчеркивался. Объяснение этому стоит искать в том, что именно на нижних и наиболее массовидных этажах федеративной постройки абсурд одновременного наличия «национальных» и «ненациональных» образований в государстве, все жители которого в обязательном порядке фиксировали свою национальность в анкетах и пас-

портах, становился наиболее очевидным. В действительности все районы в одинаковой степени могли считаться национальными, ибо официального статуса граждан, не имеющих национальности, в СССР не существовало. Основную массу «ненациональных» районов, конечно же, составляли районы с русским населением. С упразднением нацрайонов и нацсельсоветов из лексикона средств массовой информации вытеснялись также понятия: «национальное меньшинство», «нацмены». Предполагалось, что проблемы соответствующих групп людей к концу 1930-х годов были успешно решены¹⁹⁹².

С учетом изложенного можно утверждать, что новшества, отличающие постсоветскую национальную политику от советской, пока еще не способны преодолеть фундаментальных недостатков прежней псевдофедерации и официальной «национальной идеи», суть которой, несмотря на декларируемый «расцвет социалистических наций», сводилась к ускоренной денационализации последних и преодолению национальных различий в обществе.

Крах советской системы национальных отношений в огромной степени предопределяло русофобское основание национальной политики большевиков. Оно заключалось, конечно же, не в инициировании каких-то особых гонений и геноциде русского народа, а в боязни («фобии») власть предержащих русского национализма — естественной приверженности русских, впрочем, как и любого другого народа, своим национальным традициям, культурным и духовным национальным ценностям. Русский национализм, всегда отождествлявшийся властью не иначе как с шовинизмом, расценивался ею как главное препятствие при осуществлении «подлинно интернационалистской» политики, бросавшей вызов идее нации и ее неотчуждаемым правам, национальной культуре как таковой.

О ПОЛЬЗЕ ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕИ

История попыток построения общегосударственной общности людей на отрицании национальных ценностей русского и других народов России и СССР свидетельствует также о громадной значимости русской и российской национальных идей, необходимости их разработки, постоянного обогащения и культивирования. В конечном счете именно ослабление {487} чувства национальной идеи привело к трагическим последствиям — ниспровержению вековых устоев народной жизни, гибели миллионов людей, разрушению российской государственности, существовавшей три четверти века в форме Союза ССР.

Русскую идею не следует отождествлять с российской, как это нередко делается и в наши дни. В. А. Дьяков, например, отказывает русской идее в праве на существование из-за опасности ее истолкования в этнонациональном духе, ведущем к шовинизму и национальной исключительности. «По этнологическим и историческим условиям, — пишет он, — для нашей страны гораздо более подходит государственно-национальный подход, трансформирующий «русскую идею» в идею российскую»¹⁹⁹³. Такой подход не представляется единственно верным не только из-за своеобразной презумпции виновности по отношению к национальной идее как таковой (русская идея — ее разновидность), но и потому, что сознательные попытки «трансформации» национальной идеи в наднациональную (идею новой исторической общности — советского народа) успехом, как известно, не увенчались. Русскую и российскую национальные идеи не следует отождествлять потому, что каждая из них имеет свое содержание, или, как говорит А. И. Солженицын, «свой объем понимания»¹⁹⁹⁴.

Русская национальная идея сегодня, как и во все другие времена, — это выражение ее жизненных интересов и целей, определяющих оптимальное поведение человека на пользу себе и обществу (нации)¹⁹⁹⁵. Русская идея сегодня — это осознание русскими людьми, народом в целом своей идентичности, общего пути, общих задач, общей ответственности и обязанности строить лучшее, гуманное и справедливое общество. Аналогичная идея есть (должна быть) у каждого из российских народов. Интегральная же российская идея является (должна стать) делом всех российских народов. Это — осознание необходимости отыскания народами России новой формулы российской государственности, способов совместного преодоления кризиса, выживания, самосохранения, самопреобразования ради достойного существования и сосуществования, взаимообогащения, органичности соединения различных народов, культур, традиций, конфессий в единой политической российской нации. Иначе говоря, российская идея есть осознание российской идентичности во имя благополучия и процветания российской нации как согражданства.

Выработка и принятие ныне действующей Конституции России, последующие события народной жизни с особой силой выявили потребность россиян в общенациональной идее, которая

объединяла бы и вводила национальные чувства в русло подлинного патриотизма. Поиск такой идеи далеко еще не завершен. Краткая, понятная и принятая большинством сограждан формула не выработана. В прошлом, как известно, национальная идея выражалась в ряде сменяющих друг друга идеологем. С середины XI века в этом качестве выступало утверждение киевского митрополита Илариона: «Истина и благодать — в законе Христа, а не Моисея», в котором закон Христа, устанавливавший равноправие между народами, принявшими {488} христианство, противопоставлялся закону Моисея, распространявшемуся лишь на один еврейский народ. С первой половины XVI века известна теория монаха псковского Елеазарова монастыря Филофея «Москва — третий Рим», утверждавшая идею преемственности ведущей роли Москвы, Русского государства в православном христианском мире после утраты ее Римом и Константинополем. В 1830 году товарищем министра народного просвещения графом С. С. Уваровым была предложена формула «православие, самодержавие, народность». Одобренная царем, она вплоть до 1917 года оставалась основой народного образования и воспитания. С 1917 года новая власть утверждала в сознании россиян «истинность» формулы «коммунизм — светлое будущее», во имя которого народ должен был строить, одолевая врагов, терпеть лишения в настоящем ради приближения прекрасной цели¹⁹⁹⁶.

Со времен горбачевской перестройки в качестве некоего аналога национальной идеи стала усиленно насаждаться идея «вхождения в мировую цивилизацию». Такая постановка цели не принесла лавров ее автору. Вскоре эта идея эволюционировала в ельцинско-гайдаровскую задачу «вхождения в рынок» и, через него, опять же включение страны в общецивилизационный поток. При этом считалось, что «демократической России» национальная идея не нужна и даже опасна (опять она, русофобия!), ибо демократия и патриотизм несовместимы. Объективно такие идеи обрекали Россию на роль маргинала «мировой цивилизации», одной из подчиненных структур мирового рыночного хозяйства¹⁹⁹⁷. Реакция отторжения «низов» (народа) от «верхов» (идеологов) в этой связи вынуждала последних внимательнее смотреть на ведущиеся в стране поиски новой объединяющей общество идеи, в которой бы нашли свое место «демократия», «многоукладность», «многопартийность», «рынок», «связь с Западом», «эффективное управление», определенного рода «социальная справедливость», «демократический патриотизм (национализм)» и другие ценности¹⁹⁹⁸.

В поиск национальной идеи и ее краткой формулы включилась, в частности, правительственная «Российская газета», отражая его с августа 1994 года под рубрикой «Национальная идея и идеал нации»¹⁹⁹⁹. Размышления и предложения на эту тему тиражируются и другими средствами массовой информации. К достижениям на пути поисков следует отнести, прежде всего, само осознание того, что идеи либерализма, демократии и рынка, поднятые на щит в качестве главных лозунгов «переходного периода», никак не могут претендовать на роль общенациональных вдохновляющих символов: ради них массы явно не желают и не будут класть свою жизнь или все силы на алтарь Отечества.

Еще более далеко от признания в качестве общенациональной идеи предложение России просто стать Западом, или нормальным полноправным членом Европейского сообщества. По мнению кельнского профессора Г. Симона, лозунг «Возвратимся в Европу!» близок практически всем полякам, выражая в самом общем виде польский консенсус — национальную мечту Польши. Но он с сожалением отмечает, что русской мечты такого {489} рода «увы, не существует»²⁰⁰⁰. Действительно, трудно рассчитывать на то, что русские и россияне вдохновятся идеей уподобления кому-то. Известная японская формула «Возьмем все полезное с Запада, но останемся сами собой» явно выигрывает в сопоставлении с вариантом национальной идеи в трактовке немецкого профессора.

Вряд ли могут рассчитывать на успех описания национальной идеи, воплощаемые в пространственных политических программах, равно как и в наборах ценностей, якобы наиболее близких россиянам. В. В. Бакатин, к примеру, полагал, что российская национальная идея может быть наиболее адекватно выражена в рамках «единство, очищение, процветание»²⁰⁰¹. По мнению Ф. М. Волкова, сегодняшний национальный идеал должен органически включать в себя такие «дорогие и близкие сердцу каждого россиянина высшие ценности как свобода, единство, процветание, труд, счастье, достаток, равенство, согласие, душевная чистота»²⁰⁰². Историк В. В. Кудрявцев писал, что российская национальная идея заключается в осознании всеми жителями России себя россиянами, преодолении ими этнического национализма, идея эта может быть выражена простым лозунгом «Россия для россиян!»²⁰⁰³ В. В. Аксютин считает достаточным для выражения сущности русской идеи двух составляющих. «Бог и Отечество — формула русской идеи», — утверждает сопредседатель думы партии «Российское христиан-

ское демократическое движение»²⁰⁰⁴. Татьяна Глушкова стояла на стороне тех, кто полагал: «Русская идея — это социализм», считая при этом, что вторая часть формулы должна звучать — «русский социализм», означающий единственную альтернативу («русскую альтернативу») западной цивилизации, ведущей человечество к гибели. «Русский социализм, основоположенный Сергием Радонежским, мечтавшийся Достоевскому, обдумывавшийся П. Флоренским и живущий теперь в душах генетически-русских людей», — говорила о нем писательница²⁰⁰⁵.

Попытку обобщить имеющиеся «наработки» в формулировании национальной идеи принял в свое время В. Ф. Шумейко. На одной из встреч с журналистами он сообщил, что «прочитал программы абсолютно всех политических движений» и намерен предложить «создать единую идею для России на основе того, что в этих программах есть общего». Таковыми он считает положения «о патриотизме, державности и благосостоянии всего народа». На этом основании «в качестве государственной идеи» предложено триединство такого рода: «превосходство духовного над материальным, превосходство добра над злом и превосходство нормального материального достатка над богатством»²⁰⁰⁶. Иными словами, предлагается формула «духовность, добро, достаток», которая, как представляется, вряд ли может говорить об удачном завершении поиска краткой формулировки национальной идеи.

Одна из заявок на решение этой задачи предложена в концепции, обнародованной академиком Г. В. Осиповым. «Настоящее общее дело, на основе которого может возникнуть настоящая человеческая идеология, — пишет он, излагая исходные положения концепции, — должна сочетать такие качества, как: быть добровольным, позитивным, осуществимым; затрагивать {490} интересы большинства, выгодным и обществу, и человеку, и государству; основываться на возвращении к хорошему в прошлом». Автор отвергает цель реформ, осуществляемых ныне, доказывая, что «построение» капитализма в России в условиях, когда мир стоит перед выбором: или отказ от рыночно-потребительской экономики, или глобальная катастрофа, — это тупиковый путь, трагические последствия следованию которого уже налицо. Гибельным для России автор считает и возврат к социализму в том виде, каким он был в СССР до начала перестройки. Человечество в своем развитии, полагает далее Осипов, помимо «дикости» и «варварства» прошло также этап «цивилизации» в двух ее формах — рыночно-потребительской индустриальной экономики (капитализма) и государственно-бюрократической индустриальной экономики — социализма. И та и другая разновидности цивилизации поставили, в конечном счете, под угрозу жизнь на планете Земля. Поэтому «Россия вовсе не должна включаться в так называемую западную цивилизацию, а вместе с последней продолжить путь перехода к постцивилизации»²⁰⁰⁷. Это положение является центральным звеном предложенной концепции.

В качестве антипода основным идеям государственно-бюрократического социализма, рыночно-потребительского капитализма, идеям духовной деиндивидуализации, авторитаризма могла бы стать, полагает Г. В. Осипов, новая триада идей (под старой имеется в виду «самодержавие, православие, народность», сыгравшая, по мнению автора, свою положительную роль в истории России). А именно: «духовность, народовластие, державность». Каждая из составляющих новой формулы государственной российской идеи имеет свое содержание. *Духовность* означает отнюдь не веру в монарха или православие. Она выражает прежде всего нравственные начала общественной жизни и моральные нормы поведения в обществе, включая терпимость, уважение к различным мнениям, конфессиям; стремление к сотрудничеству, примат добра над злом; приоритет интересов Родины перед всеми другими интересами. *Народовластие* (демократия) предстает как антипод авторитаризма, тоталитаризма, государственно-бюрократического капитализма и социализма, как обслуживание народа государством (а не наоборот), как власть закона, а не политических крикунов, непримиримых националистов. *Державность* понимается как воссоздание взаимодействия сосуществующих народов в рамках целостного геополитического пространства, служащего условием сохранения русского и других объединившихся с ним народов в целях избежания геноцида, истребления. Именно державность, по мнению Осипова, являет собой форму перехода к постцивилизации²⁰⁰⁸.

Важнейший аспект современной национально-государственной идеологии нашел отражение в обстоятельной статье Н. А. Павлова «Русские: время выбора» (1995). Главную причину катастроф 1917 и 1991 годов в отечественной истории автор с полным, на наш взгляд, основанием усматривает в ослабленности русского национального самосознания. Денационализаторская политика советской власти неизбежно влекла за собой {491} дальнейший упадок государственно-политической воли нации, отчуждение ее большинства от государства, угрозу растворения русских среди других племен и народов. Обращая внимание на факт принципиального значения, за-

ключающийся в том, что основная масса россиян в декабре 1991 года не восстала против разрушения СССР, автор дает ему политически и психологически точное объяснение. «Русский народ всем своим существом уже давно ощущал абсурдность ситуации, когда его по старой инициативе В. Ульянова-Ленина поставили в неравноправное положение по отношению к другим народам и нациям. И хотя жаль государства под названием “Союз”, но и себя хоть немного, но тоже жаль, — пишет Павлов и заключает: — Народ в этой ситуации всего лишь проявлял, пусть и в ослабленном виде, инстинкт самосохранения»²⁰⁰⁹. Уже осенью 1989 года стало широко известно, что из бюджета РСФСР ежегодно уходит 70 млрд рублей в бюджеты других республик²⁰¹⁰. В национальных республиках все явственнее давали о себе знать процессы «выдавливания» русских, их превращение в дискриминируемое национальное меньшинство. Особого желания выступать в таких условиях за сохранение в неизменном виде Союза ССР у русского народа в 1991 году, естественно, не обнаружилось.

Н. А. Павлов относится к числу сограждан, полагающих, что и ныне «в России нет еврейского, татарского, немецкого или китайского “вопроса”. В России есть один основополагающий вопрос — это вопрос русский. Вопрос развитого, полноценного, активного, дееспособного национального самосознания. И русское национальное движение в первую голову должно заниматься... собственно русской нацией, решать ее задачи». Констатируя ширящиеся проявления русофобии, «антирусские по сути планы восстановления в прежнем виде СССР», интернационалистический характер большинства основных политических партий, Павлов утверждает, что собственно русские интересы в стране по-прежнему никто не представляет и не защищает, в то время как почти все другие национальные группы России имеют государственное и политическое представительство, консолидированную политическую элиту. В условиях, когда речь идет о самом существовании русских как нации, автор считает совершенно необходимым работать именно над формированием русского национального движения и построением «нормального единого российского государства», в котором соотечественники ясно сознают, «что все сегодняшние “государства” в рамках РФ существуют исключительно благодаря доброй воле русских и что их дальнейшее существование будет зависеть от неукоснительного соблюдения в этих “государствах” равных прав и возможностей граждан независимо от национальной принадлежности и отказа от малейших попыток сепаратизма»²⁰¹¹. Не «возрождение» и «расцвет», по мысли автора цитируемой статьи, должны бы являться ныне непосредственной целью национальной политики. Основная идея, которая должна стать в наши дни доминантой общественного сознания, наиболее точно выражена в 1856 году словами государственного канцлера А. М. Горчакова: Россия и русские должны *сосредоточиться*²⁰¹². {492}

Сосредоточение предполагает освобождение национальной идеи от мессианства и утопизма и учет специфики развития российского общества. Известно, что выход растительной биомассы с единицы площади в России в 2—2,5 раза ниже, чем в странах Европы, и в 3—5 раз ниже, чем в США. Больших затрат требует обеспечение необходимого теплового режима зданий и жилья (толщина стен и глубина фундаментов жилых и хозяйственных построек, инженерные коммуникации, отопление). Освоение российских запасов природных ископаемых, лежащих вдали от центров переработки, обходятся в 6—7 раз дороже. Это означает, что и при одинаковом технологическом уровне со странами Запада, затраты на единицу продукции в России будут гораздо значительнее. В этих условиях национальная идея должна быть сориентирована в первую очередь на обеспечение экономической самодостаточности государства, прекращение перекачки за бесценок полезных ископаемых за рубеж, установление экономически обоснованных цен на российские ресурсы и западную технику и технологию. Сосредоточение не предполагает ориентации на непрерывную и быструю победу в экономическом и военном соревновании с ведущими мировыми державами. В советское время наши государственные лидеры явно поддавались такому искушению и проигрывали. «Чтобы нас совсем уморить, — говорил в 1994 году Н. И. Рыжков, — была нам навязана гонка вооружений. И так 40 лет изматывали. Приходилось вместо дорог строить ракеты, а вместо домов — танки... Ладно еще хватило ума не пойти на эту СОИ... Надо признать: мы были в два раза беднее США, вдвое слабее экономически. А значит, и поддерживать военный паритет нам было в два раза труднее»²⁰¹³.

Прослеживая модификацию основной идеи, определявшей государственную политику в нашей стране, Ф. М. Бурлацкий считает, что во времена Сталина не удалось до конца отрешиться от идеи мировой революции и повернуть страну на традиционный путь великодержавия²⁰¹⁴. Наступившая после него эпоха великой реформации тоже не разрешилась какой-то общенациональной идеей, способной осветить наш путь в будущее. Не стали общенациональными и идеи демократии

и рынка, заполнившие духовный вакуум в период Горбачева и Ельцина. С полной уверенностью политолог готов утверждать лишь одно: Русское национальное сознание и социальное чувство справедливости никогда не смирятся ни с разрушением величия России, ни с господством новой «десятипроцентной» элиты, которое можно охранять только методами жесткой диктатуры. В качестве выхода из положения Бурлацкий предлагает поставить на место бюрократической революции «национальную эволюцию, ее лозунги — *безопасность, благосостояние, патриотизм*»²⁰¹⁵.

С приходом к руководству страной В. В. Путина (16 августа 1999 г. он был назначен председателем Правительства РФ, с 31 декабря того же года после досрочной отставки Б. Н. Ельцина со своего поста исполнял обязанности Президента РФ, 26 марта 2000 года избран на этот пост всенародным голосованием) произошли важные позитивные перемены в политической {493} и экономической жизни России. Ряд законодательных мер позволил несколько умерить пыл сепаратистов в субъектах Федерации, скорректировать местные законодательно-нормативные акты, расходившиеся с Конституцией России и федеральными законами. С созданием семи федеральных округов во главе с полпредами Президента значительно укрепилась «вертикаль власти» в стране. В Послании Президента России Федеральному собранию РФ от 16 мая 2003 года отмечено: «Мы, наконец, — юридически и фактически — восстановили единство страны. Укрепили государственную власть... Мы вместе преодолели абсолютно неприемлемую ситуацию, при которой отдельные российские территории по сути дела находились вне пределов федеральной юрисдикции. Верховенство Российской Конституции и федеральных законов — как и обязанность платить налоги в общегосударственную казну — стали сегодня нормой жизни для всех регионов Российской Федерации»²⁰¹⁶.

Судя по заявлениям В. В. Путина, нашу национальную идею начинает все больше определять патриотизм, державность, государственничество, социальная солидарность (социальная справедливость) при главенстве «диктатуры закона»²⁰¹⁷. С отлаживаем эффективным механизма управления государством, нацеленного на реализацию такой идеи, жизнь в России поворачивается к лучшему. Темпы экономического роста (прирост валового внутреннего продукта) в 4 % в 2001—2002 годах признаются недостаточными. В апреле 2002 года была выдвинута задача выйти на годовой прирост в 10 % валового внутреннего продукта. К концу 2006 года по ВВП на душу населения Россия возвратилась к уровню 1989 года. В апрельском (2007) Послании Президента РФ Федеральному собранию отмечено, что Россия «полностью преодолела длительный спад производства»²⁰¹⁸. Казалось, что начался этап подлинного возрождения страны. Однако в ноябре 2008 года Россия встретила с общемировым финансовым кризисом. В результате объем ВВП РФ вновь снизился. Его возвращение на докризисный уровень прогнозируется на конец III квартала 2012 года²⁰¹⁹. Это позволит закрепить намечающиеся положительные тенденции в экономике, а вместе с ним и во всей жизни страны. Однако до сих пор главная национальная цель России остается неясной. Об этом, в частности, свидетельствует российский герб. В США, к примеру, на гербе значится «Из многих одно», в Великобритании — «Бог и мое право», во Франции — «Свобода, равенство, братство», в СССР — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Отсутствие девиза на официальной российской эмблеме государства является символическим признаком отсутствия всесторонне обоснованной национальной идеи.

ГОСУДАРСТВА БЕЗ ПАТРИОТОВ НЕ ЖИВУТ

Залогом действенности и конструктивности идеологии русского возрождения может быть только патриотизм, по-современному осмысленный и укорененный в массовом сознании россиян. Он необходим ныне России для того, чтобы она могла восстановить свое поправленное национальное достоинство и занять приличествующее ей место в сообществе цивилизованных {494} государств на международной арене. Истинный патриотизм, согласно В. Д. Зорькину, должен быть патриотизмом миротворческим, державным, исторически преемственным, национально осмысленным, социально ориентированным, просвещенным и духовно наполненным. Национальная осмысленность русского патриотизма предполагает в первую очередь решение чрезвычайно болезненного русского вопроса. Необходимо признать: русский народ является единственной реальной силой, способной в нынешних условиях поддерживать межнациональный и межконфессиональный мир на территории бывшего СССР. Но русское национальное самосознание переживает ныне пору жестокого кризиса, чреватого неконтролируемым взрывом оскорбленного национального самолюбия.

Чтобы этот кризис мог разрешиться мирно и благотворно для всех российских народов, надо, как справедливо полагает Зорькин, изжить двойственность подходов в национальной и федеральной политике, унаследованных со сталинских времен. Отрешаясь от былых подходов в фиксации прав и обязанностей субъектов федерации, необходимо установить: Россия должна стать федерацией территорий, а не «самостийных» национальных государств, федерацией равноправия, где нет субъектов первого и второго сорта. Надо решительно кончать, заключает автор, с практикой двойных стандартов, согласно которой национальное возрождение «малых» народов — это хорошо, а вот что касается русского, то... как бы чего не вышло. Межэтнический мир в России недостижим за счет подавления национального самосознания одного большого народа в пользу многих маленьких. От этого в конечном итоге страдают все. Потому новая национальная политика должна базироваться на принципе поддержки национальной самобытности всех народов России, отмечая как неприемлемые крайности равно слепой национальный эгоизм маргиналов и губительный национальный нигилизм «общечеловеков»²⁰²⁰.

Имея в виду одну лишь составляющую российской национальной идеи — собственно национально-этническую, современные авторы чаще всего ведут речь о принципах, которыми надо руководствоваться в национальной политике. Известный исследователь национальной проблематики Э. А. Баграмов полагал (1994), что к нашему времени они стали более или менее ясны. Сам он относит к таким принципам «демократизм, открытость национальной политики, равноправие народов — больших и малочисленных, национальное самоопределение, государственный суверенитет Российской Федерации, федерализм, признание дружбы и солидарности», а шовинизм и этнофобию — к факторам саморазрушения общества²⁰²¹. Автор выступает против отказа от интернационализма, считая, что мы не вправе зачеркивать гуманистическое содержание идеи солидарности людей, народов во имя общего блага. При этом он полагает неправомерным считать интернационалистской советскую национальную политику, бросившую вызов идее нации и освящавшую иерархию наций в противовес ей же декларированной концепции равноправия народов и их свободного сотрудничества. Из двух типов интернационализма, на которые в свое время указывал П. Б. Струве: {495} «пацифистский, призывающий нации к примирению и объединению во имя какого-то высшего единства» и «воинствующий или классовый, призывающий к расчленению мира не на нации, а на классы, враждебные друг другу» и кровно связанный «с идеей классовой борьбы и с настроениями Гражданской войны», предлагается сохранить первый. Представляется важным добавить: Струве считал, что «наивысшим по духовному содержанию образцом такого интернационализма было христианство с его идеалом вселенского церковного объединения»²⁰²².

Утверждая как высшую ценность интернационализм в таком понимании, Э. А. Баграмов с излишней, на наш взгляд, категоричностью отвергает национализм, усматривая в нем прежде всего «идею предпочтения своей нации другим, неизбежно оборачивающуюся проповедью национальной исключительности и нетерпимости». Попытка замкнуться в национальную скорлупу гибельна для любого народа, продолжает он, видя подтверждение правоты этих слов в том, что и в нынешних постсоветских государствах «эйфория от всеобщей суверенизации постепенно уступает место более трезвому пониманию национальных интересов». Учитывая эти настроения, равно как и действие всемирно-исторической тенденции к интеграции, Баграмов считает весьма перспективной так называемую евразийскую идею, которая, по его мнению, «отстаивает общность народов, связанных географическим положением, исторической судьбой, и в то же время их самобытность»²⁰²³.

Однако имеются серьезные основания для того, чтобы ценность евразийской идеи не принимать столь однозначно. Ныне за ней чаще всего скрывается мечта воссоздать СССР. Между тем, что касается якобы особой культурной общности евразийского пространства, то она усматривается далеко не всеми. И. А. Ильин видел в евразийстве не столько теорию, сколько предложение уверовать в новое «откровение», сводящееся к тому, что «за последние двести лет Россия якобы утратила свою самобытную культуру, потому что она подражала западу и заимствовала у него; чтобы восстановить свою самобытность, она должна порвать с германо-романским западом, повернуться на восток и уверовать, что настоящими создателями ее были Чингисхан и татары...» Над рассудком и знаниями при этом господствовала эмоция, а «вопрос о самобытности духовной культуры сводился к тому, куда именно шарахнуть: вот двести лет (якобы) шарахались на запад; ясно, что вышел провал; значит, надо шарахнуть на восток»²⁰²⁴.

Некоторые из современных авторов видят изъян евразийской идеи в ее якобы чрезмерной интеллектуальности. «Идея, может, и не плоха, — пишет В. А. Никонов, — но уж больно интеллектуальна, чтобы стать общенациональной»²⁰²⁵. И. А. Ильин на этот счет был противоположного

мнения: «Для увлечения «евразийством», — полагал он, — нужны два условия: склонность к умственным вывертам и крайне незначительный уровень образованности...»²⁰²⁶. Сходную оценку евразийской теории дает академик Д. С. Лихачев. «Азиатское начало в русской культуре — не более {496} чем мираж, — утверждает он. — Мы находимся между Европой и Азией лишь географически», а в действительности «принадлежим к европейской культуре, и наша среда — европейская». Феномен евразийства академик относит к категории не логического, а скорее эмоционального порядка. И задана эта эмоция Александром Блоком в стихотворении «Скифы» (30 января 1918 г.). В этом стихотворении, как полагает Лихачев, нашли свое выражение ущемленные национальные чувства русских из-за поражения России в мировой войне и последовавшей вслед за ней революцией²⁰²⁷.

Бурное развитие евразийского течения в эмиграции объясняется особенно острыми переживаниями поражения и краха Российского государства эмигрантами. Записываясь в евразийцы, они как бы провозглашали себя азиатами, которым не писаны европейские законы и которые утешали себя признанием и надеждой такого рода: да, мы потерпели поражение, но еще посмотрим, чем обернется ваша победа. «Придите к нам! От ужасов войны / Придите в мирные объятья! / Пока не поздно — старый меч в ножны, / Товарищи! Мы станем братья!» — писал А. Блок²⁰²⁸, обращая свой призыв к европейцам. По сути дела, именно в этом призыве заключена истинная формула, завещанная Блоком, а отнюдь не констатация особо неразрывной общности христиан, исламистов и буддистов, как это утверждалось впоследствии, а зачастую и в наши дни²⁰²⁹.

За круглым столом ученых и политиков, обсуждавших в Москве летом 1994 года «перспективы евразийской интеграции», достаточно убедительно прозвучали предостережения от упований на евразийство, как на уже найденное средство реинтеграции постсоветского геополитического пространства, и особенно, — от иллюзий насчет того, что если Россия и будет спасена, то только через евразийство. В частности, обращалось внимание, что евразийства как разработанного единого учения никогда не существовало. Нынешние же сторонники этой идеи зачастую берут на вооружение несколько вырванных из контекста фраз того же Трубецкого или просто отдельные термины (например, «Евразия»). Но, доказывая, что республики бывшего Союза ССР не могут жить врозь, обращаться к евразийству не обязательно. Один из участников прямо заявил: «Построения евразийцев (исторических) и сегодняшних их наследников — это миф», который может быть хорош и даже необходим при создании суперэтноса, но он явно недостаточен для создания государства. Серьезную «конкуренцию» российской идее евразийство вряд ли способно составить, уроки истории свидетельствуют не в его пользу: в общем, не выжило ни одной конфедерации, в которую входили мусульманская и христианская цивилизации — Индия, Югославия, Кипр и т.д. Свообразны и «принципы», закладываемые в основание нового единства СНГ. За круглым столом прозвучали предложения: отказаться от якобы ложного стереотипа «татаро-монгольского ига на Руси», считать «разговор о том, что кто-то живет за счет других», ушедшим в прошлое, объявить неприемлемой точку зрения о том, что «Казахстан, Узбекистан и прочие республики» были «нахлебниками» в Союзе ССР или могут быть таковыми в новых условиях²⁰³⁰. {497}

В современных поисках русской и российской национальной идеи особую настороженность должны, на наш взгляд, вызывать еще три момента. Во-первых, априорно негативное отношение к русской идее на том якобы основании, что она — «не освободительная, а агрессивная, воинствующая. Потому она и сливается с идеями державности, государственности, причем опять-таки в их агрессивном обличье»²⁰³¹. В этом, очевидно, находит выражение пережившая большевиков и лишенная каких бы то ни было рационалистических оснований русофобия. Во-вторых, убеждение в том, что «русская национальная идея должна быть денационализированной, это должна быть идея нации-государства, а не нации-этноса»²⁰³², в чем снова обнаруживается большая зависимость от негативного большевистского прошлого. В-третьих, попытки лишить современную российскую национально-государственную идеологию ее естественной основы — патриотизма, которые находят свое выражение в утверждениях типа того, что «очень опасный в периоды мирной и стабильной жизни, он [патриотизм] часто является единственным спасением в период вооруженного противостояния»²⁰³³. Очевидно, «очень опасный патриотизм» третируется здесь лишь по причине неправомерного отождествления его с шовинизмом и отрицается как русская или российская разновидность последнего. Между тем национальный негативизм и антипатриотизм, как показала отечественная история XX века, были ее настоящим бичом, и нет никакой необходимости в бесконечном повторении исторических ошибок. Опыт истории свидетельствует в пользу утверждения о том, что демократия в России может выжить только в союзе «с двумя органическими народными чувствами-верованиями: патриотизмом и социальной справедливостью»²⁰³⁴.

Определенный интерес представляет предпринятая по инициативе Союза Возрождения России и Конгресса русских общин попытка дать «русский национальный ответ» на ключевые вопросы национального и государственного строительства, выраженная в «Манифесте возрождения России» (1994). Национализм в «неискореженном» значении авторы этого документа трактуют как согласие с духовным своеобразием своего народа, истинный патриотизм гражданина — как установление тесной связи между ним и нацией. Русский национализм соответственно означает принятие русского языка, русской истории, русской государственности, русского мировоззрения как своих собственных и стремление к объединению людей в совместном служении Отечеству и общенациональным интересам. Авторы исходят из того, что Россия никогда не была «тюрьмой народов» или колониальной империей; империя выступает как вполне приемлемая для нации государственная форма, позволяющая объединить народы в единую цивилизацию и хранящая разноплеменную самобытность в русле общенациональной культуры²⁰³⁵.

Современное евразийство не принимается авторами из-за опасений, что оно способно отвлечь русских от собственных национальных задач, мешая самососредоточению России и избавлению от навязанного ей комплекса вины. Ключевым моментом Русской идеи утверждается всечеловечность {498} русского национального характера, понимаемая не как растворение в «общечеловеческом», а как терпимость к идеям и традициям других наций и народов, как восприимчивость к достижениям других цивилизаций. Русская идея есть возвращение к проверенным веками основам существования России — духовности и справедливости, соборности и служению, смирению и оптимизму²⁰³⁶.

Авторы пытаются будто бы наполнить новым историческим содержанием известную формулу «православие, самодержавие, народность». Они утверждают, например, что национально-государственное возрождение России немислимо без возрождения ее духовной основы — Православной Веры. Она была стержнем Русской идеи, им она и должна оставаться. Отличие русского национализма от других состоит, по мнению авторов Манифеста, в осуществлении «проекта» Российской империи. Монархия рассматривается как органически присущая России форма правления и, со временем, по достижении явных признаков возрождения страны, ее предлагается восстановить: «Лишь вымолив у Бога, “выслужив” у истории монархию, можно призвать самодержца на престол»²⁰³⁷. На наш взгляд, едва ли можно надеяться на быстрое принятие взглядов такого рода современным обществом и укоренение их как составной части Русской национальной идеи.

Среди задач государственно-патриотического движения, выдвинутых в Манифесте и подлежащих первоочередному решению, бесспорно привлекательными являются следующие: воссоздание национального единства как условия существования России в качестве суверенного государства и великой мировой державы, пресечение всех форм проявления сепаратизма и этнической исключительности; восстановление территориальной целостности страны на основе неделимости Российского государства и единообразной административной автономии ее регионов; независимость административно-территориального устройства от этнического состава территорий, правовое равенство территорий; восстановление губернской системы управления территориями и представительной системы земских собраний²⁰³⁸.

Авторы труда «Россия сегодня: реальный шанс» (1994), преследующие цель — дать платформу объединения общества для выхода из кризиса, возможный успех своей деятельности вполне обоснованно связывают с опорой на российскую духовность, необходимость единой государственной идеологии, стержнем которой должна быть национальная идея — признанные большинством нации взгляды на цели и задачи общества, нации, государства, характер государственного строя, направленность и методы его развития. Одной из ключевых проблем построения процветающей России, по выводу авторов, является проблема конструктивного совмещения передовых технологий современного Запада с тысячелетней русской исторической традицией. Вырабатываемую доктрину державного строительства России авторы называют «просвещенным патриотизмом», предполагающим сочетание идеи соборной демократии и личной свободы с идеей сильной и ответственной государственной власти²⁰³⁹. {499}

В области национально-государственной политики авторами предлагается разработать концепцию государственного устройства, которая предусматривала бы предоставление всем субъектам Российской Федерации равного государственного статуса, создание единого и неделимого Российского государства, где все народы будут действительно в равноправном положении. Для этого, указывается в одном из разделов труда, необходимо идти по пути «декретирования в новой Конституции и воплощения на практике полного равноправия национальных групп так называемого коренного и некоренного населения во всех нынешних национально-государственных, национально-территориальных и административно-территориальных образованиях. И, разумеется,

наделения этих групп равными правами на участие в формировании органов власти и управления на местах и соответствующего представительства в центральных органах власти и управления РФ»²⁰⁴⁰. Такая позиция представляется единственно верной, без такого равноправия рассчитывать на справедливое разрешение национальных проблем не приходится. Альтернативой может быть лишь создание бесконечного множества национально-государственных образований, их «очищение» от инородцев или уготовление последним участи «второсортных граждан». А это — прямой путь к расколу, нескончаемым этническим конфликтам и войнам.

Русская и российская национальные идеи наиболее гармонично сочетаются в деятельности Всемирного Русского Народного Собора — широкого общественного движения, оформившегося в 1993 году. Впервые созванный по инициативе ряда патриотических общественных организаций при поддержке Русской Православной Церкви и всех ветвей светской власти в мае 1993 года, Собор стал одной из действенных форм общенационального диалога по важнейшим вопросам бытия русского народа и укрепления государственного единства России. Впечатляющим стал Третий Всемирный Русский Народный Собор (4—6 ноября 1995 г.), в работе которого наряду с деятелями науки, культуры и образования, философами и богословами, приняли участие и лидеры всех наиболее влиятельных политических партий и движений страны. Собор в широком аспекте рассмотрел проблему «Россия и русские на пороге XXI столетия». Тема заботы о народе, который впервые за многие века своей истории стал разделенной нацией, естественным образом оказалась в центре внимания Собора. В его итоговом документе записано: «Русский народ имеет право на воссоединение. Осознание этого должно стать неизменной составляющей российской политики. Мирное, ненасильственное стремление к реинтеграции на новой основе стран, некогда составлявших единую державу, способно положить конец разделению нации, должно поддерживаться каждым, кто не на словах, а на деле заботится о народном благе. Мы призываем к восстановлению исторического единства трех братских народов, чья духовная традиция вышла из одной киевской купели — белорусского, русского и украинского. При этом в объединительную работу необходимо вовлекать и другие государства, некогда входившие в СССР, воля народов которых направлена к единству»²⁰⁴¹. {500}

Собор дружно и одобрительно откликнулся на выступления политических лидеров, в которых доминировала мысль о необходимости построения сильного народного государства как главной и насущной цели политического момента. Эта позиция нашла свое выражение и в заключительном документе Собора, где подчеркнуто: «Россия может существовать и развиваться только в том случае, если русские люди, россияне остановят распад государства, прекратят братоубийственные социальные, национальные, нравственно-духовные столкновения... Надо остановить тенденцию расхищения, разрушения и распада». Четкую позицию Собор занял и по отношению к проблемам отечественной культуры, вызывающих особую озабоченность представителей российской элиты, принявшей участие в его работе. «Идет размывание общенационального культурного наследия на фоне бурной экспансии антикультуры. Собор выступает за восстановление духовной связи времен и поколений, за укрепление нравственного здоровья народа, за повышение профессионального престижа деятелей культуры и искусства, за естественное и последовательное развитие национальных культур»²⁰⁴².

Документы, обращения и заявления, адресованные Собором государственным органам и общественным организациям, всем гражданам России, намечают программы решения общенациональных вопросов, призывают направлять все позитивные силы общества на духовное возрождение русского народа, его национального самосознания, на укрепление государственности, экономики и культуры России. Результаты соборных встреч высоко оценивает Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. По его словам, они утверждают в мысли, что «патриотическая деятельность Всемирного Русского Собора совершенствуется, восходя от силы в силу, приобретает все более мудрый, ответственный характер, проникается православной церковностью, в которой я усматриваю главную надежду на духовно-нравственное возрождение России и русского народа»²⁰⁴³. Можно надеяться, что Всемирный Русский Народный Собор и впредь останется общенациональным мыслительным центром, действующим согласно пониманию: Бог и Отечество — это и есть формула Русской идеи.

В этой же связи хочется обратить внимание на необычайную актуальность пророчества соотечественника, писавшего в 1918 году о «национальном банкротстве» России, пораженной первым в мировой истории случаем «торжества интернационализма и классово-идеи над национализмом и национальной идеей». Уже начальные шаги в истории страны под знаменем интернационализма говорили: «Жизненное дело нашего времени и грядущих поколений должно быть тво-

римо под знаменем и во имя нации». Намечая целую программу духовного, культурного и политического возрождения России, он обращался к современникам и потомкам со словами истины и завета, которые во многом определяют содержание сегодняшней русской национальной идеи. {501}

«В том, что русская революция в своем разрушительном действии дошла до конца, — писал П. Б. Струве, — есть одна хорошая сторона. Она покончила с властью социализма и политики над умами русских образованных людей. На развалинах России, перед лицом поруганного Кремля и разрушенных ярославских храмов мы скажем каждому русскому юноше: России безразлично, веришь ли ты в социализм, в республику или в общину, но ей важно, чтобы ты чтил величие ее прошлого и чаял и требовал величия для ее будущего, чтобы благочестие Сергия Радонежского, дерзновение митрополита Филиппа, патриотизм Петра Великого, героизм Суворова, поэзия Пушкина, Гоголя и Толстого, самоотвержение Нахимова, Корнилова и всех миллионов русских людей, помещиков и крестьян, богачей и бедняков, бестрепетно, безропотно и бескорыстно умиривших за Россию, были для тебя святынями. Ибо ими, этими святынями, творилась и поддерживалась Россия, как живая соборная личность и как духовная сила. Ими, их духом и их мощью мы только и можем возродить Россию. В этом смысле прошлое России, и только оно, есть залог ее будущего. На том пепелище, в которое изуверством социалистических вожжаков и разгулом соблазненных ими масс превращена великая страна, возрождение жизненных сил даст только национальная идея в сочетании с национальной страстью. Это та идея-страсть, которая должна стать обетом всякого русского человека. Ею, ее исповеданием должна быть отныне проникнута вся русская жизнь. Она должна овладеть чувствами и волей русских образованных людей и, прочно спаявшись со всем духовным содержанием их бытия, воплотиться в жизни в упорный ежедневный труд. Если есть русская “интеллигенция” как совокупность образованных людей, способных создавать себе идеалы и действовать во имя их, и если есть у этой “интеллигенции” какой-нибудь “долг перед народом”, то долг этот состоит в том, чтобы со страстью и упорством нести в широкие массы национальную идею как оздоровляющую и организующую силу, без которой невозможно ни возрождение народа, ни воссоздание государства. Это — целая программа духовного, культурного и политического возрождения России, опирающаяся на идейное воспитание и перевоспитание образованных людей и народных масс. Мы зовем всех, чьи души потрясены пережитым национальным банкротством и мировым позором, к обдумыванию и осуществлению этой программы»²⁰⁴⁴.

Послеоктябрьская отечественная история показывает, что по намеченному здесь пути советское общество шло даже вопреки воле его руководителей, убежденных национал-нигилистов и адептов слияния наций. Вооруженный обновленной государственно-патриотической идеей российский народ преодолел нынешний тяжкий кризис и выведет страну на путь возрождения и процветания. Таким образом, по крупному счету, российскую национальную идею не требуется долго выдумывать. Она исторически давно возникла и существует — в идее российской державности, объективно связанной с геополитическими условиями существования русского и других российских народов; в государственничестве, понимаемом {502} как идея и самочувствие нашего народа, который, в отличие от многих народов, видел и видит в государстве своего рода верховного арбитра, гаранта порядка, инициатора перемен, источник помощи и поддержки тех слоев, которые в этом нуждаются; в исконно российской идее человеческой солидарности и справедливости, которая культурно-исторически коренится в неистребимом русском правдоискательстве. Так что с идеей, как говорится, у нас все в порядке. Дело за личностью, которая будет соразмерна высоте и величию русской национальной идеи²⁰⁴⁵.

ЛИКИ СОВРЕМЕННОГО ПАТРИОТИЗМА: КРАСНЫЙ, БЕЛЫЙ, РУССКИЙ

Годы «перестройки» и постсоветской истории Российской Федерации в отечественной культуре и общественном движении отмечены известным противостоянием «патриотов» и «демократов». Первые по-прежнему стремились защищать национальные интересы России и русского народа, вторые полагали, что кроме свободы личности, прав человека, расширения возможностей скорейшего вхождения россиян в мировую цивилизацию защищать в «этой стране» нечего. Известный современный критик и публицист В. Г. Бондаренко в трех частях своей книги, объединенных общим подзаголовком «Пламенные реакционеры», представляет портреты наиболее известных деятелей русской культуры и русского национального движения, составляющих, по оценкам либе-

ральных оппонентов, единый стан русских патриотов. В этом стане, с известной долей условности, различаются патриоты «красные» и «белые», а также деятели, в отношении которых подобная определенность была бы явно некорректна.

В поток движения, имеющего «красный лик патриотизма», самым непосредственным образом вливаются писатели, режиссеры и публицисты, придерживающиеся советских позиций: М. Алексеев, Ю. Бондарев, С. Бондарчук, В. Бушин, С. Викулов, В. Ганичев, Т. Глушкова, Н. Губенко, православный священник отец Дмитрий Дудко, А. Зиновьев, А. Иванов, С. Кара-Мурза, Ф. Кузнецов, Э. Лимонов, М. Лобанов, С. Михалков, В. Пикуль, А. Проханов, В. Розов, А. Софронов, И. Стаднюк, Н. Тряпкин, Ф. Чуев²⁰⁴⁶.

«Белый лик патриотизма», объединяющий художников и писателей православно-монархического склада, представлен именами В. Астафьева, Л. Бородин, митрополита Виталия (Р. Устинов), Д. Галковского, И. Глазунова, В. Клыкова, В. Максимова, Н. Михалкова, М. Назарова, А. Солженицына, В. Солоухина, И. Шафаревича²⁰⁴⁷.

«Русский лик патриотизма» имеют художники, композиторы, поэты, актеры, которых нельзя назвать ни красными, ни белыми. Видное место среди них занимают А. Балабанов, Д. Балашов, В. Белов, Н. Бурляев, Л. Гумилев, Т. Доронина, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (И. Снычев), Г. Климов, В. Кожин, С. Куняев, Ю. Кузнецов, В. Лихонос, В. Личутин, Ю. Мамлеев, А. Михайлов, В. Распутин, Н. Рубцов, Г. Свиридов, Ю. Соломин, В. Сорокин, В. Шукшин, С. Ямщиков²⁰⁴⁸.

Более полное представление о русском национальном движении, его отдельных представителях, его истории, идеологии и философии можно {503} составить по издающейся Большой энциклопедии русского народа, и, в частности, благодаря сведениям, включенным в том «Русский патриотизм»²⁰⁴⁹. Ставка на сильную государственность, на традиционные религиозные и нравственные ценности, определяющая позицию деятелей русской культуры и русского национального движения, является хорошим фундаментом для формирования объединяющей русской идеологии в XXI веке.

РУССКАЯ ИДЕЯ НЕ ПРОТИВОСТОИТ РОССИЙСКОЙ

История попыток построения общегосударственной общности людей сначала на отрицании, а затем, после Великой Отечественной войны, на недостаточном учете национальных ценностей русского и других народов СССР определяет ныне громадную значимость «новых» (в действительности наполняемых новым содержанием известных и ранее) интеграционных русской и российской национальных идей. В конечном счете именно неясность национальной идеи и ослабление чувства общенационального единства привело к трагическим последствиям — ниспровержению вековых устоев народной жизни, гибели миллионов людей, разрушению российской государственности, существовавшей три четверти века в форме Союза ССР.

Между тем, русская идея, как и любая другая национальная идея — это всегда стремление к национальной независимости, возрождению и сохранению национальной культуры, созданию собственной государственности и преодолению комплекса национальной второсортности. Русская идея вырабатывалась на основе признания уникальности российской цивилизации и ее особой роли в мировой культуре.

Русскую идею не следует ни отождествлять, ни противопоставлять российской, как это нередко делалось ранее и делается в наши дни. П. Б. Струве, к примеру, находил знаменательным, что социал-демократическая рабочая партия и царская империя, противостоящие друг другу, одинаково именовали себя не «русскими», а именно «российскими». Ни один русский иначе, как слегка иронически, писал он, не скажет про себя, что он «российский» человек, а целая и притом наирадикальнейшая партия применила к себе это официальное, ультра-«государственное», ультра-«имперское» обозначение. Значит, она хочет быть безразлична, бесцветна, бескровна в национальном отношении²⁰⁵⁰.

Действительно, В. И. Ленин подчеркивал: «Партия, чтобы уничтожить всякую мысль о ее национальном характере, дала себе наименование не русской, а российской»²⁰⁵¹. Струве находил, что в этом обнаруживал себя космополитизм, свойственный тогдашней русской интеллигенции. Восставая против уничтожения «национального лица», Струве доказывал безнадежность и бесплодность такой затеи. Предполагалось, что если не следует заниматься «обрусением» тех из «инородцев», кто не желает «русеть», то так же точно самим русским не следует себя «оброссиянивать». Правда, это не мешало самому Струве выступать за национализм — свободный, творче-

ский и в лучшем смысле завоевательный, создающий настоящее «*impregium*», — классическим носителем которого представлялся {504} англосаксонский элемент в Соединенных Штатах Америки и Британской империи. Открытый национализм означал свободное соперничество, состязание национальностей и уверенность, что народ «не растворится в море чужеземных элементов, а претворит их в себя»²⁰⁵².

Противники российской идеи в наши дни, как правило, не выступают за соревнование наций до полной победы (ассимилирования соседей) или поражения (растворения среди них). Но угрозы нациям-этносам со стороны нации-согражданства страшатся, опасаясь, как и Струве, утраты национально-этнической идентичности. «Русских пытаются лишить национальной самоидентификации, растворить в каком-то безличном мифическом “россиянстве”», — говорят они²⁰⁵³. Представляется, однако, что на сей раз мы имеем дело со случаем, когда обжегшиеся на молоке (советском народе как новой общности) дуют на воду (российский народ, российскую нацию).

Опасения такого рода уместны, если наднациональную историческую общность понимать как идущую на смену старым нациям-этносам²⁰⁵⁴, но они ошибочны, если представляют негативную реакцию на естественноисторический процесс, в ходе которого взаимодействующие народы приобретают черты общности (сходства) и создают наднациональное образование. Неуместно в данном случае и поддаваться чувствам партийного противостояния: видеть у оппозиционной партии только национальный нигилизм там, где можно видеть и иное. Не следует забывать, что в результате крушения СССР расчлененным оказался не только русский народ, но и наднациональная общность, именовавшаяся советским народом. Соответственно этому, российская идея не противоречит и не предполагает угрозы русской идее, а российская нация — русскому и другим народам России²⁰⁵⁵.

Объединенные усилия в разработке современной национальной идеи дают, на наш взгляд, основание для вывода: собственно национальную составляющую общероссийской национальной идеи должны представлять ценности, заключающиеся в свободе, равноправии, взаимообогащающем сотрудничестве народов страны на всех вертикалях и горизонталях российского государства и общества. На общероссийском уровне высшей ценностью должно быть признано единство россиян, понимаемое как единая российская политическая нация. На этническом уровне — единство и приверженность граждан отдельных национальностей культуре и традициям своего народа-этнота. На местном уровне — благополучие, свобода развития и равноправие национальных групп (общин).

История развития русской нации и российского суперэтнота, «русский вопрос», необычайно обострившийся на последнем историческом этапе, говорят, на наш взгляд о том, что следует решительно отказаться от так называемого подлинного интернационализма, понимаемого зачастую по-троцкистски и призванного обслуживать процесс всеобщей денационализации. Необходимо также решительнее избавляться от недостатков, имеющих свое начало в асимметричной архитектонике Союза {595} ССР²⁰⁵⁶. Их главный порок известен: русский народ лишен в них своей внутрисоюзной государственности, в то время как другим народам таковая предоставлена. Не будучи устраненным, этот порок со временем все плотнее закрывал возможность установления нормальных цивилизованных отношений между народами единой страны, их сплочения в единой нации — действительно нерасторжимой общности людей. В свете новейших воззрений, свободных от мистики и схоластики былых подходов к определению нации²⁰⁵⁷, она предстает как «совокупность людей, объединенных общностью отечества и отстаивающих его интересы, которые одновременно являются и их собственными общими интересами»²⁰⁵⁸. В соответствии с такими воззрениями, решающим фактором возникновения нации является осознанное стремление людей быть единым народом и жить вместе²⁰⁵⁹.

Основываясь на таких представлениях о нации и особенностях ее связи с государственно-стью в отечественной истории, можно заключить, что жизненные интересы русского и других народов могут быть надежно защищены, если Россия станет государством русского народа с национально-территориальными автономиями для других народов и с культурно-национальной автономией для национальных групп, расселенных дисперсно. Важнейшим аргументом в пользу такого выбора является то, что он вполне соответствует логике событий, происходящих вокруг России в новообразованных независимых государствах²⁰⁶⁰. Если же мыслить будущее России как федеративное государство, то необходимо добиваться полного равноправия его субъектов и равноправия национальных групп внутри каждого из них — равноправия в формировании органов федеральной и региональной власти, доступа к образованию, возможности создания национальных культурных центров и развития культуры при опоре на потенциал своего народа, своей национальной группы.

Именно такие подходы к решению национального вопроса способны сформировать подлинный, цивилизованный национализм — атрибут нации, способствующий ее прогрессу и не направленный против других национальностей²⁰⁶¹, лишенный проявлений национальной гордыни, стремления верховодить, агрессивности, хищности, и есть лишь выражение любви к своему народу, к своей стране²⁰⁶².

Конечно, национализм (национальный патриотизм) бывает разный, и его крайние проявления (в фашизме, к примеру) неприемлемы. Однако просвещенная интерпретация этого феномена не содержит ничего предосудительного. Скажем, пятнадцатое издание «Британской энциклопедии» утверждает: «Национализм — это верность и приверженность к нации или стране, когда национальные интересы становятся выше личных или групповых интересов»; девятое издание «Американского политического словаря» (1993) отмечает, что «национализм объединяет народ, который обладает общими культурными, языковыми, расовыми, историческими или географическими чертами или опытом и который обеспечивает верность этой политической общности»; японский энциклопедический словарь (1983) объявляет национализмом «всеобщую приверженность и верность {506} своей нации»²⁰⁶³. Считается совершенно правомерным и само собой разумеющимся, что в Бразилии все нации равны, нет господствующей нации, отсутствует национализм в его худших проявлениях, но нет недостатка национализма бразильского, патриотического и центростремительного, который не разъединяет, а объединяет разнородное население; в Швейцарии языки народов равноправны, кантоны самоуправляются, политические и другие права отдельного гражданина обеспечиваются независимо от его национальности, внутришвейцарский антагонистический национализм отсутствует, однако «все швейцарцы ярые националисты, но националисты швейцарские, патриотические и наднациональные»²⁰⁶⁴. Кто может утверждать, что подобное невозможно в России? «Просто удивительно, — пишет Е. А. Павлов, — что, потеряв капезэсовскую идеологию, показавшую всю никчемность национальной слепоты (интернационализма), мы до сих куда-то тыкаемся и ищем национальную идею, когда она очевидна. В России национальной идеей может быть только русский национализм. Эта идея роста, развития, влияния военного могущества и конкурентноспособности русской нации. . . Русский национализм необходим не только русским, но и тем народностям, которые живут в русском монолите и не отделяют свою судьбу от русской судьбы»²⁰⁶⁵.

Сравнительно недавно, в 1994 году, не кто иной, как Генри Киссинджер, напомнил: «Всякий, кто хоть сколько-нибудь серьезно изучал историю России, знает, что именно русский национализм всегда обеспечивал целостность страны и ее способность справляться с многочисленными врагами и бедами». И заключил: «Теперь же русские потеряли созданную ими огромную империю. Можно ли ожидать какой-то иной реакции на это унижение, нежели взрыв национализма?»²⁰⁶⁶ Здесь все верно. Как верно и то, что родина Киссинджера, по заключению другого, не менее известного американского государственного деятеля и политолога Збигнева Бжезинского, тоже, по сути дела, является империей, но исключительно нового типа и «чертовски удачливой»²⁰⁶⁷. Как видим, отнюдь не каждое полиэтничное государство, скрепленное единой национальной идеей, является «империей зла». Стоит ли в таком случае российскому народу отречься от самого себя и своего государства только потому, что кому-то хочется именовать его последней империей в мире, а его патриотизм — национализмом?

Предложения Г. Киссинджера хорошо вписываются в послевоенную модификацию плана А. Даллеса, нацеленную на разрушение СССР и колонизацию России. Сущность плана с наибольшей ясностью выявлена в трудах выдающегося русского логика и философа А. А. Зиновьева. Особенности современного этапа мирового развития и место в нем России и русского народа в наиболее сжатом виде можно представить по следующему отрывку из его книги.

«Современный Запад не есть всего лишь сумма стран США, Англии, Германии, Франции и других, им подобных западных «национальных государств». Это есть социальное образование более сложное и более высокого {507} уровня организации. Оно включает в себя в качестве основы и структурных компонентов упомянутые «национальные государства», но не сводится к ним. Оно является молодым с исторической точки зрения: оно начало складываться после Второй мировой войны и еще находится в стадии формирования. Оно не есть нечто гармоничное целое. Формирование его происходит в острой борьбе. Внутри его имеют место конфликты и дезинтеграционные тенденции. Например, происходит интеграция европейских стран, имеющая стремление к независимости от США. Но общезападный интеграционный процесс все же доминирует. . .

Процесс интеграции стран Запада происходит одновременно с процессом, получившим название глобализации. Считается, что в результате глобализации образуется глобальное общество.

Последнее понимается как объединение всего человечества в единое целое, подобное привычным обществам (их часто называют национальными государствами), с единым мировым правительством и прочими учреждениями современных стран, только большего (планетарного!) размера. И образуется оно якобы на благо всего человечества, как бы само собой, в силу мирового прогресса в науке, технике, культуре, экономике и т.д. Такое понимание есть не просто теоретический идиотизм. Это — преднамеренная идеологическая ложь, идеологическая апологетика мировой западнистской (прежде всего — американской) агрессии.

На самом деле современное человечество явным образом разделяется на западный мир и прочее человечество. Отношения между этими частями человечества являются совсем не братскими. Ни о каком равенстве тут и речи быть не может. И роли их различны. Сама идея “глобального общества” есть идея западная, а не все-общемировая. Инициатива и усилия движения к такому объединению человечества исходят от Запада. В основе его лежит не стремление различных стран и народов планеты к объединению — такое стремление появляется чрезвычайно редко, — а желание определенных сил Запада занять господствующее положение на планете, организовать все человечество в своих конкретных интересах, а отнюдь не в интересах некоего абстрактного человечества. Мировая экономика есть прежде всего завоевание планеты транснациональными компаниями Запада, причем в интересах этих компаний, а не в интересах прочих народов планеты. Некоммерческие международные организации в подавляющем большинстве суть организации западные, контролируемые силами Запада и так или иначе поддерживаемые и используемые ими. Мировой информационный порядок есть порядок, устанавливаемый странами Запада, и прежде всего — США. Фирмы и правительство США осуществляют контроль глобальной коммуникации. Западные медиа господствуют в мире. Мировая культура есть прежде всего американизация культуры народов планеты. Одним словом, идея “глобального общества” — лишь идеологически замаскированная установка западного мира, возглавляемого США, на покорение всей планеты и на установление своего господства над всем прочим человечеством. {508}

Осуществляет глобализацию сверхобщество, о котором говорилось выше. Оно контролирует большую часть всех мировых ресурсов. Оно опутало своими “щупальцами” всю планету. В его жизнедеятельность уже вовлечено более ста миллионов человек. Оно имеет сложную и еще совсем не изученную на научном уровне структуру. Верхушка его находится в США. Последние суть главная резиденция этого “мирового правительства”, поставщик мировых вооруженных полицейских сил, место расположения “штабов” для управления различными рычагами мировой власти, кузница командных, карательных, идеологических кадров и исполнителей воли хозяев планеты.

В ходе холодной войны это сверхобщество выработало стратегию покорения человечества. Основу ее образует то, что я называю западнизацией покоряемых стран и народов. Сущность западнизации состоит в навязывании незападным народам и странам социального строя, экономики, политической системы, идеологии, культуры и образа жизни, подобных таковым (или имитирующим таковые) в западных странах. Идеологически и в пропаганде это изображается как гуманная, бескорыстная и освободительная миссия Запада, который при этом изображается средоточием всех мыслимых добродетелей. Мы свободны, богаты и счастливы, — так или иначе внушает западная идеология и пропаганда западнизируемым народам, — и мы хотим помочь вам стать такими же свободными, богатыми и счастливыми, как мы. Но для этого вы должны сделать у себя, в своих странах, то, что мы вам посоветуем. Это — на словах. А на деле западнизация (в рассматриваемом здесь смысле!) имеет реальной целью довести намеченные жертвы до такого состояния, чтобы они потеряли способность к самостоятельному существованию и развитию, включить их в сферу влияния и эксплуатации западных стран, присоединить к западному миру не в роли равноправных и равномогущих партнеров, а в роли зоны колонизации.

Была разработана тактика западнизации. В нее вошли меры такого рода. Дискредитировать все основные атрибуты общественного устройства страны, которую предстоит западнизировать. Дестабилизировать ее. Способствовать кризису экономики, государственного аппарата и идеологии. Расколоть население страны на враждующие группы, атомизировать его, поддерживать любые оппозиционные движения, подкупать интеллектуальную элиту и привилегированные слои. Одновременно вести пропаганду достоинств западного образа жизни. Возбуждать у населения западнизирваемой страны зависть к западному изобилию. Создавать иллюзию, будто это изобилие достижимо в кратчайшие сроки, если их страна встанет на путь преобразований по западным образцам.

Заражать их пороками западного общества, изображая пороки как добродетели, как проявление подлинной свободы личности. Оказывать экономическую помощь западизируемой стране в той мере, в какой это способствует разрушению экономики, порождает паразитизм в стране и создает Западу репутацию бескорыстного спасителя западизируемой страны от язв ее прежнего образа жизни»²⁰⁶⁸. {509}

Аналогичным образом определяет и не принимает насильно насаждаемый глобализм выдающийся историк-русист И. Я. Фроянов. «Глобализация, — пишет он, — есть формирование нового мирового порядка, характеризуемого слиянием, как правило, принудительно и насильственно, национальных экономик в одну единую экономическую систему, уничтожением национальных государственных правительств, а значит, и государственных границ. В конечном счете, глобализация означает формирование вселенской, как выражаются глобалисты, цивилизации, носителем которой является глобальное сверхобщество, управляемое мировым правительством»²⁰⁶⁹. Согласно публикации в «Нью-Йорк Таймс» (середина декабря 2010 г.), ныне миром управляют всего 9 человек — руководителей 9 мировых банков: «Голдман Сакс», UBS, «Бэнк оф Америка», «Дойче банк» и т.п., а главные акционеры Федерального Резервного банка Нью-Йорка — Ротшильды и Рокфеллеры — образуют своего рода «малое Политбюро», принимающее судьбоносные решения в области мировой политики, экономики, финансов²⁰⁷⁰. По другим оценкам, «кучка глобальных ростовщиков, примерно 30–50 тысяч человек, завела мир в тупик. И эта же кучка устами своих сторонников предлагает выход: создать мировое правительство, которое будет полностью контролировать сокращенное на 90% человечество: все ресурсы, всю информацию и т.д.»²⁰⁷¹.

О том, как будет выглядеть новый мировой порядок, повествует специалист в этой области профессор К. Кох: «Система будет создана на основе единой валюты, единого, финансируемого из одного центра правительства, единой системы налогообложения, единого языка, единой политической системы, единого мирового судебного органа, единой государственной религии и во главе с единым руководителем (единственным индивидуальным лидером). Каждый человек будет иметь зарегистрированный номер, без которого ему не будет разрешено ни покупать, ни продавать. И будет одна универсальная мировая церковь. Любой, кто откажется участвовать в этой универсальной системе, не будет иметь права на существование»²⁰⁷².

Правда, некий Роберт С. Кристиан, по заказу которого в США в 1980 г. возведен циклопический монумент, именуемый Американским Стоунхенджем, и стоящие за ним представители нынешнего золотого миллиарда полагают, что для счастья землян миллиарда многовато. Их золотой век может бесконечно долго длиться, если выжившее после внедрения в сознание масс нового мышления и наведения нового мирового порядка население Земли не будет превышать 500 млн человек (в 1,6 раза больше, чем население США в 2011 г.)²⁰⁷³. При этом, по расчетам мирового правительства, для обеспечения стран «золотого миллиарда» сырьевыми ресурсами в России достаточно оставить 50 млн человек или того меньше. Остальные — это лишние едоки, подлежащие уничтожению как недочеловеки. Именно так русские и их страна характеризуются, например, на страницах американской газеты «Нью-Йорк Таймс»: «Россия — самая убогая страна на свете; в России постоянный голод; обыкновенная русская деревня — это груда гнилых бревен; народ похож на крыс; мужчины — грязные, агрессивные, {510} плохие любовники, не умеют зарабатывать деньги; женщины — корыстные стервы, пошлячки; каждый русский — уголовник-рецидивист»²⁰⁷⁴.

Космополитизированная российская интеллигенция никакой опасности в глобализации и новом мировом порядке не видит. Некоторые ее представители с удовольствием и добровольно обслуживают чужие и чуждые нам интересы. Так, характеризуя хорошо знакомую ему среду «шестидесятников» и других хулителей русского патриотизма, известный российский специалист в области социальной философии и политологии А. С. Ципко пишет: «Наблюдая за нашими российскими космополитами и “гражданами мира” добрых двадцать лет (до перестройки многие из них называли себя “шестидесятниками”), я убедился, что на самом деле они отказывались от всего российского и русского, предавали анафеме российское православие, российскую старину и российское государственничество не во имя всечеловечности, а во имя какой-то другой, отдельно взятой культуры или страны. Впрочем, так было и раньше. Большевики-интернационалисты, ненавидящие Россию и все русское, как, к примеру, В. Ленин, были откровенными германофилами. После Второй мировой войны, среди русских интернационалистов и космополитов редко удается встретить германофилов, а американофилов, израилюфилов и даже саудофилов пруд пруди. Среди наших борцов с российским патриотизмом, среди тех, кто считает, что привязанность к нации и национальным чувствам является уделом бедного человека, почти все — откровенные поклонники политики США и ее имперских амбиций... Правда состоит в том, что сами идеологи глобального

лидерства США не верят ни в какой космополитизм, не верят тем, кто называет себя “гражданами мира”, ибо хорошо знают, что декларации о космополитизме являются своеобразной клятвой в верности интересам США»²⁰⁷⁵.

Ученый приверженец космополитизма профессор А. Н. Чумаков (первый вице-президент Российского философского общества), проповедуя близкое ему учение, полагает, что отдельные страны и народы фактически уже «не имеют возможности выбора — участвовать им или не участвовать в глобализации. Они обречены на такое участие естественным ходом событий», не могут уклониться от интеграции в мировое сообщество, а «тот, кто не вписывается в экономические, политические и культурные процессы глобализации, кто борется с космополитизмом, ставя превыше всего свою национальную исключительность, тот заведомо обрекает себя на изоляционизм и отсталость. А это, помимо серии отрицательных последствий для самого такого народа, создает еще и угрозу мировой стабильности, так как именно в подобных странах возникают наиболее подходящие условия для межэтнических столкновений, организованной преступности и международного терроризма»²⁰⁷⁶. Иначе говоря, ученый считает, что выбора нет, народы и страны обречены на глобализацию и уклониться от этого нельзя, иначе тебя обрекут на отсталость, не исключено, что ракетами «Томагавк» и самоприцеливающимися боеприпасами с беспилотников новейших разработок²⁰⁷⁷. {511}

В 1994 году один из влиятельнейших политологов и государственных деятелей США написал в своей статье, а затем и книге: «Россия — побежденная держава. Она проиграла титаническую борьбу. И говорить „это была не Россия, а Советский Союз“ — значит бежать от реальности. Это была Россия, названная Советским Союзом. Она бросила вызов США. Она была побеждена. Сейчас не надо подпитывать иллюзии о великодержавности России. Нужно отбить охоту к такому образу мыслей... Россия будет раздробленной и под опекой». «Новый мировой порядок при гегемонии США создается против России, за счет России и на обломках России»²⁰⁷⁸. В октябре 1995 года на совещании Объединенного комитета начальника штабов президент США Б. Клинтон изложил свое видение прошлого и будущего в отношениях США и России: «Расшатывание идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составляющее основную конкуренцию Америке... Мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн с Советами посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием — мы получим сырьевой придаток, а не разрушенное атомом государство... мы позволим России быть державой, но империей будет только одна страна — США»²⁰⁷⁹.

Е. А. Федоров, бывший председатель Комитета Государственной думы Российской Федерации по экономической политике и предпринимательству, полагает, что к нашим дням Россия уже не является суверенным государством. «В 1991 году, — говорил он, — произошло поражение одной стороны по отношению к другой. Советский Союз проиграл войну, потому что противник изучил нас хорошо и применил операцию продвижения своего агента Горбачева, который за шесть лет сумел создать механизм ликвидации страны. Мы проиграли в 40-летней войне, которую почему-то называют “холодной”. И сегодня наш государственный аппарат частично подчиняется победителю, то есть Америке. Мы платим им дань, и они нас полностью контролируют»²⁰⁸⁰.

Полагаю, что российские историки и граждане Российской Федерации должны активно противостоять таким настроениям. В этой связи можно выразить сожаление о том, что в условиях революции 1917 г. был упущен исторический шанс укрепить государственность по проекту, предлагавшемуся первоначально В. И. Лениным. Выступая в июне 1917 г. он ратовал за трансформацию Российской империи в Русскую республику. «...Русская республика, — говорил он, — ни одного народа ни по-новому, ни по старому угнетать не хочет, ни с одним народом... не хочет жить на началах насилия. Мы хотим единой и нераздельной республики с твердой властью, но твердая власть дается добровольным согласием народов»²⁰⁸¹. Отдавая должное благородству таких намерений, нужно также признать, что время для установления соответствующей власти в России давно уже пришло. Для этого требуется многое: сдвиги в национальной политике в сторону акцентов на государствообразующем русском народе, православии, соединении советской и российской истории, державности. Требуется очищение {512} исторического наследия от русофобства, выработка мер по преодолению негативных последствий разделенности русского народа, узаконение пропорционального представительства всех народов в органах власти, избавление от асимметричного федерализма.

Политика не должна вступать в противоречие с аксиомой: только сохранение государствообразующей роли русского народа, укрепление его сплоченности и патриотизма, надежная защита

интересов его национального развития позволяют установить в России мир, в котором, как мечтал А. С. Пушкин, будут гармонично развиваться и взаимообогащать друг друга в едином цивилизационном пространстве — и внук славян, и финн, и тунгус, и калмык²⁰⁸², и все другие народы, издревле населяющие Россию. {513}

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осмысление пути русского народа через драматический XX век приводит к убеждению, что коренная причина разрушения Российской Империи в 1917 году и Советского Союза в 1991 году заключается в отчуждении между государством и русским народом, в равнодушии наиболее многочисленного народа к судьбе «империи», утрачивающей способность к выражению и защите его национальных интересов и ценностей. «И советская национальная политика, и национальная политика царского самодержавия по-настоящему не состоялись потому что объектом и субъектом этой политики не стала русская нация»²⁰⁸². Русский народ в массе своей не рассматривал СССР как свое национальное государство.

По словам известнейшего русского писателя, с которыми трудно не согласиться, на протяжении XX века само представление о русскости под воздействием политических сил трансформировалось. «Русская нация, на которую легло самое страшное и грозное бремя XX века, была, по существу, лишена представления о том, что она русская». Более того, «категория русского стала категорией преступной»²⁰⁸³. Объединения под словом «русский» или слоганом, содержащим его («я — русский»), в нашей стране зачастую считаются провокационными, приравниваются к фашизму и нацизму²⁰⁸⁴.

Памятные слова Гимна СССР «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь» могли быть точными, если бы в составе СССР существовала республика с таким названием, или же РСФСР официально признавалась русским государством. Голосовавшие за принятие гимна государственные мужи и в этом случае остались верными духу времени: уступку русскому национальному чувству они сделали в песне, но не в государственном устройстве и не в Конституции. В новом гимне подобного лукавства нет. Но по существу ситуация не изменилась. Республики Великая Русь ни по названию, ни по существу как не было, так и нет. Русскому народу {514} предлагается молчаливо соглашаться с моделью федерализма, «русскость» которого ограничивается общегосударственным русским языком, фактическим «весом» русского народа, его экономики, культуры и положением Концепции государственной национальной политики РФ о том, что русский народ является «опорой российской государственности».

Тезис генерала А. И. Лебедея (секретарь Совета безопасности РФ в июне — октябре 1996 года, губернатор Красноярского края в 1998—2002 годах) — «Россия начинает осознавать себя не как космополитическая (интернационалистическая) империя, а как национальное государство»²⁰⁸⁵ — представляется слишком оптимистичным. Истине, скорее, соответствуют констатации, согласно которым, у нас «не было национального государства, нам его только предстоит создать, если мы соберемся это сделать», «крах СССР стал той отправной точкой, в которой русский национализм начал свое новое становление в России», создание русского национального государства только еще встало на повестку дня²⁰⁸⁶.

Противоречие между русской нацией и государством в нынешней Российской Федерации сохраняется. И если не понять, что национальная политика в России должна быть прежде всего направлена на возрождение культуры и традиций, расширение исторического самосознания, укрепление патриотизма русского народа в противовес космополитизации, то на успех в решении национального вопроса в России рассчитывать не придется. Конечно, это не значит, что его решение возможно за счет интересов других российских народов. Это всего лишь подчеркивает насущную необходимость поиска более совершенных государственных форм, позволяющих органично соединить национальное и наднациональное, особенное и общее в единой многоэтничной стране. В этой связи представляется непродуктивным отказ от обсуждения проблем укрепления объективно существующей российской общности людей (трансформирующейся части бывшей общности «советский народ»). Столь же бесперспективно, на наш взгляд, выстраивание различных моделей российского федерализма, игнорирующих русский национальный вопрос. Общегосударственные и частнонациональные интересы русского народа и всех народов России могут быть более надежно, чем ныне, защищены в государстве, построенном как на началах федерации, так и на базе автономии. Дело за выбором между несколькими тщательно проработанными моделями.

Но, прежде всего, следовало бы обратить внимание на соотношение понятий *русский* и *российский* — двух атрибутов нации и государства, с тем чтобы роль русского народа была должным образом отражена в самом названии государства. Несмотря на то, что в современном словоупот-

реблении понятие *российский человек* в отличие от *русского* может включать и *нерусского россиянина*, нельзя трактовать *российский* как *нерусский*, или употреблять *российский* вместо *русский*. Российское в русском языке равно русскому и семантически и функционально. «Русский, зри российский», — значится в «Лексиконе треязычном», составленном выучеником Славяно-греко-латинской академии Федором Поликарповым в 1704 году. {515} «Россиянин — то же, что русский»²⁰⁸⁷, — фиксируют современные словари русского языка. С этой точки зрения, официальное наименование нашего государства *Российская Федерация* равнозначно не только наименованию *Россия*, но также *Великая Русь*, *Русское Государство*, что следовало бы отразить в основополагающих государственных актах. Помимо всего прочего это в полной мере соответствует исторической государствообразующей роли русского народа и его положению как основной опоры современного Государства Российского.

Современная Россия может быть устроена как национальное Русское Государство с национально-территориальными автономиями для других народов на территориях с долей коренного населения свыше 50 % и с культурно-национальной автономией для других проживающих здесь же национальных групп. Россию можно также мыслить Российской (Русской) республикой при выделении федеративных частей на основе крупных экономических районов, межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия, или образованных Указом Президента РФ от 13 мая 2000 года семи федеральных округов с культурно-национальной автономией для всех национальностей как внутри этих частей, так и в общероссийском масштабе. К 2004 году в России были созданы 14 федеральных национально-культурных автономий, более 100 — региональных и более 300 — местных. В целом Законом «О национально-культурной автономии» 1996 года воспользовались более 30 национальностей. Наибольшее количество таких автономий создано немцами (68), татарами (63), евреями (29), армянами (18), украинцами и другими национальными группами, преимущественно проживающими за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих таковых вообще²⁰⁸⁸.

Со временем система культурно-национальной автономии могла бы стать всеобъемлющей формой самоорганизации всех больших и малых российских народов, явиться важнейшим механизмом выявления и реализации их национальных интересов, функционировать на всех уровнях (федеральном, региональном и местном) и стать реальной альтернативой иерархической системе национально-территориальных образований. Решение чисто национальных, культурных, образовательных, религиозно-этнических задач российских граждан определенной национальности, в каких бы регионах они ни жили, могли бы взять на себя соответствующие самоуправляющиеся, демократически избираемые национальные советы. Каждый человек, в соответствии со своей национальной принадлежностью, выплачивал бы в совет определенный налог и мог рассчитывать на образование своих детей, на театр, кинозал, издательство, книжный магазин, клуб, газету, телепрограмму на родном языке. Иные потребности могут вполне быть урегулированы единым законодательством, в том числе и в рамках единой системы самоуправления. Значительную часть расходов национально-культурных автономий покрывало бы государство, выделяя необходимые средства пропорционально численности соответствующих народов и национальных групп. {516}

В этой связи давно назревшими представляются предложения по созданию новых механизмов по регулированию национальных отношений, высказанные в популярной газете накануне празднования Дня России в июне 2011 года. В ней совершенно верно определяется причина нерешенности национального вопроса в постсоветской России. Она заключается в том, что в стране в основном сохранена советская модель национально-государственного устройства: сам набор национальных образований и их границы. Между тем, «главным в национальной проблеме являются два аспекта: права представителей данной нации и права самой нации. В условиях отмены всех паспортных ограничений на переезды разрыв интересов и нации в целом и отдельных ее представителей с официально административно выделенной национальной территорией стал исключительно острым. Поэтому назрели радикальные изменения. Представитель каждой нации в любой части России должен иметь и право, и возможность изучать и национальный язык, и национальную историю, и национальную культуру. Поэтому один день в неделю в школах должен быть выделен для изучения национального. Это относится ко всем — к русским, украинцам, татарам, евреям, немцам или корейцам. Для этого надо создавать территориальные национальные центры — с театрами, кинозалами, спортзалами, учебным комплексам, музеями... Нация в целом должна избирать по всей Федерации национальные советы. Совокупность представителей национальных советов образует в Москве палату национальностей, третью палату парламента. Палаты национальностей создаются и при всех региональных представительных органах. А вот все адми-

нистративные территориальные национальные образования (автономии) должны быть упразднены в ходе нового территориального деления страны на 30—35 краев (земель)»²⁰⁸⁹.

В такой модернизации российского федерализма мог бы, на наш взгляд, найти свое решение «русский вопрос», получить воплощение Русская (Российская) идея — проблемы, активно обсуждаемые в последнее время. Русская идея — это не только осознание русскими людьми своей идентичности и общего пути, но также обязанность строить гуманное и справедливое общество. Аналогичная идея есть (должна быть) у каждого из российских народов. Известно, что в отличие от национальных интересов (того, что каждый народ желает для себя) национальная идея представляет более универсальную систему ценностей. Это то, что полагается существенным и важным не только для своего народа, но и для всех. Интеграционной русская идея может стать, если будет приемлемой для всех российских народов. Ее смысл — в осознании необходимости отыскания народами России новой формулы российской государственности, способов совместного преодоления кризиса, выживания, взаимообогащения, достойного сосуществования в единой государственной общности.

В конце концов, в отличие от космополитов русские националисты, как написал в 1912 году наш выдающийся соотечественник П. И. Ковалевский, — это «люди в действительности всей душой любящие свою родину {517} и свою нацию, уважающие ее прошлое и желающие ей славы, мощи и величия в будущем... Таковыми были чисто русские и русские из инородцев, как Цицианов, Чавчавадзе и многие другие. Они отдавали всецело свою жизнь на служение родине и безраздельно принадлежали ей. Но зато только такие русские и имеют право называться русскими, сынам Великой России и пользоваться всеми правами русских граждан. Те из русских кои осмеливаются злословить свою мать Россию, кои желают ей зла, кои решаются живя в ней действовать во вред ей — это уже не русские. Это — враги России... Россия — для русских — в самом широком смысле слова»²⁰⁹⁰.

Январь 2012 года в России отмечен весьма значимым событием в предвыборной борьбе за пост президента РФ. Впервые за много лет появилась программная статья одного из первых лиц государства, премьер-министра России, посвященная национальному вопросу. В ней содержится положение о том, что «русский народ является государствообразующим — по факту существования России. Великая миссия русских — объединять, скреплять цивилизацию. Языком, культурой, “всемирной отзывчивостью”, по определению Федора Достоевского, скреплять русских армян, русских азербайджанцев, русских немцев, русских татар... Скреплять в такой тип государства-цивилизации, где нет “нацменов”, а принцип распознавания “свой — чужой” определяется общей культурой и общими ценностями. Такая цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности»²⁰⁹¹. Это положение чрезвычайно актуально не только с точки зрения предвыборной кампании, но с точки зрения сохранения и поступательного развития русского народа и Российского государства. Статья воспринимается как «самое глубокое, из всего, что было написано по национальному вопросу в России, по крайней мере, за последние 200 лет»²⁰⁹², а долгожданные слова высокопоставленного государственного деятеля о государствообразующей роли русского народа имеют такое же значение как неожиданные слова Сталина в речи 1941 года, где вдруг появились «братья и сестры»²⁰⁹³. В статье слышится призыв к русскому патриотическому движению «смело интегрироваться во власть и учиться управлению таким сложным организмом, как российское государство»²⁰⁹⁴. Все это, с наступлением 2012 года не может не воодушевлять русский народ новой надеждой на лучшее будущее.

Обращение к истории формирования идейных оснований национальной политики в СССР позволяет вынести полезный урок. Необходимо взять на вооружение утверждение, доктринальный теоретический и политический принцип, выстраданный руководителями государства в канун грозных для отчизны испытаний и целиком оправдавший себя в Великой Отечественной войне: Интернационализм должен опираться на здоровый национализм! Пренебрежение им, по сути, дезавуирование в духе марксизма-ленинизма в послевоенные годы и возврат к политике, опирающейся на утверждение, что «интересы социализма, интересы мирового {518} социализма выше интересов национальных, выше интересов государства»²⁰⁹⁵, обернулись для СССР страшной трагедией 1991 года — развалом исторического Русского (российского) государства.

Заканчивая книгу, выразим окрепшее при работе над историей национальной политики в России XX — начала XXI века убеждение: национальный мир и устойчивое развитие Русского (Российского) государства достижимы лишь при опоре государственной власти на здоровый национализм государствообразующего русского народа, который никак не противоречит правильно

понятому интернационализму, и только в единой централизованной Русской (Российской) республике с широкой автономией всех ее областей и вполне демократическом местном самоуправлении. {519}

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

* Здесь и далее по тексту цифрами в фигурных скобках обозначены концы соответствующих страниц книги.

¹ Цит. по: *Малинин В. А.* История русского утопического социализма. М., 1977. С. 127.

² Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. М., 1953. С. 432.

³ Там же. С. 755.

⁴ Там же. С. 192. С этой точки зрения некоторые наши современники не считают нужным высказывать различие между космополитами и интернационалистами. «Интернационалисты — те же безродные космополиты», — утверждает председатель Союза «Христианское возрождение России» В. Н. Осипов, представляя читателю сборник публицистики Е. А. Павлова, сопредседателя «Движения в защиту православной нравственности» (*Осипов В.* России — национальный режим! // *Павлов Е.* Хранить русскую сущность! Размышления младорусского. М., 2012. С. 3).

⁵ *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 58.

⁶ *Лавров П. Л.* Национальность и социализм: (Лекция, читанная в русском рабочем обществе в Париже 16 октября 1886 г.). Женева, 1887. С. 9, 10.

⁷ *Соловей В.* Русский национализм вчера, сегодня, завтра... URL: <http://rod-ru.org / dokumenty / pode41 /> (дата обращения (здесь и во всех других случаях отсылок к материалам Интернета): 16.06.2011).

⁸ *Ковалев Д. А.* Нормальный русский национализм (К вопросу об идеологии демократического государства в России) // *Россия и современный мир.* 2011. № 3. С. 36.

⁹ *Холмогоров Е.* Этюд о терапии и хирургии (Об уменьшительном и увеличительном русском национализме) // *Русский Обозреватель.* 2011. 15 июня. URL: <http://www.rus-obr.ru / print / lj / 11616>. См. также: *Городников С. В.* Историческое предназначение русского национализма. М., 2000; *Храмов А. В.* Катехизис национал-демократа. М., 2011.

¹⁰ *Лавров П. Л.* Национальность и социализм. С. 16. *Он же.* Вперед! — Наша программа (март 1872 — март 1873) // *Лавров П. Л.* Избранные сочинения на социально-политические темы: В 8 т. М., 1934. Т. 2. С. 30.

¹¹ *Лавров П. Л.* Избранные сочинения на социально-политические темы: В 8 т. М., 1934. Т. 2. С. 26, 30, 40, 41.

¹² *Ткачев П. Н.* Революция и принцип национальности: По поводу «Записок южнорусского социалиста» // *Ткачев П. Н.* Соч. В 2 т. М., 1976. Т. 2. С. 320—323. {520}

¹³ Там же. С. 320.

¹⁴ Цит. по: *Никонов В. А.* Крушение России. 1917. М., 2011. С. 286.

¹⁵ См. там же.

¹⁶ См. там же. С. 287, 289.

¹⁷ *Фалин В.* Запад и Россия в XX веке: связь времен. 28.08.2011. URL: www.regnum.ru/news/1439594.html.

¹⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 167.

¹⁹ Там же. С. 121.

²⁰ Там же. Т. 38. С. 181.

²¹ Цит. по: *Быстролетов Д. А.* Путешествие на край ночи. М., 1996. С. 575.

²² *Троцкий Л.* Моя жизнь. М., 1990. Т. 2. С. 63.

²³ Цит. по: *Гиттельман Ц.* Формирование еврейской культуры и самосознания в СССР: государство в качестве социального инженера // *Советская этнография.* 1991. № 1. С. 39.

²⁴ См.: *Недава Й.* Вечный комиссар. М., Иерусалим, 1989. С. 108.

²⁵ Цит. по: *Чуев Ф.* Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. М., 1992. С. 7, 47, 94.

²⁶ Цит. по: *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 1990. С. 82.

- ²⁷ Цит. по: *Кожин В.* Загадочные страницы истории XX века // Наш современник. 1994. № 8. С. 149.
- ²⁸ *Фрадкин В. А.* Дело Кольцова. М., 2002. С. 219.
- ²⁹ *Волгогонов Д. А.* Ленин. Политический портрет: В 2 кн. М., 1994. Кн. 1. С. 49, 52.
- ³⁰ *Рапопорт Я. Л.* На рубеже двух эпох: Дело врачей 1953 года. М., 1988. С. 23.
- ³¹ Настольный энциклопедический словарь-справочник. М., 1926. С. 425.
- ³² Настольный энциклопедический словарь-справочник. 2-е изд. М., 1927. С. 425.
- ³³ Настольный энциклопедический словарь-справочник. 3-е изд. М., 1929. С. 598.
- ³⁴ *Модржинская Е. Д.* Космополитизм — империалистическая идеология порабощения наций. М., 1958. С. 160.
- ³⁵ Там же. С. 161.
- ³⁶ См.: *Маор И.* Сионистское движение в России. Иерусалим, 1977. С. 428—429.
- ³⁷ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 165 и др.
- ³⁸ Там же. С. 165.
- ³⁹ См. там же. С. 166.
- ⁴⁰ Там же. С. 165—166. В сущности, именно такой интернационализм, он же мелкобуржуазный национализм, выступает и навязывается в качестве нормы в межнациональных отношениях в постсоветской России.
- ⁴¹ См. там же. Т. 24. С. 122.
- ⁴² Там же. С. 237.

ГЛАВА 1

- ⁴³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 444.
- ⁴⁴ Там же. Т. 42. С. 360.
- ⁴⁵ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 457.
- ⁴⁶ Там же. Т. 30. С. 21.
- ⁴⁷ Там же. Т. 27. С. 256.
- ⁴⁸ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 354—355. После военных неудач в Польше и подписания с ней договора о предварительных условиях мира (12 октября 1920 г.) Ленин заявил на собрании ячеек Московской организации РКП(б) 26 ноября 1920 г.: «Но как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот» (*Ленин В.И.* Соч. 3-е изд. Т. 26. С. 50).
- ⁴⁹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 77. {521}
- ⁵⁰ Там же. Т. 26. С. 32.
- ⁵¹ Там же. Т. 17. С. 190.
- ⁵² Цит. по: *Маор И.* Сионистское движение в России. Иерусалим, 1977. С. 428—429.
- ⁵³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 108—109.
- ⁵⁴ Там же. Т. 49. С. 14.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же. Т. 41. С. 4.
- ⁵⁷ Цит. по: *Платонов О.А.* Терновый венец России: История русского народа в XX в. М., 1997. Т. 1. С. 651.
- ⁵⁸ *Зиновьев Г.Е.* Соч. Л., 1924. Т. 15. С. 115.
- ⁵⁹ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1923. С. 602.
- ⁶⁰ Цит. по: *Скоркин К.В.* Обречены проиграть (Власть и оппозиция 1922—1934). М., 2011. С. 201; *Клементьев В.Ф.* В большевистской Москве (1918—1920). М., 1998. С. 400. История повторяется. В наше время облеченные властью деятели вновь призывают к забвению национальных различий. «Надо понимать, что мы должны построить единую гражданскую российскую нацию. И главная графа в нашем паспорте — это гражданство. По этой графе все мы — россияне... У людей старшего поколения ностальгия может быть только по интернационализму, который был характерен для советской истории и советской эпохи. И тогда, кстати говоря, про национальность вообще не спрашивали» (цит. по: *Резчиков А.* «Отец — узбек, а мать — украинка». Глава президентского Совета по правам человека пояснил, почему не надо возвращать «пятую графу». 02.11.2011. URL: <http://www.vz.ru/politics/2011/11/2/535655.html>). При этом упускается из виду, что без фиксации национальности в паспортах и при проведении переписей населения ис-

- чезает смысл сохраняющихся в России многочисленных национально-территориальных образований.
- ⁶¹ Цит. по: *Хоскинг Д.* Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе / Пер. с англ. М., 2012. С. 168.
- ⁶² *Сталин И.В.* Соч. Т. 5. С. 231.
- ⁶³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 256.
- ⁶⁴ *Сталин И.В.* Соч. Т. 4. С. 354.
- ⁶⁵ *Зиновьев Г.Е.* Соч. Т. 15. С. 269.
- ⁶⁶ Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992. С. 72.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 238.
- ⁶⁹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 144.
- ⁷⁰ Там же. С. 58, 149.
- ⁷¹ Там же. Т. 35. С. 115.
- ⁷² Там же. Т. 37. С. 234.
- ⁷³ *Бухарин Н.И.* Избранные произведения. М., 1988. С. 70.
- ⁷⁴ *Зиновьев Г.Е.* Ленин и национальный вопрос. Вступительная статья в кн.: Ленин В.И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». Л., 1925. С. 7.
- ⁷⁵ Цит. по: *Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И.* Очерк истории Советской Конституции. М., 1987. С. 240, 265.
- ⁷⁶ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 120.
- ⁷⁷ *Сталин И.В.* Соч. Т. 5. С. 39.
- ⁷⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. С. 366.
- ⁷⁹ *Сталин И.В.* Соч. Т. 5. С. 36.
- ⁸⁰ См.: *Чеботарева В. Г. И. В.* Сталин и партийно-советские национальные кадры // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 17. {522}
- ⁸¹ *Ленин В. И.* Там же. Т. 30. С. 21.
- ⁸² Там же. Т. 45. С. 359.
- ⁸³ Двенадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1968. С. 613.
- ⁸⁴ См.: *Калинин М. И.* Что требуется от коммуниста? Речь на общепартийном собрании членов Уфимской организации, 1 декабря 1923 г. // Калинин М. И. Избранные произведения. М., 1960. Т. 1. С. 420; *Он же.* Речь на совещании уполномоченных по работе среди национальных меньшинств, 30 мая 1928 г. // Там же. Т. 2. С. 246. В. М. Молотов и в 1977 г. полагал, что более высокий уровень жизни в других социалистических странах и в советской Прибалтике — явление не только нормальное, но и необходимое. «Наши прибалтийцы, — говорил он, — живут на более высоком уровне, чем москвичи. И нам это необходимо. Это политика, соответствующая интересам Москвы» (*Чуев Ф. И.* Молотов: Полудержавный властелин. М., 1999. С. 521). Е. И. Чазов отмечал, что в бытность его министром СССР (1987—1990), на охрану здоровья граждан в прибалтийских республиках тратилось около 80 рублей на человека в год, а в различных регионах РСФСР — около 50—60 рублей, удивляясь при этом нелепости ярлыка «оккупанты», который приклеивался русскому народу в этих республиках: «С каких это пор оккупанты заботятся о здоровье населения оккупированных районов больше, чем о своем собственном?!» (*Чазов Е. И.* Как уходили вожди: Записки главного врача Кремля. М., 2012. С. 181).
- ⁸⁵ *Артановский С. Н.* На перекрестках идей и цивилизаций: Исторические формы общения народов: Мировые культурные контакты, многонациональное государство. СПб., 1994. С. 59, 103.
- ⁸⁶ *Шахназаров Г.* Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993. С. 194.
- ⁸⁷ *Ципко А.* Безумие Беловежья: Три года спустя // Независимая газета. 1994. 9 декабря. С. 3.
- ⁸⁸ *Уэллс Г.* Собрание сочинений в 15 т. М., 1964. Т. 15. С. 406, 409, 410, 412, 414, 424. См. также: *Уэльс Г.* Предвидения: О воздействии прогресса механики и науки на человеческую жизнь и мысль. М., 1902; *Он же.* Предсказания о судьбах, ожидающих человечество в XX столетии. СПб., 1903; *Кагарлицкий Ю. И.* Вглядываясь в грядущее: Книга о Герберте Уэллсе. М., 1989. С. 243. В постсоветской России созвучные представления о национальностях развивались в работах В.А Тишкова: Забыть о нации (пост-националистическое понимание национализма) // (Вопросы философии. 1998. № 9); Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
- ⁸⁹ См.: *Спасов О.* Преодоление национализма // Звезда. 1993. № 8. С. 191.

- ⁹⁰ См. там же. С. 184—190.
- ⁹¹ *Державин Г. Р.* Сочинения. СПб., 1851. Т. 2. С. 86.
- ⁹² *Спасов О.* Указ. соч. С. 191.
- ⁹³ *Нагибин Ю.* Трудно быть евреем в России. Но куда труднее быть русским // *Куранты*. 1994. 30 сентября. С. 5.
- ⁹⁴ *Нагибин Ю.* Ничто не кончилось... // *Что дальше? Россия после референдума*. М., 1993. Вып. 3. С. 40.
- ⁹⁵ *Большевизм против сталинизма по еврейскому вопросу* // *Бюллетень Спартаковцев*. 1992. № 3. С. 30.
- ⁹⁶ См.: *Гордон Л.* Область возможного: Варианты социально-политического развития России и способность российского общества переносить тяготы переходного времени. М., 1995. С. 10, 11, 15, 37.
- ⁹⁷ *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 1990. С. 40.
- ⁹⁸ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 513.
- ⁹⁹ Цит. по: *Ленин В. И.* Соч. 2-е изд. М.; Л., 1928. Т. XXV. С. 624. {523}
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ XII съезд РКП(б). Стенограмма заседания секции съезда по национальному вопросу, 25 апреля 1923 г. // *Известия ЦК КПСС*. 1991. № 4. С. 171.
- ¹⁰² *Бухарин Н., Преображенский Е.* Азбука коммунизма // *Звезда и свастика: Большевизм и русский фашизм*. М., 1994. С. 49.
- ¹⁰³ *Коган П.* Письмо Жоре Лепскому. Декабрь 1940. URL: <http://rurpоеm.ru/kogan/vot-i-my.aspx>; *Норман Н.* Земшарная утопия. 2009. URL: <http://www.stihi.ru/2009/08/10/4781>.
- ¹⁰⁴ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 235.
- ¹⁰⁵ *Хрестоматия по истории государства и права России* / Сост. Ю. П. Титов. М., 2001. С. 319.
- ¹⁰⁶ *Троцкий Л. Д.* Сталин. М., 1990. Т. 2. С. 39.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 34.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 29.
- ¹⁰⁹ *Пестковский С.* Как создавался Наркомнац // *Жизнь национальностей*. 1923. Кн. 1. С. 272.
- ¹¹⁰ См. там же.
- ¹¹¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 144.
- ¹¹² *Сталин И. В.* Соч. М., 1947. Т. 4. С. 73.
- ¹¹³ См.: *История национально-государственного строительства в СССР. 1917—1978: В 2 т.* М., 1979. Т. 1: *Национально-государственное строительство в СССР в переходный период от капитализму к социализму (1917—1936 гг.)*.
- ¹¹⁴ См.: *Гилилов С. С. В. И. Ленин — организатор Советского многонационального государства*. М., 1972. С. 82.
- ¹¹⁵ *Сталин И. В.* Соч. М., 1947. Т. 5. С. 39.
- ¹¹⁶ *Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия?* М., 1992. С. 87.
- ¹¹⁷ Там же. С. 88.
- ¹¹⁸ *Документы внешней политики СССР*. М., 1961. Т. 5. С. 110—111.
- ¹¹⁹ *Несостоявшийся юбилей*. С. 103.
- ¹²⁰ В этом году в условиях возвращения от культа Ленина и Сталина к культу Ленина появились первые публикации, сосредоточивавшие внимание на негативной ленинской оценке «автономизации» (см.: *Вопросы истории*. 1956. № 3; *Коммунист*. 1956. № 10).
- ¹²¹ *Дорошенко В. Л.* Ленин против Сталина. 1922—1923 // *Звезда*. 1990. № 4. С. 134.
- ¹²² *Сталин И. В.* Соч. М., 1947. Т. 5. С. 39.
- ¹²³ *Несостоявшийся юбилей*. С. 119.
- ¹²⁴ Там же. С. 108—110.
- ¹²⁵ Там же. С. 111.
- ¹²⁶ *Известия ЦК КПСС*. 1989. № 9. С. 207.
- ¹²⁷ *КПСС в резолюциях...* М., 1983. Т. 2. С. 599.
- ¹²⁸ *История государства и права России*. М., 1998. URL: <http://rus-lib.ru/book/39/IOGiP%20posob2.htm>.
- ¹²⁹ *Несостоявшийся юбилей*. С. 113.
- ¹³⁰ *Султан-Галиев М.* Избранные труды. Казань, 1998. С. 409—410.
- ¹³¹ *Несостоявшийся юбилей*. С. 145.
- ¹³² См. там же. С. 151—171.

- 133 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 360.
- 134 Там же. С. 362.
- 135 Там же. С. 356.
- 136 Там же. С. 352.
- 137 Там же. С. 357.
- 138 Там же. {524}
- 139 Там же. С. 359.
- 140 Там же.
- 141 Сахаров В. А. «Политическое завещание» Ленина: реальность истории и мифы политики. М., 2003.
- 142 Сахаров В. А. На распутье. Дискуссия по вопросам перспектив и путей развития советского общества (1921—1929). М., 2012. С. 139—166.
- 143 Сталин И. В. Соч. М., 1947. Т. 5. С. 186.
- 144 Там же. С. 187.
- 145 Там же.
- 146 Там же. С. 192.
- 147 Там же. С. 189.
- 148 Там же. С. 193.
- 149 Там же. С. 186—187.
- 150 Там же. С. 188; КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 366.
- 151 Сталин И. В. Соч. М., 1947. Т. 5. С. 188.
- 152 Цит. по: Наше Отечество. Опыт политической истории. М., 1991. Т. 2. С. 154.
- 153 См. там же. С. 154—155.
- 154 Несостоявшийся юбилей. С. 181—182.
- 155 Там же. С. 180.
- 156 Там же. С. 182.
- 157 Там же. С. 185.
- 158 Двенадцатый съезд РКП(б). 17—25 апреля 1923 года. Стеногр. отчет. М., 1968. С. 613.
- 159 Там же. 534.
- 160 XII съезд РКП(б). Стенограмма заседания секции съезда по национальному вопросу 25 апреля 1923 г. // Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 179.
- 161 Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 175.
- 162 Там же. № 4. С. 162.
- 163 Там же. № 5. С. 171.
- 164 КПСС в резолюциях. 9-е изд. М., 1983. Т. 2. С. 105.
- 165 Кабахидзе Юрий (Акакий) Константинович (Мирский Арий Константинович) (1890—1937) — активный участник троцкистской оппозиции, последнее место работы: начальник управления Красноярской железной дороги; арестован в сентябре 1936-го; приговорен к высшей мере наказания. См. о нем: Ильин А. Авантюрный князь на большой дороге. URL: <http://www.memorial.krsk.ru / Articles / Ииын / 25.htm>; <http://galkovsky.livejournal.com / 80949.html?thread=8227381#t8227381>.
- 166 Журавлев В. В., Ненароков А. П. Новые факты и документы по истории образования СССР // Историки спорят. М., 1988. С. 218; Мартиросян А. Б. Сталин: Биография вождя. М., 2007. (200 мифов о Сталине. Миф № 109: Сталин виновник так называемого грузинского инцидента, в котором взял под защиту С. Орджоникидзе).
- 167 См.: Кириллов В. С., Свердлов А. Я. Г. К. Орджоникидзе (Серго). Биография. М., 1962. С. 177—178; Яковлев Н. Сталин: путь наверх (1879—1927) // Наш современник. 1997. № 12. С. 234.
- 168 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 476.
- 169 Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 191.
- 170 Цит. по: О так называемой «султан-галиевской контрреволюционной организации» // Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 79—80.
- 171 Там же. С. 79.
- 172 Тайны национальной политики ЦК РКП(б). С. 63.
- 173 Там же. С. 229.
- 174 Там же. С. 254. {525}
- 175 Центральный комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б). 1917—1991: Историко-биографический справочник. М., 2005. С. 347.

- 176 Там же. С. 356.
- 177 *Косолапов Р. И.* Выступление на заседании круглого стола «И. В. Сталин и национальный вопрос» в Государственной думе 10 декабря 2009 г. Цит. по: *Карпеев И. В.* И. В. Сталин и национальный вопрос // Политическое просвещение. 2010. № 6 (59). <http://www.politpros.com/journal/read/?ID=60&journal=39> (дата обр.: 07.07.2012).
- 178 *Жуков Ю. Н.* Первое поражение Сталина. 1917—1922 годы от Российской империи — к СССР. М., 2011.
- 179 *Жуков Ю. Н.* Настольная книга сталиниста. С., 2012. С. 231.
- 180 См.: *Сагадеев А. В.* Мирсайт Султан-Галиев и идеология национально-освободительного движения: Научно-аналитический обзор. М., 1990; *Он же.* Мирсаид Султан-Галиев и его идеи. Большевизм, ислам и национальный вопрос // Россия и современный мир. 1998. № 3 (20); Тайны национальной политики ЦК РКП: Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9—12 июня 1923 г. Стеногр. отчет. М., 1992.
- 181 *Грошев И. И.* Сущность национальной политики КПСС. М., 1982; О так называемом «национал-уклонизме» // Несостоявшийся юбилей. С. 243—255; *Борисенок Е. Ю.* Феномен советской украинизации 1920—1930-е годы. М., 2006.
- 182 *Ваганян В. А.* О национальной культуре. М., 1927. С. 51.
- 183 Там же. С. 59.
- 184 См. там же. С. 25.
- 185 *Сталин И. В.* Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). Речь 5 августа // *Сталин И. В.* Соч. Т. 10. М., 1949. С. 70.
- 186 См.: Наше Отечество. Опыт политической истории. М., 1991. Т. 2. С. 155—157.
- 187 *Троцкий Л.* Независимость Украины и сектантская путаница // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1939. № 79—80. С. 26.
- 188 *Чеботарева В. Г.* И. В. Сталин и партийно-советские национальные кадры // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 7.
- 189 Там же. С. 8.
- 190 Там же. С. 14.
- 191 Там же. С. 9.
- 192 Там же. С. 13.
- 193 Там же.
- 194 Там же. С. 16.
- 195 Там же. С. 14.
- 196 Там же. С. 15.
- 197 Там же.
- 198 Там же.
- 199 Там же.
- 200 Там же.
- 201 Там же. С. 16.
- 202 Там же. С. 17.
- 203 Там же. С. 14.
- 204 Там же. С. 22.
- 205 *Грошев И. И.* Сущность национальной политики КПСС. М., 1982. С. 201. См. также: *Ожукеева Т. О.* Роль РСФСР в выравнивании уровней развития советских республик. Фрунзе, 1989.
- 206 *Кулешов С. В.* Неучтенный великий народ // Родина. 1994. № 8. С. 12.
- 207 *Страшун Б.* Кое-что о российском федерализме // Российский бюллетень по правам человека. 1999. № 12. С. 21. {526}
- 208 См.: *Жуков Ю. Н.* Тайны Кремля. Сталин, Молотов. Берия. Маленков. М., 2000. С. 92; *Медведев Ж. А., Медведев Р. А.* Неизвестный Сталин. М., 2001. С. 272—273.
- 209 См.: *Чалидзе В.* Национальные проблемы и перестройка. Benson; Vermont, 1988. С. 90.
- 210 *Сталин И. В.* Соч. М., 1949. Т. 12. С. 369.
- 211 *Сталин И. В.* Соч. М., 1947. Т. 5. С. 231.
- 212 Цит. по: *Соколов О. Д.* Развитие исторических взглядов М. Н. Покровского // *Покровский М. Н.* Избранные произведения. В 4 кн. М., 1966. Кн. 1. С. 62.
- 213 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 395.

- 214 Цит. по: *Сироткин В. Г.* Указ. соч. С. 23; Россия сегодня: реальный шанс // *Обозреватель*. 1994. № 21—24. С. 53.
- 215 *Луначарский А. В.* Просвещение и революция: Сб. статей. М., 1926. С. 96.
- 216 Там же. С. 94, 95.
- 217 Там же. С. 93—94.
- 218 *Луначарский А. В.* Задачи просвещения в системе советского строительства: Доклад на I Все-союзном учительском съезде. М., 1925. С. 6, 7.
- 219 Там же. С. 6.
- 220 Там же.
- 221 Там же. С. 10.
- 222 V Всемирный конгресс Коминтерна: Стеногр. отчет. М.; Л., 1925. Ч. 1. С. 9.
- 223 См. там же.
- 224 Лозунги к 10-й годовщине Великого Октября // *Известия ЦК ВКП(б)*. 1927. № 40. С. 1.
- 225 Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах. М., 1998. С. 163.
- 226 Цит. по: *Дьяконов И. М.* Книга воспоминаний. СПб., 1995. С. 489; Гимн Коминтерна. Слова И. Френкеля, музыка Г. Эйслера. URL: <http://www.a-pesni.golosa.info/drugije/zavody.htm>.
- 227 См.: Беседа товарища Сталина с представителем газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс» г-ном Рой Говардом 1 марта 1936 г. // *Правда*. 1936. 5 марта.
- 228 Цит. по: *Николаевский Б. И.* Тайные страницы истории. М., 1995. С. 416.
- 229 Там же.
- 230 Там же. С. 426.
- 231 *Штурман Д.* О вождях российского коммунизма. Париж; М., 1993. Кн. 2. С. 62.
- 232 См.: *Ваганян В. А.* О национальной культуре. М., 1927. С. 185.
- 233 *Ваганян В. А.* Поборники националистического каннибализма // *Воинствующий материалист*. 1925. Кн. 5. С. 211.
- 234 См. там же. С. 217.
- 235 Там же. С. 210.
- 236 *Троцкий Л. Д.* Мысли о партии // Национальный вопрос на перекрестке мнений. 20-е годы: Документы и материалы. М., 1992. С. 125. Подобно этому троцкистский план экономического развития СССР в переходный период к социализму сводился к признанию необходимости вхождения СССР в мировой капиталистический рынок в качестве надежного поставщика зерна и сырья в расчете дожидаться мировой революции, в рамках которой будут так или иначе решены все проблемы российской революции (См.: *Сахаров В. А.* На распутье. Дискуссия по вопросам перспектив и путей развития советского общества (1921—1929). М., 2012. С. 232, 239).
- 237 *Ваганян В. А.* О национальной культуре. С. 24.
- 238 См. там же. С. 51.
- 239 Там же. С. 62.
- 240 Там же. С. 25. {527}
- 241 Там же. С. 61.
- 242 См. там же. С. 27.
- 243 Там же. С. 24.
- 244 См.: *Сироткин В. Г.* Вехи отечественной истории. М., 1991. С. 76, 250.
- 245 *Ваганян В. А.* О национальной культуре. С. 129.
- 246 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 129.
- 247 См.: *Фохт А. В.* Ошибки М. Н. Покровского в вопросах преподавания истории // Против анти-марксистской концепции М. Н. Покровского. Сб. статей. М.; Л., 1940. Ч. 2. С. 487.
- 248 Далеко не все молодые ученые, готовившие себя для занятий наукой в учреждениях, руководимых М. Н. Покровским, становились его адептами. Нередко они утверждались на позициях, прямо противоположных. См., например: *Ульянов Н. И.* Исторический опыт России // *Бежин луг*. 1994. № 1; *Муравьев П. А.* С болью за Россию // *Бежин луг*. 1994. № 1.
- 249 *Покровский М. Н.* Избранные произведения. В 4 кн. М., 1967. Кн. 4. С. 129—130.
- 250 Там же. С. 102.
- 251 Там же. С. 102—103.
- 252 Там же. С. 103.
- 253 *Вольфсон М.* Патриотизм // *МСЭ*. М., 1931. Т. 6. Стб. 355;

- 254 Окуджава. Миазм большевизма. Икона шестидесятничества. URL:
<http://www.newsland.ru/news/detail/id/821234/>.
- 255 Вольфсон М. Патриотизм. Стб. 355.
- 256 Там же. Стб. 356.
- 257 См.: *Постол М.* Веселятся ныне враги России // Молодая гвардия. 1994. № 5. С. 5—6, 27.
- 258 *Александровский В.* Русь и СССР // Правда. 1925. 13 августа. С. 3.
- 259 Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. 1. М., 1930. С. IX.
- 260 *Нечкина М.* История народов СССР // МСЭ. М., 1930. Т. 8. Стб. 393, 395, 398.
- 261 *Покровский М. Н.* Возникновение Московского государства и «великорусская народность» // Историк-марксист. 1930. № 18—19. С. 28.
- 262 Там же. С. 19, 28.
- 263 См.: *Бордюгов Г. А., Бухараев В. М.* Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. М., 2011. С. 55.
- 264 *Нечкина М.* «Отечественная» война // МСЭ. М., 1931. Т. 6. Стб. 186.
- 265 Там же. Стб. 186—187. См. также: *Нечкина М.* Российская империя // МСЭ. М., 1932. Т. 7. Стб. 397.
- 266 Цит. по: *Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 года. М., 1962. С. 47.
- 267 Цит. по: *Колодный Л.* Хождение в Москву. М., 2006.
- 268 См.: *Колодный Л.* Утраты. Арбат. М., 2004; и др.
- 269 См.: *Кузнецов А.* Остановить манкурта // Ветеран. 1990. 16—22 июля (№ 29). С. 11; *Глазунов И.* Россия распятая // Наш современник. 1996, № 1. С. 236; и др.
- 270 Цит. по: *Постол М.* Указ. соч. С. 25.
- 271 Цит. по: *Любомудров М.* Извлечем ли уроки? // Наш современник. 1989. № 2. С. 175.
- 272 Цит. по: *Каграманов Ю.* Империя и ойкумена // Новый мир. 1995. № 1. С. 156.
- 273 Жизнь национальностей. 1921. 25 октября. № 23.
- 274 *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы: Роман в четырех частях с эпилогом. Л., 1970. С. 262.
- 275 Там же. С. 263.
- 276 *Бухарин Н.* Наш Союз // Известия. 1935. 28 января. С. 3.
- 277 Там же. {528}
- 278 *Бухарин Н.* Герои и героини / Известия. 1935. 11 ноября. С. 2.
- 279 *Бухарин Н.* Конституция социалистического государства // Известия. 1936. 15 июля. С. 2.
- 280 *Бухарин Н.* Рождение и развитие социалистической родины // Известия. 1934. 6 июля. С. 2.
- 281 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 13.
- 282 *Луначарский А. В.* Воспитание нового человека (Обработанная стенограмма лекции, прочитанной 23 мая 1928 г. в Ленинграде). Л., 1928. С. 17, 19, 20, 29.
- 283 *Бухарин Н.* Мы — единственная страна, которая воплощает прогрессивные силы истории // Правда. 1934. 31 января. С. 2.
- 284 *Бухарин Н.* Размышления о тракторе: (К юбилею Сталинградского тракторного) // Известия. 1935. 17 июня. С. 2.
- 285 *Бухарин Н.* Наш вождь, наш учитель, наш отец // Известия. 1936. 21 января. С. 2.
- 286 Цит. по: *Максимов А.* В плену буржуазной идеологии: Журнал «Социалистическая реконструкция и наука». 1931—1935 гг. // Правда. 1937. 8 февраля. С. 3.
- 287 Цит. по: *Пияшев Н. Ф.* Луначарский?.. Нет, он Антонов! Документальное повествование о жизни и деятельности А. В. Луначарского. М., 1998. Ч. 2. С. 461.
- 288 См.: *Кожин В.* К спорам о «русском» // Литературная газета. 1990. 12 сентября. С. 4.
- 289 См.: *Бухарин Н.* Мир, как он будет // Известия. 1934. 7 ноября. С. 2.
- 290 *Бухарин Н.* Рождение человечества // Бухарин Н. И. Тюремные рукописи. В 2 кн. М., 1996. Кн. 2. С. 367.
- 291 *Бухарин Н.* Мир, как он будет // Известия. 1934. 7 ноября. С. 3.
- 292 *Алтаузен Д.* Вступление к поэме // 30 дней. 1930. № 8. С. 66.
- 293 См.: *Шафаревич И.* Русофобия (Большой вопрос). М., 1990. С. 87.
- 294 *Коган П.* Гроза: Стихи. М., 1989. С. 163.
- 295 Великий гражданин: Сб. материалов к кинофильму. Л., 1940. С. 74.
- 296 XVIII Съезд Всероссийской коммунистической партии(б). 10—21 марта 1939 г. Стеногр. отчет. М., 1939. С. 613.
- 297 Там же. С. 273.

- 298 *Калинин М. И.* Об овладении марксизмом-ленинизмом работниками искусств. Речь на собрании работников искусств г. Москвы 9 января 1939 г. // *Известия.* 1939. 10 июня.
- 299 Цит. по: *Невежин В. А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев». 1939—1941 гг. М., 1997. С. 112.
- 300 *Юмашева О. Г., Лепихов И. А.* Феномен «тоталитарного либерализма» (Опыт реформы советской кинематографии, 1939—1941 гг.) // *Киноведческие записки.* 1993 / 1994. № 20. С. 137.
- 301 КПСС в резолюциях... М., 1985. Т. 6. С. 124.
- 302 *Миц И.* О войнах справедливых и несправедливых // *Правда.* 1939. 14 авг. С. 4.
- 303 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 150.
- 304 *Байдудков Г.* Мысли о наших летчиках // *Правда.* 1940. 18 августа. С. 3.
- 305 Там же.
- 306 *Василевская В.* Родина растет // *Правда.* 1940. 4 августа. С. 6.
- 307 *Кирсанов С.* Сегодня // *Правда.* 1941. 1 января. С. 6.
- 308 *Кульчицкий М.* Рубеж. М., 1973. С. 21, 22.
- 309 *Соболев Л.* Своевременно или несколько позже // *Правда.* 1941. 1 января. С. 4.
- 310 *Джилас М.* Беседы со Сталиным. М., 2002. С. 131—132.
- 311 Там же. С. 132.
- 312 *Чуев Ф. И.* Молотов: Полудержавный властелин. М., 1999. С. 122.
- 313 *Марков А. П.* Как это было (Воспоминания сибиряка). М., 1995. С. 157.
- 314 *Маленков Г. М.* 32-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции // *Правда.* 1949. 7 ноября. С. 4. {529}
- 315 *Сталин И. В.* Соч. М., 1947. Т. 7. С. 101.
- 316 Цит. по: *Деникин А. И.* Письмо Г. Трумэну, июнь 1946 г. // *Военно-исторический журнал.* 1998. № 4. С. 94.
- 317 См., например: *Блейзер М.* Евреи Ленинграда перед Второй мировой войной: Социальный и этнокультурный облик // *Вестник Еврейского университета в Москве.* 1998. № 1. С. 64. Ср.: *Ганелин Р. Ш.* Сталин и советская историография предвоенных лет // *Новый часовой.* 1998. № 6—7. С. 115.
- 318 См.: *Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю.* Изгнание науки: Российская историография в 20 — начале 30-х годов XX века // *Отечественная история.* 1994. № 3; *Дубровский А. М. С. В.* Бахрушин и его время. М., 1992.
- 319 См.: *Брачев В. С.* «Дело» академика С. Ф. Платонова // *Вопросы истории.* 1989; *Горяинов А. Н.* Еще раз об «академической истории» // *Вопросы истории.* 1990. № 1; *Брачев В. С.* Укрощение строптивой, или Как АН ССР учили послушанию // *Вестник Академии наук СССР.* 1990; № 5; *Перченков Ф. Ф.* «Дело Академии наук» // *Природа.* 1991. № 4. С. 96, 99; Академическое дело 1929—1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993; № 4. С. 120; *Рахматуллин М. А.* Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова // *Отечественная история.* 1994. № 6; In memo: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. М., СПб., 1995; Трагические судьбы: Репрессированные ученые Академии наук СССР: Сб. статей. М., 1995; *Шмидт С. О.* Сергей Федорович Платонов и «Дело» Платонова // *Советская историография / Под ред. А. Ю. Афанасьева.* М., 1996; *Брачев В. С.* «Дело историков» 1929—1931 гг. СПб., 1997. 2-е изд. СПб., 1998.
- 320 «Историк-марксист» за пять лет (1926—1930 гг.) // *Историк-марксист.* 1931. № 21. С. 136.
- 321 См.: *Брачев В. С.* «Дело» академика С. Ф. Платонова. С. 129.
- 322 См.: *Анциферов Н. П.* Из дум о былом: Воспоминания. М., 1992. С. 368 и др.
- 323 *Маторин Н. М.* Современный этап и задачи советской этнографии // *Советская этнография.* 1931. № 1—2. С. 25; см. также: Решетов А. М. Николай Михайлович Маторин (опыт портрета ученого в контексте времени) / *Этнографическое обозрение.* 1994. № 3. С. 132—156.
- 324 См.: *Кеменов В.* О национальной гордости русских художников // *Правда.* 1937. 13 августа. С. 4.
- 325 См.: *Артизов А. Н.* Судьба школы М. Н. Покровского (середина 1930-х годов) // *Вопросы истории.* 1994. № 7. С. 34—48.
- 326 См.: Бюллетень Наркомпроса РСФСР. 1933. № 7. С. 9.
- 327 См.: *Покровский М. Н.* Избранные произведения: В 4 кн. М., 1967. Кн. 3. С. 611.
- 328 Там же. М., 1967. Т. 3. С. 28.
- 329 *Ошлаков М. Ю.* Сталин их побори! 1937: Война за независимость СССР. М., 2011. С. 89.

- 330 См.: *Фохт А. В.* Указ. соч. С. 487.
- 331 Собрание законов и распоряжений Правительства СССР. 1934. № 26. Ст. 206.
- 332 Летопись Московского университета. 1755—1979. М., 1979. С. 225, 236.
- 333 Справочник партийного работника. М., 1935. Вып. 9. С. 137.
- 334 Правда. 1936. 27 января.
- 335 См.: *Покровский М. Н.* Избранные произведения. Кн. 3. С. 113.
- 336 См.: *Елагин Ю.* Рабоче-крестьянский граф // *Огонек*. 1990. № 41. С. 22—25.
- 337 *Фридлянд Г.* Основные проблемы исторического романа // *Октябрь*. 1934. № 7. С. 208.
- 338 См.: *Ваганян В.* О двух видах исторического романа // *Октябрь*. 1934. № 7. С. 216—220.
- 339 *Бедный Д.* Слезай с печки // *Правда*. 1930. 7 сентября. С. 5.
- 340 *Бедный Д.* Перерва // *Правда*. 1930. 11 сентября. {530}
- 341 *Бедный Д.* Без пощады // *Правда*. 1930. 5 декабря. С. 3—4.
- 342 *Бедный Д.* Слезай с печки: Памятка ударнику. М.; Л., 1930.
- 343 «Счастье литературы»: Государство и писатели. 1925—1938: Документы. М., 1997. С. 85.
- 344 Там же. С. 87.
- 345 *Сталин И. В.* Соч. М., 1951. Т. 13. С. 25, 27.
- 346 «Счастье литературы»: Государство и писатели. 1925—1938. Документы. М., 1997. С. 93.
- 347 Все эти выдающиеся представители так называемого новокрестьянского направления в русской поэзии XX века не пережили репрессий. С. А. Клычков (р. 1889) был заклеен как «идеолог кулачества», в 1937 г. арестован по ложному обвинению в принадлежности к антисоветской организации «Трудовая крестьянская партия» и расстрелян в октябре 1937 г. Н. А. Клюев (р. 1884) арестован по обвинению в «составлении и распространении контрреволюционных литературных произведений», расстрелян в октябре 1937 г. П. В. Орешин (р. 1887) арестован по обвинению в террористической деятельности, расстрелян в марте 1937 г. (См.: *Михайлов А. И.* Пути развития новокрестьянской поэзии. Л., 1990).
- 348 См.: *Бескин О.* Кулацкая художественная литература и оппортунистическая критика: Статьи. 2-е изд. М., 1931. С. 7—8, 10—11, 51—52. (1-е изд. книги вышло в 1930 г.).
- 349 *Безыменский А. И.* Выступление 15 марта 1931 г. / VI съезд Советов Союза ССР. 8—17 марта 1931 г. Стеногр. отчет. М., 1931. Бюллетень № 18. С. 18, 19.
- 350 *Каменев Л.* Введение // *Печерин В. С.* Замогильные записки. М., 1932. С. 6. Этот же текст Л. Каменева помещен в качестве комментария в книге: *Герцен А. И.* Былое и думы. В 3 т. М., 1932. С. 275.
- 351 *Вирде В., Донико Н., Магницкая Н.* «Крещение Руси» // *Рабочий и театр*. 1932. 10 января (№ 1). С. 14.
- 352 *Сталин И. В.* Соч. М., 1951. Т. 13. С. 40.
- 353 *Калинин М. И.* Избранные произведения. М., 1960. Т. 2. С. 210.
- 354 Там же. С. 93.
- 355 *Такер Р.* Сталин у власти: История и личность, 1928—1941. М., 1997. С. 141.
- 356 *Бордюгов Г. А., Бухараев В. М.* Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. М., 2011. С. 49.
- 357 См.: *Веневитинов Д.* Стихотворения. Свердловск, 1989. Стихотворение «Родина» опубликовано с примечанием: авторство точно не установлено, автограф не найден.
- 358 *Пятницкий В. И.* Заговор против Сталина. М., 1998. С. 42.
- 359 Лозунг выдвинут в июне 1923 г. См.: *Авербах Л.* По эту сторону литературных траншей // *На посту*. 1923. № 1. С. 84.
- 360 *Мехлис Л.* За перестройку работы РАПП // *Правда*. 1931. 24 ноября. С. 2.
- 361 *Луначарский А.* Наше западничество // *Огонек*. 1929. № 5. С. 4. Современные поборники российской суверенности отвергают западников за их отказ жить своим русским умом, прокладывая собственный путь в истории. Западничество и его выражения в России (чаадаевщина, смердяковщина, революционные движения) осуждаются за постоянство в стремлениях перестроить Россию на европейский манер, устроить ее жизнь, «как в Европе», а в результате революционных преобразований — сделать Россию «западнее самого Запада» (См.: *Мусин К.* Смердякоз. 08.06.2012. URL: <http://www.apn.ru/publications/print26752.htm>).
- 362 *Соколовский С. В.* Институты и практики производства и воспроизводства этничности // *Этно-методология: проблемы, подходы, концепции*. Вып. 11. М., 2005. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0319/analit02.php>; *Гапинова З.* Коренизация является лучшим приближением аппаратов к массам // *Эхо веков*. Казань, 2009. № 1. URL:

L. {531}

- 363 *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923—1939. М., 2011. С. 384.
- 364 Там же. С. 389.
- 365 Там же. С. 393.
- 366 Там же. С. 394.
- 367 Там же. С. 410.
- 368 Там же. С. 411.
- 369 Там же. С. 412.
- 370 *Осколков Е.* Голод 1932 / 1933 гг. Хлебозаготовки и голод 1932 / 1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов н / Д., 1991. С. 55, 66.
- 371 *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923—1939. М., 2011. С. 416.
- 372 Там же. С. 420, 422—423; *Мартин Т.* Империя положительной деятельности: Советский Союз как высшая форма империализма // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 88—116.
- 373 *Баберовски Й.* Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М., 2010. С. 337.
- 374 *Борисенок Е.* Феномен советской украинизации. 1920—1930-е годы. М., 2006. С. 216.
- 375 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 44.
- 376 Цит. по: *Родин С.* Творцы «Новой нации». URL: <http://zapravdu.ru/content/view/151/>.
- 377 *Борисенок Е.* Феномен советской украинизации. С. 216.
- 378 *Залесский К. А.* Империя Сталина. М., 2000. С. 414; Центральный комитет КПСС, ВКП(б), РСДРП(б). М., 2005. С. 371.
- 379 Цит. по: *Борисенок Е.* Феномен советской украинизации. С. 217.
- 380 См. там же.
- 381 Там же. С. 218.
- 382 Там же. С. 219—220.
- 383 Н. А. Скрыпник // Правда. 1933. 8 июля. С. 2.
- 384 О так называемом «национал-уклонизме» // Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 80.
- 385 XVII съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М., 1934. С. 70.
- 386 Там же. С. 88.
- 387 См. там же. С. 141.
- 388 См. там же. С. 199.
- 389 *Сталин И. В.* Соч. Т. 13. М., 1951. С. 362.
- 390 Там же.
- 391 Там же. С. 361.
- 392 *Диманштейн С.* Большевицкий отпор национализму // Революция и национальности. 1933. № 4. С. 12.
- 393 Беседа товарища Сталина с представителем газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюс-пейперс» г-ном Рой Говардом 1 марта 1936 г. // Правда. 1936. 5 марта.
- 394 *Димитров Г.* Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма: Доклад на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала 2 августа 1935 г. // Избранные произведения: В 3 т. М., 1983. Т. 2. С. 124.
- 395 *Лейбзон Б. М., Шириня К. К.* Поворот в политике Коминтерна: Историческое значение VII конгресса Коминтерна. М., 1975. С. 308, 310. С. 362.
- 396 КПСС в резолюциях... М., 1984. Т. 3. С. 88.
- 397 *Сталин И. В.* Соч. М., 1951. Т. 13. С. 362.
- 398 См.: *Бернштейн С. Б.* Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века) / Советское {532} славяноведение. 1989. № 1. С. 79—80; *Горяинов А. Н.* Славяноведы — жертвы репрессий 1920—1940-х годов // Советское славяноведение. 1990. № 2. С. 78—89; *Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М.* «Дело» М. Н. Сперанского // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 2. С. 77—86; *Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М.* Николай Николаевич Дурново // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1993. № 4. С. 54—68; *Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М.* Арест и ссылка академика В. Н. Перетца // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1994. Т. 53. № 2. С. 74—81; *Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М.* «Дело славя-

- стов»: 30-е годы. М., 1994; *Крылов В. В.* Мартиролог исследователей древнерусской литературы // Вестник РАН. 1994. Т. 64. № 2. С. 147; *Кулешов С.* Неучтенный великий народ // Родина. 1994. № 8. С. 12; *Гуськова А. В. В.* Виноградов и «дело русских фашистов» (1933—1934 гг.) // Наш современник. 1995. № 1. С. 183—192; *Славянская идея: история и современность.* М., 1998.
- 399 В сентябре 1933 г. П. Д. Барановский был вызван к заместителю председателя Моссовета Усову и услышал: «Будем сносить собор, просторнее надо сделать Красную площадь. Вам поручаем сделать обмеры...» Вспоминая об этой минуте, реставратор позднее зафиксировал: «У меня тогда комок в горле застрял. Не мог говорить, не мог сразу поверить, а потом сказал: “Это преступление и глупость одновременно. Можете сделать со мной, что хотите. Будете ломать — покончу с собой”». Протест против сноса он выразил и в телеграмме И. В. Сталину. Возможно это подействовало. Собор устоял. Вернувшись после трехлетнего пребывания в заключении, Барановский на свой страх и риск делал обмеры, зарисовки и фотографии сносившегося летом 1936 г. храма Казанской Божьей матери на Красной площади. В 1980 г., на 89-м году жизни, он передал эти материалы своему ученику, архитектору и реставратору О. И. Журину. По этим документам храм был восстановлен в 1990-е гг. (*Можсаев А. Б.* Верноподданные России. М., 2010, раздел: Красная площадь Петра Барановского. URL: http://www.golos-epohi.ru/?ELEMENT_ID=1577)
- 400 *Март Н. Я.* Избранные труды. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 455.
- 401 См.: *Бернштейн С. Б.* Указ. соч. С. 80—81; *Кулешов С.* Послесловие // Звезда и свастика: Большевизм и русский фашизм. М., 1994. С. 301—202.
- 402 См.: *Дудзинская Е. А.* Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983. С. 15.
- 403 Цит. по: *Мальшев В. А.* Дневник наркома // Источник. 1997. № 5. С. 128. (Запись от 28 марта 1945 г.)
- 404 См.: *Ганин А.* Мир и свободный труд — народам: Тезисы // Наш современник. 1992. № 1. С. 168—171.
- 405 См.: *Куняев С.* Растерзанные тени // Наш современник. 1992. № 1. С. 166—168; *Куняев С.* Пасынок России // Наш современник. 1992. № 4. С. 159, 169.
- 406 «Под контроль масс...»: Политработники 1921 года о литературе и искусстве // Литературная Россия. 1995. 7 июля. С. 12.
- 407 Там же. С. 13.
- 408 Цит. по: *Любомудров М.* Извлечем ли уроки? О русском театре, и не только о нем // Наш современник. 1989. № 2. С. 175.
- 409 См.: *Любомудров М.* Указ. соч.; *Постол М.* Веселятся ныне враги России // Молодая гвардия. 1994. № 5—6. С. 26.
- 410 См.: *Нусинов И.* Толстой Л. Н. // МСЭ. М., 1930. Т. 8. Стб. 845; *Троицкий Е. С.* О русской идее: Очерки теории возрождения нации. М., 1994. С. 91.
- 411 Цит. по: *Кожин В.* Судьба России: Вчера, сегодня, завтра. М., 1990. С. 102.
- 412 *Кеменов В.* О национальной гордости русских художников // Правда. 1937. 13 августа. С. 4.
- 413 *Шкловский В.* Как ставить классиков // Советский экран. 1927. 16 августа (№ 33). С. 10.
- 414 Там же
- 415 *Оруэлл Дж.* 1984. Скотный двор. Пермь, 1992. С. 33 и далее. {533}
- 416 См.: *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М., 1994. Т. 2. Ч. 1. С. 375.
- 417 Грядущее. 1918. № 2. С. 4.
- 418 Искусство коммуны. 1919. 23 февраля.
- 419 Там же. 1919. 23 марта.
- 420 Там же. 1919. 30 марта.
- 421 *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1939. Т. 2. С. 32—33.
- 422 *Маяковский В. В.* Моя речь на Генуэзской конференции [1922] // Избранные произведения. М., 1956. С. 77.
- 423 *Маяковский В. В.* Товарищу Нетте — пароходу и человеку [1926] // Избранные произведения. С. 145.
- 424 *Маяковский В. В.* Хорошо // Избранные произведения. С. 341, 342.
- 425 Там же. С. 351.
- 426 *Маяковский В. В.* Левый марш [1918] // Избранные произведения. С. 54.
- 427 *Покровский М. Н.* Избранные произведения. Кн. 4. С. 449.

- 428 См.: *Алпатов В. М.* История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991; *Горбаневский М. В.* В начале было слово... Малоизвестные страницы советской лингвистики. М., 1991; и др.
- 429 См.: *Исаев М. И.* Языковое строительство в СССР (Процессы создания письменностей народов СССР). М., 1979; *Алпатов В. М.* К истории советского языкознания: Марр и Сталин // Вопросы истории. 1989. № 1; *Он же.* Языковая политика в СССР в 20—30-е годы: Утопия и реальность // Восток. 1993. № 5; *Он же.* Марр, марризм и сталинизм // Философские исследования. 1993. № 4; *Он же.* Родной, свой, чужой // Человек. 1994. № 1; *Он же.* 150 языков и политика. 1917—1997. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000; *Илизаров Б. С.* Почетный академик Сталин и академик Марр. М., 2012; и др.
- 430 *Марр Н. Я.* Избранные труды. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 135.
- 431 Там же. С. 450.
- 432 *Башинджагян Л. Г.* Институт языка и мышления имени Н. Я. Марра // Вестник Академии наук СССР. 1937. № 10—11. С. 258.
- 433 *Марр Н. Я.* Избранные труды. Т. 2. С. 396; см. также с. 25.
- 434 *Сталин И. В.* Соч. М., 1951. Т. 13. С. 5.
- 435 *Бухарин Н. И.* Методология и планирование науки и техники: Избранные труды. М., 1989. С. 81.
- 436 *Сталин И. В.* Марксизм и вопросы языкознания. М., 1951. С. 33.
- 437 *Алпатов В. М.* К истории советского языкознания. С. 185.
- 438 Цит. по: Дружба народов. 1990. № 7. С. 197.
- 439 *Богданов А. А.* О пролетарской культуре. 1904—1924. М., 1924. С. 332.
- 440 Цит. по: *Свадост Э. П.* Как возникнет всеобщий язык? М., 1968. С. 240.
- 441 См.: *Доктор Эсперанто* [Л. Заменгоф]. Международный язык: Предисловие и полный учебник. Варшава, 1887; *Семенова З. В., Исаев М. И.* Учебник языка эсперанто. М., 1984; и др.
- 442 *Дрезен Э. К.* Проблема международного языка (Опыт материалистического обоснования вопроса). М., 1922. С. 16; *Он же.* В поисках всеобщего языка. М.; Л., 1925. С. 10, 18, 106; *Он же.* За всеобщим языком (Три века исканий). М.; Л., 1928. С. 18.
- 443 *Артюшкин-Кормилицын.* Международный язык революционного пролетариата Эсперанто. Пг., 1919. С. 15, 16; *Литвиненко Н.* Эсперанто. Со вступительной заметкой М. Горького. Чебоксары, 1923; *Иодко А. Р.* Рабочий класс и международный язык. М., 1925; и др.
- 444 Цит. по: *Свадост Э. П.* Указ. соч. С. 240.
- 445 Цит. по: *Гореловский Л. А.* Эсперанто в Красной Армии // Огонек. 1988. № 8. С. 4.
- 446 См.: *Копелев Л. З.* И сотворил себе кумира. Анн-Арбор, 1978. С. 125.
- 447 См.: *Королевич А. И.* Книга об эсперанто. Киев, 1989. С. 140—143. {534}
- 448 *Юшманов Н. В.* Опыты всемирного алфавита // Культура и письменность Востока. Книга IV. Баку, 1929. С. 69.
- 449 Там же. С. 73.
- 450 Материалы по вопросу о латинизации русской письменности // Культура и письменность Востока. Баку, 1930. Книга VI. С. 209, 210.
- 451 Там же. С. 214—215.
- 452 *Яковлев Н. Ф.* За латинизацию русского алфавита // Культура и письменность Востока. Книга VI. С. 37—43.
- 453 *Кут А.* Еще о латинизации русского алфавита // Вечерняя Москва. 1930. 7 января. С. 3.
- 454 *Хансуваров И.* Латинизация — орудие ленинской национальной политики. М., 1932. С. 21.
- 455 *Луначарский А. В.* Латинизация русской письменности // Красная газета. 1929. 6 и 7 января. Статья опубликована также в издании ВЦКНА: Культура и письменность Востока. Баку, 1930. Книга VI. С. 20—26.
- 456 *Луначарский А. В.* Латинизация русской письменности // Культура и письменность Востока. Книга VI. С. 22.
- 457 Там же. С. 23, 26.
- 458 *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923—1939. М., 2011. С. 571.
- 459 Вперед, к дальнейшим победам на фронте языковой культуры // Революция и письменность. 1933. № 1. С. 4.
- 460 *Диманштейн С.* Принципы создания национальной терминологии // Революция и письменность. 1933. № 1. С. 33—34.
- 461 Там же. С. 37, 38.

- ⁴⁶² См.: *Алтатов В. М.* Языковая политика в СССР в 20—30-е годы: Утопия и реальность // *Восток*. 1993. № 5. С. 123.
- ⁴⁶³ Цит. по: *Горбаневский М. В.* В начале было слово... М., 1991. С. 246.
- ⁴⁶⁴ Там же.
- ⁴⁶⁵ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 179.
- ⁴⁶⁶ Русский язык — достояние советских народов // *Правда*. 1938. 7 июля. Передовая.
- ⁴⁶⁷ *Гранде Б.* Языковое строительство народов СССР / *Литературная газета*. 1939. 7 ноября. С. 5.
- ⁴⁶⁸ Русопят, русопет, русопёт (от русский + пята, пятка) — насмешливые и оскорбительные синонимы слова «русифил»: простой русский человек; русский с грубо выраженными национальными, шовинистическими взглядами; квасной патриот. Русак в отличие от русопета — человек с выраженными чертами русского народного характера. Русотяп (искажение слова «русопят») — глупый русский националист, шовинист.
- ⁴⁶⁹ *Солженицын А. И.* Россия в обвале. М., 1998. С. 134.
- ⁴⁷⁰ *Толстой А.* Четверть века советской литературы // *Новый мир*. 1942. № 11—12. С. 210.
- ⁴⁷¹ См.: *Коваленков А.* Хорошие, разные: Статьи. М., 1962. С. 13.
- ⁴⁷² См.: *Федь Н. М.* Поиски и противостояния в русской литературе 30-х годов // *История национальных литератур*. Перечитывая и переосмысливая. М., 1998. Вып. 3. С. 195.
- ⁴⁷³ См.: *Коммунистический Интернационал в документах*. 1919—1932. М., 1933. С. 34—36.
- ⁴⁷⁴ См.: *Ленин В. И.* Соч. 3-е изд. Т. 26. С. 500. Примечательно, что данная цитата отсутствует и в 4-м, и в 5-м полном собрании сочинений Ленина, где речь воспроизводится по газетному отчету (в 3-м — по архивной стенограмме) (Ср.: 4-е изд. Т. 31. С. 403—405. ПСС. Т. 42. С. 43—46) (*Невежин В. А.* Речь Сталина 5 мая 1941 г. и апология наступательной войны // *Другая война*. М., 1996. С. 122). {535}

ГЛАВА 2

- ⁴⁷⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 190.
- ⁴⁷⁶ См.: *Россия сегодня: Реальный шанс* // *Обозреватель*. 1994. № 21—24. Спец. выпуск. С. 53.
- ⁴⁷⁷ См.: *Троцкий Л. Д.* Коммунистический Интернационал после Ленина: Великий организатор поражений. М., 1993. С. 66, 76, 113; *Он же*. Моя жизнь. М., 1990. Т. 2. С. 172; *Он же*. Против национал-коммунизма! // *Бюллетень оппозиции*. 1931. № 24. С. 3—13. В современной научной литературе можно встретить утверждение, что переход большевиков-сталинцев на позиции национал-коммунизма состоялся уже в 1923 г., и более того: «XII съезд, знаменовавший собой торжество национал-коммунизма, фактически положил начало новой партии, столь же далекой от своей первоосновы, как некоторые из мичуринских гибридов» (*Ненароков А. П.* Семьдесят лет назад: Национальный вопрос на XII съезде РКП(б) // *Отечественная история*. 1993. № 6. С. 112). Издано обстоятельное исследование, проделанное бывшим соотечественником с позиций неприятия и осуждения этого явления: *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. Париж, 1980; М., 2003.
- ⁴⁷⁸ Документ Второй международной конференции Интернациональной Коммунистической Лиги (IV Интернациональной) «За коммунизм Ленина и Троцкого!», 10 декабря 1992 г. // *Бюллетень Спартаковцев*. 1993. № 4. С. 4, 17.
- ⁴⁷⁹ *Калинин М. И.* Евреи в СССР (Из речи на II съезде ОЗЕТ) // *Революция и национальности*. 1931. № 2—3. С. 39.
- ⁴⁸⁰ См.: *Покровский М. Н.* Избранные произведения. В 4 кн. М., 1967. Кн. 3. С. 611.
- ⁴⁸¹ *Калинин М. И.* Речь на Северо-Кавказской конференции ВКП(б) 25 ноября 1927 г. // *Калинин М. И.* Избранные произведения. В 4 т. М., 1960. Т. 2. С. 210.
- ⁴⁸² КПСС в резолюциях... М., 1985. Т. 6. С. 105—106.
- ⁴⁸³ История Второй мировой войны, 1939—1945. В 12 т. М., 1973. Т. 1. С. 133.
- ⁴⁸⁴ *Брачев В. С.* «Дело историков» (1929—1931 гг.). СПб., 1997. С. 87.
- ⁴⁸⁵ Цит. по: *Артизов А. Н.* Николай Николаевич Ваняг (1899—1937) // *Отечественная история*. 1992. № 6. С. 103.
- ⁴⁸⁶ Цит. по: *Брачев В. С.* «Дело историков» (1929—1931 гг.). СПб., 1997. С. 88.
- ⁴⁸⁷ См.: *Литвин А. Л.* Без права на мысль (Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб). Казань, 1994. С. 56—57.

- 488 О составлении учебников по гражданской истории для средней школы. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 29 марта 1934 г. // *Историю — в школу: создание первых советских учебников*. М., 2008. С. 41.
- 489 *Платонов О. А.* Терновый венец России: История русского народа в XX в. М., 1997. Т. 2. С. 10.
- 490 О преподавании гражданской истории в школах СССР. Постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. // *Историю — в школу: создание первых советских учебников*. М., 2008. С. 45—47.
- 491 *Летопись Московского университета*. 1755—1979. М., 1979. С. 225, 236.
- 492 *Васильковский Г.* Высший закон жизни // *Правда*. 1934. 28 мая. С. 4.
- 493 *За родину!* // *Правда*. 1934. 9 июня. С. 1.
- 494 Постановление ЦИК Союза ССР «О дополнении положения о контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления статьями об измене Родине» // *Правда*. 1934. 9 июня. С. 1.
- 495 См. там же.
- 496 «За родину!» // *Социалистический вестник*. 1934. 25 июня (№ 12). С. 1.
- 497 Там же. С. 2.
- 498 См.: *Дан Ф.* Международное единство и русская проблема // *Социалистический вестник*. 1934. 20 декабря (№ 23—24). С. 14—15. {536}
- 499 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 190.
- 500 Даже клевета должна иметь смысл (Объяснение с мыслящей частью сталинцев) // *Бюллетень оппозиции*. 1934. № 38—39. С. 25; *Троцкий Л.* Что означает капитуляция Раковского? // *Бюллетень оппозиции*. 1934. № 40. С. 14.
- 501 См.: *Чалидзе В.* Победитель коммунизма. Нью-Йорк, 1981. С. 46, 49; *Данишевский И. М.* По поводу статьи В. Пескова «Отечество» // *Политический дневник*. 1964—1970. Амстердам, 1972. С. 65; *Лерт Р. Б.* На том стою: Публикации самиздата. М., 1991. С. 17.
- 502 См.: *Правда*. 1936. 27 января; *Историю — в школу: создание первых советских учебников*. М., 2008. С. 121—124.
- 503 *Сталин И.* О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // *Большевик*. 1941. № 9. С. 20; *Сталин И.* Соч. М., 2007. Т. 14. С. 10.
- 504 *Сталин И.* Соч. М., 2007. Т. 14. С. 8.
- 505 *Кожин В.* Загадочные страницы истории XX века. М., 1995. С. 242.
- 506 Цит. по: *Сталин И.* Соч. М., 2007. Т. 14. С. 11.
- 507 См.: *Ульянов Н. И.* Замолчанный Маркс. Франкфурт-на-Майне, 1969. См. также: *Возрождение*. 1968. № 201; *Континент*. 1985. № 43.
- 508 *Маркс К.* Разоблачения дипломатической истории XVIII века // *Вопросы истории*. 1989. № 1—4.
- 509 *Таль Б. М.* О задачах большевистской печати // *Известия*. 1936. 10 мая. С. 3.
- 510 См.: *Бухарин Н. И.* Избранные произведения. М., 1988. С. 498; *Коэн С.* Бухарин: Политическая биография, 1888—1938. М., 1988. С. 437.
- 511 *Бухарин Н.* Прости меня, Коба... // *Источник: Документы русской истории*. 1993. № 0 [пилотный]. С. 23, 24.
- 512 *Бухарин Н.* Рождение и развитие социалистической родины // *Известия*. 1934. 6 июля.
- 513 *Бухарин Н.* Мир, как он будет // *Известия*. 1934. 7 ноября. С. 2.
- 514 *Бухарин Н.* Проблемы мира // *Известия*. 1935. 30 марта. С. 2.
- 515 *Бухарин Н.* Мир, как он будет. С. 3.
- 516 Единство героического народа // *Известия*. 1935. 27 января. С. 1.
- 517 *Бухарин Н.* Второе рождение человечества // *Известия*. 1935. 1 мая. С. 3.
- 518 *Зиновьев Г.* Из золотого фонда марксизма-ленинизма (О книге И. Сталина «Марксизм и национально-колониальный вопрос») // *Большевик*. 1934. № 7. С. 28.
- 519 *Енукидзе А. С.* Доклад по конституционным вопросам на VII съезде Советов СССР // *Известия*. 1935. 6 февраля. С. 2.
- 520 *Мануильский Д. З.* Итоги социалистического строительства в СССР: Доклад на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала 17 августа 1935 г. М., 1935. С. 7.
- 521 *Андреев А. А.* Победа ленинско-сталинской национальной политики: Речь на сессии ЦИК Татарской АССР 25 июня 1935 г. // *Известия*. 1935. 6 июля. С. 2.
- 522 *Бухарин Н.* Наш Союз // *Известия*. 1935. 28 января. С. 3.

- 523 *Бухарин Н.* Колхозные земли и колхозные люди: Речь на II Всесоюзном съезде колхозников-ударников // *Правда*. 1935. 16 февраля. С. 6.
- 524 *Бухарин Н.* Героический советский народ // *Известия*. 1935. 6 июля. С. 3.
- 525 *Бухарин Н.* Опрокинутые нормы (Внутренне обозрение) // *Известия*. 1936. 1 января. С. 3. См. также: *Бухарин Н.* Некоторые итоги революционного года и наши враги // *Известия*. 1935. 7 ноября. С. 5.
- 526 *Бухарин Н.* Расширение советской демократии // *Известия*. 1936. 1 мая. С. 4.
- 527 *Бухарин Н.* Конституция социалистического государства // *Известия*. 1936. 14 июня. С. 2.
- 528 Накануне новой Конституции // *Известия*. 1936. 16 июня. С. 3. {537}
- 529 Как определить национальность // *Известия*. 1936. 14 июля. С. 3.
- 530 *Бухарин Н.* Маршруты истории: Мысли вслух // *Известия*. 1936. 6 июля. С. 3.
- 531 *Бухарин Н.* Наш вождь, наш учитель, наш отец // *Известия*. 1936. 21 января. С. 2.
- 532 *Дружинин П.* Российское // *Красная новь*. 1925. № 1—2. С. 139—141.
- 533 *Бухарин Н.* Злые заметки // *Правда*. 1927. 12 января.
- 534 *Кузнецов В.* Сказка об «Англетере»: Есенин — жертва заказного убийства // *Совершенно секретно*. 1998. № 9. С. 23.
- 535 *Бухарин Н. И.* Революция и культура: Статьи и выступления 1923—1936 годов. М., 1993. С. 104—110.
- 536 Внимание автора на это обстоятельство обратил известный исследователь творчества Сергея Есенина В. А. Вдовин. См. также: *Колодный Л.* Поэты и вожди: Документальные очерки. М., 1997. С. 44.
- 537 *Есенин С.* Собрание стихотворений. В 4 т. М., 1926. Т. 2. С. 108. (Курсив наш. — *А.В.*)
- 538 *Есенин С.* Собрание сочинений. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 273.
- 539 См., например: *Есенин С.* Словесных рек кипение и шорох: Стихи и поэмы. Л., 1965. С. 431.
- 540 *Бухарин Н. И.* Путь к социализму: Избранные произведения. Новосибирск, 1990. С. 188.
- 541 *Павловский Г.* Русские по вызову? // *Независимая газета*. 1994. 12 апреля. С. 5.
- 542 *Куняев С. Ю., Куняев С. С.* Растерзанные тени: Избранные страницы из «дел» 20—30-х годов ВЧК—ОГПУ—НКВД, заведенных на друзей, родных, литературных соратников, а также на литературных и политических врагов Сергея Есенина: К столетию со дня рождения С. Есенина. М., 1995.
- 543 См.: *Костырченко Г.* В плену у красного фараона: Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие: Документальное исследование. М., 1994. С. 183; *Его же.* Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М., 2003. С. 324.
- 544 РСФСР // *Правда*. 1936. 1 февраля. Передовая статья.
- 545 *Быстрянский В.* Критические замечания об учебниках по истории СССР // *Правда*. 1936. 1 февраля. С. 2.
- 546 *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. М., 1989. С. 375.
- 547 *Кеменов В.* О национальной гордости русских художников // *Правда*. 1937. 13 августа. С. 4.
- 548 За ленинское искусствознание (Материалы дискуссии). М.; Л., 1932. С. 65.
- 549 *Кеменов В.* О национальной гордости русских художников // *Правда*. 1937. 13 августа. С. 4.
- 550 См.: Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. 1936, 5 декабря // *Хрестоматия по истории государства и права России* / Сост. Ю.П. Титов. М., 2001. С. 342—343.
- 551 Там же. С. 318—319.
- 552 См.: *Черняховский С.* Ненужный Договор // АПН. 2011. 26 августа. URL: <http://www.apn.ru/publications/print24748.htm>.
- 553 Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. 1936, 5 декабря // *Хрестоматия по истории государства и права России*. М., 2001. С. 342—352.
- 554 Там же. С. 346.
- 555 Там же. С. 355.
- 556 Там же. С. 349—350.
- 557 Там же. С. 355.
- 558 Там же. С. 354.
- 559 См.: Социальный портрет лишенца (на материалах Урала). Екатеринбург, 1996; *Красильников С. А.* На изломах социальной структуры: Маргиналы {538} в послереволюционном российском обществе (1917 — конец 1930-х гг.). Новосибирск, 1998. См. с изменениями URL: <http://www.zaimka.ru/soviet/krasiln1.shtml>; *Красильников С. А.* Маргиналы в постреволюцион-

- ном российском обществе в 1920—30-е годы // Вестник РГНФ. 2003. № 4; Федорова Н. А. Лишенцы 1920-х годов: советское сословие отверженных // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5. № 4; и др.
- 560 Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. 1937, 21 января // Хрестоматия по истории государства и права России / Сост. Ю.П. Титов. М., 2001. С. 357—374.
- 561 КПСС в резолюциях... М., 1985. Т. 7. С. 49.
- 562 Политическое завещание (последние мысли Г. В. Плеханова) / Публ. Н. Нижегородова и А. Бережанского // Хранить вечно: Спецприложение к «Независимой газете». 1999. 30 ноября. № 8. С. 10. Отметим, что до сих пор о тексте «Завещания» идут споры, которые имеют под собой основание. Документ цитируется с учетом заключения видного специалиста: «Некоторые части текста явно вписаны кем-то уже после смерти Плеханова. Но та часть “Завещания”, которая посвящена анализу новой эпохи, несомненно, принадлежит ему, о чем можно судить и по глубине мысли, и по изложенному марксистскому методу исследования» (Попов Г. Х. Марксистский метод против марксистских концепций («Политическое завещание» Г. В. Плеханова) // Вопросы экономики. 2007 г. № 2. С. 122—126; URL: <http://institutiones.com/strategies/607-marksisstkiy-metod.html>).
- 563 См.: Вдовин А. И. Эволюция национальной политики СССР. 1917—1941 гг. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2002. № 3. С. 3—54.
- 564 Сталин И. В. Соч. М., 1949. Т. 11. С. 349.
- 565 Цит. по: Ожужеева Т. О. Совет Национальностей ЦИК СССР (1923—1936). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1991. С. 26.
- 566 Цит. по: Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923—1939. М., 2011. С. 560.
- 567 Там же.
- 568 Там же. С. 67—68.
- 569 Сталин И. В. Соч. М., 2007. Т. 14. 2-е изд. С. 145.
- 570 Там же.
- 571 Сталин И. В. Соч. М., 2007. Т. 14. 2-е изд. С. 148.
- 572 Советское государство. 1938. № 1. С. 156.
- 573 Революция и национальности. 1936. № 10. С. 22.
- 574 Сталин И. В. Соч. М., 2007. Т. 14. 2-е изд. С. 144.
- 575 Алфавиты 68 языков // Правда. 1936. 16 января; Мусабегов Г. Победы нового алфавита // Литературная газета. 1936. 26 января.
- 576 Крылов Б. О правовом положении национальных меньшинств // Народный депутат. 1991. № 10. С. 33. Фотокопию резолюции И.В. Сталина и В.М. Молотова от 1 февраля 1936 г. на проекте Постановления о созыве Всесоюзного совещания по вопросам языка и письменности национальностей СССР см.: Мартиросян А. Б. 22 июня. Правда генералиссимуса. М., 2005. Документ № 4 во вкладке между с. 480—481.
- 577 Бауман К. О новом алфавите и языковом строительстве // Источник. 1994. № 5. С. 106.
- 578 7-й пленум ВЦКНА // Революция и национальности. 1937. № 3. С. 66.
- 579 См.: Алпатов В. М. Языковая политика в СССР в 20—30-е годы: Утопия и реальность. С. 88.
- 580 Известия. 1936. 21 января. С. 2.
- 581 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 13.
- 582 Правда. 1936. 30 января. С. 1.
- 583 Там же. 1 февраля. С. 1. {539}
- 584 Последние письма Н. И. Бухарина И. В. Сталину // Исторический архив. 2001. № 3. С. 57.
- 585 Известия. 1936. 2 февраля. Незадолго до этого, извещая читателей о заседании Совета национальностей в Георгиевском зале Кремля, газета не преминула отметить, что история зала была якобы только «историей царских завоеваний, колониального грабежа и угнетения десятков народов», на его стенах еще сохранялись вызолоченные на мраморе «названия лейб-гвардии жандармских эскадронов и конно-гвардейских батарей, батальонов, полков и бригад, приносивших “под ноздри царя” рабов и колонии в Средней Азии и на Кавказе, на севере Сибири и в степях Таврии» (там же. 12 января. С. 4).
- 586 Правда. 1936. 10 февраля. С. 3.
- 587 Там же. 1 февраля. С. 2.
- 588 Там же. 10 февраля. С. 3.

- 589 Там же.
- 590 Там же. 22 мая. С. 1.
- 591 Преподавание истории в нашей школе // Правда. 1936. 27 января. С. 1.
- 592 Там же. С. 2.
- 593 *Радек К.* Значение истории для революционного пролетариата // Правда. 1936. 27 января. С. 3.
- 594 См.: Историческая наука и борьба классов. М., 1933. Т. 1. С. 285—304.
- 595 Записка К. Радека И. Сталину 2 февраля 1936 г. / Публ. А. Степанова, А. Короткова и С. Мильчина // Родина. 2008. № 6. С. 26.
- 596 Записка Б. Таля И. Сталину 4 февраля 1937 г. // Там же. С. 27.
- 597 Записки Б. Таля И. Сталину от 13 апреля и 20 августа 1937 г. // Там же. С. 28.
- 598 Как вернули Соловьева и Ключевского. Переворот в исторической науке, устроенный товарищем Сталиным / Публ. А. Степанова, А. Короткова и С. Мильчина // Родина. 2008. № 6. С. 26.
- 599 Правда. 1936. 8 февраля.
- 600 *Дубровский С. М.* К истории Института красной профессуры // Исторический архив, 1958, № 6; *Соловей В. Д.* Институт красной профессуры: подготовка кадров историков партии в 20—30-е годы // Вопросы истории КПСС. 1990. № 12; *Артизов А. Н.* 1937 год. Институт Красной профессуры // Отечественная история. 1992. № 2; *Козлова Л. А.* Институт красной профессуры (1921—1938 годы): Историографический очерк // Социологический журнал. 1994. № 1; *Пихоя Р. Г.* Востребованная временем история. Отечественная историческая наука в 20—30-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2004. № 2; и др.
- 601 См.: *Брачев В. С.* Указ. соч. С. 3, 98; *Литвин А. Л.* Указ. соч. С. 20; *Артизов А. Н.* Судьбы историков школы М. Н. Покровского (середина 30-х годов) // Вопросы истории. 1994. № 7; и др.
- 602 См.: *Горская Н. А.* Борис Дмитриевич Греков. М., 1999; *Залесский К. А.* Империя Сталина. М., 2000. С. 128.
- 603 Правда. 1936. 30 января. С. 1.
- 604 Там же. 1 февраля С. 1.
- 605 Там же. 10 февраля. С. 3.
- 606 *Литовский О.* «Богатыри»: Новая постановка Камерного театра // Советское искусство. 1936. 29 октября. С. 3.
- 607 Там же.
- 608 См.: *Дубровский А. М.* С. В. Бахрушин и его время. М., 1992. С. 87.
- 609 Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о запрете пьесы Д. Бедного «Богатыри». 14 ноября 1936 г. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)—ВКП(б), ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике. 1917—1953 гг. М., 1999. С. 333; О пьесе «Богатыри» Демьяна Бедного. Постановление Всесоюзного комитета {540} по делам искусств при СНК Союза ССР от 13 ноября 1936 г. // Против фальсификации народного прошлого. М.; Л., 1937. С. 1—2.
- 610 Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)—ВКП(б)—ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике. 1917—1953 гг. М., 1999. С. 333.
- 611 *Керженцев П.* Фальсификация народного прошлого (О «Богатырях» Демьяна Бедного) // Правда. 1936. 15 ноября. С. 3; Литературная газета. 1936. 20 ноября.
- 612 См.: Совещание деятелей театра: Работники искусств одобряют постановление о пьесе «Богатыри» / Советское искусство. 1936. 17 ноября. С. 1; Собрание в Камерном театре / Советское искусство. 1936. 23 ноября. С. 4; Совещание деятелей искусств / Советское искусство. 1936. 29 ноября. С. 4; IV пленум ЦК Союза работников искусств // Советское искусство. 1936. 17 декабря. С. 2; и др.
- 613 См.: *Кожин В.* К спорам о «русском» // Литературная газета. 1990. 12 сентября. С. 4. Ср.: *Эвентов И. С.* «Баснописец четвертого сословия» (Демьян Бедный) // *Эвентов И. С.* Давние встречи: Воспоминания и очерки. Л., 1991. С. 214—291.
- 614 См.: *Сталин И. В.* Соч. М., 1951. Т. 13. С. 23—27.
- 615 *Керженцев П.* Фальсификация народного прошлого (О «Богатырях» Демьяна Бедного) // Правда. 1936. 15 ноября. С. 3.
- 616 Выступления А. А. Суркова 21 ноября 1936 г. и А. А. Фадеева в июле 1938 г. цит. по: *Дубровский А. М.* Как Демьян Бедный идеологическую ошибку совершил // Отечественная культура и историческая наука XVII—XX веков. Сб. статей. Брянск, 1996. С. 150.
- 617 *Сталин И. В.* Соч. М., 1949. Т. 12. С. 362.
- 618 *Сталин И. В.* Соч. М., 1951. Т. 13. С. 4, 5.

- ⁶¹⁹ *Бухарин Н. И.* Экономика переходного периода. Часть первая: Общая теория трансформационного процесса. М., 1920. С. 146. Отметим, что глава «Внеэкономическое принуждение в переходный период», содержащая приведенный «постулат», была удостоена особой похвалы В. И. Ленина: «Вот эта глава превосходна» (Ленинский сборник. 2-е изд. М.; Л., 1931. С. 396).
- ⁶²⁰ *Зиновьев Г. Е.* Речь на первом заседании Седьмой общегородской конференции коммунистов 17 сентября 1918 г. // Северная Коммуна. 1918. 19 сентября. С. 2.
- ⁶²¹ *Рыков А. И.* Избранные произведения. М., 1990. С. 92.
- ⁶²² Цит. по: *Диманштейн С.* Сталин как теоретик большевизма в национальном вопросе // Вестник Коммунистической академии. 1930. Кн. 37—38. С. 41.
- ⁶²³ Там же.
- ⁶²⁴ *Готфрид Л.* Октябрьская революция в Средней Азии и контрреволюционный троцкизм // Революционный Восток. 1932. № 3—4. С. 30.
- ⁶²⁵ Там же. С. 43.
- ⁶²⁶ Рецензия на кн.: *Гирчак Е. Ф.* На два фронта в борьбе с национализмом. М.; Л., 1930 // Революция и национальности. 1930. № 6—9. С. 151.
- ⁶²⁷ *Готфрид Л.* Октябрьская революция в Средней Азии и контрреволюционный троцкизм // Революционный Восток. 1932. № 3—4. С. 43.
- ⁶²⁸ Там же. С. 42.
- ⁶²⁹ Цит. по: *Диманштейн С.* Сталин как теоретик большевизма в национальном вопросе // Вестник Коммунистической академии. 1930. Кн. 37—38. С. 42.
- ⁶³⁰ *Диманштейн С.* Письмо тов. Сталина и борьба с люксембургизмом в национальном вопросе // Революция и национальности. 1931. № 1. С. 23.
- ⁶³¹ Там же. С. 11.
- ⁶³² *Межлаук В. И.* Выступление на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 20.
- ⁶³³ Цит. по: Национальная политика России: История и современность. М., 1997. С. 302. {541}
- ⁶³⁴ Там же. С. 303.
- ⁶³⁵ *Диманштейн С. М.* За ленинско-сталинский интернационализм. М., 1935. С. 8.
- ⁶³⁶ *Сталин И. В.* Соч. М., 1949. Т. 11. С. 349.
- ⁶³⁷ *Литвин А. Л.* Без права на мысль (Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб). Казань, 1994. С. 56.
- ⁶³⁸ В специальной книге о советском патриотизме он трактовался как преданность социалистической родине; братская солидарность советского народа с трудящимися массами, которые еще томятся под игом капитала; верность партии большевиков; верность советской власти, преданность Сталину; ненависть и непримиримость к врагам народа (*Весенин Е. М.* Советский патриотизм. М., 1938. С. 5).
- ⁶³⁹ *Синявский А.* Русский национализм // Синтаксис. 1989. № 26. С. 94.
- ⁶⁴⁰ Цит. по: *Криворотов В. И.* Некоторые мысли к русской возрожденческой идее: Статьи и письма. Мадрид, 1975. С. 75.
- ⁶⁴¹ *Ахутин А.* Большой народ без малого // Русская идея и евреи. Роковой спор. Христианство. Антисемитизм. Национализм: Сб. статей. М., 1994. С. 96.
- ⁶⁴² *Сталин И. В.* Соч. М., 1949. Т. 11. С. 333—355.
- ⁶⁴³ *Сталин И. В.* Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950.
- ⁶⁴⁴ *Сталин И. В.* Соч. М., 1949. Т. 11. С. 349.
- ⁶⁴⁵ *Нечкина М. В.* Выступление на совещании по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 80.
- ⁶⁴⁶ *Кацман Е.* Связан ли вкус с мировоззрением? Художники в гостях у генсека // Независимая газета. 1998. 4 июля. С. 16.
- ⁶⁴⁷ Речь И. В. Сталина в Кремле 8 ноября 1937 года с участием членов Политбюро и нескольких других лиц цитируется по записи адъютанта К. Е. Ворошилова генерала Р. П. Хмельницкого (*Такер Р.* Сталин у власти: История и личность, 1928—1941. М., 1997. С. 438).
- ⁶⁴⁸ См.: *Бранденбергер Д. Л.* Национал-большевизм. С. 25.
- ⁶⁴⁹ См.: Сталинское содружество народов // Известия. 1937. 30 декабря. С. 1.
- ⁶⁵⁰ *Садовский А.* Старший среди равных // Ленинградская правда. 1937. 30 декабря. С. 3.
- ⁶⁵¹ *Волин Б. М.* Великий русский народ. М., 1938. С. 6.
- ⁶⁵² *Барбюс А.* Сталин: Человек, через которого раскрывается новый мир. М., 1936. С. 352, 351.
- ⁶⁵³ *Гурвич Г. С.* Основы Советской Конституции. 7-е изд. М., 1929. С. 189.

- 654 Сулимов Д. Е. Могучая социалистическая республика / Правда. 1937. 15 января. С. 2.
- 655 Федотов Г. П. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 2. С. 249.
- 656 Диманштейн С. М. За ленинско-сталинский интернационализм. М., 1935. С. 21.
- 657 Левин И. Верховный Совет СССР и ленинско-сталинская национальная политика // Советское государство. 1938. № 2. С. 109.
- 658 РСФСР // Правда. 1938. 14 февраля.
- 659 Чешко С. В. Идеология распада. М., 1993. С. 173 и др.
- 660 Живет и здравствует дружба народов СССР // Правда. 1936. 4 декабря.
- 661 XVIII съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М., 1939. С. 74.
- 662 Беседа Сталина с А. М. Коллонтай (ноябрь 1939 года) // Сталин И. Соч. Т. 18. Тверь, 2006. С. 609.
- 663 Сталин И. Выступление на приеме 24 мая 1945 г. в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии // Правда. 1945. 25 мая. С. 1.
- 664 Верт А. Россия в войне 1941—1945. М., 1965. Вып. 2. С. 192.
- 665 Письмо бойцам-узбекам от узбекского народа // Правда. 1942. 31 октября.
- 666 Лысенко В. Развитие федеративных отношений в современной России. М., 1995. С. 79. {542}
- 667 Лужков Ю. Кормит ли Россия Москву? Из Стенограммы совещания в Совете Федерации руководителей регионов-доноров по проблемам формирования межбюджетных отношений в 1997 г. 23 октября 1996 г. // Дуэль. 1996. 3 декабря. № 21.
- 668 Артизов А. Н. В угоду взглядам вождя // Кентавр. 1991. № 10—12. С. 132.
- 669 Историк-марксист. 1937. № 3.
- 670 Постановление жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4 классов средней школы по истории СССР // Правда. 1937. 22 августа. С. 2.
- 671 История СССР / Под ред. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева. Т. 1. М., 1939; История СССР / Под ред. М. В. Нечкиной. Т. 2. М., 1940; История СССР: Учебник для средней школы / Под ред. А. М. Панкратовой, С. В. Бахрушина, К. В. Базилевича и А. В. Фохт. В 3 т. М., 1940. Т. 1: С древнейших времен до 1671 г., Т. 2: Конец XVII—XIX; Т. 3: С 1897 г. до современности; Наша Родина / Под ред. А. Стецкого, С. Ингулова, Н. Баранского. М., 1937.
- 672 Гордина Е. Д. История как инструмент патриотического воспитания в СССР накануне и в начале Великой Отечественной войны // Преподавание истории в школе. 2010. № 3.
- 673 См.: Шестаков А. За большевистское изучение истории СССР // Правда. 1938. 2 февраля. С. 3; Степанов А., Коротков А., Мельчин С. Как вернули Соловьева и Ключевского // Родина. 2008. № 6.
- 674 Большевистская идейность и педагогическое мастерство // Правда. 1937. 1 сентября. С. 1.
- 675 См.: Сталин: в воспоминаниях современников и документах эпохи. М., 1995. С. 262.
- 676 Потемкин В. П. О дальнейшем улучшении учебно-воспитательной работы в школе. Доклад и заключительное слово на Всероссийском совещании по народному образованию в августе 1945 г. // Академик В. П. Потемкин. Статьи и речи. М.; Л., 1947; URL: <http://www.sutteh.ru/potemkin31.html>. Согласно Википедии (статья «Грамотность»), с 1917-го до 1939 г. процент грамотного населения в СССР вырос с 43 до 87,4 %, в том числе в городах с 70,5 до 93,8 %, в сельской местности с 37 до 84 % (данные 1917 г. — по европейской части страны).
- 677 Вересаев В. В защиту Пушкина // Правда. 1935. 20 апреля.
- 678 Слава русского народа // Правда. 1937. 10 февраля.
- 679 Дроздов П. «Историческая школа» Покровского // Правда. 1937. 28 марта. С. 3. В это же время был впервые публично поправлен один из учителей пролетариата за русофобскую основу памфлета «Внешняя политика русского царизма» (Работы последних лет жизни Энгельса // Правда. 1937. 23 марта).
- 680 Тарле Е. «История XIX века» (Предисловие редактора к новому изданию «Истории XIX века» Лависса и Рамбо, выпускаемому в ближайшее время в свет) // Большевик. 1938. 15 июля. № 14. С. 38, 40.
- 681 КПСС в резолюциях... М., 1983. Т. 2. С. 79.
- 682 Творчество народов СССР. М., 1938. С. 8, 9.
- 683 Конституция героического народа // Правда. 1937. 16 января.
- 684 Враг, с которого сорвана маска // Правда. 1936. 14 июля. С. 3.
- 685 См.: Юшкевич А. П. «Дело академика Н. Н. Лузина» // Вестник Академии наук СССР. 1989. № 4; Грэхэм Л. Р. Очерки истории российской и советской науки. М., 1998. С. 242—243.
- 686 Кольман Э. Я. Предмет и метод современной математики. М., 1936. С. 297, 290.

- 687 *Катица П. Л.* Письмо В. М. Молотову, 6 июля 1936 г. // Советская культура. 1988. 21 мая. С. 6.
- 688 *Шуляпин Г. И.* Ответ академику Н. Лузину // Правда. 1936. 2 июля. С. 3.
- 689 Традиции раболепия // Правда. 1936. 9 июля. С. 3. {543}
- 690 О врагах в советской маске // Правда. 1936. 3 июля. С. 2; «О врагах в советской маске» // Правда. 1936. 12 июля. С. 3; и др.
- 691 *Понтрягин Л. С.* Жизнеописание Л. С. Понтрягина, математика, составленное им самим. М., 1998. С. 73.
- 692 *Богомолец А. А.* Пора порвать с традициями раболепия // Правда. 1936. 13 июля. С. 3.
- 693 Враг, с которого сорвана маска // Правда. 1936. 14 июля. С. 3.
- 694 Традиции раболепия. С. 3.
- 695 *Лежнев И.* Смердяковы // Правда. 1937. 25 января. С. 7.
- 696 *Заславский Д.* Защита СССР и троцкистские пораженцы // Правда. 1937. 6 февраля. С. 3.
- 697 *Толстой А.* Родина! // Известия. 1937. 14 июня. С. 3.
- 698 XVIII съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М., 1939. С. 26.
- 699 *Катаев Ив.* Искусство социалистического народа // Красная новь. 1936. № 5. Май. С. 179.
- 700 *Толстой А.* Четверть века советской литературы // Новый мир. 1942. № 11—12. С. 208, 210.
- 701 *Фадеев А.* Собр. соч. в 5 т. М., 1961. Т. 5. С. 348.
- 702 *Симонов К., Эренбург И.* В одной газете. М., 1984. С. 103.
- 703 *Фадеев А. А.* О национальном патриотизме и национальной гордости народов СССР // Под знаменем марксизма. 1943. № 11. С. 34—35.
- 704 *Левин Е. С.* Краткий курс истории «Русфильма» // Искусство кино. 1994. № 9. С. 131.
- 705 Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М., 2007. С. 529.
- 706 Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 61.
- 707 См.: *Потапов К.* Большие изъяны Малой энциклопедии // Правда. 1938. 7 июля. С. 4.
- 708 *Волин Б.* Русские // МСЭ. М., 1941. Т. 9. Стб. 326.
- 709 *Диманштейн С.* Письмо тов. Сталина о борьбе с люксембургизмом в национальном вопросе // Революция и национальности. 1932. № 1. С. 5.
- 710 *Волин Б.* Русские // МСЭ. М., 1941. Т. 9. Стб. 322.
- 711 Русификация // МСЭ. Т. 9. Стб. 262.
- 712 *Волин Б.* Русские // МСЭ. М., 1941. Т. 9. Стб. 326, 320.
- 713 Там же. Стб. 325.
- 714 Русификация // МСЭ. М., 1941. Т. 9. Стб. 262.
- 715 См.: Слава русского народа (100 лет со дня трагической гибели Пушкина) // Правда. 1937. 10 февраля.
- 716 Цит. по: *Любомудров М. Н.* Н. Симонов. Ю. Завадский. М., 1983. С. 105, 106, 113. См. также: *Раззаков Ф. И.* Гибель советского кино. 1918—1972. Интриги и споры. М., 2008. URL: <http://lib.rus.ec/b/175669/read>.
- 717 См.: Советские художественные фильмы: Аннотированный каталог: В 3 т. М., 1961. Т. 2. С. 136; Летопись российского кино. 1930—1945. М., 2007. С. 549, 609, 701.
- 718 *Иванов Вс.* Бородино и 1812 год // Известия. 1937. 3 сентября. С. 3; и др. Во второй половине 1930-х годов подобающий вид был придан в первую очередь памятникам на полях великих сражений: Куликово поле, Полтава, Бородино.
- 719 Известия. 1938. 6 сентября. С. 4.
- 720 Правда. 1938. 29 ноября. С. 6. Большую роль в создании полноценного, верного исторической правде кинофильма сыграли профессиональные историки. М. Н. Тихомиров был рецензентом киносценария, А. В. Арциховский участвовал в работе над фильмом в качестве консультанта (см.: *Тихомиров М. Н.* Древняя Русь. М., 1975. С. 375—380, 415—416).
- 721 *Симонов К.* Собр. соч. в 10 т. М., 1979. Т. 1. С. 367, 380, 381.
- 722 Правда. 1939. 4 апреля. {544}
- 723 Правда. 1938. 11 ноября. С. 6; Известия. 1939. 26 февраля. С. 3; Красная звезда. 1939. 26 февраля. С. 4.
- 724 Великий поэт-патриот; Великий русский поэт. 125 лет со дня рождения М. Ю. Лермонтова // Известия. 1939. 14 октября. С. 1, 3; и др.
- 725 См.: Советская культура в реконструктивный период. 1928—1941. М., 1988. С. 365.
- 726 См.: *Апинян Е. А.* Нация: миф или реальность? // Реальность этноса. СПб., 2001. С. 35—36.

- ⁷²⁷ Охлопков Н. На войне как на войне // Литературная газета. 1939. 10 марта. С. 6.
- ⁷²⁸ См.: Сталин И. В. Соч. М., 1951. Т. 13. С. 38.
- ⁷²⁹ См.: Гордина Е. Д. История как инструмент патриотического воспитания в СССР накануне и в начале Великой Отечественной войны // Преподавание истории в школе. 2010. № 3. С. 10.
- ⁷³⁰ Настольный энциклопедический словарь-справочник. М., 1926. С. 425; 2-е изд. М., 1927. С. 425.
- ⁷³¹ Театр. 1939. № 4. С. 143.
- ⁷³² См.: Бранденбергер Д., Петроне К. «Все черты расового национализма...» Интернационалист жалуется Сталину (январь 1939 г.) // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 133.
- ⁷³³ Снова Блюм... // Литературная газета. 1939. 26 января. С. 5.
- ⁷³⁴ В. И. Блюм — И. В. Сталину. 31 января 1939 г. // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 132.
- ⁷³⁵ См.: На заседании президиума ССП с активом // Литературная газета. 1939. 26 апреля. С. 3.
- ⁷³⁶ Фрадкин В. А. Дело Кольцова. М., 2002. С. 94.
- ⁷³⁷ Фонштейн А. О чувстве меры // Вечерняя Москва. 1939. 8 мая. С. 3.
- ⁷³⁸ О некоторых литературно-художественных журналах // Большевик. 1939. № 17. С. 53.
- ⁷³⁹ Мехлис Л.З. О военной идеологии. Доклад от 13 мая 1940 г. // Исторический архив. 1997. № 5—6. С. 87, 93.
- ⁷⁴⁰ Рютин М. Н. На колени не встану. М., 1992; «Дело М. Н. Рютина» в судьбе Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева: Октябрь 1932 г. / Публ. подг. Анрефтьев И. А. // Исторический архив. М., 2006. № 1.
- ⁷⁴¹ См.: Назаров М. В. Тайна России. Историософия XX века. М., 1999. С. 112.
- ⁷⁴² Ошлаков М. Ю. Сталин их побери! 1937: Война за Независимость СССР. М., 2011. С. 215—216.
- ⁷⁴³ Сталин И. В. Соч. М., 1949. Т. 12. С. 10. В 1937 г. в своей речи на пленуме 3 марта он говорил: «Чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы как последние средства обреченных. Надо иметь в виду, что остатки разбитых классов в СССР не одиноки. Они имеют прямую поддержку со стороны наших врагов за пределами СССР» (Сталин И. В. Соч. М., 2007. Т. 14. 2-е изд. С. 209).
- ⁷⁴⁴ Справки спецотдела МВД СССР о количестве арестованных и осужденных органами ВЧК—ОГПУ—НКВД—МГБ СССР в 1921—1953 гг. 11 декабря 1953 г. // Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Март 1953 — февраль 1956. В 3 т. М., 2000. Т. 1. С. 76—78. См. также: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918—1960. М., 2000. С. 431—434. Антисталинисты число репрессированных порой увеличивают до абсурдных величин. См., например: Петров Н.: Полторы тысячи миллионов было арестовано... 08.05.2010. URL: http://www.badnameofrussia.ru/Stalin-Iosif_Vissarionovich.html?page=102. {545}
- ⁷⁴⁵ Н. И. Бухарин — И. В. Сталину. 10 декабря 1937 г. // Источник. 1993. № 0. С. 23.
- ⁷⁴⁶ Бухарин Н. И. Экономика переходного периода. Ч. 1. М., 1920. С. 7.
- ⁷⁴⁷ См.: Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: В 3 т. М., 2000. Т. 1. С. 76—78. По данным наиболее авторитетного исследователя, общее число жертв политического террора и репрессий за все 73 года советской власти — около 2,6 млн. В это число входят более 800 тыс. приговоренных к высшей мере по политическим мотивам, порядка 600 тыс. политических заключенных, умерших в местах лишения свободы, и около 1,2 млн скончавшихся в местах высылки (включая “кулацкую ссылку”), а также при транспортировке туда (депортированные народы и др.). Из установленной к нашим дням цифре 3 853 900 человек, осужденных по политическим мотивам за годы советской власти, реабилитированы в 1953—1961 гг. 737 182 (19,1% от общего числа осужденных), в 1962—1986 гг. — 157 055 человек (4,1%), в 1987—1990 гг. — 1 043 750 человек (27,1%), в 1991—1999 гг. — 500 013 человек (13%). Таким образом, к началу 2000 г. оставались не реабилитированными 1 415 900 человек, или 36,7% от общего количества осужденных (Земсков В.Н. О масштабах политических репрессий в СССР // Мир и политика. 2009. № 6. С. 103. Он же. О масштабах политических репрессий в СССР. Сквозь дебри спекуляций, извращений и мистификаций // Политическое просвещение. 2012. № 1. Табл. 4. URL: <http://www.politpros.com/journal/read/?ID=783&journal=97>).

- 748 См.: Искоренить до конца контрреволюционных националистов // Революция и национальности. 1937. № 9—10. С. 15—24; О так называемом «национал-уклонизме» // Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 76—84.
- 749 Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937—1938. Документы и комментарии / Сост. В.Н. Хаустов. М., 2011. С. 11.
- 750 Там же. С. 395.
- 751 См. там же.
- 752 См.: *Петров Н. В., Рогинский А. Б.* «Польская операция» НКВД. 1937—1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 32.
- 753 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 114. Д. 64. Л. 27.
- 754 Цитата из передовой «Journal de Moscou» от 12 апреля 1938 г. приводится по: *Дель О.* От иллюзий к трагедии. Немецкие эмигранты в СССР в 30-е годы. М., 1997. С. 119.
- 755 *Охотин Н., Рогинский А.* Из истории «немецкой операции» НКВД. 1937—1938 гг. // Репрессии против российских немцев: наказанный народ. М., 1999. С. 35.
- 756 Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: В 3 т. М., 2000. Т. 1. С. 322. См. также: *Тышлер К.* Высылка немцев из Советского Союза в 30-е годы // Россия и Германия. М., 2001. Вып. 2.
- 757 *Полян П. М.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 88.
- 758 Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: В 3 т. М., 2000. Т. 1. С. 321.
- 759 Там же.
- 760 Там же. С. 322.
- 761 *Рубцов Ю. В.* Из-за спины вождя. Политическая и военная деятельность Л. З. Мехлиса. М., 2000. С. 144.
- 762 См.: *Карпов В.* Генералиссимус. Главы из будущей книги // Час России. 2001. № 2. С. 80.
- 763 *Охотин Н., Рогинский А.* Указ. соч. С. 58, 74.
- 764 *Мехлис Л. З.* О работе Политического управления Красной Армии. Из доклада ЦК ВКП(б) от 23 мая 1940 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 193. {546}
- 765 *Петров Н. В., Рогинский А. Б.* «Польская операция» НКВД. С. 35.
- 766 Статистика антиармейского террора // Военно-исторический архив. 1998. № 3. С. 50. Следует отметить, что из 4138 уволенных из РККА по директиве от 24 июня 1938 г., в следующем году по жалобам уволенных командиров было восстановлено на службе в армии 1919 человек, или 46,4 % от общего числа уволенных (*Щаденко Е. А.* О работе за 1939 г. Из отчета начальника Управления по начальствующему составу РККА Наркомата Обороны, 5 мая 1940 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 186).
- 767 Цит. по: *Соколов Б. В.* Наркомы страха: Ягода, Ежов, Берия, Абакумов. М., 2001. С. 148.
- 768 *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001. С. 210.
- 769 *Петров Н. В., Скоркин К. В.* Кто руководил НКВД. 1934—1941. Справочник. М., 1999. С. 495. По данным на 26 февраля 1941 г., показатель вновь увеличился до 5,5 % (см. там же).
- 770 *Кокурин А., Петров Н.* НКВД: структура, функции, кадры. Статья вторая (1938—1941) // Свободная мысль. 1997. № 7. С. 113.
- 771 Население России в XX веке. Исторические очерки. М., 2000. Т. 1. С. 332—335; *Бугай Н. Ф.* Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» М., 1995.
- 772 В связи с вхождением в СССР территорий, присоединенных в 1939—1940 гг., выросла численность украинцев (на 5807,4 тыс. чел.), поляков (на 4799 тыс. чел.), литовцев (на 2150,3 тыс. чел.), молдаван и румын (на 1961 тыс. чел.), евреев (на 1924,6 тыс. чел.), белорусов (на 1808 тыс. чел.), латышей (на 1501,3 тыс. чел.), эстонцев (на 1003 тыс. чел.), русских (на 895,4 тыс. чел.), немцев (на 551,4 тыс. чел.), болгар и гагаузов (на 262,9 тыс. чел.). Общая численность населения СССР на июнь 1941 г. составляла 196,7 млн человек. 73 % жителей страны насчитывали три славянских народа: русские (51,8 %), украинцы (17,6 %) и белорусы (3,6 %). (Население России в XX веке. Исторические очерки. М., 2001. Т. 2. С. 10, 13, 15).
- 773 Подсчитано по: Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 2. С. 167.
- 774 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 829. Л. 122.
- 775 Административно-территориальное деление Союза ССР на 15 июля 1934 года. М., 1934. С. XI.
- 776 *Чугунов С.* Территориальная организация СССР // Советское государство, 1938. № 5. С. 96.

- 777 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 633. Л. 3, 4. Соответствующее решение Политбюро ЦК было принято 17 декабря 1937 г. (см. там же. Д. 829. Л. 119).
- 778 Дель О. От иллюзий к трагедии. Немецкие эмигранты в СССР в 30-е годы. М., 1997. С. 117—118.
- 779 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1006. Л. 39—40.
- 780 См.: *Смирнов А. В.* Административно-территориальные изменения в СССР за 1938—1939 годы. Л., 1941. С. 77, 117 и др.
- 781 В РСФСР в 1939 г. оставалось около 100 национальных районов, главным образом в Якутии, Бурят-Монголии, Восточной Сибири, Амурской области, Дальневосточном крае (БСЭ. М., 1939. Т. 41. С. 380).
- 782 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 633. Л. 4.
- 783 Цит. по: *Лежава Г. П.* Абхазия: Анатомия межнациональной напряженности. М., 1999. С. 80—81.
- 784 *Тимофеева Н. Н.* Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) // Народы Азии и Африки. 1979. № 5. С. 41; *Такер Р.* Сталин у власти. М., 1997. С. 461; *Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л. и др.* Черная книга коммунизма. М., 1999. С. 285.
- 785 Цит. по: *Костырченко Г. В.* Указ. соч. С. 167.
- 786 Независимая газета. 2001. 10 октября. С. 16. {547}
- 787 Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 179.
- 788 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 863. Л. 179—180.
- 789 Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 179.
- 790 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 997. Л. 19.
- 791 Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 марта 1938 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 863. Л. 171—175.
- 792 См.: Правда. 1938, 20 марта; 9 апреля.
- 793 Правда. 1937. 28 декабря. С. 4.
- 794 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 863. Л. 171.
- 795 Там же. Л. 175. Как показали дальнейшие события, «временное» использование русского языка как языка обучения с пятых классов национальных школ РСФСР оказалось постоянным. Среднее образование в России велось преимущественно на русском языке и получило развитие еще лишь на двух языках наиболее многочисленных из малых народов — татарском и башкирском (см.: *Алпатов В. М.* Языковая политика в СССР в 20—30-е годы: Утопия и реальность. С. 93, 94).
- 796 Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1940. № 2. Ст. 26; № 20. Ст. 493; № 29. Ст. 710; № 30. Ст. 734.
- 797 МСЭ. М., 1939. Т. 10. С. 288.
- 798 Русский язык — достояние советских народов // Правда. 1938. 7 июля. С. 1.
- 799 Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. 1936, 5 декабря // Хрестоматия по истории государства и права России / Сост. Ю.П. Титов. М., 2001. С. 355.
- 800 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 863. Л. 171.
- 801 О национальных частях и формированиях РККА. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, принятое на совещании членов Политбюро и секретарей ЦК Нацкомпартий и обкомов ВКП(б) автономных республик 7 марта 1938 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 997. Л. 95—96.
- 802 *Мехлис Л. З.* О военной идеологии. Доклад начальника Главного политического управления РККА от 13 мая 1940 г. // Исторический архив. 1997. № 5—6. С. 91—92.
- 803 Инструктивно-методические указания по обучению русскому языку военнообязанных нерусской национальности. М.: Наркомпрос РСФСР, 1942. URL: <http://sprachfuehrer.livejournal.com/24738.html>.
- 804 *Петров Н. В., Рогинский А. Б.* «Польская операция» НКВД. С. 36; *Костырченко Г. В.* Указ. соч. С. 207.
- 805 *Судоплатов П. А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы. М., 2001. С. 462.
- 806 *Мишин В.* Общественный прогресс. Горький, 1970. С. 283.
- 807 Лидирование зачастую объясняется историческими особенностями еврейской системы просвещения и национального менталитета, склонностью к абстрактному мышлению. «Живя в гетто, лишённые образования, доступного всем остальным, евреи создали собственную систему просвещения. Талмуд был школой абстрактной мысли и юридической логики, оттачиваю-

- щей разум... До появления Талмуда грандиозным достижением абстрактной мысли, школой юридической логики и эталоном справедливости стала Тора (Пятикнижие Моисеево)... Но если национальное наследие основано на принципах преклонения перед ученостью... мудро ли, что народ добивается успехов на интеллектуальном поприще?!» (*Сирота А.* Был ли Маркс евреем? // Партнер. Дортмунд, 2002. № 6 (57). URL: http://www.maranat.de/sir_03_02.html).
- ⁸⁰⁸ *Шейнис З.* Провокация века. М., 1992. С. 52; *Ортенберг Д.* Сорок третий. Рассказ-хроника. М., 1991. С. 400.
- ⁸⁰⁹ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 274. {548}
- ⁸¹⁰ *Эттингер Ш.* Исторические корни антисемитизма в Советском Союзе // Антисемитизм в Советском Союзе. Иерусалим, 1979. С. 22.
- ⁸¹¹ *Agursky M.* The Birth of Byelorussia // Times Literary Supplement. 1972. 30 June (цит. по: *Назаров М.* Тайна России. М., 1999. С. 112). См. также: *Medvedev R. A.* On Stalin and Stalinism. Oxford, 1979. P. 122 (цит. в: *Иванов А. М.* Логика кошмара. М., 1993. С. 134). «Период репрессий я называю второй Гражданской войной», — пишет известный российский историк (*Жуков Ю. Н.* Настольная книга сталиниста. М., 2012. С. 233).
- ⁸¹² *Костырченко Г. В.* Указ. соч. С. 132. За «контрреволюционные преступления» в 1937 г. были арестованы 779 056 чел., в 1938 г. — 593 326 чел. (ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918—1960. М., 2000. С. 433).
- ⁸¹³ *Данилов В. П.* Сталинизм и советское общество // Вопросы истории. 2004. № 2. С. 173—175.
- ⁸¹⁴ *Земсков В. Н.* Документы трагического времени // Аргументы и факты. 1990. № 35. С. 4; *Козлов В. И.* Национальности СССР. М., 1982. С. 285.
- ⁸¹⁵ Сталин / Семанов С. Н., Кардашов В. И., Смирнов Ю. М., 1997. С. 403.
- ⁸¹⁶ *Тартаковский Ж.* Руководство СССР (1917—1991 годы): Справочник. Тель-Авив; М., 2002. Т. 2: Кто был кто в СССР. С. 293.
- ⁸¹⁷ Там же. С. 291.
- ⁸¹⁸ Там же. С. 293.
- ⁸¹⁹ См.: *Козлов В. И.* История трагедии русского народа. 3-е изд. М., 2012. С. 140, 291.
- ⁸²⁰ Там же. С. 138—142. Столь же решителен в своих выводах И. Жуков, утверждающий, что «нет никаких объективных оснований» объявлять Сталина антисемитом. Скорее уж, наоборот, он относился к проблемам и национальным чувствам евреев «с исключительным для его режима деликатностью и особо сочувственным вниманием», «всегда искренне беспокоился о том, чтобы преступные умыслы и деяния отщепенцев не навлекли несправедливые обвинения в предательстве на всех советских евреев» (*Жуков И.* Мифы о «борьбе против космополитизма» в СССР. Часть вторая. 17.06.2008 // АПН. 02.08.2012. URL: <http://www.apn.ru/publications/print20106.htm>).
- ⁸²¹ *Горбачев М. С.* Выступление по французскому телевидению 30 сентября 1985 г. // *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи. Т. 2. М., 1987. С. 446.
- ⁸²² См.: *Козлов В. И.* История трагедии русского народа. М., 2012. С. 157.
- ⁸²³ *Сталин И. В.* Соч. М., 2007. Т. 14. 2-е изд. С. 399.
- ⁸²⁴ Там же. С. 395.
- ⁸²⁵ *Горохов В. Н.* История международных отношений. 1918 — 1939 гг.: Курс лекций. М., 2004. С. 277.
- ⁸²⁶ Война 1939—1945. Два подхода. Ч. 1. М., 1995; Другая война. М., 1996. См. также: *Случ С. З.* Речь Сталина, которой не было // Отечественная история. 2004. № 1; Не миф: Речь Сталина 19 августа 1939 г. / Публ. подготовили В. Л. Дорошенко, И. В. Павлова, Р. Ч. Раан // Вопросы истории. 2005. № 8.
- ⁸²⁷ Договор о ненападении между Германией и СССР. 23 августа 1939 г. // Известия. 1939. 24 августа.
- ⁸²⁸ Вопросы истории. 1993. № 1. С. 6.
- ⁸²⁹ Известия. 1939. 29 сентября; Вопросы истории. 1993. № 1. С. 7.
- ⁸³⁰ Вопросы истории. 1993. № 1. С. 9.
- ⁸³¹ Цит. по: *Балиев А.* Правда о польской катыни // Русский Вестник. 2003. 19 декабря. URL: <http://www.rv.ru/content.php3?id=1413>; *Матвеев Г.Ф., Матвеева В.С.* Польский плен. Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919—1921 годах. М., 2011. С. 30, 155, 157.
- ⁸³² *Швед В.Н.* Катынь: современная история вопроса. М., 2012; Завтра. 2012. Июль. № 29 (974). С. 6. {549}

- 833 Приказ войскам Ленинградского военного округа. 29 ноября 1939 г. URL: <http://heninen.net/sopimus/19391129.htm>.
- 834 См.: *Волгогонов Д. А.* Троицкий: Политический портрет. В 2 кн. М., 1992. Кн. 2. С. 233; *Вишнев О.* Как Троицкий готовил «час X», или почему он был убит в 1940 году // Молодая гвардия. 1996. № 5. С. 172.
- 835 XVIII Съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10—21 марта 1939 г. Стеногр. отчет. М., 1939. С. 273.
- 836 *Калинин М. И.* Об овладении марксизмом-ленинизмом работниками искусств. Речь на собрании работников искусств г. Москвы 9 января 1939 г. // Известия. 1939. 10 июня.
- 837 *Мехлис Л. З.* О работе политуправления Красной Армии, 23 мая 1940 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 199, 200.
- 838 Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги: сборник документов и материалов. М., 2007. С. 118—119.
- 839 См.: Безбожная пятилетка // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. IV. С. 443—444.
- 840 Власть и художественная интеллигенция. М., 1999. С. 333.
- 841 *Мозохин О. Б.* Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК—ОГПУ—НКВД—МГБ СССР. М., 2011. С. 461, 465, 470, 477, 485. По подсчетам сотрудников Свято-Тихоновского гуманитарного университета, за весь период советской власти по церковным делам репрессированы не менее 500 тыс. священнослужителей и мирян. В базе данных университета находится около 30 тысяч сведений об исповедниках, страдальцах за веру (*Попиченко Е., протоиерей.* Почему Господь попускает скорби и страдания? // Православная газета. Екатеринбург, 2011. 24 января. № 4 (613). URL: <http://orthodox-newspaper.ru/numbers/at50936>).
- 842 См.: *Глазков М. Н.* Деятельность Главлита в библиотечной сфере в 1930-е гг. // http://libconfs.narod.ru / 2001 / 10s / 10s_p5.html; его же. Чистки фондов массовых библиотек в годы советской власти (октябрь 1917—1939). М., 2001.
- 843 Цит. по: *Марьина В.* Георги Димитров — советский гражданин. 1934—1945 гг. (по материалам дневников Г. Димитрова) // Россия XXI. 2007. № 4. С. 96, 97.
- 844 Там же. С. 100.
- 845 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 131.
- 846 *Белов Ю.* О замене патриотизма национализмом // Сайт КИРФ. 27 мая 2011. URL: http://kirf.ru/rus_soc/93204.html.
- 847 *Цакунов С. В.* В лабиринте доктрины: Из опыта разработки экономического курса страны в 20-е годы. М., 1994. С. 108.
- 848 См.: *Гордина Е. Д.* История как инструмент патриотического воспитания в СССР накануне и в начале Великой Отечественной войны // Преподавание истории в школе. 2010. № 3.
- 849 Этот и последующие разделы 2—4 глав книги подготовлены на основе авторских публикаций: *Русские в XX веке.* М., 2004; *История СССР от Ленина до Горбачева.* М., 2011. Дополнительно привлеченные материалы отмечены соответствующими ссылками на источники.
- 850 Цит. по: *Полтораки А. И.* От Мюнхена до Нюрнберга. М., 1960. С. 137.
- 851 См.: *Шумейко И. Н.* Гитлеровская Европа против СССР. Неизвестная история Второй мировой. М., 2010.
- 852 Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 218.
- 853 Там же. С. 213, 218.
- 854 Там же. С. 540.
- 855 Там же. С. 459, 462. {550}
- 856 *Сидорычева А.* Дальний Восток в Великой Отечественной войне. Комсомольск-на-Амуре, 2004. URL: <http://www.istorya.ru/referat/7626/1.php>.
- 857 Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 209.
- 858 *Кондакова Н. И., Куманев Г. А.* Ученые-гуманитарии России в годы Великой Отечественной войны: Документы, материалы, комментарии. М., 2004. С. 94.
- 859 Героическое прошлое русского народа в художественной литературе. М.; Л., 1941. Основные сюжеты книги обозначены в названиях разделов: Киевская Русь в борьбе с кочевниками; Александр Невский и Ледовое побоище; Грюнвальдская битва; Полтавский бой; Семилетняя война; Походы Суворова; Отечественная война 1812 г.; Крымская война 1854—1855 годов и

- оборона Севастополя; Первая мировая война; Гражданская война; Война с белофиннами; Великая Отечественная война советского народа против фашизма.
- 860 *Гордина Е. Д.* Историко-патриотическое воспитание в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2011. № 12. С. 60.
- 861 Там же. С. 59.
- 862 Там же.
- 863 *Панкратова А. М.* Историческая наука в СССР за 25 лет (1917—1942) // Исторический журнал. 1942. № 10. С. 31—48.
- 864 *Гордина Е. Д.* Историко-патриотическое воспитание в годы Великой Отечественной войны. С. 64.
- 865 Там же. С. 66.
- 866 Там же. С. 67.
- 867 Там же.
- 868 *Вишневский В. В.* Дневники военных лет (1943, 1945 гг.). М., 1974. С. 197.
- 869 Там же.
- 870 *Гордина Е. Д.* Историко-патриотическое воспитание в годы Великой Отечественной войны. С. 68.
- 871 Там же. С. 69—70.
- 872 Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 198, 199, 201; № 5. С. 191, 192.
- 873 Цит. по: *Николаевский Б. И.* Тайные страницы истории. М., 1995. С. 204. См. также: *Барбер Дж.* Роль патриотизма в Великой Отечественной войне // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994. С. 449.
- 874 История Коммунистического Интернационала. 1919—1943: Документальные очерки. М., 2002. С. 192, 194.
- 875 *Молотов В. М.* Выступление по радио заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В. М. Молотова // Правда. 1941. 23 июня.
- 876 *Сталин И. В.* О великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2002. С. 13—16.
- 877 Там же. С. 11.
- 878 *Джилас М.* Беседы со Сталиным. М., 2002. С. 57.
- 879 Правда о религии в России. М., 1942. С. 15—17.
- 880 См.: *Васильева О. Ю.* Русская Православная церковь в 1927—1943 гг. // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 42.
- 881 См.: *Поспеловский Д. В.* Русская Православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 185.
- 882 *Джилас М.* Указ. соч. С. 56.
- 883 Ельня. Рождение гвардии / Сост. Михаленков И. Д. М., 1975.
- 884 *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2002. С. 37.
- 885 Досье войны // Родина. 1991. № 6—7. С. 75.
- 886 *Верт А.* Россия в войне 1941—1945. М., 1965. Вып. 1. С. 247.
- 887 *Солоневич И. Л.* Народная монархия. Репринтное воспроизведение издания 1973 г. М., 1991. С. 200. {551}
- 888 *Бразаускас А.* Пять лет президента. События, воспоминания, мысли. М., 2002. С. 465—467.
- 889 Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 5. С. 152.
- 890 *Альтман И. А.* Жертва ненависти: Холокост в СССР. 1941—1945 гг. М., 2002. С. 389. По другим данным, «евреи составляли осенью 1941 г. примерно 40 % всех эвакуированных» (Эвакуация // Холокост на территории СССР: Энциклопедия / Гл. ред. И. А. Альтман. М., 2011. С. 1108). Высокий процент евреев среди эвакуированных во многом соответствует их доле в городском населении районов, которым грозила оккупация гитлеровскими войсками в первые месяцы войны. Это были районы традиционного проживания евреев (бывшая черта оседлости).
- 891 *Померанц Г. С.* Записки гадкого утенка. М., 2003. С. 156.
- 892 Там же. С. 159.
- 893 Там же. С. 161. Член-корреспондент РАН уточняет: «Из двух различных источников мне известно, что в октябре 1943 г. было принято решение Политбюро, которое, как считали современники, устанавливало ограничение участия евреев в государственной и общественной жизни» (*Ганелин Р. Ш.* СССР и Германия перед войной: отношения вождей и каналы политических связей. СПб., 2010. С. 249).

- ⁸⁹⁴ *Медведев Р. А.* Они окружали Сталина: Несостоявшийся «наследник» Сталина // Юность. 1989. № 9. С. 71. Об октябрьском (1944 г.) совещании ЦК ВКП(б) и маленковсом директивным письме (циркуляре) см. также: *Жданов А. А., Маленков Г. М.* Сталин и космополитизм. М., 2012. С. 20—21.
- ⁸⁹⁵ См.: *Климов Г. П.* Песнь победителя. Краснодар, 1994. Т. 1. С. 34; *Израэлян В. Л.* На фронтах Холодной войны: Записки советского посла. М., 2003. С. 14, 29.
- ⁸⁹⁶ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М., 2007. С. 534.
- ⁸⁹⁷ См.: *Костырченко Г. В.* В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в послевоенное сталинское десятилетие. М. 1994. С. 286.
- ⁸⁹⁸ Москва послевоенная. 1945—1947. Архивные документы и материалы. М., 2000. С. 759. По воспоминаниям выпускника МГУ академика П. В. Волобуева, «в 1940 г., когда я поступил на 1-й курс истфака, на нашем курсе училось до двух третей студентов-евреев, а по свидетельству моего покойного друга А. Я. Авреха, в 1937—1939 гг. — еще больше. Никто однако тогда на это не обращал внимания» (*Волобуев П. В.* А. Л. Сидоров как университетский профессор // Отечественная история. 1993. № 2. С. 125).
- ⁸⁹⁹ *Альтман И. А.* Жертва ненависти: Холокост в СССР. 1941—1945 гг. М., 2002. С. 411—412.
- ⁹⁰⁰ См., например, статистические данные о национальном составе стрелковых дивизий в годы Великой Отечественной войны (*Артемьев А. П.* Из истории боевого содружества народов СССР в Великой Отечественной войне // Братское сотрудничество советских республик в хозяйственном и культурном строительстве. М., 1971. С. 85, 87; *Артемьев А. П.* Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне. М., 1975. С. 58, 59; *Жилин П., Артемьев А.* Боевое содружество народов СССР в Великой Отечественной войне // Коммунист. 1972. № 13. С. 80).
- ⁹⁰¹ См.: *Кадыров В. Г.* Национальная политика Советского государства в межвоенный период: (Военный аспект). Казань, 2002; *Кирсанов Н. А.* В боевом строю народов-братьев. М., 1984; *Кирсанов Н. А., Дробязко С. И.* Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. № 5.
- ⁹⁰² См.: *Невежин В. А.* Синдром наступательной войны. М., 1997. С. 32; *Пономарев А. Н.* Александр Щербаков: Страницы биографии. М., 2004. {552}
- ⁹⁰³ *Семанов С. Н.* Русско-еврейские разборки. М., 2003. С. 25.
- ⁹⁰⁴ См.: *Верт А.* Россия в войне 1941—1945. М., 1965. Вып. 2. С. 285.
- ⁹⁰⁵ Великая Отечественная война. 1941—1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 439, 484, 513, 694, 762.
- ⁹⁰⁶ См.: Награды Великой Отечественной. М., 1993. С. 134—135
- ⁹⁰⁷ См.: *Куняев С.* Post scriptum I // Наш современник. 1995. № 10. С. 197; *Чубайс И.* Русская идея и II Мировая война // Посев. 2010. № 7. С. 30. URL: <http://www.posev.ru/files/magazine-archive/85.pdf>.
- ⁹⁰⁸ В августе 1943 г. послом в США назначен А. А. Громыко, а послом в Великобритании — Ф. Т. Гусев (См.: *Залесский К. А.* Кто есть кто в истории СССР. 1924—1953. М., 2009. С. 169, 174).
- ⁹⁰⁹ Цит. по: *Фирсов Ф. И.* Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939—1941 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 35.
- ⁹¹⁰ История Коммунистического Интернационала. 1919—1943. С. 237, 235.
- ⁹¹¹ Цит. по: *Ганелин Р. Ш.* СССР и Германия перед войной. С. 248; *Копелев Л.* Вопрос без ответа // Огонек. 1989. № 46. С. 14.
- ⁹¹² Цит. по: *Жуков Ю. Н.* Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000. С. 281.
- ⁹¹³ См.: *Буровский А. М.* Холокост. Были и небыли. М., 2011. С. 256.
- ⁹¹⁴ *Земсков В. Н.* «Статистический лабиринт». К вопросу об общей численности военнопленных и масштабах их смертности // Мир и политика. 2010. № 5. С. 26.
- ⁹¹⁵ *Пережогин В. А.* Партизаны и население (1941—1945 гг.) // Отечественная история. 1997. № 6. С. 150.
- ⁹¹⁶ *Семиряга М. И.* Коллаборационизм: Природа, типология и проявления в годы второй мировой войны. М., 2000. С. 120.
- ⁹¹⁷ *Крылов А., Лукоянов А.* «Аллах над нами — Гитлер с нами». Из истории газавата. URL: <http://www.bg-znanie.ru/article.php?nid=8316>.
- ⁹¹⁸ См.: *Семиряга М. И.* Коллаборационизм. С. 782.
- ⁹¹⁹ *Азаркин Н. М.* История юридической мысли России. М., 1998. С. 506.

- 920 *Солженицын А. И.* Публицистика. Ярославль, 1996. Т. 1. С. 360.
- 921 *Любимов Н.* Сухая гроза // Дружба народов. 1994. № 8. С. 98.
- 922 *Рожнов К.* “СМЕРШ”: контрразведка или орудие репрессий? 16.04.2003. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/life/newsid_2954000/2954799.stm.
- 923 «По решению Правительства Союза ССР...». Депортация народов: Документы и материалы / Сост. Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов. Нальчик, 2003. С. 246.
- 924 *Иванов М. П.* Малоизвестные страницы Великой Отечественной войны. Элиста, 1996. С. 87.
- 925 «По решению Правительства Союза ССР...». С. 277—249.
- 926 И. Сталин — Л. Берии: «Их надо депортировать». М., 1992. С. 38.
- 927 Там же. С. 255.
- 928 Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 195.
- 929 История российских немцев в документах (1763—1992 гг.). М., 1993. С. 168.
- 930 «По решению Правительства Союза ССР...». С. 360.
- 931 *Мусаев В. И.* Ингерманландский вопрос в XX веке. СПб., 1999. С. 98.
- 932 Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994. С. 513—514.
- 933 *Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М., 1990. С. 383.
- 934 Россия: исследования по социально-политической истории, историографии и демографии. Красноярск, 1998. С. 103—104.
- 935 Политическая история России / Отв. ред. В. В. Журавлев. М., 1998. С. 554.
- 936 *Ратушняк В. Н.* Актуальные проблемы истории и историографии Северного Кавказа. Краснодар, 2000. С. 217. {533}
- 937 По данным политуправления Северо-Кавказского военного округа, от мобилизации уклонились 63 % жителей Чечено-Ингушетии, подлежащих призыву (*Данилов В. Н.* Советское государство в Великой Отечественной войне: Феномен чрезвычайных органов власти 1941—1945 гг. Саратов, 2002. С. 246). По другим данным, число уклонившихся от службы достигает 13 тыс. человек, что составляет 74,3 % общей численности чеченцев и ингушей (17,5 тыс. человек), мобилизованных в Красную Армию за годы войны (*Бугай Н. Ф., Гонов А. М.* Кавказ: народы в эшелонах. М., 1998. 136—137). В книге американского исследователя утверждается, что в 1942 г. из числа призванных на военную службу в ЧИ АССР 93 % дезертировали и либо скрылись, либо влились в орудовавшие в горной местности повстанческие или бандитские группировки» (*Ферр Г.* Тени XX съезда, или Анти^{сталинская} подлость. М., 2010. С. 108). Разночтения объясняются приведением в каждом случае результатов по разным мобилизациям в республике в 1941—1943 гг.
- 938 *Бугай Н. Ф., Гонов А. М.* Кавказ: народы в эшелонах (20—60-е годы). М., 1998. С. 135.
- 939 Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. М., 1994. С. 45.
- 940 *Бугай Н. Ф.* Л. Берия — И. Сталину: «Согласно вашему указанию...». М., 1995. С. 96.
- 941 Там же. С. 93, 95.
- 942 *Зорин В. Ю.* Национальная политика в России: история, проблемы, перспектива. М., 2002. С. 203.
- 943 *Бугай Н. Ф.* Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. М., 1990. № 7. С. 35.
- 944 *Пыхалов И. В.* За что Сталин выселял народы? М., 2011.
- 945 Лубянка. Сталин. НКВД—НКГБ—НКГБ—ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946: Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. М., 2006. С. 338.
- 946 См. там же. С. 574.
- 947 См.: *Куличкин С.* Праздник Святой Пасхи в 1942 г. Воспоминания современников. 2002 г. URL: http://www.voskres.ru/articles/paskha1942_printed.htm.
- 948 *Семиряга М. И.* Коллаборационизм: Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000; *Ковалев Б. Н.* Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России (1941—1944 гг.). Великий Новгород, 2001.
- 949 *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 183—186.
- 950 *Шкаровский М. В.* Нацистская Германия и Православная Церковь: (Нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР). М., 2002. С. 496.
- 951 *Одинцов М. И.* Великая Отечественная война (1941—1945) и религиозные организации в СССР // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 8.

- ⁹⁵² *Шкаровский М. В.* Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2007. С. 55.
- ⁹⁵³ Там же. С. 50—51.
- ⁹⁵⁴ Там же. С. 134.
- ⁹⁵⁵ См.: *Шкаровский М. В.* Нацистская Германия и Православная Церковь. С. 197—201.
- ⁹⁵⁶ *Ахмадуллин В. А.* Политика Советского государства по отношению к мусульманской религии в 1917—1945 гг. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2002. С. 17.
- ⁹⁵⁷ *Шкаровский М. В.* Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2002. С. 498.
- ⁹⁵⁸ *Шкаровский М. В.* Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2007. С. 478.
- ⁹⁵⁹ *Медведев Ж. А., Медведев Р. А.* Неизвестный Сталин. М., 2001. С. 275.
- ⁹⁶⁰ *Иоанн, митрополит.* Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. М., 1995. С. 290. {554}
- ⁹⁶¹ Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Архиерейском совещании 2 февраля 2010 г. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1061651.html>.
- ⁹⁶² См.: Митрополит Илия (Карам) и Россия / Сост.: С. Фарах, Н. Гаврюшин. М., 2005; Сталин и Церковь глазами современников: патриархов, святых, священников / Сост. П. Победоносцев. М., 2012. С. 64—117.
- ⁹⁶³ Цит. по: *Диакон Андрей Кураев.* Война: чудо и сказки // Альфа и Омега. 2003. № 4 (38). URL: <http://aliom.orthodoxy.ru/arch/038/kuraev38.htm>.
- ⁹⁶⁴ Даниил Гранин: Настоящая война не могла начаться, пока мы не возненавидели по-настоящему. 16.03.2012. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1510819.html>.
- ⁹⁶⁵ См.: *Александров Г.* Товарищ Эренбург упрощает // Красная звезда. 1945. 11 апреля.
- ⁹⁶⁶ *Александров Г., Поспелов П., Федосеев П.* О серьезных недостатках и антиленинских ошибках в работе некоторых советских историков. Секретарям ЦК ВКП(б) т. Маленкову Г.М., Щербакову А.С. 18 мая 1944 г. // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 191—200.
- ⁹⁶⁷ *Они же.* О настроениях великодержавного шовинизма среди части историков // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 202. См. также: Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Вопросы истории. 1996. № 2—6, 9.
- ⁹⁶⁸ *Марьямов Г. Б.* Кремлевский цензор: Сталин смотрит кино. М., 1992. С. 61.
- ⁹⁶⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1985. Т. 7. С. 514, 518.
- ⁹⁷⁰ Там же. С. 540.
- ⁹⁷¹ *Тихонов Н.* Советская литература в 1944—1945 гг. // Литературная газета. 1945. 17 мая.
- ⁹⁷² См.: *Бордюгов Г. А., Бухараев В. М.* Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. М., 2011. С. 110—111.
- ⁹⁷³ *Козлов В. И.* Евреи в России — СССР. Реалии жизни и мифы «антисемитизма». М., 2010. С. 302.
- ⁹⁷⁴ См.: *Попов В. П.* Большая ничья. СССР от Победы до распада. М., 2005. С. 69.
- ⁹⁷⁵ Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 219.
- ⁹⁷⁶ История национально-государственного строительства в СССР. 1917—1978: В 2 т. М., 1979. Т. 2: Национально-государственное строительство в СССР в период социализма и строительства коммунизма (1937—1978 гг.).
- ⁹⁷⁷ См.: *Козлов В. И.* Национальности СССР: Этнографический обзор. М., 1982. С. 285—287.
- ⁹⁷⁸ Население России в XX веке: Исторические очерки: В 3 т. М., 2001. Т. 2: 1940—1959. С. 10, 13.
- ⁹⁷⁹ Там же. С. 15.
- ⁹⁸⁰ Расчет числа людских потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне (22 июня 1941 г. — 31 декабря 1945 г.) // Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 221.
- ⁹⁸¹ См.: Порядок подсчета безвозвратных потерь военнослужащих // Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 227.
- ⁹⁸² 11 марта 1946 г. в «Правде» дается ее довольно полное изложение и редакционная статья «Черчилль бряцает оружием», 12 марта «Известия» опубликовали разгромную статью академика Е. Тарле на ту же тему.
- ⁹⁸³ *Сталин И. В.* Интервью с корреспондентом «Правды» относительно речи г. Черчилля // Правда. 1946. 14 марта. С. 1.
- ⁹⁸⁴ Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 247—248.

- 985 Там же. С. 222.
- 986 Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 5. С. 152.
- 987 Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 223. {555}
- 988 *Земсков В. Н.* Проблема советских перемещенных лиц (1946—1956) // Россия в XX веке: Война 1941—1945 годов: современные подходы. М., 2005. С. 524.
- 989 Там же. С. 224, 221.
- 990 Там же. С. 549.
- 991 Там же. С. 227.
- 992 *Солженицын А. И.* Двести лет вместе. М., 2002. Ч. II. С. 363.
- 993 Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 228.
- 994 Там же. С. 471.
- 995 Подсчитано по: *Печенкин А. А.* Высший командный состав Красной Армии в годы Второй мировой войны. М., 2002. С. 61—62.
- 996 Источник. 1996. № 2. С. 149.
- 997 Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 488.
- 998 Там же. С. 217.
- 999 Международная жизнь. 1994. № 5. С. 90.
- 1000 *Земсков В. Н.* Проблема советских перемещенных лиц (1946—1956) // Россия в XX веке: Война 1941—1945 годов: современные подходы. М., 2005. С. 516.
- 1001 См.: *Вознесенский Н. А.* Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М., 2003; и др.
- 1002 Эмиграция и репатриация в России. М., 2001. С. 316.
- 1003 *Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения. М., 1988. С. 106.
- 1004 *Земсков В. Н.* Проблема советских перемещенных лиц (1946—1956) // Россия в XX веке: Война 1941—1945 годов: современные подходы. М., 2005. С. 520, 528.
- 1005 Там же. С. 530.
- 1006 Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 570—574; Вооруженное националистическое подполье в Эстонии в 40—50-х годах; Вчера это было секретом: (Документы о литовских событиях 40—50-х гг.); Документы о вооруженном националистическом подполье в Латвии в 40—50-х годах // Известия ЦК КПСС. 1990. № 8, 10, 11.
- 1007 Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 611.
- 1008 «По решению Правительства Союза ССР...» С. 564.
- 1009 *Пыхалов И. В.* Великая оболганная война — 2. Нам не за что каяться! М., 2008. С. 76.
- 1010 *Кара-Мурза С. Г.* Советская цивилизация от начала до Великой Победы. С. 609.
- 1011 *Пыхалов И. В.* Великая оболганная война-2. С. 56, 57, 65, 73, 74.
- 1012 *Попов В.* Паспортная система советского крепостничества // Новый мир. 1996. № 6.
- 1013 Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 227.
- 1014 Там же. С. 549.
- 1015 Там же. С. 550.
- 1016 Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2009. С. 48.
- 1017 *Куповецкий М. С.* Людские потери еврейского населения в довоенных (на сентябрь 1939 года) и послевоенных границах СССР в годы Великой Отечественной войны // Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем Дебаты о демографии и геополитике Холокоста. М., 2008. С. 196. URL: http://imwerden.de/pdf/koch_polyan_bitva_pod_auschwitzem_2008.pdf.
- 1018 Советские евреи: Мифы и действительность М., 1972. С. 21.
- 1019 «И. Дойчер в одной из своих работ отмечал в связи со Второй мировой войной: “Несмотря на все преступления Сталина, необходимо упомянуть о судьбе тех двух с половиной миллионов евреев, которые были по его приказу перемещены с территорий, подвергшихся оккупации, во внутренние районы России и таким образом спасены от нацистских концлагерей”» (Цит. по: *Беллади Л., Краус Т.* Сталин. М., 1990. С. 294; *Торчинов В. А., Леонтьев А. М.* Вокруг Сталина. Историко-биографический {556} справочник. СПб., 2000. С. 28; *Грибанов С. В.* Сталин и евреи. М., 2001. URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/gribanov.htm>.
- 1020 Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 546.
- 1021 Там же. С. 549. К примеру, из более 55 тыс. советских евреев, попавших в плен к гитлеровцам (*Альтман И. А.* Жертва ненависти: Холокост в СССР. 1941—1945 гг. М., 2002. С. 300), в живых остались только 4457 человек (Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010.

- С. 501), другие стали жертвой Холокоста. 10 172 евреям, сражавшимся на стороне Германии и попавшим в советский плен (Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 46.), подобная участь не грозила. По другим данным, только среди венгерских солдат, взятых в плен под Воронежем в январе 1943 г., насчитывалось 20—30 тыс. евреев (Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941—1948: Документированная история. М., 1996. С. 234).
- ¹⁰²² Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 546.
- ¹⁰²³ Застольные речи Сталина: Документы и материалы. М.; СПб., 2003; *Невежин В.* «За русский народ!» Прием в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года // Наука и жизнь. 2005. № 5; *Невежин В. А.* Сталин о войне: Застольные речи 1933—1945 гг. М., 2007.
- ¹⁰²⁴ *Сталин И. В.* Выступление на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 г. // Правда. 1945. 25 мая.
- ¹⁰²⁵ См.: *Невежин В.* «За русский народ!» // Наука и жизнь. 2005. № 5.
- ¹⁰²⁶ *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2002. С. 151.
- ¹⁰²⁷ *Чуковский К.* Дневник (1930—1969). М., 1995. С. 214.
- ¹⁰²⁸ Черная книга о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941—1945 гг. Вильнюс, 1993. С. XIII; Еврейский антифашистский комитет в СССР. С. 244.
- ¹⁰²⁹ *Топоров В. Л.* Двойное дно: Признания скандалиста. М., 1999. С. 340.
- ¹⁰³⁰ *Альтман И. А.* Жертва ненависти: Холокост в СССР. 1941—1945 гг. М., 2002. С. 417.
- ¹⁰³¹ См.: *Окорочков А. В.* СССР против США. Психологическая война. М., 2011. С. 103—104.
- ¹⁰³² Цит. по: Правда. 1994. 11 марта; Дроздов Ю. И. Записки начальника нелегальной разведки. М., 2000. С. 27; *Платонов О. А.* Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма. М., 2011. с. 1040. Широкие массы россиян о «плане Даллеса» впервые получили представление из выступления митрополита Санкт-Петербургского и Ладужского Иоанна (в миру И. М. Снычев) (Советская Россия. 1993. 20 февраля) и широко разошедшейся книги Б. Олейника о Горбачеве как исполнителе основных заповедей сатанинских сил в отношении России и русского народа с названием «Князь тьмы» (впервые опубликована отдельными изданиями в 1992 и 1993 гг., а также в журналах «Роман-газета», 1993. № 4; Наш современник, 1993, № 7).
- ¹⁰³³ *Дольд-Михайлик Ю.* И один в поле воин. Киев, 1965. Цит. по: URL: http://avtolib.com/biblioteka/dold_mihailik_urii_u_chernyh_rytsarei.php.
- ¹⁰³⁴ *Иванов А.* Вечный зов. URL: <http://3front.livejournal.com/6128.html>.
- ¹⁰³⁵ См.: *Дейч М.* Зловещий «план Даллеса»: Происки шефа американской разведки или фальшивка? // Московский комсомолец. 2005. 20 января; Пресловутый «план Даллеса»: фальшивка или нет? // Экономическая и философская газета. 2008. № 1, 2—3, 4—5.
- ¹⁰³⁶ *Макогон С.* Кто придумал «План Даллеса»? 08.07.2008. URL: <http://www.fraza.ua/print/08.07.08/52763/.html>.
- ¹⁰³⁷ См.: *Красников А.* Как нас предали... «Пятая колонна» опережает график Даллеса // Советская Россия. 1995. 9 мая. С. 13; *Широнин В. С.* КГБ — ЦРУ: Секретные пружины {557} перестройки. М., 1997. С. 77; *Кочуков А.* Аллен Даллес — война после войны // Красная звезда. 2004. 28 октября; и др.
- ¹⁰³⁸ См.: *Платонов О. А.* Россия под властью масонов. М., 2000. С. 6, прим.
- ¹⁰³⁹ См.: *Зенькович Н. А.* В тени Кремля. Смоленск, 2000. С. 465—467, 526.
- ¹⁰⁴⁰ *Шевякин А. П.* Загадка гибели СССР. История заговоров и предательств. М., 2004. С. 14.
- ¹⁰⁴¹ *Хлобустов О.* Был ли план Даллеса для СССР фальшивкой? // Российский кто есть кто. М., 2005. № 3. URL: <http://www.proza.ru/2007/05/10-262>.
- ¹⁰⁴² Реальная история от В. М. Фалина: Стенограмма семинара в Институте динамического консерватизма (ИДК) 30.11.2011. URL: <http://www.qsec.ru/node/1759>. См. также: *Безыменский Л. А., Фалин В. М.* Кто развязал «холодную войну» // Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди. М., 1989. С. 346—357; *Фалин В. М.* Запад и Россия в XX веке: связь времен. 28.08.2011. URL: www.regnum.ru/news/1439594.html; *Панарин И. Н.* Первая информационная война. Развал СССР. М.; СПб., 2010. С. 47—72.
- ¹⁰⁴³ *Фалин В.* Как Вторая мировая война переросла в Третью // Российская Федерация сегодня. 2005. № 9. URL: http://www.russia-today.ru/2005/no_09/09_topic_3.htm; *Елисеев А. В.* 1937. Сталин против заговора «глобалистов». М., 2009. С. 176—177.

- ¹⁰⁴⁴ *Хлобустов О.М.* Неизвестный Андропов. М., 2009. С. 214, 215, 223, 224, 597, 598, 599.
- ¹⁰⁴⁵ *Дроздов Ю.И.* Записки начальника нелегальной разведки. М., 2000. С. 24.
- ¹⁰⁴⁶ *Широнин В.С.* Под колпаком контрразведки. М., 1996. С. 81.
- ¹⁰⁴⁷ Ф.К. Мортин, генерал-лейтенант, с 1958 г. по 1971 г. — первый заместитель начальника внешней разведки, с июля 1971 г. по ноябрь 1974 г. — начальник ПГУ КГБ при Совете Министров СССР (*Дегтярев К., Колпакиди А.* Внешняя разведка СССР. М., 2009. С. 335).
- ¹⁰⁴⁸ Мир — это война: Беседа И.М. Ильинского с Ф.Д. Бобковым. М., 2007. URL: <http://www.ilinskiy.ru/publications/sod/mirvoina-sod.php>. Доступ историков к обсуждаемому на заседании документу позволил бы внести ясность по многим из затрагиваемых вопросам. Окончательные ответы могут быть получены только после публикации подлинника «плана».
- ¹⁰⁴⁹ Цит. по: *Окороков А.В.* Указ. соч. С. 63.
- ¹⁰⁵⁰ Там же. С. 67.
- ¹⁰⁵¹ *Хлобустов О.М.* Доктрина Даллеса в действии. М., 2012. С. 14.
- ¹⁰⁵² Полный текст директивы «Задачи в отношении России» от 18 августа 1948 г. опубликован в кн.: *Дроздов Ю.И., Маркин А.Г.* Наглый орел—2007 (Разведка и война в системе США. М., 2009. С. 9—43).
- ¹⁰⁵³ См.: Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945—1950 гг. / Сост. и авт. вступ. ст. Ильинский И.М. М., 2006.
- ¹⁰⁵⁴ См.: *Перов И.* Пентагон: ставка на победу в ядерной войне (История и современность) // Зарубежное военное обозрение. 1989. № 5, 6, 7. URL: http://pentagonus.ru/publ/pentagon_stavka_na_pobedu_v_jadernoj_vojne/19-1-0-1290; *Каку М., Аксельрод Д.* США: ставка на победу в ядерной войне. Секретные планы Пентагона. М., 1988.
- ¹⁰⁵⁵ Цит. по: *Окороков А.В.* Указ. соч. С. 62.
- ¹⁰⁵⁶ Там же. С. 80.
- ¹⁰⁵⁷ *Сталин И.В.* О великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2002. С. 151.
- ¹⁰⁵⁸ Правда. 1945. 26 мая. Передовая.
- ¹⁰⁵⁹ *Лебедев Вл.* Великий русский народ — выдающаяся нация // Правда. 1945. 7 июля.
- ¹⁰⁶⁰ Советская жизнь. 1945—1953: Документы советской истории. М., 2003. С. 453.
- ¹⁰⁶¹ См.: *Марьина В.* Георги Димитров — советский гражданин. 1934—1945 гг. (по материалам дневников Г. Димитрова) // Россия XXI. 2007. № 4. С. 100.
- ¹⁰⁶² *Курашвили Б. П.* Куда идет Россия? М., 1994. С. 188.
- ¹⁰⁶³ Цит. по: *Борев Ю. Б.* Сталиниада. М., 1990. С. 292. {558}
- ¹⁰⁶⁴ Там же.
- ¹⁰⁶⁵ См.: *Сталин И. В.* Речь на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана // Правда. 1935. 6 декабря. С. 3.
- ¹⁰⁶⁶ См.: *Тишков В. А.* Национальность — коммунист? // Политические исследования. 1991. № 2. С. 32.
- ¹⁰⁶⁷ См.: *Бугай Н. Ф.* Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» М., 1995.
- ¹⁰⁶⁸ *Курашвили Б. П.* Указ. соч. С. 189.
- ¹⁰⁶⁹ См.: *Некрич А.* Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978. С. 156.
- ¹⁰⁷⁰ *Дунаева Е. А.* Сотрудничество наций в СССР. М., 1948. С. 138.
- ¹⁰⁷¹ *Кравцев И.* Великая сила идей советского патриотизма и пролетарского интернационализма // Большевик Украины. 1951. № 9. С. 42—43.
- ¹⁰⁷² См.: *Матюшкин Н. И.* СССР — страна великого содружества народов. М., 1953. С. 116.
- ¹⁰⁷³ Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 269.
- ¹⁰⁷⁴ *Каммари М. Д.* И. В. Сталин о марксизме в языкознании // Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». М., 1951. С. 50.
- ¹⁰⁷⁵ *Сонин А.* Несколько эпизодов борьбы с «космополитизмом» в физике // Вестник Академии наук СССР. 1990. № 8. С. 130.
- ¹⁰⁷⁶ *Мординов А. Е.* О развитии языков социалистических наций СССР // Вопросы философии. 1950. № 3. С. 91.
- ¹⁰⁷⁷ См.: *Эйништейн Р.* Советские евреи во второй мировой войне // Евреи в Советской России (1917—1967). Иерусалим, 1975. С. 9. В развернутом виде взаимодействие и взаимоотношения русского и еврейского народов в революции и на протяжении двух столетий представлены в работах: *Солженицын А. И.* Двести лет вместе (1795—1995). Часть I, II. М., 2001, 2002; *Семанов С. Н.* Русско-еврейские разговоры. М., 2001, 2003, 2004; *Шафаревич И. Р.* Трехтыся-

- четлетняя загадка: История евреев из перспективы современной России. Псков, 2002; *Ваксберг А. И.* Из ада в рай и обратно: Еврейский вопрос по Ленину, Сталину и Солженицыну. М., 2003; *Семанов С. Н.* Русско-еврейские разборки вчера и сегодня. М., 2004; *Здоровец Я. И., Мухин А. А.* Еврейское влияние в России. М., 2004; *Платонов О. А.* Тайна беззакония: Иудаизм и масонство против Христианской цивилизации. М., 2004; *Куняев С. Ю.* Жрецы и жертвы холокоста. Кровавые язвы мировой истории. М., 2011; *Шафаревич И. Р.* О «еврейском столетии» // *Завтра*, 2011. № 26. С. 1-3; № 27. С. 6; и др.
- ¹⁰⁷⁸ См.: *Васильев А.* Россия на Ближнем и Среднем Востоке: От мессианства к прагматизму. М., 1993. С. 313; *Ланициков А. П.* Национальный вопрос в России. М., 1991. С. 101; *Ахутин А.* Указ. соч. С. 86.
- ¹⁰⁷⁹ См.: *Шейнис З.* Провокация века. М., 1992. С. 52; *Ортенберг Д.* Сорок третий: Рассказ-хроника. М., 1991. С. 400.
- ¹⁰⁸⁰ *Филатов В.* Машина смерти: Преступления против России и русского народа. М., 1995. С. 113.
- ¹⁰⁸¹ *Пинкус Б.* Евреи Советского Союза: История национального меньшинства (Кембридж, 1988) // *Зарубежная литература о национальных отношениях в СССР: Реферативный сборник.* М., 1991. С. 143.
- ¹⁰⁸² *Пикер Г.* Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993. С. 456.
- ¹⁰⁸³ *Медведев Ж.* Антисемитизм в России от Сталина до олигархов // *АИФ.* 2003. № 51.
- ¹⁰⁸⁴ Там же.
- ¹⁰⁸⁵ *Нудельман Р.* Современный советский антисемитизм: Формы и содержание // *Антисемитизм в Советском Союзе: Его корни и последствия.* Иерусалим, 1979. С. 32.
- ¹⁰⁸⁶ *Воронель А.* Причины активности антисемитизма в Советском Союзе // *Антисемитизм в Советском Союзе.* С. 94, 96. {559}
- ¹⁰⁸⁷ *Medvedev R. A.* On Stalin and Stalinism. Oxford, 1979. P. 122. Цит. по: *Иванов А. М.* Логика кошмара. М., 1993. С. 134.
- ¹⁰⁸⁸ См.: *Федь Н.* Художник и власть // *Молодая гвардия.* 1994. № 4. С. 166.
- ¹⁰⁸⁹ *Эттингер Ш.* Исторические корни антисемитизма в Советском Союзе // *Антисемитизм в Советском Союзе.* С. 22. В работах современных сталинистов и правых религиозных фундаменталистов год большого террора (1937) представляется как «год победы русской национально-освободительной революции под руководством товарища Сталина над масонской бандой глобалистов, представленных в то время, в значительной степени, еврейскими большевиками». Цит. по: *Мартов А., Роцин В.* Сталинизм «в собственном соку». Москва, ноябрь 2006 — май 2007. URL: <http://www.situation.ru/app/rs/lib/stalinism/stalinizm.htm>.
- ¹⁰⁹⁰ *Маркиш Ш.* Пример Василия Гроссмана // *Гроссман В.* На еврейские темы. Иерусалим, 1985. Т. 2. С. 407, 508. См. также: *Костырченко Г.* «Дело врачей» не носило исключительно антиеврейского характера: более половины арестованных медиков были русские // *Родина.* 1994. № 7. С. 66—73.
- ¹⁰⁹¹ *Медведев Ж. А.* Сталин и «дело врачей». Новые материалы // *Вопросы истории.* 2003. № 2.
- ¹⁰⁹² *Жданов А. А., Маленков Г. М.* Сталин и космополиты. М., 2012. С. 32.
- ¹⁰⁹³ *Нудельман Р.* Указ. соч. С. 24—25.
- ¹⁰⁹⁴ *Диманштейн С.* Введение // *Ленин Н.* О еврейском вопросе в России. Харьков, 1924. С. 16, 17, 18. Ср.: *Латышев А.* Ленин и евреи // *Российская газета.* 1993. 27 февраля. С. 3.
- ¹⁰⁹⁵ *Бухарин Н. И.* Антисемитизм: [Раздел речи на XXIV Ленинградской губпартконференции 26 января 1927 г.] // *Бухарин Н. И.* Путь к социализму: Избранные произведения. Новосибирск, 1990. С. 190—191.
- ¹⁰⁹⁶ *Солженицын А. И.* В круге первом. Нью-Йорк, 1968. С. 373, 376.
- ¹⁰⁹⁷ *Коржавин Н.* Опыт поэтической биографии // *Континент.* 1975. № 2. С. 233.
- ¹⁰⁹⁸ См., например: *Тень Холокоста (Материалы II международного симпозиума «Уроки Холокоста и современная Россия»).* М., 1998.
- ¹⁰⁹⁹ *Абрамский Ш.* Биробиджанский проект, 1927—1959 // *Евреи в Советской России (1917—1967).* Иерусалим, 1975. С. 114.
- ¹¹⁰⁰ *Калинин М. И.* Евреи-земледельцы в союзе народов СССР: Речь на съезде Общества содействия еврейскому земледелию (ОЗЕТ) 17 ноября 1926 г. // *Известия.* 1926. 25 ноября. С. 4.
- ¹¹⁰¹ *Он же.* Евреи в СССР: (Из речи на II съезде ОЗЕТ). М., 1931. С. 11.
- ¹¹⁰² *Он же.* Об образовании Еврейской автономной области (Из записи беседы с представителями рабочих и работников еврейской печати по поводу образования ЕАО Постановлением ЦИК СССР от 7 мая 1934 г.) // *Революция и национальности.* 1934. № 7. С. 8—14.

- ¹¹⁰³ *Он же*. Евреи в СССР. С. 16.
- ¹¹⁰⁴ Цит. по: *Кацман Е. А.* Указ. соч. С. 16.
- ¹¹⁰⁵ Цит. по: *Такер Р.* Сталин у власти: История и личность, 1928—1941. М., 1997. С. 438.
- ¹¹⁰⁶ См.: *Костиков В.* Концерт для глухой вдовы // *Огонек*. 1989. № 7. С. 9.
- ¹¹⁰⁷ *Топоров В.* Юдофобия: Обратная связь // *Новая Россия*. 1995. № 3. С. 54.
- ¹¹⁰⁸ См.: *Полторанин М.* Как Крым чуть не стал Израилем // *Аргументы и факты*. 2008. 15 октября. № 42.
- ¹¹⁰⁹ Цит. по: *Куняев С. Ю.* Поэзия. Судьба. Россия: В 3 кн. М., 2001. Кн. 1. С. 310.
- ¹¹¹⁰ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М., 2007. С. 663.
- ¹¹¹¹ *Козлов В. И.* Евреи в России — СССР. Реалии жизни и мифы «антисемитизма». М., 2010. С. 224. {560}
- ¹¹¹² *Солженицын А. И.* Двести лет вместе. Часть II. М., 2002. С. 454.
- ¹¹¹³ *Рабинович Я. И.* Быть евреем в России: Спасибо Солженицыну. М., 2005. С. 596; *Рабинович Я. И.* Россия еврейская. М., 2006. С. 309. В обоих книгах эти ключевые положения вынесены на 4-ю сторону обложки.
- ¹¹¹⁴ *Рабинович Я. И.* Россия еврейская. М., 2006. С. 310 со ссылкой на: *Быков Д.* Евреи как коренное население России // *Еврейское слово*. 2003. № 11.
- ¹¹¹⁵ См.: *Опендик В.* Двести лет затяжного погрома. Т. I. Нью-Йорк, 2003; *Опендик В.* 200 лет затяжного погрома // http://ldn-knigi.lib.ru/JUDAICA/VOpen_200L.htm.
- ¹¹¹⁶ «Мы располагаем самыми лучшими кадрами». Записки о послевоенном устройстве армии // *Источник*, 1996. С. 152.
- ¹¹¹⁷ См.: *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: В 2 т. 13-е изд. М., 2002; *Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Хроника жизни*. М. 1998; *Маршал Советского Союза Г. К. Жуков: Исследование жизни и деятельности: В 2 т.* М., 2005; и др.
- ¹¹¹⁸ См.: *Г. К. Жуков: неизвестные страницы биографии* // *Военные архивы России*. М., 1993. Вып. 1. С. 175—245; *Соколов Б.* Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. Минск, 2000; и др.
- ¹¹¹⁹ См.: *Г. М. Маленков и «дело авиационной промышленности»* // Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР. 1945—1953. М., 2002. С. 203—206; *Солонин М.* «Дело авиаторов». Ч. 1. URL: <http://www.topwar.ru/310-delo-aviatorov-chast-i.html>; *Солонин М.* «Дело авиаторов». Ч. 2 // *Военно-промышленный курьер*. 2009. 9 июня. № 22: <http://www.aviaport.ru/digest/2010/06/08/196517.html>; *Широкопад А.* Неужели «без вины виноватые»? URL: <http://vpk-news.ru/articles/5865>; и др.
- ¹¹²⁰ См.: *Шахурин А. И.* Крылья победы. М., 1983, 1985, 1990. *Шахурин А. И.* Сокрушение люфтваффе. (Воспоминания наркома авиапромышленности). М., 2004.
- ¹¹²¹ См.: *Рубцов Ю. В.* Маршалы Сталина. От Буденного до Булганина. М., 2006.
- ¹¹²² Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945—1953. М., 2002. С. 206.
- ¹¹²³ См.: *Баландин Р. К.* Маленков. Третий вождь Страны Советов. М., 2007; *Маленков А. Г.* О моем отце Георгии Маленкове. М., 1992, 2007.
- ¹¹²⁴ См.: *US News and World Report*. 1955. 21 января (цит. по: *Иоанн*, митрополит. *Самодержавие духа. Очерки русского самосознания*. С. 293). См. так же: *Назаров М. В.* Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С. 388.
- ¹¹²⁵ *Микоян А. И.* Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. С. 559.
- ¹¹²⁶ *Жирнов Е.* «Во вражеской группе подготавливался вопрос о переносе столицы в Ленинград» // *Власть*. 2000. № 38. С. 55.
- ¹¹²⁷ *Микоян А. И.* Так было: Размышления о минувшем. М., 1999. С. 567—568.
- ¹¹²⁸ *Борев Ю. Б.* Сталиниада. М., 1990.
- ¹¹²⁹ *Демидов В.* Ленинградское дело: попытки реконструкции // *Звезда*. 1989. № 1; *Кутузов В. А.* Так называемое «Ленинградское дело» // *Вопросы истории КПСС*. 1989. № 3. С. 53—67; «Ленинградское дело» / Под ред. В. И. Демидова и В. А. Кузнецова. Л., 1990; «Ленинградское дело» // *Реабилитация: Политические процессы 30—50-х годов*. М., 1991; *Кутузов В. А.* «Ленинградское дело»: реабилитация // *Университетские Петербургские чтения: 300 лет Северной столице*. Сб. статей. СПб. 2003; *Смирнов А. П.* «Ленинградское дело». Портрет поколения // *История Петербурга*. 2006 № 6; *Судьбы людей. «Ленинградское дело»* / Сост. А. П. Смирнов. СПб. 2009. Представляя это «дело» как проявление борьбы различных групп в сталинском окружении, современный автор полагает, что ленинградцы «фактически предлагали отказаться

- от традиционной советской политики дискриминации РСФСР по сравнению с другими союзными республиками. В таком случае, ленинградское дело имеет чрезвычайную важность для истории СССР. Изначально большевистская элита в основном образовывалась из еврейских, армянских и грузинских кланов. В дальнейшем значительно усилилось влияние намеренно выпестованных {561} советской властью в 20—30-е годы украинских коммунистов. С приходом в Москву Берии грузины заметно усилили позиции в советской элите, потеснили евреев и армян. В результате «Ленинградского дела» украинские, еврейские и грузинские группировки национал-коммунистов в зародыше уничтожили русскую фракцию советской номенклатуры. Последствия тех событий актуальны до сих пор, легко наблюдаются в современной нам РФ» (*Жуков И.* Мифы о «борьбе против космополитизма» в СССР. Часть вторая. 17.06.2008 // АПН. 02.08.2012. URL: <http://www.apn.ru/publications/print20106.htm>).
- ¹¹³⁰ См.: *Медведев Ж.* Убийство Соломона Михоэlsa. URL: http://scepsis.ru/library/id_1475.html; Убийство Михоэlsa и начало «разработки» ЕАК Госбезопасностью // Государственный антисемитизм в СССР. С. 106—137; С. И. Огольцов — Л. П. Берии о подготовке и осуществлении спецоперации по устранению С. М. Михоэlsa. 18 марта 1953 г. // Государственный антисемитизм в СССР. М., 2005. С. 110—112; Записка Л. П. Берии в Президиум ЦК КПСС о привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в убийстве С. М. Михоэlsa и В. И. Голубова. 2 апреля 1953 г. // Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского Пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. С. 25—28.
- ¹¹³¹ Записка Р. А. Руденко и С. Н. Круглова в Президиум ЦК КПСС об освобождении А. С. Аллилуевой и Е. А. Аллилуевой // Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: В 3 т. М., 2000. Т. 1. С. 70—71. См. также: *Шатуновская Л.* Жизнь в Кремле. Нью-Йорк, 1982. С. 199; *Аллилуева С. И.* Двадцать писем к другу. М., 1989. С. 183.
- ¹¹³² См.: Реабилитация: Политические процессы 30—50-х годов. М., 1991. С. 324.
- ¹¹³³ См.: *Шатуновская Л. А.* Жизнь в Кремле. Нью-Йорк, 1982; *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина. М., 2003.
- ¹¹³⁴ См.: *Меур Г.* Моя жизнь: Автобиография. Чимкент, 1997.
- ¹¹³⁵ Неправедный суд: Последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета. М., 1994. С. 62.
- ¹¹³⁶ См.: М. В. Шкирятов, В. С. Абакумов — И. В. Сталину о результатах проверки обвинительных материалов против П. С. Жемчужиной, 27 декабря 1948 г. // Государственный антисемитизм в СССР. С. 156—160; Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 475.
- ¹¹³⁷ *Меур Г.* Моя жизнь. Чимкент, 1997. С. 303.
- ¹¹³⁸ Там же. С. 307.
- ¹¹³⁹ Там же. С. 308; См. также: *Шатуновская Л.* Жизнь в Кремле. Нью-Йорк, 1982. С. 314—325.
- ¹¹⁴⁰ *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001. С. 402.
- ¹¹⁴¹ *Костырченко Г. В.* В плену у красного фараона. С. 111.
- ¹¹⁴² См.: *Жуков Ю. Н.* Сталин: Тайны власти. С. 466, 467.
- ¹¹⁴³ См.: Реабилитация: Политические процессы 30—50-х годов. М., 1991. С. 323.
- ¹¹⁴⁴ «Дело» Еврейского антифашистского комитета // Государственный антисемитизм в СССР. М., 2005. С. 138.
- ¹¹⁴⁵ Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941—1948: Документированная история. М., 1996; «Дело» Еврейского антифашистского комитета // Государственный антисемитизм в СССР. М., 2005. С. 138—212; *Миронин С. С.* Сталинский порядок. М., 2007; Еврейский антифашистский комитет. URL: <http://www.hrono.ru/organ/eak.html>.
- ¹¹⁴⁶ См.: Записка Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х — начала 50-х годов. 25 декабря 1988 г. // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1995. № 1. С. 123—130. {562}
- ¹¹⁴⁷ См.: Неправедный суд: Последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета. М., 1994; *Столяров К. А.* Игры в правосудие. М., 2000; *Абрамов В.* Абакумов — начальник СМЕРШа: Взлет и гибель любимца Сталина. М., 2005; *Смыслов О. С.* Генерал Абакумов: Всесильный хозяин СМЕРШа. М., 2005.
- ¹¹⁴⁸ См.: *Столяров К.* Голгофа. М., 1991; *Столяров К. А.* Палачи и жертвы. М., 1997; *Гераскин Б. В.* За семью печатями. М., 2000; *Степаков В.* «Апостол» СМЕРШа. М., 2009; и др.
- ¹¹⁴⁹ См.: *Зенькович Н. А.* Самые закрытые люди: Энциклопедия биографий. М., 2004. С. 637—638.
- ¹¹⁵⁰ См.: «Мингрельское дело» // Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945—1953. М., 2002. С. 349—358. Записка Л. П. Берии в Президиум ЦК КПСС о неправильном ведении

- дела о так называемой мингрельской националистической группе. 8 апреля 1953 г.; Постановление Президиума ЦК КПСС о фальсификации дела о так называемой мингрельской националистической группе. 10 апреля 1953 г. // Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского Пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. С. 29—37, 37—40; Постановление пленума ЦК КП Грузии о пересмотре «мингрельского дела» // Региональная политика Н. С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953—1964 гг. М., 2009. С. 24—27.
- ¹¹⁵¹ Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. М., 1996. С. 361.
- ¹¹⁵² Политбюро и дело Берия. Сб. документов / Под ред. О. Б. Мозохина. М., 2012. С. 19.
- ¹¹⁵³ См.: Записка Л. П. Берии в Президиум ЦК КПСС о реабилитации лиц, привлеченных по так называемому делу о врачах-вредителях. 1 апреля 1953 г.; Постановление Президиума ЦК КПСС о фальсификации так называемого дела о врачах-вредителях. 3 апреля 1953 г. // Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского Пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. С. 21—25.
- ¹¹⁵⁴ Мальшев В. А. «Пройдет десяток лет, и эти встречи уже не восстановишь в памяти»: Дневник наркома // Источник. 1997. № 5. С. 140.
- ¹¹⁵⁵ Источник. 1993, № 0. С. 55.
- ¹¹⁵⁶ Красильников Б. Н. Сталин — помощники, тайна смерти. М., 2006; Кремлев С. Зачем убили Сталина? Преступление века. М., 2008; Млечин Л. М. Смерть Сталина: Вождь и его соратники. М., 2003; Мухин Ю. И. За что убит Сталин? М., 2004, 2005; Мухин Ю. И. Убийство Сталина и Берии. М., 2002, 2003, 2007; Мухин Ю. Убийцы Сталина. М., 2005, 2006, 2007, 2009; Над Н. (Добрюха Н. А.). Как убивали Сталина. М., 2007; Прудникова Е. А. Сталин. Второе убийство. СПб., 2005; Радзинский Э. С. Сталин: жизнь и смерть. М., 2003; и др.
- ¹¹⁵⁷ Аналогичная оценка долгое время приписывалась Черчиллю. См.: Ильинский И. М. Это наша Победа! Точка. Выступление на митинге 29 апреля 2010 г. М., 2010. URL: <http://www.ilinskiy.ru/publications/stat/pobeda65.php>.
- ¹¹⁵⁸ См.: Зенькович Н. А. Самые закрытые люди: Энциклопедия биографий. М., 2004. С. 638—639.
- ¹¹⁵⁹ Карпов В. В. Генералиссимус. Калининград, 2002. Кн. 2. С. 489. Ср.: Чуев Ф. И. Молотов: Полудержавный властелин. М., 1999. С. 396.
- ¹¹⁶⁰ Ср.: Правда. 1963. 20 июля; Чигирин И. И. Отец. «Тайна» смерти И. В. Сталина и неизвестные документы об известных событиях. М., 2012. С. 352.
- ¹¹⁶¹ Около 7 млн советских воинов более года вели бои за освобождение оккупированных гитлеровцами 13 стран Европы и Азии, после войны на родину возвратилось также 5,5 млн бывших военнопленных и насильственно угнанных советских мирных жителей (Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 487, 488).
- ¹¹⁶² Известия. 1946. 12 марта; Черчилль У. Мировой кризис. Автобиография. Речи. М., 2003.
- ¹¹⁶³ См.: Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945—1953. М., 2002. С. 61, 77. {563}
- ¹¹⁶⁴ Сталин И. Выступление на приеме 24 мая 1945 г. в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии // Правда. 1945. 25 мая.
- ¹¹⁶⁵ Великий русский народ // Правда. 1945. 26 мая.
- ¹¹⁶⁶ Лебедев В. Великий русский народ — выдающаяся нация // Правда. 1945. 7 июля.
- ¹¹⁶⁷ Лебедев В. Великий русский народ — выдающаяся нация и руководящая сила Советского Союза // Пропагандист. 1945. Август (№ 16). С. 7.
- ¹¹⁶⁸ Генкина Э. Ленин и Сталин — основатели Советского Союза // Пропагандист. 1945. № 24. С. 9.
- ¹¹⁶⁹ Молотов В. М. Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции: Доклад на торжественном заседании Моссовета 6 ноября 1947 года // Большевик. 1947. № 21. С. 16.
- ¹¹⁷⁰ Правда. 1945. 17 июня.
- ¹¹⁷¹ Катица П. Л. Письма о науке. 1930—1980. М., 1989. С. 247—248.
- ¹¹⁷² Цит. по: Гангнус А. Патриотический рывок нации: когда и как? Национальный проект им. А.А. Жданова // Немцы из России. 2010. № 1. URL: <http://www.wirdeutsche-ausrussland.de/2010/2010.html>.
- ¹¹⁷³ Против буржуазной идеологии космополитизма // Вопросы философии. 1948. № 2. С. 20, 16; Новые успехи советской науки // Большевик. 1948. № 11. С. 9. См. также: Зворыкин А. О советском приоритете в науке // Большевик. 1948. № 22.
- ¹¹⁷⁴ Сталин и космополитизм: Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945—1953. М., 2005. С. 133 (см. также с. 145—149).
- ¹¹⁷⁵ Цит. по: Хоскинг Д. Правители и жертвы. М., 2012. С. 267.
- ¹¹⁷⁶ Цит. по: Боров Ю. Б. Сталиниада. М., 1990. С. 268.

- ¹¹⁷⁷ См.: *Верт А.* Россия в войне 1941—1945. М., 1965. Вып. 1. С. 247.
- ¹¹⁷⁸ Цит. по: *Попов В. П.* Большая ничья. СССР от Победы до распада. М., 2005. С. 69.
- ¹¹⁷⁹ Против объективизма в исторической науке // *Вопросы истории.* 1948. № 2. С. 11.
- ¹¹⁸⁰ Там же.
- ¹¹⁸¹ Там же.
- ¹¹⁸² *Наша великая Родина* / Под ред. А. М. Панкратовой, Б. М. Волина и др. М., 1946, 1949, 1953, 1954, 1955.
- ¹¹⁸³ *Рюриков Б.* «Малый мир» А. Твардовского // *Комсомольская правда.* 1948. 15 января.
- ¹¹⁸⁴ *Субоцкий Л.* Заметки о прозе 1946 года // *Новый мир.* 1947. № 3. С. 135—153.
- ¹¹⁸⁵ *Ермилов В.* Фальшивая проза // *Литературная газета.* 1947. 20 декабря.
- ¹¹⁸⁶ О книге А. Твардовского «Родина и чужбина» (Стенограммы обсуждений) // *Вопросы литературы.* 1991. № 9—10. С. 225.
- ¹¹⁸⁷ *Светлов М.* Двадцать лет спустя: Драматическая поэма // *Светлов М.* Пьесы. М., 1970. С. 105.
- ¹¹⁸⁸ *Вопросы литературы.* 1991. № 9—10. С. 225.
- ¹¹⁸⁹ Там же. С. 212.
- ¹¹⁹⁰ См. также: *Вопросы литературы.* 1991. № 9—10. С. 202—209.
- ¹¹⁹¹ *Сельвинский И. Л.* Письмо Г. М. Маленкову. 25 июля 1953 г. // *Хрестоматия по отечественной истории (1946—1995 гг.).* М., 1996. С. 269.
- ¹¹⁹² Цит. по: *Куняев С.* Поэзия. Судьба. Россия: В 3 кн. М., 2001. Кн. 1. С. 113.
- ¹¹⁹³ См.: *Огнев А. В.* Михаил Шолохов и наше время. Тверь, 1996. С. 222.
- ¹¹⁹⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 181.
- ¹¹⁹⁵ *Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б)—ВКП(б)—ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике. 1917—1953 гг.* М., 1999. С. 588.
- ¹¹⁹⁶ Там же. С. 587.
- ¹¹⁹⁷ Там же. С. 589.
- ¹¹⁹⁸ Там же. С. 588.
- ¹¹⁹⁹ Там же. С. 587. {564}
- ¹²⁰⁰ Там же. С. 588.
- ¹²⁰¹ Там же. С. 456. Воскрешение оценки литературоведа, писавшего, что поэтессе присущ стиль «монашки и блудницы» (*Эйхенбаум Б. М.* Анна Ахматова. Опыт анализа. Пг., 1923).
- ¹²⁰² См.: *Правда.* 1946. 21 сентября.
- ¹²⁰³ См.: *Карякин Ю.* Ждановская жидкость, или Против очернительства // *Огонек.* 1988. № 19; *Ильина И.* Припугнуть, чтоб другим неповадно было // *Трудные вопросы истории.* М., 1991; *Бабиченко Д.* Жданов, Маленков и дело ленинградских журналов // *Вопросы литературы.* 1993. Вып. 3; и др.
- ¹²⁰⁴ *Власть и художественная интеллигенция.* С. 592.
- ¹²⁰⁵ Там же. С. 594.
- ¹²⁰⁶ См. там же. С. 600—601.
- ¹²⁰⁷ См. там же. С. 630—632.
- ¹²⁰⁸ Там же. С. 601.
- ¹²⁰⁹ Там же. С. 630.
- ¹²¹⁰ См.: *Записка П. В. Баранова Н. А. Булганину о «деле» В. В. Парина* // *Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: В 3 т.* М., 2000. Т. 1. С. 205—206, 446.
- ¹²¹¹ Цит. по: *Мурин Ю.* Суды чести // *Известия ЦК КПСС.* 1990. № 11. С. 135.
- ¹²¹² *Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения. М., 1988. С. 129.
- ¹²¹³ См.: *Ильичев Л.* Докладная записка Агитпропа ЦК М. А. Сулову о недостатках киносценария А. П. Штейна «Суд чести», 20 февраля 1948 г. // *Сталин и космополитизм.* С. 165—167.
- ¹²¹⁴ См.: *Есаков В. Д., Левина Е. С.* Дело «КР»: Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. М., 2001; *Кременцов Н. Л.* В поисках лекарства против рака: Дело «КР». СПб., 2004.
- ¹²¹⁵ См.: *Кентавр.* 1994. № 2. С. 65—68.
- ¹²¹⁶ См.: *Есаков В. Д., Левина Е. С.* Сталинские «суды чести». М., 2005.
- ¹²¹⁷ См.: *Сталин и космополитизм.* С. 107, 108.
- ¹²¹⁸ *Есаков В. Д.* К истории философской дискуссии 1947 года // *Вопросы философии.* 1993. № 2.
- ¹²¹⁹ См.: *Дискуссия по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии»* 16—25 июня 1947 г.: Стенографический отчет. М., 1947; *Вопросы философии.* 1947. № 1.

- ¹²²⁰ См.: За большевистскую партийность в философии // Вопросы философии. 1948. № 3. С. 8.
- ¹²²¹ Шепилов Д. Об информационном материале о собрании сотрудников Института философии АН СССР, состоявшемся 18 марта 1949 г. // Сталин и космополитизм. С. 318.
- ¹²²² Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век: В 2 кн. М., 1998.
- ¹²²³ См.: Деборин Г. А. Государство США на службе капиталистических монополий // Вопросы философии. 1948. № 1. С. 113, 116. Разгромной критике в журнале «Большевик» (1947. № 13) подверглась также книга одного из ведущих научных сотрудников ИМХМП Л. Я. Эвентова «Военная экономика Англии» (М., 1946).
- ¹²³⁴ Большевик. 1947. № 17. С. 57.
- ¹²²⁵ Певзнер Я. А. Жизнь и труды Е. С. Варги в свете современности // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 10. С. 27.
- ¹²²⁶ См.: Черкасов П. П. Как и почему был закрыт Институт мирового хозяйства и мировой политики (1947 год) // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 4, 5. {565}
- ¹²²⁷ Негативный образ науки формировался статьями: Глуценко И. Реакционная генетика на службе империализма // Правда. 1949. 5 апреля; Студитский А. Н. Мухолобы — человеконенавистники // Огонек. 1949. № 11; и др.
- ¹²²⁸ См.: Дубинин Н. П. История и трагедия советской генетики. М., 1992; Медведев Ж. Взлет и падение Лысенко: История биологической дискуссии в СССР (1929—1966). М., 1993; Сойфер В. Власть и наука: История разгрома генетики в СССР. М., 1993; Мухин Ю. Продажная девка Генетика. М., 2006; и др.
- ¹²²⁹ См.: Кибернетику — на службу коммунизму. М., 1961—1967. Т. 1—5.
- ¹²³⁰ Сонин А. Как бомба спасла физиков // Московские новости. 1990. 25 марта (№ 12). С. 16; Томилин К. А. Несостоявшийся погром в теоретической физике (1949) // Философские исследования. 1993. № 4.
- ¹²³¹ См.: Максимов А. А. Против реакционного эйнштейнианства в физике // Красный флот. 1952. 13 июня; Сонин А. С. «Физический идеализм»: История одной идеологической кампании. М., 1994; и др.
- ¹²³² См. также: Модржинская Е. Д. Космополитизм — империалистическая идеология порабощения наций. М., 1958; Плетнев Э. П. Космополитизм капитала и интернационализм пролетариата. М., 1974; О'Риорден М. Космополитизм капитала и интернационализм рабочего класса // Проблемы мира и социализма. 1976. № 9; Некрич А. Поход против «космополитов» в МГУ: (К коллективной биографии советских историков) // Континент. Мюнхен, 1981. № 28; Платонов О. А. Россия под властью криминально-космополитического режима. М., 1996; Бабиченко Д. Л. Сталин: «Доберемся до всех»: (Как готовили послевоенную идеологическую кампанию. 1943—1946) // Исключить всякие упоминания... Очерки советской цензуры. Минск; М., 1995; Томилин К. А. Физики и борьба с космополитизмом // Физика XIX—XX вв. в общенаучном и социокультурном контекстах. Физика XX в. и ее связь с другими разделами естествознания. М., 1997; Азатовский К., Егоров Б. «Космополиты» // Новое литературное обозрение. 1999. № 36; Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Кузбассе (конец 1940-х начало 1950-х гг.). Красноярск, 2003; Наджафов Д. Г. Введение // Сталин и космополитизм: Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945—1953. М., 2005; Вдовин А. И. «Низкопоклонники» и «космополиты». 1945—1949: История и современность // Новая книга России. 2007. № 2. Истории кампании большое место отведено в кн.: Борщаговский А. М. Записки баловня судьбы. М., 1991; Зубкова Е. Ю. Общество и реформы. 1945—1964. М. 1993; Костырченко Г. В. В плену у красного фараона: Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. М., 1994; Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941—1948: Документированная история. М., 1996; Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953 гг. М., 2000; Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001, 2002; Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М., 2001, 2003; Пихоя Р. Г. Советский Союз. История власти (1945—1991). Новосибирск, 1998 (2-е изд. — 2000); Он же. Москва. Кремль. Власть. 1945—2002: Эволюция политической системы. М., 2006; Жуков Ю. Н. Сталин: Тайны власти. М., 2005.
- ¹²³³ Балтийский Н. О патриотизме // Новое время. 1945. 1 июня (№ 1). С. 4—6.
- ¹²³⁴ Молотов В. М. Тридцатилетие Великой Октябрьской Социалистической революции. Доклад на торжественном заседании Моссовета 6 ноября 1947 г. // Большевик. 1947. № 21. С. 16.

- ¹²³⁵ *Тихонов Н.* В защиту Пушкина // *Культура и жизнь.* 1947. 9 мая; *Фадеев А.* Советская литература после постановлений ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград» // *Литературная газета.* 1947. 29 июня.
- ¹²³⁶ Цит. по: *Бушин В.* Кто опасней дурака... // *Завтра.* 2012. Май. № 21. С. 5.
- ¹²³⁷ *Шепилов Д.* Советский патриотизм // *Правда.* 1947. 13 августа. {566}
- ¹²³⁸ *Шепилов Д.* Победа социализма в СССР — торжество идей ленинизма: К 25-й годовщине со дня смерти В. И. Ленина // *Правда.* 1949. 16 января. Руководители управления (с июля 1948 г. отдела) пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)—КПСС Г. Ф. Александров (6.9.1940—17.9.1947), М. А. Суслов (17.9.1947—10.7.1948, 20.7.1949—27.10.1952), Д.Т. Шепилов (10.7.1948—20.7.1949), Н. А. Михайлов (27.10.1952—14.3.1953) были непосредственными организаторами и участниками всех послевоенных идеологических кампаний.
- ¹²³⁹ Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б). М., 1948. С. 139—140.
- ¹²⁴⁰ Укреплять и развивать лучшие национальные традиции // *Литературная газета.* 1948. 17 апреля.
- ¹²⁴¹ Против буржуазной идеологии космополитизма // *Вопросы философии.* 1948. № 2. С. 14.
- ¹²⁴² Там же. С. 17.
- ¹²⁴³ Там же. С. 18.
- ¹²⁴⁴ *Александров Г. Ф.* Космополитизм — идеология империалистической буржуазии // *Вопросы философии.* 1948. № 3. С. 178, 179.
- ¹²⁴⁵ Там же. С. 185, 186.
- ¹²⁴⁶ *Шепилов Д., Ильичев Л.* Докладная записка Агитпропа ЦК М. А. Сулову о содержании журнала «Вопросы философии» № 3 за 1948 г. // *Сталин и космополитизм.* С. 456.
- ¹²⁴⁷ За боевой философский журнал // *Правда.* 1949. 7 сентября. С. 2.
- ¹²⁴⁸ Цит. по: *Якунин В. И., Багдасарян В. Э., Сулакишин С. С.* Западня: новые технологии борьбы с российской государственностью. М., 2010. С. 23.
- ¹²⁴⁹ *Болховитинов Н. Н.* Доктрина Монро. (Происхождение и характер). М., 1959.
- ¹²⁵⁰ *Якунин В. И., Багдасарян В. Э., Сулакишин С. С.* Западня. С. 24.
- ¹²⁵¹ Против буржуазной идеологии космополитизма // *Вопросы философии.* 1948. № 2. С. 15; *Василевская В.* Фашистский бред Черчилля // *Литературная газета.* 1948. 20 октября. С. 4.
- ¹²⁵² Цит. по: *Дворкин И. И.* По заказу американского и английского империализма // *Вопросы философии.* 1949. № 1. С. 305.
- ¹²⁵³ Против буржуазной идеологии космополитизма // *Вопросы философии.* 1948. № 2. С. 15. См. также: *Коровин Е.* Абсолютный суверенитет или абсолютная неправда // *Новое время.* 1947. № 41. С. 14—16.
- ¹²⁵⁴ Цит. по: *Александров Г. Ф.* Космополитизм — идеология империалистической буржуазии // *Вопросы философии.* 1948. № 3. С. 182.
- ¹²⁵⁵ *Рубинштейн М.* Контуры атомного века в представлениях американских ученых // *Новое время.* 1946. № 12. С. 25—31.
- ¹²⁵⁶ *Калашиников В. Л.* Славянская цивилизация. М., 2001. С. 151.
- ¹²⁵⁷ *Юрьев М.* Глашатаи «атомной империи» // *Литературная газета.* 1948. 11 сентября.
- ¹²⁵⁸ *Уэллс Г.* Освобожденный мир // *Уэллс Г.* Собрание сочинений в 15 т. Т. 4. М., 1964; URL: <http://lib.ru/INOFANT/UELS/wrldfree.txt>.
- ¹²⁵⁹ См.: *Дельгадо Д. П.* Атомная бомба. Манхэттенский проект. Начало нового отсчета истории человечества. М., 2011. С. 126. Ранее гипотеза о едином бесконфликтном мире выдвигалась М. Падуанским. В его сочинении «Защитник мира» (1324) утверждалось, что светская политическая власть и представляющее ее государство возникли в процессе постепенного усложнения форм человеческого общежития. Поначалу семьи во имя общего блага и с общего согласия соединяются в роды, роды — в племена, затем во имя той же цели консолидируются города, завершающая стадия — появление государства, базирующегося на общем согласии составляющих его лиц. В конце XVII в. идея о бесконфликтном мире представлялась как осуществление федеративных отношений между государствами (*Дж. Локк.* Два трактата о правлении, 1690 г.). И. Кант расширил это представление до идеи {567} всемирной федерации — основе долгожданного вечного мира между государствами и народами (трактат «К вечному миру», 1795 г.).
- ¹²⁶⁰ См.: *Ларуш Л.* Блеск и нищета Новой Римской империи. Интервью с известным американским мыслителем и «диссидентом». Июль 2001 года. URL: http://www.patriotica.ru/actual/larush_bleesk.html.
- ¹²⁶¹ См.: *Пайс А.* Научная деятельность и жизнь Альберта Эйнштейна. М., 1989. С. 451.

- ¹²⁶² См.: *Вавилов С. И., Иоффе А. Ф., Семенов Н. Н., Фрумкин А. А.* О некоторых заблуждениях профессора Альберта Эйнштейна // *Новое время*. 1947. 26 ноября. № 48. С. 16.
- ¹²⁶³ *Ларуш Л.* Блеск и нищета Новой Римской империи.
- ¹²⁶⁴ *Вавилов С. И., Иоффе А. Ф., Семенов Н. Н., Фрумкин А. А.* О некоторых заблуждениях профессора Альберта Эйнштейна. С. 15, 17.
- ¹²⁶⁵ Цит. по: О беззаботности в политике и упорстве в заблуждениях: По поводу ответа проф. Эйнштейна // *Новое время*. 1948. 10 марта (№ 11). С. 14.
- ¹²⁶⁶ См. там же. С. 15.
- ¹²⁶⁷ Цит. по: *Александров Г. Ф.* Космополитизм — идеология империалистической буржуазии // *Вопросы философии*. 1948. № 3. С. 184.
- ¹²⁶⁸ *Митин М.* Против антимарксистских космополитических «теорий» в философии // *Литературная газета*. 1949. 9 марта. С. 3.
- ¹²⁶⁹ *Павлов Ю.* Космополитизм — идеологическое оружие американской реакции // *Правда*. 1949. 7 апреля. С. 3.
- ¹²⁷⁰ *Константинов Ф.* Великое оружие борьбы за коммунизм // *Литературная газета*. 1949. 27 апреля. С. 3.
- ¹²⁷¹ *Вьшинский П. Е.* Космополитизм и отечество // *Вопросы философии*. 1948. № 2. С. 63.
- ¹²⁷² Цит. по: *Попов В. П.* Сталин и советская экономика в послевоенные годы // *Отечественная история*. 2001. № 3. С. 65. См. так же: *Попов В. П.* Сталинское экономическое «чудо» после войны (1946—1953) // *Россия в XX веке: Реформы и революции*. В 2 т. М., 2002. Т. 2. С. 272.
- ¹²⁷³ Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. М., 1948. С. 34—35.
- ¹²⁷⁴ См.: *Рубинштейн М.* За кулисами американской науки // *Новое время*. 1947. № 1; *Левин Д. Б.* Современный международно-правовой нигилизм // *Советское государство и право*. 1948. № 6; и др.
- ¹²⁷⁵ *Коровин Е. А.* За советскую патриотическую науку права // *Советское государство и право*. 1949. № 7. С. 7, 8.
- ¹²⁷⁶ *Леонтьев А.* О космополитизме и интернационализме // *Новое время*. 1949. 6 апреля. № 15. С. 10. У. Беверидж цит. по: *Моро Г. И.* Дезинтеграционные процессы в Балканском регионе в контексте обеспечения безопасности России: Дис. ... канд. полит. наук. М., 2001. URL: <http://mitina.viperson.ru/wind.php?ID=288172&soch=1> (дата обращения: 16.09.2012)
- ¹²⁷⁷ Цит. по: *Чиков В. М.* Контуры будущего и место в нем России. Куда идет процесс глобализации. URL: http://nvo.ng.ru/notes/2011-01-28/15_future.html.
- ¹²⁷⁸ *Песис Б.* Космополитический фашист // *Литературная газета*. 1948. 30 июня. С. 4. См. также: *Фрадкин И.* Немецкие космополиты на американской службе // *Литературная газета*. 1948. 7 июля. С. 4.
- ¹²⁷⁹ *Дворкин И. И.* По заказу американского и английского империализма // *Вопросы философии*. 1949. № 1. С. 303. См также: *Вьшинский П. Е.* Космополитизм и отечество // *Вопросы философии*. 1948. № 2. С. 63.
- ¹²⁸⁰ *Земсков В. Н.* Проблема советских перемещенных лиц (1946—1956) // *Россия в XX веке: Война 1941—1945 годов: современные подходы*. М., 2005. С. 529.
- ¹²⁸¹ Против буржуазного либерализма в литературоведении: (По поводу дискуссии {568} об А. Веселовском) // *Культура и жизнь*. 1948. 11 марта. С. 3; *Тарасенков Ан.* Космополиты от литературоведения // *Новый мир*. 1948. № 2.
- ¹²⁸² Против объективизма в исторической науке // *Вопросы истории*. 1948. № 2. С. 11; О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии // *Вопросы истории*. 1949. № 2. С. 9.
- ¹²⁸³ *Вдовин А. И.* История СССР от Ленина до Горбачева. М., 2011. С. 320; *Костырченко Г. В.* Тайная политика Хрущева: власть, интеллигенция, еврейский вопрос. М., 2012. С. 32.
- ¹²⁸⁴ Образчиками жанра могут служить письма Л. Красковой А. А. Жданову и А. Бегичевой И. В. Сталину (Сталин и космополитизм. С. 185—186, 195—200), письмо В. Безымянного в ЦК КПСС (Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации. 1938—1953. М., 2005. С. 340—341).
- ¹²⁸⁵ *Биккенин Н. Б.* Сцены общественной и частной жизни // *Свободная мысль*. 2000. № 7. С. 96.
- ¹²⁸⁶ *Мальшев В. А.* «Пройдет десяток лет, и эти встречи уже не восстановишь в памяти»: Дневник наркома // *Источник*. 1997. № 5. С. 140.
- ¹²⁸⁷ См.: *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина. М., 2003. С. 363.

- ¹²⁸⁸ Сталин и космополитизм. С. 89, 92. См. также: *Печатнов О. В.* «Стрельба холостыми»: Советская пропаганда на Запад в начале холодной войны (1945—1947) // Сталинское десятилетие «холодной войны»: Факты и гипотезы. М., 1999.
- ¹²⁸⁹ Цит. по: *Хоскинг Д.* Правители и жертвы. С. 302.
- ¹²⁹⁰ Цит. по: *Грибанов С. В.* Сталин и евреи. М., 2001. С. 67.
- ¹²⁹¹ См.: «Партийный губернатор» Москвы Георгий Попов / Авт.-сост. Таранов Е. В. М., 2004.
- ¹²⁹² *Костырченко Г.* В плену у красного фараона. С. 188.
- ¹²⁹³ *Блох А. М.* Советский Союз в интерьере Нобелевских премий. М., 2005. С. 365. Характерно, что при подведении в ноябре 1948 г. итогов дискуссии по проблемам литературной критики (открыта мартовским номером журнала) отмечалась ее направленность против «безыдейности, формализма, беспринципности и групповщины, низкопоклонства перед Западом, безродного космополитизма, натурализма». Однако никто из критикуемых космополитом назван не был (За большевистскую партийность литературной критики // Новый мир. 1948. № 12. С. 193).
- ¹²⁹⁴ *Костырченко Г.* В плену у красного фараона. С. 188.
- ¹²⁹⁵ См.: *Жуков Ю. Н.* Сталин: Тайны власти. С. 491.
- ¹²⁹⁶ Статьи и материалы, опубликованные в 1949 г. в «Правде»: *Грибачев Н.* Против космополитизма и формализма в поэзии (16 февраля), До конца разгромим космополитов-антипатриотов! (28 февраля); *Большаков И. Г.* Разгромить буржуазный космополитизм в киноискусстве (3 марта); в «Известиях»: *Захаров В.* До конца разоблачить буржуазных космополитов в музыкальной критике (24 марта); в «Литературной газете»: До конца разоблачить антипатриотическую группу театральных критиков (29 января), *Суров А.* Эстетствующие клеветники (9 февраля), *Еремин Д.* Космополиты в кинокритике и их покровители (23 февраля), Против космополитизма в музыкальной критике (26 февраля), Решительно разоблачить происки буржуазных эстетов (26 февраля), Против космополитизма в философии (2 марта), Убрать с дороги космополитов (12 марта), Против буржуазного космополитизма в литературоведении (19 марта); в «Советском искусстве»: Против космополитизма и формализма в музыкальном образовании (12 марта); в «Вечерней Москве»: Безродные космополиты в ГИТИСе (18 февраля), *Иванов С.* Наглые проповеди безродного космополитизма (14 марта); Изгнать буржуазных космополитов из советской архитектурой науки (24 марта).
- ¹²⁹⁷ См.: *Фатеев А. В.* Образ врага в советской пропаганде. 1945—1954 гг. М., 1999. URL: <http://psyfactor.org/lib/fateev4.htm>. {569}
- ¹²⁹⁸ О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии; В Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1949. № 2; и т.п.
- ¹²⁹⁹ Государственный антисемитизм в СССР. С. 234.
- ¹³⁰⁰ ГОСЕТ закрыт приказом Комитета по делам искусств при СМ СССР от 14 ноября 1949 г. (Государственный антисемитизм в СССР. С. 294—295).
- ¹³⁰¹ Театр ликвидирован распоряжением Совмина РСФСР от 22 октября 1949 г. по предложению Хабаровского крайисполкома (Государственный антисемитизм в СССР. С. 297).
- ¹³⁰² *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Воспоминания в 3 т. М., 1990. Т. 3. С. 103. По данным Г. Костырченко, в ходе борьбы с «еврейским буржуазным национализмом» около 500 человек было арестовано и около 50 расстреляно (*Слезкин Ю.* Эра Меркурия: Евреи в современном мире. М., 2007. С. 517—518).
- ¹³⁰³ *Борев Ю. Б.* Сталиниада. М., 1990. С. 345. Команда на прекращение кампании последовала 29 марта 1949 г. на совещании редакторов центральных газет. Выступивший на нем секретарь ЦК, заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК М. А. Суслов предложил «осмыслить» ситуацию и прекратить публиковать «крикливые» статьи (см.: Жуков И. Мифы о «борьбе против космополитизма» в СССР. Часть вторая. 17.06.2008 // АПН. 02.08.2012. URL: <http://www.apn.ru/publications/print20106.htm>).
- ¹³⁰⁴ *Павлов Ю.* Космополитизм — идеологическое оружие американской реакции // Правда. 1949. 7 апреля. Однако пропагандистская работа по разъяснению пагубности антипатриотизма и космополитизма в последние годы правления И.В. Сталина не прекращалась. Специальные работы по этой проблематике регулярно публиковались в центральной и местной печати. См., например: *Карповиц Э.* О патриотизме, интернационализме и космополитизме. Рига, 1950; *Ковалев С. М.* Безродный космополитизм и низкопоклонство перед иностранщиной — вреднейший пережиток капитализма. М., 1950; Космополитизм — идеологическое оружие американской реакции. Ереван, 1950; *Кравцев И. Е.* Советский патриотизм и борьба против буржуазного космополитизма. Киев, 1950; *Михайлов А. А.* Значение отечественной истории для воспитания

- советского патриотизма. Киев, 1950; *Морозов М.* Национальные традиции и воспитание советского патриотизма. М., 1950; О патриотизме советской интеллигенции. М., 1950; *Белов М. В.* Советский патриотизм — могучая сила в борьбе за коммунизм // Вопросы философии. 1951. № 5; *Емельяненко Г. Г.* Космополитизм — реакционная идеология американского империализма. Киев, 1951; *Емельяненко Г. Г.* О пролетарском интернационализме и буржуазном космополитизме. Киев, 1951; *Матюшкин Н. И.* Советский патриотизм — могучая сила социалистического общества. М., 1952; О советском патриотизме: Сб. статей. М., 1952; *Оратовский В. Т.* Советский патриотизм — выражение идеологии пролетарского интернационализма и советской национальной гордости // Вопросы философии. 1952. № 4; Против рецидивов антипатриотических взглядов в литературной критике // Правда 1951. 28 октября; *Чернов Ф.* Пролетарский интернационализм и буржуазный космополитизм. М., 1951; *Емельяненко Г. Г.* Расизм и космополитизм — реакционная идеология американских поджигателей войны. Киев, 1952; *Федосеев П.* Социализм и патриотизм // Коммунист. 1953. № 9; и др.
- ¹³⁰⁵ *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина. М., 2003. С. 363.
- ¹³⁰⁶ 20 июля 1949 г. освобожден от руководства Агитпропом ЦК (Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР. 1945—1953. С. 77).
- ¹³⁰⁷ 12 декабря 1949 г. освобожден от обязанностей секретаря МК и МГК, а также от обязанностей секретаря ЦК ВКП(б) (Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945—1953. М., С. 324).
- ¹³⁰⁸ *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Воспоминания в 3 т. М., 1990. Т. 3. С. 103. {570}
- ¹³⁰⁹ Публикуется по: *Ваксберг А. И.* Нераскрытые тайны. М., 1993. С. 261—265.
- ¹³¹⁰ См.: URL: <http://korob-kov.livejournal.com / 19042.html>.
- ¹³¹¹ С нашей точки зрения, тенденциозности подобного рода не избежали автор и составители книг «Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм», «Государственный антисемитизм в СССР»; «Сталин и космополитизм».
- ¹³¹² *Шафаревич И. Р.* Трехтысячелетняя загадка: История евреев из перспективы современной России. СПб., 2002. С. 240.
- ¹³¹³ *Савельев А. Н.* Нация: русская формула профессора Ковалевского // Золотой лев. 2005. № 69—70. URL: http://www.zlev.ru/69_50.htm.
- ¹³¹⁴ См.: Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: В 3 т. М., 2000—2004.
- ¹³¹⁵ *Маркиш Ш.* Пример Василия Гроссмана // *Гроссман В.* На еврейские темы. В 2 т. Иерусалим, 1985. Т. 2. С. 407, 508. См. также: *Костырченко Г.* «Дело врачей» не носило исключительно антиеврейского характера // Родина. 1994. № 7. С. 66—73.
- ¹³¹⁶ См. резолюции X и XII съездов РКП(б) по национальному вопросу: В. И. Ленин, КПСС о Советском многонациональном государстве. М., 1981. С. 117, 128.
- ¹³¹⁷ Его полное название — «Руководящие кадры партийных, советских, хозяйственных и других органов к началу 1952 года (без данных по министерствам: Военному, Военно-Морскому, Госконтроля и по войскам МВД, МГБ и спецсудам». Данные сборника частично опубликованы в кн.: Государственный антисемитизм в СССР. С. 353—357.
- ¹³¹⁸ См. там же. Подсчеты произведены по данным, приведенным на с. 353—355. Показатели в абсолютных цифрах округлены.
- ¹³¹⁹ *Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения. М., 1990. С. 202.
- ¹³²⁰ *Лобанов М. П.* В сражении и любви: Опыт духовной биографии. М., 2003; *Он же.* На передовой. Опыт духовной автобиографии // Наш современник. 2002. № 2. URL: <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2002&n=2&id=2>.
- ¹³²¹ *Чалидзе В.* Победитель коммунизма. Нью-Йорк, 1981. С. 46, 49; *Данишевский И. М.* По поводу статьи В. Пескова «Отечество» // Политический дневник. 1964—1970. Амстердам, 1972. С. 65; *Лерт Р. Б.* На том стою: Публикации самиздата. М., 1991. С. 17.
- ¹³²² *Костырченко Г. В.* В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. М. 1994. С. 194—195.
- ¹³²³ Фашизм // Настольный энциклопедический словарь-справочник. М., 1926. С. 425; 2-е изд. М., 1927. С. 425.
- ¹³²⁴ Фашизм // Там же. 3-е изд. М., 1929. С. 598.
- ¹³²⁵ Космополитизм // БСЭ. Т. 34. М., 1937. С. 431.
- ¹³²⁶ См.: Космополитизм // БСЭ. 2-е изд. Т. 23. М., 1953. С. 113.
- ¹³²⁷ *Сталин И. В.* Речь на XIX съезде партии 14 октября 1952 г. М., 1952. С. 8.

- ¹³²⁸ Цит. по: *Марьина В. В.* Дневник Г. Димитрова // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 42.
- ¹³²⁹ См.: *Чичкин А.* Что не позволили Сталину?.. 05.03.2008. URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/chto_ne_pozvolili_stalinu.htm.
- ¹³³⁰ БСЭ. 2-е изд. Т. 23. С. 114.
- ¹³³¹ См.: Против объективизма в исторической науке // Вопросы истории. 1948. № 2. С. 11.
- ¹³³² *Белов Ю.* О замене патриотизма национализмом // Сайт КПРФ. 27 мая 2011. URL: http://kprf.ru/rus_soc/93204.html.
- ¹³³³ См.: *Лебедев С. В.* Альтернатива справа: Национально-патриотическое движение в России: Историческая традиция, идеологические направления и перспективы. СПб., 1999.
- ¹³³⁴ См.: Суверенитет: Сборник / Сост. Н. Гараджа. М., 2006.
- ¹³³⁵ *Заславский Д.* Великий язык нашей эпохи // Литературная газета. 1949. 1 января. С. 3. {571}
- ¹³³⁶ *Горбаневский М. В.* В начале было слово... М., 1991. С. 150—151.
- ¹³³⁷ *Чикобава А. С.* О некоторых основных вопросах советского языкознания // Правда. 1950. 9 мая.
- ¹³³⁸ *Сталин И. В.* Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950. С. 19.
- ¹³³⁹ *Борев Ю. Б.* Сталиниада. М., 1990. С. 353.
- ¹³⁴⁰ *Каммари М. Д. И. В.* Сталин о марксизме в языкознании // Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». М., 1951. С. 50.
- ¹³⁴¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 21.
- ¹³⁴² Там же. Т. 24. С. 133.
- ¹³⁴³ Цит. по: *Чуев Ф.* Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. М., 1992. С. 100.
- ¹³⁴⁴ Антифашистская газета на идиш, издававшаяся комитетом вплоть до его закрытия 20 ноября 1948 г.
- ¹³⁴⁵ Цит. по: *Борщаговский А.* Обвиняется кровь. Документальная повесть. М., 1994. С. 261—262; ср.: Неправедный суд. Последний сталинский расстрел (стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета). М., 1994. С. 155—156. Приведенный диалог является не цитатой из стенограммы, а значительно сокращенной редакцией текста подлинника, в которой писатель стремился сохранить наиболее значимую часть содержания. Оттенки мысли при этом, естественно, утрачены, суждения приобрели определенность и прямолинейность, менее свойственные оригиналу.
- ¹³⁴⁶ Неправедный суд. С. 105.
- ¹³⁴⁷ *Ваганян В. А.* О национальной культуре. С. 22.
- ¹³⁴⁸ Дело Берия. Пленум ЦК КПСС. 2—7 июля 1953 г. Стеногр. отчет // Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 192.
- ¹³⁴⁹ См.: *Найденов М. Е.* Национальные проблемы России и опыт регулирования национального вопроса в СССР // Русский народ: Историческая судьба в XX веке. М., 1993. С. 202.
- ¹³⁵⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 77.

ГЛАВА 3

- ¹³⁵¹ Десталинизация вызывалась и сопровождалась сдвигами в общественных настроениях, общественными движениями, волнениями и беспорядками в СССР. См.: *Пономарев В.* Общественные волнения в СССР. М., 1990; *Безбородов А. Б., Мейер М. М., Пивовар Е. И.* Материалы по истории диссидентского и правозащитного движения в СССР 50-х — 80-х годов. М., 1994; *Аксютин Ю. В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953—1964 гг. М., 2010; *Козлов В. А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе: 1953 — начало 1980-х гг. М., 2010; и др.
- ¹³⁵² *Усубалиев Т. У.* Эпоха. Созидание. Судьбы. Бишкек, 1995. Кн. 1. С. 275.
- ¹³⁵³ *Болдин В., Голиков В.* Генсек Брежнев // Завтра. 2002. 26 ноября. № 48.
- ¹³⁵⁴ Цит. по: *Вдовин А. И.* Русские в XX веке. М., 2004. С. 217.
- ¹³⁵⁵ Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654—1954) // Правда. 1954. 12 января. С. 3, 4.
- ¹³⁵⁶ Там же. С. 4.
- ¹³⁵⁷ *Кравцев И. Е.* Великая сила идей советского патриотизма и пролетарского интернационализма // Большевик Украины. 1951. № 9. С. 42—43.
- ¹³⁵⁸ Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654—1954) // Правда. 1954. 12 января. С. 4.

- ¹³⁵⁹ *Мякшев А. П.* Власть и национальный вопрос: Межнациональные отношения и Совет Национальностей Верховного Совета СССР (1945—1991). Саратов, 2004. С. 160—161. {572}
- ¹³⁶⁰ *Бокарев Ю.* Остров Крым. Загадка проекта еврейской автономии в Крыму. М., 1995; *Усов С. А.* Как Россия потеряла Крым: Передача полуострова Украине в 1954 году была актом полемики с американскими финансовыми кругами // Независимая газета. 1998. 20 марта. С. 8; *Царевская Т. В.* Крымская альтернатива Биробиджану и Палестине // Отечественная история. 1999. № 2; Проект создания еврейской советской социалистической республики в Крыму // *Медведев Ж. А.* Сталин и еврейская проблема. Новый анализ. М., 2003; *Сибирский Б.* Полуостров замедленного действия // Дуэль. 2005. 12 июня; *Балиев А.* Новый «сценарий» для Крыма? «Еврейская глава» в истории полуострова. 30.10.2008. URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/noviy_scenariy_dlya_krima_2008-10-30.htm; *Полторанин М.* Как Крым чуть не стал Израилем // Аргументы и факты. 2008. 15 октября; *Ибрагимов Р.* Как Крым чуть не стал Израилем или почему выслали чеченцев. 20.01.2011. URL: <http://www.nohchidu.com/2009-12-18-12-20-01/chir/pvch>.
- ¹³⁶¹ Сергей Хрущев: Крым Украине подарил Ельцин // Сегодня. 2009. 19 июня. URL: <http://www.delfi.ua/news/daily/society/sergej-hrushev-krym-ukraine-podaril-elcin.d?id=449478>.
- ¹³⁶² Первое издание романа осуществлено миланским издателем-коммунистом Д. Фельтринелли 23 ноября 1957 г., 23 сентября 1958 г. роман удостоен Нобелевской премии «за значительные достижения в современной лирической поэзии, а также за продолжение традиций великого русского романа». В СССР публикация стала поводом для кампании по дискредитации писателя. Угрожая высылкой из страны, его вынудили отказаться от премии, в октябре 1958 г. исключили из Союза писателей. Решение об исключении отменено в 1987 г., в 1988-м роман впервые напечатан в СССР («Новый мир»). В 1989 г. Нобелевская премия вручена сыну писателя.
- ¹³⁶³ *Васильева Л. Н.* Дети Кремля. М., 1997. С. 206. См. также: *Петелин В. В.* История русской литературы XX века. 1890-е годы — 1953 год. М., 2012. С. 6, 28 и др.
- ¹³⁶⁴ Вопросы литературы. 1993. Вып. 3. С. 243; *Огнев А. В.* Михаил Шолохов и наше время. Тверь, 1996. С. 223.
- ¹³⁶⁵ Наиболее яркие работы этого автора о роли национально-патриотических сил и русского патриотизма в духовном возрождении Отечества представлены в посмертно изданной книге: *Семанов С. Н.* Русский клуб. М., 2012.
- ¹³⁶⁶ *Попов Г. X.* О модели будущего России // Наука и жизнь. 1997. № 7, 8. URL: http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/PROBE/POPOV_W.HTM; *Попов Г. X.* О модели будущего России // Вопросы экономики. 2000. № 12.
- ¹³⁶⁷ *Аврорин В. А.* Ленинская национальная политика и развитие литературных языков народов СССР // Вопросы языкознания. 1960. № 4. С. 4.
- ¹³⁶⁸ *Потанов Л. П.* Задачи этнографического исследования народов Сибири в свете учения В. И. Ленина по национальному вопросу // Советская этнография. 1960. № 2. С. 30.
- ¹³⁶⁹ *Сатыбалов А. А.* Исторические типы общности людей (род, племя, народность, нация). Л., 1959. С. 42.
- ¹³⁷⁰ *Хрущев Н. С.* Речь на девятой общегерманской рабочей конференции в г. Лейпциге 7 марта 1959 г. // Правда. 1959. 27 марта. С. 3.
- ¹³⁷¹ *Мухитдинов Н. А.* Река времени. От Сталина до Горбачева: Воспоминания. М., 1995. С. 12.
- ¹³⁷² *Андреев А.* Торжество ленинских идей дружбы народов // Коммунист. 1960. № 6. С. 39.
- ¹³⁷³ См.: *Барсуков Н.* Как создавалась Третья программа партии // Диалог. 1991. № 5. С. 80.
- ¹³⁷⁴ КПСС в резолюциях... М., 1986. Т. 10. С. 163.
- ¹³⁷⁵ *Козлов В. И.* История трагедии Русского Народа. М., 2012. С. 147—148.
- ¹³⁷⁶ КПСС в резолюциях... М., 1986. Т. 10. С. 163.
- ¹³⁷⁷ *Млечин Л. М.* Брежнев. М., 2005. С. 99. {573}
- ¹³⁷⁸ Центральный комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б). 1917—1991: Историко-биографический справочник / Сост. Горячев Ю. В. М., 2005. С. 436.
- ¹³⁷⁹ См.: См.: *Злоказов Г. И.* Конституция СССР 1977 г.: «Несвоевременные» мысли современников // Вопросы истории КПСС. 1990. № 10. С. 82; *Данилов А. А.* Конституционный проект 1962—1964 гг. // Проблемы политической и экономической истории России. Сб. статей. М., 1998. С. 240.
- ¹³⁸⁰ XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 28 марта — 8 апреля 1966 г. Стеногр. отчет. В 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 104.
- ¹³⁸¹ *Равин С. М.* Теория советского федрализма. Л., 1962. С. 30.

- ¹³⁸² См. там же. С. 32.
- ¹³⁸³ См.: *Данилов А. А.* Конституционный проект 1962—1964 гг. // Проблемы политической и экономической истории России. Сб. статей. М., 1998. С. 240.
- ¹³⁸⁴ См.: *Злоказов Г. И.* Конституция СССР 1977 г.: «Несвоевременные» мысли современников // Вопросы истории КПСС. 1990. № 10. С. 82.
- ¹³⁸⁵ КПСС в резолюциях... М., 1986. Т. 10. С. 164.
- ¹³⁸⁶ Там же.
- ¹³⁸⁷ Там же. С. 165.
- ¹³⁸⁸ Там же.
- ¹³⁸⁹ XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 28 марта — 8 апреля 1966 г. Стеногр. отчет. В 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 104; *Егизарян А. М.* Об основных тенденциях развития социалистических наций СССР. Ереван, 1965; *Дзюба И.* Интернационализм или русификация? Амстердам, 1973.
- ¹³⁹⁰ См.: Материалы XIV съезда КПСС, М., 1971. С. 76.
- ¹³⁹¹ Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях. М., 1972. С. 227—228.
- ¹³⁹² *Харитонов В. Г.* Мой адрес Советский Союз (1971) // *Харитонов В. Г.* Стихи и песни. М., 1975.
- ¹³⁹³ *Рождественский Р.* О национальности. 1971—1973. URL: <http://er3ed.qrz.ru/rozhdestwensky-g.htm#o-natsionalnosti>.
- ¹³⁹⁴ *Кара-Мурза С. Г.* Советская цивилизация. Кн. 2: От Великой Победы до наших дней. М., 2001. С. 120.
- ¹³⁹⁵ Конституция (Основной закон) СССР. Принята 7 октября 1977 г. М., 1977. С. 7.
- ¹³⁹⁶ Там же. С. 13.
- ¹³⁹⁷ Там же. С. 35.
- ¹³⁹⁸ Там же. С. 22.
- ¹³⁹⁹ Там же. С. 26.
- ¹⁴⁰⁰ Там же. С. 57.
- ¹⁴⁰¹ Там же. С. 60, 63.
- ¹⁴⁰² Там же. С. 61, 64.
- ¹⁴⁰³ Декларация прав народов России // В. И. Ленин, КПСС о Советском многонациональном государстве. М., 1981. С. 100.
- ¹⁴⁰⁴ *Куличенко М. И.* Нация и социальный прогресс. М., 1983. С. 170.
- ¹⁴⁰⁵ *Сатыбалов А. А.* Исторические типы общности людей. М., 1959. С. 43—52; *Салманов С. Б.* О характере общности экономической жизни народов, строящих социализм и коммунизм. Махачкала, 1965. С. 25; *Цамерян И. П.* Формирование социалистических наций // Строительство коммунизма и развитие общественных отношений. М., 1966. С. 248; *Агаев А. Г.* Нация, ее сущность и самосознание // Вопросы истории. 1967. № 7. С. 92; *Табалдиев А., Нурова С.* О типологии исторических форм этнической общности в СССР // О некоторых понятиях теории нации. Фрунзе, 1968. С. 106; *Нурова С. С.* Закономерности развития народности в условиях социализма. Автореферат дис... канд. филос. наук. Фрунзе, 1969. С. 7; *Джунусов М. С.* Введение в марксистско-ленинскую теорию наций. Ашхабад, 1988. {574} С. 366; *Арутюнян С. М.* Нация и ее психический склад. Автореферат дис... докт. ист. наук. М., 1969. С. 20; *Чания В. К.* О двух тенденциях в развитии социалистических наций // Ленинский этап в развитии научного коммунизма. Киев, 1969. С. 233; *Цамерян И. П.* Некоторые теоретические вопросы образования и развития советского многонационального государства // Актуальные вопросы национальных отношений в свете решений XXIV съезда КПСС. М., 1972. С. 8; *Цамерян И. П.* Нации и национальные отношения в развитом социалистическом обществе. М., 1979. С. 103; *Тавадов Г. Т.* Интернациональное единство советского народа: (Теоретические и методологические проблемы). Дис... докт. филос. наук. М., 1984. С. 110; *Тавадов Г. Т.* Национальная структура советского народа в современных условиях // Научные доклады высшей школы: Научный коммунизм. 1985. № 6. С. 6; *Болотоков В. Х.* Советский народ как новая социально-историческая общность людей и его роль в совершенствовании национальных отношений социалистического общества. Нальчик, 1985. С. 30; *Вольтер Г. А.* Логике и разуму вопреки (или как на Западе извращают национальные отношения в СССР). Фрунзе, 1988. С. 8; *Росенко М. Н.* Единство и дружба. Л., 1988. С. 61; *Тадевосян Э. В.* XXVII съезд КПСС о современном этапе развития национальных отношений. М., 1987. С. 4. См. также: Информационный бюллетень Госкомстата. М., 1996. С. 31—32; Российский статистический ежегодник. Стат. сборник. М., 1997. С. 72—77.

- ¹⁴⁰⁶ *Шелест П. Е.* ...Да не судимы будете: Дневниковые записи, воспоминания члена политбюро ЦК КПСС. М., 1994. С. 249.
- ¹⁴⁰⁷ Там же. С. 250.
- ¹⁴⁰⁸ Там же.
- ¹⁴⁰⁹ Там же. С. 250—251.
- ¹⁴¹⁰ Там же. С. 505.
- ¹⁴¹¹ См. там же. С. 257.
- ¹⁴¹² См.: *Стенчук Б.* Що і як обстоює І Дзюба. Київ, 1969; *Панченко В.* Меч Щербицкого против «Меча Арея». Эпизоды истории украинской литературы начала 1970-х годов // *День.* Ежедневная всеукраинская газета. 2004. 14 февраля. URL: <http://www.day.kiev.ua / 26818 />.
- ¹⁴¹³ *Дзюба И.* Интернационализм или русификация? Амстердам, 1973. 308 с.
- ¹⁴¹⁴ *Бобков Ф. Д.* КГБ и власть. М., 1995. С. 300.
- ¹⁴¹⁵ Там же. С. 301.
- ¹⁴¹⁶ Там же. С. 303.
- ¹⁴¹⁷ *Платонов О. А.* Государственная измена. Заговор против России. М., 2004. С. 211.
- ¹⁴¹⁸ Советские евреи: Мифы и действительность. М., 1972. С. 18.
- ¹⁴¹⁹ Там же. С. 41.
- ¹⁴²⁰ Там же. С. 21.
- ¹⁴²¹ Там же. С. 48.
- ¹⁴²² *Бобков Ф. Д.* КГБ и власть. М., 1995. С. 310.
- ¹⁴²³ Там же.
- ¹⁴²⁴ *Шелест П. Е.* ...Да не судимы будете: Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1994. С. 503.
- ¹⁴²⁵ Там же. С. 505.
- ¹⁴²⁶ Там же. С. 506.
- ¹⁴²⁷ Там же. С. 506.
- ¹⁴²⁸ Там же. С. 510.
- ¹⁴²⁹ Там же. С. 556.
- ¹⁴³⁰ Там же. С. 556—557.
- ¹⁴³¹ Там же. С. 577.
- ¹⁴³² Там же. С. 579. {575}
- ¹⁴³³ *Платонов О. А.* История русского народа в XX веке. М., 2009. С. 935.
- ¹⁴³⁴ *Бобков Ф. Д.* КГБ и власть. М., 1995. С. 303—305.
- ¹⁴³⁵ Там же. С. 305—306.
- ¹⁴³⁶ Там же. С. 291.
- ¹⁴³⁷ *Платонов О. А.* История русского народа в XX веке. М., 2009. С. 932—934.
- ¹⁴³⁸ Правда. 1987. 16 июля.
- ¹⁴³⁹ См.: *Вдовин А. И.* Диссиденты // Большая российская энциклопедия. В 30 т. М., 2007. Т. 9. С. 71—72.
- ¹⁴⁴⁰ См.: ВСХСОН. Материалы суда и программа. Посев, Франкфурт, 1976.
- ¹⁴⁴¹ *Солженицын А.* Сахаров и критика «Письма вождям», 18 ноября 1974 г. URL: http://solzhenitsyn.ru / proizvedeniya / publizistika / stati_i_rechi / v_izgnanii / saharov_i.pdf.
- ¹⁴⁴² Правда. 1994. 30 ноября.
- ¹⁴⁴³ *Ромм М. И.* Как в кино: Устные рассказы. Н. Новгород, 2003. С. 223; *Солженицын А. И.* Двести лет вместе. Часть II. М., 2002. С. 446; См. также: *Костырченко Г. В.* Тайная политика Хрущева. Власть, интеллигенция, еврейский вопрос. М., 2012. С. 31—41 и др.
- ¹⁴⁴⁴ *Панарин А. С.* Испытание глобализмом. М., 2000. С. 64.
- ¹⁴⁴⁵ *Солженицын А.* Письмо вождям Советского Союза. Париж, 1974.
- ¹⁴⁴⁶ *Цвигун С.* О происках империалистических разведок // Коммунист. 1981. № 14. С. 98.
- ¹⁴⁴⁷ 58—10. Надзорные производства прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953—1991. М., 1999. С. 6.
- ¹⁴⁴⁸ *Яковлев А. Н.* Сумерки. М., 2003. С. 180.
- ¹⁴⁴⁹ *Кара-Мурза С. Г.* Советская цивилизация. В 2 кн. М., 2001. Кн. 2: От Великой Победы до наших дней. С. 212.
- ¹⁴⁵⁰ Там же. С. 213.
- ¹⁴⁵¹ В этой связи в дневнике А. С. Черняева, многолетнего помощника М. С. Горбачева сделана запись от 3 января 1976 г.: «Андропов представил в Политбюро записку о положении в СССР с

- «диссидентами». <...> За последние 10 лет за антисоветскую деятельность арестовано около 1500 человек. <...> В 1976 г. насчитывалось около 850 политзаключенных, из них 261 — за антисоветскую пропаганду. Поразила меня цифра: в стране 68 000 “профилактированных”, то есть тех, кого вызывали в КГБ и предупреждали “о недопустимости” их деятельности. Предупреждено вскрытых через “проникновение” свыше 1800 антисоветских групп и организаций. Вообще же, по мнению Андропова, в Советском Союзе — сотни тысяч людей, которые либо действуют, либо готовы (при подходящих обстоятельствах) действовать против советской власти» (*Черняев А. С.* Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972—1991. М., 2008).
- ¹⁴⁵² Цит. по: *Черняев А. С.* 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. М., 1997. С. 280.
- ¹⁴⁵³ Александр Яковлев: «Российских фашистов породил КГБ» // Известия. 1998. 17 июня. С. 5.
- ¹⁴⁵⁴ Цит. по: *Романкина И. А.* Типология диссидентского движения в СССР (1950-е — 1980-е годы). М., 2010. С. 164. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/213638.html#download>.
- ¹⁴⁵⁵ *Яковлев А. Н.* Большевизм — социальная болезнь XX века // Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии / Куртуа С. и др. М., 1999. С. 14.
- ¹⁴⁵⁶ *Горбачев М. С.* Речь на семинаре в Американском университете в Турции // Советская Россия. 2010. 28 августа. Источник: газета «USVIT» («Заря»). Словакия, 1999. № 24.
- ¹⁴⁵⁷ *Бродский И.* Пятая годовщина, 4 июня 1977 г. URL: <http://stroki.net/content/view/5316/24/{576}>
- ¹⁴⁵⁸ См.: *Митрохин Н.А.* Русская партия: Движение русских националистов в СССР 1953—1985 гг. М., 2003. С. 444—447 и др.; *Осинов В.Н.* Корень нации. Записки русофила. М., 2008.
- ¹⁴⁵⁹ *Шиманов Г. М.* Спор о России. Статьи и письма разных лет. М., 2003; *Он же.* Записки из красного дома. М., 2006.
- ¹⁴⁶⁰ См.: *Бородин Л.И.* Без выбора: Автобиографическое повествование. М., 2003.
- ¹⁴⁶¹ См., в частности: *Шафаревич И. Р.* Русофобия. Ключ к пониманию происходящего. М., 2011.
- ¹⁴⁶² См.: *Вдовин А.И.* «Русский клуб» и «Русская партия». Из истории общественно-политической борьбы в СССР в 1960—1980-е гг. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/40361.php>.
- ¹⁴⁶³ Цит. по: *Платонов О.А.* История русского народа в XX веке. М., 2009. С. 892.
- ¹⁴⁶⁴ Там же. С. 921.
- ¹⁴⁶⁵ Цит. по: *Семанов С.Н.* Андропов. Семь тайн генсека. М., 2001. С. 145.
- ¹⁴⁶⁶ Подробнее о русско-патриотическом движении в 1960-е и последующие годы. См.: *Семанов С.* Юрий Владимирович: Зарисовки из тени. М., 1995. С. 36 и далее; Власть и оппозиция: Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 258—260; *Платонов О.А.* История русского народа в XX веке. М., 2009; и др.
- ¹⁴⁶⁷ Письмо М. А. Шолохова Л. И. Брежневу // Вечерняя Москва. 1993. 15 декабря (Приложение «Градские вести». С. 2).
- ¹⁴⁶⁸ Цит. по: *Осинов В.* Михаил Шолохов: Годы, спрятанные в архивах... // Роман-газета. 1995. № 3. С. 85.
- ¹⁴⁶⁹ *Вольский А.* О Брежневе, Андропове, Черненко и Горбачеве. Беседовали и записали текст М. Завада, Ю. Куликов // Коммерсантъ. 2006. 12 сентября.
- ¹⁴⁷⁰ Цит. по: *Соловей В.Д.* Русский национализм и власть в эпоху Горбачева // Межнациональные отношения в России и СНГ. Семинар Московского Центра Карнеги. С. 58. Преемник русофобской андроповской власти М.С. Гобачев, по выражению современника, тоже «как черт ладана, боялся всего, что связано с российскими корнями своей власти... никогда не смог ясно и отчетливо сказать о решающей роли великороссов и в создании российской культуры и в защите общего отечества» (*Ципко А.С.* Исповедь одессита-антисоветчика. С. 209).
- ¹⁴⁷¹ *Свиридов Г. В.* Музыка как судьба. М., 2002. С. 358, 655.
- ¹⁴⁷² *Андропов Ю.* Записка КГБ СССР в ЦК КПСС об антисоветской деятельности Иванова А. М. и Семанова С. Н. 29 марта 1981 г. // *Семанов С.Н.* Юрий Андропов. М., 2003. С. 479.
- ¹⁴⁷³ Московский литератор. 1989. 21 апреля.
- ¹⁴⁷⁴ Обществоведение. М., 1983.
- ¹⁴⁷⁵ См.: *Вдовин А.И., Корецкий В.А.* Распад СССР и проблемы национально-политического развития России // Российское государство и общество. XX век. М., 1999. С. 322—365.
- ¹⁴⁷⁶ *Ульянов Н.И.* Исторический опыт России. Нью-Йорк, 1962. С. 20, 21.
- ¹⁴⁷⁷ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 19—20 сентября 1989 г. М., 1989. С. 19—20.

- ¹⁴⁷⁸ Цит. по: *Болтовский И.* Грозит ли России развал? // Наш современник. 2007. № 9. С. 148.
- ¹⁴⁷⁹ *Иванов А.* Больше демократии, меньше социализма! // Куранты. 1992. 9 января. С. 4.
- ¹⁴⁸⁰ Наука о политике и Правда о «Русской Системе». Беседа с директором ИНИОН РАН Ю. С. Пивоваровым. Май 2002 г. URL: <http://www.politstudies.ru/universum/esse/9pvv.htm>. {577}
- ¹⁴⁸¹ *Коптев Д.* Виртуальный чиновник. Аналитик кремлевской администрации борется со всемирным парамасонским заговором // Известия. 2000. 9 октября URL: <http://www.flb.ru/info/4567.html>.
- ¹⁴⁸² См.: Forbes назвал Москву первым городом в мире по числу миллиардеров URL: <http://www.itar-tass.com/c15/361735.html>.
- ¹⁴⁸³ *Ясин Е.* Идея о мировом правительстве не лишена смысла. Интервью «Вестям.Ru» 09.01.2002. URL: <http://2001.vesti.ru/2002/01/09/1010595438.html>.
- ¹⁴⁸⁴ Научный руководитель Высшей школы экономики Евгений Ясин: «Мы идем к мировому правительству» // Новые известия. 2009. 17 февраля. URL: <http://www.newizv.ru/economics/2009-02-17/105715-nauchnyj-rukovoditel-vysshej-shkoly-ekonomiki-evgenij-jasin.html>.
- ¹⁴⁸⁵ См.: *Попов Г. Х.* Кризис и глобальные проблемы (к апрельской встрече глав двадцати стран мира) // Московский комсомолец. 2009. 25 марта.
- ¹⁴⁸⁶ Вольский и Ходорковский планировали сделать Россию еще одним штатом Америки. 15.06.2007 // <http://www.annews.ru/news/detail.php?ID=103959>.
- ¹⁴⁸⁷ Цит. по: *Пустовойтова Е.* Американская прописка российской революционной химеры. 08.03.2012. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2012/03/08/amerikanskaja-propiska-rossijskoj-revoljucionnoj-himery.html>. Пребывая в заключении М. Ходорковский стал по-новому представлять национальные аспекты переживаемого Россией исторического момента. Он обращает внимание на очевидный в общем-то парадокс: современное российское государство «в целом не является официально русским, оно “наднациональное”, зато внутри этого государства существуют “государственные автономии” для наций-миноритариев. То есть государственная автономия по отношению к русским существует, а самого русского государства вроде как и нет. Тут — одно из двух: либо государство наднациональное и не должно быть никаких автономий, либо автономии остаются, но тогда государство надо признавать русским». Разрешение национального вопроса в России представляется ему возможным «только в рамках построения по-настоящему демократического, то есть истинно национального государства, в котором реально работающая система разделения властей позволяет гибко защищать интересы русской нации, не ущемляя прав других национальностей» (М. Ходорковский: Между империей и национальным государством. 15.06.2012. URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/echomsk/899262-echo/>, дата обращения: 28.08.2012). Разрешение вскрытого противоречия — в преобразовании Российской Федерации в Русское (Российское) государство.
- ¹⁴⁸⁸ *Осетинский О.* Русский Пятница ищет Робинзона. 2010. 12 мая. URL: <http://olegosetinsky.bloglit.ru/2010/05/12/russkij-pyatnica-ishhet-robinzona/>.
- ¹⁴⁸⁹ Б. Березовский хочет, чтобы царем России стал принц Гарри. 15.04.2012. URL: <http://top.rbc.ru/politics/15/04/2012/646414.shtml>.
- ¹⁴⁹⁰ *Зезина М.Р.* Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-е — 60-е годы. М., 1999. С. 386.
- ¹⁴⁹¹ Цит. по: *Бондаренко В.Г.* Красный лик патриотизма: Пламенные реакционеры. Кн. 1. М., 2002. С. 213.
- ¹⁴⁹² *Ципко А.С.* Исповедь одессита-антисоветчика. «Агент “Солидарности” в команде Горбачева». М., 2011. С. 187.
- ¹⁴⁹³ *Ключник Р.* Десталинизация от У. Черчилля до Д. Медведева. СПб., 2011. С. 278.
- ¹⁴⁹⁴ *Рубцов Н.* Поезд // *Рубцов Н.* Россия, Русь! Храни себя... М., 1992. С. 109.
- ¹⁴⁹⁵ *Шутов А.* На руинах великой державы, или Агония власти. М., 2004. С. 43.
- ¹⁴⁹⁶ Соглашение об образовании Содружества Независимых Государств. 8 декабря 1991 г. // Союз можно было сохранить. Белая книга. 2-е изд. М., 2007. С. 451—455.
- ¹⁴⁹⁷ См.: *Лобанов Д. В.* Семь самураев СССР. Они сражались за Родину! М., 2012. {578}
- ¹⁴⁹⁸ См.: *Прибыловский В., Точкин Г.* Кто и как упразднил СССР? // Новая ежедневная газета. 1994. 21 декабря. С. 6.; Союз можно было сохранить. 2-е изд. Белая книга. М., 2007. С. 507.
- ¹⁴⁹⁹ Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик. 30 декабря 1922 г. // Несостоявшийся юбилей: Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992. С. 22—27.

- ¹⁵⁰⁰ Союз можно было сохранить. Белая книга. М., 1995. С. 310.
- ¹⁵⁰¹ Цит. по: *Пархоменко С.* Геннадий Бурбулис: Политическое амплуа — «killer» // Независимая газета. 1992. 29 января. С. 2.
- ¹⁵⁰² *Селюнин В.* И все-таки год оптимизма // Труд. 1994. 4 января. С. 3.
- ¹⁵⁰³ См.: *Кремнев П. П.* Распад СССР и правопреемство государств. М., 2012. С. 5, 10, 37, 40-42, 45, 53 и др.
- ¹⁵⁰⁴ См.: Десять лет спустя русские оплакивают СССР. URL: <http://www.inosmi.ru / untitled / 20011211 / 142450.html>. По данным исследования института социологии РАН, в апреле 2011 г., негативное отношение к распаду СССР оставалось практически таким же как в 2001 г. (осуждают 73%, одобряют 14%, безразличны 13%) и консенсусным — не сильно зависящим от взглядов и социальной принадлежности опрашиваемых, поскольку в восприятии большинства из них распад СССР означал уничтожение не столько социального строя, сколько великого и могущественного государства (Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров. М., 2011. С. 39, 189. URL: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/20_years_reform.pdf).
- ¹⁵⁰⁵ *Гурина Н.* Россияне хотят вернуться назад в СССР // РБК daily. 2011. 30 марта. URL: <http://www.rbcdaily.ru / 2011 / 03 / 30 / focus / 562949979962338>.
- ¹⁵⁰⁶ Цит. по: *Гончаренко Р.* Россияне сожалеют о распаде СССР, но не верят в его восстановление. 25.07.2011. URL: <http://www.inosmi.ru/social/20110726/172480820.html>.
- ¹⁵⁰⁷ См.: *Маликов А.* Жизнь повернули вспять. URL: <http://rus.ruvr.ru/2011/03/18/47615817.html>; Россию понизили в рейтинге человеческого развития. 03.11.2011. URL: <http://www.finmarket.ru/z/nws/hn.asp?id=2523612&nt=&p=1&sec=0>.
- ¹⁵⁰⁸ *Паин Э. А.* Этнополитические конфликты и их причины // Россия и современный мир. 1994. № 1. С. 8. По данным М. А. Жирохова, старые обиды, вновь появившиеся претензии к соседним народам после развала СССР вылились в 6 крупных войн, 20 военных столкновений и сотню конфликтов на межэтнической и межконфессиональной почве (*Жирохов М. А.* Семени распада: войны и конфликты на территории бывшего СССР. СПб., 2012. См. также: *Жуков А. Д.* Войны на руинах СССР. М., 2009).
- ¹⁵⁰⁹ См.: *Зорин В. Ю.* Чечня: кремнистый путь к миру (Дневник не для себя). М., 1997. С. 145.
- ¹⁵¹⁰ *Мукомель В. И.* О ликвидации последствий этнонациональных конфликтов // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М., 1994. С. 193—200.
- ¹⁵¹¹ *Чебан В.* Вооруженные конфликты и безопасность России // Военный вестник. 1994. № 4. С. 31.
- ¹⁵¹² *Крючков В. А.* Развал страны был запланирован. ГКЧП: Страницы судебной стенограммы // Советская Россия. 1993. 18 декабря. С. 3.
- ¹⁵¹³ *Сергеев А.* Так что происходит в Грозном? // Труд. 1994. 30 июля. С. 1.
- ¹⁵¹⁴ *Пачегина Н.* Ингушетию ожидает социальный взрыв: Это предсказывают московские ученые // Независимая газета. 1994. 29 июля. С. 3.
- ¹⁵¹⁵ Подробнее см.: *Степанов В. В.* Очаги межнациональной напряженности: Реальность и прогноз // Вестник Российской Академии наук. 1994. Т. 64. № 4. С. 296—304.
- ¹⁵¹⁶ Подробнее см.: *Гродненский Н. Н.* Первая чеченская: История вооруженного конфликта. Минск, 2007.
- ¹⁵¹⁷ Подробнее см.: *Гродненский Н. Н.* Вторая чеченская: История вооруженного конфликта. М., 2010. {579}
- ¹⁵¹⁸ В Чечне снят режим КТО. URL: <http://www.agentura.ru / timeline / 2009 / kto />.
- ¹⁵¹⁹ Московский комсомолец. 1995. 24 января. С. 2; *Гладкевич Ю.* 142.000 беженцам из Чечни нужны кров, хлеб и государственная забота // Красная звезда. 1995. 26 января. С. 3.
- ¹⁵²⁰ *Пачегина Н.* Война идет своим чередом // Независимая газета. 1995. 28 января. С. 1.
- ¹⁵²¹ Некоторые итоги чеченской кампании // Независимая газета. 1995. 22 февраля. С. 1.
- ¹⁵²² Московский комсомолец. 1995. 10 июня. С. 1; Известия. 1995. 1 августа. С. 1. По данным думского комитета по обороне, за год войны потери среди военных и гражданского населения в Чечне — около 30 тыс. человек (Новое время. 1995. № 49. С. 13).
- ¹⁵²³ См.: *Зорин В. Ю.* Указ. соч. С. 102, 116.
- ¹⁵²⁴ *Усманов И.* Кому война, кому мать родна! // Советская Россия. 1998. 17 сентября. С. 2.
- ¹⁵²⁵ *Скакунов Э. И., Зорин В. Ю., Туронок С. Г.* Чеченский конфликт. М., 1996. С. 25.
- ¹⁵²⁶ Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 578.
- ¹⁵²⁷ Там же. С. 580.
- ¹⁵²⁸ Там же. С. 581.

- ¹⁵²⁹ Там же. С. 584.
- ¹⁵³⁰ Там же. С. 587.
- ¹⁵³¹ Там же. С. 589.
- ¹⁵³² Там же. С. 602, 603.
- ¹⁵³³ Там же. С. 604.
- ¹⁵³⁴ Там же. С. 609.
- ¹⁵³⁵ Там же. С. 611.
- ¹⁵³⁶ *Авалиани Т.* 10 лет в ожидании милостыни. URL: <http://cccp.narod.ru/work/book/avaliani.html>.
- ¹⁵³⁷ См.: Демографический ежегодник СССР. 1990. М., 1990. С. 91; Численность населения и некоторые социально-демографические характеристики национальностей Российской Федерации. М., 1992. С. 31; Демографические перспективы России. М., 1993. С. 47; *Козлов В.* Столько мы потеряли в гражданскую войну // Правда. 1994. 3 августа. С. 1; *Кваша А. Я.* Демографическое развитие России // Вестник Российской Академии наук. 1994. Т. 64. № 11. С. 963.
- ¹⁵³⁸ См.: *Романенкова Т.* Социальная защита — приоритет государства // Независимая газета. 1994. 19 октября. С. 6; *Смирнова Т.* Экономика России в глубоком обмороке: Госкомстат РФ подвел итоги 1994 года // Правда. 1995. 25 января. С. 2; *Головачев В.* Наша жизнь «в среднем» все короче. У демографической проблемы — экономические корни // Труд. 1995. 20 января. С. 2. См. также: *Голубев В. П.* Выживание русских. СПб., 2012.
- ¹⁵³⁹ Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2003.
- ¹⁵⁴⁰ Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года // Российская газета. 2011. 28 марта. С. 10.
- ¹⁵⁴¹ *Зюганов Г. А.* Что же все-таки происходит в стране? // Советская Россия. 2011. 5 апреля. С. 2. Эксперты, работающие в правительственной программе «Стратегия-2020», прогнозируют сокращение населения в 2011—2025 гг. еще на 13,5 млн. человек. Для того, чтобы избежать депопуляции, предлагается ввезти в Россию 16 млн гастарбайтеров из Средней Азии, а также из Пакистана, Бангладеш и Северной Кореи (АПН. 12.10.2011. URL: <http://www.apn.ru/news/print25096.htm>).
- ¹⁵⁴² *Козлов В. И.* Евреи в России — СССР. Реалии жизни и мифы «антисемитизма». М., 2010. С. 308.
- ¹⁵⁴³ 20 января 2003 г. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл выступил на конференции «Полиэтнический ресурс российской государственности»/ URL: <http://www.smoleparh.ru / News / View / 563>. {580}
- ¹⁵⁴⁴ См.: *Семенова Е. В.* На этнической войне... (Геноцид русских в бывших республиках СССР). М., 2010.
- ¹⁵⁴⁵ См.: Численность населения и некоторые социально-демографические характеристики национальностей Российской Федерации. С. 8, 9. При этом в Азербайджане проживало, по данным на 1989 г., 392 тыс. русских и 333 тыс. других этнических россиян, в других республиках соответственно (в тыс. человек): в Армении — 52 и 1, Белоруссии — 1342 и 218, Грузии — 341 и 228, Казахстане — 6228 и 976, Киргизии — 917 и 163, Латвии — 906 и 74, Литве — 345 и 47, Молдове — 562 и 112, Таджикистане — 389 и 174, Туркменистане — 334 и 127, Узбекистане — 1654 и 869, Украине — 11 356 и 743, Эстонии — 475 и 15 (Трансформация цивилизационно-культурного пространства бывшего СССР: Тенденции, прогнозы. М., 1994. С. 198).
- ¹⁵⁴⁶ Национальная безопасность: Россия в 1994 году. С. 54; *Волох В.* Иммиграция в Россию: социальный аспект // Экономика и жизнь. 1994. Июнь. № 26. С. 19. См. также: Танги А., де. Великая миграция: Россия и россияне после падения железного занавеса / Пер. с фр. М.: РОССПЭН, 2012.
- ¹⁵⁴⁷ *Празаускас А. А.* Мог ли быть вечным «Союз нерушимый»? // Свободная мысль. 1992. № 8; *Ципко А.* Если распад государства — плата за избавление от коммунизма, то она непомерно дорога // Я и мир. 1992. № 1; *Шшиков Ю.* Распад империи: Ошибка политиков или неизбежность? // Наука и жизнь. 1992. № 8; *Бондарев В.* Самораспад: Можно ли говорить о закономерностях развала СССР? // Родина. 1993. № 4; *Виноградская Т.* Распад СССР как системный фактор национальных конфликтов // Обозреватель. 1993. № 7; *Грачев А.* Подлинная история распада Союза. Кораблекрушение Горбачева // Новое время. 1993. № 24; *Дмитрук М.* По лезвию геодуги. Неожиданная версия развала СССР // Рабочая трибуна. 1993. 23 июля. С. 7; *Кортунов А. В.* Дезинтеграция Советского Союза и политика США. М., 1993; *Костина Р. В.* О причинах распада социалистических федераций // Отечественная история. 1993. № 5; *Паин Э. А.* Грозит ли России судьба СССР? Сепаратизм и федерализм в современной России // Дружба народов.

1994. № 6; *Брумберг А.* Советология и распад Советского Союза // Куда идет Россия?.. М., 1995. Вып. 2; *Джунусов М.* Союз народов — союз сердец: Анатомия развала великой державы // Правда 1995. 29 дек. С. 2; *Косолапов Н. Н.* От союзного договора к распаду Союза: Логика дезинтеграции // СНГ: надежды, иллюзии и действительность. М., 1995; *Сахаров А. Н.* К вопросу о причинах распада СССР // СССР и холодная война. М., 1995; *Исаков В.* Кто и как развалил мою страну // Советская Россия. 1996. 21 ноября — 11 декабря; *Тягуненко Л. В.* Причины и последствия распада югославской и советской федераций // Вестник научной информации. 1996. № 4; *Чуднов В. П.* Распад СССР и французская советология // Многоликая история. М., 1997; *Алексеев В. В., Алексеева Е. В.* Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 5; *Сапрыкин В. А.* Контрреволюция в СССР (социальный смысл, исторические особенности, движущие силы, последствия // Марксизм: прошлое, настоящее, будущее. М., 2003; *Адамишин А.* Внешнеполитические обстоятельства распада СССР // Мир перемен. М., 2005. № 4; *Брутенц К.* Развал Союза. Был ли неизбежен распад СССР // Свободная мысль XXI. 2005. № 1; *Загладин Н.* Советская трагедия: ретроспективный анализ катастрофы СССР // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 12. С. 92—97; *Шубин А. В.* Распад СССР: роль субъективных факторов // Историческое пространство. М., 2007. № 2. С. 5—37; *Белик Ю. А.* 10 причин краха СССР // Экономическая и философская газета. 2008. № 1, 2, 3; *Шадрин А. Ю.* Послевоенное развитие и причины распада СССР // Преподавание истории и обществознания в школе. 2008. № 9. С. 43—54; *Авалиани Т.* Разгром СССР осуществлялся высшим руководством СССР и КПСС // Экономическая и философская газета. 2009. 11 августа. № 28—31; *Медушевский А. Н.* Причины распада СССР с {581} позиций когнитивно-информационной теории // Перестройке 25 лет. Историческая память современной России. М., 2010; Эксперты назвали причины распада СССР. Опрос провел координатор международной экспертной группы ИА REX С. Сибиряков. Дата публикации: 08.01.2011. URL: <http://www.iarex.ru/articles/11709.html>; *Медушевский А. Н.* Перестройка и причины крушения СССР с позиций аналитической истории // Российская история. 2011. № 6; *Сапрыкин В.* СССР: фатальный саморазвал или контрреволюционный разлом. 19.11.2011. <http://forum-msk.org/material/society/7684853.html>; *Черняев А. С.* Советское общество: почему распалось союзное государство // Горбачевские чтения. Вып. 9: Два путча и распад СССР. М., 2011; и др.
- ¹⁵⁴⁸ Разделит ли Россия участь Союза ССР? (Кризис межнациональных отношений и федеральная национальная политика). М., 1993; *Зиновьев А. А.* Гибель «империи зла» (очерк Российской трагедии) // Социологические исследования. 1994. № 10, 11; 1995. № 1, 2, 4; *Челноков М. Б.* Россия без Союза, Россия без России... М., 1994; *Слободкин Ю. М.* Кто разрушил СССР и распял Россию. Л., 1995; *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя: Возникновение, история, распад. М., 1996; *Чешко С. В.* Распад Советского Союза: этнополитический анализ. М., 1996; *Ломов В. С.* Советское государство и право в период «перестройки». Распад СССР (1985—1991). Волгоград, 1999; От катастрофы к возрождению: Причины и последствия разрушения СССР. М., 1999; *Шальнев С. П.* Кто развалил СССР. М., 2000, 2001; *Станкевич З. А.* История крушения СССР. Политико-правовые аспекты. М., 2001; *Фролов Ю.* Крушители империи СССР. Кн. 1—6. Донецк, 2001—2002; *Мэтлок Д. Ф.* Смерть империи: Взгляд американского посла на распад Советского Союза. М., 2003; *Коровин А. Г.* Великая трагедия, или причины крушения КПСС и СССР. Курган, 2003; *Шевякин А. П.* Загадка гибели СССР: История заговоров и предательств, 1945—1991. М., 2003, 2004; *Кремнев П. П.* Распад СССР: международно-правовые проблемы. М., 2005; *Стригин Е. М.* Предавшие СССР. М., 2005; Трагедия великой державы: Национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005; *Наумов В. И.* Преднамеренный развал СССР: Вселенская трагедия. М., 2006; *Обрежа В. В.* Применение Западом новейшего оружия массового уничтожения — причина гибели СССР и разрушения России. М., 2006; Распад СССР: Документы / Сост. Шубин А. В. М., 2006; *Первышин В. Г.* Развал Советского Союза. История СССР с 1946 по 1991 гг. М., 2007; *Струков А. Н.* Распад СССР. Закономерность или случайность?! Ставрополь, 2008; *Дрожжин В. А.* Ликвидация СССР и сионизм. М., 2009; *Зенькович Н. А.* СССР. Конец проекта. М., 2009; *Зиновьев А. А.* Несостоявшийся проект: Русская трагедия. М., 2009; *Безбородов А., Елисеева Н., Шестаков В.* Перестройка и крах СССР. СПб., 2010; *Бешлосс М., Тэлботт С.* Измена в Кремле: протоколы тайных соглашений Горбачева с американцами. М., 2010; *Панарин И.* Первая мировая информационная война. Развал СССР. СПб., 2010; *Сазонов А.* Кто и как уничтожил СССР? Архивные документы. М., 2010; *Островский А. В.* Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М., 2011; *Шевякин А. П.* Заказное убийство СССР. Подлинная история катастрофы. М., 2011; *Шевякин А.*

- П. Как убили СССР. «Величайшая геополитическая катастрофа». М., 2011; Горбачев. Крах советской империи / Р. Брейтвейт, Д. Мэтлок, С. Тэлботт. М. 2012; *Исаков В. Б.* Кто и как развалил СССР. Хроника крупнейшей геополитической катастрофы. М., 2012; *Чичкин А. А.* Анатомия краха СССР. Кто, когда и как разрушал великую державу? М., 2012; СССР: незавершенный проект / Под ред. А.В. Бузгалина, П. Линке. М., 2013; и др.
- ¹⁵⁴⁹ См.: *Мирский Г. И.* Еще раз о распаде СССР и этнических конфликтах // *Мировая экономика и международные отношения.* 1997. № 2. С. 13; *Бовин А. Е.* После августовского путча развал Советского Союза стал неизбежным // *Россия и современный мир.* 1998. № 2. С. 11. {582}
- ¹⁵⁵⁰ *Клименко В.* Энергия, климат и судьба России // *Зеленый мир.* 1997. № 8. С. 13.
- ¹⁵⁵¹ *Шенин О. С.* Родину не продавал, и меня обвинили в измене. М., 1994. С. 42; *Затулин К.* Последствия распада СССР и будущее содружества // *Независимая газета.* 1996. 15 декабря; *Лигачев Е. К.* Предостережение. М., 1998. С. 401, 425—433; и др.
- ¹⁵⁵² *Хасбулатов Р.* Распад СССР не был неизбежным // *Правда.* 1992. 29 декабря. С. 2.
- ¹⁵⁵³ *Тишков В. А.* Самоубийство Центра и конец Союза (политическая антропология путча) // *Советская этнография.* 1991. № 6; *Семенов В. С.* Почему Горбачев развалил страну. Кто он? // *ИЗМ.* 1992. № 1; *Глобачев М.* Как «имперцы» добились империи // *Столица.* 1993. № 9; *Варенников В.* ГКЧП мог отвести угрозу развала СССР // *Правда.* 1994. 17 авг. С. 4; *Руцкой А.* Кто и как развалил СССР? // *Наш современник.* 1995. № 12; *Яковлев А.* Новый Советский Союз. М., 1995. С. 17; Кто развалил Советский Союз: История, Запад, Ельцин, Горбачев? // *Независимая газета.* 1997. 16 января (НГ-сценарии. С. 1, 4—5); *Межуев В. М.* Империи создают гиганты, а разрушают пигмеи // *Правда-5.* 1997. 28 января. С. 1, 2; *Жириновский В. В.* Как «демократы» разрушали Союз ССР // *Жириновский В. В.* Политическая классика. М., 1997. Т. 10. С. 183—188; *Уткин А. И.* Почему исчез Советский Союз: Еще одна попытка ответить на вопрос, кажущийся многим банальным // *Независимая газета.* 1997. 31 декабря. С. 11; *Кравчук Л. М.* Крах СССР и перспективы СНГ // *Независимая газета.* 1998. 21 января (НГ-Содружество. С. 11); *Биндюков Н.* Только социализм разрешит национальный вопрос // *Диалог.* 1998. № 2; *Златопольский Д. Л.* Разрушение СССР: (Размышление о проблеме). М., 1998; *Лигачев Е. К.* Ликвидатор: Свидетельство, переданное в комиссию по импичменту // *Советская Россия.* 1998. 17 сентября. С. 2; *Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А.* Сталинизм и война. М., 1998. С. 408; *Рогозин Д. О.* Формула распада. М., 1998. С. 4; и др.
- ¹⁵⁵⁴ *Бовин А. Е.* Указ. соч. С. 11.
- ¹⁵⁵⁵ См.: *Калатозишвили Д.* Разрушение империи // *Независимая газета.* 1998. 28 июля. С. 5.
- ¹⁵⁵⁶ *Акаев А.* Откровенный разговор. М., 1998. С. 52.
- ¹⁵⁵⁷ *Косолапов Р., Жухрай В.* Не лучше ли вовремя остановиться? Открытое письмо стратегам развала России // *Правда России.* 1997. 25 февраля. С. 3. См. также: *Платонов О. А.* История русского народа в XX в. М., 2009. С. 953—961; и др.
- ¹⁵⁵⁸ *Коммерсантъ Власть.* 1991. 29 апреля. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/265267/print>.
- ¹⁵⁵⁹ См.: *Грачева Т. В.* Память русской души. Рязань, 2011. С. 41—42.
- ¹⁵⁶⁰ Там же. С. 46.
- ¹⁵⁶¹ Там же. С. 49.
- ¹⁵⁶² Подробнее см.: *Красников А.* Как нас предали... «Пятая колонна» опережает график Даллеса // *Советская Россия.* 1995. 9 мая. С. 13; *Широнин В. С.* КГБ — ЦРУ: Секретные пружины перестройки. М., 1997. С. 77; и др.
- ¹⁵⁶³ В США период холодной войны официально датируется временем со дня завершения Второй мировой войны до появления на месте СССР нового государства — Российской Федерации. На американской медали, вручаемой «в признание службы» в войне на иностранной территории, запечатлено: «Холодная война. 2 сентября 1945 — 26 декабря 1991». По словам конгрессмена, представлявшего соответствующий законопроект в палате представителей, «Холодная война была глобальной военной операцией, крайне опасной и порой смертельной для храбрых солдат, моряков, летчиков и морских пехотинцев, участвовавших в этой кампании», миллионы американских ветеранов, которые служили по всему миру, помогли победить в этом конфликте (цит. по статье «Холодная война» в Википедии, иллюстрированной фотографией медали. См. также: *Мединский В. Р.* Война. Мифы СССР. 1939—1945. М., 2011. С. 614). {583}
- ¹⁵⁶⁴ *Курчатова А. И.* Идеологические диверсанты // *Секреты секретных служб США.* М., 1973. С. 290, 293.
- ¹⁵⁶⁵ 50-летняя война // *Русский вестник.* 1998. № 33—35. С. 9.

- ¹⁵⁶⁶ См.: *Курганов И. А.* Нации СССР и русский вопрос. Франкфурт на Майне, 1961. С. 188; *Емельянов Ю. В.* Большая игра: Ставки сепаратистов и судьбы народов. М., 1990. С. 240, 241; и др.
- ¹⁵⁶⁷ См.: *Доброхотов Л. Н.* Переломный год в судьбе СССР // Проблемы политической и экономической истории России. Сб. статей. М., 1998. С. 260.
- ¹⁵⁶⁸ Подборку высказываний такого рода См.: *Русский вестник.* 1998. № 33—35. С. 9.
- ¹⁵⁶⁹ *Яковлев Н. Н.* «Да, это мы прикончили гигантского дракона» // *Российский обозреватель.* 1995. № 1. С. 147; *Он же.* «Да, это мы прикончили гигантского дракона»: Заметки профессионального историка // *Молодая гвардия.* 1996. № 6. С. 43—73; *Он же.* Почему распался Советский Союз? Заметки профессионального историка // *Завтра.* 1996. Май (№ 21). С. 5.
- ¹⁵⁷⁰ Цит. по: *Жириновский В.* Последняя битва России. 2-е изд. М., 1998. С. 5.
- ¹⁵⁷¹ Цит. по: *Воронин Ю. М.* Беловежское предательство // *Национальные интересы.* 2011. № 1. С. 5.
- ¹⁵⁷² *Любимов М. П.* Операция «Голгофа» — секретный план перестройки // *Совершенно секретно.* 1995. № 2. URL: <http://lib.web-malina.com/getbook.php?bid=3039&page=1>.
- ¹⁵⁷³ *Тилле А.* Доживет ли Россия до 2000 года // *Советская Россия.* 1997. 23 января. С. 3. Безотносительно к плану «Голгофа», роль КГБ в развале СССР представляется более значительной по сравнению с ЦРУ весьма компетентным западным аналитиком. Бывший посол Англии в СССР Р. Брейуэйт утверждал в 1998 г. на международной конференции «Холодная война: герои, негодяи и шпионы» в Королевском Институте международных отношений: «Не столько ЦРУ, сколько КГБ способствовал окончательному развалу СССР» (цит. по: *Шевякин А. П.* 17 тайн Лубянки. М., 2007. С. 7).
- ¹⁵⁷⁴ См.: *Проханов А. А.* Хожение в огонь: Путешествие по собственной жизни. М., 2011. С. 207—214, 222, 237, 269. Имеется книга, содержащая попытку доказать, что «перестройка» была замыслена не М. Горбачевым, а Ю. Андроповым в качестве курса на политические и экономические реформы по «китайскому» варианту. Замыслам не суждено было сбыться, поскольку на политическую арену вышел альянс М. Горбачев — Б. Ельцин, политический заговор которых против КПСС в конечном итоге привел к развалу СССР (*Костин А. Л.* Заговор Горбачева и Ельцина. Кто стоял за хозяевами Кремля? М., 2010).
- ¹⁵⁷⁵ *Муратов Д., Фронин В.* Горбачев уходит и остается. Интервью с первым и последним президентом СССР // *Комсомольская правда.* 1991. 24 декабря.
- ¹⁵⁷⁶ *Rar А.* У Горбачева был шанс сохранить СССР. URL: http://www.ua-patriot.at.ua/blog/aleksandr_rar_u_gorbacheva_byl_shans_sokhranit_sssr/2011-04-20-6204; *Сирин Л.* Как разграбили СССР. Пир мародеров. М., 2012. С. 5, 10; Юрий Дроздов: Россия для США — не поверженный противник. Беседовал Лев Сирин. URL: <http://www.fontanka.ru/2011/03/05/042/>.
- ¹⁵⁷⁷ *Сирин Л.* Как разграбили СССР. Пир мародеров. М., 2012. С. 5, 10; Юрий Дроздов: Россия для США — не поверженный противник. Беседовал Лев Сирин. URL: <http://www.fontanka.ru/2011/03/05/042/>.
- ¹⁵⁷⁸ *Ципко А. С.* Исповедь одессита-антисоветчика. «Агент “Солидарности” в команде Горбачева». М., 2011. С. 6.
- ¹⁵⁷⁹ См.: *Назарбаев Н. А.* Почему не состоялся новый Вавилон // *Россия и современный мир.* 1996. № 4. С. 79; *Афанасьев Ю. Н.* Непреодоленное прошлое // *Советское общество: Возникновение, развитие, финал.* В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 645; *Швейцер П.* Победа. Минск, 1995. {584}
- ¹⁵⁸⁰ *Медведев Ж. А.* Не гонка вооружений погубила СССР // *Международная жизнь.* 1998. № 1.
- ¹⁵⁸¹ Заявление Г. Х. Попова в телепередаче «Диалог» в мае 1994 г. (Цит. по: *Кольев А.* Идеология абсурда. М., 1995. С. 31). Ср.: *Андреев Г.* Конец империй // *Открытая политика.* 1998. № 1. С. 65.
- ¹⁵⁸² *Кортунов С. В.* Судьба русского коммунизма. М., 1988. С. 65, 68.
- ¹⁵⁸³ А. О. Чубарьян цит. по: *Поляков Ю. А.* Наше непредсказуемое прошлое: Полемические заметки. М., 1995. С. 160.
- ¹⁵⁸⁴ *Сахаров А. Н.* История все расставит по своим местам // *Россия и современный мир.* 1995. № 4. С. 23; *Он же.* К вопросу о причинах распада СССР // *СССР и холодная война.* М., 1995.
- ¹⁵⁸⁵ *Он же.* О причинах саморазрушения СССР // *Советское общество: Возникновение развитие, финал.* Т. 2. С. 615.
- ¹⁵⁸⁶ *Хасбулатов Р. И.* Полуразпад СССР. Как развалили сверхдержаву. М., 2011. С. 500.
- ¹⁵⁸⁷ *Пихоя Р. Г.* Почему распался СССР? // *Россия в XX веке: Реформы и революции.* В 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 121.

- ¹⁵⁸⁸ Там же. С. 143. *Он же*. Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985—2005. М., 2007. С. 372, 392.
- ¹⁵⁸⁹ См.: *Зиновьев А.* Советская контрреволюция // Советская Россия. 1998. 19 сентября. С. 3; и др.
- ¹⁵⁹⁰ См.: *Семенов Ю. И.* Россия: что с ней было, что с ней происходит, и что ее ожидает в будущем. М., 1995. С. 19.
- ¹⁵⁹¹ *Бурлацкий Ф. М.* Русские государи: Эпоха реформации: Никита Смелый, Михаил Блаженный, Борис Крутой. М., 1996. С. 333.
- ¹⁵⁹² *Усманов И.* В комиссии по импичменту: Обвинение первое // Советская Россия. 1998. 30 июля. С. 2.
- ¹⁵⁹³ *Черняев А. С.* Моя жизнь и мое время. М., 1995. С. 449—450.
- ¹⁵⁹⁴ *Певзнер Я. А.* Мировая революция: Великая авантюра и ее крах // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 11. С. 67.
- ¹⁵⁹⁵ *Назарбаев Н.* Пять лет независимости. Алматы, 1996. С. 41.
- ¹⁵⁹⁶ *Драгунский Д.* Распад во спасение // Итоги. 1996. № 32. С. 11.
- ¹⁵⁹⁷ Цит. по: *Лобанов Д. В.* Семь самураев СССР. Они сражались за Родину! М., 2012. С. 13, 35, 67, 85, 97, 86, 138, 71.
- ¹⁵⁹⁸ О характере строя, установившегося в России после 1917 г., см.: *Клифф Т.* Государственный капитализм в России. М., 1991; *Кагарлицкий Б. Ю.* Марксизм: не рекомендовано для обучения. М., 2005. URL: http://www.eusi.ru/lib/kagarlickij_marksizm/7.php; *Здоров А. А.* Государственный капитализм и модернизация Советского Союза: Марксистский анализ советского общества. 3-е изд. М., 2007; *Титов В. Ф.* Государственный социализм. Новая концепция общественного развития. М., 2008; *Колганов А. И.* Что такое социализм? Марксистская версия. М., 2012. В трактовке известных диссидентов, в СССР не было социализма, а был «симбиоз государственного рабовладения, государственного феодализма и элементов государственного капитализма» (П. М. Абовин-Егидес), или «государственный капитализм с элементами феодализма и рабовладения» (А. Д. Сахаров).
- ¹⁵⁹⁹ См.: Описание имущества Ягоды. URL: <http://yablor.ru/blogs/opis-imuschestva-yagodi/2344001>; Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР. Генеральный комиссар государственной безопасности. Сборник документов. Казань, 1997. Свидетельство А. Х. Артузова (начальник Иностранного отдела в ОГПУ и НКВД в 1931—1935 гг.) на следствии по делу о правотроцкистском блоке. URL: http://www.fedy-diary.ru/?page_id=6608.
- ¹⁶⁰⁰ *Фурсов А. И.* Тайная история. Линдон Ларуш как зеркало глобализма // Завтра. 2012. Май. № 19. С. 6. {585}
- ¹⁶⁰¹ См.: *Гундаров И. А.* Тайна крушения СССР. Социально-психологический аспект // Экономическая и философская газета. 2012 Май. № 17 (907). С. 3. URL: <http://eifg.narod.ru/gundarov17-12.htm>.
- ¹⁶⁰² Эта ошибка сохраняется и в постсоветском времени: «В Конституции России у русских нет статуса государствообразующего народа. Русофобия стала официальной политикой нынешней власти» (Русские в Российской Федерации: статус, проблемы и перспективы // Правда. 2011.14—17 октября. № 114; URL: <http://www.cprfspb.ru/7615.html>).
- ¹⁶⁰³ *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923—1939. М., 2011. С. 35.
- ¹⁶⁰⁴ См.: *Тишков В. А.* Дилеммы развития России // Этнополис. 1992. № 1. С. 77, 84; *Он же*. Россия как многонациональная общность и перспективы межэтнического согласия. М., 1994. *Он же*. Россия как национальное государство // Русский монитор. 1995. Вып. 5.
- ¹⁶⁰⁵ См.: *Кравчук Л. М.* Я не хочу строить Украину за чужой счет // Российская газета. 1992. 3 октября.
- ¹⁶⁰⁶ *Руцкой А.* Возрождение Великодержавной России возможно только при решении национального вопроса // Еврейская газета. 1994. Сентябрь (№ 17). С. 1.
- ¹⁶⁰⁷ *Путин В.В.* С нами правда! Выступление Владимира Путина на съезде «ЕР» 27.11.2011 // Российская газета. 2011. 28 ноября. URL: <http://www.rg.ru/2011/11/27/tekst.html>.
- ¹⁶⁰⁸ *Медведев Д. А.* Возвращаться к установке «единый советский народ» не зазорно. 11.03.2012. URL: <http://er.ru/news/2011/11/17/medvedev-vozvrashatsya-k-ustanovke-edinyj-sovetskij-narod-ne-zazorno/>.
- ¹⁶⁰⁹ Встреча Д. Медведева с молодежью на журфаке МГУ. 20.10.2011. URL: <http://www.ria.ru/society/20111020/465688592.html>.
- ¹⁶¹⁰ См.: *Козлов В. И.* Нация. Этнос // Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 459, 466.

- ¹⁶¹¹ Вишневский А. Г. Единая и неделимая // Полис. 1994. № 2. С. 28; *Он же.* Демография и национализм // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 22; Морозов А. «Нация» и «национализм» в трактовке некоторых современных теорий // Россия XXI. 1994. № 6—7. С. 108—118; № 8. С. 46—52.
- ¹⁶¹² См.: Вишневский А. Г. Единая и неделимая. С. 29. См. также: Егорова-Гантман Е. В., Косолапова Ю. Н. Кем станем мы, вчерашние советские? // США: Экономика, политика, идеология. 1994. № 10.
- ¹⁶¹³ Миллюков П. Н. Национальный вопрос (Происхождение национальности и национальные вопросы в России). Прага, 1925. С. 174.
- ¹⁶¹⁴ См.: Славинский М. А. Национально-государственная проблема в СССР. Париж, 1938. С. 33.
- ¹⁶¹⁵ См.: Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. М., 1991. С. 158—180; Кокошкин Ф. Ф. Автономия и федерация. Пг., 1917.
- ¹⁶¹⁶ Яценко А. С. Сумерки Европы // Новая русская книга. Берлин, 1923. № 2. С. 2—5.
- ¹⁶¹⁷ См.: Марков Н. Е. Войны темных сил. В 2 кн. Париж, 1930. Кн. 2. С. 77.
- ¹⁶¹⁸ Трубецкой Н. С. «Русская проблема» [1922] // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993. С. 52.
- ¹⁶¹⁹ Трубецкой Н. С. Об истинном и ложном национализме [1921] // Россия между Европой и Азией. С. 42.
- ¹⁶²⁰ Трубецкой Н. С. Общевразийский национализм [1927] // Россия между Европой и Азией. С. 95, 99.
- ¹⁶²¹ Устрялов Н. В. Patriotica // Смена вех. Сборник статей. Прага, 1921. С. 49.
- ¹⁶²² Устрялов Н. В. Наше время. Шанхай, 1934. С. 35.
- ¹⁶²³ Потехин Ю. Н. Физика и метафизика русской революции // Смена вех. С. 150.
- ¹⁶²⁴ Устрялов Н. Под знаком революции. Сборник статей. Харбин, 1925. С. 49. {586}
- ¹⁶²⁵ Устрялов Н. В. Россия: (У окна вагона). Харбин, 1926. С. 41.
- ¹⁶²⁶ Устрялов Н. В. Под знаком революции. С. 147.
- ¹⁶²⁷ Там же.
- ¹⁶²⁸ Устрялов Н. В. На новом этапе. 2-е изд. Харбин, 1930. С. 21.
- ¹⁶²⁹ КПСС в резолюциях... М., 1984. Т. 5. С. 392, 393.
- ¹⁶³⁰ Устрялов Н. Наше время. Шанхай, 1934. С. 35.
- ¹⁶³¹ Там же.
- ¹⁶³² См.: Устрялов Н. В. Национал-большевизм. М., 2003.
- ¹⁶³³ Градовский А. Д. Национальный вопрос в истории и в литературе. СПб., 1873. С. 10—13; *Он же.* Собр. соч. СПб., 1901. Т. VI. С. 13—16.
- ¹⁶³⁴ См.: Грушевский М. Освобождение народов России и украинский вопрос. СПб., 1907. С. 75, 84, 123—124. См.:
- ¹⁶³⁵ См.: Максимов А. Н. Русские инородцы. М., 1901; *Он же.* Какие народы живут в России: Справочное издание. М., 1919; и др.
- ¹⁶³⁶ См.: Прокопович С. Н. Об экономических основах национального вопроса. Прага, 1927. С. 9—10; Прокопович С. Н. Сборник статей. Посмертное издание. Париж, 1956. С. 92—93. В этой связи представляется актуальным суждение нашего современника о том, что именно отказ Николая I и его преемников от попыток выработать общероссийское национальное сознание и их стремление обратить всех подданных в «русских» явились непреодолимой преградой развитию российского государства: «Не создав российскую нацию, они погубили империю» (Цимбаев Н. И. До горизонта — земля. К пониманию истории России // Вопросы философии. 1997. № 1. С. 31).
- ¹⁶³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 120.
- ¹⁶³⁸ Залевский К. Национальные движения // Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1912. Т. 4. Ч. 2. Кн. 7. С. 152.
- ¹⁶³⁹ Каутский К. Национальные проблемы. Пг., 1918. С. 124.
- ¹⁶⁴⁰ Федотов Г. П. Судьба империй [1947] // Свободная мысль. 1992. № 5. С. 114.
- ¹⁶⁴¹ Новгородцев П. И. Восстановление святынь // Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 573, 574.
- ¹⁶⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 444.
- ¹⁶⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 360.
- ¹⁶⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 426.
- ¹⁶⁴⁵ Трубецкой Н. С. «Русская проблема» // Россия между Европой и Азией. С. 57.

- ¹⁶⁴⁶ *Иоанн, митрополит.* Русь соборная: Очерки христианской государственности // Наш современник. 1994. № 10. С. 25.
- ¹⁶⁴⁷ *Сталин И. В.* Соч. М., 1957. Т. 5. С. 113.
- ¹⁶⁴⁸ См.: *Патканов С.* Племенной состав: Краткий обзор цифровых данных // Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 2. С. III—XXXII; Распределение населения по родному языку // Там же. С. 2—19. В советское время отмечалось: «По всеобщей переписи населения 1897 г. в Российской империи значилось 146 языков и наречий (при том, что в официальной статистике некоторые народности тогда вообще не выделялись)» (Известия. 1987. 3 октября). См. также: *Ковалевский П. И.* Национализм и национальное воспитание в России. СПб., 1912. *Его же.* Психология русской нации. СПб., 1914. URL: http://www.xpomo.com/ruskolan/liter/psiholog_rm.htm.
- ¹⁶⁴⁹ *Сталин И. В.* Соч. М., 1947. Т. 5. С. 150.
- ¹⁶⁵⁰ *Сталин И. В.* Соч. М., 1947. Т. 7. С. 139.
- ¹⁶⁵¹ *Сталин И. В.* Соч. М., 2007. Т. 14. 2-е изд. С. 144.
- ¹⁶⁵² См.: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1929. Т. 17. С. 26—32.
- ¹⁶⁵³ *Дубровский А. М.* История и власть: Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930—1950-е гг.). Брянск, {587} 2005. С. 282. В последнем переиздании Краткого курса в качестве учебника значилось: «В 16 союзных советских республиках живет до 60 разных народов, около 200 миллионов человек» (История СССР. Краткий курс. Учебник для 4-го класса / Под редакцией А. В. Шестакова. М., 1955. URL: http://www.e-reading.org.ua/bookreader.php/1001394/Shestakov_L_-_Istoriya_SSSR._Kratkiy_kurs.html).
- ¹⁶⁵⁴ Московский университет. 1989. 14 февраля. С. 11.
- ¹⁶⁵⁵ *Сатыбалов А. А.* Исторические типы общности людей. М., 1959. С. 43—52.
- ¹⁶⁵⁶ *Агаев А. Г.* Нация, ее сущность и самосознание // Вопросы истории. 1967. № 7. С. 92.
- ¹⁶⁵⁷ *Салманов С. Б.* О характере общности экономической жизни народов, строящих социализм и коммунизм. Махачкала, 1965. С. 25
- ¹⁶⁵⁸ *Цамерян И. П.* Формирование социалистических наций // Строительство коммунизма и развитие общественных отношений. М., 1966. С. 248.
- ¹⁶⁵⁹ *Нурова С. С.* Закономерности развития народности в условиях социализма. Автореферат дис... канд. филос. наук. Фрунзе, 1969. С. 7; *Джунусов М. С.* Введение в марксистско-ленинскую теорию наций. Ашхабад, 1988. С. 366.
- ¹⁶⁶⁰ *Куличенко М. И.* Укрепление интернационального единства советского народа. Киев, 1976. С. 62—65; *Он же.* Нация и социальный прогресс. М., 1983. С. 170.
- ¹⁶⁶¹ *Арутюнян С. М.* Нация и ее психический склад. Автореферат дис... докт. ист. наук. М., 1969. С. 20.
- ¹⁶⁶² *Тавадов Г. Т.* Национальная структура советского народа в современных условиях // Научные доклады высшей школы: Научный коммунизм. 1985. № 6. С. 6.
- ¹⁶⁶³ *Он же.* Интернациональное единство советского народа: (Теоретические и методологические проблемы). Дис... докт. филос. наук. М., 1984. С. 110.
- ¹⁶⁶⁴ *Болотоков В. Х.* Советский народ как новая социально-историческая общность людей и его роль в совершенствовании национальных отношений социалистического общества. Нальчик, 1985. С. 30.
- ¹⁶⁶⁵ *Цамерян И. П.* Некоторые теоретические вопросы образования и развития советского многонационального государства // Актуальные вопросы национальных отношений в свете решений XXIV съезда КПСС. М., 1972. С. 8.
- ¹⁶⁶⁶ *Он же.* Нации и национальные отношения в развитом социалистическом обществе. М., 1979. С. 103; *Вольтер Г. А.* Логике и разуму вопреки (или как на Западе извращают национальные отношения в СССР). Фрунзе, 1988. С. 8.
- ¹⁶⁶⁷ *Росенко М. Н.* Единство и дружба. Л., 1988. С. 61.
- ¹⁶⁶⁸ *Чания В. К.* О двух тенденциях в развитии социалистических наций // Ленинский этап в развитии научного коммунизма. Киев, 1969. С. 233.
- ¹⁶⁶⁹ *Табалдиев А., Нурова С.* О типологии исторических форм этнической общности в СССР // О некоторых понятиях теории нации. Фрунзе, 1968. С. 106.
- ¹⁶⁷⁰ *Куличенко М. И.* Нация и социальный прогресс. С. 170.
- ¹⁶⁷¹ *Цамерян И. П.* Нация и национальные отношения в развитом социалистическом обществе, С. 103—104.

- ¹⁶⁷² Тадевосян Э. В. XXVII съезд КПСС о современном этапе развития национальных отношений. М., 1987. С. 4.
- ¹⁶⁷³ См.: Информационный бюллетень Госкомстата. М., 1996. С. 31—32; Российский статистический ежегодник. Стат. сборник. М., 1997. С. 72—77. Всероссийская перепись населения 2010 г. зафиксировала 193 этнические общности (Сухомлинов В. Кем прирастаем? // Литературная газета. 2012. 1—7 августа. № 31. С. 2).
- ¹⁶⁷⁴ Сталин И. В. Соч. М., 1949. Т. 11. С. 333.
- ¹⁶⁷⁵ Бурмистрова Т. Ю. К вопросу о формировании и развитии русской нации // Русская нация в союзе народов СССР: (Материалы научно-практической конференции). Куйбышев, 1990. С. 22; Она же. Зерна и плевелы: Национальная политика в СССР. 1917—1994. СПб., 1993. С. 63. {588}
- ¹⁶⁷⁶ Сталин И. В. Соч. М., 1946. Т. 2. С. 297.
- ¹⁶⁷⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 386—388.
- ¹⁶⁷⁸ Там же. Т. 48. С. 169.
- ¹⁶⁷⁹ Там же. Т. 24. С. 394.
- ¹⁶⁸⁰ Троцкий Л. Д. Выступление на заседании секции XII съезда РКП(б) по национальному вопросу // Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 171.
- ¹⁶⁸¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 359.
- ¹⁶⁸² См.: Сталин И. В. Соч. М., 1949. Т. 11. С. 348—349.
- ¹⁶⁸³ Агаев А. Г. Националогия: Философия национальной экзистенции. Махачкала, 1992.
- ¹⁶⁸⁴ См.: Чешико С. В. Идеология распада. М., 1993. С. 146—147; Он же. Как нам обустроить то, что осталось? // Бизнес и политика. 1995. № 4. С. 59; Бараин Р. Э. Разделенный советский народ или разделенная советская нация // Вестник Российской нации. 2011. № 4—5.
- ¹⁶⁸⁵ Сорокин П. О русской нации. Россия и Америка. Теория национального вопроса. М., 1994. С. 24.
- ¹⁶⁸⁶ Статистический ежегодник России. 1915 год. Пг., 1916. С. 65, 66; Иногородцы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1894. Т. 25. С. 224; Россия // Там же. СПб., 1907. Дополнительный том IV. С. XIX; Менделеев Д. К познанию России. 5-е изд. СПб., 1907. С. 48; Томашевич В. А. Учебник законоведения. М., 1915. С. 59; и др.
- ¹⁶⁸⁷ Шварц С. Национальный вопрос в СССР // Социалистический вестник. 1945. 6 сентября (№ 15—16). С. 162.
- ¹⁶⁸⁸ Цит. по: Артемов А. Гримасы национализма // Посев. 1994. № 4. С. 34—35.
- ¹⁶⁸⁹ Азбука фашизма // Звезда и свастика: Большевизм и русский фашизм. М., 1994. С. 229, 279.
- ¹⁶⁹⁰ См.: Кургинян С., Балакирев А., Бялый Ю. и др. Поле ответного действия: Тезисы идеологического семинара клуба «Постперестройка» о проблемах национально-государственной оппозиции // Россия XXI. 1993. № 4. С. 16, 17.
- ¹⁶⁹¹ Сталин И. В. О проекте Конституции Союза ССР. Доклад на Чрезвычайном VIII съезде Советов 25 ноября 1936 года // Сталин И. В. Соч. М., 2007. Т. 14. 2-е изд. С. 163.
- ¹⁶⁹² Волынский Н. Коммунисты не боятся вопросов: Заметки с третьей конференции Ленинградской областной организации КПРФ // Правда. 1994. 11 февраля. С. 2.
- ¹⁶⁹³ Известны три редакции Манифеста. Первая была выпущена к началу 1994 г. (См.: Манифест возрождения России (предварительная редакция) // Второй Всемирный конгресс русских общин. Москва, 29—30 января 1994 г. М., 1994. С. 1—50), вторая, в существенно расширенном виде — в сентябре того же года (см.: Манифест возрождения России (вторая редакция) // Конгресс русских общин. Манифест. Дубна, 1994. С. 4—67). С незначительными сокращениями вторая редакция опубликована в еженедельнике «Megapolis-Континент» (1994. 6—12 октября. Приложение «Континент Россия: Бюллетень конгресса русских общин». С. 5—12).
- ¹⁶⁹⁴ Манифест возрождения России (вторая редакция). С. 8.
- ¹⁶⁹⁵ Там же. С. 9, 10.
- ¹⁶⁹⁶ Жарников А. Существуют ли русские? // Гражданин России. 1994. Ноябрь (№ 21). С. 7. В сущности, ошибка такого же рода допускается и в спорах между авторами, утверждающими, что в России наших дней существует либо нация россиян при отсутствии русских как нации, либо русские как государствообразующая нация при отсутствии какой-то там российской нации (См.: Тишков В. А. «Разделенные народы». О том, как не следует решать национальный вопрос в России // Независимая газета. 1998. 22 августа. С. 3; Rogozin Д. О. Время для ликбеза кончилось. Научоподобные возражения не снимают «русский вопрос» // Там же. 1998. 8 сентября. С. 3; Руткевич М. Н. Плоды одностороннего подхода // Там же. 1998. 25 сентября. С. 7). {589}

- ¹⁶⁹⁷ *Бородай Ю.* От империи к национальному единству // Новая Россия. 1994. № 3—4. С. 78, 81; *Он же.* Пути становления национального единства // Наш современник. 1995. № 1. С. 112—132.
- ¹⁶⁹⁸ См.: *Бородай Ю.* От империи к национальному единству. С. 79, 80.
- ¹⁶⁹⁹ Там же. С. 80.
- ¹⁷⁰⁰ *Курашвили Б. П.* Куда идет Россия. М., 1994. С. 190.
- ¹⁷⁰¹ *Бородай Ю.* От империи к национальному единству. С. 82, 83.
- ¹⁷⁰² См. там же. С. 79.
- ¹⁷⁰³ См.: *Мяло К., Нарочницкая Н.* Восстановление России и евразийский соблазн // Наш современник. 1994. № 11—12. С. 218; *Они же.* О путях восстановления исторической России // Литературная Россия. 1994. 21 октября. С. 2—3.
- ¹⁷⁰⁴ *Рогозин Д.* Иностранцы на родной земле // Москва. 1994. № 7. С. 118; *Обозреватель.* 1994. № 18. С. 187—188.
- ¹⁷⁰⁵ *Хорев Б.* Россия дальше своих границ. Государственная политика и геополитические реалии // Правда. 1994. 11 марта. С. 2.
- ¹⁷⁰⁶ *Козлов В. И.* Русские. Русскоязычные. Россияне... // Молодая гвардия. 1998. № 9. С. 34.
- ¹⁷⁰⁷ См.: *Голотвин Ж.* Формирование и развитие общности людей «россияне» // *Обозреватель.* 1995. Т. 1—2; *Козлов В. И.* Русские в Российской Федерации // *Вестник Российской Академии наук.* 1995. Т. 65. № 3; и др.
- ¹⁷⁰⁸ *Жириновский В. В.* Русский вопрос: Внутривнутриполитические аспекты // *Вестник Моск. ун-та. Серия 18. Социология и политология.* 1998. № 2. С. 150; *Он же.* Моя мечта — спасти Отечество. М., 1998. С. 246—247.
- ¹⁷⁰⁹ *Подберезкин А. И.* Русский путь: Сделай шаг! М., 1998. С. 17, 222, 224.
- ¹⁷¹⁰ *Солженицын А. И.* Россия в обвале. М., 1998. С. 153, 154.
- ¹⁷¹¹ БСЭ. М., 1926. Т. 1. Стб. 380, 382; Советское государство и право. 1959. № 3. С. 34.
- ¹⁷¹² *Гурвич Г. С.* Основы Советской Конституции. 7-е изд. М., 1929. С. 189.
- ¹⁷¹³ БСЭ. М., 1926. Т. 1. Стб. 380, 382.
- ¹⁷¹⁴ См.: *Гурвич Г. С.* О Советском Союзе. М., 1931. С. 33; *Челяпов Н.* Партия и национальный вопрос // Советское государство и революция права. 1930. № 5—6. С. 118; и др.
- ¹⁷¹⁵ *Лукьянов А.* Даже тюрьму не буду красить в черный цвет... // *День.* 1993. № 8. С. 5.
- ¹⁷¹⁶ *Зюганов Г.* Драма власти: Страницы политической автобиографии. М., 1993. С. 192, 55.
- ¹⁷¹⁷ *Белов Ю.* Сталин и Россия // Советская Россия. 1994. 20 октября. С. 3.
- ¹⁷¹⁸ *Зюганов Г.* Держава. М., 1994. С. 127.
- ¹⁷¹⁹ *Нарочницкая Н.* Государства слагаются веками, а границы пишутся кровью // *Шпион.* 1994. № 1. С. 4.
- ¹⁷²⁰ *Ельцин Б. Н.* Записки президента. М., 1994. С. 154—155.
- ¹⁷²¹ *Кебич В.* Нам надо возвратиться в Вискули // *Комсомольская правда.* 1993. 13 июля. С. 2.
- ¹⁷²² *Ненашев М. Ф.* Заложник времени: Заметки. Размышления. Свидетельства. М., 1993. С. 240.
- ¹⁷²³ Цит. по: *Шахназаров Г.* Цена свободы. С. 165.
- ¹⁷²⁴ Сборник материалов и выступлений на международном форуме «К новому согласию» («Евразийское сообщество: общее в разнообразии»). М., 1994. С. 15; *Рыжков Н. И.* Десять лет великих потрясений. М., 1995. С. 266 и др.
- ¹⁷²⁵ См.: *Горбачев М. С.* Вступая в XXI век: Homo sapiens должен осознавать себя еще и homo globalis // Независимая газета. 1994. 13 апреля. С. 5.
- ¹⁷²⁶ См.: *Чупахин В.* Общество больно бездуховностью, лучшее средство от этого — патриотизм: Заметки с заседания коллегии Министерства обороны Российской Федерации // *Красная звезда.* 1994. 12 апреля. С. 1. {590}
- ¹⁷²⁷ См.: Об укреплении Российского государства (Основные направления внутренней и внешней политики): Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию // *Российская газета.* 1994. 25 февраля. Раздел 3.3.
- ¹⁷²⁸ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 359.
- ¹⁷²⁹ См.: *Гилилов С. С. В. И. Ленин — организатор Советского многонационального государства.* М., 1972. С. 82.
- ¹⁷³⁰ См.: Из истории образования СССР // *Известия ЦК КПСС.* 1991. № 3. С. 180.
- ¹⁷³¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 356.
- ¹⁷³² Там же. С. 211.
- ¹⁷³³ См.: *Репнин И. В.* Цена одного предательства. Улан-Удэ, 1998. С. 119—121.

- ¹⁷³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 352, 357.
- ¹⁷³⁵ Там же. С. 357.
- ¹⁷³⁶ Там же. С. 211.
- ¹⁷³⁷ Сталин И. В. Письмо В. И. Ленину и членам Политбюро от 27 сентября 1922 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 208.
- ¹⁷³⁸ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 207.
- ¹⁷³⁹ Сталин И. В. Соч. Т. 5. М., 1947. С. 152.
- ¹⁷⁴⁰ Цит. по: Наше Отечество. Опыт политической истории. М., 1991. Т. 2. С. 154—155.
- ¹⁷⁴¹ См. там же. С. 155—158.
- ¹⁷⁴² Авакьян С. А., Кулешов С. В., Морозова Е. Г., Сарычева И. А. Политико-правовые проблемы развития Российской Федерации в свете отечественного и мирового опыта // Мир России. 1997. № 3. С. 9.
- ¹⁷⁴³ Кулешов С. В. Послесловие // Звезда и свастика: Большевизм и русский фашизм. М., 1994. С. 300; Он же. Неучтенный великий народ // Родина. 1994. № 8. С. 12.
- ¹⁷⁴⁴ Авакьян С. А., Кулешов С. В., Морозова Е. Г., Сарычева И. А. Политико-правовые проблемы развития Российской Федерации в свете отечественного и мирового опыта // Мир России. 1997. № 3. С. 9.
- ¹⁷⁴⁵ Цит. по: Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. М., 1993. С. 279. См. также: Горбачев М. С. Жизнь и реформы. В 2 кн. М., 1995. Кн. 1. С. 492—525 и др.
- ¹⁷⁴⁶ Косолапов Р. И., Кожемяко В. Незагадочный Сталин // Советская Россия. 1998. 15 января. С. 6.
- ¹⁷⁴⁷ См.: Боров Ю. Б. Сталиниада. М., 1990. С. 336.
- ¹⁷⁴⁸ Не сводить федерализм к национальному вопросу // Российские вести. 1995. 16 декабря. С. 3.
- ¹⁷⁴⁹ Цит. по: Кононенко В. А. Руцкой: Мы продемонстрировали безвластие // Известия. 1991. 14 ноября. С. 2.
- ¹⁷⁵⁰ Баткин Л. М. Я требую публичного извинения от вице-президента // Megapolis-express. 1991. 21 ноября. С. 3.
- ¹⁷⁵¹ Цит. по: О предупреждении проявлений фашистской опасности в Российской Федерации: Материалы парламентских слушаний 14 февраля 1995 г. М., 1995. С. 45.
- ¹⁷⁵² Там же. См. также: Бабурин С. Н. Российский путь: Становление российской геополитики кануна XXI века: Статьи, выступления, интервью, 1990—1995 гг. М., 1995. С. 159, 160.
- ¹⁷⁵³ Цит. по: Орехов Д. Пушкин против демократии. 2011. 11 февраля. URL: <http://www.pokaianie.ru/article/renunciation/read/21923>.
- ¹⁷⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 358.
- ¹⁷⁵⁵ Померанц Г. Из снов о справедливом воздействии: (Зигзаг в историю) // Ной. 1993. № 4. С. 94.
- ¹⁷⁵⁶ Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994. С. 348.
- ¹⁷⁵⁷ Ольшанский Д. Политическая психология распада // Независимая газета. 1992. 16 января. С. 5; ср.: Ольшанский Д. О «национальной» гордости «великороссов» // Родина. 1994. № 6. С. 13, 14. {591}
- ¹⁷⁵⁸ Сребницкий А. Общий корень: К вопросу о «белых пятнах» прошлого // Независимая газета. 1994. 6 декабря. С. 8; Каджая В. Какая рука ведает? Poleмика с А. Сребницким // Независимая газета. 1994. 31 декабря. С. 8.
- ¹⁷⁵⁹ Ахиезер А. С. Социально-культурные проблемы развития России: философский аспект. М., 1992. С. 13, 65.
- ¹⁷⁶⁰ См. там же. С. 11, 13.
- ¹⁷⁶¹ Гозман Л., Эткинд А. Разговор с антисемитом // Родина. 1990. № 2. С. 52.
- ¹⁷⁶² Шереги Ф. Э. Перспективы развития русского этнического сознания // Вестник Российской Академии наук. 1995. Т. 65. № 1. С. 49. См. также: Шереги Ф. Э. Перспективы российской государственности // Обновление России: Трудный поиск решений. М., 1995. Вып. 3. С. 80.
- ¹⁷⁶³ Ахутин А. Большой народ без малого // Русская идея и евреи. Роковой спор. Христианство. Антисемитизм. Национализм: Сб. статей. М., 1994. С. 85, 90.
- ¹⁷⁶⁴ Толстых В. А есть ли «еврейский вопрос» в России? // Правда. 1994. 19 ноября. С. 4.
- ¹⁷⁶⁵ Фурман Д. Массовое сознание российских евреев и антисемитизм // Свободная мысль. 1994. № 9. С. 47.
- ¹⁷⁶⁶ Кара-Мурза С. Мифотворцы: Poleмические заметки о русском антисемитизме // Советская Россия. 1995. 6 января. С. 2.
- ¹⁷⁶⁷ Аксютин В. В. Идеократия в России: Метаморфозы богоборческого режима. М., 1995. С. 88.
- ¹⁷⁶⁸ Кара-Мурза С. Указ. соч. С. 2.

- ¹⁷⁶⁹ *Зиновьев А. А.* Гибель «империи зла» (Очерк российской трагедии) // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 68. Ср.: *Кузьмин А. Г.* Истоки русского национального характера // Русский народ: Историческая судьба в XX веке. М., 1993. С. 9—21.
- ¹⁷⁷⁰ *Зиновьев А. А.* Указ. соч. С. 68.
- ¹⁷⁷¹ Там же. С. 69.
- ¹⁷⁷² См., напр.: Национальная политика в регионе. По материалам республики Саха (Якутия). Якутск, 1993. С. 3.
- ¹⁷⁷³ *Алексеев Е. Е.* Из истории борьбы «с пережитками буржуазного национализма» // Национальная политика в регионе. С. 33.
- ¹⁷⁷⁴ *Карп П.* Взаимность // Книжное обозрение. 1989. 14 апреля. С. 4, 5. Новейшее обращение автора к проблеме: *Карп П.* Вопрос есть // Грани.Ру. 10 июня 2011. URL: <http://grani.ru/blogs/free/entries/189144.html>.
- ¹⁷⁷⁵ *Алексеев Е. Е.* Указ. соч. С. 33.
- ¹⁷⁷⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 359.
- ¹⁷⁷⁷ *Булгаков М.* Собачье сердце // Булгаков М. Избранные соч.: В 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 313.
- ¹⁷⁷⁸ *Ципко А.* Хороши ли наши принципы? // Новый мир. 1990. № 4. С. 179.
- ¹⁷⁷⁹ Цит. по: *Черноуцан И.* Завещано Лениным: (Ленинские традиции партийного руководства искусством и методология художественной критики) // Вопросы литературы. 1975. № 1. С. 27.
- ¹⁷⁸⁰ *Капустин М. П.* Конец утопии? Прошлое и будущее социализма. М., 1990. С. 237.
- ¹⁷⁸¹ Цит. по: *Чуев Ф. И.* Молотов: Полудержавный властелин. М., 1999. С. 330.
- ¹⁷⁸² *Попов Г. Х.* Будет ли у России второе тысячелетие. М., 1998. С. 115, 165.
- ¹⁷⁸³ О предупреждении проявлений фашистской опасности в Российской Федерации: Материалы парламентских слушаний 14 февраля 1995 г. М., 1995. С. 45.
- ¹⁷⁸⁴ *Печенев В. А.* Испытание катастрофой или русский этнос на исходе XX века // Трансформация цивилизационно-культурного пространства бывшего СССР. М., 1994. С. 141; см. также: *Савоскул С.* Русские нового зарубежья // Общественные науки и современность. 1994. № 5; *Сусоколов А. А.* Русский этнос в XX в.: Этапы кризиса экстенсивной культуры (гипотезы этноэкологической модели) // Мир России: Социология. Этнология. Культурология. 1994. Т. 3. № 2. {592}
- ¹⁷⁸⁵ *Пугачев Б. М.* Политическое развитие современной России. М., 1993. С. 6—7.
- ¹⁷⁸⁶ *Абдулатипов Р. Г.* Власть и совесть: Политики, люди и народы в лабиринтах смутного времени. М., 1994. С. 147.
- ¹⁷⁸⁷ Там же. 2010-е гг. дают основания и для более мрачных констатаций. К примеру, на сайте АПН утверждается: «Освещение острых вопросов, связанных с проблемами русского народа и славянства, приравнивается к уголовному преступлению» (АПН. 20.05.2011. URL: <http://www.apn.ru/news/print24195.htm>).
- ¹⁷⁸⁸ Что такое троцкизм. Предисловие // Бюллетень Спартаковцев. 1990. № 1. С. 7.
- ¹⁷⁸⁹ *Ахутин А.* Указ. соч. С. 90, 223.
- ¹⁷⁹⁰ *Воронцова Л., Филатов С.* Анкета // Русская идея и евреи. С. 232.
- ¹⁷⁹¹ *Яковлев А.* Если сказать жестко... // Московские новости. 1994. № 5. С. 11.
- ¹⁷⁹² См.: КПСС в резолюциях... М., 1984. Т. 3. С. 87—88.
- ¹⁷⁹³ *Яковлев А. Н.* Против антиисторизма // Литературная газета. 1972. 15 ноября; *Он же.* Горькая чаша: Большевизм и Реформация России. Ярославль, 1994. С. 11.
- ¹⁷⁹⁴ Цит. по: *Доровских А.* Пощечина к юбилею // Рабочая трибуна. 1995. 28 января. С. 1.
- ¹⁷⁹⁵ Гласность, 1992. 6—12 февраля. С. 2.
- ¹⁷⁹⁶ *Солженицын А. И.* Раскаяние и самоограничение [1973] // Из-под глыб: Сборник статей. М., 1992. С. 101.
- ¹⁷⁹⁷ *Солженицын А. И.* «Русский вопрос» к концу XX века. М., 1995. С. 103.
- ¹⁷⁹⁸ Цит. по: *Зайцев Ю.* Последнее интервью президента Джохара Дудаева? // Московский комсомолец. 1994. 4 августа. С. 1. В этом высказывании высвечена громадная значимость национальной принадлежности представителей центральной власти в многоэтническом государстве. Известно, что «из 73 лет существования Советской империи грузин ею управлял 30 лет, и выходцы из Украины и этнические украинцы управляли еще около тридцати. Если исключить 6 лет ленинского управления, то на “условнорусский” период в управленческой истории СССР приходится всего 7 лет» (*Каминник И., Ганжа А.* 20 лет «по СССР»: упущенное наследие // АПН. 2011.02.08. URL: <http://www.apn.ru/publications/print23615.htm>).

- ¹⁷⁹⁹ См.: *Савельев А. Н.* Русофобия в России. Аналитический доклад 2006—2009 гг. М., 2010; *Савельев А. Н.* Русофобия в России, 2010 год. Аналитический доклад. М., 2011.
- ¹⁸⁰⁰ См.: *Ильин И. А.* Собр. соч. В 10 т. М., 1993. Т. 1. С. 196, 215, 327.
- ¹⁸⁰¹ *Шушкевич С.* Падение или полет над бездной? // Дружба народов. 1994. № 2. С. 133.
- ¹⁸⁰² Цит. по: *Имедашвили Е.* Несладкая жизнь Эдуарда Шеварднадзе // Ежедневная обща газета. 1994. 7—13 октября. С. 5; см. также: *Нодия Г.* Демократия и национализм // Век XX и мир. 1994. № 7—8. С. 94.
- ¹⁸⁰³ *Распутин В.* Нет, не кончено с Россией... // Правда. 1993. 19 декабря. С. 4.
- ¹⁸⁰⁴ Цит. по: *Зеньковский В. В.* История русской философии. Л., 1991. Т. 2. Ч. 2. С. 193.
- ¹⁸⁰⁵ *Федь Н.* Художник и власть // Молодая гвардия. 1994. № 4. С. 186.
- ¹⁸⁰⁶ *Сорос Дж.* Шансы на то, что открытое общество в России преуспеет и состоится, невелики // Сегодня. 1994. 15 марта. С. 10.
- ¹⁸⁰⁷ *Филиппов А. Ф.* Империя и тоталитаризм // Тоталитаризм и посттоталитаризм. М., 1994. Кн. 2. С. 235.
- ¹⁸⁰⁸ *Моисеев Н. Н.* Размышления о национализме // Социально-политический журнал. 1994. № 3—6. С. 48.
- ¹⁸⁰⁹ Цит. по: *Козлов С.* Збигнев Бжезинский в Алма-Ате: Предсказатель конца коммунизма остался доволен визитом // Независимая газета. 1993. 11 декабря. С. 3; см. также: *Бжезинский З.* Россия — это клиент // Диалог. 1994. № 11. С. 4—5.
- ¹⁸¹⁰ *Пугачев Б.* Збигнев Бжезинский против Российской «империи» // Новая ежедневная газета. 1994. 6 июля. С. 6. *Он же.* Основные тенденции политического развития России. М., 1995. С. 80. {593}
- ¹⁸¹¹ *Поздняков Э. А.* Нация, национализм, политика // Национализм: Теория и практика. М., 1994. С. 77; Россия сегодня: Реальный шанс. С. 101.
- ¹⁸¹² *Булдаков В. П.* XX век в истории России: имперский алгоритм? // Межнациональные отношения в России и СНГ. Семинар Московского центра Карнеги. М., 1994. Вып. 1. С. 126, 127, 128, 140.
- ¹⁸¹³ См.: *Проханов А. А.* Симфония «Пятой империи»: Имперская кристаллография. М., 2006, 2007; *Его же.* Хождение в огонь. Путешествие по собственной жизни. М., 2011; *Его же.* Русский. (М., 2011). См. также: *Терехов В. И.* Россия: Неизбежность Империи // Русский народ: Историческая судьба в XX веке; *Гуцин В. В.* Должна ли Россия быть имперской? // Межнациональные отношения в России и СНГ. Семинар Московского Центра Карнеги. М., 1994. Вып. 1; Русский строй. М., 1977; *Василишин Р. Н.* Империя. СПб., 2011.
- ¹⁸¹⁴ Цит. по: *Рыжков Н.* Политика и экономика в пору «балканизации» // Политика. 1994. № 1. С. 8.
- ¹⁸¹⁵ *Баграмов Э.* Нация как согражданство? К оценке новой государственной концепции // Независимая газета. 1994. 15 марта. С. 5.
- ¹⁸¹⁶ *Тоценко Ж.* Потенциально опасные точки. Этнополитическая ситуация в России в 1993 году // Независимая газета. 1994. 1 марта. С. 5.
- ¹⁸¹⁷ *Сидорук А.* На каких же языках говорят в Америке? // Красная звезда. 1993. 25 сентября. С. 6; США: Экономика. Политика. Идеология. 1997. № 10. С. 4.
- ¹⁸¹⁸ См.: *Абдулатипов Р. Г.* Ответ критикам России, или О национальной гордости россиян // Независимая газета. 1994. 22 марта. С. 5.
- ¹⁸¹⁹ *Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф.* Россия, в чем суть твоего бытия: Историко-философские размышления. М., 1984. С. 309.
- ¹⁸²⁰ *Беляев В. А., Хайруллина Ю. Р.* Трансформация российского федерализма и право сепарации // Международная научно-практическая конференция: «Федерализм — глобальные и российские измерения». Казань, 1993. С. 249.
- ¹⁸²¹ *Шереги Ф. Э.* Перспективы развития русского этнического сознания // Вестник Российской академии наук. 1995. Т. 65. № 1. С. 51.
- ¹⁸²² *Карапетян Л., Эбзеев Б.* Нет равенства, но есть равноправие: Размышления о российском федерализме // Российская газета. 1994. 31 августа. С. 2.
- ¹⁸²³ *Шахрай С.* Три кита для новой России: Это — федерализм, социально ориентированная рыночная экономика и местное самоуправление // Независимая газета. 1994. 5 марта. С. 3.
- ¹⁸²⁴ Об укреплении Российского государства (Основные направления внутренней и внешней политики): Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // Российская газета. 1994. 25 февраля. Раздел 3.3.

- ¹⁸²⁵ См.: *Абдулатипов Р. Г.* Ответ критикам России... С. 5.
- ¹⁸²⁶ *Иоанн, митрополит.* Чтущий да разумеет // Советская Россия. 1993. 30 апреля. С. 4.
- ¹⁸²⁷ См.: *Павлов Е.* Не титульный... не коренной... (К созданию Министерства по общерусским делам) // Литературная Россия. 1994. 23 декабря. С. 2; *Он же.* Будет ли послечеченское отрезвление? // Патриот. 1995. Январь. № 3. С. 7.
- ¹⁸²⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 154.
- ¹⁸²⁹ *Хоскинг Д.* История Советского Союза, 1917—1991. М., 1994. С. 510.
- ¹⁸³⁰ См.: *Бондаренко В.* К новому разделу России? // Ветеран. 1990. 24 сентября — 1 октября. № 39. С. 8.
- ¹⁸³¹ *Новодворская В.* Еврейское неверие мое // Огонек. 1993. № 13. С. 19; *Она же.* О, Запад есть Запад! // Московская правда. 1993. 13 февраля. С. 5.
- ¹⁸³² Цит. по: *Зиновьева А.* Наша «железная леди» любит сладкое. Г. Старовойтова: Анфас и в профиль // ЛГ-Досье. 1992. № 2. С. 18.
- ¹⁸³³ *Шахназаров Г.* Цена свободы. С. 195. {594}
- ¹⁸³⁴ Слово Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского // Молодая гвардия. 1994. № 3. С. 3.
- ¹⁸³⁵ См.: *Дегтярев А., Михайлов В.* Россия: Контуры третьего тысячелетия // Обозреватель. 1993. № 26. С. 19.
- ¹⁸³⁶ *Ильин В. В.* Национально-государственная идеология — энтелехия отечественных реформ // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1994. № 1. С. 28; *Ильин В. В., Панарин А. С., Рябов А. В.* Россия: Опыт национально-государственной идеологии. М., 1994. С. 84—85, и др.
- ¹⁸³⁷ См.: *Хаким Р.* Сумерки империи. Казань, 1993; *Имамов В.* Запрятанная история татар. Набережные Челны, 1994. С. 3.; *Бишиев А. Г.* Нация и национальная политика: (Критический очерк). Уфа, 1995. С. 124.
- ¹⁸³⁸ *Исхаков Д. М.* Татары: (Популярный очерк этнической истории и демографии); *Закиров А.* «Темные закоулки» Российской истории: (Преступления империи). Набережные Челны, 1993. С. 62.
- ¹⁸³⁹ *Валеев Д. Ж.* Национальный суверенитет и национальное возрождение: Из истории борьбы башкирского народа за самоопределение. Уфа, 1994. С. 105, 18, 153, 128—130.
- ¹⁸⁴⁰ Национальный состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991. С. 28—33.
- ¹⁸⁴¹ *Лимонов Э.* Лимонка в Ленина // Московская правда. 1994. 20 августа. С. 5.
- ¹⁸⁴² *Махнач В.* Параметры христианской политики // Москва. 1994. № 8. С. 118.
- ¹⁸⁴³ *Гаман О. В.* Перспектива нового евразийского союза: «За» и «против» // Евразийский проект модернизации России: «За» и «против». М., 1995. С. 178, 182—183.
- ¹⁸⁴⁴ Цит. по: *Гулыга А.* Русский вопрос // Наш современник. 1990. № 1. С. 175.
- ¹⁸⁴⁵ *Воротников В. И.* А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995. С. 316.
- ¹⁸⁴⁶ Там же. С. 471—473.
- ¹⁸⁴⁷ *Кузьмин А.* Неравное равенство // Молодая гвардия. 1994. № 1. С. 199, 202.
- ¹⁸⁴⁸ См.: Россия сегодня: Реальный шанс // Обозреватель. 1994. № 21—24. Спец. выпуск. С. 85.
- ¹⁸⁴⁹ *Карп П.* Метрополия или республика? // Книжное обозрение. 1989. 21 июля. С. 4—5.
- ¹⁸⁵⁰ *Ольшанский Д.* Политическая психология распада // Независимая газета. 1992. 16 января. С. 5; *Ольшанский Д.* О «национальной» гордости «великороссов» // Родина. 1994. № 6. С. 10—16.
- ¹⁸⁵¹ *Жириновский В.* О собирательной роли России и молодых волках // Известия. 1994. 23 апреля. С. 4.
- ¹⁸⁵² См. его же. ЛДПР: Идеология и политика. М., 1995. С. 70—72.
- ¹⁸⁵³ *Он же.* Прошлое, настоящее и будущее русской нации (Русский вопрос: Социально-философский анализ). Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора философских наук. М., 1998. С. 50.
- ¹⁸⁵⁴ *Он же.* Русский вопрос: Внутриполитические аспекты // Вестник Моск. Ун-та. Серия 18. Социология и политология. 1988. № 2. С. 147.
- ¹⁸⁵⁵ *Бадов В.* СНГ — пересыльный приют наций или зародыш Евразийского союза? // Новая ежедневная газета. 1994. 5 апреля. С. 3.
- ¹⁸⁵⁶ *Голеньковский Т. Б.* Граждане без территории // Россия и современный мир. 1994. № 1. С. 37.
- ¹⁸⁵⁷ *Кибрик А.* Не дожидаясь агонии // Московские новости. 1993. 14 ноября. (№ 46). С. 7.

- 1858 *Он же*. Россия: Губернский передел // Московские новости. 1994. 13—20 февраля (№ 7). С. 8; *Он же*. Невнятность может погубить власть: Народ голосовал не против реформ, а против отсутствия четких программ // Новое время. 1994. № 4. С. 14—15.
- 1859 *Мальшиев Н.* Россия: От настоящего к будущему // Диалог. 1994. № 4—6. С. 59. {595}
- 1860 *Солженицын А.* Хочу во всем разобраться сам // Литературная газета. 1994. 13 июля. С. 3.
- 1861 *Он же*. «Русский вопрос» к концу XX века. С. 169.
- 1862 *Он же*. Нет выше задачи, чем сбережение народа: [Выступление на заседании Государственной Думы 28 октября] // Российская газета. 1994. 1 ноября. С. 2.
- 1863 *Мальшиев Н.* Указ. соч. С. 59.
- 1864 *Тавадов Г. Т.* Конституционные принципы российского федерализма // Социально-политический журнал. 1995. № 6. С. 42. Управление по крупным экономическим районам России при условии придания краям, областям России такого же статуса, как и республикам — как наиболее перспективное представлено также в кн.: *Лысенко В. Н.* От Татарстана до Чечни (Становление нового российского федерализма). М., 1995. С. 247 и др.
- 1865 См.: *Сидоров А. С.* Моя звезда — Россия: (Экономика, политика, судьба). М., 1995. С. 203, 219 и др.
- 1866 *Солженицын А.* Хочу во всем разобраться сам. С. 3.
- 1867 См.: *Портников В.* Будет ли воссоздан Совет глав республик? // Независимая газета. 1995. 12 января. С. 1.
- 1868 См.: *Солженицын* о Чечне // Аргументы и факты. 1995. Январь. № 1—2. С. 3.
- 1869 *Солженицын А. И.* Россия в обвале. М., 1998. С. 127.
- 1870 *Федоров В.* Ельцин в Чечне // Московский комсомолец. 1995. 24 января. С. 4.
- 1871 *Гулыга А. В.* Русская идея и ее творцы. М., 1995. С. 306.
- 1872 *Сафронов С. А.* Россия как унитарное государство // Современное российское общество: Осмысление прошлого, поиск достойного будущего. Тезисы докладов научно-практической конференции. Красноярск, 1995. С. 392.
- 1873 *Шахрай С.* О концепции государственной региональной политики // Независимая газета. 1994. 12 мая. С. 1.
- 1874 *Он же*. В России только два человека могут сформировать правительство // Аргументы и факты. 1994. Окт. № 41. С. 3.
- 1875 *Печенев В.* В одну и ту же реку нельзя войти дважды?.. // Век. 1994. 23—29 сентября. Ранее эта точка зрения получила обоснование в издании исторического факультета МГУ: О концепции национальной политики в Российской Федерации. М., 1992. С. 4—12.
- 1876 *Шахрай С.* О концепции государственной региональной политики; см. также: *Лысенко В.* Государственники на коне // Россия. 1994. 14—20 сентября. С. 3.
- 1877 *Шахрай С.* В России только два человека могут сформировать правительство. С. 3.
- 1878 *Моисеев Н. Н.* Размышления о национализме // Социально-политический журнал. 1994. № 3—6. С. 51; *Он же*. Российские Соединенные штаты // Куранты. 1992. 11 декабря. С. 4.
- 1879 *Он же*. Размышления о национализме // Социально-политический журнал. 1994. № 7—8. С. 31, 32, 33; *Он же*. Российские Соединенные Штаты. С. 4.
- 1880 См.: Национальная политика России: История и современность. М., 1997. С.
- 1881 Об укреплении Российского государства (Основные направления внутренней и внешней политики): Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // Российская газета. 1994. 25 февраля. С. 4.
- 1882 См.: *Радзиховский Л.* Рождение нации // Московская правда. 1993. 30 января. С. 4; *Он же*. Смерть для жизни новой // Огонек. 1993. № 7. С. 10, 11.
- 1883 *Он же*. Борис Ельцин как зеркало русской революции // Огонек, 1992. № 24—26. С. 2, 3.
- 1884 *Он же*. Смерть для жизни новой. С. 11; *Он же*. Рождение нации. С. 4.
- 1885 *Шумейко В. Ф.* Россия возвеличится // Российская газета. 1993. 19 ноября. С. 3.
- 1886 Цит. по: *Батыришин Р.* В первом туре Шумейко не хватило одного голоса // Независимая газета. 1994. 13 января. С. 1. {596}
- 1887 Цит. по: *Троицкий Н.* Шумейко трудоустроен в «сенате» // Еженедельная общая газета. 1994. 14—20 января. С. 7.
- 1888 *Шумейко В.* Будет стабильность — будет и богатство // Аргументы и факты. 1994. Апрель (№ 14). С. 3.
- 1889 *Костиков В.* «Прощай, невытая Россия» // Комсомольская правда. 1993. 5 ноября. С. 2.
- 1890 *Он же*. Контуры «Чистой России» // Российская газета. 1994. 10 января. С. 7.

- ¹⁸⁹¹ Гуревич М. Перемена климата: Не надо бояться сильного государства, только в нем наше спасение // Российская газета. 1995. 11 февраля. С. 2.
- ¹⁸⁹² Пугачев Б. «Новая идеология» — старый свист... // Россия. 1994. 9—15 февраля. (№ 6). С. 3.
- ¹⁸⁹³ Печенев В. А. Существует ли в Российской Федерации национальная и региональная политика? // Наш современник. 1994. № 11—12. С. 208; *Он же*. О национальной и региональной политике в федеративной России // Этнополитический вестник. 1994. № 1. С. 81.
- ¹⁸⁹⁴ Российская газета. 1995. 17 февраля. С. 1, 5, 7.
- ¹⁸⁹⁵ Сорокин П. О русской нации. Россия и Америка: Теория национального вопроса. М., 1994. С. 31, 32, 39.
- ¹⁸⁹⁶ Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988. С. 70.
- ¹⁸⁹⁷ Цит. по: Кара-Мурза С. Две головы дракона // Советская Россия. 1995. 10 января. С. 3.
- ¹⁸⁹⁸ Сталин И. В. Соч. М., 1947. Т. 4. С. 354.
- ¹⁸⁹⁹ Там же. Т. 5. С. 231.
- ¹⁹⁰⁰ Гронский П. Юридическая природа СССР // Сборник статей, посвященных Петру Бернгардовичу Струве ко дню тридцатипятилетия его научно-публицистической деятельности. 1890—30 января — 1925. Прага, 1925. С. 138.
- ¹⁹⁰¹ Там же.
- ¹⁹⁰² Цит. по: Латышев А. Как Сталин Энгельса свергал // Российская газета. 1992. 22 декабря. С. 4 (курсив наш. — А. В.). Ср. свидетельство об этой речи в записи адъютанта К. Е. Ворошилова генерала Р. П. Хмельницкого, приведенное в кн.: *Такер Р.* Сталин у власти: История и личность, 1928—1941. М., 1997. С. 437—438.
- ¹⁹⁰³ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2002. С. 22—23.
- ¹⁹⁰⁴ Сталин И. В. О проекте конституции Союза СССР: Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. // Сталин И. В. Соч. М., 2007. Т. 14. 2-е изд. С. 144.
- ¹⁹⁰⁵ См.: КПСС в резолюциях... М., 1983. Т. 2. С. 366.
- ¹⁹⁰⁶ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 года. М., 1977. С. 15.
- ¹⁹⁰⁷ Алекторов А. Е. Иностранцы в России. Современные вопросы. СПб., 1906. С. 109—110.
- ¹⁹⁰⁸ Жилин А. А. Теория союзного государства. Разбор главнейших направлений в учении о союзном государстве и опыте построения его юридической конструкции. Киев, 1912. С. 352.
- ¹⁹⁰⁹ Яценко А. С. Теория федерализма: Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912. С. 392.
- ¹⁹¹⁰ Кокошкин Ф. Ф. Автономия и федерация. Пг., 1917. С. 14.
- ¹⁹¹¹ Сорокин П. А. Вечный мир и всемирное единение народов. Пг., 1917. С. 14.
- ¹⁹¹² См.: Макаров В. Б. История государственного управления и местного самоуправления в России (IX в. — 1917 г.). Нижний Новгород, 2000. С. 190.
- ¹⁹¹³ См.: Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1908; и др.
- ¹⁹¹⁴ Предварительный проект статей основных законов по вопросу об автономии (федерации) // Красный архив. М.; Л., 1928. Т. 3. С. 131—132. {597}
- ¹⁹¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 238.
- ¹⁹¹⁶ Там же. Т. 48. С. 235.
- ¹⁹¹⁷ Там же. Т. 24. С. 58, 149.
- ¹⁹¹⁸ Там же. Т. 33. С. 147, 72.
- ¹⁹¹⁹ Сталин И. В. Соч. М., 1946. Т. 3. С. 23—31.
- ¹⁹²⁰ Алексеев Н. Н. Советский федерализм [1927] // Россия XXI. 1994. № 1—2. С. 127. На это же указывает и современный британский исследователь: «Система, которую обычно называют “унитарной” (типа Британской империи), может во многих отношениях быть менее централизованной чем та, которую традиционно величают федеративной». Федеративные Соединенные Штаты Америки, к примеру в 1970 г. были культурно, политически и экономически «гораздо более централизованными», чем «унитарная» Британская империя, в частности, в 1920 г. (*Кинг П.* Классифицирование федераций // Политические исследования. 2000. № 5. С. 12.
- ¹⁹²¹ Лазерсон М. Я. Национальность и государственный строй. Пг., 1918. С. 20.
- ¹⁹²² Там же. С. 29.
- ¹⁹²³ Шаров Ю. Л. Российский федерализм: начаты структурные изменения // Федерализм. 2000. № 3. С. 72.

- ¹⁹²⁴ См.: *Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф.* Федерализм в истории России. В 3 кн. М., 1992—1993.
- ¹⁹²⁵ См.: *Никеров Г.* Была ли Россия тюрьмой народов? // Народ. Общероссийская газета репрессированных народов. 1993. № 3. С. 5.
- ¹⁹²⁶ *Смирнягин Л. В.* Российский федерализм: парадоксы, противоречия, предрассудки. М., 1998. С. 17.
- ¹⁹²⁷ См.: *Лазерсон М. Я.* Автономия и федерация. Пг., 1917; *Постовой Н. В.* Местное самоуправление: история, теория, практика. М., 1995; и др.
- ¹⁹²⁸ *Чистяков О. И.* Конституция РСФСР 1918 года. М., 1984. С. 90.
- ¹⁹²⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 1.
- ¹⁹³⁰ Там же. Т. 37. С. 108.
- ¹⁹³¹ Там же.
- ¹⁹³² Цит. по кн.: *Волкогонов Д. А.* Семь вождей. Кн. 1. С. 84. Ср.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 72.
- ¹⁹³³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 403.
- ¹⁹³⁴ Декларация прав народов России // В. И. Ленин, КПСС о Советском многонациональном государстве. М., 1981. С. 100.
- ¹⁹³⁵ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. С. 159—162.
- ¹⁹³⁶ Этот вопрос остается дискуссионным и в наши дни. См.: *Тишков В. А.* Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9; *Здравомыслов А. Г.* Релятивистская теория нации // Свободная мысль. 1999. № 1; *Козлов В. И.* Этнос. Нация. Национализм. Сущность и проблематика. М., 1999; *Руткевич М. Н.* Теория нации: философские проблемы // Вопросы философии. 1999. № 5; *Он же.* О двух концепциях нации // Свободная мысль — XXI. 1999. № 11; *Кустарев А.* Нация: кризис проекта и понятия // Pro et Contra. 2007. Т. 11. № 3 (37); *Баграмов Э. А.* Процессы глобализации в мире и гражданская и этническая идентичность в условиях общественных трансформаций в России // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2011. № 2; *Солопов Е. Ф.* Философский анализ современных дискурсов о расах, этносах и нациях // Там же. Позиция Института этнологии и антропологии РАН в этом вопросе сводится к правомерности использования понятия «нация» в двух смыслах — «нация как гражданское общество и нация как этническая общность. Никакой политико-правовой неувязки, а тем более — ненаучности здесь нет. В мире давно сосуществуют эти два понимания нации: одно берет корни в якобинском понимании нации как согражданства, другое берет начало в {598} австро-марксизме как культурная нация или этнонация» (Российская нация: Становление и этнокультурное многообразие / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2011. С. 17).
- ¹⁹³⁷ Что нужно знать о народах России. Справочник для государственных служащих. М., 1999. С. 69. С. 521.
- ¹⁹³⁸ См.: *Шамба Т. М.* Национальная политика и национально-государственное устройство Российской Федерации. М., 2000. С. 94, 97.
- ¹⁹³⁹ *Раковский Х. Г.* Союз Социалистических Советских Республик. Новый этап в советском союзном строительстве. Харьков, 1923. С. 12.
- ¹⁹⁴⁰ *Диманштейн С.* Борьба за ленинскую национальную политику и ее итоги // Итоги разрешения национального вопроса в СССР. М., 1936. С. XIII.
- ¹⁹⁴¹ *Гурвич Г. С.* Основы Советской Конституции. 7-е изд. М., 1929. С. 210—211; *Он же.* О Советском Союзе. М., 1933. С. 33.
- ¹⁹⁴² Восьмой съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1919. С. 71.
- ¹⁹⁴³ *Микоян А. И.* Выступление на заседании Конституционной подкомиссии 16 июня 1964 г. Цит. по: Российский федерализм: опыт становления и стратегия перспектив. М., 1998. С. 199.
- ¹⁹⁴⁴ По более точному определению, «Советский Союз был государством унитарным, с характерной децентрализацией ряда функций управления: естественно, в нем не было полной централизации» (*Гранберг А. Г.* Политика и ученый // Экономика и организация промышленного производства. 1993. № 4. С. 25).
- ¹⁹⁴⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 320.
- ¹⁹⁴⁶ Там же. Т. 41. С. 493.
- ¹⁹⁴⁷ Число субъектов Российской Федерации сократилось с 89 до 83 в результате объединения, по сути — включения автономных округов в состав краев и областей. Прекратили самостоятельное существование 6 из 10 автономных округов, а три области (Пермская, Камчатская, Читинская) сменили название на края: 7 декабря 2003 г. проведен референдум по объединению

- Пермской области и Коми-Пермяцкого АО в Пермский край. Объединение вступило в силу 1 декабря 2005 г.; 17 апреля 2005 г. проведен референдум по присоединению Таймырского и Эвенкийского АО к Красноярскому краю. Объединение вступило в силу 1 января 2007 г.; 23 октября 2005 г. проведен референдум по объединению Камчатской области и Корякского АО в Камчатский край. Объединение вступило в силу 1 июля 2007 г.; 16 апреля 2006 г. проведен референдум по присоединению Усть-Ордынского Бурятского АО к Иркутской области. Объединение вступило в силу 1 января 2008 г.; 11 марта 2007 года проведен референдум по объединению Читинской области и Агинского Бурятского АО в единый Забайкальский край. Объединение вступило в силу с 1 марта 2008 г. (Федеративное устройство России; Объединение регионов России. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>).
- ¹⁹⁴⁸ *Славный Б.* От империи к национальному государству // Рубежи. 1995. № 2. С. 96. Представители республик к дотациям зачастую относятся как к должному. Уже найден новый универсальный способ их объяснения. Утверждается, что дотационность — «не национальный признак, а следствие госплановского территориального “размещения производительных сил”» (*Иванов П. М.* Каким быть завтра федерализму в России? // Федерализм. 1999. № 3. С. 38).
- ¹⁹⁴⁹ *Лысенко В. Н.* Развитие федеративных отношений в современной России. М., 1995. С. 175.
- ¹⁹⁵⁰ *Басалай А. А.* Псевдосуверенизация и ее последствия. С. 33.
- ¹⁹⁵¹ *Саликов М. С.* Сравнительный федерализм США и России. Екатеринбург, 1998. С. 513, 596.
- ¹⁹⁵² См.: *Хурсевич С.* Пути оценки финансового состояния субъектов Федерации // Деловой экспресс. 1997. № 21. С. 5. {599}
- ¹⁹⁵³ Перестраивать не ломая // Российская Федерация сегодня. 2000. № 7. С. 12.
- ¹⁹⁵⁴ *Смирнягин Л. В.* Указ соч. С. 22.
- ¹⁹⁵⁵ Их деятельность на федеральном уровне узаконена Указом Президента РФ от 11 ноября 1991 г. (Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 47. Ст. 1596).
- ¹⁹⁵⁶ *Суровцев Ю. И.* Укрупнение российских регионов? (Зачем? И каким образом?) // Россия и современный мир. 1999. № 3. С. 76. Ср.: *Усс А. В.* Укреплять Федерацию — наша задача // Федерализм. 1999. № 2. С. 11.
- ¹⁹⁵⁷ *Лысенко В. Н.* Перспективы развития федерализма в России: симметричная или асимметричная федерация // Вторая международная конференция по федерализму. Москва, 16—17 декабря 1997 г. Труды конференции. М., 1999. С. 50. По данным экономистов, РСФСР в последние годы существования во имя «выравнивания уровней развития» и «интернационального долга» ежегодно передавала другим республикам СССР около 50 млрд долларов, еще 20—25 млрд долларов в год — странам СЭВ и странам третьего мира (*Шмелев Н. П.* Долги без авансов // Мир за неделю. 2000. 11—18 марта. С. 1); в 1990 г. каждый житель РСФСР производил товаров и услуг на 17,5 тыс. долларов, а потреблял их только на 11,8 тыс. и таким образом, перечислял почти 6 тыс. долларов в год за пределы России (*Петров В. П.* Россия: Русский выбор. Чебоксары, 2000. С. 58). Во время поездки по России в 1990 г. Б. Н. Ельцин говорил о необходимости изменить сложившуюся ситуацию. «Россия подкармливает всех, Россия все время жертвовала. Россия все время отдавала, — утверждал он в своем выступлении в Уфе 14 августа. — ...Мы не можем допустить, чтобы мы оплачивали другие государства, направляя помощь туда, да и другим республикам» (Кто развалил Советский Союз: история, Запад, Ельцин, Горбачев? // Независимая газета. 1997. 16 января. НГ-сценарии. № 1. С. 1).
- ¹⁹⁵⁸ *Басалай А.* Основы межнационального согласия и дружбы // Диалог. 2000. № 5. С. 14.
- ¹⁹⁵⁹ См.: *Волков В. К.* Этнономенклатура и распад государства. СССР и Югославия // Свободная мысль — XXI. 2000. № 9. С. 58—59.
- ¹⁹⁶⁰ Постановление I съезда народных депутатов СССР «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР». 9 июня 1989 г. // Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992. С. 345.
- ¹⁹⁶¹ *Горбачев М. С.* Выступление на I съезде народных депутатов РСФСР. 23 мая 1990 г. // Несостоявшийся юбилей. С. 376, 377.
- ¹⁹⁶² *Ельцин Б. Н.* У русского человека все-таки есть Родина // Советская Эстония. 1990. 20 февраля.
- ¹⁹⁶³ Из стенограммы встречи Б. Н. Ельцина с трудящимися г. Альметьевска ТАССР 6 августа 1990 г. // Независимая газета. 1992. 27 марта. С. 3.
- ¹⁹⁶⁴ Цит. по: *Якупова В. А.* 100 историй о суверенитете. Казань, 2000. С. 42.

- ¹⁹⁶⁵ Бушуев В. В. Я — Мы — Они. М., 1999. С. 598; Губогло М. Н. От редактора // Амелин В. В. Вызовы мобилизованной этничности: Конфликты в истории советской и постсоветской государственности. М., 1997. С. 12—13.
- ¹⁹⁶⁶ Бжезинский Зб. Интервью радио «Свободная Европа» от 15 сентября 1998 г. (цит. по: Краус Т. Ельцинизм на весах истории // Россия и современный мир. 2000. № 2. С. 67).
- ¹⁹⁶⁷ Золотарева М. В. Федерация в России: Проблемы и перспективы. М., 1999. С. 4. См. также: Пути решения национального вопроса в современной России (Позиции государства, партий и политических деятелей по вопросам национальной политики в Российской Федерации). М., 1999; Зорин В. Ю., Аманжолова Д. А., Кулешов С. В. Национальный вопрос в Государственных Думах России: опыт законоотворчества. М., 1999.
- ¹⁹⁶⁸ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. М., 1995. Ст. 1. {600}
- ¹⁹⁶⁹ См. постановление и определение Конституционного Суда от 7 и 27 июня 2000 г. (Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2000. № 5. С. 25, 76).
- ¹⁹⁷⁰ Алексеев В. В. Регионализм в России. Екатеринбург, 1999. С. 54.
- ¹⁹⁷¹ Ермаков В. Г. Федерация как форма государственного устройства России. М., 1999. С. 17.
- ¹⁹⁷² Строев Е. С. Горжусь моей Родиной. М., 1999. С. 502—503; Он же. Трудный поиск отечественной модели федеративных отношений // Федерализм. 1999. № 1. С. 6, 22.
- ¹⁹⁷³ См.: Явлинский Г. Последняя фаза агонии? // Общая газета. 1999. 10—16 июня. С. 4; Российский федерализм: конституционные предпосылки и политическая реальность. С. 36. Специфический оптимизм обнаруживают авторы, снабжающие прогнозы сомнительными ссылками: «Распад бывшей советской империи, вероятно, еще не закончился: история других империй... учит, что процесс распада, раз начавшись, не останавливается до тех пор, пока есть чему отделяться» (Волкогорова О. Д. Есть ли будущее у русской идеи? // Мир России. 2000. № 2. С. 34).
- ¹⁹⁷⁴ Путин В. В. Какую Россию мы строим. Выступление при представлении ежегодного Послания Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации 8 июля 2000 г. // Российская газета. 2000. 11 июля. С. 3.
- ¹⁹⁷⁵ См.: Смирнягин Л. В. Российский федерализм: парадоксы, противоречия, предрассудки. М., 1998; Митрохин С. С. Дефективный федерализм: симптомы, диагноз, рецепты выздоровления // Федерализм. 1999. № 2; Басалай А. А. Псевдосуверенизация и ее последствия // Диалог. 1996. № 2.
- ¹⁹⁷⁶ Усс А. В. России — имперскую федерацию // Независимая газета. 2000. 6 апреля. С. 8.
- ¹⁹⁷⁷ Зубов А. Б. Унитаризм или федерализм. К вопросу о будущей организации государственного пространства России // Политические исследования. 2000. № 5. С. 32.
- ¹⁹⁷⁸ Клемин А. Российский федерализм: взгляд из Татарстана // Российский бюллетень по правам человека. 1999. № 12. С. 33.
- ¹⁹⁷⁹ Валентей С. Проблемы развития федеративных отношений // Федерализм. 2000. № 1. С. 20, 21.
- ¹⁹⁸⁰ Къеза Д. Федеральное самоубийство // Москва. 1999. № 10. С. 131.
- ¹⁹⁸¹ Абдулатипов Р. Г. Федерация, которую обустроивает Россия // Вторая международная конференция по федерализму. Труды конференции. М., 1999. С. 12.
- ¹⁹⁸² См.: Борисов Я. Е. Канадский федерализм. М., 2000. С. 3; Жизнь национальностей. 2000. № 2. С. 30.
- ¹⁹⁸³ Фарукишин М. Х. Современный федерализм: российский и зарубежный опыт. Казань, 1998. С. 99.
- ¹⁹⁸⁴ Зюганов Г. А. Постигание России. М., 2000. С. 236.
- ¹⁹⁸⁵ Ильин И. А. Федерация в истории России // Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России: В 2 т. М., 1992. Т. 1. С. 194—199.
- ¹⁹⁸⁶ См.: Зубов А. Б. Обращение к русскому национальному правопорядку как нравственная необходимость и политическая цель. М., 1997; Он же. Является ли федерализм наилучшей формой обеспечения прав и свобод граждан России? // Российский бюллетень по правам человека. 1999. № 12; и др.
- ¹⁹⁸⁷ См.: Васильева О. Есть ли будущее у этнического федерализма в России? // Новое время. 1995. Январь. № 2—3. С. 16.
- ¹⁹⁸⁸ Трайнин И. Советская федерация и национальный вопрос // 15 лет советского строительства: К XV годовщине Октябрьской революции. М., 1932. С. 100.
- ¹⁹⁸⁹ См.: Вдовин А. И. Национальная политика 30-х годов: (Об исторических корнях кризиса межнациональных отношений в СССР) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. 1992. № 4. С. 36—37.

- ¹⁹⁹⁰ Федерализм и децентрализация. Екатеринбург, 1998. С. 103.
- ¹⁹⁹¹ Цит. по: *Роговин В. З.* Мировая революция и мировая война. М., 1998. С. 81. {601}
- ¹⁹⁹² См.: *Болтенкова Л. Ф.* Интернационализм в действии. М., 1988. С. 16.
- ¹⁹⁹³ *Дьяков В. А.* О давних и нынешних спорах вокруг «русской идеи» // *Славяноведение*. 1994. № 6. С. 45.
- ¹⁹⁹⁴ *Солженицын А. И.* «Русский вопрос» к концу XX века. М., 1995. С. 102.
- ¹⁹⁹⁵ См.: *Абдуллин Р. З.* Российская национальная идея: от утопии к реальности. СПб., 2010. С. 7.
- ¹⁹⁹⁶ См.: *Малинин В. А.* Отечественная философия истории в контексте русской идеи // *Вестник Моск. ун-та. Серия 7. Философия*. 1994. № 4. С. 3—8; и др.
- ¹⁹⁹⁷ См.: *Журавлев В. В.* Быть или не быть российской национальной идее? // *Становление институтов гражданского общества: Россия и международный опыт*. М., 1985. С. 75—76.
- ¹⁹⁹⁸ См.: *Куда идет Россия? 10 лет реформ* // *Отечественная история*. 1995. № 4. С. 198, 203 и др.
- ¹⁹⁹⁹ См.: *Батыгин А.* Национальная идея и идеал нации // *Российская газета*. 1994. 24 августа. С. 2; и др.
- ²⁰⁰⁰ *Симон Г.* «Русской мечты», увы, не существует: Немецкие размышления о русской душе // *Труд*. 1994. 3 сентября. С. 3.
- ²⁰⁰¹ См.: *Львов Н.* Национальная идея и идеал нации // *Российская газета*. 1994. 20 сентября. С. 2.
- ²⁰⁰² *Волков Ф.* Путь один — через равенство // *Российская газета*. 1994. 20 сентября. С. 2.
- ²⁰⁰³ См.: *Кудрявцев В.* Русские или россияне: Государство и нация в российской истории // *Жизнь национальностей*. 1993. № 3—4. С. 65.
- ²⁰⁰⁴ *Аксюциц В.* Бог и Отечество — формула русской идеи // *Москва*. 1993. № 1. С. 122—127; *Он же.* Идеократия в России. С. 174.
- ²⁰⁰⁵ *Глушкова Т.* «Элита» и «чернь» русского патриотизма // *Молодая гвардия*. 1995. № 7. С. 153.
- ²⁰⁰⁶ Цит. по: *Трегубова Е.* Владимир Шумейко провозгласил превосходство добра над злом // *Сегодня*. 1994. 5 октября. С. 2.
- ²⁰⁰⁷ *Осипов Г.* Духовность, народность, державность // *Рабочая трибуна*. 1994. 23 декабря. С. 2.
- ²⁰⁰⁸ См. там же.
- ²⁰⁰⁹ *Павлов Н.* Русские: Бремя выбора // *Наш современник*. 1995. № 1. С. 148.
- ²⁰¹⁰ См.: *Вестник Московского университета. Серия 8. История*. 1990. № 4.
- ²⁰¹¹ *Павлов Н.* Указ. соч. С. 156, 162, 163.
- ²⁰¹² См.: *Горчаков А. М.* Циркулярная депеша в Российско-Императорские миссии, 21 августа 1856 г. // *Сборник, изданный в память 25-летия управления МИД государственного канцлера светлейшего князя Александра Михайловича Горчакова*. 1856—1881. СПб., 1881. С. 5.
- ²⁰¹³ *Правда*. 1994. 27 апреля.
- ²⁰¹⁴ Такая перспектива, по мнению многих исследователей, открывалась перед СССР в послевоенные годы. Ею не воспользовались по причинам, о которых написал российский кинорежиссер В. В. Меньшов. «Великая Отечественная война стала невероятным подвигом советского народа. Кажется, что к этому подвигу нас вела вся тысячелетняя история России, к этому высочайшему моменту нашей жизни — Победе... Которой мы не захотели, не сумели воспользоваться. Уже через какие-то сорок лет мы получили развалившееся государство. Это итог Победы?... Сталин не воспитал себе смену. Он был гений, никаких сомнений в этом нет, и тех, кто выполнял его приказы, мы тоже считали талантливыми людьми, но когда они оказались предоставлены самим себе... В итоге советская система к середине 80-х уже была не готова отвечать на вызовы времени. Назрела смена парадигмы общественного {602} развития, но перестройку, к нашему несчастью, возглавили фигуры некрупные, они все свели к возвращению России в лоно так называемой европейской цивилизации. Свой собственный путь искать не стали...» (Владимир Меньшов: «Нужно понять, чего хочет народ» // *Литературная газета*. 2011. 28 декабря).
- ²⁰¹⁵ *Бурлацкий Ф.* Поздний Ельцин: Куда вести Россию? // *Независимая газета*. 1995. 17 февраля. С. 3.
- ²⁰¹⁶ Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию Российской Федерации. 16 мая 2003 г. URL: <http://www.regnum.ru/allnews/116621.html>.
- ²⁰¹⁷ «Диктатура закона — единственная разновидность диктатуры, которой мы обязаны подчиниться» — положение, сформулированное В. В. Путиным 31 января 2000 года на расширенной коллегии Минюста (URL: <http://nabat.myl.ru/forum/43-522-1>).
- ²⁰¹⁸ Владимир Путин. Послание Федеральному собранию Российской Федерации. 26 апреля 2007 г. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=111515>.

- ²⁰¹⁹ URL: <http://top.rbc.ru/economics/11/08/2009/321215.shtml>.
- ²⁰²⁰ См.: *Зорькин В.* Патриотизм истинный и ложный // Диалог. 1994. № 9—10. С. 43, 44, 46, 47.
- ²⁰²¹ См.: *Баграмов Э. А.* Какая идеология нужна России? (О выработке концепции национальной политики Российской Федерации) // Обновление России: Трудный поиск решений. М., 1994. Вып. 2. С. 143, 146.
- ²⁰²² *Струве П. Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. Сб. статей о русской революции. М., 1990. С. 247.
- ²⁰²³ *Баграмов Э. А.* Указ соч. С. 143, 147. См. также: *Семенкин Н. С.* Перспективы евразийской идеологии // Этнополитический вестник. 1994. № 1; *Кошарный В. П.* Евразийство как объект междисциплинарного синтеза // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 1994. № 4; *Исаев И. А.* Евразийство: Идеология государственности // Общественные науки и современность. 1994. № 5.
- ²⁰²⁴ *Ильин И. А.* Самобытность или оригинальничанье? // Политика. 1993. № 5. С. 14.
- ²⁰²⁵ *Никонов В.* Национальная идея не чужда демократии // Российская газета. 1994. 27 сентября. С. 2.
- ²⁰²⁶ *Ильин И. А.* Самобытность или оригинальничанье? // Политика. 1993. № 5. С. 14.
- ²⁰²⁷ См.: *Лихачев Д. С.* Культура как целостная динамическая среда // Вестник Российской Академии наук. 1994. Т. 64. № 8. С. 724.
- ²⁰²⁸ *Блок А.* Стихотворения и поэмы. М., 1969. С. 232.
- ²⁰²⁹ См.: *Лихачев Д. С.* Указ. соч. С. 725; *Кузьмин А.* Какой пантюркизм мы выбираем? // Литературная Россия. 1994. 1 июля. С. 7.
- ²⁰³⁰ «Круглый стол» ученых и политиков «Перспективы евразийской интеграции: (экономические, политические, духовные предпосылки реинтеграции постсоветского пространства)». Материалы. 14 июня 1994. М., 1994. С. 41, 44, 67, 72, 81.
- ²⁰³¹ *Ахутин А.* Анкета // Русская идея и евреи. Роковой спор. Христианство. Антисемитизм. Национализм: Сб. статей. М., 1994. С. 223; см. также: *Янов А.* Русская идея и 2000 год. Нью-Йорк, 1988; *Он же.* Учение Льва Гумилева // Свободная мысль. 1992. № 17; *Володин А.* Проблема «западничества»: Как она видится нам сегодня? // Свободная мысль. 1994. № 7—8.
- ²⁰³² *Никонов В.* Национальная идея не чужда демократии. См. также: *Никонов В.* Я слишком люблю свою страну, чтобы быть националистом // Московские новости. 1994. 20—27 февраля. С. 8.
- ²⁰³³ *Третьяков В.* 1996-й. Конец России? // Независимая газета. 1994. 23 ноября. С. 1.
- ²⁰³⁴ *Лукин В.* Нельзя повторять свои же ошибки: Ноябрьские тезисы // Независимая газета. 1994. 15 ноября. С. 5.
- ²⁰³⁵ См.: Манифест возрождения России (вторая редакция) // Конгресс русских общин. Манифест. Дубна, 1994. С. 11, 12, 14, 25. {603}
- ²⁰³⁶ Там же. С. 30, 32, 33.
- ²⁰³⁷ Там же. С. 27, 42.
- ²⁰³⁸ Там же. С. 52, 63, 65.
- ²⁰³⁹ См.: Россия сегодня: Реальный шанс // Обозреватель. 1994. № 21—24. Спец. выпуск. С. 23, 88.
- ²⁰⁴⁰ Там же. С. 85, 205.
- ²⁰⁴¹ Цит. по: *Ореханова Г.* У подножия Святой Руси // Завтра. 1996. Февраль (№ 6). С. 8.
- ²⁰⁴² Там же.
- ²⁰⁴³ II Всемирный Русский Собор, 1—3 февраля 1995 года. М., 1995. С. 6. См. также: I Всемирный Русский Собор, 26—28 мая 1993 года. М., 1993; III Всемирный Русский Народный Собор, 4—6 ноября 1995 года. М., 1996.
- ²⁰⁴⁴ *Струве П. Б.* Указ. соч. С. 249—250.
- ²⁰⁴⁵ *Печенев В.* Смена правительства и кризис либеральных ценностей // Вечерняя Москва. 1998. 28 апреля. С. 3.
- ²⁰⁴⁶ *Бондаренко В. Г.* Красный лик патриотизма. М., 2002. См. его же. Пламенные реакционеры. Три лика русского патриотизма. М., 2003.
- ²⁰⁴⁷ *Он же.* Белый лик патриотизма. М., 2003.
- ²⁰⁴⁸ *Он же.* Русский лик патриотизма. М., 2003.
- ²⁰⁴⁹ Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русский патриотизм / Гл. ред., сост. О. А. Платонов, сост. А. Д. Степанов. М., 2003.
- ²⁰⁵⁰ См.: *Струве П. Б.* Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 206.
- ²⁰⁵¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 267.

- ²⁰⁵² Струве П. Б. Указ. соч. С. 169, 170.
- ²⁰⁵³ Зюганов Г. Самое трудное: Национальный вопрос в современной России. Проблемы и подходы // Советская Россия. 1998. 12 февраля. С. 1.
- ²⁰⁵⁴ См.: Бухарин Н. Героический советский народ // Известия. 1935. 6 июля. С. 3; Он же. Наш вождь, наш учитель, наш отец // Известия. 1936. 21 января. С. 2; Андреев А. Торжество ленинских идей дружбы народов // Коммунист. 1960. № 6. С. 39; Мухитдинов Н. А. Река времени. От Сталина до Горбачева: Воспоминания. М., 1995. С. 12; и др.
- ²⁰⁵⁵ См.: Подберезкин А. Русский путь: Сделай шаг! М., 1998. С. 83.
- ²⁰⁵⁶ О необходимости избавления от необоснованной асимметрии российского федерализма, являющей собой не что иное как эвфемизм былой иерархичности советского федерализма — «дань истории, политике, психологии», см.: Строев Е. С., Валентей С. Д., Барабанов И. П. и др. Развитие федеративных отношений в России: Проблемы и перспективы // Независимая газета. 1998. 20 января. С. 8; Валентей С. Д. Российский федерализм: Иллюзии и реальность // Независимая газета. 1998. 26 марта. С. 8; Лысенко В. Что строим мы в России: Симметричную или асимметричную федерацию? // Федерализм. 1998. № 1. С. 110. Когда говорится, что «жизнеспособная федерация всегда должна быть достаточно асимметричной, многовариантной», имеется в виду, что «у такой асимметрии в построении федерации должны быть свои объективные пределы» (Зорин В. Ю. Чечня: Кремнистый путь к миру. С. 274, 275).
- ²⁰⁵⁷ К этому же ряду следует отнести и постмодернизм, объявляющий нацию фикцией, а приверженность к национальной культуре — национализмом (см.: Жириновский В. В. Прошлое, настоящее и будущее русской нации: (Русский вопрос: социально-философский анализ). М., 1998. С. 23; Басалай А. А. Развитие наций и их взаимоотношений в СССР. М., 1988. С. 65). Многие исследователи полагают, что постмодернизм — «не культурная эпоха, или парадигма, сменившая модернизм, а определенный стиль, форма, манера творчества, способ организации материала, часто неожиданный и шокирующий» (Клишина С. Русская идея в постмодернистском пространстве // Россия XXI. 1998. № 1—2. С. 146). {604}
- ²⁰⁵⁸ Семенов Ю. И. Секреты Клио: Сжатое введение в философию истории. М., 1996. С. 70.
- ²⁰⁵⁹ Собчак А. Имперская ностальгия // Независимая газета. 1998. 13 февраля. С. 7.
- ²⁰⁶⁰ См.: Барсенков А. С. Распад СССР и «русский вопрос» // Трансформация цивилизационно-культурного пространства бывшего СССР (тенденции, прогнозы). М., 1994. С. 157.
- ²⁰⁶¹ Хмара Н. И. О национальном вопросе // Социалистическая идея: уроки XX века. М., 1997. С. 62.
- ²⁰⁶² См.: Ильин И. Идея нации // Голос Родины. 1991. № 5. С. 12.
- ²⁰⁶³ Цит. по: Троицкий Е. С. Вступительная статья // Строганов В. Русский национализм, его сущность и задачи. М., 1997. С. 10, 11.
- ²⁰⁶⁴ Быстролетов Д. А. Путешествие на край ночи. М., 1996. С. 575.
- ²⁰⁶⁵ Павлов Е. Хранить русскую сущность! Размышления младорусского. М., 2012. С. 115.
- ²⁰⁶⁶ Цит. по: Зюганов Г. А. География победы: Основы российской геополитики. М., 1997. С. 162.
- ²⁰⁶⁷ Цит. по: Козлов С. Збигнев Бжезинский в Алма-Ате: Предсказатель конца коммунизма остался доволен визитом // Независимая газета. 1993. 11 декабря. С. 3.
- ²⁰⁶⁸ Зиновьев А. А. Идеология партии будущего. М., 2003. С. 196—201.
- ²⁰⁶⁹ Фроянов И. Я. Глобализация и судьбы России. По страницам газеты «Советская Россия». 23.06.2011. URL: <http://kprf.ru/rusk/94133.html>.
- ²⁰⁷⁰ Къеза Дж. «Этим миром правят девять человек». 23.02.2011. URL: <http://www.rosbalt.ru/ukraine/2011/02/21/821655.html>; Афера 21; По данным агентства Блумберг, документам Конгресса США. 06.12.2011. URL: <http://newworld.blox.ua/2011/12/Afera-21.html>.
- ²⁰⁷¹ Фурсов А. Выступление на втором заседании Изборского клуба 27 сентября 2012 г. // Завтра. 2012. № 40. С. 2.
- ²⁰⁷² Цит. по: Грачева Т. В. Указ. соч. С. 49.
- ²⁰⁷³ См.: «Десять заповедей антихриста», или Скрижали Джорджии. 03.01.2010. URL: <http://www.f7x.ru/forum/5/888>.
- ²⁰⁷⁴ Цит. по: Никитин В. С. Русофобия стала официальной политикой нынешней власти. Выступление на «круглом столе» по русскому вопросу 03.10.2011. URL: <http://kprf.ru/rusk/97396.html>.
- ²⁰⁷⁵ Ципко А. С. Ценности и борьба сознательного патриотизма. М., 2009. С. 36—37.
- ²⁰⁷⁶ Чумаков А. Н. Глобализация и космополитизм в контексте современности. XXII Всемирный Философский Конгресс. Симпозиум «Глобализация и космополитизм» (Сеул, 2008). URL: <http://www.globalistika.ru/congress2008/Doklady/22810.htm>.

- ²⁰⁷⁷ См.: *Чуксин Н. Я.* Товарищ Сталин и космополитизм. 17 марта 2010. URL: http://samlib.ru/c/chuksin_n_j/stalin_14.shtml.
- ²⁰⁷⁸ *Бжезинский Зб.* Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. М., 2010. С. 127. Его статья под названием «Россия будет раздробленной и под опекой» публиковалась сразу в нескольких странах Запада в 1994 г. (см.: *Злейший враг СССР и России*. URL: <http://pomnimvse.com/11ar.html>). Называя важнейшую опасность для Америки, Бжезинский уточняет, что «после падения коммунизма главным врагом Америки является Русское православие». Причина в следующем: «С точки зрения “общечеловеков”, строящих “новый мировой порядок”, православие должно быть устранено потому, что оно слишком агрессивно, слишком укоренено в прошлом и слишком сопротивляется нормам “политической корректности”». (*Курраев А., дьякон.* Трудно быть русским. 2001. URL: <http://www.ansobor.ru/articles.php?id=135>). Говоря без обиняков, как написано в одном из комментариев к ответам американского историка С. Козна на вопросы корреспондента «Голоса Америки», Бжезинский сказал: «У нашего “Нового мирового порядка” есть два врага: Россия и русское православие» (URL: <http://inosmi.ru/world/20121217/203436692.html>). {605}
- ²⁰⁷⁹ Выдержка из выступления Президента США Б. Клинтона в Вашингтоне на секретном совещании начальников штабов 24 октября 1995 г. URL: http://ccsr.narod.ru/work/nkvd/klinton_241095.html.
- ²⁰⁸⁰ Евгений Федоров: Бизнес России на крючке США. 01.06.2012. URL: <http://www.bigness.ru/articles/2012-06-01/fedorov/134875/>.
- ²⁰⁸¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 269.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- ²⁰⁸² *Пушкин А. С.* Я памятник себе воздвиг нерукотворный. 1833 // *Пушкин А. С.* Собр. соч.: в 10 т. М., 1959. Т. 2. С. 460.
- ²⁰⁸³ Жизнь национальностей. 1998. № 1—2.
- ²⁰⁸⁴ Александр Проханов: Категория русского стала преступной. 10.01.2012. URL: <http://lenta.mk.ua/article/1139949.html>.
- ²⁰⁸⁵ См., напр.: URL: <http://vk.com/yarussskiy> (дата обращения: 11.03.2012).
- ²⁰⁸⁶ Сегодня. 1996. 26 апреля.
- ²⁰⁸⁷ Независимая газета. 2000. 14 июня.
- ²⁰⁸⁸ См.: *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 10-е изд., стереотипное. М., 1973. С. 631.
- ²⁰⁸⁹ *Хабриева Т. А., Зорин В. Ю.* Обновление Концепции государственной национальной политики // *Юридический журнал*. 2003. № 2; *Хабриева Т. Я.* Национально-культурная автономия в Российской Федерации. М., 2003.
- ²⁰⁹⁰ *Попов Г. Х.* Обойдемся без «священной коровы» // *Московский комсомолец*. 2011. 10 июня. С. 6. Из недавних по времени обращений к проблемам российской государственности см. также: *Святенков П.* Россия — официально нерусская страна URL: <http://www.apn.ru/publications/article24567.htm>; *Семанов С.* Народовластие для русских и Государства Российского. 28.01.2011. URL: <http://www.apn.ru/publications/article23587.htm>; *Соловей Т. Д., Соловей В. Д.* Несостоявшаяся революция. Исторические смыслы русского национализма. М., 2011.
- ²⁰⁹¹ *Ковалевский П. И.* Русский национализм и национальное воспитание России. СПб., 1912. С. 7—8.
- ²⁰⁹² *Путин В. В.* Россия: национальный вопрос. 23.01.2012. URL: <http://www.putin2012.ru/events/95>.
- ²⁰⁹³ *Ципко А. С.* Интервью «Актуальным комментариям» 23.01.2012. URL: <http://actualcomment.ru/theme/2178.html>. В частности, утверждение в науке представлений о государствообразующем народе позволяет уточнить последовательные стадии в историческом развитии этноса и представить это развитие следующим образом: род — племя — народ (народность) — нация (государствообразующий народ). «Нация — это народ, данную страну создавший, народ, на котором она держится» (*Севастьянов А. Н.* Российская (русская) нация: социологический портрет. 27.02.2012. URL: <http://www.apn.ru/publications/print26057.htm>).
- ²⁰⁹⁴ *Курраев А. В.* Интервью «Русской линии» 24.01.2012 г. URL: <http://rusk.ru/newsdata.php?idar=52731>.
- ²⁰⁹⁵ *Рогозин Д. О.* Русский ответ Владимиру Путину // *Известия*. 2012. 1 февраля. URL: <http://www.izvestia.ru/news/513702>. Критику ряда положений статьи см.: *Святенков П.* Статья Пу-

тина: голос в пользу ленинской национальной политики, которая привела СССР к краху. 23.01.2012. URL: <http://www.rus-obr.ru/blog/16446>; Статью Путина по национальному вопросу раскритиковали редакторы. 23.01.2012. URL: <http://irsolo.ru/statyu-putina-po-nacionalnomu-voprosu-raskritikovali-redaktory/>; *Холмогоров Е.* Русский ответ на национальный вопрос. 23.01.2012. URL: <http://www.rus-obr.ru/lj/16444>; *Севастьянов А. Н.* Разминутись. Национальный вопрос. 25.01.2012. URL: <http://www.apn.ru/publications/article25796.htm>; *Святенков П. В.* Путин предлагает России то, что разрушает Европу. URL: <http://www.apn.ru/publications/print25774.htm>; Ответ русских националистов Дмитрию Рогозину на его предложение поддержать В. Путина. 11.03.2012. URL: <http://www.rus-obr.ru/ru-web/16587>; *Храмов А.* Какой должна быть конституция русского национального государства. 03.02.2012. URL: <http://www.apn.ru/publications/print25894.htm>.

²⁰⁹⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 341—342. {607}

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абакумов В.С. 203, 248, 252, 254, 257, 259, 260, 292
Абдрахманов Ю.А. 48
Абдулатипов Р.Г. 443, 485
Абрамов Ф.А. 203, 319, 320, 369, 374
Авалиани Т.Г. 392
Авдеев И.В. 357, 359
Аверичкин Б.А. 346, 347
Аврех А.Я. 9
Авторханов А.Г. 202
Агаев А.Г. 420
Агурский М.С. 242, 457
Аденауэр К. 340
Аджемян Х.Г. 213
Аджиев М. 437
Аджубей А.И. 370
Адоратский В.В. 107
Адуев Н.А. 75
Ажаев В.Н. 289
Айбек (Ташмухамедов М.) 188
Айтматов Ч. 369
Аксаков С.Т. 371
Аксенов В.П. 346
Аксючиц В.В. 490
Акулов И.И. 371
Алафузов В.А. 250
Албогачиев С. 207
Александр III 90
Александр Невский 60, 148, 151, 153-155, 192, 193, 198, 208
Александров А.В. 198, 212, 226
Александров Г.Ф. 263, 271, 272, 277
Александровский В.Д. 58
Александр Пересвет 59
Алексеева Л.М. 353
Алексеев М.Н. 323, 369, 371, 375, 503
Алексей Петрович 70
Алексий II (А.М. Ридигер), патриарх 395, 501
Алексий I (С.В. Симанский), патриарх 193, 209, 210
Алексий, митрополит 209
Аллилуева А.С. 255
Аллилуева (Землянищина) Е.А. 255
Аллилуева К.П. 255
Аллилуева (Политковская) К.П. 255
Аллилуева (Реденс) А.С. 255
Аллилуева С.И. 255
Алтаузен Дж. М. 63
Альтман И.Л. 4
АминДада И. 349
Амлинский В.И. 369
Ананьев А.А. 371
Андерс В. 205

Андреев А.А. 110, 170, 179, 224, 252, 258, 325
Андреев А.И. 68
Андреев В.И. 355
Андропов Ю.В. 234, 335, 336, 338, 349, 354, 361, 373, 374, 380, 399, 402
Аннинский Л.А. 359
Антонов А.И. 226
Антонов М.Ф. 358
Антоновская А.А. 152, 187
Антропов Л.И. 367
Анциферов Н.П. 68
Арутинов Г.А. 316
Астафьев В.П. 374, 503
Астахов Г.А. 173
Астахов Ф.А. 226
Асфендиаров С.Д. 46
Ауэзов М. 188
Афанасьев Ю.Н. 402
Ахматова А.А. 251, 269, 289, 322
Бабель И.Э. 322
Бабурин С.Н. 385, 404, 437
{608}
Багдасарян З. 341
Баграмов Э.А. 495, 496
Баграмян И.Х. 225
Багратион П.А. 153
Багратион П.И. 59, 155
Бадан-Яворенко А.И. 80, 82
Баженов В.И. 148, 187
Базилевич К.В. 141
Байгушев А.И. 367, 368
Байдуков Г.Ф. 65
Бакатин В.В. 490
Балабанов А.О. 503
Балала В.А. 385, 404
Балашов Д.М. 371, 503
Бандера С.А. 314
Барамия М.И. 258
Барановский П.Д. 86, 367
Барбюс А. 137
Барсова В.В. 226
Баргольд В.В. 67
Басаев Ш.С. 389, 390
Баткин Л.М. 436
Батый (Бату) 192
Бахрушин С.В. 67, 68, 128, 141, 186
Бебель А. 107
Беверидж У. 281
Бевин Э. 278
Бегун В.Я. 365
Безыменский А.И. 74
Безыменский Л.А. 233
Белинский В.Г. 55, 187, 265

Белов В.И. 369, 371, 374, 375, 503
Белов Ю.П. 359, 430
Бенеш Э. 88
Бенкендорф А.Х. 149, 437
Бергельсон Д.Р. 257
Бердяев Н.А. 6, 347, 348, 361
Березовский Б.А. 383
Берия Л.П. 99, 158, 161, 170, 183, 204, 208, 214, 222, 224, 232, 249,
251-254, 257-262, 273, 296, 299-302, 435.447
Берлин И. 251
Бернанос Ж. 281
Бернштам М.С. 353
Бернштейн Н.А. 290
Бескин О.М. 74
Бехтерева Е.С. 366
Бжезинский 36. 448, 483, 507
Бирон Э.И. 149
Бирюков Н.И. 63
Благой Д.Д. 142, 143
Блейман М.Ю. 287
Блок А.А. 90, 497
Блюм В.И. 154
Блюм В.И. 154
Бобков Ф.Д. 234, 335-337, 340
Бовин А.Е. 399
Богданов А.А. 93, 95
Богданов С.И. 248
Богдан Хмельницкий 103, 141, 154, 155, 198, 322
Богословский М.М. 67
Богословский Н.В. 270
Большаков В.В. 365
Бондарев Ю.В. 323, 503
Бондаренко В.Г. 503
Бондарчук С.Ф. 503
Боннер Е.Г. 353, 402
Бореев Ю.Б. 237
Борман М. 210
Бородай Ю.М. 425, 426
Бородин А.П. 130
Бородин Л.И. 345, 347, 359, 361-363, 503
Бородин С.П. 152, 187
Борщаговский А.М. 276, 284, 285, 287
Бош Е.Б. 133
Бояджиев Г.Н. 284, 287
Боярский А.Я. 324
Бразаускас А. 194
Брегман С.Л. 257
Брежнев Л.И. 302, 319, 328, 334, 338, 339, 372, 373, 378, 402, 407, 416, 447
Бродский И.А. 353, 357
Бродский И.И. 136
Брусилов А.А. 213, 267
Бубеннов М.С. 268, 289, 291, 323, 350

Бубнов А.С. 69, 103, 141
Бударов С.А. 361, 362
Буденный С.М. 224, 225
Булатов О. 359
Булганин Н.А. 224, 249, 253, 257, 258, 260-262
Булдаков В.П. 448
Бурбулис Г.Э. 385, 468
Бурдюг В.В. 361, 362
Бурлацкий Ф.М. 493
Бурляев Н.П. 503
Буташевич-Петрашевский М.В. 5
Бухарин Н.И. 17, 19, 23, 24, 28, 33, 51, 61, 62, 84, 89, 92, 101, 103, 108—114, 121, 125, 126, 129, 131-134, 136, 143, 149, 157, 158, 180, 237, 243, 277, 325, 377, 407, 471
БушДж. 401
Бушин В.С. 323, 503
Быков Д. 247
Вавилов С.И. 279
Ваганян В.А. 43, 55, 56, 70, 71, 133
Вагин Е.А. 346, 347, 362
Ванаг Н.Н. 129
Варбург Д.П. 281
Варга Е.С. 272
Варшавский Я.Л. 174, 284, 287
Василевская В.Л. 65, 431
Василевский А.М. 225, 249
Василенко В.Х. 259
Васильева Л.Н. 321
Васильев Д.Д. 365, 366
Васильев К.А. 359
Васильев С.А. 286
Васильковский Г. 104
Васнецов В.М. 151
Вахабов М.Г. 238
Вацетис И.И. 17
Вашингтон Дж. 277
Вдовиченко В.Г. 285
Вейцман Х. 201
Велихов Е.П. 374
{ 609)
Веневитинов Д.В. 76
Вересаев В.В. 188
Верещагин В.В. 143, 151
Вернадский В.И. 86, 145
Верта А. 194
Веселовский А.Н. 274, 282
Викулов С.В. 369, 375, 503
Вильсон В. 228, 278
Винер Н. 273
Виноградов В.А. 357, 368
Виноградов В.В. 86, 296, 297
Виноградов В.Н. 259
Вирта Н.Е. 289

Виталий (Р. Устинов), митрополит 503
Витовт Великий 194
Вишневский В.В. 88, 147, 188
Владимир, князь 75, 129, 130
Владимов Г.Н. 346
Власик Н.С. 258—260
Вовси М.С. 259
Военский К.А. 59
Вознесенский А.А. 346
Вознесенский Н.А. 224, 251-253
Войнович В.Н. 346
Волин Б.М. 137
Волков О.В. 361, 367, 368
Волков Ф.М. 490
Волкотрубенко И.И. 250
Волобуев М. 43
Володарский В. 199
Волошин М.А. 359
Вольский А.И. 373, 382
Воробьев М.П. 226
Боровский В.В. 199
Ворожейкин Г.А. 226
Воронель А. 241
Воронов Н.Н. 224, 226
Воротников В.И. 457
Ворошилов К.Е. 170, 224, 225, 250, 258, 261, 262, 266, 472
Врангель П.Н. 149
Вулси Дж. 401
Высоцкий С. 371
Гайдар Е.Т. 395
Галансков Ю.Т. 346
Галковский Д.Е. 503
Галлер Л.М. 250
Галли Дж. 45
Гальцева Р.А. 361
Гаман О.В. 456
Гамарник Я.Б. 79
Гамсахурдиа К.С. 152
Ганин А.А. 88
Ганичев В.Н. 364, 372, 383, 503
Гарриман У.И. 191
Гаусс К.Ф. 266
Гашек Я. 485
Геббельс Й. 184, 202, 251
Гельвеций К.А. 276
Гельфанд М.С. 290
Генри (Гарри), принц Уэльский 383
Георгадзе М.П. 335
Герасимов А.М. 136
Герасимов С.В. 212
Гербер А.Е. 445
Гершензон М.И. 277

Гидони А.Г. 347
Гинденбург П. фон 83
Гинзбург А.И. 346, 352, 353
Гинзбург В.Л. 273
Гитлер А. 83, 84, 102, 171, 172, 177, 182—184, 191, 194, 199, 202, 210, 219, 233, 240
Гладилин А.Т. 346
Гладков А.К. 188 Глазунов И.С. 359, 366—368, 503
Глинка М.И. 89, 143, 187
Глушкова Т.М. 350, 490, 503
Говард Р. 119
Говоров Л.А. 224, 225
Гоглидзе С.А. 259
Гоголь Н.В. 89, 143, 187, 502
Годенко М.М. 323
Гозман Л.Я. 438
Голанов И.Г. 86
Голиков В.А. 302
Голованов А.Е. 226
Головенченко Ф.М. 285
Головко А.Г. 225
Голощекин Ф.И. 77
Голубов С.Н. 188
Гольбах П.А. 276
Гольдштейн И.И. 255
Голь Ш. де 294
Гомер 72
Гончаров И.А. 371
Горбаневская Н.Е. 348
Горбатов А.В. 248
Горбатов Б.Л. 271
Горбачев М.С. 171, 295, 353-356, 379, 384-386, 399, 400, 402, 420, 430-432, 435, 436, 483, 493 Гордов В.Н. 249, 250
Гордон Л.А. 22
Городецкий Е.Н. 148
Городецкий С.М. 320
Горчаков А.М. 213, 492
Горький М. ю, 53, 89, 92, 243, 442
Готье Ю.В. 67, 68, 128
Гоффенштефер В.Ц. 290
Градовский А.Д. 413
Гранин Д.А. 212
Греков Б.Д. 68, 128, 129, 141, 186, 213
Грибачев Н.М. 289, 350
Григоренко П.Г. 353
Гринберг З.Г. 255
Громан В.Г. 134
Гронский П.П. 472
Гроссман В.С. 442
Грушевский М.С. 81, 86, 339, 413
Губенко Н.Н. 503
Губе (Саиднуров) О. 207
Гудков Л.Д. 388

Гулыга А.В. 464
Гумилев Л.Н. 359, 425, 503
Гумилев Н.С. 251
Гумилевский Л.И. 265
Гунькин Г.И. 367
Гурвич А.С. 284
Гурвич Г.С. 137, 429
Гуревич А.Я. 290
Гучков А.И. 154
{610}
Давыдова В.А. 226
Давыдов Д.В. 198
Даладье Э. 171
Даллес А. 228, 229, 232-235, 400, 507
Данилевский Н.Я. 367
Данилов В.П. 169
Данин Д.С. 267—287
Даниэль Ю.М. 346
Даргомыжский А.С. 143
Дейнека А.А. 212
Деканозов В.Г. 183
Демирчян К.С. 341
Демичев П.Н. 334
Демьян Бедный 71—74, 76, 107, 129-131
Деникин А.И. 17
Державин Г.Р. 20, 371
Державин Н.С. 86
Десятников В.А. 367, 371
Детердинг Г. 82
Джилас М. 66, 347
Джойс Дж. 251, 289
Джонсон Л. 235
Дзерве П.П. 313
Дзержинский Ф.Э. 27, 35
Дзюба И.М. 328, 334, 339
Диманштейн С.М. 84, 98, 134, 138, 243
Димитров Г.М. 85, 179, 191, 200, 473
Диоген Синопский 21
Дмитрий Донской 152, 153, 192, 193
Дмитрюк А.Н. 370
Добролюбов Н.А. 265
Довженко А.П. 196, 213, 214
Дойчер И. 261
Дольд-Михайлик Ю.П. 229
Донцов Д. 81
Дороница Т.В. 503
Достоевский Ф.М. 5, 60, 89, 90, 114, 143, 251, 358, 371, 412, 49°, 518
Драгомиров М.И. 213, 267
Дрезен Э.К. 94, 95
Дружинин Н.М. 141
Дружинин П.Д. 112
Дудаев Д.М. 389, 390, 445

Дудко Д.С. 357-359, 361-363, 503
Думбадзе Л.Е. 28
Дурново А.Н. 86, 87
Дурново Н.Н. 86, 87
Дьяков В.А. 488
Дьяконов Э.Н. 366
Дэви Г. 266
Евдокимов Г.Е. 156
Евсеев Е.С. 365
Егиазарян А.М. 328
Егоров Д.Н. 67
Егоров Д.Ф. 144
Ежов Н.И. 158, 161, 170, 259
Екатерина II 267
Ельцин Б.Н. 21, 295, 305, 345, 385, 399, 402, 431, 432, 436, 470, 483, 493
Емельянов В.Н. 363— 365
Енукидзе А.С. 30, 110, 122, 123
Еременко А.И. 225
Ермилов В.В. 267
Ермолов А.П. 213
Ерофеев В.В. 359
Есенин-Вольпин А.С. 346
Есенин С.А. 74, 112—114, 322, 346
Есилев Н.В. 372
Ефимов А.В. 213
Ефремов И.А. 369
Ефремове. 81
Каворонков С.Ф. 226
Жарников А.Е. 424
Жданов А.А. 64, 70, 106, 127, 128, 141, 165, 179, 204, 224, 251-253, 257, 258, 263, 266, 269, 275, 281, 322
Железняков А.Г. 199
Жемчужина (Молотова) П.С. 256, 257, 300
Жилин А.А. 475
Жириновский В.В. 460 Жуков Г.К. 183, 225, 248, 249, 254
Жуков Д.А. 359, 368
Жуковский Н.Е. 187, 265
Жуков Ю.Н. 120
Журин О.И. 368
Забелин И.Е. 72
Зазаров А.Д. 148
Закруткин В.А. 323
Залыгин С.П. 374
Заменгоф Л. 93
Заславский Д.И. 146, 296
Затикян З.М. 341
Затикян С. 341
Захаров В.Г. 289
Захарченко В.Д. 368, 372
Зелинский Н.Д. 86
Зельдович Я.Б. 273
Зимянин М.В. 301, 302

Зиновьев А.А. 384, 439, 440, 503, 507
Зиновьев Г.Е. 15, 27, 36, 40, 43, 44, 53, 68, 84, 109, 123, 132, 133, 146, 156, 180, 252
Зорин Л.Г. 274, 320
Зорькин В.Д. 495
Зоценко М.М. 251, 269, 322
Зубков А.И. 397
Зубов А.Б. 485
Зюганов Г.А. 431
Иафет, Яфет 295
Иван IV 153, 188, 270
Иванов А.А. 380
Иванов А.П. 226
Иванов А.С. 231, 369, 371, 503
Иванов В.Д. 367
Иванов (Скуратов) А.М. 357-359, 361, 363, 364, 368, 374
Иванов Ю.С. 365
Игнатов А.А. 380, 381
Игнатов Н.Г. 308
Игнатъев С.Д. 257—259, 262
Идегей 214
Иегер О. 128
Иларион, митрополит 488
Илия, митрополит 211, 212
{611}
Иловайский Д.И. 103
Ильин И.А. 348, 446, 486, 496
Ильинский Г.А. 86, 87
Ильинский И.М. 234
Ильичев Л.Ф. 302, 350
Ильяков В.В. 357
Иноземцев Н.Н. 375
Иоанн (И.М. Снычев), митрополит 211, 370, 416, 452, 454, 503
Иоанн Кронштадтский (И.И.Сергеев) 367
Иоффе А.Ф. 273, 279
Исаев Г.А. 323
Исаев У.Д. 45.48
Исаков В.Б. 385
Исаков И.С. 225
Исраилов (Терлоев) Х. 206
Истрин В.М. 86
Итс Р.Ф. 417
Кабалоев Б.Е. 376
Кабахидзе А.К. 34
Каганович Л.М. 9.78, 79. 224, 237, 250, 258, 261, 262, 283, 299
Казакевич Э.Г. 291
Казаков М.Ф. 148, 187
Казьмин П.М. 289
Каланта Р. 338, 339
Калинин М.И. 15, 19, 30, 64, 76, 99, 102, 170, 178, 199, 225, 244, 245, 256
Калнберзиньш Я.Э. 312
Камалов С.К. 318
Камбилов Н. 371

Каменев Л.Б. 9, 27, 28, 33, 38, 40, 74, 75, 132, 156, 180, 435
Каммари М.Д. 239, 325
Капитанчук В.А. 361
Капитонов И.В. 335
Капица П.Л. 145, 265
Капустин М.П. 253, 442
Капустин Я.Ф. 253
Карамзин Н.К. 72, 348
Кара-Мурза С.Г. 222, 330, 439, 503
Карелин Ф.В. (Н. Радугин) 362, 363
Кари Л. 233
Карл XII 192
Карп П.М. 440, 441, 458
Карпинский А.П. 265
Карпов Б.Л. 368
Карталуччи Г. 382
Картер Дж. 352, 364
Карякин Ю. 354
Катаев И.И. 146, 147, 322
Катков М.Н. 367
Каутский К. 418
Кауфман К.П. 213
Кафка Ф. 251
Кацман Е.А. 136
Качура Я. 152
Квитко Л.М. 257, 298
Кедров Б.М. 290
Керенский А.Ф. 8, 149
Керженцев П.М. 94, 130, 131
Кибрик А.Е. 461
Кизеветтер А.А. 67
Ким Ир Сен 294
Киплинг Д.Р. 289
Кириенко С.В. 392
Кирилл (В.М. Гундяев), патриарх 395
Кириллов В.Т. 90
Кириченко А.И. 301
Киров С.М. 27, 63, 70, 106, 127, 156, 170, 257
Кирпотин В.Я. 274
Кирсанов С.И. 65
Киршон В.М. 54
Киссинджер Г. 382, 507
Киссинджер Г.А. 507
Климов Г.П. 503
Клинтон Б. 512
Клыков В.М. 503
Клычков (Лешенков) С.А. 74
Клюев Н.А. 74
Клюева Н.Г. 270, 271
Ключевский В.О. 67, 128, 129, 213, 348
Кобзев И.И. 323, 368, 370, 371
Ковалев С.А. 348

Ковалевский В.О. 143
Ковалевский П.И. 416, 517
Ковпак С.А. 204
Коган Б.Б. 259
Коган П.Д. 63
Кожин В.И. 381
Кожин В.В. 368, 372, 374, 503
Козинцев Г.М. 270
Козлов В.И. 170, 215, 246, 326, 395, 427
Кокос Х. 72
Кокошкин Ф.Ф. 475
Коларов В. 200
Колбин Г.В. 378
Коллонтай А.М. 140
Колчак А.В. 17
Кольцов А.В. 89, 113
Кольцов М.Е. 60, 155
Конев И.С. 224, 225, 249
Константинов И.В. 385, 405
Константинов Ф.В. 280
Кончаловская Н.П. 323
Копелев Л.З. 95
Корепанов В. 380
Коржавин Н.М. 244
Корин П.Д. 367
Корнейчук А.Е. 154
Корнилов В.А. 502
Коровин Е.А. 281
Корчак А.А. 353
Косиор С.В. 83
Костиков В.В. 245, 469
Костомаров Н.И. 348
Костылев В.И. 188
Костырченко Г.В. 169
Косыгин А.Н. 204, 334, 338
Косынкин П.Е. 259
Котенко С.Г. 368
Кох К. 400
Кочетов В.А. 350, 370
Кошен О. 362
Кравцев И.Е. 239, 325
Кравцов Н.И. 86
Кравчук Л.М. 305, 385
Красин В.А. 351
Красин Л.Б. 351, 434
Краснов-Левитин А.Э. 361
Кржижановский Г.М. 145
Кристиан Р.С. 510
{612}
Круминыч В.К. 302, 313
Крупин В.Н. 375
Крупская Н.К. 35

Крылов А.Н. 145
Крылов И.А. 187
Крюков В.В. 248, 250
Крючков К.Ф. 155, 269
Кудрявцев В.В. 490
Кудрявцев М.П. 358, 359, 368
Кудюкин П.М. 375
Кузнецов А.А. 251—253, 283
Кузнецов В.И. 248
Кузнецов Н.Г. 224, 250
Кузнецов Ф.Ф. 503
Кузнецов Ю.П. 503
Кузьмин А.Г. 458
Куйбышев В.В. 27, 36
Кулик Г.И. 249
Куличенко М.И. 331, 417
Кульчицкий М.В. 65
Кунаев Д.А. 341, 378
Куняев С.С. 114
Куняев С.Ю. 114, 246, 368, 371, 503
Кураев А.В. 212
Курашвили Б.П. 237
Кургинян С.Е. 422
Курнаков Н.С. 86
Курчатов И.В. 273 КутС. 205
Кутузов М.И. 59, 148, 151, 153, 155, 193, 198
Куусинен О.В. 176, 273, 325
Куценко Н.А. 368
Лависс Э. 142, 143
Лавров П.Л. 6, 7, 8
Лавуазье А.Л. 266
Лазаревский Н.И. 475
Лазутин И.Г. 371
Ландау Л. Д. 273
Ландау М. 353
Ланшиков А.П. 368, 375
Лариков Ю.М. (В. Ушкуйник) 365
Ларуш Л. 279
Лебедев-Кумач В.И. 289
Лебедев П.Н. 143, 265
Лебедь А.И. 389, 515
Левин Ф.М. 287
Левитан И.И. 437
Лежнев И.Г. 146
Лейбниц Г. В. 276
Ле (Мойся) И.Л. 152
Ленин В.И. 6, 8, 10, 11, 13-19, 22, 23, 25, 27-31, 33, 35, 36, 38, 40, 51, 52, 55, 61, 64, 73, 81, 96—98, 100, 101, 106, 113, 121, 125, 126, 128, 135-138, 142, 143, 144, 157, 170, 180, 181, 199, 213, 215, 224, 239, 241, 243, 244, 269, 275, 297-299, 304, 310, 323, 339, 356, 357, 407, 418, 420, 433-435, 440, 441, 442, 444, 447, 453, 474, 476, 478, 479, 483, 492, 504, 511, 512
Леонов Л.М. 323, 367, 374
Леонтьев К.Н. 367

Лепешинская О.В. 226
Лермонтов М.Ю. 21, 88, 90, 113, 152, 187
Либкнехт К. 199, 212
Лигачев Е.К. 355
Лимонов Э.В. 503
Линкольн А. 449
Литвинов М.М. 84, 172, 199
Лихачев Д.С. 496, 497
Лихачев Н.П. 67, 68
Лихоносов В.И. 503
Личутин В.В. 503
Лобанов М.П. 323, 372, 375, 503
Лобачевский Н.И. 126, 143, 187, 265, 266
Лозовский С.А. 283
Ломоносов М.В. 69, 104, 126, 198, 265, 266
Лосев А.Ф. 375
Лужков Ю.М. 140
Лузин Н.Н. 144, 145
Луков Л.Д. 270
Лукомский П.Е. 261
Лукьяненко Л.Г. 314
Лукьянов А.И. 430
Луначарский А.В. 52, 53, 61, 77, 89, 97, 98, 125
Лысенко Т.Д. 272, 273
Лысов П.А. 385, 405
Львов Г.Е. 8
Любавский М.К. 67, 68
Любимов М.П. 401
Любомиров П.Г. 67
Любомудров М.Н. 368
Любченко А.П. 80, 81
Людвиг Б.А. 232
Люксембург Р. 24, 133, 199, 212
Ляпунов А.М. 86, 265
Ляпунов Б.М. 86
Мабли Г. М.де 276
Майский И.М. 199
Макагон С. 232
Макаров С.О. 187, 371
Маклаков В.А. 377
Максимов А.Н. 413
Максимов В.Е. 503
Маленков Г.М. 66, 160, 162, 179, 183, 195, 204, 224, 249, 250- 254, 257—262, 268, 284, 285, 292, 296, 435
Малиновский Р.Я. 224, 225
Мальшев В.А. 259
Мальшев Н.Г. 461, 462
Малюгин Л.А. 284, 287
Мамлеев Ю.В. 503
Мандельштам А.М. 410
Мандельштам О.Э. 251
Маннергейм К.Г. 176

Мануильский Д.З. но, 256
МаоЦзэдун 294
Мариенгоф А.Б. 320
Маркиш П.Д. 257
Маркиш Ш. 242
Марков А.Я. 323, 359
Маркони Г. 266
Маркс К. 6, 9, 20, Ю1, Ю7, 128, 135, 142, 180, 181, 199, 238, 297, 414, 444, 476, 479
Март Н.Я. 87, 91, 92, 95, 99, 295-297
{613}
Марченко А.Т. 353
Марчук Г.И. 355
Маршалл Д. 383
Масленникова И.И. 226
Масхадов А. А. 389, 390
Маторин Н.М. 68
Матросов В.А. 337
Матюшкин Н.И. 239, 325
Махарадзе Ф.И. 27
Махнач В.Л. 456
Машбиц-Веров И.М. 90
Машкова В.Е. 360, 361
Маяковский В.В. 90, 91, 143, 187, 358, 359
Мдивани П.Г. 27, 34
Медведев Д.А. 384, 408
Медведев Ж.А. 211, 241, 242, 345
Медведев Р.А. 195, 242, 345, 353
Меерсон (Меир) Г. 254, 255, 256
МейерК. 278
Мейерхольд В.Э. 89, 322
Мельникова С.А. 359, 360
Мельников Л.Г. 301
Менделеев Д.И. 126, 143, 198, 265
Мендешев С.М. 48
Мерецков К.А. 225
МеркадерР. 177
Мехлис Л.З. 9, 64, 125, 155, 160, 168, 178, 197, 205, 240
Мечников И.И. 187, 265
Мещанинов И.И. 91
Мжаванадзе В.П. 316, 337
Микоян А.И. 36, 224, 252, 253, 257, 258, 262, 480
Миллюков П.Н. 149, 154, 277
Минин К.М. 59, 63, 72, 103, 151
Минц И.И. 103, 186
Мирзаханов И.А. 250
Митерев П.А. 270
Митрохин Н.А. 357
Михайлов А. 115
Михайлов А.А. 503
Михайлов Г. 355
Михайлов О.Н. 368
Михалков Н.С. 503

Михалков С.В. 323, 503
Михоэлс (Вовси) С.М. 254, 255, 300, 321
Мичурин И.В. 265
Моджорян Л.А. 365
Модржинская Е.Д. 10
Можаев Б.А. 369, 371
Моисеев И.А. 226
Моисеев Н.Н. 447, 466
Моисей, пророк 488, 489
Мокроусов Б.А. 212
Молоствов М.М. 355
Молотов В.М. 27, 31, 66, 78, 125, 128, 130, 145, 158, 168-170, 172—174, 183, 191, 200, 201, 204, 205, 224-226, 239, 249, 250, 252, 256-258, 261, 262, 264, 274, 315
Молочников Н.В. 255
Молчанов И.Н. 59
Монро Дж. 277, 278
Монтгомери Б. 234
Морозов Г.И. 254
МортинФ.Г. 234
МунблитГ.Н. 290
Мурадели В.И. 270
Мусоргский М.П. 143, 199
Муссолини Б. 171
Мустафаев И.Д. 303, 312
Мухитдинов Н.А. 318, 325
МякшевА.П. 304
Мяло К.Г. 426
Мясковский Н.Я. 270, 322
Мясников А.Л. 261
Мясников А.Ф. 28
Нагибин Ю.М. 21
Назаров М.В. 503
Наполеон Бонапарт 59, 60, 191, 192
Нариманов Н.Н. 30
Нарочницкая Н.А. 426, 431
Нахимов П.С. 59, 187, 198, 502
Нахимсон С.М. 199
НевежинВ.А. 223
Недогонов А.И. 289
Неизвестный Э. 354
Некрасов Н.А. 63, 88, 113
Ненашев М.Ф. 432
Нестеров Ф.Ф. 370
НечкинаМ.В. 58, 59, 136, 186, 213, 325
Николай II 154, 383
Николай (Б.Д. Ярушевич), митрополит 209
Никонов А.А. 313
Никонов А.В. 368, 369, 372
Никонов В.А. 496
Новгородцев П.И. 414
Новиков А.А. 224, 226, 248
Новиков И.А. 188

Новиков-Прибой А.С. 152, 187, 188
Новодворская В.И. 349, 454
Ноздрев В.Ф. 196
Ной 295
Носов Е.И. 374
Нудельман Р. 241, 243
Нурова С. 417
Нусинов И.М. 274
Овечкин В.В. 268, 319
Овчаренко Ф.Е. 369
Овчинников И.В. 360
Огородников А.И. 361
Огурцов И.В. 345-347
Ожукеева Т.О. 122
Октябрьский Ф.С. 225
Окуджава Б.Ш. 57
Окуджава М.С. 28, 34
Ольшанский Д.В. 459
Омеров М.Х. 310
Орахелашвили М.Д. 38
Орджоникидзе Г.К. (Серго) 28, 34, 35, 41, 255, 375
Орешин П.В. 74
Орлов Б.Н. 371
Орлов Ю.Ф. 353
Ортенберг Д.И. 198, 240
Оруэлл Дж. 90
Осетинский О. 382
Осетров Е.И. 368
{614}
Осипов В.Н. 345, 347, 357-361, 363
Осипов Г.В. 490, 491
Оттен Н.Д. 287
Охлопков Н.П. 153

Павел, апостол 21, 360
Павлов В.С. 400
Павлов Е.А. 453, 507
Павлов И.П. 187, 198, 265
Павлович А.И. 86
Павлов Н.А. 385, 405, 491, 492
Павлов-Сильванский Н.П. 128
Паин Э.А. 436
Паламарчук П.Г. 368
Палиевский П.В. 367, 368
Палькин Н.Е. 372, 375
Панарин А.С. 351
Панкратова А.М. 186, 213
Панова В.Ф. 319, 320
Панферов Ф.И. 321
Паперный З. 274
Паперный З.С. 274
Парин В.В. 270

Пастернак Б.Л. 289, 319
Пастухов Б.Н. 369
Патацкас А.-В.А. 355
Патоличев Н.С. 283, 301, 302
Первенцев А.Л. 350
Первухин М.Г. 258, 262
Пересыпкин И.Т. 226
Перетц В.Н. 86, 87
Перов В.Г. 151
Пестковский С.С. 24
Петелин В.В. 372 Петр I 8, 70, 150, 152-155, 188, 198, 271, 477, 502
Петров В.В. 266
Петров В.М. 150
Петров И.С. 120
Петровский Г.И. 30, 83
Петрянов-Соколов И.В. 367, 368
Печенев В.А. 443, 470
Печерин В.С. 74, 75
Пивоваров Ю.С. 380
Пикуль В.С. 371, 503
Пилсудский Ю. 79
Пильняк (Вогау) Б.А. 322
Пименов Р.И. 355
Пирогов Н.И. 198, 265
Пихоя Р.Г. 403
Пичета В.И. 67, 68, 128, 141
Платов М.И. 59
Платон 72
Платонов О.А. 339, 341
Платонов С.Ф. 67, 68, 128, 142
Плеве В.К. 149
Плеханов Г.В. 55, 118, 199, 265, 356
Плоткин Л.А. 274
Победоносцев К.П. 367
Подберезкин А.И. 428
Подрабинек А.П. 353
Пожарский Д.М. 59, 63, 72, 103, 151
Покровский М.Н. 51, 56-60, 69, 70, 73, 91, 92, Ю2, —104, 107, 127-129, 141-143, 154, 180, 215, 282
Ползунов И.И. 266
Поликарпов Ф. 515
Поликарп (Сикорский), епископ 208
Полозков С.А. 385, 405
Померанц Г.С. 135, 195, 437
Померанцев В.М. 319, 320
Пономаренко П.К. 261
Понтрягин Л.С. 145
Попков П.С. 198, 199, 252, 253
Попов А.С. 126, 187, 265, 266
Попов Г.М. 283, 285
Попов Г.Н. 270
Попов Г.Х. 324, 382, 402, 436, 443

Поповский А.Д. 265, 266
Поскребышев А.Н. 258, 259, 297
Поспелов П.Н. 160, 262, 284, 285
Постышев П.П. 80—82
Потемкин В.А. 186
Потемкин В.П. 142
Потехин Ю.Н. 412
Преображенский Е.А. 23
Пржевальский Н.М. 265
Пригожина А.Г. 129
Прийма К.И. 323
Прилуцкий В.И. (Ибрагимов Л.) 363
Прокопович С.Н. 413, 414
Прокофьев С.С. 212, 270, 322
Прокушев Ю.Л. 368, 372
Протопопова А.Н. 236
Проханов А.А. 402, 449, 503
Пугачев Б.М. 469
Пугачев Емельян 152
Пудовкин В.И. 270
Пузинский В.Ф. 67
Пуришкевич В.М. 149, 154
Путилов А.С. 67
Путин В.В. 384, 494
Пушкин А.С. 88—90, 113, 126, 142, 143, 150, 155, 187-189, 239, 274, 290, 346, 414, 437, 502, 513
Пырьев И.А. 289
Пыхалов И.В. 222
Пятаков Г.(Ю.)Л. 8, 24, 133, 156, 269, 277
Пятницкий В.И. 76
Пятницкий И.А. 76
Рабинович Я.И. 247
Радек К.Б. 9, 127, 128, 133, 156
Радзиховский Л.А. 467, 468
Радищев А.Н. 187, 276
Радуев С.Б. 389
Раевский Н.Н. 59
Раковский Х.Г. 27, 29, 33, 37, 38, 480
Рамбо А. 142, 143
Рамзин Л.К. 72, 134
Ранненкамф 149
Рапорт Я.Л. 10
Рар А.Г. 402
Распутин В.Г. 369, 371, 374, 447, 458, 503
{615}
Распутин (Новых) Г.Е. 61
Рассел Б. 278, 279, 381
Расторгуев П.А. 86
Растрелли В.В. 90
Ратушинская И.Б. 355
Рафаэль Санти 90
Рахманинов С.В. 143
Рашидов Ш.Р. 318, 319, 337

Реденс С.Ф. 255
Рейган Р. 235, 355
Рейзен М.О. 226
Рейналь Г. Т. 277
Рейно П. 172
Рендель Л.А. 359
Ренненкамф П.К. 149
Репин И.Е. 89, 143, 151, 187
Реформатский А.А. 296
Ржига В.Ф. 86
Риббентроп И. 173.174. 183
Римский-Корсаков Н.А. 89, 143
Рогозин Д.О. 426, 427
Родион Ослябя 59
Родионов В.С. 361
Родионов М.И. 251, 253
Рождественский С.В. 68
Розанов 361, 362
Розанов В.В. 367
Розенберг А. 210
Розов В.С. 503
Рокоссовский К.К. 160, 224, 225, 249
Рокфеллер Д. 400
Романов Б.А. 68
Роммель Э. 233
Ромм М.И. 350
Роскин Г.И. 270, 271
Росси К.И. 148
Ротмистров П.А. 226
Ротшильд Д. 382
Рошаль С.Г. 199
Рубин В. 353
Рубинштейн Н.Л. 213
Рубцов Н.М. 374, 385, 503
Руденко Р.А. 335
Рузвельт Ф. Д. 199, 233, 234
Рузвельт Э. 232
Рунин Б.М. 290
Русланова Л.А. 248, 359
Руссо Ж. Ж. 276
Рухадзе Н.М. 259
Руцкой А.В. 408
Рыбаков Б.А. 367
Рыбалко П.С. 249
Рыбальченко Ф.Т. 249
Рыжиков Г.В. 374
Рыжков Н.И. 432, 493
Рыков А.И. 34, 38, 132-134, 156-158
Рыскулов Т.Р. 37, 45
Рюмин М.Д. 257, 258, 259
Рютин М.Н. 156
Рязанов Д.Б. 45

Сабуров М.З. 258, 262
Садовский А. 137
Садо М.Ю. 346, 347
Самурский Н. 46—48
Сафронов С.А. 464
Сахаров А.Д. 341, 345, 348, 349, 352-354, 355
Сахаров А.Н. 403
Сахаров В.А. 31
Сахновский В.Г. 274
Светлов М.А. 268
Свиридов Г.В. 503
Седов Г.Я. 187
Селезнев Ю.И. 372, 375
Селектор М.З. 290
Селин Л.Ф. 289
Селищев А.М. 86
Сельвинский И.Л. 188, 268, 269
Семанов С.Н. 170, 323, 350, 359, 367-369, 372, 374, 375
Семенов Н.Н. 279
Семенюк В.А. 365
Семушкин Т.З. 289, 321
Серафим Саровский (П. Мошнин) 155, 367
Сергеев-Ценский С.Н. 152, 187-188, 323
Сергий (Д.Н. Воскресенский), митрополит 209
Сергий (И.Н. Страгородский), патриарх 192, 193, 209, 210
Сергий Радонежский 155, 367, 490, 502
Сердич Д. 160
Серебряков Г.В. 368, 371
Серов В.А. 143
Сеченов И.М. 187, 265
Сивков С.П. 120
Сидоров А.С. 462
Сидоров В.Н. 86
Сидоров П.И. 120
Сикорский В. 205
Симон Г. 489
Симонов К.М. 151, 152, 212, 220, 271, 276, 320, 321
Симонов Н.К. 150
Синявский А.Д. 346, 384
Склянский Э.М. 26, 434
Скобелев М.Д. 59, 213, 267
Скрышник Н.А. 27, 33, 36, 81-83
Скурлатов В.И. 363—365
Слуцкий А.И. 199
Смеляков Я.В. 323
Смирнов А.П. 156
Смирнов Е.И. 260
Смирнов Н.П. 323
Смит У. 270
Соболев Л.С. 65, 322, 323
Собчак А.А. 402
Соколова В. 154

Соколова-Пятницкая Ю.И. 76
Соколовский В.Д. 248, 249
Соколов Ю.М. 86
Сокольников Г.Я. 28, 156
Солженицын А.И. 203, 244, 247, 345, 348, 35°—353, 355, 362, 363, 371, 384, 428, 442, 445, 461-463, 488, 503
Соловьев В.А. 188
Соловьев Вл.С. 68, 348, 375
Соловьев-Седой В.П. 212 Соловьев С.М. 67, 128, 213, 348
СолодубП. 29
{616}
Соломенцев М.С. 338, 340
Соломин Ю.М. 503
Солоневич И.Л. 194
Солоухин В.А. 323, 367, 371, 374, 503
Сорокин В.В. 370
Сорокин П.А. 421, 471, 475
Сорос Дж. 447
СофроновА.В. 289, 321, 323, 350, 503
Сперанский Г.Н. 87
Сперанский М.Н. 86, 87
СтаднюкИ.Ф. 323, 503
Сталин И.В. 8, 15, 17, 21-24, 27-29, 31-33, 35-37, 40, 43, 44, 50, 55, 64-66, 69-71, 73, 75-79, 81-85, 88, 92, 98, 99, Ю1, 103, 106—109, 118, 120, 121, 123-128, 131-144, 146, 150, 153, 154, 156-158, 168, 170-173, 176—181, 183, 191-193, 195, 199, 200, 203—205, 208, 209, 212—215, 217, 219, 222-228, 232, 234, 236-243, 245-246, 248-266, 270, 273, 275, 280, 283-285, 291, 293-300, 304, 311, 315, 316, 320-324, 345, 350, 351, 356, 378, 407, 416-419, 423, 430, 433-435, 440-442, 447, 451, 461, 472-474, 476, 480, 486, 493, 518
Старовойтова Г.В. 454
Старшинов Н.К. 323
Степанов А.Н. 152, 188
Степанов Г.А. 250
Степаняна. 341
Стерн Л. 276
Строев Е.С. 484
Струве Н.А. 363
Струве П.Б. 495, 496, 502, 504, 505
Стучка П.И. 10
Субоцкий Л.М. 267—268, 287
Суворов А.В. 151-153, 155, 193, 198, 199, 371, 502
Судоплатов П.А. 168
СулимовД.Е. 138
Султан-Галиев М.Х. 29, 33, 35-37, 43
СуницаЛ.Б. 132
Суриков В.И. 89, 143
Сурков А.А. 131, 212
Суров А.А. 289, 291, 350
Сусанин И.О. 151, 154
Суслов М.А. 263, 283, 318, 325, 334, 370
Сутырин В.А. 290
Сухов Ф.Г. 323
Сычев Н.П. 86

ТабалдиевА. 417
Тавадов Г.Т. 462
Тадевосян Э.В. 417
ТаджиевА. 122
Таиров А.Я. 129, 131
Таль Б.М. 108, 128
Тамм И.Е. 273
ТанюкЛ.С. 314
ТареевЕ.М. 261
Тарле Е.В. 67, 68, 128, 143, 168, 186, 213, 267
Тарсис В.Я. 346
Тартаковский Ж. 170
Татищев В.Н. 348
Твардовский А.Т. 212, 267-269, 319, 320, 369
ТвердохлебовА.Н. 350
Тельман Э. 212
Тендряков В.Ф. 369
Тиле А. 401
ТимашукЛ.Ф. 258
Тимирязев К.А. 187, 265
Тимошенко С.К. 183, 224, 225
Тито И.Б. 66, 294
Тихомиров М.Н. 186
Тихон (В.И. Беллавин), патриарх 209
Тишков В.А. 408
Ткачев П.Н. 6, 7, 8
Толбухин Ф.И. 224, 225
Толмачев В.Н. 156
Толстой А.Н. 70, 146, 147, 150, 152, 187, 188, 212
Толстой Л.Н. 88, 89, 143, 187, 188, 502
Толстых В.И. 438
Томсинский С.Г. 129
Томский М.П. 133, 156, 158, 480
Топоров В.Л. 245
Трауберг Л. З. 270, 287
Тренев К.А. 188
Трибуц В.Ф. 225
Троцкий Л.Д. 8, 9, 15, 23, 24, 28, 31, 33, 34, 40, 44, 51, 52, 54-56, 81, 101, 106, 108, 112, 113, 123, 132, 134, 146, 149, 157, 176, 177, 180, 231, 237, 240, 261, 277, 405, 407, 419, 430, 434, 435, 437, 442, 444, 447
Трубецкая В.В. 86, 87
Трубецкой В.С. 86, 87
Трубецкой Н.С. 86, 87, 411, 412, 416, 497
Трумэн Г. 233-235, 256, 281
Тряпкин Н.И. 503
Турсунов Х. 318
Турчин В.Ф. 350
Тухачевский М.Н. 52, 157
Тучков А.А. 59
Тычина П.Г. 304
УаттДж. 266
Уборевич И.П. 157

Уваров С.С. 489
Угрюмов Г.И. 151
Уланова Г.С. 226
Ульянов Н.И. 377
Умеров С.А. 310
Урицкий М.С. 199
Устрялов Н.В. 412, 413
Усубалиев Т.У. 302
Ушаков Ф.Ф. 187, 198
Ушинский К.Д. 187
Уэллс Г. 19, 20, 279
Уэллс Г.Д. 279
Фадеев А.А. 131, 147, 271, 274, 276, 283, 284, 291, 321, 322
Фадин А.В. 375
{617}
Фалалеев Ф.Я. 226
Фалин В.М. 233
Фальконе Э.М. 437
Федоренко Я.Н. 226
Федоров В.Д. 323
Федоров В.П. 463, 464
Федоров Е.А. 512
Федоров Н.Ф. 362, 375
Федотов Г.П. 348
Федюнинский И.И. 248
Фельдман Б.М. 160
Фест Г. 240
Фефер И.С. 255, 257, 298
Филатов С.А. 345
Филипп (Ф. Колычев), митрополит 502
Филофей, архиепископ 209
Филофей, монах 489
Финкелшттейн А.З. 290
Фирсов В.И. 371
Флоренский П.А. 144, 375, 447, 490
Фокин В.П. 385
Фонвизин Д.И. 437
Форш О.Д. 188
Фрадкин В.А. 9
Франко Б.Ф. 294
Франк С.Л. 348
Францев Ю.Г. 285
Френкель Н.А. 437
Фридлянд Г.С. 70, 129
Фриче Г. 184
Фроянов И.Я. 510
Фрумкин А.А. 279
Фрунзе М.В. 33, 52
Фрыгин Г.И. 366
Фурман Д.Е. 439
Фурсов А.И. 406
Хавкин Ю.Л. 375

Халиков М.Д. 46, 48
Хам 295
ХансуваровИ. 97
Харитон Ю.Б. 273
Хасбулатов Р.И. 21, 403
ХацкевичА.И. 122, 125
Хачатурян А.И. 270, 322
Хвьиловой Н.К. 43
ХвьиляА.А. 80, 81
ХиранумаК. 174
Хисс Э. 233
Хлобустов О.М. 234
Хмелько М.И. 223
Ходжаев Ф. 42
Ходжанов К.С. 77
Ходжа Э. 262, 294
Ходорковский М.Б. 382
Холодов Е.Г. 284
Хомяков А.С. 72
Хорев Б.С. 427
Хорунжий (Глебов) С. 362
Хохлов Н.Е. 252
Хо Ши Мин 294
Хруничев М.В. 366
Хрущев Н.С. 121, 196, 224, 238, 258, 260, 261, 262, 269, 295, 301-303. 305, 315.320, 322, 325-328, 335, 356, 383, 400, 416, 420, 447, 462
Хрущев С.Н. 305
Худяков С.А. 226, 248
Цамерян И.П. 417
Цвигун С.К. 354, 366
Цейтлин А.Г. 274
Цинцадзе К.М. 28
Ципко А.С. 19, 442, 511
Цицианов П.Д. 518
Цукерман Б.И. 363
Цыбин В.Д. 369
Цюрупа А.Д. 38
Чаадаев П.Я. 438
Чавчавадзе А.Г. 518
Чайковский П.И. 89, 143, 187
Чаковский А.Б. 246
Чалидзе В.Н. 349
Чалмаев В.А. 368, 369, 371, 372
Чан Кайши 294, 365
Чаплыгин С.А. 145, 265
Чапыгин А.П. 152
Чарквиани К.Н. 296
Чебриков В.М. 355
ЧебышевП.Л. 265
Чемберлен Н. 171
Чепцов А.А. 298
Червяков А.Г. 30

Черненко К.У. 302
Чернов Д.К. 187
Чернов С.Н. 68
Черномырдин В.С. 387
Чернышевский Н.Г. 55, 126, 198, 265
Чернышев 362
Черняев А.С. 436
Черняев М.Г. 213
Черняк Я.З. 290
Черчилль У. 199, 217, 233, 250, 263, 278
Чехов А.П. 89
Чивилихин В.А. 366, 368, 371, 375
Чигирин И.И. 259
Чикобава А.С. 296, 297
Чичерин Б.Н. 26, 67, 434
Чичерин Г.В. 26, 67, 175, 434
Чубарь В.Я. 38
Чубарьян А.О. 403
ЧуевФ.И. 371, 442, 503
Чуйков В.И. 248, 249
Шаталин Н.Н. 262
Шафаревич И.Р. 345, 350, 361, 362, 503
Шахрай С.М. 464, 465, 466
Шахурин А.И. 248
Шварц А.Н. 154
Шварцман Л.Л. 257
Шварц С.М. 421
Шверник Н.М. 224, 261
Шебалин В.Я. 270, 322
Шеболдаев Б.П. 79
Шеварднадзе Э.А. 337, 342, 356, 446
Шевле М.В. 46
Шевцов И.М. 320, 323, 370, 371
Шевченко Т.Г. 314, 334, 335
ШелепинА.Н. 334
Шелест П.Е. 334, 338
ШепиловД.Т. 263, 274, 275, 284, 285, 305
Шереги Ф.Э. 438
Шерипов М. 206
{618}
Шестаков А.В. 141, 142, 417
Шешуков С.И. 368
Шиманов Г.М. 359.360, 361, 362, 363, 364
Шимелиович Б.А 257
Шишков В.Я. 152, 188
Шкерин М.С. 323
ШкирятовМ.Ф. 79, 170, 257
Шкловский В.Б. 89, 90
ШлихтерА.Г. 83
Шолохов М.А. 212, 323, 372-374
Шостакович Д.Д. 212, 270, 322
ШпиллерН.Д. 226

Штейн А.П. 271
Штеменко С.М. 226
Штерн Л.С. 257
Шукшин В.М. 359, 503
Шуленбург Ф. фон 209
Шумейко В.Ф. 469, 490
Шумский А.Я. 43, 83
Шуртаков С.И. 323
Шушкевич С.С. 385, 387, 446
Щаденко Е.А. 205
Щаранский А.Б. 353
Щелоков Н.А. 335, 336
Щепкин М.С. 187
Щербаков А.С. 170, 195, 196, 197
Щесняк И. 224
Щусев А.В. 60
Эйзенхауэр Д. 233—235
Эйзенштейн С.М. 154, 270
Эйнштейн А. 228, 240, 273, 279, 280
Эйсмонт Н.Б. 156
Эйхе Р.И. 121
Энгельс Ф. 45, 107, 135, 181, 325, 415, 442, 444, 476, 479
Эренбург И.Г. 93, 155, 212, 268, 291, 320, 370
Эрмлер Ф.М. 63
Эрстенюк Н.В. 82
Этингер Я.Г. 257
Эткинд А.М. 438
Эттингер Ш. 242
Юзефович И.С. 257
Юзовский Ю. (И. И.) 284, 287
Юмашев И.С. 225
Юсупов И. 327
Юсупов У.Ю. 139
Юткевич С.И. 270
Юшманов Н.В. 95
Явлинский Г.А. 484
Яворский М. 67, 80, 82
Ягода Г.Г. 79, 157, 170, 259, 405
Язов Д.Т. 212
Якир И.Э. 157, 351
Якир П.И. 351
Яковлев А.И. 68, 128, 186, 213
Яковлев А.Н. 355-357, 370-372, 375, 444
Яковлев Б.В. 287, 290
Яковлев Н.Д. 226, 250
Яковлев Н.Ф. 96—98
Якунин Г.П. 361
Ямщиков С.В. 503
Ян (Янчевецкий) В.Г. 152, 187, 188
Яновский Ю.И. 196, 320
Ярославский Е.М. 180
Ярцев Г.А. 114

Ясин Е.Г. 381
Яснов М.А. 308
Ященко А.С. 277, 410, 475
{619}

СОДЕРЖАНИЕ

5 Предисловие

13 Глава 1. Русский народ в национальной политике и идеологии 1917 — начала 1930-х годов

Запуск механизмов сближения и слияния наций (13) • Русские обязаны возместить другим народам неравенство? (19) • Выбор модели земшарной республики (22) • Генуэзская конференция 1922 года и идея автономизации СССР (25) • СССР как прообраз всемирной федеративной республики (30) • «Грузинский инцидент» 1922 года (34) • Как Султан-Галиев был пособником русского национализма (35) • Конституционное оформление СССР (37) • Развертывание федерации без русской составляющей (40) • «Ванька прет!» (44) • «Надо дать национальным культурам развиваться» (so) • Патриотами какого Отечества были большевики в 1920-е годы (51) • Самая опасная форма национализма? (54) • Как пытались забыть историю дореволюционной России (56) • «Обломовщина» — родовая русская черта? (61) • Революционаризм и русофобия (63) • Историки — зоологические националисты? (67) • Первые признаки поворота к традиционному пониманию Родины и патриотизма (69) • «Теперь у нас есть Отечество» (75) • Заявка на русское первенство в пролетарском движении (76) • Поворот в истории с коренизацией: «Кубанское дело» (77) • Выправление националистического уклона на Украине (80) • Угрозы Гитлера и закрепление поворота к патриотизму в СССР (83) • Осуждение национал-нигилизма в политике Коминтерна (85) • «Дело славистов» (85) • Посрамление утопизма в языковом строительстве (91) • ВЦКНА в борьбе за латинизацию письменности (95) • Начало делатинизации (98)

101 Глава 2. Русский народ и проблемы формирования советской исторической общности

Патриотизм как средство отражения внешней угрозы (101) • История и патриотизм — на острие политики (102) • Развенчание Энгельса (107) • Почему не была принята бухаринская трактовка общности (108) • Оформление федерации в Конституции 1936 года (115) • Безальтернативные выборы по новой Конституции (119) • Будущность наций и Конституция 1936 года (121) • История — великое оружие в борьбе за государственные интересы (127) • Чем были нехороши «Богатыри» Демьяна Бедного (129) • Как троцкисты-бухаринцы были национал-шовинистами (132) • Отличительные черты сталинской национал-большевистской политики (135) • Для чего понадобился «старший брат» (137) • Государственная идея в младших классах школы (141) • Заявка на русское первенство в мировой культуре (142) • Первая кампания по борьбе с «низкопоклонством» (144) • Троцкисты-бухаринцы: из «великодержавников» в «низкопоклонники» (146) • Заявка на необходимость борьбы с космополитизмом (146) • Достижения в разработке «русской темы» к концу 1930-х (148) • «Народ приветствует свое героическое прошлое» (149) • Как патриотизм отделяли от «кузьма-крючковщины» (153) • Превентивный удар по потенциалу «пятой колонны» (155) • Русский язык как средство общения на войне (163) • Информационное обеспечение новой национальной политики (167) • Национальные диспропорции и попытки их исправления (168) • Изменения в составе СССР в конце 1930-х годов (171) • «Интернационализм должен опираться на здоровый национализм» (178) • Основной вектор сталинской национальной политики: к государственному патриотизму (180) • Великая Отечественная: нашествие отражали все народы СССР (182) • Историки в борьбе за духовную мобилизацию народа на Победу (186) • Победа — результат национального чувств-

ва в «химически чистом» виде (189) • Причины переселения народов (201) • Легализация церкви — националистическая реформа? (208) • Границы отступления в духе «националистического нэпа» (212) • Национальные измерения Победы (215) • «За здоровье русского народа!» (223) • План Даллеса и заострение русского вопроса (228) • Проявление черт новой общности при Сталине (237) • Советские евреи в системе межнациональных отношений (239) • «Дела» маршалов и генералов (247) • «Ленинградское дело» — русское дело (251) • Михоэлс, Голда Меир и «дело» ЕАК (254) • «Мингрельское дело» и «дело врачей» (258) • Смерть Сталина и передел власти (260) • Начало послевоенной борьбы против «низкопоклонства» (262) • Внутривластные причины выступления против космополитизма (273) • Внешнеполитические причины борьбы с космополитизмом (277) • Пик и спад антикосмополитической кампании (282) • «Герои» борьбы с космополитизмом в самиздате (286) • Развенчание академика Марра (295) • Противодействие ассимиляции — контрреволюция? (297)

300 Глава 3. Политика по укреплению новой исторической общности в 1953-1985 годах

Десталинизация национальной политики и Лаврентий Берия (300) • Зачем Хрущев подарил Крым Украине? (303) • Первые последствия реабилитации репрессированных народов (305) • Национальные движения в союзных республиках (311) • Оформление русского национального движения (319) • Новое открытие «новой исторической общности» (323) • Как «новая общность» стала признаком «развитого социализма» (327) • Противоречия новой Конституции и «новой общности» (331) • Национальные возмущения и конфликты при «развитом социализме» (333) • Вызревание новой оппозиции: диссидентство (344) • Национал-патриоты, национал-коммунисты и «язычники» в диссидентстве (357) • «Память» (366) • «Русский клуб» и «Русская партия» (366) • Национальные конфликты накануне «перестройки» (375) • Незавершенность формирования новой общности — главная причина краха СССР (376) • Вырождение диссидентства (379)

385 Глава 4. Крушение СССР и поиск новых интеграционных идей в постсоветской России

Место крушения — Вискули (385) • На развалинах СССР (388) • Многообразие причин распада Советского Союза (398) • Постсоветская история начинается с пропаганды «российской нации» (407) • Из истории идеи единой советской общности (409) • Старые ошибки в национальном вопросе (420) • Противоречие в российском национально-государственном устройстве (431) • Русский вопрос — основная проблема современной России (433) • Русофобия постсоветских лет (437) • Национализм и империя как русофобские жупелы (446) • Все республики хороши, кроме Русской? (449) • Русская республика в проектах государственного переустройства (458) • «Национальные проблемы будут решаться на понимании нации как согражданства» (467) • Не всякий идеологический устой надежен (471) • Укрепление государственности — забота государственного деятеля (472) • Почему дореволюционные государствоведы не любили федерализма (475) • Унитаризм и централизм конфедеративного Союза ССР (476) • Архитектоника постсоветского федерализма (481) • Этнический федерализм — неустойчивое государство (483) • О пользе общегосударственной идеи (487) • Государства без патриотов не живут (494) • Лики современного патриотизма: красный, белый, русский (503) • Русская идея не противостоит российской (504)

514 Заключение

520 **Примечания.** К предисловию (520) • К главе 1 (521) • К главе 2 (536) • К главе 3 (572) • К главе 4 (577) • К заключению (606)

608 **Указатель имен**

Научно-популярное издание

Вдовин Александр Иванович

РУССКИЕ В XX ВЕКЕ. ТРАГЕДИИ И ТРИУМФЫ ВЕЛИКОГО НАРОДА

Корректор: *С.В. Цыганова*

Дизайн, верстка: *И.А. Вдовин*

Техническая подготовка и художественное оформление: *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Почтовый адрес:

129337, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:

127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 23.01.2013. Формат 70×100^{1/16}.

Гарнитура PT Serif. Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 39. Тираж 2500 экз. Заказ № С-284.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
представленного оригинал-макета

в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА»

«ПИК «Идел-Пресс»

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2

E-mail: idelpress@mail.ru